
PN517
V425
1886
v.1

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XL, № 2.

ИЗЪ ИСТОРІИ РОМАНА И ПОВѢСТИ.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Академика А. Н. Веселовскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ГРЕКО-ВИЗАНТІЙСКІЙ ПЕРІОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1886 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

I.

ИСТОРІЯ ИЛИ ТЕОРІЯ РОМАНА?

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ исторіи поэтическихъ родовъ есть своего рода послѣдовательность, не вездѣ одинаково выдержанная, затемненная иногда посторонними вліяніями, ускорившими или извратившими правильный ходъ развитія, но на столько прозрачная, что она производитъ впечатлѣніе законности. Какъ послѣдовательныя измѣненія быта и ростъ общественнаго и личнаго сознанія выражались въ новыхъ формахъ политическаго устройства, въ выдѣленіи научнаго міросозерцанія изъ миѳическаго, философіи изъ религіи, исторіи изъ эпоса — такъ выражались они и въ поэзіи, въ чередованіи ея формъ, обусловленномъ измѣненіями ея идеальнаго содержанія. Вездѣ, гдѣ мы въ состояніи наблюдать продолжительную литературную исторію, на первомъ мѣстѣ являются тѣ произведенія народной поэзіи, незнающей творца, которыя мы обыкли объединять именемъ эпоса, и надо перенестись къ другому концу развитія, чтобы встрѣтить тотъ особый рядъ повѣстей и разсказовъ, лишенныхъ традиціоннаго значенія и принадлежащихъ личнымъ авторамъ, которые назовутся новеллами, романами и т. д. Между ними и эпосомъ, въ опредѣленномъ выше значеніи этого слова, прошла цѣлая исторія, наполненная выдѣленіемъ — лирики и драмы. При какихъ условіяхъ совершилось это выдѣленіе?

Въ началѣ, въ праисторіи поэтическаго и вообще художественнаго развитія, слѣдуетъ предположить извѣстный синкретизмъ, не смѣшеніе, а отсутствіе различія между опредѣленными поэтическими родами, поэзіей и другими искусствами: нѣчто, до сихъ поръ живущее въ поэзіи народнаго обряда, какъ въ старогреческихъ народныхъ празднествахъ въ честь Діониса: поэзія поется и пляшется, сопровождается извѣстнымъ мимическимъ дѣйствомъ, выражающимъ тѣлодвиженіями эпическую канву пѣсни. Это, въ одно и то-же время, и эпосъ, и лирика, не отдѣленная отъ музыки, и драма: то и другое и третье, — понятое формально, какъ *формы* поэтическаго выраженія, которыя, наполненныя соотвѣтствующимъ содержаніемъ, выступятъ передъ нами послѣдовательно, какъ — эпосъ, лирика, драма. На первый разъ это — эпическій речитативъ съ лирическими порывами, обращеніями, припѣвомъ; драматическое дѣйствіе безъ драмы.

Изъ этого синкретическаго безразличія происходитъ, съ теченіемъ времени, рядъ выдѣленій. Выдѣляется, изъ связи съ пляской и драматической игрой, лирико-эпическая пѣсня, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ стараго миѳа, преданія, либо навѣянная какимъ-нибудь событіемъ, взволновавшимъ народныя симпатіи. Мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о нихъ по стилю гомерическихъ гимновъ (за вычетомъ ихъ художественной обработки), по средне-вѣковой кантиленѣ напр. о св. Фаронѣ, по сербскимъ и малорусскимъ историческимъ пѣснямъ-думамъ. Эпическій разсказъ, но глубоко захватывающій интересы, страсти пѣвца, потому патетическій. Такого рода пѣсня могла еще нѣкоторое время держаться при синкретическомъ обрядѣ, послѣ того какъ она уже выдѣлилась изъ его состава: на Фарейскимъ островахъ *плясали*, очевидно, мимически, пѣсню о пораженіи Сигурдомъ змѣя Фафнира, какъ въ Греціи—свадьбу Зевса и Геры, у Лонга — миѳъ о Панѣ и Сирингѣ.

Паѳосъ держится немногими поколѣніями; затѣмъ *настроеніе* замираетъ вмѣстѣ съ непосредственностью, но остается интересъ къ *содержанію* пѣсни: изъ лирико-эпической она становится эпи-

ческою, матеріаломъ не для пѣвца, а для сказителя. Таково отношеніе малорусскихъ думъ къ великорусскимъ былинамъ: надъ былиной никто не заплачетъ, какъ гомеровскій грекъ надъ разсказомъ Фемія и Демодока, какъ малороссъ надъ своею думой.

Эпическая пѣсня обособилась, ходитъ въ народѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Близкія лирическія симпатіи исчезли, не исчезъ интересъ къ разсказу: оторванныя, отдаленныя отъ живой памяти, пѣсни повторяются, искажаются, группируются вокругъ одного лица или событія, спѣваются около Сида, либо Ильи Муромца, либо битвы на Косовомъ полѣ. Такого рода полународные, полу-сознательные, т. е. личные своды-спѣвки, сохранились: они-то и могли лечь *въ основу* большихъ эпопей, при чемъ для насъ все равно — называются-ли эти эпопеи Иліадой и Одиссеей, либо Пѣсней о Роландѣ.

Ихъ появленіемъ заканчивается первый періодъ поэтическаго развитія: это какъ бы вѣнчаніе зданія, общій аккордъ, въ которомъ сведены всѣ мотивы, все міросозерцаніе предъидущей, эпической эпохи.

Эпопея предполагаетъ развитую эпику, т. е. богатство эпическихъ пѣсенъ, и не только богатство, но и извѣстное внутреннее единство, обусловленное единствомъ содержанія. Поютъ много и на всѣ лады лишь о томъ, что всѣхъ живо интересуетъ; это что-то и есть живой центръ эпики. Эпохи, слѣдующія за большими народными движеніями, за періодами борьбы, въ которой участвуетъ и слагается народное самосознаніе — такія эпохи даютъ обыкновенно и обильные эпическіе всходы. Эпика идетъ по слѣдамъ исторіи. Видѣть въ древнихъ эпическихъ пѣсняхъ — миѳы, пріуроченные къ землѣ, въ герояхъ — боговъ, облекшихся въ человѣческій, хотя еще грандіозный образъ, — означало бы идти противъ теченія: антропоморѳическій миѳъ (а о немъ только и можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ) слагается по образцу эпоса, а не наоборотъ; Гомеръ создаетъ греческихъ боговъ. Сходство миѳическихъ, эпическихъ, наконецъ сказочныхъ схемъ

не указываетъ необходимо на генетическую связь; и «въ Македоніи есть рѣка и въ Монмоусъ также рѣка; въ Монмоусъ ей зовутъ Вайя, а какъ зовутъ другая — совсѣмъ вышла изъ мой память; но это не большой бѣда; онѣ обѣ похожъ на другая, какъ два пальца на рука, и въ обѣ есть семга» (Генрихъ V, д. IV, сц. VII) — и тѣмъ не менѣе Македонія не Монмоусъ, какъ Генрихъ V не Александръ Македонскій. Сходство объясняется не генезисомъ одного мотива изъ другаго, а предположеніемъ общихъ мотивовъ, столь-же обязательныхъ для человѣческаго творчества, какъ схемы языка для выраженія мысли; творчество ограничивается сочетаніемъ данныхъ схемъ. Въ этомъ смыслѣ сказка можетъ быть на столько-же отраженіемъ миѳа, на сколько осадкомъ эпической пѣсни или — народной книги.

Характеристика такъ называемаго эпическаго міросозерцанія предложена была не разъ. Его черты извѣстны: общность умственнаго и нравственнаго кругозора, невыдѣленность личности; нѣтъ поэта, а пѣвецъ ото всѣхъ и за всѣхъ, поющій про то, что всѣмъ извѣстно и всѣхъ интересуетъ какъ могъ-бы спѣть всякій другой, а онъ лучше другихъ лишь потому, что ему болѣе другихъ дарованъ божествомъ даръ общаго слова — эпоса.

Я не развиваю въ подробности этихъ положеній, тѣмъ болѣе, что это было сдѣлано недавно Шпильгагеномъ съ картинностью романиста и односторонностью человѣка, для котораго весь эпосъ выразился типически — въ Гомерѣ.

Сравнивая положеніе современнаго романиста съ положеніемъ эпическаго пѣвца, Шпильгагенъ[1]) указываетъ на одно, по его мнѣнію, неоспоримое преимущество послѣдняго передъ первымъ: на чувство общности, «которое, обусловленное одинаковостью привычекъ семейной жизни, солидарностью общественныхъ интересовъ, единствомъ духовнаго кругозора у всѣхъ и каждаго, отъ царя до пастуха, дѣйствовало въ средѣ гомеровскихъ людей, какъ чисто-стихійная сила. Если походъ подъ Трою

[1]) Friedrich Spielhagen, Beiträge zur Theorie und Technik des Romans. Lpz. 1883, стр. 135 и слѣд.

въ самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто, въ чемъ теперь никто не сомнѣвается, то не надо было большаго краснорѣчія, ни велѣнія боговъ, чтобы побудить къ предпріятію греческія племена: они собрались и пошли на Трою, какъ въ осеннюю пору собираются стаи перелетныхъ птицъ, направляясь къ югу, ведомыя таинственнымъ, непреодолимымъ влеченіемъ. Если и былъ опредѣленный поводъ къ походу, то онъ имѣлъ не бо́льшее значеніе, чѣмъ для развитія давно подготовлявшагося недуга то, что медики зовутъ случайной причиной. Когда въ этой массѣ, одушевленной однимъ овладѣвшимъ ею чувствомъ, просыпается личная воля, её ставятъ у позорнаго столба, насильно вгоняютъ её въ общую волю, какъ то было съ Ѳерситомъ, либо она трагически сокрушается, какъ у Ахилла. Но и объ Ахиллѣ слѣдуетъ помнить, что его гнѣвъ вызванъ отобраніемъ у него Бризеиды, принадлежавшей ему по праву почетнаго дара, что онъ считаетъ себя, или лучше, *знаетъ* себя оскорбленнымъ въ глазахъ *другихъ*, и въ сравненіи съ этимъ мотивомъ паѳосъ оскорбленняго, любящаго сердца (сл. Ил. IX, 340—3) почти не имѣетъ значенія. Позднѣе, когда, по смерти Патрокла, ему приносятъ умилостивительные дары, онъ, отягченный страшнымъ горемъ, не даетъ большой или и никакой цѣны этому внѣшнему возстановленію своей чести; но Агамемнонъ и другіе князья сознаютъ этотъ актъ, какъ необходимый. Но всего характернѣе сознаніе самого героя, принимающаго утрату друга, какъ косвенную божью кару за гнѣвъ, побудившій его забыть свои прямыя обязанности передъ вождемъ войска и общественнымъ благомъ.»

Нераздѣльность индивидуальной и народной души у гомеровскаго человѣка указываетъ на особое положеніе и гомеровскаго пѣвца. Онъ по стольку и пѣвецъ, по скольку принадлежитъ своему обществу. «Онъ не созерцаетъ міръ изъ прекраснаго далека и лишь въ праздничной обстановкѣ, онъ живетъ въ немъ всецѣло и каждый день ему праздникъ. У него нѣтъ своего «музея», своего кабинета: первый же шагъ на пути художнической карьеры вводитъ его въ величественную мастерскую, отовсюду

освѣщенную солнцемъ греческой жизни, вторгающейся въ окна со всѣмъ богатствомъ своихъ образовъ и красокъ. Въ этой мастерской оно застаетъ много работниковъ, мастеровъ и учениковъ, всѣхъ за одною работой, которая станетъ и его дѣломъ и не подниметъ въ немъ вопросовъ о томъ: *что* и *какъ* дѣлать, потому что на то и другое уже отвѣтило ему готовое преданіе. Оно указало ему на прошлую исторію его народа, теряющуюся къ верху — въ золотыхъ облакахъ Олимпа, къ низу — въ поколѣніи современныхъ пѣвцу людей, «οἷοι νῦν εἰσιν». Что до способа выраженія, то оно дано ему въ напѣвахъ, унаслѣдованныхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ языкѣ, разработанномъ и во всѣхъ отношеніяхъ готовомъ для художественныхъ цѣлей; наконецъ, въ поэтическомъ методѣ, предуставившемъ для него: веденіе басни, соразмѣреніе и соединеніе частей въ одно цѣлое, цѣлесообразную смѣну свѣта и тѣни, красоту и необходимость контрастовъ, гармонію переходовъ и законы ретардаціи, необходимость эпизодовъ, — вообще всѣ тѣ средства, которыми эпическое творчество должно пользоваться свободно, если желаетъ достигнуть своей цѣли.

«Послѣднее и высшее, что отличаетъ гомерическихъ пѣвцовъ отъ современныхъ поэтовъ и въ чемъ послѣдніе могутъ особенно имъ позавидовать — это горделивое сознаніе, что они поютъ лишь про то, что ихъ публика желаетъ, о чемъ никогда не устанетъ слушать; радостная, постоянно наполняющая ихъ увѣренность, что всякій аккордъ, ими взятый, отзовется въ душахъ ихъ слушателей; что ихъ думы, чувствованія, впечатлѣнія не что иное, какъ думы, чувствованія, впечатлѣнія ихъ народа.

«Оттого въ ихъ устахъ воззваніе къ музѣ въ началѣ пѣсни, либо и въ серединѣ, когда богатство эпическаго матеріала ихъ одолѣвало, — это воззваніе — не фраза, а яркое выраженіе вѣрнаго, вытекшаго изъ фактовъ, сознанія: что они, единичные пѣвцы, черпаютъ свои пѣсни изъ рѣки, которой таинственные источники скрыты отъ ихъ глаза въ невѣдомой дали; что они передаютъ лишь то, что имъ было дано, издавна уготовлено, и

въ нихъ дѣйствуетъ сила, которой могучее дѣйствіе они не объясняли и не могли объяснить изъ личнаго дара, а относили, какъ все непонятное, на счетъ непосредственнаго воздѣйствія божества.

«Въ этомъ скромномъ отступленіи личности поэта за поэтическій геній всего народа, дѣлающій поэта лишь органомъ и глашатаемъ своего могущества, наравнѣ съ другими органами и глашатаями, и лежитъ объясненіе и возможность той идеальной, не тенденціозной объективности, въ цѣломъ и частностяхъ, которой мы удивляемся въ гомеровскихъ поэмахъ и которая на всегда недостижима для современнаго поэта.

«Говорить объ «идеѣ» гомеровскихъ поэмъ можно лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ Рафаэль понималъ свою святую «идею»: тотъ прототипъ, который онъ прозрѣвалъ своимъ духовнымъ окомъ и относительно котораго образъ, начертанный имъ на полотнѣ, являлся лишь какъ несовершенное воспроизведеніе. Тотъ прототипъ, наполнявшій всѣ желанія гомеровскаго пѣвца, есть именно міръ, понятый, какъ цѣлое, обнимающій жизнь людей и природы, охваченный во всей шири, отъ одного полюса къ другому, отъ выраженій героической силы до глубочайшей печали, какая только овладѣвала душею древняго человѣка; отъ вѣчнаго солнечнаго свѣта, обтекающаго высоты Олимпа — до ночи Тартара, куда никогда не проникаетъ лучъ Геліоса...

«Итогомъ всего сказаннаго будетъ заключеніе, что у поэта гомеровской поры нечего искать личнаго, ему принадлежащаго воззрѣнія на міръ и отношенія жизни. Онъ не столько поэтическій органъ своего народа, сколько органъ своего поэтическаго народа. У него нѣтъ выбора въ сюжетѣ, потому что сюжетъ ему данъ въ матеріалѣ преданій и миѳовъ, издавна выработанныхъ; у него нѣтъ выбора и относительно средствъ, которыя подсказаны ему установленнымъ поэтическимъ методомъ и обычнымъ до него пѣснопѣніемъ. Его герои — не его идеалы, а «представительные люди» его народа, въ которыхъ выразилась его сущность, какъ сущность божества въ различныхъ народныхъ богахъ. Вольно пѣвцу прибавить къ этимъ представительнымъ

образамъ ту или другую черту (что онъ, несомнѣнно, и дѣлалъ), но измѣнить ихъ до основанія онъ не могъ; доля его личнаго участія ограничивалась предпочтеніемъ, которое онъ могъ оказывать одному образу передъ другимъ, смотря по своему вкусу и поэтической наклонности. Во всемъ остальномъ его личное «я» исчезало въ объектѣ, отстраняя отъ себя всякую отвѣтственность за содержаніе и форму пѣсни, всякую критику со стороны слушателя, какъ несправедливую и непригодную, по скольку она основывалась на индивидуальной симпатіи или антипатіи. Его отношеніе къ дѣлу и къ публикѣ точно характеризуется словами Тилемаха къ матери, когда она проситъ Фемія оставить «печальную пѣсню» о «горестномъ возвращеніи изъ подъ Трои, уготованномъ Ахейцамъ Палладой Аѳиной»:

Какъ-же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.

(Од. I, 347—350).»

Это единеніе пѣвца и народа, это царство общей пѣсни при различныхъ, такъ сказать, стихійныхъ ея исполнителяхъ, было лишь фактомъ времени. Дальнѣйшій историческій процессъ велъ необходимо къ разъединенію, къ дизинтеграціи быта и міровоззрѣнія, къ выдѣленію изъ общей связи новыхъ сословныхъ и политическихъ группъ и обособленію личности въ сферѣ этихъ новыхъ формацій. Обобщая, такимъ образомъ, я, главнымъ образомъ, имѣю въ виду Грецію съ ея прозрачнымъ, менѣе прерваннымъ, чѣмъ въ другихъ средахъ, развитіемъ.

Обособленность личности означаетъ: ослабленіе чувства солидарности между общественной единицей и обществомъ, понятымъ всецѣло; иное пониманіе религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, чѣмъ ходячее въ большинствѣ; у единицы является свой особый, болѣе или менѣе ограниченный міръ, во всякомъ случаѣ не тождественный съ общимъ, иногда прямо ему противо-

положный; есть желаніе заявиться передъ этимъ общимъ, сосчитаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже чувство только что отвоеваннаго внутренняго міра съ его новыми откровеніями. Они просятъ исхода и находятъ его — въ личной философіи, объясняющей себѣ явленія жизни и міроустройства не совсѣмъ такъ, какъ учило о томъ общее религіозное преданіе, нерѣдко въ разрѣзъ съ нимъ; въ личной поэзіи, личной не въ томъ только смыслѣ, что она исходитъ изъ единицы, впервые ощутившей себя не сказителемъ общаго, всѣмъ извѣстнаго преданія, а творцемъ-поэтомъ, но и потому, что эта поэзія уйдетъ на долгое время въ анализъ собственнаго «я», его горя и радости, его порывовъ и разочарованій.

Таковъ генезисъ лирической поэзіи, но въ то-же время и драмы. Новый, личный поэтъ не могъ относиться къ содержанію древняго эпическаго преданія также, какъ пѣвецъ гомеровской эпохи: онъ на столько отчужденъ отъ него, на сколько, отчасти по крайней мѣрѣ, разложилъ его въ своемъ сознаніи, вложилъ въ него свою собственную душу. Пріученный къ самонаблюденію, къ анализу своей психики, онъ вносилъ его и въ тѣ традиціонные, миѳическіе разсказы, которые составляли основныя темы эпоса. Отъ этого получалось новое освѣщеніе: главный интересъ не сосредоточивался, какъ въ былое время, на событіи, а на участіи, которое принимало въ немъ то или другое лице, на ихъ мотивахъ и побужденіяхъ, на ихъ внутренней борьбѣ, однимъ словомъ на всемъ томъ мірѣ личности, который раскрытъ былъ новымъ прогрессомъ исторіи.

Слѣдствіемъ такого взгляда было, что иныя стороны общаго всѣмъ эпоса перестали привлекать вниманіе, другія выдвинулись на первый планъ: сюжеты для драмы, которая, съ точки зрѣнія содержанія, является продуктомъ разложенія эпоса подъ вліяніемъ личной мысли. За формой дѣло не стало: мы помнимъ мимическій, театральный элементъ народнаго обряда, изъ котораго выдѣлилась когда-то, отвѣчая зову времени, эпическая пѣсня; эта традиціонная форма пришлась теперь кстати; въ ней Эсхилъ,

Софоклъ и Эврипидъ выразили свое лирическое пониманіе древнихъ сюжетовъ миѳа.

Между Эсхиломъ и Эврипидомъ прошла, въ какихъ нибудь два поколѣнія, цѣлая исторія. Эсхилъ еще близокъ къ эпическому пониманію, его трилогіи обнимаютъ широкіе концы эпоса, и трагическая вина лежитъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, не въ отдѣльныхъ личностяхъ; преступленіе и кара посылаются божествомъ и мало обоснованы психически. Всё это мѣняется: для Еврипида все дѣло во внутренней драмѣ; не даромъ Аристотель назвалъ его наиболѣе трагическимъ изъ греческихъ трагиковъ: мотивъ миѳа является не болѣе, какъ психологической задачей; весь интересъ отданъ конфликту, происходящему въ личности, драма выростаетъ изъ нея, не извнѣ, — по велѣнію свыше.

Религіозное значеніе миѳа оттого умалялось, на что и указано было противниками Еврипида; въ поэтическомъ смыслѣ это былъ прогрессъ; что онъ не осуществился фактически, еще не говоритъ противъ вѣрности заключенія. Освобожденная отъ «вѣры угольщика» поэзія могла вращаться въ миѳахъ какъ спеціально-поэтическомъ матерьялѣ, измѣнять ихъ въ извѣстной мѣрѣ, пріобщить къ ходячимъ и тѣ, которые вначалѣ имѣли лишь значеніе мѣстнаго, не общественнаго вѣрованія (Пиндаръ); а это пріучило искать поэтическое содержаніе за предѣломъ древняго, условнаго преданія: не среди боговъ и героевъ, а у простыхъ смертныхъ, гдѣ комедія почерпала несложные мотивы своего смѣха, а эллинистическіе разскащики открывали иного рода струю: *поэзію личной жизни*, подъ вліяніемъ которой даже строгіе миѳы получили болѣе мягкое романтическое освѣщеніе.

То, что Эрдманнсдёрферъ назвалъ, можетъ быть, не совсѣмъ, точно, «періодомъ греческой *новеллы*», характеризуетъ этотъ поворотъ мысли. Къ нему неудержно вели историческія обстоятельства: упадокъ общественной жизни, ослабленіе національнаго самосознанія, отсутствіе прочныхъ кругозоровъ и общихъ цѣлей для народной дѣятельности — всё это порывало связь съ прошлымъ, съ его поэтической идеализаціей, уединяя человѣка, тѣмъ

болѣе поэта, въ самого себя, въ его внутренней міръ, откуда онъ попытается возстановить на свой страхъ болѣе или менѣе цѣльную картину внѣшняго міра: свой личный эпосъ (Ich-Epos), сказалъ-бы я, примѣняя терминологію Шпильгагена.

Таковы общественно-психологическія посылки, изъ которыхъ вытекли, на крайней границѣ древне-греческаго развитія, тѣ произведенія, которыя мы называемъ новымъ именемъ романовъ, тогда какъ Греки называли ихъ «драмами», «драматическими разсказами». Мы по другую сторону кряжа, за которымъ лежитъ общій всѣмъ эпосъ, съ его традиціонными сюжетами и носителями-пѣвцами. Въ романѣ все не традиціонно: поэтъ — сознательный творецъ своего сюжета, ему принадлежатъ и герои, обыкновенно влюбленные, занятые исключительно собою, своей любовью: любовь естественно становилась въ центрѣ интересовъ, ограниченныхъ личной жизнью; романисты отвѣчали лишь голосу времени. Вокругъ героевъ устраиваются другія дѣйствующія лица, служащія главнымъ образомъ къ ихъ развитію и освѣщенію, притянутыя къ центру, тогда какъ герой эпоса высится надъ своимъ міромъ такъ же естественно, какъ вершина во главѣ горнаго хребта. — Обстановка, въ которую вдвинуто дѣйствіе этихъ романовъ, двоякая: либо это широкіе горизонты, иногда удаляющіеся въ фантастическую даль, большія пространства, по которымъ движутся дѣйствующія лица; либо укромный уголокъ, уединенный въ море и природу. И здѣсь романисты были на высотѣ того настроенія, которое овладѣваетъ обществомъ подъ впечатлѣніемъ односторонне развитаго личнаго идеала: я разумѣю беззавѣтное стремленіе въ даль, томительное исканіе чего-то за тридевятью землями, какъ въ Александріи Псевдокаллисѳена, — либо тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ никогда ничего не искали, а теперь думаютъ обрѣсти покой и счастье: въ идилліи Лонга.

Теченія мысли, намъ хорошо извѣстныя: онѣ не разъ повторялись въ исторіи, находя себѣ идеальное выраженіе въ утопіяхъ, поэтическое въ идилліяхъ Астреи и Робинзона.

Въ этомъ смыслѣ Шлоссеръ былъ правъ, говоря, что исторію народа можно написать по его романамъ; я бы обобщилъ: по его поэтической литературѣ. Матеріалъ богатый и благодарный, если умѣть воздержаться отъ излишняго недовѣрія — и отъ крайней довѣрчивости къ бытовой подкладкѣ поэтической идеализаціи [1]).

Греческій языческій романъ не досказался до конца: онъ явился слишкомъ поздно, когда изсякли живыя поэтическія силы націи. Римляне его не досказали, подражатели, какъ всегда: Апулей лишь обработалъ сюжетъ греческаго разсказа, помѣстивъ въ немъ прелестный эпизодъ объ Амурѣ и Психеѣ, народную сказку, которую будутъ помнить и тѣ, кто поспѣшитъ забыть содержаніе романа. Онъ написанъ прозой; греческіе романы избрали эту болѣе реальную форму изложенія: ихъ проза принадлежитъ софистической школѣ, но она подъ стать сюжетамъ. Разрывъ эпоса съ исторіографіей также отмѣченъ водвореніемъ прозы — а романъ водворялъ въ литературѣ новый жанръ и интересы къ обыденному, хотя бы и опоэтизированному.

II.

Византійскій романъ явился внѣшнимъ, школьнымъ подражаніемъ греческому: тѣ-же положенія и типы, тѣ-же идеалы, которые жизнь давно оставила позади себя; новаго — стихотворная форма, указывающая на забвеніе стиля, да стремленіе къ простѣйшимъ сказочнымъ сюжетамъ, напр. въ эпизодахъ Ливистра и Родамны и въ Каллимахѣ и Хризорроѣ. Лишь на почвѣ христіанской легенды греческій романъ нашелъ продолженіе, отвѣтившее идеальной сторонѣ его задачи: явленіе, мало изученное до сихъ поръ, не смотря на старую популярность и своеобразную прелесть Климентинъ.

---

[1]) См. оцѣнку этихъ противоположныхъ увлеченій въ моихъ отчетахъ о книгахъ Роде (Журн. М. Нар. Пр. 1876, ноябрь, стр. 107—112, 116—118) и Шульце (Журн. М. Нар. Пр. 1882, іюнь).

Надо перенестись къ половинѣ среднихъ вѣковъ, чтобы снова встрѣтиться съ зарожденіемъ поэтическихъ разсказовъ, которые на этотъ разъ, дѣйствительно, хотя и нѣсколько случайно назовутся романами. Говоря о средневѣковой литературѣ, слѣдуетъ поступиться той идеей цѣльности, которую мы выносимъ напр. изъ изученія литературы греческой. Новымъ людямъ пришлось во многомъ начинать съизнова, но многое привнесено было и со стороны и вліяніе классическаго преданія опредѣлило формально или и ускорило ходъ естественной эволюціи. Тѣмъ не менѣе ходъ ея ясенъ и послѣдовательность та-же. Западные люди также начали съ эпоса, остатки котораго до сихъ поръ живутъ въ народной былевой пѣснѣ и синкретическомъ обрядѣ. У насъ есть свѣдѣнія о древнихъ лирико-эпическихъ кантиленахъ, и весьма вѣроятно, что эпическія пѣсни прошли черезъ народный сводъ, прежде чѣмъ подвергнуться литературной обработкѣ въ древнѣйшихъ французскихъ Chansons de geste и Нибелунгахъ.

И на западѣ появленіе лирики, какъ особой литературной формы, въ отличіе отъ народной, вызвано было опредѣленнымъ общественнымъ прогрессомъ, выдѣленіемъ личнаго сознанія изъ массоваго — на первый разъ на почвѣ сословно-рыцарской. Лирика явилась, когда сознана была цѣнность личнаго чувства, религіознаго или поэтическаго настроенія, личнаго поэтическаго подвига. Я указываю на трубадуровъ и миннезингеровъ: они также субъективны и сословно-тенденціозны, какъ Алкей.

Явленіе средневѣковой драмы, по сравненію съ греческой, выходитъ изъ органической связи развитія: церковь рано приняла ее подъ свой покровъ, сдѣлала литургической мистеріей; ея дальнѣйшая разработка шла въ той же колеѣ, опредѣленной церковнымъ преданіемъ. Для оцѣнки естественнаго роста литературы она не идетъ въ счетъ.

За то рыцарскій романъ непосредственно объусловленъ тѣми-же причинами, которыя вызвали и лирику. Онъ предполагаетъ обособленіе поэта отъ народнаго пѣвца, ослабленіе интереса къ общему эпическому преданію, исканіе новаго слова, новыхъ темъ

и формы выраженія. На все это отвѣтили рыцарскіе романы. Ихъ содержаніе не народное: нѣсколько бретонскихъ разсказовъ, двѣ три мистическихъ легенды дали матеріалъ для цѣлой литературы, въ которой элементъ личнаго изобрѣтенія взялъ вскорѣ перевѣсъ надъ основной канвою подлинниковъ. Но и самое внесеніе этихъ сюжетовъ, до тѣхъ поръ таившихся въ глухомъ кельтскомъ захолустьи, въ широкіе литературный круговоротъ, охватившій изъ Франціи всю Европу, было своего рода актомъ творчества. Ланцелотъ и Gauvain, Тристанъ и Изольда и т. п. явились неожиданно носителями личнаго рыцарскаго идеала, гдѣ на первомъ мѣстѣ красуются слова: любовь и courtoisie. Вокругъ этого сосредоточивается все дѣйствіе романа, копятся подвиги и приключенія, какъ въ греческомъ романѣ любовники соединяются, помытарствовавъ и натерпѣвшись по бѣлу свѣту. Интересно сходство задачи, особое значеніе, какое дается чувству любви, незнакомому въ такомъ именно смыслѣ традиціонному эпосу. Потому именно, что въ общественномъ развитіи наступила новая пора, явились тамъ и здѣсь и новыя задачи поэзіи и соотвѣтствующія формы выраженія: французскіе романы «бретонскаго» цикла и romans d'aventures слагаются инымъ стихомъ, чѣмъ народныя chansons de geste, а одна группа бретонскихъ романовъ рано появляется и въ прозаическихъ пересказахъ.

Если припомнить, что Амадисы, которыми такъ увлекалась европейская читающая публика XVI и отчасти XVII вѣка, и по типу и по содержанію идеаловъ, лишь нѣсколько преувеличенному, являются прямымъ продолженіемъ «бретонскаго» цикла, то мы указали на одно теченіе, по которому шло въ Европѣ развитіе романа. Разрушительная критика Сервантеса не остановила движенія: тѣ-же излюбленныя темы — любви и куртуазіи, и военнаго подвига отражаются и въ придворно-героическомъ романѣ эпохи Фронды, которому суждено было наводнить Германію и, въ далекихъ отраженіяхъ, проникнуть и къ намъ.

Другой точкой отправленія для современнаго романа была итальянская новелла; вмѣсто рыцарской среды — среда итальян-

скаго города, съ ея богатой буржуазіей, развитой личностью и относительной сохранностью классическаго образовательнаго преданія. Эпоса здѣсь нѣтъ, его забыли еще до Виргилія, за то жива та Lust zum Fabuliren, которая характеризуется для среднихъ вѣковъ сборниками фабльо и легендъ, восточныхъ разсказовъ и нравоучительныхъ прикладовъ. Они и явились матеріаломъ для итальянской новеллы. Я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду создателя этого художественнаго рода — Боккаччьо. Въ его пересказѣ ходячія темы преобразились въ нѣчто новое, типическіе образы прибаутки или умильной повѣсти приближаются къ характерамъ, характеры раскрываются передъ нами въ ихъ побужденіяхъ, надеждахъ, опасеніяхъ, ихъ обстановка содѣйствуетъ ихъ освѣщенію, какъ и стиль разсказа, строгій въ грустной феодальной легендѣ о Гризельдѣ, смѣющійся въ сказкѣ о веселой, беззаботной дочери царя del Garbo: тамъ замокъ и бѣдная деревня, здѣсь блужданіе по морямъ и доламъ, точно въ греческомъ романѣ, съ которымъ Боккаччьо былъ отчасти знакомъ.

Такова итальянская новелла, одинъ изъ источниковъ новѣйшаго романа. Самъ Боккаччьо сдѣлалъ къ нему приступъ въ своей Fiammetta'ѣ, повѣсти бѣдной дѣйствіемъ, наполненной анализомъ чувствъ любящей, оставленной женщины, колеблющейся между отчаяніемъ и надеждой, живущей воспоминаніями, жадно хватающейся за каждое слово, прислушивающейся къ каждому слуху о миломъ, чтобы снова чаять или опасаться. Въ Fiammetta'ѣ есть длинноты и свойственный Боккачьо пріѣдающійся реторизмъ; тѣмъ не менѣе это — первая попытка психологическаго романа въ Европѣ, интересная и по своему біографическому матерьялу: авторъ разсказалъ намъ, подъ другими именами, исторію своей собственной любви, какъ въ XV в. Эней Сильвій взялъ сюжетъ своей латинской повѣсти о Лукреціи и Эвріалѣ — изъ романическихъ похожденій Гаспара Шлика съ одной сіэнской горожанкой.

Послѣ Боккачьо волна новеллы течетъ неудержимо, пере-

ходя и за границы Италіи: итальянскія новеллы переводятся во Франціи и Германіи; Маргарита Наваррская имъ подражаетъ; повѣсти Грина всецѣло, «Euphues» Лилли отчасти, стоятъ подъ ихъ вліяніемъ, какъ и романы Викрама, въ которыхъ нѣмецкая критика тщится открыть самостоятельный зародышъ нѣмецкаго романа. — Когда съ половины XVI в. старые греческіе романы начали являться въ изданіяхъ и переводахъ на новые языки, участь этого рода въ Европѣ была уже упрочена и ему предстояло широкое развитіе: отъ «Амето» Боккаччьо, «Аркадіи» Санназаро и «Діаны» Монтемайора — къ Астреѣ; отъ романовъ въ стилѣ picaresco къ реальному французскому роману половины XVII вѣка и Гриммельгаузену; отъ Амадисовъ къ Донъ-Кихоту, отъ салонно-героическаго Grand Cyrus и собратій къ тонкой психологіи Princesse de Clèves M-me de la Fayette. Я опустилъ изъ этой связи фантазиста Раблэ, какъ не думаю слѣдить за дальнѣйшими проявленіями этого рода въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, когда романъ становится почти общественной силой, любимой литературной формой, грозящей заслонить собою всѣ остальныя, отвѣчающей на всѣ вопросы времени, но и обязанной постоять за себя передъ назойливымъ вопросомъ: въ чемъ его суть, его эстетическая законность, причина популярности?

Задача романиста — представить намъ идеальное изображеніе жизни, лучше сказать, извѣстной жизненной полосы въ образахъ и дѣйствіяхъ измышленныхъ имъ лицъ, исполненныхъ бытовой и психологической правды. Субъективный, какъ всякій человѣкъ нашего времени, онъ, очевидно, субъективно смотритъ и на жизнь и ея явленія: въ его герояхъ несомнѣнно присутствуютъ частицы его собственнаго «я», хотя, быть можетъ, и не въ исключительномъ смыслѣ Шпильгагена, отождествляющаго героя каждаго романа съ его авторомъ; то цѣльное пониманіе жизни, подъ тѣмъ или другимъ угломъ, которое составляетъ основу и фонъ его романа, опять-же его личное, которое другіе могутъ не раздѣлять, не принять, потому что личная художественная правда не всегда есть гарантія признанія. Поло-

женіе романиста не то, что у эпическаго пѣвца: герои не приходятъ къ нему сами, носимые народной симпатіей, и его міросозерцаніе не есть по необходимости общее: старая цѣльность нарушена. Шпильгагенъ горько сѣтуетъ о томъ:

«Современный человѣкъ, и то въ исключительныхъ случаяхъ, кончаетъ тѣмъ, съ чего начинаетъ гомеровскій, проникаясь общимъ чувствомъ своего народа, паѳосомъ своего времени; но и эта цѣль разумнаго семейнаго и общественнаго воспитанія дается лишь одному избраннику, сильному духомъ! И какъ часто достигнувъ её, онъ видитъ себя обманутымъ, видитъ или подозрѣваетъ, что то чувство было ложное, паѳосъ не настоящій; что все это слѣдуетъ исправить, замѣнить чѣмъ нибудь другимъ; что ему самому суждена страшная доля снова вправить въ пазы вышедшій изъ нихъ міръ. — Не говорите, будто къ такимъ печальнымъ выводамъ, заключающимъ въ самихъ себѣ не кажущееся только противорѣчіе, приходятъ лишь помраченныя гамлетовскія натуры, неясныя поэтическія души. Есть и другіе люди, въ жилахъ которыхъ не течетъ ни капли меланхолической крови датскаго принца, совершенные антиподы сыновей Аполлона, съ трезвымъ пониманіемъ жизни, съ способностью къ практической дѣятельности. Между ними встрѣчаются исключительныя натуры, посвящающія, въ ясномъ сознаніи самихъ себя, всѣ свои мысли, думы и стремленія, высокія дарованія и горделивую силу — на служеніе общему дѣлу: неустанно работая для его преуспѣянія, нерѣдко съ успѣхомъ, осуществляя на дѣлѣ давнишнія надежды и чаянія народа, онѣ вправѣ ощущать себя, какъ воплощеніе его воли. А развѣ не было замѣчено не разъ, развѣ не стало это какъ-бы общимъ правиломъ, что тѣ даровитые, роковые люди въ концѣ блестящей карьеры жалуются на отсутствіе признанія у своихъ современниковъ? что они аппелируютъ отъ непонявшаго ихъ настоящаго къ болѣе разумному будущему, становясь лицемъ къ лицу съ задачей, напоминающей квадратуру круга: задачей — создать общее благо народа противъ желанія большей части этого народа?»

Таково положеніе современнаго героя-практика: очевидно, Лео изъ «Одинъ въ полѣ не воинъ». Но положеніе поэта-избранника ничѣмъ не лучше. Передъ живописцемъ сидѣлъ моделью — самъ Гёте.

«У него быстрый, проницательный и, вмѣстѣ, спокойно-ясный взглядъ прирожденнаго наблюдателя; способность скоро и легко сочетать отдаленное съ ближайшимъ; глубокое, страстное влеченіе къ природѣ, къ жизни; неутомимая страсть разыскивать тайныя причины человѣческихъ дѣйствій въ вожделѣніяхъ, склонностяхъ людей; творческая фантазія, вступающая въ свои права, гдѣ кончается опытъ, и строящая идеальные выводы изъ тѣхъ нестройныхъ началъ, которыми часто всё ограничивается въ жизни». Однимъ словомъ, эпическій геній, какой рождается столѣтіями, не уступающій первому гомериду. Что онъ будетъ дѣлать? «Вѣчное море не баюкало его своимъ таинственнымъ пѣснопѣньемъ, съ берега не манила его, еще мальчика, синяя даль, грезы подвиговъ, и нѣтъ вдохновеннаго пѣвца, который повѣдалъ-бы пытливому юношѣ о дѣлахъ его народныхъ героевъ». У него нѣтъ ни народа, ни героевъ, будничная, буржуазная жизнь душитъ его, и онъ спасается отъ нея въ природу, съ Гомеромъ подъ мышкой; у него одинъ выходъ — «уйти въ себя и тамъ обрѣсти новый міръ». И онъ находитъ его и воссоздаетъ цѣною крови сердца, долгаго художническаго искуса, борьбы съ языкомъ: онъ пишетъ Вертера. И равнодушная публика проснулась противъ ожиданія, и у ней зазвучала гдѣ-то въ сердцѣ струна: автора превозносятъ, имъ зачитываются, молодые люди подражаютъ его костюму, несчастно-влюбленныя дѣвушки, прежде чѣмъ броситься въ воду, прочитываютъ нѣсколько страницъ въ его романѣ. На голоса мелкихъ завистниковъ нечего обращать вниманіе; но вотъ раздается голосъ человѣка, стоящаго внѣ разсчетовъ вражды и зависти, остроумнаго, знатока искусства, къ которому прибѣгаютъ въ художественныхъ вопросахъ, какъ къ высшему судьѣ. А онъ говоритъ, что ни одинъ античный, т. е. настоящій, нормальный человѣкъ, не

сталъ-бы чувствовать и дѣйствовать, какъ герой новаго романа; что авторъ, надо полагать, невѣрно понялъ Гомера, котораго его герой постоянно носитъ съ собою; что сентиментальный полусвѣтъ, въ которомъ представляется его міръ, ничуть не напоминаетъ свѣтлое солнце Гомера, а то, что онъ называетъ міромъ, въ сущности — его міръ, который существуетъ для него одного и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не станетъ на болѣе высокую и свободную точку зрѣнія. Критика кончалась практическимъ совѣтомъ, обращеннымъ къ Гёте: присоединить къ Вертеру двѣ-три новыхъ главы, новое окончаніе — и «чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше»! — Совѣтъ напоминаетъ такой-же, извѣстный, обращенный по адресу Апеллеса.

Характеристика современнаго романиста и его субъективнаго міра, въ сравненіи съ объективнымъ міромъ эпическаго пѣвца не можетъ не быть названа удачной. Причемъ только тутъ сравненіе съ Гомеромъ? Развѣ личный писатель нашего времени можетъ стать на его мѣсто, Гомеръ мыслимъ-ли въ положеніи романиста, не переставъ быть Гомеромъ? Вопросъ — для теоретиковъ романа.

III.

Первымъ сознательнымъ теоретикомъ явился Huet въ своей извѣстной книгѣ: De l'origine des Romans (Paris, 1670). Его обширная начитанность поставила его на историческую точку зрѣнія: исторія романа начинается съ грековъ, но въ средніе вѣка онъ сплывается для автора съ народной эпопеей — смѣшеніе, которому суждено было на долго остаться господствующимъ.

«Въ былое время, говоритъ Huet, подъ именемъ романовъ разумѣли не только прозаическіе, но и болѣе того романы, писанные стихомъ: Giraldi и его ученикъ Pigna въ своихъ трактатахъ de'Romanzi имѣютъ въ виду лишь послѣдніе, указывая въ образецъ на Боярдо и Аріосто. Въ настоящее время преобладаетъ другое пониманіе, и мы называемъ романами фиктивныя

изображенія любовныхъ приключеній, написанныя въ прозѣ и художественно, для удовольствія и поученія читателей. Я говорю о фикціяхъ, чтобы отличить ихъ отъ дѣйствительной исторіи; о любовныхъ приключеніяхъ, потому что любовь — главный сюжетъ романовъ. Они должны быть писаны прозой, чтобы согласоваться со вкусомъ нашего времени; написаны художественно и по извѣстнымъ правиламъ — иначе разсказъ будетъ нагроможденъ безъ связи и лишенъ красоты....

«Я не говорю здѣсь о стихотворныхъ романахъ, тѣмъ менѣе объ эпическихъ поэмахъ, также стихотворныхъ и существенно отличающихся отъ романовъ, хотя между ними есть и черты сходства и хотя мнѣніе Аристотеля, по которому поэтъ — болѣе поэтъ по изобрѣтенію, чѣмъ по своимъ стихамъ, позволяетъ причислить къ поэтамъ и писателей романа. Петроній считаетъ отличіемъ поэмы: широкое дѣйствіе, вмѣшательство боговъ, сильный и смѣлый слогъ, такъ что она производитъ впечатлѣніе скорѣе вѣщанія, исходящаго отъ боговъ, чѣмъ точнаго и вѣрнаго разсказа. Романы болѣе просты, менѣе возвышенны и образны въ изобрѣтеніи и выраженіи, поэмы болѣе чудесны, въ границахъ вѣроятности; въ романахъ вѣроятнаго больше, хотя встрѣчается и чудесное. Поэмы болѣе выработаны и правильны въ композиціи, въ нихъ менѣе событій и эпизодовъ; романы допускаютъ то и другое въ большемъ количествѣ, ибо, не будучи столь возвышенны и образны, они не на столько утомляютъ умъ, который получаетъ возможность наполняться бóльшимъ количествомъ различныхъ идей. Наконецъ, сюжетомъ поэмы бываетъ военное или политическое дѣйствіе, о любви она говоритъ случайно, тогда какъ, наоборотъ, въ романахъ она — главный сюжетъ, а политика и война являются на второмъ планѣ».

Huet ведетъ начало романа съ востока и его извѣстной любви къ розсказнямъ; но лишь въ рукахъ греческихъ писателей онъ получилъ впервые художественное значеніе. «Греки, въ такой степени усовершенствовавшіе бóльшую часть наукъ и искусствъ, что ихъ считали ихъ изобрѣтателями, занялись и романомъ, дали

болѣе изящную форму тому, что на востокѣ было грубо и безформенно, подчинивъ его правиламъ эпопеи и собравъ въ одно художественное цѣлое тѣ разбросанныя, не упорядоченныя части, какія представлялъ предшествовавшій имъ романъ (?)». Huet перечисляетъ его греческихъ представителей, между которыми особливо хвалитъ Геліодора; изъ позднѣйшихъ называетъ (псевдо-) Дамаскина, Евстаѳія и Ѳеодора Продрома; характеризуетъ Апулея.

До первыхъ вѣковъ христіанства «искусство романа еще держалось въ нѣкоторомъ блескѣ; оно пало вмѣстѣ съ образованностью и имперіей, когда дикіе народы сѣвера привнесли свое невѣжество и варварство. До тѣхъ поръ романы писались ради удовольствія, теперь начали сочинять баснословные разсказы, потому что, не зная истины, не могли писать о дѣйствительности.» — Примѣрами у Huet являются безразлично — романы объ Артурѣ и Кругломъ столѣ и Карловингскія сказанія. Для современной Европы французы представляются обновителями романическаго рода.

Когда въ 1814 году Дёнлопъ (Dunlop) написалъ свою знаменитую History of fiction, переведенную впослѣдствіи съ дополненіями Либрехтомъ, ему оставалось лишь наполнить схему историческаго развитія романа, начертанную его предшественникомъ; но для уясненія эстетической сущности романа и его поэтической законности за это время не было сдѣлано ни шагу впередъ. Въ томъ, что было писано по этому вопросу, замѣчается всюду тоже смѣшеніе романа съ народнымъ эпосомъ, кульминирующее въ изреченіи Смоллета (въ предисловіи къ его Roderick Random): «романъ, несомнѣнно, одолженъ своимъ существованіемъ невѣжеству, тщеславію и суевѣрію» (Romance, no doubt, owes its origin to ignorance, vanity and superstition).

Между тѣмъ факты продолжали бить въ глаза и нельзя было эстетической критикѣ не сосчитаться съ явленіемъ, которое грозило поглотить или устранить ея старыя построенія; съ романистомъ — этимъ «сводным братомъ поэта», какъ иронически

называлъ его еще Шиллеръ. И эстетика не заставила себя ждать: романъ, несомнѣнно, относится къ повѣствовательному роду, а во главѣ его стоитъ эпосъ съ его идеальнымъ выраженіемъ въ гомерическихъ поэмахъ или, лучше, поэмахъ Гомера, котораго Вертеръ всегда носилъ съ собою, которому Гёте хотѣлъ подражать въ своей буржуазной идилліи: Германъ и Доротея. Подражаніе вышло превосходное: тотъ же покойный горизонтъ, медленно, съ постепенными повтореніями развертывающійся разсказъ, та-же эпическая образность. В. фонъ Гумбольдтъ спѣшитъ обобщить впечатлѣнія этого новаго эпоса и гомеровскаго и даетъ намъ опредѣленіе эпопеи, до сихъ поръ продолжающее царить въ эстетикахъ, въ учебникахъ, и — у Шпильгагена, для котораго эпопея — «повѣствовательное поэтическое изображеніе человѣчества, на сколько послѣднее можетъ быть представлено извѣстнымъ народомъ въ извѣстную эпоху.» Это такъ же прозрачно, какъ скелетъ, съ котораго сорвали живое тѣло; такъ обще, что въ этомъ пустомъ пространствѣ помѣщаются, исчезая, и гомеровская поэма, и новелла Боккаччьо, и романъ Золà. Ясно одно: что воспроизведеніе гомеровской поэзіи, какое позволилъ себѣ Гёте, возможно лишь подъ условіемъ выбора соотвѣтствующаго сюжета, простыхъ нравовъ и несложныхъ отношеній, допускающихъ и соотвѣтствующее выраженіе. Гёте совершенно цѣлесообразно выбралъ для этого деревенскую идиллію, за которой, гдѣ-то вдалекѣ, пробѣгаетъ историческая волна; явись она на авансценѣ, эпическій покой и объективная образность исчезли-бы, какъ призракъ. «Одинъ въ полѣ не воинъ» въ изложеніи «Германа и Доротеи» также немыслимъ, какъ гомеровскій образный языкъ и повторенія напр. въ Давидѣ Копперфильдѣ, идеалѣ современнаго романа, по мнѣнію Шпильгагена.

Все это должно было быть яснымъ именно для него, такъ раздѣльно и характерно представившаго намъ коренное, историческое отличіе эпическаго пѣвца и современнаго поэта, цѣльнаго и—расторженнаго міросозерцанія, безразличной объективности и страст-

наго субъективизма. — Чѣмъ объяснить послѣ этого постоянныя, обильныя ссылки на Гомера по поводу того или другаго вопроса, поднятаго теоріей романа? Тѣмъ, что самъ авторъ — субъективистъ, что правильная, историческая постановка взгляда на отношенія эпоса и романа не мѣшаетъ ему безсознательно вносить въ обсужденіе перваго критеріи, выработанные на почвѣ послѣдняго; что думая повѣрять себя вѣчнымъ Гомеромъ, онъ говоритъ о Гомерѣ — Шпильгагена. Сущность этого Гомера намъ не вполнѣ ясна: что это — пѣвецъ или пѣвцы, пѣсни которыхъ объединились въ Иліадѣ или Одиссеѣ? Шпильгагену извѣстенъ такъ называемый «гомеровскій вопросъ», онъ говоритъ кое-гдѣ объ *интерполяціяхъ*. Для теоріи эпоса, стало быть, съ точки зрѣнія автора — и теоріи романа, это вопросъ не исключительно археологическій. Приведемъ примѣры.

У эпическаго пѣвца матеріалъ готовый: въ миѳѣ, въ языкѣ, въ пріемахъ «сказительства», которые подсказываютъ ему и мастерство сцѣпленія одного разсказа съ другимъ, и умѣнье ввести эпизодъ. Всему этому современный поэтъ принужденъ обучиться самъ — и, надо полагать, Шпильгагенъ не укажетъ ему, какъ на типъ художественнаго эпизода, на длинный разсказъ Одиссея, вторгшійся въ поэму въ ея VII пѣснѣ (ст. 241—97) и отнявшій у ней впослѣдствіи IX-ую по XII-ую. Очевидно, муза здѣсь измѣнила пѣвцу, если не подшутила надъ нимъ — интерполяція. Разсказъ Одиссея о его приключеніяхъ Шпильгагенъ разсматриваетъ въ связи съ тѣмъ, что онъ называетъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, Ich-roman, т. е. ведущійся отъ лица героя. Дѣло легкое и, въ то-же время, трудное, ставящее автора въ тупикъ въ тѣхъ случаяхъ, особенно, когда герою слѣдуетъ разсказать своимъ читателямъ или слушателямъ объ обстоятельствахъ, которыхъ онъ не былъ очевидцемъ, о которыхъ не могъ и слышать. Приходится прибѣгать къ уловкамъ, въ родѣ слѣдующихъ. Одиссей разсказываетъ, что его спутники прикололи быковъ Геліоса, пока самъ онъ блуждалъ по острову или спалъ. Лампетія спѣшитъ къ Геліосу съ докладомъ; тотъ на Олимпъ

съ жалобой безсмертнымъ богамъ и Зевсу, который обѣщаетъ отмстить оскорбленному. — Но какъ узналъ обо всемъ этомъ Одиссей, который ничего этого не видѣлъ и не слышалъ? «Все это слышалъ я отъ прекраснокудрой Калипсо, а ей повѣдалъ, говорила она, быстрый Гермій» (Од. XII, ст. 389—390). Такъ поясняетъ разсказчикъ — «и съ какой, поди, серьозной миной, хитрецъ!» — замѣчаетъ Шпильгагенъ. Замѣчаніе вполнѣ понятное развѣ для какого-нибудь юмористическаго или комическаго романа, въ разсказѣ о небылицѣ въ лицахъ. Точки зрѣнія, очевидно, перепутались, потому что въ данномъ случаѣ не надо было ни напускной серьозности, ни хитроумной выдумки ни герою, ни пѣвцу эпоса, въ которомъ люди постоянно общаются съ богами. А что, если эта ссылка на Калипсо и Гермія, характеризующая будто-бы пріемъ личнаго разсказщика, не что иное, какъ неловкая интерполяція? Шпильгагенъ допускаетъ эту возможность.

Если постоянныя обращенія отъ романа къ Гомеру могутъ быть истолкованы, какъ уступка историческаго взгляда въ пользу личной теоріи, то мы не иначе отнесемся къ двумъ главамъ книги Шпильгагена, трактующимъ о вопросѣ: Новелла или романъ? Романъ или новелла?

Дѣло въ томъ, что современная литература наводнена не только романами, но и «повѣстями», «разсказами», «новеллами», причемъ иная новелла — какъ будто романъ, тогда какъ другому роману лучше-бы назваться новеллой, повѣстью. Шпильгагенъ не доволенъ этой черезполосицей, принимаетъ дѣло къ сердцу, какъ будто оно идетъ о сути, а не о кличкахъ. Какъ романъ онъ мѣрилъ эпосомъ, такъ теперь находитъ нужнымъ установить особую эстетическую категорію, съ высоты которой и будутъ судиться романисты и новеллисты. Въ полку Гомера онъ ставитъ Боккаччьо, его новелла будетъ образцемъ, типомъ всѣхъ послѣдующихъ. Опредѣленіе ея такое: она выводитъ на сцену уже готовые характеры, которые, столкнувшись, даютъ въ результатѣ исходъ, заранѣе опредѣленный ихъ сущностью; въ романѣ, наоборотъ, выступаютъ не готовые люди, а развивающіеся

въ той широкой жизненной обстановкѣ, которая является необходимой декораціей романа: здѣсь все дѣло въ развитіи, и конфликтъ не предусмотрѣнъ, такъ какъ обусловленъ именно ходомъ развитія, можетъ видоизмѣниться подъ давленіемъ среды и т. п.— Если такъ, то почему не пооткровенничать и не назвать новеллами тотъ легіонъ французскихъ романовъ, которые въ сжатомъ введеніи разсказываютъ всю праисторію своихъ героевъ, чтобы вывести ихъ, уже готовыми для развязки, въ ту часть разсказа, которая одна, собственно, и можетъ быть названа романомъ? Шпильгагенъ предпочитаетъ бросить имъ презрительную кличку, не имѣющую стоимости этикетки: это не романы, а развѣ послѣднія главы романовъ. — Но если ужь быть новеллѣ, какъ особо патентованному, литературному роду, то какъ помирить старинную новеллу, въ которой главный интересъ отданъ «особому сцѣпленію условій и обстоятельствъ», съ современной, обращающей вниманіе на «особенности данныхъ характеровъ»? Какъ понять примѣчаніе автора (стр. 47—8, прим.), что новелла — «основная форма всякой эпической поэзіи, снова впадающей въ неё, какъ скоро замолкаетъ большая эпопея»?

Наши романы, повѣсти-новеллы пишутся прозой; эпосъ знаетъ лишь стихъ. «Это была драгоцѣнная связь (Einband), безъ которой его листки разлетѣлись-бы въ теченіи его странствованій по ту и по сю сторону греческаго моря, развѣялись-бы, какъ негодная мякина. Стихъ былъ Аріадниной нитью для пѣвца, при помощи которой онъ могъ пускаться въ лабиринтъ своихъ пѣсенъ, разсчитывая выйти къ свѣту. Болѣе того: онъ сдерживалъ фантазію, принуждая её созерцать міръ и людей лишь въ свѣтѣ идеи, изображать ихъ идеально—потому что стихъ исключаетъ все прозаически-грубое и плоское, какъ чистая масса льда въ глетчерахъ не принимаетъ въ себя сора и щебня. — Гекзаметръ не допустилъ бы сказать даже о Ѳерситѣ, что онъ схватилъ — насморкъ; мы скажемъ подобное не объ одномъ только Ѳерситѣ, мы увидимъ нашихъ героевъ въ халатѣ и туфляхъ, не потому чтобы мы были неизлѣчимыми филистерами и прирожден-

ными камердинерами, а потому что мы — люди новаго времени. Мы иначе смотримъ на всё, чѣмъ древніе, видимъ дальше и ближе ихъ, видимъ такія ускользающія величины, которыхъ они не схватили-бы своимъ макроскопическимъ взглядомъ, если-бы онѣ и существовали въ ихъ время; а иныя изъ нихъ и не существовали вовсе. Дѣло въ томъ, что свѣтъ съ тѣхъ поръ расширился на столько, что мы болѣе не знаемъ, гдѣ стоятъ пограничные столбы Геркулеса — или же знаемъ, что ихъ и вовсе нѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ этотъ сталъ богаче содержаніемъ, такъ богатъ, что тогдашняя точка представляется намъ теперь цѣлымъ міромъ. И не въ области одной лишь физической природы: въ насъ самихъ, въ нашемъ мозгу и сердцѣ снуетъ и создается цѣлый новый міръ мыслей и ощущеній, о которыхъ не чаяли гомеровскіе греки. И этотъ-ли широкій, богатый, безконечно разнообразный внѣшній и внутренній міръ возсоздать современному эпику въ поэмѣ и пѣснѣ?»

Разумѣется — нѣтъ; не думали о томъ и греческіе романисты и средне-вѣковые перескащики бретонскихъ романовъ, писавшіе прозой — не потому, чтобы не вѣрили въ Геркулесовы столбы или усматривали въ каплѣ воды цѣлый міръ инфузорій, а потому, что ощутили себя чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ эпика, не разскащиками стараго преданія, а изобразителями новаго, реальнаго, либо того, что казалось реальнымъ. Замѣна старой формы новою обусловлена была измѣненіемъ содержанія, и новая удержалась на столько прочно, что теорія романа берется упрочить ея законность, подсказавая ей особое, трансцендентальное значеніе — въ уровень съ понятіями XIX-го вѣка.

Но она лучше сдѣлаетъ, если чаще будетъ прислушиваться къ урокамъ исторіи. Исторія поэтическаго рода — лучшая повѣрка его теоріи: она сдѣлаетъ невозможными слишкомъ широкія, хотя бы и поэтическія обобщенія, укажетъ надлежащее мѣсто и тѣмъ блестящимъ, критическимъ замѣткамъ, которыми исполнена книга Шпильгагена, и удалитъ изъ «теоріи романа» рѣдко, но рѣзко бьющій въ глаза характеръ рецептуры. Намъ,

разумѣется, любопытно бываетъ проникнуть вмѣстѣ съ поэтомъ, романистомъ въ тайники его мастерской, узнать напр. отъ Шпильгагена, что, приступая къ роману, онъ составляетъ вначалѣ послужные списки всѣхъ своихъ героевъ, съ ихъ паспортными примѣтами; что бо́льшая часть произведеній Тургенева навѣяна, по его собственному признанію, дѣйствительными жизненными фактами и живыми лицами, что измышленіе фабулы ему давалось не легко, почему Бѣлинскій находилъ въ немъ относительную слабость фантазіи и т. д. Всё это — матеріалъ для характеристики внѣшнихъ пріемовъ того или другаго романиста; но мы никогда не узнаемъ тайну единенія автора съ его героями, заставившую напр. Тургенева плакать надъ послѣдними страницами своего «Отцы и дѣти». Процессъ личнаго творчества «покрытъ завѣсой, которой никто и никогда не поднималъ и не подниметъ.» (Шпильгагенъ); но мы можемъ ближе опредѣлить его *границы*, слѣдя за вѣковой исторіей литературныхъ теченій и стараясь уяснить ихъ внутреннюю законность, ограничивающую личный, хотя-бы и геніальный починъ.

I.

ХРИСТІАНСКІЯ ПРЕВРАЩЕНІЯ ГРЕЧЕСКАГО РОМАНА.

ЖИТІЕ КСАНТИППЫ, ПОЛИКСЕНЫ И РЕВВЕККИ.

Греческій романъ, поздній плодъ разлагавшейся языческой культуры, нашелъ въ христіанскую пору двоякое отраженіе: чисто формальное — въ византійскомъ романѣ, идеальное въ небольшой группѣ памятниковъ, которое позволено объединить подъ названіемъ — романа христіанскаго.

Византійцы въ родѣ Эвстаѳія, Ѳеодора Продрома и Никиты Евгеніана поняли своихъ предшественниковъ съ той, наименѣе существенной ихъ стороны, которой не для одного лишь Дёнлопа исчерпывается значеніе романа: со стороны «fiction». Они въ сотый разъ пересказывали ихъ сюжеты, разнообразя ихъ новыми именами и сочетаніями излюбленныхъ положеній. Новаго въ пониманіе жизни, что именно и составляетъ вкладъ старо-греческаго романа въ общее развитіе, они ничего не внесли: то-же изображеніе, не пониманіе любви, обставленное той-же, нѣсколько загрубѣвшей реторикой; тотъ-же общественный и религіозный кругозоръ, который христіанскіе писатели воспроизводили какъ нѣчто присталое къ ихъ сюжету, къ литературному роду, зами-

равшему въ ихъ подражаніяхъ. Нѣкоторое движеніе впередъ замѣчается и среди этихъ эпигоновъ романа, но оно не лежало въ сознаніи авторовъ и, можетъ быть, случайно, не имѣло будущности. Я разумѣю бо́льшій реализмъ въ изображеніи жизни, нерѣдко граничащій съ грубостью: припомнимъ у Продрома кривлянье и фокусы безстыжаго скомороха, у Евгеніана — пляску подгулявшей старухи. Въ связи съ этимъ стоитъ вторженіе народнаго стиля, конкретныхъ сравненій, любимыхъ народной пѣсней (напр. дѣвушки съ садомъ-виноградомъ и т. п.), плохо мирящихся съ напускнымъ шаржемъ другихъ частей изложенія. Одно шло изъ школы, другое изъ жизни, подсказавшей автору Каллимаха и Хрисорроп и новый сюжетъ — въ распространенной народной сказкѣ. Ничто лучше этого романа не доказываетъ, что для византійскихъ его представителей существеннымъ въ ихъ жанрѣ былъ именно внѣшній элементъ фикціи, баснословія, въ формахъ котораго укладывались старые, полупонятые идеалы. Иначе было на западѣ и именно въ эпоху, къ которой относятъ Каллимаха и Хрисоррою: является рыцарскій романъ, romans d'aventures и бретонскаго цикла, также съ сюжетами изъ народныхъ сказокъ и преданій, но съ идеальнымъ содержаніемъ, тогда-же назрѣвшимъ въ общественномъ и личномъ развитіи. Старыя сказочныя схемы одухотворились новыми вѣяніями; оттуда жизненность этого литературнаго рода, и далѣе примѣняющагося къ движеніямъ исторіи: отъ бретонскаго цикла къ Амадисамъ и далѣе къ героическимъ романамъ XVII вѣка. Византійскій романъ захирѣлъ именно вслѣдствіе архаичности своего идеальнаго содержанія, которому въ жизни отвѣчало лишь немногое. Не спасла его и стихотворная форма, въ которую онъ начинаетъ облекаться, въ противоположность къ прозѣ древняго романа: это было дѣломъ школьнаго пріема, тогда какъ въ той-же формѣ рыцарскаго романа отзывается стихъ народныхъ эпическихъ lais.

Но обратимся къ собственно христіанскому роману и прежде всего — къ опредѣленію его понятія. Что такое — христіанскій

романъ? Chassang [1]) включаетъ въ его область и апокрифы, особливо отреченныя Дѣянія; Baring-Gould [2]), кромѣ того, цѣлый рядъ Житій. Для того и другаго изслѣдователя, стало быть, главное въ понятіи романа — *фикція*, чтò, само по себѣ, еще не отдѣляетъ его ни отъ эпоса, ни отъ сказки; ни тотъ ни другой не различаютъ сознательной *личной* фикціи отъ традиціонной и унаслѣдованной, составляющей объектъ общаго или мѣстнаго преданія и вѣры, т. е. *моментъ эпоса*. Въ области апокрифа и христіанской, особливо мученической легенды его необходимо признать для *извѣстной* поры развитія; христіанскаго эпоса нельзя же искать въ Араторахъ и Ювенкахъ. Выдѣлить въ этой области *моментъ романа* — это, въ сущности, вопросъ стиля и литературныхъ пріемовъ. Греческій романъ выдвинулъ на первый планъ мотивъ *личной любви*: перепетіи любовниковъ поставили вопросъ о *судьбѣ*, τύχη, управляющей человѣческими дѣлами; перепетія сводились къ пріемамъ: *странствованія, разлуки, похищенія, спознанія*. — Вопросы личной жизни и ея отношеній къ верховному водительству поставлены были и христіанствомъ; всякій разъ, когда въ какомъ-нибудь произведеніи христіанскаго характера эти мотивы совпадаютъ содержательно съ мотивами греческаго романа и выражаются въ его *формахъ* — позволено говорить о романическихъ пріемахъ напр. Климентинъ [3]) — и житія, которымъ мы озаглавили это изслѣдованіе. Въ томъ-же смыслѣ понимаю я сближеніе «пасторали» и «робинзонады» греческаго романа — съ христіанской идеализаціей Ѳиваиды и чудесъ египетскаго отшельничества [4]).

---

[1]) Histoire du roman dans l'antiquité, стр. 234 слѣд.; сл. 263.

[2]) Early christian greek romances, въ Contemporary Review 1877 г., October, стр. 858 слѣд.

[3]) Слѣдующія далѣе сообщенія касаются греческаго текста Гомилій, не поднимая вопроса объ ихъ отношеніяхъ къ Recognitiones.

[4]) Сл. Weingarten, Der Ursprung des Mönchthums im nachconstantinischen Zeitalter, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte hrgs. von Theod. Brieger, I B. (1877), стр. 5—6, 26, 568—72.

I.

Главное содержаніе старо-греческаго романа составляетъ любовь; любовь, плотская въ основѣ, обнимающая всё существо влюбленныхъ, все для нихъ освящающая въ мірѣ. И здѣсь всѣмъ правитъ любовь, въ этомъ ея высшая законность; въ этомъ трансцендентальномъ ея пониманіи изсчезаетъ плотскій мотивъ, понятіе μοιχεία: любящій — невольное орудіе какого-то всеобщаго, непререкаемаго начала.

Таковы руководящія идеи греческаго эротическаго романа, хорошо резюмированныя въ Климентинахъ отъ лица александрійскаго грамматика Аппіона. Климентъ-язычникъ томится сомнѣніями и вопросами вѣры, болѣетъ духомъ, ища истины; когда Аппіонъ спрашиваетъ его о причинахъ его недуга, онъ прикидывается влюбленнымъ безъ надежды на успѣхъ. Грамматикъ совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ помощи магіи, но его совѣтъ отвергнутъ; тогда Аппіонъ обѣщаетъ написать отъ имени Климента посланіе къ его воображаемой милой, съ такими «похвалами прелюбодѣйству» (μοιχείας ἐγκώμιον), что ни одной женщинѣ не устоять противъ нихъ.

Содержаніе посланія слѣдующее (Homil. V, гл. X—XIX). Привѣтствовавъ милую отъ имени Эрота, «древнѣйшаго между всѣми младенца», влюбленный говоритъ: «Я знаю, что ты интересуешься философіей и по побужденіямъ добродѣтели стремишься подражать жизни лучшихъ мужей». — Кто-же эти лучшіе, какъ не боги прежде всего, а въ людяхъ философы? Они одни знаютъ, какія изъ дѣяній добрыя или дурныя по природѣ, какія, не будучи таковыми, считаются такими по постановленію законовъ. Такъ нѣкоторые почитаютъ дурнымъ дѣломъ прелюбодѣйство, хотя оно во всѣхъ отношеніяхъ дѣло хорошее, ибо творится по велѣніямъ Эрота къ преумноженію жизни. Эротъ — древнѣйшій изо всѣхъ боговъ; безъ Эрота нѣтъ смѣшенія и зарожденія ни стихій, ни боговъ и людей, ни неразумныхъ животныхъ, ни всего осталь-

ного. Всѣ мы — орудія Эрота; творя черезъ насъ, онъ παντὸς τοῦ γεννωμένου ψυχαῖς ἐπιδημῶν ἐστι νοῦς. Оттого мы стремимся исполнить его волю не по своему желанію, а по его велѣнію. Желая по его волѣ и вмѣстѣ пытаясь ограничить это желаніе въ угоду такъ называемаго воздержанія (σωφροσύνη) — развѣ мы не совершимъ величайшее кощунство, дѣйствуя наперекоръ старѣйшему изъ боговъ и людей? И такъ, пусть откроются передъ нимъ всѣ двери, отмѣнятся дурные законы, поставленные ревнивыми людьми.... Невозможно удержать Эрота, взыскивающаго души, ибо страсть любящихъ не произвольная. — Эти общія положенія поясняются разсказами о любовныхъ похожденіяхъ Зевса, о богахъ, μηδὲ τῶν ἀῤῥένων τὰς μίξεις φυλασσομένων ὡς αἰσχράς; о наградахъ, которыми Зевсъ взыскалъ своихъ любовницъ и любовниковъ и ихъ ближнихъ; о мудрецахъ, подчинявшихся велѣніямъ Эрота. Но къ чему терять время на новые примѣры? Довольно тебѣ, изъ боговъ, примѣра Зевса, изъ философовъ — Сократа; не огорчай любящаго тебя, ибо, совершая противное богамъ и героямъ, ты поступишь кощунственно и навлечешь на себя подобающее наказаніе; подражая богамъ, снищешь ихъ благодѣянія.

Получивъ отъ Аппіона это письмо, Климентъ дѣлаетъ видъ, что отправилъ его по назначенію и получилъ отвѣтъ, — написанный имъ самимъ. Его онъ и показываетъ Аппіону (Hom. V, гл. XXI—XXVI). Воображаемая милая отрицаетъ божество и главенство Эрота: если онъ вожделѣетъ по своему произволу, то самъ несетъ въ себѣ страданіе и наказаніе, и потому — не богъ; если же стремится къ соитію не по своей волѣ, то опредѣляющій его волю сильнѣе его. Любовь — не богъ, а вожделѣніе самаго любящаго, воспитываемое надеждою, умаляющееся отчаяніемъ (ἀπογνώσει); любовныя похожденія боговъ придуманы людьми, чтобы прикрыть ихъ примѣромъ собственное распутство; да то и не боги, а тираны и маги, гробницы которыхъ и теперь еще видимы. И такъ Эротъ — не богъ, а животное вожделѣніе, внушенное творцемъ всего въ цѣляхъ продолженія жизни, дабы

человѣческій родъ не прекратился, а подъ предлогомъ наслажденія изъ сущности имѣющаго умереть произошелъ другой человѣкъ, и притомъ въ законномъ бракѣ, чтобы, познавъ своего отца, онъ питалъ его въ старости, чего не въ состояніи сдѣлать дѣти, рожденныя въ прелюбодѣяніи. Вотъ почему родители, озабоченные цѣломудріемъ (σωφροσύνη) своихъ дѣтей, должны наставлять ихъ въ немъ прежде чѣмъ наступитъ пора вожделѣній, сдерживая ихъ страхомъ закона и — раннимъ бракомъ.

Христіанскія воззрѣнія на любовь, проводимыя безъименной писательницей посланія, т. е. самимъ Климентомъ, развиваются далѣе въ рѣчи апостола Петра (Hom. XIII, cap. XIII слѣд.), настаивающаго на томъ, что «τὰ τέλη τῆς σωφροσύνης καλά, τὰ δὲ τῆς μοιχείας χαλεπά». Поводомъ къ рѣчи является судьба Маттидіи, матери Климента. Братъ ея мужа воспылалъ къ ней нечистою страстью; избѣгая грѣха, она говоритъ, что видѣла сонъ, повелѣвавшій ей удалиться на время изъ Рима съ двумя старшими сыновьями, Фаустомъ и Фаустиньяномъ; буря разбила ея корабль, надолго разлучила съ сыновьями, которыхъ она считаетъ погибшими, а сама она обречена влачить жалкое существованіе на одномъ рыбацкомъ островѣ. Перехваченные въ морѣ пиратами, проданные въ Кесарію какой-то Юстѣ, которая ихъ воспитываетъ, Фаустъ и Фаустиньянъ оказываются впослѣдствіи учениками ап. Петра подъ именами Аквилы и Никиты; мать встрѣчается съ ними негаданно, какъ передъ тѣмъ свидѣлась съ младшимъ своимъ сыномъ, Климентомъ, и еще свидится съ мужемъ, который отправился её разъискивать и теперь признанъ ею — въ лицѣ одного старика, работника. Вся семья, надолго раздѣленная, чудеснымъ образомъ собралась снова — любимая греческимъ романомъ ἀναγνώρισις, но съ своеобразнымъ объясненіемъ, которое даетъ ему ап. Петръ: это — плодъ и награда σωφροσύνη; еслибъ Маттидія поддалась наущеніямъ грѣха, ничего подобнаго не случилось-бы, ибо и добродѣтельный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ понесъ-бы подобающее наказаніе за преступленіе противъ цѣломудрія. Слѣдуетъ пространная

похвала цѣломудрой жены: она — блаженное напоминаніе перваго творенія, когда единый Господь создалъ одному мужу единую жену; ея красота въ благоустроеніи души, ароматы — добрая слава, прекрасныя одежды — стыдъ; она не даетъ поводовъ нравиться кому-бы то-ни-было, кромѣ мужа, избѣгая общества юношей, сдержанная и относительно старцевъ, предпочитая честную бесѣду безпорядочному смѣху.

Ἀμάρτυς Θεός, πολλοὶ φόνοι μοιχεία μία: таково общее заключеніе этого панегерика цѣломудрію, которое одно спасло-бы и язычника, еслибъ крещеніе не было необходимымъ условіемъ спасенія.

Μοιχεία и σωφροσύνη — такова на первыхъ порахъ противоположность языческой и христіанской любви, тамъ и здѣсь понятой какъ плотскій актъ, но ограниченный въ послѣднемъ случаѣ цѣлью — продолженія человѣческаго рода и границами библейской семьи. Дальнѣйшее развитіе, дошедшее до крайности особливо на почвѣ гнозы, будетъ — отрицаніе семьи, воздержаніе отъ половаго акта даже между супругами, какъ грѣховнаго, какъ «γεωργία τοῦ θανάτου», «ὁ φραγμὸς ὁ σκοτεινός», «τὸ μεσότοιχον τῆς φθορᾶς»[1]); наконецъ прославленіе дѣвственности, какъ состоянія близкаго къ святости. Образцы такого пониманія разсѣяны повсюду въ гностическихъ Дѣяніяхъ апостоловъ, особливо Дѣяніяхъ Ѳомы; но это — идеалъ и большей части житій. Остановимся лишь на одномъ изъ нихъ, потому что, если вѣрить мнѣнію Baring-Gould'а, оно представило-бы примѣръ особаго, въ своемъ родѣ исключительнаго взаимодѣйствія греческаго романа — и аскетическаго житія. Ахиллъ Тацій, жившій уже въ пору христіанства, разсказалъ намъ о приключеніяхъ Клитофонта и Левкиппы, въ обычномъ стилѣ языческаго романа, съ тѣмъ-же реальнымъ пониманіемъ любви, увѣнчанной послѣ долгихъ приключеній — бракомъ. Клитофонтъ и Левкиппа живутъ въ Финикіи, въ Тирѣ;

---

[1]) Сл. отреченныя дѣянія ап. Филиппа у Tischendorf'а, Apocal. apocryph., Additamenta, p. 143; сл. его-же Acta apostolorum apocrypha, p. 80.

житіе свв. Галактіона и Эпистиміи [1]) переселяетъ ихъ въ Эдессу и досказываетъ ихъ исторію: у нихъ нѣтъ дѣтей и они горюютъ о томъ; однажды пустынникъ Онуфрій, заставъ Левкиппу плачущей, разспрашиваетъ её о причинѣ ея горя: мужъ недоволенъ ея бездѣтностью. Онуфрій обѣщаетъ ей потомство подъ условіемъ, чтобъ она крестилась; та соглашается и, когда оказалась беременной, обо всемъ извѣщаетъ мужа, который и самъ принимаетъ христіанство [2]). У нихъ родился сынъ, названный Галактіономъ по причинѣ бѣлоснѣжнаго цвѣта кожи. Когда ему минуло 24 года, отецъ женитъ его на красавицѣ Эпистиміи, именитой и богатой, но Галактіонъ рѣшилъ самъ съ собою — воздержаться отъ исполненія брачнаго долга, что и дѣлаетъ, не смотря на протесты и соблазны Эпистиміи, которая, убѣжденная имъ, въ свою очередь становится христіанкой и, вмѣстѣ съ мужемъ, мученицей. — Такъ на разстояніи одного поколѣнія идеалъ μοιχεία смѣнился идеаломъ дѣвственнаго воздержанія.

Самъ по себѣ въ романическую тему онъ укладывался плохо; но онъ вызывалъ протесты, которые и выражались нерѣдко — въ пріемахъ стараго романа. Дѣвственницъ, цѣломудренныхъ обыкновенно преслѣдуютъ представители языческой μοιχεία; Каллимахъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Іоанна доходитъ въ своей невоздержной страстности до посягательства на — тѣло бездыханной Друзіаны; всего обычнѣе похищенія и увозы, любимыя формулы стараго романа, и въ связи съ тѣмъ — переодѣванія, маскирующія полъ красавицы. Такъ Поликсену увлекаетъ отвергнутый ею любовникъ, позднѣе эпархъ; какіе-то дикіе люди посягаютъ на неё; ей дважды совѣтуютъ облечься въ мужское платье. Ѳекла (въ Дѣяніяхъ ея и ап. Павла) готова остричь себѣ волосы, чтобы свободнѣе слѣдовать за своимъ наставникомъ, какъ Маріамна, переодѣтая мужчиной, за своимъ братомъ ап. Фи-

[1]) Симеонъ Метафрастъ у Сурія, Vitae Sanctorum, 5 Novembris; сл. Baring-Gould, l. c. p. 871—2.

[2]) Сл. въ Дѣяніяхъ ап. Іоанна, приписанныхъ Прохору, подобный-же эпизодъ о трибунѣ Василіи и его неплодной женѣ Харитѣ, только что почин обращенія принадлежитъ мужу.

липпомъ (отреченныя Дѣянія Филиппа), какъ въ житіяхъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ подвижницъ и мученицъ, скрывающихъ свой полъ: свв. Евфросину и Анну, Сусанну, Марію и Евгенію.

Новымъ мотивомъ можетъ показаться, что, въ сущности является лишь христіанской метаморфозой стараго.

Домогающійся или отверженный любовникъ обращался съ мольбою и приношеніями къ Эроту и Афродитѣ; но языческіе боги представлялись христіанину не только въ эвгемеристическомъ освѣщеніи Климентова посланія, а и чаще того — демонами, властвующими надъ человѣкомъ плоти, побуждающими его къ грѣху, къ μοιχεία; къ нимъ и обращался любовникъ, отвергнутый христіанской дѣвственницей; магія — огрубѣвшій, въ формахъ народнаго фетишизма, языческій культъ. Аппіонъ совѣтуетъ мнимо-влюбленному Клименту прибѣгнуть къ магіи, ставя въ примѣръ самого себя: будучи еще юношей и безнадежно влюбленнымъ, онъ обратился къ египетскому магу, который научилъ его своимъ заклинаніямъ (ἐπαοιδήν); съ ихъ помощью онъ достигъ своей цѣли. Въ житіи св. Панкратія [1]) язычникъ Элидъ воспылалъ страстью къ христіанкѣ Сергіи; какой-то монтанъ даетъ ему «τὸ βιβλίον τῶν ἐρωτικῶν ἐκπυρώσεων», «βιβλίον ἐπιφερόμενον δαιμονικοὺς ἔρωτας», по которой они вызываютъ демоновъ соблазна, оказывающихся на этотъ разъ безсильными. Такими оказываются они и въ легендѣ о магѣ Кипріанѣ, насылающемъ демоновъ на христіанку Юстину, и въ житіи св. Маріи Антіохійской и магѣ Μέγας [2]); въ житіи Ксантиппы, Поликсены и Ревекки похититель Поликсены увлекаетъ её также при помощи демоновъ — въ Вавилонъ; но молитва дѣвственницы услышана: Петру, направлявшемуся тогда въ Римъ, было откровеніе о встрѣчномъ кораблѣ и томящейся на немъ душѣ; онъ молится, а демоны говорятъ магамъ, бывшимъ на суднѣ похитителя, что они не въ силахъ противустоять Петру и необходимо перемѣнить

---

[1]) См. слѣдующую главу.

[2]) Zahn, Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage, p. 22 слѣд.; 129—130.

направленіе пути. Корабль пристаетъ не къ Вавилону, а къ берегамъ Эллады.

Дѣвственница всюду торжествуетъ, охраняемая своей чистотой и силою ангеловъ; лишь въ эпизодѣ отреченнаго житія св. Василія Великаго, приписаннаго Амфилохію Иконійскому, помощь мага приводитъ къ браку, но и въ его формахъ преступное торжество μοιχεία требуетъ очищенія и достигаетъ его — покаяніемъ [1]).

Пониманіе любви радикально измѣнилось, а вмѣстѣ съ нимъ и понятіе красоты, столь существенное въ старо-эллинскомъ міросозерцаніи, наполняющее и древній романъ цѣлыми страницами восторженныхъ, иногда банальныхъ описаній. Чудеса классическаго искусства такъ глубоко обусловлены религіей, что это — явленія не дѣлимыя; оттого останки художественной старины представляются демоническими, жилищемъ демоновъ [2]); не вызывая восторговъ, они еще только служатъ предметомъ какого-то страннаго любопытства: въ Климентинахъ (Hom. XII, гл. XII) спутники апостола Петра просятъ его посѣтить вмѣстѣ съ ними островъ Арадъ и посмотрѣть тамъ на диковинки: два громадной величины виноградныхъ ствола и — какое-то произведеніе Фидія (ἐκβάντες δὲ τοῦ σκάφους εἰςῄειμεν ἔνθα οἱ ἀμπέλινοι στῦλοι ἦσαν, ὁμῶς ἅμα αὐτοῖς ἄλλος ἄλλο τι τῶν Φειδίου ἔργων ἐθεώρει). — Физическая красота не только потеряла всякую цѣнность, но и заподозрѣна, какъ вызывающая нечистые помыслы; Христосъ былъ некрасивъ собою, доказывалъ Тертулліанъ (De carne Christi, cap. 9), а апостолъ Павелъ такъ описывается въ отреченныхъ Дѣяніяхъ его и Θеклы [3]): онъ небольшаго роста, плѣшивъ, съ кривыми ногами, крѣпкаго сложенія, съ сросшимися бровями и большимъ носомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полонъ благодати (χάριτος); Онисифору онъ представляется то человѣкомъ, то ангеломъ. — Ксантиппа болѣетъ душей, но едва увидѣла незнакомаго ей

[1]) Zahn, l. c., p. 131—2.
[2]) Сл. мои Разысканія II, стр. 31 (изъ житія св. Θеодора Сикеота).
[3]) Сл. Tischendorf, Acta apostolorum apocrypha, стр. 41 слѣд.

Павла, какъ ея сердце забилось: у него тихая поступь человѣка, всегда готоваго включить въ свои объятіи гонимаго; благоволеніе разлито въ лицѣ, обѣщающемъ уврачевать немощнаго; онъ такъ милостиво озирается туда и сюда, какъ будто предлагаетъ помощь всѣмъ, бѣгущимъ отъ пасти змѣя. Онъ — врачъ души, единственный, который могъ-бы помочь больному рабу Проба.

«Павлу-же вступившу въ домъ Онисифора, разсказывается далѣе въ Дѣяніяхъ его и Ѳеклы, бысть великая радость и колѣнопреклоненіе и преломленіе хлѣба и Божіе слово о воздержаніи и воскресеніи, Павлу глаголющу: Блаженны чистые сердцемъ, ибо они узрятъ Бога; блаженны соблюдающіе тѣло въ чистотѣ, ибо съ ними будетъ бесѣдовать Господь; блаженны отрекшіеся отъ міра, ибо они праведными нарекутся; блаженны имущіе женъ не въ жены мѣсто, ибо они избрали въ удѣлъ себѣ Господа; блаженны имущіе страхъ Божій, ибо они будутъ какъ ангелы Божіе; блаженны блюдущіе крещеніе, ибо они успокоятся у Отца и Сына; блаженны милостивые, ибо они будутъ помилованы и не узрятъ дня страшнаго суда; блаженны тѣла дѣвственныхъ, ибо они угодны Богу и не утратятъ награду своей непорочности, ибо по слову Отца это дѣло будетъ имъ — дѣломъ спасенія во дни его Сына, и они успокоятся во вѣки вѣковъ». Этимъ неслыханнымъ, откровеннымъ рѣчамъ внимала денно и нощно, не отходя отъ сосѣдняго окна, Ѳекла, дочь Ѳеокліи и невѣста Ѳамирія, и ликуя отдавалась вѣрѣ, желая лицезрѣть ап. Павла, котораго до тѣхъ поръ она лишь слышала, но не видѣла. Замѣтивъ, что въ теченіи трехъ сутокъ дочь не отходитъ отъ окна, не ѣстъ и не пьетъ и, потерявъ всякій стыдъ, всё только слушаетъ лживыя, обманчивыя рѣчи пришельца, мать посылаетъ за женихомъ Ѳеклы и говоритъ ему: «Этотъ человѣкъ возмущаетъ всю Иконію — и твою Ѳеклу; жены и юноши ходятъ къ нему и научаются страху Божію и непорочной жизни; вотъ и дочь моя, точно паукъ, привязанный къ окну словами Павла, одолѣеваемая страннымъ желаніемъ и чудеснымъ влеченіемъ, вся

отдалась его рѣчамъ и подпала ихъ власти. Пойди къ ней и поговори: она вѣдь тебѣ обручена». Ѳамирисъ и мать идутъ къ ней, допрашиваютъ любовно о причинахъ ея страннаго поведенія, плачутъ; она даже не повернулась къ нимъ: она слушаетъ Павла.

Эта сцена у «окна» понравилась: въ легендѣ о Кипріанѣ св. Юстина также заслушивается, сидя у окна, проповѣди дьякона Праилія и горитъ желаніемъ свидѣться съ нимъ лично [1]); въ житіи Ксантиппы и сверстницъ Ксантиппа смотритъ изъ окна, томимая тайнымъ горемъ, когда видитъ шествующаго по стогнамъ города ап. Павла.

Не только измѣнились понятія любви и красоты, но переставились и роли домагающагося и дарующаго. Клеандръ въ романѣ Никиты Евгеніана поетъ подъ окномъ Каллигоны вызывающую пѣснь реальной любви; въ христіанской легендѣ сама дѣвушка, женщина заслушивается изъ своего терема рѣчей, вѣщающихъ о дѣвственности и чистотѣ, отдается имъ всецѣло и готова слѣдовать за человѣкомъ, открывшимъ ей невѣдомый дотолѣ міръ красоты, красоты убѣжденнаго слова, влекомая, какъ Ѳекла, ἐπιθυμίᾳ καινῇ καὶ πάθει δεινῷ.

Этого неяснаго и вмѣстѣ страстнаго чаянія, Sehnsucht куда-то и къ чему-то, переполняющей душу и вмѣстѣ съ тѣмъ не эгоистической, древній романъ не знаетъ. Стремленіе въ невѣдомую, баснословную даль находило выраженіе въ географическихъ романахъ и сказкахъ; но это далеко не то побужденіе, которое заставляетъ томиться и странствовать Климента и Кипріана — въ поискахъ за истиной.

Климентины открываются признаніемъ: «Я, Климентъ, римскій гражданинъ, первую молодость провелъ добродѣтельно, такъ какъ съ дѣтства мои мысли обращались отъ похоти къ горю и печали. Мнѣ присуща была дума, не знаю, откуда взявшая свое начало, что послѣ смерти меня не будетъ и никто меня не помянетъ, ибо безконечное время предастъ забвенію всё и вся; что я не буду болѣе существовать, не зная сущихъ и не знаемый

[1]) Zahn, l. c., p. 21—2.

ими; что меня когда-то не было — и не будетъ. Созданъ-ли былъ міръ и что было до него? Если онъ былъ всегда, всегда и будетъ, если былъ созданъ, то пройдетъ. А за его гибелью что настанетъ — если не тишина и забвеніе? А можетъ быть, и будетъ что, о чемъ теперь невозможно и помыслить». — Это тоже состояніе «испытующаго», какъ у Василія Великаго, тревожимаго вопросомъ о томъ, что правитъ міромъ, τύχη или ἀνάγκη, и ищущаго разрѣшенія; и какъ онъ отправился въ Сирію и Александрію въ поискахъ за своимъ учителемъ и другомъ, философомъ Эвстаѳіемъ, такъ и Климентъ ищетъ отвѣта на свои сомнѣнія въ противорѣчіяхъ философскихъ школъ, готовъ даже поѣхать въ Египетъ и обратиться тамъ къ какому-нибудь магу, вызывателю душъ; его томитъ страшный вопросъ о безсмертіи души. Всѣ исканія напрасны, — когда распространяются слухи о Спасителѣ, его благовѣстіи и чудесахъ; о томъ всѣ толкуютъ, самъ Климентъ слышитъ въ Римѣ чью-то проповѣдь о немъ. Онъ рѣшается отправиться въ Іюдею, но противный вѣтеръ заноситъ его въ Александрію, гдѣ онъ знакомится съ ученикомъ Спасителя, ап. Варнавой, слышитъ его разсказы о Христѣ и защищаетъ его отъ насмѣшекъ философовъ, или скорѣе, филологовъ (ὅτι εἰκῇ φιλολογοί ἐστε καὶ οὐ φιλαληθεῖς φιλόσοφοι). Онъ хотѣлъ-было уѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Іюдею, но его задержали дѣла; черезъ нѣсколько дней онъ отправляется одинъ въ Кесарію, гдѣ, предупрежденный Варнавой, ап. Петръ принимаетъ его дружественно и приглашаетъ сопутствовать ему въ его проповѣдномъ хожденіи по городамъ и весямъ (Hom. I).

Признанія Кипріана[1]) представляютъ такой-же рядъ исканій и блужденій, приводящихъ нѣсколько инымъ путемъ къ той-же цѣли. Еще ребенкомъ посвященный Аполлону, онъ на седьмомъ году допущенъ былъ къ таинствамъ Митры; явившись въ Аѳины, гдѣ родители записали его гражданиномъ, онъ, еще десятилѣтній, несъ факелъ Деметры, сѣтовалъ, облеченный въ бѣлыя одежды,

---

[1]) Zahn, l. c., p. 30 слѣд.

по Персефонѣ и прислуживалъ въ храмѣ Паллады. «Былъ я и на Олимпѣ, который они называютъ жилищемъ боговъ, и былъ посвященъ въ звуки торжественныхъ рѣчей и высокопарнаго разсказа. Видѣлъ я тамъ деревья чарующаго свойства и злаки, дѣйствовавшіе, казалось, по наитію боговъ; позналъ смѣну временъ года въ зависимости отъ смѣны вѣтровъ, и различіе дней подъ вліяніемъ противоположныхъ силъ. Видѣлъ я тамъ хоры демоновъ: одни пѣли, другіе воевали, третьи строили ковы, чиня обманъ и смущеніе; видѣлъ я бранную силу каждаго бога и богини, пребывая сорокъ дней въ мѣстѣ, откуда, какъ бы изъ царской твердыни, высылаются на землю духи — творить каждый свое дѣло въ народахъ. Я питался лишь древесными плодами по заходѣ солнца; когда мнѣ минуло пятьнадцать лѣтъ, семь гіерофантовъ познакомили меня съ дѣйствіемъ каждаго изъ нихъ, ибо родители мои сильно радѣли о томъ, чтобъ я позналъ всё сущее на землѣ, въ воздухѣ и морѣ, и не только природное зарожденіе и погибаніе злаковъ, деревьевъ и тѣлъ, но и силы, которыя вселилъ въ нихъ, въ противоположность къ творенію Божію, князь сего міра».

Приведенный образчикъ можетъ служить характеристикой религіознаго синкретизма автора Кипріановой исповѣди, который и далѣе ведетъ святого отъ одной степени знанія къ другой, болѣе высокой и таинственной: съ Олимпа къ Аргосъ и Элиду, отъ Фригійцевъ и варваровъ къ таинствамъ Египтянъ и Халдѣевъ; вся доступная язычнику мудрость раскрылась передъ Кипріаномъ, самъ князь сего міра, дьяволъ, предсталъ ему во очію и принимаетъ его въ услуженіе. Силой его онъ творитъ чудеса, обѣщаетъ Аглаиду помочь ему овладѣть Юстиной, въ которую и самъ влюбляется; но крѣпость христіанской дѣвственницы обнаруживаетъ тщету его усилій — и того, что ему казалось знаніемъ. Полное знаніе раскрывается ему въ христіанствѣ.

Климентъ и Кипріанъ странствуютъ, влекомые жаждой истины; странствуютъ за своими наставниками святыя дѣвственницы, испытывая лишенія, подвергаясь опасностямъ оскорбленія

и увоза. Къ мотиву странствованія, любимому древнимъ романомъ, присоединяется нерѣдко и столь-же популярный мотивъ признанія, recognitio людей близкихъ, на долго разлученныхъ и сходящихся снова противъ чаянія. Такъ кончаются Климентины и житіе Ксантиппы, Поликсены и Ревекки. Въ той чертѣ, что Ксантиппа, избѣгая преслѣдованій деверя, ссылается, какъ на поводъ къ своему отъѣзду, на вѣщій сонъ, также сохранился романическій пріемъ: блужданіе, несчастіе, но и будущія recognitiones героевъ часто предрекаются видѣніемъ, темнымъ пророчествомъ. Похищенная Поликсена сѣтуетъ, вспоминая, какъ Ксантиппа велѣла купить въ Римѣ за дорогую цѣну книги и вечеромъ, гадая по нимъ о судьбѣ сестры, вычитала то, что съ ней приключилось на дѣлѣ: вѣщая была мать моя, назвавъ меня Поликсеной-многоскитальной, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ, играя словами, какъ Геліодоръ именемъ Хариклея = χάρις и κλέος. Вѣщее пророчество, сонъ, неизмѣнно опредѣляющій будущее — всё это сводится къ понятію судьбы, τύχη, существенной для міросозерцанія стараго романа; въ Климентинахъ она выражается словомъ γένεσις, лат. genitura, црквнослав. родъ, въ смыслѣ прирожденной человѣку доли, отъ которой никуда не уйти (сл. Hom. XIV и XV).

Ап. Петръ креститъ въ морѣ мать Климента, Маттидію; всѣ возвращаются домой, лишь ап. Петра что-то задержало на пути. Вернувшись, онъ разсказываетъ, въ чемъ дѣло: какой-то старикъ-работникъ наблюдалъ за ними изподтишка, пока они совершали таинство; когда всё было кончено, онъ рѣшился выйти и подать свое наставленіе людямъ, которыхъ онъ видѣлъ совершающими погруженіе и моленіе, т. е. заблуждающимися; ибо «нѣтъ ни Бога, ни провидѣнія, но всё подвержено судьбѣ» (οὔτε γὰρ Θεός ἐστιν, οὔτε πρόνοια, ἀλλὰ γενέσει τὰ πάντα ὑπόκειται); молишься-ли ты, или нѣтъ, ты все-же испытаешь долю, на роду тебѣ написанную (εἴτε γὰρ εὔχῃ, εἴτε μή, τὰ ἐκ τῆς γενέσεως πάσχειν ἀνάγκην ἔχεις), какъ испыталъ и я: я былъ богатъ, благочестивъ и милосердъ, а отъ судьбы (τὴν πεπρωμένην) не

ушелъ — и онъ разсказываетъ въ третьемъ лицѣ свою собственную исторію, которую Петръ уже знаетъ: это исторія Маттидіи, старикъ — ея мужъ, Фаустъ. Когда впослѣдствіи признаніе совершилось и семья соединилась вновь, Петръ спрашиваетъ Фауста: что-же твоя вѣра въ родъ, въ долю? (οὐκοῦν ἔργῳ πέπεισαι νῦν, ὅτι οὐ συνέστηκεν τὰ κατὰ τὴν γένεσιν;). Ей онъ противополагаетъ вѣру въ божественное провидѣніе, πρόνοια: оно опредѣлило участь его семьи; еслибъ она оставалась при немъ, можетъ быть, ихъ слуха не коснулись-бы божественные глаголы; вотъ почему понадобилось и странствованіе, и кораблекрушеніе, и продажа въ рабство, и подозрѣніе въ смерти. Всё это негаданное сочетаніе событій въ виду высшей цѣли обнаруживаетъ руку *промысла* (сл. Hom. IV, гл. XII; Hom. XII, гл. XXIV); въ скитаніяхъ и страданіи Поликсены ап. Павелъ усматриваетъ идею очищающаго *испытанія:* надо страдать, дитя мое, дабы познать Спасителя нашего Іисуса Христа. (сл. Hom. XV, гл. IX).

Новое, дотолѣ невѣдомое понятіе любви вступало въ права стараго; вѣра въ τύχη, γένεσις разширилось въ представленіе промысла; осталась старая канва: странствованій, похищеній, вѣщихъ сновъ и нежданныхъ спознаній, остались традиціонные пріемы романа, на сколько они были совмѣстимы съ новыми темами. Нигдѣ въ древнемъ романѣ не встрѣтишь такъ изящно построенной сцены признанія, съ такой сознательно проведенной retardatio, какъ въ Климентинахъ (Hom. XII): разсчетъ на эффектъ, не переходящій въ сентиментальность, какъ въ сценѣ въ саду, въ житіи Ксантиппы, напоминающей своимъ колоритомъ поэтическій эпизодъ первоевангелія Іакова.

Ап. Петръ и его спутники посѣщаютъ островъ Арадъ; на пути встрѣча съ нищей, сидѣвшей на порогѣ дома. Почему ты не работаешь? спрашиваетъ апостолъ. — Рукъ нѣтъ у меня, одинъ лишь образъ рукъ; я искусала ихъ съ тоски — и она разсказываетъ о себѣ. Вышла она замужъ за именитаго человѣка, у ней было трое дѣтей, но въ неё влюбился деверь; подъ предлогомъ вѣщаго сна

она удалилась на время съ двумя старшими сыновьями, буря настигла ихъ въ морѣ, и она одна осталась въ живыхъ, выброшенная на этотъ островъ. Она ищетъ тѣла своихъ дѣтей; женщины утѣшаютъ её разсказами о своемъ собственномъ горѣ — но она не на столько зла, чтобъ утѣшаться чужей бѣдой. Одна бѣдная старуха, еще въ юности потерявшая мужа-моряка, приняла её къ себѣ въ домъ; она заболѣла, а у меня отнялись руки — я и прошу милостыни. — Петръ догадывается, что передъ нимъ мать Климента, только что разсказавшаго ему, что̀ ему самому было извѣстно о судьбѣ его семьи. Въ это время подходитъ Климентъ: Я вездѣ искалъ тебя, говоритъ онъ Петру; что теперь станемъ дѣлать? — Тотъ велитъ ему пойти напередъ къ лодкѣ, а самъ разспрашиваетъ нищую: пусть назоветъ себя и сыновей. Она даетъ ложныя указанія: будто она изъ Эфеса, ея мужъ изъ Сициліи. — Петръ недоумѣваетъ: Хотѣлъ было я порадовать тебя, думалъ, что ты та самая женщина, о которой я недавно слышалъ. — Она проситъ его досказаться: Неужели есть кто несчастнѣе ея? Петръ говоритъ, что у него есть ученикъ, сообщившій ему нѣчто подобное ея приключеніямъ. Услышавъ о томъ, нищая упала въ обморокъ; Петръ её поддерживаетъ, успокоиваетъ; что съ нею? спрашиваетъ онъ её. Она вся опустилась, точно опьянѣлая, но смутное чаяніе чего-то хорошаго возвращаетъ ей бодрость. Она третъ себѣ лицо, спрашиваетъ, гдѣ тотъ юноша?— Скажи мнѣ напередъ его имя. — Климентъ. — Это тотъ, кто не задолго говорилъ со мною. — Она бросается къ ногамъ Петра, проситъ его поспѣшить къ лодкѣ. Онъ говоритъ: Когда увидишь его, будь спокойна, пока не покинешь острова. — Онъ ведетъ её за руку; увидѣвъ это, Климентъ улыбается, но изъ почтенія къ учителю, и самъ беретъ её за руку. Только что коснулся ея, какъ она вскрикнула и бросилась къ нему въ объятія, называя его сыномъ, осыпая поцѣлуями. Климентъ не знаетъ въ чемъ дѣло, хочетъ оттолкнуть безумную, но удержался — ради Петра. — Что ты это дѣлаешь, сынъ мой Климентъ? говоритъ апостолъ: вѣдь ты отталкиваешь — мать свою!

Напомню взаключеніи сходную сцену признанія въ житіи св. Ксенофонта[1]), напоминающемъ отчасти очертанія Климентинъ.

Въ Царьградѣ при дворѣ Константина Великаго жилъ набожный сенаторъ Ксенофонтъ; у него и жены его Маріи было два сына, Іоаннъ и Аркадій, которыхъ они любили, какъ зѣницу ока. Когда они окончили свое воспитаніе дома, родители послали ихъ для усовершенствованія въ Беритъ, знаменитый въ то время своей юридической школой[2]). Сыновья отправились, простившись съ больнымъ отцомъ; черезъ нѣсколько дней буря разбила ихъ корабль, братья обнялись и поцѣловались, прощаясь на всегда. Волны разнесли ихъ: Іоанна выбросили неподалеку отъ одного монастыря, гдѣ принятый дружелюбно, онъ становится монахомъ; Аркадій, также приставшій къ берегу, идетъ въ Іерусалимъ, бѣдный, безъ средствъ для продолженія занятій; старый игуменъ побуждаетъ и его вступить на путь иночества. — Между тѣмъ, безпокоясь объ участи сыновей, родители послали въ Беритъ раба для поисковъ; онъ приноситъ вѣсть о гибели судна. Марія была дома одна: Господь далъ, Господь и отнялъ, да будетъ благословенно его имя! говоритъ она. Вечеромъ вернулся мужъ въ сопровожденіи слугъ, несшихъ факелы; ужинъ былъ накрытъ и онъ сѣлъ за столъ; видитъ, что жена опечалена, глаза полны слезъ. Онъ спрашиваетъ её, что съ нею; она перемѣнила предметъ разговора и черезъ нѣкоторое время, желая приготовить мужа исподоволь къ страшной вѣсти, говоритъ, что посланный ими рабъ находится уже на обратномъ пути. Ксенофонтъ вскочилъ изъ за стола въ сильномъ волненіи: Гдѣ-же посланный? спрашиваетъ онъ — Откуда-ты знаешь, что онъ уже здѣсь? Развѣ болѣзнь не могла задержать его на дорогѣ? — Но гдѣ-же письма? — Ты успѣешь прочесть ихъ и завтра; а теперь поужи-

[1]) AASS. Jan. 26, Jan. III, p. 338—345.

[2]) Объ юридической школѣ въ Беритѣ см. примѣчаніе К. **Мюллера** къ Liber junioris philosophi in quo continetur totius orbis descriptio, къ § 25. Сл. Geographi graeci minores v. II, p. 517 (= Geographi latini minores ed. Riese, p. 109).

най себѣ спокойно — А у самой слезы катились по лицу. Ксенофонтъ пристально посмотрѣлъ на неё и спросилъ глухимъ голосомъ: Здоровы-ли дѣти? — Она все разсказала. «Хвала Господу, даровавшему мнѣ столь разумную и сдержанную жену!» сказалъ онъ, подошелъ къ ней, поцѣловалъ и принялся утѣшать; у нея слезы полились теперь градомъ; сдерживать себѣ было не зачѣмъ. — Черезъ нѣкоторое время Ксенофонтъ и Марія рѣшаются отправиться въ Палестину, чтобы разузнать объ участи сыновей; въ Іерусалимѣ они встрѣчаютъ слугу, состоявшаго при нихъ и подтверждающаго вѣсть о кораблекрушеніи. Прошло три года въ поискахъ, когда неутѣшные родители зашли однажды въ монастырь, гдѣ пребывалъ Аркадій. Игуменъ догадывается изъ ихъ разсказа, что одинъ изъ ихъ сыновей находится при немъ, а вѣсти, недавно до него дошедшія, позволяютъ ему заключить, что и другой обрѣтается въ другой обители. Ободривъ родителей, онъ велитъ имъ прибыть къ нему на Голгоѳу въ извѣстный день; пока онъ соберетъ необходимыя свѣдѣнія. — Случилось такъ, что Іоаннъ былъ въ то время въ Іерусалимѣ; пославъ за нимъ и побесѣдовавъ, игуменъ утверждается въ своемъ подозрѣніи. Во время бесѣды вошелъ Аркадій. «Разскажи мнѣ о себѣ еще разъ, да по порядку», говоритъ игуменъ Іоанну; онъ разсказываетъ снова; услышавъ его повѣсть, Аркадій задрожалъ, протянулъ руки и упалъ къ ногамъ игумена со словами: Это — братъ мой! Іоаннъ призналъ его по голосу; по лицу они и не признали-бы другъ-друга, такъ измѣнила ихъ постническая жизнь. Братья въ умиленіи обнимаютъ другъ друга, а игуменъ совѣтуетъ имъ воздержаться: сейчасъ явятся ихъ родители, не повредила-бы имъ внезапная радость! Они пришли, подряхлѣвшіе съ горя; ихъ глаза устремлены были на игумена: что-то онъ откроетъ имъ? На монаховъ они не обратили вниманія. Возрадуйтесь, дѣти мои, и восхвалите Бога! говоритъ старикамъ игуменъ: ваши дѣти нашлись; теперь отправьтесь домой и устройте пиръ, на который и я приду съ этими моими учениками, а послѣ обѣда приведу вамъ и вашихъ сыновей. — За столомъ сыновья едва сдерживаютъ свое волне-

ніе; разговоръ сводится къ восхваленію святой жизни иноковъ въ лаврахъ Палестины. Ксенофонтъ хвалитъ ихъ мирное житіе: счастливъ былъ-бы я, еслибъ мои сыновья взыскали эти юдоли спасенія и покоя въ тиши зеленыхъ луговъ. — Но вѣдь это лишило-бы тебя ихъ общества? замѣчаетъ игуменъ. — Это всё равно; я былъ-бы счастливъ, еслибъ хотя еще разъ увидѣлъ ихъ. — Коли такъ, то пусть скажетъ свое слово одинъ изъ этихъ монаховъ и повѣдаетъ намъ, почему онъ избралъ иноческій жребій.—Аркадій началъ дрожащимъ голосомъ: Я и братъ мой, здѣсь присутствующій, рождены были въ Византіи отъ добрыхъ христіанскихъ родителей; имя одному было Ксенофонтъ, другому Марія.... Признаніе, на долго задержанное, наконецъ совершается, заключаясь молитвой къ Господу, снова собравшему вкупѣ разлученныхъ.

II.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы старались охарактеризовать нѣкоторые изъ тѣхъ формулъ и пріемовъ, развитыхъ на почвѣ греческаго романа, которые христіанскій писатель, прошедшій извѣстную школу и увлекаемый внѣшнимъ сходствомъ сюжета и положеній, безсознательно находилъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ. Въ этомъ смыслѣ мы позволяемъ себѣ говорить о романическихъ чертахъ и въ житіи Ксантиппы, Поликсены и Реввекки, которое передаемъ въ извлеченіяхъ и краткомъ пересказѣ.

Βίος καὶ πολιτεία τῶν ἁγίων καὶ ὁσίων γυναικῶν Ξανθίππης, Πολυξένης καὶ Ῥεββέκκας, συγγραφεὶς παρὰ Ὀνησίμου ἀποστόλου μαθητοῦ τοῦ ἁγίου Παύλου.

Τοῦ μακαρίου Παύλου ὄντος ἐν τῇ Ῥώμῃ διὰ τὸν λόγον τοῦ Κυρίου, ἔτυχέν τινα δοῦλον ἀνδρὸς βασιλικοῦ τῆς Σπανίας καταντῆσαι ἐν τῇ Ῥώμῃ διὰ γράμματα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ καὶ ἀκοῦσαι τὸν λόγον τοῦ θεοῦ παρὰ Παύλου τῆς χρυσῆς ὄντως καὶ καλῆς ἀηδόνος. Κατανυγέντος δὲ σφόδρα τοῦ δούλου ἐκείνου καὶ μὴ δυναμένου

προσπαραμεῖναι καὶ κορεσθῆναι τοῦ θείου λόγου διὰ τὸ ἐπείγεσθαι αὐτὸν ὑπὸ τῶν γραμμάτων, μετὰ λύπης μεγάλης ὑπέστρεψεν εἰς τὴν Σπανίαν, καὶ μὴ δυνάμενος ἐκφάναι τινὶ τὴν ἐπιθυμίαν αὐτοῦ διὰ τὸ εἶναι τὸν κύριον αὐτοῦ εἰδωλολάτρην, ἦν κατόδυνος ἀεὶ τῇ ψυχῇ καὶ στενάζων πάνυ· οὗτος δὲ ὁ δοῦλος ἦν ἔντιμος καὶ πιστὸς τοῖς κυρίοις αὐτοῦ. Χρόνου δὲ διιππεύσαντος, ἠσθένει ὁ παῖς καὶ ἐλεπτύνετο τῇ σαρκί. καὶ προσεσχηκὼς αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ εἶπεν πρὸς αὐτόν· τί σοι γέγονεν, ὅτι οὕτως συμπέπτωκας τῷ προσόπῳ; Λέγει αὐτῷ ὁ παῖς· πόνος μέγας τυγχάνει, δέσποτα, ἐν τῇ καρδίᾳ μου, καὶ οὐδ' ὅλως δύναμαι ἀναπαύ[εσθαι]. Λέγει αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ· καὶ τίς ἐστιν ὁ πόνος ὅς οὐ δύναται ὑπὸ τοῦ ἐμοῦ ἀρχιατροῦ θεραπείας τυχεῖν; Ἔφη ὁ παῖς· ἔτι μου ὄντος ἐν τῇ Ῥώμῃ ὑπέμνησέν με ὁ πόνος οὗτος καὶ ἀνακλητικὴ αὐτοῦ συμφορά. Λέγει ὁ κύριος αὐτοῦ· καὶ οὐκ ἔγνως τινὰς τούτῳ τῷ πένθει παραπεσόντας καὶ θεραπείας τυχόντας; Λέγει ὁ παῖς· ναί. Ἀλλὰ ποῦ ἐστιν ὁ ἰατρὸς ἐκεῖνος; Ἐν τῇ Ῥώμῃ κατέλιπον αὐτόν· ὅσοι τοίνυν ὑπὸ τοῦ ἰατροῦ περιωδεύθησαν καὶ διὰ τοῦ ὕδατος ὑπ' ἐκείνου διῆλθον, ἔτυχον καὶ θεραπείας παραχρῆμα. Ὁ δὲ κύριος αὐτοῦ εἶπεν· οὐκ ὀκνητέον μοι καὶ πάλιν πέμψαι σε εἰς Ῥώμην, ὅπως ἰάσεως τύχῃς. Καὶ ἐν τῷ λέγειν αὐτοὺς ταῦτα, ἰδοὺ καὶ ἡ κυρία αὐτοῦ ὀνόματι Ξανθίππη, ἐπακροασαμένη τῶν λόγων τούτων καὶ μαθοῦσα τὴν περὶ τοῦ Παύλου διδασκαλίαν, λέγει· τί τὸ ὄνομα τοῦ ἰατροῦ ἐκείνου ἢ τί αὐτοῦ ἡ πρὸς ἄμυναν τοῦ τοιούτου πάθους θεραπεία; Λέγει ὁ παῖς πρὸς αὐτήν· Ἐπίκλησις ὀνόματος καινοῦ καὶ χρῖσις ἐλαίου καὶ λουτρὸν ὕδατος· ταύτῃ σὺν ἐπιμελείᾳ ἐγὼ ἑώρακα πολλοὺς ἀνιάτους ἔχοντας πόνους θεραπείας τυχόντας. Ταῦτα δὲ αὐτοῦ λέγοντος τὰ ξόανα τῶν εἰδώλων τὰ ἐν τῇ οἰκείᾳ ἱστάμενα ἤρξαντο ταράττεσθαι καὶ καταπίπτειν. Διενεύσατο δὲ αὐτῷ ἡ κυρία αὐτοῦ λέγουσα· Ὁρᾷς, ἀδελφέ, τὰ ξόανα τῶν εἰδώλων ταραττόμενα, πῶς οὐ φέρουσι τοῦ λόγου τὴν δύναμιν; — Ἀνέστη δὲ ὁ κύριος αὐτοῦ ὀνόματι Πρόβος ἀπὸ τοῦ μεσημβρίου ὕπνου, σκυθρωπὸς πάνυ· ὁ γὰρ διάβολος ἐτάραξεν αὐτὸν σφόδρα τῆς γνώσεως τοῦ θεοῦ ἐλθούσης ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ· καὶ ἠρώτα τὸν παῖδα καθεξῆς πάντα. Καὶ ὁ μὲν παῖς προνοίᾳ θεοῦ ἀρρωστίᾳ συλληφθεὶς κατέλυσε τὸν ἀνθρώπινον βίον· Ἡ δὲ Ξανθίππη

ἀνιάτως πάνυ εἶχεν τὴν ψυχὴν περὶ ταύτης τῆς διδαχῆς, ὁμοίως δὲ καὶ Πρόβος ἐλυπεῖτο περὶ τῆς Ξανθίππης ὅτι ἦν κατατήκουσα ἑαυτὴν ἔκτοτε τῇ ἀγρυπνίᾳ καὶ ἐγκρατείᾳ καὶ τῇ λοιπῇ σκληραγωγίᾳ. Ἀπελθοῦσα δὲ ἡ Ξανθίππη πρὸς τὴν κλίνην ἑαυτῆς καὶ ἀναστενάξασα εἶπεν· Οἴμοι τῇ ἀθλίᾳ τῇ ἐν σκότει κατακειμένῃ, ὅτι οὐκ ἔμαθον τὸ ὄνομα τοῦ καινοῦ διδασκάλου ἵνα ἐπεκαλεσάμην αὐτοῦ τὴν εὐχήν· καὶ τί εἴπω οὐκ οἶδα· ἐπικαλέσομαι τῷ ὀνόματι τοῦ θεοῦ αὐτοῦ; ἀλλ' οὐκ οἶδα τοῦ εἰπεῖν. Ὁ ὑπὸ τοῦ δεῖνος κηρυσσόμενος θεός, ὅμως οὖν ἐν ὑπονοίᾳ λέξω, ὁ τοὺς ἐν ᾅδῃ φωτίσας θεὸς καὶ τοὺς ἐν σκότει παιδαγωγήσας, ὁ ἐλευθέρων καὶ βασιλέων κύριος καὶ ὑπὸ δούλων ἀξίων κηρυσσόμενος ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ, ὁ ὑπὸ ἀνθρώπων ἁμαρτωλῶν φωνούμενος ὡς ἀδελφὸς καὶ τάχιστα ὑπακούων, ᾧ οὐδὲ ἀρχάγγελοι ὕμνους ἀξίους ἀναπέμψαι ἰσχύουσιν, ὁ κἀμὲ τὴν ταπεινὴν καὶ ἀναξίαν δείξας τὸν σπόρον τὸν ἀεὶ ζῶντα καὶ μένοντα, λαβεῖν δέ με αὐτὸν ἡ ἀγνωσία οὐ παραχωρεῖ· τάχυνον καὶ τὰ περὶ ἐμέ, δέσποτα, ὅτι σῷ θελήματι ἀκουστόν μοι σεαυτὸν ἐποίησας, καὶ τῇ σῇ εὐσπλαγχνίᾳ δεῖξόν μοι ἐμφανισμὸν τοῦ κήρυκός σου πρὸς τὸ μαθεῖν με παρ' αὐτοῦ τὰ σοὶ εὐάρεστα. ναὶ δέομαί σου, ἔπιδε ἐπὶ τὴν ἄνοιάν μου ὁ θεός, καὶ φώτισόν με τῷ φωτὶ τοῦ προσώπου σου, ὁ μηδέποτέ τινα παρορῶν τῶν ἐν ἀληθείᾳ ἐπικαλουμένων σε. — Λέγει πρὸς αὐτὴν Πρόβος ὁ ἀνὴρ αὐτῆς· Τί σκύλλεις σεαυτήν, κυρία, ἐπὶ τοσοῦτον, καὶ οὐδ' ὅλως γίνῃ πρὸς τὸ ἀναπαυθῆναι; Ἔφη ἡ Ξανθίππη· Οὐ δύναμαι ἀναπαύ[εσθαι], ὅτι πόνος ἀνίατος τυγχάνει ἐν ἐμοί. Ὁ δὲ Πρόβος εἶπεν πρὸς αὐτήν· Καὶ τίς σοι ἐστὶν ὁ πόνος ἢ ἡ λύπη, ὦ κυρία, ὅτι οὐ καταρκῶ ἐγὼ εἰς παραμυθίαν σου; πάντα γὰρ ὅσαπερ ἠβούλου μέχρι τῆς σήμερον ὑπούργησά σοι, καὶ νῦν τί ἐστιν ὃ ἔχεις καὶ οὐκ ἀναγγέλλεις μοι; Λέγει αὐτῷ ἡ Ξανθίππη· Τοῦτό σε μόνον παρακαλῶ, κύριέ μου, ἄνες μοι μικρὸν καὶ τὸ σήμερον μόνον καταμόνας σε καθευδῆσαι».

Провъ соглашается, лишь-бы унялась ея печаль, а она удалилась къ себѣ и продолжаетъ сѣтовать и печаловаться вслухъ. Слышитъ это Провъ и, увидѣвъ её на другое утро съ глазами, воспаленными отъ слезъ, снова проситъ её высказать ему причину ея печали. Она успокоиваетъ его, «ὅτι οὐ μή σε βλάψῃ ἡ ἐμὴ

ἀδημονία, ἀλλ' εἰ εὗρον χάριν ἐνώπιόν σου, πρόελθε νῦν εἰς τὸν ἀσπασμὸν κἀμὲ ἔασον ἑαυτὴν πληροφορῆσαι ὡς βούλομαι.... Καὶ ὑπακούσας αὐτῇ προῆλθε παρευθὺ τοὺς ἀσπασμοὺς ὑποδέξασθαι τῶν ἐξόχων τῆς πόλεως· αὐτὸς γὰρ ἦν ὁ παρ' αὐτοῖς μέγας, ἦν δὲ καὶ γνωστὸς Νέρωνι τῷ βασιλεῖ. Καὶ καθίσας ἐν τῷ προσώπῳ αὐτοῦ λύπῃ πολλῇ ἐφαίνετο· ὅς, ἐρωτώμενος τὴν αἰτίαν τῆς λύπης παρὰ τῶν ἐξόχων τῆς πόλεως, ἔλεγεν αὐτοῖς εἰς πολλὰς καὶ ἀνυποστάτους αἰτίας ἐμπεπτωκέναι. Προῆλθεν δὲ καὶ ἡ Ξανθίππη ἐπὶ παράδεισον τοῦ ἐγκύψασαν αυτὴν μετεωρισθῆναι πρὸς πληροφορίαν τοῦ ἀνδρός, καὶ ὁρᾷ τὴν τέρψιν τῶν δένδρων καὶ τὸν διάφορον κελαδισμὸν τῶν ὀρνέων, καὶ στενάξασα λέγει· Ὦ εὐπρέπεια κόσμου, ὃν γὰρ ἕως τοῦ νῦν ἐνομίζομεν αὐτοματισμὸν εἶναι, νῦν ἐγνώκαμεν ὅτι ὑπὸ τοῦ εὐπρεποῦς εὐπρεπῶς ἐδημιουργήθη τὰ πάντα. ὦ ἐξουσία καὶ ἐξαίρεσις σοφίας, ὅτι οὐ μόνον ἐν ἀνθρώποις μυρίας γλῶσσας ἐνέθηκεν, ἀλλὰ καὶ ἐν ὀρνέοις διαφόρους ὥρισε φωνάς, ὡς ἐξ ἀντιφώνων καὶ ὑπηκόων ἡδυφθόγγους καὶ κατανυκτικοὺς ὑπὸ τῶν ἰδίων ἔργων ὑποδέχεσθαι ὕμνους. ὦ τερπνότης ἀέρων τὸν ποιητὴν ἀνείκαστον ὑποδεικνύουσα.[1]) τίς μου τὸ πένθος εἰς εὐφροσύνην μετατρέψει; Καὶ πάλιν εἶπεν· Ὁ ὑπὸ πάντων ἀνυμνούμενος θεός, δός μοι ἀνάπαυσιν καὶ παραμυθίαν. Τούτων δὲ λεγομένων ὑπ' αὐτῆς, ἐπανῆλθεν καὶ ὁ Πρόβος ἀπὸ τῆς πλατείας εἰς τὸ ἄριστον, καὶ ὡς εἶδεν τὸ πρόσωπον αὐτῆς ἠλλοιωμένον ἀπὸ τῶν δακρύων, ἤρξατο ἐκτίλλειν τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, εἰπεῖν δὲ αὐτῇ τέως τί οὐκ ἐτόλμησεν διὰ τὸ μὴ ἐπικερασθῆναι ἐν τῇ θλίψει αὐτῆς ἑτέραν θλίψιν. Πορευθεὶς δὲ ἀνέπεσεν ἐπὶ τῆς κλίνης αὐτοῦ καὶ στενάξας εἶπεν· Οἴμοι ὅτι οὔτε κἂν τέκνον παραμυθίαν ἔσχον ἐξ αὐτῆς, ἀλλ' ὀδύνην μόνον ἐπ' ὀδύνην κερδαίνω. οὐ πλήρεις εἰσὶ δύο ἐνιαυτοὶ ἀφοῦ συνεζεύχθην αὐτῇ, καὶ ἤδη ἀποστασίαν μελετῶ. Ἦν δὲ πάντοτε ἡ Ξανθίππη ἀποσκοπεύουσα διὰ τῶν θυρίδων εἰς τὰς πλατείας τῆς πόλεως· ὁ δὲ μακάριος Παῦλος, ὁ κήρυξ καὶ διδάσκαλος καὶ φωστὴρ τῆς οἰκουμένης, ἐξελθὼν τῆς Ῥώμης κατήντησεν καὶ ἐν τῇ Σπανίᾳ κατὰ πρόνοιαν θεοῦ, καὶ ἐγγίσας τὰ πρόθυρα τῆς πόλεως, στὰς προσηύξατο καὶ σφραγίσας ἑαυτὸν εἰσῄει εἰς τὴν

---

[1]) Сл. съ этимъ отрывкомъ Clem. Hom. III, гл. XXXIV.

πόλιν· Ἡ δὲ Ξανθίππη ὡς εἶδε τὸν μακάριον Παῦλον πράως καὶ ὁμαλῶς βαδίζοντα καὶ πάσῃ ἀρετῇ καὶ συνέσει κεκοσμημένον, ἐτέρφθη πάνυ ἐν αὐτῷ καὶ ἔπαλλεν συνεχῶς ἡ καρδία αὐτῆς καὶ ὥσπερ ἐξ ἀπροσδοκήτου χαρᾶς συλληφθεῖσα λέγει ἐν ἑαυτῇ· Τί ὅτι πολυσαλεύτως πάλλει μου ἡ καρδία ἐπὶ τῇ ὁράσει τοῦ ἀνδρὸς ἐκείνου; τί πρᾶος αὐτοῦ καὶ ὁμαλὸς ὁ περίπατος ὡς εἴ τις ἐκδέχεται διωκόμενον ἐναγκαλίσασθαι; τί εὐμενὲς αὐτοῦ τὸ πρόσωπον, ὡς εἴ τις θεραπεύει ἀσθενεῖς; τί εὐμόρφως περισκοπεῖ ὧδε κἀκεῖσε ὡς εἴ τις θέλει βοηθῆσαι τοῖς φυγεῖν βουλομένοις ἐκ στόματος δρακόντων; τίς δέ μοι καὶ ἀναγγελεῖ ὅτι τυγχάνει οὗτος ἐκ τῆς ποίμνης τῶν κηρύκων; εἰ ἦν μοι δυνατόν, ἤθελον ἅψασθαι τοῦ κρασπέδου τῶν ἱματίων αὐτοῦ ἵνα ἴδω τὴν εὐμένειαν καὶ πρόσδεξιν αὐτοῦ καὶ εὐωδίαν. Ἔλεγεν γὰρ αὐτῇ καὶ τοῦτο ὁ παῖς ὅτι καὶ τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων αὐτῶν μύρων πολυτίμων εὐωδίαν ἔχουσιν. Ἤκουσεν δὲ ὁ Πρόβος τῶν ῥημάτων αὐτῆς καὶ εὐθέως ἐξεπήδησεν δι' ἑαυτοῦ ἐπὶ τὸ ἀμφόδιον, καὶ κρατήσας τῆς χειρὸς τοῦ Παύλου εἶπεν αὐτῷ· Ἄνθρωπε, ὅστις εἶ οὐκ οἶδα, πλὴν καταξίωσον ἐν τῇ οἰκίᾳ μου εἰσελθεῖν, ἴσως γένηταί μοι πρόφασις σωτηρίας. Ὁ δὲ Παῦλος πρὸς αὐτὸν εἶπεν· Εὖ σοι ἔσται, τέκνον, ἐπὶ τῇ αἰτήσει σου· καὶ ἀπῆλθον ἅμα πρὸς Ξανθίππην· ὡς οὖν εἶδεν ἡ Ξανθίππη τὸν μέγαν Παῦλον, ἀπεκαλύφθησαν αὐτῆς οἱ νοεροὶ τῆς καρδίας ὀφθαλμοὶ καὶ ἀνέγνω ἐν τῷ μετώπῳ αὐτοῦ ταῦτα ἔχοντι ὥσπερ σφραγῖδας χρυσᾶς· Παῦλος ὁ τοῦ θεοῦ κῆρυξ. Τότε ἐξαλλομένη καὶ χαίρουσα ἔρριψεν ἑαυτὴν εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ καὶ περιπλέξασα τὰς χεῖρας αὐτῆς κατεφίλει τὰς βάσεις τῶν ποδῶν αὐτοῦ καὶ ἔλεγεν· Καλῶς ἐλήλυθας ὧδε, τοῦ θεοῦ ἄνθρωπε, πρὸς ἡμᾶς τοὺς ταπεινούς, τοὺς μετὰ εἰδώλων εἰς εἴδωλα ἀναστρεφομένους и т. д. — Павелъ велитъ ей встать, говоритъ, что пришелъ сюда, посланный Христомъ; лишь силой заставилъ онъ её подняться, а она спѣшитъ принести ему золоченое кресло. Пробъ ничего не понимаетъ, лишь удивляется ихъ бесѣдѣ: Павелъ успокоиваетъ ея страстную поспѣшность; Богъ всё устроитъ со временемъ, говоритъ онъ ей; дьяволъ возбуждаетъ своихъ приверженцевъ противъ проповѣдниковъ слова Божія. Увѣренности Ксантиппы, что его молитва надъ Пробомъ прогонитъ отъ него злого духа, онъ

противопоставляетъ свой опытъ: узы и побои, которымъ онъ подвергался τῇ ὑποβολῇ αὐτοῦ καὶ ἐνεργείᾳ.

Между тѣмъ о прибытіи Павла узнали въ городѣ, и многіе изъ видѣвшихъ въ Римѣ его чудеса стекаются посмотрѣть на него. Пробу это не нравится: его домъ — не гостинница; а Ксантиппа сѣтуетъ, что Павелъ удалится отъ нихъ καὶ ἡ ἐκκλησία ἀλλαχοῦ μέλει γενέσθαι. Εἶτα ταῦτα διανοουμένη ἡ Ξανθίππη ἔθηκεν τὴν χεῖρα αὐτῆς εἰς τὸν πόδα Παύλου καὶ λαβοῦσα χοῦν, μετακαλεσαμένη τὸν Πρόβον, ἔθηκε τὴν χεῖρα αὐτῆς ἐπὶ τὸ στῆθος αὐτοῦ καὶ εἶπεν· Κύριε ὁ θεός μου, τὰ συμφέροντα ἔνθου ἐν τῇ καρδίᾳ ταύτῃ καὶ ὁ ἐμὲ τὴν ταπεινὴν ἐπιζητήσας ἀγνοοῦσαν σε. Ἀισθανθεὶς δὲ ὁ Παῦλος τῆς προσευχῆς αὐτῆς καὶ αὐτὸς ἐσφράγισεν. Καὶ ἐπὶ ἡμέρας πλείους ἀκολύτως εἰσῄει ὁ λαός. — Происходятъ исцѣленія, а Ксантиппа проситъ Павла окрестить её, когда дьяволъ снова воздвигнулъ Проба, который Павла изгоняетъ изъ дома, а жену запираетъ ἐν κουβουκλείῳ.

Одинъ изъ именитыхъ мужей города, Филоѳей, приглашаетъ апостола въ свой домъ; какъ-бы Пробъ не учинилъ тебѣ какого-нибудь безпокойства изъ-за меня, говоритъ ему Павелъ. Καὶ ὁ Φιλόθεος πρὸς αὐτὸν ἔφη· Οὐχί, πάτερ, οὐδ' ὅλως ὑποπίπτω αὐτόν, οὐ γὰρ ἐν ἄλλῳ τινὶ μείζων μου τυγχάνει, εἰ μὴ ἐν ἀξιώματι, καὶ τοῦτο τῶν γονέων τῆς Ξανθίππης ὑπὲρ ἐμὲ ὄντων. εἰ δὲ ἥξῃ ὁ Πρόβος πρός με, καὶ ἐν πλούτῳ καὶ ἐν πολέμῳ ὑπὲρ ἐκεῖνον τυγχάνω.— Павелъ переселяется къ нему; услышавъ о томъ, Ксантиппа радуется: Филоѳей убѣдитъ и ея мужа принять христіанство. Ночью, когда Пробъ заснулъ, отягченный виномъ, она, подкупивъ своихъ стражей, идетъ къ Павлу, принимаетъ отъ него крещеніе и успѣваетъ возвратиться, прежде чѣмъ Пробъ проснулся. Черезъ нѣсколько дней самъ Христосъ явился къ ней — въ образѣ Павла.

Между тѣмъ Пробъ видѣлъ страшный сонъ, велитъ поскорѣе позвать τοὺς σοφοὺς Βαίρανδον (далѣе: Βάρανδος) καὶ Γνωστέα; объясняя ему его видѣніе διεσάφησαν αὐτῷ ἐκεῖνοι περὶ τῆς βασιλείας τοῦ Χριστοῦ καὶ τοῦ σταυροῦ καὶ τοῦ βαπτίσματος καὶ τῆς ἀποστολῆς τῶν δούλων αὐτοῦ τῶν κηρυττόντων αὐτόν, καὶ συνεβου-

λεύσαντο αὐτῷ πιστεῦσαι καὶ δέξασθαι τὸ τοῦ Παύλου βάπτισμα, καθὼς καὶ τῇ νυκτὶ ἑώρακεν. — **Онъ посылаетъ ихъ посмотрѣть — жива-ли Ксантиппа: вотъ уже двадцать девять дней, какъ она не принимала пищи. Они застаютъ её славословящей Господа и бросаются ей въ ноги: пусть помолится и о нихъ, дабы и они пріобщились къ Христову стаду. Ксантиппа отсылаетъ ихъ къ Павлу; они идутъ, съ ними Ксантиппа и Пробъ, и застаютъ Павла проповѣдующимъ. — На другой день Пробъ снова отправляется къ апостолу, который и креститъ его. На радостяхъ Ксантиппа устраиваетъ у себя дома пиръ: всѣ веселятся и благодарятъ Бога.**

Μετὰ δὲ τὸν πολυτέλευτον δεῖπνον ἐκεῖνον ἀναστάντες ἀπὸ τῆς τραπέζης ἀμφότεροι, ὁ μὲν Πρόβος ἀπῆλθεν πρὸς τὴν ἀκρόασιν τοῦ λόγου, ἡ δὲ Ξανθίππη ἀνεγίνωσκε τοὺς προφήτας ἐν τῷ κοιτῶνι αὐτῆς, ἀνακειμένης τῆς ἀδελφῆς αὐτῆς Πολυξένης. Ἠγάπα γὰρ ἡ Ξανθίππη τὴν Πολυξένην πολλά, ὅτι ἦν νεωτέρα ὑπὲρ αὐτὴν καὶ ὡραία τῇ ὄψει· καὶ ὁ Πρόβος δὲ ἠγάπα αὐτὴν πάνυ· Ἀπελθούσης δὲ Ξανθίππης πρὸς τὸν Παῦλον, ἔμεινεν μόνη ἡ Πολυξένη ἐν τῷ κοιτῶνι διὰ τὸ τὴν τροφὸν αὐτῆς ἀπελθεῖν πρὸς Παῦλον μετὰ Ξανθίππης· Καὶ περὶ τὸ μεσονύκτιον ἀνήρ τις δυνατὸς ἐν χρήμασι καὶ βοηθείᾳ, εὑρὼν ἀνεωγμένας τὰς θύρας, εἰσελθὼν ἀφήρπασε τὴν Πολυξένην· αὕτη δὲ μὴ εὑρίσκουσα πῶς διαφύγῃ, ἔλεγεν· Οἴμοι τῇ παραδεδομένῃ τῷ λοιμεῶνι τούτῳ· ἤκουσεν γὰρ παρά τινος ὅτι κατὰ τοῦ μνηστῆρος αὐτῆς ἐποίησεν μάχην, καὶ εἰς ἄμυναν καὶ λύπην αὐτοῦ σκοπήσας καιρὸν εὔθετον, ἔλαβεν αὐτήν· ἦν γὰρ ἀνὴρ ἀποστερητὴς καὶ ἀνήμερος πάνυ καὶ ἐξησχημένος εἰς τὸ κακὸν ποιεῖν. Λαβόντες δὲ αὐτὴν ἐξῆλθον ἔξω τῆς πόλεως, ἕλκοντες ἐπὶ τὴν θάλασσαν· αὐτῆς δὲ περιβλεπομένης ἔνθεν κἀκεῖθεν, οὐκ ἦν ὁ ἐξαιρούμενος αὐτήν. Καὶ στενάζουσα ἔλεγεν· Οἴμοι, ἀδελφή μου Ξανθίππη, ἑπτακοσίους πλήρεις χρυσίνους ἔπεμψας εἰς Ῥώμην καὶ βίβλους ἐκομίσω ἵνα τὰ ἐμὰ δι' αὐτῶν προφητεύσῃς· ἑσπέρας γὰρ ἀνεγίνωσκες· «κατενόουν εἰς τὰ δεξιὰ καὶ ἐπέβλεπον καὶ οὐκ ἦν ὁ ἐπιγινώσκων με· ἀπώλετο φυγὴ ἀπ' ἐμοῦ καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἐκζητῶν τὴν ψυχήν μου». Καὶ ἰδοὺ συνήντησάν μοι τῇ ἀθλίᾳ τὰ τῆς προφητείας σου λόγια.—Καὶ ὡς ταῦτα

ἔλεγεν, ἔφθασαν τὸν αἰγιαλὸν καὶ μισθωσάμενοι πλοῖον ὥρμουν ἐπὶ τὴν Βαβυλῶνα· εἶχεν γὰρ ἀδελφὸν τοπάρχην ἐκεῖσε ὁ ταύτην καθαρπάσας. Ἀντέπνευσεν ἄνεμος ἐναντίος τοῦ μὴ πορευθῆναι αὐτοὺς δι'ἐκείνης· κωπηλατούντων δὲ αὐτῶν ἐν τῇ θαλάσσῃ, ἰδοῦ καὶ ὁ ἀπόστολος Πέτρος ἦν παράγων ἐν πλοίῳ ἐπειγόμενος ὑπὸ ὁράματος γενέσθαι εἰς Ρώμην, διὰ τὸ ἐξελθόντος Παύλου ἐπὶ τὴν Σπανίαν εἰσελθεῖν ἐν τῇ Ρώμῃ πλάνον τινὰ καὶ μάγον ὀνόματι Σίμωνα καὶ λῦσαι τὴν ἐκκλησίαν, ἣν συνεστήσατο ὁ Παῦλος. Καὶ ἰδοῦ πορευομένου αὐτοῦ ἤκουσεν φωνῆς λεγούσης αὐτῷ οὐρανόθεν· Πέτρε, αὔριον συναντήσει σοι πλοῖον ἐρχόμενον ἀπὸ τῆς Σπανίας, ἀναστὰς οὖν πρόσευξαι ὑπὲρ τῆς τεθλιμμένης ἐν αὐτῷ ψυχῆς. — Петръ молится, а демоны говорятъ магамъ, что̀ были на кораблѣ, что имъ не подъ силу бороться съ Петромъ и надо перемѣнить направленіе плаванія. Корабль пристаетъ, среди бури, къ Элладѣ, гдѣ въ то время находился апостолъ Филиппъ. Вслѣдствіе бывшаго ему откровенія онъ выходитъ съ народомъ на морской берегъ; судно пристало, всѣ бывшіе на немъ, измученные бурей, попадали на землю замертво; Филиппъ сдастъ Поликсену на руки одному изъ своихъ учениковъ, а самъ идетъ, славя Бога. Между ученикомъ и похитителемъ Поликсены, оправившимся отъ морской болѣзни, заводится споръ: послѣдній находитъ поддержку въ одномъ родственникѣ, мѣстномъ Комитѣ (εὑρὼν ἐκεῖσε συγγενέα αὐτοῦ κόμητα) готовится дѣйствовать силой (συναγαγὼν χιλιάδας ὀκτώ); тотъ, кто пріютилъ у себя дѣвушку, хочетъ выйти навстрѣчу одинъ, λαβὼν τὸν ἐπενδύτην Φιλίππου, когда его извѣщаютъ, что она скрылась ночью. Онъ предается горю — что-то онъ отвѣтитъ апостолу? А между тѣмъ рабы говорятъ ему, что его домъ уже окруженъ большой толпой, καὶ οὔτε ἡ πόλις αὐτοὺς φέρει. Онъ хочетъ умереть: ἴσως κἂν ἐν τούτῳ πληροφορηθῇ ὁ δοῦλος τοῦ Χριστοῦ Φίλιππος, ἐπεὶ εὑρεθήσομαι ὡς καταφρονήσας τῆς αὐτοῦ ἐντολῆς. Рабы готовятся бѣжать, покинувъ своего господина; опомнившись, они въ числѣ тридцати человѣкъ выходятъ противъ враговъ со знаменіемъ креста и одеждой Филиппа: 5000 человѣкъ избили, остальныхъ обратили въ бѣгство. Возвратившись

домой съ побѣднымъ славословіемъ, они находятъ хозяина по прежнему въ слезахъ и ободряютъ его.

Между тѣмъ Поликсена забрела εἰς ἐρήμους τόπους ὀρέων, сѣла и принялась сѣтовать; затѣмъ, снова пустившись въ путь καὶ διελθοῦσα αὐχένιον μικρὸν ἐνέπεσεν εἰς ὕλην, σφόδρα δασεῖαν καὶ μεγάλην; вошла въ пещеру львицы, ушедшей на ту пору за добычей. — Новыя жалобы Поликсены: ὦ μήτηρ ἐμή, πῶς προϊδοῦσά μου τὴν ξενιτείαν Πολυξένην με ὠνόμασας; ἄρα τίς ἄλλος ἐνέπεσεν εἰς τοσαύτας θλίψεις καὶ συμφοράς; περὶ ἐμοῦ, ἀδελφή μου Ξανθίππη, ἀνεγίνωσκες λέγουσα· «ἐταλαιπώρησα καὶ κατεκάμφθην ἕως τέλους», ἀλλὰ ταῦτα σοῦ ὀδυνομένης ἐφθέγγου, ἐγὼ δὲ ἐπὶ στρομνῆς ἀνεκείμην μηδ' ὅλως μεριμνῶσα περὶ τῶν κακῶν μου».— Настало утро и явилась львица; Поликсена заклинаетъ её Богомъ ап. Павла не трогаетъ её, еще не удостоившуюся крещенія, и львица останавливается вдали, смотря на Поликсену, которая идетъ далѣе — на востокъ. Львица выводитъ её изъ лѣсу; Поликсена молится о ней, чтобы она никогда не попадалась въ руки охотника — и та возвращается въ свое логовище.

Поликсена выходитъ на большую дорогу и плачетъ, не зная, куда ей идти; многіе проходятъ мимо, она ни къ кому не обращается; можетъ быть вспомянетъ меня Богъ Павла, говоритъ она, рѣшаясь обратиться къ тому, кто почувствуетъ къ ней жалость. «Καὶ ἰδοῦ παρῆγεν ὁ τοῦ Θεοῦ ἀπόστολος Ἀνδρέας πορευόμενος ἐκεῖνον τὸν τόπον, καὶ ὡς ἤγγισεν τῇ Πολυξένῃ, εὐθὺς ἔδραμεν πρὸς αὐτόν. Καὶ λέγει ὁ Ἀνδρέας· Μὴ ἐγγίσῃς μοι, τέκνον, ἀλλ' εἰπέ μοι, τίς εἶ καὶ πόθεν; Καὶ εἶπεν αὐτῷ ἡ Πολυξένη· Ἐγὼ μὲν, Κύριέ μου, ξένη εἰμὶ τῶν ἐνταῦθα, ὁρῶ δὲ τὸ πρόσωπόν σου χαρίεν καὶ τὰ λόγιά σου ὡς λόγια Παύλου, καὶ ὑπολαμβάνω τοῦ αὐτοῦ σε θεοῦ εἶναι. Ὁ δὲ Ἀνδρέας συνῆκεν ὅτι περὶ τοῦ ἀποστόλου λέγει καὶ φησίν· Καὶ ποῦ σὺ ἐπίστασαι τὸν Παῦλον; Ἡ δὲ εἶπεν· Εἰς τὴν πατρίδα μου εἰς Σπανίαν. Ὁ δὲ Ἀνδρέας λέγει πρὸς αὐτήν· Καὶ πῶς σὺ ἐνταῦθα τυγχάνεις τῆς χώρας πολὺ ἀφεστηκόσης; Ἡ δὲ λέγει· Διὰ τὸ κακῶς ἀεὶ προσκεῖσθαι μου ἐν ταῖς ὑμῶν διδασκαλίαις. — Она проситъ апостола окрестить её; они находятъ воду, и въ то

время какъ ап. Андрей молится надъ источникомъ, ἰδοῦ τις παρθένος ὀνόματι Ρεββέκα ἐκ φυλῆς Ἰσραὴλ αἰχμάλωτος ἀχθεῖσα ἐν τῇ χώρᾳ ἐκείνῃ ἦλθεν τοῦ ὑδρεύσασθαι. По виду она заключаетъ, что Андрей изъ числа апостоловъ, преклоняется передъ нимъ и также проситъ окрестить τὴν αἰχμαλωτισμένην καὶ τρίτον πεπραμένην, τήν ποτε ὑπὸ προφητῶν τιμωμένην, νυνὶ δὲ ὑπὸ εἰδωλολατρῶν ἐνυβριζομένην. — Апостолъ, совершивъ надъ ними таинство, велитъ имъ не разлучаться; они хотѣли бы послѣдовать за нимъ, но онъ не допускаетъ того и идетъ своей дорогой. — Куда имъ направиться? Ревекка боится, чтобы ея не хватилась ея госпожа, Поликсена совѣтуетъ идти въ горы — къ львицѣ. Καὶ ἤρξαντο ὁδεύειν· καὶ ἰδοὺ κατ' οἰκονομίαν Θεοῦ συναντῶσιν κτηνίτην, ὃς ἰδὼν αὐτὰς λέγει· Ὑμεῖς οὐκ ἐστὲ τῆς χώρας ταύτης καὶ ὡς ὁρῶ οὐδὲν γήινον ἐπιφέρεσθαι. Κελεύσατε οὖν ἐκ τοῦ παιδὸς ἡμῶν ἄρτον φαγεῖν καὶ ἓν ἀργύριον λαβεῖν πρὸς τὸ μνημονεύειν τοῦ παιδὸς ὑμῶν, ὁπόταν ἀγοράζητε ἄρτον. Καὶ σπεύσας καθεῖλεν τοὺς μαρσίπους ἀπὸ τῶν ὄνων, καὶ στρώσας ἐπὶ τῆς γῆς, ἀνέκλινεν τὰς παρθένους καὶ λέγει αὐταῖς· Ἐπειδὴ ὁ οἶνος ὃν βαστάζει ὁ παῖς ἡμῶν ὑπὸ Ἑλλήνων συνήχθη, εἴπατέ μοι ποίας πίστεως ἐστέ, ἵνα οὕτως καὶ ἀπολαύσωμεν. Ἡ δὲ Πολυξένη εἶπεν· Ἡμεῖς, ἀδελφέ, οἶνον οὐκ ἀπολαύομεν, ἐσμὲν δὲ τοῦ θεοῦ Παύλου. Καὶ ὁ κτηνίτης λέγει· Ἐπὶ γῆς ἐστὶν ὁ θεὸς οὗτος; Ἡ δὲ Πολυξένη ἔφη πρὸς αὐτόν· Ὁ θεὸς πανταχοῦ ἐστιν, καὶ ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς. Ὁ δὲ κτηνίτης ἀκριβῶς θέλων μαθεῖν εἶπεν· Ἆρα καὶ αὐτὸς ὁ Παῦλος τοῦτον ἔχει τὸν θεόν, τὸν ὑπὸ τοῦ Φιλίππου κηρυσσόμενον; Ἡ δὲ Πολυξένη ἐπιγνοῦσα ὅτι χριστιανός ἐστιν, λέγει. Ναί, ἀδελφέ, οὗτός ἐστιν πάντων Θεός, ὃν κηρύσσουσιν Παῦλος καὶ Φίλιππος. Ὁ δὲ κτηνίτης ταῦτα ἀκούσας συνεχῶς ἐδάκρυεν· ἡ δὲ Πολυξένη εἶπεν· Ἆρα μὴ καὶ σὲ κατείληφεν ἡ προνοία τοῦ Θεοῦ, ὅτι οὕτως ἐδάκρυσας; Ἔφη ὁ κτηνίτης· Εἰ θέλεις μαθεῖν ὅτι ἐδάκρυσα, ἄκουσον τἀληθῆ, οὐ γὰρ χρὴ ἀποκνῆσαι τὰ περὶ Χριστοῦ ἐξαγγέλλειν· ἐγὼ ἐμαθητεύθην ὑπὸ Φιλίππου τοῦ ἀποστόλου Χριστοῦ καὶ ἰδὼν πῶς ἡ μέριμνα αὐτοῦ πᾶσα ἦν εἰς τοὺς πτωχούς, ἔλαβον εἴ τι εἶχον καὶ διεπώλησα, καὶ λαβὼν τὸ τίμημα ἠγόραζον ἄρτους καὶ οἶνον καὶ διεδίδουν αὐτὰ εἰς τὰς πόλεις τοῖς

δεομένοις. Ὡς οὖν ἐποίουν τοῦ[το] ἐπὶ ἱκανὸν χρόνον ἐν τῇ πλησίον πόλει, εἴς τις λελωβήμενος ἔκραξεν λέγων· Οὐκ αὐτὸς δὲ ἐλάλει, ἀλλ' ὁ Σατανᾶς διὰ τοῦ στόματος αὐτοῦ· οὐδὲν θέλω, οὐ λαμβάνω τι παρὰ σοῦ, ὅτι χριστιανὸς εἶ. Καὶ ἐπανέστη μοι ὅλη ἡ πόλις καὶ ἐζήτουν με κρατῆσαι. Ἔτρεχον δὲ ἄλλος ἀλλαχοῦ, μέσον αὐτῶν πορευομένου μου, καὶ μηδενὸς ὁρῶντος με. Ἐξελθὼν δὲ τῆς πόλεως ἔδωκα αἶνον καὶ δόξαν τῷ Θεῷ ὅτι οὕτως μου ἀντεποιήθην· ηὐξάμην δὲ τῷ θεῷ μου ἵνα συναντήσω τινὶ γινώσκοντι τὸ πανάγιον αὐτοῦ ὄνομα, ὅπως ταῦτα διηγησάμενος ἀνέσεως τύχω· οἱ γὰρ τῆς χώρας ταύτης οὐδόλως βούλονται ἀκούειν τὰ περὶ Χριστοῦ, πλήρεις ὄντες ἀσεβεῖς καὶ ἀνάμεστοι κακίας. Παρακαλῶ οὖν ὑμᾶς, λάβετε καὶ ὑμεῖς ἓν νόμισμα παρ' ἐμοῦ, εἰ δὲ δοκεῖ, καὶ εἰς τοὺς ὄνους ἐπαναπά[υ]ητε. — **Поликсена проситъ его проводить ихъ до морскаго берега, откуда онѣ могли-бы перебраться въ Испанію; пастухъ совѣтуетъ Поликсенѣ облечься въ мужское платье, чтобы кто-нибудь, прельстившись ея красотой, не похитилъ её. Остановившись въ гостинницѣ, они на другой день продолжаютъ путь;** καὶ ἰδοὺ παρήρχετό τις ἔπαρχος ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα πορευόμενος, ὅς ἰδὼν τὰς παρθένους ἐκέλευσεν ἁρπαγῆναι τὴν Πολυξένην ἐπὶ τὸ ἅρμα αὐτοῦ. **Пастухъ бѣжитъ за нимъ съ воплями, но его отгоняютъ побоями; опечаленный, онъ идетъ къ апостолу Филиппу, которому всё разсказываетъ. Тотъ утѣшаетъ его: Поликсену онъ знаетъ, онъ отдалъ её на попеченіе** τινὶ ἀδελφῷ, **который также былъ огорченъ ея исчезновеніемъ, но онъ и его утѣшилъ: ничего съ Поликсеной не сдѣлается,** διὰ γὰρ τῆς θλίψεως αὐτῆς καὶ ξενιτείας πολλοὶ ἐπιγνώσονται τὸν Θεόν.

Между тѣмъ эпархъ увелъ Поликсену въ городъ и заперъ её ἐν κουβουκλείῳ, **а Ревекку похитилъ одинъ изъ воиновъ, но она тайкомъ убѣжала** εἴς τινὸς πρεσβύτιδος οἶκον ἥτις εὐμενῶς δεξαμένη τὴν παρθένον εὖ ἐποίησεν μετ' αὐτῆς; **она успокоиваетъ сѣтующую Ревекку, которая разсказываетъ ей о себѣ и о Поликсенѣ. А та также печалится:** νῦν ἔγνων ἀκριβῶς πῶς φθονεῖ ὁ διάβολος τὴν παρθενίαν, **и молится объ ея сохраненіи.** Καὶ ἔτι αὐτῆς εὐχομένης, ἦλθον οἱ ὑπηρέται τοῦ ἀπαγαγεῖν αὐτὴν πρὸς τὴν κοίτην τοῦ ἐπάρ-

χου; она убѣждаетъ ихъ не трогать её; вернувшись къ эпарху они докладываютъ, ὅτι ἡ παρθένος ἀπὸ τοῦ φόβου συνεσχέθη πυρετῷ λάβρῳ. Эпархъ велитъ оставить её въ покоѣ; ночью Поликсену посѣщаетъ его сынъ; не страшись, говоритъ онъ ей, «οἶδα γὰρ ἀπὸ τῆς προσευχῆς σου ὅτι τοῦ οὐρανίου θεοῦ τυγχάνεις νύμφη· ἐγὼ γὰρ οἶδα τοῦτον τὸν θεόν, ὃς ὑπ' οὐδενὸς νικᾶται ποτέ· ἀνὴρ γάρ τις ἔνδοξος τῷ προσώπῳ ἐν Ἀντιοχείᾳ πρὸ χρόνων τινῶν ἐκήρυττεν τοῦτον τὸν θεόν, ᾧ καὶ παρθένος τις πιστεύσασα ἠκολούθει αὐτῷ καὶ ἐκινδύνευσεν διὰ τὴν εὐμορφίαν αὐτῆς, ᾗ ὄνομα Θέκλα, περὶ ἧς ἤκουσα πρὸς θηρία κατακριθεῖσαν. Ἐγὼ οὖν συνεχῶς ἠτένιζον πρὸς τὸν ἄνδρα, αὐτὸς δὲ ἐπισημειωσάμενος εἶπεν μοι· Προσχεῖ σοι ὁ θεός, τέκνον. Ἔκτοτε οὖν χάριτι Χριστοῦ οὐκ ἀπῄειν εἰς τὰς θυσίας τῶν εἰδώλων, ἀλλὰ ποτὲ μὲν ἀρρωστίαν προσποιούμενος, ποτὲ δὲ καὶ εἰς ἀσχολίας τινὰς ἑαυτὸν παρίστων. Ἔλεγέν μοι ὁ πατήρ μου· ὅτι ἐπειδὴ οὐ σπεύδεις εἰς τὴν θυσίαν τῶν θεῶν, διὰ τοῦτο οὐδὲ εὐρωστεῖς, μὴ ὢν ἄξιος τῶν θεῶν. Ἐγὼ δὲ ἔχαιρον ἀκούων μὴ εἶναι ἄξιος τῶν θυσιῶν τῶν εἰδώλων.—(Того мужа онъ называетъ Павломъ). — Онъ велитъ Поликсенѣ облечься въ его одежду и поспѣшить къ морю, куда и онъ придетъ, λαβὼν χρήματα. — Подслушалъ этотъ планъ одинъ изъ рабовъ и доноситъ эпарху; разгнѣванный, онъ приказываетъ бросить виновныхъ на пожраніе звѣрямъ; но выпущенная на нихъ львица припадаетъ къ ногамъ Поликсены и лижетъ ихъ. — Это чудо побуждаетъ эпарха и горожанъ увѣровать въ Бога Поликсены, которая говоритъ, что вскорѣ явится къ нимъ ὁ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπος и наставитъ ихъ въ вѣрѣ. — Поликсена торопится отплыть въ Испанію; ἐμοῦ δὲ Ὀνησίμου πλέοντος ἐπὶ τὴν Σπανίαν πρὸς τὸν Παῦλον, ἐδεξάμην παρὰ Κυρίου ἀποκάλυψιν λέγουσάν μοι· Ὀνήσιμε, τὸ πλοῖον ἐν ᾧ σὺ εἶ νῦν, μέλλει καταντᾶν εἰς τὰ μέρη τῆς Ἑλλάδος, εὑρήσεις δὲ εἰς τὸν αἰγιαλὸν τοῦ λιμένος παρθένους δύο μετὰ καὶ νεανίσκου ἑνός. Ὑπούργησον αὐτοῖς καὶ διάσωσον πρὸς τὸν Παῦλον. — Онисимъ встрѣчаетъ на берегу Поликсену и Ревекку и эпархова сына, искавшихъ судна. Они готовятся отплыть, но по волѣ Божіей ихъ задержала на недѣлю буря, а въ это время Лукій,

ученикъ ап. Павла, бывшій съ Онисимомъ, проповѣдуетъ слово Божіе, вслѣдствіе чего увѣровали 20000 человѣкъ. — Когда настала удобная къ отплытію погода, эпархъ снова удержалъ насъ на недѣлю, говоритъ Онисимъ, пока не обратились къ истинной вѣрѣ всѣ тамъ бывшіе. Πλευσάντων δὲ ἡμῶν ἡμέρας εἴκοσι πάνυ ἐκοπιάσεν ἡ Πολυξένη καὶ παρεβάλομεν εἰς νῆσον τινὰ χάριν ἀναπαύσεως. Καὶ ἰδοὺ ἄνδρες τινὲς ἄγριοι καὶ πεπ(ο)ρωμένοι καταβάντες πρὸς ἡμᾶς καὶ ἰδόντες τὴν Πολυξένην, παρεσκευάζαντο εἰς πόλεμον, χάριτι δὲ Χριστοῦ οἱ ἡμέτεροι ἀντιποιούμενοι τῆς Πολυξένης ἐνίκησαν αὐτούς· ἦσαν δὲ οἱ ἀλλόφυλοι ἄνδρες πλείονες καὶ δυνατώτεροι. Ἡ οὖν Πολυξένη φοβουμένη μὴ πάλιν αἰχμάλωτος γένηται, ἔρριψεν ἑαυτὴν εἰς τὴν θάλασσαν, ὁ δὲ κύβερνος ἥρπασεν αὐτὴν μηδὲν κακὸν παθοῦσαν. Ἐμβάντων δὲ ἡμῶν ἐν τῷ πλοίῳ ἐφύγομεν, ἦσαν γὰρ οἱ τόποι τραχυνοί (ркп. τραχεισῶν) καὶ κάθυλοι, καὶ ἐφοβήθημεν προσμεῖναι. — Черезъ 12 дней они прибыли въ Испанію; Павелъ ихъ привѣтствуетъ, Поликсена обнимаетъ его и говоритъ: εἰ μὴ ὅτι προέκειτό μοι ἡ θλίψις αὕτη, ἐπεὶ ἐβλασφήμησα ἄν σε· νῦν δὲ δέομαι καὶ ἱκετεύω μὴ παραδοθῆναι με ἔτι εἰς τοιαύτας θλίψεις καὶ συμφοράς. Ὁ δὲ Παῦλος δακρύσας εἶπεν. Οὕτως ἡμᾶς θλιβῆναι δεῖ, τέκνον, ἵνα τὸν ἀντιλήπτορα ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐπιγνῶμεν. Ἡμῶν δὲ τὰ γράμματα τῶν ἀδελφῶν ἀποδιδόντων τῷ Παύλῳ δραμών τις ἀπήγγειλεν τῇ Ξανθίππῃ τὴν παρουσίαν τῆς Πολυξένης. При видѣ сестры Ксантиппа падаетъ въ обморокъ; прійдя въ себя, говоритъ, что въ теченіи 40 дней не выходила изъ дома и всё молилась, чтобъ Господь сохранилъ дѣвственность Поликсены, которой похититель и женихъ принимаютъ крещеніе. Общая радость. По смерти Проба и удаленіи Павла въ Римъ три святыя жены ведутъ добродѣтельную жизнь, многихъ обращая на путь истинной вѣры, по кончинѣ прославленныя чудесами.

III.

Житіе — Ксантиппы, Поликсены и Ревекки пересказано нами по ркп. Московской Синодальной библіотеки № CLXII (л. 259 recto слѣд. [1]); см. о немъ Florez, España sagrada, III, Append. № 8 и Acta Sanctorum Sept. VI, a. d. 23 (въ числѣ praetermissi). Легенда объ обращеніи ап. Павломъ Ксантиппы и Проба, извѣстная автору житія ап. Петра и Павла, приписаннаго Симеону Метафрасту (Acta SS. Jun. t. V, p. 416 слѣд.), Минологію Василія (подъ 23 Сентября), Михаилу Гликѣ (ed. Bonn, стр. 441) и, какъ мѣстное преданіе, въ Laminium и Libisosa, является единственнымъ въ Испаніи отзвукомъ повѣрья объ испанской проповѣди ап. Павла. О ней говоритъ Климентъ Римскій и фрагментъ Муратори, но уже Посланіе Иннокентія I къ Деценцію приписываетъ проповѣдь христіанства въ Италіи, Галліи, Испаніи, Африкѣ и Сициліи — исключительно ученикамъ ап. Петра и его наслѣдниковъ, а дѣянія втораго римскаго собора при Геласіи I утверждаютъ, что посѣщеніе Испаніи, предположенное ап. Павломъ, никогда не состоялось. Тогда какъ Григорій Великій (Moralia, l. XXXI въ концѣ) и статья, приписанная Исидору, De vita et obitu Sanctorum, говорятъ о немъ, другіе памятники о немъ умалчиваютъ, какъ то Breviarium apostolorum, laterculus apostolorum и Мартирологій Гіеронима; лишь у Адона встрѣчается упоминаніе о путешествіи ап. Павла въ Испанію, но съ замѣткой: creditur. — Съ VII-го вѣка, когда водворяется представленіе объ ап. Іаковѣ, какъ просвѣтителѣ Испаніи, преданіе о такой-же роли ап. Павла было забыто. Можетъ-ли это служить къ хронологическому опредѣленію нашего житія, гдѣ это преданіи является еще въ силѣ? Метафрастъ, Минологій

---

[1] Мы пользовались спискомъ, сдѣланнымъ для проф. В. Г. Васильевскаго, приготовляющаго полное изданіе житія.

и Глика могли почерпать свои свѣдѣнія изъ болѣе древняго легендарнаго источника [1]).

Зависимость списателя житія, скрывшагося за именемъ Павлова ученика Онисима, отъ литературы отреченныхъ апостольскихъ Дѣяній, сказывается цѣлымъ рядомъ подробностей, но есть и прямое указаніе на Дѣянія ап. Павла и Өеклы (см. выше стр. 59). Өекла, прислушивающаяся у окна къ проповѣди апостола, напомнила намъ сходную сцену съ Ксантиппой. Ксантиппа — не дѣвственница, но ея отношенія къ мужу разработаны по типу сходныхъ положеній, излюбленныхъ гностическими актами, проповѣдующими воздержаніе супруговъ: какъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Өомы Мигдонія отдаляется отъ своего мужа Харизія, а въ житіи ап. Андрея у псевдо-Авдія Максимилла отъ Эгеата, такъ говоритъ Пробу Ксантиппа: ἄνες μοι μικρὸν καὶ τὸ σήμερον μόνον καταμόνας σε καθευδῆσαι. — Явленіе Ксантиппѣ Христа въ образѣ ап. Павла — подробность столь же любимая гностической легендой, отвѣчаетъ такому-же видѣнію Өеклы; въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Өомы и Филиппа (въ Гіераполѣ) Христосъ не рѣдко является въ образѣ того и другаго апостола.— Львица, не трогающая Поликсены, напоминаетъ подобную-же сцену въ Дѣяніяхъ Өеклы.

Компиляторскіе пріемы автора житія лучше всего выразились въ попыткѣ ввести въ свой разсказъ, помимо ап. Павла, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ легенды, еще и апп. Петра, Филиппа и Андрея. О Петрѣ сказано только, что онъ направлялся въ Римъ, оставленный ап. Павломъ, и направлялся туда — съ цѣлью борьбы съ Симономъ. — Лукія, ученика ап. Павла, знаютъ περίοδοι Βαρνάβα. — Филиппа Поликсена видитъ въ Элладѣ; но кромѣ этого географическаго термина въ разсказѣ о немъ нѣтъ ничего общаго съ Отреченными Дѣяніями апостола именно въ Элладѣ. — Далѣе Поликсена идетъ πρὸς

[1]) См. Lipsius, Petrussage, p. 162; его-же: Die Apocryphen Apostelgeschichten u. Apostellegenden, II, II, p. 216—18.

ἀνατολάς и встрѣчается съ апостоломъ Андреемъ, шедшимъ въ «ту мѣстность». Какая мѣстность разумѣется — не ясно, какъ не ясно было, вѣроятно, и списателю житія: на Черномъ морѣ, — или въ Ахайѣ?[1]) — Хорошенькій эпизодъ о милостивомъ κτηνίτης, конкретно понявшимъ заповѣдь милостыни, снова указываетъ на кругъ гностическихъ Дѣяній, постоянно её проповѣдующихъ. Въ Прохоровскомъ житіи ап. Іоанна говорится о встрѣчѣ апостола съ какимъ-то калѣкой, предлагавшимъ прохожимъ раздѣлить съ нимъ его трапезу; онъ говоритъ о себѣ, что онъ здѣсь — чужой, искупаетъ страданіями свои и родительскіе грѣхи, и что ему доставляетъ удовольствіе оказывать помощь странникамъ. — Замѣтимъ въ бесѣдѣ κτηνίτης съ Поликсеной вопросъ, долженствовавшій обнаружить ея христіанство: предлагая ей вина, онъ съ умысломъ говоритъ, что добыто оно руками эллиновъ-язычниковъ, а Поликсена отвѣчаетъ, что ни она, ни Реввекка его не пьютъ — потому-ли, что оно эллинское, или по другой причинѣ, по которой воздерживались отъ него напр. и Энкратиты?

Но подробный разборъ житія Ксантиппы, Поликсены и Реввекки со стороны его источникомъ и исторической стоимости не лежитъ въ моей задачѣ, и не въ моихъ силахъ. Избравъ его предметомъ сообщенія, я хотѣлъ лишь обратить вниманіе на струю романа, обусловившую иныя литературныя обработки житійныхъ сюжетовъ. Эта *литературная* сторона дѣла, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало обращала на себя вниманія при научной разработкѣ житій. Они привлекали историка, особливо историка церкви, вызывая вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ текстовъ, ихъ сохранившихъ, о большей или меньшей достовѣрности данныхъ, ими представляемыхъ, или, наоборотъ, объ ея отсутствіи и богатствѣ народно-миѳологическаго содержанія, напр. въ легендѣ о св. Пелагіи (Usener) и т. п. Но легенда не только историческій,

---

[1]) По Минологію Василія Поликсена наставлена въ истинной вѣрѣ ап. Павломъ; по удаленіи его изъ Испаніи, она отправляется ἐν Πάτραις τῆς Ἀχαΐας къ ап. Андрею, который и окрестилъ её.

а, для извѣстной поры развитія, и *литературный фактъ:* она слагалась по извѣстному *образцу*, допускала *реторическое развитіе*, обогащаясь *общими мѣстами житійнаго стиля*, привлекая къ себѣ изъ круга любимыхъ *чудесъ и видѣній* тѣ, которыя наиболѣе отвѣчали образу восхваляемаго святого или подвижницы. Такъ развивался, изойдя изъ простѣйшей пѣсни народно-историческаго характера, и свѣтскій феодальный эпосъ, параллельно съ величественнымъ эпосомъ христіанской легенды, такъ удачно охарактеризованнымъ Ренаномъ. Тамъ и здѣсь первичный фактъ принадлежитъ исторіи и непосредственному вѣрованію, но его идеализація совершалась въ области литературныхъ теченій, по пріемамъ, которые полезно было-бы изучить совмѣстно.

II.

ЭПИЗОДЪ О ТАВРѢ И МЕНІИ ВЪ АПОКРИФИЧЕСКОМЪ ЖИТІИ СВ. ПАНКРАТІЯ.

Память св. Панкратія тавроменійскаго значится въ римскомъ мартирологіи подъ 3-мъ Апрѣля, подъ какимъ числомъ болландисты собрали и разобрали тѣ данныя его біографіи, которыя представляются имъ достовѣрными. Въ греческихъ минеяхъ св. Панкратій памятуется подъ 9-мъ Іюля, и подъ тѣмъ-же числомъ отреченное его житіе помѣщено въ сборникѣ 1023 года, которымъ мы пользуемся для слѣдующихъ сообщеній; въ вѣнскомъ спискѣ — подъ 28-мъ Февраля. Житіе это извѣстно было Каэтану [1]) и даже переведено для него Яковомъ Сирмондомъ, но онъ не пожелалъ его напечатать, какъ баснословное; въ бумагахъ Каэтана нашелъ этотъ переводъ Франческо Скорсо, издатель гомилій Өеофана Керамея, и мы можемъ заключить изъ его краткихъ указаній, что бывшій у него въ рукахъ греческій текстъ житія, приписаннаго ученику и наслѣднику св. Панкратія, Эвагрію [2]), въ общемъ былъ сходенъ съ разбираемымъ далѣе. «Igitur narratur, Taurum quemdam nomine, Chananaeum, a Syris captum et mercatori Romano venditum in Calabria, ductum ad Renaldum (въ нашемъ текстѣ: Ρέμινδος) toparcham, cui uxor erat Maenaea Macedonissa; sed cum Renaldus in eo bello quod gessit

[1]) Онъ пользовался имъ въ своей Isagoge ad historiam sacram siculam, у Graevius, Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Siciliae etc. Lugduni Batavorum, 1723, v. II, стр. 1 слѣд.

[2]) Τῶν δὲ μακαρίων ἀποστόλων οὐδεὶς βίους ἀνεγράψατο αἰσίως· ἔδοξε κἀμοὶ ....ἐρευνῆσαι καὶ ἐκλέξασθαι παρὰ αὐτοπτῶν καὶ θεοφόρων ἀνδρῶν τὰ περὶ τούτων, ἀπό τε Κλήμεντος Ῥώμης καὶ Εὐαγρίου Σικελοῦ καὶ Ἐπιφανίου τῆς Κύπρου (монахъ Епифаній въ житіи ап. Андрея, сл. Epiphanii monachi et presbyteri edita et inedita, cura A. Dressel, p. 45).

contra Aquilinum, in Calabria regem, caesus esset, Maenaea Tauro nupsit. Mox Aquilinus rex copias contra Taurum eduxit; isque cum Maenaea conjuge in Siciliam profugit, ubi Tauromenium a conjugibus Tauro et Maenaea conditum est» [1]). Изъ двухъ авторовъ гомилій, соединяемыхъ подъ именемъ Θеофана Керамея [2]), первый, жившій въ половинѣ IX вѣка [3]), имѣлъ передъ собою ту-же редакцію житія, судя по упоминанію—Тавра и Меніи, имена которыхъ онъ толкуетъ иносказательно. Ὁ ἱερὸς τοίνυν Παγκράτιος, καθὼς ὁ τὰ κατ' αὐτὸν ἱστορήσας Εὐάγριος ἠκριβώσατο, ἀνατολῆθεν ὁρμώμενος, καὶ ὑπὸ τῶν ἱεροτελεστικῶν χειρῶν τοῦ κορυφαίου τῶν μαθητῶν ἀρχιερεὺς γεγονώς, ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς ταύτῃ νήσῳ ἐκπέμπεται, καὶ πρὸς ταύτην τὴν πόλιν Ταύρου καὶ Μενείας πεφοιτηκώς, πρότερον μὲν τὰ τῶν δαιμονίων ἐκκαθαίρει βδελύγματα, καὶ τὰ βέβηλα συντρίβει ἀγάλματα, ὧν ἐξόχως ἐτιμῶντο Φάλκων, καὶ Λύσσων, καὶ Σκάμανδρος. Εἶτα μετάγει πρὸς τὴν εὐσέβειαν τὸν ἡγεμόνα τῆς πόλεως Βονιφάτιον, θείους τε ναοὺς καὶ ἱερὰ δειμάμενος καταγώγια, καὶ πολλοὺς πρὸς τὴν ἀληθῆ πίστιν μεταγαγών, ἐπισφραγίζει μαρτυρίῳ τὸ τέλος.—Говоря далѣе о грѣховномъ мірѣ, онъ видитъ въ немъ πολλὰ μὲν τῆς πονηρίας τὰ πνεύματα, πυκνὰ δὲ τῆς ἁμαρτίας τὰ κύματα, ἀλλεπάλληλα τῶν πειρασμῶν τὰ ῥεύματα, ἅπερ καθ' ἡμῶν ἐγείρει ὁ νοητὸς ἄγριος ταῦρος, ὁ τὴν μανίαν σύνοικον ἔχων, καὶ πόλιν κτίζων ὑπὸ πονηρῶν ἐπιτηδευμάτων συνῳκισμένην.... Ὁρᾷς τοῦ νοητοῦ ταύρου καὶ τῆς μανίας τὴν πόλιν, ἣν οἰκεῖν κατεκρίθημεν; [4]).

---

[1]) Migne, Patrol. graec. t. CXXXII: Theophanis archiepiscopi Tauromenii in Sicilia cognomento Ceramei Homiliae etc. стр. 62.—Въ концѣ греческаго житія, переведеннаго для Каэтана, находилась приписка, въ которой кто-то, можетъ быть, переписчикъ, резюмировалъ имена языческихъ божествъ, встрѣчающихся въ житіи: Φάλκων ἐν τῇ παραλίᾳ, Λύσσων ἐν τῷ τετραΐππῳ, Διὰς ἐν τῇ οἰκίᾳ Ἐλίδου σὺν τῷ εἰδώλῳ Σκαμάνδρῳ. Ἡ θεὰ Ἄρτεμις Ἥρωνος θυγάτηρ πλησίον τῆς καταβάσεως τῶν ὑδάτων. Сл. l. c. p. 1001, прим. 17.

[2]) Сл. Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia I, p. 487 слѣд.

[3]) Иные относятъ его къ X-му вѣку, въ которомъ (послѣ 965 года) прекращается существованіе и греческой тавроменійской каѳедры. Сл. статью Архим. Арсенія: Θеофанъ Керамевсъ, архіепископъ Тавроминскій, Странникъ 1884 г., Май, стр. 3.

[4]) Migne, l. c. p. 1000—1.

Amari[1]) относитъ проповѣдь, изъ которой мы заимствовали приведенный отрывокъ, ко времени Михаила II (820—829), и именно къ возстанію Евфимія (827); житіе Панкратія, которое имѣетъ въ виду проповѣдникъ и которое я считаю тождественнымъ съ Каэтановымъ и разбираемымъ далѣе, относится, стало быть, къ болѣе раннему времени, что подтверждается съ другой стороны и отсутствіемъ какихъ либо указаній въ немъ на сарацинскій погромъ (съ 827 года)[2]). Что оно составлено было въ Сициліи и именно въ эпоху иконоборства — тому свидѣтельствомъ служитъ интересъ автора къ мѣстнымъ сициліанскимъ и южно-итальянскимъ отношеніямъ и особое, можно сказать чрезмѣрное вниманіе, обращенное на почитаніе иконъ и смежные съ нимъ вопросы. Интересно при этомъ замѣтить, что выставляя ихъ на первый планъ, авторъ житія ни словомъ не намекаетъ на какіе-нибудь вызванные ими протесты или преслѣдованія; можетъ быть, это молчаніе позволено истолковать какъ хронологическій признакъ: что житіе составлено въ періодъ преобладанія православія между двумя эпохами иконоборства, между 780 и 813 годами; либо въ самомъ началѣ иконоборческой эпохи, приблизительно до 730-хъ годовъ. За послѣднее предположеніе говоритъ, кажется, и тотъ фактъ, что главными противниками Панкратіевой проповѣди являются въ житіи — іудеи и монтаны, въ которыхъ, очевидно, нельзя видѣть «жителей горъ», какъ толковали другіе[3]), а извѣстныхъ еретиковъ, противъ которыхъ, равно какъ и противъ евреевъ, обращены были первыя мѣры Льва Исаврянина: τούτῳ τῷ ἔτει (a. M. 6214) ἠνάγκασεν ὁ βασιλεὺς τοὺς Ἑβραίους καὶ τοὺς Μοντανοὺς βαπτίζεσθαι. οἱ δὲ Ἰουδαῖοι ἀπροαιρέτως βαπτιζόμενοι ἀπελούοντο τὸ βάπτισμα καὶ ἐσθίοντες μετελάμβανον τὴν ἁγίαν δωρεὰν καὶ ἔχραινον τὴν πίστιν. οἱ δὲ Μοντανοὶ διαμαντεύσαντες ἑαυτοῖς καὶ ὁρίσαντες ἡμέραν εἰσῆλθον

[1]) l. c. I, p. 493—4.
[2]) Сл. Amari, l. c. I, стр. 266.
[3]) Между прочимъ, еп. Порфирія, Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты, ч. II, отд. I (1877), стр. 86.

εἰς τοὺς ὡρισμένους οἴκους τῆς πλάνης αὐτῶν καὶ κατέκαυσαν ἑαυτούς (Theophanis Chronographia, ed. de Boor, I, p. 401).

Для болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія послужитъ, вѣроятно, небольшой эпизодъ объ аварахъ, встрѣчающійся въ житіи. Сообщая въ краткомъ очеркѣ содержаніе послѣдняго, я укажу и на мѣсто, занимаемое этимъ эпизодомъ, разборомъ котораго думаетъ заняться проф. Васильевскій. Упоминаніе аваровъ указываетъ во всякомъ случаѣ, что ихъ имя еще не было забыто; они живутъ у Диррахія и Аѳинъ: такъ показываютъ въ житіи авары, взятые въ плѣнъ Вонифатіемъ. Куда былъ направленъ его походъ — не видно; но когда въ другомъ мѣстѣ житія говорится о частыхъ бояхъ Тавроменитовъ у Диррахія, весьма вѣроятно, что и здѣсь подъ врагами слѣдуетъ разумѣть аваровъ. Монемвасійская хроника знаетъ ихъ въ Пелопоннезѣ между 580 и 805 годами; вставка въ лѣтопись, которую Ламвръ относитъ ко времени позже XIII вѣка, говоритъ, что ихъ опустошенія вызвали выселеніе грековъ изъ Пелопоннеза, между прочимъ въ Калабрію и Сицилію, и именно въ Val di Demona, т. е. въ мѣстность, откуда направился походъ тавроменитовъ противъ аваровъ язычниковъ [1]).

Обращу еще вниманіе на географическій терминъ Калабріи, обозначавшій въ прежнее время область между Отранто и Бриндизи и лишь впослѣдствіи перенесенный съ юговосточнаго полуострова Италіи на югозападный. Это второе обозначеніе, свойственное нашему тексту, могло-бы служить къ его хронологіи, если возводить его употребленіе, какъ-то обыкновенно дѣлается, къ началу X-го вѣка; но уже въ посланіи римскаго синода 680 года къ VI-му вселенскому собору встрѣчаются подписи эпископовъ Тавріаны (Γεώργιος ἐλάχιστος ἐπίσκοπος τῆς ἁγίας

[1]) Сл. Монемвасійскую хронику у Ламвра, Ἱστορικὰ μελετήματα (1884) стр. 97 слѣд.; сл. стр. 100: καὶ ἡ μὲν τῶν Πατρῶν πόλις κατῳκίσθη ἐν τῇ τῶν Καλαβρῶν χώρα τοῦ Ῥηγίου.... τότε καὶ οἱ Λάκωνες τὸ πατρῷον ἔδαφος καταλιπόντες ἐν τῇ Σικελίᾳ ἐξέπλευσαν κατοικοῦντες ἐν τόπῳ καλουμένῳ Δέμενα καὶ ἀντὶ Λακεδαιμονιτῶν Δεμαινῖται κατονομάζονται. — О Деменѣ и Val Demone см. Amari, l. c. I, стр. 167 слѣд.

ἐκκλησίας Ταυριανῆς ἐπαρχίας Καλαβρίας), Vibo-Valentia'u (Βίβωνος) и Тропеи, какъ калабрійскихъ — въ указанномъ выше географическомъ смыслѣ [1]).

Греческое житіе св. Панкратія еще не было издано по древнимъ спискамъ; объ одномъ вѣнскомъ говоритъ Ламбецій (Comment. libr. VIII, p. 199 слѣд.); слѣдующія извлеченія и пересказъ сдѣланы по рукописи московской Синодальной библіотеки, № 15 in fol., 1023 года (л. 122 об. — 227 лиц.), причемъ привлеченъ былъ къ сравненію и вѣнскій списокъ, Cod. Ms. Hist. Graec. № III, ol. 11 [2]). Криптоферратскимъ текстомъ, особливо важнымъ по своей древности [3]), я пока могъ воспользоваться лишь отрывочно [4]), но и въ границахъ доступнаго мнѣ сравненія убѣдился, что онъ представляетъ, вмѣстѣ съ вѣнскимъ и описаннымъ далѣе славянскимъ, нѣсколько отличную *стилистически* рецензію, тѣмъ не менѣе восходящую къ одному, съ синодальнымъ

---

[1]) Сл. Rodotà, Dell'origine, progresso e stato presente del rito greco in Italia, v. I, p. 29—31; Mansi, Conc. t. XVI, p. 139 слѣд.; Muratori, Rer. Ital. Script. t. X: De tabula chorographica medii aevi commentaria, sectio XXV, § 143, p. CCCV—VIII.

[2]) Рукопись содержитъ минологій за Февраль; житіе св. Панкратія начинается съ л. 267 recto, ab. Inc.: Βίος καὶ πολιτεία καὶ μαρτύριον τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ ἱερομάρτυρος Παγκρατίου. Ἐγένετο μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰν Χν εἰς τοὺς οὐρανοὺς καὶ καθεσθῆναι ἐν δεξιᾷ τοῦ Πατρὸς ὅθεν οὐκ ἐχωρίσθη, ἦλθον οἱ ἀπόστολοι οἱ αὐτοῦ μαθηταὶ ἀπὸ τοῦ ὄρους τοῦ καλουμένου Ἐλαιῶνος εἰς Ἱερουσαλήμ. — Вѣнскій списокъ цитуется далѣе какъ W. — На другія рукописи греческаго житія: криптоферратскую (о ней см. въ текстѣ), ватиканскую и мессинскую (S. Salvatoris Messanae) указываетъ Di Giovanni, Codex diplomaticus Siciliae, t. I (1743 г.), стр. 358 и въ приложенной къ изданію Dissertatio I De primaria institutione Ecclesiae Siculae.

[3]) Въ недавно вышедшемъ описаніи рукописей Grotta Ferrata'ы рукопись отнесена къ X—IX вѣкамъ (Сл. Codices Cryptenses, seu Abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano, digesti et illustrati cura et studio D. Antonii Rocchi, Romae, 1884, p. 145—6, series tertia, cod. quintus: B, β, ν'); въ письмѣ ко мнѣ о. Рокки опредѣляетъ ее X-мъ.

[4]) Благодаря любезному посредничеству А. М. Гезена и благосклонности его Высокопреосвященства кардинала Питра, я получилъ отъ о. Рокки, нынѣ блюстителя Гроттаферратскаго аббатства, отрывокъ интересовавшаго меня текста, приблизительно отвѣчающій половинѣ напечатаннаго мною эпизода о Таврѣ и Меніи. Я надѣюсь въ ближайшемъ будущемъ издать соотвѣтствующій отдѣлъ житія по гроттаферратскому списку.

спискомъ, оригиналу.—Изъ греческихъ текстовъ мнѣ еще извѣстенъ помѣщенный въ *Βίβλος καλουμένη Καλοκαιρινή ἐν ᾗ εἰσὶ γεγραμμένοι μερικοὶ βίοι ἁγίων τινῶν οἱ ὡραιότεροι τοῦ Καλοκαιρίου.... παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ* (Ἐνετίησιν 1801, 1818, 1851) [1]): житіе пересказано въ сокращенномъ видѣ, съ инымъ распорядкомъ подробностей и значительно смягченнымъ мѣстно-сицилійскимъ колоритомъ. — О древнемъ славянскомъ переводѣ сохранились свѣдѣнія въ двухъ записяхъ: въ ркп. Ундольскаго № 231 помѣщенъ переводъ житія Антонія Великаго, написаннаго Аѳанасіемъ Александрійскимъ; въ концѣ (л. 309 об.) переводчикъ говоритъ, что это житіе, а также житіе Петрова ученика Панкратія, переведены на славянскій языкъ по порученію «строителя церковнаго Іоанна, господина архіепископа болгарскія земли, яко не сущимъ преложенымъ николиже предъ нами». Проф. Голубинскій [2]) полагаетъ, что разумѣется Іоаннъ, поставленный архіепископомъ въ 1019 году.—Подобную-же приписку къ переводу Антоніева житія встрѣтилъ Сахаровъ въ одномъ сборникѣ XVII вѣка: «не на свой же разумъ надѣющіися, ни собою дерзнухомъ на дѣло сіе, толь велико суще, но принуждени отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскія земли. Не точію Антонія Великаго житіе повелѣни быхомъ преложити, но и пречуднаго Петрова ученика Панкратія, яко не сущимъ преложенымъ никимъ же преже насъ» [3]). Шафарикъ видѣлъ въ Іоаннѣ — Іоанна Экзарха. — Наконецъ тоже житіе Антонія находится въ сербскомъ торжественникѣ XIV вѣка [4]), переводчикъ называетъ себя Іоанномъ пресвитеромъ, но въ послѣсловіи есть отличія и недоразумѣнія: «мы же млеще црков'наго їωа гнаа архыепкпа їже бы патриархь боугарьсцѣй земли, не се тьк'мо житиѥ великого ѡнтоонија, нь и пречюнааго чюдот'ворца непотаѥнаго

[1]) Сл. Παπαδόπουλος Βρετός, Νεοελληνικὴ φιλολογία I, № 370, стр. 137.

[2]) Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской (М. 1871), стр. 708—9; сл. его-же: Исторію русск. церкви, I, стр. 747.

[3]) А. Поповъ, Описаніе рукописей и т. д. А. И. Хлудова, I, стр. 393—4

[4]) l. c. стр. 393 слѣд.

житиꙗ, ꙗко же не соущемь прѣложеномь никымы же прѣ нами, того дѣлꙗ приноудише нашоу гроубость» и т. д. — Очень вѣроятно, что и въ послѣдней припискѣ разумѣется Панкратій; непотаеный не то-ли, что: не апокрифическій? — Несомнѣнно, что Панкратіево житіе переведено было совмѣстно съ Антоніевымъ; интересно, что ни одна изъ трехъ рукописей не присоединила къ послѣднему и перваго, сохранившагося въ сербскомъ спискѣ XIII—XIV вѣка, недавно поступившемъ въ собственность императорской публичной библіотеки изъ собранія еп. Порфирія [1]). Начало житія, разобраннаго и отчасти пересказаннаго еп. Порфиріемъ [2]), утрачена, и въ срединѣ его есть недочеты, которые пополняетъ сообщаемый далѣе пересказъ греческаго оригинала. Судя по нѣкоторымъ подробностямъ переводчикъ пользовался имъ въ текстѣ болѣе близкомъ къ вѣнскому, чѣмъ къ синодальному, и передавалъ его на столько дословно и механически, что во многихъ случаяхъ уразумѣть переводъ безъ помощи подлинника не представляется возможности. Такъ выраженіе греч. текста: διὰ Ριγίου τόπου χρυώδους передано такъ: Ригиломь мѣстомь *кроуꙋдось;* ὁ μὲν Ῥέμινδος τῷ γένει ἔθνους ξανθοῦ = родомь страны ксантовы; но: Ρέμινδος ὁ ξανθός = Ремалдь *роусыи*. Это необходимо имѣть въ виду при разборѣ дѣйствительно интереснаго словаря переводчика, въ которомъ еп. Порфирій открылъ «много древне-славянскихъ словъ и изрѣченій, коихъ мы не употребляемъ» [3]). Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ: вь *ѡкроиницю* игемоньскую (ркп. игоуменьскоую) и вь *котыгу* упатьскую = χλανίδα ἡγεμονίας καὶ ἱμάτιον ὑπατικόν; *сьворитыи* [4]) поꙗсь....

[1]) Сл. Краткій обзоръ собранія рукописей, принадлежавшаго преосв. епископу Порфирію, а нынѣ хранящагося въ Имп. Публ. библ. СПБ. 1885, стр. 5. По указанію г. Шляпкина житіе св. Панкратія Тавроменійскаго находится еще въ ркп. Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, № 124: Житіе и чудеса св. Панкратія, бывшаго епспа Тавроменіи, описанное Евагріемъ, въ .ѳ. день Іюля (скорописью XVII вѣка на 386 листахъ).

[2]) Первое путешествіе и т. д., стр. 39 слѣд.

[3]) l. c. стр. 96—7.

[4]) Micl. Lex. съвора = fibula; сл. Ducange, Gloss. med. et inf. Graec. a. v. σωληνωτός.

щить ѥго *вьльр'митыи* и копиѥ ѥго *магеутьское*=τὴν σωληνωτὴν ζώνην.... τὴν ἀσπίδα τὴν χειμευτὴν καὶ τὸ δόρυ αὐτοῦ τὸ μάγευτόν; зачело *вьльр'ма* = ἀφορμὴ τῆς χυμεύσεως (вар. χωνεύσεως)[1]); радоуисе *сьлоучею* корабльныи=χαίρε τύχη τοῦ πλοίου; акы *щоудовинь* = δίκην γίγαντος; *моуть* = ἀνάκλασις τοῦ σαλοῦ, *моуты* = τρικυμίαι; николи же *моуть* се примѣси = οὐδέποτε ἀφροδισίᾳ συνεμίγη и т. д. Признавая «современность, подлинность и вѣрность» житія, приписаннаго Евагрію, и лишь въ нѣкоторыхъ догматическихъ и символическихъ подробностяхъ усматривая вставки IV—VI вѣковъ, еп. Порфирій [2]) простираетъ свою оцѣнку подлинности и на эпизодъ о Таврѣ и Меніи, относя войны пеласго-эллина Ремальда (греч. Ρέμινδος) и латинянина Аквилина къ 1690 г. до Р. Х. [3]).

Что до времени, когда сдѣланъ былъ славянскій переводъ житія, то изслѣдователь, не принимая въ разсчетъ указанныхъ выше (стр. 70—71) рукописныхъ свидѣтельствъ, опредѣляетъ его terminus ad quem 1075—83 годами и, ближе, время его составленія—906 годомъ или около [4]). Дальнѣйшія соображенія [5]) автора отличаются нѣкоторою фантастичностью: будто греческое житіе св. Панкратія *издано* было Кирилломъ епископомъ катанскимъ и, по благословенію его, сдѣланъ переводъ для далматинскихъ сербовъ и харватовъ, спеціально для сицилійскихъ матросовъ—славянъ, заинтересованныхъ тою подробностью житія, что первыми христіанами въ Сициліи были морскіе гребцы, и привезшихъ его переводъ въ Далмацію. Оттуда оно занесено было на Аѳонъ; списокъ еп. Порфирія принадлежалъ хиландарскому монастырю.

Не разбирая этихъ соображеній, замѣчу, мимоходомъ, что въ этомъ спискѣ нѣтъ эпизодическаго упоминанія о древнемъ славянскомъ становищѣ подъ Сиракузами, о которыхъ говоритъ греческій текстъ.

---

[1]) У Миклошича Lex. вълърьмитъ = vermiculatus, vermilius, vermelatus, ergo ruber, coccineus? [2]) l. c. стр. 88, 91. [3]) стр. 85—6. [4]) l. c. стр. 94, 96. [5]) l. c. стр. 96, 110.

I.

Надписаніе житія (л. 122 об. с. 1): Εὐαγρίου ἐπισκόπου εἰς τὸν βίον καὶ τὰ θαύματα τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Παγκρατίου ἀρχιπροέδρου Ταυρομενίας[1]).—Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ еще пребывалъ среди людей, отецъ св. Панкратія ἐν τοῖς ἐπέκεινα Ἀντιοχείας ὁρίοις οἰκῶν ὑπὸ θείας ἐλλαμφθεὶς χάριτος λαβὼν τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα καὶ[2]) Παγκράτιον τὸν μονογενῆ αὐτοῦ υἱὸν ᾤχετο εἰς Ἱεροσόλυμα. καὶ εἰςελθὼν εἰς μίαν τῶν πόλεων τῆς Ἰουδαίας, ὁρᾷ τὸν Κύριον ἡμῶν διδάσκοντα τὰ περὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν (л. 122 об., с. 2). Пришельцы увѣровали въ Христово благовѣстіе; вернувшись назадъ, Панкратій безпокоится: πῶς τὰ ἱερὰ μάθω γράμματα καὶ ἀκολουθήσω τῇ πίστει μὴ ἔχων τὸν ποιμαίνοντά με καὶ ὁδηγοῦντα διδάσκαλον; ποῖος χριστιανὸς ὁδηγήσει[3]) με καὶ ποιήσω τὸ θέλημα τοῦ Χριστοῦ μου; (л. 123 лиц., с. 2). Родители Панкратія умираютъ; самъ-же онъ ἦν ἐν τῷ λεγομένῳ Πυργίσκῳ θείᾳ μελέτῃ ἀεὶ ἐξασκούμενος (ib.). Сюда, «ἐπὶ τὰ μέρη τοῦ Πόντου» (ib.), приходитъ ап. Петръ, рукополагаетъ епископомъ Максимина, которому преподаетъ правила церковнаго устроенія, и ставитъ у Пиргиска церковь. По просьбѣ Панкратія Петръ креститъ его ближнихъ; имъ и нищимъ Панкратій раздаетъ свое имѣніе, а апостолъ зоветъ зографа Іосифа и велитъ ему написать τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου[4]) ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἵνα ἰδόντες οἱ λαοὶ ἐπὶ πλεῖον πιστεύσωσιν ὁρῶντες τὸν τύπον τοῦ σταυροῦ[5]) καὶ ὑπόμνησιν λάβωσι τῶν παρ' ἡμῶν πρὸς[6]) αὐτοὺς κηρυχθέντων (л. 125 лиц. с. 2 — об. с. 1). Петръ велитъ также списать свой собственный ликъ и Панкратіевъ, на память приходящимъ, которые въ немъ признáютъ апостола, а о Панкратіи скажутъ: οὗτός ἐστιν

---

1) За исправленія слѣдующихъ далѣе отрывковъ греческаго текста приношу мою искреннюю благодарность проф. Г. С. Дестунису.

2) W, f. 267 r. b: καὶ τὸν μονογενῆ υἱὸν αὐτῶν Παγκράτιον τριετῆ ἄγοντα τὴν ἡλικίαν ᾤχετο.

3) W, f. 267 v. a: ὁδηγήσει με τὸν λόγον καί.

4) W, f. 268 r. a: μου.

5) W, f. 268 r. a: τὸν τύπον τῆς μορφῆς.

6) W, f. 268 r. a: λαμβάνωσιν τῶν παρ' ἡμῶν εἰς.

ὁ οἰκοδομήσας τὸν πύργον τοῦ σκευοφυλακίου. Ὁ οὖν παῖς ὁ ζωγράφος καὶ ταύτας ἀπετέλεσεν, ἐπιγράψας ἑκάστῃ εἰκόνι [1]) τὸ ἴδιον ὄνομα· οὕτως γὰρ [2]) ἐποίουν οἱ [3]) ἀπόστολοι ἐν ταῖς πόλεσι καὶ κώμαις ἀπὸ Ἱεροσολύμων ἕως Ἀντιοχείας. ἀναλογισάμενος δὲ Πέτρος ἐποίησε [4]) τὴν ἱστορίαν πᾶσαν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ [5]), ἀφ' οὗ ὁ ἄγγελος τὸ Χαῖρε κέκραγε τῇ παρθένῳ μέχρις οὗ [6]) ἀνελήφθη ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός. καὶ ἐκέλευσε κοσμεῖσθαι τὰς ἐκκλησίας διὰ τῆς ἱστορίας ταύτης (л. 125 об. с. 1). Панкратій говоритъ Петру, что у него есть крестъ, ὃν ὁ μακάριος πατήρ μου παρά τινων πραγματευτῶν ἱεροσολυμιτῶν ὠνήσατο, δοὺς αὐτοῖς πεντακόσια νομίσματα.... ἦν γὰρ ὅλος ἐκ χρυσίου καθαροῦ καὶ λίθων πολυτελῶν συνηρμένος. οὗτος γὰρ ἦν κατ' οἰκονομίαν θεοῦ ἀποσταλεὶς πρὸς τὸν μακάριον πατέρα Παγκρατίου διὰ τὸ αὐτοπροαίρετον εἰς ἀγαθὸν τοῦ ἀνδρός. ὃν ἰδὼν ὁ [7]) ἀπόστολος καὶ γνοὺς τῷ πνεύματι τὴν εἰς αὐτὸν οἰκονομίαν παραυτὰ λαβὼν ξύλον κέδρινον ἐνεκόλαψε [8]) καὶ ποιήσας θήκην ἔνσυρτον κατέκλεισε [9]) αὐτὸν ἐκεῖ καὶ παρέδωκε [10]) τῷ ἐπισκόπῳ εἰρηκὼς [11]) φόβῳ προσέρχεσθαι καὶ προσκυνεῖν αὐτὸν [12]) (л.125 об. с. 2). Собираясь покинуть свой кровъ, Панкратій молится предъ образомъ Спасителя и животворящимъ крестомъ, плачетъ и причитаетъ надъ гробницами родителей и, простившись со своими домашними, беретъ съ собой одного Евагрія, списателя его житія. Вмѣстѣ съ ап. Петромъ они переправляются на кораблѣ въ Антіохію, гдѣ апостолъ проповѣдуетъ и креститъ вмѣстѣ съ Маркіаномъ (л. 126 об. с. 1: ἦν δέ τις ἀποσταλεὶς ἀπὸ Ἱεροσολύμων

---

[1]) W, f. 268 r. a: ἑκάστην εἰκόνα.
[2]) W, ib. οὖν.
[3]) W, ib. οἱ ἅγιοι ἀ.
[4]) W, ib. πεποίηκεν.
[5]) W, f. 268 r. a: Ἰησοῦ Χριστοῦ καθὼς τὴν ἐκκλησίαν (b) διεκοσμοῦσαν ἀπ' ἀρχῆς, ὅτε ὁ ἄγγελος.
[6]) W, f. 268 r. b: μέχρις ὅτου καὶ.
[7]) W, f. 268 v. a: ὁ μακάριος ἀ.
[8]) W, ib. ἐνέκοψεν.
[9]) W, ib. ἐνέβαλεν.
[10]) W, ib. παρέδωκεν αὐτόν.
[11]) W, ib. (εἰρηκώς) = λελαληκώς.
[12]) W, ib. — ῷ.

ἐκ [1]) τῶν ἀποστόλων τῶν τὰ δεύτερα φερόντων ἐξ αὐτῆς ὑπάρχων τῆς πόλεως τῷ γένει); то-же онъ дѣлаетъ и далѣе, по городамъ и весямъ, творя чудеса надъ больными и бѣсноватыми. Услышавъ о томъ, что онъ въ Киликіи, апостолъ Павелъ (л. 127 лиц. с. 1) ἐλθὼν ἀντέστη [2]) κατὰ πρόσωπον Πέτρου καὶ τῶν λοιπῶν ἀποστόλων τῶν ἐκ τοῦ χοροῦ τῶν δώδεκα καί φησι πρὸς αὐτούς· ἕως πότε οὐ χειροτονεῖτε ἐπισκόπους ἐκ τῶν μαθητῶν τῶν ἀκολουθούντων ὑμῖν καὶ ἐκπέμπετε εἰς τὰ ἑσπέρια μέρη; Совѣтъ Павла понравился апостоламъ и они, по указанію Св. Духа, избираютъ мужей и посылаютъ ихъ (ib.) κατὰ τὰ μέρη Ἰταλίας καὶ Ἀφρικῆς. Петръ отправляетъ Маркіана и Панкратія (ученикъ Павла, Κρίσκης, уже отбылъ въ Галлію, л. 127 лиц. с. 2), которые находятъ у морскаго берега два судна, готовые къ отплытію: одно изъ Сиракузъ, съ капитаномъ Ромиломъ, другое изъ Тавроменіи: его хозяинъ — Ликаонидъ, котораго ап. Петръ назвалъ въ крещеніи Епифаніемъ. Предупрежденные о томъ, апостолы спѣшатъ къ морю, гдѣ крестятъ моряковъ, производятъ чудесныя исцѣленія и совершаютъ литургію; Петръ говоритъ новообращеннымъ: τὰς δὲ ἀτάκτους φωνὰς Ἰουδαίων τε τῶν ἀσεβῶν καὶ τῶν μιαρῶν [3]) Μοντανῶν καὶ τὰ μυθικὰ Ἑλλήνων ἀποστρέφεσθε (л. 128 лиц. с. 1). Проповѣдь апостола обнимаетъ всю священную исторію (сотвореніе міра, грѣхопаденіе, убійство Авеля; діаволъ научаетъ мужеложству и идолопоклонству; потопъ; Авраамъ, Исаакъ и т. д.) и переходитъ къ нравственнымъ наставленіямъ; Маркіану и Панкратію онъ вручаетъ (л. 131 обор. с. 2) πᾶσαν ἐκκλησιαστικὴν κατάστασιν· [4]) εὐαγγέλια δύο, ἀποστόλους δύο, οὓς [5]) συνέταξεν ὁ θεῖος ἀπόστολος Παῦλος, δισκοποτήρια δύο ἀργυρά, σταυροὺς δύο ἔχοντας ῥάβδους κεδρίνας [6]), τόμους δύο τῶν θείων ἱστοριῶν ἔχοντας τὴν διακόσμησιν

[1]) W, f. 269 r. b: ὑπὸ τῶν ἁγίων ἀποστόλων ἐκ τῶν μαθητῶν τὰ δεύτερα ἐχόντων.
[2]) W, f. 269 v. b: ἦλθεν καὶ ἀνέστη.
[3]) W, f. 270 v. b: καὶ ἀκαθάρτων Μοντανῶν τὰ μυθικὰ Ἑλλήνων παίδων.
[4]) W, f. 274 r. b: τόμους δύο τῶν θείων μυστηρίων, εὐαγγέλια δύο.
[5]) W, ib. ἐκήρυξεν ὁ μακάριος Παῦλος.
[6]) W, ib. κεδρίνους τὴν διακόσμησιν τῆς ἐκκλησίας ἤγουν (τ. a) τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὴν παλαιάν τε καὶ νέαν διαθήκην, ἃ ἐγένοντο.

τῆς ἐκκλησίας ἤγουν τὴν εἰκονικὴν ἱστορίαν τῆς παλαιᾶς τε καὶ νέας διαθήκης οἳ ἐγένοντο κατὰ κέλευσιν τῶν ἁγίων ἀποστόλων· (f. 132, об. c. 1) καὶ πάλιν ἔλεγεν αὐτοῖς· θέλω δὲ ὑμᾶς ἐκκλησιῶν οἰκοδομὰς ποιοῦντας διακοσμεῖν αὐτὰς οὕτως· καὶ λαβὼν [1]) τοὺς πίνακας οὓς ἦν ἱστορήσας ὁ Ἰωσὴφ καὶ ἀναπτύξας, ὑπεδείκνυεν [2]) αὐτοῖς λέγων· [3]) θὲς πρῶτον τὸν εὐαγγελισμόν, τὴν γέννησιν, τὸ πῶς ἐβαπτίσθη ὑπὸ τοῦ Προδρόμου, τοὺς μαθητάς, τὰς ἰάσεις, τὴν προδοσίαν, τὴν σταύρωσιν, τὴν ταφήν, τὴν ἐκ τοῦ ᾅδου ἔγερσιν καὶ τὴν ἀνάληψιν. ταῦτα [4]) ἐν τῇ ἐκκλη(c. 2)σίᾳ διακοσμεῖτε, ἵνα ὁρῶντα τὰ πλήθη τῶν εἰςιόντων [5]) τοῦ χαρακτῆρος τὸν τύπον, καὶ ὑπόμνησιν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου λαμβάνοντα ἀναζωπυροῦνται καὶ θερμοτέραν τὴν πίστιν ἐνδύονται.

Маркіанъ отправляется на кораблѣ Ромила, Панкратій на суднѣ Ликаонида. Вѣтеръ, въ началѣ попутный, раздѣлилъ впослѣдствіи путниковъ, и корабль Панкратія пристаетъ «ἐν τόπῳ ἐπιλεγομένῳ Φάλκωνι» [6]). Въ первый разъ мы встрѣчаемся съ упоминаніемъ *Тавра и Менія*, f. 133 r. c. 1.

(I) οὐ μέντοι ἦν λιμὴν ἐν τῷ τόπῳ, ἀλλ᾽ ὁρμισία τις. ἦν γὰρ ὁ τόπος κατείδωλος ὑπὸ δαιμόνων κατεχόμενος, καὶ δαιμόνων πλῆθος ἦν ἐν αὐτῷ. ἐπειδὴ ὁ τόπος ἐκεῖνος κῆπος λαχάνων ὑπῆρχε Φαλκωνίλλης [7]), μητρὸς Φάλκωνος, ἀπογόνου Μενίας τῆς Ταύρου γυναικός. αὕτη οὖν ἡ Φαλκωνίλλα σοφὴ ἦν καὶ φαιδρὰ (f. 133 r. c. 2) τῷ προσώπῳ εἰς ὑπερβολήν, ὡς ἐμφέρεται ἐν τοῖς ἱστορικοῖς, ὥστε διὰ τὴν πολλὴν αὐτῆς σοφίαν καὶ φαιδρότητα δῶρα πολύτιμα προσέφε-

---

[1]) W, f. 275 r. b: ὁ μακάριος.

[2]) W, ib. ὑπέδειξεν.

[3]) W, ib. θῆσαι μὲν πρῶτον.

[4]) W, ib. τ. πάντα.

[5]) W, ib. ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ εἰς ὑπόμνησιν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἔρχονται καὶ ἀναζωπυροῦνται ὁρῶντες πρῶτον τὸν τύπον (f. 275 v. a) τοῦ χαρακτῆρος ὡς προσείρηκα ὑπόμνησιν λαμβάνουσιν καὶ θερμοτέραν τὴν πίστιν ἐνδύονται.

[6]) Сл. Falcone nella provincia, diocesi, tribunale correzionale, corte di appello e circolo delle assise di Messina, circondario di Castroreale, mandamento di Novara di Sicilia, collegio elettorale di Patti e corte di cassazione di Palermo. — Moltedo, Dizionario dei communi del Regno d'Italia, 2[da] ed. (Napoli, 1881).

[7]) W, f. 275 v. b: διότι ἦν αὐτὸς ὁ τόπος κῆπος λαχάνων Φαλκονίλας.

ρον αὐτῇ χάριν τοῦ ὁρᾶν καὶ θαυμάζειν τὴν ὡραιότητα τοῦ κάλλους[1]) αὐτῆς. αὕτη γεννᾷ υἱὸν καὶ ἐκάλεσε τὸ ὄνομα αὐτοῦ Φάλκωνα κατὰ τὸ αὐτῆς ὄνομα. ἦν δὲ ὁ παῖς εὐφυὴς καὶ φαιδρὸς πάνυ· καὶ κατελθὼν τερφθῆναι ἐν τῷ κήπῳ ἐξέψυξεν ἄφνω καὶ ἀπέθανεν, καὶ ἐτάφη ἐν αὐτῷ τῷ κήπῳ. ποιήσαντες οὖν ναὸν πάνυ τερπνὸν τῆς πατρώας αὐτῶν κατακοσμήσεως, ἔστησαν ἐπάνω τοῦ τάφου ἀνδριάντα λίθινον λαξευτόν, ὃν καὶ ὠνόμασαν θεὸν Φάλκωνα. εἶτα ἐνέγκαντες παῖδα ἔφηβον προσήνεγκαν αὐτῷ θυσίαν καὶ ἀπώσατο· ἔτι οὖν προσθέντες προσήνεγκαν αὐτῷ τρεῖς ἐφήβους παῖδας καὶ ἑβδομήκοντα τρία μοσχάρια ἄρρενα καὶ καλά, καὶ ἐδέξατο (f. 133 v. c. 1), καὶ σφάξαντες τοὺς τρεῖς παῖδας καὶ τὰ ἑβδομήκοντα (W, f. 276 r. a: τρία) μοσχάρια ἐπετέλεσαν τὴν μιαρὰν θυσίαν. — Жертвы эти приносились въ теченіи 360 лѣтъ. Какъ только Панкратій вступилъ на берегъ и ударилъ о-земь древкомъ креста, демоны завопили, но умолкаютъ по молитвѣ святого, который, остановившись въ домѣ Ликаонида, самъ идетъ съ нимъ и Евагріемъ въ храмъ Фалькона, взявъ съ собою (f. 134 r. c. 2) τὸν τίμιον καὶ ζωοποιὸν σταυρὸν καὶ τὰ ἅγια εὐαγγέλια καὶ τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ τὴν τοῦ ἀποστόλου Πέτρου καὶ τὰς καθολικὰς αὐτοῦ δύο ἐπιστολάς[2]). По повелѣнію Панкратія демоны бросаютъ храмъ и идолъ Фалькона за тридцать стадій въ море, гдѣ они и сами обречены пребывать до суднаго дня; (f. 135 r. c. 2) καὶ εὐθέως σὺν τῷ λόγῳ Παγκρατίου γέγονεν ἦχος σφοδρὸς ὥςπερ ἀνέμου καὶ ἐφάνησαν ὡσεὶ πλῆθος κοράκων καὶ γυπῶν; таковъ видъ демоновъ; шумъ отъ паденія Фальконова капища такой, какъ будто рухнула гора.

На другой день Ликаонидъ проситъ Панкратія дозволить ему сходить въ городъ, повидать Вонифатія игемона и Авриліана политарха; возвращаясь изъ путешествія онъ обыкновенно навѣщаетъ ихъ и приноситъ посильные дары; на этотъ разъ онъ

[1]) W, ib. (вмѣсто χάριν — κάλλους) ὡς καὶ θαυμάσαι τὴν ἀγαθότητα τῆς ψυχῆς.

[2]) W, f. 276 v. b: τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμων Ἰῦ Χῦ καὶ τοῦ μακαρίου Πέτρου τοῦ ἀποστόλου τὰς καθολικὰς καὶ τὴν ἱστορίαν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἡ(f. 277 r. a)μῶν Ἰῦ Χῦ ā καὶ ποιήσας ἐν πίναξι χαρτώοις σὺν τῆς τοῦ ἀποστόλου εἰκόνος. καὶ ταύτας τὰς δύο εἰκόνας σὺν τῷ σταυρῷ διακατέχων προσῆλθεν . . . .

беретъ съ собою (f. 135 v. c. 1) ἀμφιτάπητα ἐξ πάνυ καλὰ (c. 2) ἔντερπνα ἀσιανὰ καὶ τριάκοντα κεράμια ἐλαίου καὶ ἕτερα τριάκοντα κεράμια οἴνου Νυσσαίου. Вонифатія онъ застаетъ въ преторіи, столующимъ съ тремя друзьями, и привѣтствуетъ его: χαίροις..., Κύριε ἡγεμόν, ἀξίως τὸ λαμπρὸν περιβεβλημένος, δι'οὗ καὶ τοποκτίστης ἐκλήθης (ibid.); поднявшись изъ за стола игемонъ идетъ на вышку съ однимъ пріятелемъ трибуномъ и Ликаонидомъ, котораго разспрашиваетъ объ Азіи, Лакедемонѣ и восточныхъ странахъ. Всѣ опи пребываютъ въ мирѣ, отвѣчаетъ Ликаонидъ, (f. 136 r. c. 1) διότι εἰρήνη μεγάλου θεοῦ ἐπεσκίασεν αὐτοὺς καὶ σώζει τοὺς αὐτῷ προσπελάζοντας καὶ πᾶσαν ἀκαταστασίαν κατεπράϋνεν ὡς θεὸς ἀληθινός. Вонифатій пораженъ отвѣтомъ, а Ликаонидъ пользуется этимъ и принимается поучать его, кто такой Христосъ, когда игемона вызываетъ толпа жрецовъ, пришедшихъ ему повѣдать объ исчезновеніи Фалькона (сл. f. 137 r. c. 1—2: οὐχὶ σὺ ἐπίστασαι τὸν φοῖβον καὶ καθαρὸν Φάλκωνα υἱὸν Φαλκονίλλης;). Можетъ быть, онъ удалился въ другой городъ, презрѣвъ ваши животныя жертвы, говоритъ Вонифатій, велитъ имъ разойтись и успокоиться, пока онъ не произведетъ слѣдствія, а самъ возвращается къ Ликаониду. Тотъ спѣшитъ раскрыть передъ нимъ тщету язычества и истину христіанства (f. 137 v. c. 2: οὐκέτι οὖν, ὡς ἔφην, Φάλκονι καὶ τῇ Ἥρωνος[1]) θυγατρὶ καὶ τοῖς λοιποῖς ἀκαθάρτοις θύωμεν θεοῖς), разсказываетъ о своемъ путешествіи, встрѣчѣ съ Панкратіемъ и далѣе, до чуда надъ Фалькономъ. Игемонъ пораженъ, спрашиваетъ, почему Ликаонидъ не привелъ съ собою и Панкратія; Ликаонидъ обѣщаетъ устроить свиданіе съ нимъ и указываетъ, какъ поступить: пусть игемонъ соберетъ изъ эпархіи войско и выведетъ его, для смотра (ἀδνούμιον), по сосѣдству съ мѣстомъ, гдѣ укрывался святой. Вонифатій такъ и дѣлаетъ; восторженные клики воиновъ, привѣтствовавшихъ игемона, остановили Авриліана политарха, готовившагося вооружиться противъ Вонифатія по науцѣнію жрецовъ, недовольныхъ имъ и Ликаонидомъ, о которомъ узнали, что онъ привезъ Панкратія, проповѣдника Христа.

[1]) W, f. 280 r. b: Ἥρωος.

Игемонъ выводитъ собравшееся войско за городъ и, сдѣлавъ ему смотръ и распустивъ, хочетъ увидать святого, когда снова является толпа жрецовъ и горожанъ, прося разслѣдованія по дѣлу Фалькона. Они не унимаются, когда люди Вонифатія говорятъ имъ, что теперь, вечеромъ, не время для розысковъ, пусть подождутъ до завтра; не дѣйствуетъ на нихъ и увѣщаніе, которое велитъ имъ передать игемонъ; они принимаются голосить f. 144 r. c. 1: ποῦ ἡ εὐπρέπειά σου, καθαρώτατε Φάλκον; ποῦ ἡ μορφὴ τοῦ μεγίστου ἀνδριάντος σου; πῶς ἀφανὴς ἐγένου ἐκ τῶν σῶν ἐραστῶν, φοῖβε καὶ καθαρώτατε Φάλκον; Они упрекаютъ Вонифатія въ безпечности и равнодушіи (c. 2): ὦ θεοὶ Λύσσον καὶ Ζεῦ[1]) καὶ ἡ μεγάλη θεὰ ἡ Ἥρωνος θυγάτηρ καὶ Ἀρτεμᾶ ἐν ἱκανότητι πολλῇ ὑπάρχοντες καὶ οἱ λοιποὶ θεοί, μὴ ἀρεστὸν ἐνώπιον ὑμῶν φανείη, ἀήττητοι καὶ μέγιστοι, περὶ Φάλκωνος τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ συνεστίου ὑμῶν, ἀλλ' ἐκζητήσατε τὴν τούτου ἀπώλειαν. Они идутъ къ Авриліану, но тотъ, пораженный внезапной немочью и безгласный, не въ состояніи ничего предпринять и лишь киваетъ головою.

Поздно вечеромъ Вонифатій отправляется къ Панкратію, который, предупрежденный Ликаонидомъ, принимаетъ его въ епископскомъ облаченіи, сидя на престолѣ, съ крестомъ въ рукахъ и иконами Спасителя и ап. Петра. Вонифатію кажется, что святой окруженъ пламенемъ, и онъ бросается передъ нимъ на колѣни, не рѣшаясь сѣсть возлѣ него; чудо исчезаетъ, какъ только Панкратій разоблачился. Святой осѣняетъ Вонифатія знаменіемъ креста, принимаетъ участіе въ его трапезѣ; за трапезой слѣдуетъ молитвословіе, во время котораго молнія внезапно освѣщаетъ покой, а вокругъ Панкратія Вонифатію по прежнему видится огненный ореолъ. Тогда святой велитъ Евагрію принести ему τὸ εὐαγγέλιον καὶ τὰς ἐν ἱστορίᾳ μεμβράνας καὶ τὰς δύο εἰκόνας αἳ ἦσαν ἐνώπιον ἡμῶν, ὅτε τὸν πάννυχον ἐπετελοῦμεν αἶνον, σὺν τῷ σταυρῷ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (f. 146 r. c. 2). По приказанію святого Евагрій читаетъ евангеліе отъ Матѳея,

[1]) W, f. 286 v. b: Δία καὶ ἡ μεγάλη θεὰ ἡ Εἴρωνος θυγάτηρ καὶ Ἀρτεμᾶ ἀπ' ἀδελφῶν ξένε δὲ (sic) ἀλλ' ἐν ἱκανότητι πολλῇ ὑπάρχων καὶ οἱ λοιποὶ θεοί.

а Панкратій объясняетъ игемону и Ликаониду евангельскую исторію — по изображеніямъ и въ пространномъ поученіи пересказываетъ Ветхій и Новый Завѣтъ, избраніе апостоловъ и свое собственное крещеніе — до страданія Спасителя. — Вонифатій увѣровалъ и, отправляясь на слѣдующее утро въ городъ, приглашаетъ туда и Панкратія. Ликаонидъ совѣтуетъ святому подождать ночи, какъ-бы не учинили чего демоны въ предчувствіи своего пораженія. Святой даетъ ему рукописаніе, которое Ликаонидъ, вернувшись въ Тавроменію, кладетъ тайкомъ у идола Лиссона, въ Тетраиппіи (f. 153 r. c. 1: τὸ Τετραίππειον; W, f. 301 v. r: Τετραίππιν) — и демоны принуждены прекратить свои вопли, когда Панкратій и Ликаонидъ, руководимые звѣздою, ночью вступаютъ въ городъ, гдѣ въ теченіи сорока дней пребываютъ въ преторіи игемона.

Между тѣмъ нечистые языческіе іереи съ нестройной толпой приходятъ въ преторій, назойливо напоминая Вонифатію, что предстоитъ празднество Лиссона и жалуясь, что съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ Ликаонидъ, ихъ боги умолкли; обвиняя самого игемона въ равнодушіи къ нимъ. Вонифатій обращаетъ обвиненіе на нихъ самихъ: они сами небрежны и косны; сорокъ дней прошло со времени смотра, а они не искали своего Фалькона, да и теперь пришли лишь потому, что наступаетъ празднество Лиссона, а они падки до жертвенныхъ приношеній. Тѣмъ не менѣе онъ обѣщаетъ имъ присутствовать на праздникѣ, и Панкратій, которому онъ сообщаетъ о своихъ бесѣдахъ съ жрецами, поддерживаетъ колеблющагося и проситъ его, въ свою очередь, построить для него церковь. Онъ самъ указываетъ мѣсто вблизи городскихъ стѣнъ, обращенное къ востоку и морю, а Ликаонидъ, идетъ (f. 155. r. c. 2 = W, f. 304 v. a) къ κεραμιστάς, φησὶν αὐτοῖς· ἐκέλευσεν ὁ ἡγεμὼν πλινθεῦσαι πλίνθους καὶ ὀπτῆσαι πυρί, [κ]υιστορικὸν γὰρ οἶκον βούλεται οἰκοδομῆσαι. οἱ δὲ εὐθὺς εἴχοντο τοῦ ἔργου. ἀπέστειλεν δὲ καὶ ὁ Βονιφάτιος τοὺς παῖδας αὐτοῦ καὶ συνέλεξαν βουλκανικοὺς λίθους καυσωθέντας διὰ τὸ γενέσθαι τὸ καταπέτασμα τοῦ εὐκτηρίου ἐλαφρόδομον. Въ тридцать дней зданіе было готово,

и Панкратій совершаетъ въ немъ службу; одинъ Вонифатій, къ своему огорченію, еще не удостоился причастія. Чудо въ церкви (f. 155 v. c. 2): ὅτι ἀφοῦπερ τὸν θεῖον ἀπήρξατο ὕμνον, οὐ διέλιπε πῦρ περιαστράπτον τὴν ἐκκλησίαν πάνυ φοβερόν, ὡς δοκεῖν καταφλεχθῆναι πάντας ἡμᾶς. Ὅτε δὲ τὴν ἡδυτάτην σάλπιγγα καὶ μελίρρυτον φωνὴν ὁ ἅγιος ἀνέπεμψε Παγκράτιος, τηνικαῦτα πάντες οἱ πέριξ γυψόπλαστοι καὶ ὑέλινοι θεοὶ ἐν τοῖς χρυσοκολλήτοις καὶ[1]) διαχρύσοις [θρόνοις] κείμενοι ἐδαφισθέντες συνετρίβησαν, κονιορτὸς γενόμενοι καὶ χνοῦς, ὡς ἀπὸ ἅλωνος θερινῆς. Жрецовъ въ то время въ храмахъ не было, они готовились къ празднеству Лиссона и радовались сооруженію Вонифатія, полагая, что новый храмъ воздвигнутъ Аполлону, еще не имѣвшему въ Тавроменіи своего ἄγαλμα. Они благодарятъ его (f. 156 v. c. 1): οἶδεν γὰρ ἡ πρόνοια Λύσσωνος καὶ ἡ μεγάλη (W, f. 306 r. a: δύναμις) Διὸς καὶ ἡ τύχη τῆς ἡμετέρας θεᾶς[2]) Ἀρτέμιδος Ἥρωνος θυγατρός, ὅτι πολύς ἐστι ἡμῖν ἀγὼν περὶ Φάλκωνος. Между тѣмъ какъ Ликаонидъ относитъ и кладетъ у идола Лиссона второе посланіе къ нему Панкратія, жрецы сами сбираются въ храмъ, думая кстати посмотрѣть на новый, сооруженный игемономъ (c. 2), ἐν τῷ παραλίῳ γὰρ Διοσκορίδους[3]) ἡτοίμαζον τὰ τῆς θυσίας ἔργα. ὡς δὲ ἀνήλθοσαν κατὰ τὸ εἰωθὸς λαχμὸν ποιῆσαι εἰς (f. 157 r. c. 1) ποῖον θεὸν θυμιάσωσι πρῶτον, οὐ χρησμὸς ἐδήλου τῆς κληδόνος ἐν τῷ Διΐ, οὗ τὴν κεφαλὴν κατέχουσιν οἱ ἱστοριογράφοι κεφαλαιώδη τινὰ τοῦτον ἀνιστοροῦντες. Въ храмѣ Дія (acc. sing. τὸν Δίαν) они находятъ всѣхъ идоловъ упавшими и разбившимися, то-же и въ другихъ; они предаются плачу и

---

[1]) W, f. 305 r. a: διαλίθοις θρόνοις ἐγκείμενοι.

[2]) W, f. 306 r. a: Ἥρονος θυγατρός. Каэтанъ (Isagoge, стр. 8) исправляетъ: Ἀρτέμιδος Ἥρας θυγατρός; «Diana, Herae filia. Hera autem dicta est Ceres. Causam refert Pausanias (in Arcadicis). Dianam vero haud quidem Latonae, sed Cereris filiam fuisse Aeschylus docet, quod ab Aegyptiis accepit idem Pausanias».

[3]) Какъ видно изъ контекста, храмъ, куда направляются жрецы, находился вблизи церкви св. Панкратія, по сосѣдству съ которой дѣйствительно сохранились слѣды какого-то языческаго храма. Сл. Aug. J. C. Hare, Cities of Southern Italy and Sicily. London 1883, стр. 401.

сѣтованіямъ (с. 2): τίς ἀναγγελεῖ ταῖς περὶ Μάγαρ[1]) καὶ Λουγδῖνον (v. c. 1) καὶ ταῖς λοιπαῖς ἐπαρχίαις αἷς πολλάκις ἐν πολέμοις συμβαλόντες αἰχμαλώτους συνέσχομεν πάντας τοὺς ἐν αὐταῖς; — Народная толпа идетъ къ преторіи и бранитъ Вонифатія — второе упоминаніе *Тавра* и *Меніи*:

(П) f. 157 v. c. 2: не боги-ли дали тебѣ золото и серебро, οὐ πᾶσαν μεταλλικὴν τέχνην Ταύρου καὶ Μενίας σοὶ δέδωκαν, ὥςτε καὶ τὰ [κ]υιστορικά σου πεφραγμένα[2]) τυγχάνειν ἐσθῆτος λαμπρᾶς, βύσσου τε καὶ πορφύρας καὶ κόκκινου ἀνεικάστου; — Вонифатій препирается съ ними (f. 158 r. c. 1): πόλεμον ἐπὶ πόλεμον ἀντεισάγετε. Οἱ δὲ πάλιν ἐν πολλῷ θυμῷ ἔλεγον· ἀνάξιε τῆς ἡγεμονίας, καὶ ποῖον πόλεμον ἀντεισάξεις[3]) τῷ πολλοστῷ λαῷ τούτῳ; Καὶ ὁ Βονιφάτιος· Οἷον ἡ χάρις τῆς θείας προνοίας ὀρέξει. Οἱ δὲ πρὸς αὐτόν· Ἀλλ'εἰπὲ ἡμῖν, εἰ φίλος εἶ τῶν μεγίστων θεῶν, ποίαν θεὰν καὶ χάριν εἶπες πόλεμον ἡμῖν ἐπενεγκεῖν; τὴν θεὰν Ἥρωνος ἢ Ἀφροδίτην Ἀθηνῶν; Καὶ ὁ ἡγεμὼν ἀπεκρίνατο· Προσέχετε τῷ ῥήματι τούτῳ· οὐκ ἐμνημόνευσα θεᾶς Ἥρωνος θυγατρός οὐδὲ πάλιν Ἀφροδίτης, ἀλλὰ θείας χάριτος καὶ δυνάμεως. — Противъ игемона поднимаются гнѣвные крики, но они умолкаютъ послѣ его предложенія: поставить въ храмахъ мудрыхъ мужей, свѣдущихъ въ отеческихъ преданіяхъ: пусть удостовѣрятся, что приключилось съ ихъ богами. — Панкратія, находившагося тѣмъ временемъ въ церкви, охранялъ св. Духъ: никто не видѣлъ новаго зданія. — Поставивъ по два мужа въ каждомъ изъ капищъ, народъ отправляется къ храму Лиссона, неся въ рукахъ вѣтки мирта и лавра, (f. 158 v. c. 2), αἱ δὲ νεάνιδες[4]) φωνὰς ἄδουσαι ἀφροδητικὰς ἔλεγον τῷ Λύσσωνι· χάρις σοι, χάρις σοι, μέγιστε θεὲ Λύσσον, ὅτι ἡ σὴ εὐάρεστος πρόνοια τὴν ἐτήσιον πολιτικὴν εὐωχίαν ἀπήρτισεν ἡμῖν. Въ началѣ онъ отказывается отъ отвѣта, но его продол-

---

[1]) Такъ въ W, f. 307 r. a; въ синод. сп. Μάγδαν. Сл. Macara = Heraclea Minoa, недалеко отъ Агригента, у Cluverius, Sicilia antiqua, l. I, c. XVII (сл. ib. l II, c. X: о Machara).

[2]) W, f. 307 v. a: εἰσὶν αἰσθήτων λαμπρῶν.

[3]) W, f. 307 v. b: ἀντεισάγεις.

[4]) W, f. 308 v. b: ἐν κυμβάλοις.

жаютъ молить (f. 159 r. c. 1): ты оказывался ἐν πλούτῳ περιφανέστατος ὡς καὶ [1]) τύχην καλεῖσθαί σε ἐν πᾶσι μεταλλικοῖς εἴδεσι; онъ указываетъ на другого, болѣе мощнаго бога, который побѣдилъ Фалькона, Дія и его самого; его-то ученика привезъ сюда Ликаонидъ; наконецъ онъ отвѣчаетъ (f. 159 v. c. 2= W, f. 309 v. b — 310 r. a): κληδόνα ἀσφαλῆ λαβόντες πορεύεσθε. τότε ἐνέγκαντες φιάλην χρυσῆν ἐν ᾗ τοὺς κληδόνας ἐπέβαλλον, ἔπλησαν αὐτὴν ὕδατος ἀσκήπτου, καὶ προσεγγίσαντες τῷ ἀνδριάντι ἐπεκαλοῦντο ἕκαστος κληδόνα λαβεῖν. ἐπέβαλον δὲ ἐν τῷ ὕδατι τὰ ἑαυτῶν δακτύλια [2]) καὶ προσελθὼν εἷς ἐξ αὐτῶν [3]) πάνυ τὴν τραγῳδίαν πεπειραμένος, ἔλεγε κατὰ τὴν ἑκάστου τύχην. καὶ τὸ πάρεδρον [4]) ἐδίδου τὴν φωνὴν αὐτοῦ λέγον· Λάβε. ἐπιβαλόντος οὖν τὴν χεῖρα κατὰ τὸ ἔθος, ἀνῆλθεν ὁ χρησμὸς τῆς θυσίας καὶ ᾐτήσατο Βονιφάτιον λαβεῖν εἰς θυσίαν [5]). Это рѣшеніе объявляютъ Вонифатію, а онъ идетъ объявить его святому, находившемуся въ церкви. Тотъ велитъ ему мужаться: онъ самъ пойдетъ съ нимъ и посрамитъ демона.

Между тѣмъ мужи, оставленные въ храмахъ, докладываютъ жрецамъ, что въ девятомъ часу (когда Панкратій пѣлъ утренній канонъ) ихъ идолы снова пали — и это чудо повторяется въ присутствіи жрецовъ, которые направляются къ церкви Панкратія, но ея не видятъ, слышатъ только пѣніе; лишь только гимнъ кончился и святой совершилъ знаменіе креста, мракъ, окружавшій церковь, разсѣялся, и жрецы его узрѣли. Они заклинаютъ его сказать имъ, кто онъ: μὴ ὁ μέγας θεὸς Ἀπόλλων εἶ ὁ τῶν Ἀθηνῶν; (f. 161 r. c. 2); онъ говоритъ имъ о себѣ, о Богѣ христіанъ, о томъ, что онъ сокрушитъ Лиссона, — а они вѣрятъ

[1]) W, f. 309 r. a: τύχη καλὴ ἅπασιν ἐν μεταλλικοῖς ἴδεσιν.

[2]) Такъ въ W, f. 310 r. a. и слав. переводѣ; въ синод. δακτύλους.

[3]) W, ib. εἰς τὴν τραγῳδίαν πάνυ.

[4]) Сл. Just. Mart. Apolog. II, p. 65: Νεκρομαντεῖαι μὲν γὰρ καὶ αἱ ἀδιαφθόρων παίδων ἐποπτεύσεις, καὶ ψυχῶν ἀνθρωπίνων κλήσεις, καὶ οἱ λεγόμενοι παρὰ τοῖς μάγοις ὀνειροπομποὶ καὶ πάρεδροι, καὶ τὰ γινόμενα ὑπὸ τῶν ταῦτα εἰδότων, πεισάτωσαν ὑμᾶς ὅτι καὶ μετὰ θάνατον ἐν αἰσθήσει εἰσὶν αἱ ψυχαί. — Сл. Clementina, Hom. II, c. XXX: παρεδρίαι.

[5]) О бросаніи sortes въ воду сл. Plaut. Cas. II, 4, 6; Suet. Tib. 14.

ему и бесѣдуютъ о томъ на обратномъ пути; (f. 162 r. c. 2) εἷς δέ τις ἀρχιφιλόσοφος, ὅστις καὶ τὰς βίβλους πασῶν τῶν ἰατρικῶν ὑποθέσεων[1]) πεπιστευμένος ἦν, τοὔνομα Ξάνθιππος, τῇ χειρὶ κατασείσας εἶπεν πρὸς τὸν λαόν· Ἄνδρες, σιγήσατε μικρόν, καὶ ἐρῶ ὑμῖν τὴν δύναμιν τοῦ πράγματος. ὑμεῖς προεβάλλετέ με ἄρχειν ἐν τῇ πόλει πάντων τῶν ἰατρικῶν πραγμάτων[2]), πρὸ δὲ ολίγων μηνῶν τοῦ χρονικοῦ τούτου κύκλου τίς ἦν οὐκ οἶδα (f. 162 v. c. 1) ἀνὴρ ἄξιος τῷ εἴδει ἦλθε πρός με καὶ ἐπιδέδωκέ μοι βιβλίον λέγων· Λάβε, Ξάνθιππε, βιβλίον ἰατρικὸν ἐκ τῆς ἄνωθεν δυνάμεως[3]). ὅπερ ἐγὼ δεξάμενος εἶπον πρὸς τὸν ἄνδρα· Τίμιε ἄνερ, λάβε καὶ σὺ χρήματα. ὁ δὲ φθαρτὸν καὶ βδελυκτὸν ἀποκαλέσας τὸν χρυσὸν ἀφανὴς γέγονεν. ἐγὼ δὲ τὴν βίβλον ἐπὶ χεῖρας λαβὼν καὶ μικρὸν ἀναγνούς, εὗρον ἄνδρας τέσσαρας μίαν φωνὴν φθεγγομένους καὶ τὴν διήγησιν ἀνέφερον εἰς Χριστόν τινα υἱὸν θεοῦ ἀληθινοῦ. ἔχει με[4]) οὖν, ὦ ἄνδρες, ὅτι οὗτος ὁ ἄνθρωπος τοῦτον ἦλθε κηρύξαι ἡμῖν. Онъ разсказываетъ далѣе, что какъ только внесъ ту книгу въ домъ свой, онъ освѣтился чуднымъ свѣтомъ и произошли исцѣленія. — Услышавъ этотъ разсказъ, они хотѣли было вернуться къ Панкратію, либо пойти посмотрѣть на чудесную книгу Ксантиппа (оказывающуюся впослѣдствіи евангеліемъ), но діаволъ помѣшалъ этому — и вотъ они идутъ къ тетраппію, сзываютъ къ жертвѣ народъ, приводятъ и Вонифатія; его разоблачили, связали назадъ руки; онъ озирается — не видать-ли Панкратія. Какъ только явился святой въ сопровожденіи Евагрія и одного изъ моряковъ, крещенныхъ апост. Петромъ, съ крестомъ и иконами, съ Вонифатія спали путы, а пораженный народъ опускается на колѣни. По повелѣнію святого демонъ ввергается въ море съ страшнымъ крикомъ и вихремъ; змѣю, жившему въ ямѣ при храмѣ Лиссона и питавшемуся кровью жертвъ, Панкратій приказываетъ вытти, накинувъ ему на шею ремень; f. 164 r. c. 1: καὶ εὐθὺς σπαράξαν ἑαυτὸ τὸ θηρίον συ-

[1]) W, f. 312 v. b: θεσπισμάτων.

[2]) W, ib. ὡς καὶ πολλὴν ἐπιμέλιαν πεποίηκεν, πρὸ δὲ.

[3]) W, f. 312 v. b: στιχθὲν τῷ δυνάμει πολλοστῇ ἰατρεύοντι τὰ νοσήματα· ἐδεξάμην οὖν ἐγὼ τὸ βιβλίον ἐν ταῖς χερσίν μου καὶ εἶπον.

[4]) W, f. 313 r. a: μοι.

ρισμὸν μέγαν καὶ ἰσχυρὸν ἀπετέλεσεν, ὥστε φανῆναι τὴν γλῶσσαν αὐτοῦ ὡς ἐσχάραν πυρός. ἀνελθὸν δὲ ἐκ τοῦ λάκκου διερράγη ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω; его ввергаютъ въ море; въ одной его кости 60 литръ!

Увѣровавшій народъ возвращается вмѣстѣ съ Панкратіемъ въ городъ, жрецы издѣваются надъ своими идолами, а больной Авриліанъ, узнавъ о случившемся, умираетъ. Только демоны не успокоились, кружатся вокругъ Панкратія въ видѣ вороновъ, желая напугать его; по его молитвѣ они падаютъ на землю и очутились — свиньями, которыхъ святой загоняетъ въ одну пещеру и запечатлѣваетъ знаменіемъ креста: они пробудутъ тамъ до скончанія дней. Въ городѣ остались невѣрующими лишь монтаны и іудеи; идолы первыхъ рушатся, когда Панкратій благословилъ городъ на всѣ четыре страны свѣта. — На другой день крестятся толпы народа, приходятъ изъ сосѣднихъ округовъ, изъ-подъ Этны; на вопросъ Вонифатія, почему онъ не удостоенъ крещенія, Панкратій велитъ ему не торопиться, а Евагрію объясняетъ, что игемонъ будетъ крещенъ наслѣдникомъ его, Панкратія, на тавроменійской епископіи.

(III) Въ одинъ изъ дней Вонифатій ведетъ святого и Евагрія въ преторій и (f. 166 r. c. 1) ἔν τινι οἰκίσκῳ μικρῷ τοῦ πραιτωρίου ἔδειξεν ἡμῖν πάντας τοὺς θησαυροὺς τῆς ἡγεμονίας αὐτοῦ, χρυσίον πολὺν καὶ ἀνείκαστον καταμόνας, ὡς γὰρ ἐπὶ ἅλωνος σίτου ἢ ἀποθήκης κριθῆς [1]), οὕτως ἦσαν πεπλησμένα τὰ κοιαιστορικὰ [2]) ταμιεῖα τοῦ χρυσίου. ἐμφέρεται γὰρ ἐν τοῖς ἱστορικοῖς Ταύρου καὶ Μενίας ὡς ὅτι ἦν αὕτη ἡ Μενία ἐκ γένους Ἀλεξάνδρου τοῦ [3]) τῶν Μακεδόνων, ὅθεν καὶ Μακεδόνισσα ἐλέγετο. ἥτις Μενία ἁπάσης μεταλλικῆς τέχνης ὑπῆρχεν ἐν πείρᾳ πολλῇ, καὶ τὰ μαζικὰ στίλβουσα [4]) ἀόκνως, τὴν πόλιν αὐτῆς ἐνέπλησε χρυσίου καὶ ἀργυρίου καὶ τοσοῦτον (c. 2) ὥς τε μή τινα εὑρίσκεσθαι ἐν τῇ πόλει ἐν

---

[1]) W, f. 316 v. b: σιτικῆς ἢ ἀποθήκων κριθῆς.

[2]) Ркп. υεστορικά.

[3]) W, ib. βασιλέως.

[4]) Такъ въ W, ib.; въ синод. στιλβώσασα.

ἐνδείᾳ ὑπάρχοντα. πολλοὶ γὰρ τῶν πέριξ ἐπαρχιῶν ἐρχόμενοι[1]) ἐνεμπιπλῶντο. Что дѣлать съ этимъ богатствомъ? спрашиваетъ Вонифатій — Раздать бѣднымъ — Но ихъ нѣтъ, — и святой рѣшаетъ, улыбаясь: ἔστω τὰ τῆς ἡγεμονίας εἰς τὴν ἡγεμονίαν καὶ τὰ τοῦ πραιτωρίου εἰς τὸ πραιτώριον (ib.).

Слѣдуетъ нѣсколько исцѣленій и обращеній: Хриза, жрица Ἥρωνος, страдавшая проказой, приходитъ искусить Панкратія и, исцѣленная имъ, отказывается увѣровать; святой насылаетъ на неё ту-же болѣзнь еще въ большей мѣрѣ, но сжалившись надъ ея просьбами, вновь исцѣляетъ, креститъ подъ именемъ Бенедикты и ставитъ діакониссой при церкви. Вмѣстѣ съ Панкратіемъ и другими она идетъ въ храмъ Ἥρωνος, свергаетъ идоловъ и указываетъ святому на груду золота. Что съ нимъ дѣлать, когда нѣтъ бѣдныхъ? Панкратій, въ отвѣтъ ей, говоритъ о грѣховности «филаргиріи». Впослѣдствіи онъ поручаетъ Бенедиктѣ двухъ сестеръ — сиротъ, изъ которыхъ старшую хиротонисуетъ въ діакониссы; младшая, Сергія, будетъ жить съ нею въ кельѣ при храмѣ.—Ксантиппъ получаетъ въ крещеніи имя Эпафродита.

Вонифатій проситъ святого благословить его на брань, f. 171 лиц. с. 1: ἔθος ἡμῖν ἐστι τοῖς ἐναντιουμένοις ἡμῖν τὰς[2]) ἡμῶν ἐπιδείκνυσθαι ἀνδραγαθίας; на должность политарха избранъ, съ согласія святого, сынъ Авреліана, Элидъ, отказавшійся креститься, пока не окрещенъ Вонифатій; а Панкратій медлитъ этимъ, ибо тотъ еще суровъ и человѣкъ крови: такъ говоритъ святой Евагрію, котораго посылаетъ сопутствовать войску.

Войско собралось (f. 172 v. c. 1) ἀπό τε τῶν Μολιχῶν[3]) καὶ Ἐτναίων καὶ τῆς παραλίου Τίτου καὶ τοῦ σὺν αὐτῷ τέρμονος κατὰ

---

[1]) W, ib. (вмѣсто ἐρχόμενοι) χάριν πλούτου ἤρχοντο καί.

[2]) W, f. 322 v. b: ἀνδραγαθίας ἡμῖν ἐμποιεῖσθαι καὶ τούτους τροποῦσθαι.

[3]) W, f. 324 v. b: Μυλιχῶν. Разумѣется, вѣроятно, крѣпостца La Mola, на утесѣ, господствующемъ надъ Тавроменіей—Таорминой. Сл. далѣе: τοῦ Μολιχοῦ χάσματος; Fazellus, l. c. I, стр. 100; Hare, l. c. стр. 402; Guido Giordani, Indice generale dei Communi del Regno d'Italia ecc. (Milano, 1883): Castel Mola (già Mola), circondario Castroreale-Messina, pretura Taormina, sezione elettorale Messina-Taormina ecc.

μεσημβρίαν τοῦ ἄγοντος τόπου. Множеству сошедшихся мужей нечего удивляться, f. 174 r. c. 2:

(IV) ἐπειδὴ πασῶν τῶν περὶ Σικελίαν καὶ Καλαβρίαν πόλεων ἡ Ταύρου καὶ Μενίας πόλις ἐντιμοτέρα ἦν καὶ ὑπερέχουσα, ἔν τε χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ καὶ ἐσθῆτι καὶ λοιποῖς μεταλλικοῖς εἴδεσιν, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐν πολέμοις [1]) ἐπιτήδειος. καὶ γὰρ πολλάκις ἐν τῷ Δυρραχίῳ πολέμους κροτήσαντες πλείους ἢ τετρακοσίας ἀνεῖλον χιλιάδας, ὡς τε γενέσθαι αὐτοὺς ὀνομαστούς. ἐκόμισαν δὲ καὶ αἰχμαλωσίαν ἐν τῇ πόλει ταύτῃ ἐκ τῆς παρατάξεως τοῦ πολέμου χιλιάδας ὀγδοήκοντα χωρὶς γυναικῶν καὶ παιδίων. Οἱ δὲ Μακεδόνιοι ἀκούσαντες ἀνδραγαθίας αὐτῶν συνήντησαν αὐτοῖς ἐν Τερεντῷ εἰς τὸ πεδίον καὶ συνήψαντες πόλεμον μετ᾽αὐτῶν (v. c. 1) θρασυνόμενοι ἐν ὀργῇ οὐκ ἴσχυσαν ἀντιστῆναι τοῖς περὶ Ταῦρον, ἀλλ᾽ἡττηθέντες ἔφυγον ἀπὸ προσώπου αὐτῶν. ἀπεβάλοντο δὲ τοῦ ἰδίου λαοῦ πλείους ἢ ἑξήκοντα χιλιάδας. οἱ δὲ λοιποὶ θεασάμενοι τὴν ἱκανότητα καὶ αὐστηρίαν τῶν Ταυρομενιτῶν, κατέλιπον τὸν ἴδιον ἄρχοντα καὶ τὸν βασιλέα ἑαυτῶν [2]) καὶ ἦλθον ἐν τῇ πόλει ταύτῃ. καὶ ἐξ ἑτέρων δὲ πόλεων πολλοὶ ἤρχοντο ἐνταῦθα διὰ πλοῦτον καὶ λοιπὴν ἱκανότητα.

Войско удаляется, напутствуемое благословеніемъ Панкратія. Между тѣмъ Элидъ, или, вѣрнѣе, Ὄνειδος, говоритъ, играя созвучіемъ, списатель житія, оказался врагомъ христіанъ: поставивъ тайкомъ въ своемъ домѣ идола Скамандра онъ (f. 176 v. c. 1) παραγίνεται πρός τινα γόητα τῶν λεγομένων Μοντανιστῶν καὶ ἤρξατο συνδιασκοπεῖν αὐτῷ περὶ ἐρωτικῶν καὶ μυθικῶν ὑποθέσεων τῆς αὐτῶν ματαίας πλάνης. Ὁ δὲ πλάνος ἐκεῖνος Μοντανὸς τοῖς πολλοῖς αὐτοῦ καὶ ἀπατηλοῖς λόγοις τελείως τὸν ἄθλιον ἀπεπλάνησεν. Оказывается, что Элидъ воспылалъ страстью къ младшей изъ двухъ сестеръ-сиротъ, которыхъ Панкратій пристроилъ при церкви; и вотъ, призвавъ къ себѣ старшую, діакониссу, онъ даетъ ей понять свою власть и указываетъ, что его связь съ сестрой, Сергіей, побудитъ и его принять христіанство. Опечаленная этимъ откровеніемъ діаконисса оповѣщаетъ Панкратія,

---

[1]) Такъ въ W, f. 326 v. b; въ синод. πολεμισταῖς.

[2]) W, f. 327 r. a: τὴν ἰδίαν βασίλειαν.

сестру и Бенедикту, а Элидъ зоветъ къ себѣ на пиръ главенствующихъ изъ монтановъ и іудеевъ; (f. 177 v. c. 1) εἰσελθόντων δὲ αὐτῶν ἐν τῷ λουτρῷ τῷ διπαγίνῳ, ἀνέπεσον εἰς τὸ μιαρὸν συμπόσιον εὐωχούμενοι ὡσαύτως καὶ αἱ τούτων ἄσεμναι θήλειαι εἰς τὸ ἕτερον τοῦ λουτροῦ μέρος, ἃς πρὸς εὐφρασίαν πλείονα καὶ διέγερσιν τῶν αὐτῶν ἀνδρῶν ἐκεκλήκει ὁ ἀνόσιος. Εὐφρανθέντες οὖν ὑπὲρ κόρον, ἤρξαντο συντυχίας ἐρωτικάς[1]) πρὸς ἀλλήλους ποιεῖσθαι. βουλόμενοι γὰρ οἱ Ἰουδαῖοι τὴν ἀρέσκειαν τοῦ μιαροῦ πολιτάρχου εἰς πέρας ἄγειν, μᾶλλον αὐτὴν τὴν διαβολικὴν προεβάλλοντο χρῆσιν. οἵτε Μοντανοὶ παρενέγκαντες (c. 2) εἰς μέσον βιβλίον τῆς πορνικῆς μανίας τοὺς ἐραστὰς ἐπεκαλοῦντο δαίμονας. — Элидъ говоритъ о своей любви и рѣшеніи: либо дѣвушка отдастся ему, либо онъ забьетъ её на смерть; тѣ оправдываютъ его. Когда всѣ вышли, одинъ монтанъ говоритъ Элиду (ib): ἆρα γε, πολιτάρχα, ἀνέγνως τὸ βιβλίον τῶν ἐρωτικῶν ἐκπυρώσεων; Ὁ δὲ πρὸς αὐτόν· πολλάκις ἠθέλησα τοιούτοις[2]) ἐντυχεῖν καὶ ποιήματα στοιβισμάτων καταμαθεῖν, ἀλλ' ἡ συμφορὰ τῶν πραγμάτων (f. 178 r. c. 1) τῆς πόλεως καὶ ἡ τοῦ πατρός μου τελευτὴ οὐκ εἴασάν με εἰς τοῦτο ἐλθεῖν· ὅμως κἂν ἀπὸ τοῦ νῦν παρενεχθήτω πρός με ἡ τῶν βιβλίων τούτων[3]) συντυχία καὶ καταμάθω αὐτήν. Ὁ δὲ πονηρὸς ἐκεῖνος διδάσκαλος[4]) παρέσχεν αὐτῷ βιβλίον ἐπιφερόμενον[5]) δαιμονικοὺς ἔρωτας. εὐθὺς οὖν ἐπικαλεσάμενοι δαίμονας ὀξεῖς εἰς ὑπακοὴν παρέστησαν αὐθωρὸν τὸ ὕφος τοῦ πράγματος. ὡς γὰρ ἔλεγεν ὁ ἀπευκταῖος Μοντανός, νῦν δὲ πιστὸς καὶ εὐπειθής, ὅτι ὥσπερ Αἰθίοπες τόξα κατέχοντες καὶ βέλη οὕτως ἐφάνησαν οἱ δαίμονες, οὕστινας ὁ ἄθλιος Ἔλιδος πρὸς τὰς ἁγίας παρθένους ἐξέπεμψεν. — Но демоны ничего не въ силахъ сдѣлать дѣвственницамъ: ангелъ, вооруженный мечемъ, отгоняетъ ихъ — и они идутъ жаловаться къ Элиду на свое безсиліе, а тотъ жалуется своимъ на мага Панкратія, увлекшаго въ христіанство любимую имъ дѣвушку. — Панкратій, Ликаонидъ и Ксантиппъ

[1]) W, f. 330 v. b: κατὰ Ἀφροδίτην.
[2]) W, f. 331 r. b: τοιοῦτον.
[3]) W, f. ib. v. a: τοῦ βιβλίου τούτου.
[4]) W, f. ib.: καὶ δεινότατος Μοντανός.
[5]) W, ib.: καλούμενον.

стоятъ ночью на молитвѣ; утромъ святой рукополагаетъ Ксантиппа діакономъ; вскорѣ являются и посланные отъ Элида, уводящіе связанными обѣихъ сестеръ, діакониссу и Сергію. Сергіи Элидъ говоритъ, что хочетъ на ней жениться и требуетъ, чтобы, отрекшись отъ Христа, она воскурила ѳиміамъ Скамандру. Она отказывается. Тогда онъ проситъ старшую сестру убѣдить Сергію — но она поддерживаетъ ея рѣшимость; обѣ обезглавлены, и Панкратій съ христіанами хоронитъ ихъ (f. 181 r. c. 1) εἰς τόπον λεγόμενον Βαράγδου τεῖχος [1]), гдѣ онѣ совершаютъ чудеса. — Когда святой объявляетъ вѣрующимъ въ церкви о случившемся, они изъявляютъ въ одинъ голосъ готовность сжечь (f. 181 v. c. 2) *τάς τε οἰκίας καὶ τὰς τρωγλοδυσίας τῶν μιαρῶν αὐτῶν καὶ ἀκαθάρτων θεῶν* [2]). Панкратій удерживаетъ ихъ; въ его присутствіи злоумышлявшіе противъ него іудеи и монтаны препираются съ христіанами, которые грозятъ имъ возвращеніемъ Вонифатія, говоря, что еслибы не вечеръ, они заперли-бы ихъ въ тюрьмы. Это наводитъ на нихъ такой страхъ, что на другое утро, забравъ женъ и дѣтей и имущество, (f. 183 r. c. 2) εἰσῆλθον διὰ τοῦ Φιλιππικοῦ εἰς τὰς σκάφεις αὐτῶν πρὸς Συρακοῦσαν ἀπαίρειν βουλόμενοι [3]). Трижды посылаетъ Панкратій увѣрить ихъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, увѣщая остаться; возвращается лишь монтанъ—магъ, давшій Элиду волховскую книгу и становящійся христіаниномъ; Панкратій же (f. 183 v. c. 1=W, f. 338 r. a) *κατελθὼν διὰ τοῦ Μολικοῦ χάσματος εἰς τὸν τοῦ τείχους περίπατον, καὶ ἀνελθὼν ἐν τῷ βουνῷ*, молится: поднялась буря и всѣ отплывшіе погибаютъ въ морѣ. — Элидъ опечаленъ, но не хочетъ слышать увѣщаній святого, который однажды говоритъ своимъ: Радуйтесь, черезъ два дня явится съ побѣдой Вонифатій. Онъ самъ встрѣчаетъ его на берегу благословеніемъ; дѣло Элида отложено

---

[1]) W, f. 334 v. b: ἐν τόπῳ ἐπιλεγομένῳ Βαράγδου τείχους.

[2]) W, f. 336 r. a: τὰς οἰκίας αὐτῶν καὶ τὰς τρωγλοδυσίας αὐτῶν (т. е. Іюдеевъ и Монтановъ).

[3]) W, f. 337 v. a: κατῆλθον διὰ τοῦ Φιλικοῦ τόπου εἰς τὰς σκαφεῖς αὐτῶν ἐμπλησθέντες ἅπασαν περιουσίαν αὐτῶν σὺν γυναιξὶ καὶ παίδων καὶ τέκνοις καὶ (b) παιδίσκων, βουλόμενοι διαπλεῦσαι ἐν Συρακούσῃ.

до распущенія войска. Совершивъ въ станѣ литургію, Панкратій спрашиваетъ игемона, къ какой національности принадлежатъ его плѣнники: оказывается, что это — авары [1]), ἔθνος [2]) μιαρὸν, μηδόλως γλώσσης ἑλληνίδος [3]) μετέχον· παράκειται δὲ [4]) παρὰ τὰς τοῦ Διρραχίου καὶ Ἀθηνῶν ἐπαρχίας. Спрошенные черезъ толмача, они говорятъ: ἡμεῖς ἔθνος ἐσμὲν Ἀβαρικὸν καὶ θεοὺς σεβόμεθα παντοίων ἑρπετῶν καὶ τετραπόδων ὁμοιώματα. Σὺν τούτοις ἅπασι τῷ τε πυρὶ καὶ ὕδατι καὶ ταῖς μαχαίραις ἡμῶν σπένδομεν· ἰδόντες οὖν ἡμεῖς ἐν τῷ πολέμῳ τὰ ὅπλα ὑμῶν ἀστράπτοντα ἐν ταῖς χερσὶν ὑμῶν ὡς φῶτα λαμπάδων, ἐξέστημεν καὶ νομίσαντες ὅτι οἱ θεοὶ ὑμῶν εἰσί, πέμψαντες εἰς τοὺς ναοὺς ἠγάγομεν καὶ ἡμεῖς τοὺς ἐπισημοτέρους ἡμῶν θεοὺς [5]) καὶ ἐστήσαμεν κατέναντι ὑμῶν· οἵτινες ἡνίκα ἐθεάσοντο ἔμπροσθεν ὑμῶν τὸ πῦρ προπορευόμενον, ὥσπερ κηρὸς διελύθησαν (f. 185 r. c. 2 — v. c. 1). Панкратій креститъ плѣнниковъ, ставитъ священниковъ и діаконовъ, которые расходятся по эпархіямъ вмѣстѣ съ отрядами войска; въ числѣ другихъ идетъ и списатель житія, Евагрій. Когда онъ вернулся, Вонифатій сзываетъ на площади народъ для суда надъ Элидомъ (Вонифатій возсѣдаетъ на престолѣ Тавра), который ничего не отрицаетъ и желаетъ умереть язычникомъ. Онъ казненъ.

[1]) Въ печатномъ текстѣ житія у Агапія (сл. выше, стр. 69) объ аварахъ сказано только: ἤφεραν δὲ καὶ σκλάβους πολλοὺς Ἀβάρους ἀπὸ τὸν πόλεμον. Извлекаемъ изъ древнеславянскаго перевода житія св. Панкратія мѣста, относящіяся къ аварамъ. Л. 73 лиц. вси аварескь юзыкь зѣло скврьньнь николиже приближающесе Ѡчьска и юлиньска юзыка. прилежеть же драчевьскыихь аѳинѣискыих ѡбластии; л. 74 об. мыи аваревьска чедь юсмы и по(ч)томь бӥ подобиꙗ всѣхь четврѣногыихь, ѡгнь и водоу и мьче наше. видѣхомь же вь вась и все юже на брани акы свѣть блыстещьсе и оужасохомьсе, и пославше вь црквища бг҃ь нашихь, вьзехомь ꙗже имѣхомь мыи бг҃ы искоуснѣише, рекьше да с нами бороуть, и прѣдь поставихомь. видѣвьшеи ти чинь браньныи и свѣтильныкы свѣтьлыню прѣдьидоущею и свьтещесе прѣдь бранию, абию разидошесе и быше ни вь что же акы воскь ѡбониꙗвь ѡгнь и акы брьнию вь водѣ.

[2]) W, f. 840 v. a: πάνυ.

[3]) l. c. τῆς πατρικῆς γλώσσης.

[4]) l. c. ταῖς τοῦ Δοραχίου καὶ Ἀθηνῶν ἐπαρχίαις.

[5]) W, f. 341 r. a: τοῦ συμμαχῆσαι ἡμῖν· καὶ προστήσαντες αὐτοὺς ἑωρακότες καὶ αὐτοὶ τὴν τάξιν τοῦ πολέμου καὶ τοὺς φωστῆρας τοὺς φαιδροὺς τοὺς προβαίνοντας καὶ διαλάμποντας ἔμπροσθεν τοῦ πολέ(b)μου, εὐθέως διελύθησαν καὶ ἐγένοντο ὡσεὶ κηρὸς ὀσφρανθεὶς πυρός.

Черезъ два года являются изъ эпархій священники, прося Панкратія прибыть къ нимъ и освятить церкви — что̀ онъ и дѣлаетъ. Голосъ свыше трижды велитъ ему поставить въ пресвитеры діакона Эпафродита (= Ксантиппа) и послать одного (f. 190 r. c. 2 = W, f. 347 v. a) τοῖς μέρεσι Τοραχινέας [1]). Гдѣ это — Эпафродитъ не знаетъ, но предоставивъ себя волѣ Божіей, ѣдетъ на мулѣ. Далѣе списатель житія разсказываетъ будто-бы со словъ Эпафродита. Первую ночь онъ провелъ тамъ, гдѣ остановился мулъ; вторую у нѣкой воды (f. 190 v. c. 2): ταῦτα δὲ τὰ ὕδατα διὰ τοῦ χειμάρρου πλησίον κατέρχονται τῆς πόλεως Συρακούσης, (f. 191 r. c. 1) ὁ δὲ τόπος ἐκεῖνος Κερνήδολος ὑπὸ τῶν σοφιστῶν ὠνόμαστο [2]). На третій день онъ прибылъ на назначенное ему мѣсто, а узналъ онъ это потому, что мулъ отказывался идти далѣе; то мѣсто было (c. 2) πετρώδης. καθεσθεὶς οὖν ἐν ἑνὶ τῶν πλακωμάτων καὶ ἐξενέγκας ὅπερ ἦν αὐτῷ ὁ μακάριος Παγκράτιος δεδωκὼς ἅγιον εὐαγγέλιον, ἀνεγίνωσκε [3]) στήσας ἔμπροσθεν αὐτοῦ τὸν τίμιον σταυρόν. Въ той мѣстности властвовалъ топархъ Μελαφών (далѣе: Μελαφὼρ) [4]); святого увидѣла впервые женщина, ἧς ὁ ἀνὴρ ἦν γεηπονῶν καὶ ἔχων θεριστὰς ἐν τόπῳ λεγομένῳ Κλοζόνιν [5]). Нагрузивъ осла хлѣбами и виномъ, она направлялась къ работникамъ, когда увидѣла Эпафродита сидящаго и читающаго, остановилась и заглядѣлась. Завязывается бесѣда: онъ говоритъ ей о Богѣ, Творцѣ всего, о значеніи креста и евангелія;

---

[1]) Въ слав. переводѣ: вь страны таракыньскые земли; у Агапія: εἰς τὰ μέρη Ταραχονίας. Можетъ быть, Τυρακῖναι Стефана Византійскаго? Сл. Fazellus, De rebus siculis (ed. Amico e Statella), v. I, p. 456, прим. 10; Holm, Geschichte Siciliens im Alterthum I, p. 368, прим. къ стр. 73. Сл. Vito Amico, Dizionario topografico della Sicilia, tradotto dal latino ed annotato da G. Dimarzo (Palermo, 1855), I, 628.

[2]) W, f. 348 v. a: αὐτὰ οὖν τὰ ὕδατα κατερχόμενα ἐκπορεύονται εἰς χειμάρρου ὄνομα πλησίον τῆς Συρακουσίων πόλεως, ὃς ὀνομάζεται Κερνήδιλος ὑπὸ τῶν σοφιστῶν (Проф. Деступисъ предлагаетъ читать: οἰκιστῶν).

[3]) W, f. 348 v. b: ἐξενέγκας τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον ὅπερ ἦν δόσας αὐτῷ ὁ μακάριος Πανκράτιος μᾶλλον δὲ ὁ ἦν δεξάμενος ὑπὸ ἀγγέλου πρὶν ἡμᾶς κατελθεῖν κηρύξαι τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ, ἀνεγίνωσκεν.

[4]) l. c. ἦν δὲ Μελάνφορο(ς) τοπάρχης τῶν ἐκεῖσε χωρίων.

[5]) l. c. Κλοζώνοις.

та считаетъ его самого богомъ; я такой-же человѣкъ, какъ и ты, говоритъ онъ и проситъ, въ доказательство того, дать ему хлѣба и вина: вотъ уже второй день, какъ онъ ничего не ѣлъ. Когда женщина явилась къ своимъ, мужъ упрекаетъ её, почему она такъ запоздала: работники едва не ушли съ работы. Та говоритъ о видѣнномъ: незнаемый мужъ, передъ нимъ (f. 191 v. c. 2) στύλος ὡς ἀστραπή (f. 192 r. c. 1) καὶ ἐν ταῖς ἀγκάλαις αὐτοῦ πῦρ κατέχει, καὶ ἐκ τοῦ πυρὸς ἐκείνου λόγους ἀποφθέγγεται (=W, f. 349 v. a); она видѣла его ἐν τῷ πλακώματι Μελαφόρου [1]) πλησίον [2]) τοῦ ὕδατος (ib.). Мужъ самъ отправляется къ Эпафродиту, пораженъ чудомъ, его окружающимъ, считаетъ его богомъ; тотъ говоритъ ему о Христѣ. Оказывается, что крестьянинъ слышалъ о Немъ: одинъ изъ Его учениковъ (Маркіянъ) прибылъ въ Сиракузы, разсказываетъ онъ — и самъ желаетъ услышать благовѣстіе и принять крещеніе. Эпафродитъ соглашается: принеси только (f. 192 v. c. 1=W, f. 350 r. b) ἄμφια καινά. Доставъ ихъ въ сосѣднемъ селеньи, онъ возвращается къ Эпафродиту, который креститъ его въ потокѣ, водрузивъ противъ него крестъ и икону Спасителя: ἐγὼ γὰρ Εὐάγριος πελέκει τὸ ξύλον εὑρὼν ἐποίησα τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐν [3]) αὐτῷ καθὼς ἦν ἐκτείνας τὰς ἀχράντους αὐτοῦ χεῖρας· εἶχε δὲ μῆκος τὸ ξύλον ὡσεὶ πῆχυν ἕνα (c. 2), πλάτος δὲ σπιθαμὴν μίαν. τὸ δὲ ξύλον ὑπῆρχε κυπάρισσος· ὡς οὖν ἔστη καὶ ἡγίασεν.—Крещающемуся представилось, что икона возложила руку на его голову; онъ идетъ оповѣстить своихъ работниковъ, которые, увидя его, разбѣжались: одежда неофита, въ которую онъ былъ облеченъ, показалась имъ огненной. Онъ говоритъ имъ о видѣнномъ и что сталъ христіаниномъ, и тѣ стремятся къ святому, который креститъ ихъ (ночное явленіе діавола, пытающагося ихъ застращать), жену крестьянина и его троихъ дѣтей. Новообращенныхъ онъ посы-

[1]) W, f. 349 v. b: Μελαμφόρου.

[2]) l. c. χειμάρρου.

[3]) W, f. 350 v. a: εἰς αὐτὸ ὀρθόστατον κατὰ κέλευσιν Παγκρατίου. ἦν δὲ τὸ ξύλον ὡσεὶ μίας ἥμισυ πήχης τὸ μῆκος καὶ πλάτος αὐτοῦ ὡσεὶ πιθαμῆς καὶ ἀνατόντα χειρὸς· τὸ δὲ ξύλον ἦν κυπάρισσος· ὡς δὲ ἔστη καὶ ἡγίασεν.

лаетъ проповѣдывать слово Божіе въ эпархіяхъ; они совершаютъ чудесныя исцѣленія, о чемъ слухъ идетъ окрестъ (f. 196 r. c. 1) ἀπὸ Μελαφόρου ἕως Πετρονίκης Παλαδίου τῆς τρυφερᾶς παραλίου καὶ ὡς κατέρχεται ἡ ἀλσότης Πλατάμου τοῦ χειμάρρου [1]). Откуда вы? спрашиваетъ народъ у посланныхъ Эпафродита, и тѣ отсылаютъ ихъ къ нему; онъ креститъ ихъ, между ними всё эллины, нѣтъ ни монтана, ни іюдея. Услышавъ о томъ сошлись и увѣровали во Христа (f. 196 v. c. 1=W, f. 355 v. a) οἱ τοπάρχαι τῶν Μαζικῶν μερῶν καὶ Λιβυτῶν [2]); лишь топархъ Мелафоръ (Μελαφώρ; W, f. 355 v. a: Μελάνφορος) былъ въ то время на островѣ Мелитѣ; вернувшись и онъ крестился. — Слухи о проповѣди Эпафродита, посланнаго Панкратіемъ, доходятъ до епископа Сиракузъ, Маркіана; онъ удивляется такому вторженію въ чужую эпархію и въ этомъ смыслѣ пишетъ Панкратію письмо. Отвѣчая, Панкратій указываетъ на повелѣніе, бывшее ему свыше, и съ этимъ письмомъ посылаетъ Евагрія. Маркіанъ былъ въ ту пору (f. 199 v. c. 1) ἔξω ἐν ταῖς δυσὶ πόλεσι τῆς παραλίου οἰκῶν ἐν ἐπισήμῳ τόπῳ ἐν ταῖς τρωγλοδυσίαις τῶν Μοντανῶν πλησίον [3]) τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων. Маркіану было откровеніе касательно посланничества Эпафродита, и онъ говоритъ Евагрію, что скорбитъ теперь о своемъ письмѣ къ Панкратію, и что оказалъ уже Эпафродиту нѣкую поддержку. Онъ жалуется на іудеевъ и монтановъ, f. 200 r. c. 2 ἀλλὰ καὶ

---

[1]) Нынѣ Platani, древній Lykos или Halykos? Сл. Holm, l. c. I, стр. 31—2. Сл. соотвѣтствующее мѣсто въ W, f. 354 r. b: ἀπὸ Μελανφόρου ἕως Πετρονίκης πολλὰ δὴ τοῦ τῆς τρυφερᾶς παραλίου καὶ (v. a) κατερχομένης τῆς ἀλσότης Πλατάμου τοῦ χειμάρρου; слав. пер., л. 89 об.: Ѿ Мелефора мѣстьнаäго старѣишины до Петроникиѥ Паладиѥвы размлаженааго приморіѧ исходещаа до альса платамьскаго потока.

[2]) Разумѣется, быть можетъ, provincia *Lilybetana* = val di *Mazara*? Сл. Fazellus, l. c. p. 402, 405, 467; Amari, Storia dei Musulmani in Sicilia, I, p. 467. Или слѣдуетъ оставить Λιβυτῶν въ связи съ Μάζικες, Μαζίκαι, Mazaces = названіемъ народа въ Mauretania Caesariensis? Сл. Pape, Wörterbuch d. griech. Eigennamen ad. v. Μάζικες и Verba Seniorum у Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 803, 1010 и прим. на стр. 813.

[3]) W, f. 358 v. a: τῶν Ἰουδαίων τῆς βοῆς.

οἱ μηδικοὶ φαρμακοὶ τὰς μαγικὰς[1]) αὐτῶν φαντασίας τοῖς λαοῖς ἐμφανίζοντες ἐπὶ τοὺς μύθους αὐτῶν ἔτρεπον[2]). Ἔτι δὲ κατελθόντων ἡμῶν ὑπὸ δυτικαῖς τισι τρώγλαις, ἔφη πρός με· ταῦτα, τέκνον, τὰ δαιμονοστάσιά ἅπερ ὁρᾷς, ἡ τῶν πονηρῶν Μοντανῶν πεποίηκε συναγωγή, ἐν οἷς ᾤκουν λεγεῶνες δαιμόνων. Но Господь проявилъ надъ ними свою чудесную силу, и весь городъ крестился; лишь немногіе остались, которыхъ діаволъ побудилъ (f. 200 v. c. 1) ὅπως ἀπελθόν(c. 2)τες ὠρύξωσιν ἔνθα τὰ τῶν Σκλάβων κεῖνται σκηνώματα περὶ ὧν οἱ παλαιοὶ συγγραφεῖς ἱστοροῦσι, καὶ ἀνεγείρωσι ναόν τε καὶ θυσιαστήριον καὶ πόλιν οἰκοδομήσωσιν ἐν μέσῳ τῶν τάφων, ὃ καὶ ποιῆσαι ἐπεχείρησαν· ἐμοὶ δὲ τῷ ταπεινῷ γέγονέ τις ἔμπνευσις τοῦ ἀπελθεῖν εἰς τὸν τόπον καὶ τοὺς ἀκαθάρτους δαίμονας καθεῖρξαι ἐν τοῖς ἐκεῖσε ἀδύτοις, ὃ καὶ πεποίηκα τῇ χάριτι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ[3]). — По порученію Панкратія Евагрій посѣщаетъ Эпафродита, а затѣмъ вмѣстѣ съ Маркіаномъ отправляется въ Тавроменію. Панкратій отвѣчаетъ тѣмъ-же и вмѣстѣ съ Маркіаномъ ѣдетъ въ Сиракузы (архонты Гордій и Селевкъ f. 203 v. c. 2; сл. W, f. 359 v. a, и passim), гдѣ ему было прозрѣніе о калабрійскомъ властителѣ Акилинѣ, замышлявшимъ разрушить Тавроменію (f. 204 r. c. 2 = W, f. 368 v. b),

(V) περὶ Ἀκυλίνου βασιλέως τῆς χώρας Καλαβρίας, ἀπογόνου τοῦ ἑτέρου Ἀκυλίνου τοῦ λεγομένου Ἄνθονος· οὕτως γὰρ ἦν ἡ προσωνυμία αὐτοῦ, ἐπειδὴ πάντες οἱ ἐκεῖσε βασιλεῖς τὴν αὐτὴν ἐπεφέροντο προσηγορίαν[4]).

Не сказавъ никому ни слова, не посѣтивъ даже Эпафродита, котораго вызываетъ въ Сиракузы, передавъ его паству въ вѣ-

---

[1]) W, f. 359 v. a: καὶ διαβολικάς.

[2]) W, f. 359 v. a: ἐκτρέπουσιν. καὶ ἔτι ὀλίγον κατῆλθον ἅμα τῷ μακαρίῳ ὑπὸ δυτικαῖς τρισὶν τρώγλαις. ὁ δὲ μακάριος πρός με.

[3]) W, f. 364 v. a: ἔτι δὲ ὀλίγον ἦν ἐμπνέων ὁ διάβολος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης, καὶ λαβὼν ὀλιγοστοὺς ἐκ τῶν Ἰουδαίων καὶ Μοντανῶν, ἀπελθόντες ἔθαψαν ὅπου καὶ τὰ τῶν Σκλάβων ἔκειντο σκηνώματα, ἃ καὶ ἀνεγράψαντο οἱ ἱστοριογράφοι. Καὶ ἀπελθόντες ἐποίησαν θυσίαν πονηρὰν ἐν τοῖς τάφοις, οἷς καὶ ἤθελον πόλιν καὶ ναὸν ἀνοικοδομῆσαι· σκεψάμενοι οὖν τοῦ ἐγχειρίσαι, ἦλθεν μου ἐκ θείας ἀποκαλύψεως τοῦ ἀπελθεῖν ἐκεῖσε и т. д.

[4]) W. f. 368 v. b: διὸ πάντες οἱ τῶν ἐκεῖσε βασιλεῖς Ἀκυλίνου ὄνομα περιῆγον.

дѣніе Маркіана, Панкратій спѣшитъ въ Тавроменію. Вонифатій былъ на охотѣ; за нимъ посылаютъ верхомъ гонца; на другой день, собравъ народъ и причастивъ его, Панкратій готовится объявить пока лишь одному игемону о предстоящей опасности.

VI f. 205 v. c. 2 — 212 r. c. 1. На поляхъ внизу подъ вторымъ столбцемъ л. 205 об. написано: Περὶ Ταύρου καὶ Μενίας καὶ τῆς τῆς πόλεως γενέσεως [1]). «Φέρε οὖν μοι τὸν βίον Ταύρου, ὅνπερ μοι πολλάκις ἀνέγνως· ἐν ᾧ ἐμφέρεται περί τε Ῥεμίνδου καὶ Μενίας [1*]) καὶ Ἀκυλίνου βασιλέως Καλαβρίας. καὶ πῶς ἡ πόλις γέγονε, πῶς τε ὁ Ταῦρος σὺν τῇ Μενίᾳ ἐνταῦθα παρεγένετο καὶ πῶς ὑπῆρχον τὰ σύνορα [2]) αὐτῶν. καὶ ἐρῶ σοι ἐκ τῆς ἀναγνώσεως ταύτης πῶς καὶ ποίου πολέμου ἀφορμὴν λαβὼν [3]) ὁ ἀπόγονος Ἀκυλίνου ἐνταῦθα παραγίνεται. ζητῆσαι γὰρ βούλεται τοῦ ἀρχαίου πολέμου τὴν ἐκδίκησιν». Ὁ δὲ Βονιφάτιος ἀποστείλας ἤνεγκε [4]) τὸ βιβλίον. ὅπερ λαβόντες εἰσήλθομεν ὁμοῦ εἰς τὸ εὐκτήριον, ὅ τε μακάριος Παγκράτιος καὶ Βονιφάτιος κἀγὼ σὺν αὐτοῖς. καὶ εὐθέως προετρέψαντό [5]) με ἀναγνῶναι. ὡς δὲ ἀνέγνων λόγους διαφόρους [6]) καὶ τρόπαια πολεμικά, λέγει πρός με ὁ μακάριος· περὶ Ταύρου καὶ Ακυλίνου καὶ τοῦ μεγάλου αὐτῶν πολέμου ἀνάγνωθι, τέκνον (f. 206 r. c. 1). Τότε ἀναπτύξας εὗρον τὸ κεφάλαιον περὶ τῶν τερμόνων Ἀκυλίνου καὶ Ῥεμίνδου καὶ ὁποίους ἕκαστος αὐτῶν κατεῖχον τόπους καὶ ποίους πολέμους κατώρθωσαν [7]). καί φησιν·

Ῥέμινδος καὶ Ἀκυλῖνος οἱ βασιλεῖς ἦσαν ἐν ἰνδικτιῶνι τῆς ἐτῶν [8])

---

[1]) W, f. 370 r. b — 376 r. b. Inc. Τέκνον, ἔνεγκαί μοι τὸν βίον Ταύρου; Crypt. Ferr. f. 140 a: ἔνεγκέ μοι.

[1*]) Crypt. Ferr. f. 140 a: περὶ Ῥεμάλδου καὶ Μενείας; такъ и далѣе.

[2]) W, f. 370 r. b: κατεῖχον τὰ συνόρια; Crypt. Ferr. f. 140 a id.

[3]) W, l. c. ποίῳ πολέμῳ ἀφορμὴν λαβὼν θελει παραγενέσθαι ἐνταῦθα; Crypt. Ferr. f. 140 a: ποίῳ τρόπῳ ὁ πολέμιος ἀφορμὴν λαβὼν θέλει παραγενέσθαι.

[4]) W, ibid. τάχιστα οὖν ἐκπέμψας ὁ B. παρηνέχθη ἡ βίβλος; Crypt. Ferr. f. 140 a: то-же (πέμψας).

[5]) W, l. c. προετρέψαντο, Crypt. Ferr. f. 140, b. id.; синод. προσετρέψαντο.

[6]) W, f. 370 r. b: διαφόρους λόγους καὶ πολεμικὰ, λόγους μὲν (f. 370 v. a) μυθικοὺς, πολέμους δὲ ἀμυθήτους, λέγει; Crypt. Ferr. f. 140 b: διαφόρους πολέμους καὶ πολεμικὰ πολλά, λόγους μὲν и т. д.

[7]) W, l. c. ποίους πολέμους κατ᾽ἀλλήλων ἐκρότουν; Crypt. Ferr. f. 140 b ἐκρότουν.

[8]) Син. αὐτῶν; W, l. c. ἐδίκτῳ, ἑαυτῶν; Crypt. Ferr. f. 140 b: ἐν ἰνδίκτῳ τῆς τῶν ἐτῶν ἄρχῆς.

ἀρχῆς οὕτως διακατέχοντες· ἀπὸ πελάγους [1]) τῆς παραλίας Καλαβρίας [2]) καὶ ὡς κατέρχεσθαι [3]) διὰ Ῥιγίου τόπου χρυώδους οὕτω καλουμένου καὶ Πελούρου τὸ ἀνανεῦον [4]), καὶ Κάστρου [5]) τοῦ Παλαιοῦ [6]) καὶ Τραφικῆς καὶ Τουρικοῦ [7]) ὕδατος Ἑπταδέλθου δὲ Κάρου [8]) τὰς ὑψηλάς, καὶ ἕως τῆς [9]) παραλίας τῶν Σαλινῶν [10]) πάντα ταῦτα κατεῖχεν ὁ Ῥέμινδος. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος ἦν καὶ αὐτὸς κατέχων τόπον πολὺν καὶ λαὸν καὶ πόλεις ὀχυρὰς ἀπὸ τῆς αὐτῆς παραλίας ἕως Πριωνικῶν ὀρέων καὶ Σιλανικῶν [11]) καὶ ἕως πόλεως Ταραντοῦ καὶ ὡς κατέρχεται μέχρι Κογχύλου ποταμοῦ [12]). Ὁ μέντοι Ῥέμινδος ὀλιγοστὸς ἦν πρὸς Ἀκυλῖνον ὥστε καὶ φόρους αὐτῷ τελεῖν. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος μὴ προσχὼν τοῖς φόροις [13]) Ῥεμίνδου καὶ τοὺς τόπους καθαρπάζειν ἐβούλετο [14]) καὶ τὸν πλοῦτον καὶ τοὺς ἄνδρας [15]) σὺν Μενίᾳ τῇ σοφῇ καὶ

---

[1]) W, l. c. πελάγου.

[2]) Принято чтеніе W, l. c.; въ синодальномъ: Ἀδρία

[3]) W, Crypt. Ferr.; синод. κατέρχεται.

[4]) W, l. c., Crypt. Ferr.; синод.: καὶ ὄρος οὕτω καλούμενον Πελούρον τῶν ἀνέων (?).

[5]) Такъ въ W, l. c. и Crypt. Ferr.; въ синодальномъ: Καστόρου.

[6]) М. б. Palecastrum?

[7]) Син. W. του ροικοῦ; Crypt. Ferr. f. 140 b: τυρικοῦ; слав. турьскыя воды.

[8]) W, l. c. Κάρρου.

[9]) W, l. c. τῆς αὐτῆς.

[10]) W, l. c. (Σαλινῶν) καὶ ἅπαντα διεκατεῖχεν ὁ ποτὲ Ρ. ἦν δὲ τὸ γένος ἔθνους ξανθοῦ, εὐμήκης καὶ πάνυ δυνάστης. Ὁ δὲ Ἀ. ἦν καὶ αὐτός.

[11]) W, 370 v. b, Crypt. Ferr. f. 140 b: Σιλονικῶν, синод. Σολινικῶν. Разумѣется, вѣроятно, горный хребетъ Sila.

[12]) W, l. c. ἕως Τηροπόλεως καὶ χειμάρρου Κογχύλου. Въ оригиналѣ оба города могли быть упомянуты рядомъ, какъ далѣе: ἕως χειμάρρου Κογχύλου καὶ Ταραντοῦ καὶ τῶν ὁρίων Τηροπόλεως. = Tiriolo? Привожу весь этотъ географическій эпизодъ по ркп. Crypt. Ferr. f. 140 b: ἀπὸ Σαλίνων καὶ ἀνωτέρω τῆς Καλαυρίας καὶ κατέρχεσθαι διὰ Ρυγίου τόπου χρυόδους οὕτω καλουμένου καὶ Πελλούρου τὸ ἀνανεῦον καὶ Κάστρου τοῦ Παλαιοῦ καὶ Τραφικῆς καὶ Τυρικοῦ ὕδατος Ἑπταδέλφου δε Κάρου τὰς ὑψιλάς, καὶ ἕως τῆς αὐτῆς παραλίας τῶν Σαλινῶν ἅπαντα ταῦτα διακατεῖχεν ὁ ποτὲ Ῥέμαλδος· ἦν δὲ τὸ γένος ἔθνους ξανθοῦ, εὐμηκῆς καὶ πάνυ δυνάστης. Ὁ δὲ Ακυλίνος ἦν καὶ αὐτὸς πάνυ πλῆθος τόπων καὶ λαῶν διακατέχων καὶ πόλεις ἰσχυράς, ἀπὸ δὲ τῆς Καλαυριάς ἕως Πριονικῶν ὀρέων καὶ Σιλονικῶν καὶ ἕως Τυροπόλεως χειμάρρου καὶ Κογχίλου. Сл. соотвѣтствующее мѣсто въ славянскомъ переводѣ, Приложеніе, стр. 69—70.

[13]) W, l. c. τῶν φόρων; Crypt. Ferr. f. 140 b: id.

[14]) W, l. c. ἤθελεν; Crypt. Ferr. l. c. ἔθελεν.

[15]) W, l. c. αὐτοῦ σὺν Μενίᾳ τῇ μεγάλῃ τῇ φαιδρᾷ (синод. σφοδρᾷ) τε καὶ σοφῇ. Ἦν δὲ καὶ αὐτὴ Μακεδόνισσα. Crypt. Ferr. l. c. id.

μεγάλη καὶ φαιδρᾷ (c. 2). Ἦσαν δὲ ὁ μεν Ῥέμινδος τῷ γένει ἔθνους ξανθοῦ εὐμήκης τε καὶ σφόδρα δυνάστης· ἡ δὲ Μενία Μακεδόνισσα μὲν τῷ γένει τὴν δὲ ἄνω πρόνοιαν σεβομένη καὶ εἰς βοήθειαν ἐπικαλουμένη. Συχνοτέρους τοιγαροῦν πολέμους πρὸς ἀλλήλους συνέβαλον ὅ τε Ἀκυλῖνος καὶ Ῥέμινδος. — Ἡ δὲ τοῦ Ταύρου γένεσις τοιαύτη τίς ἐστιν· Ταῦρος οὖν οὗτος ὁ πολὺς ἐν σαρκικῇ δυνάμει Χαναneὺς ἦν τῷ γένει καὶ ἐν τοῖς αὐτοῖς ὁρίοις ἐτέχθη τοῦ Χάμ, ἀπόγονος δὲ τοῦ Νεβρὼδ ἐκείνου, λέγω τοῦ Νεβρὼδ τοῦ ἐν τῇ Γενέσει ἐμφερομένου. Οἱ οὖν ἱστορικοὶ δεκάτην [1]) γενεὰν εἶναι τοῦ Νεβρὼδ τὸν Ταῦρον ἱστοροῦσιν· Ἀνελθόντες δὲ οἱ μονόζωνοι Συρίας, ἐπολιόρκησαν μίαν τῶν πόλεων Χὰμ καὶ κατελάβοντο αὐτὴν [2]) καὶ λαβόντες τὴν αἰχμαλωσίαν ἤγαγον εἰς Συρίαν. ἦν δὲ καὶ ὁ Ταῦρος σὺν τῇ ἑαυτοῦ μητρὶ ἐν τῇ αἰχμαλωσίᾳ ὢν ὡσεὶ ἐτῶν πεντεκαίδεκα. [3]) ὅτε οὖν ἦλθεν ἡ προνομὴ εἰς διαμερισμὸν καὶ προνομὴν τοῖς ἄρχουσιν, ἤχθη καὶ ὁ Ταῦρος εἰς μέσον (f. 206 v. c. 1). ὁ δὲ διανομεὺς τοῦ ἐξισασμοῦ ἰδὼν τὸ παιδάριον πάνυ ὡραῖον, ἔλαβεν αὐτὸ σὺν τῇ μητρὶ λαθραίως καὶ τοῖς ἰδίοις δούλοις συνέταξεν. γνοὺς δὲ ὁ ἄρχων [4]) τὸ γεγονὸς ἀηδῶς πρὸς αὐτὸν εἶχεν ὡς πίστιν μὴ φυλάξαντα. Ναύκληρος δέ τις ἐκ τῆς μεγαλοπόλεως Ῥώμης ὑπάρχων καὶ ἐν τῇ Συρίᾳ τότε τὰς ἰδίας ποιούμενος πραγματείας, ἐρωτήσας τὸν ἄρχοντα εἰ ἔξεστιν δόντα τὴν τιμὴν ὠνήσασθαι τὸν Ταῦρον, ἐπέτρεψεν ὁ ἄρχων τοῦτο γενέσθαι. καὶ δεδωκὼς ὁ ναύκληρος τριάκοντα χρυσίνους ζαχευτοὺς [5]) ὠνήσατο τὸν Ταῦρον σὺν τῇ μητρί. καὶ ποιήσας τὰς λοιπὰς αὐτοῦ πραγματείας, ἐξέπλευσεν ἀπὸ Συρίας ἐλθεῖν ἐν Ῥώμῃ. πνεύσαντος δὲ λιβὸς ἀνέμου, οὐκ ἴσχυσε κατὰ τοὺς Ἰταλικοὺς διαπλεῦσαι κόλπους, ὅθεν ἐξ ἀνάγκης κατήχθη εἰς Ῥίγιον [6]), ἵνα διὰ τοῦ στενωποῦ Φάρου ἐκπλεύσῃ. τῶν

---

[1]) W, f. 370 v. b: ὃν οἱ ἱστοριόγραφοι ὑπεγρά(f. 371 r. a)ψαντο αὐτὸν εἶναι δεκάτην; сл. Crypt. Ferr. f. 141 a.

[2]) W, l. c.; синод. — αὐτόν.

[3]) W, l. c. ὅτε οὖν ἐξῆλθεν ἡ προνομὴ διασπαρῆναι ἐν τοῖς ἄρχουσιν, ἦλθεν καὶ Ταῦρος εἰς μέσον· ὁ δὲ μονοδότης τοῦ ἰσασμοῦ ἰδὼς; Crypt. Ferr. l. c. id.

[4]) W, l. c. ἀρχιάρχων; Crypt. Ferr. l. c.: Ἀχὴρ ὁ ἄρχων; слав. т. (сл. приложенія стр. 70): арьхиръ кнезь.

[5]) W, f. 371 r. b: ζαχευτούς; синод. γαζευτούς, Crypt. Ferr. l. c. χαζευτούς.

[6]) W, l. c. ἐν Ῥιγείω; Crypt. Ferr. f. 141 b.: ἐν Ρυγίῳ.

δύο γὰρ πελάγων τὸ μαχικὸν ἐν αὐτῷ[1]) ἐστιν ὅπερ οἱ γεωμέτραι στενωπὸν (c. 2) κεκλήκασιν. ὅταν γὰρ ἀνάκλασις τοῦ σάλου αὐτοῦ γένηται, τίς ὑποστήσεται τὰς τρικυμίας αὐτοῦ; κατάξας[2]) τοιγαροῦν ὁ ναύκληρος[3]) ὠράθη ὑπὸ τῶν Ῥεμίνδου ὑπασπιστῶν. οἱ καὶ ἐθαύμασαν ἰδόντες τὸ κύτος τῆς νηός, καὶ πέμψαντες πρὸς Ῥέμινδον ταχυδρόμους ἐδήλωσαν αὐτῷ περὶ τοῦ πλοίου. ὁ δὲ ἐλθὼν καὶ προσεγγίσας τῇ σκάφῃ λέγει· Χαῖρε τύχη τοῦ πλοίου, καλός σου ὁ φόρτος. Καὶ ὁ ναύκληρος σὺν τοῖς ναυτικοῖς ἀπεκρίνατο· Χαίροις καὶ αὐτός, τοπάρχα, καλῶς τὰ κατὰ σὲ διοικοῦνται, ἡ πρόνοια τῶν θεῶν διαφυλάξει σε. Καὶ ὁ Ῥέμινδος ἔφη· Τίς ὁ φόρτος τῆς νηός; Οἱ δὲ ναῦται λέγουσιν· Εἴ τι δ'ἂν βούλῃ, πάντα γὰρ ἀγαθὰ ἔχομεν. ἦν δὲ ὁ Ταῦρος ζαγρῶς περιπατῶν ἐν τῷ περιστρώμνῳ τοῦ πλοίου, ὃν θεασάμενος ὁ Ῥέμινδος ἔφη πρὸς τὸν ναύκληρον· Τίς ἐστιν ὁ νεανίας οὗτος; Καὶ ὁ ναύκληρος· Ὁ δοῦλος σου, ὠνησάμην αὐτόν. Καὶ ὁ Ῥέμινδος (f. 207 r. c. 1)· Δός μοι τὸ παιδάριον. Καὶ εὐθέως δεδωκὼς ἑξήκοντα χρυσίνους ὠνήσατο τὸν Ταῦρον σὺν τῇ ἰδίᾳ μητρί· φιλοτιμήσας δὲ αὐτοὺς οἴνῳ καλλίστῳ καὶ παντοίαις διατροφαῖς ἔφη· Ὁπηνίκα εὔθετος ὁ πλοῦς τοῦ στενωποῦ γένηται, ἐκπλεύσατε ὑγιαίνοντες. ἦν γὰρ πονηρὸς ὁ διάπλους ἀπὸ τῆς πολυκυμίας στοιχιζόμενος. γενομένου δὲ αἰσίου τοῦ πλοὸς διέπλευσεν ἡ ναῦς. Ὁ δὲ Ῥέμινδος λαβὼν τὸν Ταῦρον σὺν τῇ μητρὶ ἀπεκόμισεν ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ Σαλινῶν εἰς τὰ ἴδια. ἡ οὖν γυνὴ αὐτοῦ θεασαμένη τὸν Ταῦρον εἶπεν· Οἶδεν ἡ ἄνω πρόνοια ὅτι καλὸν τὸ παιδάριον ὅπερ ὠνήσω, κύριέ μου ἄνερ. ἡ δὲ Μενία ἦν ὡσεὶ ἐτῶν ὀκτωκαίδεκα[4]), φρόνιμος δὲ λίαν καὶ σοφή. ὡς δὲ εἶδεν τὴν μητέρα Ταύρου, ζηλοτυπήσασα μήπως Ῥέμινδος ἡδονήν τινα ἐργάζηται ἐν αὐτῇ, δοῦσα αὐτῇ φάρμακον ἀνεῖλεν αὐτήν. ἑωρακὼς οὖν ὁ Ταῦρος τὴν τελευτὴν (c. 2) τῆς ἑαυτοῦ μητρός, χολωθεὶς νοσήματι περιπέπτωκεν, ὡς λέγειν πάντας ὅτι ὁ παῖς ὁ Χαναναῖος τελευτᾷ. Καὶ Ῥέμινδος τέθλιπται δι' αὐτόν. ἡ δὲ Μενία λαβοῦσα κλίνην καὶ στρωμνὴν ἁπαλήν, ἀνήνεγκε τὸν Ταῦρον ἔν τινι ὑπερώῳ

---

[1]) W, l. c. τῷ τόπῳ; Crypt. Ferr. l. c. id.

[2]) W, l. c.; синод. κατέξας.

[3]) W, l. c. ὁ ναύκληρος ἐν ἐπισήμῳ τόπῳ; Crypt. Ferr. l. c. id.

[4]) W, f. 371 v. b: πάνυ δὲ παλαιὰ τὸ φρονήματι καὶ σοφή; Crypt. Ferr. f. 142 a, id.

ἔχουσα μεθ' ἑαυτῆς δύο παιδίσκας. Καὶ λαβοῦσα τὴν κεφαλὴν τοῦ παιδὸς καὶ ἐπὶ τὸν ἴδιον ἀναβιβάσασα κόλπον περιεπτύσσετο λέγουσα· Μὴ οὕτως, παιδάριον, ἀθύμει καὶ λυποῦ, εἰ γὰρ καὶ ἡ μήτηρ σου κεκοίμηται, [1]) ἀλλ' ἐγὼ νέα καὶ σὺ παιδάριον, Ῥέμινδος δὲ προβαίνει ἡμᾶς. ταῦτα καὶ ἕτερά τινα πρὸς αὐτὸν ἡ Μενία λαλήσασα, ἤρθη ἡ μνήμη τῆς μητρὸς Ταύρου ἐκ τῆς καρδίας αὐτοῦ καὶ προσεκολλήθη τῇ Μενίᾳ καὶ εὐθέως ᾐτήσατο φαγεῖν [2]). ἡ δὲ Μενία, καρύκευμα ἐκ τρυφεροῦ ἐρίφου ποιήσασα, ἐπέδωκεν αὐτῷ, καὶ [3]) ἐνίσχυσε καὶ ἀνέστη ἀπὸ τῆς ἀρρωστίας αὐτοῦ. Ὁ δὲ Ῥέμινδος ὁρῶν τὸν παῖδα σχῆμα ἀνδρίας περικείμενον [4]), ἀπέδοτο αὐτὸν ἐν τοῖς στρατεύμασι (f. 207 v. c. 1) διδάσκεσθαι μεταποιεῖν τὰς καθέδρας τῶν ἵππων· καὶ ἐπὶ πέντε ἑτέρους χρόνους ἐγένετο ὁ Ταῦρος ἀνὴρ εὐμήκης καὶ εὔρωστος τῇ ἡλικίᾳ, ποικίλα [5]) ἤδη καὶ πράξεις ποιούμενος, ἔν τε πολεμικοῖς τοξεύμασι καὶ λίθων βολαῖς καὶ ἐν ἄλλοις τισὶν ἀνδραγαθήμασιν, ὡς λέγειν Ῥέμινδον ἀναψυχὴν [6]) εὑρηκέναι τὸν παῖδα τοῦτον ὑπὲρ πάντας τοὺς παῖδας αὐτοῦ. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος γνοὺς τὴν ἀνδρίαν αὐτοῦ τὴν ἐν πολέμοις ἐπειρᾶτο μαθεῖν παρά τινων καί φησιν· Πόθεν ὁ παῖς ὁ εὐφυὴς ὁ προπορευόμενος Ῥεμίνδῳ, ὃς δίκην γίγαντος τόξον τείνει καὶ λίθον βολίδι βάλλει; Οἱ δὲ εἶπον· Ἐκ Συρίας ὠνήσατο αὐτόν. Οὕτως μὲν οὖν ὁ Ταῦρος παρὰ πάντων ἐθαυμάζετο [7]) διὰ τὴν πολλὴν αὐτοῦ ἰσχύν. τὸ γὰρ τόξον αὐτοῦ οὐδεὶς ἠδύνατο τεῖναι, τὰ δὲ βαστάγματα ἅπερ μετὰ κόπου ἕτεροι ἐπὶ τῶν ὤμων ἐπεφέροντο, αὐτὸς ῥαδίως ἐν μιᾷ χειρὶ ἐβάσταξεν· οὐ μόνον δὲ τὴν ἰσχὺν εἶχεν, ἀλλὰ καὶ σοφὸς ἦν καὶ τροπαιοῦχος (c. 2)· πολλάκις γὰρ τῶν ὄχλων εἰς τὰ συμπόσια τῶν ἑαυτῶν θεῶν συναθροιζομένων καί τισι παραβολαῖς καὶ δυσλήπτοις νοήμασι πρὸς ἀλλήλους κεχρημένων, οὐχ' εὑρίσκετο ὅμοιος Ταύρου ἔν τε ἰσχύϊ καὶ παραβολαῖς μυθικαῖς. συνῆλθον

---

1) W, l. c. ἐγὼ ἀντὶ μητρός σοι γενήσομαι, κἀγὼ νέα καὶ σὺ παῖς; сл. Crypt. Ferr. f. 142 a.

2) W, f. 372 r. a: καὶ πιεῖν; Crypt. Ferr. l. c. id.

3) W, l. c. λαβὼν ἔφαγεν καὶ; Crypt. Ferr. l. c. id.

4) W, l. c. σχήματα ἀνδρείας περιβεβλημένον; Crypt. Ferr. l. c. id.

5) W, l. c. (вм. ποικίλα) πάνυ δὲ; Crypt. Ferr. f. 142 b. id.

6) W, l. c. ἀναψυχὴν, Crypt. Ferr. l. c. id.; синод. ἀναψυχῇ.

7) W, f. 372 r. a: παρὰ πᾶσιν ἐθαυμάσθη; Crypt. Ferr. l. c. id.

τοίνυν ἐν μιᾷ πλήθη βοῶν ἐν τῷ λεγομένῳ Σαλινικῷ ὕδατι ἐν οἷς ὑπῆρχον ταῦροι δωδεκαετεῖς ἄγριοί τε καὶ ἀνήμεροι, οἷς πώποτε οὐκ ἐτόλμα τις προσεγγίσαι. διεγερθεὶς δὲ ὁ Ταῦρος ἔμπροσθεν πάντων, ἐκράτησε τὸν ὑπερμεγέθη καὶ ἀγριώτερον πάντων καὶ δήσας σχοινίῳ ἐκρέμασεν ἐν τῇ μιᾷ αὐτοῦ χειρί, ὥςτε καὶ ἐκ τούτου ὀνομαστὸν γενέσθαι τὸν Ταῦρον καὶ οἷον ἕτερον οὐκ ἦν ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις εὑρεῖν. αὕτη οὖν ἡ φήμη τῆς ἀνδρίας Ταύρου. τοιοῦτος δε ὢν οὐδέποτε ἀφροδισίᾳ συνεμίγη, οὐδὲ ἠτήσατο κοίτην γυναικός· τῆς γὰρ ἑαυτοῦ ἰσχύος ὁ σοφός[1]) τὴν λαγνείαν ἐν ταῖς γραφικαῖς ἱστορίαις εὕρισκεν ἐπίβουλον.

Ἐν δὲ ταῖς ἡμέραις ἐκείναις παραγίνεται Ἀκυλῖνος ἐκπορθῆσαι τοὺς περὶ Ῥέμινδον (f. 208 r. c. 1), καὶ ἦν ἀγὼν πολὺς ἐν αὐτοῖς τὸ πῶς Ἀκυλίνῳ ἀπαντήσωσιν. ἡ δὲ σοφὴ Μενία λαβοῦσα τὴν ἑαυτῆς περιουσίαν ἀπέκρυψεν ἑαυτὴν ἔν τινι τόπῳ. Ῥέμινδος δὲ λαβὼν τὸν ἑαυτοῦ λαὸν ὀλιγοστὸν ὄντα πάνυ πρὸς τὸ τοῦ Ἀκυλίνου πλῆθος, ἐξῆλθεν εἰς συνάντησιν αὐτοῦ ἔχων καὶ τὸν Ταῦρον μεθ' ἑαυτοῦ. Ὅτε οὖν συνῆψαν τὸν πόλεμον, στραφεὶς ὁ Ταῦρος ἀπὸ Ῥεμίνδου τοῦ πλῆξαι τινὰ τῶν ὑπεναντίων, πέπτωκεν ὁ Ῥέμινδος καὶ τέθνηκεν. Ὁ δὲ Ταῦρος ἐπιστραφεὶς καὶ τὸν ἑαυτοῦ κύριον πεπτωκότα καὶ πεπληγμένον θεασάμενος, κύψας ἔλαβε τὸ δακτύλιον τῆς χειρὸς αὐτοῦ καὶ ἐπιβὰς ἵππῳ ταχυτάτῳ ἔφευγεν. Οἱ δὲ ὑπενάντιοι κατεδίωκον ὄπισθεν αὐτοῦ. αὐτὸς δὲ ὑποστρέψας ἀνεῖλεν ἐξ αὐτῶν ὡσεὶ τριάκοντα ἄνδρας, καὶ οὕτως οἱ λοιποὶ πτοηθέντες ἀφῆκαν πορεύεσθαι. Ὁ δὲ ἐλθὼν ἔνθα ἦν ἡ Μενία κρυπτομένη, ἀνήγγειλεν αὐτῇ ὅτι «Ῥέμινδος ὁ κύριός μου πληγεὶς ἐν τῷ πολέμῳ ἐτελεύτησεν». ταῦτα ἀκούσασα διέρρηξε τὸν ἑαυτῆς χιτῶνα (c. 2) ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω καὶ [ἐπὶ]τὴν κεφαλὴν κόνιν καταπάσασα, ἐκάθητο πενθοῦσα. προσελθὼν δὲ ὁ Ταῦρος ἤρξατο λέγειν· ὦ κυρία μου σοφὴ Μενία, διὰ τί οὕτως ὀδύρῃ καὶ τὴν καρδίαν σου ἡ λύπη πεπλήρωκεν; οὐχὶ ἡ σὴ παράκλησις τοῦ ἱεροχόλου με ἀνέστησε καὶ μνήμην μητρός μου ἀπήλειψεν; οὐχὶ σὺ εἴρηκάς μοι ὅτι «κἀγὼ νέα καὶ σὺ παιδάριον, καὶ Ῥέμινδος προβεβηκώς»; ἡ δὲ Μενία ὑπόμνησιν λαβοῦσα τῶν παρ' αὐτῆς πάλαι ῥηθέντων κατεστάλη ἐκ τῆς προλαβούσης ὀδύνης καὶ φησιν· Οὕτως ἔχει,

[1]) W, l. c., Crypt. Ferr. f. 143 a. id.: ὡς σοφός.

παιδάριον, καὶ γὰρ προβεβηκὼς ἦν Ῥέμινδος. Τότε ὁ Ταῦρος πρὸς τὴν ἑαυτοῦ κυρίαν ἔφη· Δός μοι τὴν σωληνωτὴν ζώνην τοῦ κυρίου μου καὶ τὴν ἁπλῆν μάχαιραν καὶ τὴν ἀσπίδα τὴν χειμευτὴν καὶ τὸ δόρυ αὐτοῦ τὸ μαγευτόν. ἡ δὲ ἐξενέγκασα δίδωσιν αὐτῷ πάντα. καὶ λέγει Ταῦρος· Ἄσπασαί με, κυρία μου Μενία, ὅτι τὸ αἷμα Ῥεμίνδου τὸ ἐκχυθὲν σήμερον ἐπὶ τὴν γῆν ἐκδικῆσαι πορεύομαι (f. 208 v. c. 1) εἰς Ἀκυλῖνον τὸν κῦνα, καὶ συντρίψω αὐτὸν ἐν λιθοβολίδι. ἡ δὲ ἀσπασαμένη αὐτὸν λέγει· Ἄπελθε, ἡ ἄνω πρόνοια συμμαχήτω σοι. σκοπῷ δὲ τὸν πόλεμον κρότησον, μήπως καὶ σὲ Ἀκυλῖνος ἀποκτείνῃ. τότε ἔγνω ὁ Ταῦρος φίλημα γυναικὸς ἐν τῷ ἑαυτοῦ στόματι [1]). συναθροίσας δὲ τοὺς περιλειφθέντας ἐκ τοῦ πολέμου ἄνδρας ὡς ἑξάκις χιλίους, λέγει αὐτοῖς· Ἀπέλθωμεν πρὸς Ἀκυλῖνον.[2]) οἱ δὲ ἀπεκρίναντο· Καὶ τί ποιήσομεν ἑξακισχίλιοι ἄνδρες πρὸς ὀγδοήκοντα χιλιάδας; Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη· Τοῦτο πάντως κἀκεῖνοι λογίζονται ὅτι τε ὀλιγοστός ἐστιν ὁ λαὸς ἡμῶν καὶ ὅτι [3]) ἀπέθανε Ῥέμινδος καὶ οὐ μὴ παραγένωνται πρὸς ἡμᾶς ἐν ἀμεριμνίᾳ ὄντες. εὑρήσομεν οὖν αὐτοὺς ἀναπεσόντας ἐν ἑνὶ τόπῳ [4]) καὶ ποιήσομεν εἰς αὐτοὺς εἴ τι δ᾽ἂν βουληθῶμεν. Καὶ οἱ ἄνδρες εἶπον (c. 2)· Καλῶς εἴρηκας, Ταῦρε, ἀλλὰ τίς ἡμῖν ἄρξει καὶ τὰ πολεμικὰ τῆς τύχης ἐμβάλλει; Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη· Πάντες ὑμεῖς πολέμου πεῖραν ἔχετε, εἰ δὲ βούλεσθε, ἄρχομαι ὑμῖν ἐγὼ καὶ τὴν τύχην τοῦ πολέμου ἐπιδίδωμι. Καὶ οἱ ἄνδρες εἶπον· Σὺ μέν, ὦ Ταῦρε, εἰ καὶ τὴν ἰσχὺν περίκεισαι, [5]) ἀλλ᾽ οὖν ἄπειρος εἶ πολέμου καὶ τύχην δοῦναι οὐκ ἐπίστασαι. Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη· Πειράσατέ με, κἀγὼ πρόθυμος γενήσομαι ἐν τῷ πολέμῳ [6]) πλὴν ὡς ἂν διαστήσω ὑμᾶς· καὶ

---

[1]) W, f. 373 r. a: φιλίαν γυναικὸς ὡς μόνον ἐν τῷ στόματι ἤγγισεν; Crypt. Ferr. f. 143 b: φίλημα γυναικὸς ὡς μόνον ἐν τῷ στόματι ἤγγισεν.

[2]) W, l. c. Οἱ δὲ ἄνδρες πρὸς αὐτόν· Καὶ τί ποιήσωμεν; Ὁ δὲ Τ. πρὸς αὐτούς· Πολεμήσωμεν. Καὶ οἱ ἄνδρες πρὸς αὐτόν· Καὶ τί ποιήσωμεν ἑξάκις χίλιοι. Crypt. Ferr. l. c. id.

[3]) W, f. 373 r. b: Μάλιστα ὅτι ἀπέθανεν Ρ. καὶ ἔφυγεν ὁ λαὸς καὶ οὐ μή; Crypt. Ferr. l. c. id. (этимъ ограничиваются доставленныя мнѣ выписки изъ криптоферратскаго текста).

[4]) W, l. c. ἐν ἑνὶ τῶν ποΐχῶν τόπων.

[5]) W, l. c. ἐπεὶ παιδάριον εἶ, πεῖραν πολέμου καὶ τύχην μὴ ἐπιστάμενος δοῦναι.

[6]) W, l. c. καὶ ὡς διαστήσω ὑμᾶς, οὕτως ποιήσατε, ὁ καὶ εὑρήσετε νίκην ἐκφέρων.

εὑρήσετε νίκην, εὖ οἶδα. Τότε ἐξῆλθον οἱ ἄνδρες σὺν αὐτῷ καὶ ἦλθον ὡς ἀπὸ σταδίου ἑνὸς οὗ ἦν Ἀκυλῖνος. Λέγει οὖν ὁ Ταῦρος τοῖς ἀνδράσιν· Χωρίσατε ἑαυτοὺς δεξιὰ τρισχίλιοι, καὶ ἀριστερὰ τρισχίλιοι, καὶ οἱ μὲν τὴν ὀρεινὴν διακρατήσατε, οἱ δὲ τὴν παραλίαν, ἐγὼ δὲ μονώτατος διασκοπήσω τί διαπράττονται οἱ περὶ Ἀκυλῖνον. Καὶ ἐπορεύθη ὁ Ταῦρος μόνος, γενόμενος δὲ πλησιέστερον (f. 209 r. c. 1), ὁρᾷ πηγὴν καὶ ἄνδρας ἓξ φυλάσσοντας τὴν βάσιν τοῦ πολέμου. Καὶ ἐπιπεσὼν αὐτοῖς λαθραίως (ἀ)σπασάμενος τὴν ἑαυτοῦ μάχαιραν τοὺς μὲν τρεῖς ἀπέκτεινεν, τοὺς δὲ ἄλλους δήσας ἤνεγκε πρὸς τοὺς ἑξάκις χιλίους ἄνδρας. Οἳ καὶ ἐθαρσοποιήθησαν ἐκ τούτου. εἰ γὰρ μὴ τοῦτο ἐγεγόνει, οὐκ ἐπείθοντο τῷ Ταύρῳ. Οἱ οὖν κρατηθέντες τρεῖς ἄνδρες πᾶσαν τὴν δύναμιν Ἀκυλίνου ἐξεῖπον τοῖς περὶ τὸν Ταῦρον, ὅτιπερ καὶ πολλῷ οἴνῳ βαρυνθέντες εἰσὶ καὶ ὅτι φύλακας ἑτέρους οὐκ ἔχουσιν. Τότε θάρσος λαβόντες οἱ περὶ τὸν Ταῦρον, τοὺς μὲν ἄνδρας τούτους ἀπέκτειναν, ἀναζεύξαντες δὲ τὰ ἅρματα ἑαυτῶν, ὁ μὲν Ταῦρος μέσην ὁδὸν ἔβαινεν, οἱ δὲ ἄνδρες αὐτοῦ δεξιὰ καὶ ἀριστερὰ ἐπορεύοντο. ὅτε οὖν ἐπῆλθον τοῖς περὶ Ἀκυλῖνον, ἔρρηξε φωνὴν ὁ Ταῦρος ὥστε σκότος γενέσθαι ἐπ' αὐτοὺς (f. 209 r. c. 2)· ἦν γὰρ παρεικάσαι τὴν φωνὴν αὐτοῦ εἰς φωνὴν λέοντος. Ἐπιπεσόντες αὐτοῖς οἱ ἑξακισχίλιοι ἄνδρες τοῦ Ταύρου ἀπέκτειναν ὡσεὶ πεντήκοντα χιλιάδας ἐκ τῶν περὶ Ἀκυλῖνον. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος οὐκ ἔτυχε πεσεῖν, φυγὼν δὲ μετὰ τῶν καταλειφθέντων εἰςῆλθεν ἐν τῇ Μεσοδοπόλει [1]). οἱ δὲ περὶ τοῦ Ταύρου ὑπέστρεψαν χαίροντες ἐκ τῆς παρατάξεως τοῦ πολέμου, εὐφημοῦντες τὸν Ταῦρον ὡς ἄξιον τοῦ ἄρχειν αὐτοῖς· καὶ ἐλθόντες πρὸς Μενίαν ἔλεγον· Κυρία ἡμῶν Μενία, πάντες ἡμεῖς δοῦλοί ἐσμεν Ταύρου τοῦ ἄρχοντος ἡμῖν, ὃς ἔδωκεν ἡμῖν τύχην μεγάλην οἵαν ποτὲ ἡ καθ' ἡμᾶς ἐπαρχία οὐκ ἔσχεν. δῶμεν οὖν καὶ ἡμεῖς αὐτῷ πάντες φιλοτιμίαν. θέλησον λοιπόν, κυρία, καὶ σὺ προσομιλῆσαι αὐτῷ καὶ γενέσθαι [2]) εἰς σὲ τὸν κύριον ἡμῶν Ταῦρον. Καὶ λαβόντες αὐτὴν καὶ πάντα [3]) τὰ αὐτῆς, ἦλθον ἐν τῇ πόλει αὐτῶν καὶ ἐνέγκαντες τὸν Ταῦ-

[1]) W, f. 373 v. b: Μελοδοπόλει.

[2]) W, l. c. γενέσθω εἰς σὲ ὁ κύριος ἡμῶν (f. 374 r. a) Ταῦρος καὶ σὺ πρὸς αὐτόν.

[3]) W, l. c. ἃ ἦν αὐτῇ μετασταθέντα ἐν τῷ τόπῳ τῷ κρυπτῷ, ἦλθον ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῆς καὶ ἀνενέγκαντες αὐτὴν ἐν κλίνῃ συνελάβοντο καὶ Ταῦρον καὶ συνέμιξαν αὐτούς.

ρον (f. 209 v. c. 1) καὶ τὴν Μενίαν ἤνωσαν ἀλλήλοις. Καὶ τότε ἔγνω ὁ Ταῦρος κοίτην γυναικὸς ἀρκεσθεὶς μόνῃ τῇ Μενίᾳ καὶ ἄλλῃ γυναικὶ μὴ προσομιλήσας ἕνεκεν ἡδονῆς σαρκός. οὕτω τοιγαροῦν γέγονεν ἡ Ταύρου καὶ Μενίας μίξις καὶ ἐν λήθῃ ἐγένετο Ῥέμινδος ὁ ξανθός.

Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος ἦν θυμομαχῶν καὶ διανοούμενος τί ἂν ποιήσῃ περὶ τὸν Ταῦρον. ἀπελθὼν οὖν καὶ στρατολογήσας ἐκ πασῶν τῶν πόλεων Καλαβρίας ὡσεὶ χιλιάδας ἑξακοσίας, συνήχθη ἔν τινι τόπῳ καὶ λαβὼν[1]) ζώνην μαντικὴν εὗρε τὸν Ταῦρον νικᾶν, καὶ παρετηρεῖτο ἡμέραν εὑρεῖν ὅπως ἀποκτείνῃ τὸν Ταῦρον. Κατανοήσαντες δὲ οἱ περὶ τὸν Ταῦρον τὸ πλῆθος Ἀκυλίνου καὶ μαθόντες εἶναι ἑξακοσίας χιλιάδας, παρελύθησαν καὶ εἶπον πρὸς Ταῦρον· Φύγωμεν ἀπὸ προσώπου Ἀκυλίνου, ὅτι οὐ μὴ δυνηθῶμεν ἀντιστῆναι αὐτῷ. ἀρεσθεὶς οὖν ὁ Ταῦρος τῇ συμβουλίᾳ αὐτῶν, λαβὼν νύκτωρ πάντα τὸν πλοῦτον αὐτοῦ,· ἐνέβαλεν ἐν πλοίοις σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις (c. 2). ἀπελθὼν δὲ ὁ σοφὸς ἀντικρὺ Ἀκυλίνου, ἧψε πλῆθος πυρὸς πρὸς ἀπάτην τῶν ἐναντίων, ἀφανίσας δὲ καὶ τὰ ἴχνη τῶν ποδῶν τοῦ λαοῦ πρὸς τὸ μὴ γνωσθῆναι ταχέως τῷ Ἀκυλίνῳ τὰ περὶ αὐτοῦ, εἰςῆλθεν εἰς τὰς ἰδίας σκάφεις καὶ διεπέρασεν ἔνθα νῦν ἐστιν ἡ πόλις αὐτοῦ. εὑρὼν δὲ τὸν τόπον εὐρύχωρον ἐποίησεν ἀσφάλειαν καὶ ὑδραγωγοὺς καὶ δεξαμενὰς παμμεγέθεις[2]), καὶ ὠχύρωσεν ἑαυτόν. ἀκούσασαι δὲ αἱ πέριξ ἐπαρχίαι, συνυπούργησαν αὐτῷ καὶ ἔχρισαν αὐτὸν ἡγεμόνα τοῦ ἄρχειν αὐτοῖς. τότε ἀριθμήσας τὸν ἅπαντα λαόν, εὗρεν ὡσεὶ ἑβδομήκοντα χιλιάδας. Καὶ λαβὼν χρήματα εἰς πλῆθος διέδωκεν αὐτοῖς. Οἱ δὲ ἐπαρχιῶται ἐνέγκαντες σῖτον[3]), ἐνέπλησαν τὴν πόλιν.

Ὁ μέντοι Ἀκιλῖνος ἐλογίζετο ἐν ἑαυτῷ ὁποίαν ἐνέδραν ποιήσας δράξηται Ταύρου καὶ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ. Παραγενόμενος δὲ εἰς τοὺς οἴκους αὐτοῦ οὐχ' εὗρεν οὐδὲν· νομίσας δὲ ὅτι ἐν ἑνὶ τῶν κατάλσων ὀρέων ἐστὶν ὁ Ταῦρος, ἐξῆλθεν (f. 210 r. c. 1) ἐρευνῶν πάντα

---

[1]) W, f. 374 r. a: ἐμβαλών.

[2]) До сихъ поръ сохранились остатки знаменитыхъ тавроменійскихъ водопроводовъ и пяти водоемовъ. Описаніе этихъ остатковъ, равно какъ греческаго театра и навмахіи, см. въ Nuova Raccolta di Opuscoli IV, стр. 8 слѣд.; также Opuscoli XVIII, стр. 202 слѣд.

[3]) W, f. 374 v. a: καὶ οἶνον.

τόπον τῆς Καλαβρίας, ἀναζητῶν μέχρι μηνός, ἀπὸ παραλίου Σαλινῶν [1]) ἕως χειμάρρου Κογχύλου καὶ Ταραντοῦ [2]) καὶ τῶν ὁρίων Τηροπόλεως [3]) καὶ ἕως τῆς μικρᾶς καὶ ἀλιμενεύτου θαλάσσης· καὶ μὴ εὑρὼν αὐτὸν ὑπέστρεψε πάνυ κοπιάσας καὶ πολλοὺς ἐκ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ ἀπορρίψας. Ἡ δὲ πάνσοφος Μενία ἡ Μακεδόνισσα τὸν μάντιν αὐτῆς καλέσασα [4]) ἔφη· ὦ μάντεον [5]), πῶς [6]) τὰ μεταλλικὰ [7]) εὕρωμεν; Ὁ δὲ λέγει· ἡ ἄνω πρόνοια συνεργήσει· καὶ ἀναζητήσας εὗρεν αὐτά, ἅτινα καὶ αὐτῇ μόνῃ ὑπέδειξεν [8]). ἐπικαλεσαμένη δὲ τὴν ἄνω πρόνοιαν [9]) ἐποίησε χρυσίου καθαροῦ πλῆθος πολὺ καὶ ἄργυρον [10]) καὶ χαλκὸν καὶ σίδηρον, μόλυβδόν τε καὶ κασσίτερον, [11]) ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός· καὶ οὕτω λοιπὸν πεπλούτικε τὴν πόλιν ἑαυτῆς ὥςτε καὶ τὴν ἀφορμὴν τῆς χωνεύσεως [12]) ὑποδεῖξαι πᾶσιν.

Ἡνίκα δὲ ἅπαντα τὰ κατὰ τὴν χρείαν (c. 2) τῆς πόλεως ἀπήρτισται, ἤκουσεν Ἀκυλῖνος ὅτι Ταῦρος πεπερακὼς ἐποίησε πόλιν ἰσχυρὰν [13]) καὶ τὰ συντείνοντα αὐτῇ [14]) ἡτοίμασεν ἅπαντα καὶ ἄνδρας ἐκτήσατο πολεμιστὰς εἰς βοήθειαν αὐτοῦ, καὶ πλοῦτος πολὺς ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ εὕρηται, καὶ ὅτι τὸ χειμευτικὸν γήδιον [15]) εὑρέθη ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ, καὶ ἐκ τούτου πεποίηκε πλοῦτον πολύν. ταῦτα μαθὼν καὶ τρωθεὶς τὴν καρδίαν διὰ τὸν πλοῦτον τὸν περὶ τὸν Ταῦρον, ἔσπευδε [16])

---

[1]) W, l. c. Σαλίνων.

[2]) W, l. c. Τερεντοῦ.

[3]) W, l. c. Τυροπόλεως.

[4]) W, l. c. ἐνέγκασα τὸν μαντεώνα αὐτῆς.

[5]) W, l. c. μαντεῶν μου.

[6]) W, l. c. ποῦ.

[7]) W, l. c. εἴδη εὕροιμεν.

[8]) Синод.: ἀναζητήσασα.... αὐτὴ μόνη (исправленіе проф. Дестуниса); W, l. c.: ὁ δὲ ἀπελθὼν εὗρεν πάντα, ἅτινα καὶ αὐτὴ μόνη ὑπέδειξεν.

[9]) W, f. 374 v. b: τὸν τῆς ἄνω προνοίας θεόν.

[10]) W, l. c. εἰς πλησμονήν.

[11]) W, l. c. μόνον οὐχ εὗρον ποιῆσαι. οὕτως λοιπόν.

[12]) W, f. 374 v. b: χυμεύσεως.

[13]) W, l. c. ἰσχυρὰν καὶ τὰ ἐγχειρίζοντα ἅπαντα καὶ ἄνδρας.

[14]) Исправленіе принадлежитъ проф. Дестунису; ркп. син.: κατὰ συντείνον τὰ αὐτῇ.

[15]) W, l. c. γήδιον τοῦ μεταλλικοῦ.

[16]) W, l. c. ἔσπευσεν δὲ Ἀ. ποιῆσαι πόλεμον καὶ προκαταλαβέσθαι τὴν πόλιν του, ἀποκτεῖναι Ταῦρον καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν μαχητάς, οἰστρωθεὶς δι' ἃ ἤκουσεν μεταλλικὰ εἶναι ἐν τῷ τόπῳ αὐτοῦ, καὶ τοῦ συλλαβέσθαι καὶ τὴν σοφὴν Μενίαν.

πόλεμον ποιῆσαι καὶ ἀποκτεῖναι μὲν Ταῦρον, τὴν Μενίαν δὲ συλλαβέσθαι διὰ τὰ μεταλλικὰ ἔργα. Καθοπλίσας τοίνυν τὸ περὶ αὐτὸν ἄθροισμα τοῦ λαοῦ, διεπέρασεν ἐν νυκτὶ καὶ ἐσκήνωσεν εἰς τὸ πεδίον καὶ ἀθρόον ἐκάλυψε πᾶσαν τὴν γῆν καὶ ἠλάλαξαν ἰσχυρῶς τὰ στρατεύματα. Ὡς δὲ ἤκουσαν τὴν βοὴν καὶ τὸν ἀλαλαγμὸν οἱ περὶ τὸν Ταῦρον, ἐξέστησαν καὶ ἔλεγον· Τίς ἡ βοὴ αὕτη; Γνοὺς δὲ ὁ Ταῦρος ὅτι Ἀκυλῖνος διεπέρασεν (f. 210 v. c. 1) προσκαλεσάμενος τοὺς περὶ αὐτὸν ἄνδρας ἔφη· Ἀνδρίζεσθε ὑμεῖς, Ἀκυλίνου γὰρ ἡ φωνή. Οἱ δὲ ἀκούσαντες ἐφοβήθησαν, καὶ ὁ Ταῦρος εἶπεν· Μὴ δειλανδρίσητε, ὦ ἄνδρες, ἰδοὺ γὰρ κἀγὼ μόνος ἀλαλάξω. οἶδεν γὰρ ἡ ἄνω πρόνοια, οὐ μὴ ἡττηθῶμεν ὑπ' αὐτοῦ. καὶ εὐθέως ἀνελθὼν ἐφ' ὑψηλοῦ τόπου μονώτατος ἔκραξε φωνὴν ὡσεὶ ἀνδρῶν πολλῶν· ὧδε εἰμὶ Ταῦρος, ὧδε εἰμί, καὶ οὐ φοβήσομαι ἀπὸ προσώπου Ἀκυλίνου. τῇ δὲ ἕωθεν ἐπέστη ὁ καιρὸς τοῦ πολέμου, καὶ λέγουσι πρὸς ἀλλήλους οἱ ἄνδρες Ταύρου· Οὐ μὴ ἀντιπαραταξόμεθα ἡμεῖς πρὸς Ἀκυλῖνον, ἐπειδὴ πλῆθος πολύ ἐστιν· καὶ ἐβουλεύσαντο ἀποκτεῖναι τὸν Ταῦρον [1]) καὶ πρὸς Ἀκυλῖνον ῥυῆναι, προδοῦναι τε τὴν σοφὴν Μενίαν καὶ πάντα τὸν πλοῦτον αὐτῆς, ἵνα, φησί, γένηται ἓν βασίλειον Καλαβρία καὶ Σικελία. Γνοὺς δὲ ὁ Ταῦ(c. 2)ρος τὴν ἐπιβουλὴν τῶν ἀνδρῶν καὶ σοβαρῷ ὄμματι ἐμβλέψας αὐτοῖς εἶπεν· ὦ ἄνδρες, τί τὸ βούλευμα ὑμῶν; τί διαλογίζεσθε περὶ τοῦ πολέμου; ταῦτα εἰπὼν διεσκέδασε [2]) τὴν βουλὴν αὐτῶν. καὶ ἀποκριθέντες εἶπον αὐτῷ· ὡς ἡ βουλή σου ἔχει. Τότε λέγει αὐτοῖς ὁ Ταῦρος· ἀναζεύξατε [3]) ἕκαστος τὰ ἅρματα ὑμῶν τὰ πολεμικὰ καὶ κατέλθωμεν εἰς τὸ πεδίον, καὶ εἰ οὐκ ἀνδραγαθήσω εἰς τύχην πολέμου, τὸ βουλευόμενον παρ' ὑμῶν γενήσεται [4]). Καὶ ἤρεσεν αὐτοῖς ὁ λόγος Ταύρου. κατελθόντες δὲ εἰς τὸ πεδίον, ἔστησαν κατέναντι Ἀκυλίνου. καὶ διεπέμψατο ὁ Ταῦρος πρὸς Ἀκυλῖνον λέγων· σὺ εἶ Ἀκυλῖνος ὁ πολὺς ἐν ἀνδρίᾳ, κἀγὼ Ταῦρος, ὁ μικρὸς καὶ ἀδόκιμος ἐν πείρᾳ πολεμικῇ, ὃς δὴ καὶ παιδάριον λογίζομαι. τί ὅτι ἦλθες ἀποκτεῖναι ἀνθρώπους, πρόθεσιν ἔχοντας δουλεύειν

---

[1]) W, f. 375 r. b: καὶ προνομὴν ἐν φυλακῇ ποιῆσαι καὶ πρός.
[2]) W, l. c. μετεποίησεν.
[3]) W, l. c. ἀναζευξάτω.
[4]) W, f. 375 r. b: βεβουλευμένον .... πληρωθήσεται.

σοι, ἵνα πάντα τὰ ἐμὰ σὰ ἔσονται, καὶ ποίησον [1]) (f. 211 r. c. 1) εἰρήνην καὶ μὴ ἐκπορθήσῃς πόλιν μου καὶ λαόν μου ἀποκτείνῃς ἐν ῥομφαίᾳ. θέλησον οὖν ἐν ἐμοί [2]), τῷ μικρῷ Ταύρῳ, σύ, ὁ παμμεγέθης Ἀκυλῖνος, τὴν ἀνδρίαν σου ἐπιδείξασθαι καὶ ἐξέλθωμεν εἰς τὸ πεδίον, ἐγώ τε καὶ σὺ μονώτατοι, καὶ ἀπόκτεινόν με, καὶ λαμβάνεις τὰ ἐμὰ πάντα σὺν τῇ Μενίᾳ εὐθέως τὰ κατὰ σὲ εὑρηκώς. Καὶ ὁ Ἀκυλῖνος ἀντεδήλωσε λέγων· Ἄκουσον, Ταῦρε παιδάριον Ῥεμίνδου, οὗτινος τοὺς φόρους ἠπαίτησα [3]) ὡς δυνατὸς Ἀκυλῖνος· οἶδεν ἡ πρόνοια [4]) τῶν μεγίστων θεῶν [5]) (οὐ γὰρ ὄμνυμί σοι τὴν ἄνω πρόνοιαν ὡς ἡ ἐπαοιδὸς Μενία ἡ ῥυπαρά), ὅτι ἐὰν ἐξέλθωμεν εἰς τὸ πεδίον μονώτατοι καὶ κατισχύσῃς μου [6]), κάτεχε τὴν βασιλείαν μου καὶ πάντα τὰ κατ' ἐμέ. Καὶ ἤρεσεν ὁ λόγος ἐνώπιον ἀμφοτέρων. ἐξελθόντων δὲ αὐτῶν (c. 2) εἰς παράταξιν [7]) πολεμικήν, ὁ γενναῖος Ταῦρος ἀποθέμενος ἅπαντα φόρτον [8]) καὶ λαβὼν ἐν τῇ λιθοβολίδι αὐτοῦ λίθον ἕνα ὡς εἰκοσιτεσσάρων λιτρῶν τῷ βάρει καὶ σφενδονήσας εὐστόχως, δέδωκεν Ἀκυλίνῳ ἐπὶ τὸ στῆθος καὶ συνέτριψεν αὐτὸν πάντοθεν. ἰδόντες δὲ οἱ περὶ Ἀκυλῖνον τὴν πτῶσιν αὐτοῦ, παρελύθησαν καὶ ἔμειναν τρέμοντες ἀπὸ προσώπου Ταύρου. Ἀνέκραξε δὲ Ταῦρος τοῖς ἑαυτοῦ ἀνδρᾶσι λέγων· Σφάξατε φονεῖς ἄνδρας, σήμερον γὰρ μεγάλης προνοίας τύχην εὕρομεν [9]), καὶ πάντας τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν ἡ ἄνω πρόνοια εἰς χεῖρας ἡμῶν συνέκλεισεν. Ἐξελθοῦσαι δὲ αἱ ἑβδομήκοντα χιλιάδες Ταύρου ἀπέκτειναν Ἀκυλίνου χιλιάδας πεντήκοντα καὶ πεντάκις χιλίας. οἱ μὲν γὰρ ἐν τῇ θαλάσσῃ πίπτοντες ἀπεπνίγοντο, οἱ δὲ λοιποὶ περὶ τὸ Ἐτναῖον ὄρος (f. 211 v. c. 1) πεφευγότες γνωριζόμενοι ὑπὸ τῶν ἐπαρχιῶν, ὡς ἄνδρες φόνιοι καὶ αἱμοχῦται, ἀνῃροῦντο. Τότε ὁ Ταῦρος περικρατὴς ἐν ἅπασι γέγονε καὶ

---

1) W, f. 375 v. a.; синод. ποιήσῃς.

2) Синод. οὖν ἐμοί; W, l. c. δὲ ἐν ἐμοί.

3) M. б.: ἀπήτησα (Дестуннсъ), или παρήτησα (Ернштедтъ); W, f. 375 v. a: ἠπαίτησα.

4) W, l. c. ἡ πρόνοια; синод. ἡ ἄνω πρόνοια.

5) W, l. c. ἡ πολλὰς ἡμῖν νίκας παρασχοῦσα.

6) W, l. c. με.

7) W, f. 375 v. b: ἀπάντησιν.

8) W, l. c. φόρτον ἅρματος καί.

9) W, l. c. εὑρήκαμεν ὡς πάντας.

οἱ ὄχλοι περιέθηκαν αὐτῷ χλανίδα ἡγεμονίας καὶ ἱμάτιον ὑπατικόν, καὶ ἔλεγον φωνῇ ἰσχυρᾷ· ζῆθι, Ταῦρε τοποκτίστα, ζῆθι ἡγεμὸν καὶ ἀνδρεῖε ὕπατε! τοιούτους καί τινας ἑτέρους πλείονας ἐπαίνους ἐπεφώνουν αὐτῷ· αὐτὸς δὲ διαπεράσας ἐπόρθησε τὸν οἶκον Ἀκυλίνου καὶ [1]) πάντας [τὰς] πόλεις, ἅσπερ κατεῖχεν, οἱ περὶ τὸν Ταῦρον ἄνδρες ἠρήμωσαν. Ἐγένετο δὲ μονοκράτωρ καὶ πολύφημος ὁ Ταῦρος κατὰ τὴν ὁμοιότητα Νεβρὼδ καὶ τῷ εἴδει καὶ τῷ ἤθει φοβερώτατος, εὐμήκης τὸ ἀνάνευμα [2]), τὸ στέλεχος πολύς, ἀνδρομερής, βραχίοσιν ἰσχύων ὡσεὶ λέων, κοῦφος δὲ τοῖς ποσὶν ὡσεὶ δρομικὴ δορκάς. Κτίζει οὖν ἐν Καλαβρίᾳ πόλιν λεγομένην Ταυριάνας τὰς μικρὰς καὶ (c. 2) λιθοπλοΐσας τὰς σκάφεις Ἀκυλίνου ἐκόμισεν ἐκεῖ. [3]) ὡς δὲ προεῖπον, ὁ Ταῦρος δέκατός ἐστιν ἀπὸ Νεβρὼδ καθὼς ἐμφέρεται ἐν ταῖς ἱστορικαῖς βίβλοις τῶν σοφῶν. Τὸ τόξον δὲ αὐτοῦ κεῖται ἐν τῷ πραιτωρίῳ, ὅπερ τεῖναι οὐδείς ποτε ἴσχυσεν· ἦν δὲ καὶ τὸ ξύλον τοῦ δόρατος αὐτοῦ ὡσεὶ [4]) δοκὸς οἴκου, ἡ δὲ ἀσπὶς αὐτοῦ εἶχεν κύκλον ὡσεὶ ὀργυῶν τεσσάρων, τὴν δὲ ζώνην αὐτοῦ οὐδεὶς ἠδυνήθη ῥαδίως ἐπ᾽ ὤμων ἆραι. οὗτος οὖν ὁ πολὺς Ταῦρος ἐγένετο πολεμιστὴς καὶ ἀνδρεῖος καὶ οὐκ ἀντέστη αὐτῷ ἔθνος ἢ βασιλεία πώποτε. πλοῦτος τε πολὺς τῇ πόλει αὐτοῦ παρηκολούθησεν. Οἱ οὖν σοφοὶ συμμίξαντες τὰς δύο ὀνομασίας ὠνόμασαν τὴν πόλιν αὐτοῦ Ταυρομένιον [5]), καὶ ἥνπερ ἐν Σαλίναις ᾠκοδόμησε πόλιν ὁ Ταῦρος μετὰ τὴν ἀναίρεσιν Ἀκυλίνου, ἐκάλεσε Ταυριανὰς τὰς μικράς. Ἐποίησε δὲ Ταῦρος τοῖς μεγιστᾶσιν αὐτοῦ οἴκους εὐπρεπεῖς, λουτρὰ (f. 212 r. c. 1) καὶ ὕδατα ἀγωγιμαῖα [6]) καὶ φιλοτιμίας πλείονας. Ἡ δὲ Μενία ἐποίησε τῷ Ταύρῳ θρόνον ἐκ χρυσίου καθαροῦ ὅλον διαυγῆ καὶ διάλιθον. πᾶσαι δὲ αἱ ἐπαρχίαι ἐρχόμεναι ἐδίδουν ἑαυτὰς καὶ ὑπετάσσοντο τῷ Ταύρῳ διὰ τῶν οἰκείων οἰκητόρων· αὐτὸς δὲ ὑπεδέχετο πάντας εὐμενῶς καὶ πρεπόντως.

---

[1]) W, f. 376 r. a: τὰς πόλεις ἠρήμωσαν ἃς διεκατεῖχεν· ἐγένετο δὲ μονοκράτωρ.

[2]) Чит. ἀνάστημα (Дестунисъ); W, f. 376 r. a: ἀμηκὴς τὸ ἀνάνευμα.

[3]) W, l. c. ὡς προεῖπον, καθὼς ἐμφέρεται ἐν τοῖς ἱστορικοῖς βίβλοις τῶν σοφῶν, δεκάτη γενεὰ φθάζει Ταῦρος τοῦ Νεβρώθ.

[4]) W, f. 376 r. b: ὡσεὶ οἴκου ἢ ὡς ἀντίου ὑφαίνοντος μεσοδόμου. ἦν δὲ καὶ ἡ ἀσπίς.

[5]) W, l. c. — κν.

[6]) W, l. c. καὶ ὕδατα ἀγωγιμαῖα; синод. λουτρά τε ἀγωγιμαῖα.

Ἐνταῦθα μὲν οὖν πληροῦται ὁ περὶ Ταύρου λόγος, μέχρι τούτων ἐσχηκὼς [1] τὴν διήγησιν [2]).

Таковъ послѣдній и самый пространный эпизодъ, посвященный Тавру и Меніи въ житіи Панкратія, которое мы доскажемъ въ немногихъ словахъ.

Переправившись ночью, Акилинъ съ 600-тысячнымъ войскомъ (f. 212 r. c. 2) ἦλθον ἐν τῷ Φιλιππικῷ, εὐθέως δὲ ἀνελθόντες κατεκράτησαν τὰς ἀρχὰς τῶν ὑδάτων καὶ τὴν πόλιν περιεκύκλωσαν [3]). Въ городѣ вооруженныхъ людей всего 40 тысячъ, жителей обуялъ страхъ, и они готовы обвинить мага — Панкратія, побудившаго ихъ отринуть старыхъ боговъ; они затѣваютъ предать смерти его и Вонифатія, а городъ врагу, но Панкратій убѣждаетъ ихъ положиться на помощь Божію и на содѣйствіе эпархій, а игемонъ по порученію святого трижды обращается къ народу, прося его разойтись по домамъ и не заботиться: Господь будетъ сражаться за нихъ. Дѣйствительно: Панкратій съ Евагріемъ и новопоставленнымъ діакономъ Татіаномъ выходитъ на городскую стѣну съ крестомъ и иконами, по молитвѣ святого наступаетъ мракъ, и непріятели начинаютъ побивать другъ друга. Оставшіеся въ живыхъ 4000 человѣкъ крестятся; они говорятъ, что крестъ и иконы на городской стѣнѣ показались имъ — солнцами f. 215 r. c. 1: τρεῖς ἡλίους ἐθεωροῦμεν ἐν τῷ τείχει τῆς πόλεως ὑπὲρ τὸν ἥλιον τῆς ἡμέρας λάμποντας, ὧν τὴν λαμπηδόνα μὴ φέροντες, σκότους γεγόναμεν ἔμπλεοι (сл. W, f. 378 v. a). Изъ числа новообращенныхъ Панкратій рукополагаетъ нѣсколько священниковъ, которыхъ посылаетъ въ Калабрію, гдѣ распространяетъ благовѣстіе Христово, пока ап. Петръ, на пути въ Римъ черезъ Равенну, не поставилъ въ Регіумѣ епископомъ св. Стефана.

---

[1]) W, l. c. ὅρον.

[2]) Для сравненія съ повѣстью древняго житія сообщаемъ въ приложеніи № 2 соотвѣтствующій эпизодъ древнеславянскаго перевода по рукописи еп. Порфирія и краткое его изложеніе по тексту печатныхъ греческихъ Миней (сл. выше, стр. 70).

[3]) W, f. 376 v. b: ἔστησαν ἐν τῷ Φιλικῷ τοπίσκῳ καὶ ἀνῆλθαν καὶ κατεκράτησαν; слав. пер. на Филичьсцѣмь мѣстѣ.

Еще разъ Евагрій ѣдетъ къ Маркіану по порученію Панкратія, къ которому нежданно являются новые гости. Оставивъ родину, онъ роздалъ свое достояніе и рабовъ бѣднымъ, а частью и церкви, епископомъ которой поставленъ былъ Максиминъ (W: Максимъ). Узнавъ, что Панкратій въ Сициліи, Максиминъ (f. 216 r. c. 1; сл. W, f. 380 r. a) πλήσας δύο σκάφη ἐλαίου κρητικοῦ καὶ διαφόρων θυμιαμάτων καὶ στολὰς ἱερὰς τῶν Ἀρμενίας ὑφαντῶν καὶ ἐμβαλὼν εἰς τοὺς σκάφεις τοὺς παῖδας Παγκρατίου, ἀπέστειλεν ἐν Σικελίᾳ. Панкратій отвѣчаетъ Максимину такими-же дарами, и эти сношенія продолжаются нѣсколько лѣтъ; вернувшись ἐν τῷ κόλπῳ τοῦ Πόντου (f. 216 r. c. 2; W, f. 380 v. a: ἐν τῇ μάλῃ τοῦ Πόντου), рабы Панкратія разсказываютъ, что видѣли его.

Однажды святой говоритъ Евагрію, что по своей смерти желаетъ его имѣть своимъ преемникомъ: пусть, по его кончинѣ, отправится вмѣстѣ съ Вонифатіемъ въ Римъ, гдѣ ап. Петръ рукоположитъ его во епископа, а онъ самъ, вернувшись, окреститъ Вонифатія. — Пока онъ посылаетъ Евагрія въ одну изъ незанятыхъ эпархій; игемонъ также выѣзжаетъ по дѣламъ изъ города, гдѣ остается Артагаръ, родомъ хананей, братъ Авриліана и дядя Элида, такой-же язычникъ, какъ они. Рѣшившись воспользоваться случаемъ, чтобъ отдѣлаться отъ Панкратія, онъ, посовѣтовавшись съ своими, зазываетъ его въ преторій, подъ предлогомъ совершенія литургіи, и здѣсь продолжаетъ пировать, пить и плясать въ его присутствіи и поклоняться идолу Скамандру. Святой останавливаетъ его; по его молитвѣ идолъ падаетъ; тогда они набрасываются на Панкратія, истязаютъ его и, убивъ, прячутъ тѣло (f. 219 v. c. 1) εἰς μίαν ῥαγάδα τῆς γῆς μήκοθεν τοῦ πραιτωρίου. Видѣлъ всё это христіанскій мальчикъ, спасшійся отъ преслѣдованія тѣмъ, что бросился съ стремнины; ангелъ сноситъ его бережно (c. 2) εἰς τὸν αἰγιαλὸν τὸν λεγόμενον διαθάλασσον ὡς ἐπὶ βορρᾶ μήκοθεν τοῦ κρημνοῦ. На другой день, когда явились Евагрій и Вонифатій и не находятъ святаго, молніеподобный свѣтъ надъ мѣстомъ, гдѣ было скрыто его тѣло, служитъ имъ указаніемъ; мальчикъ обнаруживаетъ убійцъ, и они

казнены. — Тѣло святого вначалѣ погребено втайнѣ отъ народа; впослѣдствіи его мощи перенесены торжественно въ другое мѣсто. Исполняя его завѣтъ Евагрій и Вонифатій отправляются въ Римъ; ап. Петръ встрѣчаетъ ихъ, Евагрія ставитъ епископомъ Тавроменіи, а тотъ вернувшись, креститъ Вонифатія, который и остается жить при епископѣ, остригши волосы и передавъ другому игемонію. Оба строятъ церковь въ честь святого, которую Евагрій велитъ расписать изображеніями изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; въ ней икона Панкратія, f. 226 v. c. 1. καὶ ὅταν βλέπω αὐτὸν ἐν τῇ εἰκόνι, δοκῶ ὅτι ἐν (c. 2) σαρκί ἐστι καὶ ἐντυγχάνω αὐτῷ (=W, f. 390 r. a). Евагрій ставитъ Татіана священникомъ, Ликаонида діакономъ; оба остаются служителями при св. мощахъ, совершающихъ чудеса.

II.

Извлеченія изъ житія вышли гораздо подробнѣе, чѣмъ того требовалъ эпизодъ о Таврѣ и Меніи, но я желалъ подѣлиться и другими свѣдѣніями историческаго, географическаго и культурнаго характера, которыми богато житіе. Я въ особенности старался не опустить ни одного указанія на мѣстности Сициліи и южной Италіи, среди которыхъ разыгрывается романъ о Таврѣ и Меніи, предоставляя другимъ дополнить мой, къ сожалѣнію, слишкомъ скудный географическій комментарій [1]). — На аваровъ у Аѳинъ и Диррахія я уже указалъ, какъ на интересный хронологическій терминъ; послужитъ-ли подобной цѣли упоминаніе какихъ-то древнихъ славянъ у Сиракузъ — пусть рѣшатъ историки, если эти славяне не фантастичнѣе типическихъ Escler старофранцузскаго эпоса. — Археологи обратятъ вниманіе на τρωγλοδυσίαι = сицил. ddieri, во множествѣ встрѣчающіеся въ Сициліи [2]); спи-

---

[1]) По мѣстной археологіи Тавроменіи, для которой наше житіе даетъ нѣсколько фактовъ, см. литературу, указанную Holm'омъ, l. c. II, стр. 438.

[2]) Holm, l. c., I, 101 слѣд. и прим.

сатель житія, очевидно, считалъ ихъ жилищами. Замѣчательный упадокъ классическихъ воспоминаній представляютъ имена языческихъ божествъ, Лиссона[1]), Скамандра[2]), Фалькона, наконецъ Ирона или Ироны (?); въ очеркѣ аварскихъ вѣрованій, едва-ли не преобладаютъ общія мѣста, въ какихъ представлялось древнему христіанину всякое неизвѣстное ему, грубое язычество.

Съ οἱ μονόζωνοι Συρίας (VI), къ которымъ попадаетъ въ плѣнъ Тавръ, я сравниваю параллельное выраженіе въ изданной мною греческой повѣсти о св. Ѳеодорѣ: царь видитъ во снѣ ἄνθρωπον ἄζωστον (слав. переводъ: опоясався), котораго велитъ разыскать; св. Ѳеодоръ находитъ его въ Сиріи[3]).

Что касается до разсказа о Таврѣ и Меніи, введеннаго въ легенду, то его появленіе не случайное, а предусмотрѣнное составителемъ житія, приготовившимъ его исподоволь, рядомъ напоминаній и намековъ, разсѣянныхъ въ текстѣ, и лишь въ концѣ изложившимъ его подробно[4]). Самый разсказъ принадлежитъ къ роду тѣхъ légendes des origines, которыми полны старыя итальянскія хроники, видѣвшія, напр., въ названіи Флоренціи, Fiorenza, сплоченіе двухъ именъ: Fiorino и Renzo, какъ въ Тавроменіи сошлись, будто-бы, имена Тавра и Меніи. Легенды эти, обыкновенно, школьнаго происхожденія, но за нѣкоторыми изъ нихъ позволено предположить существованіе болѣе древняго на-

---

[1]) По Каэтану (Isagoge, стр. 26—7) либо Юпитеръ, либо Вакхъ, оба съ эпитетомъ Λύσων. Проф. Дестунисъ указываетъ мнѣ на Λύσσις Λευκίππου, Inscript. 2, 3221, и на Λυσσάρης новогреческой былины. Сл. Дестунисъ, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода, стр. 72.

[2]) Сл. въ числѣ языческихъ божествъ (Аполлона, Зевса, Посейдона) Скамандра (Sakamandros) въ эѳіопской (Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій Храбрый, стр. 18) и коптской легендѣ о св. Георгіи (Zoega, Catalogus Codicum Copticorum и т. д., стр. 241: Apollo, Mercurius, Jupiter, Scamander, Faustus et Hercules). По Каэтану (l. c. стр. 7): Scamander fluvius in Sicilia prope Segestam fuit.... ab iisdem (sc. Segestanis) consecratus, eadem superstitione, qua ceteri Siciliae amnes fontesque .... Deus .... a Segestanis ad Tauromenitas transmissus.

[3]) Разысканія I, стр. 15—16.

[4]) Эпизоды житія, касающіеся разсказа о Таврѣ и Меніи, отмѣчены нами послѣдовательно N-ами отъ I до VI, на которые и сдѣланы далѣе ссылки.

роднаго сказанія, либо его элементовъ, послужившихъ основой для ученой саги. Изъ того, что эта сага, на перекоръ исторіи, пыталась объяснить названіе Тавроменіи изъ именъ ея основателей, Тавра и Меніи, еще не слѣдуетъ, чтобы очертанія разсказа не могли быть мѣстными и народными, хотя, быть можетъ, имена были и не тѣ, какія сохранилъ нашъ пересказъ житія. Говоря о возможной народности древнѣйшаго содержанія, я отличаю её отъ народности — изложенія: немногое, напоминающее стиль народнаго эпоса, напр. въ характеристикѣ Тавра, легко представить себѣ — не отзвукомъ старой пѣсни, а стилистическими воспоминаніями составителя легенды. Я указываю напр. на львиный голосъ Тавра[1]), на его кичливое, дважды повторенное: Я здѣсь! въ виду непріятеля; на типическую черту народной былины, что самъ богатырь ѣдетъ «въ середку матицу», тогда какъ его войско заходитъ справа и слѣва и т. д.

Составитель житія ссылается по поводу Тавра и Меніи на какія то историческія книги (I: о Фалькониллѣ; III, VI; сл. подобную же ссылку при эпизодическомъ упоминаніи славянъ). Другимъ источникомъ могли быть мѣстныя преданія и разсказы, напр. о гигантскомъ лукѣ, хранившемся въ преторіи Тавроменіи (VI), которыми могли, впрочемъ, воспользоваться, уже составители утраченной «исторіи». — Если она когда либо существовала, то была романомъ на темы мѣстнаго преданія[2]). Стиль романа

---

[1]) Сл. въ Διήγησις Ἀχιλλέως ed. Wagner, v. 1303 слѣд. (объ Ахиллѣ): ὡς λέων ἐβρυχίστην, — καὶ πάντες ἐδειλίασαν ἐκ τῆς φωνῆς του μόνον.

[2]) Авторъ приписки (рукою XIV вѣка) къ показанію Вибія Секвестра: Tauromenius (рѣка) inter Syracusas et Messanam, a quo oppidum Tauromenium; *quod oppidum* εὐσεβῶν χώρα dicitur (Vibii Sequestris, De fluminibus, fontibus, lacubus, nemoribus, paludibus, montibus, gentibus per litteras, y Riese, Geogr. lat. minores, стр. 151), могъ имѣть въ виду поэтическую легенду о двухъ добродѣтельныхъ братьяхъ, εὐσεβεῖς, чудеснымъ образомъ спасшихся, спасая отца и мать при изверженіи Этны. Легенда эта обыкновенно локализуется у Катаніи (сл. Holm, l. c., p. 25 и прим.); если εὐσεβῶν χώρα очутилась у Тавроменіи, то напомнимъ у Едризи, вблизи того-же города, гору *Tûr* «celebre pei miracoli e *noto per tanti esercizii di pietà*». Сл. L'Italia descritta nel libro del Re Ruggero, compilato da Edrisi, ed. M. Amari e C. Schiapparelli. Roma, 1883, p. 31.

отзывается кое-гдѣ и въ пересказѣ житія; я обращаю вниманіе напр. на первыя отношенія Меніи и Тавра.

Роль македонянъ въ романѣ объясняется, быть можетъ, литературными воспоминаніями. Какъ Псевдокаллисѳенъ заводилъ Александра Македонскаго въ Италію и Сицилію, такъ въ нашемъ текстѣ тавромениты бьются съ македонянами, которыхъ побѣждаютъ. Интересна подробность, что битва происходитъ «ἐν Τερεντῷ εἰς τὸ πεδίον»; можно предположить, что разумѣется здѣсь Отранто: сл. κάστρον Τερεντοῦ въ одномъ документѣ X-го вѣка и современное обозначеніе Отранто у мѣстныхъ грековъ: Derentó[1]). Вѣроятнѣе однако, что дѣло идетъ о Тарентѣ; въ вѣнской Александріи Дарій пишетъ Александру: недовольный своими предъидущими захватами ты «ἦλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδαν (= Αχρίδαν) καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες». Оставшіеся въ живыхъ македоняне поселяются въ Тавроменіи. Если это было уже при Таврѣ (сл. τοῖς περὶ Ταῦρον, IV), то какъ помирить хронологически это обстоятельство съ тѣмъ, что еще до основанія города юноша Тавръ женится на македонянкѣ Меніи, женѣ Реминда?

Менія не только македонянка (VI), но и изъ Александрова рода (III); ея эпитеты: σοφὴ καὶ μεγάλη καὶ φαιδρά (VI); особливо σοφή, πάνσοφος, мудрая, вѣщая; въ противоположность къ Акилину, противнику ея перваго и второго мужа, она поклоняется «вышнему промыслу», τὴν ἄνω πρόνοιαν (VI), какъ Александръ у Псевдокаллисѳена (I, 26: πέπεισμαι τῇ διδαχῇ τῆς ἄνω προνοίας) и въ источникѣ сербской Александріи; передъ поединкомъ съ Тавромъ Акилинъ говоритъ объ ἄνω πρόνοια τῶν μεγίστων θεῶν и замѣчаетъ: οὐ γὰρ ὄμνυμί σοι τὴν ἄνω πρόνοιαν ὡς ἡ ἐπαοιδὸς Μενία ἡ ῥυπαρά (VI). Это противоположеніе единобожія и язычества повторяются далѣе въ житіи — въ формахъ язычества и христіанства. Язычниками явятся: Акилинъ Анѳонъ — противникъ Тавра, и второй Акилинъ, пошедшій войною на Таврова

[1]) Morosi, Studi sui dialetti della Terra d'Otranto, стр. 192 и прим. 1; сл. стр. 38, прим.

преемника Вонифатія; христіанство послѣдняго какъ-бы предваряется отвлеченнымъ вѣроученіемъ Меніи. Изъ ея рода оказывается Фальконилла, мудрая и столь прекрасная, что ей приносили дары, лишь-бы поглядѣть на неё и полюбоваться на ея красоту; ея юный, прекрасный сынъ Фальконъ, внезапно унесенный смертью въ саду, гдѣ онъ гулялъ, и тамъ-же погребенный, сочтенъ впослѣдствіи богомъ, и первое чудо Панкратія обращено противъ него. (I) — Позднѣе въ городѣ Тавра и Меніи (и Фалькониллы) мы встрѣчаемъ игемономъ Вонифатія: онъ возсѣдаетъ на престолѣ Тавра, Ликаонидъ величаетъ его наименованіемъ топоктиста — какимъ величаютъ Тавра и его воины, послѣ побѣды надъ Акилиномъ (VI); къ нему перешли всѣ сокровища Тавра и Меніи (II, III), столь великія, что въ Тавроменіи нѣтъ бѣдняковъ (III, IV, VI).

Происхожденіе этихъ сокровищъ связано съ вѣдовствомъ Меніи. Акилинъ также вѣдунъ; ища случая убить Тавра, онъ обращается къ ζώνην μαντικὴν (VI); но знанія Меніи особаго, нѣсколько загадочнаго рода: она знаетъ всякое рудное дѣло, ἁπάσης μεταλλικῆς τέχνης ὑπῆρχεν ἐν πείρᾳ πολλῇ (III); какъ узнать руды (πῶς τὰ μεταλλικὰ εὕρωμεν), спрашиваетъ она своего волхва и съ помощью вышняго промысла нашла ихъ и сотворила несчетное количество чистаго золота и серебра, мѣди и желѣза, свинца и олова, всѣхъ впервые научивъ плавильному дѣлу — ибо въ самомъ городѣ нашлась руда, χειμευτικὸν γήδιον, т. е. вѣроятно, χυμευτικὸν (χύμα): годный къ плавкѣ. Сл. χειμευτής—алхимикъ; χειμευτικός, относящійся къ χειμευτής; когда Тавръ (VI) проситъ Менію дать ему τὴν ἀσπίδα τὴν χειμευτὴν ея мужа — не означаетъ-ли это: литой щитъ, и не въ томъ-ли смыслѣ слѣдуетъ истолковать тотъ-же эпитетъ у Porph. Cer. 99, 14, неистолкованный въ средне-греческомъ словарѣ Софокла: ἱππεύει δὲ ἐκεῖσε ὁ βασιλεὺς ἐφ' ἵππου ἐστρωμένου ἀπὸ σελλοχαλίνου χρυσοῦ διαλίθου χειμευτοῦ, ἠμφιεσμένου ἀπὸ μαργάρων? Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ, изд. Мильяраки (Βασίλειος Διγενὴς Ακρίτας.... ὑπὸ Ἀντ. Μηλιαράκη. Ἐν Ἀθήναις 1881), vv. 2190—1: Δώδεκα σελλοχάλινα.... τὰ δύο ἦσαν χυμευτὰ μετὰ λιθομαργάρων, и также

vv. 1215, 1553, 2262, съ замѣчаніемъ издателя, что его текстъ (съ острова Андра) нерѣдко замѣняетъ соотвѣтствующее выраженіе трапезунтскаго (изд. Саѳой и Леграномъ) такими какъ πλουμιστὸς, ἀκριβὸς, τορνευτὸς; «ἐσήμαινε δὲ βεβαίως τὴν διὰ χυμικῆς συνθέσεως ἢ χωνεύσεως πολυτίμων μετάλλων διακόσμησιν διαφόρων πραγμάτων» (p. 163). Сл. еще Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως (Wagner, Trois poèmes grecs du moyen âge inédits, p. 25, 34) v. 809: χυμευτὰ βραχιόλια; v. 1120: πτερνιστήρια χυμευτά, и выше, стр. 104: W, ἀφορμὴν τῆς χυμεύσεως (синод. ркп. χωνεύσεως) и стр. 97: ζαχευτοὺς (вм. ζαχυτούς?).

Менія, стало быть, изобрѣтательница руднаго, плавильнаго дѣла, а это изобрѣтеніе представлялось какимъ-то волшебствомъ. Акилинъ не даромъ затѣваетъ — убить Тавра, а Менію полонить, διὰ τὰ μεταλλικὰ ἔργα (VI).

Имя Меніи отвлечено отъ Тавроменіи; но я припомню еще древнее Μέναι, нынѣ Mineo, въ четырехъ миляхъ отъ волканическаго озера и святилища Паликовъ, сицилійскихъ божественныхъ братьевъ, которые представляются сыновьями то Зевса и нимфы Ѳаліи, то Гефеста или тождественнаго съ нимъ Адрана — и Этны, у которой стоялъ храмъ Адрана (гдѣ нынѣ Adernó, древній Hadranon), съ вѣчнымъ огнемъ и статуей бога, вооруженной копьемъ[1]). Несомнѣнны отношенія Паликовъ къ волканическимъ явленіямъ или источникамъ — но, можетъ быть, и къ ремеслу Гефеста и μεταλλικὰ ἔργα. Въ послѣднемъ именно смыслѣ интересно сосѣдство Паликовъ и Μέναι, которыя я не прочь сблизить съ созвучной Меніей. Современное повѣрье зоветъ озеро Паликовъ — озеромъ donna'ы Fetia'и; замѣтимъ еще въ двухъ миляхъ или около того отъ Mineo = Menai пещеру, о которой въ XVI вѣкѣ (1557 г.) разсказывали «esser nata una bellissima donna chiamata Lamia, gran meretrice e fattucchiera, dove anch'oggi vi è un luogo detto Lamia dalle operazioni di questa

---

[1]) Holm, l. c. I, p. 69, 75—7, 94 и прим. къ стр. 69 на стр. 364.

donna». Демоны, обитавшіе въ пещерѣ, удалились изъ нея, когда тамъ положено было тѣло св. Агриппины [1]).

Если Μέναι, (Ταυρο)μενία — не восточнаго происхожденія, подобно Адрану и Паликамъ, то указанныя отношенія могли-бы повести къ соотвѣтствующей этимологіи, въ связи съ скрс. mani: драгоцѣнное украшеніе, носимое на шеѣ, ожерелье, амулетъ; греч. μανιάκης, μάννος, μόννος: золотая повязка на шеѣ; лат. monile; старосакс. meni, англос. mene, сѣв. men, староверхненѣм. menni: ожерелье; сѣв. собственное имя Menglöd = блистающая ожерельемъ. Можетъ быть, общее значеніе было: *подѣлка* изъ драгоцѣннаго металла, золота; старосѣв. men въ множ. ч. означаетъ вообще: драгоцѣнности; въ Grottasöngr служанки короля Frodi мелютъ для него на волшебной мельницѣ *золото* и миръ, gull ok frið [2]); имена дѣвушекъ Fenja и *Menja* (сл. тотъ-же разсказъ въ Skáldskaparmál c. XLIII), почему золото зовется *мукою Меньи*, neit Menju gôð (Sigurdarkv. III 50). — Напомню еще ожерелье Фреи Brîsînga men = Brisingorum monile, вѣроятно скованное или отлитое въ огнѣ (brising) [3]) — и Фрею, покровительницу лангобардовъ [4]), въ древней исторіи которыхъ мы встрѣтимъ и имя нашей *Меніи*: она мать Audoin'a, жена «regis Pissae» [5]).

Легенды о происхожденіи искусства τῆς χωνεύσεως естественно пріурочивались къ природнымъ вулканическимъ горниламъ, какъ Мены неподалеку отъ озера Паликовъ, замѣненныхъ какой-то феей; Менія въ сосѣдствѣ съ Этной, въ Тавроменіи, вблизи которой, по свидѣтельству Эдризи, находился золотой рудникъ [6]). Очень вѣроятно, что слѣды этихъ и подобныхъ представленій

---

[1]) Pitrè, Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, v. XII, p. 285—6.

[2]) Объ этомъ мотивѣ сл. сопоставленія Liebrecht'a, Zur Volkskunde p. 302; Rolland, Rec. des chansons populaires, t. I, p. 272.

[3]) J. Grimm, D. Myth., 4-e Ausg., стр. 254—5 и 518.

[4]) Въ извѣстномъ разсказѣ Origo gentis Longobardorum c. I и у Павла Діакона, l. I, c. 8.

[5]) Hist. Longobardor. Cod. Gothani, c. 5.

[6]) Сл. L'Italia descritta nel libro del Re Ruggero, etc. p. 32.

сохранились кое-гдѣ въ современныхъ повѣрьяхъ и мѣстныхъ сагахъ, можетъ быть, отчасти подъ прикрытіемъ — чуждыхъ именъ. Меня напр. всегда интересовалъ вопросъ о популярности Артура и феи Морганы именно въ Сициліи и не хотѣлось вѣрить, чтобы она могла быть объяснена одною популярностью романовъ бретонскаго цикла, откуда образъ феи-красавицы («è la Griciota'na fata Morgana»; «la Fatuzza Mariana tu mi pari») проникъ въ народную пѣсню и названіе извѣстнаго миража, видимое съ Мессинскаго побережья[1]); король Артуръ — въ баснословные разсказы сицилійскихъ поселянъ XII вѣка. Естественнѣе предположить народную, мѣстную подкладку, облегчившую уподобленіе пришлаго образа[2]). О мѣстномъ демонѣ *Адранѣ*, у подошвы Этны, Нимфодоръ говоритъ, ὅπως ἐμφανής ἐστι καὶ ἐς τὸ τῶν δεομένων προχείρως εὐμενής τε ἅμα καὶ ἵλεως; посвященные ему псы выводятъ на настоящій путь заблудившихся странниковъ (Aelian. Hist. Anim. 11, 20). Въ XII вѣкѣ Гервасію Тильберійскому разсказывали (narrant indigenae), что въ Mongibel = Этнѣ заключенъ король Артуръ, во дворецъ котораго забрелъ однажды конюхъ эпископа катанскаго, отыскивая заблудившагося коня. Эту легенду повторилъ съ варьянтами Цесарій Гейстербахскій; старо-французская поэма о Florian et Florete помѣщаетъ въ Этнѣ и чудесныя палаты феи Морганы: тамъ она воспитываетъ Фло-

---

[1]) Сл. Placido Reyna (XVII вѣка) у Graf, Appunti per la storia del ciclo brettone in Italia (Giornale storico della letteratura italiana, fasc. 13—14, стр. 98): «Haec vero de sirenibus fabula aliam vulgi de saga quadam cui nomen Morgana, narrationem aeque fabulosam in memoriam mihi rovocat, quoniam et haec ad delicias tractus Peloritani declarandas inventa videtur. Formosissimam hanc esse sagam narrant, quae terram nostram incolat ac saepennumero, qua potentia praedita sit, admirabili ratione demonstrat». — Въ Mazzara'ѣ подобное-же явленіе носитъ названіе: Città di frà Lucchino. Сл. R. Castelli, Credenze ed usi popolari siciliani (Palermo 1880), p. 21.

[2]) Подобное слѣдуетъ предположить и для народныхъ, мѣстныхъ отраженій каролингскаго эпоса въ Италіи. Сл. A. D'Ancona ed E. Monaci, Una leggenda araldica e l'epopea carolingia nell' Umbria (Imola, 1880); F. Torraca, Una leggenda napoletana e l'epopea carolingia, въ Studi di Storia letteraria napoletana, p. 153—164 (Livorno, 1884); Pitrè, Le tradizioni cavalleresche popolari in Sicilia, Romania № 50—51, p. 380, 391—2. Сл. также мою замѣтку: Die Rolandssage in Ragusa, въ Archiv für slav. Philologie, V, 1.

ріана, сына палермитанскаго короля, который впослѣдствіи освобождаетъ, при помощи Артура, свою мать, осажденную въ Монреале, совершаетъ подвиги—и затѣмъ снова увезенъ феей въ Mongibel, гдѣ живетъ въ безмятежномъ счастьи съ Флоретой[1]). За предѣлами бретонскаго романа у Морганы своя исторія, въ которой трудно отличить долю личнаго вымысла отъ мѣстныхъ или литературныхъ воспоминаній. Въ Huon de Bordeaux она — мать Auberon'а, котораго прижила отъ Цесарія, отца Юлія Цесаря[2]); у Berni (Orl. Inn. c. XXXVI слѣд.) она царитъ на днѣ рѣки; у нея несмѣтныя сокровища, какъ и у нашей Меніи, такой-же мудрой и вѣщей, и отчасти — волшебницѣ, ἐπαοιδός, какъ бретонская фея—или *magara* калабрійско-сицилійскихъ повѣрій, богатыхъ разсказами о кладахъ, тамъ или здѣсь зачарованныхъ какой нибудь феей.

Первый мужъ Меніи, *Реминдъ* (VI) названъ τῷ γένει ἔθνους ξανθοῦ — что напоминаетъ обычное опредѣленіе для западныхъ народовъ въ хризмахъ и видѣніяхъ, касающихся судебъ Константинополя: τὰ ξανθὰ γένη, ξανθὸν γένος[3]). Ρέμινδος, (Ρέβινθος у Агапія) очевидно, не латинское и не греческое имя, можетъ быть, лангобардское: Raginmund, Раймундъ, какъ Renaldus въ Каэтановомъ спискѣ житія = *Raginwald, Rainaud, если это не описка вмѣсто Ρέμαλδος криптоферратскаго, Ремалда старославянскаго текста,—можетъ быть, Romuald, (*Hromwald или *Romwald)? Вспомнимъ Менію лангобардскихъ генеалогій.

---

[1]) G. Paris, La Sicile dans la littérature française du moyen âge, Romania № 17, p. 108—113. Въ Maugis d'Aigremont герой воспитывается въ Сициліи феей Oriande.

[2]) Въ прозаическихъ романахъ, вытекшихъ изъ старо-французской поэмы, отцемъ Оберона является Юлій Цесарь, матерью — властительница Тайнаго острова или Кефалоніи, а самъ онъ роднится съ Александромъ Македонскимъ, отъ котораго, мы видѣли, произошла и наша Менія. Сл. Graf, I complementi della Chanson d'Huon de Bordeaux, p. XII—XIII. Aimé de Varennes въ своемъ Florimont дѣлаетъ властительницу Тайнаго или Незримаго острова (île Célée) любовницей Флоримона, дѣда Александра Македонскаго.

[3]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, I, 1, стр. 54, 61 и прим. 1.

Другая родословная ставится для *Тавра*. Онъ — хананей; хананеями является и вся семья Авриліана (Авриліанъ, Элидъ, Артагаръ, сл. VI). По Аппіану въ сѣверовосточной части Сициліи дѣйствительно жили палестиняне (Παλαιστινῶν γῆ); старое сициліанское преданіе утверждало, что первоначально весь островъ былъ заселенъ изъ Ханаана, а въ XVI вѣкѣ въ Палермо показывали башню Baych, будто-бы построенную Исавомъ[1]). Несомнѣнны восточные, и именно семитическіе элементы въ этническомъ составѣ, миѳологіи и ономастикѣ древнѣйшей Сициліи. Гольмъ полагаетъ[2]), что Оріонъ, которому приписываютъ большія сооруженія на сѣверо-востокѣ острова, принадлежитъ этому восточному теченію, и подкрѣпляетъ свою догадку объясненіемъ названія Небродовъ — кряжа горъ, тянущихся отъ Пелорскаго мыса къ западу вдоль сѣвернаго побережья Сициліи. Въ Небродахъ онъ подозрѣваетъ Немврода, такого-же героя-охотника, какъ Оріонъ, и во многомъ съ нимъ тождественнаго. — Тавръ нашей повѣсти не только хананей, но и въ десятомъ колѣнѣ потомокъ — Немврода. — О пришествіи Немврода = Сатурна въ Италію говоритъ Graphia aureae urbis Romae; за нимъ явился туда-же и Italus съ сиракузцами; одна латинская хроника, указанная Graf'омъ[3]), дѣлаетъ его сыномъ Немврода (postea dicta fuit Italia ab Italo Jullio rege Siciliae qui fuit filius supradicti Nenroth, et fuit terciogenitus et regnavit in Italia), какъ у равеннскаго анонима онъ — сынъ Камбиза (Itania ab Itano tertio Seth filio.... Tercio vocata est Italia ab Italo duce sapientissimo filio Cambissis). — О царѣ Italus знали уже древніе: Ѳукидидъ дѣлаетъ его царемъ жившихъ на итальянскомъ материкѣ сикуловъ, Антіохъ Сиракузскій — энотрійцемъ, вводителемъ земледѣлія и культуры; ему и Миносу приписываютъ изобрѣтеніе сисситій; самниту Itanus (= Italus?)

---

1) Holm, l. c. I p. 91 и прим.
2) L. c. I p. 95; см. p. 13.
3) Graf, Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo, I, p. 83 прим.

о войнѣ стараго властителя (Реминда) съ могучимъ языческимъ королемъ Калабріи (Акилинъ); о явленіи юнаго богатыря (Тавра) на помощь первому; о бранныхъ подвигахъ юноши и чудесной помощи свыше, ниспосланной христіанамъ. Замѣните въ этой схемѣ Реминда — Карломъ Великимъ, *Акилина* — *Аголаномъ* (Agulanz, Agolanz, Aigolandus, Agulandus), Тавра — Роландомъ; оставьте то-же мѣсто дѣйствія (Калабрія; Aspramonte — южная отрасль Апеннинъ, около Реджіо), усильте противоположность между христіанами и язычниками-сарацинами — и вы получите схему старо-французской поэмы Aspremont, содержаніе которой извѣстно было уже въ первой половинѣ XII-го столѣтія, и въ основѣ которой предполагаютъ обыкновенно память объ итальянскомъ походѣ Карла Великаго въ 773 году. — Содержаніе поэмы вкратцѣ слѣдующее [1]):

Карлъ Великій столуетъ съ своими французами въ Духовъ день, когда является сарацинъ, Balanz, посланникъ царя Agolant'a, и обращается къ Карлу съ дерзкимъ вызовомъ: три земли, три части свѣта ему извѣстны, Азія, Европа и Африка; большей изъ нихъ владѣетъ его повелитель, но онъ хочетъ подчинить себѣ и остальныя; онъ — непобѣдимъ, Карлу лучше покориться, иначе

Tant te querrons que te porrons trover,
Ne te garra bois ne terre ne mer,
Se ne en pues come oiselez voler.

Разгнѣванный императоръ, котораго Naimes удерживаетъ отъ насильственныхъ дѣйствій противъ посла, объявляетъ ему, что черезъ четыре мѣсяца его увидятъ подъ Aspremont, куда возвращается и посолъ:

Par ses jornées a Balanz tant erré
Qu'il vint à Rome, s'a trois jours sejorné;

---

[1]) L. Gautier, Les épopées françaises, 2-e éd., t. III, p. 70—81; Nyrop, Den oldfranske Heltedigtning, p. 83—91. Цитаты заимствованы изъ перваго сочиненія; иныя взяты у Bekker'a, Fierabras p. LIII—LXVI. Я имѣлъ также въ виду изложеніе въ Hist. littér. de la France, t. XXII, p. 300—318.

Au quart s'en torne, n'i a plus demoré,
Puille trespasse, en Calabre est entrez,
Au quart jor est en Aspremont montez.

Войско Французовъ направляется къ кряжу Asprеmont, за которымъ расположились полчища Agolant'а и его сына, молодаго Eaumont (сѣв. Iasmundr). Развѣдчикомъ идетъ вначалѣ Richier, но въ горахъ его лошадь пожрана грифомъ, скорпіонъ сорвалъ съ одной ноги его шпору — и онъ возвращается вспять. Тогда отправляется Naymes: въ горахъ холодно и снѣжно, ему приходится переправляться верхомъ черезъ потокъ среди льдинъ; старый, двухсотлѣтній змѣй гнѣздился тамъ, пожирая всякаго звѣря, приходившаго на водопой: Naymes сноситъ ему голову, которая падая, издаетъ пламя; камень-самосвѣтъ, найденный въ ней, онъ прячетъ въ сумку, равно какъ и лапу убитаго имъ грифа. Ночь прошла подъ открытымъ небомъ, на морозѣ, въ схваткахъ съ медвѣдями и леопардомъ, котораго убиваетъ конь витязя. Лишь послѣ всѣхъ этихъ приключеній Naymon'у удается перебраться по ту сторону Asprеmont'а; онъ видитъ станъ и шатеръ Agolant'а

659 Et voit ou Far maint nef et maint dromunt,
Et en Calabre et maint pui·et maint mont. (Bekker)

Между тѣмъ лазутчикъ-сарацинъ докладываетъ о движеніи Карлова войска Agolant'у, находившемуся въ Реджіо (à Rise l'amirable cité. Bekker). Посланный имъ на развѣдку Gorhan, сынъ Balan'а, встрѣчается на пути съ Naimon'омъ, и послѣ боевой схватки, въ которой Naimes старается щадить противника, оба ѣдутъ къ Аголану, гдѣ, послѣ вызова королю, посланцу Карла пришлось-бы плохо, еслибы не Balanz: онъ узналъ его и, въ отплату за пріемъ, оказанный ему самому во Франціи, говоритъ, что это — не Naimes, а одинъ изъ простыхъ Карловыхъ людей. Аголанъ его отпускаетъ: черезъ три дня быть битвѣ подъ Аспремономъ. И битва разгорѣлась: Карлъ едва не погибъ подъ ударами Eaumont'а, Аголанова сына, но на выручку поспѣлъ

его племянникъ, юноша Роландъ. Передъ началомъ похода его вмѣстѣ съ четырьмя товарищами заперли изъ боязни, чтобъ они какъ нибудь не увлеклись и не ушли съ войскомъ; но они вырвались изъ заключенія и на лошадяхъ, отбитыхъ у какихъ-то бретонцевъ, нагнали своихъ.—Поединокъ съ Eaumont—первый богатырскій подвигъ Роланда: онъ сражаетъ противника, завладѣваетъ его конемъ Viellantif и знаменитымъ мечемъ Durendal; такъ и въ Chans. de Roland C. 36 v., 18—37 r., 6:

He Durandal de bonne congneue,
. . . .
En Aspremont fustez Eumont tolue

Далѣе на помощь христіанамъ является чудо: Турпинъ несетъ древо честнаго креста:

Torpins porta la sainte croix le jor,
En nule terre n'ot nule si grant tor,
Come la croiz dont cele resplendor.
Par cele croiz sanble Aufriquanz le jor
Que li solauz am perde sa luor

La sainte croiz dona clartet si grant,
Que la valée an va resplendissant,
Et cil d'Aufrique s'en vont moult esmaiant,
Nen i ot nul, tant orgueillox proisant,
De la peor ne remut son talent (Gautier III 91)

Aufricans prenent entr'aus à conseiller:
«Mahomes doinst celui mal encombrier
Qui de cel prestre a fait confanonier!
Son confanon voi au ciel atouchier,
Vez une nue par desus apoier;
Nel veés vos reluire et flamboier
Que li solaus en laisse son rayer! (H. l. de la France l. c. 313).

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ горы одинъ за другимъ спускаются на виду у цѣлаго войска три чудесныхъ всадника. Какъ тебя звать? спрашиваетъ одного изъ нихъ Ожье. Я св. Георгій,

> Si ai partout le premier cop dou champ,
> Mais je l'ai ci doné à cest enfant (Gautier III 91),

говоритъ онъ, указывая на Роланда; его спутники: св. Димитрій (Domitre Hist. litt. 313; у Gautier 91: Domnin) и Маврикій: они сражаются въ ряду французовъ. Agolant погибаетъ подъ ударами племянника Girard'a de Fraite, Claire'a, котораго преданіе считало основателемъ клермонскаго замка (Hist. litt. 306); побѣдители вступаютъ въ Реджіо (Rise), крестятъ всѣхъ, въ числѣ другихъ и вдову Аголана, которую выдаютъ за сына венгерскаго короля, Florent. Онъ провозглашенъ королемъ Апуліи и Калабріи.

Таковы общія очертанія поэмы объ Aspremont или Аголанѣ — и мы хотимъ попытаться ближе обосновать сближенія съ легендой о Таврѣ и Меніи, предложенныя выше. *Agulant*, можетъ быть, перегласовка имени Акилина, Ἀκυλῖνος = Aquilinus, часто смѣшивавшагося (въ житіяхъ) съ *Aquilanus*. Aquilinus, -a дали-бы въ старофранц. языкѣ Aiglin, -e, или Aquilin -e [1]), въ южноитальянскихъ говорахъ Aculino (Agulino), -a; сл. въ сказкѣ изъ Абруццъ *fata Culina* или *Culinda* (=Aquilina) [2]). — Aculino (Aculano) = Agulant? Я не касаюсь здѣсь вопроса: не является ли имя Акилина, подъ стать Реминду, классической перегласовкой какого-нибудь германскаго, или ближе, лангобардскаго, которое объяснило бы намъ за одно и — Аголана. Укажу въ лангобард-

---

1) Сл. *Aiglina* въ одномъ стихотвореніи Guillem de la Tor у Suchier, Denkmäler provenz. Literat. u. Sprache, v. 22; *Aquiline* въ *Aquilon* de Bavière, изданномъ въ извлеченіи Thomas'омъ, Romania № 44, p. 550; сарацина Aquilant въ Bastard de Buillon, и т. п.

2) De Nino, Usi e costumi abruzzesi, vol. 3°, p. 343, прим. 1. Сл. Gennaro Finamore въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari III, I, p 35 (fata Donna Culina, хранительница клада). Въ итальянскихъ и ладинскихъ сказкахъ ея имя является съ такими варьянтами: Aquilina, Culina, Culinda, Colina, Chelina, Chilina. Сл. R. Köhler у Warnke, Die Lais der Marie de France, стр. LXXXV, прим. 1.

скомъ ономастикѣ имена отъ $\sqrt{}$ ag (agi, agin, agil) и въ Origo gentis Longobardorum (ок. 668 г.) — «regem nomine Agilmund, filium Aioni» (P. Diac.: Agelmund filius Aionis). Agilmund = Eaumont?; Aquilinus = *Agiling? — Agio = староверхненѣм. Ecco, средневерхненѣм. Ecke. Ecke — герой извѣстной нѣмецкой поэмы, гдѣ онъ борется съ Дитрихомъ Бернскимъ, отбивающимъ у него извѣстный мечъ Eckesahs. Сл. Durandal въ рукахъ Аголана и Омона [1]).

Наслѣдникъ Аголана *Florent*, сынъ венгерскаго короля, напоминаетъ венгерскаго короля Flore въ Berte au grand pié — и прозвище Аквилина: Ἄνθων — можетъ быть, вмѣсто ἀνθῶν = *Florens*? Въ романѣ объ Aquilon de Bavière, отрывки котораго недавно были изданы Томасомъ, есть генеалогія Роландова меча Durendal, гдѣ передъ именами его послѣднихъ владѣльцевъ, Аголана и Омона (Eaumont), встрѣчаются другія, заимствованныя отъ *flos;* имена взяты отовсюду, но знаменателенъ самый фактъ накопленія. Роландъ обращается къ своему мечу: Ai! brand che tant por ta bontés es renomés e tant noble baron ont por toi tant onor e fame aquistés! Que poit dir Juda Machabeu, che toi porta primermant; che poit dir li fil del roi Priame, ce fu Ector che por toi conquis cil Hercules de cui se parle tant; che poit dir *Fioramont* da Duraz che toi porta e por toi conquista tant onor quand la pulzele da l'Ixole celee li dona toi por grand amistés; che poit dir li roi Alexandre; che poit dir *Fi(o)ravant*, li fil a li roi *Fiorel;* che poit dir Tavian, son fil; che poit dir li roi Braibant; che poit dir ly [fil a ly] rois Agolant, ce fu Haimont che toi fist tant onor? [2]). — Роландъ поражаетъ не Аголана, какъ можно

---

[1]) Иное объясненіе имени Agolant у Gravell'я, Die Charakteristik der Personen im Rolandsliede p. 131 (прим. 37).

[2]) Romania l. c., p. 567; сл. подобное-же обращеніе на стр. 565, гдѣ имена слѣдующія: Juda Machabeu; Hector, li fil al roi Priam de Trogie; Alexandre; Fioramont da Duraz; Fioramont (= Fioravant) li ardis; Braibant; Helmont. — Fioravant и Fiorel извѣстны изъ Reali di Francia; Fioramont, въ сосѣдствѣ съ Александромъ, = Florimont Aimon'a de Varenne (Сл. р. 550 прим. 2 и извле-

было-бы ожидать по аналогіи съ Тавромъ, а его сына, но Аголанъ сраженъ такимъ-же юношей, Клеромъ, давшимъ имя Клермону, какъ Тавръ — Тавромепіи. Я обращаю еще вниманіе на интересное сходство чудесъ, сопровождающихъ ту и другую битву: блескъ, пуще солнечнаго, исходящій изъ креста. Въ связи съ другими чертами сходства получаетъ значеніе и этотъ мотивъ, отзывающійся общимъ мѣстомъ легенды.

Старофранцузская поэма не пріурочила-ли къ Карлу Великому, къ его итальянскимъ походамъ и типической борьбѣ съ Сарацинами—южноитальянское, византійско-лангобардское сказаніе, которое норманны могли застать еще въ относительной свѣжести и перенести нѣсколько его именъ и положеній во французскій эпосъ, какъ на сѣверѣ переносили въ свои романы — бретонскія сказки? Можно сомнѣваться, чтобъ свв. Георгій, Димитрій и Маврикій, чудесные помощники, принадлежали спеціально французской обработкѣ: издавна популярные въ греческой церкви народные тропайофоры должны были быть извѣстны на итальянско-византійскомъ югѣ, гдѣ сложилась и Панкратіева легенда — и стоитъ статуя святаго, между Таорминой и Capo Schiso, тамъ, гдѣ когда-то халкидійцы воздвигли изображеніе Аполлона Архагета, направившаго ихъ къ этой мѣстности. Интересно, что старонѣмецкія поэмы, въ которыхъ удержалась память и имя Панкратія, указываютъ на восточно-византійскія отношенія. Такъ въ Wolfdietrich B, 349 Эльза = Sigeminne даетъ Вольфдитриху ein palmâtsîdîn hemde,

sant Pangrâzien heiltuom dar inne versigelt was
von zwein und sibenzic vachen: dar inne er vil dicke genas

(сл. ib. строфы 688 и 729: Sant Pangrâzien heiltuom въ рукояти Вольфдитрихова меча Rose; Wolfdietrich D, VI, строфа 160). То-же въ Orendel'ѣ, 1656: sê ein guot swert in dîn hant und halt es

---

ченія на стр. 563—4). Для генеалогіи мечей сл. Chanson d'Antioche II, 12 (мечъ Requite перешелъ изъ рукъ Александра Великаго къ Птолемею, Іюдѣ Маккавею, Веспасіану и друг.) и т. п.

wol mit sinne, da ist sant Pancrâzien. Варіанты къ послѣднему мѣсту даютъ: *Branckirtzegen*, *Brandans*, что указываетъ, быть можетъ, на вульгарную форму имени: *Brancatus* = Pancratius[1]).

Я ограничился въ предъидущемъ очеркѣ лишь постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, заслуживающихъ, какъ мнѣ кажется, особаго вниманія. Переживаніе греческаго преданія въ современныхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ южной Италіи не подлежитъ сомнѣнію; въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть поднятъ вопросъ: возводить-ли ихъ къ древнему эллинскому элементу Великой Греціи, къ позднѣйшему ли періоду греческой колонизаціи послѣ турецкаго погрома — или къ VIII—XI вѣкамъ, когда подъ властью византійскихъ императоровъ южная Италія, уже успѣвшая ороманиться, эллинизуется на ново, и отъ Тарента до Реджіо (крайнихъ географическихъ пунктовъ нашей повѣсти) возникаетъ новая Италія, греческая по языку, нравамъ, церкви и національному чувству, Греція, которую еще застали норманскіе завоеватели[2]). Съ точки зрѣнія этой-то Греціи насъ и интересуетъ параллель, предлагаемая греко-итальянской легендой къ одному изъ сюжетовъ карловинскаго эпоса — какъ въ разсказѣ салернскаго монаха о Хожденіи Карла Великаго къ лангобардскому герцогу Арихису мы увидѣли такую-же, только болѣе яркую параллель къ старофранцузской поэмѣ о паломничествѣ Карла въ Константинополь[3]).

---

[1]) Deutsches Heldenbuch III; IV, стр. 290; AASS. Aprilis I, 238.

[2]) Lenormant, l. c. I, Préface, p. VII; II, p. 390 слѣд. Сл. P. Meyer, Les premières compilations françaises d'histoire ancienne, въ Romania № 53 стр. 70, прим. 5 (изъ старофранц. прозаическаго roman de Troie): «Et par toute Calabre li païsant ne parlent se grizois non. Encore en Puille, en maint leuz, ont il le service Nostre Seigneur es mostiers a la maniere de Grece et en grizois lengage».

[3]) См. мои Южно-русскія былины, гл. VI, стр. 235—237.

III.

КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ
СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРІИ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ.

Романъ объ Александрѣ Македонскомъ существуетъ въ двухъ старыхъ южно-славянскихъ пересказахъ: одинъ изъ нихъ — сохранившійся въ спискѣ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и вошедшій, съ отмѣнами, въ составъ Эллинскаго лѣтописца, представляется переводомъ Псевдо-Каллисѳена, типа BC, съ интерполяціями изъ Іосифа Флавія, Епифанія и др.; другой, распространенный преимущественно въ сербскихъ спискахъ и дважды изданный [1]), восходитъ къ особому греческому оригиналу, представителями котораго являются, съ одной стороны, вѣнская рукопись XV—XVI вв., вывезенная изъ Константинополя Бусбекомъ, изданная въ отрывкахъ Каппомъ [2]),

[1]) Starine III (1871 г.): Jagić, Život Aleksandra Velikoga, стр. 203—331 (цитуется: Jag.); Новаковић, Приповетка о Александру Великом. У Београду, 1878 (цитуется: Нов.).

[2]) Kapp, Mittheilungen aus zwei griechischen Handschriften als Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Mittelalter, въ Programm des k. k. Real- und Obergymnasiums im IX Gemeindebezirke in Wien. Wien, 1872, стр. 38 слѣд. Кромѣ Александріи, въ сборникѣ помѣщены еще: Исторія Аполлонія Тирскаго, поэмы о Петрѣ Провансскомъ и прекрасной Магелонѣ, о Флорѣ и Платцафлорѣ, о Троянской войнѣ: всѣ въ политическихъ стихахъ и, какъ видно изъ заглавій и изданій, съ содержаніемъ, заимствованнымъ по большей части изъ западныхъ источниковъ. Подробное описаніе рукописи см. у Wagner, Carmina graeca medii aevi, Lips. 1874, p. IX, слѣд.

и нынѣ впервые напечатанная въ приложеніи къ этому труду [1]); съ другой — ново-греческая народная книга объ Александровыхъ дѣяніяхъ и ея сербскій и болгарскій переводы [2]). Текстъ Бусбека, не представляющій видимыхъ пропусковъ, очевидно списанъ былъ съ рукописи, изобиловавшей ими, въ чемъ убѣждаютъ частые перерывы въ связи разсказа и сравненіе съ другими его редакціями. Такъ эпизодъ о Куманахъ и смежный съ нимъ о Филиппѣ и Анаксархѣ, пытавшемся похитить Олимпіаду (Нов. кн. I, гл. 15—16; греч. нар. кн. стр. 23—28), страннымъ образомъ сведены въ одинъ (сл. W, стр. 15, прим. 1); тогда какъ сербская Александрія (Нов. кн. II, гл. 16 слѣд.; греч. нар. кн. стр. 107 слѣд.) помѣщаетъ между смертью Дарія и войной противъ Пора подробный разсказъ о посѣщеніи Александромъ невѣдомыхъ странъ, брахмановъ-нагомудрецовъ у земнаго рая, — вѣнскій текстъ (W, стр. 43 слѣд. и прим. на стр. 43) опускаетъ весь этотъ эпизодъ. Между тѣмъ, напутствуя Александра, Іеремія говоритъ ему: *κοντὰ εἰς τὴν παράδεισον θέλεις ὑπαγένη, καὶ ἐκεῖ θέλεις εὕρη ἄνδρες καὶ γυναῖκες εἰς ἕνα νησὶν φυλακωμένους, ὁποῦ εἶναι τὸ φαΐ τους καὶ ἡ ζωή τους ἀπὸ ὀπώρα, οὐχὶ ἄλλον τίποτε, καὶ ἡ ἐνδυμασία τους ἔναι τὸ πετζί τους μὲ τὸ μαλλί τους σκεπασμένη· καὶ κοντὰ εἰς τοὺς ἀγγέλους μὲ ἀγάπην εὐφραίνονται· καὶ τὸ ὄνομά τους εἶναι Μάκαροι ἀπὸ τὸν θεόν* (W, стр. 46; сл. греч. нар. кн. стр. 71; Новак. II, гл. I, стр. 49). Позднѣе (W, стр. 63) Александръ на смертномъ одрѣ держитъ такую рѣчь: *ἠπήραμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην καὶ τὴν ἔρημον εἴδαμεν καὶ ἕως τὸν παράδεισον ἤλθαμεν, ὅπου εἶχεν ζήσει ὁ προπάπους μας Ἀδάμ, καὶ ἕως τὴν ἄκραν τῆς γῆς ὑπήγαμεν καὶ τὴν ὕψωσιν τοῦ οὐρανοῦ εἶδα καὶ εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης ἐσέβηκα.* Сл. греч. нар. кн. стр. 182:

---

[1]) Цитуется: W, съ ссылкой на страницы нашего изданія.

[2]) Я пользовался слѣдующими изданіями: Ἱστορία τοῦ μεγάλου Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακέδονος. Βίος, πόλεμοι καὶ θάνατος αὐτοῦ. Венеція, 1852 (цитуется: *греч. нар. книга*); Історіа на великій Александра Македонца, преведе отъ Гржцки Протопоповичъ. Бѣлъ-градъ, 1844 (цитуется: *болг. нар. книга*). — О сербской народной книгѣ см. Новаковичъ, l. c., стр. XXV.

ἐγυρίσαμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην, κοντὰ εἰς τὸν παράδεισον ἐπήγαμεν, καὶ εἰς τὴν ἄκραν τῆς γῆς· ἀκόμη εἰς τὴν θάλασσαν ἐμβήκαμεν, ὅλα τὰ εἴδαμεν; Нов. III, гл. 31, стр. 149: в'соу вьселкн'ноу прѣкхь и до раꙗ доидохь, идѣже Адамь прѣдѣдь нашь жиль бѣше, и в'се [m: крае земле видехомь, и висиноу небесноу оузнахомь, и гльбиноу мора разоумехомь (сл. Jagić, l. c., стр. 328).— О хожденіи къ раю говорятъ подробно и сербскій текстъ и греческая народная книга; несомнѣнно, о немъ говорилось и въ оригиналѣ вѣнскаго списка. Иначе слѣдуетъ отнестись къ другимъ указаніямъ Александровой рѣчи: объ испытаніи небесной высоты и морской глубины — эпизодамъ, извѣстнымъ изъ Псевдокаллисѳена[1]). О первомъ согласно молчатъ и сербскій текстъ, и греческая народная книга; вѣроятно, о нихъ ничего не говорилось и въ опущенномъ эпизодѣ рукописи Бусбека; лишь въ греческой народной книгѣ (стр. 166—167) помѣщенъ разсказъ о посѣщеніи Александромъ морской глубины — не задолго до его кончины. Тѣмъ страннѣе воспоминаніе Александра, удержавшееся во всѣхъ рецензіяхъ: о подвигахъ, вовсе имъ не совершенныхъ — судя по тексту. Слѣдуетъ ли предположить такое же отношеніе уже для оригинала *x*, при чемъ память объ извѣстныхъ приключеніяхъ Александра, не разсказанныхъ авторомъ, могла явиться у него случайно, когда онъ писалъ прощальную рѣчь своего героя? Или же въ *x* эти приключенія были разсказаны, и опущены лишь въ *y*, непосредственномъ подлинникѣ существующихъ греческихъ и славянскихъ рецензій Александріи, а греч. нар. книга воспроизвела одно изъ нихъ (испытаніе морской глубины), слѣдуя какому нибудь другому источнику?

Въ сербскомъ текстѣ (Нов. II, гл. 2—4) и греч. нар. книгѣ (стр. 72—77) Александръ, посѣтивъ Іерусалимъ, идетъ на Египетъ; въ вѣнской рукописи этотъ эпизодъ выпалъ, хотя Іеремія и говоритъ: ἐσὺ, Ἀλέξανδρε, ὕπαγε εἰς τὴν Αἴγυπτον (W, стр. 46).

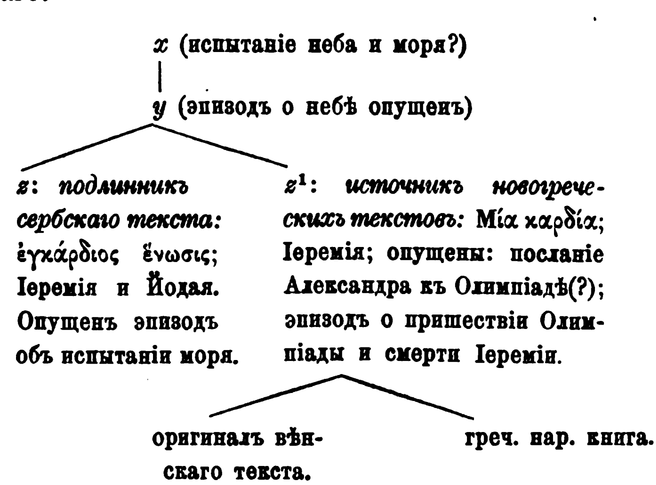
[1]) Къ литературѣ этого сказанія сл. O. Zingerle, Die Quellen zum Alexander des Rudolf von Ems. (1885), стр. 5, прим. 2.

Укажемъ, кромѣ отмѣченнаго въ нашемъ оттискѣ W, стр. 50, прим. 1, еще на одинъ большой пропускъ вѣнскаго текста: опущено все, что̀ легенда заставляла совершать Александра между смертью Пора и его собственнымъ отравленіемъ (сл. W, стр. 60; Нов. III гл. 6—29, стр. 107—145; греч. нар. книга, со стр. 140 до 175 приблизительно), то-есть, эпизоды объ Амазонкахъ и Кандакѣ; выпали: имя брата Вріонуса, его соучастника въ отравленіи, упоминаніе ихъ матери, разсказъ о смерти пророка Іереміи. Такъ какъ послѣдняго эпизода (смерть пророка Іереміи) нѣтъ и въ греческой народной книгѣ, сходной во всемъ остальномъ съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ сербскаго текста, то мы получимъ еще генеалогическое указаніе: что въ непосредственномъ источникѣ вѣнской рецензіи и греческой народной книги (*в*[1]) этой подробности уже не существовало. Этому источнику свойственно было и особое названіе для города, построеннаго Александромъ: μία χαρδία, тогда какъ въ оригиналѣ сербскаго перевода (*в*) стояло соотвѣтствующее ἐγκάρδιος ἕνωσις (сл. далѣе гл. I и X); и появленіе въ Іерусалимѣ одного Іереміи, тогда какъ сербскій текстъ называетъ, рядомъ съ нимъ, и Йодаю-Іюду; и отсутствіе разсказа о пришествіи Олимпіады въ Вавилонъ (Нов. III, гл. 26), хотя на этотъ разсказъ есть указанія — и Александръ, умирая, τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν μητέρα του... ἐπίασεν ἀπὸ τὸ χέρι (W, стр. 62). Греческая народная книга сократила и кое-гдѣ измѣнила изложеніе своего подлинника, не трогая его плана, кое-гдѣ обнаруживая воздѣйствіе другаго источника, быть можетъ какого-нибудь пересказа Псевдокаллисѳена; списокъ Бусбека, вѣроятно, сохранилъ бы намъ болѣе полное отраженіе оригинала, еслибъ не страдалъ чисто-внѣшними матеріальными опущеніями, къ числу которыхъ относится, вѣроятно, и неупоминаніе имени Лаомедонта въ эпизодѣ о Римѣ (W, стр. 32; сл. Нов. I, гл. 22, стр. 35; греч. нар. кн. стр. 54) и др.

Особо стоитъ слѣдующее: въ эпизодѣ о войнѣ съ Поромъ (Нов. III, гл. 2) сербскій текстъ приводитъ письмо Александра къ Олимпіадѣ, въ которомъ онъ извѣщаетъ её о своихъ приклю-

ченіяхъ со времени смерти Дарія, но въ иномъ, болѣе древнемъ порядкѣ, чѣмъ это изложено въ самомъ разсказѣ о подвигахъ (сл. далѣе, гл. II). Ни въ W, ни въ греч. нар. книгѣ этого посланія нѣтъ; находилось-ли оно въ *y*, и лишь опущено въ *z*¹?

Предлагаемая здѣсь родословная текстовъ не что иное, какъ первый опытъ сравненій, которому предстоитъ измѣниться въ частностяхъ по мѣрѣ раскрытія новаго матеріала, славянскаго и греческаго.

О близости *z* и *z*¹ можно заключать изъ сравненія сербскаго перевода съ текстомъ Бусбека. Беру на выдержку нѣсколько строкъ изъ начала (Нов. I, гл. 1, стр. 1—2; W, стр. 1—2):

... вь петотысоуштное же лѣто сего стоıаніа, и царствоующтоу великаго Рима Таркинию царю, начелствоующтоу інсраилитьскымь людемь, еувреискоıоу господьствоу, Іодае архіереоу и Іеремію пророкоу, господствоующтоу же вьсточнымь странáмь Дарію сыноу Куроусовоу, об'дрьжештоу Индію тогда Пороу, великомоу царю, и Египтомь же великымь обладаюштоу Никтонавоу

Επὶ ἔτους ͵ε ἐβασίλευσεν εἰς τὴν παλαιὰν Ῥώμην ὁ Ταρκιανὸς ὁ βασιλεύς, καὶ εἰς τὴν ἀνατολὴν ἐβασίλευσεν ὁ Δάρειος, ὁ υἱὸς τοῦ Κυρίσου καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου αὐτὸν ἐτελοῦσαν λιζάτον· καὶ εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ ἦτον αὐθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἀρχιερεύς· καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον ἐβασίλευσεν ὁ πονηρὸς καὶ ἀστρονόμος Ἐκτέναβος (далѣе Νεκτέναβος),

вльхвоу соуштоу и царю, тогда фридінскымь же странамь и македонскои земли и еладскымь островомь обладаюштоу Філіппоу Грькоу и Еліноу, роди же се тогда емоу сынь, и нарече име емоу Александрь [1]), по грьчьскомоу ѩзыкоу глаголеть се избрань моужь, избрань же изь млада ѩвлѩаше се и добльстьвьнь, красьнь же и благооб'разнь кь вьсѣмь зрештимь его бѣ. Се же не бѣ емоу оть тѣлеснаго рожденіа ни оть чловѣчьскаго оустроѥніа, но (ркп. ни) оть великаго божіа промысла.... Глаголюштіи бо ѥго быти сына цара Филипа льжоуть, нь сы сынь ѥсть цара егупѣтскаго Анехтенава, великаго вльхва.

ὅλην τὴν Αἴγυπτον καὶ μὲ τὴν γῆν τῶν Ἀλατήνων· καὶ ὁ Φίλιππος ὁ Ἕλληνος ἐβασίλευσε τὴν Μακεδονίαν μὲ τοὺς Φιλίππους καὶ μὲ τὴν Φιλιππόπολιν. Τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ἐγεννήθη τέκνον ἄρρεν· καὶ οὐδὲν ἦτον σπόρος ἐδικός του, ἐπεὶ ἦτον σπόρος ξένος, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει· καὶ ἐπωνόμασαν τὸ ὄνομα τοῦ παιδίου εἰς ταὶς ἡμέραις Ἀλέξανδρον ρώμαϊκά· καὶ εἶχεν ἀπὸ τῆς ἄνω προνοίας χάριν μεγάλην· λέγουν ὁ κόσμος ὅλος, ὅτι ἔναι υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ οὗτος ὁ λόγος ἔναι ψευδός, τὸ ἀληθὲς ἔναι τοῦτο· τοῦ βασιλέως τῆς Αἰγύπτου υἱὸς τοῦ Νεκτέναβου τοῦ πονηροῦ καὶ ἀστρονόμου.

Румынская Александрія, переведенная съ сербской и не представляющая самостоятельнаго источника, была принята во вниманіе, на сколько она доступна была автору [2]). Если онъ позволилъ себѣ объединить греческіе, славянскіе и румынскіе тексты Александріи подъ названіемъ «сербской», то поводомъ къ тому было особое распространеніе этой рецензіи стараго романа на славянскомъ югѣ и популярность ея сербскаго перевода. Предлагаемый далѣе разборъ источниковъ Александріи, изъ котораго уже сдѣлано было сообщеніе въ двухъ статьяхъ Журнала

---

[1]) Сл. соотвѣтствующій отрывокъ нашей Александріи въ хронографѣ 1-й редакціи у А. Попова, Хронографы, вып. I, стр. 121.

[2]) См. M. Gaster, Literatura populara română (1883), p. 7—31. Стараго изданія румынской Александріи (1797) я не видѣлъ (см. Dimitrie Jarcu, Bibliografia chronologica romana sau Catalog general de cartile romane imprimate de la adoptarea imprimeriei... si pana asta-di. Bucuresci. 1873, стр. 18), но могъ пользоваться изданіемъ 1862 г. (Історіа лȣї Алеѯандрȣ чел маре; далѣе цитуется: рум. нар. книга), эпизодомъ Александріи по рукописи конца XVIII вѣка, въ спискѣ П. А. Сырку, и рукописной румынской Александріей (XVIII в.), принадлежащей археологическому музею при Кіевской Духовной Академіи, № 372 (текстъ съ значительными пробѣлами); цитуется: рум. К.

Министерства Народнаго Просвѣщенія (1884, Іюль и Сентябрь), не притязаетъ на всестороннее рѣшеніе вопросовъ, поднимаемыхъ этимъ интереснымъ памятникомъ. Пополненіе труда поневолѣ приходится поставить въ зависимость отъ знакомства автора съ нѣкоторыми источниками, либо недоступными ему (нѣкоторыя южно-славянскія ркп.), либо имѣющими появиться въ свѣтъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Я имѣю въ виду давно ожидаемое изданіе Поля Мейера [1]). — и desideratum всякаго, занимающагося судьбами европейской Александріи: критическій текстъ Historia de preliis [2]). Авторъ полагаетъ однако, что и при тѣхъ матеріалахъ, которыми онъ могъ располагать, получились нѣкоторыя общія точки зрѣнія, которыя полезно было подвергнуть обсужденію спеціалистовъ.

---

[1]) См. пока его Études sur les manuscrits du Roman d'Alexandre, Romania, № 42—3, p. 213—332.

[2]) Сл. пока текстъ Historia, изданный Zingerle, l. c. стр. 129 слѣд. Дальнѣйшія ссылки на Hist. de prel., гдѣ нѣтъ особаго указанія, разумѣютъ текстъ Zingerle.

I.

ЮНОСТЬ И ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ АЛЕКСАНДРА ДО ПРИШЕСТВІЯ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

(Новаковичъ кн. I, Pseudocallisthenes C, I, cap. 1—38.)

Введеніе въ текстъ сербской Александріи, приведенное нами выше, не находитъ себѣ соотвѣтствія ни въ различныхъ редакціяхъ Псевдокаллисѳена, ни у Юлія Валерія, ни въ Historia de preliis [1]). Минуя подробность о леканомантическихъ продѣлкахъ Нектанеба (Pseudocall. I, 1), необходимую для уразумѣнія послѣдующаго (l. c. I, 3), разсказъ прямо переходитъ къ нашествію враговъ на Египетъ. У Псевдокаллисѳена I, 2 оно ничѣмъ не мотивировано: какой-то не названный соглядатай доноситъ о нашествіи безчисленныхъ варварскихъ народовъ, которые и перечисляются; о Даріи нѣтъ рѣчи; Нектанебъ хвалитъ въ стражѣ его бдительность, но порицаетъ отсутствіе мужества: οὐ γὰρ ἐν ὄχλῳ ἡ δύναμις, ἀλλ' ἐν προθυμίᾳ ὁ πόλεμος· καὶ γὰρ εἷς λέων πολλὰς ἐλάφους ἐθηρεύσατο (C ἐχειρώσατο), καὶ εἷς λύκος πολλὰς ἀγέλας προβάτων (C ποιμνίων) ἐσκύλευσεν. Ὥστε οὖν πορευθεὶς ἅμα τῷ ὑπό σοι στρατοπέδῳ τὴν ἰδίαν παράταξιν φύλαττε· λόγῳ γὰρ ἑνὶ τῶν βαρβάρων ἀναρίθμητον πλῆθος πελάγει ἐπικαλύψω.

Въ сербской Александріи и ея греческомъ источникѣ война противъ Египта мотивирована желаніемъ «окольныхъ» царей

---

[1]) Сл. Pseudocallisthenes ed. C. Müller, стр. 1; Zacher, Pseudocallisthenes, p. 7 слѣд.; Kinzel, Zwei Recensionen der Vita Alexandri Magni interprete Leone archipresbytero Neapolitano (Berlin 1884), p. 1 слѣд.; Zingerle, l. c. стр. 129.

избавиться отъ лукаваго мужа, побѣждавшаго ихъ своимъ волшебствомъ. «Ἐβαρέστησεν ὁ κόσμος ὅλος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του· καὶ ἐποίησαν βουλὴν μὲ τὸν Δάρειον τῆς Περσίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Βερίας (= Ἰβερίας) καὶ ο βασιλεὺς τῆς Λεντίας καὶ πολλοὶ ἕτεροι βασιλεῖς οὗτοι· «Ἂς ἐξέλθωμεν μὲ τὰ φουσάτα μας πρὸς τὸν μάγον νὰ τὸν διώξωμεν, τὸν μάγον καὶ Αἴγυπτον». Καὶ ἐσύναξαν οἱ βασιλεῖς φουσάτα πάμπολλα ἀναρίθμητα· ἦτον δὲ εἰς τὸ σύνορον τῆς Περσίας ἕνα κάστρον καὶ εἶχαν αὐθέντην εἰς τὴν μέσην τους Αἴγυπτον, ὀνόματι Βερκαρίαν· ἰδόντας ὁ συνορίτης ὁ Βερβέρης φουσάτον πολλὸν μαζώμενον, ὁποῦ ἔρχονται καταπάνου τοῦ βασιλέως Αἰγύπτου τοῦ Νεκτέναβου, ἐπῆγεν εἰς αὐτὸν καὶ ὡμολόγησέ τον περὶ τὰ φουσάτα, τὸ πόσαις χιλιάδες ἔρχονται, καὶ εἶπεν τοῦ Νεκτέναβου· «ὅτι νὰ ἠξεύρῃς, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας, ὁ Δάρειος, ὁποῦ τὸν ἐμαυτόν του ὀνομάζει ἴσος μὲ τὸν θεὸν καὶ ἔφθασεν καὶ ἐσέβη εἰς τὸ σύνορόν σου μὲ τὰ φουσάτα του πολλὰ ἀναρίθμητα καὶ μὲ ἄλλους βασιλεῖς ἑτέρους ἔρχονται καταπάνου σου, ὥσπερ ὅταν ἀρχερίσουν τὰ κύματα τῆς θαλάσσης καὶ οὐδεὶς ἠμπορεῖ ἀριθμήσει αὐτά, εἰ μὴ εἷς θεός· τόσον φουσάτο ἔρχεται καταπάνω σου νὰ πολεμήσῃ». Ὁ βασιλεὺς ὁ Νεκτένεβος ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· «σῦρε ὀπίσω εἰς τὸ βασίλειόν σου καὶ κατανόει καλῶς καὶ πάλιν νὰ μοῦ ἀποστείλῃς λόγον ἐγλήγορα ἐπιστολὴν γραμμένην» (W, стр. 2).

Въ греч. нар. книгѣ (стр. 8—9) эпизодъ этотъ передается сокращенно; цари тѣ-же: Дарій персидскій, ὁ Βασιλεὺς τῆς Λενθίας καὶ τῆς Ἰβηρίας καὶ ἄλλοι πολλοί; имя стража Βερβέρης. Согласіе двухъ греческихъ текстовъ противъ славянскаго и его греческаго прототипа сказывается при сравненіи съ Новак. I, гл. 2: противъ «Нехтенава» совѣщаются «ѩзыци: Персціи, *Иевери*, *Кіане*, *Арапи*, Ѥтиопіа, Ѥлагы, и инии вьсточ'ніи ѩзыци мнози. Сл. Jagić, l. c., p. 220 и прим.; въ варьянтахъ отмѣтимъ еще: *Ассиани* (Ѩзиѩни); въ Рум. ркп. № 175 (Пыпинъ, Очеркъ, стр. 304):.... Аксіане, Віѡпи и Елапи. Сл. Pseudocall. I, гл. 2 (и разночтенія, приведенныя Миллеромъ): Ἴβηρες, Καύκωνες, Ἄραθρες (Ἄραβες). — Далѣе «краишт'никь Вер'вехь» или Верверихь (Рум. ркп. № 175, Пыпинъ, Очеркъ, стр. 304:

Вѣрвѣрихъ, Верверухъ)[1] говоритъ: «вѣдомо да ти ѥсть, цароу, ꙗко сьмрьтію животь из'мѣноуѥши дьньсь: Даріе, пер'скыи царь, на мегю землѥ твоѥ доиде, иже тьк'мить се богомь, сь в'сѣми вьсточ'ними цари». Въ отвѣтѣ Нектанеба текстъ Ягича (р. 221) снова поминаетъ Дарія, но Нов. стр. 4 говоритъ «о нашьствіи *Ѥзрьксена* кралꙗ на Ѥгуп'ть и вьсточ'ныихь царь». Ѥзрьксенъ— можетъ быть = Artaxerxes (*Artaxerxen?*) въ Hist. de preliis: «quadam autem die, dum nuntiatum fuisset ei, quia Artaxerses rex Persarum.... veniret super eum»; «venit super te Artaxerses rex Persarum»; «propter Artaxersen regem Persarum [2]); сл. у Кедрина (ed. Bonn. t. I, стр. 264): ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου Νεκτεναβὼ μὴ φέρων τὴν ἔφοδον τοῦ Ἀρταξέρξου, παραλαβόντος τότε τὴν Αἴγυπτον.... κατέλαβε τὴν Πέλλην. Сл. для имени Нов. II, гл. 9: «Ѥксер'сена (вар. Асексен, Ѥѕерьксень и др.; Jag., стр. 266) Пер'скыи царь зѣло прѣвьзнесь се, оть Даф'неа смѣрень бысть» = новогр. нар. кн., р. 89: ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας Ξέρξης ἀπὸ τὴν ὑπερηφανίαν του τὴν πολλὴν ἐσκοτώθη ἀπὸ τοῦ Δαφναίονος τοὺς ἀνθρώπους, καὶ ἐχάθη; Нов. I, гл. 22: Ексеексень (вар. Езарксенъ, Ѥѕерѕень и др.; сл. Jag., стр. 240) перьсидиски царь = W, стр. 24: ὁ Ἐξερξέν, новогр. нар. кн., р. 41: ὁ Ξέρξης; Нов. II, гл. 7:. Сексена цара (вар. Ексер'ксна) = W, стр. 50: τοῦ Ἐξερξένου, новогр. нар. кн., стр. 84: τοῦ Ξέρξου.

Отпустивъ «краишника» Нектанебъ пишетъ по всѣмъ градамъ и странамъ египетскимъ, чтобъ они готовились на брань. «Самь же вь полатоу царскоу вьшедь вльшьбноую леканомать начеть творити, златоу роукомию воды налиꙗвь и двѣ воиске оть воска сьтворивь, соупротив'ноу и свою, и сиомь хитростію бити се на водѣ. Видѣ свою воискоу одь Персь побиваемоу, и видѣ (богы египетьскіе) крьмеште кораб'лѥ вар'вар'скыѥ, вьводеште воискоу вь Ѥгупть. И вь недооумѣниѥ вьпадь и

[1]) Сл. въ среднегр. романѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ (изд. у Wagner, Trois poèmes grecs) *египетскаго* царя Βερδερῖχος.

[2]) Zingerle, l. c. стр. 129, 130, 131; Kinzel, l. c. стр. 7; id.: Lamprechts Alexander (Halle, 1885), стр. 3 прим., стр. 4 прим.

высплакавь се рече: О горе тебе, Ѥгупте, на многа лѣта слави се сь царемь своимь, и вь ѥдино лѣто погибѣ и сь царемь своимь...» Не будучи въ силахъ противиться врагамъ, Нектанебъ остригаетъ голову и бороду, въ полночь выходитъ изъ дворца и бѣжитъ въ Македонію, въ Филиппы («въ Филипоусть», «Пилипусть»); «сѣдь-же тоу вь ѥдиномь мѣстѣ скров'нѣ, врача себе оуказоваше быти и маистора хытра оть звѣздочьтьць Ѥгуп'тьскыихь». Между тѣмъ, не найдя царя, египтяне предаются печали; «писаниѥ же обрѣтоше на одрѣ его глаголюште сице: Любимі мои Ѥгуп'тене, зла вашего не могохь зрѣти и вь иноу страноу зем'лѣ отидохь, и по .л.-тихь лѣтѣхь младь пріидоу кь вамь. Сиѥ же писаниѥ обрѣт'ше Ѥгуп'тенѣ, вь златѣ Нехтенава изьваѩше на висоцѣ стльпѣ, по срѣдѣ Ѥгуп'та поставише, и вь роукоу ѥго писаниѥ оно, и на главоу ѥго писань вѣн'ць злать положише, сами же кь Пісадону (вар. въ текстахъ Ягича, Рум. 175 и Кириллобѣлозерскомъ № 1088, XV вѣка: Пасидону) притекше богоу своѥмоу о Нехтенавѣ молѥште се выпрашахоу. Онь-же, вь снѣ ѩвль се имь рече: по .л.-хь лѣтѣхь кь вамь имать прити, и м'чь неоуломніи деснице персидскіе имать затоупити, и враги ваше Персіи подь ноги ваше имать покорити». (Нов. I, гл. 3 = Jag., l. c., p. 222—3).

Въ W (стр. 2—4) и соотвѣтствующемъ отдѣлѣ новогр. нар. книги (стр. 9—10) леканомантическія продѣлки Нектанеба переданы сокращенно. W: египетскій богъ Аполлонъ держитъ сторону Дарія [1]); Нектанебъ удаляется въ Филиппы (въ греч. нар. кн.: εἰς τὴν χώραν τῶν Φιλίππων, ὀνομαζομένην εἰς τὸ παλαιὸν Πέλλα); нѣтъ спроса у оракула, а въ посланіи Нектанеба есть новая черта: онъ завѣщаетъ Египтянамъ: νὰ μοῦ ἱστορήσετε τὸ πρόσωπόν μου εἰς τὸν στύλον καὶ νὰ μοῦ βάλετε τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν τῆς ἱστορίας καὶ εἴ τις ἔλθη καὶ σταθῇ εἰς τὸν στύλον καὶ πέση τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν του, αὐτὸν τὸν ἄνθρωπον νὰ τὸν προσκυνήσετε· ὅτι αὐτός ἔστιν ὁ υἱός μου.—То-же въ греч.

[1]) Ср. Mizraim, бога-покровителя Египта, у Wünsche Bibl. rabb. f. XV, 167, XVI, 15.

нар. кн., р. 10: подробность перенесенная сюда изъ Pseudocall. C II, гл. 27. — Ближе всего къ контексту этого эпизода Pseudocall. I, гл. 3, ред. A (и L) = Hist. de prel., Zing. стр. 130—1: Нектанебъ удаляется черезъ Пилусій въ Пеллы; Египтяне спрашиваютъ о немъ τὸν προπάτορα τῶν Ἥφαιστον, который отсылаетъ ихъ διὰ χρησμοδίας πρὸς τὸν ἀόρατον τοῦ Σινωπίου (C: ἐν τῷ ἀδύτῳ τοῦ Σεραπείῳ θεός; Hist. de prel., стр. 131: ad Serapin). Не оттуда-ли, вслѣдствія описки, Пасидонъ, Писадонъ сербскихъ текстовъ? Пророчество, бывшее имъ, Египтяне изображаютъ на пьедесталѣ Нектанебовой статуи.

Въ Македоніи Нектанебъ вскорѣ снискалъ славу великаго врача и волхва. Олимпіада, жена Филиппа, была неплодна, и это охладило его любовь къ ней. Однажды, уходя на войну, онъ говоритъ женѣ: «аште до враштеніа моего не боуде ти отрочета, не кь томоу очіи мои видиши». Олимпіада опечалена; рабыня указываетъ ей на мудраго Египтянина, который поможетъ ей въ бѣдѣ. Призвавъ Нектанеба, она проситъ его «хытростию своѥю неплодныѥ оутробы моеѥ сьоузь раздрѣшити и силномоу цароу Филипоу срьдце оутврьдити кь моѥй люб'ви». Нектанебъ, прельстившійся красотой царицы, говоритъ ей: «виждоу богы, хотештеѥ сь тобою быти, Амона и Финеса и Ѥркоуріа великаго (вар. у Ягича р. 224: Амон и Пеннес и Еркулис; Амонь и Финеса и Екроулаѩ; Кир. Бѣл. ркп.: Амона и Пинеса и Екроуліа; Рум. 175: Амона и Финеса); да аште симь выходь сьтвориши кь себѣ, то великоу цароу мати боудеши». Далѣе одинъ лишь Аммонъ является къ Олимпіадѣ; Еркурій, можетъ быть, Меркурій = Гермій, въ образѣ котораго позднѣе является Аммонъ (Pseudocall. II, 13); или-же слѣдуетъ читать Еркулій = Ираклъ, одно изъ выраженій триипостаснаго Аммона, ὁ τρίμορφος θεὸς Ἄμμων; другимъ былъ Діонисъ (l. c. A, I, гл. 6, 7) — можетъ быть Пинесъ, Финесъ нашего текста? Сл. Pseudocall. A, I, 6: θυρσόκομον Διόνυσον; 7: Διονύσου πανθεοῦ— Нектанебъ остается жить въ небольшомъ покоѣ при дворцѣ и вскорѣ является къ Олимпіадѣ въ образѣ бога Аммона: «глава

орьлова и на ней рози василискови и ока си (вар. оћас; опашь) аспидова и ного львове, крилоути же грыпьсови, злати и чрьни: сицовь образь бѣ Амоновь». Такъ прельстилъ онъ царицу; уходя, онъ говоритъ ей, что она зачала царя вселенной, и велитъ позвать себя, когда настанутъ роды. Когда-же приспѣлъ часъ рожденія, онъ ободряетъ её: «Подрьжи себе, о царице, не родити дондеже благорастворен'ни часъ придеть; аште вь сіи часъ родиши, раба и непотребна чловѣка родиши, коло бо кроуга небеснаго вь лоуне стоить; сьги пождавши мало, дондеже небесние планите на оустави станоуть и стихие прѣстоупанѥ [1]), цара царемь родиши и велеоумьна чловѣка.—Пождьвши же роди великаго Александра мѣсеца Марта (вар. Мага) вь .вı. дьнь вь часъ .ѳ.; рождьшоу се отрочетоу и излезьшомоу на светъ проплакавь рече: вь .м.-но лѣто паки возвраштоу се тебѣ, мати. Олимьбіада же вьз'мьшии отроче кь Дафнеоноу Аполоноу вь црьквь принесе, и оть того отрочиштоу благосовити се молаше и оть книгочіи Аполоновехь и вльховь искаше оувидети каково сіе отроче хоштеть быти. Вльшьб'ною же хитростию моудрьцемь ıавль се Аполонь писмени кь нимь прорицаше о Алексенд'роу имоуште сице: ıако отроче сіе в'сои подсльньч'нои царь боудеть, благочьстіемь и моудростию и разоумомь великь ıавль се; отьца же своего оубивь по .м. лѣтоу кь матери зем'ли отидеть». (Нов. I, гл. 4—6, Jagić, p. 223—225).

Вѣнскій текстъ (W, стр. 4—7) въ пересказанномъ нами эпизодѣ близко отвѣчаетъ славянскому. Тамъ и здѣсь Филиппъ, отправляясь на войну (въ W стр. 4 Дарій вызываетъ его къ себѣ съ вспомогательнымъ войскомъ), говоритъ женѣ, что если къ его возвращенію она не родитъ ему потомка, ея глаза его больше не увидятъ. Нектанебъ вѣщаетъ Олимпіадѣ, что её посѣтятъ

---

[1]) Сл. варьянты: докле небеске планите на уставу стану ис тих преступани; на оуставоу станоуть и стихе пристоупанию; докле се прелети небески на уставу стану тихие приступа (Jag. стр. 225 и прим.); Кириллобѣлозерскій сп., л. 23 об.: нбніи планити станоутъ оустѣхвѣ и стихнетъ (sic); Рум. № 175: дондеже нбсніе планиты на уставу станутъ и стихіе преступленіе створеть.— Сл. далѣе, Нов. I, 8 = Jag. стр. 226 и прим., эпизодъ того-же содержанія и въ столь-же испорченномъ текстѣ.

ὁ Ἀμών ἢ ὁ Φιλογένης ἢ ὁ Ἀρκούτζης, ὁ θεὸς ὁ μέγας, послѣ чего самъ является къ ней въ образѣ Аммона; сл. такую-же тройственность въ славянскихъ текстахъ: Амонъ, Финесъ (= Φιλογένης?), Еркурій (Ἀρκούτζης?). — Нектанебъ присутствуетъ при рожденіи Александра, καὶ ὅταν εἶδεν ὅτι ἐπλάτυνεν ἡ νύκτα καὶ ἐδυνάμωσεν τὸ γύρισμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τὰ στοιχεῖα τῆν γῆς, καὶ εἶπεν καὶ ἄφηκαν τὴν βασίλισσαν, καὶ ἐγέννησεν τὸ παιδί. Олимпіада несетъ ребенка, εἰς τὴν ἐκκλησίαν τὸν Δαφνιώνα τὸν Ἀπόλλωνα; ночью въ пророческомъ сновидѣніи жрецъ Аполлона видитъ славу, ожидающую ея сына.

Греч. нар. книга (стр. 10—14) обличаетъ въ соотвѣтствующемъ разсказѣ вліяніе Псевдокаллисѳена: Нектанебъ обѣщаетъ Олимпіадѣ, что она родитъ отъ бога Аммона, который явится ей ночью *во снѣ* и пребудетъ съ нею. Благодаря волховскимъ продѣлкамъ Нектанеба Олимпіада дѣйствительно видитъ бога, ὡσὰν ἕνα τράγον μεγαλοκέρατον, и на другое утро извѣщаетъ о томъ мага: ἀπόψε εἶδα τὸν θεὸν ἐκεῖνον εἰς τὸν ὕπνον μου, καὶ ἐπιθυμῶ πολλὰ νὰ μείνω μὲ αὐτόν. Нектанебъ обѣщаетъ это подъ условіемъ, что онъ самъ останется во дворцѣ διὰ νὰ κάμω συντροφίαν τοῦ θεοῦ τοῦ Ἄμμωνος. Нарядившись въ шкуру и съ рогами козла, онъ каждую ночь посѣщаетъ Олимпіаду, которая, зачавъ отъ воображаемаго Аммона, боится тѣмъ не менѣе, что скажетъ на это Филиппъ. Нектанебъ обѣщается все уладить. — Въ отличіе отъ вѣнскаго текста и славянскихъ пересказовъ, и опять же въ распорядкѣ Псевдокаллисѳена, греч. нар. книга заставляетъ Александра родиться уже по возвращеніи Филиппа, котораго Нектанебъ напередъ приготовилъ своими чарами къ увѣренности, что сынъ, зачатый въ его отсутствіи, дѣйствительно божественнаго происхожденія. О рожденіи чудеснаго ребенка лишь разсказывается, что оно сопровождалось знаменіями грозы, бури и вихря (р. 16).

Какъ уже сказано выше, этотъ распорядокъ греч. нар. книги поддерживается Псевдокаллисѳеномъ, гдѣ рожденіе Александра также совершается по возвращеніи Филиппа. Выберемъ изъ

текстовъ Псевдокаллисөена соотвѣтствія съ пересказанными выше эпизодами. Наказъ Филиппа неплодной Олимпіадѣ является лишь въ C, I, гл. 4: Τοῦ οὖν Φιλίππου βασιλέως ἀτέκνου μετὰ τῆς Ὀλυμπιάδος τυγχάνοντος, καὶ μέλλων χρονίαν ἀποδημίαν ποιήσασθαι ἐν πολέμῳ, προσκαλεσάμενος τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα Ὀλυμπιάδα καὶ γενόμενος μετ' αὐτῆς, ἔφη· «ὦ γύναι, τοῦτο γίνωσκε, ὅτι ἐὰν μή μοι τέξῃς τέκνον, ἐπανιόντος μου ἐκ τοῦ πολέμου, οὐκ ἔτι τοῖς κόλποις μου προσπελάσεις». Διαφαυσάσης οὖν τῆς ἡμέρας, ἤρχετο ὁ Φίλιππος ἐπὶ τὸν πόλεμον σὺν παντὶ τῷ στρατῷ αὐτοῦ. Служанка докладываетъ опечаленной Олимпіадѣ о Нектанебѣ, за которымъ она и посылаетъ. Слѣдующая во всѣхъ рецензіяхъ Псевдокаллисөена сцена, въ которой Нектанебъ гадаетъ по своей астрологической табличкѣ о судьбѣ (γένεσιν) Олимпіады, не находитъ себѣ соотвѣтствія въ данномъ эпизодѣ нашихъ текстовъ; мы встрѣтимъ его позже. — Далѣе говорится (согласно съ греч. нар. книгой) о сновидѣніи Олимпіады, будто Аммонъ сочетается съ нею (Pseudocal. C, I, гл. 5); она желаетъ видѣть его на яву, и Нектанебъ обѣщаетъ ей это подъ условіемъ, чтобъ ему отведенъ былъ покой во дворцѣ (l. c. гл. 6) и самъ является къ ней въ видѣ бога Аммона: ἡτοίμασεν ἑαυτῷ πόκον κριοῦ ἁπαλώτατον σὺν τοῖς κέρασι τῶν κροτάφων αὐτοῦ, καὶ ταῦτα χρυσῷ παραπλήσια, καὶ σκῆπτρον ἐβέλινον, καὶ ἱμάτιον λευκόν, καὶ τρίβωνα καθαρώτατον κατέχων τῇ χειρὶ αὐτοῦ δρακοντιοῦντα (sic). Соединившись съ Олимпіадой онъ пророчитъ ей: Διάμεινον, γύναι, κατὰ γαστρὸς ἔχεις ἄρρενα παῖδα ἔκδικόν σου γινόμενον καὶ πάσης τῆς οἰκουμένης κοσμοκράτορα βασιλέα. — Олимпіада сообщаетъ Нектанебу о посѣщеніи Аммона; она жаждетъ его посѣщеній и соглашается на требованія мага: παράσχου μοι τὸν τόπον ταῦτον εἰς τὸ κοιμᾶσθαι ἀπαρενόχλητον, ἵνα τὸν συνήθη αὐτῷ καθαρισμὸν ποιήσω, καὶ ἐλεύσεται πρός σε, ὅταν βούλῃ. Олимпіаду, безпокоющуюся о томъ, какъ отнесется мужъ къ ея беременности, онъ успокоиваетъ будущей помощью Аммона (l. c. C, I, гл. 7). — Рожденіе Александра отнесено, какъ мы сказали, ко времени по возвращеніи Филиппа, именно къ 12-й главѣ: когда настало время рожденія, Нектанебъ,

καταμετρήσας τοὺς οὐρανίους δρόμους ἐψυχαγώγει αὐτὴν τοῦ μὴ σπεῦσαι ἐπὶ τῷ τοκετῷ, καὶ συγκλονήσας τὰ κοσμικὰ στοιχεῖα τῇ μαγικῇ τέχνῃ χρώμενος ἐμάνθανε τὰ ἐνεστῶτα καὶ λέγει αὐτῇ· Γύναι, ἐπίσχες σαυτὴν, ἐὰν γὰρ νῦν ἀποκυήσῃς, ὑπόδουλον καὶ αἰχμάλωτον τέξεις ἢ μέγαν τέρας. И во второй разъ онъ велитъ ей мужаться: Καρτέρησον, ἔφη, ὀλίγον, γύναι· ἐὰν γὰρ νῦν ἀποκυήσῃς, γάλλος ἔσται καὶ ἀπρόκοπος ὁ γεννώμενος.... Πάλιν οὖν κατανοήσας τοὺς οὐρανίους δρόμους τῶν κοσμικῶν στοιχείων ἐπέγνω τὸν σύμπαντα κόσμον μεσουρανοῦντα, καὶ λαμπηδόνα τινὰ ἐξ οὐρανοῦ ἐθεάσατο ὡς τοῦ ἡλίου μεσουρανοῦντος, καὶ ἔφη πρὸς τὴν Ὀλυμπιάδα· «Δίδου νῦν πρὸς γέννησιν φωνήν». Καὶ αὐτὸς δὲ ἐπένευσεν αὐτῆς τὸν τοκετὸν, καὶ εἶπεν αὐτῇ· «Βασιλέα ἄρτι τέξεις κοσμοκράτορα». При рожденіи Александра былъ такой громъ и молнія, ὥστε τὸν σύμπαντα κόσμον κινεῖσθαι (сл. нар. греч. книгу).

Возвратимся къ послѣдовательности славянскихъ и вѣнскаго текстовъ: Александръ родится, когда Филиппъ былъ еще на войнѣ и извѣстился о рожденіи сына — явленіемъ во снѣ бога Аммона (въ одномъ варьянтѣ, Jag. стр. 225 прим: Еремиꙗ прѡрꙋкь), въ образѣ льва, съ золотыми рогами; онъ несетъ Александра и вѣщаетъ царю: «радоуи се и весели се, цароу Филппе, ꙗко соупостати своѥ побѣди, сына родивь Алексен'дра, велика и нарочита цара». Филиппъ разспрашиваетъ объ этомъ видѣніи македонскихъ философовъ, Менандра и Аристотеля, когда орелъ, пролетѣвъ сквозь шатеръ царевъ, опустилъ на Филиппа яйцо. Тотъ вскочилъ съ одра, яйцо разбилось упавъ на землю, и изъ него вылезла змѣя, которая, обойдя его и желая снова пробраться въ отверстіе, издохла у входа въ него. Истинный сонъ видѣлъ ты въ эту ночь, говоритъ царю Аристотель, тогда какъ вѣстники Олимпіады приносятъ вѣсть о рожденіи сына. Филиппъ спѣшитъ домой (въ градь Филипоусть, Филипус) и любуется наслѣдникомъ («вьторыи прѣкрасныи Іосіфѣ, вьторыи храбре Ацилешоу»), котораго отдаетъ на руки Аристотелю: пусть научитъ его философской премудрости и «омирскимъ писменамъ» (Нов. I, гл. 7—8 = Jag. l. c., p. 225—6).

Въ W, стр. 7—8 этому эпизоду отвѣчаетъ: явленіе во снѣ бога Аммона съ Александромъ на рукахъ; Филиппъ обращается за толкованіемъ къ одному Аристотелю; слѣдуютъ подробности объ орлѣ, роняющемъ яйцо на плечо Филиппа (слав. т.: на крило), яйцѣ и змѣѣ и — пришествіеословъ отъ Олимпіады; Александра Филиппъ находитъ ἔμορφον ὡσὰν τὸν Ἰωσὴφ τὸν πάγκαλον.—Греч. нар. книга (р. 14—16) опускаетъ разсказъ объ орлѣ, находящійся уже у Псевдокаллисѳена, но въ остальномъ ближе къ нему: Ἐπῆγεν ὁ Νεκτεναβὸς, καὶ ἐπῆρεν ἕνα πουλίον λεγόμενον κουκουβάγια, καὶ ἔκαμε μὲ αὐτὸ ταῖς μαγίαις του, διὰ νὰ ἰδῇ ἐνύπνιον ὁ Φίλιππος τὴν ἐγγαστρίαν τῆς Ὀλυμπιάδος. Во снѣ онъ увидѣлъ Аммона съ Олимпіадой, который говорилъ ей, что она родитъ сына, будущаго властителя міра. Спрошенный Филиппомъ, какой-то магъ объясняетъ ему, что боги взыскали его жену за ея красоту. Въ этомъ смыслѣ Филиппъ успокоиваетъ смущенную Олимпіаду: вѣдь боги μᾶς κάνουν ὅ τι θέλουν; но въ немъ еще осталось сомнѣніе и онъ хочетъ допросить жену. Узнавъ о томъ, Нектанебъ принимаетъ образъ, уже встрѣтившійся намъ въ славянскихъ пересказахъ (Нов. I, гл. 5): ἦτον τὸ κεφάλι του ὡσὰν ἀετοῦ, τὰ πτερά του ὡσὰν τοῦ βασιλίσκου, οἱ πόδες του ὡσὰν τοῦ πάρδου. На виду у всѣхъ онъ ἐπῆγε νὰ ἀγκαλιάσῃ τὴν Ὀλυμπιάδα, καὶ τὴν ἐφίλησε, καὶ ἔπειτα, μεταμορφωθεὶς εἰς εἶδος γερακίου, ἐπέταξεν. На вопросъ испуганнаго царя Олимпіада отвѣчаетъ, что это — Аммонъ, и Филиппъ успокоивается.

Греч. нар. книга, очевидно, понимаетъ дѣло такъ, что Нектанебъ творитъ какія-то чары надъ κουκουβάγια (сова), чтобы вызвать во снѣ Филиппа видѣніе Аммона. У Pseudocall. C, I, гл. 8 Нектанебъ λαβὼν θαλάσσιον .... ἱέρακα, τοῦτον ἐμάγευσεν, καὶ ὅσα ἐβούλετο εἰπεῖν τὸν ἱέρακα ἐν ὀνείροις τῷ Φιλίππῳ, ὁ ἱέραξ ἔλεγεν αὐτῷ, μαγικαῖς κακοτεχνίαις παρασκευάσας αὐτὸν ἵπτασθαι, καὶ ἐλάλησε τῷ Φιλίππῳ ἐν ὀνείρῳ, καθὼς προσετάχθη παρὰ τοῦ Νεκτεναβῶ.—Птица какъ-бы наговариваетъ сновидѣніе; ἱέραξ — священная птица Аммона — и Филиппу дѣйствительно видится во снѣ Аммонъ, соединяющійся съ его женою и вѣщающій:

Γύναι, συνέλαβες παῖδα ἄρρενα, ὃς καὶ θάνατον τοῦ πατρὸς ἐκδικήσει. Снотолкователи объясняютъ это видѣніе въ томъ смыслѣ, что Олимпіада зачала отъ Аммона, послѣ чего Филиппъ, вернувшись, утѣшаетъ жену: она не виновна, εἰς πάντα γὰρ δυνάμεθα οἱ βασιλεῖς, πρὸς δὲ τοὺς θεοὺς οὐ δυνάμεθα (C, I, 9). Черезъ нѣсколько дней онъ однако снова выражаетъ подозрѣніе и обѣщаетъ наказать любовника; тогда Нектанебъ прибѣгаетъ къ чарамъ, явившись въ образѣ дракона, увивающагося вокругъ Олимпіады, лобзающаго её и исчезающаго въ образѣ орла. Филиппъ увѣровалъ въ присутствіе божества: ἔδειξε δὲ ἡμῖν καὶ θεοῦ Ἄμμωνος μορφὴν καὶ Ἀπόλλωνος καὶ Ἀσκληπιοῦ (C, I, 10) [1]. Уже за тѣмъ (C, I, 11) слѣдуетъ чудо съ птицей, снесшей яйцо на лонѣ царя, и вышедшемъ изъ яйца μικρὸν δρακόντιον. Чудо передается въ знакомыхъ намъ чертахъ; толкователь знаменія (въ редакціи A: Антифонтъ) даетъ ему тоже толкованіе: «Βασιλεῦ, ἔσται σου υἱός, ὃς περιελεύσεται ὅλον τὸν κόσμον πάντας τῇ ἰδίᾳ δυνάμει ὑποτάσσων, ὑποστρέφων δὲ εἰς τὰ ἴδια βασίλεια ὀλιγοχρόνιος τελευτήσει. ὁ γὰρ δράκων βασιλικὸν ζῶόν ἐστι· τὸ δὲ ὠὸν παραπλήσιον τῷ κόσμῳ, ὅθεν ὁ δράκων ἐξῆλθεν. Κυκλεύσας οὖν τὸν κόσμον καὶ βουλόμενος ὅθεν ἐξῆλθεν εἰσελθεῖν οὐκ ἔφθασεν, ἀλλ' ἐτελεύτησεν.

Переходя къ обученію Александра славянскіе тексты разсказываютъ, что въ одинъ годъ онъ изучилъ у Аристотеля Иліаду и Одиссею, и «Органь великыи за годиноу наоучи». За это ненавидятъ его сверстники и говорятъ ему: «ꙗко аще бы кь Нехтенавоу влъх'воу шьль, о Алексен'дре, онь те би наоучиль небеснааго кроуга хождению и часовниѥ хытрости и прѣстоупаниѥ (вар. небеснаго кроуга хождению, и часовь лоунних и стихие прѣстоупаниѥ; и часовьных и стихиѥ прѣстоупаниѥ; небеснога круга хотение и часове луне; небесьнаго кроуга хождению и часовь лоуньних и стихие прѣстоупаниѥ и др.). Александръ говоритъ о томъ матери, которая, призвавъ Нектанеба, поручаетъ ему сына. Нектанебъ научаетъ его египетской и «вирги-

---

[1]) Сл. выше, стр. 143 и 144—5, сказанное о трипостасномъ Аммонѣ.

лійской» хитрости [1]); Филиппъ не нарадуется. — Однажды Аристотель «.р. (вар. .д. ста) дѣтіи сьбра, соуврьстьныхь Алексен'дроу, хотеи испитати нарокь кго, и прѣдь кдинѣми Алексен'дра постави воеводоу, прѣдь дроузема же Потоломѣа нѣкоего юношоу сына Ар'факсадова воквoдѣ Филипова, и сихь нареди бити се вь сьньгрите Филипове (вар. у двору Филипову). Дѣти же вьзьм'ше стапи, ими же рать творахоу; кгоже крьвав'лıахоу, ть ıако побѣждень изь боıа исхождааше. Алексен'дроу же паче вьсѣхь прѣспѣвающтоу соупротив'ныимь одолѣ, и оть всѣхь дѣтіи ıако царь прослав'лкнь бысть; и зрѣше чюд'ныи Аристотель, дидаскаль кго, и див'лıаше се глаголк: благочьстивомоу моужоу и бози и врази помагають, и злочьстивомоу ни присни кго помагають. Кь нкмоу же рече Аристоѳель: Фер'нире (вар. ѳренире) Алексен'дре, аште царь на земли наречеши се, ч'то добро дидаскалоу сьтвориши? Вьз'глагола же кь нкмоу Алексен'дрь: Велѣоумноу моужоу не подобакть прѣжде даніа обѣштавати, нь аште азь вьзнесоу се, и ты сь мною великь боудеши зѣло; лоза бо не прилѣп'лıакть се дал'ныхь дрѣвѣхь аште и висока соуть, нь ближнимь, аште и мала соуть. Тако и царь великык оубо чтеть по достоıанию, прис'ник же свок любить векк».

У Александра былъ обычай ходить до обѣда къ Аристотелю, вечеромъ-же къ Нектанебу, отъ котораго онъ научился «хожденіа небесноа, .ві. живот'ныихь небесних и .з. планить.... сиıа же на кседесь (вар. кеньдосе; дьсце; таблици) оуписан'на бѣхоу по подобію». Названія планетъ испорчены; вотъ варіанты: «*сльноу*, лоуноу *и лоуноу*, *извьсто акиноcь*, *сикроноcь*, *афродитикрь* идол'ноумь *ира*»; «*сльнца* же и *лоуноу*, *завесть и акин'тисть*, *кроность*, *арись*, *афоровить*, *ер'мись*, *ира*»; «*и завесть и акінѳисть*, *кронось*, *арись* (ркп. дрись), *афровись*, *ермись*, *ира*»; «*иакинство кроносу*, *арис*, *ирепoвид*, *иремис*». Разумѣется такая-же таблица, πιναχίδιον, съ астрологическими знаками, по какой

[1]) О значеніи этого термина сл. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. II, 437—81: Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš dyak und ihre Erklärung: сл. особенно стр. 466 и дополнительное примѣчаніе на стр. 743.

у Pseudocall. C, I, гл. 4 Нектанебъ волхвуетъ Олимпіадѣ: ἔχον δὲ αστέρας ἑπτὰ καὶ ὡροσκόπον, ἥλιον καὶ σελήνην· καὶ ὁ μὲν ἥλιος κρυστάλλινος, ἡ δὲ σελήνη ἀδαμαντίνη, ὁ δὲ λεγόμενος Ζεὺς ἀέρινος, ὁ δὲ Κρόνος ὀφίτης, ἡ δε Ἀφροδίτη σαπφείρινος, ὁ δὲ Ἑρμῆς σμαράγδινος. У Юлія Валерія перечень такой: Зевсъ, Солнце, Луна, *Марсъ*, Меркурій, Венера, Сатурнъ. Я не сомнѣваюсь, что въ основѣ непонятнаго: *извѣсто акиносъ*, завесть и акинтисть, завесть и акїнѳисть лежитъ что-нибудь въ родѣ Ζεὺς ἀέρινος (Pseudocall. l. c., A и L: τὸν Δία αἰθερίτου λίθου) вм. ὑακίνθινος; что, можетъ быть, нѣкоторыя изъ странныхъ именъ не что иное, какъ искаженіе эпитетовъ; арись, арис могло стоять вм. Аресъ = Марсъ Юлія Валерія. Сл. W, стр. 9: ἀπ' αυτὸν (т. е. Нектанева) ἔμαθεν (Александръ) τῶν τρεχομένων ζώδιων τοῦ οὐρανοῦ ἐπὶ τὰς ζώνας καὶ τὰς καμάρας καὶ τοὺς ἑπτὰ πλανήτας ἀρχή· Κρόνος, Ἄρης, Ἀφροδίτης, Ἕρμης, Ἥρα, Δίας, Ἥλιος. Καὶ ἔγραψεν εἰς σκέδον (сл. слав. т.: кседесь). — Въ греч. нар. кн. стр. 17 этихъ подробностей нѣтъ. Сл. Cosmas Hierosol. Ad Carm. S. Gregorii Theol., о зодіакѣ: ἄλλοι δὲ ζώνας ὀνομάζοντες τοὺς ἕπτα οὕτως ἀριθμοῦνται· Κρόνος, Ζεύς, Ἥλιος, Ἄρης, Ἀφροδίτη, Ἑρμης, Σελήνη [1]), и славянскую статью «о небеси»: «есть же на семъ долнемъ небеси *Лѫна*, и на вторѣмъ по сеи *Ермисъ*, на третіемъ есть *Афродитъ*, на четврътомъ небеси *Слънце*, на пѧтомъ *Арисъ*, на шестомъ *Зевсъ*, на седмомъ *Кронъ*» [2]).

Однажды Александръ спросилъ Нектанеба: «Възвѣсти ми, оучителю, како великаго божіаго промисла тваремь знахорь ѥси, и како обьꙗвиши сиѥ чловѣкомь земльнымь? Онь-же кь нѥмоу рече: Божіи великыи недовѣдомыи и непостижими промысль сы недовѣдомо како мнѣ бысть, ими же соуд҆бами вѣсть чловѣчьскомоу обьꙗви родоу, ꙗко да сьдѣтель оть твари своеи познаѥть се».—

[1]) Migne Patrol. gr. t. 38 p. 461—462; въ Hist. de prel. Нектанебъ говоритъ Александру, что звѣзды Herculis, Mercurii и Jovis вѣщаютъ ему близкую смерть. Сл. Zingerle, стр. 139.

[2]) Пам. старинн. русск. литер. III, стр. 156.

А знаешь-ли ты, какая будетъ тебѣ смерть? — Нектанебъ говоритъ, что онъ будетъ убитъ своимъ собственнымъ сыномъ; въ опроверженіе его словъ, Александръ свергаетъ его «сь високаго регетоньскаго (вар. реготоского) камене близь судишта царьскаго» (W, стр. 10: ἀπὸ τὸ σπήλαιον .... ἔμπροσθεν τὴν βασιλικὴν κρίσιν; греч. нар. кн. стр. 18: ἀπὸ τὸν πύργον). Умирая, Нектанебъ открываетъ ему, что онъ и есть его сынъ; о томъ знаетъ одна Олимпіада; «азь-же, сыноу мои Алексен'дре, отхождоу вь адь вь нижныхь, идѣже прѣдани соуть вьси елин'сціи богы оть великаго Саваоть-бога». Тѣло убитаго Александръ приноситъ къ матери, которая всё разсказала ему по истинѣ.

Между тѣмъ къ Филиппу является начальникъ его конюховъ и говоритъ: «да знашь, цароу, ѩко вь *лакиміахь* (вар. свирепицах; Кир. Бѣл. стадехъ; W, стр. 10: εἰς τὴν λακινίαν σου; греч. нар. кн. стр. 19: εἰς τὴν λακινίαν της βασιλείας του) твоихь конь чюд'нъ роди се, чюднеи оть всѣхь конь: волоуѩ глава на десной бѣдри (и?) розы сь (вар. за, междоу) оушима злати ѩвили се бише». — Сл. W, стр. 10: «ἔχει εἰς τὴν δεξίαν του μερίαν εἰς το μερὶ βουκέφαλον μὲ κέρατα καὶ μὲ αὐτία ἕναν πήχαν»; «ἐθάυμασαν.... τὸ σημεῖον εἰς τὸ μερὶ»; греч. нар. кн. стр. 19: μὲ ἕνα σημάδι εἰς τὸ δεξιόν του ποδάρι, ἔχοντας τὸ κεφάλι εἰς εἶδος βοϊδιοῦ, μὲ κέρατα μεγάλα ἕως μίαν πήχην; сл. Hist. de prel. Zing. 140: dicebatur Bucefalas propter aspectus torvitatem seu ab insignis, quod taurinum caput in armo habebat ustum, seu quod de fronte eius quedam mine corniculorum protuberabant. — Когда привели чудеснаго коня (въ надписаніи главы онъ названъ «доучипаломъ»), царь велитъ сдѣлать ему «гвоздяную конюшню»; передъ нимъ метали осужденныхъ на смерть, и никто не смѣлъ приступиться къ нему кромѣ Александра, завидѣвъ котораго онъ «отметаше ѩрость, тихо хрепеташе кь нѥмоу, повиновеніѥ кь цароу своѥмоу показоуѥ. Ѥдиною же Алексен'дрь за оухо ѥго похвати прозоромь, онь-же сь тихостію послѣдоваше ѥмоу, ѩко юньць ѩр'мникь. И се повиновеніѥ конѩ Алексен'дрь видѣвь, ключе оть клети вьз'мь, кь коню вьниде и сего осѣдлавь, вьсѣде на нь и на кон'ско оуристованиѥ

поиде». Филиппъ, смотрѣвшій тогда изъ своей палаты на ристаніе македонскихъ витязей, дивится сыну; витязи, спѣшившись, поклонились ему какъ царю. Александръ всѣхъ опередилъ и едва остановилъ «твердоустаго» коня «на четирехь звѣровид'нихь (вар. на честихь изворехь, чьстьнихь изворихь, честими извори), градь же сьзда тоу и нарече име ѥмоу Драмь, по срьб'скомь ѥзыкоу Потечиште» (W, стр. 11: βρύσαις ἡ πολλαῖς.... Δρομὴ Καλή). Филиппъ предвидитъ будущія побѣды Александра: «О горе приближающтіимь се макѥдониискымь прѣдѣломь, ѩко вь острьі мьчь Алексен'дровь падоуть и кон'ми макѥдоніискыми попран'ни боудоуть. И кь Македонѩномь посмеѩвь се рече: ѩко вь подоби Ираклiа витеза теталиского видехь Александра дьньсь моего, текоушта на вологлавомь коноу». Онъ даетъ ему тысячу сверстниковъ, чтобы вмѣстѣ съ ними упражняться въ охотѣ и воинскомъ дѣлѣ.

Содержанію приведенныхъ главъ (Нов. I, гл. 8—10, Jag. l. c., p. 226—230) отвѣчаетъ W, стр. 8—11, за вычетомъ одного эпизода, очевидно опущеннаго, хотя на него я не указалъ въ моемъ оттискѣ текста: пропускъ приходится на стр. 8, строкѣ 10—11-й сверху: καὶ ὁ βασιλεὺς — ἔμασεν, отвѣчая Нов. стр. 10, строка 6 сверху (*царь* Филипь *призва*), до стр. 11, строка 9 сверху (Аристотель.... *собра*). Такимъ образомъ мы не знаемъ, что отвѣчало въ W «вергилійской мудрости» Нов. стр. 11; Птолемея (въ описаніи военныхъ игръ) нѣтъ; на нѣкоторыя частныя согласія обоихъ текстовъ указано было выше.— Греч. нар. кн. стр. 16—21 разсказываетъ, что четырехълѣтній Александръ отданъ былъ въ обученіе Аристотелю (грамматикѣ, риторикѣ, философіи); сверстники завидуютъ ему; онъ самъ просится у матери пойти въ науку къ Нектанебу (τὰ ἀστρονομικὰ καὶ μαγικά); ἀπὸ δὲ τὸ ταχὺ ἕως τὸ γεῦμα ἐπήγαινεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸν Ἀριστοτέλη, καὶ ἐσπούδαζε, καὶ ἀπὸ τὸ γεῦμα ἕως τὸ βράδυ πάλιν ἐπήγαινεν εἰς τὸν πονηρὸν Νεκτεναβόν. Слѣдуетъ разсказъ о военной игрѣ мальчиковъ, устроенной Аристотелемъ: однимъ отрядомъ предводительствовалъ Александръ, другимъ Птолемей.

Александръ всегда побѣждаетъ, а Аристотель спрашиваетъ: Ἀλέξανδρε, ἀνίσως γένῃς βασιλεὺς, καὶ ὁρίσῃς τὸν κόσμον ὅλον, τί καλὸν θέλεις τοῦ κάμῃ; Ὁ Ἀλέξανδρος ἀπεκρίθη καὶ τοῦ εἶπε· Διδάσκαλε, ἀνίσως γένῃ αὐτὸ ὁποῦ λέγεις, καὶ γίνω Αὐτοκράτωρ τοῦ κόσμου ὅλου, ἐσένα θέλω σὲ κάμῃ μέγαν ἄνθρωπον, νὰ εἶσαι πάντα μετ' ἐμένα. Καὶ ὁ Ἀριστοτέλης τοῦ εἶπε· Χαῖρε λοιπὸν, Ἀλέξανδρε Αὐτοκράτωρ, ὅτι εἰς ἐσένα θέλει ἔλθῃ τὸ βασίλειον νὰ ἐξουσιάσῃς ὅλον τὸν κόσμον.—Нектанебъ поучаетъ Александра распознавать звѣзды; астрологической таблицы нѣтъ: Александръ спрашиваетъ волхва, знаетъ-ли онъ, какая ему приключится смерть; получивъ извѣстный намъ отвѣтъ, сбрасываетъ его съ башни и узнаетъ отъ него и отъ матери тайну своего рожденія. — Тогда Филиппу приносятъ вѣсть о Вукефалѣ; Филиппъ дивится ему и велитъ запереть εἰς ἕνα σταῦλον ξεχωριστὸν, гдѣ никто не осмѣливается подойти къ нему; но къ Александру онъ ласкается и лижетъ ему руки. Ὁ Φίλιππος εἶχε συνήθειαν, καὶ μίαν φορὰν τὴν ἑβδομάδα ἔδιδε θέλημα νὰ κάμουν ἱπποδρόμιον οἱ ἄρχοντές του μὲ τοὺς πρώτους καβαλαραίους του, καὶ τρέχοντας τὰ ἄλογα, αὐτὸς ἐκάθητο καὶ τοὺς ἐκύτταζεν. Когда Александръ выѣхалъ на ипподромъ на Вукефалѣ, всѣ поклонились ему, какъ царскому сыну. Слѣдующая за тѣмъ подробность сложилась, быть можетъ, подъ вліяніемъ эпизода объ «олимпійскихъ играхъ», въ которомъ Гефестіонъ Псевдокаллисѳена, какъ спутникъ Александра, уступилъ мѣсто Птолемею во всѣхъ отраженіяхъ разбираемаго нами текста. Александръ проситъ Птоломея διὰ νὰ τρέξουν μαζὴ, и опереживаетъ его ἕως ἑνὸς τόξου βόλι, καὶ ὅλοι ἐθαύμασαν, διατὶ ὁ Πτολεμαῖος ἦτον ὁ πρῶτος εἰς τὸ τρέξιμον. Филиппъ радуется и говоритъ: Οὐρανὲ, ἥλιε καὶ σελήνη, σήμερον νὰ ἠξεύρετε, ὅτι τὸ σπαθὶ τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ τοὺς Μακεδόνας θέλουν συντρίψει τὰ σπαθία ὅλα τοῦ κόσμου. Онъ даетъ Александру сверстниковъ, съ которыми тотъ предается военнымъ упражненіямъ.

Весь этотъ отдѣлъ «о юности Александра» представляется въ значительно иномъ видѣ, чѣмъ у Псевдокаллисѳена. Филиппъ не хотѣлъ было воспитать Александра, ибо онъ не его сынъ,

но рѣшается на это, такъ какъ онъ божественнаго рода — и въ память покойнаго своего сына отъ первой жены. Описывается наружность Александра, перечисляются учителя: между прочимъ, учитель грамматики Полиникъ, реторики Анаксименъ, философіи Аристотель. Александръ не только самъ обучаетъ своихъ сверстниковъ, но, собравъ, упражняетъ ихъ въ военныхъ играхъ; ὁπότε δὲ ἑωράκει μέρος ἡττώμενον ὑπὸ τοῦ ἑτέρου, εἰς τὸ ἡττώμενον μέρος μετέβαινε, καὶ ἐβοήθει καὶ πάλιν ἐνίκα, ὡς φανερὸν ἦν ὅτι αὐτὸς ἡ νίκη. Въ это время приводятъ къ Филиппу «ἐκ τῶν ἱπποφορβίων αὐτοῦ», чудеснаго коня человѣкоядца; θεασάμενος δὲ αὐτοῦ τὸ μέγεθος Φίλιππος ὁ βασιλεύς, καὶ ὅτι βοὸς κεφαλὴν ἔχει ἐκτετυπωμένην ἐν τῷ δεξιῷ μηρῷ καὶ κέρας ἐν τῇ κεφαλῇ, ἐθαύμασε. Онъ велитъ его запереть въ σιδηροῦν κάγκελλον и бросать ему преступниковъ (Pseudocall. C, I, гл. 13). Редакція A говоритъ, что Вукефала привели οἱ τῆς Καππαδοκίας ἄρχοντες; Hist. de Prel. quidam principes Capadoces, или princeps Capadocie [1]). О знаменіяхъ коня говоритъ ред. C еще I, гл. 15, на этотъ разъ согласно съ A и B.

Тогда какъ сербская Александрія, W, нар. греч. кн. и, согласно съ ними, Hist. de prel. (Zingerle, стр. 138 слѣд.) разсказываютъ о Вукефалѣ уже по смерти Нектанеба, Псевдокаллисѳенъ C, I, гл. 14, помѣщаетъ её между приводомъ чудеснаго коня и первымъ выѣздомъ на немъ Александра. Филиппъ радуется успѣхамъ юнаго героя, но сѣтуетъ, что онъ не похожъ на него. Обезпокоенная этимъ Олимпіада проситъ Нектанеба прочесть въ звѣздахъ, что имѣетъ противъ нея Филиппъ; присутствовавшій при томъ Александръ спрашиваетъ, можетъ-ли и онъ это сдѣлать. Нектанебъ обѣщаетъ научить его и вечеромъ идетъ съ нимъ въ пустынное мѣсто за городомъ, гдѣ Александръ свергаетъ его съ стремнины: твоя вина, говоритъ онъ ему, что стремясь познать небо, ты не зналъ, что совершится на землѣ. Но онъ зналъ это, потому что ему вѣдома была смерть отъ руки

---

1) Kinzel, Zwei Recensionen, стр. 9; Zingerle, l. c. стр. 140.

сына. Онъ открываетъ Александру, что онъ отецъ его, и мать подтверждаетъ это, когда Александръ принесъ ей трупъ убитаго. — Филиппъ спрашиваетъ Дельфійскій оракулъ, кто будетъ послѣ него царемъ; отвѣтъ: тотъ, кто проѣдется по городу верхомъ на Вукефалѣ (С, I, гл. 15). — Аристотель обращается къ своимъ ученикамъ, между которыми были и царскія дѣти, съ вопросомъ: что они сдѣлаютъ для него, когда воцарятся; отвѣтъ Александра близокъ по содержанію къ такому-же отвѣту въ сербской Александріи: περὶ τῶν μελλόντων μοι πραγμάτων ἄρτι μὴ πυνθάνῃ τῆς αὔριον ἐνέχυρον μὴ ἔχων, τότε δώσω σοι τοῦ καιροῦ καὶ τῆς ὥρας ἐλευσομένης. Нар. греч. кн., можетъ быть перенесла на Александра, одну изъ общихъ отповѣдей (Аристотелю) Александровыхъ сверстниковъ: «ἔσῃ παρ' ἐμοὶ συνδίαιτος καὶ ἔνδοξόν σε παρὰ πάντας ποιήσω»; «διοικητὴν σε ποιήσω, καὶ τῶν ὑπ' ἐμοῦ κρινομένων πάντων σύμβουλόν σε καταστήσω» (l. c., гл. 16). Одинъ изъ этихъ отвѣтовъ, равно какъ и предъидущій, могли находиться въ первоисточникѣ нашего текста — если нар. греч. кн. и здѣсь не подновлена изъ Псевдокаллисѳена. — Александру было пятьнадцать лѣтъ, когда проходя однажды мимо конюшни Вукефала, онъ слышитъ его страшное ржаніе; стратархъ Птолемей говоритъ ему, что тутъ запертъ конь человѣкоядецъ. Услышавъ голосъ Александра онъ ласково заржалъ, и когда тотъ подошелъ къ клѣткѣ, палъ на переднія ноги и вытянулъ языкъ (какъ бы готовясь облобызать своего господина). Отстранивъ сторожей, Александръ входитъ къ Вукефалу, кругомъ котораго лежали остатки пожранныхъ имъ людей, и вскочивъ на него, ѣдетъ по Пеллѣ. Когда докладываютъ о томъ Филиппу онъ восклицаетъ: Χαίροις, Ἀλέξανδρε κοσμοκράτορ (l. c. гл. 17).

Продолжая наше сравненіе текстовъ мы пришли къ разсказу объ олимпійскомъ состязаніи Александра.

«Въ олимбискихь-же странахь двѣ коле сьтворене бѣхоу близоу соуштихь Дафенеона Аполона, а на техь же колехь вьсходеште витези оть землк хитростию елиньскою некоеею оухиштреник, кобь себе и нарокь питахоу, .д. вь коупе и осьмь тор-

наюштимь се». Александръ хочетъ туда отправиться; Филиппъ сначала останавливаетъ пятьнадцатилѣтняго юношу, но потомъ отправляетъ съ Птолемеемъ и другими витязями, снабдивъ его конями и всѣмъ, что подобало царевичу. Состязаніе представлено какимъ-то боемъ: «Тоу-же Александрь пришьдь сь неглиторьскима (Кир. Бѣл. сп.: еглиторьскима) витезома борити се вьроучи, Лаомедушемъ (вар. Лаомендушу) и Калистеноушемь, онь же сь воеводою своимь Потоломеемь. И тоу оубо заврьтевьшима се обема колома, четире се стекьше витези, оударивьшимь-же се имь, Александрь же Калестеноуша оуби, Потоломѣй же Лаомедоуша оурва». Всѣ дивятся красотѣ Александра, а нѣкій философъ Ураній говоритъ: «Моудрость и храбрость не многолѣтикмь почтен҆на ксть, нь тврьдими и добрими срьдци». Узнавъ отъ Александра, кто онъ, онъ продолжаетъ: «Слышахь оть оучителкй глаголюштихь, ꙗко вьстати имать оть Макꙗдонис оть Филипова града царь, и поразить вьсе к҆незе западник и ськроушить в҆се царе вьсточ҆ныѥ, да аште ты ѥси, Алексен҆дре, милостивь боуди градоу нашемоу. — О сихь же Алексен҆дрь насмиꙗвь се рече: Не моимъ промышленикмь, о философе, нь вышнꙗаго промысла произволꙗюштоу и дѣюштоу» (Нов. I, гл. 11—12 = Jag. l. c., p. 230—1).

Въ вѣнскомъ текстѣ (W, стр. 11—13) Александръ идетъ въ Олимпію («νὰ κυνηγοῦν εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα», «εἰς τὸ νησὶν τῆς Ὀλυμπιάδος») съ Птолемеемъ, состязается μὲ δύο ἀδελφοὺς ἀπὸ τὴν Ἐγκλητέραν .... τὸν Λαόνμετρον (далѣе Λαομετρούστην) καὶ τὸν Καλησ͂τερνούση; философъ не названъ, но лишь вслѣдствіе небольшаго пропуска, на который указано въ моемъ оттискѣ W, стр. 12 прим. 2. Отвѣчая философу Александръ говоритъ: ὦ φιλόσοφε, οὐδὲν μου φαίνεται ὅτι ἐγὼ εἶμαι, ἀμὴ ἀπὸ τὸν θεὸν ἡ χάρις καὶ ἡ ἐλεημοσύνη νὰ γένη. Греч. нар. кн. (р. 21—3) ничего не знаетъ о Лаомедонтѣ и Каллисѳенѣ и держится ближе къ Псевдокаллисѳену. Каждыя пять лѣтъ совершаютъ Эллины олимпійскія игры въ Мореѣ, куда со всѣхъ концевъ земли собирались цари, игемоны, архонты и всякіе люди: одни боролись

голые, другіе бѣгали въ запуски пѣшкомъ или верхомъ или на колесницахъ, тѣ метали камни и т. д. Побѣдителей награждали и ихъ слава распространялась повсюду. Отецъ снаряжаетъ туда Александра вмѣстѣ съ Птолемеемъ, καὶ μετ' ὀλίγον καιρὸν ἔφθασεν εἰς τὴν Ἐπαρχίαν τοῦ Γαστουνιοῦ [1]), εἰς χώραν λεγομένην Πήσσαν, εἰς τὴν ὁποίαν ἐγίνοντο οἱ Ὀλυμπιακοὶ Ἀγῶνες. Εἰς αὐτὴν ἦτον ἐκεῖνος ὁ θαυμαστὸς ναὸς τοῦ Ὀλυμπίου Διός. Здѣсь онъ встрѣчается съ сыномъ Дарія, Николаемъ, который не отвѣчаетъ на его поклонъ и выслушиваетъ отъ него такую рѣчь: ὄντως υἱὸς εἶσαι τοῦ ὑπερηφάνου Δαρείου, ὁποῦ ὀνομάζει τοῦ λόγου του θεόν· ὅμως τόσον ἐσὺ ὡσὰν καὶ αὐτὸς ἀπὸ τὴν πολλήν σας ὑπερηφάνειαν ὀγλίγωρα θέλετε πέσει κάτω. Онъ вызываетъ его на другой день на бой. Τὴν ἐρχομένην ἡμέραν εὐγῆκαν καὶ οἱ δύο καβαλλαραῖοι ὡσὰν δύο ἀετοὶ ἐπάνω εἰς τὰ ἄλογα, καὶ ἄρχισαν διὰ νὰ τρέχουν. Εἰς τὸ πρῶτον τρέξιμον μὲ ἐπιτηδειότητα ὁ Ἀλέξανδρος ἔκαμε καὶ ἐσκόνταψε τὸ ἄλογον τοῦ Νικολάου, ὁ ὁποῖος ἔπεσε κάτω νεκρός, διὰ τὸ νὰ τὸν ἐπλάκωσεν ἡ σέλα. Александра побѣдителя всѣ славятъ и величаютъ.

Pseudocall. C, I, гл. 18—19 даютъ-ли поводъ предположить, что въ прототипѣ греч. нар. книги, вѣнской рукописи и слав. текстовъ въ числѣ соперниковъ Александра находились и Николай — и Лаомедонтъ и Каллисѳенъ, только въ нѣсколько иной роли? Или и въ этомъ случаѣ отличія нар. греч. книги слѣдуетъ объяснить позднѣйшимъ подновленіемъ?

Однажды когда Александръ бесѣдовалъ съ своими сверстниками, зашла рѣчь о томъ ὡς ὅτε εἰς Πίσαν ἁρματηλατοῦσιν οἱ δοκιμώτεροι τῶν βασιλέων παῖδες, καὶ τῷ νικήσαντι ἆθλα διδοῦσιν ἀπὸ τοῦ Ὀλυμπίου Διός· ὃς δ' ἂν ἡττηθείς, παρὰ τῶν νικησάντων θανατοῦται. Пятнадцатилѣтній Александръ просится у отца и, снарядившись какъ слѣдуетъ, отправляется вмѣстѣ съ другомъ своимъ Гефестіономъ. Въ Пизѣ онъ встрѣчается съ Николаемъ,

---

[1]) Древнему округу Илиды, Пизатидѣ, соотвѣтствуетъ приблизительно новый округъ Гастуни. Нынѣшній городокъ Гастуни сѣвернѣе мѣстности, гдѣ былъ городъ Πίσα, и ближе къ морю.

сыномъ акарнанскаго царя Ардея (Ἀρδέου C, Ἀρείου B; въ Hist. de Preliis, Zingerle, l. c., p. 142: rex Arideorum, Aridorum; въ греч. нар. книгѣ — Дарія), сильнымъ и рослымъ, который, привѣтствуя Александра, называетъ его μειράκιον и не хочетъ вѣрить, чтобъ онъ явился сюда не простымъ зрителемъ, а борцемъ. Александръ, уличивъ его въ высокомѣріи, говоритъ, что хочетъ состязаться съ нимъ самимъ въ бѣгѣ на колесницахъ, и не только побѣдитъ его, но и убьетъ (C, I, гл. 18). Насталъ день ристанія: послѣ четвертаго круга нѣкоторые изъ состязающихся обезсилѣли; остаются Николай, Кимонъ; μετὰ δὲ τούτους Λαομέδων ὁ Λύβιος ἦν τέταρτος; третьимъ, стало быть, былъ Александръ? Народъ кричитъ Лаомедонту: Τί τὴν ψυχὴν συμπάσχεις, ὦ Λαόμεδον, καὶ σὺν μερακίῳ ἦλθες μαχέσασθαι; μὴ κατάνευε ἁρματηλατῶν». Ὁ δὲ Λαομέδων φησὶ πρὸς αὐτούς· «Ὑμεῖς οἱ τοῦ Ὀλυμπίου ἄπιτε ἀπ' ἐμοῦ· κἀγὼ παρὰ τοῦ μειρακίου ἐκδέχομαι στεφάνους ἐκ τοῦ μειλιχίου Διός». Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος φησὶ πρὸς αὐτόν· «Ναί, οὕτως ἔχει· ἀπὸ γὰρ τοῦδε τοῦ ἀγῶνος καὶ ἡ τοῦ πατρὸς πραγματεύεταί μου βασιλεία». Καὶ ταῦτα εἰπών, καὶ κρατήσας τῆς χειρὸς αὐτοῦ κατεφίλησεν αὐτόν, λέγων· Ἴδε καὶ νέος Οἰνόμαος. — Въ слѣдующемъ далѣе бѣгѣ Александръ выѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной четырьмя конями: съ правой руки Вукефалъ, съ лѣвой Пегасъ; ἐξῆλθον δὲ ἅμα Νικολάος καὶ Καλλισθένης μέσον τὸν Ἀλέξανδρον ἔχοντες, ὧδε κἀκεῖσε περισκοποῦντες τὸ πῶς αὐτὸν θανατώσουσιν.... Καὶ ὁ μὲν Καλλισθένης πλαγίως ἐκ δεξιῶν, ὄπισθεν δὲ αὐτοῦ ἦν Νικόλαος, οὐχ οὕτως ἔχων τὸ νικῆσαι ὡς τὸ ἀναιρῆσαι τὸν Ἀλέξανδρον· ἦν γὰρ ὁ πατὴρ τοῦ Νικολάου ὑπὸ Φιλίππου ἐν τῷ πολέμῳ ἀναιρεθεὶς ποτε. ὡς δὲ τὸν ἐπὶ τῇ σφενδόνῃ κατέλαβον τόπον, ἐνδίδωσι τὰς ἡνίας Ἀλέξανδρος· καὶ ὁ Βουκέφαλος περικυλίει τοὺς ἵππους καὶ τὸν μὲν Καλλισθένην περιδραμὼν τῇ σφενδόνῃ ἀπερρίψατο· τὸν δὲ Νικολάον συνεχώρησε προαπελθεῖν αὐτόν· ὁ δὲ Νικόλαος ἀγνοῶν τὴν ἐνέδραν διέβη, ἔχων τὴν δόξαν τοῦ νικηθῆναι· καὶ λοιπὸν ἤλαυνε πρῶτος, μετὰ δὲ ταῦτα σκονδυλίζει ὁ δεξιὸς ἵππος τοῦ Νικολάου ὁ ἐπὶ τῷ ῥυμῷ τοῦ ἅρματος (сл. у Müller'a, въ разночтеніяхъ: ркп. C ἐπὶ τῷ πρώτῳ ἅρματι), καὶ συμπεσόντων

τῶν ἵππων καταπίπτει ὁ Νικόλαος. Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ἐπιβαίνει τῷ ἅρματι τῶν ἵππων ἑαυτοῦ, καὶ παρερχόμενος ἐπιλαμβάνεται τῶν ἀξόνων (ркп. С τῷ ἄξονι) τῶν ἵππων τοῦ Νικολάου καὶ σὺν τῷ ἡνιόχῳ καὶ τοῖς ἵπποις τελευτᾷ ὁ Νικόλαος. — Александра вѣнчаютъ; оракулъ вѣщаетъ будущія побѣды побѣдителю — Николая (С, I, 19); вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ Македонію и Лаомедонтъ, ὁ [illegible] αὐτῷ οὐκ ἐβούλετο γὰρ καταλεῖψαι αὐτόν (l. c. гл. 20). — Подлинникъ сербской Александріи удержалъ память о Лаомедонтѣ С. но изъ соперника Александра сдѣлалъ врага, поставивъ его рядомъ съ Каллисѳеномъ.

Разсказъ о несостоявшемся второмъ бракѣ Филиппа на Клеопатрѣ, Pseudocall. С. I. гл. 20—2, крайне сокращенъ въ текстахъ нашей Александріи: нѣтъ имени Клеопатры, нѣтъ и подробностей о примиреніи Филиппа и Олимпіады при содѣйствіи Александра. Близость къ редакціи С сказывается въ мелочи: войдя въ палаты отца Александръ [illegible] (С. I. 2[illegible]; иначе у H[illegible] I. 13. W. стр. 1[illegible] греч. нар. кн., [illegible] — [illegible] Филиппа [illegible] [illegible] рѣчью Александръ [illegible] Hist. de prel. Zing., [illegible] сваеб[illegible] въ отечествѣ.

[illegible]

Олимпіады, послѣ чего онъ ἐπῆρεν ἕνα σκαμνίον (W, σκαμνόπουλον) μὲ τὸ ὁποῖον ἐφόνευσε τρεῖς ἄρχοντας ἀπὸ ἐκείνους ὁποῦ εἶχαν κάμη αὐτὴν τὴν προξενίαν (W, τρεῖς ἐξ αὐτουνοὺς ὁποῦ ἔκαμαν τὴν δουλεία), οἱ δὲ λοιποὶ ἔφυγαν, καὶ ἐγλύτωσαν ἀπὸ τὸν θάνατον.

Послѣ этого эпизода тексты Pseudocall. B и A продолжаютъ такимъ образомъ: Филиппъ отправляетъ Александра противъ возставшей Меѳоны; усмиривъ её, Александръ возвращается и встрѣчаетъ у отца пословъ Дарія, явившихся съ требованіемъ дани; они отосланы со срамомъ; слѣдуетъ еще посылка Александра противъ какого-то ѳракійскаго города, чѣмъ и пользуется нѣкій Павзаній, чтобы похитить Олимпіаду и смертельно ранить ея мужа. — Редакція C относитъ посольство Дарія ко времени по смерти Филиппа (гл. 26)[1], а за походомъ на Меѳону помѣщаетъ разсказъ о скиѳской войнѣ, гл. 23: Филиппъ слышитъ о томъ, что Скиѳы готовятся напасть на него съ 400-тысячнымъ войскомъ, совѣтуется съ своими мегистанами, что предпринять, и по указанію Аристотеля назначаетъ вождемъ своихъ силъ Александра. Взявъ съ собою тридцать тысячъ юныхъ воиновъ и осмотрѣвъ расположеніе непріятеля, онъ велитъ ночью зажечь вокругъ него огни, и въ одномъ мѣстѣ устроить засаду. Скиѳы, заключивъ по огнямъ о численности Македонянъ, думаютъ спастись бѣгствомъ, но направляются — къ засадѣ, гдѣ не было огня и, предполагалось, не было и войска; а Александръ слѣдуетъ за ними по пятамъ, Македоняне нападаютъ на нихъ спереди и сзади и началась сѣча, которую прекращаетъ Александръ, говоря побѣжденнымъ: Ἴδατε ὡς ἡ πρόνοια παρέδωκεν ὑμᾶς εἰς χεῖρας τῶν Μακεδόνων, καὶ οὐκ ἠδυνήθητε ἀντιστῆναι τὰ ἴχνη τῶν ποδῶν ἡμῶν. Скиѳы признаютъ себя его рабами, и онъ ведетъ ихъ, снявъ съ нихъ цѣпи, въ Филиппополь, а позднѣе отпускаетъ подъ условіемъ ежегодной дани

---

[1]) Такъ можно заключить изъ варьянтовъ Миллеровскаго изданія, стр. 27 (сл. Zacher, Pseudocallisthenes, стр. 116—117); но уже въ разночтеніяхъ къ гл. 23 B, стр. 23, встрѣчается, въ разсказѣ о послахъ Дарія, цитата изъ C. Нѣтъ-ли въ C двойнаго разсказа о посольствѣ? При компилятивномъ характерѣ C это не представляется невѣроятнымъ.

и военной помощи (I, C, гл. 23; сл. гл. 24).—Между тѣмъ о нашествіи Скиѳовъ узналъ нѣкій «Ἀνάξαρχος ὁ καὶ Παυσανίας (перваго имени A и B не знаютъ), ὁ τῶν Θεσσαλονικέων τύραννος», бывавшій въ гостяхъ у Филиппа и воспылавшій страстью къ его женѣ. Взявъ съ собой двѣнадцать тысячъ войска онъ отправляется, будто-бы въ помощь Александру, но въ сущности съ намѣреніемъ похитить Олимпіаду. Услышавъ о возвращеніи сына, Филиппъ ѣдетъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ женою; этимъ пользуется Анаксархъ, чтобъ увлечь её, смертельно ранивъ преслѣдовавшаго мужа. Когда узналъ о томъ Александръ, пустился съ немногими всадниками въ погоню за похитителемъ и приводитъ его передъ умирающаго Филиппа, которому даетъ въ руки мечь, говоря: «ὦ πάτερ μου, ἀνάστηθι καὶ ἀμύνου τὸν ἐχθρόν σου ἐν τῇ χειρί σου». Филиппъ убиваетъ его собственноручно: такъ пусть будетъ со всякимъ противникомъ Александра! Его вмѣстѣ съ Олимпіадой онъ назначаетъ своимъ преемникомъ, а ему говоритъ: Вѣрно сказалъ Аммонъ твоей матери, что ея сынъ будетъ мстителемъ за своего отца.—Тѣло умершаго несутъ ἐπὶ χρυσίου κραβάτου и хоронятъ въ Пеллѣ (C, I, гл. 24).

Тексты сербской Александріи замѣняютъ въ скиѳскомъ эпизодѣ C—Скиѳовъ Куманами, Κουμάνοι новогр. нар. кн.; въ вѣнскомъ спискѣ, стр. 13, одна глава надписана: περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Φίλιππος, ὅτι ἦλθαν οἱ Κουμάνοι καὶ Αλαμίται; далѣе послѣдніе названы Ἀλαμάνοι и упоминается еще народъ Σακουλάτοι; въ эпизодѣ о взятіи Аѳинъ (W, стр. 24, 25, 26) Куманы названы подъ рядъ съ Аламанами, либо: οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας; Александръ посылаетъ въ городъ ἕναν ἄρχοντα μέγαν εὐγενικὸν ἀπὸ τοὺς Κομάνους καὶ Ἀλαμάνους, ὀνόματι Ἀρράδαξον. Мы уже выше (стр. 132; сл. W, стр. 15, прим. 1) замѣтили, что въ этомъ отдѣлѣ вѣнская рукопись указываетъ на пробѣлъ въ своемъ подлинникѣ, смѣшивая два разсказа: походъ на Кумановъ = Скиѳовъ и разсказъ объ Анаксархѣ = Павзаніи, вслѣдствіе чего Филиппъ убиваетъ не послѣдняго, а кого-то изъ Куманскихъ вождей. — Куманское нашествіе случилось во время Филипповой

болѣзни; такъ и у Новаковича: Филиппъ впалъ въ великую немощь, о чемъ слышатъ «севѣрныѥ странѣ Коумане» и готовятся пойти на него съ 500-тысячнымъ войскомъ. Призвавъ сына, царь говоритъ ему: «Любимыи сыноу мои, Алексенʼдре, се дьньсь тебѣ пришло ѥсть бити се за своѥ отьчьство, вьзмь воискоу на бои поиди». Онъ отправляется съ 30 (или 400)-тысячнымъ войскомъ, видитъ Куманъ стоящихъ «неуредʼно», «вь ноштъ тоу сь своими вои пришьдь, огʼнѥ многыѥ около повелѣ наложити, и трубамь многогласнымь и накарадамь и праскавицамь около повелѣ бити». Отъ страха Куманы обращаются въ бѣгство; въ послѣдующемъ боѣ «оубиѥнʼно бысть .н. тисоуштъ, и оть Макѥдонѩнь .в. тисоушти, тера же ихь Алексенʼдрь .г. дьніи и .г. ношти и оуби оть нихь .рн. тисоуштъ», а десять тысячъ отводитъ въ плѣнъ. Онъ говоритъ имъ: «Видѣсте-ли, о дроузи, ѩко божіи промысʼль прѣдасть вась вь роукы макѥдонʼскые, и мьчь вашь, наостривы се на Макѥдонинѩни, дьньсь притоупи се оть нихь роукь; цара вашега Атʼламиша (вар. Алтамиша; Кир. Бѣл. Ѡтʼламыша) оубивь и вась живѣхь оухватихь, да аште хоштете животь вашь коупити, земʼлю вашоу кь моѥи земли приложите и вь ѥдино сь Макѥдонѩны боудете». Они просятъ отпустить ихъ домой и дать имъ царя; Александръ ставитъ имъ «братоучеда своѥго прьваго, Ланцатоура (вар. Ванʼцатоура; въ русск. спискахъ: Тура, сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 49; наоборотъ, въ румынск. нар. кн. стр. 14, въ соотвѣтствіи съ первой частью имени: Алеѯандрȣ ле дѣте домн пре върул съȣ *Франца*) именемь, мала оубо тѣломь, велика же храбьрствомь». — Тѣмъ временемъ пелагонскій (вар. пелагонитьски) царь Анаксархъ (вар. Анасархось, Асанархось, Асархоз, Анархоз; Навахѡдѡсѡрь; Кир. Бѣл. сп. Анакорносъ) полюбилъ Олимпіаду когда гостилъ у Филиппа; «Соломонь прѣмоудріи рече: Не боуди оуѩзвʼлѥнь добротою чоуждеѥ жены, ѩко да не видиши свою оуѩзвлѥнʼноу». Съ двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ онъ является какъ бы на помощь Филиппоу и увлекаетъ Олимпіаду, когда она вышла за городъ на встрѣчу сыну, а Филиппа ранитъ. Александръ настигаетъ Анаксарха «на мѣстѣ нарицаѥ-

момь Змикси» (вар. Изьмьки, Измiскiи; кѡ се зѡве змииньскѡ) и приводитъ къ отцу: «встани, рече, о Филипе, врагоу свомоу стани ногомь за грьло, и освѣти се кмоу роукою свокю». Филиппъ убиваетъ его, а сына благословляетъ: «Сыноу мои Алексен҆дре, роукы вьсѣхь на тебе, и твок на всѣхь». Тѣло Филиппа несутъ въ городъ на золотомъ одрѣ (Новак. I, гл. 15—16 = Jag. l. c., p. 231—233).

Въ W стр. 13—16 разсказъ, въ сущности, тотъ-же; имя Куманскаго царя Ἀπλαμήσης; въ опущенномъ эпизодѣ должны были находиться имена его наслѣдника (= Ванцатуръ) и Анаксарха. — Въ греч. народн. кн. (сл. р. 23—8) нападеніе Кумановъ (въ числѣ 150 тысячъ) также совершается во время болѣзни Филиппа; замѣтимъ, что далѣе, въ эпизодѣ о разгромѣ Аѳинъ, упоминается о Куманахъ и — Аламанахъ, гдѣ славянскіе тексты удерживаютъ лишь первыхъ: ὁ Ἀλέξανδρος ἐσκότωσε τοὺς Κομάνους, τοὺς Ἀλαμάνους (40—1); Арфадій (Куманинъ въ слав. текстахъ) ἀπὸ τὴν Ἀλαμανίαν (42—3); наконецъ: οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας (44). — Александръ выходитъ противъ нихъ съ 30-тысячами войска; о хитрости Александра (огни) не упоминается вовсе: онъ нападаетъ на враговъ врасплохъ, ночью, когда они готовились уйти, преслѣдуетъ 3 дня и 3 ночи и убиваетъ ихъ сорокъ тысячъ, въ числѣ другихъ и царя Ἀπλαμέσης. Обратившись ко своимъ Александръ говоритъ: ἴδετε, συντρόφοι μοι καὶ ἠγαπημένοι μου φίλοι, πῶς μὲ τὴν δύναμιν καὶ εὐεργεσίαν τοῦ Θεοῦ ἐνικήσαμεν τοὺς Κουμάνους.... Τότε πάλιν εἶπε πρὸς τοὺς Κουμάνους· βλέπετε, ἄρχοντες Κουμάνοι, πῶς σᾶς παρέδωκεν ὁ Θεὸς εἰς τὰ χέρια τῶν Μακεδόνων, ἐπειδὴ τὰ σπαθία σας ἐτζακίσθησαν, τὰ δὲ τῶν Μακεδόνων σπαθία ἀκονίσθησαν ἀπὸ ἐσᾶς, καὶ ἀπὸ τὸν βασιλέα σας τὸν Ἀπλαμέση. — По ихъ просьбѣ онъ отпускаетъ ихъ во-свояси, ставитъ царемъ «τὸν ἐξάδελφόν του, ὁποῦ ἦτον πρῶτος κυνηγός» (имени нѣтъ). — Анаксархъ названъ царемъ τῆς Πελαγωνίας; онъ прежде бывалъ у Филиппа на пути εἰς τὴν Περσίαν, а теперь явился во главѣ 12-тысячнаго войска, влекомый любовью къ Олимпіадѣ; не зналъ, несчастный, изреченія Соломона: ἄνθρωπε,

ἄς εἶσαι εὐχαριστημένος καὶ ἀναπαυμένος εἰς τὴν ἀγάπην τῆς γυναικός σου καθῶς σοῦ ἔτυχε, καὶ μὴ εἰς ξένην γελασθῆς, ἵνα μὴ πάθης πλέον παρὰ ἐκεῖνα ὁποῦ πράξεις, χάνωντας τὴν ζωήν σου, ὁμοῦ μὲ τὸν πλοῦτόν σου. — Александръ настигаетъ его εἰς τὸν ποταμὸν τὸν λεγόμενον Μεστόν, и приводитъ къ Филиппу, который убиваетъ его, попрекнувъ его прежней дружбой и дарами; слѣдующія (стр. 28) слова его напоминаютъ слова Александра къ своему убійцѣ (l. c., p. 183; сл. W, стр. 63): τὸ ποτήριον ὁποῦ ἐκέρασες, νὰ τὸ γευθῆς καὶ ἐσύ, тогда какъ въ рѣчи Филиппа къ сыну отзываются слова умирающаго Дарія: ἡ πίκρα μου ὅλη ἐγύρισεν ὀλίγον εἰς χαράν (Нов. II, 14: жалость моя на радость прѣврати се; сл. W, стр. 56, греч. нар. кн. стр. 105).... ὕπαγε, υἱέ μου, τὰ κεφάλια τοῦ κόσμου ὅλα νὰ σὲ προσκυνήσουν καὶ το χέρι τὸ ἐδικόν σου νὰ εἶναι ἐπάνωθεν ὅλου τοῦ κόσμου. (греч. нар. кн. стр. 28; сл. W, стр. 16: то-же). — Покойнаго несутъ εἰς ὁλόχρυσον κρεββάτι (W, l. c. διάχρυσον ἁμάξι καὶ κρεββάτιν).

Замѣтимъ въ текстахъ сербской Александріи и греч. нар. книгѣ замѣну при Анаксархѣ эпитета: онъ не Солунскій, какъ у Псевдокаллисѳена, а Пелагонскій царь; далѣе у Pseudocall. C, I, 26 является Солунскій тираннъ Поликратъ, сынъ Анаксарха; у него сынъ Харимедъ; въ соотвѣтствующихъ эпизодахъ сербскаго романа и параллельныхъ греческихъ текстовъ вмѣсто Поликрата названъ Ἀρχιδονούσης, Кар'хидонь, у него сынъ Поликратъ; отношенія къ Анаксарху забыты, но Кархидонъ царитъ—въ Солуни. Замѣна Солуни — Пелагоніей, можетъ быть, обусловлена забвеніемъ родственной связи между Поликратомъ-Кархидономъ и Анаксархомъ, хотя вѣроятнѣе, что эта связь принадлежитъ фантазіи редактора C и географическая перестановка совершилась въ обратномъ направленіи. — Что до замѣны Скиѳовъ Куманами, то на хронологическое ея значеніе обратилъ вниманіе уже Новаковичъ (l. c., p. XXVI): по его мнѣнію Куманы могли попасть въ нашъ текстъ лишь въ XIII вѣкѣ, когда удалившись изъ Валахіи и Молдавіи передъ напоромъ Татаръ, они поселились въ за-

падной Болгаріи и сѣверовосточной Македоніи. Новаковичъ имѣлъ въ виду лишь славянскій пересказъ Александріи, не ея греческій подлинникъ, по отношенію къ которому его соображенія теряютъ свою силу, тѣмъ болѣе, что Куманы = Половцы нашего романа живутъ не на Балканскомъ полуостровѣ, а въ «сѣверной странѣ», откуда являются съ несмѣтными полчищами. Въ 1065 г. они дѣйствительно перешли Дунай въ числѣ 60000 человѣкъ и распространились по Болгаріи до Эллады; по бо̀льшей части они погибли въ борьбѣ съ Болгарами и Печенѣгами; остальные поселены были въ Македоніи. Подъ 1078 г. они упоминаются снова какъ союзники Печенѣговъ въ набѣгѣ, доведшемъ ихъ подъ стѣны Адріанополя (Attaliota, ed. Bonn, p. 298, 300—301; Scylitza, ed. Bonn, v. II, 739, 741); въ 1087 году венгерскій король Соломонъ увлекъ ихъ и Печенѣговъ къ новому вторженію въ Македонію, остановленному битвой при Кулѣ; въ слѣдующемъ году, опоздавъ на помощь къ Печенѣгамъ, успѣвшимъ поразить императорское войско при Дерстрѣ, они потребовали отъ нихъ доли добычи, и получивъ отказъ, разбили ихъ на голову. Императоры пользуются враждой двухъ одноплеменныхъ ордъ: Половцы становятся ихъ союзниками противъ Печенѣговъ; ихъ ханы, извѣстные въ русской исторіи Тугорканъ (Τογορτάκ, Τογορτᾶ) и Бонякъ, участвовали главнымъ образомъ въ пораженіи печенѣжскихъ полчищъ при Хиринѣ въ 1091 году (у Левуніона при устьѣ Марицы) — но они-же помогли (въ 1094 г.) самозванцу, выдававшему себя за Константина, сына бывшаго императора Романа Діогена, убѣжать изъ своего заключенія въ Корсуни и вторгнуться въ предѣлы Романіи. Походъ кончился несчастливо какъ для претендента, такъ и для Половцевъ, остатки которыхъ были въ 1095 году разбиты при Малой Никеѣ подъ личнымъ начальствомъ Алексѣя Комнина: 7000 человѣкъ были убиты, 3000 взяты въ плѣнъ, а въ Адріанополь явилось половецкое посольство, изъявляя готовность жить въ мирѣ съ имперіей и служить императору [1]).

[1]) Васильевскій, Византія и Печенѣги, Ж. М. Нар. Просв. 1875, Ноябрь, p. 147, 157—8; 161 слѣд.; Декабрь, стр. 279 слѣд., 289 слѣд., 296; Иречекъ,

Мы попытаемся впослѣдствіи воспользоваться этими данными для хронологіи нашего памятника, а пока предложимъ еще нѣсколько замѣтокъ въ объясненіе его Куманскаго эпизода.

Византійцы употребляютъ въ XI вѣкѣ для Печенѣговъ, въ XII для Кумановъ-Половцевъ классическое обозначеніе — Скиѳовъ. Подъ Скиѳами, въ эпизодѣ С, разумѣется, вѣроятно, одна изъ этихъ народностей; сербская Александрія говоритъ прямо о Куманахъ—и Аламанахъ, Аламитахъ. Аламаны, можетъ быть, вмѣсто Valani = Куманы у Ruysbroek'а (сл. варьянтъ: Alani — Alamani въ Gesta Reg. Franc. c. 2, Bouqu. II, 542); одна половецкая орда называлась Уланами и таково-же было имя ея хана: царище Уланище нашихъ былинъ. Но не вѣроятнѣе-ли, что Аламаны отвлечены отъ Ἀλαμανία (сл. W и новогр. нар. кн.) = *Ал-Каманія*, какъ зовутъ страну Кумановъ Эдризи и другіе арабскіе географы?

Имя Куманскаго царя: *Алтамышъ*, Атламышь, Ἀπλαμέστης, рум. нар. кн. стр. 13: Алталміш и т. д. Если предпочесть чтеніе *Атламышь*, то у Курція (l. VII, c. VII и слѣд.) и Плутарха (Alexander, c. XLV, XLVI) говорится о походѣ Александра противъ Скиѳовъ, царя которыхъ побѣдилъ отецъ его Филиппъ; имя этого царя—*Ateas*[1]). Сл. Justin., 9, 2, § 1 слѣд; Orosii, Historiar. adv. paganos III, 13, § 4 слѣд.: Филиппъ «ad Scythiam quoque cum Alexandro filio praedandi intentione pertransit. Scythis tunc *Atheas* regnabat: qui cum Histrianorum bello premeretur, auxilium a Philippo per Apollonienses petiit, sed continuo Histrianorum rege mortuo et belli metu et auxiliorum necessitate liberatus pactionem foederis cum Philippo habitam dissoluit. Philippus dimissa obsidione Byzantii Scythicum bellum totis viribus adgreditur commissoque proelio, cum Scythae et numero et virtute praestarent, Philippi fraude vincuntur. In ea pugna XX milia puerorum ac feminarum Scythicae gentis capta, pecorum magna

---

Ист. Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова, стр. 272, 274—5, 289 слѣд., 296. Сл. еще W. Tomaschek, Die Gothen in Taurien, 40, 49—50.

[1]) Droysen, Gesch. Alexanders des Grossen (2 изд. 1877 г.), p. 124, прим. 1.

copia abducta, auri atque argenti nihil repertum: nam et ea res primo fidem inopiae Scythicae dedit. Viginti milia nobilium equarum sufficiendo generi in Macedoniam missa (слѣдуетъ, послѣ упоминанія о войнѣ съ Трибаллами, побѣда Филиппа надъ *Аѳинянами*).

Замѣтимъ мимоходомъ, въ связи съ народной румынской книгой, замѣнившей Кумановъ—Татарами, что имени Атламыша отвѣтилъ бы, въ половинѣ XIV вѣка, татарскій ханъ *Athlamos*, разбитый трансильванскимъ воеводой Андреемъ Лацкимъ. (Сл. Schwandtner, Script. rer. Hungar. Ӏ, 177).

Арфаксадъ, Ἀρφάδαξος, Ἀρφάδιος производитъ впечатлѣніе персидскаго имени; что до *Сакулатовъ*, то это, быть можетъ Сколоты, т. е. черноморскіе, «царскіе» Скиѳы. Разумѣется, это сближеніе чисто предположительное: въ старослав. Вопросахъ и отвѣтахъ Аламаникъ, поставленный рядомъ съ Фругомъ, несомнѣнно, нѣмецъ: «*Аламаникъ* орель есть»; позже слѣдуютъ такія опредѣленія: «*Куманинъ* пар'дусь есть»; «*Аламанинъ* зебрь есть»—между Угриномъ и Зыхомъ; «*Сакулатинъ* биволь есть»—между Цаконцемъ и Персомъ (Тихоправовъ, Пам. II, стр. 441). Въ другомъ спискѣ Сакулатинъ отсутствуетъ, а вмѣсто Аламанина повторенъ Аламаникъ съ такимъ опредѣленіемъ: песъ есть (ib. p. 447), тогда какъ въ первомъ, при перечисленіи полувѣрныхъ народовъ, пошедшихъ отъ Яфета, стоятъ рядомъ: *Сѫкулатѐ Зыхыи* (p. 441; сл. Буслаевъ, Очерки, II, 499), т. е. въ томъ же сосѣдствѣ, какъ выше Аламанинъ и Зыхь. Очевидно, здѣсь не можетъ быть рѣчи объ Ἀλαμανοί = нѣмцы византійскихъ писателей и не къ нимъ слѣдуетъ привязать названіе Аламанчо = Турокъ, встрѣчающееся въ жаргонѣ каменщиковъ на Балканскомъ полуостровѣ [1]).

По смерти отца Александръ сзываетъ въ Филиппы Македо-

---

[1]) Сл. Arch. f. slav. Philol. VIII, 1, p. 101 и мою замѣтку l. c., стр. 334—5. Сл. еще Miklosich, Die türkischen Elemente, стр. 9 (alaman=Räuber); арабск. аламан — грабежъ; монг. — убійство; въ киргизскомъ: толпа, отрядъ всадниковъ, добыча, набѣгъ (сообщенія барона Розена и акад. Радлова).

нянъ и Пелагонянъ, Еладянъ (Ѥлагианомь, Ѥладеномь, Еладином; сл. W, стр. 16: τοὺς Μακεδόνους καὶ τοὺς Πελαγονίτας καὶ τοὺς Ἐλαδομίους μικροὺς τε καὶ μεγάλους; греч. нар. кн. 29: Μακεδονῖται, Πελαγονῖται, Ἑλλαδῖται) и Кумановъ, **и извѣщаетъ ихъ о смерти Филиппа**: онъ всемъ правилъ «по достоıанию, **мнѣ же** господ'ствовати како повелѣвате?». **Отвѣчаютъ въ слав. текстахъ Филонъ**, Селевкъ, Антіохъ, **Антигонъ и Птоломей** (Нов. I, гл. 17 = Jag. l. c., p. 233—5); **въ вѣнскомъ спискѣ** (W, стр. 17): **Филонъ, Селевкъ** (ὁ Λευκούστης) **Антіохъ, Антигонъ и Птолемей; тѣ-же имена** въ греч. пар. кн., р. 29—31 (Φιλόνης, Λευκούστης, Ἀντίοχος, Ἀντίγονος и Πτολεμαῖος).—**Отвѣтъ Филона въ слав. текстахъ не совсѣмъ ясенъ**: «О кралю Алексен'дре, в'сакып вьзрасть чловѣчь вь [своемь] чиноу потрѣб'нь ѥсть. Алексен'дрь рече: Старость ѥсть чьстнаа, нь не многолѣт'наа (W, стр. 17: ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πᾶσα ἄνθρωπος πρέπει νέους τοῦ ταξειδίου εἰς τὸν βασιλέα κοντὰ του νὰ ἦναι καὶ οἱ γέροντες εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως· Ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· οἱ γέροντες πολλὰ εἶναι τιμημένοι, ἀμὴ εἶναι ὀλιγόχρονοι; сходно въ греч. нар. книгѣ, стр. 29—30). Селевкъ указываетъ Александру, ссылаясь на Соломона, на необходимость царю имѣть хорошихъ совѣтниковъ; Антіохъ: «Царемь ч'тениѥ домов'ноѥ(?)трѣбоуѥть; стари же чловѣци покои трѣбоують, младимь же цариѥмь воѥвати подобаѥть, ıако да вь младости потроудив'ше се, на старость покои обрѣштоуть (Нов. стр. 20; Jag. стр. 234: старим царем течене покоино е, младим царем трибуе воевати, ере у младости своеи помуче се, да у старости покои имию; новогр. нар. кн. стр. 30: τοὺς γέροντας πρέπει νὰ στέκουν εἰς τὴν πολιτείαν μὲ τὸν βασιλέα, καὶ νὰ μὴ λείπουν παντελῶς ἀπὸ κοντά του· οἱ δὲ νέοι νὰ στρατεύωνται, ὅτι ἔχουν θάρρος εἰς τὴν νεότητά τους καὶ δύναμιν· ὅταν δὲ γηράσουν νὰ εἶναι ἀναπαυμένοι. Сходно въ W, стр. 17). — Антигонъ совѣтуетъ тотчасъ-же напасть врасплохъ на сосѣднихъ царей, чтобы такимъ образомъ отвлечь ихъ вниманіе отъ македонскихъ дѣлъ; Птоломей: «подобаѥть намь воискоу прѣмѣнити въ свѣт'лаа ороужіа и белегь твои на штитѣхь поставити, ıако да знають, комоу цар[illegible]

[illegible] книги [illegible] се. И посла [illegible] въ Филипоусть [illegible] свои [illegible] василіска [illegible] ге-[illegible] [illegible] отъ [illegible]

[illegible]

ὡς ὑπὸ θεοπνεύστου φωνῆς μετακληθέντες. Παραχρῆμα δὲ προστάσσει ἐπισυναχθῆναι πάντας τοὺς ἐν οἵᾳ δήποτε τεχνουργίᾳ ἐγκεχειρισμένους, ἔν τε σιδήρῳ καὶ χαλκῷ καὶ ξύλοις. Καὶ τοῖς μὲν χαλκεῦσι προστάσσει θώρακας καὶ περικεφαλαίας καὶ ξίφη καὶ δόρατα ποιεῖν, τοῖς δὲ ξυλουργοῖς ἀσπίδας καὶ τόξα καὶ δοράτων ἀστάς. Ἀνοίξας δὲ Ἀλέξανδρος τὰς τοῦ πατρὸς ὁπλοθήκας μετέδωκε τοῖς νέοις τὴν πανοπλίαν. Онъ проситъ ветерановъ отца послужить и ему; тѣ отказываются — за старостью; Александръ убѣждаетъ ихъ — указаніемъ на нѣкоторыя преимущества ихъ возраста. — Это и составляетъ тему совѣтовъ, которые въ нашемъ тексты даютъ царю Филонъ, Селевкъ и Антіохъ.

Услышавъ о смерти Филиппа, Дарій шлетъ въ Македонію Кандарха (Кан'дар'коусь, Кандаркус) съ посланіемъ: «Даріѥ царь пер'скыи, тькьмь земльнымь богомь, вь коупѣ сльн'цемь сиѭѥ оть вьстока и до запада, и всѣмь земльнымь царемь царь и властемь владоуштимь господинь, кь обрѣтаюштіимь се вь Макѥдоніи пишоу». Слышалъ я, что Филиппъ умеръ, оставивъ по себѣ сына отрока; пришлите его мнѣ для воспитанія при моемъ дворѣ вмѣстѣ съ другими царевичами, которыхъ у меня болѣе сорока; если-бы онъ оказался недостойнымъ власти, я пришлю вамъ другаго царя, а пока пусть правитъ вами Кандархъ. — Когда посолъ явился въ Македонію, его привели къ Птоломею, а тотъ доставилъ его въ Филиппы, гдѣ Антіохъ принуждаетъ его подъ страхомъ смерти поклониться Александрову копью. Царя онъ видитъ возсѣдающимъ на престолѣ, украшенномъ «зѣло искоуснимь златомь и зелнимь каменіемь и слоновемь кости»; на немь вѣнецъ «оть амьфіра (вар. самфира) камена и оть великаго бисера сь мірсіловемь сьплетань листіемь, обь десноую ѥго и о левоую много м'ножьство виѳезь вь венце стоѭхоу». Селевкъ читаетъ посланіе Дарія, которое разгнѣванный Александръ разодралъ со словами: «не подобаше цароу вашемоу Дарію главоу зреште кь ногама беседовати; не тако бо Македоніа безглавна ѥсть, ѭкоже Дарію мнить се бити». Въ отвѣтномъ письмѣ онъ говоритъ, что «млекомь сьсоуштимь отрокомь питати вь полатѣ царской

не подобаеть бити, нь дебелехь месь ꙗдоуштимь»; пусть Дарій подождетъ не много, и онъ самъ явится къ нему и водворится со своими Македонянами. Кандарха Александръ отпускаетъ, подаривъ ему македонское вооруженіе (и шлемъ), который пусть надѣнетъ, когда будетъ сражаться противъ него: его не убьютъ. — Дарій смѣется надъ Александровымъ письмомъ, но Кандархъ останавливаетъ его: въ юношѣ онъ видѣлъ «многолѣтноую старость; да аште болешта зоуба не истрьгнеши, много страдати имаши оть нкго; финика (вар. кифариса, ћепариза) бо млада не истрьгь, о стара не коушаи се (вар. остаревшомоу не троуди се). — Снова посылаетъ Дарій къ Александру: Кливоу (Клитовоуша, Клетовоуш, Клитоуш), чтобы искусилъ умъ юнаго царя, которому шлетъ подарки: «строуг'лоу и коло (вар. коло дрѣвено) и [два ковьчега велика праздна и] велицѣ двѣ врекк мака». Въ посланіи своемъ онъ объясняетъ ребячествомъ Александра — презрѣніе, съ которымъ онъ отнесся къ его первому письму; вотъ почему онъ посылаетъ ему «строуглоу, ꙗко да сикю заврьтак игракши, и коло, имь же младен'ци играють»; ковчеги пусть наполнитъ данью за три года, макъ пусть пересчитаетъ — столько войска у Дарія, грозившаго, въ заключеніи, велѣть привести къ себѣ Александра связаннымъ. — Александръ качаетъ головой, услышавъ содержаніе Даріева письма: о «неизьчтен'нок грьдынк твокго високооумиꙗ, Даріk, ꙗко богоу небесному подобыши се, и не знаюшти и чловѣкомь можеши ли подоб'нь быти! До небесь вьзнесе се, и до ада сьнидеши». Онъ начинаетъ жевать макъ, велитъ разбить ковчеги, а Дарію отвѣчаетъ по поводу его подарковъ: «да вѣси, ꙗко кроугь кола сего вьсек зем'лк кроугь прикти ми подобакть, и на те оустрьмити се, и врьтѣти се имаши прѣдь мною ꙗко строугла, макь же твои вьсь сьж'вахь, и тако сили твок побѣдивь сьтроу. Ков'чеге же твок мѣсто дара прикхь; доволюи вьсточ'ними странами [m.: между подобними тебе Перьси попоуе страшливеми соуште и невоиньствьнеми, запада же останн се, ꙗко да вь немь не падеши се, и довольнь боуди оброки своими. — И даровавь Клитовоуша отпоусти, вьдавь

емоу кьбль пьпра: «Вь место твое мьчьник воиске оудахь тебѣ кьбль пьпра. И сего сьжвавь храбрость мое воиске оузнаеши.» (Нов. I, гл. 18—20 = Jag. l. c. p. 235—238).

Тѣ-же подробности въ W, стр. 18—22 = греч. нар. кн. р. 31—38; имена посланниковъ: Καταρχούσης, Κλητευούσης (W); Κανταρχούσης, Κλητευούσης (греч. нар. кн.); въ первомъ посланіи Дарія по вѣнскому списку сорокъ царевичей воспитываются при персидскомъ дворѣ (W, 18; въ греч. нар. кн. этого нѣтъ); посланникъ видитъ Александра возсѣдающимъ εἰς σελλὶν ὑψηλόν..., ὅλον μὲ τὸ χρυσάφιν καὶ μὲ λιθαρόπουλα.... καὶ εἶχεν εἰς τὸ κεφάλιν τοῦ στέμμαν ἀπὸ λιθαρόπουλον ζαφεῖραν μὲ ῥεβιθάτον μαργαριτάρι καὶ μὲ τῆς μυρσύνης τὰ φύλλα πλεμένον· καὶ ἀπὸ τὴν δεξιάν του μερίαν ἔστεκαν πάμπολλοι πρωτοκαβαλεραῖοι ὅλοι μὲ τὰ στεφάνια τὰ χρυσὰ εἰς τὰ κεφάλια (W; сл. греч. нар. кн. стр. 33: подробности о витязяхъ нѣтъ). Кандарху Александръ даритъ шлемъ съ своимъ знаменіемъ (W, σημάδι) или именемъ (гр. нар. книга); въ отвѣтѣ Александра Дарію W, 20 представляетъ лишнюю подробность (ὥσπερ τὸ ἴππωρον τὸ ἄγουρον μουδιάζον τοῦ ἀνθρώπου τὰ δόντια...); въ рѣчи Кандарха одно изъ сравненій заимствовано отъ кипариса, какъ въ варьянтахъ славянскаго текста. — Подарки Дарія: γουργουρίτζα ξυλίνη (W; греч. нар. кн. γουργοῦρα) καὶ βίτζανα (W; греч. нар. кн. βέργα, но далѣе βύτζα), σεντούκια εὔχαιρα δύο καὶ συναπόσπορον δύο σάκκια γεμάτα (W; сл. греч. нар. кн. 35). — Объясненіе подарковъ Александромъ то-же; привожу текстъ нар. греч. книги (37): ὡσὰν γυρίσει ἡ γουργοῦρα, ἔτζη θέλω γυρίσει τὸν κόσμον ὅλον, καὶ θέλω τὸν κυριεύσει, ἐρχόμενος καὶ εἰς εσένα. ὡσὰν ἐμάσησα τὸν συναπόσπορον, καὶ τὸν ἔπτυσα, οὕτω τὰ φουσάτα σου θέλω τζακίσει μὲ τὸ θέλημα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τοῦ Κυρίου Σαβαώθ. Τὰ σεντούκια ἐδέχθηκα ὡς μέγα δῶρον, ὡσὰν τὰ κάστρα, ὁποῦ θέλω πάρη. Σώνει σου ἡ Ἀνατολὴ μὲ τὸ Περσικὸν μέρος τὸ σκίαζάρικον νὰ ὁρίζῃς, καὶ ἀπὸ τὴν Δύσιν νὰ ἀπέχῃς. Интересно отличіе W, 22, въ объясненіи ковчеговъ: τὰ σεντούκια.... ἐδέχθηκα μὲ τὰ καλὰ ὡς μέγα δῶρον. καὶ ὅπως ἐτζάκισά τα, οὕτως θέλω παραλάβει τὰ κάστρα σου ὅλα

καὶ θέλω τὰ γαλάσει. — Александръ посылаетъ Дарію ἕνα μόδι πιπέριν (W; греч. нар. кн.) съ извѣстнымъ наставленіемъ.

Pseudocall. C, I, 26 упоминаетъ о первомъ посланіи Дарія въ послѣдовательности нашихъ текстовъ, противъ AB, I, 23, которые говорятъ о немъ еще до смерти Филиппа. Посланникъ не названъ, послы преклоняются передъ копьемъ по вызову Антіоха; требованіе Дарія иное: прислать ему обычныхъ сто золотыхъ яицъ по двадцати литръ вѣсомъ. — Второго посланія нѣтъ: о немъ говорится лишь позже, C, I, 36—38, послѣ цѣлаго ряда Александровыхъ подвиговъ; тѣмъ страннѣе представляются подарки Дарія мальчику: ἔπεμψά σοι σκῦτος καὶ σφαῖραν καὶ κιβώτιον χρυσίου, ἵνα αἱρίσῃ ὁπότερον βούλει, τὸ μὲν σκῦτος μηνύον σοι ὅτι ἔτι παιδεύεσθαι ὀφείλεις, τὴν δὲ σφαῖραν, ἵνα μετὰ τῶν συνηλικίωτῶν σου παίζῃς καὶ μὴ ἀγερώχων ἡλικίαν τοσούτων νέων ἐκπείθῃς, ὥσπερ ἀρχιληστὴς μετὰ σεαυτοῦ φέρεις καὶ οὕτω ταράσσεις. Персидское могущество неодолимо, τασαῦτα γάρ μοί ἐστι πλήθη στρατοπέδων ὅσα οὐδὲ ψάμμον ἐξαριθμῆσαί τις δύναται.... Ἔπεμψά σοι καὶ κιβώτιον χρυσοῦ μεστόν, ἵνα ἐὰν μὴ ἔχῃς τροφὰς δοῦναι τοῖς συλλησταῖς σου, δώσεις αὐτοῖς τὴν χρείαν, ὁπῶς ἕκαστος αὐτῶν δυνηθῇ εἰς τὴν ἰδίαν πατρίδα ἐπανακάμψαι. καὶ μετὰ ταῦτα εἰςβαλὼν ἐν αὐτῇ τοὺς ἐτησίους φόρους ταχέως μοι ἀπόστειλον (C, I, 36). Сочетаніе странное: Дарій посылаетъ Александру ларецъ полный золота съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ, чѣмъ содержать своихъ товарищей по ремеслу, а затѣмъ наполнилъ бы снова слѣдуемой Персамъ данью! Послѣдняя черта принадлежитъ исключительно редакціи C; AB знаютъ только о присылкѣ ларца съ золотомъ; авторъ C могъ имѣть передъ собою, кромѣ этихъ редакцій, и иную, сходную съ прототипомъ сербскаго текста = C^1, гдѣ ковчегъ (ихъ два) присланъ — пустой. Замѣтимъ впрочемъ въ приведенной выше выпискѣ изъ W, 22, что Александръ получилъ ковчеги не пустые, а μὲ τὰ καλά; славянскіе тексты и греч. нар. книга о томъ не знаютъ. — Александръ отвѣчаетъ: τὸν μὲν γὰρ σκῦτον ἔλαβον, ἵνα ταῖς ἐμαῖς λόγχαις καὶ ὅπλοις δείρω τοὺς βαρβάρους καὶ ταῖς ἐμαῖς χερσὶν εἰς δουλείαν καθυποτάξω· τῇ δὲ

σφαίρᾳ ἐσήμανάς μοι ὡς τοῦ κόσμου ἐπικρατήσω· σφαιροειδὴς γὰρ καὶ στρογγύλος ὁ κόσμος τυγχάνει· τὸ δὲ κιβώτιον τοῦ χρυσίου μέγα σημεῖον ἔπεμψάς μοι· ὑποταγὴν γὰρ ἑαυτοῦ ἐμήνυσάς μοι· νικηθεὶς γὰρ ὑπ' ἐμοῦ φόρους μοι τελέσεις (C, I, 38).

Какъ во всѣхъ редакціяхъ Псевдокаллисѳена, такъ и въ нашемъ текстѣ, первые походы Александра направлены не противъ Дарія. Собравъ свое войско на полѣ подъ Филиппами и оставивъ изъ 500 (вар. 600) тысячъ 300 на охрану Македоніи, остальныя-же взявъ съ собою, Александръ идетъ на Солунскаго царя Кархидона, который, узнавъ о его приближеніи, шлетъ ему много золота «и конь .р. из'браних и колесницоу златоу оукрашеноу и сына своего Полоукратоуша». Въ посланіи своемъ къ Александру онъ писалъ: «Радость тебе приношоу имети нарокь и чьсть дан'ноу тебѣ оть бога. Міи вьси слишахомь и о сихь благодаривьше боги великие кь дрьжаве царствию твоемоу приложити се изволихомь соупротивити се тебѣ не могоуште, ноуждоу лоубочьстіа сьтворихомь, сына своего Поликратоуша слоужити тебе на чьсть послахомь, и сь многоцеными дарьми вь царстви твоемь да обретаемь се (Jag. стр. 239: С многоцинними дарми, ки у царстви нашем находе се. Ми, ако угодно теби е, у царстви нашем да находимо се), и тебе елика по силе нашей дани и воискоу да давамо, и милостивь боуди намь, Филиповь сыне, вьса бо подроучна тебе промисль вишни сьтворити имать, и аште оугодно ꙗвить се сие наше малое моление и послание, кь царствоу ти да придемо». Александръ любовно принимаетъ Поликрата, а Кархидона благодаритъ не столько за дары, сколько за «приклонныя» и любезныя рѣчи. «Глаголю тебе прич'тоу, ꙗко прѣклоноу главоу ни мьчь не сечеть. Сынь бо твои сь мною есть, ти же вь царстви сѣди, мнѣ-же на помошть .ві. тисоушть воиске посилаи, на годиште .т. таланить злата посилаи» (Нов. I, гл. 21 = Jag. l. c. р. 238—9).

Въ вѣнскомъ спискѣ солунскіе властители названы: Ἀρχηδονούσης и Πολυκρατούσης (сл. W, стр. 22—3); въ греч. нар. книгѣ: Ἀρχιδονούσης и Πολυκαρτούσης. Оба текста разсказываютъ вообще согласно съ славянскимъ, но въ посланіи Кархидона есть нѣко-

торыя отличія; Поликрату Александръ говоритъ, W: διὰ τὴν ἀγάπην τοῦ βασιλέως τοῦ πατρός σου νὰ ἦσαι ἀδελφός μου ἐγκαρδιακός (греч. нар. кн. ἀγαπημένος); въ отвѣтѣ Кархидону выражено тоже настроеніе; сл. греч. нар. кн. стр. 39—40: εὐχαριστοῦμέν σε εἰς τὴν ἐπιστολὴν ὁποῦ μᾶς ἔστειλες, ὄχι διὰ τὰ δῶρα ὁποῦ μᾶς ἔστειλες μὲ τὸν υἱόν σου, ἀμὴ διὰ τὰ γλυκά σου λόγια, καὶ διὰ τὴν ἀγάπην, μὲ τὴν ὁποίαν μᾶς προσεδέχθης. Τὸ κεφάλι ὁποῦ προσκυνᾷ, σπαθὶ ἀκονισμένον δὲν τὸ κόπτει (сл. W, 23). Онъ проситъ царя прислать ему 12 тысячъ вспомогательнаго войска (W; греч. нар. кн.: и ежегодно платить 80 талантовъ).

Выше мы сказали, что въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ Псевдокаллисѳена С солунскій царь названъ не Кархидономъ, а Поликратомъ, у него сынъ—не Поликратъ, а Харимедъ. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ перестановкой собственныхъ именъ и искаженіемъ одного изъ нихъ: Харимедъ—Кархидонъ? Варьянтъ Pseudocall. A I, 29: Χαλκηδονίοις вм. Καρχηδονίοις наводитъ насъ на другія соображенія. Сербская рецензія ведетъ Александра, согласно съ Pseudocall. C, послѣ Солунскаго эпизода—въ Аѳины и Римъ; Historia de preliis упоминаетъ Аѳины лишь позже [1]), а передъ походомъ на Римъ говоритъ о какихъ-то враждебныхъ отношеніяхъ—къ Халкидону. Изложеніе страшно запутано: BM: Et post hec congregata multitudine (B hostium) cepit ire Romam. principes vero milicie mandaverunt ei sex milia talenta auri et coronas centum novem milia, deprecantes illum, ut concederet illam Calcedoniis (B illis pugnam Calcedonis?). post hoc autem ingressus est Italiam, et inde sulcata pelago perrexit Africam. principes milicie Africe rogaverant Alexandrum, ut auferret ab illis Romanorum principatum. Verumtamen apprehendit Calcedonem et dixit: vobis dico, Calcidonenses, aut pugnate viriliter aut subjugamini sub potestate pugnantium, et exiit a Calcedonia et precepit

[1]) Zingerle, l. c., стр. 147, 166 слѣд.; сл. ib. стр. 29 и прим. 2; Kinzel, Zwei Recensionen, стр. 11, 14. Привожу тексты по Кинцелю, удерживая его сиглы. Изданіемъ: Historia Alexandri Magni. Argentine, 1494, я пользовался по экземпляру Имп. Публ. библіотеки.

militibus suis, ut ingrederentur cum eo naves et exirent in Saranitidam (B Faranitidam) insulam, atque recepit ibi divinationem a deo Amone. Нѣсколько иначе въ D-Be: post aliquos dies congregato exercitu et multitudine preparata cepit Italiam navigare et veniens (ad) Calcedoniam expugnavit (Utr. cepit expugnare) eam. Calcedones autem supra muros civitatis ascendentes (stantes), ei fortiter resistebant. quibus Alexander ait: vobis dico, Calcedones, aut pugnate viriliter aut potestati subjugamini pugnatorum. verum tamen Calcedoniam apprehendit. — (D) Exiens inde et navigando (Be navigato) pelago ingressus est Italiam (Utr. cepit ire Romam) volens Romanorum superbiam refrenare. Consules vero Romanorum adventum Alexandri audientes valido sunt timore perterriti et congregato populo auri talenta LX milia et coronas aureas centum direxerunt Alexandro, supplicantes illi ut eos nullatenus expugnaret. Alexander vero recepto a Romanis tributo et a cunctis Italiam habitantibus usque ad mare occidentis, quorum regio vocatur Europa, reliquit eos in pace. Et exinde sulcato pelago Africam properavit, in qua paucos rebelles invenit, [et] eam suo imperio subiugavit. Exiens autem de Africa precepit militibus suis, ut ingrederentur secum naves, et venit ad Pharāradem (Be Pharatutinem, Utr. Faranididam) insulam ad deum Hamonem consulendum.

Во всемъ этомъ запутанномъ отрывкѣ Халкидонъ, Χαλχηδών, несомнѣнно, не что иное, какъ Καρχηδών — Кареагенъ [1]); сирійскій переводъ Псевдокаллисеена [2]) представляетъ туже за-

---

[1]) Сл. подобную замѣну Халкидона Кареагеномъ у Павла Діакона l. 18, Hist. Misc. c. 6 и Кедрина, Heracl. VI въ разсказѣ объ осадѣ Халкидона Персами. Тоже въ житіи св. Анастасія Персіянина: Charcedonia вм. Chalcedon. Сл. Acta SS. n. ed. Jan. III ad. d. XXII, p. 40 и 36. Сл. еще ркп. Синод. библ. № 86 (XVI вѣка: Александрія Псевдокаллисееновскаго типа), въ описаніи камней, украшавшихъ ефудъ первосвященника: анерахъ зѣло черменъ есть ωбразомь, бываеть в *Халкидонѣ лювіисцемъ, иже нарицается Африкіи.*

[2]) Сл. Woolsey, Notice of a life of Alexander the great, translated from the syriac by Rev. Dr. J. Perkins, въ Journ. of the American Oriental society, IV v. (1854), p. 369 и 388. — Сирійскій текстъ Александріи приготовляется къ изданію Беджемъ.

мѣну именъ (Халкидонъ вм. Кархидона) въ эпизодѣ Pseudocall. C, I, 30, который я приведу для сравненія: подчинивъ себѣ Римлянъ и взявъ съ нихъ дань и войско (A, I, 29: ἔλεγον δὲ καὶ πλείονας αὐτῷ δώσειν στρατιώτας εἰ μὴ τὸν πόλεμον συνῆπτον τοῖς Χαλκηδονίοις = Καρχηδονίοις?), Александръ переправился въ Африку; οἱ δὲ τῶν Ἀφρῶν στρατηγοὶ ὑπήντησαν αὐτῷ καὶ ἱκέτευον αὐτὸν ἀποστῆναι ἀπὸ τῆς πόλεως αὐτῶν Καρθαγένης (Миллеръ предлагаетъ читать, согласно съ Валеріемъ и, прибавимъ, съ Hist. de preliis: ἀποστῆναι Ῥωμαίους τῆς πόλεως)· ὁ δὲ Ἀλέξανδρος τὴν ἀδράνειαν αὐτῶν καταγνοὺς εἶπε πρὸς αὐτούς· «Ἢ κρείττονες γίνεσθε ἢ τοῖς κρείττοσιν ὑμῶν φόρους τελεῖτε»· Καὶ ἔλαβε παρ αὐτῶν φόρους. Κἀκεῖθεν ἀναζεύξας πᾶσαν τὴν Λιβύην ὑπερθέμενος εἰς τὴν Ἀμμωνιακὴν παραγίνεται· καὶ ἐμβαλλόμενος τὰ πλεῖστα πλήθη τῶν στρατοπέδων εἰς τὰς ναῦς κελεύει αὐτοὺς ἀποπλεῖν καὶ περιμένειν (αὐτὸν ред. A) εἰς τὴν Πρωτηίδα νῆσον; ред. A: εἰς τὴν Φαρίτιδα νῆσον — ближе къ текстамъ Hist. de preliis.

Во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ рецензіяхъ Псевдокаллисѳена эпизодъ о Карѳагенѣ и вообще дѣянія Александра въ Африкѣ разсказаны послѣ того, какъ онъ побывалъ уже въ Римѣ. Какъ объяснить, что въ Hist. de prel. послѣдовательность является обратная? Можно-бы предположить, что передъ авторомъ находился текстъ, сходный съ подлинникомъ сербской Александріи, и что, встрѣтя въ немъ передъ римскимъ эпизодомъ какого-то Кархидона = Халкидона (= Поликрата Псевдокаллисѳена), онъ увлекся созвучіемъ его имени съ Карѳагеномъ = Кархидономъ и перенесъ къ болѣе раннему времени, что у Псевдокаллисѳена приводилось лишь въ I, 30, опустивъ при томъ — содержаніе разсказа о Кархидонѣ = Поликратѣ. Труднѣе допустить другую возможность — существованіе какого-нибудь текста Псевдокаллисѳена съ послѣдовательностью: Поликратъ, Карѳагенъ, Римъ, которая исказилась-бы впослѣдствіи въ двухъ направленіяхъ: подлинникъ сербской Александріи опустилъ Карѳагенъ = Кархидонъ, перенеся его имя на Поликрата: Кархидонъ; авторъ Hist. de prel., наоборотъ, забылъ Поликрата и Карѳагенъ назвалъ — Халкидономъ.

Обратимся къ эпизоду о Поликратѣ у Pseudocall. C, I, 26: Александръ считаетъ свое войско; συναριθμήσας δὲ πάντας τοὺς παρόντας αὐτῷ, οὓς εἶχεν ἀπὸ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Φιλίππου, εὗρε χιλιάδας ἑβδομήκοντα ἑπτὰ καὶ τοξότας ἑξακισχιλίους πεντακοσίους. Ἀπέστειλε δὲ καὶ πρὸς Σκύθας ἄγγελον, ὡσάν, εἰ βούλοιντο, ἐλεύσονται πρὸς αὐτὸν εἰς συμμαχίαν. Они присылаютъ ему 70 тысячъ конныхъ стрѣльцевъ. Съ этимъ войскомъ Александръ отправляется на Солунь, тираннъ которой, Поликратъ шлетъ ему золото и серебро и сына Харимеда съ письмомъ, въ которомъ значилось, между прочимъ, слѣдующее: «ἐπειδήπερ τῇ προνοίᾳ ἀδυνατεῖ οὐδὲν, πάντα [δὲ] τῇ τύχῃ ὑποτάσσεσθαι χρέος ἐστί, καὶ σὲ τὸν θειότατον ἡμῶν βασιλέα ἀκριβῶς εἰδότες ἐκ θείας προνοίας γεγονότα, καὶ ὡς τὰ δοκοῦντά σοι εὐχερῶς ἡ τύχη πεποίηκεν· δουλικῶς κἂν μὴ θέλωσιν οἱ τὴν ὑπ' οὐρανὸν ἅπαντες κατοικοῦντες τῷ κράτει σου τὸ σέβας ἀπονεμέτωσαν. Ὅθεν κἀγὼ ἀκριβῶς ἐπίσταμαι τὰ σὰ εὐτυχῆ πλεονεκτήματα, καὶ τὴν πρὸς σέ μου δούλευσιν διὰ τοῦδε τοῦ εὐτελοῦς γραμματίου μου ἀνήγαγον. Ἐν ἀκριβείᾳ δὲ πιστῶσαι βουλόμενος τῷ κράτει σου, πέπομφά σοι καὶ ὅν μοι ἡ τύχη μονογενῆ παῖδα ἐχαρίσατο, σὺν οἰκτροτάτοις δώροις.—Въ отвѣтномъ письмѣ Александръ говоритъ Поликрату: τὴν ὑπ' Ἀναξάρχου τοῦ πατρός σου ἐξαυθεῖσαν ὀργὴν κατέσβεσας, οὐ τοῖς ἀποσταλθεῖσιν ἡμῖν δώροις σου, ἀλλὰ τῇ παρακλήσει τοῦ γράμματος καὶ τῇ τοῦ υἱοῦ σου ἀποστολῇ.— Сербская Александрія не знаетъ о родственныхъ отношеніяхъ Поликрата къ Анаксарху и слѣдующаго за тѣмъ похода Александра «ἐπὶ τοῖς ἄνω Σκύθαις», которые отвращаютъ войну обѣщаніемъ выслать Александру, готовящемуся итти πρὸς Λακεδαιμονίαν, вспомогательное войско. — Это двоякое упоминаніе Скиѳовъ (въ виду ихъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ противъ Аѳинъ) едва-ли представляется нужнымъ: еще съ перваго похода противъ нихъ (= Куманъ сербск. Александріи) они обѣщали Александру военную помощь.

Александръ идетъ на Аѳины; «Аѳинеискыи градь великь бѣше и в'сакыимь оукрашениѥмь земльнымь оукрашень и мьчтаниѥмь; .ві. риторь (вар. филожофоф) обладаше имь и всоу зем'лю еллин-

скоу окрьмлꙗше господствомь и соудомь правимь». Аѳиняне рѣшають не пускать къ себѣ Александра, хотя философъ Софоклъ (вар. Софок'ліи, Сопокли, Софоклинь) и говоритъ, что трудно будетъ противустоять побѣдителю Кумановъ, Анаксарха и Кархидона. «Дроуги же философь (Андистень, Антистен) рече: оть нелиже Аѳина зачела се ѥсть, ниединь царь не прѣѥть ю, оть нелиже великыи царь Фока (вар. Дионисие, Дионижии) па Аѳіноу пріиде и рьва сию много, ничто не оуспевь праздвь отиде, и Ексеексень (вар. Езарксен, Ѥѯерѯень и др.) перьсидиски царь на ни пришьдь некогда сь силою великою, не тьчию ничто оуспевь и оть нась разбиень, бѣжа, и вь ѥдиномь отоцѣ (вар. рици) макѥдон'скомь оутону; да не подобаеть намь, тако сил'немь, Филиповоу сыноу дати се». Далѣе выступаетъ сторонникъ Александра, Діогенъ: онъ видѣлъ Александра въ Олимпіи, слышалъ, какъ отозвался о немъ, пророча ему славную будущность, философъ Ураній, и теперь совѣтуетъ встрѣтить Александра съ честію: онъ благъ, и не сразившись съ нами, послѣдуетъ далѣе — въ Римъ. Не понравилось это Аѳинянамъ: «оу всакомь моудрьци до воле лоудости», говорятъ они, тогда какъ Діогенъ удаляется къ Александру, который, ставъ подъ Аѳинами, посылаетъ туда куманина Арфаксада (Ар'факса, Арпастада, Апразата, Арьфаза) съ требованіемъ покорности. Съ трудомъ нашли въ городѣ драгомана, понимавшаго куманскую рѣчь; когда уразумѣли ея содержаніе, драгомана убиваютъ, а Александру велятъ сказать, что ему не подобаетъ зваться Аѳинскимъ царемъ: «мнози бо тебе подобни царие подроуч'ни соуть вь Аѳине, и мнози больши витези и философи вь Аѳине вьдвараюдь се. Да довольнь боуди вь Македониѥ царствовати, ꙗкоже бо хоте вьшьль еси зде, и ꙗкоже хоштеши, и не изидеши оть соудоу». — Разгнѣвался Александръ: «Горе земли, еюже обладають мнози!» Онъ велитъ съ четырехъ сторонъ налечь на городъ; «беше видение стрѣль летештее вь градь ꙗко облакь»; но горожане дѣлаютъ вылазку изъ воротъ, убили десять тысячъ Кумановъ, съ другой стороны — четыреста конниковъ положили «банестрами» (вар. балпштри; чаграми), «и оухиштрениемь

некоемь ог'нь изь града врьгоше оу Александровоу заставоу, вь малѣ его не опалише». Вечеромъ, отойдя вь станъ и поставивъ стражей вокругъ войска, Александръ совѣтуется съ своими властелями: какъ быть? Діогенъ говоритъ, что взять Аѳины невозможно: въ немъ болѣе двухъ сотъ тысячъ ратниковъ; лучше выманить ихъ въ поле и, побѣдивъ неискусныхъ въ бою, завладѣть городомъ. Александръ прибѣгаетъ къ хитрости Грековъ подъ Троей: отойдя на двѣнадцать поприщъ, оставляетъ всю добычу, овецъ и воловъ, при такомъ посланіи: Не вѣдалъ я силу боговъ вашихъ; они явились мнѣ, страшные, во снѣ и велѣли вернуться вспять; взявши воловъ, принесите ихъ въ жертву богамъ вашимъ и помолитесь обо мнѣ, да помилуютъ меня.—На другое утро, увидѣвъ, что непріятель удалился, и повѣривъ писанію Александра, граждане заключили: «оть страха побѣже сынь Филиповь» и бросились преслѣдовать его, несмотря на предупрежденіе аѳинскаго философа Промаха: онъ видѣлъ во снѣ «ѩко великаго бога Аполона храмь паде се, и пирьгове (вар. прагове, тргове) вьси Аѳинеѥ оборише се, и врата великаа Аріѥва леда[1]) падоше се. И Алексен'дра видѣхь на льву (вар. волоуи глави) вь градь Аѳінеоу вьходешта, и видѣхь Макѥдонѩни срьпи носеште, и класиѥ пшеничьно, израстьше вь ширинахь града нашего, пожинахоу и зелено и зрѣло». Александръ ожидалъ Аѳинянъ на «Костоломѣискомь (вар. Кастилисцемь, Каталииском, Каталиньсцемь, Каталѡнском) лоузе»; на «Виталійскомъ» (вар. Витальскомъ, Витанскомъ) полѣ происходитъ ихъ встрѣча съ Александромъ, у котораго двѣсти тысячъ пѣхоты и 100 тысячъ всадниковъ (вар. 100 тысячъ пѣхоты и столько-же конниковъ). Увидѣвъ войско, услышавъ «глась троубамь и накарадамь и праскавицамь», они догадались объ обманѣ и, не будучи въ состояніи убѣжать, поневолѣ пошли на бой. Македоняне принялись ихъ сѣчь и гнать черезъ всё Виталійское поле, до самого города, куда вошли вмѣстѣ съ Аѳинянами. «Бѣше же видѣти

---

[1]) *Аріева леда* можетъ быть — Ἄρεως πάγος по догадкѣ проф. Дестуниса.

жалостьно видѣнию, дѣти же и жены кь своимь текоуште на срѣтеніе, и обои оубивахоу се, жени и дѣти, и вып'лю до небесе досежоуштоу, обои замѣсише се по срѣдѣ града и крьви пролѣвахоу се». Александръ ѣздитъ посреди на вологлавомъ конѣ и проситъ прекратить сѣчу; молятъ его о томъ и аѳинскія жены. «Онь-же не моги оуставити сѣчь, повелѣ градь запалити. Людие и жены оу коулоу (вар. турне) оутекоше и спасоше се оть ог'ня. Тогда глаголимыи ихь великыи и див'ныи храмь богь аѳинеискыихь сь вьсѣми богы паде се и из'горе. — Се слышавь Алексен'дрь рече: Аште быше се бози были, сами оть ог'ня спасли се быше. Пакы же Алексен'дрь ярость и жалость смѣсивь рече: Дьньсь макидон'скаа ороужіа крьвию аѳінеиском окрьвавише се, и не произволениимь моимь, нь нихь неоумѣниимь. Диогинь философь рече: О горе неприимлюштіихь моудріихь сьвѣта; добрѣ речен'но исть: моудра накажи моужа и вьз'любить те, безоум'на же, и вьз'ненавидить те; даи прѣмоудроу виноу, и прѣмоудреи боудеть. И вьсплака же градь аѳін'скыи (вар. Афина вса и Тива), и сь ию сметоше се в'си отоци вьселин'сціи, жаляхоу аѳінеиска паденіа (вар. слишавьше сие царие сикилисци жалеште великаго аѳинеискаго града велико падение) царіи вьселин'сціи велиціи. Сіа же слышавь Алек'сендрь, рече: Главоу не разбивь, не можь моз'га испити (Нов. I, гл. 22 = Jag. l. c., p. 239—243).

Изъ соотвѣтствующаго эпизода вѣнской рукописи (W, стр. 23—9) отмѣтимъ слѣдующее: изъ Солуни Александръ идетъ εἰς τὴν Ἀθῆνα [1]), гдѣ правили тогда двѣнадцать «риторовъ»; εἰς ὅλους τοὺς Ἕλληνας ἦτον διδασκάλεῖον· καὶ ἡ φρόνησις τῶν Ἑλλήνων ἦτον ὅλο μὲ τὸ δίκαιον; имена говорящихъ pro и contra: Софоній (sic), Діогенъ и Антистенъ; въ рѣчи послѣдняго упомянуты: персидскіе цари Діонисій и Ксерксъ (Ἐξερξέν); рѣчь Діогена, нѣсколько подробнѣе развитая, чѣмъ въ слав. переводѣ (съ ссылкой на философа Уранія), встрѣчена насмѣшкой: εἰς πᾶσα

---

[1]) О формѣ Ἀθῆνα (въ греч. нар. кн. Ἀθῆναι) сл. Дестунисъ, О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ аттической Аѳинѣ (СПБ. 1881), p. I.

ἄνθρωπον φρόνιμον ἔναι καὶ λουλία πολλή, говорятъ Аѳиняне. Арфадаксъ, князь Кумановъ и Аламановъ, не разумѣетъ γλῶσσαν ῥωμαϊκὴν, почему потребовался драгоманъ; стрѣлы (σαγίται) Кумановъ ἔπεφταν εἰς τὸ κάστρον ὥσπερ σύγνεφα ὁπόταν βρέχῃ; Кумановъ убито 10 тысячъ, у Македонянъ 500 пѣшихъ и 1500 конниковъ. Александръ спрашиваетъ, что ему сдѣлать «εἰς τοὺς Ἀγαρηνοὺς τοὺς πονηροὺς τοὺς Ἀθηναίους»; въ городѣ, по словамъ Діогена, десять тысячъ вооруженныхъ. Александръ оставляетъ «ἀγελάδια καὶ ταυρία παχεῖα ᾳφ̄ καὶ πρόβατα διαλεκτὰ ϡ»; онъ проситъ Аѳинянъ принесть ихъ въ жертву богу Аполлону. Отъ преслѣдованія Александра ихъ пытается удержать какой-то Промахъ: ему видѣлось во снѣ ὅτι τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ναὸς ἔπεσεν καὶ τοῦ κάστρου οἱ πύργοι ἐχάλασαν καὶ ἡ πόρταις ἡ μαρμαρένιαις τοῦ Δαρείου ἐχάλασαν, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ κάστρον καβελάρης, ἐπερπάτειεν ταὶς ρούγαις τοῦ κάστρου· καὶ εἶχεν ἐξεβῆ εἰς τὸ κάστρον μας σιτάρι οὔριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρατιώταις τοῦ Ἀλέξάνδρον τὸ ἐθέριζαν. Этотъ образъ удержанъ и далѣе, въ описаніи взятія Аѳинъ: Македоняне «ἐτζάκισάν τους (т. е. Аѳинянъ) καὶ ἔκοπταν τοὺς ὡσὰν καλλιεργάταις εἰς δασὺν χοράφιν». Александръ поджидаетъ враговъ εἰς τὸν λόγκον τῆς Μαστελείας и встрѣчается съ ними εἰς τὸν κάμπον τῆς Βηταλείας. Въ городъ онъ въѣзжаетъ на Букефалѣ; «ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἀνέβαινον ἀπὸ τοὺς πύργους μὴ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἄλλοι ἔδραμαν εἰς τὸν ναόν τους τὸν Ἀπόλλωνα διὰ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἀπὸ τὸν θυμὸν τῆς ἱστίας ἀπὸ τοὺς πύργους ἐγκρεμνίζονται· Τότε καὶ ὁ ναὸς ὁ μέγας τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ὡραίος ἐκεῖνος, ὁποῦ ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων, ἄψε καὶ ἐκάηκε μὲ ὅλους τοὺς θεούς, надъ безсиліемъ которыхъ смѣется побѣдитель. — «Ὁ Διογένης ὁ φιλόσοφος εἶπεν· Ἐὰν οὐδὲν πάθη ὁ ἄνθρωπος, οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ μάθη, ἀμὴ καλὰ λέγει ὁ λόγος· τζάκισε τοῦ ἀνθρώπου τὸ κεφάλι, καὶ τότε νὰ πείθεται. ὅμως καλὰ λέγει ὁ Σολωμών· δίδου σοφοῦ ἀφορμὴ, καὶ σοφώτερος ἔσται· τότε ἡ Ἀθήνα ἐτρόμαξεν, τότε ἡ Θήβα ἐθρήνησεν, τότε τὰ νησία ὅλα ἤκουσαν, καὶ ἐτρόμαξαν, καὶ τὰ βασίλεια τῆς Δύσης ἐθρήνησαν, τῆς Σικελίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς

λογισμόν, τὸ τί νὰ ποιήσουν· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· τὸ κεφάλιν ἂν οὐδὲν τὸ τζακίσης, τὸν ὀμυαλὸν οὐδὲν ἠμπορεῖς νὰ τὸν φάγης.

Объ Аѳинахъ греч. нар. книга (см. р. 40—48) говоритъ: Ἦτον αἱ Ἀθῆναι κάστρον μέγα μὲ κάθε πρᾶγμα στολισμένον, ὁποῦ δὲν εὑρίσκετο παρόμοιον εἰς τὸν κόσμον, καὶ εἶχε μέσα δώδεκα ῥήτορας (далѣе: οἱ φιλόσοφοι), ὁποῦ τὸ ἐκυβερνοῦσαν, φρονιμωτέρους ἀπὸ ὅλους τοὺς Ἕλληνας. Εὑρίσκοντο ἐκεῖ διδασκαλεῖα, καὶ πᾶσα φρόνησις τῶν Ἑλλήνων, καὶ μὲ δικαιοσύνην ἐκυβερνοῦσαν τοὺς Ἕλληνας — Имена философовъ, препирающихся другъ съ другомъ: Σοφονίας, Ἀντισθένης и Διογένης; содержаніе рѣчей то-же, что въ слав. текстахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стоятъ Аѳины, никто не подчинялъ ихъ себѣ, говоритъ Антисѳенъ: Δαρεῖος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθε καὶ ἀπέκλεισέ την, καὶ ἐπολεμησέ την, ἀλλὰ τίποτε δὲν ἐδυνήθη νὰ κάμη, μόνον εὔκαιρος ἐδιέβη καὶ ἐντροπιασμένος. Ἄλλος βασιλεὺς τῆς Περσίας ὁ Ξέρξης ἦλθεν εἰς τὰς Ἀθήνας μὲ δύναμιν πολλήν, ὅμως οὔτε αὐτὸς τίποτε δὲν ἔκαμε, μόνον νικημένος ἐδιέβη ἀπὸ τοὺς Ἀθηναίους, ἐπειδὴ εἰς ἕνα ποτάμι τῆς Μακεδονίας, ὀλίγον ἔλειψεν ὁποῦ δὲν ἐπνίγη αὐτόν, καὶ τὰ φουσάτα του (W, стр. 24, о Ксерксѣ: εἰς ἕναν ποτάμιν τῆς Μακεδονίας ἐπνίγηκαν). — Діогенъ также ссылается на изреченіе Уранія и совѣтуетъ учествовать Александра дарами, ἐπειδὴ αὐτὸς θέλει μᾶς ἀφήσει ζακόνια καλὰ νὰ ἔχωμεν εἰς τὸν τόπου μας, καὶ ἀπ' ἐδῶ θέλει σηκωθῇ νὰ ὑπάγῃ εἰς τὴν Ῥώμην. — Діогена не слушаютъ: εἰς κάθε ἄνθρωπον φρόνιμον καὶ μεγάλη λολάδα εὑρίσκεται [1]); онъ переходитъ къ Александру, который посылаетъ въ Аѳины аламанскаго архонта Ἀρφάδιον, объясняющагося черезъ драгомана: αὐτὸς γλῶσσαν Ἑλληνικὴν δὲν ἤξευρε νὰ συντύχη. Аѳиняне велятъ отвѣтить Александру, ὅτι αἱ Ἀθῆναι δὲν τὸν προσκυνοῦν. Ἂς ἠξεύρῃ ὅτι ἄλλοι καλλήτεροι βασιλεῖς ἀπὸ αὐτὸν ἦλθαν εἰς τὰς Ἀθήνας, καὶ δὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν, ἐπειδὴ εἰς ὅλον τὸν κόσμον καλλήτεροι φιλόσοφοι καὶ πρωτοκαβαλαραῖοι δὲν εἶναι [2]). Σώνει τον ἡ Μακεδονία νὰ

---

[1]) Въ сербск. текстѣ: до воле *лоудости*; λολάδα отъ новогр. λολός = глупый, какъ отъ τρελλός — τρελλάδα и τρέλλα.

[2]) Иначе въ W, стр. 25, въ отвѣтѣ Аѳинянъ: ὅτι καὶ ἄλλοι βασιλεῖς καλλίτεροι

βασιλεύῃ, καὶ ἄς εὔγῃ ἀπὸ τὸν τόπον μας ὡσὰν δὲν θέλει. Драгомана убиваютъ; Александръ нападаетъ на городъ съ четырехъ сторонъ; οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας ἐτόξευαν μὲ σαΐταις ὡσὰν νέφος μελισσῶν; Аѳиняне убиваютъ ихъ 10 тысячъ, да три тысячи Македонянъ, сами же, потерявъ всего десять человѣкъ, ἔρριξαν στίαν ἀπὸ τὸ κάστρον, καὶ ὀλίγον ἔλειψε νὰ καύσουν καὶ τὸν Ἀλέξανδρον. Слѣдуетъ отступленіе Александра, совѣщаніе съ мегистанами и извѣстный намъ совѣтъ Діогена (въ Аѳинахъ 10 тысячъ храбрыхъ); въ письмѣ къ Аѳинянамъ, какъ и въ W, ничего не говорится о сновидѣніи Александра, а лишь о гнѣвѣ на него Аполлона, которому пусть и принесутъ въ жертву оставленныя имъ γελαδοπρόβατα, дабы онъ смиловался надъ Александромъ; Аѳиняне находятъ въ его станѣ τὰ χίλια ἀγελάδια, τὰς τέσσαρας χιλιάδας πρόβατα и говорятъ: βέβαια ἀπὸ τὸν φόβον του ἔφυγεν ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου. Какой-то архонтъ, именемъ Τιρόμαχος пытается удержать Аѳинянъ отъ преслѣдованія, разсказавъ имъ свой сонъ: онъ видѣлъ ὅτι τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ναὸς ἔπεσε, τοῦ κάστρου οἱ πύργοι ἐχάλασαν, ἡ πόρταις ἡ μαρμαρένιαις ἔπεσαν, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος εἰσέβη καβαλάρης, περιπατῶντας εἰς τὰς ῥούγας, καὶ τὸ κάστρον ἐγέμισε σιτάρι δασὺ ὥριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρατιῶται τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ἐθέριζαν [1]). — Александръ поджидаетъ

ἦλθαν καταπάνου μας, καὶ οὐδὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν· ὅτι κάλλιον κάστρον καὶ δυναμώτερον φουσάτο οὐδὲν ηὑρίσκεται πούπετες.

Сл. у Дестуниса, l. c., v. 30 слѣд., плачъ Аѳинъ:

Οὐαὶ μοι τὴν κακονείδιστον περὶ τὰς πόλεις ὅλας,
Ἔκπαλαι τὴν παμφούμιστην περὶ τὰς πόλεις ὅλας,
Οὐδέποτε τὴν κύψασαν ποσῶς εἰς δουλοσύνην,
Τὴν ἀνδρεωμένην πάντοτε περὶ τὸν κόσμον ὅλον,
Τὴν φρόνιμον, την πάνσοφον περὶ τὰς πόλεις ὅλας,
Τὴν γεμισμένην τῶν λαῶν ὡς πλῆθος τῆς μελίσσης.

[1]) Въ слав. текстѣ образъ жатвы = битвы выраженъ яснѣе. Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως (Wagner, Trois poèmes grecs, p. 18):

572 καὶ ὥσπερ νὰ κόπτουν θερισταὶ χωράφιν δασωμένον,
καλοί, ἰσχυροὶ καὶ δυνατοί, καὶ χορτασίαν μὴ ἔχουν,
οὕτως τοὺς ἐκατέκοπταν καὶ χορτασίαν οὐκ εἶχον.

Сл. v. 1310.

непріятелей εἰς τὸν λόγγον τῆς Κασταλίας, καὶ διέταξε τὰ φουσάτα του εἰς τρία μερτικὰ, τὸ καθε ἕνα κατὰ τὴν τάξιν του. Εἰς τὸν κάμπον τῆς Βαταλίας (вѣроятно: battaglia; не оттуда-ли Виталійское поле слав. пересказовъ?) οἱ Ἀθηναῖοι ἔφθασαν τὸν Ἀλέξανδρον, ὁ ὁποῖος παρευθὺς ὥρισεν καὶ ἐκτύπησαν τὰ ὄργανα καὶ ἐξέβησαν τὰ φουσάτα ἀπὸ τὸν λόγγον ὁποῦ ἦσαν κρυμμένα. Устрашенные Аѳиняне принуждены вступить въ битву, Александръ верхомъ на Вукефалѣ пытается удержать своихъ отъ сѣчи (мольбы женъ и дѣтей); не успѣвъ въ этомъ ὥρισε νὰ βάλουν στίαν εἰς τὸ κάστρον. Αἱ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἀνέβαινον εἰς τοὺς πύργους νὰ γλυτώσουν, ὅμως ἀπὸ τὴν φωτίαν ἐγκρεμίζονταν κάτω καὶ ἐσκοτώνονταν. Ἄλλοι ἔτρεχον εἰς τὸν ναὸν τοῦ Ἀπόλλωνος διὰ νὰ γλυτώσουν, ἀμὴ καὶ ἐκεῖνος ἐκάη μὲ ὅλους τοὺς θεοὺς τῶν Ἑλλήνων. Τότε ὁ Ἀλέξανδρος ἐγέλασε και εἶπεν· ἐὰν ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων θεοὶ ἀληθινοὶ, ἤθελον διαφεντευθῇ ἀπὸ τὴν φωτίαν νὰ μὴ καοῦν. Ἐλυπήθη ὅμως τὸν λαὸν καὶ ἔλεγε· σήμερον τῶν Μακεδόνων τὰ ἅρματα ἠκονίσθησαν ἀπὸ τὸ αἷμα τῶν Ἀθηναίων, ἀλλὰ δὲν εἶναι τὸ πταίσιμον ἀπὸ ἐμένα, ἀμὴ ἀπὸ αὐτοὺς διὰ τὴν ἀγνωσίαν τους. — Τότε ὁ Διογένης ὁ φιλόσοφος εἶπεν· ὁ ἄνθρωπος ἂν δὲν πάθῃ, δὲν μαθαίνει καλὰ, ἐπειδὴ λέγει ὁ λόγος· τζάκισαι τὸ κεφάλι τοῦ ἐχθροῦ σου, διὰ νὰ σὲ πείθεται, καὶ νὰ σὲ φοβᾶται. Ἐγὼ τὸ προεῖπα τῶν Ἀθηναίων, ἀλλ' αὐτοὶ τὸν λόγον μου δὲν ἠθέλησαν ποτὲ νὰ ἀκούσουν. Αἱ Ἀθῆναι καὶ αἱ Θῆβαι τῶρα κλαίουν πικρῶς, καθὼς καὶ τὰ βασίλεια τῆς Δύσης, Σικελίας καὶ Λακεδαιμονίας ἔφριξαν, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς πικρὸν λογισμόν.

Упоминаніе во всѣхъ текстахъ сѣтующихъ Ѳивъ является общимъ мѣстомъ, подобно плачу Запада, Сициліи и Лакедемоніи, если не предположить, что въ оригиналѣ сербской Александріи говорилось — и о разрушеніи этого города. Обратимся для разрѣшенія этого вопроса къ Pseudocall. С, I, 27: послѣ эпизода съ Поликратомъ Александръ идетъ на Эллиновъ, экзархи которыхъ, слыша о его нашествіи, собираются для совѣщанія въ Аѳины: ἐκεῖσε γὰρ ἦν αὐτῶν ἡ ἀρχή. Δώδεκα δὲ ῥήτορες τῷ τότε καιρῷ διεῖπον πᾶσαν ἀρχὴν Ἑλλάδος. Антисоенъ и Парменидъ стоятъ

за сопротивленіе: Ἔχομεν λόγους ἐκ προγόνων, ὁπόταν τῇ πόλει ἡμῶν ἐπῆλθε Διόνυσος (Діонисій слав. текстовъ), ὁ πᾶσαν ὑποτάξας γῆν· ἀλλὰ ἀντεῖπον αὐτῷ Ἀθηναῖοι, καὶ μέγιστα κατ' αυτοῦ ἦραν τρόπαια, καὶ ἀχρεῖον αὐτὸν ἀποστρέφουσιν ὡσεὶ ἀδράνεον». — А кто въ то время начальствовалъ Аѳинянами, спрашиваетъ Діогенъ? — Атрей и Оилей, первый царь Македонскій. «Καὶ ὁ Διογένης ἐπὶ τούτῳ γελῶν ἔφη· «Καὶ ὡς φωρᾶς ὕλην ἐξ αὐτῶν παραστήσατε μόνον, καὶ ἐρῶ ὑμῖν Ἀλέξανδρον ἀντιπαρατάξεσθαι. Εἰ δὲ μὴ τούτο ποιήσετε, οὐ μόνον Ἀλέξανδρον οὐ μαχέσεσθε, ἀλλὰ καὶ τὴν Θήβαν ἐδαφίσετε.» Діогена не слушаютъ и нечестно отсылаютъ Александровыхъ пословъ, пришедшихъ съ мирными предложеніями. Александръ отступаетъ на 12 миль отъ города, поджидая Скиѳовъ, говоря объ Аѳинянахъ: Καὶ, ὦ ὑμεῖς, ἐξ ἐσχάτου μετανοήσαντες οὐδὲν ὠφελήσετε». Когда укрѣпленіе подоспѣло, Александръ дѣлаетъ приступъ; καὶ οὐκ ἦν ἀριθμὸς τῶν τοξοτῶν· ἀπὸ γὰρ τῆς βολῆς ὁ ἥλιος οὐκ ἐφαίνετο. — Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ С передаетъ нѣкоторыя подробности, которыми В, начинающій походы Александра со взятія Ѳивъ, открываетъ свой разсказъ (В, I, 26): разпространился слухъ о смерти Александра; Ѳиванцы перебиваютъ поставленный Филиппомъ гарнизонъ; *Александръ идетъ на Ѳивы*, προσέπεσε ταῖς Θῆβαις, гибель которыхъ вѣщаютъ страшныя знаменія: Σημεῖα δὲ τοῖς Θηβαίοις τῶν μελλόντων κακῶν ἐγένετο· τὸ γὰρ τῆς Δήμητρος ἱερὸν ἀράχνη περιεκάλυψε, τό τε τῆς Δίρκης καλούμενον ὕδωρ αἱματῶδες ἐγένετο. Послѣ этого В тотчасъ-же говоритъ о взятіи города; С продолжаетъ самостоятельно: Καὶ ἦν ἰδεῖν θαῦμα μέγιστον ἐν Ἀθήναις. Οἱ γὰρ ἐν τοῖς τείχεσι χάριν τοῦ πολέμου ἱστάμενοι δίκην φύλλων ἐκ τοῦ τείχους κατήρχοντο· καὶ οὐκ ἦν ὁ ἀνθιστάμενος Ἀλεξάνδρῳ. Παραλαβὼν δὲ ταύτην ὁ βασιλεὺς κατέσκαψε πᾶσαν τὴν πόλιν. — Слѣдуетъ извѣстная бесѣда Александра съ Діогеномъ, просящимъ царя не затмить ему солнца — и затѣмъ уже *походъ противъ Ѳивъ*, переданный сходно, хотя и пространнѣе, съ изложеніемъ А, который помѣщаетъ его гораздо позже (I, 46).

Пересказанный нами отдѣлъ С указываетъ на смѣшанный

характеръ этой рецензіи, въ которомъ мы уже убѣждались и убѣдимся на другихъ примѣрахъ. Упоминаніе Ѳивъ во время осады Аѳинъ мотивировано внѣшнимъ образомъ, нарушающимъ послѣдовательность; однимъ изъ источниковъ редактора могъ быть текстъ сходный съ источникомъ сербской Александріи, ограничивающейся разсказомъ о паденіи Аѳинъ. Съ сѣтованіемъ Ѳивъ сл. въ текстѣ, спеціальномъ для С, угрозу Діогена Аѳинянамъ: καὶ τὴν Θήβαν ἐδαφίσετε.

Если въ Аѳинскомъ эпизодѣ сербской Александріи мы могли видѣть значительное отличіе отъ соотвѣтствующаго отдѣла въ С, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ то замѣтить относительно разсказа объ Александровомъ походѣ на Римъ. Что въ С лишь намѣчено, здѣсь развито подробно, общими мѣстами и описаніями, напоминающими таковыя-же въ слѣдующихъ далѣе разсказахъ — о пришествіи Александра въ Трою и Іерусалимъ.

Изъ Аѳинъ онъ направляется къ Риму[1]) съ 1400-ами витязями; «тогда срѣтоше его царь тракіискыи и поул'скыи и дамал'скыи и готь'скыи и тривал'скыи [2]), и принесоше ему дари многи

---

[1]) Римскій эпизодъ нашей Александріи, внесенный въ хронографъ 1-й редакціи см. у А. Попова, Хронографы вып. I, стр. 119—120.

[2]) Вар. кнези и цари трацииски и македонски и сиѳелииски и муриискн и пулиискн и гонитански и тривалиискн; кнези тракисци и лакедемоньсци и моуреисци и дальмацисци и трилисисци и поульсци; кнези тарьсицьки и маѳедωрисци и муреиньски и дальматиньски и гωнитансци. — Готскіе витязи упоминаются въ одномъ спискѣ Александріи (Jagić, l. c., p. 260, прим. 10), въ эпизодѣ о Мимандѣ: «гωтиньсци витези»; Готы и Далматинцы въ войскѣ Александра — въ отрывкахъ ирской Александріи: «die Grossherren der Thracier und die Fürsten der Aethicer und die vornehmsten der Athener und die Könige der Thessalier und die äolischen Grosskönige und die Heere aus dem Lande Moesia, *und die tüchtigste Schaar, die je von einem Könige gewonnen wurde, nämlich die Gothen und Dalmaten und Dardaner, und Istrien und Rhätien und Pannonien.* (См. Kuno Meyer, Eine irische Version der Alexandersage. Lpz. 1884, p. 22). У Орозія, которымъ пользовался авторъ ирскаго пересказа, этихъ подробностей нѣтъ, но Готы дважды упоминаются въ связи съ Александромъ: I, 16, 2: Gothi, quos Alexander evitandos pronuntiavit; VII, 34, 5: maximas illas Scythicas gentes formidatasque cunctis maioribus, Alexandro quoque illo Magno..... evitatas,.... hoc est Alanos, Hunos et Gothos. — У Іорнанда, смѣшивающаго Готовъ съ Скиѳами и Гетами, Филиппъ Македонскій женится на дочери гот-

без'числьныи, стѣми царьскык многоцѣн'ные и даани .вı.-мь лѣтомь, и имень царьскыихь лишише се, сатрапомь повелѣ звати се имь». Римляне, управлявшіеся въ то время общиною, какъ и Аѳиняне, (вар.: и слышавшіе, какъ они пострадали) рѣшаютъ на совѣтѣ: впустить Александра въ городъ «сь почьст'ми мнозѣми и сь дар'ми, отложьше се на отъчьскыхь оуставѣхь, милостию непоколѣбимою на законѣхь быти. Кь Богоу же своюмоу Амоноу вь црьковь притекоше и молıахоу се юмоу вьз'вѣстити имь ıаже о Алексен'дри. Сы же вь с'нѣ ıавль се рече имь: Моужіе великаго града Рыма, не боите се Алексен'дра, сынь мои юсть. Нѣкогда ходив'шоу ми по нѣкоюи потрѣбѣ вь Макюдоніоу, быхь сь матерію юго Олим'біадою, и семоу быв'шоу роди се Алексен'дрь». По совѣту бога Александра встрѣчаютъ съ честью: четыре (вар. 12) тысячи витезей въ вѣнцахъ и двѣ тысячи дѣвицъ, всѣ на бѣлыхь коняхъ, «и крьзма црьвена и везена сь златомь, и прочіихь люди тисоушта и четири ста (вар. 14 тысячъ), сіи же в'си ношахоу дафиново вѣт'выю вь роукахь сь златомь». Двѣ тысячи іереевъ идольскихъ, съ свѣчами вь рукахь, вынесли ему «крьз'мо великога цара Соломона црьвено (вар. велико и многоцинно), юже бѣ вьзель Навьходоносорь царь, югда плѣни Іерусалимь. И изнесоше блюдь самотвор'ныхь тисоуштоу и двѣ стѣ (вар.

скаго (=гетскаго) царя Гудилы, «ut tali affinitate Macedonum regna firmaret». Далѣе говорится о его попыткѣ разграбить подвластный Готамъ Одиссъ — и разсказывается нѣчто, напоминающее пришествіе Александра въ Іерусалимъ у Іосифа Флавія и др.: «unde et sacerdotes Gothorum illi qui pii vocabantur subito patefactis portis cum citharis et vestibus candidis obviam egressi patriis diis, ut sibi propitii Macedonas repellerent, voce supplici modulantes. Quos Macedones sic fiducialiter sibi occurrere contuentes stupiscent et, si dici fas est, ab inermibus terrentur armati nec mora soluta acie quam ad bellandum construxerant, non tantum ab urbis excidio abstinuerunt, verum etiam et quos foris fuerant jure belli adepti, reddiderunt, foedereque inito ad sua reversi sunt». Iordanis Getica, ed. Mommseu, p. 73. Сл. Скиѳовъ = Готовъ въ Александріи Псевдокаллисѳеновскаго типа, въ описаніи камней на ефудѣ первосвященника: «аоукинфъ аки оучермленъ есть, обрѣтаетжеся по оутреніи варвари и Соурїиисцѣи и *Скуфію же Готфыи давнїи;* да тѫ оубо вноутрь великыѧ *Скѵ̈фіа* въ поустыни есть дебрь велика зѣло» и т. д. Ркп. Синод. библ. № 86 (XVI в.). Въ Архивскомъ спискѣ этого эпизода нѣтъ.

.ві. блоудь самотворьнихь оть .ві. камень многоценихь), еже бѣ поставиль Соломонь царь вь храмѣ господни вь светаа светыхь, сь каменикмь многоцѣн'нымь, и вѣн'ць Соломоновь, вь немь же бѣхоу .г. камени, имоуште .ві. дѣист'віи исцѣлкніа (вар. прибавляеть: и .ві. имень сыновь Исраилевь бехоу); и изнесоше кмоу стемоу цар'скоу Сивилѣ (вар. юш'ке Сивиле, царице южаске Сивиле) царице, имоуште дѣиствіа многовлышб'наа; и парижа изведоше подь кпаз'момь (вар. епазмом, хакизмомь, халкизмомь) кор'кодиловемь, оседлана сед'ломь оть камена адаман'та; и изнесоше емоу ороужик Агамікоуша (вар. Агемононь, Адаменуш, Агаменоушь) кралю, иже вьзеше вь Трои Алексан'дрово, Парижа, сына троискога кралю Прѣмоуша (вар. Приѣмуша, Прѣльмоужа); изнесоше кмоу копик лифан'диново (вар. алефандиново, елефантово) сь бисеромь обнизано и каменикмь многоцѣн'нымь Аюк'ша Телемоникю и прочіихь копи .і. (вар. прибавляетъ: и стемь прочихь .з.); и изнесоше емоу штить попеть аспидовомь кожомь Таркиніа рим'-скога цара»[1]). — Александръ ѣдетъ на Вукефалѣ, въ вѣнцѣ египетской царицы Клеопатры съ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями, «конк же повод'ние и троуб'ник гласи нареди по подобію.... Близь же быв'шемь имь, витези и дѣвице рим'скык сь конь

---

[1]) Сл. нар. рум. кн. стр. 27—8 (дары Римлянъ): «ші ↑траръ ↑ четате, ші мѣрсеръ ла Бісѣріка лѕї Соломон че о фъкѕръ Савела (рум. К. Савила) ↑пърътѣса сора лѕї Соломон че съ зіче Сфѫнта Сфінтелор, ші съ ↑кінаръ ші шезѕ Алеѯандрѕ ↑ скаѕнѕл (рум. К. четатѣ) Рѫмѕлѕї, ші ↑чепѕръ а скоате дарѕрї, о міе де бліде де аѕр (рум. К. еї де блиде де аѕръ кѕ пієтре скумпе ↑подобите каре фусѣ алѕ Соломон ↑пъратъ ші маї скоа̑ корона лѕї Соломон ↑пърат нещіѕт прецѕл сі; ші маї скоа̑ ѡ стема а Савелеі ↑мпъртесіи), ші скоасеръ плашка ші емѕрлѕкѕл лѕї Соломон, тот кѕ окї де шарпе, ші ера ↑трѫнсѕл треї пієтрії де авѣ 12 токмѣле ші тоате боалеле віндека, ші скоасеръ стема ↑мпъртѣсеї Савелії чѣ де мѕлт прец.... ші скоасеръ сабіѧ лѕї Аремлеѕс Країѕ дела Троада (рум. К.: сабіе де анкитъ хїеръ алѕї Ираклие ↑мпърат че ѡ лѕѡа дела Троада четате), ші скоасеръ сѕліца лѕї, де ос де елефант, тот кѕ мъргърітаре, ші скоасеръ павеза лѕї Патрікіе (рум. К. Таркеніе) ↑мпъратул, ↑вълѕітъ кѕ піѧле де аспидъ (рум. К. прибавлено: ші маї скоа̑ ѕн инел ал Сирамидеї ↑мпъртесіи ші ↑нтрѕ ачел инел ера̀ фъкѕт часорник ші съ веде черюл кѕ тоате стелиле ші стрълѕчіе ка ѕн лѕчафъръ, нещіѕт прецул луї).

сьсѣд'ше (вар. на фарижехь поклонише се Александроу, сь конь же не сьседоше; иначе: с кони саседше) поклонише се Алексен'дроу и рекоше: многа лѣта Алексен'дру сегаи свѣтѣ цароу. И сіѥ рекше отстоупише на страну, и дроузи, по нихь пришьдьше, прославише ѥго. И попове (вар. іереи), пришьдьше сь свѣштами и кадил'ницами, покадише ѥго вонѩми различ'ними и прославише ѥго вь коупѣ веселеште се. Вьшьдь же вь градь Римь, приведоше ѥго вь храмь Аполоновь (вар. прибавляетъ: поклонише се), іереи же Аполонови срѣт'ше покадише ѥго, и поклонише ѥмоу злато и ливань и змир'ноу, сіа оубо царьскаа дарованіѩ соуть, и изнесоше ѥмоу писаниѥ, имоуште сице: «Вь петитисоушт'ноѥ (вар. три, шест тисућно) лѣто вьстати имать оть Макѥдоніѥ ѥдинорогь коз'ль и поженеть в'се пар'доусе запад'ниѥ (вар. прибавляетъ: грьдѣливиѥ превьзносештеи се) и по томь кь вьстокоу оустрьмить (вар. вьзвративь) се, идеже великыи ов'нь двоѥрогыи, ѥмоуже рози до облакь (вар. оть юга на северь досежоуть). Сего ѥдинорогыи оударить рогомь вь срьдце, оубиеть, и потресоуть се Миди и Финици и вьсточ'ныи вьси ѩзыци, и острыѥ мьча пер'скаго притоупить (вар. добавляетъ: и вь Римь пришьдь царь сьврьшень прославить се; и семоу белегь вь Римь пришьствіа боудеть, ѩко сь миромь поклонити се емоу вьсь Римь безь вьсакиє рати)». — Философъ (вар. философы) толкуетъ Александру это пророчество Даніила: пардусы — западные цари, двурогій овенъ—восточныя царства Персіи, Мидіи и Финикіи; единорогій козелъ — Александръ, который говоритъ: «ѩко промыслоу божию волѩ ѥсть, тако да боудеть, сил'ни бо падоше и немошт'ніи прѣпоѩсаше се силою. И тоу веселештоу се ѥмоу сь Римлѩны и Макѥдонѩни, пріидоше кь нѥмоу вьса царьствіа запад'наа, и принесоше ѥмоу дари многоцѣн'ни, молеште се емоу не ратовати ихь. Алексен'дрь о семь оумиливь се, даань и воискоу .ві. лѣтомь даше ѥмоу, Лаомедоуша (вар. Лаомедона, Лаумедона) свога приснога и любимога вь Римѣ цара постави, и в'сѣмь западнимь царемь.

«Злато же много и воискоу вьз'мь на оучеш'коу землю (вар. юш'ке стране) оустрьми се, тамо же шьствіе творе, царства

многа и крѣп'ка порази и всоу въселен'ноу прѣшьдь, даже до Океана рѣкы дошьдь и трехь рѣкь иже в'соу землю обьтичють. Звѣри обрѣте тамо чловѣкообразные и двоеглавы, змиеви ногы имоуште (вар. и двоеглави змие), сь ними рать сьтворь великоу, и тѣхь побѣди, звѣри бо, ороужіа не имоуште, вь скорѣ падоше. И на желѣзноую нѣкоую гороу вьшьдь, жены дивие на Алексен'дра вьсташе, и рать великоу сь ними сьтвори, вь едниь чась тисоушту (вар. .р., петдесет) одь воиске его оубише. В'се жены тіи крила имѣхоу, и нок'ти ѩко срьпи крѣп'кы бѣхоу зѣло, тѣло-же ихь одѣѩн'но бѣше власы, и прѣлетаюште, изьдирахоу воємь очи (вар. и лица раздирахоу). Сіа же слышавь Алексен'дрь повелѣ трьстіа запалити. Жены же не вѣдѣште ог'ньное ест'ство вь пламень вьлетахоу, и тѣмъ крила из'гарахоу, и на землю падахоу. Сіе же вои прискачоуште оубивахоу и тѣхь оубише веке .к. (вар. десет) тисоушть.

«И Океана рѣкы дошьдь, вь вьселен'ноу врати се» (Нов. I, гл. 22, стр. 32—6 = Jag. l. c., p. 243—6).

W (стр. 29—33) передаетъ in extenso эпизодъ о пришествіи Александра въ Римъ. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ особенностяхъ и отличіяхъ. На пути въ Римъ Александра встрѣчаютъ ὅλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ ἀφέντες τῆς Ταρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ὅλων) καὶ τῆς Πουλίας ὅλον τὸ ῥηγάτον καὶ οἱ Γότθοι ὅλοι; они приносятъ ему, между прочимъ, λιζάτον τριῶν χρονῶν. Римскіе архонты (о римской «общинѣ» ничего не говорится), слышавшіе о паденіи Аѳинъ, совѣщаются и рѣшаются принять Александра съ честью: θέλει ἀφήκει καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τόπον μας. Они обращаются въ своемъ затрудненіи къ богу Аполлону (далѣе: Аммону) и получаютъ извѣстный намъ отвѣтъ. Римляне посылаютъ: τέσσαρες χιλιάδες ἀρχοντόπουλα μὲ χρυσὰ στεφάνια εἰς τὰ κεφάλια τους, ὅλα εἰς φαρία ἔμορφα, εἰς συνάντησι τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ δύο χιλιάδες κορίτζια ἐκλεκτὰ ὅλα μὲ στεφάνια χρυσὰ καὶ εἰς φαρία καλὰ καὶ τὰ ἄλογά τους σκεπασμένα μὲ ὁλόχρυσα σκεπάσματα ἔμορφα· καὶ ἄλλαις σαράντα χιλιάδες ἀνθρῶποι ὅλοι μὲ δάφνες εἰς τὰ χερία τους ἐβαστοῦσαν καβαλαραῖοι

πλεμένα μὲ τὸ χρυσάφιν· καὶ τοῦ θεοῦ οἱ ἱερεῖς τῶν Ἑλλήνων μὲ δύο χιλιάδες γέροντες καὶ τόρτζαις ἀναμέναις ἐβαστοῦσαν εἰς τὰ χέρια τους. Они приносятъ ему τὸ μέγα ἀπανωφόρι τοῦ Σαλομῶντος, ὁποῦ εἶχεν πάρη ὁ βασιλεὺς Ναβουχοδονόσωρ ἐκ τὴν Ἱερουσαλὴμ, καὶ δώδεκα σταγόνια [1]) πολυτίμητα λιθαρόπουλα, ὁποῦ τὰ εἶχεν βάλη ὁ Σολομὼν εἰς τὴν ἁγίαν Σιὼν εἰς τὰ Ἅγια τῶν Ἁγίων, καὶ τὸ στέμα τοῦ Σολομῶντος μὲ λιθάρια τρία, ὁποῦ ἔφεγκαν τὴν νύκταν, καὶ παρακάτου εἶχεν λιθαρόπουλα δώδεκα, ὁποῦ ἦσαν οἱ μῆνες γραμένοι εἰς αὐτὰ, καὶ ἄλλα δώδεκα λιθαρόπουλα ἀπὸ ἀχαντήλη καὶ ἡ ἀντιγραφὴ εἰς τὰ λιθαρόπουλα. ἤφεραν καὶ τὸ στέμαν τῆς βασιλίσσας τῆς Σοβιλίας, ὁποῦ ἦτον τέτοιαν τέχνη, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν· ἠφεράν του καὶ γριβὶν [2]) φαρὶν ἔμορφον μὲ τοῦ χορχονδείλου τὸ σκέπασμα μὲ τὰ πολυτίμητα λιθαρόπουλα· ἤφεράν του καὶ τὰ ἅρματα τοῦ Πριάμου, ὁποῦ ἦσαν βασιλικὰ, καὶ εἶχαν τα ἐπάρη εἰς τὴν Τρῳάδα· ἠφέρασιν καὶ κοντάρια ἀλεφάντινα ἐγκοσμισμένα καὶ ἕτερα στέματα ἑπτα. ἤφεράν του σκουτάριν τοῦ Ταρκιανοῦ τοῦ βασιλέως, ὁποῦ ἦτον τοῦ βασιλέως τῆς Ῥώμης. — **Александръ въѣзжаетъ на Вукефалѣ, съ вѣнцомъ Клеопатры на головѣ, украшенномъ двѣнадцатью драгоцѣнными камнями, при звукахъ накръ и трубъ** (ἀνακαράδες καὶ τρουμπέταις). **Сначала привѣтствуютъ его** οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Ῥώμης, **возглашая ему:** πολλὰ τὰ ἔτη; **затѣмъ** τὰ κορίτζια, **наконецъ іереи** μετὰ λαμπάδων καὶ θυμιάματος. **Они идутъ въ храмъ Аполлона,** καὶ ἐπροσκύνησαν ὁμοῦ καὶ ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ἐδώρησέ του ὁ ἱερέας τῶν Ἑλλήνων τοῦ θεοῦ τοῦ Ἀπόλλωνος σμύρνον καν λίβανον, ὅτι αὐτὰ εἶναι δῶρα βασιλικά. — **Слѣдуетъ чтеніе и объясненіе Даніилова пророчества:** ἐπὶ ἔτους ε ἐξεβῆ θέλει τράγος μονοκέρατος καὶ θέλει διώξη τοὺς πάρδους τῆς δύσης ὅλης, ὁποῦ μάχονται εἰς μὲ τὸν ἄλλον, ὁποῦ πολλὰ ὑψώνονται·

---

[1]) σταγόνια: такъ и въ греч. нар. книгѣ; въ слав. (= рум.) т. блюди. Σταγὼν означаетъ, между прочимъ, легкоплавкій металлъ: stannum, ит. stagno? (Дестунисъ).

[2]) Новогреч. γρίβας, γριβανός — fuscus, ex nigro albicans (Passow, Carmina popul., въ Index'ѣ); cheval gris (Digenis Akritas, ed. Sathas et Legrand, Glossaire) (Дестунисъ).

καὶ πάλιν θέλει γυρίσει πρὸς τὸν νότον καὶ θέλει πατάξη τοὺς λέοντας· ἔπειτα θέλει ὑπαγαίνη εἰς τὴν ἀνατολὴν καὶ θέλει εὕρη τὸν κριὸν τὸν θαυμαστόν, ὁποῦ ἔχει κέρατα μακρειά, τὸ ἓν καθὲν κέρατον ἕως τὸν νότον ἀκουμπᾶ, καὶ τὸ ἕτερον κέρατον ἕως τὸν βορέαν· καὶ θέλει τὸν ἐκτυπήση ἀπέσω εἰς τὴν καρδίαν μὲ τὸ κέρατον καὶ θέλει τὸν σφάξη· καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει τρομάξει ὁ λαὸς τῆς Φοινικίας καὶ τῆς ἀνατολῆς ὅλης οἱ βασιλεῖς καὶ ἡ γλώσσαις ὅλαις, καὶ θέλει τζακίσει τὰ σπαθία τῆς Περσίας ὅλης καὶ θέλει ἔλθει εἰς τὴν Ῥώμην τὴν μεγάλη καὶ θέλει ὀνομαστῆ ἄξιος βασιλέας τῆς οἰκουμένης ὅλης. — Объясненіе философами пророчества (львы — западные цари, баранъ — цари Востока, Мидянъ и Финикійцевъ; козелъ — Александръ) нѣсколько спутано: нѣтъ пардусовъ, тогда какъ слав. пересказы опустили львовъ; сл. далѣе нар. греч. книгу; отвѣтъ Александра тотъ-же. — Цари запада приходятъ къ нему съ покорностью; онъ подчиняетъ ихъ, вмѣстѣ съ Римомъ, одному изъ своихъ (ὁκάποιον ἐδικόν του ἐνεμπιστευμένον ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν ἐποίησεν αὐθέντην εἰς τὴν Ῥώμην; за Μακεδονίαν скрылось, можетъ быть, созвучное — Лаомедонтъ) и, продолжая путь среди завоеваній, доходитъ εἰς τὸν Ἠκιανὸν ποταμόν, гдѣ встрѣчаетъ въ пустынѣ разныя чудовища: двуглавыхъ змѣеногихъ звѣрей, съ человѣкоподобными лицами, желѣзную гору, крылатыхъ женъ, терзавшихъ воиновъ когтями и прогнанныхъ огнемъ. — Отъ рѣки Океана Александръ возвращается εἰς τὸν κόσμον.

Укажу на нѣкоторые варьянты въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ греч. нар. книги (стр. 48—55). Цари, встрѣчающіе Александра: οἱ αὐθεντάδες τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Πουλίας, ὅλον τὸ Ῥιακόν, καὶ οἱ Γότθη (нап. Γόλθη) [1] ὅλη; они приносятъ χαράτζιον χρόνων δώδεκα. Римляне совѣщаются (объ «общинѣ» нѣтъ рѣчи: это, быть можетъ, глосса славянскаго переводчика), обращаются къ Аполлону. Описаніе встрѣчи и даровъ то-же, что въ вѣнскомъ текстѣ; тотъ-же перечень и та-же численность. Изъ отличій отмѣтимъ: τῆς βασιλίσσης τῆς Σιβύλλας; ἄλογον ἄσπρον (W, γριβὶν

[1]) Сл. въ ркп. Іорнанда написаніе Gothescytha и др. вм. Golthescytha.

φαρίν); щитъ (такъ, вмѣсто κοντάρι) Тарквинія ἦτον σκεπασμένον μὲ τῆς ἀσπίδος τὸ τομάρι, согласно съ слав. текстомъ, которому спеціально принадлежитъ упоминаніе Аякса — не подъ впечатлѣніемъ-ли троянскаго эпизода?—Александръ въѣзжаетъ при звукѣ трубъ (τρουμπέταις) и органовъ (μὲ κάθε λογῆς ὄργανον), раздѣливъ свое войско на двѣнадцать отрядовъ; его встрѣчаютъ οἱ πρωτοκαβαλλαραῖοι, за тѣмъ τὰ κοράσια, οἱ γέροντες, наконецъ іереи. Въ толкованіи Даніилова пророчества пардусы — цари Запада, львы — Сѣвера, двурогіе бараны — цари Востока, Мидяне и Финикійцы; однорогій козелъ — Александръ [1]) — Оставивъ властителемъ Рима и запада Лаомедонта (κάποιον φίλον του Ταλαμεδόν) онъ идетъ на сѣверъ и доходитъ до Океана, ὁποῦ τρέχει ὁλόγυρα τῆς οἰκουμένης, εἰσέβη εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους, εὑρῆκε ζῶα θαυμαστά, μὲ πρόσωπον ἀνθρώπινον, δικέφαλα, ποδάρια ὡσὰν ἀσπίδα ἔχοντα. Ἐπολέμησε μὲ αὐτά, καὶ ἐνίκησέ τα, διότι τὰ ζῶα ἐκεῖνα ἅρματα δὲν εἶχαν, καὶ ἔπεφταν ὀγλίγωρα. Ἀπ' αὐτὰ ἐδιέβη εἰς βουνὸν πετρωτόν, ὥσπερ σιδηρένιον, ἀπὸ τὸ ὁποῖον εὐγῆκαν γυναῖκες κατεπάνω τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἔκαμαν πόλεμον μέγαν μὲ τὰ φουσάτα, σκοτώνοντας αὐτὴν τὴν ἡμέραν ἀπὸ τοὺς στρατιώτας του ἑκατὸν χιλιάδες. Αὐταῖς αἱ γυναῖκες εἶχαν πτερὰ ὡς ἀετοί, καὶ νύχια

---

[1]) Животная символика народовъ въ этомъ толкованіи едва-ли имѣетъ въ виду народы, покоренные Александромъ — по разсказу Александріи. Иначе можно-бы указать на слав. Вопросы и отвѣты (Тихонравовъ, Памятники Отр. русск. лит. II, 447), по которымъ «куманинъ *пардосъ* есть». Сл. въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «По русской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо». — У Іоанна Златоуста, въ толкованіи Даніилова пророчества, Александръ отвѣчаетъ то козлу (Adversus Judaeos V, Migne, Patrol. gr., t. 48, p. 893—4: κριὸν μὲν καλῶν τὸν τῶν Περσῶν βασιλέα τὸν Δαρεῖον, τράγον δὲ τὸν τῶν Ἑλλήνων βασιλέα, Ἀλέξανδρον λέγω τὸν Μακεδόνα), то парду (In Epist. I ad Thessal. cap. I Hom. II, y Migne, Patr. gr., t. 62, p. 399). — Въ толкованіи бл. Ипполита на видѣнія Даніила c. 1 (Migne, Patr. gr. t. 10, p. 641—3) львица съ орлиными крыльями = Вавилонъ, медвѣдь = Персы, пардъ = Еллинъ Александръ, что согласно съ талмудическимъ комментаріемъ у Wünsche, Bibl. Rabb., вып. IX, p. 3—4, XXII, p. 88—9.—Припомнимъ въ связи и «двурогаго» (Dûl-karnaim) Корана и арабскихъ легендъ, котораго приравнивали то къ Киру, то къ Александру Македонскому (Donath, Die Alexandersage im Talmud und Midrasch. Fulda 1873), p. 16 слѣд.

ὡσὰν δρέπανον. Ἦτον δυναταῖς κατὰ πολλά, ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τοῦ φουσάτου, καὶ ἐκτυποῦσαν τῶν στρατιωτῶν εἰς τὰ πρόσωπα. Ὡσὰν εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐκείνων τὰ καμώματα, εὐθὺς ὥρισε καὶ ἔδωκαν φωτίαν εἰς τὰ καλάμια, ἐπειδὴ ὁ τόπος ἐκεῖνος ἦτον καλαμώδης. Αὐταῖς ὡσὰν ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τῆς φωτίας ἐκαίονταν αἱ πτεροῦγές τους, καὶ ἔπεφταν κάτω, καὶ ἔσφαξάν ταις τὰ φουσάτα, τὰ ὁποῖα ἐσκότωσαν ἀπ' αὐταῖς ἕως εἴκοσι χιλιάδες. — **Александръ возвращается вспять.**

Приведемъ изъ Pseudocall. C, I, 27 эпизоды, отвѣчающіе походу на Римъ и къ окраинамъ Океана.

Послѣ взятія Аѳинъ (и Ѳивъ. Сл. выше, стр. 186—7) Александръ идетъ на Римъ; ему на встрѣчу выходятъ πρέσβεις ἐκ πάντων τῶν ἐθνῶν, καὶ προσκυνοῦσιν ἔμπροσθεν αὐτοῦ ἄγοντες δῶρα αὐτῷ χρυσὸν καὶ ἄργυρον ὅσον οὐκ ἦν ἀριθμός. Συνέρχονται δὲ αὐτῷ πάντες εἰς συμμαχίαν. Καὶ δὴ καταλαμβάνει τὴν Ῥώμην· καὶ προϋπαντῶσιν αὐτῷ οἱ Ῥωμαῖοι μετὰ χορῶν καὶ τυμπάνων, κλάδους δάφνης ἔχοντες ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν, καὶ τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἐπισειόντες, βασιλέα κοσμοκράτορα τοῦτον ἀναγορεύουσιν. Εἰσελθὼν δὲ ἐν τῇ πόλει ἄπεισιν ἐν τῷ Καπετωλίῳ Διός. Καὶ ὁ ἱερεὺς τοῦ Διὸς δέχεται αὐτόν, καὶ ξενίζεται παρ' αὐτοῦ. Διατριψάντων οὖν ἐν τῇ Ῥώμῃ, ἰδοὺ καὶ ὁ Λαομέδων ὁ συναρματηλατήσας αὐτῷ σὺν χιλιάσι πεντήκοντα ἧκεν εἰς συμμαχίαν Ἀλεξάνδρου, ἔχων μεθ' ἑαυτοῦ δῶρα ἔν τε χρυσίῳ καὶ λίθοις, καὶ μαργάροις. Δέχεται δὲ τοῦτον Ἀλέξανδρος καὶ γνησίως αὐτὸν κατασπάζεται· καὶ «Ὦ γενναῖε, εἶπεν, ἧκάς μοι καὶ μετὰ Δαρείου μαχομένῳ σύμμαχος εἶναι».

Ἀπάρας οὖν πάλιν ἀπὸ Ῥώμης, ὥρμησε κατὰ δυσμῶν· καὶ οὐκ ἦν αὐτῷ ὁ ἀνθιστάμενος. Καὶ προϋπαντῶσιν αὐτῷ πᾶσαι αἱ βασιλεῖαι τῶν δυσμῶν. Καὶ δώροις ἐκμειλίσσονται αὐτόν, καὶ παρακαλοῦσιν αὐτὸν μὴ ἐπιβῆναι τοῖς ὁρίοις αὐτῶν. Καὶ λαβὼν τὰ δῶρα ἀνθυποστρέφει, καταλείπων αὐτῶν πάντων κύριον τὸν Λαομέδοντα, συνταξάμενος φόρους αὐτῷ τελεῖν μέχρι καὶ χρόνων δώδεκα. Ἐκεῖθεν δὲ τοῖς τοῦ νότου πέρασιν ἐπιβαίνει· καὶ ὑπέταξεν ἔθνη πολλὰ καὶ ποικίλα· καὶ διῆλθε τὴν οἰκουμένην, καὶ εἰσῆλθεν τὴν ἀοίκητον γῆν, καὶ διώδευσε μέχρι τοῦ ὠκεανοῦ ποταμοῦ. Καὶ εὗρεν ἐν τοῖς τόποις ἐκεί-

νεις ἀνθρώπους διχεφάλους, καὶ ἐπολέμησε μετ' αὐτῶν, καὶ ἥττησεν αὐτοὺς κατακράτως, καὶ ἔφυγον ἀπ' αὐτοῦ. Ἐκεῖθεν οὖν διελθὼν εὗρε γυναῖκας δυσθεωρήτους καὶ λίαν μεγίστας καὶ πάντων ὧν διῆλθον δυσμαχωτέρας. Αὗται δὲ ἐν τῷ τρέχειν τοὺς μασθοὺς αὐτῶν ἐν τοῖς ὤμοις τιθέασιν. Ἔνδυμα δὲ αὐταῖς ἡ τῶν τριχῶν δασύτης. Αὗται δὲ ἐπελθοῦσαι πτεροῖς εἶχον πετόμεναι. Εἰς παντελῆ δὲ ἀπορίαν ἦλθον οἱ Μακεδόνες ταύτας ὡς ἐθεάσαντο πετομένας καὶ πρὸς αὐτοὺς μαχομένας. Ἀλέξανδρος δὲ ταύτας ὡς εἶδεν, ἐκέλευσε πῦρ ἀνάπτεσθαι καὶ ὑπεράνωθεν μαχεῖν. Αἵτινες τὴν φύσιν τοῦ πυρὸς ἀγνοήσασαι ἀσκόπως κατέπεσον ἐπ' αὐτοὺς καὶ τῶν πτερῶν καέντων οὐκέτι ἀνασχέσθαι ἴσχυσαν· πεπτωκυῖαι δὲ ἀνῃρέθησαν ὑπὸ τῶν στρατιωτῶν τοῖς ξίφεσιν. Ἀνεῖλον δὲ αὗται τοῖς ὄνυξι στρατιώτας ἑκατόν. Τοιῷδε τῷ τρόπῳ χρησάμενοι μόλις διῆλθον αὐτάς. Τῶν ἐκεῖσε δὲ οὐκέτι διελθεῖν ἔχοντες, τοῦ Ὠκεανοῦ ποταμοῦ κωλύοντος τῆς εἰσόδου, τὴν ἀριστερὰν παράλιον πιάσαντες τοῦ Ὠκεανοῦ καὶ τὰ πρὸς βορρᾶν περιπατήσαντες τὴν οἰκουμένην κατέλαβον.

Начиная съ слѣдующей главы (I, 28) Псевдокаллисѳенъ C не отвѣчаетъ болѣе, въ распорядкѣ содержанія, тексту нашей Александріи. Отъ предѣловъ Океана онъ заставляетъ Александра вернуться въ Македонію, затѣмъ переправиться въ Азію, гдѣ при Граникѣ онъ побѣждаетъ Даріевыхъ сатраповъ. Онъ проходитъ Іонію, Карію, Лидію, *Фригію* и Ликію и изъ Памфиліи (I, 28) переправляется въ Сицилію и — снова въ Римъ (I, 29). Далѣе путь идетъ въ Африку: Карѳагенъ принужденъ платить дань (I, 30); слѣдуетъ пространный эпизодъ объ основаніи Александріи (I, 31—33), походъ въ Египетъ (I, 34) и Сирію и взятіе Тира; τὰς δὲ τρεῖς κώμας τὰς συμμαχησαμένας αὐτῷ εἰς μέτρον πόλεως μιᾶς ἀνεγράψατο καὶ Τρίπολιν αὐτὴν ὠνόμασεν (C, I, 35).... Καὶ ἀντικρὺς αὐτῆς (Тира) Σέλευκος ὁ στρατάρχης αὐτοῦ πόλιν οἰκοδομεῖ, ἥτις ἐκλήθη Νικατορία· καὶ Ἀντίοχος τὴν κατ' Ἀσίαν κτίζει Ἀντιοχείαν· Ἐν τούτοις Ἀλέξανδρος θυμομαχήσας εἶπεν αὐτοῖς· Οὐκοῦν καταλιπόντες Μακεδονίαν διήλθομεν τὸν σύμπαντα κόσμον καὶ ἐν Ἀσίᾳ καταλαβόντες κτίστας Μακεδόνας μαθεῖν κατἀναγκάζομεν τὸ στρατιωτικὸν ἀποβαλόμενοι φρόνημα (I, 36). Слѣ-

[illegible] — вторичное? [illegible]

[illegible] вызываетъ мой [illegible]

[illegible]

[illegible]

прибылъ «вь Неглитор'ви» (вар. Глитероу, Инглитеру, Иньгритероу), гдѣ велитъ войску отдохнуть и за тѣмъ, снарядивъ 12 тысячъ галеръ (вар. тисућ и дви сти), по тысячѣ (вар. 600) человѣкъ въ каждой, отправиться на востокъ, «по великои поучине мор'скои поити и по вар'вар'сцѣхь кзыцѣхь» (вар. по великои Барбарии). Передъ собою онъ посылаетъ Птоломея и Филона, пусть забираютъ города и земли и берутъ съ нихъ дань, а съ нимъ съѣдутся въ Египтѣ. Самъ онъ отправляется съ тремя тысячами (вар. 300) галеръ, надъ которыми поставилъ начальникомъ Антіоха; надъ другими тремя тысячами Селевка, на третьими Византа. «Алексен'дрь же приспѣ вь Егупть и тоу паде воиска, и начеше градь зидати, и нарече кго вь свое име Алексен'дріа» (вар. Александрь же вь Егуп'ть приспевь сь своими голіами, идеже златотечени Ниль вь море пристаеть, и градь сьзда вь име свое великь и краснь ѕѣло). Этимъ немногимъ ограничиваютъ свой разсказъ объ основаніи Александріи сербскіе тексты; что Псевдокаллисѳенъ сообщаетъ непосредственно объ Египтѣ, упоминается отчасти далѣе, въ порядкѣ, обусловленнымъ другимъ источникомъ нашей рецензіи, о которомъ позже. — Селевкъ, приставъ въ Киликіи, становится основателемъ Селевкіи, Антіохъ—Антіохіи, Византъ приплывъ «вь теснотоу тракіискаго (вар. трацииского) мора» — Византію[1]). «О семь-же Алексен'дрь много оскрьбивь се, не знак, кои где присталь кстъ, и по .л. дьніи оузна о всѣхь, г'де кои приста и градь сьзда. И по малѣ сьсташе се в'си и градь

---

[1]) Въ Славянской Александріи другаго типа, представляемаго Архивскимъ спискомъ, Византія также является въ соединеніи съ своимъ эпонимомъ — Визомъ, но въ разсказѣ другого рода: Александръ идетъ «на цара Вжза въ градъ Вооузантію европьскыа страны; всѣдеже въ лодіахъ и пріиде въ (В)оузантію, и бывши брани велицѣ, и побѣди Александръ. И посла къ немоу Вжзъ изъ града дары многы, проса оу него мира, и да емж помощь моужа храбры и силны». По смерти Александра, Олимпіада отправляется къ отцу своему, царю Фолу, «въ мүрьскую землю»; Вузъ женится на ней и «вда еи за вѣно Римъ» (Синод. библ. № 86, XVI в.). Всего этого эпизода нѣтъ въ Архивскомъ спискѣ; источникомъ второй его половины были откровенія Псевдо-Меѳодія. Сл. Тихонравова, Пам. Отреч. русск. литературы II, стр. 217—218 и мою замѣтку: Phol als aethiopischer König въ Archiv für slav. Philologie II, стр. 84—6.

сьздаше, и нарекоше име ѥго Осиѥнось (вар. ѥнькарьдиось еносиль, енгардиос носиса, еликардїωсь еносїль, еньградиωсь енωсись; въ болгарской рецензіи нашей Александріи у Jagić, Opisi i izvodi I, стр. 22: енкардиωсь енωсись; Кир. Бѣл. сп. л. 62 л.: едино еносисъ), иже глаголѥть се срьбьскыи: ѥдиносрьдьни сьстан'кь (вар. вьсесрьди станакь, все единни станак, вьсесрьдни станакь; Jagić, Opisi, l. c. I, стр. 23: въсесръдіи станокъ; Кир. Бѣл. сп.: сстанокъ)». Здѣсь они остаются шесть мѣсяцевъ, дожидая конницу; являются Птоломей и Филонъ и говорятъ о своихъ бояхъ съ царями «варварскими» (вар. од царев барбарских и етиопских), которыхъ приводятъ связанными. Отпустивъ ихъ подъ условіемъ — посылать ему въ теченіи двѣнадцати лѣтъ по сту тысячъ войска (вар. дань въ теченіи 3-хъ лѣтъ и 50 тысячъ войска), Александръ направляется въ Азію, гдѣ созидаетъ городъ Тріополь (вар. Триполь). Когда его приближенные хотятъ построить еще и другой городъ, онъ говоритъ: «не подобаѥть намь воин'ство оставити, да градове зигѥмо, нѣсть бо вь нихь твръгѥ (вар. ни крепости, нь вь воисце и вь храбрехь витезехь). Мало ли градовь тврьдихь и крѣп'кыихь мы разорис'мо храбростію и воиньствомь?» (Нов. I, гл. 22—23 = Jag. l. c., p. 246—8).

Сл. пересказъ вѣнскаго текста (W, стр. 33—35): Александръ доходитъ до κάστρον τῆς Ἐγκλιτέρας; Селевкъ (Σελεύκιος), Антіохъ и Византъ — основатели городовъ: Антіохъ «εἰς τὸ στένωμα τῆς Μαῦρης θαλάσσης, τῆς Θρακίας»; Византъ «ἦλθεν εἰς τῆς Θρακίας τὸ στένωμα, κατωθίων τοῦ Ἰέρκου, καὶ ἔπεσεν εἰς τῆς Μαύρης θαλάσσης τὸν λαιμόν, τῆς Σκουτάρης κοντά, καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπονώμασέν το καὶ αὐτὸς εἰς τὸ ὄνομα τὸ ἐδικόν του Βυζάντια». Подъ στένωμα слѣдуетъ разумѣть, вѣроятно, στενὸν, какъ назывались берега Босфора Өракійскаго либо и одинъ европейскій берегъ отъ св. Мамы до Чернаго моря. — Непонятное: τοῦ Ἰέρκου, можетъ быть, = τοῦ Ἱεροῦ? — Филону и Птоломею поручено сдѣлать набѣгъ на Βαρβαρία и Θεοπία. — Самъ Александръ основываетъ городъ своего имени: ἔφθασεν εἰς τὴν Ἄιγυπτον μὲ τὰ καράβια ὅλα, ὁποῦ ὁ χρυσοτρεχάμενος ποταμὸς τρέχει,

καὶ αὐτοῦ ὥρισεν καὶ ἔκτισεν κάστρον, καὶ ἐπωνόμασέν του ὄνομα τοῦ κάστρου Ἀλεξανδρία. — Городъ, основанный всѣми вождями вмѣстѣ называется *Μία Καρδία*; позднѣе основанъ *Τρίπολι Πενταπόλεον* (sic). Отъ дальнѣйшихъ построеній Александръ удерживаетъ своихъ.

Отличія новогреч. нар. кн. (р. 55—58): *Ἰγκλητέρα*; число галеръ (*κάτεργα χοντρὰ*) и войска то-же, что въ слав. текстахъ и W; Александръ посылаетъ Филона и Птоломея съ конницей *εἰς τὴν Μπαρμπαρίαν*. «*Ὁ Ἀλέξανδρος ἀτός του εἰσέβη εἰς τὴν κόνιν* (? ; W, стр. 33: *κόκα*), *καὶ ἔρριξαν τὰ κάτεργα ὅλα εἰς τὴν θάλασσαν*»; Антіохъ, Селевкъ (*Σελεύκιος*), Византъ (*Βυζάντιος*—и *Βύζας*) и Александръ отправляются каждый съ тремя тысячами галеръ. По прошествіи 30 дней и ночей Александръ прибылъ въ Египетъ, *ἐκεῖ ὁποῦ τρέχει ὁ χρυσορρόας ποταμός* и основываетъ Александрію; подобное дѣлаетъ Слевкъ, Антіохъ (*ἦλθεν εἰς τὸ κάστρον τῆς Μαύρης θαλάσσης τῆς Θράκης*) и Византъ (*ἦλθεν εἰς τὸ στένωμα τῆς θαλάσσης κάτωθεν εἰς τὸ λαιμὸν τοῦ Σχουταριοῦ*). Между тѣмъ Александръ, находившійся въ Александріи, безпокоится *διὰ τοὺς Βοϊβοντάδες του καὶ διὰ τὴν ἀρμάδαν του*. Но вотъ однажды, въ полдень (*ὥραν μεσημερίου*; W, 34: *τὸ μεσημέριν*), является Антіохъ, за нимъ Селевкъ и Византъ и разсказываютъ о своихъ сооруженіяхъ; общій городъ названъ *Μία Καρδία*. — Гонцы приходятъ сказать, что къ вечеру прибудутъ Птоломей и Филонъ, которые повѣствуютъ о своихъ войнахъ *εἰς τῆς Μπαρμπαρίας τὰ μέρη καὶ εἰς τὰ βασίλεια τῆς Αἰθιοπίας* и т. д. — Слѣдуетъ основаніе Триполя, но нѣтъ попытки воеводъ основать новый городъ, и вызваннаго ею изреченія Александра. — Замѣтимъ по поводу Варваріи, упоминаемой рядомъ съ Эѳіопіей, что у Моисея Хоренскаго одна изъ трехъ частей Эѳіопіи носитъ названіе Варваріи [1]). Что до *Ἰγκλητέρα, κάστρον της Ἐγκλιτέρας* (W), то въ объясненіе этой подробности у меня нѣтъ ничего, кромѣ нѣкоторыхъ

---

[1]) Saint Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. Paris, 1881, t. II, p. 344.

соображеній. Въ «олимпійскомъ эпизодѣ» нашей Александріи о Лаомедонтѣ говорится, что онъ родомъ изъ — Англіи; позже Александръ дѣлаетъ его властителемъ Рима и всего Запада. Въ среднегреческихъ поэмахъ о Велисаріи [1]) воспѣвается, главнымъ образомъ, его походъ противъ Ἐγκλητέρα, Ἀγκλητέρα (γῆ, νησί, κάστρον τῆς Ἐγκλητέρας):

τὸ δὲ νησὶν ὁπούρριψε ζυγὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων,
ὁποῖον ἐδιαυθέντευεν ὁ ῥὴξ τῆς Ἐγκλητέρας,
ὁ ἀποπτύσας χαλινὸν τῆς Κωνσταντίνου πόλης [2]).

Въ Ῥιμάδα περὶ Βελισαρίου [3]) онъ сравнивается, въ эпизодѣ о покореніи Англіи — съ Александромъ Македонскимъ (προστάττει Βελισάριος, Ἀλέξανδρος ὁ μέγας): не воспоминаніе-ли это о нашей Александріи? Такъ или иначе, но въ краткой передачѣ романа объ Александрѣ у Кедрина (ed. Bonn. I, 267) вслѣдъ за приключеніемъ съ Кандакой разсказывается: ἐκεῖθεν δὲ πρὸς Ἄφασιν καὶ Γάδειρα καὶ τὰ Βρεττανήσια ἔθνη γενόμενος (sc. ὁ Ἀλέξανδρος), χιλίας τε ὁλκάδας κατασκευασάμενος, αὐτὸς μεν τὸ δεξιὸν του Ἰνδικοῦ ποταμοῦ διέπλει μέρος, Ἡφαιστίωνι δὲ τὸ ἕτερον ἐγχειρίσας ἐπὶ τὸν Ὠκεανὸν ἀνῆλθε· τῷ δὲ βασιλεῖ Ξανδάμῃ (sic) πολεμήσας καὶ τοῦτον τροπωσάμενος, πρὸς τοὺς Βραχμᾶνας ἀφίκετο.

Слѣдующій непосредственно эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Трои развитъ внѣшнимъ образомъ изъ данныхъ Псевдокаллисоена и Юлія Валерія — краткимъ пересказомъ троянской войны и описаніемъ вооруженія и убранства древнихъ героевъ и героинь. Нѣкоторыми данными этого описанія мы воспользуемся далѣе, какъ моментомъ для хронологическаго опредѣленія разбираемаго нами памятника.

Покоривъ всю Азію, Александръ приходитъ во Фригію (кь стране придіискои, вар. фаридиской), «вь царство нѣкоі (вар.

---

[1]) Wagner, Carmina Graeca medii aevi, p. 304—321, 322—347 (Эммануила Георгиллы), 348—378.

[2]) l. c., p. 329, v. 236 слѣд.

[3]) l. c., p. 356, v. 259.

вь Трою), иже вь нѣкаа времена Ел'лины прѣки'ше разорише жены ради нѣкыѥ Ѥлѣноуше (вар. Елене) кралꙗ лакꙋдон'скаго (вар. лацедемонскога) Мелеоуша (вар. Менелауша). [Ову бо] кралꙗ африкіискаго (вар. придиискога) Прѣельмоужа (вар. Приамуша, Прѣльмоужа) [сынъ], именемь Алексен'дрь Парижь, на вѣрѣ вьзьмь, вь Трою градь приведе, [не] благодар'нь (вар. неверан) ꙗвль се своемоу господиноу. Менелаоушь же краль селев'киискыѥ и пелагон'скыѥ и ѳеталіискыѥ (вар. либиискe и нилииске и теталииске; ливиске и кїликиске ї елиске и прилагоньтаске и теталиске; ливиське и килиське) царе и витези на помощть призвавь, жены ради своѥ Ѥленоуше, на Трою град оустрьми се, и всоу африкіискоую (вар. фиридискоу, придииску) зем'лю острію мьча прѣдавь, .и. лѣть Трою, великыи градь, рьваше и прѣкше, и вьсь моужьскь поль огню и мьчю прѣдаше (вар. прибавляетъ: десет лит и седам мисеци град троиски рваше и приѣше хитростю Урикшешову), ꙗкоже Омирь вь своихь к'нигахь пишеть. Тоу бо тогда мнози витези падоше вь острі мьча оть Ѥллинь (вар. приб. И од Елен такое не изреченни — изрочити — витези падоше). Оть исконы бо града того обичаи оузакониме се, коликымь великымь повин'ны соуть злымь (вар. од почела женам од злога обичаѣ узакони се злим обичаем и чиненем кривим бити; оть искони женами оть грьдаго обичаꙗ оугрьди се намь великимь и лоукавимь зломь повиним бити), прьвѣѥ бо Адамь женою прелыштень бысть и паде, великыи и крѣп'кыи Сам'псонь женою погибе, и прѣмоудрыи вь чловѣцѣхь Соломонь жены ради адь наслѣди (вар. ада наследи). И вь Трои градоу мнози храбри витези и царіе за ѥдиноу женоу погибоше».

Александра принимають съ драгоцѣнными дарами [1]): «изнесоше ѥмоу ороужіе Ацилеша, Пер'леоуша (вар. Прѣльша, Перлиша) кралꙗ сына, на львове кожи прѣсталѥно, и штить Аꙗк'ша Теламоникꙗ (Иꙗкша Тельмоносꙗ, Аѣкеша Телемониħа) и прьстень

[1]) Соотвѣтствующій отрывокъ нашей Александріи въ хронографѣ 1-й редакціи см. у Попова, Хронографы, вып. I, стр. 120.

югупьтьскыю кралице (вар. Югоупе, троиске царице) оть камена ан'дракса, имѣюшть силоу таковоу, иже вь великоу немошть (вар. вь лоун'ноу; гдо би од мисеца немоћан) выпадь, и на нь вьзирак, исцѣлеваше. — Изнесоше юмоу на иконе написань образь Минерве кралице (вар. господе Минерьве), на нь вьзираюшти троискаго кралꙗ дьшти (вар. приб. Кашандра) вьса юлика о Трои градѣ прилоуч'ша се разоумѣваше (вар. прорече). И изнесоше юмоу крьзно Поликсенію (вар. Поликшене) госпогю,· дьштере кралꙗ Прѣмоуша (вар. Прѣльмоужа, Приамуша), юже прьстеноваль бѣше Ацилешь Пер'леоушевикь, югда одь Грькь отврьже се, и кь Трои пристоупи, юго-же оубише братіа вь полатѣ на вечери лоукав'ствомь (вар. и тоу его оубише братіа ее сь лоукавьствомь на вери вь храме Аполона трьнога дельфильскога, оуби же его Александрь и Дивоушь; ту га убише братѣ не Париж и Дивуш с влхавством у цркви Аполона Пебуша, на вери Приамуша крала). Алексен'дрь же видѣвь крьзно чюдодѣистьв'но (вар. приб. почуди се, ере тако зламене имише:) югда облачаше се вь нь Поликсеніа (вар. Поликшена) госпогꙗ, четиремь различиꙗмь подоблꙗше се, и четири образѣ оуказоваше различ'ни оть различнаго каменіа. Югда на зелено каменик вьзираше, прибиваше се зѣлено каменію бѣломоу юю лицоу, и подоб'нь бѣше образь юю лоуне небесной и паоуновоу позлат'номоу перію; югда ли на црьвено каменіе вьзираше, бѣлою лице юю неран'жаномоу видѣнию прибиваше се; югда ли на плавет'но каменик вьзираше, прибиваше се плаветь кь бѣломоу лицоу юю, и небесной плавети образь юю подобл'ꙗше се (вар. приб. када на жуто камине призираше, к белости лица нее приликоваше и образ нее даници сютра истекшои противлаше се); югда-ли вь юни исхождаше, различнаа блистаніа блисташе оть камен'ныихь видовь, ꙗже оть крьзна того исхождахоу. То крьзно Алексен'дрь видѣвь и подиви се женѣ той паче всѣхь жень, и сию похваливь не толико за див'ноу оноу свитоу, колико за вѣроу и любовь, юже кь Ацилешоу показа. Ацилешоу бо оумьр'шоу, иномоу моужоу не хоте назвати се жена, глаголаше бо кь себѣ: юмоу же вьсь мирь не бѣ подоб'нь витежьст'воу и храб-

рости и красотѣ юго, како юго запаметити имамь, или иномоу нарешти се жена? Ни вь поработаник себе не вьсхоте дати Трою разбив'шомоу цароу, нь изволи паче сьмрть и Ацилешевь гробь, него жива поработити се вь пелагон'скоу землю. И се моуже-оумник жены, юже по моужи свокмь любовь и чьсть сьблюдоше, двоꙗ имь юсть мьзда, оть Бога мьзда и оть чловѣкь похвала; «болк ми юсть, рече, сь моужемь моимь оумрети, нежели срам'но жити». — И изнесоше емоу вѣн'ць ктриве госпогк (вар. тежде госпожде; теħере гωспωе; те госпое кħере): юга кьто на главоу постав'лꙗше, невидимь бываше вь дьне, вь ношти же ꙗко ог'нь свьтѣше се. И изнесоше кмоу бележьць ороуж'ныи (вар. хеѣм) прѣмогаго (вар. моħнога) Ѥктора, сь бисеромь и сь каменикмь оукрашень и ськор'фіинеми (вар. скор'пиними, скорпииними) зоуби и аспидовеми кости (вар. нокьти), и кюпазмо (вар. хакиз'мо, хаизмо) оть рибіе коже. И принесоше кмоу к'ниги нѣкоего философа Омира (вар. оть Рима), кою бѣше сьписаль о троискомь разореніи оть исконы до скон'чаніа. И сію Алексен'дрь прочьть, и тоу подвигь великыихь витезь слышавь, радости и жалости испльнивь се, рече: О колици сил'ныи падоше се жены ради мрьзкык и лоукавик! Алексен'дрь же вь градь троискыи вьшьдь, и Троꙗне же вьпрашаше глаголе: Где витеземь гробове соуть? Они-же ведоше юго на гробы ихь. И вьзьмь ливань и змир'но, покади ихь гробы, и вьсплакавь рече: О див'ни вь чловецѣхь храбри витези и львове, Ацилешоу, Ꙗк'шате (вар. Ꙗкоушоу, Аѣкешу) и Ѥкьторе (вар. приб.: и Несторе), аште быхь вась живѣхь видѣль, азь по достоꙗнию чьсть вьздаль быхь вамь (вар. приб.: и господинь светоу назваль се бихь сь вами), да юга оумрьли юсте, жрьт'воу вамь, ꙗко живемь, ливань творою и вьздаю, нь поминакми (вар. блажени) юсте и по сьмрьти своеи, понеже великоу и дивьноу списателоу вь повестехь прилоучисте се Омироу.... Се же слышав'ше философи (вар. приб. Менандрь и Аристоклеи; Менандаръ и Ариштотил) и кь Алексен'дроу рекоше: «Великыи цароу Алексен'дре, Ацилеша, Пер'леоуша сынь, по отьци брать ти юсть, оть Амона бо бога и Федиде (вар. Петиде, Тетиде)

жени родиль се юсть, и ти, Алексен'дре цароу, оть Амона бога и Олим'біади царице родиль се юси, и по прилице ꙗко юдиного отьца юста. Да аште сьмрьть прилоучить ти се, о цароу, бол'шими похвалами и подвигы царство твое напишемь и похвалимь, нежели Омирь фригіиски (вар. фриидискии) [и] юл'лин'скыихь царь (вар. царев)». Алексен'дрь же кь нимь рече: Бол'ше ми юсть вь Омировѣхь писаніихь царь конюхоу звати се, нежели оть вашихь писаніи юдинои (вар. всои) зем'ли царь звати се».

Вѣнскій списокъ (W, стр. 35—38) называетъ Фригію — Франгіей (Φραγγία, но и Φαρυγκία, Φρυγγία); Александръ приходитъ εἰς τὸ κάστρο τὴν Τρωάδα, который Еллины осаждали 12 лѣтъ и разрушили διὰ μίας γυναικός, τὴν ὡραιότητα, τὸ ὄνομα αὐτῆς Ἑλένη· ἦτον γοῦν γυνὴ βασιλέως ἐκ τὴν Μωρέαν ἐκ τὸν τόπον τῆς Λακεδαιμονίας, τοῦ Μενελάου τοῦ βασιλέως· ὁ βασιλεὺς ὁ Πρίαμος ἦτον βασιλεὺς τῆς Φαρυγκίας καὶ εἶχεν υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν Πάριν· καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸν θεόν τοὺς τὸν Ἀπόλλωνα εἰς τὴν Λακεδαιμονίαν νὰ προσκυνήσει· καὶ ὡς εἶδεν τὴν ὡραιοτάτην καὶ πάντερπνον Ἑλένη, ἔδραξέν την καὶ ἤφερέν την εἰς τὴν Τρωάδα, καὶ οὔτε τὸν βασιλέα τὸν Πρίαμον, οὔτε τοὺς Τρωαδίταις ἐφάνη καλὸν διὰ τὴν ἅρπαξιν τῆς Ἑλένης, καὶ ἀνευχάριστον ἐδέχτηκαν τὸν Πάριν. Менелай идетъ на Трою съ царями τῶν Ἑλλήνων τῆς Κιλικίας καὶ τῆς Λαττωνίας (пелагонскими?) καὶ τῆς Ἀταλίας (Θессаліи? Сл. слав. т.).... τῷ καιρῷ ἐκείνῳ οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Τρωάδος ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τὸ χέρι τῶν Ἑλλήνων καὶ ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας διὰ μίαν γυναῖκα μαγαρισμένη. ὁ προπάπους μας Ἀδὰμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐχάθη, ὁ Σολωμὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ παμφρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσεν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἰς τὴν περιφούμιστον Τρωάδα οἱ ἀνδρειωμένοι ἔπεσαν διὰ μία γυναῖκα· καὶ τὸ ὕστερον ἐποίησαν σκευὴν δολερὰν καὶ ἠπῆραν τὸ κάστρον τὴν Τρωάδα, ὡς γράφει τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος. — Александру приносятъ дары: ἤφεράν του καὶ τοῦ υἱοῦ [Пелеева] τοῦ Ἀχιλλέως τὸ σκουτάρι· ἦτον πετζωμένο μὲ τὸ πετζὶ τοῦ λέοντος καὶ ἦτον

στορισμένον (στολισμένον?).... — Затѣмъ въ подлинникѣ вѣнской рукописи кое что опущено: слав. тексты говорятъ о Поликсенѣ, между прочимъ: «подоб'нь бѣше образь ке лоуне небесной и паоуновоу позлат'номоу перію = въ вѣнск. спискѣ (непосредственно за предъидущимъ): τὸ πρόσωπόν του (sic), ὥσπερ τὸ φέγγος εἰς τὸν οὐρανόν, οὕτως ἔλαμπεν, καὶ ὥσπερ τοῦ παγονίου τὰ πτερά. Затѣмъ новый пропускъ, вѣроятно, отвѣчающій слѣдующему мѣсту слав. текста (о Поликсенѣ): «различнаа блистанія блисташе оть камен'ныихь видовь.... То крьзно Алексен'дрь видѣвь и подиви се» = ὁποῦ εἶναι χρυσὰ καὶ πράσινα καὶ κόκκινα, οὕτως ἔλαμπεν πάμπολλα θαυμαστόν· καὶ ὡς τὸ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαύμασεν. — Слѣдующая далѣе подробность не находитъ себѣ соотвѣтствія въ славянскихъ текстахъ и, очевидно, не у мѣста, хотя ничто не мѣшаетъ предположить, что она находилась и въ подлинникѣ, хотя въ иной связи и большей сохранности: ἤφεραν καὶ τῆς Βρυσιάδος τὸ μαντέλο [1]) ὅλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τετιμημένο ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορφάδα ὁποῦ εἶχεν· ὁποῦ ἀγάπα ὁ Τρώϊλος τοῦ Καλχᾶ τῆς θυγατρός. — Послѣ того мы снова возвращаемся къ Ахиллу, къ разсказу о томъ, какъ его убили διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην εἰς τὸν ναόν τους, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου. καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα, αἰχμαλωτίσθην ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, καὶ ἐσφαξέ την ὁ υἱός του ὁ Πύρος ἀπάνου εἰς τὸν τάφον τοῦ πατρός του τοῦ Ἀχιλλέως, καὶ ἀπόθανεν. καὶ ἐπαίνεσέ την πολλὰ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν, καὶ ἐκαύχησε τὴν τιμὴν της τῆς γυναικὸς ἐκείνης, ὅτι πῶς ἐκράτησεν τὴν τιμήν της, ὅπου ἄλλην γυναῖκα τέτοια δουλεῖα οὐδὲν ἐποίησεν. καὶ ὅλοι τὴν ἐπαίνεσαν· ὁ Ἀλέξανδρος ηὗρεν τοὺς λόγους γραμμένους καὶ ἐξέστην ἀπὸ τὴν ἐμπιστοσύνη καὶ τὴν φρόνησιν τῆς Πολυξένης καὶ εἶπεν· ἀπὸ τὸν θεὸν ἔχει συμπάθειον καὶ ἀπὸ τὸν κόσμον ἔχει ἔπαινον ὁποῦ οὐκ ἠθέλησεν νὰ πάρῃ ἄνδρα, καὶ καλὸν ἐποίησεν, ὅτι ὁ θάνατος ὁ τιμημένος ἔχει τιμὴ μεγάλη περὶ τὴν ἄχρηστον ζωὴν καὶ τὴν ἀτιμωμένη· ἀκόμη ἔβγαλαν τῆς βασιλίσσας ἐκείνης (слав. ктриве?

---

[1]) μαντέλο = ит. mantello.

тежде?) τὸ στεφάνι· καὶ ὅταν τὸ ἔβανεν εἰς τὸ κεφάλι του, τότε ἄφαντος ἐγίνετον ἀπὸ ὅλους τοὺς ἀνθρώπους· καὶ τὴν νύκταν ἔλαμπε ὡς λαμπάδα. ἀκόμη τῆς ἔβαλαν ἀπανωκλίβανον [1]), ὁποῦ τὸ ἔβανεν ἀπανωθέον τῶν ἁρμάτων, καὶ ἦτον ἐγκοσμισμένο μὲ πολυτίμητον λιθαρόπουλον καὶ μὲ χρυσομάργαρον, καὶ τὸ σκέπασμα ἦτον ἀπὸ τῆς ἀσπίδος τὸ πετζί· ἠφεράν του καὶ τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος ὁποῦ εἶχεν γράψη ἀπὸ τὴν ἀρχὴν τοὺς πολέμους καὶ τὸν χαλασμὸν τῆς Τρωάδος ἐκ τὴν ἀρχὴν ἕως τέλος· καὶ ἠπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ βιβλίον καὶ ἄρχισεν νὰ τὸ ἀναγνώθη· καὶ αὐτοῦ ηὗρεν τοὺς πολέμους γραμμένους τῶν καλῶν καὶ ἀνδρειωμένων καὶ θαυμαστῶν καὶ μεγάλων ἀπελάτων. Онъ умиляется и радуется и сѣтуетъ о витязяхъ, погибшихъ ради одной γυναῖκα μαγαρισμένη. По его просьбѣ ему показываютъ гробницы (ркп. ὀνόματα вм. μνήματα) павшихъ; онъ воскуряетъ смирну и ливанъ, взывая къ Ахиллу и Гектору: еслибъ они были въ живыхъ, онъ одарилъ бы ихъ и возвысилъ, νὰ χαρῶ εἰς τὸν κόσμον μετ' ἐσᾶς. Философы, ὁ Μενέλαος καὶ ὁ Ἀριστότελης εἶπαν τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ Ἀχιλλέας καὶ ἡ βασιλεῖα σου εἴστεν ἐνοῦ πατρὸς παιδία τῶν Ἑλλήνων, τὸν θεόν τους τὸν Ἀμῶν εἴστεν υἱοί· καὶ ἐμεῖς οἱ δύο τιμητικώτερα θέλομεν γράψη τὰ ποιήματά σου παρὰ τὸν Ὅμηρον τῆς Φραγγίας. Отвѣта Александра нѣтъ.

Греч. нар. кн. (р. 58—60) сильно сократила весь этотъ эпизодъ. Главныя отмѣны и совпаденія: Александръ приходитъ εἰς τῆς Φρυγίας τὸ μέρος; Менелай царитъ въ Мореѣ и идетъ на Трою съ царями Эллиновъ. Что говорилось о Поликсенѣ, ошибочно перенесено на Елену: много Эллиновъ и Троянцевъ пало; εἰς αὐτὸ ἐπαινέθη ἡ Ἑλένη, νὰ μὴ θελήσῃ νὰ γένῃ ἄλλου ἀνδρὸς γυνή, καὶ εἶπε· κάλλιον θάνατος μὲ τιμὴν παρὰ ζωὴ ἄτιμος. — Александру подносятъ: «τὸ στεφάνι τῆς βασιλίσσας ἐκείνης» (Елены!); «τὸ κλίβανον τοῦ ἀνδρειωμένου Ἕκτωρος»; остальные дары опущены;

---

[1]) Новогреч. нар. кн. κλίβανον Гектора = слав. бележець ороуж'ныи; сл. Нов. II, гл. 9: вьз'мь бѣлежьць на ороужіѥ = новогреч. нар. кн. стр. 86: ἔβαλεν ἀπάνω κλίβανον σημάδι; въ Διήγησις Ἀχιλλέως у Wagner'a, Trois poèmes grecs, p. 5, v. 126: ἀπανωκλίβανον.

нѣтъ и философовъ и Александровой отповѣди. — Съ (Менандромъ) и Аристо*клеемъ* (Аристотелемъ) слав. текстовъ, (Менелаемъ) и Аристотелемъ вѣнскаго сл. въ Hist. de Prel.: *Clito*midis, *Cleto*medus (Kinzel, Zwei Recens. стр. 13; Zingerle, l. c. стр. 160).

Лишь теперь (послѣ .зі. либо .гі. лѣтъ) Александръ возвращается въ Македонію; Олимпіада и Аристотель встрѣчаютъ его на рѣкѣ Скамандрѣ и всѣ направляются въ Филиппополь. Черезъ три мѣсяца, когда войско его отдохнуло по домамъ и снарядилось наново, Александръ устремляется на востокъ съ стотысячной (вар. 50) ратью: у всѣхъ одно и тоже оружіе и «белези, и кд'наци хелмове и рогове (вар. с рогови; хеими и пера) на нихъ, на всѣхь штитовехь львове главѣ и на всѣхь фарижехь кднака кнпазма (вар. хакизма) кор'кодилова, и тако повелѣ всѣмь шаторѣ около царева шатора ставити, а иномоу никомоу тоу вьмѣшати се. И вь макидон'скоу воиску постави благообразныхь жень двѣ тисоушти, и тѣмь повелѣ колес'ниде и шаторе одредити, терьиха (вар. етеріиахар'ха, етіарьха) нѣкоего надь ними постави, вьса о тѣхь же на разоумно оуправ'лити, и кгда кто женоу трѣбоваше, кь терьиахоу (вар. етеріархоу, етерїароу) шьдь и златицоу давь, женоу вьзимаше, и колико моштія сію дрьжаше, толико златиць даиаше ки. И в'сакаа воюоушти сь Алексен'дромь по подобію и оуставоу нарежда ше се; .р. (вар. 50) тисоушть Макидониань конь себѣ наредиль бѣше, ико кгда Алексен'дрь на конь вьсѣдаше, кднемь часомь в'си на конихь обрѣтахоу се; и кгда Алексен'дрь на обѣдь сѣсти хотеше, и тогда в'си они на трапезѣ обрѣтахоу се, и в'си сь нимь зак'д'но бѣхоу, и никотори бо оть нихь хоужд'ши бѣше, нь в'си на кднацѣхь конихь и свитами и ороужіемь». Воеводой поставленъ Птоломей; убитыхъ изъ Македонской дружины Александръ замѣщалъ другими, избранными мужами, дабы число ихъ не умалялось (Нов. I, гл. 25 = Jag. l. c., p. 251—2).

Сл. соотвѣтствующій отрывокъ вѣнск. текста W, стр. 38—9: рѣка Скамандръ: Александръ былъ въ отлучкѣ три года; показаніе срока, на который онъ распускаетъ свое войско, очевидно,

испорчено; ἐποίησαν τὴν φορεσίαν ὅλοι ὅμοια καὶ τὰ ἄρματα τους ὅμοια, μὲ τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα ἡ μπαρμπούταις ἐγκοσμισμέναις, καὶ εἰς τὰ σκουτάριά τους ἦσαν στορισμένοι λέοντες μὲ τὰ πτερὰ πλεμένα τῆς ἀσπίδας· καὶ τὰ ἄλογά τους ἦσαν κουβερτιασμένα ὅλα ἀπὸ πετζὶ κορκονδείλου. — Теріарху (этеріарху) отвѣчаетъ далѣе ’ταιρεάρχης; златицѣ=ἕνα χρυσὸν φλορί. — «καὶ πάντα οἱ ͵ρ τῶν Μακεδόνων ἦσαν κοντά του, καὶ ὅλοι τὸ γιῶμα καὶ τὸν δεῖπνον εὑρίσκονταί τον εἰς τὴν τάβλα του· καὶ μὲ ταύτους ὁμίλειεν. Птоломея Александръ ставитъ воеводой надо всѣми. — Изъ греч. нар. кн. (p. 60—62) отмѣтимъ: Олимпіада и Аристотель встрѣчаютъ Александра, отсутствовавшаго три года, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Κασάνδρας; онъ отпускаетъ войско по домамъ на шесть мѣсяцевъ; войска сто тысячъ: «ἐφοροῦσαν ὅλοι οἱ Μακεδόνες μίαν φορεσίαν, τὰ ἄρματά τους ὅλα μὲ τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα, τὰ κοντάριά τους καὶ ἡ περικεφαλαίαις τους εἶχαν εἰς ταῖς κορυφαῖς λέοντας ἱστορισμένους μὲ πτερὰ τῆς ἀσπίδος πλεγμένα ἀπὸ πετζὶ κροκοδύλου». — ἑταιριάρχης, χρυσὸ φλωρί. — «πάντοτε αἱ ἑκατὸν χιλιάδες τῶν Μακεδόνων ἦτον κοντά του, καὶ εἶχαν πολλὰ χαρίσματα ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον. Μὲ αὐτοὺς ὡμίλει κάθε ἡμέραν, γινόμενος μικρότερος παρὰ ὅλους. — Воевода Птоломей; та-же забота о пополненіи Македонской дружины, какъ въ слав. текстѣ и W.

Всѣхъ этихъ подробностей нѣтъ у Псевдокаллисѳена.

Александръ идетъ на востокъ «и клици волию кь нкмоу пріидоше, сіи чьсть и проштеніе оть него пріимише; клици же против'лѫахоу се, симь грады раз'биваше и тѣхь острию мьча прѣдаваше. И о семь страхь и трепеть в'се асіискыѥ страны прикм'ше, и цари палестин'скыи і кврейско господст'во и вьсь Ѥгуп'ть». Подручные Дарію, они извѣщаютъ его о македонскомъ нашествіи, и тотъ шлетъ къ Александру пословъ съ такою эпистоліей: до меня дошла вѣсть, «ѩко в'соу Ѥладоу обькть и до Рима дошьдь и в'се запад'ниѥ царе и стране помель кси, и Океана рѣкы дошьль кси и не тьчию симь довол'нь кси, нь и юж'ниѥ вар'вар'скыѥ и кѳіоп'скыѥ и в'се запады (вар. стране, граде западске), под'роуч'ныѥ моимоу царствоу, поколѣбаль кси, и

многáа оть нихь богатства принѥль ѥси, и еште недовол'нь ѥси, нь и на Аф'рикію (вар. на Асию и на Придию), соуштоу мою зем'лю, настоупиль ѥси сь подоб'ними тебе гоусари Макѥдонꙗни, вь заб'веніѥ подроученіѥ наше полож'ше, ѥже кь царствоу ми имѣсте сь в'сѣми инѣми цари». Онъ велитъ ему ограничиться одной Элладой и готовъ освободить его отъ дани; въ случаѣ неповиновенія, вся вселенная не укроетъ его отъ персидской силы. — Прочтя посланіе, Александръ раздираетъ его въ гнѣвѣ и хочетъ повѣсить (вар. на дриви.... распети) поклисарей; Македоняне говорятъ ему, что это не въ царскомъ обычаѣ; да вѣдь они посланы не къ царю, а къ разбойнику, отвѣчаетъ Александръ, но даруетъ жизнь посламъ, замѣчающимъ ему, что убивъ ихъ, онъ именно уподобится разбойнику, и обѣщающимъ прославить въ Персіи его имя. Въ отвѣтѣ Дарію Александръ говоритъ, что въ его посланіи нѣтъ «царска оустава подобиѥ (вар. оустава и подобиꙗ; царскога имена). Ты прѣтиши намь, како запад'наа царства прѣѥхомь и разорихомь. Вѣдомо да ѥсть царствоу ти, ꙗко всакь чловѣкь иштеть отьниж'нихь на выш'наа постоупити. И мы се разоумѣв'ше, западь прѣѥм'ше на вьстокь идемь. Ты прѣтиши намь, говоре, ꙗко не може нась вса вьселѥн'наа оукрити прѣдь очима твоима. Вѣдомо да ти ѥсть, ꙗко вьса вьселѥн'наа пльна ѥсть моѥго имене и Макѥдониꙗнь, ихь же ты хоусаре наричешь. Ты велишь нась терать, а мы сами кь царствоу ти идемо. Ако нась и неꙗцѣхь и младѣхь велишь быти, нь паче камена адаман'та острѣишіи тебѣ ꙗвимь се и паче пьпренѣхь зрьнь лютѣишіи, и господинь свемоу твомоу наречемь'се. На выш'ныи промысль надѣѥмь се, ѥмоуже ты противѣши се (вар. кому ти такмиш се). Тькьмь бить не оуздаи се оу Пер'сиди противоу нась изыти. Жене соуть сь тобою оукрашен'ны, Макѥдонꙗне же соуть львове неоукротими; волѥю своѥю сьмрьть за животь коупоують. — Дарие же ѥпистолію прочьть и ꙗрости и гнѣва испльнивь се рече поклисаромь: Коѥго вьз'раста ѥсть Алексен'дрь, каква ли оума, коѥго ли лѣта рождениѥмь, колико ли воиске оу нѥго ѥсть? Они же отвѣштав'ше рекоше: Лѣти оубо .л.-лѣтнь

кесть, оумь же старь кесть оу нкего; красснь, храбьрь зѣло и соудь правь имать (вар. приб. роука же податлива, езикь непотвор'нь до коньца), прѣмоудрость же кего вь посланихь познакши, о цароу; воиске же сь нимь видѣхомь .е. сьть тисоуштъ. Прѣмоудрыи же Соломонь вь к'нигахь своихь пишеть: Посмѣганик оусть и погледь очию и постоупь ногама вьз'вѣштаеть кже о моужи. Даріе же сіе вь оумь вьсприкемь, рече: Вь истиноу сіа соуть великыихь царь бѣлези, нь не м'ню истына семоу быти». Онъ велитъ своему войску собраться на Сенаарскомъ полѣ, гдѣ когда-то «языки» создали столпъ (вар. пир'гь, туран), боясь «вьтораго потоп'наго нашьствіа», и совершилось смѣшеніе языковъ; а самъ пишетъ въ Египетъ и Іерусалимъ: пусть не предаются Александру и ждутъ помощи отъ него (Нов. I, гл. 25—7 = Jag. l. c., p. 252—254).

Разсказъ W, стр. 39—43, сходенъ съ славянскимъ; только въ началѣ Даріевой эпистоліи элементъ самовосхваленія болѣе развитъ и въ перечисленіи странъ, завоеванныхъ Александромъ, есть отличія. Сл. «еште недовол'нь кеси, нь и на Аф'рикію (вар. *на Асию и на Придию* = Фригію?), соуштоу мою зем'лю, настоупиль кеси съ подоб'ними тебе гоусари Македонгани» = «καὶ οὐδὲν ἐχόρτασες, ἀμὴ ἀποκότησες καὶ ἠπῆρες μου ὅλα τὰ λιζάτα καὶ ἦλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδαν καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες μὲ τοὺς ἀτιμωμένους τοὺς ῥυμπαραίους τοὺς Μακεδόνας»; сл. греч. нар. кн. 64: εἰς τὴν Ἀσίαν κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου, πατῶντάς τον μὲ τοὺς ἅρπαγας τοὺς Μακεδόνας. Въ подлинникѣ могло стоять: εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Φρυγίαν, которую греч. нар. кн. опустила, славянскіе тексты передѣлали въ Придію и — Африкію, W въ Αγρίδαν, т. е. Ἀχρίδαν; Тарентъ присоединился не столько по сосѣдству, сколько по какому-то преданію, сохраненному, какъ мы видѣли, повѣстью о Таврѣ и Меніи, и перенесшему на Александра Македонскаго историческія воспоминанія объ Александрѣ Эпирскомъ [1]). — Въ отличіе отъ

---

[1]) Сл. въ приложеніи экскурсъ: Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ.

слав. перевода и греч. нар. кн. (стр. 64) нѣтъ черты, что Александръ хочетъ повѣсить пословъ Дарія, о письмѣ котораго говоритъ: ὅτι οὐδὲν ἦτον βασιλικὴ τάξη (греч. нар. кн. 65: δὲν γράφεις βασιλικά). Греч. нар. книга сокращаетъ, въ отвѣтѣ Александра, подробности о перцѣ и адамантѣ, и характеристику Александра въ рѣчахъ Даріевыхъ пословъ; W отвѣчаетъ здѣсь славянскому тексту, и въ слѣдующемъ отрывкѣ становится понятнымъ лишь при сравненіи съ нимъ: ἔχει (ὁ Ἀλέξανδρος) τὸ χέρι του νὰ δωρῇ τὴν ἅπασαν ἡμέρα.... ὁ Σολωμὼν ὁ φρόνιμος εἰς τὰ χαρτία του ἔλεγεν· τοῦ στόματος τὸ γέλασμα καὶ τὸ περπάτημα του ἔχει βασιλικὸν ὁ Ἀλέξανδρος (sic). — Дарій сзываетъ войско ὁποῦ ἑκάποτε ἡ γλῶσσαις ἀρχέρισαν νὰ κτίζουν τὴν πυργοποιΐαν; греч. нар. кн. 66: εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Πυργοποιΐας = Сенаарское поле славянскихъ текстовъ. Сл. греч. нар. кн. стр. 62—67.

Письма Дарія и Александра отвѣчаютъ, въ бо̀льшеи своей части, Pseudocall. C, I, гл. 36—8, за исключеніемъ тѣхъ подробностей (подарки Дарія Александру и ихъ символическое толкованіе Pseudocall. C, I, 36 и 38), которыми нашъ текстъ воспользовался въ иномъ мѣстѣ (Нов. I, гл. 19—20; сл. выше, стр. 172—5). Конкорданція съ текстомъ C, прерванная, какъ мы видѣли, вторженіемъ троянскаго эпизода и разсказомъ о военныхъ приготовленіяхъ Александра, снова возстановляется. Эпизоду объ основаніи Селевкіи, Антіохіи и т. д. отвѣтилъ въ текстѣ C, I, 36 такой-же о построеніи Никаторіи и Антіохіи; затѣмъ онъ продолжаетъ согласно съ нашимъ: Καὶ καταλαβὼν (Александръ) τὴν ὁδοιπορίαν κατὰ ἀνατολὰς ποιεῖται. Καὶ ὅσοι μὲν προυπήντων αὐτῷ, συγγνώμης ἠξιοῦτο, ὅσοι δὲ τὸ σύνολον ἀντιλέγειν ἐτόλμων, τὰς πόλεις αὐτῶν ἐκ βάθρων κατέσκαπτε καὶ ἡ ῥομφαία αὐτοῦ διήρχετο ἐπ' αὐτούς, καὶ δὴ φόβος καὶ τρόμος πᾶσαν τὴν ἑῴαν κατέτρεχεν, ὡς καταλιμπάνειν τὰς πόλεις αὐτῶν καὶ φεύγειν. Слухъ о томъ доходитъ и до Дарія, который шлетъ Александру (извѣстные намъ дары) и эпистолію, изъ текста которой выдѣлимъ черты, спеціально принадлежащія редакціи C: Ἀκήκοα γὰρ ὡς πᾶσαν παραδραμὼν γὴν Ἑλλάδος, τελείως αὐτὴν κατηδάφησας

καὶ μέχρι Ῥώμης καὶ ταῖς ἐνδοτέραις βασιλείαις τῶν δυσμῶν ἐπέβης, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ μέχρι Ὠκεανοῦ τῆς κατὰ νότου ἄκρας ὥδευσας, καὶ πολὺν σεαυτῷ συνήθροισας πλοῦτον. Τούτοις δὲ πᾶσι μὴ ἀρκεσθεὶς, ἐπὶ τὴν Ἀσίαν καὶ Φρυγίαν ἐπέβης. Καὶ ταῦτα μὲν πεπραγὼς κατεφρονήθης παρ' ἡμῶν, ὡς μὴ φροντίδα περὶ Ἑλλάδος ἔχειν ἡμᾶς. Σὺ δὲ ἐπὶ πλεῖον θρασυνθεὶς κατετόλμησας ὅλως καὶ τῇ ἑώᾳ ἐπιβῆναι, καὶ λῃστρικῶς περιὼν λεηλατεῖς τὰς πόλεις ἐπιλαθόμενος τῆς δουλικῆς τύχης, καὶ ὅτι τῷ Περσικῷ κράτει πάντες δουλεύουσι, καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιλέγων. Λοιπὸν τοὺς τῇ σῇ μωρίᾳ ὑπαχθέντας Μακεδόνας ἀντίστρεφε καὶ τῆς Ἑλλάδος ἄρχειν ἀρκέσθητι (C, I, 36).— Слѣдуетъ извѣстная намъ сцена съ послами Дарія (C, I, 37) и въ отвѣтѣ Александра (ib. 38) такія выраженія: «Καὶ ὅτι ἔγραψας τὰ περὶ τῆς Ἑλλάδος, μὴ φρόντιζε, ἀλλ' οὐδὲ τῶν κατὰ δυσμῶν βασιλέων. Ταῦτα καὶ ἡμεῖς ἀκριβῶς ἐπιστάμεθα. Πᾶς γὰρ ὁ τὰ κρείττονα ἔχων, τὰ χειρόνων οὐκ ἐφίεται. Ὁ δὲ τῶν χειρόνων περιγενόμενος σπουδάζει καταλαβεῖν καὶ τὰ κρείττονα. Τὰ τοιαῦτα οὖν καὶ ἐν ἡμῖν παρηκολούθησε· τὰ γὰρ χείρονα καταλαβόμενος καὶ τῶν κρειττόνων περιγενέσθαι σπουδάζομεν. Ἀλλ' εἰ καὶ ὡς ἀνηλίκους ἡμᾶς καταφρονεῖς, ὑπὲρ τὸν ἀδάμαντά σοι λίθον ἐπελεύσομαι. Καὶ μηδαμῶς σοι περὶ τούτου φροντίς, θαῤῥῶν γὰρ τῇ προνοίᾳ ἐλεύσομαι ἐπὶ σε, καὶ κύριος γενήσομαι τῶν σῶν, κἂν μὴ δοκῇ σοι, καὶ οὐχ ὑποστήσῃ τὰ ἴχνη τῶν ποδῶν μου, καὶ ἔμπροσθεν παίδων Μακεδόνων ἐξουδενωθήσῃ.

На этомъ мы остановимъ пока разборъ сербской Александріи сравнительно съ Псевдокалисеѳеномъ и попытаемся обобщить нѣкоторые изъ полученныхъ въ разбродъ результатовъ. Пока мы выяснили лишь фактъ особой близости сербской рецензіи къ Псевдокалисѳену C, который представляется мнѣ довольно неловкимъ сводомъ вульгаты B съ тѣмъ особымъ текстомъ романа,— назовемъ его C^1 — который, съ другой стороны, легъ въ основу пересказовъ, объединенныхъ нами подъ названіемъ «сербской Александріи».

Слѣдующая таблица поможетъ уяснить наше положеніе:

Pseudocall. B.	Pseudocall. C.	Серб. Ал.
	1. Лаомедонтъ въ Олимпіи (I, 19, 20)	1. Лаомедонтъ въ Олимпіи.
	2. Война съ Скиѳами (I, 23)	2. Война съ Куманами.
	3. Первое посольство Дарія (I, 26, 36, 37)	3. Первое посольство Дарія.
	4. Поликратъ Солунскій (I, 26)	4. Солунскій царь Кархидонъ.
	5. Походъ на Аѳины (и Ѳивы I, 27)	5. Походъ на Аѳины.
	6. Пришествіе въ Римъ. — Лаомедонтъ (I, 27)	6. Пришествіе въ Римъ; Лаомедонтъ.
	7. Александръ доходитъ до Океана (I, 27)	7. Александръ доходитъ до Океана.
(Взявъ Ѳивы I, 27)		
a. Александръ возвращается въ *Македонію* (I, 28)	a. Александръ возвращается въ *Македонію* (I, 28)	
b. Переходитъ въ *Азію*: побѣда при *Граникѣ*. — Фригія (I, 28)	b. Въ *Азіи*, побѣда при *Граникѣ*. — Фригія (I, 28)	
c. (Изъ Памфиліи) въ Сицилію и *Римъ* (I, 29)	c. (Изъ Памфиліи) въ Сицилію и *Римъ* (I, 29)	
d. *Карѳагенъ*, основаніе *Александріи*; походъ *въ Египетъ* (I, 30—34)	d. *Карѳагенъ*, основаніе *Александріи*; походъ *въ Египетъ* (I, 30—34)	7*. Основаніе Александріи.
e. Взятіе Тира (I, 35)	e. Взятіе Тира (I, 35)	
	8. Основаніе Никаторіи (Селевкомъ) и Антіохіи (I, 36)	8. Основаніе Селевкіи и Антіохіи (Троянскій эпизодъ.—Александръ снаряжается къ войнѣ).
	9. Второе посольство Дарія (I, 36—8)	9. Второе посольство Дарія.

Миллеръ (Pseudocall. прим. къ I, 27) предполагаетъ что №№ 5—7 нашей схемы для С почерпнуты редакторомъ этого текста изъ той-же рецензіи романа, откуда онъ заимствовалъ и № 1. Сравненіе съ сербской Александріей убѣждаетъ насъ, что 1) этой рецензіи принадлежали всѣ №№ 1—9, общіе С и нашимъ текстамъ; 2) что редакторъ С въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайне не искусно спаялъ ему рецензію съ текстомъ В, не страшась противорѣчій и наивностей. Въ C[1] говорилось по поводу перваго посольства Дарія (сл. выше, № 3), что онъ послалъ Александру ковчеги, дабы онъ наполнилъ ихъ данью (сл. сербск. Александрію); въ В — ковчегъ съ золотомъ — для его товарищей; въ С эти черты вошли въ странное сочетаніе другъ съ другомъ: посылается ковчегъ съ золотомъ, и этотъ-же ковчегъ слѣдовало наполнить данью! (сл. однако выше, стр. 174). — Тому-же редактору принадлежитъ, вѣроятно, идея — сдѣлать Поликрата = Кархидона сыномъ Анаксарха = Павзанія (сл. нашъ № 4), что-бы такимъ образомъ тѣснѣе сплотить разсказъ C[1] (о Поликратѣ = Кархидонѣ) съ эпизодомъ о Павзаніи, стоявшемъ уже въ В (сл. выше стр. 165). — Принадлежалъ-ли эпизодъ о Өивахъ (сл. нашъ № 5) къ старому составу C[1], или внесенъ изъ В, — это я ставлю пока вопросомъ. — C[1] доводилъ Александра *отъ Рима* до *Океана* (сл. нашъ № 7) — и затѣмъ, вѣроятно, въ *Египетъ* (сл. № 7* нашей схемы для сербск. Александріи); въ эти границы редакторъ С включилъ цѣлый эпизодъ изъ В, заставивъ Александра побывать въ Македоніи, Азіи и *снова въ Римъ*, и затѣмъ уже въ *Египетъ*. Здѣсь C[1] и В снова сходились: но тогда какъ въ первомъ (сл. сербск. текстъ, № 7*) дѣло шло лишь объ основаніи Александріи, С, слѣдуя В, помѣщаемъ цѣликомъ весь египетскій эпизодъ романа (основаніе Александріи, статуи Нектанеба въ Мемфисѣ и т. д.), говоритъ о взятіи Тира — и, снова обращаясь къ C[1], сообщаетъ, согласно съ сербской Александріей, объ основаніи новыхъ городовъ (Никаторіи = Селевкіи и Антіохіи). — Послѣ этого ряда совпаденій С и сербской Александріи, вмѣнимыхъ C[1], сербскій пересказъ представляетъ два лишнихъ

эпизода: о Троѣ и о военныхъ приготовленіяхъ Александра. Первый реторически развиваетъ, что̀ въ текстахъ Псевдокаллисѳена разсказано лишь позднѣе; имѣемъ-ли мы право, при разногласіи C и серб. сп., вмѣнить это пріуроченіе тексту C[1]? Замѣчу во всякомъ случаѣ, что въ слѣдующемъ далѣе (сл. нашъ № 9) второмъ посланіи Дарія, онъ говоритъ Александру: C, I, 36: ἐπὶ τὴν Ἀσίαν καὶ Φρυγίαν ἐπέβης, сербск. сп.: на Асию и на *Придию* (вар. Аф'рикію); Александръ, стало-быть, уже былъ во Фригіи? Можно было-бы разумѣть Фригію въ C, I, 28 — но это упоминаніе относится къ вставкѣ изъ B (сл. нашъ № b), и въ ней Фригія — просто упоминается, между тѣмъ какъ посланіе Дарія особливо на него налегаетъ: Азія и — Фригія. — Можетъ быть, это даетъ поводъ заключить что и въ C[1] эпизодъ о Фригіи и Троѣ стоялъ на томъ-же мѣстѣ, какое онъ занимаетъ въ сербск. Александріи, хотя, вѣроятно, не въ томъ-же текстѣ.

Что автору Hist. de preliis могъ быть знакомъ какой-нибудь текстъ C[1] — это мы предположили выше по поводу его Халкедона = сербск. Кархидона (см. стр. 176 слѣд.). Присоединю къ этому и еще одно указаніе: въ сербск. романѣ Александръ строитъ Александрію, пока его сподвижники основываютъ въ Сиріи другіе города; дождавшись ихъ и войска Птоломея и Филона, онъ переправляется съ ними въ Азію. Сл. Kinzel, l. c., p. 11: Александръ строитъ Александрію; et dedit comitatum militibus suis ut irent ad Scalonam (вар. Ascalonam) et expectarent eum; — Подчинивъ Египетъ онъ «accepta milicia perrexit Siriam». См. Zingerle, l. c., стр. 148.

Слѣдующій отдѣлъ сербской Александріи (Нов. кн. II, стр. 46 слѣд. = Jag. стр. 254 слѣд.) вводитъ насъ въ разсказъ о войнахъ Александра противъ Дарія. Прежде чѣмъ перейти къ сравнительному разбору этой части текста, что̀ потребуетъ подробныхъ сближеній, мы изложимъ въ общихъ чертахъ ея планъ и послѣдовательность и опредѣлимъ ея спеціальный источникъ.

II.

ПСЕВДОКАЛЛИСѲЕНЪ С, II, 23 И СЛѢД. И ПЛАНЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРІИ.

Такимъ оригиналомъ представляется мнѣ какая-то редакція посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, отвѣчающая Pseudocall. C, II, гл. 23 и слѣд., только лишенная эпистолярной формы. Послѣдовательность въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Псевдокаллисѳена такая:

1. *Пораженіе и смерть Дарія;* женитьба Александра на Роксанѣ. Онъ велитъ *Селевку* собрать персидское войско и, соединивъ его съ македонскимъ, идетъ на Египетъ (гл. 23).

2. Мирное вшествіе Александра въ *Іерусалимъ* (гл. 24).

3. Александръ въ *Египтъ* (гл. 25—28).

4. Покоривъ знаемый міръ, онъ отправляется въ *незнаемыя страны*. Его встрѣчи:

a) Исполинскія волосатыя жены и гигантскіе муравьи (гл. 29).

b) Рѣка, три дня текущая водой, три дня пескомъ (гл. 30). Александръ называетъ ее Ἀμόρρους; это — Самбатіонъ талмудическихъ легендъ; мы встрѣтимъ ее у Эльдада (сл. далѣе нашу гл. V); древняя редакція эпистоліи Пресвитера Іоанна помѣщаетъ въ Индіи «fluvium … lapidum», за которой обитаютъ «X tribus Judaeorum».

c) За песчаною рѣкой Александръ «κόσμον ἄλλον κατέλαβε».— Встрѣча съ малорослымъ мирнымъ народцемъ, ростомъ [οὐχὶ

ἀλλὰ] πῆχύν τε καὶ ἥμισυ. — Озеро со статуей Сезонхоса космократора и надписью на ней, что досюда доходилъ Сезонхосъ, но не могъ проникнуть далѣе (гл. 31).

d) Александръ идетъ далѣе, направляясь κατὰ τὴν ἄμαξαν τοῦ πόλου. Въ лѣсу Ἀνάφαντος живутъ великаны, въ 24 аршина ростомъ. — Македоняне нападаютъ на нихъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ и прогоняютъ, при взаимныхъ потеряхъ (гл. 32). — Позднѣе встрѣчаются голые, черные, волосатые люди, спавшіе на камняхъ. Къ одному изъ нихъ подводятъ красивую дѣвушку; онъ принимается пожирать ее, и когда ее у него отняли, убѣгаетъ съ лаемъ. Его товарищи, напавшіе на войско съ камнями и дреколіемъ, прогнаны огнемъ. Македоняне просятъ Александра вернуться; онъ говоритъ: οὐκ ἐμὸν τὸ ἀντιστρέφεσθαι, ἀλλὰ τῇ τύχῃ δοτόν (гл. 33).

e) Статуи Геракла и Семирамиды и запустѣлый дворецъ послѣдней. — Встрѣча съ шестирукими и шестиногими людьми и кинокефалами. — Громадный ракъ, вышедшій изъ моря, уноситъ палую лошадь; ночью Македоняне защищаютъ свой лагерь отъ морскихъ чудовищъ, разведя огни (гл. 34).

5. Александръ приходитъ къ морю; въ шести стадіяхъ отъ берега лежитъ *островъ брахмановъ* или Оксидраковъ. Сначала отправляется туда Филонъ, потомъ Александръ (гл. 35). — Редакція С разсказываетъ здѣсь о посѣщеніи Александромъ брахмановъ и его бесѣдѣ съ Дандаміемъ, что другіе пересказы относятъ къ слѣдующей книгѣ III, гл. 5 и слѣд.

6. Вернувшись отъ брахмановъ, Александръ идетъ далѣе, къ чудесной рѣкѣ, на берегу которой выростали съ восходомъ солнца деревья, ростя до шестаго часу, и затѣмъ, убавляясь постепенно, исчезали (сл. далѣе, въ гл. V-й, чудесно выростающія деревья въ Хожденіи Зосимы). — Въ рѣкѣ находились черные камни; кто ихъ касался, чернѣлъ; были тамъ змѣи и рыбы, варившіяся не въ кипяткѣ, а въ холодной водѣ; птицы, изъ которыхъ исходило пламя, когда къ нимъ прикасались (гл. 36).—На дальнѣйшемъ пути дневной свѣтъ постоянно уменьшается: встрѣ-

чаются диковинные звѣри о шести ногахъ, о трехъ и пяти глазахъ, величиною въ десять локтей; другіе, похожіе на онагровъ, величиною въ двадцать локтей, съ шестью глазами, изъ которыхъ лишь два были зрячіе; кинокефалы и морскія чудовища (гл. 37).

7. Войско идетъ по безлюдной пустынѣ, гдѣ не видать ничего, кромѣ неба и земли, въ полной темнотѣ. Остановившись у морскаго берега, Александръ хочетъ переправиться на островъ, откуда слышна греческая рѣчь, но людей не видно (Лейденская рукопись Псевдокаллисѳена: слышится стихотворное привѣтствіе сыну Филиппа, произошедшему отъ египетскаго сѣмени, исполнившему предзнаменованіе, лежавшее въ его имени). Воины, пытавшіеся перебраться на островъ вплавь, унесены раками; устрашенный Александръ возвращается вспять [Слѣдуетъ разсказъ о попыткѣ Александра извѣдать морскую глубину] (гл. 38)[1].

8. Александръ велитъ перекинуть мостъ черезъ одну лощину (φάραγξ) съ надписью: ἐνθάδε Ἀλέξανδρος εἰσελθὼν ἤγειρεν ἀψῖδα, ἐν ᾗ πανστρατὶ διαβὰς, ἄκρας θέλων γαίας καταλαβεῖν, ὡς τῇ προνοίᾳ ἔδοξε. Они приходятъ въ страну, гдѣ не свѣтитъ солнце: ἐκεῖ οὖν ἐστὶν ἡ καλουμένη μακάρων χώρα. Съ немногими спутниками онъ идетъ развѣдать страну, взявъ съ собою, по совѣту одного старика, кобылицъ (В ослицъ; въ Лейденскомъ текстѣ Pseudocall. соединены оба варьянта: ἵππους θηλίους, καὶ ἐν ἑτέρῳ λόγῳ ὄνους θηλίας), жеребята которыхъ остались въ лагерѣ. — Идя въ темнотѣ εἶδον τινὰ τόπον, καὶ ἦν ἐν αὐτῷ πηγὴ διαυγὴς, ἧς τὸ ὕδωρ ἤστραπτεν ὡς ἀστραπὴ· ἦν δὲ ὁ ἀὴρ ἐκεῖνος εὐώδης καὶ πάνυ γλυκύτατος. Александръ хочетъ ѣсть: его поваръ Андрей, сбираясь готовить, намѣревается омыть сушеную рыбу въ свѣтломъ источникѣ, но рыба, оживъ, ускользаетъ отъ него. Онъ никому не говоритъ объ этомъ чудѣ, а воды набралъ съ собою въ сосудъ (гл. 39). Въ теченіе нѣкотораго времени не видать ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Двѣ птицы съ человѣческими лицами

---

[1]) Что поставлено въ скобкахъ относится къ эпизодамъ, не находящимся въ соотвѣтствующей части сербской Александріи.

вѣщаютъ Александру: Ἡ χώρα ἣν πατεῖς, Ἀλέξανδρε, τοῦ θεοῦ μόνου ἐστίν. ἀνάστρεφε δείλαιε· μακάρων χώραν πατεῖν οὐ δυνήσῃ. Ἀνάστρεψον οὖν, ἄνθρωπε, καὶ τὴν δεδομένην σου γῆν πάτει, καὶ μὴ κόπους πάρεχε σεαυτῷ.... Ἐκκαλεῖ σε ἡ ἀνατολή, Ἀλέξανδρε, καὶ ἡ Πώρου βασιλεία νίκῃ ὑποταχθήσεταί σου.

Слѣдуя совѣту старика и Александра, воины берутъ съ собою все, что̀ находятъ на землѣ: камни, куски земли. По нѣкоторомъ времени они выходятъ изъ области тьмы, руководясь ржаніемъ жеребятъ, оставшихся въ станѣ и отвѣчавшихъ кобылицамъ (гл. 40). — Кто захватилъ что-либо съ собою, увидѣлъ, что его находка была чистое золото[1]). [Поваръ говоритъ о видѣнномъ имъ чудѣ, но не о захваченной имъ съ собою живой водѣ, которую онъ даетъ Калѣ, побочной дочери Александра отъ Уны. Узнавъ о томъ, Александръ завидуетъ ихъ безсмертію, дочь изгоняетъ, а Андрея велитъ бросить въ море, навязавъ на шею камень. Она становится нереидой, онъ — морскимъ демономъ. — Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ὑπέλαβε διὰ τῶν σημείων τούτων ἐκεῖσε εἶναι τὰ ἄκρα τῆς γῆς· ὡς δὲ ἔφθασαν εἰς τὴν ἀψῖδα ἣν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος, ἔγραψεν πάλιν ἐν αὐτῇ οὕτω διὰ γλυφίδος· «Οἱ βουλόμενοι εἰσελθεῖν ἐν τῇ τῶν μακάρων χώρᾳ, δεξιᾷ πορευέσθωσαν». — Слѣдуетъ разсказъ о попыткѣ Александра извѣдать небесную высоту; птица, съ человѣкоподобнымъ лицомъ, велитъ ему вернуться на землю; двѣ другихъ птицы говорятъ, что кто пойдетъ на право, увидитъ много чудеснаго. Такъ Александръ и сдѣлалъ] (гл. 41).

---

[1]) Въ армянской статьѣ о драгоцѣнныхъ камняхъ разсказывается, что «когда Александръ отправился въ Темную страну, то у подошвы одной горы подкова его лошади стукнула обо что-то. Онъ спросилъ: «Что это такое?» Мудрецы, бывшіе при немъ, сказали: «Это алмазъ, который происходитъ отъ росы небесной.... за этою горой есть песчаная равнина, полная алмазовъ, но не населенная никѣмъ, кромѣ птицъ». Способъ ихъ добычи, указанный мудрецами, тотъ же, что у Марко Поло III, с. 19 (о добычѣ алмазовъ въ царствѣ Мутфили), въ 1001 ночи (77 ночь: разсказъ Синдбада); у Геродота (III, CXI) тѣмъ же способомъ добывается Арабами корица, въ русскомъ Азбуковникѣ — іакинфъ. Сл. Патвановъ, Драгоцѣнные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ Армянъ въ XVII вѣкѣ (СПБ. 1873), стр. 2—3 и 8, прим. 7.

9. Онъ приходитъ къ озеру, въ которомъ вода была сладка, какъ медъ; въ рыбѣ, выскочившей изъ воды, находятъ — камень-самосвѣтъ, который Александръ велитъ оправить въ золото; по ночамъ онъ служитъ ему вмѣсто свѣточа [1]). — Ночью изъ озера выходятъ женщины, которыя сладко поютъ. — Встрѣча и борьба съ гиппокентаврами. — Послѣ шестидесятидневнаго пути войско Александра τὴν οἰκουμένην κατέλαβεν (гл. 42). — [въ гл. 43 помѣщено письмо Александра къ Олимпіадѣ, вкратцѣ повторяющее гл. 23—42].

10. Александръ отправляется въ походъ противъ Пора. Въ странѣ и городѣ Геліоса оракулъ Аполлона, подъ священными деревьями, вѣщаетъ ему о его близкой смерти. — Встрѣча съ малорослыми людьми, одноногими, съ овечьими хвостами; нѣкоторые изъ нихъ пойманы и отпущены на свободу. Издали они начинаютъ издѣваться надъ Александромъ, что такой неразумный человѣкъ не достоинъ сражаться съ ними и не въ силахъ ихъ побѣдить. Александръ посмѣялся этой выходкѣ, въ первый разъ послѣ того, какъ ему было пророчество о его смерти (гл. 44). — Компилятивный характеръ С и здѣсь сказался дублетомъ: въ третьей книгѣ Псевдокаллисѳена редакція AVB помѣщаетъ послѣ смерти Пора эпизодъ о брахманахъ (гл. 5—16), а AV, непосредственно за тѣмъ, Посланіе Александра къ Аристотелю о чудесахъ Индіи. Текстъ С, говорившій о брахманахъ въ другомъ мѣстѣ (С, II, за 35 главой), опускаетъ и Посланіе, но прихватилъ послѣдній его эпизодъ (сл. изданіе Müller'а, стр. 123): о деревьяхъ солнца и луны, вѣщающихъ Александрову кончину. Такимъ образомъ С представляетъ такую комбинацію: передъ походомъ противъ Пора оракулъ Аполлона подъ священными *деревьями* вѣщаетъ смерть Александру (С, гл. 44 = С[1]); слѣ-

---

[1]) Въ поэмѣ о Ротерѣ (ед. Rückert, v. 4952 и слѣд.) описывается такой-же камень-самоцвѣтъ, принесенный Александромъ изъ чужой земли (von vremideme lande), куда ни прежде, ни послѣ его не заходила ни одна христіанская душа. Названіе тому камню: Claugestian. Сл. Zacher, Zur Basler Alexanderhandschrift, въ Zs. für deutsche Philol. X, стр. 109—110.

разсказъ, непосредственно примыкающій къ содержанію, пересказанному въ предъидущей главѣ, я удерживаю, для удобства сравненія, распредѣленіе, принятое мною при передачѣ соотвѣтствующаго эпизода Псевдокаллисѳена С.

1. Мирное вшествіе Александра въ Іерусалимъ (Новаковичъ, II, гл. 1); сл. § 2 въ моей схемѣ Псевдокаллисѳена и далѣе VII-ю главу.

2. Александръ въ Египтѣ (Новаковичъ, II, гл. 2—4); сл. § 3 моей схемы.

3. Война съ Даріемъ, его пораженіе и смерть; женидьба Александра на Роксанѣ; оставивъ въ Персіи Селевка (Нов. II, гл. 5—16) онъ «самь на лидон'скога цара на Криса поиде», котораго и побѣждаетъ, а сокровища его раздаетъ войску (Нов. II, гл. 17). Сл. § 1-й моей схемы. Объ этомъ и предъидущемъ параграфѣ сл. далѣе гл. III.

4. «И тако на десноу страноу вьстока поиде, и в'се ѩзыке приѩмь до краи земле доиде». Его встрѣчи:

a) Косматыя исполинскія жены (Нов. II, гл. 17) и чудовищные мураньи (Нов. II, гл. 18). Сл. тотъ-же § схемы; греч. нар. кн. стр. 108.

b) «И оть тоудоу на рѣкоу дошьдь, ѥиже ширина бѣше ѩко дьнь хода. И тоу Алексан'дрь вь недоумѣниѥ выпаде, мостове на рѣцѣ той сьтворити повеле» (Нов. II. гл. 18); сл. тотъ-же § моей схемы; греч. нар. кн. тамъ-же.

c) «Людиѥ .... колико лакьть велици .... пигищи же нарицахоу се». Озеро, статуя Сезонхоза и надпись: «Чловѣче, аште к'то хощеть на вьстокь поити, до здѣ дошьдь, опеть се врати. [не кь томоу и оноуде имаши поити]. Азь бо ѥсьмь Сън'хось, иже вьсемоу свѣтоу быхь царь. И краи земле вьсхотѣхь видѣти, и сь воискою великою на сиѥ поле доидохь. И вьсташе на ме диви чловѣци, и всоу мою воискоу раз'бише, и мене на семь полю оубише». Нов. II, гл. 19, сл. III, гл. 12. Сл. тотъ-же § схемы и Pseudocall. III, C, гл. 21; греч. нар. кн. стр. 108—110. Рум. нар. кн. стр. 62, въ отличіе отъ слав. и греч. текстовъ,

заставляетъ питиковъ жаловаться Александру: «авем невое де кокорі, къ він ла ноі ші не мънжѣнкъ поамеле, храна ноастръ, ші не батем къ еі, чі ѹне оара не бат еі, алте орі ꙟі батем ноі»: вліяніе разсказа о битвахъ пигмеевъ съ журавлями [1]). — Начиная съ эпизода о статуѣ Сезонхоса мы можемъ пользоваться для сравненія румынской Александріей, по списку 1620 года, отрывки которой напечатаны были Bianu [2]). Надпись Сезонхоса здѣсь гласитъ: «еѹ Санхос ꙟпърат лѹмю лоуме тоть. ши *врѹю сь вызь ши раю*.... ши чине ва вре... сь маргъ *ла раю* ши пьнь анча сь винь, ꙗрь де ича сь сь ꙟнторкь ꙟнапои, кь ва пери» (стр. 445—6; сл. рум. нар. кн. стр. 62). Слав. текстъ говоритъ въ первомъ случаѣ о «*краи земли*», во второмъ: «Чловече, аште к'то хоштеть на *въстокъ* поити, до здѣ дошьдь, опеть се врати»; греч. нар. кн. τὴν ἄκραν τῆς γῆς; εἴ τις ἔλθῃ ἕως ἐδῶ, πλέον ἐμπρὸς νὰ μὴν ὑπάγῃ.

d) «Люди .... страшни видѣниимь, и два сеж'нꙗ оубо дльзи, кос'мати же в'си». Они не нападаютъ на Македонянъ, «лоукаво на воискоу погледоуюште. И оубоꙗвь се Алексен'дрь, рече: Сіи соуть людии, иже Сьнхоса нѣкогда разбише». Къ одному изъ нихъ подводятъ жену; онъ начинаетъ ее пожирать, ее отнимаютъ; «онь же гласомь велиимь вресноувь, женоу поусти. Глась же иго оуслышав'ше дивіи моужіи, толико ихь наꙗха много множьство на воискоу, илико числа не бѣше; дрѣвиимь бо и камениимь воиникы биꙗхоу». Македоняне просятъ Александра: «до воли намь всоу зем'лю прии м'ше, починоути дан мало». Александръ успокоиваетъ ихъ: «не кь томоу вы маломошт'ни боудете, вьсь бо

---

[1]) Въ русскихъ спискахъ Александріи эти *питици* обратились въ *птицъ* и изображаются съ птичьими головами. Сл. Буслаевъ, Очерки, II, стр. 371 и соотвѣтствующее изображеніе; ркп. Хлудовскаго сборника, № 249 (XVII в.), л. 163.

[2]) Сл. Columna luĭ Traian, Noua serie, anulŭ IV (1884), стр. 445 слѣд. — Въ дополненіе къ сказанному выше стр. 136, прим. 2 замѣтимъ, что первое печатное изданіе румынской Александріи относится не къ 1797, а 1796 году и вышло въ Могилевѣ. Сл. Pop, Disertaţie despre tipografiile romînești in Transilvania, Sibiu, 1828, p. 90 (у Picot, Rev. crit. 1885 г. № 34, стр. 144).

[illegible] въ зем[л]ю [illegible] отмѣ- [illegible]

[illegible] Прак- [illegible] вѣстные [illegible] и шесте- [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Пела [illegible]

И див'неишаа прьвихь оузриши. И .ѕ. дьнь прѣшьдь, ѥзеро нѣкоѥго доидоше, и тоу станомь своимь ста, и ѩсти начеше искати. Магѥрь же Алексен'дровь риби соухи вь блатѣ томь омити понесе. ѥгда же ихь ок'васи, тог'да они оживеше в[оу] ѥзеро оутекоше. Алексен'дрь же, сиѥ слышавь, подиви се, и воисцѣ в'сои окоупати се рече. И коиѥ и в'си окоупав'ше се, з'драви и крѣп'ци бише» (гл. 30). Сл. греч. нар. кн. стр. 121—3 и № 8 схемы.

Отличія сербскаго текста отъ Pseudocall. C, въ эпизодѣ о водѣ безсмертія, поддерживаются отчасти другими источниками. Во французскомъ романѣ (ed. Michelant, стр. 332 слѣд.) какіе-то старцы говорятъ Александру о трехъ чудесныхъ источникахъ: кто искупается въ одномъ — помолодѣетъ (fontaine de jouvence), кто въ другомъ, видимомъ лишь однажды въ году, получитъ безсмертіе (источникъ безсмертія); сила третьяго источника такова, что если покойникъ пролежитъ четыре дня возлѣ него и его тѣло будетъ вспрыснуто его водою, онъ воскреснетъ (источникъ съ «живой» водою). Въ первомъ купается Александрова дружина и молодѣетъ (стр. 348 слѣд.); источникъ безсмертія находитъ какой-то Македонянинъ Enoc и, не предупредивъ Александра, самъ погружается въ него; въ наказаніе за это Александръ велитъ замуровать его въ столбъ, гдѣ ему приходится до конца дней оплакивать свое безсмертіе (p. 335). Что до источника съ живой водой, то о немъ разсказывается (p. 334) извѣстная легенда о поварѣ и рыбахъ. Передавая её, оригиналъ сербскаго текста очевидно забылъ его спеціальное назначеніе: оживлять, перенеся на него дѣйствіе какой-то fontaine de jouvence, которую румынскій текстъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, помѣстилъ въ странѣ нагомудрецовъ. Въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Pseudocall. C (сл. выше, стр. 222) можно предположить подобное-же смѣшеніе: рыбы, погруженныя въ воду, *оживаютъ*, а поваръ Александра и его побочная дочь, Кала, отвѣдавъ ея, становятся *безсмертными*. Въ соотвѣтствующемъ болгарскомъ разсказѣ, напечатанномъ мною (Archiv f. slav.

Phil. I, 608—11) Калѣ отвѣчаетъ безъименная дочь Александра, въ народномъ болгарскомъ преданіи у Миладиновыхъ — его сестра (l. c. стр. 608); въ словинской легендѣ нѣчто подобное разсказывается о сестрѣ Соломона, Sěmbilja'ѣ = Сивиллѣ, только источникъ безсмертія сталъ источникомъ вѣщаго знанія: «Bog je pravil enkrat Solomonu, da naj gre, ako hoče biti najmodrejši, na oni vrt k studencu ter naj pije in se naj umije s studenčnico. Sěmbilja pa je to skrivaj slišala, in sató je prehitela svojega brata ter se napila in umila s studenčnico; zatorej je bila modrejsă od Solomona»[1]). — Отмѣтимъ, наконецъ, соотвѣтствующій эпизодъ въ восточныхъ Александріяхъ: у Фирдуси Александръ отправляется вмѣстѣ съ Хисромъ (Ильей) за область мрака, къ источнику безсмертія; достигнувъ его, Хисръ погружается въ его воды, купаетъ коня, и возблагодаривъ Бога, подаетъ чашу воды и Александру, но невидимый голосъ предупреждаетъ его не пить и указываетъ на бѣдствія старости, неустранимыя при безсмертіи. Александръ отказывается отъ напитка. Такъ и у Низами, съ тою разницею, что Хисръ и его конь успѣли выкупаться и напиться воды въ источникѣ, который исчезаетъ изъ глазъ, когда подходитъ Александръ. Вслѣдъ за этой легендой Низами сообщаетъ намъ ея греческую и арабскую версіи: по первой Илья и Хисръ находятъ источникъ, въ которомъ оживаетъ опущенная туда соленая рыба, и искупавшись въ немъ, становятся безсмертными; по второй источникъ найденъ Ильей и Хисромъ, а Александръ ищетъ его въ теченіи сорока дней, пока Серошъ не предупреждаетъ его о тщетѣ его поисковъ; онъ подаетъ ему небольшой камень: пусть поищетъ въ Каабѣ что-нибудь равное ему по вѣсу.— Это извѣстный разсказъ о *камнѣ* (=черепѣ—ненасытномъ глазѣ), съ которымъ мы познакомимся далѣе изъ Iter ad Paradisum. Интересно встрѣтить въ Pseudocall. C, вслѣдъ за эпизодомъ

---

[1]) Сл. Kres, 1882 г., стр. 577: Narodno blagó s Tolminskega, priobčil J. Fonovsky: Sv. Sěmbilja. Сл. мою замѣтку въ Archiv f. slav. Philol. VIII, 330: Sěmbilja = Sibylla.

о водѣ безсмертія (II, 41); упоминаніе *«камня самосвѣта»* (II, 42) [1].

9. Александръ подходитъ къ озеру, въ которомъ вода «слад'ка бѣ, ѩко захарь»; камень-самосвѣтъ, найденный въ рыбѣ; его носятъ передъ войскомъ на копьѣ (εἰς τὸ φλάμπουρον του) «мѣсто лоучева фаноса» (ὡσὰν φανάρι); жены, выходящія изъ озера и поющія дивными голосами (ὡς φαίνεται ἐκεῖναι ἦτον αἱ Νερεΐδες, ὁποῦ ἀκούομεν τώρα εἰς τὰς ἱστορίας) [2]; встрѣча съ исполинами: «одь поѩса горѣ чловѣкь, а одь поуп'ка же долоу конь». Нѣкоторые изъ нихъ попадаютъ въ плѣнъ хитростью; «толико бо они брьзи бѣхоу, ѩкоже имь ништо на зем'ли не оутецаше, и такови они стрѣл'ци бѣхоу, ѩко ништо роуками своими не грѣшахоу. И симь Алексен'дрь ороужіа сьтвори, и стрѣле, и м'чеве наоучи ихь носити, и много ꙗмоу на р'ванѩхь поработаше. Да ꙗгда ихь вь вьселꙗн'ноу изведе, и вѣтроу стоуденоу на нихь дьх'ноув'шоу, и тако в'си помрѣше. Алексен'дрь же .р. дьни прѣшьдь, кь прѣдѣломь вьселꙗн'скыимь приближисе» (Нов. II, гл. 31; греч. нар. кн. стр. 123—4; сл. № 9 схемы).

10. «И тоу вь сльньч'ныи градь приде, и вь сльньч'нѣмь градоу поклони се. Писаніа же тоу обрѣте, ѩже о сьмрьти ꙗго

---

[1]) Grion, I Fatti di Alessandro Magno, p. XCVII—XCIX; Donath, Die Alexandersage in Talmud und Midrasch (Fulda, 1873), стр. 34 слѣд. Сл. Spiegel, Die Alexandersage bei den Orientalen, стр. 29.

[2]) Въ русскихъ спискахъ этому эпизоду отвѣчаетъ, быть можетъ, встрѣча Александра съ Горгоніей (сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 48; Буслаевъ, Очерки II, 371 и тамъ-же соотвѣтствующее изображеніе) «имущи же лице и перси и руки человѣчески, а нози и хвостъ имѣетъ аки у коня; на главѣ же ей за власъ мѣсто зміи имѣетъ и выросташе всякими лицы». Образъ, вѣроятно, наполовину навѣянный слѣдующей въ нашемъ текстѣ встрѣчей съ кентаврами, тогда какъ о Горгонѣ самой говорится, что она, подобно Сиренѣ, привлекала къ себѣ и животныхъ и людей. — Замѣчу, впрочемъ, въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zingerle, p. 63 и 218 прим.) встрѣчу Александра съ mulieres, que dicuntur *lamie*, pulcras valde, capillos usque ad talos, pedes habentes equorum. То-же во французскомъ прозаическомъ романѣ объ Александрѣ, пересказанномъ Weissmann'омъ (Alexander, Gedicht des zwölften Jahrhundert, vom Pfaffen Lamprecht etc. Frankf. a. M. 1850, v. II, p. 397): *женщины* о *лошадиныхъ ногахъ*. Въ старопечатномъ текстѣ 1506 г. онѣ названы *iantres*.

ньзвѣштахоу». Встрѣча съ единоногими людьми, объ, «овчихъ опашахъ». Схваченные и отпущенные на свободу, они издали надсмѣхаются надъ Александромъ: «о безоум'ныи Алексен'дре, како всѣхь чловѣкь прѣмоудрѣи кси, а ми те прѣмоудрисмо! Како нась поусти? Месо наше сладкс кстъ паче вьсѣхь месь, коже же наше толико тврьди соуть, ико никдно гвоздик пробити ихь не можеть; благо же оу нась толико кстъ, бисера и многоцѣн'нога каменіа, кмуже нѣсть числа (τὸ κουφάρι μας γέμει πολύτιμα λιθαρόπουλα καὶ χοντρὸν μαργαριτάρι, καὶ τὸ πετσί μας σίδηρον δὲν τὸ ἀπερνᾶ). Сіи же Алексен'дрь слышавь и радостьнь бывь, насмѣявь се рече: По истинѣ в'сака соп (ἄνθρωπος) оть кзыка своего погибакть. И се рекь, воисцѣ ороужати се повеле, и тако, оноу гороу обышьдь, и двѣ тисоушти оть нихь оухватиь ([illegible] ὥρας, καὶ ἀρματωθῆκαν διακόσιαις χιλιάδες καβαλλάρηδες μὲ λαγωνικά, πάρδους καὶ ζαγάρια. Ἐπεριγύρισαν ὅλον τὸ βουνόν, ἀπέλυσαν τὰ ζαγάρια, τοὺς πάρδους καὶ τὰ λαγωνικά. καὶ [illegible]) и вь станове ихь привель, коже имь одирати повеле. И толико имь месо сладко бѣше, ико никдино месо таково. Месо же ихь Пер'сомь и Ієгуп'тяномь ясти повелѣ. вь ложиштехь ихь толикои зеленога каменіа обрѣтоше, кмоуже числа не бѣше. И тако [illegible] прѣбыть [illegible]. Тоу Алексен'дрь много смѣкавь се [illegible] не насмѣкавь се [illegible] [illegible] смьрть [illegible] [illegible] (Н. з. II. гл. 32; греч. нар. кн. стр. 124—5 [illegible]).

Такое распредѣленіе повѣствовательнаго матеріала въ [illegible] Александріи [illegible] вѣроятно [illegible] представляемымъ ново-греческою народною книгой и ея сербскимъ и болгарскимъ переводами. — [illegible] текстѣ сербской Александріи [illegible] Брахманахъ [illegible] Pseudo-callisthenes A и B [illegible]

какъ названъ начальникъ нагомудрецовъ въ сербскомъ текстѣ и новогреческой и болгарской народной книгѣ — является, согласно съ Псевдокаллисѳеномъ (= Палладіемъ), имя Дандамія.— Все это указываетъ либо на болѣе древнюю форму сербской (= греческой) редакціи (Новаковичъ, стр. XI), либо на позднѣйшее воздѣйствіе какого нибудь текста Псевдокаллисѳена А В.

Для генеалогіи сербской Александріи интересно замѣтить, въ какихъ другихъ пересказахъ стараго романа встрѣчаются особенности ея плана, поставившаго эпизодъ Іерусалима передъ смертью Дарія. Въ старо-славянскомъ переводѣ Псевдокаллисѳена по архивскому списку послѣдовательность такая: *Египетъ* (Тиръ, Газа и т. д.), *Іерусалимъ* (Іосифъ Флавій); *пораженіе Дарія;* посланіе Александра къ Олимпіадѣ, въ томъ-же текстѣ, начинаетъ упоминаніемъ о смерти Дарія и далѣе ведетъ Александра въ невѣдомыя страны. — Въ Эллинскомъ лѣтописцѣ, воспринявшемъ тотъ-же переводъ, порядокъ измѣненъ: *Іерусалимъ*, *Египетъ*, *пораженіе Дарія;* стало быть, какъ въ сербскомъ изводѣ, при полной независимости этого текста отъ предъидущаго. — Европейскія обработки Александровой саги восходятъ къ латинской передѣлкѣ Псевдокаллисѳена, Historia de Preliis (X вѣка), и именно къ ея *пространной* редакціи [1]), уже давшей нѣсколько важныхъ параллелей къ нашему тексту—въ имени Артаксеркса, какъ противника Нектанеба (сл. выше, стр. 141) [2]), въ пріуроченіи эпизода о Вукефалѣ (сл. выше, стр. 155) [3]), въ помѣщеніи Халкидона (= Кархидона) передъ Римомъ (сл. выше, стр. 176—178) [4]), наконецъ — въ введеніи Іерусалима въ такую послѣдовательность Александровыхъ походовъ: *Египетъ*, *Сирія*, *Іерусалимъ, Дарій* [5]).—Josippon [6]), пользовавшійся текстомъ Historia'и,

---

[1]) О ней сл. Zingerle, l. c., p. 22 слѣд.
[2]) l. c. ib. прим. 1.
[3]) l. c. стр. 28.
[4]) l. c. стр. 29.
[5]) l. c. стр. 23.
[6]) Josippon, sive Josephi Ben Gorionis Historiae Judaicae libri sex. Ex Hebraeo latine vertit Gagnier. Oxonii, 1706.

разсказываетъ въ lib. I, c. 5 о вступленіи Александра въ *Іерусалимъ*, подвластный Дарію; далѣе (lib. II, гл. 9), слѣдуя Historia'и, о походѣ въ Италію и *Африку* (Ливію, Варварію) и окончательномъ *пораженіи Дарія;* въ lib. II, c. 10 о попыткѣ Александра проникнуть черезъ область чудовищныхъ народовъ и животныхъ, къ *Рехавитамъ* (= рахманамъ) въ страну мрака; лишь въ слѣдующей главѣ (lib. II, c. 11) повѣсть переходитъ къ *Пору*. — Это почти послѣдовательность сербской Александріи: *Іерусалимъ*, *Египетъ*, *смерть Дарія*, *нагомудрецы*, *Поръ*.

Все это указываетъ на особую обработку Псевдокаллисѳена, типа C = C[1], чѣмъ и объяснилось бы согласіе плана въ независимыхъ другъ отъ друга передѣлкахъ романа.

III.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ. ВОЙНА СЪ ДАРІЕМЪ.

Мы видѣли, что сербская Александрія измѣнила послѣдовательности, въ которой посланіе Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю по Pseudocall. C разсказывало объ Александровомъ походѣ на Дарія, и измѣнила въ такомъ порядкѣ: 1) *Іерусалимъ* — 2) *Египетъ* — 3) *Дарій* — 4) *Невѣдомыя страны*. Помѣщеніе Іерусалима «во главѣ угла», точкой отправленія дальнѣйшихъ подвиговъ, обусловлено всѣмъ міросозерцаніемъ нашего текста, почему я и предпочитаю разобрать этотъ эпизодъ позднѣе, по разсмотрѣніи другихъ частностей. Начну съ — Египта и Дарія.

(Изъ Іерусалима) Александръ идетъ на Египетъ; Египтяне готовятся къ бою; «Алексен'дрь же воискамь рече рьвати градь крѣп'ко». Въ жаркую пору- онъ купается въ холодномъ озерѣ и впадаетъ въ тяжкую болѣзнь. Его войско въ страхѣ и жалости, а Египтяне пишутъ врачу его Филиппу письмо: если онъ отравитъ Александра, то будетъ имъ царь. Получивъ это письмо, Филиппъ насмѣялся надъ нимъ и разорвалъ, а въ отвѣтъ написалъ такъ: «О безоум'ни и нес'мысльныи ослы Ѥгуп'тене! Аште царствію вашемоу похотель быхь, вь скорѣ мои господинь Алексен'дрь даль би ми инаа, бол'шаа вашего, царствіа, ихь-же мьчемь своимь прѣкть. Азь-же вьса сіа прѣзрѣхь, Алексен'дра же паче

изволихь имѣти, паче всѣхь царствіи земльныихь, вьсь бо мирь недостоинь ѥсть ѥдиного власа, падаюшта оть глави ѥго. Вѣдомо да ѥсть вамь, ꙗко Алексен'дрь здравь ѥсть, нь оухыштрениѥ нѣкоѥ творить, ꙗко да искоусить ваше невѣр'ствіѥ, заоутра же хоштете видѣти ѥго на великомь коню ꙗздѣшта, здрава и весела». Испуганные этимъ Египтяне пишутъ Александру, будто самъ Филиппъ намѣренъ отравить его; это письмо попадаетъ въ руки Антіоха и Александра, который еще держитъ его въ рукахъ, когда входитъ Филиппъ, неся въ рукахъ чашу съ врачебнымъ зельемъ, которое и предлагаетъ больному выпить. «Алексен'дрь же вьставь и потирь вь роуцѣ приѥмь и просльзивь се рече: Любимыи мои Филипе, теж'ко ми ѥсть сіѥ пити. Филипь же рече: Цароу, пи, не бои се; по льст'но ти ѥѥ бити. — Царь же рече: На пол'зу ли сіѥ мнѣ дакши, либими мои? Филипь же врачь, царево соумнениѥ разоумѣвь, вьз'мь потирь оть роукоу царевоу и половиноу испить». Послѣ него пьетъ и Александръ, а Филиппу показываетъ подметное посланіе Египтянъ. «О великыи цароу Алексен'дре, говоритъ врачъ, «о твоѥи главѣ всѣхь царь земльныхь глави висеть; да аште сіѥ вьсхотѣль быхь сьтворити, ѥдине твоѥѥ главе падениѥмь вьса вьселѥн'наа поколѣбала се би. И вьсь миръ нѣсть достоинь ѥдиномоу власоу падаюштоу оть главы твоѥѥ. И тебе оубивь, которомоу господиноу рабь назваль се бихь? Нь бол'ше ѥсть мнѣ живоу вь зем'лю вьнити, нежели твоимь животомь вьсь мирь поколѣбати». Проспавъ весь день Александръ просыпается здоровымъ, вечеромъ веселится съ своими Македонянами, а на утро подступаетъ подъ городъ. «И около града .р. пракь постави, и много люди изби вь градоу. И бѣ видѣти стрѣли вь градь летеште, ꙗко облакы; Ѥгуптѣне же прѣзь дьнь (вар. прѣзь зьдь, прико града) не можахоу гледати, и вьзоупише велиѥмь гласомь глаголюште: Помилоуи нась, цароу Алексен'дре, цара нашего Нехтенава сыне, старь бо оть нась ошьль ѥси, и пакы младь кь намь пришьль ѥси». Александръ велитъ остановить сѣчу, а Египтянъ спрашиваетъ, что они разумѣютъ подъ тѣми словами. Они разсказываютъ ему о Нектанебѣ и объ оставленномъ имъ

писаніи: «Оть вась отхождоу старь, и пакь пріидоу кь вамь младь, и сикови белегь боудеть мокго пришьствіа: кгда кь образоу мокмоу пріидоу и поклоню се кмоу, кже на стльпѣ стоить срѣдь града Ѥгуп'та, тогда вѣн'ць оть роукы кго на главоу мою пад'неть». Чудо это совершается надъ Александромъ. «И тоу рече царь четири стльпи сьздати велик, и на кдиномь стльпѣ себѣ вь златѣ сьтворити повелѣ, на в'торомь Потоломѣа воквoдоу, на третикмь Антиоха, на четврьтомь Филона храбраго, и вьси кь вьстокоу зрѣти; и на свои стльпь Алексен'дрь вьзьшьдь, бѣ бо високь зѣло, и по Ѥгуп'тоу погледавь, повеле кго разбити вьсоуде, Филипа-же врача господина Ѥгуп'тоу сьтворити, самь же вь Ѥгуп'те наиде скровишта прьвыихь царь (Нов. II, гл. 2—4 = Jag. l. c., p. 257—9).

Въ вѣнской рукописи весь этотъ эпизодъ выпалъ, хотя онъ несомнѣнно находился въ ея подлинникѣ (сл. выше стр. 133). — Отличія нар. греч. кн. (р. 72—76): Египтяне одновременно пишутъ Филиппу, прося его отравить Александра, и Александру съ доносомъ на Филиппа. Въ отвѣтномъ посланіи Филиппъ говоритъ Египтянамъ: ἐσεῖς εἴστε κλέπται, γαΐδαροι καὶ ἄγροικοι ὡσὰν τὰ ζῶα; выпивъ зелье, Александръ показываетъ врачу посланіе, имъ полученное, а тотъ предъявляетъ ему письмо, съ которымъ обратились къ нему Египтяне. — Эпистолія Нектанеба говоритъ, что онъ вернется черезъ тридцать лѣтъ, и что на кого упадетъ вѣнецъ, тотъ будетъ — сынъ его: подробность, которую греч. нар. кн. = W разсказала и раньше (сл. выше стр. 142—3). — Поставивъ Филиппа властителемъ Египта Александръ «εὗρε πολλὰ βλυσίδια (новогр. βλησίδι, у Евстаѳія βλησεῖδι, м. ж. вм. βρέσιδι = χρήματα κρυμμένα), καὶ ὅλα τὰ ἐμοίρασεν εἰς τὰ στρατεύματά του».

Весь разсказъ объ египетскомъ походѣ Александра довольно близко воспроизводитъ подробности соотвѣтствующаго отдѣла Александрова посланія къ Олимпіадѣ и Аристотелю, С II, гл. 25—28. Какъ и въ сербскихъ текстахъ Египетъ, осаждаемый Македонянами, представляется городомъ = Мемфисъ (сл. С I, 34 = В); тамъ стоятъ палаты Нектанеба и его статуя; на ея

груди начертаны слова: "Ὃς ἂν τοῖς ἐμοῖς ἐφέρπει δόμοις, [καὶ ᾧ] τόδε τὸ στέφος θήσομαι τῇ αὐτοῦ κεφαλῇ, τοῦτον παῖδα ἐμὸν πάντες εἶναι νοεῖτε· τὴν δὲ ἅπασαν αὐτὸς νοστήσει γαῖαν· τοῦδε τοὔνομα δοθῇ πόλει τῇδε» (C II, 27). Какому *этому* городу? Александръ вѣдь находится въ *городѣ* Египтѣ, — не въ мѣстности, гдѣ имъ основанъ городъ его имени — Александріи. Слѣдующая глава (C II, 28) начинается такъ: «Διατρίψας οὖν ἐκεῖσε (т. е. въ городѣ Египтѣ = Мемфисѣ) Ἀλέξανδρος χρόνον τινά, πόλιν οἰκοδομεῖν ἐγχειρίζεται κίοσί τε πλείστοις αὐτὴν κατακοσμήσας καὶ τὰ τείχη πύργοις εὐμήκεσι καὶ μεταρσίοις κατοχυρώσας, ἐν δὲ τῇ κατὰ ἀνατολὴν πύλῃ μεταρσιώτατον πάντων ἕνα πύργον οἰκοδομήσας, ἐν αὐτῷ τὴν ἑαυτοῦ στήλην ποιήσας ἵδρυσε, περὶ αὐτὸν δὲ Σελεύκου (вм. Птоломея сербск. Алекс.) καὶ Ἀντιόχου καὶ Φιλίππου τοῦ ἰατροῦ», который и поставленъ властителемъ Египта, тогда какъ Селевку удѣлена Персія, о чемъ славянскій текстъ ничего не говоритъ въ нашемъ эпизодѣ. — О томъ, что упомянутый городъ — Александрія — нигдѣ не сказано, согласно съ извѣстными намъ текстами сербскаго романа, раньше разсказавшаго объ основаніи этого города. Такъ могло быть и въ C¹: a) Александръ, возвращаясь отъ окраинъ Западнаго океана, заходитъ въ Египетъ и здѣсь строитъ Александрію; b) лишь позже разсказывалось о походѣ въ Египетъ, осадѣ города = Мемфиса, статуѣ Нектанеба и воздвигнутыхъ Александромъ столпахъ. Редакторъ C воспользовался, какъ мы видѣли, для перваго отдѣла = *a* всѣмъ, что нашелъ въ B, и сообщилъ подъ рядъ — и объ основаніи Александріи и о статуѣ и оракулѣ Нектанеба (C I, гл. 31—34; сл. стр. 199 и 216 и таблицу на стр. 215): во 2-мъ = *b* онъ ограничился (въ посланіи къ Олимпіадѣ и Аристотелю) воспроизведеніемъ C¹, отчего получился дублетъ — и вторичное появленіе Нектанеба и его прорицанія, въ которомъ упоминаніе города, названномъ Александромъ по своему имени, относится къ совершившемуся факту: Александрія уже построена, но Нектанебъ предвидѣлъ это раньше — какъ предвидѣлъ и пришествіе Александра. Слѣдующія постройки Александра, очевидно,

относятся *не къ Александріи*, какъ-то предположилъ Zacher (Pseudocallisthenes, p. 135, § 28).

Обратимся къ разсказу о войнѣ съ Даріемъ.

a) *Бой у Евфрата. Мимандъ.* Вѣстники сообщаютъ Александру, что Дарій съ своимъ войскомъ подошелъ къ Евфрату (Ѥфрать, Епрат); туда-же идетъ и Александръ. Онъ велитъ переписать свое войско: у него 600 (вар. 300) тысячъ конницы и 400 тысячъ пѣшихъ; у Дарія тысяча тысячъ (вар. 50 тыс. тыс.) конниковъ и столько-же (вар. десять тыс. тыс.) пѣхоты — о чемъ говорятъ, подъ страхомъ повѣшенія, схваченные персидскіе лазутчики. Александръ приказываетъ продержать ихъ до ночи, и поведя ихъ на возвышеніе, показываетъ безсчисленные огни, зажженные по его приказанію: пусть судятъ о числѣ его войска. Отпуская ихъ онъ говоритъ: «Законь ѥсть Макѥдонѩномь, ѥго же на бою оухватають, главоу отсѣцають, никого жива не поуштають; да аште сь Дариѥмь сьразимь се, ви оу бои не идете, болѥ бо ѥсть чловѣкоу свои животь, неже свега свѣта богатьст'во. Цароу же вашемоу Дарию р'цѣте: цароу сь царемь не подобаѥть бити се; да ѥгда нач'немь быти се, иштите ме на златои колес'ници мегю львовеми белези (вар. главами). Где видите позлаѥнѥ хел'мѣ и типанѣ фариже, тоу ѥсть макѥдон'скыи пльк». — Обо всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ лазутчики докладываютъ Дарію, который велитъ отрѣзать имъ языки, дабы не повѣдали они того Персамъ. На совѣтѣ рѣшено — самому Дарію — царю не вступать въ бой съ разбойникомъ Александромъ; призвавъ «воѥводоу великаго, Миман'доу (вар. Миманта) именемь», онъ велитъ ему: «шесть [сть] тисоуштъ вьз'мь изьбран'ныхь Пер'сь и двѣ стѣ тисоушть Мидѣнь, [и .в. тисоуште Етиопь] и .д. ста тисоушть пешьць стрѣльць, и Тиг'рь (ошиб. вм. Евфратъ; сл. новогр. нар. кн. р. 78 = W) рѣкоу прѣшьдь, Алексен'дра, сына Филипова, кь мнѣ приведете. Аште же побегнеть, а ты тераи, не останн га се ѥго нигде, [и оу мои нарокь походи], боги пер'скыми оукрѣп'лѩѥмь». Александръ съ своей стороны ободряетъ Македонянъ (вар. Македоници конеци и пелагонитьсци

витези и лакемедоньсци витези; македониски боиници и пелагонитасци; пелагωдиньсци витезωви и гωтиньсци витези) помощью «Бога Саваоѳа», напоминаніемъ Рима, Іерусалима и Египта; коли мы побѣдимъ Дарія, «господа в'семоу кговоу боудемь. Аште ли онь нась раз'бикть, то в'са вьселкн'наа не можеть нась оукрити прѣдь образомь кго. Боле кєть намь на бою оумрѣти, неже ли прѣдь Пер'си бѣжати; в'сакомоу бо велеоумноу моужоу боле поч'тена сьмрьть, неже срамотьнь животь. Вѣдомо да кєть вамь, ꙗко раз'бити ихь хоштемь, понеже цара ихь нѣсть сь ними, вьсака бо воиска безь цара своего безьглав'на кєть. Видите ихь неоуправ'но на бои идоуштихь, вь скорѣ бѣжати нач'ноуть, без'глав'ни бо соуть; ви же знакте, ꙗко Пер'си ов'це наричоуть се, Макєдониꙗне же вльци, и прѣдь кдинемь вькомь многе ов'це бегають. Пер'си бо на бои погнани соуть, ви же своею волею и сь царемь своимь идете. Нь молю вьсѣхь вась храбро на бои сь поити, паче инѣхь боевь; кгда бо воиска на воиску идеть брьзо, остротоу [воиске] оное [храбростию своею] оубивакть». Раздѣливъ свое войско на три полка, онъ поручаетъ два изъ нихъ Антіоху и Птоломею, а самъ остается съ Македонскимъ. «И тако брьзо поꙗз'див'ше, копіа оуломише, [и мьчеве трьгоше], пакы же соузоубь мьчеви оудрише се». Персы бѣгутъ, преслѣдуя ихъ Александръ «кь Дарикꙗвоу околоу приспѣше»; Дарій ускакалъ на конѣ; павшихъ Александръ велитъ погрести, оставшихся въ живыхъ отпустилъ съ честью, сказавъ: «р'цѣте цароу вашемоу Дарію: Довол'но боуди об'рокы своими». Мимандъ убитъ; Александръ, перейдя Евѳратъ, разрушаетъ мосты.

b) *Вторая битва. Вавилонъ.* Между тѣмъ Дарій приказалъ своему войску собраться къ Вавилону, на Сенаарское поле; собралось двѣсти тысячъ (вар. .в. сте тисоуште тисоуштъ), съ ними онъ идетъ на Александра, который внутренно страшится, но снова ободряетъ своихъ: «О либими мои, да вѣсте, ꙗко в'сакь бѣгак брьжи кєть тераюштаго. Многе коуч'ке мѣд'веда терають, нь малѣ оукдають; и кдномоу львоу рик'ноув'шоу, мнози звѣріе оумирають» и т. д. У Александра тысяча тысячъ (вар. 30 т.)

ратниковъ; «и повелѣ вь воисцѣ личити (вар. клицати), ꙗко аште к'то нач'неть прѣгн раз'биѥніа драти, безь расоужденіа да оумреть ꙗко рат'никь» (sic). — Ночью пророкъ Іеремія, явившись ему во снѣ, обѣщаетъ ему въ брани помощь Бога Саваоѳа; ободренный этимъ Александръ вступаетъ въ бой при трубныхъ звукахъ. «И бѣше видѣти вьп'ль конь и чловѣкь и клопоть ороужіа, ꙗко зем'ли тои достоужити се, сѣчоу бив'шоу оть оутра до плад'не». Три дня и три ночи Македоняне преслѣдуютъ Персовъ, потерявшихъ 400 (вар. 200) тысячъ убитыми и двѣсти плѣнными, которыхъ Александръ отпускаетъ во свояси, веля имъ болѣе на бой не выходить.

Пока Дарій съ сотней конниковъ бѣжитъ въ стольный градъ «Пер'сиполь», Александръ идетъ на Вавилонъ; «граждане же на .р. пьпришть (вар. 15 миль) не даꙗхоу ѥмоу [кь градоу] прити, толика бѣ сила ихь (вар. толико бише Бабилон велик колико рика Епрат посреди нега течаше), ꙗко рѣка Ѥфрать вьхождаше вь нь непрѣходимаа» (вар. ꙗко реце Ефратоу вьтецаюштоу вь нь, непрѣходне соушти и велице, идеже изь раꙗ истецаше). Александръ велитъ повыше города копать «водоваждоу» и разъ ночью, когда вавилоняне были въ храмѣ Аполлона, отводитъ воду въ поле и по сухому руслу проникаетъ въ городъ, который велитъ зажечь. По просьбѣ горожанъ, онъ велитъ прекратить пожаръ; его величаютъ царемъ и приносятъ дары: «изнесоше ѥмоу злато Даріѥво, иже бѣ тоу, ‚в. тисоуѥѥ таланьть (вар. .в. сте тисоушть злата таланьть; дви тисуħи таланат) и тисоуштоу (вар. 500) конь зоб'ныхь Даріѥвехь из'ведоше, и .р. львовь вь златихь веригахь, и тисоуштоу пар'доусь лов'ныихь, и сто фарижь (вар. парижь) аравіискыихь, иже соуть изрочити оть всѣхь конь. И изнесоше ѥмоу двѣ тисоушти блюдь (вар. здил) самотвор'ныихь Даріѥвехь, и двѣ тисоушти роговь слонов'нихь, златомь окован'ныихь, и великыи бисерь на нихъ, и камениѥ многоцѣн'но, тисоуштоу (вар. .і. тисоушть) ороужіа цѣла сь златомь и бисеромь, и тисоуштоу потирь изваꙗнѣхь оть раз'лич'ныихь камень и многоцѣн'ныихь. И десеть

тисоушть кнпазмь (вар. хакиз'мь; схакузмь конскыхь), иже бѣхоу оть рибік коже, ихь-же железо похватити не можеть. И крьзно Сексена (вар. Ексер'ксна, Стерстена, Ѯерьѯена) цара пер'скаго, иже бѣ сьтворен'но оть зміквѣхь очію, сь многоцѣн'ныимь каменикмь, и вѣнаць Сьн'хоса вьселкн'скаго цара, и трапезоу оть сам'фира камена Даріквоу; кгда на нки ꙗдеше, никьдь злосрьдь не бываше». (вар. приб. И тоу Александрь сьтвори вь Вавилоне .л. дьни; либо: 50 дней).

Услышавъ о взятіи Вавилона, Дарій сѣтуетъ: мнилъ онъ себя сильнѣе Бога небеснаго, а нынѣ одинъ отъ малыхъ царей разрушилъ его силу. «О окаꙗн'наа чести моꙗ, вь прьво кь мнѣ посмѣа се, и напоконь гор'ко кь мнѣ озре се. По истинѣ рекль ксть рекыи: Сѣки и сь радостію неправед'но, сь плачемь и жалостию пожнеть. Прѣмоудріи Соломонь вь писаниихь своихь рекль ксть: Иже чоуждаа сь радостію вьзехь и своихь сь жалостию лишихь се». Его утѣшаютъ, говоря: «О великыи цароу Дарік, великымь корабомь великаа паденіа соуть, и велиціи вѣтри велика дрѣва полам'лꙗють (вар. приб. мала слаба находеħи поминую). И царство множьствомь людіи сьстоить се, ꙗкоже море великыми вльнами и плаваꙗштимь страш'но ꙗвлꙗкть се». Вчера разбилъ насъ Александръ, завтра мы его побѣдимъ.

c) *Ависъ*. «Нѣкы прис'ныи и любимь милостникь властеличикь Даріквь», именемъ Ависъ (вар. Амвисъ, Амьвись, Ан'вись, Имамвись, Амивиз), приходитъ къ Дарію и, напомнивъ ему о благодѣяніяхъ, которыми осыпалъ его царь, говоритъ о своей готовности положить за него жизнь — убивъ Александра. Если ты сотворишь это, отвѣчаетъ Дарій, то освободишь Персію и «сьмрьть твоꙗ вь мѣсто живота вьмѣнить се, и мнѣ цар'ство оть роукы твокк дасть се, и ты великь оть Пер'сь наречеши се. — И сіи рекь Дарік; Ан'вись же вьз'мь бѣлежьць (вар. приб. Македониискы) на ороужік свок вь Алексен'дровоу воискоу вьмѣси се. Алексен'дроу же ороужноу ꙗздѣштоу и свою прѣписоуюштоу воискоу, Анвисоу же близоу кго приꙗхав'шоу, мьчь свои трьгь, хотеше Алексен'дра по очию оудрити, и грѣшивь, врьхоу хел'ма

оудари его [m. и вьсь врьхь отсече, и косме кго ꙗко бритвою мьчемь остроугавь. Александрь же мнѣвь, ꙗко оть своихь емоу бысть невера, рече: Не оудари ме роука персидиска, нь ме оудари роука Макідониска. И Амьвисоу же повьторити не даше, нь мьчь емоу вьзмьше и хльмь его вьсь сньмьше, кь Александроу приведоше». На вопросъ Александра онъ объявилъ чистосердечно, что намѣревался убить его изъ любви къ своему господину; ты заслуживаешь смерти, говоритъ ему Александръ, «нь понеиже за господина своего поболель еси, и главоу свою положиль еси, ꙗко оть Македонꙗнь сьтвориль се еси, се тебе оть роуки мое животь тебе дароую, понеиже дело сьтвориль еси, еже никтоже нигдѣже не сьтвори. И здравь кь цароу своемоу походи, и тако емоу р'ци: Его-же бо҃гь хранить, того чловѣкь не оубиваеть; кгоже богь не хранить, того вьсе роуки чловѣчьскыѥ оублоусти не могоуть; да прѣломи неоуломное свое срьдце и отложи прѣвьзносноую свою грьдиноу, и царствию моемоу поклони се], и дани мнѣ даи и сь подроучними цари почиваи». — Вернувшись назадъ, Амвисъ обо всемъ докладываетъ Дарію и прибавляетъ: «тебе дьньсь в'соу работоу мою платихь мьчемь, и животь мои оть роукы Алексен'дрови вьзехь дьньсь. Вьса добра, кликa сьтвори ми, дьньсь животомь моимь платихь ти; азь бо дьньсь мрьт'вь кськ тобою, а Алексен'дромь живь кськ. Ѥлика могохь, сьтворихь; богь, кго-же любиꙗше, сьхрани. Да покланꙗмь се тебе, цароу Даріѥ, работати хоштоу, иже ми животь дароваль кеть». — Дарій опечаленъ: «кмоу же бози соупротив'лꙗють се, томоу чьсть на безьчьстіе (вар. срића на несрићу) прѣмѣноукть се, и того и прис'ни и любиміи дроузи оставлꙗють; добрѣ-бо рече рекыи: Вьз'ношеніе годишт'на кола и низ'ношеніе имать ниско; и в'сакь вьз'носеи се, смѣракть се, а смѣраки се, вьзносить се». Одаривъ и отпустивъ Ависа, Дарій поручаетъ ему сказать Александру: «Не прѣвьзноси се зѣло, вьсакь бо вьзносеи се, вь скорѣ смѣрить се. Сьн'хось царь зѣло прѣвьзнесь се, оть дивихь людіи смѣрень бысть; Ѥксер'сена (вар. Асексен, Еѯерьсень, Ѥѯерьксень) пер'скыи царь зѣло прѣвьзнесь се, оть Даѳ'неа

смѣрень бысть (вар. ѡдь Антинань, Антиѡни, Антиѣна = Аѳинянъ); и азь оубо прѣвьзнесохь се, и оть своихь смѣрень быихь, и ты оубо аште прѣвьз'несеши, смѣриши се». Коли можно, пусть удовольствуется «оброки своими»; ему же лучше смерть, чѣмъ уступка: «царь цароу не кланѣкть се николиже». Пусть готовится на брань: черезъ пятдесятъ дней онъ выступаетъ противъ него съ Персами и Индійцами, или побѣдитъ, либо умретъ съ честью на родной землѣ. — Выслушавъ Ависа, Александръ, покачавъ головою, сказалъ: «О царствѣ нѣсть мира ни сь кыимь, царство бо велика гора кеть и висока зѣло, водами и воштіами различними оукрашен'на, ѡже вѣр'ныимь красна и слад'ка ѡв'лѣкть се, невѣр'ныимь же непристоуп'на и притран'на (вар. страшна). И на сію чловѣкь вышьдь, и на красотоу кк вьзирак, не мнить се слести когда, аште разоумомь окрьм'лѣкть се».

d) *Александръ покмисарь.* Въ ту ночь явился Александру во снѣ пророкъ Іеремія «съ философомь Іерусалимьскыимь» (вар. с Пинкиемъ архиереем ерусолимским: сь Финеемь; са асьпи арьхиерьми ерузалемьсциеми) и велитъ ему итти къ Дарію въ качествѣ своего собственнаго посланника. Напрасно удерживаютъ его Антіохъ и Птоломей (вар. и Филиппъ), которымъ онъ поручаетъ, въ случаѣ своей смерти, всѣ царства раздѣлить между собою, македонскій же полкъ соблюсти добрѣ. — Облекшись въ персидскую одежду («облѣкло», вар. свиту), финикійскій плащь и македонскую шляпоу «съ аспидовѣми рози и златѣми печат'ми», онъ несетъ свое собственное посланіе Дарію, который, желая удивить Александрова посла, «парастась великь сьтвори»: онъ сидитъ на высокомъ престолѣ, «около нкга ѡко лица аггелскаа сьтворен'на бѣхоу. Вьса же палата оть злата свѣт'ла сьтворен'на бѣше, и ѡко лица аггел'скаа томоу ѡко богоу прѣдстоѣхоу. Стльпове злати каменикмь многоцѣн'ныимь оукрашен'ны бѣхоу; четири же камены на четире оугле ток полати бѣхоу, иже вь ношти ѡко ог'нь вь мѣсто свѣшть (вар. лоуча) свѣтехоу». Всѣ дивятся наряду Александра, а одинъ персіянинъ читаетъ его посланіе къ Дарію: Помнишь-ли ты, какъ ты хотѣлъ меня, еще

юнаго, лишить престола — а теперь Господь сотворилъ меня «господина отьчьствоу моемоу и вьсѣмоу свѣтоу»; ты велѣлъ привести меня къ себѣ — а вотъ я самъ пришелъ и хочу назваться господиномъ всему твоему. Но я не немилостивъ: если ты смиришься и дашь мнѣ дань, то господствуй по прежнему; «аште-ли ти се неугодно ѥсть, то Пер'сомь ты низ'матарь (вар. неприател) ѥси, и симь заклати се радь ѥси оть Макѥдоніиского мьча. Боуди готовь сь в'сѣми своими на бои .еі. дьнь (вар. 16), на Ар'сопор'скои (вар. Арьсинеисце, Арсиноиской) рѣцѣ. — Писание же Даріѥ слышавь, кь своимь си рече: Надѣѩше ли се к'то таковеи подвижи и таковеи ѩрости оть Макѥдоніе изыти? Алексен'дрь же, стоѥ прѣдь нимь, рече: Не чюдо, аште Макѥдонѩне свѣтомь обладають. Даріѥ же рече: По ч'то? Алексен'дрь рече: По ч'то соуть вьси ѥдиносрьди и храбри безь кон'ца и моудри же и любими. — Пер'сенинь же нѣкто рече: По ч'то тако великомоу вароу глаголѥши? Онь-же рече: Сил'на господина вол'нь поклисарь».

Позванный на трапезу къ Дарію, сидя противъ него на поклисарскомъ мѣстѣ, онъ прячетъ за пазухоу первую и вторую золотую чашу, имъ выпитую. Объ этомъ говорятъ Дарію, а одинъ вельможа замѣчаетъ Александру, что за царскимъ столомъ такъ не дѣлаютъ; онъ отвѣчаетъ: «Оу господина мога Алексен'дра прьвоу и вьтороу чашоу всакыи поклисарь себѣ оузимать». — Кандархъ (Кан'дар'коусь, Кандаркус), ходившій когда-то посломъ въ Македонію, призналъ Александра и говоритъ о томъ Дарію: «Дьньсь в'соу волю твою бози сьтворише». Дарій радуется: «Честь (вар. срића) тихомь-лицемь кь мнѣ обраштати се начеть», говоритъ онъ, но у него еще есть сомнѣніе: «Вьсѣхь главь глава не обѣшаѥть се, нь кон'ци (вар. на единомь коньцоу)». Кандархъ ручается головой, что это Александръ; тотъ между тѣмъ замѣтилъ, что о немъ говорятъ, и «прьстень вь тобол'ци врьхов'ныи (вар. влховни) вьзеть (вар. у тѡбѡцу, мошни), иже бѣ вь Трои вьзль Клеопатре егупьт'ске царице: ѥгда ть прьстень на роукоу став'лѩше, оть всѣхь невидимь бываше. И вь роукоу ѥго вьз'мь, хоте искоусити

Дарикво малодоушіе. Даріе же кь нкмоу рече: Прилична ми те кь Алексен'дроу кажоуть. Онь-же рече: Приликы ради любить ме господинь мои, приличьнь бо кмоу кс'мь, и мнози мнѣ поклонише се, мнѣв'ше ме Александра». Дарій выходитъ изъ-за трапезы въ ложницу, гдѣ совѣщается, какъ схватить Александра; съ царемъ вынесли свѣточи, а Александръ пользуется темнотой, чтобы снять съ себя «многоцѣн'но кръз'но и [македониски] клобоукь»; возложилъ на роуку волховской перстень и вышелъ изъ палатъ. У первыхъ городскихъ воротъ онъ даетъ привратнику золотую чашу: возми её и храни, говоритъ онъ, царь Дарій послалъ меня нарядить стражу. Его пропускаютъ; такъ было и у вторыхъ воротъ, гдѣ онъ заявляетъ, что посланъ царемъ за воеводами, «да страже оутврьдеть». Тогда онъ садится на коня и кь разсвѣтоу былъ на Синорской (далѣе: асор'скаа, асирскаа; вар. Арьсинейска; на Сираску риеку) рѣкѣ, которую нашелъ замерзшей; на той сторонѣ его ждали Антіохъ, Филонъ и Антигонъ. — Между тѣмъ Дарій поручилъ «Кан'дар'коусоу и Клидоуксоу» (вар. Крисоу, Клисоу лидонскому цару) схватить Александра; его ищутъ въ палатѣ и не находятъ; спрошенные вратари повѣдали всю истину; Кандархъ съ тремя стами конниковъ гонится за нимъ, но добравшись до рѣки къ восходу солнца, находитъ её отмерзшей, а Александра на томъ берегу. «По ч'то терате вѣтра, кго-же не можете оухватити? говоритъ онъ имъ; онъ будетъ ждать Дарія на асирской рѣкѣ, которая «всакоу ношть замрьзаше, прѣзь дьнь же, размразив'ши се, течаше сь каменикмь и паромь замѣсив'ши се». Узнавъ о неудачной погонѣ, Дарій сѣтуетъ: «О невѣрнаа и неоустав'наа чести (вар. несрпѣе), како чловѣкомь ис-прьва слад'ка ıавлıакши се, и на послѣдькь гор'шіи ıада обрѣтакши се!».

Замѣтимъ по поводу волшебнаго перстня *египетской* царицы *Клеопатры*, взятаго Александромъ *въ Трои*, что новогр. нар. кн. р. 95 также говоритъ о немъ — едва-ли не въ слѣдствіе древняго смѣшенія, совершившагося уже въ прототипѣ обоихъ текстовъ. Мы видѣли, что въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои (Нов. I, 24; сл. выше, стр. 203—4) ему приносятъ пер-

стень «Ѥгоупе, троиске царице», имѣвшій цѣлебную силу; варьянтъ говоритъ о перстнѣ «кгуптьскык кралице»; особыя свойства перстня — дѣлать человѣка незримымъ — могли быть подсказаны слѣдующею далѣе чертою: о вѣнцѣ *другой царицы* (Поликсены), дѣлавшій надѣвшаго его невидимымъ (сл. выше, стр. 205); въ вѣнцѣ египетской царицы *Клеопатры* Александръ въѣзжалъ въ Римъ — раньше посѣщенія Трои (сл. выше, стр. 190 и 193). Этимъ путемъ имя Клеопатры перенесено было въ Трою, чему способствовало созвучіе: Гекаба=Гекуба, Египетъ, и мы получаемъ увѣренность, что въ оригиналѣ греч. нар. кн., знающей перстень Клеопатры и ничего не говорящей (въ эпизодѣ о Троѣ) о перстнѣ Гекубы — послѣдняя подробность имѣла мѣсто.

e) *Посланіе къ Фору и бой на Арсинойской рѣкѣ*. Дарій пишетъ Фору, сколько бѣдъ претерпѣлъ онъ отъ Македонскаго отрока; дважды побѣжденный имъ, онъ готовится на третій, послѣдній бой, и проситъ Форовой помощи: твои войска непобѣдимы, «ты же тькмь богомь кси». Прочтя посланіе Форъ говоритъ, качая головою: «Нѣсть радость, ки же не примѣшакть се жалость; и Даріє бо нѣкогда тькьмь богомь бѣше, нынѣ-же оть Макєдонѣнь гонимь кстъ». Онъ велитъ своимъ вельможамъ пойдти къ Дарію, взявъ «.д. тисоуште тисоушть воиске», а Александра привести къ нему; онъ желаетъ его видѣть, «моудра бо ми кго и сьмысльна казоуютъ». — Дарій обрадованъ помощью; у него самого войска — тысяча тысячъ. — Между тѣмъ индійскіе воеводы послали къ Александру своихъ лазутчиковъ, которые схвачены; поставивъ ихъ на высокомъ мѣстѣ, Александръ пропускаетъ мимо ихъ всю свою рать, и одаривъ, отсылаетъ обратно; они разсказываютъ о мужественномъ видѣ и численности Македонянъ. «Сьстав'шима же се двѣма воискама, сльньце оубо оть праха помрьче; страхь же и Индіане и Макєдонѣне обькть. Вь коупѣ же замесив'ше се, кдини оть дроузѣхь не познавахоу се. Вѣтроу-же боур'ноу вь кдино дьх'ноув'шоу, и прахь оть нихь откм'шоу, и тако сѣшти начеше се. Вьсь дьнь сѣчоу быв'шоу, Алексен'дрь трьпѣти сего не могыи, нь сь заставою своєю сь

тисоуштоу тисоушть изьбран'ныихь витезь по срѣде ихь вьниде, и самь мегю ними на златои колес'ници по срѣде ихь вьниде». — Индійцы и Персы обращаются въ бѣгство.

f) *Отъ смерти Дарія до хожденія Александра въ «невѣдомыя страны».* Самъ Дарій бѣжитъ къ «Пер'сиполю», когда двое близкихъ къ нему вельможъ, «Кар'даньвоушь и Ариз'вар'нь (вар. Кан'дарьвоусь, Кандракус, Ар'зиваржь, Аризван, Арьзиварнь) настигаютъ его, и пронзивъ его мечами и стащивъ съ коня, оставляютъ полуживымъ.—Между тѣмъ Александръ посылаетъ Финика (вар. Филона) сказать Персамъ, что Дарій убитъ; къ Индійцамъ его-же (вар. Филона) съ увѣщаніемъ, что онъ отпуститъ ихъ съ честію; если-же тѣ и другіе обратятся въ бѣгство, ихъ ожидаетъ смерть; вмѣстѣ съ тѣмъ Селевкъ велитъ Индійцамъ, по порученію Александра, сдать оружіе и коней. «Филонь кь нимь пристоупивь повелѣние Алексен'дрово рече; они же на землю пад'ше, поклонише се, стегове же в'се Форове и великие накараде и великие троубы и коне в'се и ороужіа Филоноу прѣдаше». Отпуская ихъ Филонъ велитъ сказать Пору: «Боуди доволюк индіискыמь царьствомь, и оу своой оу храброи земли, и роукоу помошти кь чюждимь на Македонияне не посилаи. Вѣдомо да кесть тебе, Форе, индіискыи цароу, шко ша Филонь, по милости Алексен'дрове, Пер'сомь господинь назвахь се, и соусѣдь тебѣ бити имамь. Перси же слышав'ше, оть Индіань отдѣлише се и кь Филоноу пристоупише, и семоу мѣсто Алексен'дра поклонише се».—Согласно съ этимъ позднѣе въ распредѣленіи своего наслѣдія Александръ даетъ *Филону «пер'с'ко господст'во»*, ... Селевкию же даде «рым'ско господство, Лаомедоушоу же даде Неглитор'ско (вар. енглитерско) господ'ство» (Нов. III, гл. 16). Но мы знаемъ изъ эпизода о Римѣ, что его властителемъ, а вмѣстѣ и всего Запада (и «неглиторскимъ») поставленъ былъ Лаомедонтъ (сл. выше, стр. 191); на Селевка — Римъ перенесенъ, очевидно, по ошибкѣ. У Нов. II, 16 Александръ, покоривъ Персію и снаряжаясь въ походъ противъ Криза, «Селев'кіа вь Пер'сидѣ остави»; Филонъ сопровождаетъ Алек-

сандра въ его хожденіи по невѣдомымъ странамъ (Нов. II, гл. 22), отъ предѣловъ Индіи посланъ имъ въ Персію (Нов. III, гл. 1), откуда онъ позднѣе и является съ войскомъ на помощь Александру, воевавшему съ Поромъ (Нов. III, 4; сл. гл. 5). Новогр. нар. кн. стр. 130, 132 говоритъ въ этомъ случаѣ о Селевкѣ и Филонѣ, какъ правившихъ въ Персіи; въ завѣщаніи своемъ (ibid. p. 181) Александръ распредѣляетъ: τοῦ Σελεύκου τὴν Περσίαν καὶ Βαβυλῶνα, ...τοῦ Φίλωνος τὴν Μηδίαν. Сл. Pseudo-callisthenes C II, гл. 28 (см. выше, стр. 238) и III, 33: Σέλευκον μὲν Πέρσαις καὶ Ἰνδοῖς βασιλεύειν, ... Φίλωνα δὲ τὸν καὶ Βύζαντα τὴν Μακεδονικὴν διέπειν ἀρχὴν, τὰ περὶ Ὀλυμπιάδος πλεῖστα παραινέσας αὐτῷ (Hist. de prel. p. 263: Seleucus.... Babyloniam gentesque vicinas obtineat). — Смѣшеніе Филона и Селевка въ разбираемомъ нами эпизодѣ находилось, вѣроятно, уже въ подлинникѣ сербскихъ текстовъ и новогр. нар. книги.

Не доѣзжая до Персеполя Александръ находитъ умирающаго Дарія, который, подозвавъ его къ себѣ, говоритъ: «Азь ѥсьмь Даріѥ царь, ѥго-же коль годишт'нок до небесь вьз'виси, и честь неоустав'наа до ада с'низи». Онъ проситъ Александра не дать ему умереть подъ конскими копытами; «не тако бо, ꙗкоже Пер'си, немилостивь ѥси, нь вѣмь те благодар'на и благооутроб'на бити и благодѣтел'на кь своимь злотворомь, тако бо вьсѣмь велеоумнимь подобаѥть. Добрѣ бо рече рекыи: Не вьз'даи зла за зло, ꙗко да и богь оть зла избавить те!». Сойдя съ коня и покрывъ Дарія своимъ плащемъ, Александръ велитъ положить его на золотую колесницу; «носил'но дрѣво вьз'мь на рамо положи, и вьзмь постоупи .г.-шть сам царь». — Дарія приносятъ въ городъ, на царскій дворъ, гдѣ кладутъ на золотомъ одрѣ; «Алексен'дрь же вь многоцѣн'но крьзно и одѣло обльк се, и вѣн'ць цара Соломона на главоу свою положи, и жьзьль злати вь роукоу свою вьз'мь, на прѣстолѣ велицѣмь цара Даріа сѣде». Персы и Македоняне величаютъ его, когда приводятъ персидскую царицу и дочь ея Роксанду. Увидѣвъ её Дарій умиляется и говоритъ ей: «Се тебѣ моужа ненадѣина приведохь оть Макѥдониѥ не моимь хо-

тенинмь, нь божіимь изволкнинмь. Сего бо богь сьтвори Пер'сомь цара, и в'семоу нашемоу господ'ствоу и имѣнию. Не тако бо напрас'но хотехь бракь твои, ıакоже прилоучи се дньсь быти, нь вьсе подсльньчныи царе и к'незе мыш'лıахь сьбрати на веселость брака твокго, и радость твою сь мнозѣмь веселикмь сьтворити хотехь. Вь мѣсто бракь твоихь крас'нихь (вар. мисто госпои и господичан великих) многик дньсь пролиıаше се крьви на брацѣ (вар. пиру) твокмь, макндон'скиıе и пер'скыıе». Онъ велитъ ей любить Александра, а его проситъ принять её: «ıако рабоу прими себѣ, аште годе ти есть, и женоу себе поими: красна бо есть и моудра ѕѣло». Трижды поцѣловавъ её, онъ подводитъ её къ Александру, который «Роксандоу за роукоу приемь и вьсесрьдно сию полоубивь и сладко целовавь, сь собою на престоле посадивь, и вен'ць сь глави своеи сньмь, на главоу еи постави, и прьстень сь роуки своеи сньмь, на роукоу еи постави». Она будетъ царствовать со мною до своей смерти, говоритъ онъ Дарію, а тотъ поручаетъ ему свою жену — «се мати тебе вь место Олимбіаде есть» — и своихъ Персовъ: «Лоуби Перьшане, верьни бо господиню своемоу соуть; и жалость моıа на радость прѣврати се».

Убійцъ Дарія, Каньдарвоуша и Аризварна, Александръ велитъ повѣсить: «проклеть бо ксть, иже господьскога оубицоу хранить и градьскаго издавчию хранить». Вступивъ въ городъ, онъ вѣнчается съ Роксандою и пишетъ Олимпіадѣ и Аристотелю письмо: семь лѣтъ не писалъ онъ имъ, отвлеченный войною съ Даріемъ, который, трижды побѣжденный, «дьштерь свою Роксандоу вь мѣсто дара мнѣ принесе. Азь же, без'мѣрноую красотоу лица кк видѣвь, женоу себѣ поихь. И вѣдомо да ксть вамь, ıако дон'деже жен'скаа любовь срьдце мок не обькла бѣше, никако мене мисль нахогıаше о вась и о домаш'нихь; да оть нелиже жен'скаа любовь вь срьдце оустрѣли мене, оть толе и о мирскихъ мислити начехь; ни бо вьмѣнıахь, гдѣ оубити ме хотеть, где ли оубити хоштоу». Онъ остается въ Персеполѣ, одѣлъ Македонянъ въ персидскую одежду, Персовъ по македонски,

Даріеву казну роздалъ войску, а коней велитъ хранить. «Стльпь же великь по срѣдѣ Пер'сидѣ сьтворити повелѣ, и на нѥмь себе оу златѣ изваꙗти повеле. На ть стльпь вьзьшьдь, велегласно всѣмь слишештимь рече: Вѣдомо да ѥсть вамь, Пер'си и Ин'діане (вар. вьси Македонꙗне), ꙗко азь ваша многобожиꙗ идол'скаа проклинаю, и на серафимѣхь почиваѥмомоу богоу поклонꙗю се, небо и зем'лю сьздав'шомоу, оть хероувимь славимомоу невидимомоу и необьзримомоу и неизьчтен'номоу трисветыми гласи славимомоу. И се рекь: Богь богомь и всѣмь видимымь тваремь твор'ць помошт'никь ми боуди в'семрьз'киѥ потрѣбити идоли скврьн'ныѥ». — Даріева злата нашлось «.ві. истерьнь (вар. бистернь, стернь, густеран) пльнѣхь и .к. (вар. 14) коукь пльнехь искоусна злата, и .ві. пир'говь многоцѣн'на каменіа и бисера, ѥмоу же не бѣ числа, и тисоуштоу тисоуштъ конь зоб'ныхь; львовь же и пар'доусь лов'ныихь и соколь и грипьсь (вар. грипьсось, грипосов) оузвод'ныихь (вар. изводнихь), имь же числа испитати не могохь». Войска, переписаннаго на «персидскомъ полѣ» оказалось «.д. ста тисоуште тисоушть конниковъ» (вар. тыс. тысячъ).

По прошествіи года, оставивъ въ Персидѣ Селевка (сл. выше стр. 248), Александръ идетъ на «лидон'скаго цара на Криса», который не хочетъ поклониться Александру, но схваченъ его людьми; «и толико богатьства оу нѥго обрѣтоше, ѥлико око не видѣ и оухо не слиша. — И се Алексен'дрь воисцѣ раздѣли (вар. воиски разда), и тако на десноу страноу вьстока поиде и в'се ѥзыки приѥмь до краи земле доиде» и т. д. (Новак. II, 5—17 = Jag. l. c., стр. 259—277.)

Для эпизода о Даріи, который я сообщилъ цѣликомъ по сербскимъ текстамъ, вѣнскій (W, стр. 46—57) представляетъ лишь неполную параллель, такъ какъ нѣкоторые эпизоды его выпали, почему въ основу слѣдующаго сравнительнаго обозрѣнія, расположеннаго по отдѣламъ славянскаго пересказа, положена греч. нар. книга, стр. 76—107.

а) Стража (βίγλα; W то-же) Александрова схватываетъ

Даріевыхъ καταπατητάδες (W то-же). — У Александра 600 тыс. конницы, 100 тыс. пѣхоты; у Дарія тыс. тысячъ одного и столько-же другого (въ W нѣтъ этой подробности). — Лазутчикамъ Персамъ Александръ велитъ сказать Дарію, ὅτι πρέπει βασιλεὺς μὲ βασιλέα νὰ πολεμήσουν οἱ δύο ὁμοῦ; самимъ имъ онъ совѣтуетъ не выходить на бой — что согласно съ славянскимъ текстомъ, почему слѣдующая непосредственно подробность перенесена сюда изъ другого мѣста (изъ эпизода объ индійскихъ лазутчикахъ, сл. далѣе, стр. 255), либо искажена: Александръ даетъ плѣннымъ Македонское вооруженіе, дабы въ битвѣ ихъ щадили Македоняне. — Славянскіе тексты не знаютъ этой черты ни въ *a* ни въ *e*. — Все это опущено въ W. — Дарій велитъ лазутчикамъ вырѣзать языки; ему не прилично ратиться съ разбойникомъ (ἅρπαγος; W, ρυμπᾶς), вмѣсто себя онъ посылаетъ воеводу Миманта (греч. нар. кн. Μίγας, — αντος; W Μίμαντος), съ 200 тыс. Мидянъ, 200 тыс. Эѳіоповъ и 100 тыс. пѣшихъ стрѣльцовъ; въ W другія цифры, тѣ-же народности и δήμους несомнѣнно вм. Μήδους. — Мимантъ долженъ перейти Евфратъ (греч. нар. кн.; W). — Рѣчь Александра передъ боемъ (къ Μακεδόνες, Παμφλαγόνες καὶ Λακεδαιμόνιοι; W: Μακεδόνες καὶ Λακιδαιμονίτες) таже, что въ сербск. текстѣ, но съ отличіями; только въ W Александръ является верхомъ на Вукефалѣ (Нов. II, 5: на великога коня вьсѣдь); преслѣдуя бѣгущихъ Персовъ, онъ ἦλθεν ἕως εἰς τὸ κονάκι τοῦ Δαρείου (W: πέσιμον). Сл. W, стр. 46—8.

b) Дарій велитъ своему войску собраться къ Вавилону; у него два милліона, у Александра тысяча тысячъ. Александръ ободряетъ своихъ: ἀπὸ τῶν λεόντων τὴν φωνὴν πολλὰ ζῶα ψοφοῦν, ἔτζη καὶ οἱ ἐχθροί μας, μόνον νὰ ἀκούσουν, ὅτι ὑπάγωμεν κατεπάνω τους, ἀπὸ τὸν φόβον τους ἀποθαίνουν. — Отсюда W совпадаетъ съ греч. нар. кн.: явленіе Іереміи; вступая въ битву Александръ ὥρισε νὰ λαλήσουν τὰ μουσικὰ ὄργανα ἀπὸ τὰ δύο μέρη, καὶ τὰ φουσάτα του τὰ ἐμοίρασεν εἰς τρία. Ὁ Δαρεῖος ὡσὰν εἶδε τὸν Ἀλέξανδρον, διαίρεσεν εὐθὺς καὶ αὐτὸς τὰ ἐδικά του εἰς τρία μέρη (нѣтъ

въ слав. т.; въ W иначе: Александръ ὥρισεν καὶ ἐλαλοῦσαν τὰ ὄργανα ἀπὸ ταῖς δύο μεραίς; далѣе: ἀπὸ τὰ δύο μέρη — о македонскомъ и персидскомъ войскѣ). — Во время битвы «τόσον κόψιμον καὶ αἱματοχυσία ἔγειναν αὐτὴν τὴν ἡμέραν, ἀπὸ τὸ ταχὺ ἕως τὸ βράδυ, ὥστε ἐτρόμαξεν ἡ γῆ, ἐπειδὴ τὸ αἷμα ἔτρεχεν ὡσὰν ποταμός» (въ W нѣтъ). — Македонянъ убито 5 (W: 20) тысячъ, Персовъ 104, а 200 (W, id.) взяты въ плѣнъ и отпущены, съ тѣмъ, чтобъ не являться на бой. Дарій бѣжитъ εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας, а Александръ беретъ Вавилонъ извѣстной намъ хитростью; W о ней ничего не знаетъ. — Дары Вавилонянъ по греч. нар. кн. для сравненія съ W и славянскимъ текстомъ: ἐξέβαλαν τὸ χρυσάφι τοῦ Δαρείου, τάλαντα δύο χιλιάδες, ἄλογα τοῦ σταύλου χίλια, λέοντας ἑκατὸν μὲ ἅλυσες ἀργυραῖς, πάρδους τοῦ κυνηγίου χιλίους, ἄτια (W φαρία) ἀράπικα πενταχόσια καταπολλὰ ὀγλίγωρα, κλοντύρια (W σταγόνια [1]) χρυσᾶ δύο χιλιάδες, κούπαις χίλιαις, ἄλογα ἀρματωμένα χιλιάδες τρεῖς μὲ τῶν ὀψαρίων τὰ πετζία, ὁποῦ δὲν τὰ περνᾷ σίδερον, τὸ ἐπανωφόρι τοῦ Ξέρξου (W Ἐξερξένου) τοῦ βασιλέως τῆς Περσίας, ὁποῦ ἦτον μὲ τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια, ἐγκοσμημένον μὲ πολύτιμα λιθαρόπουλα, τὸ στέμμα τοῦ Σεσόνχου τοῦ βασιλέως, ὁποῦ ἔγεινε καὶ αὐτὸς τοῦ κόσμου ὅλου βασιλεὺς (въ W о Сезонхосѣ ничего нѣтъ), τὴν τράπεζαν (W τάβλα) τοῦ βασιλέως Δαρείου, ὁποῦ ἦτον καμωμένη ἀπὸ ζαφύρια, πρᾶγμα πολύτιμον, τὸ ὁποῖον εἶχε πρὸς τούτοις καὶ τόσον θαυμαστὴν ἐνέργειαν ὁποῦ ὅταν ἔτρωγεν ἐπάνω εἰς αὐτὴν, ποτὲ κακὴν καρδίαν δὲν εἶχεν. — Въ Вавилонѣ Александръ остается 30 дней; сѣтованія Дарія короче, чѣмъ въ слав. текстѣ; его утѣшаютъ: τὸ καράβι τὸ μεγάλον, ὅταν τὸ πολεμῇ πολὺς ἄνεμος, κινδυνεύει ἕως νὰ ὑπάγῃ εἰς τὸν λιμένα. Сравнительно съ слав. текстомъ это изреченіе, недостающее въ W, очевидно, испорчено. Сл. W, стр. 48—50.

c) Эпизодъ объ Ависѣ = Ἄβυσσος, выпавшій въ W (сл. стр. 50 прим. 1), разсказанъ существенно также, какъ въ слав. текстѣ. Когда Ависъ обнаруживаетъ желаніе удалиться къ Александру,

---

[1]) Сл. выше, стр. 193, прим. 1.

Дарій восклицаетъ: τοῦ καλοφροῦζου ἀνθρώπου οἱ Θεοὶ καὶ οἱ ἄνθρωποι τοῦ βοηθοῦν, τοῦ δὲ κακοφροῦζου καὶ οἱ ἄρχοντες του ἀρνοῦν τον, ὅτι ὅποιος ὑψώνεται πολλὰ, γλήγωρα πέφτει κάτω. Онъ велитъ напомнить Александру примѣры Сезонхоса, Ксербса и свой собственный: Ксеркса, который ἐσκοτώθη ἀπὸ τοῦ Δαφναίονος τοὺς ἀνθρώπους, въ слав. текстѣ: отъ Даф'неа, т. е., вѣроятно, Дафнійскаго Аполлона Аѳинянъ, которыхъ, какъ мы видѣли (сл. выше, стр. 243) слѣдуетъ подразумѣвать въ варьянтахъ слав. текстовъ: Антинань, Антиани, Антиѣна. — Общее размышленіе Александра о власти сильно искажено: τὸ βασιλεύειν εἶναι γλυκὺ πρᾶγμα· διὰ τὸ ὁποῖον πρέπει κάθε βασιλεὺς νὰ μάχεται καθὼς ἠμπορεῖ(!).

d) Іеремія является во снѣ Александру, ἐνδεδυμένος ἀρχιερατικὴν στολὴν; говоритъ: пусть пойдетъ посломъ къ Дарію, καταπάτησαι τον, ὁμοῦ μὲ τὰ στρατεύματα τῆς Ἰνδίας, ὁποῦ ἔρχονται κατεπάνω σου (такъ и въ W, противъ слав. текстовъ). Александръ, котораго удерживаютъ отъ хожденія Птоломей, Филонъ и Антіохъ, ἐνεδύθη Περσικὴν φορεσίαν, εἰς τὸ κεφάλι του ἔβαλε χαλμοῦτζαν (W χλαμοῦτζαν) μὲ χρυσομάργαρον, ὁμοῦ με λιθαρόπουλα ἐγκοσμημένον, ἐπάνω εἰς τὴν φορεσίαν του ἔβαλε τάμπαριν (W ταπάριν φοινικόστικον) μὲ τῆς ἀσπίδος τὰ κερατόπουλα, καὶ μὲ χρυσαῖς φόλαις μεγάλαις.... Ὁ Δαρεῖος ἐκάθητο εἰς ἕνα θρόνον ὑψηλὸν βήματα τέσσαρα (W ὑψηλὸν πολλὰ), καὶ τριγύρω του ἦσαν ὡσὰν ἀγγελικὰ πρόσωπα, μὲ λαμπάδες· τὸ παλάτιον ἦτον ὅλον περιχρυσωμένον, καὶ ἐστολισμένον ὡραιότατα, ἔχοντας τέσσαρας στύλους εἰς τὴν μέσην, ὁμοῦ μὲ τέσσαρα λιθάρια, τὰ ὁποῖα ἔφεγγαν τὴν νύκτα ὡσὰν λαμπάδες εἰς ὅλον τὸν παλάτιον (W καὶ εἰς ταῖς τέσσαρες κώχαις ἔφεγγεν ὅλον τὸ παλάτιν ὡσὰν λαμπάδες). — Въ посланіи Александръ назначаетъ Дарію бой черезъ 15 дней εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρμενίας, W τῆς Ἀρσενίας. — Καντααρχούσης (W Καταρχούσης) догадывается, что посолъ и есть — самъ Александръ, докладываетъ о томъ Дарію, который говоритъ: Ἴσως ἐγύρισεν ἡ τύχη μου πάλιν εἰς ἐμένα (въ W нѣтъ). — О перстнѣ Клеопатры сказано было выше (стр. 246—7). — Привратникамъ

Александръ говоритъ, что посланъ νὰ διατάξω τὰς βίγλας τοῦ φουσάτου; въ другой разъ νὰ κράξω τοὺς Βοϊβοντάδες νὰ ἔλθουν μέσα εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως (W id.). — За Александромъ гонятся съ тремя-стами конниковъ ὁ Κανταρκούσης μὲ τὸν Κρίσην τὸν βασιλέα (W. Καταρκούσης, Κρίσης); въ слав. варіантахъ: Крису, Клису лидон'скому царю — всюду подъ вліяніемъ слѣдующаго далѣе Криса, царя индійскаго, съ которымъ воюетъ Александръ; у Новак. Клидоуксъ, что ближе къ настоящей формѣ имени: Александра узналъ Кандархъ, когда-то ходившій въ Македонію; могъ признать и другой посолъ туда-же: Κλητευούσης, Клитовоуш, Клив (сл. выше, стр. 172); Кливъ сталъ Клисомъ — и Крисомъ уже по одному созвучію. — Переправившись черезъ рѣку, замерзавшею ночью, Александръ глумится надъ своими преслѣдователями: Ἄνεμον διώχνετε, ἀμὴ τὸν ἄνεμον τινὰς δὲν τὸν φθάνει; Βλέπετε μὲ τὰ ὀμμάτιά σας, ὅτι τῶν Μακεδόνων τὰ ἄλογα δὲν τὰ κρατοῦν οὐδὲ βουνὰ οὐδὲ ποτάμια, τί ἀκολουθεῖτε εἰς μάτην (W. id.). Сл. W, стр. 50—55.

е) Въ отдѣлѣ о Порѣ новогреч. нар. кн. разсказываетъ въ эпизодѣ объ индійскихъ лазутчикахъ уже извѣстное намъ (сл. стр. 252): о томъ, что Александръ велѣлъ снабдить ихъ Македонскимъ вооруженіемъ, прибавляя черту (вырѣзываніе языковъ), также встрѣчавшуюся раньше (сл. выше стр. 252: бой на Евфратѣ), и нѣсколько новыхъ подробностей въ описаніи битвы: всѣ смѣшались, не узнаютъ другъ друга въ сѣчѣ; «ἔσυρναν τὰ σπαθία τους οἱ Μακεδόνες ὡσὰν οἱ καλοὶ θερισταὶ εἰς τὸν καιρὸν τοῦ θέρους εἰς δασέα χωράφια, κατασφάζωντας πολλους ἐκείνην τὴν ἡμέραν. ὡσὰν ἐνύκτωσεν, ἐφοβήθησαν οἱ Ἰνδοὶ καὶ οἱ Πέρσαι, καὶ ἄρχισαν νὰ φεύγουν· τὴν αὐγὴν ὅμως πάλιν ἦλθαν εἰς τὸν πόλεμον. Ὅταν τοὺς εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος, δὲν ἠμπόρεσε νὰ βαστάξῃ, μόνον ὁρμῶντας εἰς τὸ στράτευμα τῆς Ἰνδίας μὲ τὸ τάγμα του ἑκατὸν χιλιάδες, ὁποῦ ἦσαν ὅλοι διαλεκτοί, ἔκαμε μεγάλους φόνους καὶ πολλούς. — W (сл. стр. 55 и прим. 1) опускаетъ этотъ эпизодъ, изъ котораго сохранилось лишь нѣсколько фразъ въ описаніи боя на Евфратѣ: ὁ ἥλιος ἀπὸ τὸν κονιορτὸν ἐσκοτίσθη (сл. Нов. II,

гл. 13, стр. 69—70: слънце оубо отъ праха помрьче)... τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα ἔσυρεν ἄνεμος δυνατὸς καὶ ἐγχύλασεν ὁ κονιορτός.

f) W непосредственно продолжаетъ: τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα δύο ἠγαπημένοι του (sc. Δαρείου μεγιστᾶνοι, ὁ Καταρχούστης καὶ ὁ Ἀριο-βανούστης, πολλὰ ἐγκαρδιακοὶ τοῦ Δαρείου, ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτύπησάν τον — и приводитъ къ нему Александра. — Греч. нар. книга помогаетъ намъ восполнить пропущенное: Дарій бѣжитъ εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας; его убійцы: ὁ Κανταρχούστης καὶ ὁ Ἀριοβαρζάνης; Александръ посылаетъ μερικοὺς στρατιώτας сказать Персамъ, что Дарій убитъ; Филона — къ Индійцамъ (Селевка нѣтъ; сл. выше, стр. 248—9). — Бесѣда Александра съ Даріемъ; раненаго Дарія ἐβάστα ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὴν μίαν μερέαν ἕως ἕνα τοξόβολον. — Сцена Дарія съ Роксаной (Ρωξάν-δρα) и Александромъ сильно сокращена: нѣтъ ни одной изъ тѣхъ поэтическихъ фразъ, которыми такъ богатъ соотвѣтствующій отдѣлъ славянскаго текста, нѣтъ и проповѣди Александра въ пользу единобожія. — Сокровища Дарія: δώδεκα στέρναις (W id. = новогреч. στέρνα: cisterna; сл. слав. истернь. би-стернь и т. п.) ὅλον χρυσάφι ἁγνόν, εἴκοσι ὀσπήτια γεμάτα ἀσῆμι. καὶ δώδεκα πύργους φλωρία. Εὐρῆκαν καὶ ἑκατὸν χιλιάδες ἄλογα τοῦ στάβλου θρεμμένα, τριακόσιαις χιλιάδες στρατιωτικὰ (W вмѣсто того: χίλιες χιλιάδες ἄλογα εἰς τὴν λακκινίαν[1]) χωρὶς ταὶς φοράδες). πετρίταις καὶ γρύπες τοῦ κυνηγίου χιλίους, λέοντας τοῦ κυνηγίου μαθημένους πεντακοσίους. — Пробывъ въ Персіи годъ (о Селевкѣ нѣтъ рѣчи, сл. выше, стр. 248—9), Александръ идетъ на лидій-скаго царя Криса (Κρίσην). — W кончаетъ этотъ эпизодъ иначе: καὶ οὕτως ὁ Ἀλέξανδρος ὤρθωσεν καὶ ἠπῆγεν εἰς τῆς Ἰνδίας τὰ φουσάτα ἤγουν εἰς τὸν βασιλέα (sc. Πῶρον), обличая тѣмъ новый пропускъ въ своемъ текстѣ (сл. стр. 55 прим. 1).

Трудно опредѣлить отношенія разобраннаго нами эпизода о Даріи къ соотвѣтствующему отдѣлу Александровой эпистоліи Pseudocall. II, C 23 слѣд., плану которой слѣдуетъ, съ немно-

[1]) О λακκινία см. выше, стр. 152.

гими отмѣнами, сербская рецензія романа, начиная съ разсказа о посѣщеніи Александромъ Іерусалима. Войнѣ съ Даріемъ въ эпистоліи отведена всего одна, коротенькая глава, с. 23: Александръ пишетъ: услышавъ что Дарій стоитъ со многими царями и сатрапами περὶ τὸν Ἰσσιακὸν κόλπον, я, собравъ много козъ, возжегъ ночью свѣточи на ихъ рогахъ; увидѣвъ ихъ непріятели испугались численности нашего войска и обратились въ бѣгство. На мѣстѣ побѣды онъ строитъ городъ Αἰγάς, и «ἐν τῷ Ἰσσιακῷ κόλπῳ.... πόλιν Ἀλεξάνδρειαν τὴν κατὰ Ἰσσόν. Κακεῖθεν πάλιν ὡδεύσαμεν μέχρι τῆς ὁδοῦ τῆς τῶν Ἀρμενίων χώρας, οὗ ἐστὶ τοῦ Εὐφράτου καὶ Τίγριδος ποταμοῦ ἡ πηγή». Здѣсь онъ находитъ Дарія, смертельно раненаго Бессомъ и Аріобарзаномъ (ὑπὸ Βήσσου καὶ Ἀριοβαρζάν), но еще дышущаго; покрываетъ его своимъ плащемъ и хоронитъ почетно. Женившись на Роксанѣ, онъ велитъ Σελεύκῳ τῷ ἄρχοντι ἅπαν τὸ Περσικὸν ἐπισυνάξαι στράτευμα, и соединивъ его съ Македонскимъ, идетъ на Египетъ.

Селевкъ, собирающій персидскія силы, далъ, вѣроятно, поводъ къ тому смѣшенію, которое мы вмѣнили прототипу сербской рецензіи: правителемъ Персіи являлся то Филонъ — то Селевкъ.

Война противъ Дарія начинается, по *эпистоліи*, съ битвы при Иссѣ; такъ и въ *разсказѣ* объ этой войнѣ у Pseudocall. I, 41 (битва на Граникѣ C, I, 28 = B, сл. выше, стр. 215) — но въ этомъ разсказѣ ничего не говорится о военной уловкѣ Александра (огни на рогахъ козъ), о которой сообщается лишь значительно позже C, II, 13: приблизившись къ Персеполю Александръ велитъ вести позади войска скотъ, къ спинамъ и хвостамъ котораго привязаны вѣтви, поднимавшія страшную пыль; Персы заключаютъ изъ этого о численности Александрова войска; ночью — другая уловка: огни, зажженные на рогахъ скота. — Эпистолія соединила, стало быть, въ разсказѣ объ одной битвѣ, Pseudocall. I, 41 и II, 13, опустила слѣдующее хожденіе за тѣмъ Александра-посла къ Дарію, его переправу черезъ рѣку Странгу (II, 14), которую Hist. de prel. краткаго типа называетъ Stragan, распространенный текстъ: Granicus (или *Tigris*), qui Persica

lingua Stragana appellatur[1]), редакція С *Арсиноей* (С II, 15: ἐπὶ τὸν Στράγγαν τὸν καλούμενον καὶ Ἀρσινότην); битву на этой рѣкѣ (ib. гл. 16) — и прямо переходитъ къ убіенію Дарія Бессомъ и Аріобарзаномъ — въ *Арменіи*, гдѣ *истокъ Тигра* и Евфрата. По Pseudocall. С II, 20 Александръ находитъ умирающаго Дарія, переправившись съ Македонянами черезъ τὸν Ἀρσινότην τὸν καὶ Στράγγαν λεγόμενον ποταμόν — въ которой мы узнаемъ *арсинойскую* рѣку нашей Александріи; вар. новогреч. нар. кн.: εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρμενίας, можетъ быть, не искаженіе Арсинои: Арменію въ разсказѣ о смерти Дарія, называетъ, мы видѣли, и эпистолія; *въ Арменіи* дѣйствительно находилось озеро Ἀρσηνή, протекаемое *Тигромъ* (Zacher, Pseudocall., p. 130, къ Pseudocall. II, 14): арсинойская рѣка и ποταμὸς τῆς Ἀρμενίας.

Краткое изложеніе всего этого эпизода въ Эпистоліи даетъ лишь немного матеріаловъ для сравненія съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ нашей Александріи. Попытаемся сблизить ея съ тѣмъ, что о Даріи разсказывается въ самомъ текстѣ Псевдокаллисѳена.

a) Первый бой у Евфрата отвѣчаетъ, вѣроятно, бою на Иссѣ (Pseudocall. С, I, 41), передъ которымъ (С, I, 39) говорится о посланіи Дарія къ сатрапамъ Гидаспу и Спинѳиру (= Jul. Val.). Персы бѣгутъ; ἦν δὲ μετ' αὐτῶν Ἀμύντας Ἀντιοχεύς, ὃς πεφοιτήκει πρὸς Δαρεῖον, ἐν τοῖς ἔμπροσθεν χρόνοις Μακεδόνων ὢν τύραννος. Въ началѣ главы редак. А (= Val.) объ Александрѣ говорится: ὥρμησεν ἐπὶ τὸν πόλεμον διὰ τῆς Ἀραβίας. — Въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Hist. de prel. (Zingerle, стр. 156—9; Kinzel, Zwei Recens., стр. 13) Дарій пишетъ сатрапамъ Prinus (Primus) и Antilochus; слѣдуетъ бой на рѣкѣ Straga (въ одной ркп. распространенной редакціи: Granicus), Аминтѣ отвѣчаетъ Aminta (Amonta, Admonta): Potentissimus vir scilicet princeps milicie Darii regis sedebat tunc in illo tempore cum valida manu hostium super *Arabiam*. Что дѣло идетъ о боѣ на Иссѣ

---

[1]) Zingerle, стр. 26, 186.

доказываетъ между прочимъ слѣдующее сближеніе: Hist. de prel. et tam forte extitit ipsa pugna donec obtenebratus est sol compatiendo super tale homicidium nolendo videre tantum sanguinem = Pseudocall. I, 41: *καὶ αὐτὸς δὲ ὁ ἥλιος συμπαθήσας τοῖς γινομένοις καὶ μὴ κρίνας θεωρεῖν τὰ τοσαῦτα μιάσματα συνεφὴν ἐγένετο*. — Названіе рѣки Страгой = Странгой — Граникомъ могло бы дать поводъ къ предположенію, что разумѣется битва на Граникѣ (Pseudocall. C, I, 28). Отвѣтъ на это даетъ Лампрехтъ (ed. Kinzel, стр. 138 слѣд.) или его французскій оригиналъ (l. c. стр. 144; сл. v. 1220: alsus hôrt ich maister Alberichen sagen, по ркп. Vorau), въ разсказѣ котораго событія на Иссѣ и Граникѣ не только соединены, но и перенесены въ окрестности — Евфрата: Дарій оповѣщаетъ письмомъ двухъ своихъ вельможъ, Marios unde Typotes, чтобъ они не пускали Александра uber das wazzer Eufrates (l. c. v. 1165). Zingerle (l. c. стр. 31 прим.) и Kinzel (l. c. стр. 138 прим.) сближаютъ эти имена съ именами сатраповъ, упомянутыхъ выше наканунѣ Исса, а между тѣмъ дѣло идетъ о битвѣ на Граникѣ, разсказъ о которой Лампрехтъ-Альберихъ основали на историческомъ преданіи (Arrian. I, 15; Plutarchi 16; Diodor. XVII, 19. Сл. Kinzel, l. c. p. XLVIII и прим. на стр. 143—7), удержавъ его главныя черты. Новымъ является лишь имя Даріева воеводы *Mennes* (Kinzel, l. c. p. 142, Vor. hs. v. 1198), которому Дарій поручаетъ начальство надъ войсками; Александръ едва не погибъ подъ его ударами, но спасенный Клитомъ (Vor. hs. v. 1276: Daclym), въ свою очередь поражаетъ противника (l. c. v. 1380).— Mennes напоминаетъ Kinzel'ю (l. c. p. XLVIII и 147 прим.; сл. Zingerle, стр. 119—121) *Мемнона*, упоминаемаго Арріаномъ и Діодоромъ въ числѣ Даріевыхъ полководцевъ. Можетъ быть, это *Мимантъ* нашей Александріи? — Если первоначально разумѣлась битва на Граникѣ (сл. Hist. de Prel.: Straga-Granicus), то она несомнѣнно перенесена на мѣсто Исса и пріурочена къ Евфрату, какъ въ нашихъ текстахъ, гдѣ непосредственно за битвой говорится о переходѣ Александра черезъ эту рѣку

и разрушенныхъ на ней мостахъ — что Pseudocall. C, II, 9 разсказываетъ лишь позже. Огни, разложенные по повелѣнію Александра, отвѣчаютъ-ли извѣстному намъ эпизоду Pseudocallisthenes C, II, 13: о свѣточахъ на рогахъ козъ, или это повтореніе общаго мѣста, извѣстнаго намъ изъ разсказа о нашествіи Скиѳовъ-Кумановъ?

bc) За переходомъ черезъ Евфратъ слѣдуетъ у Pseudocall. C, II, 9 (Hist. de Prel. стр. 176—8) битва на рѣкѣ Тигрѣ, во время которой какой-то не-названный Персъ, переодѣтый Македоняниномъ, пытается убить Александра, прельщенный обѣщаніемъ Дарія: сдѣлать его царемъ и дать ему руку дочери. Александръ похваляетъ и отпускаетъ его. — Сербск. Александрія обратила битву на Тигрѣ въ бой подъ Вавилономъ и вставила разсказъ о взятіи этого города, неизвѣстный по текстамъ Псевдокаллисѳена. Анонимный Персъ названъ Ависомъ, эпизодъ о немъ развитъ новыми мотивами. Замѣтимъ только, что наставленіе Дарія о высокомѣріи, которое Ависъ долженъ передать Александру, напоминаетъ посланіе Дарія къ Александру Pseudocall. C, II, 17: Καὶ γὰρ καὶ Ξέρξης ὁ τὸ φῶς μοι δείξας ὑπερφρονήσας μέγαν ἔρωτα ἔσχεν εἰς τὴν Ἑλλάδα στρατεύεσθαι, ἄπληστος χρυσίου γενόμενος καὶ τῆς ἄλλης εὐδαιμονίας τῆς ὑπαρχούσης ἡμῖν ἐκ πατέρων· Ἀπέθανεν σὺν τὸ πολὺ χρυσίον καὶ τὸ ἀργύριον καὶ πολλὰς σκηνὰς ἀπολέσας ὑπὲρ Κροῖσον τὸν Λυδὸν πλουτήσας, καὶ τὸν ἐνεστῶτα θάνατον οὐκ ἐξέφυγε. Не изъ этого-ли упоминанія слѣдуетъ объяснить появленіе *лидійскаго Криза*, въ сербской Александріи, гдѣ онъ принужденъ покориться — Александру? Сл. въ Hist. de prel. письмо Дарія послѣ битвы на Странгѣ (Арсинойской рѣкѣ): *Xerxes .... habuit turpitudinem in Ellada* (Zing. p. 190).

d) Pseudocall. C, II, гл. 10—12 (Hist. de prel. p. 179—83) наполнены письмами, не двигающими дѣйствія далѣе; письмомъ Дарія къ Пору (гл. 11; сл. Hist. de prel. стр. 182 и 192) нашъ текстъ пользуется позднѣе, а пока совпадаетъ, въ разсказѣ о посольствѣ Александра, съ Pseudocall. C, II, гл. 13—15 (пер-

вая часть 13-й главы говоритъ о продѣлкѣ Александра съ козами и свѣточами; сл. Hist. de prel. стр. 183): Аммонъ, явившись Александру въ образѣ Гермія, велитъ ему идти посломъ къ Дарію: его спутникъ Эвмилъ; «ἐκαθέζετο δὲ Δαρεῖος ἐπί τινος ὑψηλοτάτου δίφρου, διάδημα φορῶν ἐκ λίθων πολυτίμων, ἐσθῆτά τε σηρικὴν Βαβυλωνίοις ὑφάσμασι και χρυσονήμασιν ὑφασμένην καὶ πορφύραν βασιλικὴν χρύσεά τε ὑποδήματα διὰ λίθων κεκοσμημένα μέχρι τῶν κνημῶν αὐτοῦ. χρύσεα δὲ ἀγγελίδια ἐπάνωθεν αὐτοῦ ἥπτοντο, ἕτερα δὲ περὶ τοῖς ποσὶν αὐτοῦ καὶ κύκλῳ αὐτοῦ περιέστραπτον λυχνία· σκῆπτρα δὲ ἑκατέρωθεν, στίφη δὲ μυριάδων πέριξ αὐτοῦ». — Александръ прячетъ за пазуху испиваемыя имъ чаши, число ихъ не показано (Hist. de Prel.: три. Сл. Kinzel, l. c., p. 16; Zing. p. 186), да и вообще онѣ далѣе оказываются ненужными (какъ въ сербск. Александріи), потому что Александръ ускользаетъ отъ стража, схвативъ у него факелъ и ударивъ имъ по лицу. — Узнаетъ его на пиру у царя какой-то Παράγγης (вар. Πασαργῆς, Ασαργὰς и др.; Hist. de Prel., Kinzel, l. c. p. 18: Anepolis, Anepolus, Anapolus; сл. Zing. Hist. de prel. p. 186).

e) Письмомъ Дарія къ Пору, съ просьбой о помощи, помѣщеннымъ у Pseudocall. C, II, гл. 11, нашъ текстъ пользуется лишь теперь, передъ описаніемъ битвы на Арсинойской рѣкѣ = C, II, гл. 16. Письмо въ славянскомъ пересказѣ очень близко къ Псевдокаллисѳену; въ описаніи битвы есть общія мѣста, снова напоминающія бой на Иссѣ Pseudocall. C, I, 41: καὶ οὐκέτι ἦν διακρῖναι οὔτε Πέρσην, οὔτε Μακεδόνα οὔτε συμμάχους οὔτε σατράπας οὔτε ἱππέας οὔτε πεζοὺς ὑπὸ τοῦ πολλοῦ κονιορτοῦ. οὔτε γὰρ ὁ ἀὴρ ἐφαίνετο, οὔτε ἡ γῆ ἐθεωρεῖτο ὑπὸ τῶν πολλῶν λύθρων καὶ σομάτων καὶ ἁρμάτων ἐρριμμένων χαμαί. Καὶ αὐτὸς δὲ ὁ ἥλιος συμπαθήσας τοῖς γινομένοις καὶ μὲ κρίνας θεωρεῖν τὰ τοσαῦτα μιάσματα συνέφης ἐγένετο. — Hist. de prel. p. 188—189 здѣсь ближе къ Pseudocallisthenes C, II, 16, но когда въ одномъ текстѣ пространнаго типа (Zing. p. 189 прим.) Дарій бѣжитъ къ Персиполю, мы получаемъ новое соотвѣтствіе съ слав. текстомъ (сл. выше, стр. 248).

1) Отъ Pseudocall. C. II, 16 сербская Александрія прямо переходить къ убійству Дарія Бессомъ и Аріобарзаномъ, которые наказаны: къ бесѣдѣ Дарія и Александра, которому умирающій царь предлагаетъ въ супруги дочь свою Роксану = Pseudocallisthenes C. II. 20—21. — Все остальное принадлежитъ спеціально нашему тексту: такъ переговоры съ Персами и Индійцами при посредствѣ Филона, Финика и Селевка: описаніе Даріевыхъ сокровищъ: война противъ Криза. — C. II. 20 особливо развиваетъ предсмертную рѣчь Дарія: «Ὁ τὰ πάντα δεσπόζων κρατεῖν γαίαν, νῦν, ὡς ὁρᾷς, γυμνὸς εἰς γαῖαν ἔρριμμαι, ὁ ποτε ὑπὸ μυριάδων δορυφορούμενος καὶ οἷα θεὸς δοξαζόμενος, ἀπροστάτευτος, μόνος καταλέλειμμαι. Μνήσθητι, Ἀλέξανδρε, οἵας δόξης ἄφνω ἐξέπεσα, συ αἴτιος γενόμενος. Καὶ μὴ ἐάσῃς ὅλως ἐν ταύτῃ τῇ ταλαιπωρίᾳ τελευτῆσαί με. ἐπίσταμαι γὰρ σπλάγχνα ἔχειν σε. Ἕλλην γὰρ εἶ σύ, καὶ οὐκ ὠμὸς Πέρσης ὡς οἱ παρ' ἡμῖν». Προστάσσει οὖν Ἀλέξανδρος, καὶ φέρουσι τὴν μητέρα Δαρείου καὶ τὴν γυναῖκα καὶ τὴν θυγατέρα αὐτοῦ Ῥωξάνην. Ὡς δε εἶδεν αὐτὰς Δαρεῖος εὐθὺς ἀπώλεσεν καὶ ἀφασίᾳ συσχεθεὶς καὶ δακρύων πληρωθεὶς ὅλως καὶ σφόδρα τὴν καρδίαν πονήσας, καὶ τὴν ψυχὴν λίαν λυπηθεὶς ὑπὲρ το δέον εν πολλῇ ταπεινώσει, καὶ ἀτενίσας ὀφθαλμοὺς δακρύων πλήρεις. μόλις κινηθεὶς λόγον ἐφθέγξατο προς Ἀλέξανδρον· Εὐχαριστῶ σοι, ὦ βασιλεῦ Ἀλέξανδρε.... Καὶ ἀναψυχὴν λαβὼν Δαρεῖος καὶ καρδίας θεραπείαν, καὶ ἐκτείνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ καὶ τὴν θυγατέρα κρατήσας, εἶπε· Ταύτην, Ἀλέξανδρε βασιλεῦ, δέχου ὡς δῶρον. ἔσται δέ σοι δούλη, σὺν τῇ μητρὶ· μία γενέσθω ἡ συγγένεια и т. д. — Съ сербск. Александріей (Александръ возсѣдаетъ на престолѣ, въ вѣнцѣ Соломона) сл. Hist. de Prel. (Kinzel, l. c. p. 20; Zing. p. 196): sedit Alexander in throno aureo, quem Cyrus rex Persarum quondam construxerat.

Матеріалъ Псевдокаллисѳена, разработанной въ отдѣлѣ нашего текста, посвященномъ отношеніямъ Александра и Дарія, представляется приблизительно слѣдующій: Pseudocall. C, I, 41 (сл. Hist. de Prel.); II, 9 (и 17); 13—15; 11; 16; 20—21. Кое-гдѣ обнаруживается сходство изложенія, но оно скрадывается

въ сербской рецензіи обиліемъ общихъ мѣстъ, реторическихъ описаній и особливо наставительныхъ изреченій. На нихъ не скупится ни Дарій, ни Поръ, ни Александръ: подвижникъ меча, онъ на столько-же, по крайней мѣрѣ, гномикъ, не забывшій Гомера, но съ бо̀льшей любовью цитующій Библію. Такое освѣщеніе его, лежащее въ общемъ планѣ нашей Александріи, обнаружится при разборѣ нѣкоторыхъ ея подробностей, которыя до сихъ поръ мы нарочно обходили.

IV.

ЭПИЗОДЪ О НАГОМУДРЕЦАХЪ (брахманахъ).

Къ разсказу о пораженіи Дарія примыкаетъ въ разбираемомъ нами романѣ хожденіе Александра въ невѣдомыя страны. Выше (стр. 226 слѣд. и 219 слѣд.) мы разобрали его планъ сравнительно съ Pseudocall. C, предоставивъ себѣ (стр. 224) подробнѣе разсмотрѣть эпизодъ о брахманахъ-нагомудрецахъ нашей Александріи, приблизительно отвѣчающій §§ 5—7 установленной нами схемѣ Псевдокаллисѳена C (сл. выше, стр. 228).

1. Побѣдивъ Дарія и Креза, Александръ «на десноу страноу вьстока поиде» (Новак. II, гл. 17) — и доходитъ по нѣкоторомъ времени до нагомудрецовъ (гл. 22 и слѣд.), на островѣ, куда переправляется сначала Филонъ, за нимъ Александръ. Нагомудрецы говорятъ по гречески и разсказываютъ о себѣ (Новаковичъ II, гл. 23): «Име твоѥ прежде многыихь лѣть провьз'вѣсти намь Ирак'лыи царь, наше же пришьствіѥ да вьзвѣстимь тебѣ. Ираклиꙗ витезь сь Семирамидою Еллиномь царь бѣше, Тракіи и всои земли царствоваше, ꙗко оть вась нарчеть се Макꙗдоніа. Неправде же множѣ и оубіиствоу и крьвомѣствоу и клетвопрѣстоуп'лꙗнию настав'шоу, сіа Ирак'лиѥ видѣвь, ꙗзыкь нашьствіѥ на зем'лю тоу, рече: «Моужоу велеоумноу вь поустинꙗхь изьбра себѣ житіѥ, и прѣмоудрыи вь чловѣцѣхь Соломонь глаголꙗть: болѥ ѥсть чловѣкоу оть великиѥ немошти страдати,

нежели чловѣчьска стоуда трьпѣти». И се рекь Ирак'ліа, и тисоуштоу голіи сьтвори, и правиѥ и чьст'ныѥ землѥ доиде, сь женами и сь децами своими, вь голиѥ ихь поставивь. и самь сь царицею своѥю, неправ'ди ради и безаконіа, оть вьселѥн'ниѥ побѣже, и цѣло годиште плоувь и до землѥ сіѥ, и доиде, идеже ты, Алексен'дре, стльпове ихь и образѣ оу златѣ изваꙗнѣ видѣль ѥси, и оубо многаа лѣта царствоваше слад'ко и добрѣ Иракліа царь сь Семирамидою царицею. И оба легь, оумрѣста. Нась же без'глав'нѣхь вь земли тои оставише, дрѣва в'са запалив'ше, ꙗко да опеть вь неправед'ноу зем'лю не отидемо. Ми же прьв'нѥмоу зломь обычаю послѣдовав'ше, и тако богь раз'гнѣва се на нась за безакониꙗ наша, и дивиѥ люди, ихь же ты видѣль ѥси, на нась напоусти, и царствіѥ наше раз'дроушише, и многиѥ оть нась оубыше. Мы же, не оумѣюште коуде вь вьселѥн'ноую изьлести, вь царстви же своѥмь оть дивиихь люди не могоушти жити, и вь си отокь вьселихомь се».

Въ W весь эпизодъ о «хожденіи» выпалъ и мы принуждены ограничиться соотвѣтствующими мѣстами новогреческой народной книги (p. 114—115): блаженные говорятъ Александру: ἡμεῖς ἀπὸ πολλοὺς χρόνους τὸ ἠξεύρομεν, ὅτι ἤθελες νὰ ἔλθῃς ἐδῶ νὰ μᾶς ἰδῇς, καὶ νὰ σὲ ἰδοῦμεν, ἐπειδὴ μᾶς τὸ εἶπεν ὁ βασιλεὺς Ἡράκλης μὲ τὴν Σεβίραν τὴν βασίλισσαν, ὁποῦ ἦτον βασιλεῖς τῶν Ἑλλήνων εἰς τὴν Μακεδονίαν, καὶ ὕστερα ἀφ' οὗ ἄρχισαν νὰ κάμουν οἱ Ἕλληνες τὰς ἀσελγείας των, εἶδε τὴν ἀκαθαρσίαν τους, ἔκαμε κάτεργα χοντρὰ πεντακόσια, ἐσύναξεν ὅλους τοὺς φρονίμους ἀπὸ τὸ βασίλειόν του καὶ ἐξέβη ἀπὸ τὸν παράνομον τόπον. Ἦλθε λοιπὸν αὐτοῦ ὅπου εἶδες τοὺς στύλους καὶ ἐκεῖ ἔζησαν καὶ οἱ δύο χρόνους πολλοὺς καὶ ἀπέθανον. Ὁ Ἡράκλης ὁ βασιλεὺς ἐπροφήτευσε καὶ εἶπέ μας τὸ ὄνομά σου καὶ πῶς θέλεις ἔλθῃ ἐδῶ. εἰς τὸν θάνατόν του ἔκαυσε τὰ καράβια ὅλα, διὰ νὰ μὴ γυρίσωμεν ὀπίσω εἰς τὸν ἁμαρτωλὸν κόσμον. ἀλλ' ἀρχίσαμεν νὰ κάνωμεν παρανομίας ὡσὰν ἤμασθεν μαθημένοι τὸν πρῶτον καιρόν. ὅθεν βλέποντας ὁ Θεὸς τὰς παρανομίας μας, ὠργίσθηκέ μας καὶ ἔστειλε τοὺς ἀγρίους ἀνθρώπους, καὶ ἐσκότωσαν μας. Ὅσον ἐγλυτώσαμεν, κατεφύγαμεν εἰς τὸ νησὶ τοῦτο.

Нагомудрецы указываютъ Александру на острова блаженныхъ въ Океанѣ: тамъ обитали, по изгнаніи изъ рая, прародители, родились Каинъ и Авель, совершилось первое братоубійство и рожденъ праведный Сиѳъ. Господь извелъ Адама и Евву изъ острова во вселенную, а Сиѳа съ чадами оставилъ; «и тіи соуть нагомудрьци, родив'ше же се отъ Сита, Адамоу оубо вьноуци суть». Такъ у Новаковича, II, гл. 24 и въ новогреческой народной книгѣ (стр. 115—116): ὁ Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα εἶχαν ἐντολὴν διὰ τὸ ξύλον, ὁποῦ ἦτον μέσα εἰς τὸν παράδεισον νὰ μὴ φάγουν. ἀλλὰ παρήκουσαν τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ ἔφαγαν, ὅθεν ἐξωρίσθηκαν ἀπὸ τὸν παράδεισον. Ἦλθον εἰς τὸν τόπον αὐτόν, ὅπου διέτριψαν χρόνους ἑκατόν, ἔχοντες πάντοτε τὸ βλέμμα τους πρὸς τὸν παράδεισον, καὶ ἔκλαιαν πικρά. Ἐγέννησαν δύο υἱούς, τὸν Κάϊν καὶ τὸν Ἄβελ. Ὁ διάβολος ἔβαλε τὸν Κάϊν καὶ ἐσκότωσε τὸν Ἄβελ τὸν ἀδελφόν του. Ἐθρηνοῦσαν πολλὰ ὁ Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα διὰ τὸν φόνον τοῦ Ἄβελ. Εἶδεν ὁ Θεὸς τὸν πολὺν καὶ ἀπαρηγόρητον θρῆνόν τους, καὶ ἔστειλεν Ἄγγελον καὶ εἶπε· διὰ τί κάνετε τόσον θρῆνον καὶ ἐβαρέθη ὁ Θεὸς ἀπὸ ἐσᾶς; Ὁ Θεὸς ἀπὸ τὴν γῆν τὸν ἔπλασε, καὶ πάλιν εἰς τὴν γῆν τὸν ἀπέστειλεν, εἰς τὴν ὁποίαν ὅλοι καταντοῦν ὅσοι ἐγεννήθησαν καὶ γεννηθοῦν. Ὁ Θεὸς θέλει σᾶς δώσει ἄλλον υἱὸν τὸν Σὴθ, ἀντὶς τοῦ Ἄβελ· πλὴν εὐγῆτε ἀπὸ τὸν τόπον τοῦτον, καὶ πηγαίνετε νὰ κατοικήσετε ὅλην τὴν οἰκουμένην. Ἀφ' οὗ τελειωθοῦν πέντε χιλιάδες καὶ πεντακόσιοι χρόνοι, πάραυτα θέλετε ἰδῇ πάλιν τὸν Παράδισον. Μετὰ καιρὸν ἐγεννήθη ὁ Σὴθ, ἀνετράφη, καὶ ἐτεκνοποίησεν εἰς τὸ νησὶ αὐτὸ τῶν Μακάρων, οἱ ὁποῖοι Μάκαρες εἶναι ἀπὸ τὴν γενεὰν τοῦ Σὴθ. — Сл. болгар. нар. кн. стр. 97 слѣд.; рум. нар. кн. стр. 64 слѣд. (на островъ переправляется сначала Птолемей); Bianu, l. c. стр. 448 слѣд. (на островъ переправляется Антіохъ).

2. Покинувъ мудрецовъ Александръ отправляется далѣе и доходитъ до высокаго острова (греч. болг. нар. кн.: горы), съ котораго видитъ вдали острова блаженныхъ. Поставивъ на горѣ свою статую изъ золота, съ мечемъ въ рукѣ, показывавшей на острова, онъ снова пускается въ путь и добирается до высокой горы;

«За тоуи же гороу привезань бѣше чловѣкь веригами гвоздѣнеми; тисоуштоу же сѣжань высокь бѣше и двѣ сте сѣжьнь дебель. И сего же Алексен'дрь видѣвь сь Макидонияни, подивисе. И кь семоу же не смѣюште пристоупити, поминоуше. Плачоуштоу же чловѣкоу, глась его. .д. дьни слишахоу. Кь горѣ велицѣи приишьдьше, женоу великоу обрѣтоше веригами кь горѣ тои привезаноу, тисоуштоу сѣжань дльгоу и двѣ сте дебелоу; змии же великь о ногоу ее свиль се бѣше, и за оуста ю дрьже, не даваше ей глаголати. И .и. дьни хода прѣшьдьше, ечаніе нѣкое ноуждно слышахоу и езера великаа и пльна зміи видѣвше. И тоу моукамь мню бити, вь нихь же чловѣци грѣш'ніи моучити се имоуть. До океана рѣкы доидоше и макарон'скы отокь видѣв'ше; .к. бо пьпришть оть зем'ле отстоiахоу. И тоу Алексен'дрь сь вои своими станомь ста, и Алексен'дрь голие сьтворити повелѣ» (Нов. II, гл. 25; греч. нар. кн. 116—117; болгар. нар. кн. 99). Рым. нар. кн. стр. 66 знаетъ лишь первую, текстъ Bianu, стр. 452—3 первую и вторую встрѣчи, при чемъ философы объясняютъ Александру, что тѣ мужчина и женщина — Адамъ и Евва.

3. Начало слѣдующей 26-й главы въ изданіи Новаковича представляетъ пропускъ: далѣе я сообщаю содержаніе по Кирилло-Бѣлозерской рукописи № 1088, XV вѣка (= Jag. стр. 283—4), кстати, какъ образчикъ ея текста.

«И вшеъ в голью Птоломѣа (Jag. Филона) с собою поимъ ко острову блаженыѣ пріиде. Бѣ же во островѣ томъ трава высока и красна зѣло и овощіемъ оукрашена. едина оубо созрѣвахоу, а дроугаы процвѣтахоу. третія же проз ябахоу, плода ихъ множество по земли лежахоу. Птици же красны по древію сѣдяще различныя и красны пѣсни поахоу. источници сладкыя воды от кореніа древъ тѣхъ течахоу. вноутрь же вше Александръ. единъ от нихъ срѣтъ его ре: Александре, миръ тебе, брате! Онже к немоу ре: вся радость да боудет. Александръже хотѣ к немоу повѣствовати. онже ре: поиди въ ноутреноую и приведоу тя ко старѣйшемоу нашемоу Ивантоу, онже вся скажеть тебѣ о животѣ твоё и о смрти твоеи, и о прочих всѣх провозвѣсть ти во истиноу.

Александрже внoутрь вше, шествіе творяше, мнoства много людей тѣхъ срѣтахоу и в лице его целовахоу. Александрже видѣвъ ихъ оудивися, бгы бо ихъ помышляше быти а не члвкы. И ведоша его ко црю своему Ивантоу. Иван же бѣ по древо по нѣкоимъ красны лежа и вода бли его течаше, простерже бѣ на нимъ покровъ ѿ листвія древъ тѣхъ. Александръже ре к немоу: Радоуися, Иванте рахманскы оучтлю. Ивантъ же ѿвѣща ре к немоу: многа лѣта Александроу црю неоуставнаго свѣта! что к намъ пріиде, црю перстна мира его ради гради мятоутся и кровь изливается? И пріимъ его за роукоу бли себя посади и ѡбьемъ главоу Александрову своими роуками и сію ѡблобызыва ре: Радуися всѣхъ главъ глава, егда бо ве мир пріимеши и к томоу ѿчъства своего не оузриши, егда вся земьская приѡбращеши, тогда и *ада наслѣдиши*. Сія же Александръ слыша, сжалиси ѕѣло, Ивантоу ре: Почто сіе слово ре ми? Иванже ре емоу: Велеоумномоу не побает толковати. Александръ же ре к немоу: Аще повелиши да принесем ти что ѿ потребны наших е не ѡбрѣтается в земли вашеи. Ѡни же всй ѩко единѣми оусты рекоша: Даи же намъ, црю Александре, бесмертіе; помираем бо. Александр же к ни ре: ѩко не бесмертенъ азъ есмь, каково бесмртіе вамъ подамъ? И Птоломѣю (Нов. Филону) ре, хлѣбъ чистъ и вино принести повелѣ. Ивантъ же сіе видѣ ничто не пріемъ ре: Не намъ пища сія, но вамъ, мнѣ-же пища сія ѿ древа сего есть, питіе же ѿ источника сего есть, земнорoно бо ми есть тѣло, ѿ мтри земли питается, ѡдѣніе же ми есть листвіе, а оумъ нашь есть на нбсе. не печемся ни ѡ чемъ земны спроста; а житіе наше бестрашно есть, а на многа лѣта продлѣемся. егда ѿ житія сего тлѣнна отходимъ, въ дроугое нетлѣнное приходимъ идѣже оумъ нашь всегда. — И ѡ си Александръ подиви прослезився ре: Во истиноу сіи члвци бжтвеное житіе живоуще, Ивантоу ре: ѿкоудоу зде вселистеся? Ѡнже к немоу ре: Адамли оубо внoуци есмя, ѩко и вы есте. Адамоу бо ѿсоудоу бжіимъ повелѣніемъ ѿшешоу, мы ѡстахомся зде, снове Сифовы есмя сна Адамова, его вмѣсто дарова Бъ Авеля. Ре же Ивантъ ко Алеѯандроу: Вы

оубо пестрыѧ (ркп. перстыѧ) ризы носите и различныѧ пища ясте и ратоующе ратоуемы. бьюще и бьеми, закалающе (закалаеми) подобни себѣ чл҃вци и ѿ ни закалаеми. и цр҃тва и величества ищете. и яко оубози чл҃вци оумираете и помышлѧете всегда ѡ пленове и ѡ рате и ѡ кровопролитїи. егда вам не лоучитсѧ рать. тогда на дивїе звѣри находѧще оубиваете ихъ, и тако тѣло свое съ дшами прелщаете и напрасно оумираете. Елицѣхже ѿ ва сты мнитесѧ си в макарискы (ркп. маририскы) ѡтоцѣ глють быти и жити. да ѿколе ты во бл҃жны во ѡстрвъ вшелъ еси? (Нов. II, гл. 26, стр. 87: ако ли єлицехь оть вась светыхь мните, и сихь вь Макарон'скыихъ отопѣхь мните быти и жити глаголѥте, да оть коле ты въ Макарон'скыи отокь дошьль єси, аште оть праведнікь вашихь кого познавак шп ли, нити єда кого найдеши здѣ). Алексанрже к немоу ре: Всѧ глемая тобою слака ми ѩвиша, но скажи ми како вы ражаетесѧ, понеже [же]ньска полоу в ва не вижоу? Ивантъ же ре: Оу на есть жены, но не соу зде, но во ино ѡстровѣ противоу намъ соу, на го единою сѣмо приходѧ к на. .л. днъ, пакы възвращаютсѧ во свои ѡстровъ (Нов. I. с. р. 87: на годиноу же кь нимь приходимо єдноушть, и сь ними прѣбыв'ше .л. дьніи, пакы въз'вратимь се вь отокь сь). егда кои ро"тсѧ дѣтищь, не к томоу ѿць его с женою сочтаетсѧ, аще моу сн҃ъ поро"тсѧ, трехъ лѣ взимаемъ его. аще женскы полъ ро"тсѧ, с женами пребываю. Алеѯанрже к немоу ре: Хотѣл бы ѡстровъ тои видѣти, аще ва оугоно есть. Ивантъ ре к немоу: Ѡстрва того доидеши, вноутрь ничто имаши видѣти, до него дошед вноутрь не поглѧдаи. не имат бо чл҃къ живъ быти вноутрь поглѧдавъ. Алексанрже сими словесы оувѣри во ѡстровъ поиде ѡнъ. Сл. Нов. II, гл. 26; греч. нар. книга, стр. 117—119 = болг. нар. кн. стр. 99—102. Укажемъ на нѣкоторыя отличія греческаго текста. Въ описаніи острова блаженныхъ есть новыя подробности: Εἶχε τὸ νησὶ ἐκεῖνο πωρικὰ πολλὰ καὶ ἀναρίθμητα. Ἦτον τὸ νησὶ ἱστορισμένον μὲ εἰκόνας καὶ ἄλλα θαυμαστὰ πράγματα, τὰ ὁποῖα δὲν τὰ εἶδεν ὀφθαλμὸς ἀνθρώπου. Ὁ καρπὸς ἐκείτετο εἰς τὴν γῆν πολὺς, καὶ εἰς τοὺς λόγκους

τῶν δένδρων ἐκάθοντο πουλία περισσὰ πολλῶν λογιῶν, ὁποῦ ἐλαλοῦσαν εὔμορφα, τῶν ὁποίων ὁ κελαδισμὸς ἦτον χαρᾶς καὶ λύπης ἀνταμωμένος. Въ разговорѣ съ Эвантомъ нѣтъ вторичнаго указанія, что блаженные — потомки Сиѳа, и нѣтъ характерной просьбы: дать имъ безсмертіе. Хлѣбъ и вино приноситъ не Птоломей и не Филонъ а Антіохъ; у Bianu, l. c. стр. 454 Птоломей и Антіохъ являются спутниками Александра у Эванта.—Румынская Александрія (рум. нар. кн. 68; рум. К. $^{30}/_{43}$; Bianu 455—6) представляетъ въ нашемъ эпизодѣ нѣсколько лишнихъ подробностей, не встрѣченныхъ нами въ славянскихъ текстахъ: Эвантъ сидитъ на золотомъ престолѣ и въ золотомъ вѣнцѣ; у его ногъ источникъ; зачерпнувъ въ немъ воды, онъ подаетъ кубокъ Александру: то вода юности; когда состарѣется человѣкъ и искупается въ ней, будетъ снова, какъ тридцатилѣтній. Александръ говоритъ, что воспользуется этимъ даромъ впослѣдствіи, а кубокъ съ водою запечаталъ и велитъ хранить [1]).

4. (Александръ отправляется на островъ) «и столпъ высокъ во ѡстровѣ тӧ ѡбрѣте ꙗко гра̑ (Новак.: зьдь мѣдень видѣвь вь отоцѣ томь), и ѡколо сего ше̑ вноутрь возрѣти не смѣ. Бг̃у единому возможно бѣ, а чл̃вкоу не возможн°. Столпъ же во ѡстровѣ тӧ постави высокъ ѕѣло, и себѧ на немъ въ златѣ сътворити повелѣ, словеса̑ греческаꙗ на немъ писавъ гл̃юща сице: Алексан̑дръ (царь) цре̑мъ весь свѣ̑ пріатъ и ѡстрова сего приспѣ, и бл̃жены̑

---

[1]) Bianu, l. c., p. 455—6: «ши-ĭ лоуѿ Еван'ть (т. е. кубокъ), ши-ĭ ꙟплꙋ де апь де сꙋпть пичорꙋĭ лꙋи динь фьнтьнь ши-ĭ деде лꙋ Алеѯандрꙋ: «цине поклон̆ де ла мине цие». Алеѯандрꙋ зисе: «де че есте бꙋнь ачаста»? еĭ зис̑: «кьнд̆ ꙟбьтрьнеще ѿмꙋĭ ши де сь ва скьĭда, ель ва ꙟтинери ши фи-ва ка де .л̃. де ани». Ши сокоти Алеѯандрꙋ кь: «дека вою бьтрьни, ку ачаста мь вою скьлда ши ꙟрь вою фï тиньрь ши нꙋ вою маи мꙋри». Ши астꙋпь кондирюĭ бине ши-ĭ печетлꙋи ши-л̆ деде ла ꙋн апрод̆ сь-ль тот̑ пьзаскь пьнь ва фи еĭ.» Шмидтъ сообщаетъ то-же преданіе, какъ народное (l. c., p. 28—9), съ такими подробностями: будто служители Александра тайкомъ выпили эту живую воду и стали безсмертными и вѣдающими будущее: нарѣчницами, судицами или рожаницами (ursitorele), по другому повѣрью (у Шоттовъ) феями (măiestrele), что сидятъ обыкновенно на стрѣхахъ домовъ. — Въ основѣ этого сказанія о живой водѣ лежитъ эпизодъ Псевдокаллисѳена объ Андреѣ и Калѣ.

ѡстровы видѣвъ и тоу бги еллинсти бго͑ не ѡбрѣ͑. еллинсти бзи в долнѣиши͑ ада в тартарь геѡны моучими соу͑ съ діаволю повелѣніемъ бга Саваѡѳа. Да аще кто дроугіи поѧнѣ пріиде во ѡстровъ сеи, на вся глядаи, вноутрь не глядаи. бгу бо единомоу возм͑жно. И вь макары ѡстровы воз(в)ративсѧ ко Ивантоу пристоупивъ Алексаѧръ ре͑: Возвѣсти ми ѡ нагомдрецѣхъ, что напреди есть. Ѡн же к немоу ре͑: Море сіе, в немже ѡстрови мнози наши соу͑, ѡкіанъ нарячетсѧ и всю землю ѡбтиче͑ и вси рѣки в него текоу͑. по ѡнои же странѣ гороу юже зриши ѡвощіѧми различными оукрашеноу, то есть Еденъ ѿ ва͑ нарицаетсѧ, идѣже Гь Бъ Саваѡѳъ в зачало лѣто͑ раи насади и на встоцѣ во Едемѣ. и тоу Адама праѡ͑ца наше͑ вселилъ бѧше. Ѡнже завистію діаволею ѡ͑паде, оувы мнѣ, заповѣдь бжію престоупи изъ раѩ изгнанъ бы͑. Алексаѧрже к немоу ре͑: Могоу ли раѩ видѣти? (Новак.: Іефан'ть же кь нѥму рече: не имать доуша вь пльти соуштіа раѩ видѣти, горою бо....) **горою великою мѣвеною ѡбложенъ а на͑[д]верми его шестокрилатіе Серафими с пламѧнны͑ ѡроужіемъ стоѧть. но поиди, Алексаѧре, ѡ͑ноудоу͑ прише͑ еси, послѣдоуи четыре рѣка͑** (Новак.: рѣкама, оть раѩ текоуштима, и вь вьселѥн'ноую походи; инако бо видѣти не можеши. Рѣкамь бо имена соуть сіа) **им же соу͑ имена Гиѡнъ, Фисонъ, Тигръ, Ефратъ. Алексаѧръ же хотѧ изо ѡстрова изыти, и вси его сла͑ко ѡблобызахоуть. Алеѯаѧрже к ни͑ ре͑: Аще бы ми не скорбь за Макидонѧнъ, ѩко да в чюжи͑ земля͑ не погибноуть, здѣ оубо с вами ѡсталъ бы͑ и аггльское житіе съ вами пожил бы͑** (Новаковичъ: и вь в'торок божіе пришьствіѥ близоу раѩ на зем'ли обрѣль се быхь) **и второе пришествіе близоу раѩ ѡбрѣлъ бы сѧ. Ивантъ же ре͑ к немоу: Поиди съ миро͑, Алеѯандре, всю пріемъ землю, послѣдь и самъ въ ню поидеши»** (л. 121 лиц.— 126 лиц.). — Сл. Новак. II, гл. 26—30. — Въ греч. нар. кн. стр. 120—122 (=болг. нар. кн. стр. 102—104) Александръ услышавъ о томъ, что жены блаженныхъ обрѣтаются на одномъ островѣ, хочетъ посѣтить τὸ νησὶ ἐκεῖνο. Эвантъ отвѣчаетъ: τὸ νησὶ θέλεις τὸ ἰδῇ, ἀμὴ μέσα τίποτε δὲν θέλεις ἰδῇ· εἰς τὸ κτίσμα χαλκοῦν θέλεις ὑπάγῃ, ἀμὴ μέσα μὴ

βουληθῇς νὰ κυττάξῃς, ὅτι πλέον ζωὴν δὲν ἔχεις. Ὁ Ἀλέξανδρος δὲν ἐπίστευσε τοὺς λόγους του καὶ ἐδιέβη εἰς τὸ νησί· ἀλλὰ τίποτε δὲν εἶδε μέσα. Ἐδιάβη καὶ εἰς τὸ κτίσμα τὸ χαλκοῦν, τὸ ἐπεριπάτισεν ὁλόγυρα, καὶ δὲν ἐτόλμησε νὰ τηρήσῃ μέσα, εἰς τὸ ὁποῖον μόνον ὁ Θεὸς ἠξεύρει τί ἦτον. — Надписи Александра нѣтъ; слѣдуетъ возвращеніе къ Эванту и вопросъ о раѣ. — Иначе въ нар. рум. книгѣ, стр. 69—71: Александръ хочетъ видѣть островъ женщинъ и спрашиваетъ о немъ Эванта; тотъ отвѣчаетъ, что — *рай* окруженъ водой, обведенъ мѣдной стѣной и т. д., и никто не можетъ его видѣть; пусть лучше Александръ вернется на свѣтъ, гдѣ его ожидаетъ Порово господство. Вмѣсто того онъ отправляется съ войскомъ на островъ женщинъ, проходитъ мимо города, не взглянувъ въ него; далѣе — до земнаго рая, гдѣ два ангела останавливаютъ его (его ждетъ Порово господство), говорятъ о четырехъ рѣкахъ, истекающихъ изъ Эдема; пусть послѣдуетъ теченію Евфрата. Выйдя на свѣтъ, Александръ ставитъ столбъ съ надписью, что онъ доходилъ до рая и вернулся вспять, остановленный ангелами.

Разборъ сообщеннаго нами эпизода сербской Александріи можетъ привести къ нѣкоторымъ выводамъ относительно его источниковъ. Прежде всего бросается въ глаза, что нагомудрецы нашего 1-го и 3-го параграфовъ являются какъ-бы дублетомъ. Одни пришли на острова съ царемъ Иракліемъ: они отвлечены, вѣроятно, отъ статуй Иракла (и Семирамиды), встрѣченныхъ Александромъ на пути къ брахманамъ-оксидракамъ, какъ у Pseudocall. C, III, c. 34, либо непосредственно за оксидраками-гимнософистами, какъ въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zing. l. c., стр. 214—216). У Орозія, Histor. adv. pag. III, 19 (= Justin. XII, 7, 12) говорится: «peragrata perdomitaque Alexander India cum ad saxum mirae asperitatis et altitudinis, in quod multi populi confugerant, perveniret, cognoscit Herculem ab expugnatione ejusdem saxi terrae motu prohibitum». Такъ дословно въ нѣкоторыхъ текстахъ Historia de prel. пространнаго типа (Zing. стр. 216, прим.), называющихъ Иракла —

Hercules, тогда какъ краткая версія, помѣстившая эпизодъ о статуяхъ въ другомъ мѣстѣ, употребляетъ форму Eraclius (Zing. стр. 38, прим. 2; Kinzel, Zw. Recens., стр. 30). Въ Roman d'Alixandre (ed. Michelant) не разъ говорится о границахъ, статуяхъ, гротѣ Иракла и Либера, при чемъ обращаютъ на себя вниманіе варьянты именъ: *Arcus*, Ercules (р. 312), bornes *Arcu* (р. 316), Libis et *Arcus* (р. 317), Ercules, Liber (р. 336, сл. 337), Hercul et Liber. Къ формѣ *Arcus* восходитъ несомнѣнно Ἀρχούτζης вѣнской Александріи = Еркулій славянскихъ текстовъ, тамъ и здѣсь сосѣдящіе съ именами божества, въ которомъ мы признали Діониса = Liber (сл. выше, стр. 143 и 145).

Всѣ эти представленія, равно какъ и разсказъ о городѣ, не покоренномъ Иракломъ, далеки отъ нашей легенды о народѣ Ираклія, удалившемся «неправды ради и беззаконія». Очевидно, при одномъ и томъ-же имени измѣнилось содержаніе разсказовъ. Царь греческій Ираклій, предвозвѣстившій своему народу будущее пришествіе Александра (сл. выше, стр. 265—266), напоминаетъ византійское представленіе объ императорѣ Ираклія-звѣздочетѣ, которому славянскія[1]) и румынскія[2]) рукописи, несомнѣнно восходящія къ греческому оригиналу, приписываютъ составленіе Громника съ цѣлымъ рядомъ астрологическихъ предсказаній, вродѣ слѣдующихъ: «аще въ число близ'нъче погрьмить, то подвигь и недугь въ ч҇лвцехь и п'шеницамь тлꙗ, плавающи' мльва..., аравитено погибель.... и ꙗвлені[е] некоторому сияну»; либо: «болꙗрѡ и гра҇мь и цр҇емь погыбль и въ егѵп'тьской стране мльва»; «беда по вьселен'ней ч҇лвко, оу Цр҇игра҇у гла и пагуба, последижє въстанеть другь на друга»; «кнеземь метежь и войскаамь погыбель и на места гла и прѣселєніе».

Вторые «нагомудрецы» называются потомками Сиѳа — представленіе, связанное, несомнѣнно, съ древнимъ преданіемъ,

---

[1]) Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. лит. II, стр. 361—72 (два текста); сл. Jagić, Opisi, IV, стр. 41 слѣд.: Сказаніе ѡ громовници (безъ имени Ираклія) и тамъ-же (стр. 43—44) греческій текстъ; Gaster, Literatura, стр. 509.

[2]) Тихонравовъ, l. c. II, стр. 363. 364. 366. 366—7.

помѣщавшимъ ихъ вблизи земнаго рая. Въ эѳіопской книгѣ Адама разсказывается, что по смерти прародителя Сиѳъ отдѣлилъ свой родъ отъ Каинова, удалившагося на западъ, а самъ остался на сѣверной сторонѣ, на горѣ у пещеры сокровищъ, гдѣ схоронено было тѣло Адамово. Сиѳъ и его потомки жили въ чистотѣ, праведности и благочестіи, не зная ни зависти, ни вражды, ни коварства, за что получили названіе дѣтей Божіихъ; земныя дѣла ихъ не занимали: они не сѣяли, не собирали жатвы, а питались плодами деревьевъ; ихъ мысли обращены были къ небу, они постоянно славословили Господа, и пѣснопѣніе ангеловъ доносилось до нихъ: они могли ихъ видѣть и слышать, потому что рай находился на небольшомъ разстояніи подъ ними и вѣтеръ приносилъ къ нимъ его благоуханія[1]). — Откровенія псевдо-Меѳодія имѣютъ въ виду ту же легенду, когда говорятъ: «тогда же (по кончинѣ Адама) ѿлѫчиса и Сиѳѡвъ родъ ѿ Каинова и възвѣдошѧ сърство свое на горѫ нѣкѫѫ сѫщѫѫ прѣмо раю» [2]).

У Эвтихія Александрійскаго, повторяющаго разсказъ эѳіопскаго апокрифа, гора, на которой похороненъ Адамъ и поселяются сыновья Сиѳа (Bani Elohim = Сыны Божіи), находится въ Индіи [3]). Позднѣе ихъ перенесли на Гермонъ, гдѣ по отреченной книгѣ Эноха [4]) состоялось совѣщаніе ангеловъ, *сыновъ*

---

[1]) Migne, Dict. des apocryphes, t. I, p. 342—343.

[2]) Тихонравовъ, l. c. II, стр. 213—214. Сл. въ славянскихъ Вопросахъ и отвѣтахъ (l. c. II, 441) ту-же легенду (о сынахъ Сиѳа и Каина), перенесенную въ другое поколѣніе: когда Господь проклялъ Хама, Симъ и Яфетъ «Хама отрекошеся: да не прикоснетсе чеда наша кь чеда Хамовін, понеже будеть проклето семѣ его, нь да поиму комужо своа чеда. Симь имаше .й. сновь и .й. дьщеріи и бяви ихь. и оусимовіи снове рекоше: не прикосниме сестримь своимь, понеже потопь быстъ и вь свѣть погибнеть. И сьвориште .в. храміне, братіа вь едну седеху, а сестри вь дру, тьчію на снедь сьбирахусе, и бише тако .еі. лѣтъ. И виде бь трьпеніе и и посла аггла своего, ѿ очію плодехусе (въ другомъ спискѣ стр. 446: бесплотно со ѡчима плодыхоу), и ѿ техь изыдоше .е. езикь правовѣрни». Сл. Буслаевъ, Очерки II, 499.

[3]) Migne. Patrol. gr. t. CXI: Eutychii Alexandrini Patriarchae Annales. p. 910—13.

[4]) Migne, Dictionnaire des apocryphes, II. p. 428—30, ch. VII.

Божіихъ, смѣшавшихся съ дочерями человѣческими (Быт. VI, 1). Эти сыны Божіи отождествлены были съ сынами Сиѳа, впервые у Юлія Африкана [1]), и о послѣднихъ стали разсказывать слѣдующее: зная отъ Адама о благѣ, которое онъ вкушалъ въ земномъ раю, они удалились на гору Гермонъ, гдѣ и проводили жизнь въ цѣломудріи и страхѣ Божіемъ, отчего ихъ и прозвали сынами Божіими. Отъ нихъ ведетъ свое начало монашество; позднѣе, впавъ въ искушеніе, они соединились съ дочерями потомства Каина и съ тѣхъ поръ слывутъ нечестивыми [2]).

Ясно, что народъ Иракля и потомки Сиѳа принадлежатъ двумъ различнымъ представленіямъ сербской Александріи, обнаруживающей въ нашемъ эпизодѣ еще и другія воспоминанія, плохо помиренныя между собою и потому легко возстановимыя. Такъ напримѣръ, разсказъ о Сиѳовыхъ нагомудрецахъ и ихъ царѣ Эвантѣ, несомнѣнно, разработанъ по типу гимнософистовъ Псевдокаллисоена и Палладіевой статьи: ихъ игуменъ или начальникъ Дандамій повторился въ Эвантѣ; просьба о безсмертіи встрѣчается и у Псевдокаллисѳена (AVB III, 6 = C, II, за 35 главой: Αἰτήσασθέ με τί θέλετε καὶ δώσω ὑμῖν. — Οἱ δὲ ἐξεβόησαν πάντες λέγοντες· Δὸς ἡμῖν ἀθανασίαν) [3]); какъ нагомудрецы сербской Александріи однажды въ году общаются съ своими женами, живущими на другомъ островѣ, такъ и брахманы Палладія — съ женами,

[1]) Migne, Patrol. gr. t. X. p. 66.

[2]) D'Herbelot. Bibliothèque orientale II, 117. Сл. у Веніамина Тудельскаго (Bergeron. Voyages t. I, p. 16) о сосѣднихъ съ Сидонянами языческихъ Dogzün: у нихъ нѣтъ ни религіи, ни власти; они живутъ дикарями въ горахъ и пещерахъ. Leur païs a trois journées d'étendue jusques à la Montagne d'*Hermon*. Abominables par leurs incestes, les Pères se marient à leur filles. Ils célèbrent tous les ans une fête où tant les hommes que les femmes assistent à un banquet commun, où ils changent entre eux de femmes. Leur sentiment est que, lorsque l'âme d'un homme de bien est séparée de son corps, elle entre dans celui de quelque enfant qui est dans le moment même engendré; que si c'est un méchant homme, la sienne passe dans le corps d'un chien ou d'une autre bête.

[3]) Сл. Bocados de Oro, ed. Knust въ Mittheilungen aus dem Escurial (Stuttg. literar. Verein, 141-e Public.), p. 294 (бесѣда Александра съ berhemios = брахманами) и прим. a, b: сл. ib. p. 454—5.

находящимися по ту сторону Ганга. — Этотъ эпизодъ нашего текста особенно намъ интересенъ, потому что яснѣе всего обнаруживаетъ слѣды внѣшняго спая. Эвантъ сообщаетъ Александру, что у нихъ жены на иномъ островѣ, противу нихъ; когда Александръ обнаруживаетъ желаніе посѣтить то мѣсто, ему говорятъ, что, дойдя до него, онъ не долженъ пытаться посмотрѣть внутрь его: «не имат бо члв҃къ живъ быти вноутрь поглѧдавь». Добравшись до острова, Александръ видитъ высокую мѣдную стѣну, точно городъ, но не смѣетъ взглянуть внутрь ея — ибо это возможно одному Богу! — Очевидно, все это идетъ не къ мѣстопребыванію женъ нагомудрецовъ, не дававшихъ повода къ заявленію такой святой таинственности, а скорѣе всего къ описанію земнаго рая, которое и даетъ далѣе Эвантъ: онъ лежитъ по ту сторону Океана на горѣ, обведенъ мѣдною стѣною, и туда нельзя проникнуть смертному. Въ славянскомъ текстѣ и греч. нар. книгѣ Александръ успокоивается на этомъ указаніи, но въ румынской нар. книгѣ онъ въ самомъ дѣлѣ доходитъ до Эдема. — Несомнѣнно, здѣсь произошло смѣшеніе: въ одномъ изъ источниковъ сербской Александріи говорилось a) о нагомудрецахъ (сынахъ Сиѳа), которыхъ посѣтилъ Александръ, и b) о его неудачномъ хожденіи къ земному раю, обведенному мѣдною стѣною, недоступному людямъ. Подъ вліяніемъ Палладіева сказанія у нагомудрецовъ явились жены, живущія на другомъ, отдаленномъ отъ нихъ островѣ; введя эту подробность въ составъ предъидущаго источника, редакторъ не сумѣлъ распорядиться съ скопившимся у него матеріаломъ и заставилъ Александра отправиться къ брахманскимъ женамъ, окруживъ ихъ непонятной тайной и неприступною заповѣдностью земнаго рая.

Результатомъ этого сопоставленія является, что между источниками сербскаго романа находился и разсказъ о хожденіи Александра къ земному раю, въ родѣ извѣстнаго, талмудическаго по происхожденію, встрѣчающагося у Низами, въ латинской обработкѣ XII вѣка, въ Roman d'Alexandre и его интерполяціи и въ нѣмецкомъ отраженіи старофранцузской Александріи, приписывае-

мой Aubry de Besançon [1]). Въ латинскомъ текстѣ повѣсти говорится, что Александръ дошелъ до рѣки Ганга, «qui et Physon, cujus origo est Paradisus voluptatis»; послѣ продолжительнаго плаванія онъ видитъ «quasi edificium civitatis mire altitudinis et longitudinis. Quo cum nimia difficultate pervenientes, flumine suos impetus quodammodo propter littora cohibente sonitusque fragorem mitius producente, littoris angustia tellusque lutea secus maceriam iter pedestre vetabat. quapropter urbis latus, quod absque termino porrigebatur ab aquilone in austrum, pene triduo non absque tedio navigavere, explorantes sicubi forte pateret aditus ad ingrediendum. Macerie illius magna erat equalitas, nullis turribus seu propugnaculis in giro surgentibus, cujus tota superficies adeo veteri musco erat obducta, ut lapidum nulla appareret compositio vel junctura». — Александру не удается проникнуть внутрь, только изъ одного окошка ему подаютъ чудесный камень, перевѣшивающій всѣ тяжести и оказывающійся впослѣдствіи символомъ ненасытнаго человѣческаго глаза [2]). Такъ толкуетъ Александру старикъ еврей, объясняющій, что городъ, имъ видѣнный, былъ земной рай: quod vidisti, o bone rex, urbs nec dici debet, nec est, sed maceria solida, et *impenetrabilis omni carni*, quam in terminum ulterius progrediendi statuit universorum conditor justorum spiritibus carne solutis et ibidem corporis

---

[1]) Alexandri Magni Iter ad Paradisum, ed. J. Zacher 1869; сл. Heinemann Vogelstein, Adnotationes quaedam ex litteris orientalibus petitae ad fabulas, quae de Alexandro magno circumferuntur (1863), p. 12—26; Donath, Die Alexandersage in Talmud und Midrasch (1873), стр. 34 слѣд.; Is. Lévy, *Revue des études juives* I, 293—300 (1881); Roman d'Alexandre (ed. Michelant), стр. 493—8: своеобразный пересказъ легенды, вслѣдъ за которымъ иныя рукописи романа вставляютъ её еще разъ, въ редакціи болѣе близкой къ латинскому тексту (сл. P. Meyer, Études, l. c., p. 228 слѣд.); Lamprechts Alexander, ed. Kinzel, v. 6614 слѣд. Сл. Grion, l. c., стр. CXLIII—V (эпизодъ изъ Fatti di Cesare).

[2]) Въ roman d'Alexandre (ed. Michelant) онъ видитъ «sor une piere *l'uel d'un home* gisant» (l. c. стр. 498), неизмѣримой тяжести котораго дивится; въ разсказѣ, интерполированномъ въ романъ, райскій камень замѣнило райское яблоко (Meyer, l. c.).

resurrectionem prestolantibus. fruuntur autem ibi quiete opaca, quam deus illis disposuit, sed non perhenni, quoniam post judicium recepta carne cum creatore suo regnabunt in eternum [1]).

Для хронологіи легенды о хожденіи Александра къ земному раю интересны слѣдующія соображенія Моисея Баръ-Кефы, сирійскаго епископа половины X-го вѣка: рай находится внѣ доступной людямъ земной области; одни полагаютъ его гдѣ-то въ океанѣ, на островѣ, на недоступныхъ горныхъ стремнинахъ, другіе по ту сторону океана, обтекающаго землю. И это вѣроятно: «*nemo enim unquam regulorum eo profectus paradisum conspexit:* qui si intra eam mundi partem quae ab hominibus habitatur positus esset, procul dubio *reges* qui id facere potuissent visum eum ivissent; a qua re tamen omnes adhuc.... abstinuere. Ait enim, qui in hac sunt sententia, aiunt mare illud quod inter hanc nostram et illam terram interfluit, innavigabile esse, ideoque neminem *regum* illuc trajecisse [2]).

Имя старѣйшины («царя») Сиѳовыхъ сыновъ я не берусь объяснить: *Ѥфантъ*, *Ифантъ*, *Иѳантъ*, *Еѳантъ* (сербск. Александрія), Εὐαήνθης (греч. нар. кн.), *Еѵаинѳъ* (болг. нар. кн.), *Еѳантъ* (Bianu), *Іѳант* (рум. нар. кн.).

---

[1]) Zacher, l. c., p. 21, 29.

[2]) Mosis Bar-Cepha, episcopi syri Commentaria de paradiso, у Migne, Patrol. gr. t. CXI, p. 496 (part. I, c. XII).

V.

СТРАНА БЛАЖЕННЫХЪ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ И РАХМАНЫ-РЕХАВИТЫ ВЪ ХОЖДЕНІИ ЗОСИМЫ.

Сыновъ Сиѳа, сосѣдящихъ съ обителью Эдема, Эвтихій Александрійскій помѣстилъ гдѣ-то въ Индіи. Страну блаженныхъ естественно было представить себѣ гдѣ-нибудь далеко, у крайнихъ предѣловъ обитаемаго міра; матеріаломъ для изображенія ихъ святого житія могли быть идеализованныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ бытовыхъ отношеніяхъ въ средѣ того или другого народа; въ христіанскую пору эта идеализація получила опредѣленный колоритъ: блаженные живутъ вблизи земнаго рая.

Точкой отправленія для его индійской локализаціи могли быть представленія о буддистскихъ сраманахъ. Мегасѳенъ (у Страбона XV, стр. 711 слѣд.) различаетъ среди индійскихъ философовъ поклонниковъ Діониса и Иракла и, далѣе, Брахмановъ и Сармановъ. «Τοὺς δὲ Σαρμάνας, τοὺς μὲν ἐντιμοτάτους ὑλοβίους φησὶν ὀνομάζεσθαι, ζῶντας ἐν ταῖς ὕλαις ὑπὸ φύλλων καὶ καρπῶν ἀγρίων, ἐσθῆτας δ'ἔχειν ἀπὸ φλοιῶν δενδρείων, ἀφροδισίων χωρὶς καὶ οἴνου. τοῖς δὲ βασιλεῦσι συνεῖναι, δι'ἀγγέλων πυνθανομένοις περὶ τῶν αἰτίων, καὶ δι'ἐκείνων θεραπεύουσι καὶ λιτανεύουσι τὸ θεῖον [1]).

---

[1]) Сл. C. Müller, Fragmenta Histor. Graec. v. II, p. 435—9 и прим. издателя.

Этихъ Сармановъ, не имѣющихъ ни городовъ, ни селъ, питающихся и одѣвающихся отъ деревьевъ, пьющихъ лишь воду пригоршней и не знающихъ брака. — Климентъ Александрійскій сравнивалъ съ Энкратитами [1]). Позднѣе идеализація пошла и далѣе, если въ Камаринахъ, сосѣднихъ съ Брахманами, позволено усмотрѣть древнихъ Сармановъ-Срамановъ. Въ Expositio totius mundi et gentium, переводѣ греческаго трактата IV-го вѣка, передѣланномъ, преимущественно со стороны стиля, какимъ-то писателемъ поры Фульгенція (= текстъ C), разсказывается о Камаринахъ, которыхъ ищутъ у индійской Κάρμαρα, Κάμαρα Птолемея [2]):

«Gentes aiunt esse Camarinorum in partibus orientis, *cuius terram Moyses Eden nominando descripsit;* unde et fluvius maximus exire dicitur et dividi in *quattuor flumina*, quorum nomina haec sunt: *Geon*, *Phison*, *Tigris et Euphrates*. Isti autem homines, qui praedictam terram inhabitant, sunt valde pii et boni, apud quos *nulla malitia invenitur neque corporis neque animi*. Si autem vis aliquid certius discere: dicunt eos quod neque pane hoc nostro communi utuntur neque aliquo simili cibo neque igne, quo nos utimur, sed panem quidem eis plui per singulos dies asserunt, et bibere de agresti melle et pipere. Ignis autem eorum solis esse perhibetur flagrantiae tantae, ut statim quod e caelo in terram diffunditur, potuissent omnes exuri, nisi se cito in fluvium mitterent, in quo tamdiu volvuntur, donec idem ignis in locum suum denuo revertatur».

Къ этому эпизоду, находящемуся лишь въ позднѣйшей рецензіи текста (= C), примыкаетъ начало древняго (= G), который и сообщаемъ далѣе, безъ указаній всѣхъ стилистическихъ отличій C.

«Sunt autem et sine imperio, se regentes videlicet. Escam vero non utuntur omnibus communem. Scilicet quod neque mali-

---

[1]) Strom. I, 15, 71, ed. Dindorf.

[2]) Сл. Riese, Geographi latini minores, p. 105—7; сл. Prolegom. p. XXX и XXXII и C. Müller, l. c., v. II, p. 513—515.

tiam corporis nostri habent; neque enim pulex neque pediculus nec cimex aut lendes apud eos invenitur, aut in corpore aliquid infirmum. Neque enim vestimenta utuntur omnibus communia: sed ita inlibata est vestis eorum, quae neque insordidari potest; et si hoc contingat, per ignis gladium loturam expectant, ardens enim melior fit [1]). Neque seminant neque metunt. Sunt enim species excellentes variae et preciosae, veluti lapides pretiosi, hoc est smaragdi, margaritas, iacinti et carbunculus et saphirus in montibus, et inde omnes exeunt sic, secundum hunc modum. Fluvius exiens exit in montibus, per singulos dies ac noctes manans, magis vero adsidet (C: decurrens enim fluvius diebus et noctibus montem abscindit et illius crusta aquarum impetum trahit). in multitudine aquae trahitur. Proximae gentis astutia invenit artem, per quam quae exinde exeunt invenire possit; facientes retias in angusta loca fluvii suscipiunt ventura [2]). Cum

---

[1]) Сл. примѣчаніе Миллера, l. c., къ § 5 (Steph. Byz. a. v. Βραχμᾶνες, съ ссылкой на Hierocles Syrus ἐν τοῖς Φιλίστορσι; Plin. 19, 4, 19) и Marco Polo: «Ibi sunt montes, ubi sunt bonae venae de acçaio et andanico, et in ista montanea est una alia vena unde fit salamandra. Salamandra autem non est bestia sicut dicitur quae vivat in igne, sed dicam vobis quomodo fit salamandra. Слѣдуетъ описаніе приготовленія асбеста; et fit inde pannus sive tovaliae.... et quandocumque sunt sucidae, ponuntur in igne et non comburuntur nec laeduntur, sed fiunt albae sicut nix, et istae sunt salamandrae, et aliae sunt fabulae quod sit bestia» (Recueil de Voy. t. I, p. 343, 344; сл. Yule, The book of ser Marco Polo I, стр. 194—5). Въ посланіи Пресвитера (сл. слѣд. прим.) salamandrae = vermes; сл. Roman d'Alexandre, ed. Michelant, p. 54 (beste); въ Baudouin de Sebourc, p. 54—5, въ роли саламандры очевидно является фениксъ.

[2]) Съ приведенными извлеченіями изъ Expositio сл. слѣдующія изъ посланія Пресвитера Іоанна (ed. Zarncke): въ его странѣ нѣтъ *ядовитыхъ звѣрей; inter paganos per quandam provinciam nostram transit *fluvius*, qui vocatur *Ydonus*. Fluvius iste *de Paradiso progrediens*, expandit sinus suos per universam provinciam illam diversis meatibus, et ibi inveniuntur naturales lapides, smaragdi, saphiri, carbunculi и т. д. (§§ 21, 22);... nemus situm est ad radicem montis Olimpi, unde fons perspicuus oritur, omnium specierum in se saporem retinens.... dierum trium non longe a *paradyso*. unde Adam expulsus est (§ 27). Слѣдуетъ описаніе «harenosum mare sine aqua» (§ 31) и «fluvius lapidum» (§ 32, за которымъ живутъ «X tribus Judaeorum» § 41); «juxta desertum inter montes inhabitabiles sub terra fluit *rivulus* quidam, ad quem non patet transitus, nisi ex fortuito casu. Et *quicquit de harena rapit, lapides preciosi sunt et gemmae*, quia

tanta vero felicitate neque laborant neque aegrotant, solum autem moriuntur scientes et diem mortis suae: moriuntur enim omnium centum decem et octo et centum viginti annorum. Et maior minoris mortem non videt, nec parentes filiorum. Scientes singuli diem mortis suae sibi faciunt sarcofagum de aromatibus varium, quoniam ad eos omnia aromata abundant, et ponens se ibi expectat expetentem animam; ventura autem hora omnes salutans et omnibus valedicens sic debitum reddit, et est multa securitas. Et hoc quidem huius gentis bona ex parte diximus; multa enim habentes dicere praetermisimus. Habitatio autem terrae eorum est mansionum septuaginta». — За нами слѣдуютъ «occidentes Brachmani», сосѣдящіе съ Кармарой и у Птолемея [1]); далѣе regio Eviltarum, библ. Evilat, которую географъ Равеннскій и Епифаній помѣщаютъ рядомъ съ Брахманами [2]); «altera gens quae vocatur Emer»; «post hos regio quae appellatur Nebusa, qua invenitur tyrannorum initium». Отсюда уже начинается область людскаго труда: «hinc seminatio et messio. Praedictae autem gentes sive Camarinas vivunt pomis et piper et mella; Camarini panem enim caelestem cotidianum accipiunt. Inter eos omnis nec irascitur, nec iudicium appetunt, neque rixa neque cupiditas neque dolum vel aliquit mali est».

---

harena et sabulum nihil aliud sunt nisi lapides preciosi et gemmae. Et rivulus iste fluit in aliud flumen amplioris magnitudinis, in quod homines terrae nostrae intrant et *maximam habundantiam preciosorum lapidum inde trahunt* (§§ 38—9). In alia quadam provincia juxta torridam zonam sunt *vermes*, qui lingua nostra dicuntur *salamandrae*. Isti vermes non possunt vivere nisi in igne et faciunt pelliculam quandum circa se, sicut alii vermes, qui faciunt sericum. Haec pellicula a dominabus palacii nostri studiose apparatur, et inde habemus pannos et vestes ad omnem usum excellentiae nostrae. *Isti panni non nisi in igne fortiter accenso lavantur* (§§ 42—3). — Fur nec praedo invenitur apud nos, nec adulator habet ibi locum nec avaricia. Nulla divisio est apud nos (§ 46).

[1]) Müller, l. c. прим. къ § 4.

[2]) l. c. прим. § 9. По замѣчанію издателя «in libris Generationum ex Evilat originem ducunt gymnosophistae, vel, secundum Syncellum, Γαγγινοί, Gangis accolae». Толкуя Быт. II, 10 Моисей Баръ Кефа говоритъ, что одна изъ райскихъ рѣкъ, Физонъ, «totam Indorum ditionem alluit (haec enim Havilae nomine significatur); въ ея пескѣ и на берегахъ много золота и драгоцѣнныхъ камней. Сл. Migne, Patrol. gr. t. CXI, part. I, c. XXI (p. 512) и XXVIII (p. 528).

Иную локализацію страны «блаженныхъ» представляютъ отреченныя дѣянія ап. Матвѣя [1]). Въ Коптскомъ текстѣ разсказывается, что онъ явился для проповѣди въ градъ Prokumenos, т. е. веселія, либо, по арабскому синаксарю, въ страну *Блаженныхъ*, съ которыми всегда общается Господь. Апостолъ видитъ Его, спустившагося на свѣтломъ облакѣ, видитъ арханг. Гавріила, приведшаго съ собою 144 тысячи младенцевъ, избитыхъ Иродомъ; весь народъ вторитъ ихъ словословію. Въ этой странѣ не ощущаютъ потребности въ золотѣ и серебрѣ, не ѣдятъ мяса и не пьютъ вина; пищей служитъ медъ, питьемъ — роса съ древесныхъ листьевъ. На женъ своихъ эти люди не взираютъ съ плотскою похотью, первородныхъ дѣтей посвѣщаютъ Богу на трехлѣтнее служеніе; не носятъ одеждъ, сдѣланныхъ рукой человѣка и не знаютъ лжи. Юноша у нихъ не говоритъ передъ лицомъ старца, жены не соблазняютъ мужей и не соблазняются ими; когда вѣетъ вѣтеръ, онъ приноситъ имъ благоуханіе (райскихъ?) садовъ. Нѣтъ тамъ ни зимы, ни лѣта, ни инея, а дуновеніе жизни. — Греческая редакція тѣхъ-же дѣяній предполагаетъ подобный-же эпизодъ: мальчика, въ образѣ котораго предсталъ Христосъ, апостолъ принимаетъ за одного изъ виѳлеемскихъ младенцевъ, видѣнныхъ имъ въ *раю:* коптскій апокрифъ имѣетъ, очевидно, въ виду этотъ *земной рай;* его изображеніе напоминаетъ и гимнософистовъ Палладія и сыновъ Сиѳа, къ которымъ вѣтеръ также доноситъ райское благоуханіе. Интересно при этомъ, что непосредственно за посѣщеніемъ страны блаженныхъ или веселія ап. Матвѣй по коптскому тексту идетъ въ Kahanat, страну языческихъ прорицателей или жрецовъ, въ которыхъ Lipsius видитъ вавилонскихъ маговъ, тогда какъ греческія дѣянія заставляютъ его отправиться въ Мирну, Μυρμηκιών таврическаго Херсонеса, по мнѣнію Гудшмидта, а англосаксонская поэма объ ап. Андреѣ помѣщаетъ свою Mermedonia — въ Эѳіопіи.

---

[1]) Lipsius, Die Apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden II, II, стр. 108 и далѣе; сл. стр. 119 и I, стр. 603—4.

Это открываетъ намъ новую область, къ которой пріурочивали страну блаженныхъ. Псевдокаллисѳенъ С несомнѣнно помѣщалъ её гдѣ-то въ Африкѣ; туда-же приводятъ Александра и талмудическія легенды, которыя мы разсмотримъ въ болѣе общей связи.

Въ IV-й (апокрифической) книгѣ Эздры XIII разсказывается о десяти колѣнахъ израильскихъ, что Салманассаръ, царь ассирійскій, μετέθηκεν αὐτοὺς πέραν τοῦ ποταμοῦ, καὶ μετετέθησαν εἰς γῆν ἄλλην· αὐτοὶ δὲ ἑαυτοῖς ἐβουλεύσαντο τοῦτο, ἵνα ἐγκαταλίποιεν τὸ πλῆθος τῶν ἐθνῶν καὶ πορευθεῖεν εἰς πορρωτέραν χώραν, ὅπου οὐπώποτε κατώκησε γένος ἀνθρώπινον, ἵνα ἐκεῖ γε τηροῖεν τὰ νόμιμα αὐτῶν, ἃ οὐχ ἦσαν τηροῦντες ἐν τῇ χώρᾳ αὐτῶν. δι’εἰσόδων δὲ στενῶν τοῦ Εὐφράτου ποταμοῦ εἰσῆλθον. ἐποίησε γὰρ αὐτοῖς τότε ὁ ὕψιστος σημεῖα καὶ ἔστησε τὰς κρήνας τοῦ ποταμοῦ, ἕως ἂν διέλθωσι. δι’ αὐτῆς δὲ τῆς χώρας ἦν ὁδοιπορία πολλὴ· ἔτους ἑνὸς καὶ ἡμισέως, ἡ δὲ χώρα ἐκείνη καλεῖται Ἀρζαρέθ (въ лат. текстѣ: Arzareth; въ сир. Arzaph, finis mundi; въ арабск. Acsarâri et Ararawin). τότε κατῴκησαν ἐκεῖ ἕως τοῦ ἐσχάτου καιροῦ. καὶ νῦν, πάλιν ἀρξομένων ἐλθεῖν, πάλιν ὁ ὕψιστος στήσει τὰς κρήνας τοῦ ποταμοῦ, ἵνα δύνωνται διελθεῖν» [1]).

Указанія апокрифа на загадочный Ἀρζαρέθ вызывало попытки объясненія — и вотъ десять израильскихъ колѣнъ принялись искать повсюду: во Фригіи, въ Мидіи до Кавказа, въ Африкѣ, въ горахъ Seloug, наконецъ у баснословной рѣки Самбатіонъ, которую находятъ у Ливана, въ Африкѣ, Курдистанѣ и т. п., либо отожествляютъ съ Гангомъ: шесть дней она течетъ, на седьмой, субботній, ея воды останавливаются [2]). Разсказывали

[1]) Сл. A. Hilgenfeld, Messias Judaeorum (1869), стр. 101 и тамъ-же соотвѣтствующіе эпизоды латинскаго (стр. 176—7), сирійскаго (стр. 256), эѳіопскаго (стр. 316—7) и арабскаго (стр. 372—3) текстовъ. Латинскій текстъ у Fritzsche, Libri apocryphi veteris Testamenti graece (1871), стр. 634—5.

[2]) Neubauer, La géographie du Talmud, p. 33—34, 299, 372, 386; сл. 400 слѣд. О Самбатіонѣ см. Grünbaum, Nachträge zu den Bemerkungen uber die Samaritaner, въ Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellschaft, B. XXIII, стр. 627—630; его-же: Jüdisch-deutsche Chrestomathie (1882), стр. 497—8; Midrasch Bereschit Rabba у Wünsche, l. c., Lief. II, стр. 48.

о десяти колѣнахъ, что они изгнаны за *«горы мрака»*; Guedalia ibn Yahia говоритъ о *«Каспійскихъ горахъ»* [1]), что̀ сближали съ извѣстными подробностями Псевдокаллисѳена C III, 26: Александръ запираетъ за̀ двумя горами, сошедшимися по его молитвѣ, нечистые народы: Гога, Магога и др.; то мѣсто онъ назвалъ *каспійскими воротами*, горы стоятъ ἐν τῷ ἀφανεῖ κόσμῳ. Тотъ же разсказъ повторяется и въ III, 29 (A, C): горы «ὑπερβάλλουσι γὰρ εἰς ὕψος τὰς τοῦ οὐρανοῦ νεφέλας, καὶ οὕτως ἐκτεταμένα εἰσὶ τὰ ὄρη ὡς τείχη δύο ἐκ δεξιῶν καὶ ἐξ εὐωνύμων πρὸς βορρᾶν ἕως τῆς μεγάλης θαλάσσης τῆς ὑπό ἄνσον (sic) καὶ τὸν σκοτεινὸν τόπον». Распространенное въ средніе вѣка отождествленіе нечистыхъ народовъ Александра съ десятью колѣнами израильскими опредѣлило пріуроченіе послѣднихъ за Каспіей [2]) и *«горами мрака»*, гдѣ властвуетъ и царь *Кассіи* талмудической легенды о немъ и объ Александрѣ Великомъ; если, какъ полагаютъ [3]), Cassia (сознательное) искаженіе Caspia, то оно обратило бы насъ еще разъ къ памяти о каспійскихъ горахъ Александріи.

Легенда о царѣ Кассіи, впослѣдствіи примѣненная къ Давиду и Соломону [4]), распространена была въ нѣсколькихъ пересказахъ и въ средніе вѣка извѣстна въ переводахъ съ арабскаго. Въ древнѣйшей редакціи (Bereschit Rabba) ея содержаніе слѣдующее [5]): Александръ пошелъ къ царю Кассіи, за горы мрака; тотъ встрѣтилъ его, неся золотые хлѣбы (кашу?) на золотомъ

---

[1]) Israël Levi, La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch, *Rev. des études Juives* № 13, Juillet-Septembre 1883, p. 86. Сл. Grünbaum, Nachträge, l. c., стр. 629, прим. 1 (колѣна Іюды и Симона *за горами мрака*).

[2]) Сл. библіографическую замѣтку въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ, вып. II, стр. 178—9, прим. 1; Zingerle, l. c., стр. 67, 95, 101, 124. Если Рудольфъ Эмсскій говоритъ объ этихъ Евреяхъ, что они окружены горами и вѣчно *волнующимся песчанымъ моремъ*, то это—образъ рѣки Самбатіонъ и Эпистоліи Пресвитера Іоанна (сл. выше, стр. 219).

[3]) Levi, l. c., стр. 86.

[4]) l. c., стр. 92; сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 97 и прим. 2—3; Bocados de Oro ed. Knust, l. c., p. 296—297: Cay = Cassia.

[5]) Israël Levi, l. c., стр. 84 слѣд.; Wünsche, Bibl. rabbinica IV, стр. 143.

блюдѣ. «Развѣ мнѣ нужны твои богатства?» спросилъ Александръ. «А развѣ тебѣ нечѣмъ было кормиться, что ты пришелъ сюда?» — «Я пришелъ, чтобы посмотрѣть, какъ вы судите». Въ это время явились къ царю два человѣка; одинъ жалуется на другого: «Вотъ онъ продалъ мнѣ поле, а я нашелъ въ немъ кладъ, котораго не имѣлъ въ виду купить». — Отвѣтчикъ: «Я продалъ ему поле со всѣмъ, что въ немъ было». Царь спросилъ одного изъ нихъ: «Есть ли у тебя сынъ?» «Есть». «А нѣтъ ли у тебя дочери?» спрашиваетъ онъ другого. «Есть». «Такъ пожените ихъ, и пусть кладъ будетъ ихъ собственностью», рѣшаетъ царь. Замѣтивъ удивленіе Александра, онъ самъ удивляется: «Развѣ я несправедливо разсудилъ?» «Справедливо». «Какъ бы у васъ рѣшили это дѣло?» «Мы предали бы смерти истца и отвѣтчика, а ихъ достояніе захватили бы». «Идетъ ли у васъ дождь?» «Идетъ». «Свѣтитъ ли солнце?» «Да». «Есть ли у васъ малыя животныя?» «Есть». «Такъ ради нихъ, а не для васъ идетъ дождь и свѣтитъ солнце, ибо сказано: Человѣка и звѣря спасаешь ты, Предвѣчный» [1]).

Въ 1083 году аббатъ Ламбертъ разсказалъ ту же повѣсть какому-то прелату: вмѣсто царя Кассіи является начальникъ брахмановъ Ди(н)димъ, съ которымъ Александръ бесѣдуетъ у Палладія и Псевдокаллисѳена. Содержаніе суда то-же, нѣтъ только предложенія покончить споръ миромъ. Узнавъ отъ Александра, что въ его странѣ природа расточаетъ свои благодѣянія человѣку, Ди(н)димъ замѣчаетъ: Haec quidem dona Creatoris licet alendis ibi pervenirent creaturis, scirent profecto homines tantae injustitiae et cupiditatis illa non suis modo debita meritis, sed in eadem subsistentibus vel volatilibus vel bestiis. Съ этими измѣненіями легенда о судѣ вошла, какъ увидимъ, въ Roman d'Alexandre [2]).

---

[1]) Сл. въ моихъ Разысканіяхъ VIII, стр. 315, прим. 1, болгарскую легенду объ Ильѣ: хлѣбъ оставленъ людямъ не ради нихъ, а — для собаки. Легенда эта встрѣчается и въ другихъ народныхъ пересказахъ.

[2]) I. Lévi. l. c., стр. 92 и 93, прим. 1.

По талмудическимъ повѣрьямъ за «горами мрака» живутъ и Амазонки. Въ Pesikta Rab Kahana Александръ идетъ къ царю Кассіи. за горы мрака, но далѣе — царь забытъ, и говорится о городѣ Карѳагенѣ, населенномъ женщинами, которыя увѣщаютъ завоевателя, что ему одинаково не будетъ почета, побѣдитъ ли онъ ихъ или будетъ ими побѣжденъ. Александръ удаляется, смущенный мудростью женщинъ, идетъ въ городъ, который зовется *Африкой*, — и здѣсь-то ему подносятъ золотые яблоки, гранаты и хлѣбы, какъ выше въ разсказѣ о царѣ Кассіи. Развѣ у васъ ѣдятъ золото? спрашиваетъ Александръ. — Развѣ у васъ не то-же, что ты къ намъ явился? — Я пришелъ не для вашего богатства, а чтобъ узнать ваше правосудіе — и онъ знакомится съ нимъ въ слѣдующемъ далѣе разбирательствѣ въ присутствіи царя [1]). — Въ Вавилонскомъ Талмудѣ (Thamid 31 b) Александръ бесѣдуетъ на своемъ пути къ югу съ мудрецами (десять вопросовъ) и спрашиваетъ, какимъ образомъ ему проникнуть въ *Африку*. Тѣ отвѣчаютъ, что онъ будетъ остановленъ «горами мрака», и совѣтуютъ взять съ собою ливійскихъ мулицъ, привычныхъ къ темнотѣ. — Съ эпизодомъ о мулицахъ мы уже встрѣтились у Псевдокаллисѳена C (сл. выше, стр. 221) [2]). —

---

[1]) I. Lévi, l. c., p. 89; то-же у Wünsche, Bibl. rabbin. XXX Lief., p. 93—4 (Pesikta des Rab Kahana) и XXII, p. 184 (Midrasch Wajikra Rabba). Сл. разсказъ изъ Ваикра Раба у Оршанскаго, Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, въ Сборникѣ статей по еврейской исторіи и литературѣ, кн. I, вып. 1, стр. 12—14; Bocados de Oro, ed. Knust, l. c., p. 315 и прим. a.

[2]) Эпизодъ о мулицахъ или кобылахъ, характерный для Псевдокаллисоена и его отраженій, встрѣчается и отдѣльно въ связи съ «страною мрака». Марко Поло помѣщаетъ её въ Сибири: её посѣщаютъ Татары ради добычи, ѣдутъ на кобылахъ, жеребятъ которыхъ оставляютъ у входа въ область вѣчной тьмы, и выбираются изъ нея лишь благодаря инстинкту кобылъ, чующихъ жеребятъ издали. Подобную легенду разсказываетъ Rashiduddin о походѣ на сѣверъ, въ *страну мрака* (Karâ Hulun), миѳическаго прародителя Турковъ и Татаръ, Ughuz'а: онъ велѣлъ *оставить на пути всѣхъ стариковъ*, но одинъ изъ нихъ, мудрый Bushi Khwaja, убѣдилъ своего сына взять его съ собою — въ сундукѣ, ибо предвидѣлъ, что его совѣтъ пригодится. Совѣтъ — уже извѣстный намъ изъ Псевдокаллисоена (сл. Yule, The book of ser Marco Polo, v. II, стр. 414—415). Въ румынской сказкѣ у Шоттовъ (Walachische Märchen стр. 12—13) разсказывается про страну, гдѣ существовалъ обычай

Слѣдуетъ разсказъ о царствѣ женщинъ, также стыдящихъ завоевателя и подносящихъ ему золотой хлѣбъ, вмѣсто обыкновеннаго, котораго онъ просилъ: «Еслибы ты хотѣлъ обыкновеннаго, тебѣ слѣдовало-бы оставаться въ твоей странѣ!». Далѣе Александръ приходитъ къ благоуханному источнику, въ которомъ оживаютъ опущенныя въ него соленыя рыбы (= Pseudocall. C: сл. выше, стр. 221); омывши его водою свое лицо, онъ доходитъ вверхъ по его теченію до вратъ Эдема, гдѣ ему подаютъ черепъ (камень?), символъ ненасытнаго человѣческаго глаза: положенный на вѣсы онъ перевѣсилъ всѣ несмѣтныя царскія сокровища (сл. выше, стр. 277—9). Къ этому эпизоду примыкаетъ, за горами мрака, извѣстный уже намъ судъ у Африканскаго царя [1].

Съ этой версіей Вавилонскаго Талмуда интересно сличить французскій романъ объ Александрѣ (ed. Michelant, p. 493 слѣд.), въ эпизодѣ, который мы отнесли (сл. выше, стр. 277—8. прим. 1) къ своеобразнымъ пересказамъ легенды о «хожденіи къ земному раю». Александръ ищетъ прѣсной воды для своего войска; какой-то крестьянинъ указываетъ ему на рѣку, окружающую гору, на которой высится городъ, обведенный стѣною.

убивать стариковъ; одинъ юноша пожалѣлъ своего отца и спряталъ его въ погребѣ въ пустой бочкѣ. Ту страну опустошало чудовище, гнѣздившееся въ *темной пещерѣ* съ такимъ множествомъ ходовъ, что изъ нея невозможно было выбраться, еслибъ и удалось убить чудовище. Когда жители отправились противъ него, старикъ совѣтуетъ сыну взять *кобылу съ жеребенкомъ*, жеребенка убить и закопать у входа въ пещеру, а кобылу вести съ собою. Бой былъ удачный, но побѣдители потерялись-бы въ темномъ лабиринтѣ, еслибъ кобыла не принялась ржать, ища жеребенка, и не указала-бы пути къ мѣсту, гдѣ онъ былъ закопанъ. — Gaster, Liter. pop. rom. стр. 29 указалъ на отношеніе этой сказки къ соотвѣтствующему эпизоду Псевдокаллисеена. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся на стр. 271 прим. 1: въ строкѣ 8-й ссылка на стр. 28—9 имѣетъ ввиду указанную книгу Гастера; въ строкѣ 9 чит.: служительницы вм. служители; въ строкѣ 11 указаніе на Шоттовъ должно быть уничтожено. Сл. Gaster, l. c.

[1]) Neubauer, l. c., p. 403—4; Donath, l. c., стр. 26—9; Ehrmann, Aus Palästina und Babylon, p. 27—31, № 23; Giuseppe Levi, Parabole, leggende e pensieri, raccolti dai libri talmudici, p. 218—222; Isr. Lévy, La légende d'Alexandre dans le Talmud, въ *Rev. des études juives*, t. I, p. 294—5, 297, 298; Оршанскій, l. c., стр. 8—11.

Вода той рѣки такова, что отъ нея безопасно могутъ отвѣдать лишь люди не знающіе стяжанія, жадности и предательства; названіе этой «священной» рѣки — «Мудрость» (Sapience), она служитъ обороной городу, котораго не взять и Александру; тамъ властвуетъ мудрый Gimel, замѣнившій въ слѣдующемъ далѣе судѣ — талмудическаго царя Кассіи. Онъ предлагаетъ Александру рѣшить извѣстный намъ споръ о кладѣ, и когда тотъ говоритъ, что завладѣлъ бы имъ самъ, еслибъ дѣло было предоставлено его рѣшенію, гнѣвно порицаетъ его: «той воды тебѣ не отвѣдать!». И въ самомъ дѣлѣ изъ свѣтлой и прозрачной она стала красной и ядовитой. Александръ принужденъ увести свое войско и первая его встрѣча — камень съ лежащимъ на немъ человѣческимъ глазомъ.

Африку Талмуда, съ ея горами мрака, искали въ Африкѣ и на Кавказѣ (Africa = Iberica), Кассію сближали съ страной Киссіевъ (Κίσσιοι), съ Кавказомъ, съ Casium въ Египтѣ, съ Kisnia'ей въ горахъ Тавра [1]) и Каспійскими вратами, куда Guedalia ibn Yahia помѣстилъ, какъ мы видѣли, и десять исчезнувшихъ израильскихъ колѣнъ, — тогда какъ Eldad ben Mahli, авантюристъ IX вѣка (около 880 и до 890 г.) говорилъ о пребываніи четырехъ изъ нихъ (колѣна Дана, Нафтали, Гадъ и Ашеръ) въ *Эѳіопіи* и *южной Аравіи* (Kusch, Chavila): они ведутъ кочевую жизнь, но умѣютъ владѣть и оружіемъ, чтобъ отражать нападенія язычниковъ; знаютъ Библію, не зная Талмуда и Мишны и постояннаго календаря. О колѣнѣ Дана Элдадъ разсказывалъ, что оно выселилось въ Эѳіопію до раздѣла царства при Ровоамѣ и Іеровоамѣ, дабы не принять участія въ братоубійственной распрѣ между Іудой и Израилемъ; впослѣдствіи, послѣ ассирійскаго завоеванія и паденія Самаріи, къ нимъ присоединились и три другія колѣна. На ихъ границѣ, по ту сторону рѣки Саббатіонъ или Самбатіонъ, живутъ Bene Mosche, то-есть, сыновья Моисея: потомки тѣхъ Левитовъ, которые повѣсили свои гусли

---

[1]) Isr. Lévy, l. c. (1883 г.) p. 85—87 и прим. 2 на стр. 85.

на ивахъ Евфрата и не захотѣли пѣть Сіонскія пѣсни на неосвѣщенной землѣ. Когда Халдеи принуждали ихъ къ тому, они откусили себѣ пальцы; тогда облако подняло ихъ на высоту и перенесло въ страну Chavila. Рѣка окружила селеніе любимцевъ Божіихъ, въ защиту отъ враговъ, но въ ней не текла вода, а съ страшною быстротой и шумомъ катился песокъ и камни. Это и есть Самбатіонъ, текущій въ продолженіе шести дней, въ субботу-же покоящійся и окутанный густымъ туманомъ: никто не можетъ переправиться черезъ рѣку, почему остальныя колѣна сносятся съ Bene Mosche лишь издали, не имѣя возможности вступить въ ихъ страну, въ которой водятся лишь чистыя животныя [1]).

Въ пересказѣ Псевдокаллисѳена у Іосиппона II. 10 (ed. Gagnier, стр. 71—72) сынамъ Моисея отвѣчаютъ рехавиты. Александръ достигъ «горъ мрака», гдѣ солнце не свѣтитъ, и хотѣлъ дойдти до сыновей Іонадава, сына Рехавова, и до колѣнъ, обитающихъ за горами мрака. Съ избранными воинами онъ идетъ въ темнотѣ, взявъ съ собою ослицу, жеребенка которой оставилъ у входа въ то мѣсто. — Это эпизодъ о ливійскихъ мулицахъ въ приведенной выше талмудической легендѣ.—Птицы съ человѣкоподобными лицами говорятъ Александру, что ему не вступить

---

[1]) Graetz. Geschichte der Juden. V. B. стр. 288—94 и прим. 19; см. русскій переводъ СПБ. 1883, стр. 225—30 и прим. 19; Carmoly. Relation d'Eldad le Danite. Paris. 1838, даетъ нѣсколько иной текстъ сказанія, отличающійся отъ пересказа Гретца. См. Гаркави. Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и т. д., стр. 11 слѣд. — Разсказъ Эльдада о колѣнѣ Дана въ Эфіопіи и о Bene-Mosche подтверждается, въ извѣстной мѣрѣ, свѣдѣніями о современныхъ абиссинскихъ Falascha, исповѣдующихъ еврейство. Они по преимуществу земледѣльцы, но знакомы и съ ремеслами и нерѣдко поступаютъ добровольно въ абиссинское войско. Точно исполняя правила очищенія и соблюдая субботній день строже другихъ евреевъ, они не придаютъ большого значенія праздникамъ и жертвоприношеніямъ и не имѣютъ никакого понятія ни о Мессіи, ни о Талмудѣ. Ихъ этническое названіе *Falasch* означаетъ: пришельцы; другіе *Кайла* = *не переходъ*, т. е. черезъ рѣку, чего они никогда не дѣлаютъ въ субботній день: не положеніе — или источникъ повѣрья о рѣкѣ Саббатіонѣ? См. Richard Andree. Zur Volkskunde der Juden. Bielefeld und Leipzig. 1881. стр. 81—88.

въ землю рабовъ Божіихъ, на острова, въ которыхъ обитаютъ Божіе святые, сѣмя Авраамово. Пусть идетъ на Пора индѣйскаго, котораго побѣдитъ. — Вернувшись вспять, Александръ ставитъ у входа памятникъ, на которомъ въ надписи изображаетъ все видѣнное имъ.

Рехавиты (Ῥαχαβείν, Ἀρχαβείν, Ἀλχαβείν) являются въ Библіи типомъ *праведниковъ:* Іеремія, 35, ставитъ въ примѣръ Іудейскому народу послушаніе, съ которымъ они исполняли завѣтъ отца своего Іонадава: «Не пейте вина, ни вы, ни дѣти ваши, во вѣки. И домовъ не стройте, и сѣменъ не сѣйте, и виноградниковъ не разводите, и не имѣйте ихъ, но живите въ шатрахъ во всѣ дни жизни вашей, чтобы вамъ долго прожить на той землѣ, гдѣ вы странниками». И Іеремія говоритъ имъ: «За то, что вы послушались завѣщанія Іонадава, отца вашего, и храните всѣ заповѣди его, поступаете, какъ онъ завѣщалъ вамъ, за то такъ говоритъ Господь Саваоѳъ Богъ Израилевъ: не отнимется у Іонадава, сына Рехавова, мужъ, предстоящій предъ лицемъ моимъ во всѣ дни».

Потомками этого Іонадава представлялись въ IV вѣкѣ (Нилъ † около 430 г.) Ессеи, кенитскій народецъ, жившій на западъ отъ Мертваго моря и сохранившій чистыя преданія древняго Моисеева закона лишь въ слабой связи съ Іерусалимскимъ храмомъ [1]). Филонъ. сравнивающій Ессеевъ съ гимнософистами, говоритъ, что они живутъ въ деревняхъ, занимаясь земледѣліемъ и мирными ремеслами, ἀχρήματοι καὶ ἀκτήμονες, не ведя торговли. не выдѣлывая оружія и не зная рабства. соблюдая «τὴν παρ' ὅλον τὸν βίον συνεχῆ καὶ ἐπάλληλον ἁγνείαν» и воздерживаясь отъ клятвы. Прославляя ихъ добродѣтельное житіе, Филонъ особливо указываетъ на τὴν παντὸς λόγου κρείττονα κοινωνίαν: они живутъ общиной; заработокъ каждаго отдѣльнаго лица шелъ на общую пользу; нигдѣ, какъ у нихъ. не выразился идеалъ коммунисти-

[1]) Это сближеніе поддерживаетъ нынѣ Hilgenfeld. Die Ketzergeschichte des Urchristenthums. Lpz. 1884. стр. 87 слѣд., книгой которою я и пользуюсь далѣе.

ческаго патріархальнаго строя: τὸ ὁμωρόφιον ἢ ὁμοδίαιτον ἢ ὁμοτράπεζον. — Въ псевдофилоновской ὑπὲρ Ἰουδαίων ἀπολογία вся эта характеристика является съ чертами христіанскаго шаржа, обращающаго воздержность Ессеевъ въ принципіальное воздержаніе отъ брака, о которомъ говоритъ и Іосифъ Флавій, замѣчая впрочемъ (Bell. iudaic. II, 8, 13): ἔστι δὲ καὶ ἕτερον Ἐσσηνῶν τάγμα, δίαιταν μὲν καὶ ἔθη καὶ νόμιμα τοῖς ἄλλοις ὁμοφρονοῦν, διεστὸς δὲ τῇ κατὰ γάμον δόξῃ. μέγιστον γὰρ ἀποκόπτειν οἴονται τοῦ βίου μέρος, τὴν διαδοχήν, τοὺς μὴ γαμοῦντες, μᾶλλον δέ, εἰ πάντες τὸ αὐτὸ φρονήσειαν, ἐκλιπεῖν ἅπαν τὸ γένος τάχιστα. δοκιμάζοντες μέντοι τριετίᾳ τὰς γαμετάς, ἐπὰν τρὶς καθαρθῶσιν εἰς πεῖραν τοῦ δυνᾶσθαι τίκτειν, οὕτως ἄγωνται. Какъ особенности Ессеевъ Іосифъ отмѣчаетъ: бѣлыя одежды, воздержаніе отъ умащенія елеемъ, любовь къ правдѣ и преслѣдованіе всякой лжи, соблюденіе субботы и субботняго покоя еще болѣе строгое, чѣмъ у остальныхъ Евреевъ; смертную казнь, постигавшую всякаго хулителя Моисея. — У Плинія, Hist. Nat. V, 17 (15) Ессеи живутъ на западъ отъ Мертваго моря, «gens sola et in toto orbe praeter ceteras mira, sine ulla femina, omni venere abdicata, sine pecunia, socia palmarum. in diem ex aequo convenarum turba renascitur, large frequentantibus, quos vita fessos ad mores eorum fortunae fluctibus agitat. Ita per seculorum millia (incredibile dictu) gens aeterna est, in qua nemo nascitur. tam fecunda illis aliorum vitae poenitentia est». — Выше было сказано, что Нилъ видѣлъ въ нихъ потомковъ Іонадава, De monastica exercitatione c. 3: Ἰουδαίων δὲ ὅσοι τοῦτον ἐπίμησαν τὸν βίον εἰσὶ μὲν τοῦ Ἰωναδὰβ ἀπόγονοι, πάντας δὲ τοὺς ὡσαύτως βιοῦν ἐθέλοντας προσιέμενοι εἰς τὴν αὐτὴν ἐνάγουσι πολιτείαν ἐν σκηναῖς κατοικοῦντες διὰ παντὸς οἴνου τε καὶ πάντων τῶν πρὸς τὸ ἁβροδίαιτον ἀπεχόμενοι καὶ δίαιταν ἔχοντες εὐτελῆ καὶ τῇ χρείᾳ συμμετρημένην τοῦ σώματος. σφόδρα μὲν οὖν ἐπιμελοῦνται τῆς ἠθικῆς ἕξεως, τῇ θεωρίᾳ δὲ τὰ πολλὰ παραμένουσιν, ὅθεν καὶ Ἰεσσαῖοι καλοῦνται, αὐτοὺς λογίους δηλοῦντος τοῦ ὀνόματος. Καὶ ἁπλῶς ἐστὶ αὐτοῖς πάντοθεν κατωρθωμένος ὁ τῆς

φιλοσοφίας σκοπός, οὐδαμοῦ τῶν πραγμάτων διαμαχομένων τῷ ἐπαγγέλματι. Сл. De voluntaria paupertate ad Magnam c. 39: Καὶ Ἰουδαίων μέν τινες μὴ ἀπαιτούμενοι ἀκτημοσύνην παρὰ τοῦ νόμου ἑκουσίως ταύτην ἠσπάσαντο, ἀμερίμνως τὸ θεῖον θρησκεύειν βουλόμενοι ἐν σκηναῖς κατοικήσαντες καὶ παντὸς ἀποσχόμενοι τοῦ περισπᾶν τῶν κρειττόνων δυναμένου τὸν νοῦν, ὥς φασιν αὐτοὶ τοῖς ἐπερωτῶσιν ἐκείνους καὶ μαθεῖν τὴν καινίζουσαν σπουδάζουσιν ἀγωγὴν τοῦ βίου· «Ἀμπελὼν καὶ ἀγρὸς καὶ οἶκος οὐκ ἐγένετο ἡμῖν» (Ier. 35, 9), τὴν ἐπιμέλειαν τούτων εἰδότες ἐμποδίζειν τῇ πρὸς τὴν εὐσέβειαν ἐργασίᾳ.

Преслѣдуя свое сближеніе Ессеевъ съ Рехавитами Hilgenfeld возводитъ начало первыхъ къ древней порѣ, до сооруженія Іерусалимскаго храма. Когда впослѣдствіи онъ уже сталъ центромъ еврейскаго культа, Ессеи продолжали сохранять своихъ собственныхъ священниковъ и свои обряды. Ихъ представителемъ явился Іонадавъ, принявшій около 884 года до Р. Х. участіе въ сверженіи царскаго дома, оказавшагося невѣрнымъ заповѣдямъ Іеговы (2 Цар. 10, 15, 23 слѣд.). Заповѣдуя своему роду воздерживаться отъ вина, не строить домовъ, не устроять полей и виноградниковъ и жить въ шатрахъ, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать паденію нравовъ и распущенности жизни, водворившихся въ Палестинѣ, преимущественно въ городахъ, подъ вліяніемъ финикійской царевны, вступившей въ царскій домъ. Когда въ 558 году Навуходоносоръ шелъ на Іерусалимъ, бѣглые Ессеи-Рехавиты могли искать защиты въ городѣ, и здѣсь-то видѣлъ ихъ Іеремія. И позже они являются въ Іерусалимѣ, но большинство оставалось на старыхъ мѣстахъ, въ прежнемъ патріархально-общинномъ быту, подвергавшемся вѣяніямъ времени. Воздержаніе Ессеевъ отъ брака, о которомъ говоритъ Іосифъ Флавій, незнакомое древнимъ Ессеямъ, могло водвориться у нихъ впослѣдствіи, съ появленіемъ людей, искавшихъ уединенія отъ міра въ тишинѣ деревенской религіозной коммуны.

Въ XII вѣкѣ Веніаминъ Тудельскій помѣщаетъ Рехавитовъ къ сѣверу отъ пустыннаго Senaar'а. Ихъ страна, простираю-

щаяся на 15 дней пути, лежитъ между горами сѣвера; въ ней много хорошихъ, укрѣпленныхъ городовъ; жители занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, отдавая десятину своимъ духовнымъ руководителямъ, постоянно преданнымъ наукѣ и проповѣди, оплакивающимъ Сіонъ и Іерусалимъ, пребывая въ пещерахъ и хижинахъ, ходя въ лохмотьяхъ, воздерживаясь отъ вина и мяса и прерывая постъ лишь въ субботніе дни. Веніаминъ перечисляетъ ихъ города (Théma или Thenai, Télimaas или Tilmaas, Chabar), прибавляя, что, по преданію, они построены были колѣнами Рувима, Гада и полу-колѣномъ Манассіи, высланными сюда Салманассаромъ, царемъ Ассирійскимъ. Отъ Chabar'а начинается — Индія (Voyage de Benjamin, fils de Jonas, у Bergeron, Voyages, t. I, p. 41—42).

Этихъ-то праведныхъ потомковъ Рехава помѣщаетъ за горы мрака легенда у Іосиппона, и тамъ-то посѣтилъ ихъ, по старославянскому хожденію, пустынникъ Зосима; но то, что̀ онъ разсказываетъ о нихъ, объ ихъ чудесномъ выселеніи, облачной рѣкѣ, незнаніи лѣтосчисленія и т. п., воспроизводитъ извѣстныя намъ очертанія легенды о «сынахъ Моисея».

Хожденіе Зосимы напечатано профессоромъ Тихонравовымъ по двумъ спискамъ; въ древнѣйшемъ (XIV вѣка) недостаетъ, къ сожалѣнію, въ срединѣ трехъ листовъ. и вообще есть пропуски, восполняемые второю рукописью.

Зосима живетъ въ пустынѣ, постясь и молясь Богу, «дабы видилъ жи́знь бе҃ственыхъ чл҃вкъ». Ангелъ вѣщаетъ ему, что его молитва услышана, «ıако ити имаши ко бл҃жнымъ, нъ не пребуди с ними, ни да възнесетсѧ ср҃це твоѥ, рекыи тако .м҃. дн҃ии хлѣба не въкуси, слово бж҃ѥ выше хлѣба ѥсть и дх҃ъ ст҃ыи выше вина ѥсть». Сорокъ дней идетъ Зосима пустыней; верблюдъ, преклонивъ передъ нимъ колѣна, принимаетъ его на себя, несетъ дальше и кладетъ «на мѣстѣ страшнѣ. и бѧше ту множество звѣрии лютыхъ рыкающи. и видивъ ср҃ть и оубоıахсѧ и мл҃тву сотворихъ къ бг҃у. И бы҃ на мѣстѣ томъ трусъ великъ со гл҃мъ и възвеıа бурѧ велика и взѧтъ мѧ ѿ землѧ и вземши мѧ на крило своѥ

и несе мѧ; и бѣхъ молѧи ба҃ во вѣтрѣ томъ и не вѣдахъ камо идѧ, и постави мѧ на мѣстѣ рекы именемъ коумыꙗ (нов. ркп. Еѵмеаси, Еѵмелии) и сию хотѧхъ преити. И възпи река глющи: Зосимо, чл҃вче бж҃и, не можеше проити сквозѣ мѧ, немощьно бо чл҃вку проити водъ моихъ, нъ виже воды до нбсе. И азъ возрѣвъ и видѣхъ стену облачну ѿ землѧ до нбси и рѣ ми облакъ: «Зосима, чл҃вче бж҃и, сквозѣ мѧ не проходить ни птица ѿ мира сего, ни духъ вѣтренъ ни слнце ни превабитель дьꙗволъ; ѿ сукетного мира никто же можеть проити сквозѣ мѧ». Это — «горы мрака» талмудическихъ преданій, непроглядное облако, окутавшее рѣку Самбатіонъ. По молитвѣ Зосимы два дерева выростаютъ по обѣ стороны рѣки, наклоняются другъ къ другу и даютъ возможность путнику перебраться на тотъ берегъ: «мѣсто то исполнено вонѧ добры, ни холма, нъ бѧше землѧ равна чвѣты вѣнцана и оукрашена». Зосима встрѣчаетъ нагого, сидящаго мужа, который видитъ въ немъ человѣка божія — иначе ему не перейдти бы черезъ рѣку и облако [1]), — и говоритъ ему: «Азъ единъ отъ блаженыхъ человѣкъ; поиди, брате, да тя веду ко старцемъ нашимъ». Увидя пришельца «отъ суетнаго мира», старцы хотятъ помолиться Господу Богу, «да явитъ намъ таину сию, цы уже будетъ кончина приспѣла». Ангелы спускаются съ неба и говорятъ, что Зосима посланъ къ нимъ Богомъ, чтобы пробыть съ ними семь дней и исписать ихъ «житіе». Зосиму поручаютъ слугѣ, «и веде мя въ хижю свою и бѣховѣ подъ древомъ пребывая отъ 6-го часа до 9-го. Тогда вкушаховѣ, исхожаше вода отъ кореина древу, слажьшее меду, пияховѣ дондеж насыщахомся, и пакы возвращашеся вода въ мѣсто свое». Услышавъ о прибытіи Зосимы, многіе начинаютъ приходить, чтобы посмотрѣть на него и разспросить его; желая отдохнуть, онъ проситъ «человѣка божія» говорить приходящимъ, что его, Зосимы, нѣтъ. Это приглашеніе ко лжи возмущаетъ старцевъ, они велятъ Зо-

---

[1]) Отсюда начинается пропускъ въ ркп. XIV вѣка; дальнѣйшее разсказано по новому списку.

симѣ удалиться отъ нихъ, но склоняются къ его слезной просьбѣ и даютъ ему, начертанное на доскахъ, житіе свое.

«Услышите, услышите, сынове человѣчьстии, человѣкъ нашихъ житие, нарицаемыхъ блаженыхъ, яко отъ тѣхъ же есмы блаженыхъ человѣкъ, но егда проповѣдаяше Еремѣа пророкъ, яко градъ нашь преданъ будетъ въ руцѣ иноплеменникъ, и сверже с себе ризы своя и облече в сякно тѣло свое и посыпа пепеломъ главу свою и перстью посыпа одръ свои и заповѣда людемъ, да възвратятся отъ дѣлъ своихъ безаконыхъ,—услышав и то отецъ нашь Рехомъ (далѣе Рехамъ), сынъ сыновъ Адамль, и рече къ намъ: «Слушайте, сынове и дщери, Рехома, отца вашего: съвлецѣте ризы съ тѣлъ вашихъ; хлѣба отъ огня да не ясте и вина ни олу не пиите и меду да не вкуси[те], донелѣж услышитъ Господь молитву нашу». Они послушались, ихъ постъ и молитва отвратили гнѣвъ Господень отъ Іерусалима. «Потомъ-же умре царь града Иерусалима и бысть царь инъ. Собрашажеся людие къ нему и повѣдаша о насъ и рѣша: Суть, царю, здѣ людие твои, съ женами не смѣшаются». Призванные царемъ они ссылаются на завѣтъ Рехома, который не хотятъ преступить, почему и ввержены въ темницу. Ночью ангелы, раскрывъ верхъ темницы, выносятъ ихъ за волосы «на облакы и принесе ны къ рѣцѣ. И рѣша къ намъ ангели: Аможе идеть вода, идѣте и вы. — И идохомъ су ангелы. Тогда приведоша ны на землю сию, и тогда погыбе вода рѣкы сея и разсѣдеся мѣсто то, взиде вода отъ бездны и огради землю сию. И прииде облакъ и ста отъ воды до небеси, и тако разсѣя ны Господь по всей земли сеи и предалъ ны ес жизнь мѣста сего».

Далѣе блаженные говорятъ уже о своемъ житіи: они безъ грѣха, хотя и не безсмертны; питаются земными плодами и водой отъ корня дерева, сладчайшей меду: то ихъ брашно и пиво[1]); молятся денно и нощно; нѣтъ у насъ ни винограда «ни съсуда желѣзна, ни дому, ни житиꙗ, ни огнѧ, ни ножа, ни иного желѣза

[1]) Отсюда снова начинается древній текстъ, который и приводимъ.

на дѣло, ни сребра, ни злата, ни тꙗжка ни легока оу насъ николиже. А иже поимаѥть жену собѣ, дондеже будета оу нею двѣ чадѣ, и по двою дѣтеи разлучаѥтсꙗ.другъ ѿ друга и пребываста оба въ чтотѣ не вѣдущи была ли коли въ сокупленьи, но ꙗкоже исперьва чтоту хранꙗщи, и ѥдинъ ѥю сочтаѥтся или жену или мужь, а другоѥ пребываѥть. И нѣ оу на числа лѣмъ ни годомь ни мцемь ни денемь, нъ ꙗкоже ѥдинь днь тако вси суть. В пещерахъ же нашихъ лежать листвиѥ плоско велико нетлѣнно древаноѥ, на томъ почиваѥмъ подъ древесы; и ѥсмы нази ꙗкоже вы гле и имѣѥмъ одежю правѣдну, не стымся другъ друга. Въ .г. ча вкушаѥмъ по всꙗ дни, исходить бо плодъ въ .г. ча и ꙗмы и пиѥмъ ѿ него дондеже насыщесꙗ».

Сравненіе обоихъ текстовъ г. Тихонравова указываетъ въ этомъ мѣстѣ еще на большой пропускъ въ древнѣйшемъ изъ нихъ, не показанный въ рукописи. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пропускомъ, а не съ позднѣйшею вставкой новаго списка, показываетъ сличеніе: *блаженные говорятъ, что ангелы вѣщаютъ имъ о дѣлахъ людей, и что они молятся о нихъ; что постомъ деревья перестаютъ приносить плоды, взамѣнъ ихъ падаетъ съ неба манна, а въ день Воскресенія Христова деревья снова даютъ плодъ: такъ они узнаютъ смѣну временъ года. Время своей смерти они провидятъ и подробно говорятъ о ней: Господь приемлетъ души блаженныхъ, ангелы поютъ на небесахъ, и мы слышимъ ихъ.* Здѣсь снова вступаетъ древній текстъ: «Мы поѥмъ. англі слышатъ гла нашь на нбхъ, и тако межи нами и англы восходять слава пѣнию. И егда дша поклонитсꙗ Гви, тъгда падемь ниць. ѥгда же въздвигнеть ю, тъгда (рки. егда) и мы востанемъ ѿ земꙗ. ѥгда дша поидеть на мѣсто покоꙗ. тъгда мы ходꙗще въ цркві сконцаѥ млтва Гу Бу».

Принявъ отъ старцевъ ихъ «житіе», Зосима идетъ назадъ: снова преклонились передъ нимъ деревья и верблюдъ понесъ святого, который, вернувшись въ свою пещеру, побѣдоносно выдерживаетъ нападеніе дьявола.

Таково Хожденіе Зосимы къ блаженнымъ *Рахманъ*. Въ древ-

немъ текстѣ они не названы: позднѣйшій говоритъ въ надписаніи статьи о хожденіи Зосимы «в Рахманы»; въ другихъ спискахъ: «О Рахманѣхъ Зосимохожденіе». Это сближеніе библейскихъ Рахавитъ съ Рахманами (какъ въ разсказѣ Ламберта замѣна царя Кассія Дандаміемъ), принадлежавшее, несомнѣнно, подлиннику Хожденія, выражаюсь всего ярче въ изображеніи быта блаженныхъ людей, указывая лишь на вліяніе Псевдокаллисѳена и Брахмановъ Палладія. Библейскіе Рехавиты воздерживаются отъ вина; блаженные Зосимы — отъ вина и елея: cf. Pseud.-Call. AVB III, c. 6 = C. II, за 37 главой: Александръ предлагаетъ [illegible] брахманамъ. Дандаміе, [illegible] [illegible] Дандамій отъ всего отказывается, беретъ [illegible] елей — [illegible] лишь затѣмъ, чтобы [illegible] въ присутствіи Александра [illegible]. [illegible] что и Рехавиты [illegible] отъ вина и [illegible] — [illegible] [illegible] женъ. Въ X [illegible]

[illegible]

вательности, въ редакціи AB, за разсказомъ о пораженіи Пора; съ Амазонками Александръ списывается лишь послѣ ряда другихъ приключеній, посѣтивъ, между прочимъ, царство Кандаки, властительницы Мероэ; между тѣмъ, въ посланіи, которымъ онъ извѣщалъ ихъ о своемъ прибытіи (Pseudocall. III, c. 25), онъ говоритъ, что побѣдилъ Дарія, индійскихъ вождей, посѣтилъ брахмановъ — и теперь хочетъ взыскать ихъ. Гдѣ представлялъ себѣ редакторъ A жилище Амазонокъ? Въ посланіи къ Олимпіадѣ III 27 (= Val.) Александръ приходитъ къ нимъ отъ статуй Иракла, среди непроглядной тьмы; такъ и въ Hist. de prel. краткой редакціи[1]: «movimus inde (отъ статуй Иракла) et ingressi sumus desertum, invenimus loca frigida atque obscura, ut paene non agnosceremus nos». Въ томъ-же текстѣ пространнаго типа (Zing. стр. 214—216) путь Александра такой: Оксидраки-*гимнософисты* — статуи Иракла и — *Амазонки* (mulieres.... neque viri erant inter eas). Наконецъ и въ Pseudocall. C, III, 26 Амазонки помѣщены въ сосѣдствѣ съ страной мрака и горами, за которыми заключены нечистые народы.

Возвратимся къ нашему Хожденію. Его Рехавиты-Рахманы не только напоминаютъ Бене-Моше Эльдада, но по легендѣ и тожественны съ ними: то-же выселеніе изъ Іерусалима, чтобы не поступиться своимъ обѣтомъ или убѣжденіемъ; однихъ выноситъ облако, другихъ ангелъ; тамъ и здѣсь чудесная рѣка, окутанная облакомъ-туманомъ; кочевая жизнь и отсутствіе жилищъ; Рехавиты не знаютъ счета времени, Бене-Моше — календаря. Разница лишь въ историческомъ пріуроченіи, не выходящемъ изъ области библейскихъ воспоминаній.

Съ другой стороны, Рехавитовъ-Рахмановъ Зосимы нельзя отдѣлить отъ потомковъ Рехава, за «горами мрака», въ разсказѣ

[1]) Лишь при корректурѣ этой главы я могъ воспользоваться древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ текстовъ краткой рецензіи Hist. de preliis, изданной Ландграфомъ. Сл. Die Vita Alexandri Magni des Archipresbyters Leo (Historia de preliis). Nach der Bamberger und ältesten Münchener Hs. hrsg. von Dr. G. Landgraf (Erlangen 1885). Сл. p. 130.

Іосиппона; и какъ послѣдніе вдвинуты въ географію Александріи, такъ и блаженные Зосимы вторгаются въ нее чертами, напоминающими брахмановъ Псевдокаллисѳена и Палладія.

Гдѣ представить себѣ рехавитовъ-рахмановъ Хожденія — на это отвѣтить тѣмъ труднѣе, что мы колеблемся, къ какому изъ извѣстныхъ церковному преданію святыхъ Зосимъ прислонить ихъ апокрифическаго соименника. Можно выбирать между Зосимой Киликійцемъ, епископомъ Каира-Вавилона и впослѣдствіи синайскимъ отшельникомъ [1]), и Зосимой житія св. Маріи Египетской. Онъ жилъ въ одномъ изъ палестинскихъ монастырей и отличался такою святостью жизни, что Господь удостоивалъ его своими откровеніями. Но у него явилось самомнѣніе: Ἆρά γε ἔστιν ἐν τῇ γῇ μοναχὸς, ὁ δυνάμενος ξένον τι παραδοῦναί μοι, ἢ ὠφελῆσαί με ἰσχύων, ὅπερ οὐκ οἶδα, οὐδὲ πέπραχα, εἶδος ἀσκήσεως; ἆρα εὑρίσκεται τῶν ἐν ἐρήμῳ φιλοσοφούντων ἀνὴρ ὃς κατὰ πρᾶξιν ἢ θεωρίαν πρωτεύει μου; Ταῦτα δὲ λογιζομένου τοῦ γέροντος, ἐφίσταταί τις αὐτῷ καὶ φησι πρὸς αὐτόν· Ὦ Ζωσιμᾶ, καλῶς μὲν καὶ ὡς ἦν δυνατὸν ἀνθρώπῳ ἠγώνισαι, καλῶς δὲ καὶ τὸν ἀσκητικὸν δρόμον διήνυσας· πλὴν οὐδεὶς τῶν ἐν ἀνθρώποις ἐστὶν ἔχων τὸ τέλειον, ἀλλὰ μείζων ἐστὶν ὁ ἀγὼν ὁ προκείμενος τοῦ παρῳχηκότος ἤδη, κἂν ὑμεῖς οὐ γινώσκετε. Ἵνα γνῷς καὶ αὐτὸς οὖν, πόσαι εἰσὶ καὶ ἄλλαι πρὸς σωτηρίαν ὁδοὶ, ἔξελθε ἐκ τῆς γῆς συγγενείας σου, καὶ ἐκ τοῦ οἴκου τοῦ πατρὸς, καθάπερ Ἀβραὰμ ἐκεῖνος ὁ ἐν πατριάρχαις αἰδέσιμος (Gen. XII), καὶ δεῦρο εἰς τόδε τὸ μοναστήριον, τὸ πλησίον Ἰορδάνου τοῦ ποταμοῦ διακειμένον. Чудесный мужъ ведетъ его къ вратамъ монастыря, лежавшаго такъ уединенно, что многіе изъ сосѣдства вовсе и не знали о его существованіи; не безъ намѣренія привелъ туда Господь Зосиму. Иноки ведутъ святую жизнь: εἶδε δὲ γέροντας πράξει καὶ θεωρίᾳ ἐκλάμποντας καὶ τῷ πνεύματι ζέοντας, καὶ τῷ Κυρίῳ δουλεύοντας· Ψαλμῳδία γὰρ ἦν ἀκατάπαυστος, στάσιν ἔχουσα παννύχιον· καὶ ἐν χερσὶν εἶχον ἀεί τι ἐργόχειρον, καὶ οἱ Ψαλμοὶ ἐπὶ στόματος. Λόγος γὰρ ἀργὸς

---

[1]) Духовный Лугъ Іоанна Мосха, гл. CXXIII—IV.

οὐκ ἐπολιτεύετο, φροντὶς πραγμάτων παρ' ἐκείνοις οὐκ ἐχρημάτιζε, πρόσοδοί τε δι' ἔτους ἀριθμούμεναι τε καὶ συναγόμεναι καὶ μέριμναι βιωτικοῖς μόχθοις ἁρμόζουσαι, οὐδὲ ὀνόματι παρ' αὐτοῖς ἐγνωρίζοντο.... Ταῦτα Ζωσιμᾶς, ὡς εἶπεν, θεώμενος ᾠκοδομεῖτο λίαν ἐπεκτεινόμενος πρὸς τὰ ἔμπροσθεν, ἀεί τε συναύξων τὸν δρόμον τὸν ἴδιον, καὶ συνεργάτας εὑρὼν καλῶς τὸν θεῖον νεουργοῦντας παράδεισον. Великій постъ передъ Воскресеньемъ Христовымъ эти иноки справляли такъ, что, перебравшись на ту сторону Іордана, расходились каждый по одиночкѣ, проводя время въ славословіи и молитвѣ, питаясь нерѣдко одними злаками. Вмѣстѣ съ другими отправился и Зосима, все далѣе и далѣе углубляясь въ пустыню, εἰς ἐπιθυμίαν δὲ ἦλθεν, ὡς ἔλεγε, γενέσθαι κατὰ τὴν ἐνδότερον ἔρημον ἐλπίσας.... εὑρεῖν τινα πατέρα κατ' αὐτὴν διατρίβοντα, δυνάμενον αὐτὸν συμβάλεσθαι πρὸς το ποθούμενον [1]). Здѣсь онъ встрѣчается съ св. Маріей *Египетской*.

Между сообщенною выдержкой изъ житія и Хожденіемъ есть несомнѣнное сходство очертаній, а отчасти и замысла.

---

[1]) Migne, Patrol. graec. t. LXXXVII, стр. 3700, 3701, 3704.

VI.

СВ. МАКАРІЙ и οἱ Μάκαρες.

Предъидущая глава назначена была выяснить, что сыны Сиѳа сербской Александріи, сосѣдящіе съ земнымъ раемъ, недоступнымъ смертнымъ, стоятъ не одиноко въ группѣ памятниковъ, приспособившихъ къ христіанскимъ представленіямъ древнія утопіи о святомъ, блаженнымъ житіи [1]).

Тотъ же образъ земнаго рая, неприступнаго, обведеннаго желѣзною и мѣдною стѣною, извѣстенъ намъ еще изъ другаго памятника, важнаго для вопроса объ источникахъ сербской Александріи, и именно для нашего эпизода: о нагомудрецахъ-Рахманахъ. Мы выдѣлили въ немъ (стр. 265 слѣд.) № 1 (нагомудрецы Ираклія), какъ принадлежавшій особому сказанію; но въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу слѣдующія статьи: прохожденіе Александра по юдоли мытарствъ (№ 2), посѣщеніе нагомудрецовъ, сыновъ Сиѳа (№ 3), и хожденіе къ земному раю (№ 4)? Оказывается, что эта связь не случайная: она встрѣчается въ отреченномъ сказаніи о трехъ инокахъ, обрѣтшихъ св. Макарія. Въ греческой минеѣ (подъ 23-мъ Октября) житіе

[1]) Объ этихъ утопіяхъ сл. Riese, Idealisirung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur (1875); сл. франц. переводъ F. Gache et Sully Piquet, L'idéal de justice et de bonheur et la vie primitive des peuple du Nord dans la littérature grecque et latine (Paris, 1885).

св. Макарія отдѣлено отъ хожденія къ нему иноковъ; но вѣроятно, что первоначально второе служило введеніемъ къ первому [1]), какъ въ старославянскомъ текстѣ, извѣстномъ въ спискѣ XIV вѣка [2]) и въ томъ-же столѣтіи знакомомъ на Руси, судя по ссылкѣ на него архіепископа Новгородскаго Василія.

Сообщаемъ содержаніе легенды, на сколько она касается нашего вопроса.

Три инока, Сергій, Ѳеофилъ и Оугинъ (Торж. Евгень, лат. Hyginus) отправляются въ монастырь Асклипія (лат. Asclepion), что въ Месопотаміи сирской: они хотятъ странствовать всю жизнь, лишь бы дойдти до мѣста, «гдѣ прилежи҃ нбо к земли». Посѣтивъ Іерусалимъ и поклонившись его святынямъ, они обращаются «на въсто҃ слнца», переходятъ Тигръ и вступаютъ въ Персію, «на поля чта҃, іманемъ Асиа, идѣ оубиі стыи Меркуреи Оульяна парвата (παραβάτης)». Въ Ктезифонѣ они поклонились тѣламъ трехъ св. отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и всту-

---

[1]) См латинскій текстъ житія въ Acta SS. Oct. X, a. d. 23 Oct., p. 566—71 и у Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 415—26 (сл. ibid. прим. къ житію Макарія, 1 и 4). — Идеѣ о хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію отвѣчаетъ отчасти содержаніе староиталіанской легенды о хожденіи трехъ монаховъ при-евфратскаго монастыря въ земной рай. Сл. Miscellanea di opuscoli inediti o rari dei secoli XIV e XV. Torino, 1861, p. 165: Leggende del secolo XIV (Firenze, 1863, v. II, p. 489 слѣд.) и Scelta di curiosità letterarie № 106. — Отрывокъ, помѣщенный въ такъ называемой записной книжкѣ (Zibaldone) Антоніо Пуччи, относится, очевидно, не къ этой легендѣ, какъ полагалъ Graf (Giornale Storico della letteratura italiana, vol. I, fasc. 2, p. 285), а скорѣе къ какому-нибудь житію Макарія, судя по Piccinachi (= Pichiti, Pygmaei), малорослому народцу, встрѣченному иноками.

[2]) Изд. Тихонравовымъ, l. c. II, стр. 59—77 (два текста). Далѣе приводится текстъ Паисіевскаго сборника (XIV в.), Тихонравовъ, стр. 59—66 (сл. Пам. старинной русск. литер. III, стр. 135 слѣд.); пропускъ (стр. 65) восполняется текстомъ XVII в., ib. стр. 66—77, и сербскимъ торжественникомъ XIV вѣка (у А. Попова, Описаніе рукописей и т. д. Хлудова, стр. 396—404). Сл. собраніе рки. И. Д. Бѣляева оп. А. Викторовымъ, № 54, XIV вѣка: редакція отличная отъ напечатанныхъ. — Извѣстны два румынскихъ перевода житія: одинъ (съ греческаго?) въ числѣ житій, изданныхъ митрополитомъ Досиѳеемъ (Jasi, 1682), другой (съ славянскаго), недавно напечатанный по рукописи Gaster'омъ (Revista pentru Istor., Archeol. și Filol., An. III, v. V, стр. 89 слѣд.), параллельно съ Досиѳеевскимъ.

пили въ Индію. Здѣсь они зашли въ одну пустую хижину, хозяева которой застаютъ пришельцевъ и, считая ихъ соглядатаями (исходатаи, Торж. сходатаи), собираютъ противъ нихъ толпу. Иноковъ хотятъ сжечь въ домѣ, затѣмъ запираютъ ихъ, намѣреваясь уморить голодомъ и жаждой; но когда, по прошествіи десяти дней, застаютъ ихъ въ живыхъ, выгоняютъ ихъ прутьями изъ своей страны. По дорогѣ они питаются древесными плодами. Далѣе идетъ уже страна чудесъ: путники вступаютъ въ землю *песьихъ главъ* (лат. terram Chananaeorum ingressi sumus, qui ab aliis Cynocephali dicuntur; рум. легенда у Досиѳея: цара Къпкѫнилор) [1], которые ихъ не тронули: «по вса мѣста собѣ живуть, межи камень гнѣзда сносивше». (Торж. кьждо на камени нази, гнѣзда створише). Далѣе на востокъ страна «трепастокъ» (лат. Pichiti, Pygmaei) [2], которые, завидѣвъ странниковъ, бѣгутъ отъ нихъ; затѣмъ высокая гора, «їдѣже ни слнце сиѧеть, ни древа есть, ни трава ростеть, развѣе гадъ и змиѩмъ свистающи* ї съкрегующи зубы, аспиды, ехидны і оували і василисты. і видѣхом* їны змиѩ многи имѣ имани не вѣдѣхомъ». Заткнувъ уши воскомъ, чтобы не слышать нестерпимаго змѣинаго свиста, и спустившись съ горы, иноки вступаютъ «въ землю пусту ї велику» и область темной мглы, откуда выходятъ, руководимые сначала оленемъ, потомъ голубемъ.

«Ідохомъ по голуби томъ і ѡбрѣтохомъ столпъ и комару ї баше написано ѡкртъ еа: си столпъ поставилъ есть Александро цръ Македоньскии іда ѿ Халкидона [3]) ї побѣдивъ

[1]) Сл. cătcăunĭ (căpcăunĭ) въ румынской Александріи у Gaster, Lit. pop. rom. p. 27, прим. 2, замѣтку P. Meyer'а о старофранц. Chenelius, Canineus въ Romania № 27, p. 441—444 и въ концѣ нашего изслѣдованія экскурсъ: «Хананеи-Кинокефалы Александріи и иконографическія изображенія св. Христофора».

[2]) Съ варіантомъ: Pytici сл. Pithikus Іосиппона въ эпизодѣ, отвѣчающемъ Pseudocall. II, c. 32 (сл. Gagnier, l. c. II, c. 10, стр. 69) и рум. текстъ у Досиѳея: цара Пиѳичилор; но слич. далѣе латинскій текстъ Хожденія: ipsa vero gens in statura et altitudine sua non plus quam mensuram *unius cubiti* habebat.

[3]) Халкидонъ загадоченъ на столько-же, на сколько въ Hist. de prel.; сл. выше, стр. 177—178. Рымынск. легенда у Досиѳея сходится здѣсь съ латин-

Персы, воевалъ есть до сего мѣста, се сѧ нарѣ тма. Да аще хощеⷮ кто минꙋ се мѣсто, то на лѣво їдет, всѧ бо воды мира сего ѿ лѣвое страны приходѧ; да иже сѧ тѣхъ водъ надержиⷮ, то їдѐ на свѣтъ, а на деспую страну сꙋ горы великиⷧ ї ёзеро полно змиї (лат. Absidam istam fecit Alexander Philippi Macedo imperator, quando persecutus est Darium regem Persarum. Qui terram hanc ingredi voluerit, ad manum sinistram vadat; ad dextram enim terra invia et rupibus et angustiis est plena). То бѧшѐ написа на столпѣ Александровѣ». Путники идутъ въ лѣвую(?) сторону (рум. Дос. стѫнга), среди смрада (и тьмы?); «і прихожаше ны·гла ꙗко ї кони ржуще (рум. Дос. шѝ веніѧ хрѣмъть маре, ка де некезътꙋрї дѐ кай мꙋлц), ї приближихомⷭ на гла тъ, і видѣхо езеро полно змии, ꙗкоⷤ бѧше не видѣъ воды по ним (Торж. по змыами) ї слышахомъ плачь и стенанье люто. ї бѧше ёзеро то полно члвкъ. ї преде инъ (Торж. прииде ны) гла съ нбсѣ глѧ: си суть лю́е ѡсужениї, ти бо сѧ лю́е ба ѿвергоша. да мы [с] страхоⷨ ї трепетомъ минухоⷨ ѡзеро то ѡсуженоё. ї пошѐ мало дни и оузрѣхо горѣ .в. мужа (Торж. видѣхо двѣ горѣ высоцѣ и тоу видѣхомь моужа; лат. т.: venimus inter *duos montes* altissimos, et in medio ipsorum apparuit nobis homo longa statura) велика в' высоту р. локотъ. ї бѧше привѧзанъ веригами медѧны по всему тѣлу, ї пламѧнь палѧшѐ все тѣло его, ї вопиꙗше глмъ великї. їсхожаше гла мужа того до .л. поприщь. ї оувидѣвши ны мужетъ нача плакатї, приклапаꙗсѧ к земли, і бѧше ѡпалено все тѣло ёго. Мыⷤ ѿ страха покрывше лице своё минухом гору ту, їдохо днї .е. слышаще гла его, ї прпрохоⷨ стремнѣ мѣсте и глубоцѣ ї видѣхо ту жену стоꙗщу простовласу (лат. т.: capilli autem hujus mulieris ad terram usque descendebant; рум.

ской, приведенной въ нашемъ текстѣ: «ачѣсть стлъпь аꙋ радикать Алеѯандрꙋ Ѱнпъратꙋль Мачедонилор, кѫндь аꙋ гонить пре Даріе Перcꙋль; чіне ва врѫ съ съ'ндерептаѕе дѧчичѧ, съ ѧ'н а стѫнга дин' кътр-о вин апеле; шѝ чине ва'мбла, съ ѧ сꙋнетеле апелорь ши ва ешѝ ла лꙋминꙋ. кі'н а дирѣпта сѫнт мꙋнць ши рѫпї, шѝ ѧзере маре пліне де шерпї».

Досиѳ.: десплетитѫ) на краи глубины ї змиї баше великъ ѡбилъса ѡколо еа ѿ ногу ї до главы, ї хотѣ рещи слово едино, ї не даша еи, ї заїмаше еї оусга хобото ї быашеть ю по оустомъ хобото да не глть ничто*. їниїже гласи їсхожаху їс пропасти глубоки народа многа їзъ глубины вопиюще: помилуи ны ги, помилуї ны сне ба вышнѧ. Мы* ѿ страха того (їдохо) рекохо: ги ѡпрости жи[во]тъ нашь, ꙗко видѣста ѡчи наши чюса сиꙗ, и тру (Торж. соудь; рум. Досиѳ.: ѡсѫнде) на земли сеї. ї паки поїдохо ѿ мѣста того плачюще и ѡбрѣтохо мѣсто другоё ї древа баху смоковнымъ ѡбразо на мѣсте томъ, ї на древехъ тѣхъ множество народа птиць (Торж. множство птиць небныи*) тмы тмами баше, ї рѣ їхъ баше ꙗко члвча, ї вси единимъ глмъ вопиꙗху глще: ѡстави ны вл̑ко ї помилуї ны ги, мы бо согрѣшихо па всеꙗ твари. Мы* оубзиї та чюса слышавше ї видѣвше ї поклонихомѣ гви глще: ги ави на чюдеса сиа, ꙗже ёсмы видѣли ї слыша. ї молащимѣ намъ бу ї раступиса земла прѣ нами, їзи гла гла: ни есть вы дано видѣ дѣлъ тѣхъ, но їдѣте путе свои. Мы же минухомъ на мѣсто їное страшно ї ту видѣхо мужи .д. ре ѡбраза же їхъ нѣ сказа, ї баше же прѣ стми тѣми мужи ѡружье ѡстро ї стрегуще твердо, змиеве со ехидна ѡбьстоꙗхуть ѡколо (рум. Досиѳ.: шѝ наинта лѡр дарде аскꙋцѫте де лꙋчїѧ, шѝ фокь маре фъръ самѫ, ши смоалѫ шѝ ꙗрбѫ пꙋчоасѫ, змей ши ехидне ши келей). А се .д. мужи вѣнца носаща на глава* красны ї в рукахъ своїхъ имуща палица злата [1]). Да мы оубозии падохомъ на земли ниць ї воспихомъ: помилуїте, мужи нбнии, да быша не прикоснули са на (Торж.: да би се на.... не прикосноуле) ѡружьꙗ та. ї ѿвѣща (Торж.—ше) намъ глще: Въсташа (Торж. вьстав'ше) їдѣте пу-

[1]) Лат. текстъ: devenimus ad locum honorabiliorem ac speciosissimum, in quo quatuor viri stabant, habentes figuras venerabiles, tamquam mira pulchritudine decoras, ut credi aut fari omnino facile vix possit: isti siquidem coronas aureas, gemmis et lapidibus honorifice compositas, in capitibus habebant, et in manibus palmas aureas gestabant; ignis vero maximus ac terribilis ante illos, et spathas acutissimas ante se tenebant. Nos vero ista cernentes, ac valido perculsi timore, exclamavimus etc.

темъ своимъ, аможе вы веде҃ (Торж. Гѣ; рум. Дос. Дꙋмнезъꙋ); не боїте҃ ничтоже. не владѣеть бо ва҃ ѡзлоби҃ ѡроужье се, мы бо ї блюде҃ до дн҃и суднаго. Да мы то слышавше прекр҃тившеса ї поклонихомъ̑ ї прославихомъ Бг҃ ї минухо҃ ꙗко дш҃а не имуще. їдохомъ дн҃ї .м҃. ї в напраснѣ и гла҃ слышахо҃ народа многа зѣ҃ ї насытихомъ̑ бл҃гооуханьꙗ многа ї ѿ гла҃ поющи҃ блгооухан҆но многа (Торж. и идохо҃ .м҃ днии вь напрас҆нѣ гла҆сѣ и приде поющь наро҃ м҆ногь, и бл҃гооуханиꙗ и тьмиꙗна многа зѣло насытыхомьсе ѿ мира и ѿ гла҃ поющихь). сонъ ны ѡбумори, да мы оуспохо҃ ї въстахо҃, ѡли слипати҃ оустомъ наши҃ ѿ бл҃гости па҃ меду їста. ї въставше ї видѣхомъ цр҃квь ї бꙗше ꙗ[ко] ледꙗна (лат. т.: quae tota quasi crystallina videbatur; рум. Доспѳ.: бесꙗ́рикь ма́ре де криста́ль) ї велика, посре҃же цр҃кви тоꙗ ѡлтарь знамꙗнованъ, посреди҃ ѡлтарꙗ того источни҃ знамꙗнанъ водныи бѣлъ, ꙗко млеко (лат. т.: et de altari aqua egrediebatur, quae lactis candidissimi colorem habebat); ї видѣхо҃ ту мужи страшны зѣ҃ ѡкр҃ть воды стоꙗща ї поꙗхуть аг҃льскиꙗ пѣ҃. ї видѣвше то мы трепещюще ꙗко мр҃тви, да единъ ѿ ни҃ красенъ зѣ҃, да тот ны ре҃ приступи҃: се есть източни҃ бесм҃ртнъ, ѡжидаꙗ праведных насладити҃. Мы҃ то слышахо҃ ї прославихомъ бг҃ ї минухо҃ мѣсто то со страхо҃, ї в радости велицѣи быхо҃, ꙗко б҃ъ вѣсть, но бꙗху оустнѣ наша ѡслажени ѿ воды тоꙗ, до .г҃. го дн҃и слипахусꙗ оустнѣ наша ꙗко ѿ меду. ї доїдохомъ рѣки великꙗ зѣло ї насытихомъ̑ бл҃гости ї прославихомъ бг҃. ї къ .б҃. тому часу сущю ї сѣдохо҃ на брезѣ оу рѣки тоꙗ, размышлꙗюще, что створи҃ рецѣ сеи. ї бꙗше по рецѣ тои свѣтъ седмирицею сего свѣта свѣтлѣе. ї помолихомъ̑ на .д҃. страны земꙗ. И бꙗху вѣтри в земли тои инаци тварью: западныи вѣтръ зеленъ тварью, а ѿ въстока сл҃нцю ѿ раꙗ рыжь вѣтръ ꙗко ї желтъ, а ѿ полунощи вѣтръ ꙗко кровь чт҃а, а ѿ полуденныꙗ страны вѣтръ бѣлъ, ꙗко снѣгъ. сл҃нце теплѣе сего .з҃. мижды, ї древа болши сихъ ї краше ї частѣиши ї [едино] плодовито, а другое немуще пл҃. ї горы выше сихъ ї земꙗ .в҃. лицѣ їмущи, червлена ї бѣла, ї стени всѣми лицы.

Румынскій текстъ (у Досиѳея) во всемъ этомъ описаніи сходенъ, если не тождественъ съ славянскимъ; латинскій значительно разнится: послѣ видѣнія мужей, пѣвшихъ ангельскую пѣснь (voces cherubim), онъ продолжаетъ такимъ образомъ: Nos autem haec intuentes, timuimus valde. Ipsa vero ecclesia a parte meridiana similitudinem habebat lapidis prasini pretiosi, a parte australi colorem sanguinis mundissimi praetendebat, a parte autem occidentali tota erat alba instar lactis et nivis candidissimae; stellae super ipsam ecclesiam plus quam hujus mundi sidera lucebant, sol ibi septempliciter lucebat et calebat, quam in hujus terrae regione; alpes et arbores omnes plus altae, et folia ac fructus plures ac dulciores, quam istius mundi arbores habebant; sed et aves coeli aliter resonabant, quam aves terrae istius: omnis autem terra ipsa duplices habebat colores, id est, una facies alba erat ut nix, et alia rubicundissimis coloribus erat. Nos igitur stupentes et in eodem loco adorantes, ac ipsos viros salutantes, cum timore egressi, coeptum iter arripere festinavimus [1].

Путники испытываютъ далѣе нападеніе какихъ-то *малорослыхъ людей* (бѧхоу низци зѣло; лат. текстъ: non autem inter illos longiorem praeterquam unius cubiti staturam vidimus) и идутъ (латин. текстъ, выше ничего не говорившій о рѣкѣ, прибавляетъ теперь: transeuntes flumen), питаясь лядиной, «ни с локо̑ ѿ землѧ в въісоту; да то̑ грызуще проїдохомъ землю ту, ї бѧше ладина та бѣла, но паче меду иста (такъ и въ рум. Дос.; лат. текстъ: herbas candidas et albas, sicut lac, dulces velut mel, altas vero usque ad unum cubitum) [2]; да ту. ладину грызуще ізмѣнихомъ си лица своѧ». Тропа приводитъ ихъ къ пещерѣ, отдохнувъ въ которой, они видятъ идущаго къ нимъ старца, страшнаго видомъ,

---

[1]) Рукописный румынскій текстъ Хожденія, изданный Гастеромъ (l. c., стр. 11), сходенъ съ латинскимъ въ нашемъ эпизодѣ: подобно ему онъ не знаетъ образа вѣтровъ, различныхъ «тварью», и такъ описываетъ церковь: «Şi partê mănăstirii despre apus era verde, şi de ceealaltă era roşie ca sângele» и т. д.

[2]) Сл. во франц. Хожденіи Александра къ земному раю, Meyer, Études, l. c., p. 233: Si *blanche i voit l'erbe com se il fust negié.*

покрытаго съ ногъ до головы бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, служившими ему вмѣсто одежды. Это—*св. Макарій*, который, узнавъ о намѣреніи иноковъ увидѣть, гдѣ «прилежить нбо к земли», такъ поучаетъ ихъ: «ча моꙗ милаꙗ, не можеть члвкъ плотанъ ѿ женьска грѣха родивса того мѣста видѣ, ни тѣхъ чюсъ ни силъ Га ба нашего Іса Ха. Аз бо грѣшныи мно ѡкушахса ї плакахса къ бу да бы видѣлъ чюда тѣ, ї рече ми англъ: Не прогнѣва га ба своего, создавша та, нихтоже можеть того мѣста доити. Да и азъ реко: почто ги мои? и ре ми: ѿ сего мѣста есть поприщь .к. їдѣже еста .в. града, единъ желѣзе а другии мѣданъ, да за тѣма градома раи біи, їдѣже былъ .а. е Адамъ съ Евгою на въстокъ слнца за раемъ, да ту нбо прилежи (рум. Дос. ра́юль спре ръсъри́ть, оунде ѡдихна́ште че́рюль), ї внѣ раꙗ поставилъ есть Бгъ хиравими ї сирафими, ѡружье пламанно в рука їмущи стрещи раа і древа животна. сут же та хиравѣ ѿ ногу до пупа члвци, а перси лвовы, а глава їною тварью (рум. Дос. ка́пꙋль де змъꙋ), а руцѣ ꙗко ледани, ї ѡружье пламанно в рука іхъ, внѣ стѣнъ градны, да не можеть ту внити никто. суть бо ту силы страшныа мнози зѣло ї ликове англьстиї ту пребываю, ї поꙗси нбнии ту су їдѣже почиваеть нбо. Сл. лат. текстъ: De isto, inquit, loco viginti sunt milliaria usque ad paradisum, ubi Adam et Eva in deliciis erant. Posuit denique Dominus ante eundem paradisum cherubim cum ignea rhomphea atque volubili, ad custodiendum vitae lignum; et habet a pedibus usque ad umbilicum similitudinem hominis, pectus sicut pectus. leonis, manum sicut crystallum, habens gladium ut servet Paradisum, ne aliquis illuc proximare valeat.

Св. Макарій разсказываетъ инокамъ о томъ, какъ онъ тайно покинулъ жену, съ которой сочетали его родители; какъ пришелъ въ пустыню, руководимый ангеломъ, дикимъ мужемъ, оленемъ и змѣемъ; объ искушеніи, въ которое былъ введенъ коварствомъ дьявола, и о покаянномъ искусѣ, который онъ наложилъ на себя. Побесѣдовавъ съ святымъ, странники собираются въ

обратный путь; два льва, прислуживавшіе св. Макарію, доводятъ ихъ «до темнѣ мѣстъ. бйїмъ повелѣньемъ дошедше ѡбрѣтохомъ столпъ и комару александрову». Здѣсь львы покидаютъ ихъ, и они, вступивъ въ Персію и, перейдя Тигръ, находятъ христіанъ.

Такъ кончается легенда, локализованная гдѣ-то въ пустынѣ за Іорданомъ, гдѣ въ сосѣдствѣ съ Макаріемъ *римскимъ* находится и земной рай, куда онъ напрасно пытался проникнуть. Епифаній Агіополитъ [1]), очевидно, имѣетъ ввиду тѣ-же отношенія, но помѣщаетъ дѣйствіе—въ Африку, на югъ отъ Александріи, разумѣя Макарія *египетскаго*: πρὸς νότον τῆς Ἀλεξανδρείας ἡμερῶν ἕξ κεῖται ὁ ἅγιος Μακάριος ὁ μέγας, ὁ πλησιάσας τὸν παράδεισον. Въ коптскомъ житіи этого Макарія [2]) также разсказывается, что онъ тайкомъ покинулъ жену, съ которой сочетали его родители, и удалился въ пустыню. Далѣе слѣдуетъ такой эпизодъ: среди озера онъ увидѣлъ островъ, переправившись на который встрѣтилъ нагихъ мужей, съ черной и грубой кожей, отросшими волосами и ногтями, такого страшнаго вида, что онъ счелъ ихъ за привидѣнія и молча созерцалъ. Они говорятъ ему, что живутъ въ пустынѣ, не зная ни обители, ни одежды, подобной той, какую видятъ на немъ. Много лѣтъ тому назадъ они пришли сюда, и съ тѣхъ поръ ни одного человѣка, кромѣ него, не видали; видали въ горахъ разныхъ звѣрей и дикихъ людей, которые, однакожь, благодаря Бога, имъ не дѣлаютъ зла. Они всегда ходятъ нагіе, имъ не вредитъ ни лѣтній зной, ни холодъ зимою. Макарій принимаетъ ихъ благословеніе и возвращается вспять.

Тѣ-же образы встрѣтились мнѣ въ коптскомъ разсказѣ о Хожденіи Пафнутія къ пустынножителямъ Египта, IV вѣка [3]):

---

[1]) Allatii Σύμμικτα, Colon. Agrippinae 1653, l. I, p. 55.

[2]) Zoega, Catalogus Codicum Copticorum etc. qui in Museo Borgiano asservantur. Romae 1810, p. 48 слѣд.

[3]) Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie Égyptiennes et assyriennes, publ. sous la direction de G. Maspero, v. VI, lib. 3—4: Amélineau, Voyage d'un moine Égyptien dans le désert, p. 166 слѣд. (указаніе О. Э. Лемма).

отшельники прикрываютъ свою наготу волосами, спускающимися на тѣло точно грива парда, либо пальмовыми листьями; питаются злаками; ангелы сослужатъ имъ. Пафнутій остановился отдохнуть у источника и дивится множеству пальмъ, гранатовыхъ, фиговыхъ и другихъ деревьевъ, плоды которыхъ были слаще меда, тогда какъ мирты издавали прелестный запахъ. Кто насадилъ ихъ здѣсь? Пафнутію всё это кажется божьимъ раемъ. Четыре прекрасныхъ юноши, съ овчиной шкурой у пояса, называютъ его по имени, радуются его приходу, разсказываютъ о томъ, какъ они поселились здѣсь. Семь дней пробылъ у нихъ Пафнутій; настала суббота, и юноши велятъ ему приготовиться, ибо ангелъ Господень является къ нимъ совершать литургію (σύναξις), и кто причастится изъ его рукъ, очищенъ будетъ отъ всякія скверны. Пока они говорятъ, разлилось несказанное благоуханіе; всѣ встали и воспѣли славословіе Господу нашему Іисусу Христу; ангелъ является, совершаетъ литургію на хлѣбѣ и винѣ и, благословивъ всѣхъ, паритъ на небо въ лучезарномъ сіяніи. На другой день повторяется то-же, и ангелъ велитъ Пафнутію вернуться назадъ въ Египетъ и повѣдать всѣмъ любящимъ Бога, какъ подобаетъ служить ему.

Едва-ли можно усумниться, что сообщенныя нами легенды о Макаріи Римскомъ и Макаріи Египетскомъ представляютъ лишь двойственное пріуроченіе одного и того-же содержанія, подобно тому какъ въ романѣ объ Александрѣ страна чудесъ, имъ посѣщенная, помѣщается то въ Индіи, то въ пустыняхъ Египта.

Что до чудесъ, описанныхъ въ Хожденіи трехъ иноковъ, то они привнесены въ него изъ Александріи, но получили новую христіанскую и, быть можетъ, ранѣе того, библейско-талмудическую окраску, что̀ притянуло въ составъ разсказа и новыя подробности — по аналогіи.

Сличеніе нашей легенды съ письмомъ Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю у Псевдокаллисоена, LBC, II, с. 31—41 докажетъ это положеніе:

Вступивъ въ Индію, иноки Хожденія встрѣчаютъ прежде всего *«Песьи главы»;* они живутъ *«межи камень гнѣзда сносивше»;* далѣе: *трепѧстокъ*, лат. *Pichiti*, Pygmei. Сл. Pseudo-callisthenes II, c. 31: διελθὼν δὲ τὸν Ἀμόρρουν ποταμὸν Ἀλέξανδρος, κόσμον ἄλλον κατέλαβε. Ἀνθρώπους μὲν εὗρεν εὐτελεῖς καὶ λίαν σμικροτάτους ὡς εἶναι τὸν τέλειον ἄνθρωπον [οὐχὶ ἀλλὰ] πῆχύν τε καὶ ἥμισυ (= Pychiti); c. 32: ἄνθρωποι παμμεγέθεις; c. 33: ἄνθρωποι... ἄγριοι ἐπὶ πετρῶν καθεζόμενοι; c. 34: μετὰ οὖν ὁδὸν ἡμέρων τριῶν ὁ Ἀλέξανδρος κατέλαβε χώραν Κυνοκεφάλων; c. 37: κακεῖθεν ἀναχωρήσας Ἀλέξανδρος ἦλθεν εἴς τινα τόπον, ἔνθα ἦσαν ἄνθρωποι κυνυκέφαλοι.

Иноки вступаютъ въ область *мглы*, гдѣ не сіяетъ солнце, водятся страшныя змѣи и гдѣ имъ служатъ руководителями — олень и голубь. Это руководительство развито, быть можетъ, изъ болѣе древняго мотива, полузабытаго въ нашемъ текстѣ, какъ увидимъ далѣе[1]). Сл. Pseudocall. II, c. 38: τὸν δὲ ἥλιον οὐκέτι ἐθεώρουν, ἀλλὰ μαῦρον τὸν ἀέρα ἐπὶ ἡμέρας δέκα.

Голубь выводитъ путниковъ къ *столпу* и *камарѣ* съ надписью, что ихъ поставилъ здѣсь *Александръ*, идя отъ *Халкедона* и побѣдивъ *Персовъ; «воевалъ есть до сего мѣста, се сѧ нарѣ тма»;* кто хочетъ выйдти на свѣтъ, пусть направится влѣво, а на право будутъ великія горы и озеро, полное змѣй. Иноки идутъ *вправо* (въ нашихъ текстахъ, очевидно, ошибочно: на лѣвую страну): ихъ первая встрѣча — озеро съ змѣями. Таинственный міръ лежитъ по ту сторону Александрова столпа; посѣтивъ его, они снова возвращаются къ нему, къ «темнымъ мѣстамъ». Сл. Pseudo-call. II, c. 39 (C): ἐκεῖθεν οὖν πάλιν ὥδευσεν Ἀλέξανδρος μετὰ τοῦ στρατοῦ αὐτοῦ· καὶ ἀναχωρήσαντες εἰς τόπον τινὰ ἐπίπεδον· μέσον δὲ τῆς πεδιάδος φάραγξ ἦν διαχωρίζουσα. Ἐκείνην οὖν Ἀλέξανδρος γεφυρώσας ἔγραψεν ἐν αὐτῇ γράμματα Ἑλληνικὰ καὶ Περσικὰ καὶ Αἰγυπτιακά· αἱ δὲ γραφαὶ διηγόρευον ταῦτα· «ἐνθάδε Ἀλέξανδρος εἰσελθὼν ἤγειρεν ἀψίδα, ἐν ᾗ πανστρατὶ διαβάς,

[1]) Сл., впрочемъ, у Плутарха, Alexander c. XXVII, 2 вороновъ, вожатаевъ Александрова войска, сбившагося съ пути (со ссылкой на Каллисѳена).

ἄκρας θέλων γαίας καταλαβεῖν, ὡς τῇ προνοίᾳ ἔδοξε». Καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν ἦλθεν εἰς τόπους ὅπου ὁ ἥλιος οὐκ ἔλαμπεν. Ἐκεῖ οὖν ἐστὶν ἡ καλουμένη Μακάρων χώρα». Побывавъ въ странѣ блаженныхъ, Александръ возвращается, Pseudocall. II, гл. 41 (LC): «ὡς δὲ ἔφθασαν εἰς τὴν ἀψῖδα ἣν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος, ἔγραψε πάλιν ἐν αὐτῇ οὕτω διὰ γλυφίδος· Οἱ βουλόμενοι εἰσελθεῖν ἐν τῇ τῶν Μακάρων χώρᾳ δεξιᾷ πορευέσθωσαν». Ближе къ фразѣ хожденія надпись въ печатныхъ текстахъ Historia de preliis (пространной редакціи): посѣтивъ палаты солнца и услышавъ вѣщанія солнечнаго и луннаго деревьевъ, Александръ велитъ поставить два мраморныхъ столба и написать на нихъ: «Ego Alexander Philippi Macedonis hanc absidam erexi *post confusionem Darii regis Persarum* et Pori regis Indorum. *Quicunque vult ulterius pertransire, manu sinistra tendat. Qui autem manu dextra processerit, multa inveniet obstacula*, que impedient gressum suum» [1]).

Слѣдующая далѣе подробность Хожденія, что путники идутъ среди *смрада* и къ нимъ доносится *«гла҃ ꙗко і кони ржуще»* — непонятна безъ сопоставленія съ извѣстнымъ намъ эпизодомъ Pseudocall. C, II, c. 39—40: Александръ вступилъ въ страну блаженныхъ и, не находя пути среди темноты, слѣдуетъ совѣту одного старика: отправиться далѣе, взявъ съ собою кобылицъ либо ослицъ, оставивъ ихъ жеребятъ въ лагерѣ. Это даетъ ему возможность впослѣдствіи выбраться изъ мрака, потому что ржанію кобылицъ отвѣчало такое же ржаніе жеребятъ, опредѣлявшее направленіе обратнаго пути: ἐξῆλθε (Александръ) πρὸς τὴν φωνὴν τῶν θηλείων ἵππων (B. τῶν πώλων καὶ τῶν μητέρων αὐτῶν). Καὶ οὕτως τῆς παννυχίου ἐκείνης ἐξῆεσαν γῆς (сл. выше, стр. 221—2, 289—290 прим., 292).

За приключеніемъ съ кобылицами помѣщенъ въ Псевдокаллисѳенѣ эпизодъ о безсмертной водѣ. Между тѣмъ и другимъ мы встрѣчаемъ въ Хожденіи нѣсколько новыхъ образовъ, имѣющихъ

---

[1]) Kinzel, Zwei Recensionen etc., стр. 26.

характеръ мытарствъ и интересныхъ для вопроса объ источникахъ сербской Александріи.

Прежде всего — *озеро*, полное змѣй, терзающихъ грѣшниковъ, въ него вверженныхъ; *великанъ*, *прикованный цѣпями къ горѣ и объятый пламенемъ; жена*, *стоящая на краю стремнины и обвитая змѣей:* все это встрѣтилось на пути Александра, лишь въ нѣсколько другомъ порядкѣ (великанъ, жена, озеро) — въ извѣстномъ намъ эпизодѣ сербской Александріи. Сл. выше стр. 267—8, § 2.

Далѣе путники Хожденія видятъ множество *птицъ* на деревьяхъ, вопіявшихъ: «Помилуй насъ Господи, ибо мы согрѣшили паче всей твари». Я полагаю, что такая же подробность находилась и въ подлинникѣ сербской Александріи, судя по греческой (= болгарской) народной книгѣ, отнесшей эту черту позднѣе, въ описаніе острова блаженныхъ: на деревьяхъ сидитъ множество красивыхъ птицъ, которыхъ пѣніе представляло смѣшеніе ликованія и печали. Очевидно, этотъ образъ не идетъ къ острову блаженныхъ, но понятенъ въ связи съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Хожденія. Представленіе души птицей извѣстно было древнему Египту, гдѣ обычно ея изображеніе въ видѣ копчика съ человѣческой головой, бородатой или нѣтъ, смотря по полу. То-же представленіе встрѣчается и у Гностиковъ [1], и мы вправѣ спросить себя, не въ томъ-ли же смыслѣ слѣдуетъ понимать у Псевдокаллисѳена птицъ съ человѣческими лицами, останавливающихъ Александра на границѣ страны блаженныхъ (сл. выше, стр. 222)? Въ легендѣ Макарія (и соотвѣтствующемъ эпизодѣ сербской Александріи) птицы являются именно въ этомъ значеніи, часто встрѣчающимся въ христіанской символикѣ. Укажу лишь на видѣніе св. Антонія Великаго (Migne, Patrol. lat. t. 73, p. 1044 и 1126); Петръ Даміани говоритъ о душахъ,

---

[1]) Leemans, Horapollinis Niloi Hieroglyphica, lib. I, c. VII, p. 8—9 и прим. на стр. 150; Lauth, Horapollon, въ Sitzungsber. d. philos. philol. u. hist. Cl. der K. b. Akad. d. Wiss. zu München, 1876, p. 78; Lepsius, Die Chronologie der Aegypter, стр. 183.

освободившихся отъ чистилищныхъ мукъ и летавшихъ птицами; св. Патрика онѣ сопровождаютъ стаями, черныя и бѣлыя; въ путешествіи св. Брандана райскія птицы — ангелы, продолжавшіе повиноваться Люциферу, когда онъ отпалъ отъ Господа; не погрѣшившіе гордыней, но и не безгрѣшные, почему они и наказаны менѣе другихъ.

Бранданъ пристаетъ къ берегу, на которомъ высилось дерево

491. Itant blanche cume marbre,
E les fuiles mult sunt ledes,
De ruge blanc taceledes.
De haltece par vedue
Muntout le arbre sur la nue;
Des le sumet desque en terre
La brancheie mult la serre
E ledement s'estent par l'air,
Umbrajet luin e tolt le clair,
Tute asise de blancs oiseus:
Unches nul hom ne vit tant beus.

На вопросъ Брандана одна изъ птицъ отвѣчаетъ:

520. Angele sumes,
E enz en ceil jadis fumes,
E chaïmes de halt si bas
Od l'orguillus e od le las,
Par superbe que relvelat;
Vers sun seignur mal s'eslevat.
Cil fut sur nus mis à meistre
De vertuz Deu nus dut paistre;
Purco que fut de grand saveir,
Si nus estout à meistre aveir.
Cil fud mult fels e superbe,
En desdein prist la Deu verbe.
Puis que out ço fait, lui servimes
E cum anceis obedimes:
Pur ço sumes deseritet
De cel regne de veritet;
Mais quant iço par nus ne fud,
Tant en avum par nus vertud;

N'avum peine si cum cil
Qui manerent orguil cum il.
Mal n'en avum fors sul itant
La Majested sumes perdant,
La presence de la glorie
E devant Deu la baldorie.
Le nun del leu que tu quesis,
C'est *as oiseus li Paraïs.*

Подъ вечеръ птицы поютъ:

558. Od dulces voices mult halt crient
E enz en le cant Deu mercient [1]).

Я полагаю, что птицы Хожденія не имѣютъ иного значенія, какъ то, какое даетъ имъ легенда о св. Бранданѣ, представляющая и другія интересныя параллели къ разбираемому нами памятнику. Таковы: адскій островъ, полный смрада и пламени и стоновъ грѣшниковъ, откуда демонъ бросаетъ въ путниковъ схваченную имъ въ кузнѣ раскаленную полосу (v. 1198 слѣд.); мученіе Іюды Искаріотскаго (v. 1212 слѣд.; сл. въ Хожденіи, въ описаніи области мытарствъ, прикованнаго ко скалѣ грѣшника); образъ пустынника Павла, напоминающаго Макарія (v. 1538 слѣд.); облако мрака (v. 1648 слѣд.), черезъ которое приходится держать путь къ земному раю, обведенному высокою, возвышающеюся до небесъ стѣною (v. 1670 слѣд.); райскіе камни (v. 1800), которые подаетъ Брандану ангелъ: мотивъ изъ Iter ad Paradisum.

Старофранцузскій романъ о Baudouin de Sebourc воспроизвелъ всѣ эти подробности Брандановой легенды, съ мученіемъ Іюды и адскимъ островомъ [2]), но въ эпизодѣ о раѣ представляетъ

[1]) Fr. Michel, Les voyages merveilleux de St. Brandan. Paris 1878. Сл. еще vv. 578—579, 850 и слѣд., 1624 и слѣд.

[2]) Эпизодъ объ Іюдѣ встрѣчается еще въ продолженіи Huon de Bordeaux; представленіе адскаго острова — въ легендѣ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей св. Антонія, гдѣ цѣлый рядъ подробностей напоминаетъ мотивы Макарьевской. Посланные идутъ, руководимые звѣздою; «inde vero profecti sunt per aspera et devia montium in plano Ioseu, in quo herbas et poma incredibilis saporis et odoris invenerunt, ac de ipsis accipientes comederunt et Deo

нѣкоторыя отличія: у его входа сидятъ Энохъ и Илья, которые вводятъ путниковъ, Baudouin и Polibant, въ вертоградъ, полный вѣчно зеленыхъ деревьевъ; между ними одно, черное, какъ уголь: это то, плодомъ котораго согрѣшилъ Адамъ. Илья подаетъ пришельцамъ яблоко: кто отвѣдаетъ его, перейдя 30-лѣтній возрастъ, помолодѣетъ до этихъ лѣтъ, перешедшіе эту пору станутъ дряхлыми стариками. Есть тамъ и птицы, мелодически поющія и другія, въ которыхъ смѣшались представленія о Фениксѣ и Саламандрѣ: въ ткань, сотканную изъ ихъ перьевъ, Папа завертываетъ нерукотворенный образъ Господень.—Птицы—несомнѣнно тѣ-же кающіяся души, яблоко отвѣчаетъ райскому камню, какъ

---

laudes reddiderunt. Postea iter arripientes devenerunt inter montes altissimos et terribiles ubi non intrat sol nec arbor vel herbae crescunt, sed serpentes, dracones innumerabiles, leones, tigrides, pardos, sorices sicut volpes, aspidos, basiliscos et unicornes invenerunt infinitos et alias innumerabiles feras, quarum nomina sive naturas penitus ignorabant». Путниковъ они не трогаютъ. «Post vero decem et novem dies ipsis euntibus pervenit ad nares eorum pessimus et intolerabilis foetor, de quo sicut mortui proni in terram oraverunt ad Dominum ne tolleret animas eorum. Post haec autem surgentes viderunt lacum magnum et multitudinem serpentum ignitorum. Et ex ipso lacu exivit ululatus et planctus non modicus et vox desuper prorupit dicens: Locus poenarum est iste et judicii, in quo cruciantur omnes qui Christum perjurando et debitam fidem non servando negaverunt et mandata ejus non custodierunt». — Далѣе посланцы приходятъ къ мѣсту, наполненному деревьями; звѣзда, небесный голосъ, наконецъ чудесная птица указываютъ имъ, гдѣ похоронены мощи святого: «ecce quaedam avis alba sicut nix rubeum habens rostrum apparuit, stetitque super quamdam arborem, quae facta erat in modum tentorii; et ibi manabat fons irriguus, omnem saporem in se retinens et suavissimus tanquam nectar; et coepit sonare alas suas sicut tintinnabula, quasi diceret et demonstraret ut ibi foderent». — Позднѣе, когда мощи перевозятъ въ Константинополь, путники «viderunt a longe quamdam insulam magnam terribilem et saxosam per totum; et paucas ibi arbores viderunt, et erat plena officinis fabrorum». Слышны были какъ-бы раскаты грома, и весь островъ содрагался отъ грохота молотовъ о наковальни. «Ecce duodecim ex habitatoribus illius insulae veniebant foras ad aliquod opus faciendum. Erant magni decem pedum in altitudine et tenebrosi et ignei». Усмотрѣвъ проѣзжихъ, они зовутъ товарищей, и вскорѣ является цѣлая толпа «forcipes portantes in manibus et furcas ferreas cum clavis igneis». Они готовятся сжечь путниковъ, но ангелъ Господень поразилъ ихъ и погрузилъ въ море, такъ что «tota pene aqua combusta est usque ad profundum. Et per totam diem navigantes semper ululatum nimium audiebant» (Analecta Bollandiana, v. II, p. 347 слѣд.).

въ Хожденіи къ земному раю, интерполированному въ нѣкоторые тексты французской Александріи[1]), и въ старо-италіанскомъ романѣ объ Ugo d'Alvernia[2]), гдѣ мы встрѣтимъ и эпизодъ о райскихъ птицахъ — падшихъ ангелахъ — и новую иллюстрацію источниковъ сербскаго романа.

Уго приходитъ къ морю, загороженному съ трехъ сторонъ горами; и горы и море въ пламени, изъ смрадныхъ водъ поднимаются страшные вопли и показываются мучимыя души. Это не адъ — туда другой путь, а юдоль мытарствъ: si è un ramo d'inferno, ma non è di quel fondo, ma è d'una sembianza che n'è in tutto il mondo, massimamente in Cicilia, in verso Bolsena e in altri diversi luoghi.... ...; è questo lato che tu vedi, con molti altri che ne sono, fatti *per dispetto di quegli che piovvono dal cielo.* E sappi che una parte di loro n'andarono in abisso, nel cientro della terra, altri ne rimasono in terra, altri in aria si stanno. — Услышавъ эти объясненія отъ посланца Божія, Уго переносится съ помощью двухъ грифовъ на ту сторону моря, видитъ дьяво-

---

[1]) P. Meyer (Études, l. c., p. 217, 234, 246) полагаетъ, что замѣна *глаза* = талмудическій камень) *яблокомъ* принадлежитъ интерполятору, нашедшему первый въ своемъ текстѣ и — въ разсказѣ о Хожденіи, въ которомъ, ради разнообразія, замѣнилъ одинъ образъ другимъ. По всей вѣроятности онъ руководился при этой замѣнѣ такими-же соображеніями, какъ и авторъ Baudouin de Sebourc по отношенію къ легендѣ о Брандавѣ; въ легендѣ о св. Евфросинѣ (Прологъ 11 Сентября) разсказывается, что онъ былъ въ раю и принесъ оттуда три яблока. — Мотивъ о ненасытномъ глазѣ — черепѣ, своеобразно разработанный, встрѣчается въ одной болгарской сказкѣ у Шапкарева, Български народни прикаски и вѣрования (Пловдивъ 1885), № 21, стр. 18.

[2]) Эпизодъ о посѣщеніи ада изъ Storia di Ugo d'Alvernia Андрея da Barberino былъ списанъ для меня въ 1866—1867 годахъ по рукописямъ Magliab. Palch. II, № 58 и 59, по которымъ весь романъ изданъ недавно трудами Zambrini и Bacchi della Lega (Scelta di Curiosità letterarie, disp. 188 и 190, Bologna, 1882, 2 vv.). Существуютъ двѣ франко-венеціанскія версіи этого памятника; подробный анализъ одной, по рукописи Падуанской семинаріи, сдѣлалъ Crescini (*Propugnatore*, v. XIII, parte II, p. 44—69); туринскій текстъ разобранъ былъ Graf'омъ (*Giornale di Filologia romanza* I, стр. 92 слѣд.) и изданъ недавно Renier въ Scelta di Curiosità letterarie № 194 (Bologna, 1883). Обращаемъ читателя къ подробному предисловію проф. Renier. Слѣдующія въ текстѣ цитаты сдѣланы по изданію Zambrini и Bacchi della Lega, v. II, p. 11—12, 32—34, 36; мой списокъ представляетъ нѣкоторыя разночтенія.

ловъ, мучающихъ души Хама, Фараона, Саула и Ирода—и далѣе находитъ трехъ пустынниковъ, изъ которыхъ одинъ оказывается его двоюроднымъ братомъ. Еще кношей онъ покинулъ тайкомъ отеческій домъ, чтобы посѣтить святыя мѣста Рима, Кампостельи и Іерусалима, а затѣмъ поселился съ товарищами въ пещерѣ на горѣ, гдѣ присталъ Ноевъ ковчегъ. Уго и пустынники взбираются на вершину горы и видятъ здѣсь множество звѣрей, сошедшихся мирно на поклоненіе ковчегу: дѣло было въ пятницу — день освященный воспоминаніями о прекращеніи потопа, рожденіи и страданіи Господа. — Разставшись съ пустынниками, Уго идетъ по теченію райской рѣки (Нилъ), проходитъ долины, населенныя львами и слонами, которые его не трогаютъ, и наконецъ встрѣчаетъ долину птицъ: онѣ сидятъ на деревѣ такъ густо, что не видно листвы, покрыли весь лугъ, черныя какъ галки (mulacchie); e facevano tra loro si dolce canto, che era cosa maravigliosa a udire, e dicevano quel Salmo: Ecce quam bonum et quam jucundum fratres in unum. Изумленный Уго молитъ Господа открыть ему тайну этого зрѣлища; одна изъ птицъ объясняетъ ему: sappi che noi siamo di quelli spiriti che piovenno dal cielo; ma noi non fumo di quella intenzione che sono quegli, che furono condannati da Dio in inferno: chè quando venne il punto della grande ruina, il cielo tutto tremò; allora tutti gli angioli e arcangioli, dominazioni, cherubini, serafini, potestate furono ripieni di paura, quando udirono la voce di Dio; e tutti traboccarono, molti ve ne rimasero nell'aria, molti in terra, gli altri andarono nel profondo, e noi, che siamo qui, fumo di quelli che rimanémo in terra, e non faciano bene nè male; ma pure è nostra intenzione di riavere con Dio qualche accordo del peccato; e per questo ci tiene a questo modo: così in terra e in mare ci stiamo, come l'onde ci menano così andiamo; tutto dì peschiamo, e nulla possiamo prendere, e a questo modo portiamo pena del nostro peccato. Bene è vero che un dì della settimana noi restiamo di fatiche, e questo è la domenica, e non abbiamo [travaglio] quando usciamo dal mare in questo luogo, ed è para-

diso nostro. E così staremo qui oggi e stanotte, e domane, quando il giorno schiarirà, ci partiremo e sosterremo quello che è a noi destinato; e allora si raddoppiano le pene nostre, come è laude di Dio.

Птицы провожаютъ нѣкоторое время Уго, передъ которымъ Нилъ вскорѣ закрылся темнымъ облакомъ: trovò una nugola come tenebre scura, ed era come un muro, e alta e tagliata insino all'aria, e divideva la luce. Qui Ugo vidde dappresso uno pilastro di muro, dov'erano lettere intagliate, che dicevono: Uomo, che vai per questa parte, non passare davante, se tu non sei pieno di fede e dirittura e fuori di peccato; e se altro fai, caro ti costerà. — Приготовивъ себя молитвой и покаяніемъ, Уго пускается въ путь, и послѣ трехдневнаго блужданія во мракѣ выѣзжаетъ на прелестный, цвѣтующій лугъ: обѣтованную землю (terra santa di promissione), гдѣ жилъ Адамъ до грѣхопаденія. Путь идетъ снова вдоль по Нилу, на гору, гдѣ Уго, напившись воды и поѣвши злаковъ, засыпаетъ; проснувшись, онъ чувствуетъ себя здоровымъ, легкимъ, какъ перушко, и видитъ передъ собой двухъ цвѣтущихъ старцевъ: Илью и Эноха, которые даютъ ему три драгоцѣнныхъ райскихъ плода и указываютъ дальнѣйшій путь, опять-же черезъ область мрака, окружающаго земной рай.

Въ Хожденіи нашихъ иноковъ, за эпизодомъ о птицахъ, слѣдуетъ также встрѣча съ четырьмя вооруженными вѣнчанными мужами, но ихъ значеніе другое: они не обитатели рая, а стоятъ стражами на границѣ, гдѣ кончается юдоль мученій и открывается путь въ другую: онъ идетъ среди пѣнія и благоуханій, которыя наводятъ на путниковъ сонъ; очнувшись, они видятъ большую, точно хрустальную церковь, изъ которой струится источникъ, въ немъ вода бѣлая *«яко млеко»;* вокругъ стоятъ мужи, поющіе ангельскую пѣснь: *«се есть источникъ безсмертенъ»;* отъ той воды уста путниковъ слипаются точно отъ меду, такъ *она сладка.*

Послѣ долгаго эпизода, удалившаго насъ отъ маршрута Александріи, мы снова возвращаемся къ нему — и къ той же

главѣ романа — потому что безсмертный источникъ Хожденія представляется мнѣ лишь христіанскою перелицевкой другаго: πηγὴ διαυγής, ἧς τὸ ὕδωρ ἤστραπτεν ὡς ἀστραπή· ἦν δὲ ὁ ἀὴρ ἐκεῖνος εὐώδης καὶ πάνυ γλυκύτατος; мертвая рыба, опущенная въ него, оживаетъ (Pseudocall. II, LBC, c. 39), поваръ Александра и Кала, побочная дочь царя, напившись той воды, становятся *безсмертными:* она — нереидой, онъ — морскимъ демономъ (l. c. LC, c. 41). Сладость воды напоминаетъ и гл. 42: τὸ δὲ ὕδωρ ἐκεῖνο (озера) μέλιτος ἀνθόμοιον ἦν.

Слѣдующее затѣмъ описаніе великой рѣки, необычнаго свѣта, надъ нею разлитаго, солнца болѣе теплаго, горъ и деревьевъ болѣе высокихъ, чѣмъ на землѣ и т. д. — отзывается общими мѣстами, служащими къ поэтическому описанію Эдема. Странный образъ разноцвѣтныхъ вѣтровъ встрѣчается и въ житіи Андрея Юродиваго, въ описаніи рая, представившагося во снѣ святому. На эту параллель указывали уже другіе[1]): подулъ благоуханный вѣтеръ, какъ бы отъ кадила, которымъ ангелы кадятъ на небеси передъ престоломъ Божіимъ; послѣ этого подулъ другой духъ, дыханіе его было какъ дымъ, видъ же его бѣлъ какъ снѣгъ.... Потомъ возсталъ отъ сѣвера еще вѣтеръ, «болій и черменъ видѣніемъ, а зарями якоже солнцу зашедшю»; деревья начали колебаться тихо, какъ волны, испуская благоуханіе.... Пересталъ этотъ третій духъ, и настала великая тишина.... внезапно началъ отъ узкія (оужьскыя) страны краснообразнаго онаго лика дыхати духъ, издавая прекрасное благоуханіе. Садъ колебался и испускалъ благоуханіе мосхоса.... Умолчалъ четвертый духъ, и сады не двигались. — Въ латинскомъ текстѣ Хожденія тѣ же цвѣта примѣнены не къ вѣтрамъ, а къ чудесной церкви.

До сихъ поръ интересъ разсказа возрасталъ, хотя и не равномѣрно, въ одномъ направленіи: чувствовалось приближеніе къ земному раю. Нападеніе какихъ-то малорослыхъ людей на путниковъ является въ этой связи страннымъ диссонансомъ, тѣмъ

[1]) Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 221, 225 и стр. 223 прим. 1.

болѣе, что тотчасъ послѣ того они обрѣтаютъ — *Макарія*, то-есть, *блаженнаго*, *нагого*, одѣтаго лишь своими волосами, то-есть, *нагомудреца*[1]). Отъ него *земной рай* всего въ 20-ти поприщахъ: онъ за *желѣзной* и *мѣдной оградой* (въ лат. текстѣ этой подробности нѣтъ), охраняется херувимами и серафимами, и *ни одинъ смертный не можетъ его видѣть.* — Мы все еще на почвѣ Александріи, по ту сторону надписи, которую поставилъ Александръ: въ *странѣ блаженныхъ*, ἡ καλουμένη Μακάρων χώρα.

Предложенный разборъ даетъ намъ право на нѣсколько выводовъ.

1. Авторъ Хожденія трехъ иноковъ, Сергія, Θеофила и Игина воспользовался какимъ нибудь христіанизованнымъ пересказомъ Посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Pseudocall. II, гл. 31—41), и именно разсказомъ о Хожденіи въ страну блаженныхъ, τῶν Μακάρων, съ которыми сблизилъ по типу и имени пустынножителя св. Макарія.

2. Редакторъ сербской Александріи (и ея греческаго подлинника) воспользовался для своего эпизода о нагомудрецахъ:

a) сказаніемъ о нагомудрецахъ, какъ народѣ царя Ираклія;

b) какимъ нибудь, сказаніемъ, сходнымъ по типу съ тѣмъ, которое было въ рукахъ и у автора Хожденія, судя по слѣдующему совпаденію плана:

---

[1]) *Малорослые* люди въ сосѣдствѣ съ Макаріемъ, одѣтымъ *одними лишь волосами*, напоминаютъ индійскихъ пигмеевъ у Ктезія, въ отрывкѣ Συλλογὴ τῆς περὶ ζῴων ἱστορίας, собранной по порученію Константина Багрянороднаго. Пигмеи (οἱ δὲ πλεῖστοι πήχεος ἑνὸς καὶ ἡμίσεος) ἕως μὲν οὖν ἂν ὦσι παῖδες μικροὶ, ξύλινα ἱμάτια φοροῦσι, выростя, одѣваются своими волосами: κόμην ἔχουσι μακροτάτην μέχρι ἐπὶ τὰ γόνατα καὶ ἔτι κατωτέρω καὶ πώγωνα μέγιστον πάντων ἀνθρώπων, ὥστε ἕλκεσθαί φασιν αὐτοὺς πρὸς τοῖς ποσὶν, ἅτε μικρῶν ὄντων, τοὺς πώγωνας, ἐξόπισθεν δὲ τὴν κώμην εἶναι πολὺ κάτωθεν τῶν γονάτων. ἐπειδὰν γοῦν τὸν πώγωνα μέγαν φύσωσιν, οὐκέτι ἀμφιέννυνται οὐδὲν ἱμάτιον, ἀλλὰ τὰς τρίχας τὰς μὲν τῆς κεφαλῆς ὄπισθεν καθιένται, τὰς δὲ ἐκ τοῦ πώγωνος ἔμπροσθεν· ἔπειτα περιπτυξάμενοι τὰς τρίχας περὶ πᾶν τὸ σῶμα ζώννυνται, καὶ οὕτως ἀνθ'ἱματίου ταῖς θριξὶν ἀμπέχονται. Сл. у Ламвра, Ἱστορικὰ μελετήματα (1884), стр. 63—4.

Сербск. Александрія.	*Хожденіе.*
α) великанъ, прикованный къ горѣ	α) озеро съ змѣями
β) женщина, прикованная къ горѣ	β) великанъ, прикованный къ горѣ
γ) озеро съ змѣями	γ) женщина, привязанная на краю стремнины
δ) (райскія птицы)	δ) птицы, какъ образъ мытарствъ
ε) нагомудрецы, потомки Сиѳа	ε) нагомудрецъ Макарій
ζ) земной рай, обведенный неприступной стѣною.	ζ) земной рай, неприступный за желѣзной и мѣдной оградой.

с) эпизодомъ Псевдокаллисѳена, либо Палладіевою статьей о брахманахъ, ихъ начальникѣ Дандаміи и женахъ на другомъ островѣ. Этотъ эпизодъ былъ, какъ мы видѣли, неловко введенъ въ составъ bε, что произвело издавна запутанность въ изложеніи, встрѣчающуюся какъ въ старыхъ текстахъ сербской Александріи, такъ и въ новогреческой народной книгѣ (сл. выше, стр. 271—3).

Интересна въ разобранномъ эпизодѣ сербской Александрріи и Макаріева житія послѣдовательность *мытарствъ и земнаго рая:* это послѣдовательность Данте, помѣщающаго земной рай на вершинѣ горы чистилища. У Псевдокаллисѳена, въ *посланіи Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю*, которое мы не разъ привлекали къ сравненію (сл. выше, стр. 219 слѣд.), путь идетъ сначала среди чудовищъ и диковинныхъ народовъ — къ странѣ блаженныхъ съ ея источникомъ безсмертія, пока вѣщія птицы съ человѣкоподобными лицами не останавливаютъ завоевателя (C, II, c. 40; сл. Новаковичъ, кн. II, гл. 30). Въ *письмѣ къ Олимпіадѣ* (Pseudocallisthenes III, c. 27—29), представляющемся мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ дублетомъ къ предъидущему, Александръ сообщаетъ о томъ, что посѣтивъ страну кинокефаловъ, безголовыхъ, шестирукихъ и т. п. людей и чудныхъ звѣрей, онъ присталъ къ острову «солнечнаго града»: πύργοι δὲ ἦσαν δώδεκα χρυσίῳ καὶ σμαράγδῳ ᾠκοδομημένοι. Καὶ τὸ τεῖχος τῆς πόλεως ἦν ἐκ λίθων Ἰνδικῶν. ἧς καὶ τὸ περίμετρον ἦν ὡσεὶ σταδίων ἑκατὸν εἴκοσι; посреди драгоцѣнный жертвенникъ съ изображеніемъ колесницы и возницы; ἰδεῖν δὲ αὐτὰ οὐκ

ἦν ῥάδιον διὰ τὴν ὁμίχλην. — Эѳіопскій жрецъ солнца велитъ путникамъ удалиться отъ того мѣста; они идутъ далѣе во мракѣ и приходятъ къ Низейской полянѣ (по эмендаціи Цахера вм. Λύσου λιμένα), гдѣ на высокой горѣ «εἶδον οἰκίας καλὰς χρυσοῦ καὶ ἀργύρου γεμούσας· εἶδον δὲ καὶ περίβολον μέγαν ἐκ λίθου σαπφείρου, ἔχοντα ἀναβαθμοὺς ρν' καὶ ἄνωθεν ἱερὸν στρογγύλον ἔχον στύλους ζ' σαπφείρου καὶ ἀναβαθμοὺς ρ'»; посреди храма на золотомъ ложѣ лежитъ мужъ въ шелковомъ одѣяніи, съ закрытымъ лицомъ; чудесный камень самосвѣтъ разливаетъ повсюду сіяніе; изъ золотой клѣтки птица вѣщаетъ человѣческимъ голосомъ: «Ἀλέξανδρε, παῦσαι λοιπὸν τῷ θεῷ ἀντιτασσόμενος, καὶ ὑπόστρεφε εἰς τὰ ἴδια μέλαθρα καὶ μὴ προπετεύου ἀναβαίνειν εἰς οὐρανίους ὁδούς».

Historia de preliis краткаго состава [1]) воспроизводитъ встрѣчи Александра изъ посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Pseudocall. C, II, c. 32—3, 36, 38): homines agrestes, homo pilosus, деревья, растущія съ солнцемъ, птицы, испускающія огонь (сл. выше, стр. 220—1); затѣмъ «arbor, quae non habebat fructum neque folia et sedebat super avis, quae habebat super caput suum lucentes radios sicut sol, quae vocabatur Phenix» [2]). Слѣдуетъ, согласно съ письмомъ къ Олимпіадѣ, Pseudocall. C, III, 28, видѣніе чудеснаго дворца съ лежащимъ въ немъ таинственнымъ мужемъ. — Тексты *Hist. de prel. пространной редакціи* присоединяютъ къ этому и вѣщаніе деревьевъ солнца и луны (Pseudocall. AB, III, 17; C у Müller'а, стр. 123; сл. выше, стр. 223—4), слѣдуя «*Epistola Alexandri Magni Macedonis ad Aristotelem magistrum suum*». Въ этой статьѣ,

---

[1]) Landgraf, p. 110 слѣд.

[2]) Это сухое дерево перешло изъ Hist. de prel. въ европейскія Александріи и подъ ихъ вліяніемъ локализировано у Марко Поло въ мѣстности, гдѣ по разсказамъ произошла нѣкогда битва Александра съ Даріемъ. Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, I, стр. 323 слѣд.; сл. стр. 323—4, прим. 2. — О птицѣ на вершинѣ сухого райскаго дерева см. Разысканія, IV, стр. 63 слѣд.

распространенной въ рукописяхъ съ IX-го вѣка[1]), эпизодъ о деревьяхъ солнца и луны развитъ особыми подробностями [2]): путь къ нимъ идетъ среди змѣй и дикихъ звѣрей; индійцы, мужчины и женщины, которыхъ видитъ Александръ и его спутники, одѣты въ шкуры, ихъ жрецъ «habebat nigrum corpus, dentes caninos, aures illius perforate erant et pendebant ibi gemme.... Cepimus perambulare ipsam silvam, que erat inclusa intra maius edificium parietum, vidimus largissime currere opobalsamum de ramusculis arborum». Александръ дивится высотѣ деревьевъ, а жрецъ объясняетъ ему, quod numquam in ipsa loca plueret, sed neque fera neque avis, neque serpens in ipsos terminos intrant, quia antiquitus a maioribus indorum locus ipse consecratus esset soli et lune. Volui ibi immolare victimas, sed non dimisit me ipse sacerdos, dicens non licere in ipso loco aut incensum de libano facere, aut qualecumque animal occidere». Самого его Александръ видитъ въ такомъ положеніи: involutus pellibus jacebat, et erat ante illum posita magna gleba de libano in tabula ebena que illi de cena remanserat, et ibi possitus culter, nam ere et ferro et plumbo et argento et auro abundat. Opobalsamum et libanum manducant et bibunt aquam que de vicino monte exit».

Это напоминаетъ Дандамія Палладіевой статьи, Эванта у сыновъ Сиѳа и блаженныхъ Рехавитовъ.

Я съ умысломъ остановился на этихъ подробностяхъ, интересныхъ для исторіи христіанскихъ передѣлокъ Александріи, въ которыхъ чудовищные народы и звѣри обращались въ фантасмагорію мытарствъ, страна блаженныхъ приготовляла видѣнія рая и на-ново примѣнялись — вѣщія птицы, видѣнія солнечнаго града и драгоцѣнныя палаты Низейской поляны.

Въ связи съ этимъ стоитъ мое предложенное выше (стр. 228, § 5; сл. стр. 265) сравненіе эпизода о нагомудрецахъ сербской Александріи съ §§ 5—7 нашей схемы Pseudocall. C: брахманы (II, 35), въ сосѣдствѣ со статуями Геракла (с. 34), очутились

[1]) Zacher, Pseudocallisthenes, p. 106.
[2]) Zingerle, l. c., p. 42—4.

нагомудрецами Ираклія, приключенія с. 36—7 далѣе матеріалъ для чистилищныхъ видѣній; таинственный островъ, съ котораго слышатся какіе-то голоса (с. 38), отвѣтилъ-бы обители потомковъ Сиѳа: за ними начинается страна блаженства (с. 39) — Эдемъ. — Въ пространной редакціи Hist. de Prel. Александръ посѣщаетъ Оксидраковъ или *Гимнософистовъ* (Zing. 214), направляется отъ нихъ *къ статуямъ Иракла* (ib. 216) и лишь послѣ ряда приключеній приходитъ къ *брахманамъ* (ib. 220); далѣе (ib. 236) примыкаютъ описанныя выше встрѣчи и хожденіе къ деревьямъ солнца и луны. — Краткая редакція относитъ статуи Иракла въ другое мѣсто (= Pseudocall. AV, III, 27) и не знаетъ дублета Оксидраковъ и Брахмановъ. И на этотъ разъ пространный текстъ далъ намъ параллели къ особенностямъ сербскаго романа: Оксидраки вблизи статуй Иракла — народъ Ираклія, Брахманы съ Дандамомъ отвѣчаютъ сынамъ Сиѳа и Эванту — эпизоду, разработанному, какъ мы видѣли (сл. выше, стр. 276—7), по плану Палладіевой повѣсти.

VII.

ГЕРІЙ — ІЕРЕМІЯ ВЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРІИ.

Говоря выше о христіанскихъ передѣлкахъ Александрова романа, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Александрію сербскую. Какъ совершались эти передѣлки, пріурочивавшія старыя имена и отношенія къ новому пониманію, — это покажетъ для нашего памятника эпизодъ объ Іереміи, который мы нарочно выдѣлили изъ общей связи разсказа, чтобы сосредоточить на немъ особое вниманіе.

Имя Іереміи было популярно въ переводной литературѣ апокрифовъ, напримѣръ, изъ Повѣсти о Плѣненіи Іерусалима[1]), въ талмудическихъ источникахъ которой я не встрѣчалъ до сихъ поръ поэтическаго эпизода о семидесятилѣтнемъ снѣ Варуха и Авимелеха[2]): легенды, становящейся въ рядъ многихъ другихъ разсказовъ о вѣковомъ успеніи[3]). Сказаніе объ Іереміи, о Реха-

---

1) Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. лит., I, стр. 273 и слѣд.; А. Поповъ, Описаніе рукописей и т. д. А. И. Хлудова, стр. 406 слѣд. (по торжественнику XIV вѣка); отрывки болѣе древняго текста у Срезневскаго, Пам. юсоваго письма, стр. 185—186, подъ ошибочнымъ заглавіемъ: «Сказаніе Іоанна Богослова».

2) Къ легендамъ о вѣковомъ успеніи см. мой отчетъ о книгѣ Koch'a, Die Siebenschläferlegende, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, Ноябрь, стр. 152 слѣд.

3) См. Wünsche, Bibl. rabb. Lief. XIX, стр. 158 и слѣд.; XIII, стр. 21 и слѣд.; XIV, стр. 108; Ehrmann, l. c., стр. 19—20, № 16; Gaster, Literatura

витахъ-рахманахъ могло сближить имя Іереміи съ содержаніемъ Александріи: этимъ скорѣе, чѣмъ замѣной созвучныхъ именъ, можно было бы объяснить себѣ пророка Іеремію, играющаго такую роль въ ея сербской рецензіи и, вѣроятно, въ ея подлинникѣ.

Имя Іеремія есть, такъ-сказать, показатель этой рецензіи; въ немъ образно выразились библейско-христіанскія идеи, прони-

---

populara română, стр. 340 и слѣд.: Deramarea Ierusalimului şi legenda prorocului Ieremia; его-же: Beiträge zur vergleichenden Sagen- und Märchenkunde (Bukarest, 1883), c. XI, p. 79 и слѣд. Въ славянскомъ текстѣ (по Хлудовскому списку), разсказывается, что предвидя взятіе Іерусалима, Іеремія молилъ Господа объ Авимелехѣ: «не хощоу да виїть ӥсчезновении гра ӥ запоустѣниꙗ ѥго. нъ да помлоуѥши и да не скрьбить. И рече гь їеремїи. посли и вь виногра ӓгрипповь. и покрыю и ӓзь стѣнемь гѡры. дондѣже вьзвращоу лю вь гра». Такъ Іеремія и поступаетъ: войдя съ Варухомъ въ алтарь онъ, по повелѣнію Господа, предаетъ землѣ сосуды служебные, «и ӓбиѥ пожрѣть ѥ землꙗ»; а на утро посылаетъ Авимелеха въ село Агриппово принести смоквъ недужнымъ людямъ. Халдѣи уводятъ Іеремію въ Вавилонъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками; Варухъ-же «ӥзыде ӥзь гра плачесе.... и прѣбы вь гробѣ. ӓгглომь приходещимь и повѣдающимь ѥмоу ѿ всѣ иже вьзвѣсти ѥмоу ӥми. Авимелехь же шь принесе смоквы вь зной. и дошь дрѣва ѥдиного, сѣде подь сѣнию ѥго почити мало. и прѣклонь главоу свою подь кошемь смокьвь оуспе. и сотвори спе ѯз лѣть.... И посемь вьставь ѿ сна.... и ѿкрывь кошь смокьвь, ѡбрѣте ѿ смокьвь млѣко каплюще» (Хлуд. стр. 408; Тихонравовъ, l. c., стр. 277 и слѣд.). Мусульманскіе писатели разсказываютъ нѣчто подобное о Іереміи, котораго отожествляютъ съ Эздрой — Ozair: будто бы, отведенный въ Вавилонъ Навуходоносоромъ и чудеснымъ образомъ освобожденный изъ плѣна, онъ остановился не вдалекѣ отъ разрушеннаго тогда Іерусалима, въ деревнѣ Diar-ânab (мѣсто виноградника), гдѣ нашелъ смоковницы и лозы, отягченныя плодами, которыхъ набралъ. Изъ этой мѣстности ему видны были развалины города и храма; сѣтуя объ ихъ участи, онъ часто помышлялъ, что имъ никогда не подняться. Тогда Господь навелъ на него вѣковой сонъ. Семьдесятъ лѣтъ спустя по смерти Навуходоносора, Персидскій царь Ношекъ велѣлъ возстановить Іерусалимъ и его храмъ, и когда это было исполнено по прошествіи тридцати лѣтъ, Господь воскресилъ и Эздру, которому сто лѣтъ показались однимъ днемъ. — Замѣтимъ, что мусульманское преданіе, согласно съ нашимъ апокрифомъ, заставляетъ Іеремію умереть въ Іерусалимѣ. Сл. D'Herbelot, Bibliothèque orientale, a. v. Irmia и Ozair. Ѳеодосій указываетъ на «lucum filiorum Ammon, ubi dormivit Abimelech annis quadraginta sex». T. Tobler et J. Molinier, Itinera Hierosolymitana, p. 67; сл. еще нашего Зосиму (Чтен. въ Об. Ист. и Древн. 1871, кн. I, стр. 27), Хожденіе архимандрита Грееенья (Русск. Филолог. Вѣстн. 1885, № I, стр. 27 и прим. 3) и др.

кающія какъ западные пересказы стараго романа, такъ въ особенности нашъ текстъ, съ его частыми ссылками на Соломона, упоминаніемъ Бога-Саваоѳа и апокалипсическимъ (или народнымъ?) образомъ воиновъ-косцевъ (Апок. XIV, 14 слѣд.; сл. выше, стр. 181 и 185). Если я не ошибаюсь именно этотъ синкретизмъ и дѣлаетъ для насъ такъ привлекательнымъ типъ средневѣковаго Александра: типъ героя въ цвѣтѣ силъ и стремленій, не знающаго границъ тому и другому, тогда какъ рядомъ неустанно слышится одна и та-же грустная нота, звучащая и въ размышленіяхъ мудрецовъ, сошедшихся надъ гробницей Александра [1]), и въ вступленіи Альбериховой Александріи: что все въ жизни суета суетъ.

Dit Salomon al premier pas
Quant de son libre mot lo clas:
Est vanitatum vanitas
Et universa vanitas.

Прослѣдимъ появленіе Іереміи въ нашемъ текстѣ.

Мы видѣли, что сербская рецензія, опирающаяся на редакцію Псевдокаллисѳена особаго типа, помѣстила эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Іерусалима (и Египта) до пораженія Дарія (сл. выше стр. 224, 233—4). Этотъ распорядокъ, свойственный не одному лишь сербскому изводу, обусловленъ, быть можетъ, библейскимъ освѣщеніемъ старой легенды, которое редакторъ усилилъ, предоставивъ Іереміи роковую роль въ своемъ романѣ.

Онъ начинается такимъ образомъ: «Бысть великои божіеи прѣмоудрости създавши храмь себѣ и седмими сего оутврьдивша стльпы, вь петотысоуштное же лѣто сего стоѩніа, и царствоуюштоу великаго Рима Таркинию царю, начелствоуюштоу же іисраилитьскымь людемь, еувреискомоу господьствоу, *Іодае архіереоу*

[1]) Сл. Нравственныя изреченія философовъ Honein ben Ishak'a († около 873 г.) у Stern'a, Zur Alexander-Sage (Wien, 1861), стр. 25—8, ихъ староиспанскій переводъ (El libro de los buenos proverbios) у Knust'a, Mittheilungen aus dem Eskurial, стр. 56—58 и тамъ-же Bocados de Oro, стр. 301—3, съ прим. *a* на стр. 303—5.

(далѣе: Іуда) и *Іеремію пророкоу*, господствоующтоу же въсточнымь percaнамь Дарію сыноу Куроусовоу» и т. д. (сл. выше, стр. 135). Въ вѣнскомъ текстѣ упоминается въ Іерусалимѣ лишь αὐθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἀρχιερεύς (W, стр. 1).

Филиппъ былъ на войнѣ, когда родился Александръ. Объ этомъ событіи онъ извѣщенъ во снѣ явленіемъ бога Аммона; въ одномъ варіантѣ сербскаго текста вмѣсто него названъ «Еремиꙗ прωрωкь» (сл. выше, стр. 147).

О мирномъ пришествіи Александра въ Іерусалимъ и его бесѣдахъ съ іереями коротко говоритъ Pseudocall. C, II, c. 24. Иначе сербскій текстъ: въ Іерусалимѣ обладаютъ еврейскими сонмищами пророкъ *Іеремія* и іерей именемъ Іуда, вар. Іода (Нов. стр. 46); у Jag. l. c. стр. 254 одинъ Іеремія; въ одной болгарской рецензіи нашего текста, описанной Ягичемъ (Opisi i izvodi I, стр. 24): Иода; въ вѣнскомъ текстѣ (W, стр. 43) и греческой народной книгѣ р. 67: ὁ προφήτης Ἱερεμίας: болгарская народная книга: Архіепископъ пророкъ Іеремій, р. 54; рум. нар. кн., стр. 33: то-же. — Вѣстники Евреевъ говорятъ Александру, что они подручны Дарію, и ему не войдти въ городъ, пока онъ не побѣдитъ ихъ властителя; Александръ отвѣчаетъ, что не пойдетъ на него, не поклонившись великому въ Іерусалимѣ, и обѣщаетъ освобожденіе отъ персидскаго ига. Іеремія также указываетъ своимъ на Александра, какъ на грядущаго освободителя и, явившись ему во снѣ въ одеждѣ Аарона, побуждаетъ его: «иди въ Іеросалимь, и тоу, поклонивь се великомоу Богоу Саваоѳоу, на Даріа иди, и сего побѣдивь, Персомь господинь наречеши се» (Нов. стр. 48; сл. W, стр. 44 и греч. нар. кн., стр. 69: ὄνειρον Ἀλεξάνδρου). Вступивъ въ Іерусалимъ и исповѣдавъ великаго Бога, Александръ отправляется въ Египетъ; Іеремія провожаетъ его до полудня, открываетъ ему пророчества Даніила и говоритъ: «помошть Бога Саваоѳа призиваи, и силоу пер'скоу побѣдиши, и вративь се, Іегуп'ть пріимѣши и Фора великаго оубиюши...., и вьсемоу оть вьстока и до запада царь наречеши се,

и ѥгда сіа вьса сьврьшиши, тогда близоу раꙗ доидеши, и тоу чловѣкы наидеши, иже не живоуть дебелостию пльтьскою обрѣменен'ни, ꙗкоже мыи, нь мир'но нѣкако живоуть, близь бо аггельскаго житіа соуть. Сіи блажени нарекоуть се оть Бога» (Нов. стр. 49; сл. W, стр. 45—6; греч. нар. кн., стр. 71). Іеремія проситъ Александра принять дары отъ Іерусалимлянъ: «и повелѣ Іѥреміа принести камень лих'нитарь, на нѥмь же бѣ писан'но име Господа Бога Саваоѳа, ѥгоже на хел'мѣ ношаше Ісоусь Навиовь, ѥгда на бои исхождааше на иноплемен'никы, и повеле принести мьчь Голіата иноплемен'ника, ѥгоже оуби на рати Давидь, царь ѥврѣискыи, и повелѣ принести хел'мь крѣп'каго Сам'псона сь змѣѥви нок'ти, и копіѥ Сам'псоново адаман'тово, ѥмоуже не стоꙗше ниѥдино ороужіѥ, и принесоше ѥмоу штить оть акін'та гвоз'діа, ѥмоуже не можеть косноути се ниѥдино железо, кои бѣше биль Анаѳана, сына Саоулова» (Нов. II, стр. 49—50; сл. W, стр. 46, греч. нар. кн. 71—72). Приведу по вѣнской рукописи перечень подарковъ, поднесенныхъ Александру: ἤφεραν λιθαρόπουλον λυχνιτάρι, καὶ εἰς αὐτὸ τὸ λυχνιτάρι ἦτον γραμμένο τὸ ὄνομα τοῦ Σαβαώθ, καὶ αὐτό το λιθαρόπουλον ἐβάστα εἰς τὴν μπαρμποῦτα του ὁ υἱός τοῦ Ναυῆ (греч. нар. кн. ὁ Ἰησοῦς τοῦ Ναυῆ), ὅταν ὑπάγαινε νὰ πολεμίσῃ μὲ ἀλλόφυλα ἔθνη· ἤφεράν του καὶ τὸ σπαθὶ τοῦ Γολιὰθ τοῦ Ἕλληνος[1]), ὁποῦ τὸν ἐτρόπωσεν ὁ Δαβὶδ τῶν Ἑβραίων. ἤφεράν του καὶ τὴν μπαρμποῦτα τὴν διχαλὴν τοῦ ἀνδρειωμένου τοῦ Σαμψῶν μὲ τὸν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια χολλημένη (греч. нар. кн.: μὲ τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια κοσμημένη; сл. 164: μὲ τῆς ἀσπίδος τὸ πετζὶ κολλημέναις); ἤφεραν του καὶ τὸ κοντάρι τοῦ Σαμψοῦ, ἀδαμάντινον το ξίφος, ὁποῦ κανένα σίδερο οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κρατήσει· καὶ ἤφεράν του σκουτάρι σιδερέϊνον ἀπὸ ἄνικον («оть акін'та»?), ὁποῦ ἄλλον σίδερον οὐδὲν τὸ ἐπέρνα, ὅπου εἶχεν γένη τοῦ Υἰωπανθάνου τοῦ υἱοῦ τοῦ Σαοὺλ τοῦ βασιλέως.

---

[1]) Болг. нар. кн. р. 58: Голіаѳъ эллинскій — буквальный переводъ съ новогреческаго, гдѣ Эллинъ означаетъ вообще богатыря и въ этомъ смыслѣ является въ одной трапезунтской пѣснѣ эпитетомъ царя Константина. Сл. мои Южно-русскія былины, вып. 2-й, стр. 261—264.

Таковы первыя упоминанія Іереміи въ Сербской Александріи: онъ вступилъ въ права первосвященника Іаддуа у Іосифа Флавія (XI, 8)[1], разсказъ котораго о посѣщеніи Іерусалима Александромъ несомнѣнно послужилъ источникомъ для соотвѣтствующаго эпизода нашего текста, какъ и для другаго пересказа Псевдокаллисѳена въ архивскомъ спискѣ и эллинскомъ лѣтописцѣ. — Сербскій текстъ несомнѣнно сохранилъ память о Іаддуа — въ іереѣ Іодаѣ-Іодѣ-Іюдѣ, являющемся рядомъ съ Іереміей; Historia de preliis пространной редакціи (Zing. стр. 151) удержала имя Iaddus; Адоусъ, Авдоусъ въ старослав. переводѣ Амартола (А. Поповъ, Хронографы, I, стр. 39). — Какъ Евреи не хотятъ впустить Александра въ Іерусалимъ изъ боязни Дарія, такъ у Pseudocall. I, 43 Абдериты, а въ Bocados de oro жители Quila [2]).

Въ книгѣ II гл. 6 сербскаго текста Іеремія является во снѣ Александру и ободряетъ его къ битвѣ противъ Дарія: носи на головѣ камень съ именемъ великаго Бога Саваоѳа, который я далъ тебѣ въ Іерусалимѣ, и призывая Господне имя, иди въ бой: ты побѣдишь. Нов., стр. 57; сл. W, стр. 50, греческ. нар. кн. стр. 81—82 = болг. нар. кн. стр. 67 и выше стр. 241, 252.

Соотвѣтствія этому эпизоду у Псевдокаллисѳена я не встрѣтилъ, но для II, с. 13 оно есть, и чрезвычайно характерное: у Псевдокаллисѳена Аммонъ, явившись Александру во снѣ въ образѣ *Гермія* (ἐν σχήματι Ἑρμοῦ; въ Hist. de prel. краткой ред.: in forma Hermi, Landgraf, стр. 87; въ пространномъ текстѣ у Zing. стр. 183: in figura Mercurii), велитъ ему самому отправиться къ Дарію въ качествѣ своего собственнаго посла; Александръ идетъ, взявъ съ собою сатрапа, именемъ Эвмила или *Эрмила*. Въ сербскомъ текстѣ (Нов. стр. 63; сл. выше,

---

[1]) Другіе разсказы о посѣщеніи Александромъ Іерусалима (въ вавилонскомъ Талмудѣ, у Іосиппона и Абульфараджа) см. у Henrichsen, Das Verhältniss der Juden zu Alexander dem Grossen, Theolog. Studien und Kritiken, 1871, стр. 473—478.

[2]) Сл. Knust, l. c., p. 286, 438—439.

стр. 244 и 254) это передано такъ: «*Алексендроу же въ тоу ношть гави се пророкь кремія* съ философомь Іерусалимскымь»; вар.: с Пиникием, Финеемь; рум. сп. 175: сь Финеесомь архиереемь иер̃лимскимь. Сл. W, стр. 50, греческ. нар. книга, стр. 90—91 = болг. нар. кн. стр. 76 (одинъ Іеремія), и выше Іеремію, какъ варіантъ къ Аммону.

Въ III-й книгѣ, послѣ эпизода съ Кандакой, гл. 14 (сл. Pseudocall. III, 24, C), Александръ возвращается въ «Персидоу» и оттуда въ Вавилонъ; снова является ему въ сновидѣніи пророкъ Іеремія и въ пространной рѣчи готовитъ его къ близкой смерти (гл. 17). Сл. Нов. стр. 126—7, греч. нар. кн. стр. 167—168; болг. нар. кн. стр. 144.

Въ III гл. 29 (Нов. стр. 144), въ день, когда отравленъ былъ Александръ, іереи изъ Іерусалима принесли ему «шаторъ великъ зѣло» и вѣсть о смерти Іереміи, сильно опечалившую царя. Въ то же время ему докладываютъ, что въ Александріи невозможно жить отъ великихъ змѣй, исходящихъ изъ Нила и уязвляющихъ людей. Александръ говоритъ: «идете въ Іеросалимь и кости кврейскога пророка Икремик вьзьм'ше и на кресть сихь оу градь оузигкте (оу зьдь), того бо молитва кдь змиинь исцѣлыкть. И оть толѣ и до дьньсь оу Алексан'дріи змиы чловѣка оухапажти не можеть». Этой подробности нѣтъ ни въ вѣнскомъ текстѣ, ни въ новогреческой народной книгѣ и ея болгарскомъ (и сербскомъ?) переводѣ; румынская Александрія её знаетъ (рум. нар. кн. стр. 107—8; рум. К. 56/78 об.).

Разумѣется, мы не въ правѣ заключить изъ этого обстоятельства, что ея не было и въ томъ болѣе подробномъ текстѣ, съ котораго былъ сдѣланъ древній переводъ Александріи сербскаго извода, поддерживаемый, въ данномъ случаѣ, и старымъ румынскимъ пересказомъ. Я полагаю, напротивъ, что эпизодъ этотъ существовалъ уже въ оригиналѣ: онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ его общимъ планомъ, съ характеромъ его особыхъ источниковъ. Мы видѣли, что роль въ немъ Іереміи опредѣлилась вліяніемъ апокрифической литературы; тѣмъ яснѣе это вліяніе

для интересующей насъ подробности. Приведемъ доказательства.

У Ефрема Сирина въ толкованіи на Іеремію о немъ говорится: «Hieremia Propheta ex Anathoth in Pharo(?) Aegypti lapidibus obrutus a populo, sepultus fuit in sepulcro Pharaonis, eo quod Aegyptii in summo eum honore haberent propter accepta ab eo beneficia. Ossa ejus ab Alexandro Rege Alexandriam translata et ingenti cum pompa ibidem condita fuerunt» [1]).

Въ Пасхальной хроникѣ [2]) помѣщена статья о пророкахъ, приписываемая то Доровею, то Епифанію, епископу Кипрскому, восходящая, вѣроятно, ко второй половинѣ V вѣка, воспринятая въ лѣтопись Симеона Логоѳета и въ наши прологи [3]). Статья

---

[1]) Assemani, Bibl. Orient. t. I, p. 72 a.

[2]) Ed. Dindorf, Bonn, I, стр. 274 и слѣд., II прим. къ стр. 274 и слѣд.

[3]) Профессоръ Петровъ, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога, стр. 19, говоритъ, что въ проложной біографіи пророка Іереміи вставлена замѣтка объ Александрѣ Македонскомъ, вѣроятно, заимствованная изъ «Слова сказательна о велицемъ Іереміи пророцѣ, о кончинѣ его и о принесеніи мощей его царемъ Александромъ Македонскимъ отъ Египта въ Александрію» (Опис. ркп. Толстова I, № 34, стр. 20). Но это слово — переводъ сообщаемой Епифаніевой статьи, извѣстной и составителю Святославова Сборника 1073 года (л. 257 об.—258 об.). Приведу начало его перевода для сличенія съ греч. текстомъ. «Иѥремиꙗс сн҃ъ Хел҄киꙗ ст҃ителѧ бѧаше отъ ѥѯанаѳома и въ Тафинѣхъ ѥгуп҄тьскꙑихъ камениѥмь побьѥнъ отъ людии оум҄ре. лежить же близь домоу Фараонѧ, ꙗко ѥгуп҄тѧне въславиша и бл҃годѣть имъ приимъше· поли бо сѧ и аспидꙑ ихъ осташасѧ и водьнии звѣриѥ ꙗже нарече Ѥгуп҄тѣне Менефоѳ, Ѥлине же крокодиль, имь же бѣахоу ѧ оумарѧѭшта. и помоливъшѫсѧ пророкоу възбраненъ бы ѡтъ землѧ тоꙗ родъ аспидьскꙑи отъ рѣкъ такожде врѣдъ звѣрьск҄ꙑи· и ѥлико же ѥ вѣрьникъ бж҃ии до нынѣ молѧть сѧ на мѣстѣ томь идеже лежитъ и въземлюще прьсть мѣста того оуханиꙗ аспидина исцѣлѧѭть, и звѣрѧ водьнꙑꙗ прогонѧть. Мꙑ же слꙑшали ѥс҃мъ отъ робъ Антигоновъ и Птолемеинъ старьць нѣкꙑихъ ꙗко Ольѯан҄дръ Македонъ пришьдъ надъ гробъ пр҇рочь и разоумѣвъ сѫштаꙗ надъ нимь таинꙑ, въ Алеѯан҄дриѭ прѣнесе ѥго мошти опрѧтавъ ꙗ славьнѣ, и възбраненъ бꙑ отъ землѧ тоꙗ родъ аспидьскъ и отъ рѣкꙑ такоже звѣрии» и т. д.—Краткій пересказъ этой легенды вставленъ въ славянскую Александрію Псевдокаллисѳеновскаго типа: Александръ приходитъ въ Мемфисъ, видитъ статую Нектанеба, котораго признаетъ своимъ отцемъ, дивится, какимъ образомъ жители столь укрѣпленнаго города могли уступить варварскому насилію, и требуетъ отъ нихъ дани. Передъ этимъ требованіемъ Син. ркп. № 86 (XVI в.) вставляетъ, совсѣмъ не у мѣста, слѣдующее: «Александръ видѣ гробъ Іеремиа

Епифанія была не разъ издана; Минь[1]) воспроизвелъ текстъ Петавія и напечаталъ статью еще по двумъ спискамъ Коаленевой библіотеки, №№ CXX и CCXXIV, десятаго вѣка. Слѣдующій эпизодъ жизнеописанія Іереміи сообщается по первой рукописи:

Ἱερεμίας ἦν ἐξ Ἀναθὼθ, και ἐν Τάφναις τῆς Αἰγύπτου λίθοις βληθεὶς ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἀποθνήσκει. Κεῖται δὲ πλησίον τῆς οἰκίας Φαραώ, ὅτι οἱ Αἰγύπτιοι ἐδόξασαν αὐτὸν εὐεργετηθέντες δι'αὐτοῦ· ηὔξατο γάρ, καὶ αἱ ἀσπίδες αὐτοὺς ἔασαν καὶ τῶν ὑδάτων οἱ θῆρες, οὓς καλοῦσι οἱ Αἰγύπτιοι μενεφὼθ, Ἕλληνες δὲ κροκοδείλους, οἱ ἦσαν αὐτοὺς θανατοῦντες· καί εὐξαμένου τοῦ προφήτου ἐκολύθησαν ἐκ τῆς γῆς ἐκείνης τὸ γένος τῶν ἀσπίδων καὶ ἐκ τοῦ ποταμοῦ ὡσαύτως τὸ ἔνεδρον τῶν θηρίων. Καὶ ὅσοι εἰσὶν πιστοὶ Θεοῦ, ἕως τοῦ νῦν εὔχονται ἐν τῷ τόπῳ ὅπου κεῖται, καὶ λαμβάνοντες τοῦ χοὸς τοῦ τόπου, δήγματα ἀσπίδων θεραπεύουσιν, καὶ τὰ θηρία τοῦ ὕδατος φυγαδεύουσιν. Ἡμεῖς δὲ ἠκούσαμεν ἐκ τῶν παίδων Ἀντιγόνου καὶ Πτολεμαίου γερόντων τινῶν, ὅτι Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδὼν ἐπιστὰς τῷ τάφῳ τοῦ προφήτου καὶ ἐπιγνοὺς τὰ εἰς αὐτὸν μυστήρια, εἰς Ἀλεξάνδρειαν μετέστησεν αὐτοῦ τὰ λείψανα, περιστείλας αὐτὰ ἐνδόξως (ркп. CCXXIV, согласно съ текстомъ Пасхальной Хроники и Симеономъ Логоѳетомъ: περιθεὶς αὐτὰ ἐνδόξως κύκλῳ)· καὶ ἐκωλύθη ἐκ τῆς γῆς τὸ γένος τῶν ἀσπίδων καὶ ἐκ τοῦ ποταμοῦ τὰ θηρία.

Рукопись CCXXIV прибавляетъ вслѣдъ за этимъ такую подробность: καὶ τότε ἐνέβαλε (Іеремія) τοὺς ὄφεις τοὺς λεγομένους ἀργολαίους, ὅ ἐστιν ὀφιομάχους, οὓς ἤνεγκαν ἐκ τοῦ Ἄργους τοῦ Πελασγικοῦ, ὅθεν καὶ ἀργολαῖοι καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργους ἀριστεροί· λαιὸν γὰρ λέγουσι πᾶν εὐώνυμον. Согласно съ этимъ въ

пророка бли[3] дому Фараωна, и разжмѣвъ бывающа[ѧ] таиныимъ, во Александрію принесе (ркп.—оша) мощи его, славоу сотвори и чтъ имъ. И погыбе ωтъ землѧ тъа рωдъ аспидескъ и ωтъ рѣкъ коркодилѣ». На подобную вставку въ Hist. de prel. пространнаго типа мы укажемъ далѣе.

[1]) Migne, Patrol. gr. v. XLIII, p. 393 слѣд. Сл. Fabricii Cod. pseudepigr. V. Testam. p. 1110 sqq.

выпискахъ у Свиды (*Ἀργόλαι οὖν ἐκ τοῦ Ἄργους λαιοί· τοῦ Πελασγοῦ*) **и Симеона** (*οὗτος τοὺς λεγομένους Ἀργόλας, ὅ ἐστιν ὀφιομάχους, εἰς τὴν γῆν Αἰγύπτου, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργους τοῦ Πελασγικοῦ· ὅθεν καὶ Ἀργόλαι καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργους εὐώνυμοι· λαιὸν γὰρ πᾶν τὸ εὐώνυμον, τὸ δὲ Ἄργος ἐστὶν ἀνατολικόν*). **Иначе въ текстѣ Пасхальной Хроники**: *καὶ οὕτως ἐνέβαλεν τοὺς ὄφεις τοὺς λεγομένους ἀργολάους, ὅ ἐστιν ὀφιομάχους, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργους τοῦ Πελοποννησιακοῦ, ὅθεν καὶ ἀργόλαοι καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργους δεξιοί· λαιὰν δὲ ἔχουσιν ἡδυτάτην καὶ πανευώνυμον* (!).

Текстъ рукописи CXX продолжаетъ: Οὗτος ὁ προφήτης σημεῖον δέδωκε τοῖς ἱερεῦσιν Αἰγύπτου, ὅτι δεῖ σεισθῆναι τὰ εἴδωλα αὐτῶν καὶ συμπεσεῖν τὰ χειροποίητα αὐτῶν, ὅταν ἐπιβῇ ἐν Αἰγύπτῳ παρθένος λοχεύουσα βρέφος θεοειδές (**см. Iерем. гл. 43, стр. 12, 13**). Διὸ καὶ ἕως νῦν τιμῶσιν παρθένον λοχοῦν (sic) καὶ βρέφος ἐν φάτνῃ τιθέντες προσκυνοῦσιν. Καὶ Πτολεμαίῳ τῷ βασιλεῖ πυνθανομένῳ τὴν αἰτίαν ἔλεγον, ὅτι Πατροπαράδοτον ἡμῖν ἐστιν μυστήριον, ὑπὸ ὁσίου προφήτου τοῖς πατράσιν ἡμῶν παραδοθέν, καὶ ἐκδεχόμεθα τὸ πέρας τοῦ μυστηρίου ἡμῶν.

Οὗτος δὲ πρὸ τῆς ἁλώσεως τοῦ ναοῦ ἥρπασεν τὴν κιβωτὸν τοῦ νόμου καὶ τὰ ἐν αὐτῇ, καὶ ἐποίησεν αὐτὰ καταποθῆναι ἐν πέτρᾳ, λέγων τοῖς παρεστῶσιν· Ἀπεδήμησεν Κύριος ἐκ Σιὼν εἰς οὐρανόν, καὶ πάλιν ἐλεύσεται ἐν δυνάμει. Καὶ σημεῖον ὑμῖν ἔστω τῆς παρουσίας αὐτοῦ, ὅτε ξύλον πάντα τὰ ἔθνη προσκυνήσωσιν. Τὴν δὲ κιβωτὸν ταύτην οὐδεὶς ἐκβάλλει εἰ μὴ Ἀαρών· καὶ τὰς ἐν αὐτῇ πλάκας οὐδεὶς ἀναπτύσσει ἱερέων ἢ προφητῶν εἰ μὴ Μωσῆς ὁ ἐκλεκτὸς τοῦ Θεοῦ. Καὶ ἐν τῇ ἀναστάσει πρῶτον ἡ κιβωτὸς τοῦ Θεοῦ ἀναστήσεται καὶ ἐξελεύσεται ἐκ τῆς πέτρας, καὶ τεθήσεται ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ τότε πάντες οἱ ἅγιοι συναχθήσονται ἐκεῖ ἐκδεχόμενοι τὸν Χριστόν. Ἐν δὲ τῇ πέτρᾳ ἐσφράγισεν τῷ δακτύλῳ αὐτοῦ τὸ ὄνομα τοῦ Θεοῦ, καὶ γέγονεν ὁ τύπος ὡς γλυφὴ σιδήρου, καὶ νεφέλη ἐσκέπασεν τὸ ὄνομα, καὶ οὐδεὶς νοεῖ τὸν τόπον ἕως τῆς συντελείας. Καὶ ἔστιν ἡ πέτρα ἐν τῇ ἐρήμῳ ὅπου πρῶτον ἡ κιβωτὸς γέγονεν μεταξὺ τῶν δύο ὀρέων ἐν οἷς κεῖται Μωσῆς καὶ Ἀαρών· καὶ ἐν νυκτὶ νεφέλη ὡς πῦρ γίνεται κατὰ τὸν τύπον τὸν ἀρχαῖον, ὅτι οὐ μὴ παύσηται ἡ δόξα τοῦ Θεοῦ

ἐκ τοῦ νόμου αὐτοῦ. Καὶ ἔδωκεν ὁ Θεὸς τῷ Ἱερεμίᾳ χάριν, ἵνα τὸ τέλος τοῦ μυστηρίου αὐτοῦ αὐτὸς ποιήσῃ, ὅπως γένηται κοινωνὸς Μωϋσέως [1]).

Нѣкоторыя подробности Епифаніевой легенды повторены, съ любопытными отмѣнами и развитіями, въ отреченной повѣсти «о плачѣ и о рыданіи пророка Іереміи и о запустѣніи Іерусалима», извѣстной мнѣ по русскимъ спискамъ [2]) и Всеобщей исторіи Дороѳея, митрополита Монемвасійскаго [3]).

---

[1]) Въ статьѣ о семидесяти ученикахъ І. Христа, напечатанной съ именемъ Дороѳея Тирскаго въ приложеніи VIII къ Пасхальной Хроникѣ (ed. Dindorf, II, стр. 120 и слѣд.), встрѣчаются подробности объ Іереміи, напоминающія Епифаніевскую статью. Сл. стр. 138: Εὕρομεν καὶ ταῦτα ἐν τοῖς ἱστορικοῖς συγγράμμασιν τοῦ λεχθέντος θείου ἀνδρὸς Δωροθέου.... ὅτιπερ ὁ Ἱερεμίας ἱερεὺς ὢν καὶ προφήτης θείῳ Πνεύματι προθεωρήσας καὶ τὴν τῆς Ἱερουσαλὴμ αἰχμαλωσίαν, μετὰ τὴν τελευτὴν Ἰωσίου τοῦ Βασιλέως Ἰουδαίας, ἄρας τὴν σκηνὴν τὴν Μωσαϊκὴν, καὶ τὴν κιβωτὸν τῆς διαθήκης, καὶ πάντα τὰ ἅγια τὰ ἐν αὐτῇ καὶ πάντα τὰ σκεύη ἃ Μωσῆς κατεσκεύασεν, ἐλθὼν εἰς τὸ ὄρος Ναβάου ἔνθα ὁ Μωσῆς αὐτὸς ἐτάφη, εὗρεν σπήλαιον, κἀκεῖ πάντα ἀπέθετο, καὶ ηὔξατο εὐχὴν, ὥστε μὴ φανερωθῆναι αὐτὰ ἕως συντελείας τοῦ αἰῶνος. Καὶ ἔκτοτε ὁ τόπος ἀγνώριστος ἐγένετο καὶ αὐτοῖς τοῖς ἱερεῦσιν ἅμα τῷ Ἱερεμίᾳ ἀποθεμένοις αὐτά. Слѣдуетъ непосредственно (стр. 138—140) преданіе объ Иродіадѣ, о которомъ мнѣ пришлось говорить въ Разысканіяхъ VII, стр. 221—222 и 429—430; къ свидѣтельству Никифора Каллиста слѣдуетъ присоединить теперь и слѣдующее: (Σὺν οἷς καὶ ταῦτα εὑρήκαμεν·) ἐπὶ ὑπατείας Γάλβου καὶ Σύλλα, ἐπὶ τούτῳ τῷ ὑπάτῳ ὑπὸ κρύους παγωθείσης τῆς λίμνης Γενησαρέτ, ἡ θυγάτηρ τῆς Ἡρωδιάδος κατὰ τέρψιν ἐπὶ τοῦ πάγους ἀπέβαινεν. Τοῦ δὲ πάγους διατρυβέντος, τὸ σῶμα αὐτῆς κατεπόθη ὑπὸ τοῦ πάγους ἄνωθεν ἐμφυέντος. Ἡ δὲ Ἡρωδιὰς ἐπὶ τῶν γονάτων αὐτῆς ἀποθεμένη τὴν κεφαλὴν τῆς θυγατρὸς, κλαίουσα, ὁμολόγει διὰ τοῦ αἰτήσασθαι αὐτὴν τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ τοῦτο ὑπέμεινεν. Иродъ и Иродіада и ихъ четыре сына умираютъ, объѣденные червями; нѣтъ рѣчи о фантастической пляскѣ отрѣзанной головы, о которой говоритъ Каллистъ. Къ этимъ и подобнымъ «ивановскимъ» легендамъ я пытался привязать нѣкоторыя повѣрья и обряды на Ивановъ день. Сл. теперь Pitrè, *Archivio* I, 2, стр. 327: Nella notte di S. Giovanni i contadini del Napoletano mettevano fuori una secchia ripiena d'acqua per vedervi passare Erodiade e sua madre, che si rinfacciavano a vicende l'uccisione del Battista.

[2]) Сл. выше, стр. 331, прим. 1. Далѣе цитуется Хлудовскій текстъ съ указаніями разночтеній по тексту, напечатанному И. И. Срезневскимъ.

[3]) Βιβλίον ἱστορικὸν περιέχον ἐν συνόψει διαφόρους καὶ ἀξιακούστους ἱστορίας .... συλλεχθὲν .... παρὰ τοῦ ἱερωτάτου Μητροπολίτου Μονεμβασίας κυρίου Δωροθέου· и т. д. Ἐνετίῃσι, ͵Αψξγ. Соотвѣтствующій эпизодъ пересказанъ у Gaster, Beiträge zu vergleichenden Sagen- und Märchenkunde, p. 81 слѣд., указавшаго на существованіе той-же легенды въ одной румынской хроникѣ начала XVII в.

Передъ плѣненіемъ Іерусалима Іеремія молитъ Бога: «сѝ нн҃ѣ разоумѣхь, ꙗко прѣдаѩши гра҆ свои вь роуцѣ врагомь ѥго, и ѿведоуть лю҆и вь Вавѵлонь. како хощеши. камо ти ѥ҆ съсоуды слоужьбные дѣти. и рече ѥмоу г҃ь. вьзми и прѣдаждь ѥ҆ земли. и р҆ци, слыши землѥ гл҃сь сьз҆авшаго те вь ѥствии водьѣ. и запечатлѣвы те седмию печатїи седмию врѣмень. и потомь приимеши красотоу свою. сьхрани съсоуды слоужьбные до пришьствиꙗ вьзлюбленааго». Іеремія отправляется въ Вавилонъ съ плѣнными Израильтянами, которыхъ по прошествіи семидесяти лѣтъ снова выводитъ въ Іерусалимъ. Здѣсь однажды во время молитвы онъ обмираетъ (Тихонр.: «в҆зата бы҃ д҃ша его изъѡстави тѣло мр҃тво въ жер҆твеницѣ»). Варухъ и Авимелехъ, стоявшіе вмѣстѣ съ нимъ въ алтарѣ, начинаютъ горько плакать о смерти пророка, но голосъ съ неба вѣщаетъ, что онъ живъ, и не велитъ погребать его. Черезъ три дня онъ очнулся и начинаетъ пророчествовать о Христѣ: «Боудеть бо по врѣменехь сихь.... и приидеть (Срезн. на землѧ) дрѣво животоу. саж҆еноѥ посрѣ҆ раꙗ. и сьтворить да в҆си дрѣва не плѡднаꙗ створеть плодь. и вьзрастоуть и прозебноуть. и прозебшаꙗ и величающаасе. и гл҃юща: вьдахомь пло҆ свои, на весноу створить ꙗ и исхноуть высотою вѣтвыихь (Срезн. да исьхнѫтъ съ высотѫ вѣтъвии ихъ). и сьтворить (Срезн. — е) дрѣво оутврьженноѥ сьюженоу быти (Срезн. ѡсѫж҆ению бытии). и брощь ꙗкы (Срезн. ѡброщъ ꙗко и) вльна бѣль боудеть. и снѣгь ѡчрьнит҆се (Срезн. ѡчьрвл҆ѣнить се) великимь свѣтомь веселиа б҃жиꙗ. и бл҃вить ѡтокы да створеть пло҆ словомь оусть ѥго. Самь вьнидеть и изыдеть, и изберећь себѣ в҃i ап҃ла. да бл҃веть и в҆си ѥзыци (Срезн. бл҃говѣститъ въ ѧзыцѣхъ). ѥгоже азь видѣхь оукрашена вь в҆семь мирѣ. на горѣ елеоньсцѣи....

Интересна замѣтка Гастера (р. 82—90), что тотъ-же разсказъ находится въ греческихъ печатныхъ Минеяхъ и въ ихъ румынскомъ переводѣ, подъ 4-мъ Ноября. Проф. Дестунисъ сообщаетъ мнѣ, что въ греческихъ Минеяхъ Аѳинскаго изданія Іеремія помѣщенъ лишь подъ 1-мъ Мая, но что въ старинномъ изданіи Житій Святыхъ (Венеція, 1685 г.) о немъ говорится и подъ 4-мъ Ноября (ветхозавѣтная исторія) и подъ 1-мъ Мая (по легендѣ Епифанія).

Раз'гнѣвашесе в'си лю̑е и̑ рéкоше, сѝ и̑же соуть пакы гл̑ы, речены и̑саїéмь, сн̑омь амѡ́совомь. гл̑ѥ, ѩко видѣхь ба̑ и сн̑а бж̑иѩ. придѣте оу̑бо̀ не оу̑бииѥмь ѥго сьмр'тию̑ о̑ного. нъ̑ каменииѥмь побииѥмь и̑». Іеремія велитъ Варуху и Авимелеху принести большой камень и молится: «Свѣте вéликь, створи камень да боудеть вь мой ѡ̀бра́зь. дондѣже тайны ѥже видѣхь повѣствоую̑ ва́роу̑хоу и̑ а̑вимелехоу. тогда ка́мень, повелѣниѥмь бж̑иѥмь вьсприѥть ѡ̀бразь ї̈ереміи̑нь. и̑ ка́мениѥмь биѩхоу ка́мень, мнéще ї̈ерем̑ію. и̑éремиѩ же прѣдасть тайны ѥже видѣ ва́роу̑хоу и̑ а̑вимелехоу. и̑ потомь приде и̑ ста̑ посрѣдѣ людїи, хóте скон'чати своѥ смотрениѥ. Вьзоупи же ка́мень гл̑ѥ, ѿ боуи̑ сн̑ове іи̑л̑ви. что̀ ме ка́мениѥмь биѥте мнéще, ѩко ї̈ереміа ѥсмь. се̑ и̑ереміа стои́ть посрѣ̑ ва́сь. ѥг̑а же видѣше и̑ а̑биѥ такоже на́нь. сь мнѡ́гомь ка́мениѥмь, и скон'чаше (Срезн.—ж) смотрѣниѥ ѥго. и̑ пришь̑ша ва́роухь и̑ а̑вимелехь, погребоста ѥго. и̑ приѥм'ша ка́мень положиста на гро́бѣ ѥго. на́писав'ше. сѐ ѥ̑ ка́мень помощникь ї̈ереми́нь и̑ в'са си́ла написана сѝ ре̑ вь ѥпистолии̑ ва́роуховѣ». Текстъ Тихонравова (по ркп. XV в.) продолжаетъ: «сщ̑ен'ныѧ́ же съсуды, иже положи ѐремі́ѧ по повелѣнїю бж̑їю въ камени и запечатли пер'стомъ свои́мь и̑мѧ бж̑іе и̑ ѩко желѣзнымъ и̑зваа̑ниемь бы̑ мѣсто ѡ̀блаку присѣнѧющю камень, зна́ему ради тому быти. ѐстьже камень в пустыни. и̑дѣже первѣе ковчегъ со и̑нѣми положисѧ. и̑ сїе ре̑ ѐремиа̀: на нбса гь ѿ сиѡ́на взиде, но пакый прї́идеть посѣтити сїѡ́на. пришествїа хв̑а боудеть знаменїе. ѐгда вси ѩзыцы древу поклонѧтсѧ. славѧще и̑ бл̑вѧще ба̑. ѩко тому слава въ вѣкы а̑минь».

Преданіе о сокрытіи Іереміей Іерусалимскихъ святынь, встрѣченное нами и у Епифанія, основано, несомнѣнно, на Маккав. II, гл. 2, ст. 4—8 [1]); что-же касается легенды, упоминаемой уже

---

[1]) «Было также въ писаніи, что сей пророкъ, по бывшему ему божественному откровенію, повелѣлъ скиніи и ковчегу слѣдовать за нимъ, когда онъ восходилъ на гору, съ которой Моисей, восшедши, видѣлъ наслѣдіе Божіе. Пришедъ туда, Іеремія нашелъ жилище въ пещерѣ и внесъ туда скинію и ковчегъ и жертвенникъ кадильный, и заградилъ входъ. Когда потомъ

блаж. Іеронимомъ (Ad Jovin. II, 37: Ieremias captivitatem nuntians lapidatus a populo), Тертулліаномъ (Adversus gnosticos 8: Ieremias lapidatur), Грегенціемъ (Migne, Patrol. gr. t. LXXXVI, p. 636) и друг.: о побіеніи пророка камнями, то она сложилось, по всей вѣроятности, на основаніи слѣдующаго мѣста его пророчествъ, гл. 43, стр. 8—13: И было слово Господне къ Іереміи въ Тафнисѣ: *Возьми въ руки свои большіе камни*, и скрой ихъ въ смятой глинѣ при входѣ въ *домъ Фараона въ Тафнисѣ*, предъ глазами Іудеевъ, и скажи имъ: такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: вотъ, Я пошлю и возьму Навуходоносора, царя Вавилонскаго, раба Моего, и поставлю престолъ его *на этихъ камняхъ, скрытыхъ Мною*, и раскинетъ онъ надъ нимъ великолѣпный шатеръ свой; и пріидетъ и поразитъ землю Египетскую: *кто обреченъ на смерть, тотъ преданъ будетъ смерти;* и кто въ плѣнъ, пойдетъ въ плѣнъ; и кто подъ мечъ, подъ мечъ. И зажгу огонь въ капищахъ боговъ Египтянъ; и онъ сожжетъ оныя, а ихъ плѣнитъ, и одѣнется въ землю Египетскую, какъ пастухъ надѣваетъ на себя одежду свою, и выйдетъ оттуда спокойно. И сокрушитъ статуи въ Беѳсамисѣ, что въ землѣ Египетской, и капища боговъ Египетскихъ сожжетъ огнемъ.

Библейское пророчество, бывшее въ *Тафнисѣ*, указываетъ и на поводъ къ пріуроченію смерти Іереміи въ этой мѣстности не только въ статьѣ Епифанія, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. Такъ у Исидора [1]) и Синкелла [2]) и въ Мѣнологіи императора Василія [3]), повторяющемъ извѣстный намъ разсказъ

пришли нѣкоторые изъ сопутствовавшихъ, чтобы замѣтить входъ, то не могли найти его. Когда-же Іеремія узналъ о семъ, то, упрекая ихъ, сказалъ, что это мѣсто останется неизвѣстнымъ, доколѣ Богъ, умилосердившись, не соберетъ сонма народа. И тогда Господь покажетъ его, и явится слава Господня и облако, какъ явилось при Моисеѣ» и т. д. Объ этой горѣ говоритъ, между прочимъ, Титмаръ, Thietmari Peregrinatio ed. Laurent, p. 36, и друг.

[1]) Сл. Migne, Patr. lat. t. LXXXIII, p. 142—143; сл. p. 1278.

[2]) ed. Bonn., vol. I, p. 426, 435.

[3]) Migne, Patrol. graec. t. CXVII, p. 432.

о сокрытіи Іереміей скиніи завѣта, его пришествіи въ Египетъ, его пророчествахъ о Дѣвѣ и младенцѣ въ ясляхъ, побіеніи въ Тафнахъ и погребеніи вблизи Фараонова дворца. О перенесеніи его останковъ Александромъ нигдѣ нѣтъ рѣчи, но въ Лугѣ Духовномъ Іоанна Мосха это преданіе снова поминается: Іоаннъ и Софроній идутъ къ дому философа Стефана: ἔμενεν δὲ εἰς τὴν ἁγίαν Θεοτόκον, ἣν ᾠκοδόμησεν ὁ μακάριος πάπας Εὐλόγιος, τὴν ἐπονομαζομένην τῆς Δωροθέας. Они находятъ его спящимъ, а Іоаннъ говоритъ Софронію: Ἄγωμεν ἐν τῷ Τετραπύλῳ, κακεῖ μένωμεν. Ἔστιν δὲ ὁ τόπος τοῦ Τετραπύλου πάνυ σεβάσμιος παρὰ τοῖς Ἀλεξανδρεῦσι· λέγουσι γάρ, ὅτι τὰ λείψανα Ἱερεμίου τοῦ προφήτου ἀπὸ Αἰγύπτου Ἀλέξανδρος ὁ κτίστης τῆς πόλεως ἐκεῖ αὐτὰ κατέθετο. На Тетрапилъ указывается въ дѣяніяхъ седьмаго собора (act. 4) по поводу чудесъ Іоанна и Кира: εἴσελθε γοῦν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ ἐν τῷ μεγάλῳ Τετραπύλῳ νήστης καθεύδησον [1]).

Ту-же Александровскую легенду встрѣчаемъ позднѣе у Евтихія Александрійскаго [2]): «Ieremia autem propheta in Aegypto lapidatione e medio sublatus est, lapidibus petitus usque dum moreretur, [ibique] sepultus. Ferunt Alexandrum, cum Aegyptum ingressus esset, Ieremiae prophetae corpus Alexandriam translatum ibi sepeliisse». Такъ и у Абульфараджа: «deinde profectus est (sc. Ieremias) Aegyptum, ubi quidam e Iudaeis prehensum puteo incluserunt, deinde eductum lapidibus obruerunt, ita ut moreretur; sepultusque est in Aegypto, unde cum urnam ejus Alexander tempore suo in Alexandriam transtulisset, ibi sepultus est» [3]).

Тафна (Τάθνη, Τάθναι въ переводѣ 70-и. Сл. Іерем. 2, 16; 46, 14; 43, 7 слѣд.; 44, 1; Іезек. 30, 18; егип. Tachpanhes, копт. Taphnas), къ которой легенда Епифанія и слѣдующія за нею пріурочиваютъ мученіе Іереміи, была пограничная крѣпость,

---

[1]) Migne, Patrol. graec. t. LXXXVII, pars. III, p. 2929—32 (c. LXXXVII); Patrol. lat., t. LXXIV, p. 156; сл. p. 241, прим. 18 и Spicilegium romanum, t. III, p. 407—8.

[2]) Migne, Patrol. graec. t. CXI, p. 965.

[3]) Hist. compendiosa Dynastiarum autore Gregorio Abul-Pharajio, arabice edita et latine versa ab Eduardo Pocockio. Oxoniae, 1663, p. 46.

расположенная по обѣ стороны канала, соединявшаго Пелузійскій рукавъ Нила съ озеромъ Menzalèh. Итинерарій Антонина полагаетъ её въ 16-и миляхъ отъ Пелузія, а Бругшъ отождествляетъ её съ нынѣшнимъ Tell-Defenneh, лежащимъ между тѣмъ городомъ и Танисомъ. Здѣсь, по свидѣтельству Іереміи (43, 7 слѣд.), жили выселившіеся изъ своей родины Евреи; здѣсь-же находился дворецъ Фараона и печь для обжиганія кирпичей [1]).

Танисъ [2]), упомянутый выше, евр. Цоанъ (Zoʿan), нынѣ рыбацкая деревня Ṣān на южномъ берегу озера Menzaleh, былъ, до обмелѣнія его гавани и Танитскаго рукава Нила и основанія Александріи, самымъ значительнымъ торговымъ портомъ Египта, въ прекрасной, плодородной мѣстности, названіе которой (sechet Tān = поле Цоанъ) еще знакомо Псалмопѣвцу (Псалм. 78, 12). О древнемъ значеніи и процвѣтаніи города даютъ понятіе археологическія находки [3]); особливо онъ поднялся при Фараонахъ 19-й династіи: Рамзесъ II и его сынъ Merenptaḥ (Menephthes) живали въ немъ, и тамъ-же, вѣроятно, происходили переговоры послѣдняго съ Евреями Гесема и ихъ вождемъ Моисеемъ.

Эти библейскія воспоминанія и близость Тафны могутъ объяснить, какимъ образомъ легенда объ Іереміи перенесена была изъ Тафны именно въ Танисъ. Такъ у западныхъ историковъ пятаго крестоваго похода. Взятіе Таниса (Thanis, Taphnis, Tampnis, Themise, Thenis, Taus, Campotaneos; у Жуанвилля: Tenis; Tenez въ провансальскомъ разсказѣ о взятіи Даміетты, изданномъ P. Meyer'омъ) крестоносцами въ 1218 году подробно описано въ продолженіи къ письмамъ Оливерія Схоластика [4]):

---

[1]) Brugsch, Dictionnaire géographique de l'ancienne Égypte, p. 931 слѣд. и p. 643; Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums a. v. Tachpanhes.

[2]) Сл. Riehm, l. c., a. v. Zoʿan и Ramses.

[3]) О новѣйшихъ сл. Academy 1884 г., №№ за Мартъ 1, 15, Апрѣль 5, Май 3, 31, Іюнь 14, Іюль 12, 26 и т. д. Въ послѣднее время тамъ найдены были части колоссальной статуи Рамзеса II.

[4]) Объ исторіи текста Оливерія см. Zarncke, Ueber Oliver's Historia Damiatina und das sogenannte dritte Buch der Historia Orientalis des Jacob von Vitry, въ *Sitzungsberichte der k. sächs. Gesellschaft d. Wiss.*, philos. hist. Cl.

Non minori miraculo, immo maiori, donavit Dominus Christianis castrum Thanis mense Novembri in festo Clementis qui habet habitaculum suum in mari. Nam missi sunt exploratores numero quasi mille viri in naviculis per parvum fluvium, qui fluvius Thanis appellatus est, ut de casalibus tollerent sibi victualia, et situm loci praedicti diligenter explorarent. Saraceni qui erant in praesidio castri, visis christianis, putantes totum exercitum adventare, seratis portis fugierunt. Nostri vero solum Christum capitaneum ibidem habentes, erumpentes claustra intraverunt castrum. Testati sunt nobis redeuntes se nunquam in plano fortius vidisse castrum. Septem turres habet firmissimas testudinatas, insuper per gyrum duplici fossato et utroque murato cingitur, habens antemurale. Lacus se diffundit in latum per circuitum in tantum, ut aditus equitibus hieme sit impossibilis, aestate difficilis adeo, ut per nostrum exercitum obsidione nunquam caperetur. Lacus piscosus est valde, de cujus piscariis soldano Babilonis solvebantur annuatim quatuor milia marcarum argenti, sicut a senioribus indicatum est nobis; avibus insuper et salinis habundat; casalia multa per circuitum serviebant ei. Civitas ante castrum maior Damiata, olim famosa, nunc autem ruinosa, magnitudinem testatur aedificiorum. Haec est Tanis cujus campi meminit propheta: Coram pat(ribus) e(orum) f(ecit) m(iracula [1]), et Ysaias: stulti principes Taneos, sapientes consiliarii Pharaonis consilium insipiens dederunt [2]). Haec est Thanis

---

1875, p. 138—48. Разсказъ о взятіи Таниса, воспроизведенный нами по изданію Eckhard (Corpus Historiae medii aevi, Lips. 1823, 2-й томъ), внесенъ (съ пропусками) въ компиляцію Винценція изъ Бовэ (Specul. Hist. l. XXXI, cap. XCI: De captione Thanis et opulentia ipsius ac fortitudine) и въ хроники Wendower'a и Матвѣя Парижскаго. Сл. Matthaei Parisiensis, Monachi Sancti Albani Chronica majora, ed. Luard, v. III, Preface, p. VIII—IX и стр. 55—56, ad. a. 1219.

[1]) Псал. 77, 12: Онъ предъ глазами отцовъ ихъ сотворилъ чудеса въ землѣ Египетской, *на полѣ Цоанъ*; 43: сотворилъ въ Египтѣ знаменія свои и чудеса свои *на полѣ Цоанъ*.

[2]) Ис. XIX, 13: Обезъумѣли *князья Цоанскіе*, обманулись князья Мемфисскіе, и совратили Египетъ съ пути главы племенъ его.

in qua lapidatus asseritur Ieremias. Destructa enim Ierosolyma a Babiloniis et Gotholia ab Hismahele interfecto. reliquiae populi contra consilium Ieremiae profectae sunt in Aegyptum Ieremiam secum ducentes, qui mansit cum eis in Thanis. Et factus est sermo Domini ad Ieremiam in Thanis: Sume lapides grandes et absconde eos in cripta quae est sub muro latericio Domus Pharaonis etc. Postmodum locutus est eis Ieremias: Hoc dicit Dominus: Ego juravi in nomine meo magno, quia omnes viri Iuda, qui sunt in terra Aegypti, gladio et fame peribunt. donec penitus consumentur. Et insurrexerunt populi adversus Ieremiam et lapidaverunt cum lapidibus quos absconderat sub muro latericio. Aegyptii vero honoraverunt prophetam. sepelientes eum juxta tumulum regum, memores beneficiorum quae praestiterat Aegypto. Oratione enim sua fugaverat bestias aquarum, quas Graeci cocodrillos appellant. Alexander autem Macedo, veniens ad sepulchrum prophetae, cognoscens loci mysterium, transtulit ipsum in Alexandriam et sepelivit gloriose. — Сл. въ Liber bellorum... Domini: «quinquagesimus nonus articulus.... habet quatuor conclusiones: prima de captione Thannis cum lacu habundante piscibus, avibus et palmis (?), in quo fuit lapidatus et sepultus Ieremias, et post ab Alexandro in Alexandriam translatus; et de natura cocodrillorum»[1]).

О церкви пророка Іереміи на островѣ передъ Даміатой говоритъ Яковъ de Vitry: insula ante Damiatam, quae sita est inter Nilum fluvium et mare prope ecclesiam S. Jeremiae prophetae qui defunctus est in Aegypto (Epist. II, p. 290); въ 3-мъ своемъ посланіи онъ называетъ этотъ островъ: Campus Taneos (p. 295).

Иныя воспоминанія привязываетъ къ этому острову (inter mare et fluvium Paradisi, qui dicitur Gion) Memoriale potestatum Reggensium: «in qua insula propheta Jeremias natus fuit; et quod hoc sit verum et credibile, potest cognosci, quia domus ejus

---

[1]) Archives de l'Orient latin, t. I (Paris, 1881), p. 304.

usque in presentem diem apparet, quae Jeremiae prophetae domus est dicta [1]).

Чудо, напророченное Іереміей въ легендѣ у Епифанія — объ идолахъ, имѣющихъ сокрушиться *въ Египтѣ* съ пришествіемъ Богоматери и Божественнаго Младенца,—разсказывается, какъ совершившееся въ той-же мѣстности, въ отреченномъ евангеліи псевдо-Матвея [2]): gaudentes et exultantes (то-есть, святое семейство) devenerunt in finibus *Hermopolis* et in unam ex civitatibus Egypti quae Sotrinen (Sotinen, Sihenen) dicitur ingressi sunt; et quoniam in ea nullus erat notus apud quem potuissent hospitari, templum ingressi sunt, quod capitolium Egypti vocabatur. In quo templo trecenta sexaginta quinque idola posita erant, quibus singulis diebus honor deitatis in sacrilegiis perhibebatur. Factum est autem, cum beatissima Maria cum infantulo templum fuisset ingressa, universa idola prostrata sunt in terram, ita ut omnia convulsa iacerent penitus et confracta in faciem suam; et sic se nihil esse evidenter docuerunt. Tunc adimpletum est quod dictum est per prophetam Isaiam: Ecce dominus veniet super nubem levem et ingredietur Egyptum, et movebuntur a facie eius omnia manufacta Egyptiorum (Esaiae 19, 1).

Эта апокрифическая легенда попала позднѣе къ путешественникамъ, между прочимъ, въ романъ-путешествіе Іоанна Witte de Hese (1389 г.), называющаго Гермополь — «capitalis civitas Aegypti, ubi beata virgo septem annis morabatur cum filio suo, domino nostro». Онъ описываетъ крылатыхъ рыбъ и змѣй Чермнаго моря; изъ нихъ послѣднія ядовиты, «contra quos habetur cinis de palma combusta, crescens ibidem et in terra sancta, et etiam quaedam herba, Coral nuncupata, crescens in mari rubro in loco, per quem Moyses perduxit populum Israheliticum.

---

1) Muratori, Script. Rer. Ital. VIII, 1085; сл. Iohannes de Tulbia въ Publications de l'Orient latin. Série historique, II: Quinti belli sacri scriptores minores, ed. Röhricht, p. 119.

2) Tischendorf, Evangelia apocrypha, p. 85—86, c. XXII—XXIII; Schade, Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoris (1869), p. 40. Текстъ по послѣднему изданію.

Et ille locus seu via agnoscitur per quatuor magnos lapides nigros stantes in ripa maris, duo ab una parte maris et duo ab alia parte. — Et in civitate Hermopolensi praedicta est ortus, in quo morabatur beata virgo.... Eciam in civitate praedicta est una ęcclesia mirae magnitudinis, constructa in honore sanctae Trinitatis et gloriosae virginis, quae prius fuit templum ydolorum, in quod cum beata virgo primo venit ex metu Herodis in Aegyptum fugiendo, daemones fugierunt, et ceciderunt ydola in templo[1]). — Палладій (въ житіи св. Аполлонія, въ AASS. n. ed. Jan. III, a. d. XXV, p. 237) помѣщаетъ этотъ Гермополь въ Ѳиваидѣ, говоря о пришествіи туда Св. семейства и паденіи идоловъ согласно съ пророчествомъ Исаіи. Созоменъ (Hist. eccles. V, 21) удерживаетъ ту-же локализацію: καὶ δένδρον δὲ τῆς καλουμένης Περσίδος ἐν Ἑρμουπόλει τῆς Θηβαΐδος φασὶ πολλῶν ἀπελάσαν τὰς νόσους, κάρφος ἢ φύλλον ἢ τοῦ φλοιοῦ μικρόν τι κάμνουσι προσαπτόμενον. Λέγεται γὰρ παρ Αἰγυπτίοις, ἡνίκα διὰ τὸν Ἡρώδην ἔφυγεν ὁ Ἰωσὴφ, παραλαβὼν τὸν Χριστὸν καὶ Μαρίαν τὴν ἁγίαν Θεοτόκον ἐλθεῖν εἰς τὴν Ἑρμούπολιν. Ἅμα δὲ εἰσιόντι παρὰ τὴν πύλην μὴ ἐνεγκὸν τοῦτο τὸ δένδρον μέγιστον ὂν τοῦ Χριστοῦ τὴν ἐπιδημίαν, ἐπὶ τὸ ἔδαφος κλῖναι καὶ προσκυνῆσαι.

Подъ Гермополемъ въ нижней Ѳиваидѣ, нерѣдко встрѣчающимся въ житіяхъ[2]), разумѣется Hermopolis Magna, єгип. Xmunu, арабск. Aschmun, градъ восьми боговъ, съ храмомъ Тота—Гермеса[3]). Но едва-ли здѣсь не произошло смѣшеніе одного Гермо-

---

[1]) Zarncke, Der Priester Iohannes, 2-e Abhandlung, p. 162—163. О змѣяхъ Чермнаго моря см. Herod. II, 75—6. Сл. аллегорическое толкованіе слѣпой летучей змѣи, окунающейся въ Чермномъ морѣ, въ Grand St. Graal, ed. Hucher, v. II, p. 521 и слѣд.

[2]) Такъ, напр., въ житіи Онуфрія (Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 213 и 220, прим. 8), св. Асклы (AASS. n. ed. Jan. III, a. d. 23, p. 69); у Палладія, въ житіи Хризостома, онъ названъ, по имени епископа, градомъ Діоскора.

[3]) Сл. Maspero, Geschichte der morgenländischen Völker, übers. v. Pietschmann, Reg. a. v. Hermopolis (и тамъ-же карту Египта); Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie, p. 201; Brugsch, Geschichte Egyptens unter den Pharaonen (Lpz. 1877), Namen-Register a. v. Achmun-Hermopolis и Hermopolis magna.

поля съ другимъ. Средневѣковой путешественникъ Филиппъ [1]), разсказывая эпизодъ о преклонившейся пальмѣ, называетъ *Гермополь*, но разумѣетъ, очевидно, *Геліополь*, егип. Annu, библ. On, въ $1^1/_2$—2 часахъ пути къ сѣверо-востоку отъ Каира, въ сосѣдствѣ съ нынѣшней деревней Materieh = Matarea арабскаго евангелія о дѣтствѣ Христовѣ (гл. 24), Матарія нашего Гогары [2]). Геліополь, собственно, — городъ Гора, который чествовался подъ именемъ Hormachu (Harmachu; Hormachis, Harmachis; Harmaïs); стало быть: Ὁρμούπολις? Такъ исправляетъ и Псевдокаллисѳенъ, говоря о *маломъ Гермополѣ: οὐ καλεῖται δὲ Ἑρμούπολις*, ἀλλὰ Ὁρμούπολις; отбросивъ этимологію автора (отъ греч. ὅρμος), мы придемъ и здѣсь къ значенію: города Гора, какъ дѣйствительно и звался малый Гермополь: demaï-en-Ḥur, копт. Timenhor, Timi-en-hor = градъ Гора, т. е. юнаго солнца, нынѣ Damanhour, къ югу отъ канобскаго (нынѣ розетскаго) рукава Нила, на желѣзной дорогѣ въ Александрію, въ 25 километрахъ на западъ отъ древняго Саиса; у Грековъ: Малый Гермополь, Hermopolis parva; въ одной коптской ркп. парижской библіотеки: *Ermukaton* вм. Timenhor. — Другое названіе для города было Beḥud; оба: Beḥud и demaï-(t)-enti-se-Ḥur служили также древнимъ обозначеніемъ для Эдфу, у грековъ Apollinopolis magna, что̀ понятно изъ отождествленія Го̀ра = Аполлона.— Замѣчу кстати, что егип. Annu = Геліополь (Гермополь Филиппа) было обозначеніемъ и другаго города въ Ѳиваидѣ = греч. Hermonthis [3]).

---

[1]) Philippi Descriptio Terrae Sanctae (Wien, 1872), p. 71.

[2]) Сахаровъ, Сказанія русск. нар., кн. VIII, стр. 115.

[3]) Сл. Brugsch, Dictionnaire géographique de l'Ancienne Égypte, p. 86 и слѣд. (aurī-āa), 521 (demaï-en-Ḥur), 540 слѣд. (Beḥud), 1269 (Beḥud-t); Félix Robiou, Géographie comparée du Delta. Étude sur l'identification des noms égyptiens des provinces et des districts avec les noms gréco-romains, coptes et arabes, въ Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne, t. III, p. 107; Brugsch, Gesch. Egyptens, Namen-Register, a. v. Heliopolis, Annu, Hermonthis; Dümichen, Gesch. des alten Aegyptens p. 251; Tattam, Lexicon Aegyptiaco-Latinum, p. 828.— За указанія на интересовавшую меня литературу по египтологіи приношу мою благодарность консерватору азіатскаго музея Имп. Акад. Наукъ, О. Э. Лемму.

Въ первой обработкѣ этой главы [1]) я позволилъ себѣ вопросъ: не отвѣчаетъ-ли Sihenen «in finibus Hermopolis» отреченнаго Евангелія — нижнеегипетскому ному Seχem (греч. Προσωπίτης, къ западу отъ канобскаго рукава Нила), области Гора, «властителя Seχem'a»? [2]). Беру эту догадку назадъ ввиду болѣе авторитетнаго мнѣнія г. Лемма, сообщеннаго мнѣ письменно. Г. Леммъ предпочитаетъ чтеніе Sotrinen вм. Sihenen, отождествляя его съ VIII-мъ номомъ нижняго Египта: Sethroïtes, и понимаетъ текстъ (devenerunt in finibus Hermopolis et in unam ex civitatibus Egypti quae Sotrinen dicitur ingressi sunt) такимъ образомъ, что Sotrinen не лежалъ in finibus Hermopolis, а дѣло идетъ о двухъ различныхъ частяхъ нижняго Египта. «Если Вы взглянете на карту, Вы увидите, что рядомъ съ VIII номомъ Sethroïtes находится XV номъ Hermopolites, съ главнымъ городомъ Hermopolis (безо всякаго обозначенія: magna или parva). По египетски онъ назывался Pi-Dhuti, т. е. домъ, жилище, городъ Тота, т. е. Гермеса = Hermopolis» [3]).

Отмѣченное нами выше смѣшеніе Гора и Тота въ названіяхъ мѣстностей могло совершиться на почвѣ ихъ греческаго обозначенія (Гормополь и Гермополь), вѣроятно, не безъ вліянія легендарной связи Тота-Гермеса съ Горомъ-Солнцемъ. Я имѣю въ виду легенду о борьбѣ послѣдняго съ исчадьемъ Сета-Тифона, обыкновенно являющимся въ образѣ крокодиловъ и змѣй, естественнымъ врагомъ которыхъ былъ ибисъ, символъ Тота. По свидѣтельству Плутарха, самъ Тифонъ убѣжалъ отъ Гора, принявъ личину крокодила, почему жители Аполлинополя = Эдфу истребляютъ и поѣдаютъ крокодиловъ, что подтверждается и показаніемъ

---

[1]) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Сентябрь, стр. 30—1.

[2]) Сл. Brugsch, Eine geographische Studie, въ Zs. f. ägyptische Sprache. XVII Jahrg. (1879), стр. 23 слѣд.

[3]) Онъ назывался также Bāḥu и упоминается у Евсевія, Praep. evang. p. 433, ed. Colon. 1688. Сл. Vocabalarium Coptico-latinum et Latino-copticum e Peyroni et Tattami lexicis concinnavit G. Parthey (Berolini 1844). Appendix III: Index Aegypti geographicus Latino-copticus, p. 527: Hermopolis, Ἑρμοῦ πόλις, a Moyse conditum.

Страбона. Надпись въ храмѣ Эдфу разсказываетъ намъ о борьбѣ Гора съ вражьимъ отродьемъ: онъ сражается съ ними, обратившимися въ крокодиловъ и гиппопотамовъ, и побиваетъ ихъ въ виду города. Тотъ радуется побѣдѣ: «Ликуйте, боги неба и земли! Юный Горъ вернулся въ мирѣ, совершивъ необычайное въ своемъ походѣ, какъ сказано въ книгѣ о побѣдѣ надъ гиппопотамомъ» (= Тифономъ). Въ заключеніи Горъ обращается въ солнечный, крылатый дискъ, пріобщивъ къ себѣ «богинь юга и сѣвера, въ образѣ двухъ змѣй, дабы онѣ (своимъ огненнымъ дыханіемъ) сжигали живьемъ враговъ», обратившихся въ крокодиловъ и гиппопотамовъ [1]).

Въ другихъ памятникахъ, за которыми Шабасъ [2]) призналъ значеніе талисмановъ или амулетовъ противъ ядовитыхъ гадовъ и вредныхъ животныхъ, Тотъ является дѣйствительнымъ помощникомъ Гора въ его побѣдоносной борьбѣ. Изображеніе представляетъ юнаго бога Гора, нерѣдко стоящаго на крокодилѣ; въ рукахъ онъ держитъ змѣй, скорпіоновъ, льва или гиппопотама, либо газель — представительницу рогатыхъ звѣрей. Одна изъ молитвъ-заклинаній, сопровождающихъ изображеніе, обращается къ Гору и богу Тоту. Сообщаю отрывки ея содержанія по тексту такъ-называемой «Меттерниховской стелы» [3]). Онъ открывается

---

[1]) Brugsch, Die Sage von der geflügelten Sonnenscheibe. Göttingen, 1870. Другую надпись изъ Эдфу, съ легендой о рожденіи Гора и его борьбѣ съ Сетомъ, сообщилъ недавно Бругшъ въ Thesaurus inscriptionum Aegyptiacarum, III Abtheilung: Geographische Inschriften altaegyptischer Denkmäler (Lpz. 1884, стр. 607 слѣд.; переводъ стр. 611—618). Сл. еще Revillout, Un fragment de la légende osiriaque въ Rev. Égyptologique, 2-e année (1882), стр. 11—12, прим. 1.

[2]) Chabas, Horus sur les Crocodiles, въ *Zs. für aegyptische Sprache* etc. VI. Jahrg. (1868), p. 99—106. Сл. ib. стр. 135 замѣтку Pierret, и XVIII (1880), стр. 54—56, замѣтку Эберса. Изображеніе Гора на крокодилахъ перешло впослѣдствіи, въ христіанскую пору, въ изображенія св. Мины. Сл. Wiedemann, Die Darstellung auf den Eulogien des heil. Menas, въ Actes du VI-e congrès international des orientalistes, tenu en 1883 à Leide, IV-e partie, Sect. 3: Africaine, p. 159 слѣд. — и въ Rev. Archéologique 1878 г. замѣтку Le Blant, p. 299 слѣд., и въ концѣ тома Pl. X.

[3]) Die Metternichstele in der Originalgrösse, zum ersten Mal hrsg. von W. Golenischeff, Lpz., стр. 6—7.

[illegible]

Изъ другихъ заклятій Меттерниховской стелы остановимся на легендѣ, географическая сторона которой мастерски объяснена Бругшемъ[1]. Сетъ убилъ Озириса, а Изиду заперъ; Тотъ даетъ ей совѣтъ удалиться и тѣмъ спасти и себя, и своего сына Гора, которымъ она была беременна; когда онъ возмужаетъ и окрѣпнетъ, онъ вернется, возсядетъ на престолъ отца и воцарится надъ верхнимъ и нижнимъ Египтомъ. Она выходитъ вечеромъ; семь скорпіоновъ Tefen, Befen, Mestet, Mastetef, Petet, Tetet, Matet провожаютъ ее и показываютъ путь въ нижній Египетъ. Бругшъ опредѣлилъ мѣстности, куда направлялась богиня: онѣ лежали между западнымъ, канобскимъ рукавомъ Нила и западными берегами озера Буто, нынѣ Brulos, въ области, гдѣ преобладалъ культъ крокодила и его божества Sebek. Изида принята недружелюбно: въ городѣ Deb жена правителя, завидѣвъ ее приближавшуюся, испугалась ея спутниковъ-скорпіоновъ и затворила передъ нею двери своего дома. Бѣдная женщина пріютила у себя богиню, а скорпіоны порѣшили отметить за нанесенное ей оскорбленіе; одинъ изъ нихъ, Tefen, пробравшись въ домъ строптивой жены, смертельно укусилъ ея сына. Мать въ отчаяніи, безуспѣшно блуждаетъ по городу, ища помощи; но Изида сжалилась надъ нею и, возложивъ руки на бездыханнаго, произноситъ заклятіе (обращенное къ каждому изъ скорпіоновъ въ отдѣльности), и мальчикъ оживаетъ. Вскорѣ богиня родила Гора на одномъ островѣ болотистаго озера и спрятала его, изъ боязни,

[1] Brugsch, Eine geographische Studie. *Zs. f. ägypt. Sprache*. XVII, Jahrg. 1879, стр. 8 слѣд.

чтобъ онъ не былъ укушенъ; но въ ея отсутствіе случилось то, чего она опасалась. Изида предается горю, окрестные жители приходятъ съ выраженіемъ своего сочувствія, но помочь не могутъ. Она молится. Солнце останавливается въ своей ладьѣ, является Тотъ и говоритъ: «Никакого зла не приключится дитяти Гору, ибо его благо зависитъ отъ ладьи Ra (солнца). Я сегодня прибылъ въ челнѣ солнца съ того мѣста, гдѣ оно вчера стояло. Если и царствуетъ тьма, свѣтъ побѣдитъ, чтобъ излѣчить Гора для его матери Изиды» [1]).

Легенда эта интересна своею локализаціей: какъ Изида, прійдя въ окрестности озера Буто, родитъ здѣсь Гора на островѣ и прячетъ его отъ возможныхъ напастей, такъ классическіе писатели разсказывали о Латонѣ, что она воспитывала Аполлона, укрывая его отъ преслѣдованія враговъ, на островѣ, въ болотахъ, въ окрестностяхъ именно Буто. Къ этой параллели, указанной Бругшемъ, я присоединю и отреченное евангеліе псевдо-Матѳѣя, давшее намъ поводъ къ этому отступленію и снова возвращающее насъ къ Гермополю: Дѣва Марія также удаляется въ Египетъ, скрывая божественнаго младенца отъ преслѣдованій Ирода; драконы преклоняются передъ Іисусомъ, львы и леопарды указываютъ путь Святому семейству (гл. XVIII—XIX), какъ скорпіоны странствующей Изидѣ; есть и чудо съ змѣей, хотя оно совершается за предѣлами Египта: мальчикъ Христосъ исцѣляетъ брата Іакова, укушеннаго ехидной (гл. XLI); арабское Евангеліе Дѣтства Христова присоединяетъ къ этому чуду (гл. XLIII) и другое, подобное (гл. XLII). Послѣ этого возможенъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли искать Гермополя апокрифической повѣсти въ той-же мѣстности, гдѣ издавна пріурочено было дѣтство Гора-Аполлона? Страбонъ, l. XVI, с. 1, § 18, говоря

---

[1]) Сл. ту-же легенду, пересказанную по одному демотическому папирусу у Revillout, Rev. Égyptologique, 2-e année (1882): Un fragment de la légende Osiriaque, p. 11—18: юнаго Гора укусила насланная Сетомъ змѣя; Изида научаетъ его, какъ излѣчить рану — и этотъ миѳъ даетъ содержаніе для заговора отъ укушенія змѣй.

о Бутѣ, прибавляетъ: παρὰ δὲ τὴν Βοῦτον καὶ Ἑρμοῦ πόλις ἐν νήσῳ κειμένη· ἐν δὲ τῇ Βούτῳ Λητοῦς ἐστι μαντεῖον. Еще, стало быть, мѣстность, освященная памятью Гора, нѣкоторымъ образомъ его городъ, носящій имя *Гермія*; новый Гермополь = Гормополь? [1]).

Меттерниховская стела, найденная въ Александріи, восходитъ къ 378—360 гг. до Р. X., ко времени перваго царя послѣдней (XXX-й) египетской династіи: Next-Hor-χeb'a = греч. Νεκτανέβης. Самъ онъ изображенъ на лицевой сторонѣ памятника въ актѣ поклоненія солнечному диску, тогда какъ по другую сторону стоитъ Тотъ-Гермій. Послѣднимъ царемъ той-же династіи былъ Nachtnebef, греч. Νεκτανέβης, Νεκτάναβις [2]), Νεκτανεβῶ Псевдокаллисѳена, дѣлающаго его отцомъ Александра Македонскаго. Онъ удаляется изъ Египта въ виду вражескаго нашествія; ὁ δὲν τῷ ἀδύτῳ τοῦ Σεραπείου θεὸς αὐτῶν (то-есть, Египтянъ) λεγόμενος ἐχρησμοδότησεν αὐτοῖς εἰπών· «οὗτος ὁ φυγὼν βασιλεὺς ἥξει πάλιν ἐν Αἰγύπτῳ, οὐ γηράσκων, ἀλλὰ νεάζων, καὶ τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν Πέρσας ὑποτάξει (Pseudocall. I, 3). Онъ дѣйствительно возвращается не старымъ, а молодымъ, въ видѣ сына своего Александра — какъ солнце «старецъ, обновляющійся въ свое время, старикъ обращающійся въ юношу»; какъ Горъ онъ водворяется въ отцовскомъ наслѣдіи; у Гора помощникъ Тотъ-Гермій; Александру является, наставляя его, Аммонъ, принявшій образъ Гермія. Александрійская легенда объ Александрѣ была послѣднимъ выраженіемъ древняго миѳа.

Мы вернулись къ Псевдокаллисѳену и остановимся еще разъ на первой его книгѣ — на разсказѣ объ основаніи Александріи. Въ кн. I, гл. 31 читаемъ: ἀπὸ οὖν τῆς Πανδύσεως μέχρι τοῦ καλουμένου Ἡρακλεωτικοῦ στόματος τὸ μῆκος τῆς πόλεως Ἀλέξαν-

---

[1]) По мнѣнію г. Лемма, приведенному выше (стр. 352), Гермополь евангелія псевдо-Матѳея былъ бы дѣйствительно городомъ Гермеса—Тота (= Pi Thuti), и путь св. семейства, указанный нашимъ апокрифомъ, вѣроятнѣе, чѣмъ намѣчонные у Созомена и въ арабскомъ евангеліи о дѣтствѣ Христовѣ.

[2]) Maspero, l. c., p. 562.

ὅρος ἐχωρογράφησε· τὸ δὲ πλάτος ἀπὸ τοῦ Βενδιδείου μέχρι τῆς μικρᾶς Ἑρμουπόλεως· οὐ καλεῖται δὲ Ἑρμούπολις, ἀλλὰ Ὁρμούπολις, ὅτι πᾶς ὁ κατερχόμενος ἐκ τῆς Αἰγύπτου καὶ ἀνερχόμενος ἐκεῖ προσορμεῖ. — Pseudocall. A (и Julius Valerius) прибавляютъ: ἀπὸ δὲ τῆς γῆς ἐπὶ τῆς θαλάσσης νῆσόν τινα ἐθεάσατο (Александръ) καὶ πυνθάνετο τίς καλεῖ τὴν νῆσον. Οἱ δὲ ἐγχώριοι εἶπον· Φάρον Προτεύς· αὕτη δὴ κατοίκησις· τὸ μνῆμα τοῦ Πρωτέως ἐστὶν τὸ παρ' ἡμῖν θρησκευόμενον· ἐπί τινος ὑψηλοτάτου θρόνου ἤνεγκαν αὐτὸν εἰς τὸ νῦν καλούμενον ἡρῷον καὶ ἐπέδειξαν τὴν λάρνακα· Θύσας δὲ τῷ ἡρώῳ ἐποπτεύει, καὶ ἰδὼν ἀπὸ τοῦ χρυσοῦ (στύλου?) καταπεπτοκὸς τὸ μνῆμα ἐκέλευσε αὐτὸ ταχέως ἀνορθῶσαι. —Въ гл. 32 редакція A (и Julius Valerius) продолжаютъ: Ἤρξαντο δὲ οἰκοδομεῖν τὴν Ἀλεξάνδρειαν ἀπὸ μέσου πεδίου, καὶ ἔσχε ὁ τόπος τὴν προσωνυμίαν ἄχρι νῦν διὰ τὸ ἀπ' ἐκεῖθεν ἄρξασθαι τὴν τῆς πόλεως οἰκοδομήν. Τὴν δὲ περὶ αὐτὸν τρεπομένην δράκων σύνηθος (ἐσίνετο ὅς?) παραγενόμενος ἐξεφόβει τοὺς ἐργαζομένους· Καὶ ἐκκοπὴν ἐποιοῦντο τοῦ ἔργου διὰ τὴν τοῦ ζώου ἐπέλευσιν. Μετεδόθη δὲ τῷ Ἀλεξάνδρῳ τοῦτο. Ὁ δὲ ἐκέλευσε τῇ ἐπερχομένῃ ἡμέρᾳ ὅπου ἂν καταληφθῇ χειρώσασθαι, ἑνὸς εἰργάζοντο (sic). Καὶ δὴ λαβόντες ἐπιτροπὴν παραγενομένου τοῦ θηρὸς κατὰ τῆς νῦν καλουμένης Στοᾶς, τούτον περιεγένοντο καὶ ἀνεῖλον. Ἐκέλευσε δὲ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκεῖ τὸ τέμενος γενέσθαι, καὶ θάψας κατέθετο. Καὶ πλησίον ἐκέλευσε στεφάνους στέφεσθαι εἰς μνήμην τοῦ ὀφθέντος ἀγαθοῦ δαίμονος. Ἐκέλευσε δὲ μηδαμοῦ ἀλλαχοῦ βάλλεσθαι τὴν ὀρυγὴν τῶν θεμελίων εἰ μὴ εἰς ἕνα τόπον· καὶ ἐστὶν ἕως ἄρτι ὅρος μεταφαινόμενος, ὃ καλεῖται Κοπρία.

Далѣе тексты сходятся: Θεμελιώσας δὲ τὸ πλεῖστον μέρος τῆς πόλεως Ἀλέξανδρος καὶ χωρογραφήσας, ἐπέγραψε γράμματα πέντε Α. Β. Γ. Δ. Ε. τὸ μὲν Α Ἀλέξανδρος, τὸ δὲ Β βασιλεύς, τὸ δὲ Γ γένος, τὸ δὲ Δ Διός, τὸ δὲ Ε ἔκτισε πόλιν ἀείμνηστον.... ἱδρυμένου δὲ τοῦ Πυλῶνος τοῦ ἱεροῦ (A: τοῦ ἡρῴου), ἐξαίφνης πλὰξ μεγίστη ἐξέπεσεν ἀρχαιοτάτη πλήρης γραμμάτων, ἐξ ἧς ἐξῆλθον ὄφεις πολλοί, καὶ ἑρπύζοντες εἰσῆλθον εἰς τὰς ὁδοὺς τῶν ἤδη τεθεμελιωμένων οἰκιῶν.... ὅθεν τούτους τοὺς ὄφεις σέβονται οἱ θυρωροὶ ὡς ἀγαθοὺς δαίμονας εἰσίοντας εἰς τὰς οἰκίας· οὐ γάρ εἰσιν ἰοβόλα ζῶα; A при-

бавляетъ: ἀλλὰ καὶ τὰ δοκοῦντα εἶναι ἰοβόλα ἀπελαύνουσι καὶ θυσία τελεῖται αὐτῷ τῷ ἥρωι. Мюллеръ предлагаетъ читать: αὐτοῖς ἐν τῷ ἡρῴῳ.

Соберемъ нѣкоторыя подробности разсказа: городская черта Александріи начинается отъ *малаго Гермополя*, то-есть, города Гермія (и Гора), къ сторонѣ Египта; при началѣ постройки показывается *драконъ;* мѣсто, гдѣ его убили и похоронили, считается священнымъ (τέμενος) и послѣ называлось Стоа: когда сооружаютъ храмъ *герою* (ἡρῷον), являются *змѣи*, расползаясь по домамъ: жители чествуютъ ихъ, какъ безвредныхъ, онѣ прогоняютъ *ядовитыхъ;* а *герою* (въ храмѣ) *приносятъ жертвы.*

Передъ нами основныя черты легенды Епифанія: объ *Іереміи* и *змѣяхъ-арголахъ*, которыя переводятся словомъ ὀφιομάχοι: вѣроятно, и арголы ничего иного не означаютъ, какъ именно: отгоняющіе (ἐλαύνω) змѣй (ἀργῆς Hippocr.: родъ змѣи), какъ Et. Magn. толкуетъ ἀργειφόντης при Аполлонѣ въ значеніи убійцы змѣи: ἀργειφόντης и διάκτορος (прогоняющій, преслѣдующій) — извѣстные эпитеты *Гермія*. Гробницѣ Іереміи отвѣчаетъ у Псевдокаллисеена ἡρῷον, имя *Іереміи* связано съ городомъ *Гермія*, то-есть, Гермія-Тота староегипетскихъ заклинаній, отгоняющаго ядовитыхъ гадовъ, помогающаго Гору въ борьбѣ съ ними, тогда какъ богини сѣвера и юга, въ образѣ двухъ змѣй (арголовъ Іереміиной легенды) палятъ ихъ огнемъ. Съ гробницей Іереміи я не прочь сблизить позднѣйшія арабскія свидѣтельства о гробницѣ Гермія въ одной изъ пирамидъ Гизэ, либо въ зданіи Каира, носившемъ названіе Abu-Hermes[1]). Если авторъ Климентиновскихъ Гомилій (Hom. V, c. 23), доказывая, что языческіе боги были простые смертные, тираны, ссылается на существованіе ихъ гробницъ: Сатурна, на Кавказѣ и т. д., Ἑρμοῦ δὲ ἐν Ἑρμουπόλει, то онъ,

---

[1]) Hermes Trismegistos nach ägyptischen, griechischen und orientalischen Ueberlieferungen dargestellt von D-r. R. Pietschmann (Leipz. 1875), p. 49, 54. Cf. Fabricii, Codex Pseudepigraphus II, p. 1111, прим.: Sepultum Ieremiam in Aegypto tradi non procul Cairo magna urbe refert Paulus Lucas t. I. itinerarii sui, p. 37.

очевидно, имѣлъ ввиду то особое синкретическое представленіе Гермеса-Тота, сплоченное изъ египетскихъ и греческихъ элементовъ, отвлеченное и вмѣстѣ человѣческое, которое, сложившись въ александрійской средѣ, становится обычнымъ у классиковъ и получаетъ своеобразный колоритъ въ образѣ Гермеса Трисмегиста христіанской патристики. Одинъ изъ пяти Гермесовъ, принимаемыхъ Цицерономъ (De Natura Deorum III, 22, 56),—чествуемый Фенеатами, былъ убійцей Аргуса, вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ преподалъ законы и науки Египтянамъ, назвавшимъ его Тотомъ. Лактанцій (ed. Fritsche I, p. 13) присоединяетъ къ этому, что онъ былъ основателемъ Гермополя. Въ такъ называемыхъ герметическихъ трактатахъ онъ характеризуется, какъ «βουλῆς ὁ πατὴρ πάντων καὶ καθηγήτης», «πάντων ἔργων ὑπομνηματογράφος», а св. Кириллъ Іерусалимскій цитуетъ отрывокъ герметическаго-же діалога Асклипій въ доказательство, что Гермесъ вѣрилъ въ Троицу: толкованіе, перешедшее къ Свидѣ (εἰπὼν ἐν Τριάδι μίαν εἶναι θεότητα) и въ Пасхальную хронику, къ Іоанну Малалѣ и Антіохійскому и Кедрину. Нашъ Еллинскій Лѣтописецъ называетъ «Ермія тревеликаго» сыномъ Дія, бѣжавшимъ отъ преслѣдованія братьевъ изъ Италіи въ Египетъ, гдѣ его приняли съ великою честью; онъ былъ «мужъ хитръ и оумоуоученъ, иже изѡбрѣте роудоу златоую, первѣе и ковати злато»; за его дивную мудрость Египтяне прозвали его Тревеликимъ; не вѣдая будущаго, онъ «Троицю единосущну исповѣда» [1]).

Въ этой стадіи развитія Гермеса-Тота могло совершиться то сближеніе Гермія съ Іеремiей, которое встрѣчалось намъ неразъ, бросая свѣтъ на сложеніе нашей Александріи. Но намъ предстоитъ остановиться еще на одномъ чередованіи этихъ именъ, хотя на первыхъ порахъ оно отвлечетъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ [2]).

---

[1]) Pietschmann l. c. p. 39, 36—7; сл. А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. I, стр. 16 (сл. Malala ed. Bonn., p. 26—7; Ioann. Antioch., Fragmenta, въ Fragmenta Historic. graecor. ed. Müller, v. IV, p. 542).

[2]) Для слѣдующаго далѣе см. Weingarten, Der Ursprung des Mönchtums im

Извѣстно, что особый характеръ христіанскаго монашества въ Египтѣ стоитъ въ связи съ мѣстнымъ развитіемъ болѣе древняго созерцательнаго аскетизма, выработавшаго въ культѣ Сераписа и формы иноческаго житія. Серапей, стоявшій на возвышеніи у Мемфиса въ сосѣдствѣ съ храмомъ Эскулапа и бывшій главнымъ святилищемъ Сераписа въ періодъ Птолемеевъ и императоровъ, сталъ обителью отшельниковъ (κάτοχοι. ἐγκάτοχοι), удалившихся отъ свѣта и семьи, чтобы жить исключительно идеей Бога, стремленіемъ къ внутренней чистотѣ и ἀπάθεια, среди грезъ и видѣній и борьбы съ демонической силой. Они обитали въ кельяхъ (καταλύματα, παστοφόριον), общаясь съ мірянами лишь черезъ окно (διὰ τοῦ θυρίδιου), называя другъ друга «братьями» или «отцами»; одѣвались въ черное (μελανηφόροι), но не берегли ни одеждой, ни чистотой, отпуская длинные волосы; соблюдали целибатъ и жили бѣдно, питаясь преимущественно, подаяніемъ. — Это, совершенно, образъ позднѣйшаго христіанскаго отшельничества; тѣмъ незамѣтнѣе совершился къ нему переходъ. Когда въ пору горячей религіозной борьбы, наполнившей IV—VI вѣка, поклонники древней религіи принуждены были покинуть свои храмы и обители, на ихъ мѣсто явились христіане: древнихъ языческихъ отшельниковъ замѣнили Сарабайты (Remuoth?) и Макарійцы, послѣдователи двухъ свѣточей египетскаго монашества, Макарія Египетскаго и Макарія Александрійскаго; Ѳивскія Мемноніи быстро преобразились въ христіанскіе монастыри;

---

nachconstantinischen Zeitalter, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte hrsg. von Theod. Brieger, I B. (1877), стр. 1—35, 545—574. — Указаніемъ на слѣдующія сочиненія я обязанъ обычной любезности О. Э. Лемма: Silvestre de Sacy, Mémoire sur quelques Papyrus écrits en arabe et récemment découverts en Égypte, въ Journal des Savans 1825 г., стр. 462 слѣд.; E. Révillout, Huit papyrus Coptes du musée Égyptien du Louvre, provenant du monastère de St. Jérémie de Memphis, въ Congrès international des Orientalistes. Compte-rendu de la première session. Paris 1873, tome 2-e (Paris, 1876), p. 471 sqq. — Надгробную надпись изъ монастыря св. Іеремія см. у Stern'a, Sahidische Inschriften, въ Zs. f. ägyptische Sprache u. Alterthumskunde, hrgs. v. Lepsius, XVI Jhrg., (1878), стр. 26—7, прим. 1. Въ нѣкоторыхъ коптскихъ папирусахъ упоминаются: «Игуменъ монастыря св. Іеримiи на Мемфійской горѣ»; «Святой монастырь Отца Іеримiи горы Мемфійской».

св. Пахомій жилъ въ Серапеѣ Хиновоскія (Χηνοβόσκιον), прежде чѣмъ организовалъ иноческое житіе въ верхней Ѳиваидѣ, въ сосѣдствѣ съ Филами и храмомъ Изиды, гдѣ культъ Озириса и Сераписа держится до временъ Юстиньяна; въ Александріи кварталъ Серапея сталъ τόπος св. Іоанна Крестителя; мѣсто рожденія св. Антонія лежитъ у Гераклеополя, по близости Мемфисскаго Серапея, и уже въ концѣ IV вѣка Руфинъ говоритъ о множествѣ монаховъ въ окрестностяхъ Мемфиса, гдѣ сосѣдній Серапей превратился — *въ монастырь св. Іереміи.* Монастырь этотъ, существованіе котораго можно прослѣдить до 133 года гиждры, развивался на счетъ Мемфиса, уже при Юстиніанѣ являющагося деревушкой; въ арабскую пору отъ нея остались однѣ развалины. Но и обитель св. Іереміи вскорѣ исчезаетъ изъ исторіи: ее занесло песками и Abou-Schal не упоминаетъ ее въ своемъ описаніи церквей и обителей Египта. Въ XV вѣкѣ Calcaschandi († 821 гиждры) говоритъ объ одномъ изъ древнихъ египетскихъ царей, Peiçar ben Ham ben Nûh, что онъ соорудилъ одну изъ пирамидъ у Daschûr и самъ, достигши глубокой старости, былъ похороненъ въ большой пирамидѣ на западъ отъ монастыря Abu-Hermes = св. Іереміи; что до другой, ступенчатой, стоящей у того-же монастыря, то это гробница Karjaŝ'a, египетскаго витязя, который одинъ равнялся тысячѣ другихъ и былъ оплаканъ своимъ царемъ, велѣвшемъ похоронить его въ памятникѣ, нарочно для того сооруженномъ [1]).

Названіе монастыря по имени пророка *Іереміи* я объясняю въ связи—съ храмомъ Тота-*Гермія*, находившемся въ Мемфисскомъ Серапеѣ, имѣвшемъ цѣлый штатъ жрецовъ, пастофоровъ и священныхъ ибисовъ [2]).

Обитель св. Іереміи имѣла, несомнѣнно, свои дни блеска и процвѣтанія, передъ которыми умилился-бы Руфинъ. Описывая

---

1) Calcaschandi's Geographie und Verwaltung von Aegypten. Aus dem Arabischen von F. Wüstenfeld (Abhandl. der Kön. Gesellsch. der Wiss. zu Göttingen, B. XXV, 1879, p. 3—225), стр. 47 и 118.

2) Revue Égyptologique, 2-e année (1881), №№ II et III: Révillout, La requête d'un taricheute d'ibis à l'administrateur du Sérapeum, p. 76.

раймуть [illegible] [illegible] ... онъ гово-
ритъ: «[illegible] ... omnes quoque
ponentum [illegible] [illegible]»: такъ [illegible] «animi
virtutibus pollentes, [illegible] omnium
mirificum signum est, [illegible] cujusquam
infirmitatis incurrit, sed cum [illegible] advenerit, omni-
modis praecognoscens et [illegible] de suo exitu
atque omnibus vale dicens, ad [illegible], spiritum
laetus emittit». Это — общее мѣсто въ изображеніи блаженнаго
скитскаго житія. Такъ живутъ въ цвѣтущей природѣ блаженные
«макарійцы» нашей Александріи, въ которыхъ *Іеремія* напут-
ствуетъ Александра изъ Іерусалима: «не живутъ дебелостію
плътьскою обрѣменени, такоже мы, въ мирѣ семъ нѣкако живоуть,
близь бо аггельскаго житіа соуть»: такъ и Іереміины Рехавиты
Зосимова Хожденія провидятъ время своей смерти. Макарійцевъ
Псевдокаллисеенъ С помѣщаетъ гдѣ-то въ Африкѣ, и невольно
подсказывается сближеніе съ другими дѣйствительными Мака-
рійцами, многочисленными послѣдователями св. Макарія египет-
скаго въ обителяхъ Нитріи (Abu-Makâr)[1].

И Макарійцы и Іеремія въ постановкѣ нашей Александріи указываютъ, быть можетъ, на среду, въ которой сложилась канва нашего романа, на интересъ къ мѣстнымъ, христіанско-аскетическимъ преданіямъ, давшій ему его особую окраску. Этими преданіями анонимный авторъ воспользовался своеобразно. Взявъ въ основу тотъ пересказъ Псевдокаллисеена, типа С, который выдвинулъ на первый планъ эпизодъ Іерусалима, онъ сдѣлалъ Іеремію современникомъ Александра, пророчащимъ *не о немъ*, а ему самому, при первой встрѣчѣ въ городѣ, гдѣ первосвященникъ Яддуа Іосифа Флавія сократился въ іерея Іоду, а на первое мѣсто выступилъ ветхозавѣтный пророкъ. Напутствуемый имъ Александръ отправляется на войну съ Даріемъ; во снѣ и на яву Іеремія продолжаетъ наставлять Александра, причемъ для одного

[1] О нихъ см. Butler, Ancient Coptic churches of Egipt (1884), I, p. 286 слѣд.

эпизода редакторъ пользуется созвучіемъ именъ Гермія = Іеремія, чтобы ввести въ разсказъ любимое имя. Іеремія умираетъ въ Іерусалимѣ, и Александръ велитъ перенести его прахъ въ Александрію, чтобы быть ей защитникомъ отъ змѣй и крокодиловъ.

Тѣсное сплоченіе Александровой и Іереміиной легендъ въ сербскомъ романѣ дѣлаетъ затруднительнымъ рѣшеніе вопроса объ источникахъ, знакомыхъ редактору ея оригинала. Смерть Іереміи въ Іерусалимѣ принадлежитъ-ли такому источнику, въ родѣ, напримѣръ, нашего апокрифа, или же явилась самостоятельно, какъ результатъ новаго внутренняго плана, по которому расположилось содержаніе Александріи? Обращу вниманіе лишь на одну черту: Александру приносятъ изъ Іерусалима «шаторъ великъ зѣло». Это не шатеръ-ли библейскаго пророчества: «и раскинетъ онъ (Навуходоносоръ) надъ нимъ (надъ престоломъ, поставленнымъ на камняхъ Іереміи) великолѣпный шатеръ свой?»

VIII.

ІЕРЕМІЯ АЛЕКСАНДРІИ И НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбахъ александрійской легенды объ Іереміи на почвѣ народнаго, спеціально восточно-европейскаго повѣрья. Въ этой легендѣ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать источника южно-славянскихъ вѣрованій на 1-е Мая: о Іереміи, какъ гонителѣ змѣй. На тожество относящихся сюда пѣсенъ и обрядовъ съ соотвѣтствующимъ эпизодомъ Александріи указалъ уже Новаковичъ (l. c., стр. XXXI—II); я расхожусь съ нимъ лишь въ ихъ объясненіи.

«У Грбљу онај који је рад да му онога љета змије не досађују, на Јеремијев дан (1-го Мая) у јутру лупајући око куће у просуљу говори:

Јеремије у поље
А све змије у море».

(Караџиђ, Рјечн. a-v. Јеремијев дан). Миличевичъ говоритъ о существованіи того-же обычая въ восточныхъ областяхъ: Сѣницѣ, Зайчарѣ, Подибрѣ, Копаоникѣ: сельская молодежь, собравшись около какого-нибудь дома въ срединѣ деревни, начинаетъ справа обходъ жилищъ и полей, при чемъ бьютъ въ тазы и котлы, звонятъ въ колокольчики и поютъ слѣдующую пѣсню:

Јеремије из поље,
Бежте змије у море!
Коя змија остала,

Очи своје избола
На два трна глогова,
На четири шиљка.

(Гласник, XXII, 96; XXVII, 117—118).

Въ западной Болгаріи кладутъ огонь на рьжено-тъ (родъ кочерги съ круглой лопаткой на концѣ), а въ огонь подсыпаютъ сѣру, ударяютъ щипцами по рьжено-тъ и приговариваютъ:

Бѣгай, бѣгай, Еремия,
И то ти е гандурия,
Бе ти мотать черева-та
Сосъ желѣзна мотовила.

Дѣлается-же это для того, чтобы въ домѣ не было змѣй. Въ другихъ мѣстахъ приговариваютъ иначе:

Бѣгай, бѣгай, погания
Ето ти го Еремия
Съ свѣтаго Николая....

(Каравеловъ, Памятники, стр. 221; то-же у Качановскаго, Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ, стр. 11; описаніе обряда изъ двухъ мѣстностей у Миладиновыхъ, Бѫлг. нар. пѣсни, стр. 522 и 524). Такъ и въ рукописномъ сборникѣ Пульевскаго: «спроти Еремия деца свекое во льева рока кья земетъ саанче, а въ десна клъучъ жельезенъ, та кья метаетъ возъ нивѣ, градинѣ и льивагъѣ, та на суштихъ саанчинья со клъучотъ, чукаешти емъ викаешти сльедуюштихъ зборови вельатъ говоратъ:

Бегай, бегай, поганньо,
Ете ти го Еремия
Со святаго Танасия
Подъ потъ кьртъ,
Надъ потъ кьртъ,
У горе кьртъ,
У долу кьртъ.

—

Бегай, бегай, гадорпя,
Ете ти го Еремия,
Со копьиште враставо,

Со сабьиште исабено,
Кья те сачатъ, кья те кольатъ,
Да не рпешъ льивагьѣ, градинѣ и нивѣ,
Да не сушишъ тревѣ [1]).

Представленіе о Іереміи, отгоняющемъ змѣй и гадовъ, могло проникнуть въ южно-славянскую обрядность изъ проложнаго житія (Епифанія), но легко допустить и посредничество Александріи сербскаго типа. Ея популярность на славянскомъ югѣ была обширная: она сказалась въ легендахъ, мѣстныхъ преданіяхъ, пѣснѣ [2]); почему бы и не въ суевѣрной примѣтѣ? Хорошимъ доказательствомъ этой популярности можетъ служить слѣдующая проповѣдь на Іереміинъ день, являющаяся пересказомъ Александріи. Она произнесена была македонскимъ священникомъ и заимствована нами изъ рукописнаго сборника Пульевскаго:

«Братие миряни! Денешенъ денъ помянитъ е за това, оту уште отъ по потопотъ посльe као што сакалъ Господъ и Богъ нашъ. Мие каково сме се находилье отъ Ное та и отъ неговихъ синови, та черезъ греотъ нашъ Господъ по потопотъ посльe 700 години языците ни и раздѣльи на некольку строки како би еденъ со други да се не разбираме. Та као што не зборуваме еденъ ньозикахъ за да се разбираме мегьу себе. Таке наши дедовци и предедовци со друго язичници ни то еденъ Богъ не верувалье, току сѣкой язикъ за себе Богъ си ималъ и верувалъ.

«Мие овое найбльизу до наша Македония иноязичници сме имальe Ельемени, та нашите верувалье Бога Амона, а Ельемените верувалье Бога Аполона; спроти речениxъ богови познаваме (се), оту со Ельемените несме еденъ народъ. Евреи и суштихъ се иноязичници, току Евреи уште отъ старо време тие верувалье Бога Израильева, Бога Аврамова, Бога Исакова. Току Евреи живувалье на юговосточнихъ страни въ Азия, дальеку отъ насъ.

---

[1]) Пѣсни на Іеремію сл. еще у Милоевича, Песне и обычаи укупног народа сербског (у Београду, 1869), стр. 171—173.

[2]) Сл. Новаковичъ, l. c., стр. XXVII и слѣд.; Dozon, Rapports sur une mission littéraire en Macédoine (Paris, 1873), стр. 38, и въ концѣ настоящаго изслѣдованія экскурсъ: Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ.

«Около 344 [illegible] преди Христа, во [illegible] великаго царя нашего Александра, [illegible] сказания, по крала Филипа и [illegible] [illegible]. Наступи надъ Македония великий Александеръ да [illegible]: та царь Александеръ [illegible] со една [illegible] войска го [illegible] Бизанта на Босфоръ, Буюкъ-дере, да чуватъ да не би [illegible] Персияни [illegible]. Византъ штомъ отиде со войската да чуватъ Босфоръ, тамо основа градъ Византия, [illegible] Константинополъ илья Стамболъ. А самъ царъ Александеръ со другихъ войводи и со войската науми да нападнетъ на Римъ за да го повладатъ. Штомъ Александеръ приближи конъ Римъ, та Римяни въ место да му се противатъ сущихъ со найголемъ честь го пречекае и му се предадое подъ негови повельба. Вельикій Александеръ штомъ повладалъ Римъ, го суредилъ, истокмилъ и наместилъ западенъ край Ильирски. Потомъ образува войска. Оту до Александрово и во Альександрово врѣмя тольку имаше во Македония и въ полъостровъ Балкански само три разльични язици: перви язикъ горянски, втори язикъ готски, трети язикъ ельеменски, а комуни живувае Брашово, Буковинъ, Ердель.

«Альександеръ штомъ западни край суредиемъ управи, потомъ се завръте та пръвинъ нападна на Ельемените, ги повлада емъ ги суреди, оту и тие се делье на три дела: Шпарта, Атина и Кандия.

«Вельики Альександеръ штомъ ги повлада Ельемените, потомъ премина въ Египетъ. Току Египтяни отъ многу боеви со Персияни, оту бее отъ Персияните растроени, льесно ги повлада.

«Штомъ нашъ царъ Альександеръ Египтянихъ повладалъ та потомъ на вчасъ търгна со сета войска за Юдея въ престолни юдейски градъ Ерусальимъ. Во време оно бивши патриярхъ юдейски пророкъ Еремия безъ никакво противльение, уште не доиде къ вельики Альександеръ, му испратие апостольи, оту безъ никакво противсловие кья се поклонатъ и предадатъ.

«Штомъ вельикий Альександеръ со войската се прибльижи бльизу Ерусальимъ, а патриярхъ Еремия со све множество

свяштеническо ги ковчеже позлатено го изнесое та со свя святость го пречекае и му се поклоние и предадое безъ никакво противльение.

«Штомъ вельики Альександеръ ступи въ Ерусальимъ, бивши патриярхъ Юдейски пророкъ Еремия Альександру изяви му за Бога Аврамова, Исакова емъ Израильева со свихъ чудотворении спроти стари завѣтъ, као што е писано. Та вельики Альександеръ и сета войска македонска, као што имъ исповѣда пророкъ Еремия, сви завѣрувае Бога Саваота.

«Та за това денешенъ денъ пророка Еремию празднуваме, оту сушти *пророкъ нашему царью* и нашимъ во врѣмя оноштнихъ живущихъ дедовцамъ казалъ, та заверувалье Бога Творца неба и земли».

Вся Александрія прошла передъ нами въ этой странной проповѣди, въ широкихъ очеркахъ и въ освященіи македонско-болгарскаго патріотизма. Забытъ лишь послѣдній эпизодъ: о Іереміи и змѣяхъ; здѣсь на смѣну проповѣди явился знакомый намъ народный обрядъ, котораго я не нашелъ ни у Румынъ, ни у Грековъ [1]), между тѣмъ какъ его слѣды въ русскихъ повѣрьяхъ еще довольно ясны.

Обычно у насъ представленіе пророка «запрягальникомъ» или «запашникомъ», такъ какъ обыкновенно около дня его памяти начинается посѣвъ и пахота. Можетъ быть, побочнымъ поводомъ къ такому представленію послужило созвучіе имени *Іереміи* — съ *ярмомъ* и отчасти то обстоятельство, что онъ, по повелѣнію Божію, во дни своихъ пророчествъ носилъ на своей выѣ *узы древяны и клады* [2]). Важнѣе для насъ присловье, относящееся къ началу и концу посѣва: «Еремѣя подыми сѣтево» (1-го Мая) и «Еремѣя опусти сѣтево» (31-го Мая) [3]). Во второмъ случаѣ

[1]) На мои вопросы о существованіи Іереміина повѣрья въ новой Греціи отвѣтили отрицательно профессоръ Дестунисъ и Легранъ (послѣдній письмомъ отъ 8-го Марта н. ст., 1884 г.).

[2]) Калинскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ, подъ 1-мъ Мая, стр. 399.

[3]) Петрушевичъ, Обще-русскій дневникъ, подъ 1-мъ Мая, стр. 45.

разумѣется Еремѣй «распрягальникъ», т. е. мученикъ *Ермій* или апостолъ (изъ числа 70-ти) *Ерма*, памятуемые 31-го Мая, вмѣсто которыхъ древніе синаксари помѣщаютъ пророка *Іеремію*, тогда какъ, наоборотъ, другіе упоминаютъ мученика Ермія 29-го Апрѣля, можетъ быть, также по смѣшенію съ Іереміей весеннимъ, 1-го Мая. Интересно при этомъ другое смѣшеніе, встрѣчающееся въ синаксарахъ подъ 31-мъ Мая: Ермія съ Исаакіемъ (30-го Мая) [1] — въ связи съ русскимъ повѣрьемъ, что на память св. Исаакія бываетъ *змѣиный праздникъ*: змѣи скопляются, идутъ поѣздомъ на змѣиную свадьбу, ходятъ по лѣсамъ станицею [2]). Я склоненъ отнести это повѣрье на счетъ отождествленія Ермія съ Іереміей, отразившемся, быть можетъ, въ *Еругланѣ* Лазаревичѣ малорусскаго заговора [3]): ему подвластны всѣ ядовитыя змѣи; отъ него ожидаютъ, что онъ будетъ «из жовтої кости зуба винімати», какъ въ другихъ заклинаніяхъ отъ «змѣи-скорпѣи» требуютъ, чтобъ она нашла ту змѣю, что укусила раба Божьяго [4]), а по малорусскому повѣрью въ вирей принимаютъ лишь змѣй, никого не укусившихъ за лѣто. Это напоминаетъ арголовъ Іереміиной легенды. Изъ вирья вся тварь, а съ ними и гадюки, выходятъ весною, «на Варуха, якъ земля руха», и исчезаютъ на «Хреста», т. е. 14-го Сентября [5]). Варухъ извѣстенъ намъ въ сопоставленіи съ Іереміей; была-ли ему народная память весною? Церковь поминаетъ его 28-го Сентября и 15-го Ноября [6]); 4-го и 5-го Ноября греческая церковь памятуетъ апостола *Ермія;* не потому-ли въ старыхъ греческихъ

---

[1]) Сл. Martinov, Annus Ecclesiasticus Graecorum, подъ 29-го Апрѣля, 1-го и 31-го Мая. Сл. тамъ-же подъ 8-го Марта (Hermas), Acta Sanctorum подъ 8-го Апрѣля (Hermas) и 31-го Марта (Ἑρμείας) и Nilles, Kalendarium Manuale (Oeniponti, 1879) подъ 31 Мая, 8 Апрѣля и 4 Ноября.

[2]) Петрушевичъ, l. c., стр. 49.

[3]) Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и повѣрья, l. c., стр. 30; сл. Ягичъ, Archiv, VII, стр. 512.

[4]) Майковъ, Великорусскія заклинанія, №№ 178, 182, 186.

[5]) Драгомановъ, l. c., стр. 11; Петрушевичъ, l. c., стр. 70, подъ 12 и 14 Сентября (на Артамона змѣи уходятъ въ лѣса и вертепы).

[6]) Martinov, l. c., a. d.

сборникахъ житій святыхъ статья объ *Іереміи* помѣщается по сосѣдству, т. е. 4-го Ноября [1])?

Я полагаю, что рядъ приведенныхъ мною календарныхъ совпаденій достаточно указываетъ на существованіе и въ русскихъ повѣрьяхъ представленія о Іереміи, гонителѣ змѣй. Воспоминаніе-ли это христіанизованной Александріи, вліяніе проложнаго житія, или отраженіе южно-славянскаго повѣрья — я не знаю.

Къ сходнымъ источникамъ восходятъ, во всякомъ случаѣ, южно-русскіе разсказы о «рахманахъ».

Рахманы — христіане, живутъ гдѣ-то далеко, за далекими морями, подъ землею; *они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, а потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ отъ насъ скорлупа пасхальнаго яйца.* Вслѣдствіе того существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, «крашанокъ», которыя доплываютъ къ Рахманамъ на Преполовеніе, и Рахманы тогда только празднуютъ пасху, «рахманьскый великдень» [2]). Въ этотъ день церковь соединяетъ воспоминаніе объ освященіи ангеломъ купели Силоамской съ воспоминаніемъ ученія Іисуса Христа о водѣ живой (Іоанн. 7, 38), при чемъ молится Господу о напоеніи всѣхъ жаждущихъ спасенія водами благочестія. На Руси освящаютъ воду на рѣкахъ и колодцахъ и существуетъ присловье: «въ Преполовеніе Богородица Волгу переплыла» [3]).

---

[1]) У Коптовъ память Іереміи совершается 30-го Апрѣля и 5-го Сентября; въ эѳіопскомъ календарѣ 21-го Генваря. Сл. Ludolphus, Commentarius ad historiam Aethiopicam. Francofurti a/M, 1681, стр. 415, 432 (Annotatio XXII).

[2]) Малороссы разсказываютъ, что гдѣ-то за-моремъ живетъ блаженный народъ *навы;* чтобы сообщить имъ радостную вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, они бросаютъ въ рѣку скорлупы крашеныхъ яицъ, которыя приплываютъ къ навамъ въ зеленый четвергъ = Навскій великъ день (Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія I, 578).

[3]) Чубинскій, Труды этнограф.-стат. экспед. въ западн. Русскій край. Юго-западный отдѣлъ, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, стр. 220; III, стр. 24 и 29; Купчанко, Пѣсни Буковинскаго народа, стр. 356; Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія II, 141; III, 278; Калинскій, l. c., стр. 467—468; Петрушевичъ, l. c., стр. 48.

Въ Хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію (сл. выше стр. 308) надпись Александра гласитъ: *всѣ воды мира приходятъ съ лѣвой стороны;* кто хочетъ выйти на свѣтъ, пусть пойдетъ на лѣво, т. е. вверхъ по теченію; *на право*, стало быть, *идя внизъ по теченію, доберешься до страны блаженныхъ*, къ пещерѣ Макарія. Крашанки, пущенныя въ воду, приплывутъ необходимо къ Рахманамъ. Замѣтимъ, что Рахманы Зосимы идутъ, слѣдуя указанію ангела, къ странѣ, гдѣ они и селятся; *идутъ по теченію рѣки:* «аможе идеть вода, идѣте и вы». Это—тотъ-же образъ; Рахманы Зосимы не «*знаютъ числа лѣтамъ*, ни годамъ, ни мѣсяцамъ, ни днямъ, но якоже единъ день, тако вси суть»; о наступленіи поста они узнаютъ потому, что деревья перестаютъ давать плодъ и съ неба падаетъ манна на пищу блаженнымъ; *когда же деревья снова принесутъ доброволнный плодъ, они разумѣютъ, что наступило «новое лѣто» и приблизился день Воскресенія Господня* (сл. выше стр. 296—299).

Въ современномъ южно-русскомъ вѣрованіи и обрядѣ легко выдѣлить образы, навѣянные не народнымъ, а древнимъ литературнымъ преданіемъ.

У Молдаванъ въ Бессарабіи 1-ое Мая посвящено памяти пророка Іереміи: Armindinu или Арминдянъ, собственно, Ирминъ день (южноболгарск.), т. е. день Іереміи; въ этотъ день не работаютъ, и ласточки не вьютъ гнѣздъ[1]). Иначе: Armindenu — называютъ не только 1-го (Іереміи), но и 31-го Мая: дня св. Гермія, котораго Tocilescu приравниваетъ къ *Меркурію-Гермію;* именно Меркурію Римляне посвятили мѣсяцъ Май[2]). Сближеніе можетъ быть удержано, но на почвѣ другого: Гермія = Іереміи, имя котораго могло вторгнуться въ готовый народный обрядъ безо всякаго отношенія къ легендѣ, отдавшей ему одно лишь имя. Перваго Мая румыны празднуютъ въ честь родимой звѣзды, вѣ-

[1]) Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости 1881 г., Отд. неоффиціальный, стр 23; Сырку въ Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, 1884, № 10, стр. 36.

[2]) Сл. Foia societatii Romanismului, An. I (1870), Sept., № 6: Tocilescu, Poesia poporana a romanilorŭ, p. 258.

шаютъ на окнахъ и дверяхъ дома вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ. Подъ вечеръ, когда начинаютъ показываться звѣзды, накрываютъ въ саду или рощѣ столъ бѣлымъ убрусомъ, ставятъ на немъ хлѣбъ, медъ и вино и призываютъ одного нищаго для угощенія. На столѣ противъ прибора, между двумя восковыми свѣчами, полагаютъ икону Патрона. Слѣдующая румынская пѣсня, упоминающая Арминдяна въ связи съ звѣздами, едва-ли не одолжена своимъ происхожденіемъ внѣшнему сочетанію обряда и имени:

Armindénu, Armindénu,
S'au suitu pe carucénu,
Pe carucénu de sórele,
Drept se duce la zodiile.
Hai! hai! Armindénu,
Nu me fa sirimanu,
Vaileu stéoa nascerei
Fara ochiul Armindénului! [1]).

(«Арминдянъ, Арминдянъ! сѣлъ на колесницу, на солнечную колесницу, и отправился прямо къ звѣздамъ. Ахъ! ахъ! Арминдянъ, не оставляй меня сиротою! Что мнѣ по родимой звѣздѣ безъ глаза Арминдянова!»).

Рядомъ съ этимъ образнымъ, почти миѳическимъ пониманіемъ Арминдяна отмѣтимъ другое его значеніе: зеленой вѣтки, которую въ день 1-го Мая втыкаютъ передъ домами, итальянскаго maggio. Происхожденіе этого обычая румынская легенда объясняетъ такимъ образомъ: когда Евреи усѣкли ап. Іакова, замыслили такъ поступить и съ ап. Филиппомъ и съ этой цѣлью отмѣтили его домъ, посадивъ передъ нимъ деревце; на другой день такія-же деревца очутились передъ всѣми домами Іерусалима [2]). Свв. апостолы Іаковъ и Филиппъ памятуются западною церковью

---

[1]) Александръ де Хиждеу, Румынскія народныя пѣсни, Телескопъ, кн. XIV (1833 г.), стр. 503—4. Указаніе П. А. Сырку.

[2]) Mannhardt, Wald- und Feldkulte, II, p. 216 прим. на стр. 215—216. Ср. такую-же нѣмецкую легенду у него-же, Mythologische Forschungen, стр. 13, прим. 1.

1-го и 2-го Мая) не лишне будетъ замѣтить, въ связи съ майскими повѣрьями о Іереміи, что отреченныя дѣянія ап. Филиппа въ Іераполѣ выставляютъ его чудесами надъ змѣями и особенно надъ ехидною, которой поклонялись жители Офіорины. Совпаденіе этой легендарной подробности и времени чествованія Іереміи и — ап. Іакова и Филиппа (1 Мая) даетъ намъ право ожидать, что въ обрядности, пріуроченной къ календарному празднованію апостоловъ, мы встрѣтимъ параллели къ змѣиной навъ южнославянской Іереміевской. Ожиданія эти не оправдались. Въ Сициліи въ день перваго Мая, когда по повѣрью черти выходятъ изъ своихъ логовищъ, возбуждая бури и непогоду, противъ нихъ обращаются къ помощи ап. Якова и Филиппа:

Santu Filippu e Japicu Santi
Apostuli putenti e putintati
Agnisìati Agnisìati Agnisìati
L'aria binidicìti ed ammutati

Ср. еще сицилiанскую пѣсенку, которую поютъ въ день 1-го Мая при собираніи златоцвѣта (chrysanthemum), отгоняющаго отъ жилья дьяволовъ, но полезнаго и противъ клоповъ:

Ciuri di maju cògghiu
Cimici a la me casa nun nni vògghiu:
Ciuri di maju cògghiu a la campìa.
Fora li cimici di la casa mia [2]).

На западѣ повѣрій и заклинаній, сходныхъ съ южно-славянскими майскими, и притомъ съ именемъ *Іереміи*, я не встрѣчалъ [3]).

---

[1]) Съ чередованіемъ Іереміи и ап. Филиппа и Іакова въ памятяхъ 1—2 Мая слѣдуетъ сравнить подобное-же чередованіе въ мѣстной Александрійской легендѣ: рядомъ съ Іереміей является другой палладіумъ города, гробница св. Марка, охраняющая его, по словамъ Прокопія Хартофилакса, отъ всякихъ бѣдъ, эпидемій и варварскаго разгрома.

[2]) Pitrè, Archivio, II, 3, стр. 422—4; IV, стр. 100—1.

[3]) Сходная обрядность встрѣчается въ Германіи и Франціи, но съ другимъ календарнымъ пріуроченіемъ. «In der untern Ortenau (Grossherz. Baden) besteht noch folgender.... Brauch: Am Vorabend von Petri Stuhlfeier (22 Febr.).... gehen die Knaben mit einer Schelle oder.... mit einem andern klingenden Gegenstande versehen von Haus zu Haus mit dem Gesuche, die *Schlangen und*

но сохранился слѣдующій суевѣрный рецептъ, восходящій къ XII вѣку, съ именемъ Александра и водными змѣями, что невольно относитъ насъ къ воспоминаніямъ Іереміиной легенды. Вотъ текстъ заговора [1]):

«*Probatio Alexandri Magni ad matrem suam Olimpiam.* Appehende serpentem pluvialem sive aquaticum et vivum, suspende in tecto ligneo in tuto loco per caudam cum fune longo, capite insuper habenti, per dies VII, et ingredieris ad eum hora V noctis cum lucerna et stans a longe dic: Ego sum pro[to]plastus Adam in paradyso, da mihi lapidem, quem habes in ventre tuo». Змѣя извергнетъ камень, который окажется цѣлительнымъ — отъ водяной. Это указаніе заключается слѣдующими словами: «In multis enim medicinalibus libris alia et alia inveniuntur, nihil tamen mirabile probavi, nec tam cnatum, quam istud. Aliq. multi (sic) scripta legunt incredentes, sed nihil certius credas, quam quod Alexander rex manu sua scripsit».

Слѣдуетъ пожалѣть, что не записаны (или не сохранились?) греческія повѣрья объ Іереміи и вообще не собраны свѣдѣнія о жизни Александровой легенды на почвѣ греко-византійскаго вѣрованія. Они пролили-бы много свѣта какъ на исторію этой легенды вообще, такъ и на вопросы ея международнаго обращенія

Kröten jagen zu dürfen. Nach gegebener Erlaubniss.... springen dieselben dreimal um das bezügliche Haus herum unter stetem Rufen: «*Schlangen und Kröten zum Tor hinaus!*»... Für diese Mühewaltung erhalten die Knaben vom Eigenthümer ein kleines Stück Geld oder auch eine Gabe Brod (Bauer, Schlangen- und Krötenjagen, въ Zs. f. deutsche Philol. IV, стр. 70—1). Сл. Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube, стр. 22, 79; сл. еще 118 и Scheffler, Die franz. Volksdichtung u. Sage, I, стр. 284 слѣд.: о святкахъ дѣти ходятъ съ зажжеными пучками соломы или хвороста, при чемъ поютъ слѣдующія пѣсенки:

Taupes et mulots,
Sors de mon clos,
Ou je te mets le feu sur le dos.

—

Barbassionne,
Si tu viens dans mon clos,
Je te brûle la barbe et les os.

[1]) Zingerle, Recepte aus dem XII Jahrhundert, въ Germania XII, стр. 468.

[illegible] и суевѣрій [illegible] на народ- [illegible] его [illegible] его [illegible] Къ [illegible] часть [illegible] [illegible] изображе- [illegible] очевидно, [illegible]: «Τί ἄν τις εἴποι περὶ τῶν ἐπῳδαῖς καὶ περιάπτοις κεχρημένων, καὶ νομίσματα χαλκᾶ Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνος ταῖς κεφαλαῖς καὶ τοῖς ποσὶ περιδεσμούντων; Αὗται αἱ ἐλπίδες ἡμῶν, εἰπέ μοι, ἵνα μετὰ σταυρὸν καὶ θάνατον Δεσποτικὸν εἰς Ἕλληνος βασιλέως εἰκόνα τὰς ἐλπίδας τῆς σωτηρίας ἔχωμεν;... Οὐ περίαπτα δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐπῳδὰς ἑαυτῷ περιάπτεις, γραΐδια μεθύοντα καὶ παραπαίοντα εἰς τὴν οἰκίαν σου εἰσάγων; καὶ οὐκ αἰσχύνῃ, οὐδὲ ἐρυθριᾷς μετὰ τοσαύτην φιλοσοφίαν πρὸς ταῦτα ἐπτοημένος; Καὶ τὸ χαλεπώτερον τῆς ἀπάτης· ὅταν γὰρ παραινῶμεν ταῦτα καὶ ἀπάγωμεν, δοκοῦντες ἀπολογεῖσθαι φασιν, ὅτι Χριστιανή ἐστιν ἡ γυνὴ ἡ ταῦτα ἐπᾴδουσα, καὶ οὐδὲν ἕτερον φθέγγεται, ἢ τὸ τοῦ Θεοῦ ὄνομα. Διὰ τοῦτο μὲν οὖν αὐτὴν μάλιστα μισῶ καὶ ἀποστρέφομαι, ὅτι τῷ ὀνόματι τοῦ Θεοῦ πρὸς ὕβριν κατακέχρηται. ὅτι λέγουσα χριστιανὴ εἶναι, τὰ τῶν Ἑλλήνων ἐπιδείκνυται» [1]).

[1]) См. Migne, Patrol. gr. t. XLIX, стр. 240. Такимъ-же суевѣрнымъ почетомъ, какъ встарь монеты Александра, пользуются нынѣ въ греческомъ простонародьи золотые Константина Великаго (Κωνσταντινάτο): οἱ ἁπλοῖ τὰ φέρουσι ὡς φυλακτήρια, καὶ ἀγοράζουν ὡς τοιαῦτα ὄχι μόνον τὰ τοῦ Κωνσταντίνου, ἀλλ' ὅλων τῶν ὁμωνύμων του αὐτοκρατόρων τῆς Κωνσταντινουπόλεως. Ὁ Πισυροπρόδρομος ἀντιφέρει καὶ Μανουηλάτον τὸ ἐπὶ τῆς βασιλείας Μανουὴλ τοῦ Κομνηνοῦ νομιζόμενον. Сл. Βυζαντίου, Λέξικον τῆς καθ' ἡμᾶς Ἑλληνικῆς διαλέκτου, ed. 3, s. v. Κωνσταντινάτο. Про казну царя Константина, мѣсто нахожденія которой знаетъ лишь самый старый въ свѣтѣ орелъ, разсказываетъ болгарская сказка у Шапкарева, Български народни прискаски и вѣрования, № 21; въ Сербіи его день чествуется цехомъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ (Караџић, Живот, стр. 86).

Относительно другихъ Александровскихъ преданій трудно рѣшить, какимъ теченіемъ они опредѣлилились: литературнымъ, или народнымъ, безсознательно переносившемъ на Александра все чудесное, грандіозныя постройки и замыслы, въ родѣ волшебнаго зеркала на александрійскомъ маякѣ (Масуди), или подземнаго прокопа между Чермнымъ и Сѣвернымъ морями (Даніилъ) [1]. Литературнымъ источникомъ, т. е. знакомствомъ къ какой нибудь версіей Александрова романа, объясняются, наоборотъ, такъ называемыя сказки объ Александрѣ, въ родѣ греческой, записанной у пастуховъ на Парнассѣ [2]), либо русской: о нечистыхъ народахъ [3]), или болгарской: о сестрѣ Александра. На отношеніе послѣдней и соотвѣтствующаго румынскаго преданія къ одному эпизоду Псевдокаллисѳена я указывалъ неразъ [4]); къ этимъ параллелямъ я присоединю теперь и новогреческія. На Закинѳѣ разсказываютъ, что властительница нереидъ была сестрою Александра Македонскаго [5]), и обращаются къ нимъ съ такимъ заклинаніемъ: «Χαιράμεναις, καλόκαρδαις! Μέλι καὶ γάλα ’ς τοῦ βασιλέα τὴν τάβλα! ’Σ τὴ ψυχὴ τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου, κακὸ μὴ μοῦ κάμετε». Въ Македоніи, когда поднимается сильная буря, причиняемая, по повѣрью, нереидами, причитаютъ: «Μέλι καὶ γάλα (трижды) κἄπ ’απ’ ἐδῶ πέρασεν ὁ βασιλεὺς Ἀλέξανδρος· ζῇ καὶ βασιλεύει (трижды)» [6]). Въ Черномъ морѣ въ той-же роли являются горгоны или и одна Горгона: чудовищная полуженщина, полурыба, останавливающая корабль, вопрошая пловцовъ: Живъ-ли царь Александръ? (Ζῇ ὁ βασιλιᾶς Ἀλέξανδρος?) Если тѣ отвѣтятъ, что да (Ζῇ καὶ βασιλεύει, либо: Ζῇ καὶ βασι-

[1]) Сл. мои Мелкія замѣтки къ былинамъ въ Ж. М. Нар. Просв. 1885, Дек., стр. 188—9; и тамъ-же, Май. Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, стр. 171—2.

[2]) Bernhard Schmidt, Griechische Märchen, Sagen etc.: Sagen, № 14.

[3]) Аѳанасьевъ, Нар. русскія сказки, № 183.

[4]) Сл. выше, стр. 221—222, 228—231, 271 и прим. 1; прим. 2 на стр. 289—290.

[5]) Bernhard Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen I, p. 107; сл. p. 125.

[6]) Πολίτης, Δημώδεις μετεωρολογικοὶ μῦθοι, p. 42.

λεύει καὶ τὸν κόσμον εἰρηνεύει, или: Ζῇ καὶ βασιλεύει καὶ ζωὴ νᾶχετε καὶ σεῖς), она исполняется радости, оборачивается красавицей, затягиваетъ подъ звуки лиры сладкозвучную пѣсню и утишаетъ море; если отвѣтятъ, что умеръ, приходитъ въ страшный гнѣвъ и высоко швыряетъ корабль, такъ что всѣ погибаютъ. Иначе говорятъ, что услышавъ печальный отвѣтъ, горгоны удаляются съ плачемъ, а ихъ слезы производятъ бурю, отъ которой кораблю нѣтъ спасенія.—Въ одной сказкѣ изъ Пароса Горгона—красавица съ бѣлокурыми волосами, показывавшаяся изъ моря и требовавшая себѣ человѣческой дани съ проходившихъ судовъ; «сынъ старухи», герой сказки, осилилъ её и заставилъ навсегда отказаться отъ своихъ требованій. Она клянется — матерью-моремъ и — отцомъ Александромъ (ὀρκίζομαι εἰς τὴ μάννα μου τὴ θάλασσα καὶ τὸν πατέρα μου τὸν Ἀλέξανδρον) [1]).

Во всемъ этомъ отразился, несомнѣнно, одинъ и тотъ-же образъ Псевдокаллисѳеновской Калы, нереиды, но образъ, не остановившійся на стадіи сказки, а проникшій въ вѣрованія, какъ у румынъ онъ отложился въ представленія судицы, наречницы, феи. Естественно ставится вопросъ: совершился-ли этотъ переходъ самостоятельно — въ Греціи и Румыніи, или процессъ былъ односторонній, передавшійся въ готовыхъ формахъ изъ одной области въ другую? Развитіе Іереміиной легенды вызываетъ такія-же соображенія; хотя за отсутствіемъ греческихъ параллелей здѣсь меньше матеріаловъ для постановки вопроса, самое названіе 1-го Мая: Арминдянъ доказательно: *Ирминъ-день* можетъ принадлежать лишь славянской средѣ.

Чередованіе въ новогреческихъ повѣрьяхъ именъ Горгоны и нереиды, того и другого съ именемъ Александра, можетъ быть доказательно по другому вопросу. Въ русскихъ спискахъ Александріи мы отмѣтили (сл. выше, стр. 231 прим. 2) эпизодъ, не встрѣтившійся намъ ни въ южнославянскихъ, ни въ греческихъ текстахъ: о встрѣчѣ Александра съ Горгоніей. Я попытался

[1]) Πολίτης, Μελέτη I, стр. 62—3 и его-же: Ὁ περὶ τῶν Γοργόνων μῦθος, стр. 2 и 11—12 оттѣльнаго оттиска, любезно доставленнаго мнѣ авторомъ.

истолковать его изъ смѣшенія и искаженія текста, но самое имя Горгоніи осталось необъясненнымъ. Не было-ли этого эпизода уже въ какомъ-нибудь южнославянскомъ, стало быть, и греческомъ спискѣ? Интересно, во всякомъ случаѣ, что какъ Горгонѣ новогреческое повѣрье приписываетъ сладко-звучную пѣснь, такъ и о Горгоніи въ русской Александріи говорится, что она, подобно Сиренѣ, привлекала къ себѣ животныхъ и людей.

IX.

ВОЙНА СЪ ПОРОМЪ. — АМАЗОНКИ И КАНДАКА.

Эпизодъ о Іереміи, существенный для всего плана сербской Александріи, отвлекъ насъ отъ послѣдовательнаго разбора ея содержанія, къ которому мы и возвращаемся — а именно къ войнѣ Александра съ Поромъ, непосредственно слѣдующей въ нашемъ текстѣ за походомъ въ невѣдомыя страны (сл. выше гл. II, стр. 223—4, 232).

Поръ или *Форъ*? Обѣ формы одинаково употребляются въ славянскомъ текстѣ; слѣдуетъ-ли объяснить это особенностью языка, свойственной одной группѣ памятниковъ, въ которыхъ *ф* въ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ часто смѣняется въ *п*? Сл. въ нашемъ текстѣ: Фригія—Придія, финикъ—пиникъ, фарижь (φαρίον) — парижь, Буке*фалъ* — Дучи*палъ*, Клеофила — Клеопила; въ Троянской притчѣ: Прижіа (Phrygia), придежьскъ (phrygius) [1]); въ бѣлорусскихъ Тристанѣ и Бовѣ и, вѣроятно, въ ихъ южно-славянскомъ оригиналѣ: Пелишъ (Felis), Перемонтъ (Ferramonte), Лукаперъ (Lucaferro). Троянская притча знаетъ и обратный переходъ, *п* въ *ф*: Фарижь (Paris), Фелешь (Peleus), рядомъ съ Пелешь, какъ въ нашемъ памятникѣ Форъ рядомъ съ Поромъ — можетъ быть *Für* восточныхъ Александрій? Интересно при этомъ, что въ старыхъ славян-

[1]) Сл. сопоставленія въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ, II, стр. 79—80.

скихъ повѣстяхъ объ увозѣ Соломоновой жены похититель зовется *Поромъ*, въ нѣмецкой поэмѣ о Соломонѣ и Морольфѣ — Pharo = Форъ? Въ вѣнской рукописи и новогреческой народной книгѣ Πόρος — Πῶρος Псевдокаллисѳена.

Въ сравненіи съ разсказомъ послѣдняго (С, III, 1—4) сербская Александрія представляетъ, помимо нѣкоторыхъ измѣненій послѣдовательности, новую роль Филона и письмо Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, содержаніе котораго приведено было нами отчасти уже выше (сл. гл. II, стр. 224—5).

У Pseudocall. C, III, 3, Филонъ названъ лишь однажды, по случаю измѣны, готовившейся въ войскѣ, о чемъ онъ и докладываетъ Александру. Сербск. текстъ Новак. III, 3=Ягичъ, l. c. стр. 290 и новогр. нар. кн., стр. 128, называютъ въ этомъ эпизодѣ вмѣсто Филона — Птолемея; Александръ держитъ рѣчь, послѣ которой Македоняне каются, сваливая замыселъ предательства на невѣрныхъ и трусливыхъ Персовъ, которыхъ Александръ наказываетъ своеобразно: «вь жен'ске свитѣ облѣшти ихь повелѣ и плат'на жен'скаа на главахь носити повелѣ» (сл. Ягичъ, l. c., стр. 291; сл. новогр. нар. кн. p. 130: ἔνδυσαν τους γυναίκια ῥοῦχα, τυλίγωντας τὰ κεφάλιά τους μὲ κόκκινα μανδήλια, τὰ ὁποῖα φοροῦσιν ἕως τὴν σήμερον οἱ Πέρσαι).

Это черта лишняя противъ Псевдокаллисѳена, какъ и вся роль Филона (сл. выше стр. 248—249). Онъ сопровождалъ Александра въ его хожденіи по невѣдомымъ странамъ; дойдя до предѣловъ Индіи Александръ посылаетъ его въ Персію (Нов. III, 1, Ягичъ, l. c., p. 287), властителемъ которой онъ былъ ранѣе того назначенъ, и туда уже пишетъ ему (въ новогр. нар. кн., стр. 130: ему и Селевку) письмо, вызывая его къ себѣ на помощь съ войскомъ, съ которымъ онъ (новогр. нар. кн.: и Селевкъ) и является, бьется съ Поромъ на рѣкѣ Алфіонѣ (новогр. нар. кн., стр. 132: Ἀλφειός) и идетъ къ нему поклисаремъ, съ посланіемъ Александра и вызовомъ на единоборство (Нов. III, 4—5, Ягичъ, l. c., стр. 291—295). Сл. W, стр. 59 и прим. 1; новогр. нар. кн., стр. 130 и слѣд.

Что касается посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Нов. III, 2 = Ягичъ, l. c., стр. 288—290; нѣтъ въ W и въ новогр. нар. кн.), то, какъ мы видѣли выше, оно отвѣчаетъ по плану такому-же посланію Pseudocall. C, II, 23 и слѣд., содержаніе котораго, лишенное своей эпистолярной формы и нѣсколько измѣненное, приняло въ сербской Александріи форму разсказа (сл. выше гл. II). Приведу здѣсь начало посланія для характеристики сентиментальности, свойственной нашему роману и особливо крѣпнущей, чѣмъ ближе мы подвигаемся къ развязкѣ. Вотъ уже четыре года, пишетъ Александръ матери и учителю, «оть нелиже вашемоу не вьз'вѣстисмо срьдолюбьствоу, и о семь вась много жалити м'ню, и многими за вась обьдрьжими ѥсмо скрьб'ми. И ви доушею болите много, м'ню, и мысльми мнозѣми обоуреваѥми ѥсте; ꙗкоже и корабь нѣкими вльнами обоуреваѥмь, тако и срьдца ваша потоплена соуть жалостию за нась. Многашти бо вь с'нѣ вась видѣхь и кь вамь срьдьчнима очима влѣкомь бѣхь, и жалост'нѣхь вась и радост'нѣхь видѣхь. Оумь вь с'нѣ многаа обьтечеть зрѣти и далеч'наа мѣста. И тако оть сна вьстаѥ и льжно мьчтаниѥ поустивь, и жалостьнь бывахь о семь, ꙗкоже вь ꙗвѣ растаѥ се сь вами мне. Се тебѣ страдати мати! Многашти бо вь с'нѣ зриши ме, и сь мною веселешти се радост'на ѥси, и, пакы оть сна вьстав'ши, прѣльст'наа оузнав'ши, не мало скрьбиши. Тако бо и в'си страждоуть, яже срьдьчноую любовь имѣють. Вѣмъ бо те, мати, неизречен'ноую любовь имѣти кь ѥдинородномоу сыноу, а вь дал'нихь землꙗхь соуштоу; тако бо и всѣмь матеремь подобаѥть за синове своѥ болети. И твою любовь, юже кь мнѣ, моѥ извѣствоуѥть срьдце; срьдце бо срьдцоу жалость и радость оуказуѥть. Да о в'сѣмь овемь сьгрѣшению милостива боуди и сьгрѣшениѥ намь прости; не бо оть нелюб'ве вамь писати сьгрѣшихомь, нь пропоуштати кь вамь к'нигы не могохомь; сь вьстока бо доидохомь и вь Ин'діѥ ѥсмо. Ин'діа нась вьмѣсти, да, ѥлика намь прилоучише се, в'са ѥпистоліа вамь тази вьзвѣстить и вса, ꙗже о нась, кажеть. Вѣсте бо, ꙗкоже прѣжде писасмо, како Пер'сид'ско царство прѣехомь» и т. д. (сл. II-ю главу,

стр. 224—5 и посланіе къ Олимпіадѣ и Аристотелю у Новаковича II, 16).

За вычетомъ этой эпистоліи и всего эпизода о Филонѣ, соотвѣтствіе съ Псевдокаллисөеномъ, не дословное, а содержательное, представляется для нашего отдѣла въ слѣдующемъ:

1. *Посланіе Фора къ Александру и отвѣтъ послѣдняго* (Новак. III, 1 = Ягичъ, l. c., стр. 287—8, W, стр. 57—8: сокращено; греч. нар. книга, стр. 126—8; рум. нар. кн. стр. 74—5) = Pseudocall. C, III, 2. Сл. конецъ Александровой эпистоліи: онъ пишетъ Пору: Παρ' ἐμοῦ κατασχεθεὶς τοῖς ἐν σοι ἐξουδενωθήσῃ καὶ παραπεμφθήσῃ θεοῖς, οὐκ ἐν μακάρων χώρᾳ, ἀλλ' ἐν Ἅδῃ συνεῖναι Πλούτωνι καὶ Περσεφόνῃ = сербск. текстъ: не вь макарон'ски отокь послати те имамь, идеже богы твоѥ мнишн быти, нь вь адь дол'ни сь земльними моучити се, тамо бо суть они вь геѥне, ıакоже мнѣ Ѥфан'ть макарон'ски царь сказа (Нов. l. c., стр. 95); греч. нар. книга, стр. 128: θέλεις ὑπάγει μὲ τοὺς θεούς σου ἀντάμα νὰ κολάζεσαι εἰς τὰ καταχθόνια τοῦ ᾅδου.

[2. Посланіе Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, Нов. III, 2 = Ягичъ, l. c., стр. 288—290; о немъ см. выше, стр. 224—5 и 381 и рум. нар. кн. стр. 75—6: сокращенно].

3. *Поръ сбираетъ войско*, «и обрѣте .н. тисоушть и .ı. тисоушть львовь, иже бѣхоу на брань наоучени» (вар.: войска «осам тисуħ тисуħи и десет тисуħ лавов). Въ войскѣ Александра готовится *измѣна*, о которой Александръ узнаетъ черезъ Птолемея. [Затѣяли ее Персы, находившіеся въ войскѣ Александра, который подвергаетъ ихъ унизительному наказанію, а самъ считаетъ свои силы: «.ѕ. тисоушть тисоушть», и пишетъ Филону въ Персію, съ требованіемъ помощи]. *Бой съ Поромъ*: «Порь .ı. тисоушть напрѣдь поусти львовь. Алексеи'дрь же прѣмо ихь тисоуштоу биволь посла неоученехь; львове же сь ними сьразише се, и опеть вратише се оу свою войскоу». И Поръ и Александръ дѣлятъ свои рати на три части; у перваго убитыхъ «.о. (вар. .в.) тисоушть люди, а оть Алексеи'дровехь .лє. тисоушть, и оть Макєдонѣнь

.е. сьтъ». Во второй разъ Поръ высылаетъ въ дѣло «.р. тисоуштъ клефан'тъ», «пир'гове на нихь дрѣвѣне сьтвори, на коюмь ждо пир'гоу .к. ороуж'никь постави, и тако на бои на Алексен'дра поусти. Алексен'дрь прѣма ихь на бои пошьдь, воѥ же .с. тисоуштъ поведе пешьць, и в'семь прапор'це (вар. прибавляетъ: на коне поставити) носити рече, и ноги слоновомь подсѣцати, слонове же, прапорьць звекь не видѣвше, оуплашив'ше се побѣгоше. И тоу одь Поровехь Алексен'дрь оуби тисоуштоу и четири ста и .н. (вар. тис. тисоуштъ; четира ста тисућ), а одь Алексен'дровехь тисоушта и .ѕ. (вар. тисоуштъ .ѕ.) моужь». Нов. III, 3—4 = Ягичъ, l. c., стр. 290—292. Сл. W, стр. 58—9 (сокращено и многое опущено); греч. нар. кн. стр. 128—132: войска у Пора 50 милліоновъ, львовъ десять хиліадъ; измѣнники персы наказаны; войска у Александра шесть милліоновъ; онъ пишетъ въ Персію Филону и Селевку; противъ десяти хиліадъ львовъ онъ напускаетъ τέσσαρες χιλιάδες βουβάλια καὶ βοΐδια ἀμάθητα. Ἐσμίχθησαν οἱ λέοντες μὲ τὰ βουβάλια καί βοΐδια καὶ ἐπνίγονταν. — То-же дѣленіе войска на три части, съ той и другой стороны; «ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τοῦ Πόρου τὸ φουσάτον διακόσιαις χιλιάδες, καὶ ἀπὸ τοῦ Ἀλεξάνδρου χιλιάδες ἓξ ἥμισυ». Слѣдуетъ та-же подробность о слонахъ съ башенками; Александръ велитъ κάθε καβαλλάρην νὰ βάλῃ κουδούνια εἰς τὸ ἄλογόν του. Εἶχε καὶ πεζοὺς ἀρματωμένους διακόσιαις χιλιάδες, τοῦς ὁποίους ἐπρόσταξε νὰ κόψουν τὰ ποδάρια τῶν ἐλεφάντων, которые, устрашенные звономъ колокольцевъ, пускаются бѣжать. Изъ войска Порова убито χιλιάδες τριάντα, изъ Александрова всего двѣнадцать. Сл. рум. нар. кн. стр. 76—78.

За исключеніемъ подробности о персахъ измѣнникахъ и Филонѣ (помѣщенной нами въ скобкахъ), все остальное встрѣчается, съ варіантами и въ нѣсколько иномъ порядкѣ, въ Pseudocall. C, III, 3: *Поръ собираетъ войско, множество слоновъ и иныхъ звѣрей* (лишнее: Александръ идетъ лазутчикомъ въ станъ Пора); *бой съ Поромъ:* его звѣрямъ Александръ противопоставляетъ мѣдныя, раскаленныя статуи; тогда индійцы выводятъ слоновъ, съ башенками и вооруженными людьми на нихъ. Македоняне устрашены,

у нихъ является замыселъ *измѣны;* Филонъ докладываетъ объ этомъ Александру, который держитъ къ войску рѣчь, а на другой день, когда показались слоны, велитъ своимъ гоплитамъ ἔμπροσθεν αὐτῶν ἀκοντίσαι σμικρότατα χοίρων βρέφη, крика которыхъ слоны пугаются и бѣгутъ.

Замѣтимъ, къ генеалогіи редакціи С: Вукефалъ погибаетъ въ битвѣ — согласно съ текстомъ В; а далѣе, въ той-же главѣ онъ же выноситъ Александра изъ сѣчи и умираетъ лишь при смерти своего хозяина, какъ въ сербскомъ изводѣ. Редакція С свела внѣшнимъ образомъ показанія В и того другого текста (C^1), который и былъ источникомъ разбираемой нами рецензіи.

4. [Форъ удаляется за рѣку «Ал'фіонъ»; между тѣмъ Филонъ привелъ изъ Персіи вспомогательное войско и принесъ Александру «діадимоу многоцѣн'ноу и стѣмоу многоцѣн'ноу одъ Роксан'де царице, и тисоуштоу товарь злата *кк'содоу спен'зе*» (вар. ездоу и спеньзоу; ек ͯ одоу и спензы, ек'содоу спен'зе; въ текстѣ Ягича: тисуħ товаров злата *страħеню*; сл. новогр. нар. книгу, стр. 133: τριάντα χιλιάδες καμήλια φορτωμένα χρυσάφι διὰ ἔξοδον. Спенза= итальянск. spesa?). Онъ проситъ Александра—«Великыи хон'кіаре и анасаре (вар. хокиаре и насаре) Алексен'дре!» — дозволить ему вступить въ бой съ Поромъ; на его замѣчаніе, что рѣка Алфіонъ непроходима, онъ говоритъ: «македоніискымь конемь ни едина рѣка не стоить нарокомь твоимь, Алексен'дре, ни гори не стоеть, ни рѣкы, ни лоугове». Конница переправляется черезъ Алфіонъ, каждый всадникъ взялъ съ собою по пѣхотинцу; нападеніе было сдѣлано въ расплохъ, когда войско Пора обѣдало; слѣдуетъ сѣча и бѣгство Пора, который изъ Индиполя шлетъ посланіе «кь окол'нимь езыкомь», прося ихъ помощи. «Се же езыци слышав'ше, вьси иже на север'ной странѣ, вьси кь Фороу на помощь пріидоше». Нов. III, 4 = Ягичъ, l. c., стр. 292—294; новогр. нар. кн., стр. 132—135: Филонъ и Селевкъ; рѣка Алфей; Поръ удаляется въ Геліополь. Въ W всего этого эпизода нѣтъ (сл. стр. 59 прим. 1); сл. рум. нар. кн., стр. 78—80: Филонъ; рѣка Евфратъ; Поръ бѣжитъ въ Индію].

[5. Войска Пора и Александра стоятъ другъ противъ друга; Александръ шлетъ Филона къ Пору *съ посланіемъ*, въ которомъ предлагаетъ ему рѣшить битву поединкомъ. Какъ эпистолія, такъ и бесѣда Пора съ Филономъ полны общихъ мѣсто. Поръ предлагаетъ Филону четвертую часть Индіи и руку дочери, если онъ откажется отъ Александра; Филонъ отвѣчаетъ смѣло и на упрекъ Индійцевъ говоритъ: «сил'на господина вол'нь поклисарь и вѣр'нь слоуга соум'нѥ не имать»; также почти отвѣчаетъ персидскимъ вельможамъ самъ Александръ, пробравшійся подъ видомъ посла ко двору Дарія (сл. выше стр. 245).—Когда Филонъ вернулся, Александръ спрашиваетъ его: «Каковь юнакь есть Форь? Онь же кь нѥмоу глаголаше тако: Тела оубо велика ѥсть и дебела, ıако оубо зело, нь гнила» (вар. тила велика е, висок шест лакот, и дебела ника да гнила; Pseudocall. C, III, 4: ἦν γὰρ Πῶρος πηχέων πέντε). Сл. Pseudocall. C, III, 3, въ эпизодѣ, не воспроизведенномъ въ нашемъ текстѣ: объ Александрѣ — лазутчикѣ въ бесѣдѣ съ Поромъ, къ которому его привели: Πῶς ἔχει Ἀλέξανδρος; ὁ δὲ εἶπεν· ζῇ καὶ ὑγιαίνει, καὶ ἐπιθυμεῖ ἰδεῖν τὸν τοιοῦτον βασιλέα Πῶρον].—Нов. III, 5 = Ягичъ, l. c., стр. 294—295; W, стр. 59 (кратко), греч. нар. книга, стр. 135—137; рум. нар. кн. стр. 80—81. Замѣтимъ начало эпистоліи въ W: Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καὶ μέγας γογγιάρης (греч. нар. кн.: αὐθέντης τῶν βασιλέων) = слав. Алексен'дрь насарь и великыи *хон'кіарь*. Варіанты послѣдняго слова даютъ формы: хон'карь, хонакар, хокиıарь, хунарь, хонарь, что акад. Ягичъ сближаетъ съ персидскимъ hunar = юнакъ [1]).

Всему этому эпизоду отвѣчаетъ у Псевдокаллисѳена C, III, 4 лишь небольшое посланіе Александра къ Пору съ предложеніемъ единоборства.

6. *Единоборство Александра и Пора*, Нов. III, 5=Ягичъ, l. c., стр. 295; W, стр. 59—60; греч. нар. книга, стр. 137

[1]) Jag. l. c. p. 215. Другой эпитетъ Александра: насарь (вар. анасарь, сл. выше, стр. 386) = W βασιλεύς сближается съ арабск. nasr = защитникъ, покровитель. Сл. l. c. ib.

и слѣд., рум. нар. кн. стр. 81—3 —только болѣе развито противъ Pseudocall. C, III, 4. Въ греч. нар. кн. εἰς τοῦ Πόρου τὸ φουσάτον γίνεται θόρυβος (Pseudocall. l. c. θόρυβος οὖν γίγνεται ἄφνω εἰς τὸ τοῦ Πώρου στρατόπεδον), онъ оборачивается, а Александръ пользуется этимъ, чтобъ нанести ему ударъ. Это, очевидно, подновленіе изъ Псевдокаллисѳена, подобное другимъ, уже встрѣчавшимся намъ въ этомъ текстѣ. Въ сербск. Александріи Александръ обманно спрашиваетъ Пора: «такова-ли вера твоꙗ есть, Поре, воиска бо твоꙗ на помошти ти идеть?», что и заставляетъ обернуться противника. Такъ и въ W и въ рум. нар. книгѣ. — Въ единоборствѣ участвуетъ и Вукефалъ: «Доучипаль же кона Порова зоуби за врать похвативь, кь земли притиште» (=новогр. нар. кн., W, рум. нар. кн.).

Александръ ἐκέλευσε τὸν βασιλέα Πῶρον θάπτεσθαι βασιλικῶς, ὡς καὶ τὸν Δαρεῖον... ὡς δὲ τοῖς βασιλείοις Πώρου ὁ Ἀλέξανδρος εἰσέδυ, τὰ τίμια πάντα τοῦ παλατίου αὐτοῦ παρέλαβε (Pseudocall. C, III, 5). Это указаніе такъ развито въ нашей Александріи: «Тѣло-же Форово вьз'мь, на златѣ одрѣ положи, и вь стол'ныиградь вь Ин'диполь принесе. Царица-же ѥго Клитимиштра (вар. Клетимишта), власи до землѥ распоустив'ши и крьзно многоцѣн'ноѥ на себе раздьр'ши, и сь десеть тисоуштами ин'дійскыихь владыкь, сь плачемь велицѣмь и риданиѥмь тѣло Форово срѣтоше и жалост'но оплакаше. Алексен'дрь же поставити его на поли (поставити) повеле на златомь одроу, и стемоу великоу на главоу ѥго; и тако сь в'сомь воискомь оплакавь ѥго, и тако сь чьстию оукопати ѥго повеле. И тоу .ві. дьни прѣстоꙗвь, Алексен'дрь же вь Ин'диполь отиде. Вьведоше ѥго вь царствіа Форова, и толика тоу вьноутрь видѣ, ꙗже око не видѣ и оухо не слыша. Полата ѥго бѣ велика на .д. стрѣлꙗѥ дльга (вар. прибавляетъ: и широка), златѣ ѥи стѣнѣ бѣхоу, и покровь злать вьсь, и стльпове в'си злати, сь бисеромь и камениѥмь многоцѣн'нимь оукрашен'ны бѣхоу, .ві. мѣсець оу чловѣчехь образѣхь, кьждо по своѥмоу подобію, оу злаатоу свьтеше се изваꙗни бѣхоу; всѣхь-же великыихь царьь боѥве и .ві. добродѣтеліи чловѣчьскыихь (вар. прибавляетъ: жен-

скими) образи оу златѣ изваıани бѣхоу, и всако по своıемоу подобию; часовныкь месечны и имена лоун'наа (вар. мина луне) врьхь полате теи». Слѣдуетъ описаніе другихъ Поровыхъ драгоцѣнностей, напоминающее сходныя, не разъ встрѣчающіяся въ нашемъ текстѣ. — Нов. III, гл. 5 = Ягичъ, l. c., стр. 295—296. Сл. греч. нар. книгу, стр. 138—139: тѣло Пора доставлено въ Геліополь; его оплакиваетъ жена его Κλιτεμνήστρα.... μὲ δέκα χιλιάδες ἀρχοντίσσαις τῆς Ἰνδίας; изъ описанія дворца: εἶχεν ἱστορισμένους εἰς τὸ παλάτι τοὺς πολέμους τῶν βασιλέων ὁλονῶν, τοὺς δώδεκα μῆνας εἰς πρόσωπα ἀνθρώπινα εὔμορφα κατὰ τάξιν· Ἔστεκαν ὁλόγυρα τοῦ παλατίου μανουάλια ἑκατὸν ὁλόχρυσα καὶ πάντοτε ἀναμμένα. W включаетъ, послѣ упоминанія мѣсяцевъ, и еще одну подробность, сходно съ слав. текстомъ: καὶ ταῖς ὥραις ὀρθωμέναις καθὼς τρέχει τοῦ καθενοῦ μηνός.

Описаніе Порова дворца встрѣчается a) въ Epistola Alexandri; b) въ Historia de preliis пространнаго типа [1]); слѣдующей выпиской изъ староиталіанскаго перевода Historia'и (Venezia, 1477), по экземпляру Британскаго музея, я обязанъ любезности бывшаго моего слушателя, Р. О. Ланге.

Alexander vero castra metatus est ibi et fecit diis suis victimas precepitque sepeliri tam Indos, qui in ipso prelio interfecti sunt, quam et suos. Altera autem die expugnavit ipsam civitatem Pori apprehendensque eam ingressus est palatium eius et invenit ibi que incredibilia humanis mentibus videbantur, id est quadringente columne auree cum capitellis aureis, et vinea pendebat inter ipsas columnas, que habebat folia aurea, et racemi illius erant alii de cristallo,

Alexandro messe li el suo campo e fece che li suoi feno sacrificii ali dei, e comandò che li Indi e Medi e Persi fosseno sepelidi. E l'altro zorno combate la zita de Porro e si la prese. Intrò in el palazo de Poro e trovoli cose che no parave credere li sentimenti humani, cioè quatrocento columne d'oro cum tutti suoi capitelli et intra queste columpne una vigna d'oro con tutte le sue folglie d'oro, e li graspi erano altri de cristallo, altri de smeraldi, altri de margarite

[1]) Kinzel, Zwei Recensionen, p. 22; Zingerle, l. c. стр. 32, стр. 205—6, текстъ котораго и приводится далѣе; другой, по доступнымъ ему текстамъ Historia, даетъ Kinzel въ Zeitschr. f. deutsche Philologie, XVII B., стр. 98 слѣд.: Zur Historia de Preliis.

alii de margaritis et unionibus, alii de smaragdis et onichitis. Et erant parietes illius palatii investiti de laminis aureis, quas incidebant Macedones, et inveniebantur grosse ad instar digiti hominis de manu, erantque ipsi parietes ornati ex margaritis et unionibus et carbunculis et e smaragdis et amethistis. Porte vero predicti palatii erant eburnee et lacunaria ebena et camere eius de lignis cipressinis, et in aula ipsius palatii erant posite statue auree et inter ipsas stabant platani aurei, in quorum ramis erant multa genera avium, et (invenit) unamquamque avem tinctam secundum suum colorem habebantque ungulas et rostra inaurata, et in auribus earum pendebant margarite et uniones et, quando volebat Porus rex, per musicam omnes melodificabant secundum suam naturam. Et invenit in ipso palatio multa vasa aurea et argentea, gemmea [seu] et cristallina ex omni genere facta, ad obsequium hominum pertinentia.—Deinde amoto exercitu venit ad Portas Caspias et castra metatus est ibi.

e diverse prede preciose. E la parede de quel palazo erano coperte cum lame d'oro si che tagliade parevano che fosseno grosse un dedo. Et erano le ditte parede ornade da prede preciose cioè de margerite, de carboncoli, de smaraldi et ametisti. E le porte del ditto palazo erano de avolio, le camere de ligni de cipresso. E nela sala de quel palazo era statue d'oro fate, intro le quale era platani d'oro, in li rami de le quale erano ucelli de molte generacione. E zashadun de quelli ucelli era depento secundo el suo natural color, li bechi e le unge si erano tutte d'oro finissimo. E quelle ucelle dognora che voleva Porro cantavano dolcemente per arte musica, e caschadun faceva el verso secundo la sua natura. E trovò en el dito palazo vasi d'oro innumerabili e geme cristaline de ogni generation fatte, pochi ne appareva de argento. E mosso lo suo exercito venne alle porte Caspie.

Ekkehardus Uraugiensis (начала XII вѣка) въ своей хроникѣ пересказалъ содержаніе Historia de preliis и описаніе Порова дворца въ сходномъ съ нею текстѣ, но въ иной связи, а именно— въ посланіи Александра къ Аристотелю, вѣроятно подъ вліяніемъ Epistola'ы, откуда этотъ эпизодъ попалъ и въ пространную редакцію Historia'и. Рядомъ съ выдержкой изъ Эккгарда[1]) я сообщаю тождественный отрывокъ изъ Посланія пресвитера Іоанна, по редакціи D[2]), съ цѣлью указать на одинъ изъ ея источниковъ.

[1]) Monumenta Germaniae historica, t. VIII, Script. t. VI, p. 70.
[2]) Zarncke, De epistola quae sub nomine presbyteri Iohannis fertur, p. 46.

Ekkehardus Uraugiensis.

Apprehendit enim (sc. Alexander) civitatem ipsius Pori et domum ejus magnificam, in qua fuerunt quadringenta columnae aureae cum capitellis aureis, et parietes domus erant vestiti laminis aureis, quae erant grossae in spissitudine sicut est digitus hominis, vinea quoque aurea et racemi cristallini, quibus interpositae erant gemmae ignitae et smaragdineae. Omnes etiam mansiones quae inerant ei, ornatae erant de margaritis et unionibus et carbunculis et januae habebant de ebore albo, et laquearia subfixa de ligno quod dicitur ebenum et est nigrum, nasciturque in India et Ethyopia, et camerae erant factae de cypressis. Foris autem extra domum erant statuae de auro positae et platani aureae et inter illas erant multa genera aucellarum varii coloris et habebant ungulas et rostra inaurata, et in auriculis pendebant margaritae et uniones. Multa quoque vasa gemmea et cristallina et aurea invenit ibi, argentea vero pauca.

Epistola.

(Habemus aliud pallacium, quod fuit Pori, regis Indorum....). Ibi sunt columpnae aureae cum capitellis aureis, et vites aureae dependent inter istas columpnas, habentes folia aurea et ramos alios de cristallo, alios de saphiris, alios ex margaritis, alios ex smaragdis, et parietes ejus sunt vitreae laminis aureis ligatae, quae sunt grossae quemadmodum humani digiti, qui parietes ejus sunt ornati ex margaritis et omni lapide precioso. Fores enim pallacii sunt eburneae et laminis aureis ligatae undique. Camerae nostrae sunt de lignis echim et omni opere, quod unquam potest fieri in auro et argento, et omni lapide precioso ornatae. In aula huius pallacii sunt XX magnae statuae aureae et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut luna lucidissima, in quibus omnia genera avium aurea, et unaquaeque habet colorem suum secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod tantum Porus rex volebat, omnes secundum suam naturam cantabant, et unaquaque parte singulariter.

Описаніе Порова дворца въ сербской Александріи значительно разнится отъ сообщеннаго: я обращаю вниманіе на аллегорическія изображенія добродѣтелей и мѣсяцевъ, напоминающія таковыя-же въ средне-греческой поэмѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ[1]):

801. Καὶ εἰς τὸ πλευρὸν τὸ ἀριστερὸν τὸ πρὸς τὴν πόρταν μέρος
εἶδα τὰς δώδεκα ἀρετὰς ἐκεῖ λατομημένας.
τὸ ἕναν χέριν τοῦ καθενὸς χαρτὶν μετὰ γραμμάτων,
καὶ ὅλαις τους ἦτον εἰς τὸ σχῆμαν τῆς καθεμιᾶς φεδούλας.

[1]) W. Wagner, Trois poèmes grecs du moyen âge inédits, p. 264—5, 267.

879. Καὶ εἰς τὸ ἄλλον πάλε τὸ πλευρὸν τῆς πόρτας τὸ ἀπέκει
τοὺς δώδεκα καὶ ἵστανται μῆνας λατομημένους
χαρτία καὶ ἐκεῖνοι νὰ κρατοῦν ὅλοι μετὰ γραμμάτων.

Сл. еще изображенія мѣсяцевъ въ описаніи Александрова шатра во французской Александріи (ed. Michelant, стр. 55) и особливо въ испанской поэмѣ de Alejandro Magno [1]).

Поръ-Форъ убитъ, но съ его призракомъ Александръ еще встрѣтится въ эпизодѣ о Кандакѣ, сынъ которой, женатый на дочери индійскаго царя, напрасно пытается отистить на Александрѣ смерть своего тестя. Я попытался связать съ этимъ объясненіе одного старофранцузскаго выраженія: vengier Forré, или la mort Forré, Fourré, Fouré. Вездѣ оно означаетъ нѣчто несбыточное, неисполнимое, что выражалось также оборотомъ: vengier Artu. Такъ издѣваются горожане надъ бѣдно одѣтымъ и плохо вооруженнымъ Aiol:

959. Vous vengerez Foure, quant tant en iert.

—

2518. Chis vengera anqui le mor Foure.

—

2607. Vos parens est Fores, queque nus die,
Devant Paris fu mors par estouchie [2]).

Сл. еще Octavian (ed. Vollmöller), v. 2277; въ Gaydon старикъ Riol, обращаясь къ Карлу, такъ смѣется надъ его недостойнымъ любимцемъ, Thibaut, побѣжденномъ въ судебномъ поединкѣ: Вонъ лежитъ твой пріятель и защитникъ, приголубь-же его,

Vostre oriflambe portera en esté
Quant vos irez vengier la mort Forré.

---

[1]) Объ этомъ сюжетѣ сл. статью D'Ancona, I Dodici mesi dell'anno nella tradizione popolare, у Pitrè, Archivio, II 3, стр. 261 слѣд., и тамже IV, 3, стр. 436 слѣд. (Finamore). Къ собраннымъ тамъ параллелямъ можно присоединить и русскій текстъ, воспроизводящій какой-нибудь южно-славянскій оригиналъ, въ Пам. стар. русск. лит., III, стр. 156—7.

[2]) Aiol et Mirabel ed. W. Foerster, въ примѣчаніяхъ къ тексту, а также въ введеніи стр. XXVI. Слѣдующіе далѣе примѣры въ замѣткѣ Tobler'a, Gött. Gelehrte Anz. 1875, p. 1081.

Тоблеръ указываетъ то-же выраженіе въ Vengeance de Raguidel, v. 4074, и въ Hist. des Ducs de Normandie p. 32 (цит. у Michel, Ch. Sax. II, 204), полагая, что въ основѣ его лежитъ разсказъ, сохраненный въ Karlamagnussaga и у David Aubert: о Fourré, царѣ Nobles'я или Noples'я, котораго Карлъ хотѣлъ взять въ плѣнъ живымъ, но Роландъ убилъ его противъ воли императора, за что и получилъ пощечину отъ дяди. Въ хроникѣ Турпина с. XVII (и согласно съ ней у Phil. Mousket) Forré — princeps Navarrorum, пораженный ad montem Garizim; по Gui de Bourgogne (p. 1) и Chanson des Saxons Боделя (II, 81) самъ Карлъ, взявъ Nobles, убилъ царя Forré. — Но при чемъ тутъ выраженіе: vengier Fouré? Fouré Карловингскаго эпоса не проливаетъ на него никакого свѣта, съ чѣмъ принужденъ согласиться отчасти и Тоблеръ. Я пытаюсь сблизить *Fouré*, *Foré* (прям. пад. Foures, Fores) съ *Форомъ* (= восточн. Fûr, *Pharo* Соломона и Морольфа) Александровой саги, убитымъ Александромъ — и не отомщеннымъ, хотя месть казалась и легкою, и возможною — какъ то представляется въ эпизодѣ о сынѣ Кандаки. Vengier la mort Foré означало-бы въ такомъ случаѣ: самоувѣренно обѣщать что-нибудь, разсчитывая на несомнѣнную удачу — и неожиданно обсчитаться [1]).

Отдѣлъ Псевдокаллисѳена C, слѣдующій за разсказомъ о смерти Пора, обнимаетъ: 1) небольшой отрывокъ изъ *письма Александра къ Аристотелю* о чудесахъ Индіи, III, 17 (вѣщающія деревья солнца и луны), который является дублетомъ къ C, II, 44; въ первомъ случаѣ C согласенъ съ AVB, во второмъ съ подлинникомъ сербской Александріи = C[1] (сл. выше стр. 223—4); 2) *эпизодъ о Кандакѣ* (C, III, 18—24) и 3) *объ Амазонкахъ*,

[1]) Я выставляю это какъ гипотезу, противъ которой не говоритъ и отрывокъ изъ Doon de Nanteuil, изданный недавно P. Meyer'омъ (Romania, № 49)— упоминаніемъ о Porus и о Forré, какъ о двухъ отдѣльныхъ лицахъ. Такое различіе можетъ принадлежать позднѣйшему забвенію и дифференціаціи; замѣчу кстати, что Forré поставленъ, очевидно, внѣ круга карловингскихъ воспоминаній: de *Porus* .... Et del roi Alexandre et del preu Tholomé .... Ou de Morgan la feé, d'Artur et de *Forré*.

Евримитрѣ и заключеніи нечистыхъ народовъ (C, III, 25—26); 4) часть *письма Александра къ Олимпіадѣ* (C, III, 27—29), вѣроятно, не находившагося въ C^1, слѣдствіемъ чего явилось въ гл. 29 повтореніе разсказаннаго въ § 3: о заключеніи нечистыхъ народовъ. — Тексты сербской Александріи не знаютъ §§ 1 и 4 и обусловленныхъ тѣмъ дублетовъ, а §§ 2 и 3 представляютъ въ обратномъ порядкѣ: Амазонки и — Кандака. Нѣчто подобное даетъ пространный текстъ Historia de Preliis, при чемъ необходимо имѣть въ виду особенности его разсказа о войнѣ съ Поромъ. Въ краткой рецензіи этого памятника Александръ и Поръ встрѣчаются лишь однажды, и война кончается ихъ единоборствомъ и смертью Пора [1]). Въ Epistola Alexandri Magni Поръ, разбитый Александромъ, бѣжитъ (описаніе его *дворца* и сокровищъ); Александръ направляется къ portae Caspiae; слѣдуетъ позже вторичное пораженіе Пора, который показываетъ Александру свою казну и, щедро одаривъ его и его войско, сопровождаетъ его въ его хожденіи по чудесамъ Индіи [2]). Вліяніемъ этого текста на предъидущій объясняется такая послѣдовательность пространной редакціи Hist. de prel.: Пораженіе и бѣгство Пора; Александръ велитъ похоронить павшихъ и на другой день вступаетъ въ столицу Пора, что̀ у Псевдокаллисѳена и въ сербск. Александріи онъ дѣлаетъ лишь послѣ его смерти. Ingressus est (sc. Alexander) palatium eius: приводится извѣстное намъ описаніе дворца; deinde amoto exercitu venit ad Portas Caspias et castra metatus est ibi.... Inde scripsit epistolam ad Talistridam (var. Thalistria) *reginam Amazonum*. Слѣдуетъ второй походъ Александра на Пора [3]), поединокъ съ нимъ и его смерть; затѣмъ: посѣщеніе оксидраковъ, статуи Иракла — и Амазонки; лишь далѣе,

---

1) Landgraf, l. c. стр. 106—7 = Pseudocall. III, c. 4.

2) Zacher, Pseudocallisthenes, стр. 151—2, 160.

3) Kinzel, Lamprechts Alexander p. XXVI, объясняя двойной походъ Александра на Пора вліяніемъ Epistola на пространный текстъ Historia'и, замѣчаетъ однакожъ, что та-же двойственность встрѣчается и въ одной ркп. Юлія Валерія (Zacher, Epitome, стр. 54 прим.).

послѣ разныхъ встрѣчъ и эпизода о брахманахъ — *Кандака* [1]). Мы приходимъ къ такой-же, хотя не непосредственной послѣдовательности, какую представляетъ и нашъ текстъ: *Амазонки* — *Кандака*.

Сообщаю содержаніе двухъ послѣднихъ эпизодовъ по Псевдо-каллисѳену C.

а) *Кандака*. Александръ намѣревается отправиться ἐπὶ τῆς Σεμιράμεως βασίλεια, въ Βερόη, гдѣ царила прекрасная Кандака. Его письмо къ ней; дружественный отвѣтъ и подарки Кандаки (III, 18). Она посылаетъ греческаго живописца тайно снять портретъ съ Александра, у котораго сынъ Кандаки, Кандавлъ, проситъ помощи противъ Эвагрида, царя Бебриковъ, похитившаго его жену. Александръ велитъ Птолемею назваться его именемъ, а самъ, явившись подъ именемъ Антигона, получаетъ отъ мнимаго царя приказаніе пойти войной противъ Эвагрида (III, 19). Война противъ Эвагрида; разбитый, онъ убиваетъ себя. Кандавлъ, исполненный благодарности къ Антигону-Александру, проситъ Александра-Птолемея отпустить съ нимъ къ матери того, кому онъ обязанъ освобожденіемъ своей жены. На пути къ Кандакѣ Кандавлъ указываетъ Антигону-Александру на θεῶν μοναί (гл. 20). Войдя туда Александръ «ὁρᾷ ὁμίχλην ἀστεροφεγγῆ καὶ στίλβουσαν καὶ φαντασίαν εἰδώλων .... ὁρᾷ δὲ ἑστίαν καί τινας ἄνδρας ἀνακειμένους ἀπαστράπτοντας ἐκ τῶν ὀφθαλμῶν ὡς λυχνοφεγγεῖς». Одинъ изъ нихъ называстъ себя Сезонхозомъ: «βασιλεὺς ὁ κοσμοκράτωρ, ὃς τῇ παρ' ἐμοὶ δυνάμει ἐπαρθεὶς θεὸν ἐμαυτὸν ὠνόμασα, καὶ τῷ οὐρανῷ ἐπιβῆναι σπουδάσας τὴν τούτου ἐζήτουν ἀχρώρειαν. ἐλθὼν δὲ εἰς χώραν ἀγρίων ἀνθρώπων, ἐπανίσταντο ἐπ' ἐμὲ πλήθει πολλὰ, καὶ κατεδίωξαν μέχρις ὅπου φέγγος οὐκ ἦν ἡμέρας, καὶ πολλὰ πλήθη τοῦ σὺν ἐμοὶ ἀνεῖλον στρατοῦ. Μόλις δὲ τούτους διεκφυγὼν τὴν λίμνην ἣν ἑώρακας κατέλαβον, καὶ τῇ ἀθυμίᾳ συσχεθεὶς, θανασίμῳ περιέπεσον νόσῳ, καὶ τοῦ ζῆν ἄκων ἐστερήθην.

---

[1]) Сл. изложеніе у Zingerle, l. c. стр. 32—45 и стр. 205 слѣд.; сл. выше, стр. 301.

Ἐνταῦθα δὲ παραπέμφθην δέσμιος, τοῖς ἐρήμοις πλανᾶσθαι τόποις· ὧδε γάρ εἰσι πάντες οἱ θεοὺς ἑαυτοὺς ὀνομάσαντες, τὴν ἡτοιμασμένην ἀπεκδεχόμενοι παρὰ θεοῦ δίκην». «Твое имя безсмертно» — говоритъ далѣе Сезонхозъ — «ты покоришь весь міръ, κτίσας τὴν περιπόθητον ἐν Αἰγύπτῳ Ἀλεξάνδρειαν πόλιν. ἀλλ' εἴσελθε ἔνδον, ἵνα θεάσῃ τὸν προστάτην ἡμῶν». Александръ видитъ далѣе Сераписа, который даетъ ему уклончивый отвѣтъ относительно его судьбы и пророчитъ славу Александріи. Кандавлъ радостно встрѣчаетъ вернувшагося Антигона-Александра; оба идутъ далѣе въ Амастриду, гдѣ Кандавлъ велитъ матери любовно принять его спасителя (гл. 21). — Описаніе роскошныхъ палатъ Кандаки, которая узнала Александра по портрету, но обѣщаетъ сохранить его тайну, дабы ея второй сынъ, женатый на дочери Пора, не причинилъ зла его убійцѣ (гл. 22). Кандака предлагаетъ Кандавлу и его женѣ (Ἄρπυσσα) наградить Антигона-Александра, но другой сынъ Кандаки, Дорифъ (πρὸς Δορὴφ τὸν καὶ Θοάντα καὶ Φύρμαν καλούμενον), хочетъ убить его, въ отместку за Пора, сраженнаго Александромъ. Братья вступаютъ другъ съ другомъ въ споръ, готовы сразиться, но Антигонъ-Александръ миритъ ихъ: имъ нѣтъ пользы въ его смерти, и онъ предлагаетъ привлечь къ нимъ самаго Александра. Кандака, удивленная его мудрою находчивостью, отпускаетъ его съ дарами (гл. 23).

b) *Амазонки.* Вернувшись къ войску, Александръ идетъ къ Амазонкамъ, извѣщая ихъ напередъ о мирныхъ цѣляхъ своего пришествія. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи онѣ описываютъ ему свой образъ жизни: ἐὰν δὲ πολεμίων κρατήσωμεν ἢ πάλιν φύγωσιν, αἰσχρὸν αὐτοῖς καταλείπεται εἰς ἅπαντα τὸν χρόνον ὄνειδος· ἐὰν δὲ ἡμᾶς νικήσωσιν, ἔσονται γυναῖκας νενικηκότες (c. 25). Во второмъ письмѣ къ Амазонкамъ Александръ требуетъ отъ нихъ дани, какую онѣ положатъ, и ежегодно извѣстное количество вооруженныхъ всадниковъ. Второе отвѣтное посланіе Амазонокъ: онѣ обѣщаютъ ежегодно платить сто талантовъ золотомъ и посылать пятьсотъ всадницъ: побѣдителю мужей не подобаетъ обагриться кровью женщинъ; ἄδηλα τὰ τῆς τύχης συναντήματα, καὶ μήπω

τὸ περιβόητον τῶν ἀνδραγαθημάτων σου ἐν γυναικείᾳ ἀπολέσειας μάχῃ. Онѣ просятъ Александра прислать имъ свое изображеніе. Онъ дивится ихъ красотѣ и силѣ и посылаетъ имъ свое копье: ἔστω ὑμῖν τοῦτο αὐτὸ Ἀλεξάνδρου.—Война противъ Евримитра, царя Бебриковъ или Бельсировъ; Александръ преслѣдуетъ пораженныхъ «μέχρις ὀρέων δύο τῶν μεγάλων ἐν τῷ ἀφανεῖ κόσμῳ, ἃ προσηγόρευον Μαζοὺς τοῦ Βορρᾶ». По молитвѣ Александра онѣ сходятся и запираютъ за собою нечистые народы (с. 26) [сс. 27—29: письмо Александра къ Олимпіадѣ о своихъ подвигахъ: отъ хожденія къ Амазонкамъ — до эпизода о нечистыхъ народахъ; но въ этихъ границахъ, отвѣчающихъ сс. 25—26, содержаніе другое: *Амазонки*, страна чудовищъ, городъ солнца, Низейская поляна, дворецъ Кира и Ксеркса — и *горы сѣвера*].

Главное отличіе соотвѣтствующаго отрывка сербской Александріи отъ редакціи Pseudocall. C заключается въ перестановкѣ a и b: къ Амазонкамъ Александръ попадаетъ раньше, чѣмъ къ Кандакѣ. Такъ и въ новогреч. народн. книгѣ (стр. 140 и слѣд.; сл. рум. нар. кн. стр. 83 слѣд.).

а) *Амазонки* называются «амастронскими женами», несомнѣнно подъ вліяніемъ сосѣдней съ ними «Амастронской царицы» Кандаки, властвующей въ Βερόη = Μερόη (сл. выше, стр. 395), но живущей — въ Амастридѣ (Pseudocall. III, c. 21). Оставивъ Антіоха въ Индіи, Александръ идетъ войной на Амазонокъ; ихъ эпистолія къ Александру: «Весть нѣкаа вь оуши наши приде, о миродрьж'че, великы цароу Алексен'дре, ꙗко вьсь прикмь свѣть и сь жен'скыимь пльколь бити се хоштеши. Да сик намь невѣр'но мнить се, тебе толико моудра знаюште. Не подобакть тебе сь нами бити се; не вѣси бо ч'то прилоучить ти се. Аште бо нась разбикши, малоу чьсть обрѣштеши; аште ли ми тебѣ разбикмь, то велика срамота тебѣ боудеть. Да молимо се тебѣ, мол'бе наше не прѣзри, нь образь свои оуписавь кь намь допусти, ꙗко да намь мѣсто тебе царствоукть». Онѣ посылаютъ ему дары, вѣнецъ свой царицы Талистриды (вар. Клитерва, Плин'тер'ва, Плитьрева) и «дѣвиць р. прѣкрас'ныихь», красотѣ которыхъ дивится Алек-

сандръ. Въ отвѣтномъ посланіи онъ говоритъ: «Да не подабаше вамь жень благообраз'ныихь кь нама посилати. Мы бо вьсе моуже земельскыѥ побѣдихомь, како оть жень побѣдити се хотѣхомь? Дахь копиѥ моѥ вамь, ѩко да могю вами царствоуѥть мѣсто мене, и .л. тисоушть жень мене на помоштъ пош'лите, имамь бо ити на мер'сил'ского цара Іевромитра (вар. Еѵримитра), моимь не хотешта повиноути се властемь.—Потоломеи же тоу стоѥ воѥвода, глоуме се кь Алексен'дроу рече: цароу Алексен'дре, дай ми женами онеми царствовати; аште ли ми царство ихь не даси, дай ми, да и овехи р., да ихь вь царство ихь провогю! Алексен'дрь же, насміавь се, рече ѥмоу: аште и воѥвода силѣ моѥи ѥси, ѥдина оть ниxь одолѣти ти имать. Потоломѣи же кь Алексен'дроу рече: ты веѥи оубоѩль се ѥси, него ли азь, ѥре ихь цѣлехь домомь поустиль ѥси» (Новак. III, гл. 6—7). Слѣдуетъ война противъ Евримитра (ib. III, гл. 8); «ѩзыци же северныѥ страны слышав'ше, оубоѩше се и кь сѣвер'нои побѣгоше странѣ». гдѣ Александръ запираетъ ихъ за «сѣверными холмами» (Нов., ib. гл. 9). — У Псевдокаллисѳена царица Амазонокъ не названа; у Клитарха fr. 9 и его отраженіяхъ ея имя Thalestria, Thalestris (Cedren. ed. Bonn. I, p. 267: Θαλεστρίην τὴν Ἀμαζόνα σύμμαχον ἐδέξατο); въ Hist. de prel. пространной редакціи: Talistrida, Thalistria; оттуда во французскомъ романѣ (ed. Michelant) и у Fazio degli Uberti, Dittamondo l. IV c. 2: Talestri; въ источникѣ Intelligenza, строфа 225: Altalistre; въ Libro de Alejandro. строфа 1701: Calectrix; въ италіанской Александріи (ed. Grion, p. 113): *Calistra*. Греч. нар. книга не даетъ имени; въ рум. нар. книгѣ: Ѳалистрада = Thalestria; варьянтовъ, представляемыхъ славянскими текстами (Клитерва и т. д.) я объяснить не умѣю.

b) *Кандака* (Нов., гл. 10—14; греч. нар. книга, стр. 146 и слѣд.; рум. нар. кн. стр. 88 слѣд.). Царица амастронская (она царитъ въ Мастридѣ-Амастридѣ) посылаетъ изографа списать портретъ съ Александра: «Алексен'дрово бо оухиштрениѥ разоумѣла бѣше, како самь све градове сходить и землѥ, поклисарь творе се, обьхождаше». У Pseudocall. C, царица названа

Кандакой, т. е. просто титуломъ[1]); въ сербской редакціи: *Кандакія Клеофила* (Клеопила); греч. нар. кн. Κανδάκη; рум. нар. кн.: Клеофіла (рум. К., л. $^{45}/_{61}$ обор.: Кандакія Клеофила); въ Hist. de prel. краткой редакціи Candacis (Landgraf, стр. 114 слѣд.), но въ нѣкоторыхъ текстахъ пространной: *Cleophilis Candacis* (сл. Zingerle стр. 241, въ варьянтахъ; такъ и въ текстѣ у Gagnier, въ изданіи Іосиппона); въ итальянскомъ романѣ у Grion (и, вѣроятно, въ его французскомъ подлинникѣ): Creofile Candacia.—Клеофила въ связи съ Александромъ находится уже у Орозія (Adv. Pag. 3, 19, 1): regnum Cleophilis reginae expugnavit (scil. Alexander), quae cum se dedisset concubitu regnum redemit [2]). Сл. Malala, ed. Bonn., стр. 195 (ἥτις Κανδάκη.... δέδωκεν ἑαυτὴν).

Имя одного сына Кандаки, согласно съ С, Кандавлъ (Каньдавльсъ; Hist. de prel. Candaulis, Candaulus; греч. нар. кн. Κονταυλούσης; рум. нар. кн. Кандусал), другого, женатаго на дочери Пора: *Дорифъ* (вар. Дорифоръ; греч. нар. кн.: Δορυφόρος; рум. нар. книга: Доривъ) и *Караторъ*, какъ въ Historia de Preliis (Carator) и ея европейскихъ отраженіяхъ[3]).—Въ общемъ эпизодъ о Кандакіи разсказанъ согласно съ Pseudocall. С; мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя частныя отличія. Въ С Евагридъ

---

[1]) О такомъ значеніи «Кандаки», т. е. «царицы-матери» въ Эѳіопіи, сл. Wiedemann, l'Éthiopie au temps de Tibère et le trésorier de la reine Candace, въ Muséon, t. III, № 1, p. 117 и слѣд.; сл. Ed. Drouin, Deux chroniques éthiopiennes, ibid. t. III, № 2 (1884 г.), стр. 254. Въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, 8, 27 и слѣд., апостолъ Филиппъ креститъ εὐνοῦχος δυνάστης, казначея царицы Кандаки; въ греческихъ Минеяхъ подъ 14-мъ Ноября Кандака обратилась въ πόλεις τῶν Κανδάκων!

[2]) Christensen, Beiträge zur Alexandersage (1883), p. 37. Сл. ibid. указаніе на разсказъ Курція и Юстина (восходящій къ Клитарху) о Cleophis, царицѣ Ассаковъ. См. Favre, Recherches sur les histoires fabuleuses d'Alexandre le Grand, въ Mélanges d'histoire littéraire, II, p. 75 прим.; Zingerle, l. c. стр. 64.

[3]) Сл. Grion l. c. стр. 152; Lamprecht, ed. Kinzel, v. 6229 слѣд. — Въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zing. стр. 241) у Кандаки три сына: Candaulus, Marsippus и Carator. Marsippus, вѣроятно, искажено изъ Marpissa (Pseudocall.: Ματέρσα, Ἄρπυσσα; Jul. Val. Margie), какъ зовется невѣстка Кандаки въ Hist. de prel. краткой редакціи (Landgraf, стр. 119).

нападаетъ на Кандавла въ то время, когда тотъ съ женой и небольшой свитой отправлялся ἐνιαύσιον μυστήριον τελέσαι παρὰ τὰς Ἀμαζόνας (III, 19); въ сербскомъ текстѣ «Агримьски царь, Кандакие царице сынь, Каньдавльсь именемъ,... оть царствіа своего побегъ, сь женою и сь матерью ее, *оть Александрова страха* кь матери своеи Клеопили Кандаки оу Мастридоу бегаше»; въ это время и напалъ на него Эвагридъ (сл. греч. нар. кн., стр. 146; рум. нар. кн., стр. 88). Избѣгая одного зла, онъ, такимъ образомъ, нечаянно попалъ въ другое и, отвѣчая Антигону-Александру, можетъ примѣнить къ себѣ притчу, наиболѣе извѣстную по пересказамъ романа о Варлаамѣ и Іоасафѣ—о человѣкѣ, спасшемся на дерево отъ льва и увидѣвшемъ надъ собою зіяющаго змѣя [1]). — Разсказъ о посѣщеніи Александромъ пещеры боговъ наполненъ христіанскими мотивами, согласно съ характеромъ нашего текста:

«Вьшьдьшоу же емоу вьноутрь, мьчтаніа нека ѕверообразна срѣтоше его. Онь же име бога Саваоѳа призвавь, безь страха бивь, чоудна же и нека и див'на вь пештери тое видѣ: чловѣкообразниѥ ѕвери и чловѣки многи свезани опако роукама видѣ. Тоу Араклию и Аполона позна, и Крона и Ерміа, ихь же Елини боге имахоу. Сихь Александрь видевь, свезанни бо бехоу вьси

[1]) Текстъ этой притчи сербской Александріи и нѣсколько объясненій къ нему см. въ моей замѣткѣ: О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа, Зап. Имп. Ак. Наукъ 1879, т. XXXIV, II. — Греч. нар. книга, стр. 148 (Сл. рум. нар. кн. стр. 89) поддерживаетъ, противъ кириллобѣлозерскаго списка, редакцію аполога, представляемую текстами **Ягича** и **Новаковича**: ἔπαθα ὡσὰν ἐκεῖνος ὁ ἄνθρωπος, ὁ ὁποῖος φεύγωντας ἀπὸ τὸν λέοντα, νὰ μὴ τὸν φάγῃ, εὐρῆκε δένδρον ὑψηλὸν, καὶ ἐνέβη ἐπάνω, καὶ ὁ λέων ἐστάθη εἰς τὴν ῥίζαν τοῦ δένδρου, τὸ ὁποῖον εἶχεν εἰς τὴν ἄκραν λίμνην. Ἀπὸ τὸν φόβον τοῦ λέοντος νὰ μὴ τὸν βλέπῃ, ἐκύτταξεν ἐπάνω εἰς τὴν κορυφὴν τοῦ δένδρου καὶ εἶδεν ὄφιν μέγαν, ὁποῦ ἤρχετο ἐπάνω του. Ἐτρόμαξε καὶ ἐστράφη νὰ ἰδῇ εἰς τὴν λίμνην, καὶ εἶδεν εἰς τὴν ἄκραν τῆς λίμνης κροκόδειλον, ὁποῦ ἔχασκε πότε νὰ κατέβῃ κάτω νὰ τὸν καταπίῃ. Τότε εἶπε μὲ τὸν λογισμόν του· τί νὰ κάμω ὁ ἄτυχος; Ἐὰν κατέβω εἰς τὴν γῆν, ὁ λέων θέλει μὲ καταφάγει ζωντανὸν, ἐὰν σταθῶ εἰς τὸ δένδρον, ὁ ὄφις μὲ θέλει καταπίει ἀπὸ ὀλίγον ὀλίγον· Κάλλιον νὰ πηδήσω εἰς τὴν λίμνην, καὶ ἂς με καταπίῃ ὁ κροκόδειλος διὰ μίαν, παρὰ νὰ βασανίζωμαι ζωντανός. Τότε ἐπήδησεν εἰς την λίμνην, καὶ ἐφαγώθη ἀπο τὸν κροκόδειλον.

веригами. Александрь же кь единомоу оть нихь пристоупль, о чюднихь онехь виденихь оупрашаше его. Свезани же царь они кь немоу рече: Александре цароу, царие сие, ихь же ти зриши, тии бехоу вь вьселенной царие, ѩкоже ти дьньсь, и за грьдиноу великоу и поностьство богоу небесномоу оуподобише се, и на сихь богь разгневи се, свезаньнихь вь пештероу сию рече привести; зде доуше ихь моучити се имоуть до сконьчанія вѣка. Сконьчавьшимь се седмимь вѣкомь, вь тарьтарскоую геероу имоуть поити, и тамо вь бесконьчни вѣкь моучити се имоуть. Александрь же кь немоу рече: Мноу, ѩко негдѣ видехь те. Онь же кь немоу рече: Аште на дивиѥ чловѣки ходиль еси, тоу на стльпе образь мои видель еси. Александрь же кь немоу рече: И како име тебѣ есть? Онь же кь немоу рече: Азь есмь Сньхось иньдиски царь, иже некогда вьсь приехь светь, и грьдинею прѣвьзнесохь се, и на вьстокь на краи земле вьсхотехь поити; и вьсташе на ме диви чловѣци, и воискоу мою вьсоу оубише, и мене тоу погоубише. Аггели же дошьдьше, и доушоу мою свезаше, и вь сию ме пештероу приведоше. И здѣ моучити се имамь, ѩко за моѥ безоумьное прѣвьзнесениѥ; да пази и ти, Александре, ѩко да не прѣвьзнесь се, и ти зде приведень боудеши». Далѣе Александръ узнаетъ Дарія, который говоритъ ему между прочимъ: «о прѣмоудри вь чловѣцехь Александре, оть коле богомь годе бити, ѩко да вьса незнаема оузнаеши, почекая мало, и скажоу ти дивьна нека и чюдна, ѩже прилоучить ти се хотеть на поути. Вѣдомо да есть тебе, ѩко Кандакія Клеофила амастридоньска царица образь твои прѣписала есть, и тако познати те имать, ноу походи, не соумьни се; богь бо, вь него же вероуеши, оть роукоу ее избавити те имать, и крьсмати же ты немои». Онъ разпрашиваетъ Александра о Персіи, о Роксанѣ, указываетъ на Фора, находящагося далѣе въ той-же пещерѣ. «О великы ин'діискыи Форе», обращается къ нему Александръ, «како некогда богомь подобльѩше се, ньнѩ же ѩко ѥдинь оть хоудихь чловѣкь моучиши се! Форь же кь нѥмоу рече: Тако страдати имоуть в'си, иже превьзнесоше се зем'льскою славою; нь блюди и ты, Алексен'дре, ѩко

да не и ты, привьзаесь се, свезань здѣ приведень боудешь. И сие поженоуть, чисть живе мои Клитемнистре съблюди. Алексан'дрь же къ немоу рече: Боуди печалоуе мрьт'выми, а о живыихь не пьци се. Жалище боговъ обратилось въ обитель наказанія за живую гордыню (сл. греч. нар. кн., стр. 153—156; рум. нар. кн., стр. 90—2: тамъ и здѣсь нѣтъ упоминанія Клитемнестры. Сл. выше, стр. 385—9) [1].

Александръ спасается отъ угрозъ второго сына Кандаки такою же хитростью, какъ и въ Pseudocall. С. Кандавлъ и Караторъ провожаютъ его до ожидавшей его стражи, гдѣ онъ объявляетъ имъ, что онъ и есть — Александръ. Если такъ, «то мы оумрьли есмо», говорятъ они, но онъ успокоиваетъ ихъ и отпускаетъ съ почетомъ.

Кстати замѣтка къ текстамъ Псевдокаллисѳена: въ III 26 С Александръ, воюя съ Евримитромъ, царемъ Бебриковъ-Бельсировъ, доходитъ до сѣверныхъ горъ, за которыми заключаетъ нечистые народы; мы видѣли (стр. 397), что письмо къ Олимпіадѣ (ib. гл. 27—9) также кончается эпизодомъ о горахъ; В присоединяетъ: *Διεχώρησα δὲ ἀνὰ μέσον* Τούρκων *καὶ* Ἀρμενίων . . ., *καὶ ἀπέκτεινα ἐν ῥομφαίᾳ ἅπαντας αὐτῶν καὶ τὸν αὐτῶν βασιλέα, καὶ ἐσκύλευσα τὰ μέλαθρα αὐτοῦ, τοῦ καλουμένου* Κάνου, *καὶ ἐπέβη εἰς τὰ αὐτοῦ βασίλεια*, гдѣ освобождаетъ плѣненныхъ—Кандавла и его жену! Кандавлъ разсказываетъ: Πρὸς θήραν ἐξῆλθον, *εὐφρανθῆναι βουλόμενος σὺν τῇ ἐμῇ γυναικὶ ἐπὶ χώρας ὁδεύοντες, ἔχων μετ'ἑαυτοῦ πεντακοσίους παῖδας μετὰ λεοντοπάρδων καὶ κυνῶν καὶ ἱεράκων*; здѣсь онъ и былъ схваченъ. —Я полагаю въ этомъ эпизодѣ рядъ смѣшеній: Турковъ съ нечистыми народами за горами сѣвера, ихъ хана — съ Евримитромъ, царемъ Бебриковъ, войско котораго, преслѣдуемое Македонянами, заходитъ именно за эти горы; наконецъ Евримитра (= Хана) съ Евагридомъ,

---

[1]) Популярная на славянскомъ югѣ Александрія дала сюжетъ для одной фрески въ монастырѣ св. Георгія, близь Пирота: въ числѣ мучимыхъ въ аду являются *Дарій*, *Поръ*, но и—*Александръ*. Сл. Новаковичъ, l. c., стр. XXX—XXXI.

также царемъ Бебриковъ, похитившимъ, какъ мы видѣли, жену Кандавла. Въ италіанскомъ романѣ, въ эпизодѣ о Кандакѣ, Кандавлъ говоритъ, что его жена похищена царемъ Бебриковъ (Brebici; var. Atibeci), когда онъ «uscì fuora della città colla moglie e con alquanti di suoi fidel cavallieri per andarsi *diportando coi falconi* per la contrada (Grion, p. 146). Сл. Hist. de Prel. пространнаго типа: Candaulus exivit cum uxore sua et paucis fidelibus exercendi causa (Zing. стр. 242); въ одномъ варіантѣ: ut eorum animi gratularentur [1]).

---

[1]) Harczyk, Zs. für deutsche Philologie, IV, p. 169—170.

X.

Λόγοι Ἀλεξάνδρου.

Въ Pseudocall. C, III, 30, говорится, что, по возвращеніи Александра въ Вавилонъ [1]), рожденіе чудовищнаго ребенка было истолковано, какъ знаменіе скорой смерти Александра и судебъ, предстоящихъ его царству. Непосредственно затѣмъ разсказывается объ его отравленіи.

---

[1]) По поводу Вавилона, нѣсколько стушеваннаго въ нашей Александріи, замѣчу во французскомъ романѣ (ed. Michelant) намекъ на вавилонскую легенду, о которой я писалъ въ послѣдній разъ въ Archiv f. slav. Philologie, VIII, стр. 326—330. Александръ говоритъ Пору (стр. 315):

prendrai Babilone, se ma gens le conseille,
Que avoir voel la tor qui vers le ciel toreille,
S'ocirai le serpent c'on dist, qui tous jors veille.

Побѣдители вступаютъ въ Вавилонъ (стр. 500):

Sous les piés des cevaus fremist tiere et résonne;
Al dragon est li roi qui le mont emprisonne.
. . . .
Une aighe trespasèrent c'on apeloit Dordone,
En Babilone entrèrent entre vespres et nonne.

Вмѣсто Dordone варьянты даютъ: Bissone, Buconne (P. Meyer въ Romania, №№ 42—43, стр. 228)—вѣроятно Фисонъ, одна изъ четырехъ райскихъ рѣкъ, можетъ быть, отождествленная здѣсь съ Тигромъ, какъ въ другомъ случаѣ это имя стоитъ вмѣсто Нила (Епифаній, въ Allatii Συμμίκτα l. I, p. 55). Представленіе громаднаго змѣя, обвившаго Вавилонъ (qui le mont emprisone) и не усыпающаго, кромѣ извѣстнаго времени (entre vespres et nonne), хорошо знакомо изъ нашей повѣсти о вавилонскомъ царствѣ.

Сербская Александрія представляетъ здѣсь совсѣмъ особое развитіе. Сл. греч. нар. кн., стр. 165 и слѣд.; рум. нар. кн., стр. 97 слѣд.

Вельможи Александра встрѣчаютъ его радостно по его возвращеніи отъ Кандаки, просятъ вернуться въ Персію, и тамъ раздѣлить «господство»—«по достоꙗнию и по подобию» (Нов. III, гл. 15). Возвращеніе въ Персиду (на пути греч. нар. книга, стр. 166—167, разсказываетъ объ испытаніи Александромъ морской глубины, чего нѣтъ ни въ слав. текстахъ, ни въ рум. нар. книгѣ) и раздѣлъ власти (послѣдняго эпизода нѣтъ въ греч. нар. книгѣ), послѣ чего Александръ въ теченіе года пробылъ съ Роксаною «сь великою веселостию и радостию» (гл. 16). Онъ идетъ въ Вавилонъ; явленіе во снѣ Іереміи, который вѣщаетъ ему о близкой смерти; смущеніе Александра, котораго напрасно пытаются утѣшить и развлечь его вельможи (Новак. гл. 17—19; греч. нар. кн., стр. 167—168; рум. нар. кн., стр. 98—100). На пути къ Вавилону, онъ приходитъ на поле, «нарицаѥмоѥ Синарь, и вь зем'лю, зовомоу Ав'сидіа, идеже правед'ныи Іовь богатіи жиль бѣше, и тоу станомь своимь ста, и сил'ниѥ ѥго воиске по томь полю падоше. Велмоужиѥ же Алексен'дрови, Алексен'дра скрьб'на зрѣште и жалости ѥго измѣнити хотеште, и на гороу ѥго високоу вь'зведоше и, срьдце ѥго обьвеселити хотеште, воисцѣ ороужати се повелеше и на ѥдиномь мѣстѣ на поли оноꙗмь сьбрати се рекоше, и сихь позрѣв'ше кь Алексен'дроу рекоше: Алексен'дре цароу, сил'ныи господине, видиши ли? По ч'то скрьбію срьдце своѥ потапляѥши? Зриши ли колицемь людемь дьньсь сьтвори те богь цара, да подобно ѥсть тебе веселити се и радовати зѣло? Алексен'дрь же, прослызивь се и главою покимавь, рече: Зрите ли сихь всѣхь, и по .н. лѣтѣхь вьси подь зем'лю заидоуть!» (греч. нар. кн., стр. 168—169; рум. нар. кн., стр. 100). Власти и князи съ востока и запада, сѣвера и юга приходятъ къ Александру съ многоцѣнными дарами (гл. 20), приходитъ съ посланіемъ отъ Олимпіады и Аристотель. Александръ принимаетъ его съ честію, разспрашиваетъ о матери, о македонской

землѣ (гл. 21). На торжественномъ пирѣ Аристотель подноситъ Александру и Роксанѣ подарки, присланные Олимпіадой, и ея письмо, въ которомъ она проситъ сына дать ей повидать себя, либо самому вернуться въ Македонію, либо дозволить ей придти къ нему (гл. 22). Сл. греч. нар. кн., стр. 169—171; рум. нар. книгу, стр. 100—102.

Прочтя эпистолію, Аристотель садится на свое мѣсто, Александръ возсѣдаетъ на высокомъ престолѣ Фора, и начинается тотъ отдѣлъ, который далъ намъ поводъ назвать весь слѣдующій эпизодъ текста: Λόγοι Ἀλεξάνδρου. Дѣло идетъ, очевидно, о мудрыхъ изреченіяхъ — судахъ Александра (Нов. III, гл. 23 = Jag. l. c., стр. 319—321; греч. нар. книга, стр. 171—174; рум. нар. кн., стр. 102—106).

1. «Вь ть дьнь чловѣкь нѣкыи оукраде ромен'чоу златоу (греч. нар. кн. стр. 171: ἕνα χανάτι χρυσὸν; рум. нар. кн. стр. 103: пъхар). Алексен'дрь сиѥ слышавь, рече: Кто любо ромен'чоу украде, где годе боудеть, Алексен'дрова се кѥ звати, а не оукрадшаго».

2. «И тогда Аристоѳель Алексен'дра выпрашаше, глаголѥ: како выз'може толикаа сьтворити, ѥлика никдинь чловѣкь сьтворити можеть? Алексен'дрь же кь ѥмоу рече: тріи дроузи на сиѥ сьпоспѣш'ници быше мнѣ: роука подат'лива и вѣра непотвор'на и соудь правь» (Нов.). Иначе Jag.: «четири приѣтели на ово помогоше ми: прво податливство, друго непотворно на ѣзику, трето помиловане, четрто прав суд» (греч. нар. кн., стр. 171—172: τέσσαρα καλὰ ἦσαν εἰς ἐμένα. πρῶτον, καλὸν χαιρέτημα· δεύτερον, ἀλήθεια. τρίτον, ἀπὸ τὸν λόγον μου νὰ μὴν εὐγαίνω· τέταρτον, ἡ κρίσις μου νὰ εἶναι δικαία, καὶ νὰ πιστεύω τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὁποῦ ἔπλασε τὰ πάντα; рум. нар. кн., стр. 103: авѹтам патрѹ ажѹторі кѹ міне: ѹнѹл кѹвжнтѹл дѹлче, алтѹл мжна ѧтінсъ, алтѹл жѹдеката дрѣптъ, алтѹл ертарѣ ла грешіцї).

3. «Тогда ѥмоу сповѣдати начеть в'са, ѥлика по зем'ли видѣль бѣше, и како сил'ныихь царь господства раздроуши. Сіа

слышавь Аристоѳель, дивлѩше се, и кь Алексен'дроу глаголааше, оупрашаѥ: Где соуть великаа скровишта, ѩже по землѩхь сьбраа? Алексен'дрь на властеле позрѣвь, рече: Любими мои дроузи, си соуть моѩ скровишта, царска бо скровишта вь чловечьскыихь живоуть срьдцихь (греч. нар. книга, стр. 172; рум. нар. книга, стр. 103).

4. «Аристоѳель же кь нѥмоу рече: Потьшти се, Алексен'дре, чедо сьтворить, ѩко да Макѥдонѩномь по сьмрьти паметь оставиши! Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Не имамь вамь оставити сына, нь остав'лю вамь великыѥ моѥ подвигы и добраа моѩ дѣла (сл. греч. и рум. нар. кн. l. c.).

5. «Тогда пристоупи кь Алексен'дроу нѣк'то оть любимыхь и рече: Добро ѥсть цароу царство обогатити. Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Криса лидон'скога цара ничто не пол'зова сребро и злаато, много бо злата сьбраль бѣше, нь дроузи того кѥр'досаше. Онь же кь Алексен'дроу рече: Пользно ѥ цароу веки даани оть зем'лѥ вьзимати. Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Ни врьтара не люб'лю ис корѣне зелиѥ истрьзаюшта (нѣтъ въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 103 нѣтъ второй части Александрова изреченія).

6. «И тоу Алексен'дрь Пер'сенина нѣкоѥго стара оузрѣвь, иже брадоу вап'саль бѣше, ѩко да младь чловѣкомь оузираѥть се. Видѣвь же ѥго Алексен'дрь рече: О любими мои Меликьн'сире (вар. Меликасиръ), аште пол'за оть вап'сала хоштеть бити, колене ногоу своѥю вап'саи, да оукрѣпеть се; аште ли вап'саломь старости оукрѣпити не можеши, не вап'саи себе, ѩко да вап'сало тебѣ не прѣварить и, мне себе млада, вь старости напрасно оумреши. И о семь властеле смѣѩше се много (греч. нар. книга, стр. 172: ὦ ἠγαπημένε μου Μελυχράσυρε; рум. нар. книга, стр. 103—4: Меркис).

7. «Дроугы же моужь великь, ѥмоуже и томоу име бѣше Алексен'дрь, страшивь же бѣше сьи зѣло и сь в'сакого боѩ бѣгаше, Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: Чловѣче, или име из'мѣни,

или дѣло; мои бо име тобою срамот'но есть (греч. нар. книга, стр. 172—3 [1]); рум. нар. кн. стр. 104).

8. «И вь ть дьнь кь Алексен'дроу приведоше тисоуштоу гоусарьь, и рекоше кь нкмоу властеле обѣсити ихь. Онь же кь нимь рече: Оть коле лице мои видѣли соуть, не имать никдинь оть нихь оумрѣти; соудіамь бо дан'но кстъ оубивати, цароу же дан'но кстъ миловати. И сотвори ихь Алексен'дрь лов'це себѣ» (греч. нар. книга, стр. 173: χλέπταις; рум. нар. кн. стр. 104).

9. «И вь ть дьнь приведоше кь Алексен'дроу чловѣка Ин'діанина, стрѣл'ца кго глаголахоу в'сегда бити [ꙗко скрозе прьстень вьсегда стрелоу прометати емоу]. Алексен'дрь стрѣлити кмоу повеле. Онь же не вьсхоте стрѣлити. [И паки емоу повеле. Онь же не вьсхоте. И вьси кго ноудише много, да стрелить. Онь же не вьсхоте]. Алексен'дрь же главоу кмоу повеле отсѣшти. Ведомоу же, и нѣкомоу рек'шоу кмоу: По ч'то, о чловѣче, за кдино стрѣлкние животь свои оддаде? Онь же кь нкмоу рече: .і. дьни имамь лоука не похвативь и оубоꙗхь се, ꙗко да прѣдь царемь не погрѣшивь, прьв'нкга мога гласа не изгоуб'лю. Се же Алексен'дрь слишавь, и захвали кмоу много и сь чьстию кго отпоусти (греч. нар. кн. стр. 173; въ рум. нар. кн. нѣтъ).

10. «И тоу Алексен'дроу нѣкыи одь воиникь (греч. нар. кн., стр. 173—174: πτωχός, рум. нар. кн. стр. 104: ѹн ом), пристоупивь, рече: Великыи цароу Алексен'дре, дьштерь кдинородноу имамь и дьньсь омоужити ю хоштоу, помози ми прикіомь. Алексен'дрь же тисоуштоу таланьть повеле дати кмоу злата; онь же кь нкмоу рече: Много ми кстъ, цароу. Алексен'дрь же кь нкмоу рече: Царскаа даань многа трѣбоукть се».

Одаривъ Аристотеля и поставивъ его «василопатеромь», онъ отправляетъ его въ Македонію съ порученіемъ привести «Олим'-

[1]) Сл. стихотворную греческую Александрію, изд. Wagner'омъ (Trois poèmes grecs, v. 6058—60):

ἰδὼν γὰρ συνομώνυμον ἄνδρα πρὸς νεανίσκον
τινὰ δειλῶς μαχόμενον, εἶπε πρὸς τοῦτον τάχος·
«Ἢ σὺ τὴν τύχην ἄλλαξον ἢ τὴν ἐμὴν τὴν κλῆσιν.»

біадоу царицоу на стан'къ нмоу, вь *Ієгуп'ть* великыи вь Палестин'скои зем'ли (въ рум. нар. книгѣ этихъ опредѣленій нѣтъ); самь же тоу оста» (гл. 24). здѣсь позже (гл. 31) и умираеть.

Гл. 25 разсказываетъ о нахожденіи какимъ-то человѣкомъ сокровища у рѣки Тигра, о чемъ онъ и докладываетъ Александру. «Возьми себѣ; не мнѣ, а тебѣ дано оно Богомъ», говоритъ Александръ. «Я взялъ, что мнѣ на потребу, возьми себѣ остатокъ». Александръ находитъ громадное сокровище. «Не отъ Даріева ли?» спрашиваетъ онъ себя. Все войско беретъ себѣ вволю. «Алексен'дроу же сто коли оть нюго оста» (греч. нар. кн., стр. 174—175; въ рум. нар. кн., стр. 105 кладъ найденъ на берегахъ Евфрата въ «коморіле луі Іов богатул!). — Слѣдуетъ (гл. 26) описаніе торжественной встрѣчи Олимпіады, празднествъ и игрищъ. Въ греческой народной книгѣ ничего не говорится ни о порученіи Александра Аристотелю привезти мать, ни о пришествіи послѣдней.

Румынская народная книга (стр. 105—106) присоединяетъ къ этому анекдотъ объ Александрѣ и разбойникѣ, разсказанный Цицерономъ и блаж. Августиномъ, причисляя и его къ числу его λόγοι [1]).

Ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ Александрій не представляетъ въ сообщенномъ эпизодѣ романа подробностей, знакомыхъ нашему тексту: ни одна не знаетъ о прибытіи Олимпіады и Аристотеля, являющагося какъ-бы затѣмъ, чтобы своимъ присутствіемъ оттѣнить мудрость Александра. Нѣкоторыя изъ изреченій, которыя ему приписаны и въ которыхъ, очевидно, лежитъ

---

[1]) Дѹпъ ачѣѧ адѹсеръ ѹн тълхаріѹ ла Алеѯандрѹ, ші гръі Алеѯандрѹ: Омѹле, кѫчі тълхърещі? Омѹл зисе: Де сърѫчіе тълхъреск еѹ, де ѹчіг кѫте ѹн ом, ші сѫнт сінгѹр, ші оаменії ꙟм зік тълхаріѹ, ѡръ съ мъ ерці ꙟпърате, къ тѹ ещі маї маре тълхаріѹ декѫт міне, къ тѹ учізі кѫте зѣче мії де оамені ші таї пре тоці, ші ціе нѹ'ці зік оаменії тълхаріѹ, кѫчі къ аї оамені мѹлці чі ꙟці зік ꙟпърат, ѡръ де аші авѣ ші еѹ кѹм аї тѹ, аші фі ші еѹ ка ші тіне. Алеѯандрѹ зісе: Дрепт гръещі, шіл ертъ, шіл ꙟбръкъ, шіл пѹсъ кѫпітан престе о міе де оамені маї маре.

главный интересъ всего этого эпизода, встрѣчаются и въ другихъ источникахъ, съ его именемъ и неизбѣжными разночтеніями. Разсѣянныя у древнихъ писателей, у Цицерона и Валерія Максима, Плутарха и Арріана, Діогена Лаэрція и др., они дали матеріалъ для тѣхъ сборниковъ апофтегмъ, любимыхъ въ средніе вѣка, въ которыхъ, очевидно, и нашелъ ихъ анонимный редакторъ нашего романа.

Начну, съ афоризмовъ Александра у Стобея, Ἀνθολόγιον (ed. Meineke):

l. I, 116: Ἀλέξανδρος προτρεπομένων τινῶν αὐτὸν ἰδεῖν τὰς Δαρείου θυγατέρας καὶ τὴν κάλλει διαφέρουσαν εἰς γυναῖκα λαβεῖν, «αἰσχρόν, ἔφη, τοὺς ἄνδρας νικήσαντας ὑπὸ γυναικῶν ἡττᾶσθαι». Сл. Plutarchi Alexander, c. XXI, 3.

l. I, 170: Ἐν Ἰλίῳ θύοντι τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἔφη ὁ ἱερεὺς δείξειν τὴν Πάριδος λύραν· ὁ δὲ «τὴν Ἀχιλλέως», εἶπεν, «εἰ ἔχεις, δεῖξον, καὶ πρό γε τῆς λύρας τὴν μελίαν».

l. I, 318: Ἀλέξανδρος νοσήσας μακρὰν νόσον, ὡς ἀνέρρωσεν, οὐδέν, ἔφη, διατεθῆναι χεῖρον· «ὑπέμνησε γὰρ ἡμᾶς ἡ νόσος μὴ μέγα φρονεῖν, ὡς θνητοὺς ὄντας».

l. II, 328: Ἀλέξανδρος ἐρωτηθεὶς ὑπό τινος, πῶς ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ τῆς οἰκουμένης ἐκυρίευσεν, εἶπε·

Βουλῇ καὶ μύθοισι καὶ ἠπεροπηΐδι τέχνῃ

(Сл. нашъ № 2?).

l. IV, 272: Ἀλέξανδρος ἐρωτηθείς, ἐν τίνι ἔχει τοὺς θησαυρούς, δείξας τοὺς φίλους εἶπεν, «ἐν τούτοις» (сл. нашъ № 3).

У св. Максима, Loci communes [1]), изреченій Александра больше и являются новыя точки соприкосновенія съ нашими:

1. Ἀλέξανδρος αἰχμαλώτους λαβὼν τὰς Δαρείου θυγατέρας, ἐπειδὴ συνεβούλευον αὐτῷ οἱ φίλοι, εὐειδέσιν οὔσαις αὐταῖς συγγενέσθαι· Αἰσχρόν, ἔφη, ἐστὶν ἄνδρας νικήσαντας ὑπὸ γυναικῶν ἡττη-

---

1) Migne, Patrol. gr. t. XCI, p. 741, 745, 747, 773, 833, 895.

θῆναι (сл. выше Стобея l. I, 116 и Василія Великаго Περὶ σωφροσύνης, у Migne, Patrol. gr. t. XXXII, p. 1345) [1]).

2. Ὁ αὐτὸς εἰς Ἰλλυριοὺς παραγενόμενος, ἐν τῷ τοῦ Διὸς βωμῷ κατιδὼν γυναῖκα κάλλει διαφέρουσαν, ἐκπλαγεὶς αὐτῆς τὴν εὐμορφίαν, πολὺν χρόνον ἐθεᾶτο· τοῦ δὲ Ἡφαιστίωνος εἰπόντος, ὅτι εἰκός ἐστι παραλαβεῖν αὐτὴν ἐρωμένην, ἔφη· «Καὶ πῶς οὐ δεινόν, εἰ οἱ ἄλλων ἀκρασίας κολάζειν βουλόμενοι, δουλεύοντες ἀκρασίαις ὑπὸ τῶν ἐκτὸς ἀνθρώπων φωραθῶμεν».

3. Οὗτος παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων νυκτὸς ἐπιθέσθαι τοῖς πολεμίοις, εἶπεν· Οὐ βασιλικόν ἐστι κλέπτειν τὴν νίκην. Сходно у Плутарха, Alexander, XXXI, 4, 5; согласно, съ разночтеніями, у Boissonade, Anecdota graeca: Γνωμικά τινα, t. III, p. 468: οὐ βασιλικὸν τὸ κλέπτειν νίκην [2]).

4. Θεασάμενος δέ τινα ὁμώνυμον αὐτοῦ δειλὸν ὄντα, ἔφη· Νεανίσκε, ἢ τὸ ὄνομα ἄλλαξον, ἢ τὸν τρόπον. Сл. Plutarchi, Alexander LVIII, 3 и нашъ № 7 [3]).

5. Παρακαλούμενος δὲ ὑπὸ τῶν φίλων τεκνοποιῆσαι, ἔφη· Μὴ ἀγωνιᾶτε· καταλείπω γὰρ ὑμῖν τέκνα, τὰς ἐκ τῶν ἀγώνων νίκας. Сл. нашъ № 4 [4]).

6. Τοῦ αὐτοῦ ἐξιόντος ἐπὶ τὸν πόλεμον, Ἀριστοτέλης ἔφη· Περίμεινον τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας, καὶ τότε πολέμει. Ὁ δέ, Φοβοῦμαι, εἶπε, μὴ περιμένων τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας τὴν τῆς νεότητος τόλμαν ἀπολέσω [5]).

---

[1]) Сл. въ древне-русской Пчелѣ (изд. Бессонова) то-же изреченіе Александра: въ числѣ его плѣнныхъ находится дочь Дарія, «и дружина велѣхуть ему совокупитися съ нею изрядныя красоты ради. И рече Александръ: Срамъ есть намь одолѣвшу мужемь многимь, а ныне отъ женѣ побѣжену быти (стр. 23—24).

[2]) Пчела l. c. стр. 29: Сеи молимъ сыи отъ дружины нощию напасти на сопостаты и рече: Не царския есть крѣпости побѣда.

[3]) Пчела l. c. стр. 29: Сеи видѣвь нѣкоего тезоименита страшлива суща и рече: Уноше, или имя или нрава измени.

[4]) Пчела l. c. стр. 29: Сеи молимъ отъ дружины прижити чада и рече: Не скорбите, ѡставлю бо вамъ чада побѣды ихъже добыхъ трудомъ своимъ.

[5]) Пчела l. c. стр. 29: Сему идущу на рать Аристотель рече: Дожди свершена возраста и тогда воюи. Онь же рече: Боюся егда когда же свершена возраста и уностную крѣпость испущу.

7. Ξενοκράτει τῷ φιλοσόφῳ πεντήκοντα τάλαντα πέμψας, ὡς οὐκ ἐδέξατο, μὴ δεῖσθαι φήσας, ἐρώτησεν, εἰ μηδὲ φίλον ἔχει Ξενοκράτης· ἐμοὶ γάρ, ἔφη, μόλις ὁ Δαρείου πλοῦτος εἰς τοὺς φίλους ἤρκεσεν (нѣсколько иначе у Діогена Лаэрція, Vitae Philosophorum, ed. Cobet, l. IV, c. 2, 5).

8. Τινὸς δὲ τῶν αὐτοῦ φίλων αἰτήσαντος αὐτὸν εἰς προῖκα τῆς θυγατρός, ἐκέλευσε πεντήκοντα τάλαντα λαβεῖν· αὐτοῦ δὲ φήσαντος, ἱκανὰ εἶναι δέκα, Σοὶ μέν, ἔφη, λαβεῖν, ἐμοὶ δὲ οὐχ ἱκανὰ εἶναι δέκα δοῦναι. Сл. нашъ № 10.

9. Ὁ αὐτὸς πληρώσας ποτὲ ὀστέων πίνακα, ἔπεμψε Διογένει τῷ Κυνικῷ φιλοσόφῳ· ὁ δὲ λαβών, εἶπεν· Κυνικὸν μὲν τὸ βρῶμα, οὐ βασιλικὸν δὲ τὸ δῶρον.

10. Ὁ αὐτὸς εἶπεν, τῆς αὐτῆς ἁμαρτίας εἶναι, τὸ διδόναι οἷς μὴ δεῖ, καὶ τὸ μὴ διδόναι οἷς δεῖ.

11. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν Διογένην κοιμώμενον ἐν πίθῳ, ἔφη· ὦ πίθε μεστὲ φρενῶν· ὁ δὲ φιλόσοφος ἀναστὰς ἔφη· ὦ βασιλεῦ μέγιστε,

Θέλω τύχης σταλαγμόν, ἢ φρενῶν πίθον,
Ἧς μὴ παρούσης, δυστυχοῦσιν αἱ φρένες.
Πρὸς ὅν τις ἀντέφησε τῶν φιλοφρόνων·
Ῥανὶς φρενῶν μοι μᾶλλον, ἢ βυθὸς τύχης,
Ἧς μὴ παρούσης δυστυχοῦσιν αἱ φρένες.

12. = Stobaei Anthol. l. I, 318 (сл. выше, стр. 411).

Другія соотвѣтствія предлагаетъ сборникъ Антонія Мелиссы [1]):

1. Ἀλέξανδρος ἀκούσας ὅτι Δαρεῖος τριάκοντα μυριάδας εἰς παράταξιν ἄγει, ἔφη· «εἷς μάγειρος οὐ φοβεῖται πολλὰ πρόβατα».

2. Ὁ αὐτός, κατασκόπου λέγοντος αὐτῷ, πλείους εἶναι τοὺς Δαρείου, ἔφη· «καὶ τὰ πρόβατα, πλείονα ὄντα, ὑφ'ἑνὸς ἢ δευτέρου λύκου χειροῦνται». Сл. Нов. II, 5: ви же знаѥте ѩко пер'си ов'це наричоуть се, макєдониѩне же вльци, и прѣдь єдинемь влькомь

[1]) Antonii Melissae Loci Communes y Migne, Patrol. gr. t. CXXXVI, pars I, sermo XXXVII, LIII; pars II, sermo I, XI, LXXIV.

многе ов'пе бегають; 6: многе коуч'ке мед'вѣда терають, нь малѣ оуждають.

3. Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν κατὰ τοῦ ἰατροῦ δεξάμενος, ὡς ἐπιβουλεύοντος, ἐπειδὰν ἔτυχεν ἐν αὐτῷ καιρῷ φάρμακον ὥστε πιεῖν, τοσοῦτον ἀπέσχε πιστεῦσαι τῷ διαβάλλοντι, ὥστε ὁμοῦ τε ἐπιστολὴν ἀνεγίνωσκε, καὶ τὸ φάρμακον ἔπινεν (Сл. Василія Великаго у Migne, Patrol. gr. t. XXXII, p. 1008).

4. Τὸν αὐτόν φασι διαβαλλομένου τινὸς τῶν συνήθων, τὴν μὲν ἑτέραν τῶν ἀκοῶν ἐπιμελῶς ἐπιφράξασθαι τῇ χειρί, ἀκεραίαν δηλονότι ταύτην διασώζοντα τῷ μὴ παρόντι (Сл. Василія Великаго у Migne, l. c. p. 297: τὴν ἑτέραν τῶν ἀκοῶν ἀκεραίαν ταμιευσόμεθα τῷ διαβαλλομένῳ).

5. Ἀλέξανδρος τοῦ οἰνοχόου αὐτοῦ ἀπολέσαντος φιάλην χρυσῆν, καὶ διὰ τοῦτο δυσθυμοῦντος, μαθὼν τοῦτο προσκαλεσάμενος αὐτὸν εἶπε· «Θάρσει, ὦ παῖ· ὅπου γὰρ ἂν εἴη, ἡμετέρα ἐστί». Сл. нашъ № 1.

6. Ἀλέξανδρος ἐρωτηθεὶς ποῖος βασιλεὺς ἄριστος, ἔφη· «Ὁ τοὺς φίλους δωρεαῖς συνέχων, τοὺς δὲ ἐχθροὺς δι' εὐεργεσίαν φιλοποιούμενος» (сл. нашъ № 2?).

7. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεύς, ἐρωτηθείς, τίνα μᾶλλον ποθεῖ, τὸν πατέρα Φίλιππον ἢ Ἀριστοτέλην· Τὸν διδάσκαλον, ἔφη· ὁ μὲν γὰρ τοῦ γενέσθαι, ὁ δὲ τοῦ καλῶς γενέσθαι αἴτιος.

8. Ὁ αὐτὸς βαρύ τι ἐπιταττούσης αὐτῷ τῆς μητρὸς Ὀλυμπιάδος, ἔφη· Ὦ μῆτερ, πικρόν με ἐνοίκιον τῆς ἐννεαμηναίου ἀπαιτεῖς.

9. = № 11 у св. Максима (см. выше, стр. 413).

Изъ анонимныхъ сборниковъ апофтегмъ, заключающихъ и Александровы, остановимся прежде всего на текстѣ, недавно изданномъ Е. Миллеромъ [1]), не измѣняя нумераціи изданія:

11. Παίξας (вар. σφαιρίσας) δὲ μετά τινος νεανίσκου ἐδωρήσατο αὐτῷ τάλαντον. Τῶν δὲ φίλων λεγόντων ὅτι πλέον τοῦ δέοντος ἔδωκεν, «Οὐχ ὅσον ἐκεῖνος ἄξιός ἐστι λαβεῖν δεῖ σκοπεῖν, ἀλλ' ὅσον ἐγὼ

[1]) Въ Mélanges orientaux, textes et traductions, publ. par les professeurs de l'école spéciale des langues orientales vivantes, à l'occasion du 6e congrès international des orientalistes réuni à Leyde. Paris, 1883, p. 217 слѣд.

δοῦναι». Сл. Plutarchi, Alexander, c. XXXIX, 3; S. Max. № 8 и нашъ № 10.

26 (= Melissa № 8).

49. Ὁ αὐτὸς εἰπόντος αὐτῷ τινός, ὅτι δύνανται αἱ πόλεις σου πλείονάς σοι παρέχειν προσόδους, ἔφη· «Καὶ κηπουρὸν μισῶ, τὸν ἐκ ῥιζῶν τέμνοντα τὰ λάχανα». Сл. нашъ № 5.

50. Ὁ αὐτὸς εἰπόντος Ἀναξιμένους· «Ἐὰν πᾶσι πολλὰ δίδῳς, οὐκ ἕξεις τοῦτο ποιῆσαι διαπάντος», ἔφη· «Οὐδέ γε, ἐὰν παύωμαι, μόνος πάντα ἔχειν δυνήσομαι πολὺν χρόνον».

51. Ὁ αὐτὸς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων χρήματα συνάγειν, ἔφη· «Οὐδὲν ὠφέλησεν οὐδὲ Κροῖσον πολύχρυσον γεγονότα καὶ δέσμιον ἀπαχθέντα» (сл. нашъ № 5).

57. Ὁ αὐτὸς μέλλων εἰς τὴν Ἀσίαν διαβαίνειν, πυνθανομένου Φωκίωνος αὐτὸν ποίοις χρήμασι πεπιστευκὼς ἐπὶ μέγαν καὶ πλούσιον βασιλέα Δαρεῖον μέλλει στρατεύειν, ὑποδείξας τοὺς φίλους ἔφη· «Ἐν τούτοις». Сл. Stobaei, Anthol. l. IV, 272 и нашъ № 3; Миллеръ указываетъ на то-же, но болѣе краткое изреченіе въ сборникѣ Арсенія, ed. Walz, p. 74.

58. Ὁ αὐτὸς ἐν παρατάξει Πισίδας ζωγρήσας τρισχιλίους, [ὡς] ἠξίουν οἱ Μακεδόνες ἀποκτεῖναι πάντας διὰ τὸ πολλὰ κακὰ πεπονθέναι ὑπ'αὐτῶν πολλάκις· «Οὐ ποιήσω τοῦτο, οὐ γὰρ βούλομαι δήμιος ἀντι βασιλέως καλεῖσθαι» (сл. нашъ № 8).

59. Ὁ αὐτὸς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων συνάγειν χρήματα, εἶπεν· «Οὐδὲν ὀνήσω».

60. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ἐπὶ τὰς Ἀμαζόνας ἀπελθεῖν καὶ στρατεύσασθαι, «Νικᾶν με γυναῖκας αἰσχρόν, [ἔφη], νικᾶσθαι δὲ ὑπὸ γυναικῶν αἰσχρότερον». Сл. Нов. III, гл. 6 въ посланіи Амазонокъ къ Александру: аште бо насъ разбиѥши, малоу чьсть обрѣштеши; аште ли мы тебя разбиѥмь, то велика срамота тебѣ боудеть. Ближе къ версіи Стобея l. I, 116 (= Plutarchi Alexander, c. XXI, 3), св. Василія и св. Максима (сл. выше № 1) слѣдующая за тѣмъ далѣе апофтегма подъ № 69. Сл. Boissonade l. c.

61. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν Δαρεῖον ἐπὶ παρατάξεως πεσόντα καὶ τὸ σῶμα γυμνωθέντα, ἄρας τὴν ἑαυτοῦ χλαμύδα ἐσκέπα-

σεν αὐτόν, ἐρωτώμενος δὲ ὑπὸ τῶν φίλων, «Τί τοῦτο ἐποίησας», εἶπεν· «Ἄνδρες φίλοι, οὐ τὸν νεκρὸν καλύπτω, ἀλλὰ τὴν ψυχὴν περιστέλλω».

62. = Мелисса № 2.

63. Ὁ αὐτὸς ἐρωτηθεὶς ὅτι «Πῶς τοσοῦτον ἐθνῶν ἐν ὀλίγοις ἔτεσιν ἐκράτησας;» ἔφη· «Μηδὲν εἰς τὴν αὔριον ἀναβαλλόμενος».

67. Ἀλέξανδρος Δαρείου προπέμψαντος αὐτῷ τόξον καὶ βέλη καὶ χρυσοῦν στέφανον, ἔφη· «Δέδεγμαι τὸν πόλεμον καὶ τὴν ἀπὸ τοῦ πολέμου νίκην».

68. Ἀλέξανδρος Δαρείου πρεσβευσαμένου πρὸς αὐτὸν δώσειν αὐτῷ τὴν θυγατέρα αὐτοῦ πρὸς γάμον, καὶ ἵνα δῷ (f. ἐπιδώσειν) χίλια τάλαντα, ἔφη· «Παυσάσθω Δαρεῖος τὰ ἐμὰ ἐμοὶ χαριζόμενος».

Нѣсколько Александровыхъ изреченій находится въ анонимномъ Florilegium мюнхенской библіотеки, напечатанномъ Meineke въ изданіи Стобея (v. II). Съ № 73 сл. № 57 Мюллеровскаго анонима; № 155 = S. Max. № 9; № 156 = S. Max. № 5; № 157: Ὁ αὐτός, ἐπεὶ Ἀντίπατρος αὐτῷ πολλὰ κατὰ τῆς μητρὸς ἔγραψεν, «ἀγνοεῖς ἔφη, Ἀντίπατρε, ὅτι μητρὸς ἓν δάκρυον πολλὰς διαβολῶν ἐπιστολὰς ἀπαλείφει». — **№№ 158 и 159, очевидно, принадлежатъ къ одной апофтегмѣ, какъ позволено судить изъ приводимаго далѣе текста: № 158:** Ὁ αὐτὸς παράγγελμα ἔλαβεν ὅτι «Ἐὰν δύνῃ ὁδεῦσαι, μὴ πλεύσῃς»; **№ 159:** Καθ'ἑκάστην ἡμέραν διατίθου γυναικὶ ἀπόρρητα. — **№ 160:** Ὁ αὐτὸς θεασάμενος γέροντα τὰς τρίχας βάπτοντα, ἔφη· «Μὴ τὰς τρίχας ἀλλὰ τὰ γόνατα βάπτε» = **нашъ № 6.**

Въ греческой рукописи Моск. Синодальной библіотеки № 298 (по Маттеи № 285), въ которой проф. Васильевскій открылъ Записки византійскаго боярина, помѣщенъ списокъ Псевдокаллисѳенова романа, а съ листа 109 об. и слѣд.: Ἀποφθέγματα καὶ γνῶμαι διαφόρων φιλοσόφων σὺν Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ. **Приводимъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя приписаны Александру**

(л. 109 v.—110 v.) Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς πληρώσας ποτὲ ὀστέων πίνακα ἔπεμψεν Διογένῃ τῷ κυνικῷ φιλοσόφῳ· ὁ δὲ λαβὼν εἶπεν·

«Κυνικὸν μὲν τὸ βρῶμα, οὐ βασιλικὸν δὲ τὸ δῶρον». Сл. S. Max. № 9, Floril. mon. № 155.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν τὸν αὐτὸν Διογένην κοιμώμενον ἐν πίθῳ, εἶπεν· «ὦ πίθε μεστὲ φρενῶν»· Ὁ δὲ φιλόσοφος ἀναστὰς εἶπεν· «ὦ βασιλεῦ μέγιστε, θέλω τύχης σταλαγμὸν ἢ φρενῶν πίθον, ἧς μὴ παρούσης δυστυχοῦσιν αἱ φρένες». Сл. S. Max. № 11 (**Замѣтимъ**, по поводу этого и предыдущаго изреченія, особую роль Діогена въ аѳинскомъ эпизодѣ сербской Александріи).

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ ἀξιόντι ποτὲ ἐπὶ πόλεμον, Ἀριστοτέλης ἔφη· «Περίμεινον τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας εἰς αὔξησιν τοῦ σώματος, καὶ τότε πολέμει»· ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ἔφη· «Φοβοῦμαι μὴ περιμένων τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας τὴν τῆς νεότητος τόλμαν ἀπολέσω». Сл. S. Max. № 6.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων νυκτὸς ἐπιθέσθαι τοῖς πολεμίοις, ἔφη· «Οὐ βασιλικόν ἐστιν κλέψαι τὴν νίκην»· Сл. S. Max. № 3.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ἐπὶ τὰς Ἀμαζόνας στρατεύσασθαι εἶπεν· «Νικᾶν γυναῖκας αἰσχρόν, νικᾶσθαι δὲ ὑπὸ γυναικῶν αἰσχρότερον». Сл. anon. Muelleri, № 60.

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ εἰπόντος τινὸς ὅτι Δαρεῖος τριάκοντα μυριάδας ἀνδρῶν εἰς παράταξιν ἄγει, ἔφη· «Εἷς μάγειρος οὐ φοβεῖται πολλὰ πρόβατα»· Сл. Melissa, № 1.

Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ τοῦ κατασκόπου λέγοντος αὐτῷ πλείονας εἶναι τοῦ Δαρειόυ, εἶπεν· «Καὶ τὰ πρόβατα πλείονα ὄντα ὑφ' ἑνὸς ἢ δευτέρου λύκου χειροῦνται»· Сл. Melissa, № 2.

Ἀλεξάνδρῳ τῷ τῶν Μακεδόνων εἰπόντος αὐτῷ τινος ὅτι δύνανται αἱ πόλεις σου πλείονας παρέχειν προσόδους, ἔφη· «Καὶ κηπουρὸν μισῶ τὸν ἐκ ῥιζῶν ἐκτέμνοντα λάχανα». Сл. anon. Muelleri, № 49.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθείς, ποῖος βασιλεὺς ἄριστος, ἔφη· «Ὁ τοὺς φίλους δωρεαῖς συνέχων, τοὺς δὲ ἐχθροὺς διὰ τῶν εὐεργεσιῶν φιλοποιούμενος»· Сл. Melissa, № 6.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθείς, ποῦ οἱ θησαυροὶ αὐτοῦ εἰσιν, ἐπιδείξας τοὺς φίλους ἔφη· «Ἐν τούτοις»· Сл. Stobaei Anthol. IV, 272; anon. Muell. № 57; anon. monac. № 73 и нашъ № 3.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν ποτὲ ἐν τῷ πολέμῳ ὁμόνυμον αὐτοῦ στρατιώτην ὁμαλῶς καὶ παρακμαστικῶς[1]) μαχόμενον, εἶπεν· «Νεανίσκε, ἢ τοὺς τρόπους ἄλλαξον, ἢ τὸ ὄνομα»· **Сл. S. Max. № 4 и нашъ № 7.**

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθείς, πῶς τοσούτων ἐθνῶν ἐν ὀλίγοις χρόνοις ἐκράτησεν, ἔφη· «Μηδὲν εἰς αὔριον ἀναβαλλόμενος»· **Сл. anon. Muell. № 63.**

(л. 112 v.). Ἀλέξανδρος ὁ τῶν Μακεδόνων βασιλεὺς παράγγελμα ἔλαβεν ὅτι· «Ἐὰν δύνῃ ὁδεῦσαι, μὴ πλεύσῃς· καθ' ἑκάστην ἡμέραν διατίθου· γυναικὶ ἀπόρρητα μὴ θαρρήσῃς καὶ ἐὰν ὀργισθῇς κατά τινος, μὴ ποιήσῃς ἐπεξέ(λευσιν)[2]) πρὶν ἀπαγγείλῃς τὰ. κδ'. στοιχεῖα τοῦ ἀλφαβήτου». Сл. №№ 158 и 159 anon. monac.

Предложенное обозрѣніе Александровой апофтегмы раскрыло намъ греческія параллели къ 9 изъ 10 изреченій, сопоставленныхъ въ нашемъ романѣ (къ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10). На восточныя параллели я укажу лишь вскользь. Нѣкоторыя изъ нихъ собраны у D'Herbelot[3]); въ сборникѣ изреченій несторіанца Honein ben Ishak († 873), извѣстномъ въ еврейскомъ, армянскомъ и испанскомъ переложеніяхъ (El libro de los buenos proverbios), цѣлый отдѣлъ посвященъ Александру и особая глава его мудрости[4]). Памятникомъ этимъ пользовался въ концѣ XI или началѣ XII вѣка арабскій врачъ и философъ Abu'l Wafa Mobaschir Ibn Fatik, составившій сборникъ апофтегмъ, распространенный въ латинскомъ, староиспанскомъ и цѣломъ рядѣ другихъ переводовъ[5]). Авторомъ перваго названъ въ одной рукописи Іоаннъ изъ Прочиды, что̀ отнесло бы насъ въ Палермо, ко времени Фридриха II. Къ XIII-же вѣку относится испанскій пересказъ того-же памятника, извѣстные Bocados de Oro. Приведемъ изъ него нѣсколько

---

[1]) Ркп. παραχμας; поправка Дестуниса.

[2]) Дополнено В. К. Ернштедтомъ.

[3]) Выбраны оттуда Weissmann'омъ, Alexander, II, стр. 518—522, въ соотвѣтствіи съ нашими №№ 2, 4, 8; Mel. 7; S. Max. 3.

[4]) Knust, Mittheilungen aus dem Eskurial (141-ste Publication d. lit. Vereins in Stuttgart), стр. 1 слѣд.; особенно стр. 36 слѣд.; сл. стр. 524 слѣд.

[5]) Сл. Knust, l. c., p. 560 слѣд., 576.

изреченій Александра [1]), чтобъ указать на сходство ихъ типа съ изреченіями сербской Александріи.

Et circumstantes dixerunt ei: «In exercitu Darii sunt trecenta milia hominum». Quibus respondit Alexander: «Bonus cocus multis gregibus non terretur».—Et intrantes ad eum quidam sui patriarche dixerunt ei: «Ex quo vos Deus ampliavit in regnis ad hoc quod filios habeatis plures adquiratis uxores». Quibus respondit: «Non decet a mulieribus vinci qui homines superavit».—Et introivit quidam cum ruptis vestibus ad eum bene loquens et ad interrogata bene respondens. Cui dixit Alexander: «Si sicut tua raciocinacio sic tuus esset vestitus, quod juris esset, in ornamentis tuo corpori impendisses sicut anime quod meruit de sciencia contulisti». Cui respondit: «O domine rex, raciocinacionem adipisci valeo ex me ipso, vos tamen potestis vestimenta concedere». Et precepit dare ei aliquid ad vestitum. — Introduxerunt coram eo quendam latronem quem suspendi precepit, ad quem latro: «Me dolente quod egi commisi». Ad quem Alexander: «Te propterea te dolente suspendent». Et introivit ad eum quidam dicens: «O rex, [jubeatis] michi dari decem milia morabatinorum». Cui respondit: «Non meritus es». Dixit ei: «Si meritus non sum habere, vos dare meremini»...... Et dixit ei patriarcha: «Plures habemos captivos, tuos servos». Respondit: «Nolo servorum dominus esse qui dominus liberorum existo»....... Et quesiverunt ab eo quare sic juvenis existens tante (fuit) potencie. Respondit: «Quia conatus sum semper multos habere amicos et inimicis conferre, et taliter dominando factus sum potens»....... Et dixerunt Nichomacho: «Quomodo tam celeriter facti sunt homines obedientes Alexandro?» Respondit (eis): «Propter id quod viguit in eo justicie et bone conversacionis et regiminis vite excellentis»....... Et dixerunt (quidam ex suis): «Quomodo in etate tam tenera potuisti tot regna perquirere?» Respondit: «Quia reconcilians inimicos amicos feci et amicis benficiis satisfeci».

---

[1]) Knust, l. c., p. 307 слѣд., p. 480 слѣд.

Въ Bocados de Oro, какъ и въ латинской редакціи Изреченій, особая глава отведена мудрымъ изреченіямъ Гермеса [1]); въ текстѣ, откуда взяты приведенные выше отрывки, весь отдѣлъ объ Александрѣ приписанъ тому-же Гермесу: «De rege Alexandro et ejus origine, ex libro Hermeri de dictis philosophorum descripta; Dicta Alexandri ex libro ejusdem Hermeri [2]). Это, быть можетъ, Гермесъ Трисмегистъ; въ сосѣдствѣ Александра онъ невольно напоминаетъ мнѣ Гермеса-Іеремію нашей Александріи — и Гермеса, прадѣда Александра въ коптской генеалогіи послѣдняго [3]).

Назидательный характеръ нашего памятника достаточно выяснился изъ предъидущаго изложенія; онъ сознательно любитъ апофтегму: ею щеголяетъ и Дарій, и Поръ, но особливо Александръ, сложившійся уже у Плутарха въ типическій образъ царя-философа, бесѣдующаго съ брахманами-гимнософистами (Плутархъ, Псевдокаллисѳенъ, Палладій), съ мудрецами (Талмудъ), философами, не даромъ сходящимися у его гроба, чтобы задуматься надъ бренностью земнаго величія (Hist. de Prel., Buenos proverbios, Bocados de oro).[4]). Въ то время какъ средневѣковые жонглёры увлекались представленіемъ блестящаго, щедраго царя [5]), старая

---

1) Сл. Knust, p. 87 и слѣд.

2) ib. 569—570.

3) Сл. Pietschmann, Hermes Trismegistos, стр. 55.

4) Сл. Knust, l. c., стр. 45 слѣд., 301 слѣд.; сл. ib. прим. a на стр. 303—5 и Oesterley, Gesta Romanorum, прим. къ гл. 31.

5) «Податливая рука» Александра (Нов. стр. 45, прим. 2), основная тема похвалъ, расточаемыхъ ему средневѣковыми поэтами, восходитъ къ Плутарху (Alexander, XXXIX, 1: μεγαλοδωρότατος). Сл. у Юлія Валерія и въ армянскомъ переводѣ Псевдокаллисѳена переписку Зевксиса, Аристотеля, Филиппа, Олимпіады и Александра объ излишней расточительности послѣдняго; наконецъ, Cic. de Off. 2, 15, 53: Praeclare in epistula quadam Alexandrum filium Philippus accusat, quod largitione benevolentiam Macedonum consectetur (Zacher, Pseudocall. p. 115, гл. 16 и p. 92—3; сл. Val. Max. l. VII, c. II, ext. 10). Къ характеристикѣ легендарной щедрости Александра въ средневѣковой поэзіи сл. Zingerle, l. c., стр. 3—5 и прим.; Birch-Hirschfeld, Ueber die den provenz. Troubadours des XII—XIII Jhrhs. bekannten epischen Stoffe, p. 18 слѣд. (passim); французскую Александрію (ed. Michelant) passim, стр. 1, 3, 5, 9, 13, 16, 18, 128, 129, 184, 190, 221, 250, 261—2, 264, 313, 314—315, 358, 391, 413, 414, 460. 471, 489—90, 491, 501, 523, 530, 532, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 547, 549,

и новая новелла любила ставить его въ положенія, вызывавшія общіе вопросы и философскія сомнѣнія. Сл. разсказъ Цицерона (Tuscul. 5, 32) и Валерія Максима (IV, III, ext. 4) объ Александрѣ и Діогенѣ [1]; Цицерона (De republ. 3) и бл. Августина (De civit. Dei, 4, 4): о немъ-же и морскомъ разбойникѣ [2]; объ одномъ рыцарѣ Александра и жонглёрѣ [3]; о Евреѣ и язычникѣ на пути между Каиромъ и Вавилономъ: притча на тему «Правды и Кривды», которую Аристотель разсказываетъ Александру у Gower'а [4], тогда какъ Buenos proverbios [5] выводятъ самого Александра въ бесѣдѣ съ наслѣдникомъ древнихъ царей, отказавшимся отъ власти и проводящимъ все время — въ склепѣ, гдѣ онъ перебираетъ кости, стараясь узнать, какія изъ нихъ принадлежали царямъ, какія рабамъ — и не находя между ними никакой разницы [6].

Этотъ идеализованный образъ Александра полюбился отцамъ церкви: Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Златоустъ приводятъ примѣры его мудрости, справедливости, воздержанія и милосердія, и цитуютъ его изреченія. Его слабости и порочныя увлеченія не забыты, но не всегда ведутъ къ отрицательной характеристикѣ, какъ у Евсевія и Орозія [7]: чаще онѣ упоминаются какъ-бы затѣмъ, чтобы оттѣнить положительныя стороны идеала: и такого-то героя, мудреца одолѣлъ порокъ, скосила смерть!

Καὶ σὲ Δρακοντιάδη, μένος ἄσχετε, ὤλεσεν οἶνος,

---

550. Сл. еще Kuno Meyer, Irische version der Alexandersage (изъ сборника Dean of Lismore), стр. 5:

Alexander, der freigebige, grosse,
Er spendete Silber und Gold.

1) Сл. Oesterley, Gesta Rom., прим. къ № 183 и прим. D'Ancona'ы къ № LXVI Cento novelle antiche.

2) Сл. Oesterley, l. c. № 146.

3) Li romanz d'Alexandre, ed. Michelant, p. 222 = Cento novelle antiche № IV.

4) Confessio Amantis, ed. Pauli, b. VII, стр. 193 слѣд.

5) Knust, l. c., стр. 39—40 = Bocados de oro, ib. стр. 307—8.

6) Сл. еще Oesterley, l. c. № 9, 11, 96, 203 и друг. и также прим.

7) Orosii, Hist. adv. pag. III, 7, 5: gurges miseriarum atque atrocissimus turbo totius Orientis!

поетъ о немъ Григорій Назіанзинъ, а Косьма Іерусалимскій поясняетъ это такимъ образомъ [1]): «Δρακοντιάδης ἐστὶν ὁ Ἀλέξανδρος· ὁ γὰρ Ζεὺς ὄφει ἐξομοιωθεὶς τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν Φιλίππου γυναῖκα ἐμοίχευσεν. Ὁ οὖν Ἀλέξανδρος ἐπιτηδειότητα πολλὴν ἐκ φύσεως κεκτημένος καὶ φρόνησιν, πάσης σχεδὸν τῆς οἰκουμένης ἐκράτησεν· ἦν δὲ καὶ σώφρων, ἀλλ' ὅμως οἰνόφλυξ. Οὗτος οὖν τοῦ ζῆν κακῶς ἀπηλλάγη, τῇ μέθῃ διαφθαρείς· τινὲς δέ φασιν, ὅτι καὶ τὸ σῶμα λελώβητο ὑπὸ τῆς τρυφῆς. Ὁ τοίνυν τοιοῦτος καὶ τοσοῦτος, φησὶν ο θεῖος Γρηγόριος, καὶ πάσης κρατήσας τῆς γῆς, οἰκτρῷ τέλει τὸν βίον κατέστρεψεν». — Это почти та-же идея, что въ нашемъ Преніи живота и смерти: «Александръ Македонскій и оудалой и храбръ и всей подсолнечной царь и государь былъ, да и того азъ взяла!», похваляется смерть [2]).

Это представленіе чего-то роковаго усиливалось, въ иной связи, тѣмъ мѣстомъ, какое выпало на долю Александра въ талмудическихъ и христіанскихъ толкованіяхъ Даніиловыхъ пророчествъ. Вся его историческая роль явилась въ фаталистическомъ освѣщеніи: побѣдитель персовъ, создавшій всемірное господство македонянъ, онъ пришелъ какъ-бы за тѣмъ, чтобы уготовить такое-же господство римскаго имени. Римляне славны уже тѣмъ однимъ, что переяли власть македонянъ, говоритъ Златоустъ въ одномъ мѣстѣ [3]), которое мы приводимъ, какъ особенно характерное для репутаціи Александра именно въ христіанской средѣ: «Ἃ γὰρ ὁ Μακεδόνων βασιλεὺς εἰργάσατο, πάντα ὑπερέβαινε λόγον, ἀπὸ μικρᾶς μὲν ὁρμηθεὶς πόλεως, τὴν δὲ οἰκουμένην καταλαβών. Διὰ τοῦτο καὶ πτηνὴν πάρδαλιν αὐτὸν ὁρᾷ ὁ προφήτης τὸ τάχος καὶ τὸ σφοδρὸν καὶ τὸ πυρῶδες καὶ τὸ ἄφνω που διαπτῆναι τὴν οἰκουμένην μετὰ τροπαίων καὶ νίκης δηλῶν. Λέγουσι δὲ, ὅτι καὶ φιλοσόφου τινὸς ἀκούσας λέγοντος, ὅτι ἄπειροι κόσμοι εἰσὶ, πικρὸν ἐστέναξεν,

---

[1]) Cosmae Hierosol. Comment. in S. Gregorii Nazianzeni carmina, у Migne, Patrol. gr. t. XXXVIII, стр. 434—5.

[2]) Пам. стар. русск. литер. II, стр. 439.

[3]) In Epist. I ad Thessal. c. I, homil. II, у Migne, Patrol. gr. t. LXII, стр. 399.

εἴ γε ἀπείρων ὄντων, μηδὲ ἑνός του κεκράτηκεν [1]). Οὕτως ἦν μεγαλόφρων καὶ μεγαλόψυχος, καὶ πανταχοῦ τῆς οἰκουμένης ᾔδετο. Τῇ γοῦν τοῦ βασιλέως φήμῃ συνανῄει καὶ ἡ τοῦ ἔθνους δόξα· Ἀλέξανδρος γὰρ ὁ Μακεδὼν ἐλέγετο· ὥστε διαβοωμένου ἐκείνου, εἰκότως καὶ τὰ ἐκεῖ γενόμενα πανταχοῦ ᾄδεσθαι· τῶν γὰρ ἐπισήμων οὐδὲν δύναται λαθεῖν».

Всё это указываетъ въ христіанскомъ обществѣ на своеобразный интересъ къ Александровой легендѣ, отрывочныя упоминанія которой у церковныхъ писателей даютъ матеріалъ для исторіи ея позднѣйшихъ версій. Такъ показаніе Златоуста [2]): Ἀλέξανδρον τρισκαιδέκατον ἐνόμισεν εἶναι θεὸν ἡ σύγκλητος Ῥωμαίων — относитъ насъ всего скорѣе къ римскому эпизоду нашей Александріи (= C[1]), тогда какъ прикладъ Григорія Назіанзина о великодушномъ поступкѣ Александра съ Поромъ [3]) указываетъ на точку зрѣнія Epistola и ея источниковъ.

Въ такой средѣ становится понятно сложеніе «христіанизованныхъ» Александрій, вродѣ нашей и включенной эпизодомъ въ житіе Макарія римскаго; понятна своеобразная историко-политическая идея Псевдо-Меѳодіевыхъ откровеній [4]), дѣлающая Олимпіаду-Хусиѳу матерью не только Александра, но и Византіи, сыновья которой властвуютъ въ Римѣ, Царьградѣ и Александріи, — какъ съ другой стороны насъ не поразятъ ни церковныя изображенія легенды о полетѣ Александра на грифахъ,

---

[1]) Сл. Val. Max. l. VIII, c. XIV, ext. 2.

[2]) In Epist. II ad Cor., Hom. XXVI, у Migne, Patrol. gr. t. LXI, p. 580.

[3]) Contra Iulianum I, c. XLI (Migne, Patrol. gr. t. XXXV, p. 565): «Καὶ ἅμα τὸ θαρρεῖν εἶχεν, εἰ δεῖ τὸ μεῖζον εἰπεῖν, οὐ τοσοῦτον ἐκ τῆς ἐκείνου πίστεως, ὅσον ἐκ τῆς ἰδίας δυνάμεως· ᾗ μοι δοκεῖ καὶ Ἀλέξανδρος θαρρήσας ὁ πάνυ δοῦναι μὴ μόνον τὸ ζῆν ἡττημένῳ Πώρῳ, καὶ ταῦτα νεανικῶς οὕτως ἠγωνισμένῳ περὶ τῆς βασιλείας, ἀλλὰ καὶ τὴν βασιλείαν αὖθις Ἰνδῶν· ὡς τὸ μεγαλόψυχον οὐκ ἄλλως ἢ οὕτως ἐπιδειξόμενος, ᾧ κρατηθῆναι χεῖρον ἐνόμιζεν Ἀλέξανδρος ὢν ἢ τοῖς ὅπλοις· τοῦ δὲ εἰ κακὸν λάβοι, χειρώσασθαι πάλιν ἐπ' αὐτῷ τυγχάνοντος. Καὶ ἦν αὐτῷ ἡ περιουσία τοῦ θαρρεῖν τὸ φιλάνθρωπον». Сл. Plutarchi Alex. LX, 5; Justin. 12, 8; Oros. Hist. adv. pag. III, 19, 4; Malala ed. Bonn. 194; Cedren. ed. Bonn. I, 266.

[4]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, I, I, 308.

примѣнительно къ Исайѣ гл. XIV [1]), ни помѣщеніе одного изъ чудесныхъ эпизодовъ Александріи въ цвѣтникѣ XVI в., среди чудесъ, совершившихся въ Печерской обители, съ заглавіемъ: А се иное чюдо Александра.

Александръ христіанизовался, хотя и не настолько, на сколько его совопросникъ въ романѣ: Гермій — Іеремія.

---

[1]) Извѣстны такія изображенія въ соборѣ св. Марка (Венеція), Дмитровскомъ — и въ монастырѣ Дохіарѣ. Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 213—214, прим. 2; Сырку, Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1880 г. Окт., стр. 85; Meissner, Bildliche Darstellungen der Alexandersage in Kirchen des Mittelalters, въ Arch. f. das Studium d. neueren Sprachen, B. 68 (1882), стр. 181 слѣд.

XI.

КОНЧИНА АЛЕКСАНДРА.

Pseudocall. III, 31: τοῦ δὲ Ἀντιπάτρου ἐπαναστάντος Ὀλυμπιάδι τῇ μητρὶ Ἀλεξάνδρου, ἐποίησεν εἰς αὐτὴν ὅπερ ἐβούλετο. Καὶ τῆς μητρὸς Ἀλεξάνδρου πλεονάκις γραφούσης αὐτῷ περὶ τοῦ Ἀντιπάτρου (ἤχθετο γὰρ ὡς μήτηρ περὶ Ἀλεξάνδρου) καὶ βουλομένης αὐτῆς διελθεῖν εἰς τὴν Ἤπειρον, διεκώλυσεν αὐτὴν ὁ Ἀντίπατρος. Александръ узнаетъ объ этомъ изъ писемъ матери, а Антипатръ, боясь отвѣтственности, рѣшается отравить царя и посылаетъ съ своимъ сыномъ ядъ Александрову чашнику Іоллу (Ἰόλλας, Ἰούλλος), котораго тотъ незадолго передъ тѣмъ обидѣлъ, ударивъ его жезломъ по головѣ. Іоллъ сговаривается съ другимъ обиженнымъ, Мидіемъ (Μήδιος), который приглашаетъ Александра къ себѣ на пиръ, гдѣ Іоллъ подаетъ ему чашу съ отравой.

c. 32 (C) «καὶ εὐθὺς ὁ ἀὴρ ἐμελανοῦτο, καὶ οἱ ἀστέρες τὸ πραχθὲν μὴ φέροντες βλέπειν τὴν ἑαυτῶν ἤμβλυναν λαμπρότητα. Ἐγνωκὼς δὲ Ἀλέξανδρος τὸ εἰς αὐτὸν πραχθέν, οἰμώξας σὺν δάκρυσιν ἔφη τοῖς συναναχειμένοις· «Ἀνάστητε, λέγων, ὦ φίλοι μου, λοιπὸν τοῦ καθεύδειν· οὐκέτι Ἀλέξανδρος μεθ' ὑμῶν, οὐκέτι τῆς φωνῆς μου ἀκούσετε, οὐκέτι λοιπὸν σὺν ἐμοὶ ἔσεσθε. Οἶμοι, πρὸς ᾅδην κατεπείγομαι φθάσαι. Καί, ὦ Ρωξάνη, ἔφη, μικρὸν ἐμοὶ χάρισαι σεαυτήν». Καὶ ὑπ' αὐτῆς κατεχόμενος κατεκλίθη εἰς τὸ παλάτιον αὐτοῦ. Ταῦτα

Μακεδόνες ὡς ἤκουσαν, τοῦ δείπνου εὐθὺς ἐξανίσταντο, καὶ τὸν θρῆνον ἐκ πολλοῦ πόνου ἐλεεινῶς ἐποίουν, καὶ «Ὢ οἷόν τι γέγονεν, ἔλεγον, καὶ τίς ἡμῶν ἔσβεσε τῆς ἡμέρας τὸν λύχνον; Τίς τὴν τῶν Μακεδόνων καταλαβεῖν ἠθέλησε δύναμιν; Τίς δὲ καὶ τὴν ἡμῶν χαρὰν εἰς πένθος μετέστρεψε; Διὰ τί δὲ καὶ ἡ ἑσπέρα ταύτη γέγονεν ἡ παγκακίστη, ἡ φονεύτρια; Διὰ τί δὲ ὁ ταῦτα κατατολμήσας παραχρῆμα ἀνάρπαστος οὐκ ἐγεγόνει, ἀλλὰ τελευτήσαντος Ἀλεξάνδρου, αὐτὸς τοῖς ζῶσι συνεῖ;» Плачъ македонянъ; на другой день Александръ велитъ призвать къ себѣ Пердикку, Птолемея и Лисимаха; всѣ македоняне проходятъ мимо ложа, поставленнаго на возвышеніи; одинъ изъ нихъ обращается къ царю съ хвалебною рѣчью; Александръ подаетъ ему руку.

с. 33 (C) Καὶ ταῦτα εἰπόντος τοῦ Ἀλεξάνδρου ὁ Βουκέφαλος ἵππος μέσον πάντων δρομαῖος εἰσῆλθε καὶ πλησίον Ἀλεξάνδρου ἐπιστὰς ἤρξατο τοῖς δάκρυσι καταλούειν τὴν κλίνην.—Посланіе Александра къ Олимпіадѣ (повторяющее вкратцѣ предыдущія) и раздѣлъ власти: Птолемею-Филиппу онъ назначаетъ Египетъ, Филону-Визу Македонію; ему-же онъ поручаетъ отвести Роксану и ея мать къ его матери Олимпіадѣ. — Александръ прощается со всѣми македонянами; молодой Хармидъ, сынъ Поликрата, бросается къ нему на шею съ плачемъ. Распорядившись, чтобы тѣло его перенесено было въ Александрію, Александръ обращается съ прощальною рѣчью и къ Вукефалу, который, схвативъ прибѣжавшаго въ то время Іолла, убиваетъ его на глазахъ хозяина и самъ падаетъ мертвый. Слѣдуютъ чудесныя знаменія, появленіе большой звѣзды и т. п.; когда она скрылась, Александръ испустилъ духъ свой.

с. 34. Персы и македоняне спорятъ о томъ, гдѣ схоронить тѣло Александра; оракулъ вавилонскаго Зевса велитъ отвезти его въ Мемфисъ, откуда первосвященникъ мемфисскаго храма направляетъ его въ городъ, имъ созданный. Εὐθέως οὖν ὁ Πτολεμαῖος ἄγει αὐτὸν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ ποιεῖ τάφον ἐν τῷ ἱερῷ τῷ καλουμένῳ Σῶμα [=Σῆμα] Ἀλεξάνδρου, κακεῖ τὸ σῶμα ἤτοι τὸ λείψανον Ἀλεξάνδρου καθίδρυσεν. — с. 35 говоритъ о числѣ годовъ

жизни и царствованія Александра, о народахъ, имъ покоренныхъ, Александріяхъ, имъ созданныхъ, о днѣ рожденія и смерти.

У Юлія Валерія разсказъ объ отравленіи Александра сокращенъ; причина непріязни Антипатра передается иначе: «occasio moriendi talis fuit. Mater ejus ad eum scripserat super Antipatri et Divinopatri (?) simultatibus, petebatque ut ob id ipsum ad Epirum ire contenderet. Sed enim Alexander cum ad virorum jurgium deduci vellet, statuit Antipatrum ad sese venire ex Macedonia» и т. д. (Müller, Pseudocall. p. 144—145). Французскій романъ (ed. Michelant, стр. 501) удерживаетъ имена обоихъ измѣнниковъ, злоумышлявшихъ противъ Александра и вызванныхъ имъ вслѣдствіе извѣщенія матери. Въ интерполяціи французскаго текста, вслѣдъ за Хожденіемъ въ рай, разсказывается: Александръ обѣщаетъ подарить Граціану два города, по его выбору. Онъ указываетъ на Тиръ и Сидонъ, которыми владѣли измѣнники, Divinuspater и Antipater. Александръ предлагаетъ имъ въ обмѣнъ всю Халдею; они просятъ сроку на размышленіе, но въ тайнѣ негодуютъ и затѣваютъ отравить царя, который, вернувшись въ Вавилонъ, получаетъ посланіе Олимпіады [1]. — По Плутарху (Alexander LXXIV, LXXVII) у Антипатра сыновья Ἰόλας и Κάσανδρος; шесть лѣтъ спустя по смерти сына Олимпіада велитъ разметать прахъ Іола по подозрѣнію въ отравленіи Александра, которое Іолъ совершилъ, а затѣялъ Антипатръ по наущенію Аристотеля. У Юстина (l. XX, 14) Антипатръ посылаетъ ядъ съ своимъ сыномъ Кассандромъ, qui cum fratribus, Philippo et Iolla, ministrare regi solebat. Въ Hist. de prel. (Langraf, стр. 126—7; Zing., стр. 258—9) Олимпіада предупреждаетъ сына объ измѣнническихъ замыслахъ Антипатра въ Македоніи, послѣ чего онъ посылаетъ къ Александру сына Кассандра съ ядомъ, при помощи котораго онъ и его братъ Іолъ (Zing. ut loqueretur Hyolo fratri suo, qui vocabatur Iobas), уже находившійся въ услуженіи царя, должны отравить его.

---

[1]) P. Meyer, Études, p. 24—25.

Эта версія разсказа и эта двойственность именъ, перешедшія въ нѣкоторыя европейскія передѣлки Александріи [1]) и болѣе согласныя съ историческимъ преданіемъ [2]), чѣмъ разсказъ Псевдокаллисѳена, приближаютъ насъ къ сербской рецензіи, также говорящей о двухъ братьяхъ, но ихъ имена другія; Антипатра нѣтъ, причиной Александровой смерти является женщина, мать Левкадуша и Вринеуша. Откуда взялись эти имена — я не знаю, преданіе могло колебаться относительно ихъ. Въ отрывкахъ одного латинскаго стихотворенія объ Александрѣ, напечатаннаго по веронской рукописи и относимаго къ IX вѣку [3]), читаемъ:

Fere morte dolus magnus—luctusque miserabilis,
at Spanus et Ginneus inierunt consilium
grifus prendidit altum ascensum, viditque mirabilia.

Цахеръ такъ предлагаетъ возстановить испорченный текстъ:

Fertur modo dolus magnus ludusque mirabilis;
iniit consilium, ut in sporta juncea
gryphis prendat altum ascensum: vidit mirabilia.

Опытъ исправленія, очевидно, мотивированъ тѣмъ, что слѣдующая строфа (Hic in altum subiit) говоритъ о попыткѣ Александра вознестись на небо; но уже Царнке замѣтилъ, что въ строфѣ H говорится объ одномъ грифѣ, а не о многихъ, какъ въ F; кромѣ того, между строфами F и H выпала средняя—G (стихотвореніе принадлежитъ къ роду абецедаріевъ-акростиховъ). Въ виду этого полезнѣе воздержаться отъ излишней ломки текста, можетъ быть, сохранившаго въ своихъ испорченныхъ стихахъ случайные отрывки забытаго преданія. Въ самомъ дѣлѣ, первые

---

[1]) Сл. базельскую передѣлку поэмы Лампрехта, ed. Werner (Stuttg. litt. Verein t. CLIV, v. 4390 слѣд.); Grion, l. c., p. 168 слѣд.; франц. прозаическій романъ у Weissmann, Alexander, II, стр. 401.

[2]) Q. Curtius, 10, 10, 17; сл. Droysen, Alexander der Grosse, 88. Въ сирійскомъ переводѣ Псевдокаллисѳена (Woolsey, l. c. p. 369) Александръ отравленъ Антипатромъ и Кассандромъ.

[3]) Zarncke, Ueber das Fragment eines lateinischen Alexanderliedes in Verona, въ Berichte über die Verhandlungen d. k. sächs. Gesellsch. d. Wiss. zu Leipzig. Philol.-hist. Classe, 1877, I—II, p. 56—69; сл. p. 67.

два стиха строфы F, очевидно, говорятъ о злоумышленіи противъ Александра; Spanus и Ginneus напоминаютъ братьевъ сербской Александріи.

Двое братьевъ-македонянъ, Левкадушъ и Вринеушъ, смолоду воспитывались у Александра: первый былъ «конюш'ки чел'никъ», второй служилъ у него въ чашникахъ. Много лѣтъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ не видали они своей матери Минервы [2]), которая часто вызывала ихъ въ Македонію; «они-же любве Алексен'дрове оттрьг'ноути се не можахоу». И вотъ она «дѣлю чюд'но сьтвори и достоино: отров'ныи ѥдь сь оухишт'рениѥмь оу гликиз'мо примѣси, ѥже наричеть се реф'не», и послала сыновьямъ; въ письмѣ къ нимъ она писала: «вѣдомо да ѥсть вама, сына моꙗ, ꙗко всако богатьство и слава вь своихь слад'ко, вь чоуждихь же вамь соуштимь злато ваше мрьтво лежить. Да клетвою заклинаю вась вь млеко, иже вьздоихь вась, ꙗко да придѣте видѣти ме. Аште ли Алексен'дрь не поустить вась, гликизмо вамь рефне оудахъ; и оть сего Алексен'дроу вькоусити даите, и вь ть часъ вась поустить». Получивъ посланіе, Вринеоушь, не слушая отговоровъ брата, сохранилъ ядовитое ѕелье; былъ онъ «лоукавь и невѣр'нь на сердци своѥмь Алексен'дроу цароу. Просиль бѣше Алексен'дрова отьчьства Макѥдонию многашти. Алексен'дрь же кь нѥмоу рече: в'соу вьселѥн'ноу раздѣлити имамь, Макѥдонию же никомоу не дамь; до сьмрьти моѥѥ имамь владати самь: по сьмрьти же моѥи да владать номь, комоу да богь Алексен'дровь нарокь и крѣп'коу десницоу и остри мьчь». Шесть лѣтъ онъ таитъ про себя свою злобу, но красота Александра удерживала

---

[1]) W, стр. 61 (сл. прим. 1 на стр. 60) представляетъ здѣсь пропускъ и потому не знаетъ Левкадуша; Βρυονούσης — ὁ πικέρνης τοῦ Ἀλεξάνδρου. Сл. греч. нар. книгу, стр. 175: ὁ Λευκαδούσης ἦτον παραστάτορας τῶν ἀλόγων τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ὁ Βρυνούσης ἦτον κερνάτορας, ὁποῦ ἐκέρνα μὲ τὸ χέρι του τὸν Ἀλέξανδρον. Мать не названа. Въ рукописной румынской Александріи (отрывокъ въ спискѣ П. А. Сырку), согласно съ сербскимъ текстомъ: Intr' acea vréme era la Macidonie o muiére pre nume *Venerva*, și era ré fórte, și avia doŭ feciorŭ, unulŭ pre nume Vreonuș, și Levcadus̆. Сл. рум. нар. кн., стр. 108: Мінерва, Вреонус, Левкадус.

его отъ совершенія преступленія. Левкадушъ убѣждалъ брата, но донести на него не рѣшился (гл. 27). Такъ «кдіва оть лоукавыхь жень велико оубиство стьвори, ꙗкоже и древ'лѥ раискиѥ пиште Іев'ви ради оулишихомь се» (приводятся примѣры Соломона, Самсона, Іосифа)[1]). — Однажды на пиру Вринеушь по неосторожности разбилъ дорогую чашу «самотвор'ноу оть ан'драк'са камена», за чтò Александръ покаралъ его немного и тѣмъ еще сильнѣе возбудилъ его злобу; еслибы не Левкадушъ, онъ тотчасъ бы отравилъ Александра. «Тако бо си лоукавь и грьдѣливъ бѣше и алазоникь Вриноушь, ꙗко помиш'лꙗше вь себе глаголѥ: ꙗко аште Алексен'дра отроую, царь в'семоу свѣтоу быти имамь» (гл. 28). — Въ греческой народной книгѣ (стр. 175 слѣд.) весь этотъ разказъ сильно сокращенъ: мать вызываетъ къ себѣ обоихъ сыновей, но мысль объ отравленіи является не у ней, а у Вринуса, оскорбленнаго тѣмъ, что Александръ его ударилъ; о томъ, что Вринусъ просилъ у него Македонію, нѣтъ и рѣчи; этотъ мотивъ извѣстенъ вѣнскому тексту (W, 61): имъ открывается, послѣ большого пропуска, разказъ о смерти Александра. Въ славянскомъ переводѣ Вринеушь дважды обращается къ царю съ одной и той же просьбой, и лишь по вторичномъ отказѣ рѣшается на преступленіе. Легко предположить, что соотвѣтсвующій эпизодъ вѣнской рукописи относится ко второму отказу. — Греч. нар. кн., стр. 177, вводитъ въ разсказъ объ отравленіи, согласно съ Псевдокаллисѳеномъ, и нѣкоего Μήδης (= Μήδιος Pseudocall.).

Изъ Іерусалима приносятъ въ это время вѣсть о смерти Іереміи, котораго Александръ велитъ погребсти въ Александріи (нѣтъ ни въ вѣнской рукописи, ни въ греческой народной книгѣ;

---

[1]) Сл. Пам. старинн. русск. литер. II, 461 (Поученіе отца къ сыну): въ числѣ мужей, пострадавшихъ отъ «злой жены», упомянутъ и Александръ «Слыши. сыне мой, про царя Александра, яко храбръ бѣ, от палестинския страны от востока солнечнаго вся царствия мира сего своею храбростию къ себѣ приклониша, и от жены отравленъ бысть зелиемъ травнымъ і скончася». Очевидно, воспоминаніе изъ сербской Александріи.

рум. нар. кн. стр. 107—8 упоминаетъ этотъ эпизодъ въ другой послѣдовательности, тотчасъ по разсказѣ о торжественномъ пріемѣ Олимпіады). Сл. выше стр. 337.

Въ тотъ-же день какая-то жена приходитъ къ Александру съ жалобой на мужа за то, что караетъ ее много. «Алексен'дрь рече: всакои жене глава ѥсть моужь, мене нѣсть дано жене соудити прѣдь моужеми. А она же си моужа на оубіиство поноудити хотеше, рече: о цароу, мене биѥть, тебѣ же невѣр'нь ѥсть. Алексен'дрь же рече: нѣсть ти дан'но моужоу соудити; вь царстви бо моѥмь жены моужемь не соудеть, горе бо, рече, зем'ли, вь нѥи же жена обладаѥть, жена бо на ѥдиноу потрѣбу [оть Бога сьтвори се дѣтородства ради], моужу потрѣб'на ѥсть и подроуч'на. И се рекь Алексен'дрь ѥзика ѥи оурезати повеле».. (Нѣтъ ни въ вѣнск. рукописи, ни въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 108 за эпизодомъ объ Іереміи).

Въ тотъ-же день приступилъ къ Александру «двородрьжица ѥговь Дан'дароушь» и говоритъ, что ему подобало бы отпустить своихъ властелей домой, гдѣ они не были въ теченіе долгихъ лѣтъ. Александръ отпускаетъ ихъ съ честью и подарками (гл. 29; нѣтъ ни въ вѣнск. рукописи, ни въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 108 вслѣдъ за предыдущимъ эпизодомъ, за которымъ впервые и начинается разсказъ о Вринеушѣ и Левкадушѣ).

Тогда же пришелъ къ Александру и Вринеушь съ прежней просьбой: дать ему въ господство Македонію. Тотъ отказываетъ, предлагая ему въ замѣнъ того другія владѣнія: «нь вьз'ми себѣ Ливию и Кіликію в'соу и великоу Ан'тіохію» (id. W, стр. 61). Вринеушь рѣшается дѣйствовать и, растворивъ ядъ, даетъ его Александру. Почувствовавъ вліяніе яда, Александръ обращается къ помощи врача Филиппа, тогда какъ Левкадушъ, услышавъ о злодѣяніи брата, бросается на свой мечъ (о смерти Левкадуша греч. нар. книга ничего не знаетъ, тогда какъ румынская, стр. 109—110, 112, называетъ вмѣсто Вринеуса—Левкадуса). Филиппъ не въ силахъ помочь Александру, онъ въ состояніи сдѣлать лишь одно, «ѩко да .г. дьни живь боудеши, дон'деже вса

царствіа оуредиши». Горькія сѣтованія Александра, размышленія о суетности человѣческой славы, обращеніе къ македонянамъ: «аште вьзмож'но ви кѥсть сьмрьти отети се дьньсь, да сь вами в'сегда боудоу, за мене дьньсь [сь] сьмрьтію бите се, похитити бо ме оть вась пришла кѥсть». Это возможно одному лишь Богу, отвѣчаютъ они: «нь ты на земли добрѣ пожиль кѥси, и сьмрьть твоѩ поч'тена кѥсть. Бол'ша кѥсть нег'ли иномоу животь. Походи оубо, Алексен'дре, походи на оуготован'нокѥ тебѣ оть бога мѣсто, на зем'ли бо добрѣ царствоваль кѥси и тамо раѩ наслѣдити имаши» (гл. 30).

Филиппъ продляетъ жизнь Александра, посадивъ его въ разсѣченную имъ «мьскоу» (сл. W, стр. 62, греч. нар. книга 180; рум. нар. кн. стр. 111). Александръ дѣлаетъ послѣднія распоряженія, поручая Олимпіаду и Роксану Птоломею и Филону (такъ и въ W, стр. 62; въ греч. нар. книгѣ, стр. 181: Пердикка; рум. нар. кн. стр. 111: Птоломей, Филонъ и Антіохъ) и повелѣвая похоронить себя въ Александріи. «Вѣдомо да есть вамь, говоритъ онъ, ѩко на последьникь летомь перьшане макѥдонѩни обладати имоуть, ѩкоже и міи Перьсидомь обладамо дьньсь» [1]). Прощаніе съ Роксаной. Александръ велитъ привести Дучипала, который, увидѣвъ умирающаго своего господина, «многожел'но повишта [и много порьзавь], ногама зем'лю копакѥ, Алексен'дровь облобизаше од'рь». Обращеніе къ Вринеушу: «о любимыи мои Вринеоушоу, не вѣси ли, колика благаа сьтворихь тебѣ? По что [зло за добро вьз'даль ми кѥси, по что] отрав'нога кѥда напоиль ме кѥси? Нь проклеть да кѥсть господарь, кои храни господскога оубіицоу и блоудника господске коукѥ; проклеть да кѥсть, к'то хранить градоиздавчию. Нь зла оубіи, да се зло прѣкрати». Дучипалъ убиваетъ измѣнника, а Александръ говоритъ: «попи, брате Вринеоушоу, чашоу, юже ми послужиль кѥси. Потоломеи же п'сомь рас'сешти кѥго по-

---

[1]) Сл. W, стр. 62: то-же; въ греч. нар. книгѣ этой подробности нѣтъ; сл. рум. нар. кн., стр. 111 и румынскій текстъ Сырку: érǎ sciți, frațilorŭ, cǎ in vécul de apoĭ vorŭ luóa *Turciĭ* Macidonia și vorŭ fi Macidoneniĭ robĭ Turcilorŭ.

веле» (сл. W, стр. 62—63; греч. нар. кн., стр. 183—184; рум. нар. кн., стр. 112: Левкадусъ). Простившись съ своими вельможами, Александръ умираетъ: «оумрѣ вь земли нарицаеме *Герсемъ*, въ странѣ *халдѣисцѣи*, близоу *Егупта*, вь земли *Мѣюрѣціи сирсціи*, на рѣцѣ *Нилѣ*, на мѣсте, идѣже Іосіфь прѣкрасніи .з. житниць *Фараону* царю сьтвориль бѣше». Греческая народная книга ничего не говоритъ объ Египтѣ въ этой связи; но что разумѣется именно эта мѣстность, намеки на то встрѣтились намъ и раньше: Александръ поручалъ Аристотелю привезти къ нему Олимпіаду *«въ Іегуп'тѣ великыи въ палестин'ской зем'ли»* (Нов. III, гл. 24). Вѣнскій текстъ сходится здѣсь съ славянскимъ: ἐξέψυξεν ὅπου ὀνομάζεται Γὲπ Σὲμ εἰς τὸν τόπον τῶν Χαλδαίων, κοντὰ εἰς τὴν Αἴγυπτον, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Συρίας, ὁποῦ ὀνομάζεται χρυσὸς Νεῖλος[1]), αὐτοῦ, ὅπου εἶχεν ποιήσει ἀπὸ ὁρισμὸν τοῦ Φαραοῦ Ἰωσὴφ ὁ πάγκαλος ὡρία τοῦ Φαραὼ διὰ γένημα (W, стр. 63); сл. рум. нар. кн. стр. 113: ꙟ цара ІерȣсалімȣлȣѴ, апроапе де Егѵпт, ȣнде аȣ зідіт Іосіф чел прѣфрȣмос чѣле шапте жѫтніце але лȣѴ Фараон ꙟпъратȣл. — Герсемъ, Γὲπ Σὲμ = *Гесем* Ягичева текста (стр. 328), библ. Goshen (въ греч. текстѣ: Γεσὲν и Γεσὲμ): область Египта, гдѣ поселился Іаковъ съ своимъ родомъ (Книга Бытія, гл. 45, ст. 10; гл. 46, ст. 28 слѣд. и далѣе). О Гесемѣ сл. Іудиѳь I, 8—10: до *«рѣки египетской и Тафны* и Рамессы и *во всей* землѣ *гессемской*, до входа въ верхній *Танисъ* и Мемфисъ». *Terram Gessen et campos Taneos* упоминаетъ Peregrinatio Sanctae Paulae (T. Tobler et Aug. Molinier, Itinera Hierosolymitana, Genevae, 1879, p. 39); позднѣе (въ концѣ XIII вѣка) Буркгардъ говоритъ о Даміатѣ: hec est terra *Jesse*, in qua olim filii Israel morabantur *Pharaoni* in luto et latere servientes. *In hac etiam postea lapidatus* est *Ieremias* (Laurent, Peregrinatores, p. 94). Александръ умираетъ,

[1]) Сл. выше стр. 199—201: златотечени Нилъ, χρυσυτρεχάμενος, χρυσορρόας. Сл. Chrysoroan fluvium въ Verba Seniorum y Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 100; Chrysorroas (oppidum) на Нилѣ въ космографіи Юлія Гонорія (Riese, l. c., стр. 50, 51).

такимъ образомъ, въ той самой мѣстности, которую легенда связала съ памятью о смерти Іереміи: южную границу Гесема составлялъ каналъ, восходящій ко времени Сета I и, вѣроятно, назначенный соединить Нилъ съ Чермнымъ моремъ; на востокѣ защитой служили озера Суэцкаго перешейка и стоявшія между ними крѣпостцы; къ сѣверу болота, отвѣчающія нынѣ озеру Menzaleh; на западъ танитскій рукавъ Нила; въ этихъ границахъ извѣстны города: Tanis=Zoan=Ramses; Pithom; по коптамъ и 70-и толковникамъ еще и On = Heliopolis, Гермополь Филиппа [1]).

Подъ Египтомъ, въ сосѣдствѣ съ которымъ пріурочивается кончина Александра, несомнѣнно разумѣется египетскій Вавилонъ, персидская крѣпостца, построенная будто-бы Камбизомъ, получившая особое развитіе со времени римлянъ и лишь позже поступившаяся своимъ значеніемъ передъ арабскимъ Каиромъ [2]). По ту сторону Нила, нѣсколько южнѣе Вавилона, стоятъ пирамиды Гизэ—житницы Іосифа старыхъ путешественниковъ, между прочимъ и русскихъ. Такъ въ одной рецензіи (В) космографіи Юлія Гонорія (V—VI в.): inde pyramides quae «horrea Ioseph» dicuntur et palatium regis Thetharcis, id est Pharaonis [3]); у Бернарда (с. 870): «VII horrea adhuc manentia» [4]); у Епифанія: ἀπὸ τοῦ ἁγίου Μακαρίου, ὡς ἀπὸ ἡμέρων τεσσάρων, εἰσὶν αἱ ἀποθῆκαι τοῦ Ἰωσὴφ αἱ τριάκοντα ἕξ· καὶ ἐκ τῶν ἐκεῖσε περνᾷς τὸν ποταμὸν τὸν Φισὼν εἰς γέφυραν βασταζομένην ὑπὸ ὀγδοήκοντα καράβων· καὶ ἐκεῖθεν εἰςέρχεσαι τὴν μεγάλην Βαβυλῶνα, εἰς τὸ βασίλειον τοῦ Φαραώ [5]); у Дикуила: «deinde in Nilo longe navigando septem horrea secundum numerum annorum habundantiae, quae sanctus Ioseph fecerat, de longinquo admirantes, tam quam montes viderunt, quattuor in uno loco ac tria in altero» [6]); у Веніамина Ту-

---

[1]) Ebers y Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums, a. v. Gosen.
[2]) Butler, The ancient Coptic churches of Egypt (1884), I, стр. 171 слѣд.
[3]) Riese, Geographi latini minores, стр. 51.
[4]) Itinera Hierosolymitana etc. ed. Tobler et Molinier, I, 312.
[5]) Allatii, Σύμμικτα l. I, p. 55.
[6]) Diculli liber de mensura orbis terrae, ed. Parthey, p. 26.

дельскаго [1]): la nouvelle Misraim (Каиръ) est éloignée de deux lieues de l'ancienne Misraim (Вавилонъ) qui n'est plus qu'un désert. Il y reste cependant encore plusieurs vestiges d'anciennes murailles, aussi bien que de maisons, avec beaucaup de monuments, des greniers batis par Joseph, qui sont encore sur pié. Митрополитъ Эфесскій Даніилъ, упоминая о «житницахъ Іосифа», указываетъ и на настоящее значеніе пирамидъ: «по ту сторону Нила, напротивъ такъ называемаго стараго Египта,.... миль на семь къ югу, стоятъ и такъ называемыя пирамиды, то-есть житницы древняго Іосифа, сына Іакова; но онѣ, какъ я думаю, построены были сначала не для этой потребы, чтобъ служить житницами, но были большими и дорого стоющими гробницами [2]).

У Псевдокаллисѳена Александръ умираетъ въ Вавилонѣ; оракулъ вавилонскаго Зевса велитъ похоронить его въ Мемфисѣ, но мемфисскій первосвященникъ приказываетъ перенести его прахъ въ Александрію. — Въ нашемъ текстѣ Александръ умираетъ также возлѣ Вавилона — но Вавилона египетскаго: послѣднее изъ тѣхъ мѣстныхъ пріуроченій, которыми такъ богатъ нашъ романъ. — Тѣло царя переносятъ въ Александрію, εἰς τὴν Ἀλεξανδρίαν (W, стр. 62; такъ и въ греч. нар. кн., стр. 182), либо: εἰς τὴν Παλαιστίνην, εἰς τὸ κάστρο τὴν Ἀλεξανδρίαν (W, стр. 63—4), что отвѣчаетъ приблизительно опредѣленію славянскаго текста: «въ *Іегуп'ть* великыи вь *Палестин'скои зем'ли*». Надъ нимъ плачетъ Олимпіада, причитаетъ Роксана и, «парамахерь (W, стр. 64, греч. нар. кн. 186: παραμάχαιρον) Алексен'дровь вьзьм'ши и на нь налег'ши, врьхь Алексен'дра оубоде се». Птоломей и Филонъ положили ихъ тѣла въ золотомъ ковчегѣ, въ великомъ столбѣ, который сооружаютъ посреди Александріи, «идеже и до дьньсь тоу стоитъ». Въ Александріи воцаряется Птоломей—«по сьмрьти же Алексен'дрове на четири ста царствіа

[1]) Bergeron, Voyages, t. I, p. 60.

[2]) Разсказъ и путешествіе по Святымъ мѣстамъ Даніила, митрополита эфесскаго, изд., перев. и объяснилъ Г. Дестунисъ (изд. Православн. Палестинск. Общ., вып. 8-й, СПБ. 1884), стр. 28.

раздѣлише се и зем'лк. И никомоу, о чловече, сы свѣть не боуди оу вѣкь, да блюди се да не замѣнишь за покои троудь»! (Нов. III, гл. 31).

Нельзя не признать въ послѣдней части сербской Александріи, то-есть, въ разсказѣ о смерти Александра, сознательной стройности плана. Александръ отказывается отъ борьбы съ Амазонками: побѣдитель мужей не желаетъ быть побѣжденнымъ женщинами — а въ бесѣдѣ съ Птолемеемъ говоритъ ему, что одна изъ нихъ въ состояніи его одолѣть (II, гл. 7). И женщина является впослѣдствіи причиной гибели македонскаго героя. Замѣтимъ въ концѣ романа искусное накопленіе знаменательныхъ эпизодовъ въ одинъ и тотъ же день: Вринеушь замышляетъ убійство; приходитъ вѣсть о кончинѣ Іереміи, духовнаго руководителя Александра; эпизодъ о женѣ снова даетъ Алексанру поводъ высказаться о «женской злобѣ»; Дандарушь и Вринеушь какъ бы нарочно сопоставлены передъ сценой отравленія.

Я попытался указать на художественныя стороны лишь одного небольшаго отрывка сербскаго текста; но я полагаю, что и взятый въ цѣломъ, онъ смѣло можетъ стать на ряду съ прославленными Александріями запада, съ поэмой Лампрехта и Libro de Alejandro.

XII.

НѢСКОЛЬКО ВЫВОДОВЪ.

Эти достоинства плана должны быть, разумѣется, вмѣнены подлиннику сербскаго текста. Что этотъ подлинникъ былъ греческій, въ этомъ не оставляетъ сомнѣніе сближеніе съ греческими, дошедшими до насъ пересказами Александріи того-же типа. Къ подобному выводу уже раньше пришелъ г. Ягичъ, опираясь на грецизмы славянскаго перевода. Нѣкоторыя изъ его объясненій упрочиваются либо видоизмѣняется и число примѣровъ можетъ быть умножено. Сл. у Ягича, l. c., стр. 214: *терыѩха* нѣкоѥго надь ними постави *a*, етїарха *b*, етеринѩр'ха *m* — «i to je grčka rieč ἑταιριάρχης?»; у Новаковича, стр. 42 варіантъ *m*: етеріархоу; W, стр. 39: 'ταιρεάρχην (bis); греч. нар. книга, стр. 62: ἑταιριάρχης (сл. выше стр. 210) — Jagić, l. c., объясняя темное выраженіе: *подь кнпаз'момь кор'кодиловемь* (вар. хакизмомь, хакїзмомь, кепазмомь, кеназномь; Jagić, Opisi I, 24, 25, 26: халкизмомь, хакузмь, хакизмы, хаизмы; Нов. 33: вар. халкизмомь) — указываетъ на греч. χαλκισμός; сл. W, стр. 30: μὲ τοῦ κορκονδείλου τὸ σκέπασμα, и тамъ-же: ἄλογα.... σκεπασμένα, μὲ ὁλόχρυσα σκεπάσματα ἔμορφα [1]). — *О енкардиѡсь енѡсись* (ἐγκάρδιος ἕνωσις) = W, μία καρδία сл. Jagić, l. c. и выше стр. 134 и 199—201. — Можетъ быть, недоразумѣніемъ славян-

[1]) О коркодиловой, *корконднловой* кожѣ сл. выше стр. 170.

скаго текста слѣдуетъ объяснить непонятное названіе камня *регетонскаго, регютоскою*, съ котораго Александръ свергаетъ Нектанеба (сл. выше стр. 152). То-же слово встрѣчается еще разъ въ варьянтахъ къ эпизоду о хожденіи Александра къ блаженнымъ (сл. текстъ Ягича, стр. 282): «отока никога дондоше висока, велика», вар.: «доћоше к неекому високу *риганту*» (греч. нар. кн. стр. 116: εἰς ἕνα βουνὸν ὑψηλόν): греч. ῥηγμίν, ῥηγμός — или ῥαγάς? — *Стерна* (Jagić, Opisi I, 25: стерны), цистерна = греч. στέρνα (сл. выше стр. 256). — Ексодъ = ἔξοδος (сл. выше стр. 386). — Дучипалъ вм. Вукефалъ = Βουκέφαλος (Нов. стр. 33, 105, 148; но стр. 14, 31: вологлавый конь, 56, 67: великій). — Странное названіе для города: *Филипусъ* (Jagić, стр. 234; Рум. 175: кь Филиппусу граду), Филипоусть (Нов., стр. 21) не что иное какъ Acc. Plur. Φιλίππους: W, стр. 16 εἰς τοὺς Φιλίππους; сл. стр. 1 μὲ τοὺς Φιλίππους καὶ μὲ τὴν Φιλιππόπολιν, какъ Ѥѯерѯень = Artaxerxen (сл. выше стр. 141). — Вѣнская рукопись позволяетъ намъ удалить изъ обращенія вкравшееся въ славянскій тексты собственное имя: Нов., стр. 40: «и изнесоше кмоу вѣн'ць *ктриве госпоік*»; варіанты вмѣсто ктриве: кћере, тежде, тећере (сл. Jag. 250); можетъ быть: ктере? W: βασιλίσσης ἐκείνης (сл. выше стр. 207—8).

Въ словарѣ вѣнскаго текста попадаются, рядомъ съ реченіями восточнаго (сл. γουγγιάρης, выше, стр. 387 и прим. 1) и славянскаго происхожденія (προβοδήζω, стр. 18, 45=Нов. 21 послю, 49: проводи вм. провиди; ζακόνια, стр. 29, 30 = Нов. 32 законы; βοηβόντας, стр. 34=Нов. 36: воеводоу и passim), средневѣковыя латинскія (πρωτοκαβαλλαραῖοι 12 = Нов. 15 витези; φουσάτο 17 и passim = Нов. 20 воиско; σκουτάρια 17 = Нов. 20 штиты; κάστρον passim; τοῦ παγονίου τὰ πτερὰ 36 = pavonis, Нов. 39 паоуновоу ...перію, Jag. 249 id.) и, несомнѣнно, италіанскія либо романскія: W, 13: πουτάνα = Нов. 16: блоуд'ница; μπαρμποῦται p. 18 (barbuta)=Нов. 21 шлемови; τόρτζα 30 (torcia)= Нов. 33 свѣште; κουβερτιασμένα 38 = Нов. 42 кипазма = σκέπασμα; τέντα 39 = Нов. 42 шаторъ; φλορὶ 39 = Нов. 42:

златица; τάβλα 39 = Нов. 42 трапеза, Jag., 251 столъ; φαλτζία 43 = falsia; ζούστρα 59 = giostra и т. п. — Эти романизмы и италіанизмы не совпадаютъ ни въ греческихъ текстахъ между собою (W, 4: βαγίτζαις = греч. нар. кн., 11 σκλάβαις; W, 13 τάβλα = греч. нар. кн. 23: τράπεζα; W, 18: σουσάνια καὶ μπαρμπούταις = греч. нар. кн. 31: σουσάνια ἤγουν σιδηροποκάμισα μὲ περικεφαλαίας; W, 18: λιζάτον = греч. нар. кн. 32: λιζάτον ἤγουν χαράτζι; сл. W, 21 = греч. нар. кн. 36; W, 19: πιττάκιν = греч. нар. кн. 33: ἐπιστολήν; W, 20: βίτζανα = греч. нар. кн. 35 βέργα и т. п.), ни съ встрѣчающимися въ текстахъ сербской Александріи, расходящихся въ свою очередь: таблица, мештръ (Jag. 228; Нов. р. 12: на кседесь, вар. кеньдосе, дьсце[1]); дидаскалъ), мештар (Jag., 222; Нов. 5: майстор; сл. Нов. 21: ковачи, вар. масторіе, W, 18: μάστορες, греч. нар. кн. 31 id.), турнати се (Jag., р. 230, Нов. 15; сл. W, 11); выраженія для башни: Jag., р. 242 у турне = Нов. р. 31 оу коулоу; Jag., 292 турне = Нов. р. 100 пир'гове; Jag. стр. 254: туран = Нов. 45: пир'гь, стльпь.— Балиштра (Jag. 241; вар. банестра, чага; сл. Нов. 29; К. Бѣл. л. 49 об. венетра; Jag. Op., I, 24 бенестра), вертуды (Jag., 244, Нов. 33 дѣйствія), баруни (Jag., 268; ib., 270 = Нов. 67 властели), штентати (Jag., 306, Нов. 119 крьс'мати), шпия (Jag., 312 = Нов. 135 на сходу), шкалина (Jag., 319 = Нов. 135 степень); спенза = страћене (сл. выше стр. 386); тарулев вар. блюдь (Jag., стр. 296); магерь (Jag. Opisi, I, стр. 26) = шафар (Jag., въ изд. текста, стр. 286) и друг. — Италіанизмы рудницкаго текста, изданнаго г. Ягичемъ, должны быть отдѣлены отъ того-же явленія, замѣченнаго нами въ греческомъ подлинникѣ, какъ фактъ болѣе поздній и мѣстный.

Особыя соображенія вызываетъ географическій и личный словарь греческой повѣсти по отношенію къ ея славянскому переводу.

---

[1]) Сл. выше стр. 150—1 и варьянтъ Рум. ркп. 175: слнце и луну узна накинтіи ськрасонь, Арись, Афродить, Ермись и вьса сія на дасце ношаше.

Ἀπὸ τὴν Ἐγκλητέραν, W, стр. 12 = негліторскій Нов., стр. 15; τῆς Ἐγκλιτέρας стр. 33 (новогреч. нар. книга, стр. 55 εἰς τὴν Ἰγλητέραν)=Нов., стр. 36 вь Негліторʼви, Jag., 246: у Инглитеру (сл. выше стр. 201—2).—О загадочной *«лакиміи»* (пако въ лакиміахь твоихь конь чюдʼнъ роди се, Нов. 13; Jag., стр. 229: у свирепицах твоихъ, сл. Jag., стр. 213), въ которой Каппъ (l. c. стр. 54) усматривалъ названіе мѣстности, см. выше, стр. 152.— *Сивила* Нов. 33, Jag., 244 (у Ягича: южская царица) = W, стр. 30: τῆς βασίλισσας τῆς Σοβιλίας (сл. Marsobilia = Сивилла италіанской народной поэмы [1]).—Когда Александръ является въ Римъ, его встрѣчають властители τῆς Ταρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ὅλων) καὶ τῆς Πουλίας ὅλον τὸ ῥηγάτον καὶ οἱ Γότθοι ὅλοι (W, стр. 29); греч. нар. кн. 48: τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Πουλίας, ὅλον τὸ Ῥιακὸν (?=ῥηγάτον) καὶ ἡ Γόλθη (sic) ὅλη (сл. выше стр. 188 и прим. 2; стр. 192, 194 и прим. 1). *Морейскіе, ѳракійскіе* (тракисци) и *далматинскіе* цари напоминають нашу повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ: Тевризъ вавилонскій *Мореистровичъ*, цари *траклинскіе* и *долматинскіе* [2]). Интересно, что Менелай, названный въ славянскихъ текстахъ царемъ лакедемонскимъ (Нов. 38, Jag. 248), является въ греческихъ съ опредѣленіемъ ἐκ τὴν Μωρέαν (W, стр. 35; греч. нар. кн. стр. 58). Сл. выше: τοῦ Μωρέως = моуреисци, муриски. Въ особомъ пересказѣ троянской притчи, напечатанной Сырку, царь Сіонъ = Менелай, мужъ Егилуды, царитъ въ Аморіи, Амореѣ, Мореѣ, гдѣ властвуетъ и его братъ Іогъ [3]); Морея греческой Александріи осложнилась воспоминаніемъ о библейской Аморреѣ. — *Фригія:* Φραγγία, Φρυγγία, Φαρυγκία; πρὸς τῆς Φραγγίας стр. 35—6 W = Нов. 37—38 къ стране придійской (= Jag., стр. 248), краля *африкіискаго* (Jag. l. c. *придиискога*),

[1]) См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, i, стр. 249; Sobilia въ Rinaldo da Montalbano.

[2]) Сл. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, въ Слав. сборникѣ, II (1876 г.), стр. 129—130; сл. стр. 151.

[3]) Сл. мой отчетъ объ изданіяхъ Сырку въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Январь, стр. 76—77.

африкіискоую землю (вар. *фиридискоу;* Jag. l. c. *-придиискy*). Сл. мою замѣтку въ Южно-русскихъ былинахъ, V, p. 80—1 и выше стр. 248: Пинику достается нѣмецкая земля «и *пажадско* господство» (Jag. стр. 312), вар. *франическо* (l. c. прим.), *парижьское* (Нов. стр. 126 прим.), *парижеское* (Jag. Opisi I, 26), *фарижеское* (Кир. Бѣл. сп., съ перенесеніемъ на Лаомедонта). Стало быть: Φρυγία (Африкія, Придія)=Φραγγία, можетъ быть, какъ отзвукъ преданія о троянскомъ (фригійскомъ) происхожденіи Франковъ? [1]). Фредегаръ разсказываетъ намъ о царѣ Фригѣ, при которомъ часть Троянъ переселилась въ Европу, отвѣчая призыву *македонскаго царя*, тѣснимаго сосѣдями. Въ благодарность за оказанныя услуги, они получили осѣдлость въ *Македоніи*, и еще подвиги *Филиппа* и *Александра Великаго* продолжали служить свидѣтельствомъ о древнихъ доблестяхъ *троянъ*, *смѣшавшихся съ македонянами*. Между тѣмъ, главная часть троянскаго народа, назвавшаяся, по имени короля, *фригійцами*, потянулась по Азіи и сѣла, наконецъ, на берегу Дуная. Здѣсь они снова раздѣлились. Одна часть пошла подъ предводительствомъ *Francio* и назвалась *франками*; другая осталась на берегахъ Дуная между Ѳракіей и Океаномъ и получила, отъ имени царя Turchot или Torquot, названіе Turci или Torqui. — Источникъ этой легенды Фредегара усматриваютъ въ хроникѣ бл. Іеронима, куда разсказъ о происхожденіи франковъ внесенъ былъ ея франкскимъ эксцерпторомъ. Уже въ этой болѣе древней версіи фригійцы, франки и македоняне — отрывки одного и того-же народа [2]); если имя Torquotus (Torcoth), эпонима турковъ, выведено изъ Торквата, упоминаемаго въ другомъ мѣстѣ хроники Іеронима, и вставлено не у мѣста, то едва-ли имена Филиппа и Александра у Фредегара слѣдуетъ объяснить такимъ-же

---

[1]) Сл. Новый взглядъ на Слово по Полку Игоревѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Августъ, стр. 297 и слѣд.

[2]) Сл. Liber Generationis (до 320 года): Filii Jafeth.... Cetthin, unde Troiani, Frigii et Macedones. Сл. Riese, Geographi latini minores, p. 161 и XXXII.

внѣшнимъ смѣшеніемъ, какъ-то дѣлаетъ Krusch [1]); они могли припомниться какъ показатели македонскаго народа.

Имена старой троянской саги, пересказанной въ эпизодѣ Александріи (въ греч. текстѣ): Ἑλένη, Μενελάος, Πριάμος, Ἀχιλλεύς и др. — сохранены въ обычной греческой формѣ, какъ и цѣлый рядъ другихъ. Но рядомъ съ этимъ являются странныя написанія: Καταρκούστης (W, 18; новогреч. нар. кн. Κανταρκούστης стр. 32) = Нов. стр. 21 Кан'дар'хоусъ, 70 Карданьвоушъ, Jag. 235 Кандаркус, 272 Кандракус; W Ἀρχηδονούστης, стр. 22, греч. нар. кн. 38 id. = Нов. стр. 25 Кархидонь, Jag. 238; Πολυκρατούστης W, l. c.; греч. нар. кн. l. c. Πολυκαρτούστης = Нов. стр. 25 Полоукратоушь, Jag. 238; Καλιστερνούστης W, стр. 12 = Нов. стр. 15 Калистеноушь, Jag. 230; Ἀρισβανούσης W, стр. 55, нар. греч. кн. 102: Ἀρισβαρζάνης = Нов. р. 70 Ариз'вар'нь, Jag. 272; Βριονούστης W, 61, греч. нар. кн. 175: Βρυνούσης = Врикноушь, Врииеоушь, Врионушь Нов. стр. 148, Jag. 326; Селевкоушь (Нов. 20), Селевкоуша (ib. 22)=W, 17: Λευκούσης, греч. нар. кн. стр. 30 id.—Cyrus: род. падежъ τοῦ Κυρίσου (W, стр. 1): сыноу Куроусовоу (Нов. стр. 1). — Я не иначе объясняю себѣ эти формы, какъ латинскимъ, либо романскимъ прототипомъ греческаго подлинника, либо, что пока вѣроятнѣе, *начитанностью* перескащика въ области, откуда онъ могъ заимствовать и такія имена, какъ Караторъ (Hist. de prel.), Минерва, и такія, какъ: *Candarchus, *Polycratus, *Callisthenus, *Brionus (?). Сл. Febusso e Breusso въ старо-италіанской поэмѣ того-же имени; собственныя имена въ Intelligenza: Bucifalasso, Erculesse, Accilles и Accillesse, Oetes и Octesse, Ulissesse, Elinusso и др.; W, Ἀρκούτζης = Arcus (сл. выше стр. 274). Греческому переводчику принадлежатъ окончанія на ης: Candarchus—ης, Policratus—ης и т. п., что сохранила греч. народная книга: Βρυνούστης, Λευκαδούσης, тогда какъ славянскій текстъ представляетъ: Вринеушь,

[1]) Die Chronicae des sogenannten Fredegar, von Dr. Br. Krusch, въ Neues Archiv der Gesellschaft f. ält. deutsche Geschichtskunde, VII (1882), стр. 474; сл. стр. 439—41, 473—5.

Врикноушь, Левкадоушь, какъ Менелаоушь (Нов. 62, Jag. 248) — Menelaus, Μενέλαος, W, стр. 36; Прѣельмоужь, Прѣмоушъ, Приамушъ (Нов. 38, 39; Jag. 249) = Priamus, Πρίαμος, W, стр. 36; *Candarchus = Кандархоусь; *Policratus = Поликратоушь и др.; лат. конечное *s* передается черезъ *с*, *ш* (Поликратоушь; Ацилешь Нов. 38, Jag. 249 = Ἀχιλλεύς, W, стр. 36) и *ж* (Парижь Нов. 38, Jag. 248 = Πάρις, W, стр. 36); по аналогіи (?): Ѥлѣноуша Нов. стр. 38, Елена Jag. 248 = Ἑλένη, W, стр. 36, какъ бы отъ Helenus? Сл. Кашантуша (Xanthus), Веноуша (Venus), Тетиша (Thetis) въ Троянской притчѣ, стоящей на одномъ уровнѣ съ сербской Александріей по отношенію къ своимъ источникамъ, лексикону и ономастику. Ср. арматосати, фарижь, хоро, — и тента, кастель, габилота; — us, — es, — is, — as: Прѣшмоужь, Менелаоушь, Тебоушь (и Тебоухъ); Нептенабоушь = Neptunus, при чемъ повліяла, вѣроятно, память о Νεκτέναβος Александріи, въ сербск. текстѣ: Нектенавъ; Анцидешь, Ацилешь; Парижь, Калкашь и друг. — Г. Ягичъ указалъ мнѣ въ южнославянскомъ переводѣ Григорія Двоеслова (ркп. XIII вѣка Имп. Публ. Библ.) форму: адвокатоушь = advocatus; сл. въ старо(бѣло)русскомъ Тристанѣ: Артіушъ (Artus), Паламидежъ (Palamides), Блерыжъ (Briobris), Лондрешъ (Londres); въ Римскихъ Дѣяніяхъ: Виргиліушъ, Макробіушъ, Плакидушъ.

Заключу указаніемъ на одно загадочное для меня выраженіе, освѣщающее отчасти исторію славянскихъ переводовъ Александріи. Въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои вѣнскій текстъ (не поддержанный въ данномъ случаѣ греч. народн. книгой) переходитъ отъ гибели стольких героевъ изъ за одной жены къ общимъ воспоминаніямъ (W, стр. 36): ὁ προπάπους μας Ἀδὰμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐχάθη, ὁ Σολομὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ πανφρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσε. Какому это Адану послѣдовалъ Соломонъ? Преданія о послѣднемъ не отвѣчаютъ на вопросъ. Тотъ же царь Аданъ или Ан-

и въ двухъ ркп. XV вѣка и въ печатномъ текстѣ) les os de Jérémie le prophete et les fist mettre molt honoreement sor les murs de la cyte pour ce que Diex par les merites du beneoit prophete deffendist la cyte des serpens que l'en apele ypotames et cocodrilles. Et ainsi avint que de celui jour en avant fut la cite d'Alixandre delivre des serpens dent il en i avoit molt grant habondanche.

Болѣе значенія я готовъ придать роману объ Ugo d'Alvernia, отрывокъ изъ котораго мы сблизили выше (см. стр. 321—323) съ соотвѣтствующими эпизодами сербской Александріи и Макаріева житія. Я не далекъ отъ предположенія, что авторъ утраченнаго французскаго подлинника, изъ котораго пошли знакомые намъ франковенеціанскіе и тосканскіе тексты, имѣлъ передъ собою какую-нибудь христіанизованную Александрію, въ родѣ той, какую предполагаетъ легенда о Макаріи. Мы видѣли выше, что ея чистилищныя видѣнія (сл. эпизодъ о райскихъ птицахъ) и земной рай лежатъ по ту сторону столба, поставленнаго Александромъ: иноки видятъ его, вступая въ область чудесъ, и не минуютъ, выходя изъ нея. Въ Ugo d'Alvernia Андрея da Barberino распредѣленіе нѣсколько иное; но интересно двоякое появленіе столба съ надписью: въ первый разъ на границѣ земнаго рая (сл. выше стр. 323 и ed. Zambrini e Bacchi Della Lega, v. II, p. 36) и вторично передъ входомъ въ область ада, при чемъ Уго говоритъ: «Sarei io venuto dove fu *Alesandro magno?* certo sì, quelle lettere credo che dichino, che alcuno non vadia più innanzi». Онъ находитъ «quattro mostri e uccisegli. Questi feciono grande danno a *Alessandro e sua gente*» (ibid., II, p. 66—67). Страна чудесъ, гдѣ Уго находитъ и земной рай и мученія ада, локализована въ Египтѣ; но путь, по которому онъ добирается туда, у Андрея da Barberino несомнѣнно спутанъ: изъ Рима въ Апулію и Калабрію, затѣмъ моремъ въ Attene, оттуда въ Іерусалимъ и — въ Ливію. Весь военный эпизодъ объ Іерусалимѣ (l. c. v. I, стр. 145—174) представляется мнѣ позднѣйшей вставкой: первоначально путь могъ идти изъ Апуліи въ *Танисъ*: *Attene*

изъ *a Tene*, см. Tenez провансальскаго текста о взятіи Даміаты (сл. выше стр. 346); оттуда—въ Ливію. Сл. надписаніе гл. XIV: come Ugone si parte dal Papa e trova una galea, passata la Puglia, per ire *Atena* (l. c. I, p. 137); въ текстѣ: in Attene, verso Attene и т. д. Танисъ — мѣсто, освященное памятью Іереміи, гонящаго змѣй и чудовищъ; въ этой связи я обращаю вниманіе на одинъ эпизодъ романа, находящійся въ другой его части: Уго, преслѣдуя невиданное чудовище, скрывающееся отъ него въ море, восклицаетъ: *Per santo Geremia*, che se io ti posso giungere, ch'io ti menerò con meco (l. c. II, стр. 48). Совпаденіе, едва-ли случайное и получающее особое значеніе въ связи съ другими мотивами Александровой саги, указанными нами въ романѣ.

Но возвратимся къ сербской Александріи.

Для опредѣленія мѣстности, гдѣ составленъ былъ славянскій переводъ, важны своеобразныя отраженія латинскихъ — us, — es въ окончаніяхъ собственныхъ именъ (сл. выше стр. 442—3) и, болѣе того, отмѣченный нами выше (стр. 381) перебой *ф* въ *п* и обратно; встрѣчаясь въ группѣ памятниковъ (Сербск. Александрія, Троянская притча, и др.), они указываютъ на извѣстныя діалектическія особенности, но и на установившійся пріемъ, грамматическую манеру—и возможность западнаго вліянія. Что до остальныхъ латинизмовъ и романизмовъ текста, то для рѣшенія о его древнемъ характерѣ они важны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда совпадаютъ другъ съ другомъ въ различныхъ его спискахъ. Сопоставленія, предложенныя нами выше, указываютъ, что списки здѣсь наиболѣе расходятся: *мештар* (Jag. 222), *майстор* (Нов. 5), Кир. Бѣл. сп. л. 23 об.: *волхвъ; баруни* (Jag. 268, 270), *властели* (Нов. 67), *волможи* (Кир. Бѣл. л. 95 об.), *вельмѫжїе* (Jag. Opisi: II, p. 22); *balistra, balestra* сохранилось, съ искаженіями, въ цѣломъ рядѣ списковъ. — На *шпию* ходеh (Jag. 312), *на сходу* (Нов. 125), *на посолства* ходиши (Кир. Бѣлоз. л. 164 об.) и т. д. Иные италіанизмы рудницкаго текста могутъ принадлежать позднѣйшему переписчику, но отсутствіе ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть и слѣдствіемъ замѣны однимъ

реченіемъ другого, менѣе понятнаго. Такое подновленіе касалось и другихъ сторонъ лексикона и шло параллельно съ искаженіемъ текста, казавшагося темнымъ. Въ томъ и другомъ отношеніи Кириллобѣлозерскій списокъ XV вѣка представляетъ убѣдительные образцы. Сл. W, стр. 2 συνορίτης = Нов. 3 краишт'никь (Jag. 221) = Кб. 21 л. вѣстникъ. — Нов. 4: Нектанебъ «вь полатоу царскоу вьшьдь вльшьбноую *леканомать* (λεκανομάντεια) начеть *творити*, златоу *роукомию* воды налиꙗвь» (Jag. 222) = КБ. л. 22 об.: вниде в полатоу волшебноую *декомантїю терти* начатъ златоую, *роусимею рекше лоханю* налїавъ воды; Рум. № 175: вл҇ховно врачевание сьтвори. — Совѣтъ Нектанеба Олимпіадѣ — повременить разрѣшеніемъ отъ бремени искажается разнообразно: сл. выше стр. 144 прим. 1 и Рум. № 175: дондеже нб҇сніе планиты на уставу станутъ и стихіе преступленіе створеть. — Нов. 11: *дидаскаль*, Jag. 227 *учител*, КБ. 29 об. *оучитель*. — Нов. 11: *фер'нире* Алексен'дре, Jag. *френире* (= φρενήρης, сл. Jag. 213), КБ. л. 29 об.: *господине*; Рум. № 175: ѡ *храбрии Алеѯандре* — Нов. 13: въ *лакиміахъ*, Jag. *свирепицах*; КБ. л. 30 об. *стадехъ*. — Нов. 17: *накарады*, Jag. 232 *накарате* (nacchere), КБ. 35 об. *арганы*. — Нов. 28: *драгоману* (вар. тльмачю), Jag. Opisi I 24: *тлъмачю* и т. д.

Передъ нами исторія искаженія текста, являющаяся въ то-же время и исторіей его движенія съ юга на сѣверъ, съ попытками мѣстнаго, народнаго пріуроченія.

Я не имѣлъ ввиду прослѣдить позднѣйшія стадіи этого движенія, для которыхъ многочисленные русскіе списки Александріи дадутъ богатый матеріалъ и, можетъ быть, нѣсколько новыхъ вопросовъ — на разрѣшеніе (сл. выше стр. 378—9)[1]. Ограничивъ такимъ образомъ область изслѣдованія я, быть можетъ, въ

[1]) Ѳ. И. Буслаевъ любезно сообщилъ мнѣ эпизодъ о Горгоніи изъ находящейся въ его библіотекѣ Александріи, писанной въ два столбца такъ называемой «приказной» скорописью первой половины XVII вѣка (на 153 л.) и великолѣпно иллюстрированной. «О Горгоніи дѣвици» говорится на л. 137 въ слѣдъ за коротенькой статьею о «солнечномъ градѣ». — «И отшедше оттолѣ, и идохомъ по пути мъгляну 7 дней, ищущи пути перскія земли, якоже заблудили

другомъ случаѣ перешелъ его границы, постановленные вопросомъ: объ источникахъ сербскаго романа. Эпизодъ объ Іереміи грѣшитъ именно такой постановкой, но онъ увлекъ меня, потому что, казалось мнѣ, открывалъ новыя точки зрѣнія, на которыя до сихъ поръ мало обращали вниманія: библейскій пророкъ оказался привязаннымъ къ Египту такими-же узами, какъ и македонскій герой, издавна усвоенный ему не только генеалогической сказкой, но и эпитетомъ двурогаго, козла, указывающимъ на культъ эѳіопскаго Аммона [1]). — Изслѣдователю романтической саги объ Александрѣ такія неожиданныя точки зрѣнія еще представятся неразъ: стоитъ только постучаться въ ея съ виду изведанную почву и можетъ повториться чудо, изображенное на русскомъ летучемъ листкѣ XVII вѣка: св. Антоній въ пустынѣ, ударилъ жезломъ о землю, и изъ нея выходитъ по поясъ вѣнчанная фигура, Александръ Македонскій, «иже Бога не знаше» [2]).

бяху. Глаголаху же ко Александру жители земли тоя: О владыко Александре, обратися въспять, да не злѣ погибнеши со всѣми вои своими во предѣлѣ семъ. Александръ призвавъ вопрошаше я, хотя извѣдати отъ нихъ сущее. Они же рѣша: Слыши, царю Александре: есть по земли сей ходитъ дѣвица нарицаемая Горгонія, имущи лице человѣческое, и перси и нозѣ, имѣетъ же хвостъ коневъ, на главѣ же за власъ мѣсто иматъ змія, выростоша всяцеми лици. Егда же начнетъ хотя гонитися, и начнетъ звати къ себѣ человѣки и звѣри и скоты, еще же и змія страшныя похоти ради. Разумѣетъ бо языки человѣческія и звѣрскія. И егда кто узритъ образъ ея, аще птица парящая, и абіе издохнетъ. Отвѣща имъ Александръ: Да вы како безъ вреда пребываете? Они же рѣша: Мы, царю, имаемъ жилища подъ землею, да не злѣ умремъ. Есть бо она рыщущи борзо, аможе хощетъ. Александръ же слышавъ и убояся и мыслише, егда ту ему скончатися, и оттолѣ пошедъ. И обрѣтохомъ тму, ни огня не видѣти на мѣстѣхъ тѣхъ. И ставшимъ ти намъ шатры и воспѣвшимъ (?), слышати бо бяше гласъ нѣкаковъ находящъ, и яко чюдитися самому Александру. Второе пришедшу и третіе тому-же гласу, слышахомъ яве Горгонію зовущу яве Александра на похоть единого». За себя Александръ посылаетъ волхва, одѣвъ его въ свои царскія ризы и корону и давъ ему свой мечъ. Волхвъ убиваетъ Горгонію, а ея голову приноситъ къ Александру. — При этой статьѣ четыре миніатюры.

[1]) Сл. объ этомъ интересныя соображенія Lauth'a: Alexander in Aegypten, въ Abhandl. d. philos. philolog. Cl. der kön. bayer. Ak. d. W. XIV B., 1-e Abth., p. 97 слѣд.

[2]) Сл. Ровинскій, Русскія Нар. картинки, кн. IV, стр. 733.

ЗАМѢТКА КЪ ГЛАВѢ VI [1]).

ХАНАНЕИ-КИНОКЕФАЛЫ И ИКОНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ СВ. ХРИСТОФОРА.

(Посвящается О. Э. Лемму).

Поль Мейеръ (*Romania*, № XXVII, стр. 441—444) выбралъ изъ памятниковъ старо-французской и провансальской поэзіи цѣлый рядъ указаній на загадочный народъ Chanelius, Chenelius, Canelius, Quenelius, Kanelier, Canineus и т. п. Къ упоминаніямъ, имъ собраннымъ [2]), присоедино еще и Renier:

Li Kanilier ne sevent chevauchier.
Tous vont à pié, li felon losengier;
Chascuns portoit ou macue ou levier,
En une flote sont plus de XX millier
En l'autre après sont li Pincenart fiier,
Tout sont cornu et devant et derrier.

Какъ здѣсь Kanelier сопоставлены съ Pincenart, такъ въ другихъ случаяхъ они являются рядомъ съ другими невѣрными, погаными народами:

Assez i ot paien et *Turc* de pute caingne,
1699 Et felons *Canelius* et *Mors de Morienne*
(Aie d'Avignon).

---

[1]) Сл. стр. 307, прим. 1.

[2]) Ch. de Rolant, Aye d'Avignon, Jérusalem, Girart de Roussillon; Chanson de Croisade, напис. ок. 1146 года; Vie de st-e Thaïs; Bodel, Jeu de st. Nicolas; Blancandin; Rutebeuf, Complainte d'outremer; Peire Vidal, Aimeric de Belenoi.

8130 Che sont et *Gorgfre* et *Bigre* et *Chenelen* pulient
(Jérusalem).

Et pire vie mainnent que *juif ne Sarrasin*
Et plus horz ne sont mie *Chanelin barbarin*
(Vie de St-e Thaïs).

D'autre part vienent *cil de Tharse*.
Et Coromin et Chenilier.
(Rutebeuf).

Въ Jeu de st. Nicolas Боделя *li Kenelieu* упоминаются вмѣстѣ съ Achopart, въ которыхъ П. Мейеръ (l. c. p. 440) видитъ народную передѣлку Aethiops, и съ Gaians:

Va moi par tout semonre *Gaians et Quenelieu*;

они не говорятъ, а лаютъ:

7431 Chenelex oïssiez glatir et abaihier
(Jérusalem).

Форма имени: Canineus (Girart de Roussillon, Peire Vidal, Aimeric de Belenoi) и Caninieus = Chananaeus (Ex. XXXII), 2) въ краткомъ изложеніи священной исторіи на провансальскомъ языкѣ позволили автору не только угадать смыслъ caninera (ж. родъ отъ canineu) въ старо-провансальскомъ переводѣ Новаго Завѣта, приведенномъ у Ренуара, но и увидѣть въ франц. пров. Chanelius, Canineu отраженіе библейскаго Chananaeus. Неблагопріятная характеристика хананеевъ въ Библіи (Gen. 6, 4; сл. Isidori Etymolog. De portentis, § 14) едва ли могла сама по себѣ побудить средневѣковыхъ поэтовъ обобщить ихъ въ эпическихъ Cheneliu; пров. Canineu повело П. Мейера къ предположенію посредствующей народной этимологіи, связавшей Chananaeus съ canis; въ Jérusalem Cheneleu лаютъ, какъ собаки. Стало быть, отъ Chananaeus (Cananeus) къ canineus: мнѣніе, выраженное, по поводу легенды о Христофорѣ, уже Пиніемъ и недавно Гарстеромъ.

Уже въ послѣсловіи къ своей замѣткѣ Мейеръ сообщилъ, по указанію Г. Париса, отрывокъ изъ легенды о св. Макаріи

Римскомъ, которую мнѣ пришлось разобрать выше (гл. VI). Я указалъ (l. c. стр. 325), что составитель этой легенды воспользовался какою-то христіанизованною Александріей, восходящею къ одному изъ источниковъ Псевдокаллисѳена С. Сл. въ послѣднемъ текстѣ кн. II, гл. 31: Ἀνθρώπους μὲς εὗρεν (sc. Ἀλέξανδρος) εὐτελεῖς καί λίαν σμικροτάτους ὡς εἶναι τόν τέλειον ἄνθρωπον [οὐχὶ ἀλλά] πῆχύν τε καὶ ἥμισυ; далѣе с. 32 онъ встрѣчаетъ *великановъ* (ἄνθρωποι παμμεγέθεις), с. 33 дикихъ людей (ἄνθροποι... ἄγριοι ἐπὶ πετρῶν καθεζόμενοι) и с. 34 *кинокефаловъ*: ὁ Ἀλέξανδρος κατέλαβε χώραν Κυνοκεφάλων; сл. с. 37: ἄνθρωποι κυνοκέφαλοι (сл. выше стр. 315).

Въ старо-славянскомъ переводѣ житія св. Макарія этому эпизоду отвѣчаетъ, какъ мы видѣли (выше стр. 307) слѣдующій: иноки, направляющіеся къ св. Макарію, вступаютъ въ землю *Песьихъ главъ*, которые ихъ не тронули: «по вся мѣста собѣ живуть, межи камень гнѣзда сносивше»; далѣе на востокъ страна *трепястокъ*. Въ латинскомъ текстѣ: itaque exeuntes inde terram *Chananaeorum* ingressi sumus, qui ab aliis *Cynocephali* dicuntur; трепясткамъ отвѣчаютъ Pichiti («ipsa vero gens in statura et altitudine sua non plus quam mensuram unius cubiti habebat») и *Pygmaei*.

Стало быть, хананеи = кинокефалы, Песьи главы; въ румынской Александріи: căpcăunĭ, cătcăunĭ. Развитіе можно бы предположить такое: кинокефалъ = Canineus, а далѣе, по созвучію, Chananaeus. Caneleus = кинокефалы старо-французскихъ поэмъ были бы такимъ же обобщеніемъ частнаго значенія, какое постигло и славянскія Песьи главы: подъ ними разумѣются просто невѣрные, чуждые народы, и въ этомъ значеніи Песьи главы фигурируютъ въ повѣсти о «послѣднихъ дняхъ» (въ Откровеніяхъ Моѳодія у Тихонравова, Пам. II, 218) и въ памяти объ освобожденіи Цареграда отъ нападенія иноязычныхъ [1]).

[1]) Сл. Срезневскій, Древніе славянскіе памятники юсоваго письма: изъ Слѣпченской книги апостольскихъ чтеній, календарь, стр. 112 (съ ссылкой на Мстиславово Евангеліе, Сербск. прол. XIV в. и др.).

I.

Всякій разъ, когда въ средневѣковыхъ памятникахъ, въ описаніи чудесъ далекой Азіи, мы встрѣтимъ сопоставленіе хананеевъ-великановъ — и пигмеевъ, мы въ правѣ говорить объ отраженіи христіанской Александріи Макарьевскаго типа.

Въ древней передѣлкѣ старой нижне-рейнской поэмы о герцогѣ Эрнстѣ (сл. Bartsch, Herzog Ernst, Wien 1869) мы находимъ пигмеевъ = Prechamê (l. c. p. 105, v. 4896 слѣд.; сл. v. 5324: Perkamêren lant; въ стихотвореніи Одона: Pricami, l. c. p. LXXI) и, въ сосѣдствѣ съ ними:

5014 ein *freislich volc*, *hiez Cânâan*,
bî Arimaspi dem lande.
daz waren wîgande:
Risen waren sie genannt.

Въ Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ (l. c. стр. CXXXIII), сложенномъ по типу и подъ вліяніемъ поэмъ о герцогѣ Эрнстѣ, тѣже великаны Ханаана ведутъ войну съ пигмеями. Въ Walberan (Deutsches Heldenbuch I, Berlin, 1866) карликъ-пигмей этого имени властвуетъ гдѣ-то на востокѣ (Armeniâ, Sinâi, Judêâ, Kaukasus, Eufrates, Mambre):

52 ez hâte ouch mit gewalteger hant
betwungen *Kanachas daz lant*
von dem die grôzen liut sint komen.

Въ войскѣ, которое онъ ведетъ противъ Дитриха Бернскаго, находятся великаны — хананейцы (die von Kananê 74). И въ этой поэмѣ усматриваютъ вліяніе географическихъ представленій поэмы о герцогѣ Эрнстѣ, которую упоминаетъ Ulrich von Eschenbach въ своемъ Alexander (Bartsch l. c. p. CXL): Александръ приходитъ въ страну, жители которой

swenne sie zwei wort getunt,
daz drite sie bellent als ein hunt,
als trûgen sie ouch houbet,

swer des niht geloubet,
dise rede er besûche
in herzogen Ernstes bûche.

Въ поэмѣ о герцогѣ Эрнстѣ и ея отраженіяхъ хананеи — просто великаны, не песиглавцы. Если Ульрихъ отожествилъ ихъ съ кинокефалами Александріи и заставилъ лаять (сл. Cheneleu въ Jérusalem), то онъ, очевидно, могъ имѣть въ виду установившееся уже уравненіе: Canineus = Chananaeus, которое мы въ правѣ приложить и къ объясненію одного эпизода въ повѣсти Елисея (Zarncke, Der Presbyter Johannes, 2-e Abth. стр. 127): *terram Chananaeorum et Amazonitarum*. Именно Амазонки Александріи позволяютъ видѣть въ сосѣднихъ хананеяхъ—кананеевъ-кинокефаловъ; припомнимъ, кстати, что по Адаму Бременскому (IV, 19, у Pertz 9, 375) песиглавцы и происходятъ отъ амазонокъ.

Обратимся къ чередованіямъ кинокефала-кананея — и хананея въ легендѣ и иконографіи св. Христофора [1]).

Въ Минологіи императора Василія о немъ говорится: περὶ τούτου τοῦ ἁγίου λέγονταί τινα παρά τινων τερατώδη καὶ παράδοξα, ὅτι τε κυνοπρόσωπος ἦν πρότερον καὶ ἀνθρώπους ἤσθιεν, ὕστερον δὲ μετὰ τὸ πιστεῦσαι τῷ Χριστῷ μετεμορφώθη. οὐκ ἔστι δὲ τοῦτο, ἀλλά τινες αὐτὸν οὕτως ὑπενόησαν διὰ τὸ ἐθνικὸν εἶναι καὶ ἄγριον καὶ φοβερόν. Ὅμως δὲ ἦν ἐπὶ τῆς βασιλείας Δεκίου, καὶ κρατηθεὶς ἐν πολέμῳ παρὰ τοῦ Κόμητος, μὴ δυνάμενος λαλῆσαι Γραικιστί, ηὔξατο τῷ Θεῷ· καὶ ἀπεστάλη αὐτῷ Ἄγγελος λέγων· Ἀνδρίζου. Καὶ ἀψάμενος τῶν χειλέων αὐτοῦ ἐποίησεν αὐτὸν λαλῆσαι Γραικιστί. Εἰσελθὼν οὖν ἐν τῇ πόλει, ἐκήρυττε τὸν Χριστόν. Ἀποστέλλονται οὖν στρατιῶται κρατῆσαι αὐτόν· καὶ τῆς ῥάβδου αὐτοῦ βλαστησάσης, ἐπίστευσαν τῷ Χριστῷ καὶ σὺν αὐτῷ βαπτίζονται ἐν Ἀντιοχείᾳ ὑπό του ἁγίου Βαβύλα, ἔνθα καὶ Χριστοφόρος ὠνομάσθη.

---

[1]) О немъ см. Stadler und Heim, Vollständiges Heiligenlexikon I (Augsb. 1858), стр. 609 слѣд.; W. Harster, Walther von Speier (Speier 1877), стр. 29 слѣд.; прежде всего матеріалъ, собранный въ AASS., Julii VI, a. d. 25.

[illegible] προσαχθεὶς τῷ βασιλεῖ καὶ πολλὰ βασανισθεὶς πρότερον, ὕστε-[illegible] ἀπεκεφαλίσθη.

Такъ и въ славянскомъ прологѣ подъ 9-мъ мая, съ тою разницею, что о Христофорѣ сказано: «а преже имя семоу Репревъ» [1]).

Подробные греческіе акты св. Христофора, по рукописи XI вѣка, извѣстные досолѣ лишь въ извлеченіи [2]) и лишь недавно напечатанные [3]), указываютъ на источникъ этого имени.

Въ четвертое лѣто своего правленія императоръ Декій воздвигъ преслѣдованіе на христіанъ. Въ то время какой-то комитъ [illegible] Репрева, στρατεύσας αὐτὸν ἐν τῷ νουμέρῳ τῶν Μαρ-[illegible]. Ἦν δὲ ὁ ἀνὴρ οὗτος φρόνιμος σφόδρα. ἵνα γνῶτε πάντες [illegible] τὸν Θεὸν ἐν παντὶ ἔθνει δεκτὸς αὐτῷ ἐστιν, καὶ [illegible] καθαρὰ πρὸς τὴν αὐτοῦ γνῶσιν· εἰ γὰρ ἐκ τοῦ [illegible] κυνοκεφάλων ὑπῆρχεν. γῆς δὲ τῶν ἀνθρωποφά-[illegible] τῷ σώματι, καὶ ἀεὶ τὰ λόγια μελετῶν τοῦ [illegible] τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ λαλεῖν [4]). Видя пре-[illegible] на христіанъ, онъ опечаленъ и, выйдя [illegible] ниспосланіи ему дара слова, дабы онъ [illegible] во обличеніе мучителя. Мужъ въ [illegible] предсталъ ему, говоритъ, что его молитва [illegible] коснулся устъ Репрева, трижды дохнулъ на [illegible] заговорилъ по гречески — идетъ въ городъ, гдѣ [illegible] мучимыхъ въ тюрьмѣ. Онъ громко обличаетъ

[1]) [illegible] литературной исторіи русской былевой поэзіи (1881),

[2]) [illegible]

[3]) [illegible] ed. Carolus de Smedt, Gulielmus van Hooff et [illegible] стр. 121 слѣд. Текстъ принадлежитъ къ одной ре-[illegible] рукописью, но съ отличіями; на нѣкоторыя изъ

[4]) [illegible] τοῦ γένους τῶν κυνοκεφάλων.... οὗτος [illegible] τοῦ βασιλέως ἀπὸ τῆς ἐρήμου ἠνέχθη τῷ βασιλεῖ [illegible] βασιλεὺς τὸ εἶδος αὐτοῦ ὁρῶν ἐν τῷ ἀρίστῳ. [illegible] τοῦ ἁγίου πνεύματος.... διὰ τὸ μὴ δύνασθαι αὐτὸν [illegible] μὴ ὑποφέρων τὴν πύρωσιν τοῦ ἁγίου Πνεύματος [illegible] προσέχων τῆς κτίσεως τὸν εὐμορφίαν и т. д.

язычниковъ; одинъ изъ нихъ ударилъ его. Κατέχομαι ὑπὸ ἐντολῆς τοῦ Χριστοῦ μου, καὶ οὐ δύναμαί σοι τί ποιῆσαι, говоритъ святой; — ἐὰν δὲ ἔτι πικράνῃς μου τὴν καρδίαν, σὺ παρ' ἐμοὶ οὐχ' ὑπάρξεις. Язычникъ идетъ съ докладомъ къ Декію: ἐφάνη ἐνώπιον τοῦ λαοῦ ἀνὴρ νεανίας, φοβερὸς τῷ εἴδει, καὶ ὑπερμεγέθης τῷ σώματι καὶ τῷ πάχει· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτοῦ ὡς ἀστὴρ ὁ πρωὶ ἀνατέλλων, καὶ οἱ ὀδόντες αὐτοῦ ὡς συάγρου ἐξέχοντες· καὶ τὰ λοιπὰ τοῦ εἴδους τῆς ὁράσεως αὐτοῦ διηγήσασθαι σοι οὐ δύναμαι. Οὗτος λαλεῖ ῥήματα βλάσφημα κατὰ τῶν θεῶν, καὶ τῆς θειότητός σου οὐχ ὑπακούει τὸ πρόσταγμα. Царь посылаетъ двѣсти воиновъ за Репревомъ, который между тѣмъ сѣлъ у церковной двери, ἐμπήξας τῇ ῥάβδῳ αὐτοῦ ἐν τῇ γῇ, τὰς δὲ τρίχας αὐτοῦ διαρρίψας ἔνθεν καὶ ἔνθεν, καὶ τὴν ὄψιν δὲ ἐπὶ τὰ γόνατα θείς. По его молитвѣ (δὸς, Κύριε, βλαστῆσαι τὴν ῥάβδον ταύτην τὴν ὡς ῥάβδον τοῦ Ἀαρών) посохъ пустилъ ростки; это чудо укрѣпило его, и онъ проситъ теперь: τὸ τέλειον φρόνημα τῶν χριστιανῶν καὶ γνωστικὸν μυστήριον τῆς ἀθανάτου σου ζωῆς συνέτησόν με, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ. Дѣвушка, вошедшая, по обычаю, въ садъ, чтобы нарвать розъ, видитъ молящагося и плачущаго Репрева и такъ испугана его видомъ, что выходитъ назадъ пятясь: ἔφυγον ὡς ἀπὸ προσώπου δράκοντος, говоритъ она, — и воины, посланные Декіемъ, находятъ такимъ образомъ Репрева. Кто онъ и почему плачетъ? спрашиваютъ они его. Εἶπεν δὲ αὐτοῖς· Κλαῦσαι δεῖ μοι ὑπὲρ πάντα ἄνθρωπον, ὅτι μὴ εἰδὼς Θεὸν οὐκ ἐνεκλήθην ποτέ· νῦν δὲ ἐπιγνοὺς τὸν Θεὸν τυραννοῦμαι· καὶ διὰ τοῦτο κλαίω, ὅτι τὸ καλὸν ὄνομα ἐπιγνοὺς ἀδικοῦμαι. Они говорятъ ему, что присланы, чтобъ отвести его къ Декію. Узникомъ имъ не удастся его отвести, отвѣчаетъ онъ: онъ самъ пойдетъ съ ними, пусть только подождутъ его. Но у нихъ почти вышелъ весь провіантъ, пока они искали его; имъ надо спѣшить; по молитвѣ Репрева является архангелъ Рафаилъ, благословляетъ остатки хлѣбовъ, и они чудеснымъ образомъ умножились. Воины увѣровали въ истиннаго Бога; Репревъ ведетъ ихъ въ Антіохію, гдѣ всѣ принимаютъ крещеніе отъ епископа Вавилы, положившаго Репреву имя Христофора.

Христофоръ велитъ воинамъ отвести его, связаннаго, во дворецъ. Царь при видѣ страшнаго пришельца, чуть не упалъ со страха, спрашиваетъ его о родѣ (τὸ δὲ γένος μου τὸ πρόσωπόν [illegible]), имени и вѣрѣ. Христофоръ заявляетъ себя христіаниномъ, подверженъ мученіямъ; его запираютъ съ блудницами Калиникой и Акилиной, которымъ поручено соблазнить его въ [illegible], но онъ ихъ обращаетъ въ христіанство. Онѣ первыя умираютъ мученицами, за ними двѣсти воиновъ, обращенныхъ Христофоромъ, наконецъ самъ святой, тѣло котораго епископъ [illegible] Петръ перевозитъ въ городъ, сосѣдній съ Антіохіей [1]).

Легенда эта вошла въ печатныя греческія минеи [2]) и извѣстна въ славяно-русскихъ пересказахъ [3]).

Общія примѣты греко-славянскихъ текстовъ житія — имя царя Декія и крещеніе Репрева *Вавилой въ Антіохіи*. Минологій Василія не знаетъ имени Репрева, несомнѣнно отвѣчающаго Reprobus латинскихъ актовъ: Ῥέπρεβος (успенск. сборн. Репревъ) вм. Ῥέπροβος, какъ передано въ первомъ посланіи къ Коринѳ. 9, 27 греч. ἀδόκιμος. Разумѣется, это *одно* еще не можетъ служить доказательствомъ зависимости греческаго мученія отъ латинскаго оригинала, а развѣ свидѣтельствуетъ о воздѣйствіи послѣдняго на редакцію перваго. Что же касается имени Offerus, Offorus, которое будто бы

1) Cf. Papebroch, AASS. l. c., p. 143b: вмѣсто Аталіи — Италія; τὸ δὲ [illegible] τοῦ ἀθλοφόρου Χριστοφόρου ἐκέλευσεν ὁ ἁγιώτατος ἐπίσκοπος [illegible] ἀποφέρειν τοῦ [illegible] γενέσθαι, εἰς τὸ ἐπικείμενον εἰς τὴν πόλιν· [illegible] ἡ πόλις ἐκείνη μέχρι τῆς σήμερον ἡμέρας διὰ τῆς πρεσβείας [illegible] Χριστοφόρου.

2) [illegible] Μαΐου ὑπὸ Βαρθολομαίου Κουτλουμουσιάνου, стр. 41—42 (по

3) [illegible] l. c. стр. 171—175. Къ славяно-русскимъ рукописямъ про[illegible] житія, указаннымъ г. Ждановымъ, присоединимъ [illegible] Троицкой лавры №№ 712 л. 225 (мученіе св. Христо[illegible] Имп. Публ. библ., рукопись Толстаго III, № 73, [illegible] мѣс. Май, по ркп. Синодальной библіотеки, [illegible] житія по сборнику конца XII-го вѣка библіо[illegible] см. замѣтку А. Попова въ Чтен. Имп. [illegible] графическіе матеріалы, стр. 20—1.

[illegible] 13.

носилъ язычникъ Христофоръ по нѣкоторымъ западнымъ пересказамъ его легенды, то оно, можетъ быть, принадлежитъ этимологической игрѣ: Christ-*offorus* получилъ это имя послѣ того, какъ онъ перенесъ Христа, а прежде звался просто Offorus [1]). Но встрѣчается еще одно имя: Onufrus или Onuphrius [2]); варіантъ ли это къ Offerus или—Онуфрій?—Христофоръ вездѣ представляется *кинокефаломъ*, согласно съ его древнимъ изображеніемъ, противъ котораго протестуютъ наши подлинники. Такъ въ толковомъ подлинникѣ графа Строганова читаемъ: «Глава песія, въ бранѣхъ, крестъ въ рукѣ, а въ другой мечъ въ ножнахъ; исподъ празеленъ»; но въ подлинникѣ профессора Буслаева: «младъ, какъ Димитрій, риза баканъ, исподъ празелень. А индѣ пишется: песья голова, волосы по плечамъ, какъ у дѣвицы; вооруженъ въ доспѣхѣ; въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой копье, а копье у него процвѣло; риза багоръ красенъ, исподъ лазорь». Сл. подлинникъ Долотова: «Христофоръ младъ, какъ Димитрій Солунскій, и волосы таковыжъ; ризы воинскія, верхняя багряная, исподняя празеленная, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ. Нѣкоторые пишутъ его, главу имуща песью, подражая прологу. Но прологъ не утверждаетъ тако быти, но чужое нѣкое мнѣніе приводитъ и пишетъ тако: И о семъ прекрасномъ мученикѣ глаголется нѣкое чудно и преславно, яко песію главу имѣяше, отъ страны человѣкоядецъ; а съ чего сіе взято и кто изъ достовѣрныхъ историковъ сіе писалъ, о томъ не сказываетъ; и сіе мнится несправедливо» [3]).

Въ латинскихъ житіяхъ, къ обозрѣнію которыхъ мы перейдемъ, вмѣсто Декія названъ царь Dagnus, что̀ едва ли слѣдуетъ

[1]) См. A. Maury, Essai sur les légendes pieuses etc. p. 53; стихотворныя легенды, изданныя Schönbach'омъ въ Zeitschr. f. deutsches Alterthum, t. XVII, p. 85 слѣд. (= B); ib. t. XXVI, стр. 20 слѣд. (= A).

[2]) Сл. Krauss, Real-Encyclopädie d. christl. Alterth. a. v. Christophori, безъ указанія на источникъ.

[3]) Сл. Буслаевъ, Очерки II, стр. 418; Русскій сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка въ Вѣстн. Общ. древне-русск. искусства 1876 г., вып. 11—12, стр. 102; Ждановъ, l. c., p. 174, прим. 3. Сл. Ровинскій, Русскія народныя картинки IV, стр. 772; III, 674: *волчья* голова.

непосредственно сближать съ хананейскимъ Дагономъ Библіи [1]), а скорѣе съ Dacianus — Даціаномъ отреченнаго мученія св. Георгія, съ Dacianus — Декіемъ легенды о Осми спящихъ [2]). Нѣтъ ни Антіохіи, ни упоминанія Вавилы; мѣсто дѣйствія — городъ Samos,-n, или Salmos,-n въ Ликіи или Сиріи; Репревъ-Христофоръ является кинокефаломъ, въ латинской передачѣ *Canineus*, но рядомъ съ этимъ вторгается и другой этническій эпитетъ — Chananaeus, а подъ вліяніемъ воспоминаній о хананеяхъ, великанахъ Библіи, особенное значеніе дается гигантскому росту Христофора. Въ греческихъ житіяхъ эта черта не выступаетъ; здѣсь она выдается, опредѣляя иконописныя и скульптурныя изображенія святаго, отражаясь неконецъ и въ описаніи его мощей [3]). Позже изчезаетъ и самый признакъ кинокефализма.

Латинскія житія св. Христофора распадаются на двѣ группы.

Разборъ первой я начну съ Passio, изданной болландистами [4]).

«In tempore illo, regnante Dagno in civitate Samo, homo venit de insula, *genere Canineorum*, et ostensum est ei a Domino, ut baptisaretur baptismo sancto... Ipse autem sanctus, ex toto corde orans, ecce nebula de caelo descendit et inluxit super eum; et venit ei vox de caelo dicens: Serve electe Dei, ecce accepisti baptismum in nomine Domini et sanctae Trinitatis. Et ingressus ipse sanctus intra Syriam, orabat dicens: Gloria tibi, Deus, qui convertis ignorantes et adducis in viam veritatis; *mutas linguas*

---

[1]) Сл. отчетъ о Harster въ Anzeiger für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur, VI B. (1880), стр. 166.

[2]) См. мой отчетъ о книгѣ Коха въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 г., Ноябрь, стр. 155.

[3]) См. AASS. l. c., p. 129 a (dimidiam mandibulam tredecim vulgares libras 16 unciarum appendere), 129 b (dens portentosus), 134 a (dimensio autem pedis illius pertingebat a calcaneo hominis justae staturae ad axillam ejusdem). Сл. латинскій гимнъ у Mone (Lateinische Hymnen des Mittelalters III, стр. 248:

Salve, quem tam mire Deus
traxit, o Christophore,
Cananeus giganteus
es procerus corpore.

[4]) l. c., p. 146 b слѣд.; о рукописяхъ ib. p. 142 b слѣд. и Harster, Walther v. Speier, p. 38.

ferarum et das eis linguam humanam. Et ingressus in ipsam civitatem orabat». Женщина, вышедшая изъ города поклониться идоламъ, испугалась его вида, «et facies ejus mutata est, videns corpus hominis, caput autem canis». По ея призыву «exierunt turbae multae et videre ipsum sanctum stantem et orantem juxta ecclesiam; et respiciens ad illum populum orabat dicens: Domine Deus meus, fac virgam meam florere et ramos bonos habere et folia formosa, quomodo mutasti in Cana Galilaeae aquam in vinum». Чудо совершается, и 18 тысячъ человѣкъ увѣровали во Христа. О томъ доносятъ Дагну, который посылаетъ за святымъ двѣсти человѣкъ и затѣмъ еще столько же; заставъ его молящимся «et ipsi orare coeperunt cum eo». При видѣ Христофора царь свалился съ престола, «quoniam magnus erat»; далѣе его ростъ опредѣляется: «cubitorum duodecim». Обращаясь къ нему Дагнъ говоритъ: «Canine»: позже: «fera mala», «qui intra feras nutritus est». Спрошенный о своемъ имени, святой показываетъ: «Reprobus dictus sum, post baptismum sanctum Christophorus vocor», а Дагну говоритъ: «Vere bene vocatus es Dagnus quia tu es pars mortis» — игра словъ непонятная по признанію болландистовъ [1]; въ греческомъ житіи Христофоръ говоритъ Декію: Δικαίως ἐκλήθης Δέκιος· δεκτικὸς γὰρ εἶ τῆς ἐνεργείας τοῦ διαβόλου; въ греческомъ подлинникѣ славянскаго житія успенскаго сборника стояло, очевидно, δοχός: «въ правьдоу реченъ бысть Декии, бърьвьно бо кси дияволю». — Слѣдуютъ мученія и смерть: 400-хъ воиновъ, которые посланы были за Христофоромъ (они говорятъ о себѣ: nos autem semel baptizati sumus?), Акилины и Никеи (= Каллиника греч. текста), трехъ царскихъ совѣтниковъ, наконецъ самаго святого. Послѣднее мученіе его состоитъ въ томъ, что воины по повеленію царя стрѣляютъ въ него съ перваго часа до двѣнадцатаго, но стрѣлы останавливались въ воздухѣ по бокамъ, не трогая тѣла. Когда на другой день явился Дагнъ и сталъ глумиться надъ Богомъ Христофора, одна изъ стрѣлъ сорвалась

[1] L. c., p. 148 a.

и угодила въ глазъ царю. Умирая, Христофоръ велитъ ему прійдти на мѣсто, гдѣ его погребутъ, взять персти, смѣшанной съ его кровью, и помазать глазъ. Дагнъ дѣйствительно исцѣляется и впредь запрещаетъ подъ страхомъ смерти кощунствовать противъ Бога христіанъ. Иначе въ греческомъ текстѣ, гдѣ нѣтъ чуда со стрѣлами, Христофоръ усѣченъ мечемъ, предрекая Декію злую смерть, которая и постигаетъ его.

Passio, напечатанная болландистами, можетъ служить образчикомъ того, болѣе древняго текста житія, который, помимо ея, сохранился въ цѣломъ рядѣ переработокъ и отраженій.

Въ X вѣкѣ Вальтеръ Шпейерскій дважды, стихами и прозой, пересказалъ легенду именно нашего типа, съ реторическими прикрасами и обусловленными тѣмъ отличіями, несущественными для критики. Я ограничусь разборомъ прозаическаго пересказа [1]).

Имена тѣ же: Reprobus, Dagnus, Samon въ Сиріи, Aquilina, Nicaea. Христофоръ «natione quidem et ritu exstitit *Chananaeus*, fidei vero et operum honesta conversatione apparuit Christianus... Quod autem hunc de terra Chananaea oriundum narrat historia, ratio non improbare videtur; nam et Simonem apostolum a Chana villa Chananaeum, id est, zeloten dici veritas habet, a quo et istius Chananaei religio non adeo distat. Ejusdem enim appellationis, licet non ejusdem loci ambo in terra sortiti vocabulum in coelo iam collegii societate fruuntur... Erant praeterea quaedam et in eo maxime non erubescenda conditionis humanae vestigia: longa enim, ut aiunt, et acuta facie *Cynocephalum*, id est *canini capitis* hominem praetendens interioris hominis formam bonorum operum studuit adornare constantia. Далѣе этотъ признакъ удержанъ: cynocephalici vultus... horrenda severitas; хотя женщина пугается лишь oculorum ejus gravitatem, и, явившись передъ Дагномъ, онъ всѣхъ поражаетъ, «cum staturae ejus procerìtas ceteris emineret, radiis oculorum... reverendus apparuit», тѣмъ не менѣе царь обращается къ нему съ словами: canina facies,

---

[1]) Harster, Waltheri Spirensis Vita etc. стр. 102 слѣд.

canina imago, ferocissima bestiarum. Изъ отличій противъ Passio укажу лишь на немногое: вмѣсто virga *ferrea*, едва ли не принадлежащей опискѣ, является просто baculus peregrinationis, при чемъ чудо съ посохомъ сопоставляется съ чудомъ въ Канѣ Галилейской (Passio), но и съ разцвѣтаніемъ Ааронова жезла (греческое мученіе); за мученіемъ отъ стрѣлъ (Passio) слѣдуетъ еще усѣкновеніе Христофора (греческое мученіе). Отмѣтимъ въ началѣ легенды нѣсколько указаній на юность Христофора: онъ сынъ знатныхъ родителей-язычниковъ; съ молодости отличался добрыми нравами, нищелюбіемъ, презрѣніемъ къ языческимъ обрядамъ. Его связываетъ лишь уваженіе къ законамъ родной страны и страхъ родителей, и вотъ онъ берется за страннический посохъ и направляется въ Сирію «nudus quidem thesauro... non habens peram vel sacculum, quoniam caelestis sibi praebuit annona solacium».

Итакъ, Христофоръ — кинокефалъ, Canineus, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *хананей*; сближеніе съ Симономъ *Кананеемъ* (изъ Каны) принадлежитъ ли измышленію Вальтера? Въ одномъ латинскомъ житіи, отрывокъ котораго приводится болландистами [1]), о Христофорѣ говорится: «ad hoc itaque sancti spiritus characterisma recipiendum per regenerationis lavacrum feliciter beatum apostolum Simonem, nomine Zelotem atque praenomine Chananaeum, adiit; cujus doctrina imbutus fideliter, tale in ipso purgationis fonte nomen sortitus est». — Въ Passio и у Вальтера Христофоръ чудеснымъ образомъ крещенъ въ облакѣ; форма: Cananaeus, вмѣстѣ съ указаніемъ на Симона, могла явиться на переходѣ отъ болѣе древняго: Canineus — кинокефалъ къ Chananaeus — хананей.

Легенду у Момбриція я знаю лишь по пересказу Шёнбаха [2]). Inc. Regnante Dano imperatore in civitate Samon in provincia Syrie venit quidam homo de insula (опущено: Cananeorum) ex genere Abnoch. — Alois Müller предполагаетъ въ Abnoch иска-

[1]) l. c., стр. 143 a.
[2]) Anzeiger, l. c.

женіе Anakim (великаны Библіи) подъ вліяніемъ такихъ именъ, какъ Abner, Abigail, Abimelech и пр. — Господь велитъ Репреву креститься, «et fugens ad ecclesiam Cristianorum gratiam baptismi consecutus est in nomine sanctae trinitatis». Онъ идетъ въ городъ; женщина пугается его вида: «videbat enim corpus hominis, *caput vero cananeum*»; и далѣе встрѣчается выраженіе: caput cananeum, ab illo capite cananeo — очевидно, вм. canineo; caput chananeum было бы безсмыслицей. Сл. въ молитвѣ Христофора къ Господу: mutas *linguas ferarum*, и обращеніе къ нему царя: *fera mala*. Разцвѣтающая палица является безъ эпитета: ferrea (Passio).

Изъ латинскаго житія вѣнской рукописи № 550, начала X вѣка, Шёнбахъ (l. c.) сдѣлалъ лишь незначительныя выписки. Императоръ Dagnus; о кинокефализмѣ, кажется, нѣтъ рѣчи, ибо женщина поражается лишь ростомъ (statura) Христофора. Онъ и названъ не canineus, а Cananeus, въ смыслѣ народнаго прозвища и отвлеченнаго отъ него понятія язычника: dum Cananeus, Reprobus dictus sum, post baptismum Christophorus vocor.

Судя по указанію на крещеніе въ облакѣ можно предположить, что редакціей, сходною съ Passio болландистовъ, пользовался еще въ IX вѣкѣ Ратрамнъ въ посланіи къ Римберту о кинокефалахъ [1]), которые, по его мнѣнію, homines potius quam bestiae deputandi videntur. Huic intelligentiae non parum suffragari videtur libellus de martyrio Christophori editus. Quemadmodum enim in eo legitur, hoc de genere hominum fuisse cognoscitur… Nam et baptismi sacramentum divinitus illum consecutum fuisse, *nubis ministerio eum perfundente, sicut libellus ipse testatur, creditur.*

Въ слѣдующей группѣ житій *кананей*-кинокефалъ уступилъ мѣсто *хананею*, и является цѣлый рядъ моментовъ, не встрѣчавшихся намъ доселѣ.

---

[1]) Fritsche, Der Brief des Ratramnus über die Hundsköpfe, у Hilgenfeld'a Zs. f. wissenschaftliche Theologie XXIV Jahrg. (1881), стр. 63—64.

Такъ у Якова de Voragine (ed. Graesse, p. 430 слѣд.): «Christophorus gente Chananaeus procerrimae staturae vultuque terribili erat et XII cubitos in longitudine possidebat»; Дагнъ называетъ его: Chananaee malefice! либо говоритъ: inter feras nutritus es et tu non potes nisi opera feralia et hominibus incognita loqui. Кинокефалъ изчезъ, но въ самой легендѣ гораздо больше баснословнаго элемента, чѣмъ въ предшествующей. Начало совершенно сказочное: Христофоръ былъ на службѣ у какого-то хананейскаго царя, когда ему пришло на мысль «ut maiorem principem, qui in mundo est, quaereret et ad eumdem secum moraturus accederet. Venit igitur ad quemdam maximum regem, de quo generalis fama habebatur, quod majorem mundus principem non haberet. Quem rex videns libenter recepit et in sua curia manere fecit. Quodam autem die joculator quidam cantionem coram rege cantabat, in qua frequenter diabolum nominabat». Всякій разъ, при его упоминаніи, царь крестится, а на вопросъ Христофора, почему онъ это дѣлаетъ, отвѣчаетъ: «Quemcunque diabolum nominari audio, hoc signo me munio timens, ne in me potestatem accipiat mihique noceat». Какъ услышалъ это Христофоръ, рѣшилъ пойдти служить діаволу (ut ipsum mihi in dominum assumam), котораго встрѣчаетъ въ пустынѣ, въ образѣ воина (miles ferus et terribilis), окруженнаго другими воинами. У него онъ остается; однажды они шли вмѣстѣ по дорогѣ; увидя крестъ, діаволъ испугался и свернулъ въ сторону, увлекая съ собою Христофора. Когда онъ объяснилъ ему причину своего страха, тотъ заключаетъ, что Христосъ сильнѣе его хозяина и отправляется искать кого-нибудь, «qui sibi Christi notitiam indicaret». Пустынникъ, на котораго набрелъ Христофоръ, поучаетъ его: «Rex iste, cui servire desideras, istud requirit obsequium, quia frequenter jejunare oportebit». Но Христофоръ отказывается отъ этого, а что такое молитва, о которой говорятъ ему, онъ и не знаетъ. Тогда пустынникъ велитъ ему поселиться на рѣкѣ, опасной для переправлявшихся черезъ нее, и всѣхъ переносить на ту сторону: такъ онъ послужитъ Христу. Христофоръ такъ

и поступаетъ, и однажды, перенося на плечахъ мальчика-Христа, чуть не изнемогъ подъ его тяжестью: «In magno periculo, puer, me posuisti et adeo ponderasti, quod, si *totum mundum* super me habuissem, vix majora pondera praesensissem». На другомъ берегу Христосъ объявляетъ себя: «ut me verum dicere comprobes, cum pertransieris, baculum tuum juxta domunculam tuam in terra fige et mane ipsum floruisse et fructificasse videbis». Стало быть, то же чудо, что и въ предшествующей легендѣ, иначе пріуроченное.

Той-же легендой, какъ и Яковъ de Voragine, пользовался авторъ средневѣковой нѣмецкой стихотворной повѣсти о Христофорѣ, изданной Шёнбахомъ (A). Онъ былъ «ein man des libes ungehiure» (v. 89), ein rise (v. 757), котораго не могла снести ни одна лошадь (v. 159); онъ поочередно служитъ у рыцаря, графа, короля, императора, папы; крестное знаменіе, которымъ ограждается папа отъ діавольской напасти, побуждаетъ его поступить въ услуженіе къ діаволу; но онъ вскорѣ покидаетъ его, когда видитъ его страхъ передъ крестомъ. Слѣдуетъ встрѣча съ пустынникомъ; Христофоръ переноситъ младенца Христа; эпизода о разцвѣтшей палицѣ нѣтъ въ этой связи, и то, что слѣдуетъ далѣе, обращаетъ насъ къ редакціи Passio. Христофоръ вышелъ на берегъ, чудесный младенецъ исчезъ; *облако* осѣняетъ будущаго святого, и ангелъ велитъ ему итти въ Сирію, въ городъ Samône, къ королю Dagnus. Женщина, вышедшая изъ города, пугается Христофора, и совершается чудо съ разцвѣтшей жердью (v. 1075—1076: ein holz unmâzen grôz, — Ein dornenstap, der rinden blôz). О томъ, что Христофоръ — кинокефалъ или хананей, не говорится ни слова.

Средневерхне-нѣмецкая стихотворная легенда B, изданная тѣмъ-же Шёнбахомъ, придѣлала къ схемѣ de Voragine своеобразное введеніе. Отецъ и мать святого, живущіе въ Персіи или Аравіи (v. 78—79) — добродѣтельные люди, хотя и язычники; долгое неплодіе побуждаетъ мать къ обѣщанію стать христіанкой, если у нея будетъ потомство. Родится великанъ Offorus:

одного году отъ роду онъ былъ словно тридцатилѣтній и не удовлетворялся молокомъ десяти кормилицъ и болѣе (v. 163 слѣд.); когда ему было 20 лѣтъ, онъ всѣхъ превосходилъ въ силѣ и ловкости (v. 183 слѣд.); ни одинъ конь не выносилъ его (v. 216); онъ такъ великъ, что люди верхомъ доходятъ ему до плеча (v. 219 слѣд.). Онъ также ищетъ властелина, сильнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ, и скрывшись отъ родителей, приходитъ сначала къ лѣснику (waldman v. 392), затѣмъ встрѣчается съ охотникомъ, котораго переноситъ вбродъ черезъ глубокій потокъ (v. 473 слѣд.), и несетъ одинъ всю охотничью добычу (v. 513 слѣд.). Онъ поступаетъ на службу къ хозяину охотника, но уходитъ отъ него, увидѣвъ, что тотъ, зѣвая, перекрестилъ ротъ (v. 520 слѣд.), и узнавъ тому причину. Боязнь діавола передъ распятіемъ побуждаетъ его покинуть и второго господина, хотя тотъ принялъ его къ себѣ и даже сотворилъ гигантскаго коня, который могъ бы выдерживать его тяжесть (v. 605 слѣд.). Послѣдняя его встрѣча съ пустынникомъ, который принимаетъ Оффора и печетъ для него хлѣбъ; хлѣба выходитъ такъ много, что пустыннику хватило бы на мѣсяцъ (v. 785 слѣд.). Очутившись перевощикомъ на морѣ, Оффоръ вырываетъ дерево, чтобъ оно служило ему опорой при переходѣ въ бродъ (v. 894 слѣд.). Когда онъ переноситъ Христа и изнемогаетъ подъ ношей, пустынникъ видитъ съ берега, что надъ нимъ витаютъ ангелы (v. 1084). Младенецъ Христосъ креститъ его во время перехода по морю, и тутъ же совершается чудо разцвѣтанія палицы, находившейся въ рукахъ Оффора (v. 1113 слѣд.). Слѣдуетъ далѣе вторая часть легенды: мученіе, безъ обозначенія мѣстности и собственныхъ именъ, какъ нѣтъ и иконографической характеристики святого [1]).

---

[1]) Указанія на нѣкоторые пересказы и передѣлки легенды о Христофорѣ на народныхъ языкахъ см. у Schönbach, Anzeiger, l. c. p. 169; сл. Kolberg, Lud, ser. XIV, cz. VI, стр. 158—160. — Интересенъ народный сициліанскій разсказъ о св. Эльмѣ (Sant'Ermu) и Христофорѣ: въ старые годы жилъ въ Калабріи, въ пещерѣ, пустынникъ св. Эльмъ; жилъ онъ милостынею, но когда по смерти брата на его рукахъ остались семь сиротъ — племянницъ, онъ не

II.

Изъ предшествующаго обозрѣнія выяснилось, какимъ важнымъ признакомъ для распредѣленія редакцій легенды о Христофорѣ является его кинокефализмъ. Къ сожалѣнію, этотъ тератологическій признакъ географически колеблется.

Кинокефаловъ древніе помѣщали то въ Индіи[1], то въ Африкѣ. Первые изображаются чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и обезьяной: они живутъ охотой и держатъ стада, питаясь молокомъ и вяленымъ мясомъ; вымѣниваютъ у индійцевъ оружіе на янтарь и знаютъ выдѣлку пурпура; понимая индійскій языкъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣютъ говорить, а воютъ и лаютъ (ὠρύονται), какъ собаки, и объясняются знаками; у нихъ клыки больше собачьихъ, когти длинные и острые и большіе пушистые хвосты ὑπὲρ τῶν ἰσχίων.

Такое же колебаніе между образомъ человѣка и обезьяны представляютъ преданія объ африканскихъ кинокефалахъ, которыхъ древніе писатели указываютъ то въ Ливіи, то въ Эѳіопіи[2].

зналъ какъ быть и взмолился Богу. Господь послалъ къ нему великана Христофора съ фонаремъ, чтобы въ бурныя ночи свѣтить бѣднымъ контрабандистамъ. Такъ святой и сдѣлалъ; съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы онъ не возвращался домой съ обильной милостыней, которая дала ему возможность прокормить и выдать замужъ племянницъ. Еще и теперь по молитвѣ моряковъ св. Эльмъ сходитъ съ неба съ своимъ фонаремъ и помогаетъ въ бурю (Pitrè, Meteorologia popolare siciliana, Archivio IV, fasc. 4). — *Фонарь* Христофора перевозчика соединился въ этой легендѣ съ представленіемъ о спасительныхъ *свѣточахъ* св. Эльма.

[1]) См. указанія у Fritsche, l. c. p. 59 слѣд.: Ктезій (Photius, Bibl. 72, ed. Bekker, p. 47 s.; Ctesiae operum reliquiae ed. Baehr, Franc. ad. M. 1824, 8°, p. 252—254 и прим. Бэра, p. 320 слѣд.), Эліанъ, De nat. an. 4, 46; Плиній, Hist. nat. 7, 2, 23; Авлъ Геллій, Noct. Att. 9, 4, 9.

[2]) См. Ehrenberg, Ueber den Cynocephalus der Aegyptier nebst einigen Betrachtungen uber die aegyptische Mythe des Thot und Sphinx vom naturhistorischen Standpunkte, въ Abhandl. d. kön. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1833, стр. 337 слѣд.; Fritsche, l. c. p. 58—59. Свидѣтельства классиковъ объ африканскихъ кинокефалахъ: Herodot. 4, 191; Agatharchides у Фотія, Bibl. 250 ed. Bekker, p. 455 b; Diodor. Sicul. 3, 35; Plin. Histor. nat. 8, 54, 80; сл. 6, 2, 184; 7, 2, 31; Solinus ed. Th. Mommsen, Berol. 1864, p. 143; Aelian. De nat. an. 6, 10; 7, 19; 17, 8; 10, 25, 30; Strabo 774, 812; Lucian. Dial. mar. 7, 2, Toxaris 28; Horapollinis Hieroglyphica ed. Leemans, l. I, c. 14 и прим. — Сл. Pietschmann, Hermes Trismegistus, p. 6—7, 16, 21 слѣд., 38, 44—45; Parthey, Plutarch Ueber

По Плинію «gens Menisminorum» въ Эѳіопіи держала стада кинокефаловъ, питаясь ихъ молокомъ; у Эліана эѳіопскіе песиглавцы — κυνοπρόσωποι ἄνθρωποι, черные, волосатые, съ головой и зубами собаки и острыми когтями. Съ другой стороны при Птолемеяхъ упоминаются ученые кинокефалы, пляшущіе и играющіе на флейтѣ и т. п. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ роль въ египетскомъ культѣ: кинокефалы посвящены лунѣ, являясь ея символомъ[1]); ихъ почитаютъ въ Гермополѣ (Strabo 812: τιμῶσι κυνοκέφαλον Ἑρμοπολῖται), гдѣ найдены были и ихъ муміи; они посвящены Гермію-Тоту (ἔτι δὲ καὶ τὸ ζῶον ἐπὶ Ἑρμῇ ἐνεμήθη τῷ πάντων μετέχοντι γραμμάτων, Horapoll. Hieroglyph. I, 14), почему кинокефалу, вводимому въ храмъ, δέλτον αὐτῷ παρατίθησιν ὁ ἱερεύς, καὶ σχοινίον καὶ μέλαν, πειράζων εἰ ἐκ τῆς ἐπισταμένης

Isis u. Osiris, p. 195; Pierret, Le Panthéon égyptien (Paris 1881) p. 56, прим. 5; Lafaye, Histoire du culte des divinités d'Alexandrie: Sérapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors de l'Egypte (Paris 1884) p. 260—261; сл. ibid. описаніе изображеній подъ №№ 76, 96, 97, 102, 103, 112 и др.—Я не касаюсь здѣсь вопроса о различной локализаціи кинокефаловъ у позднѣйшихъ путешественниковъ (Мандевилль, напримѣръ, помѣщаетъ ихъ на островѣ Накумерѣ: Мадагаскаръ и Коморо), ни сходныхъ преданій о происхожденіи того или другаго племени отъ смѣшенія женщинъ съ собаками. Такихъ преданій довольно много: они разсказывались о жителяхъ Пегу (Камоэнсъ, Os Lusiadas, X, 122), объ Айно (у японцевъ), при чемъ интересно напомнить слѣдующія этнографическія подробности: у Айно лицо плоское, четырехугольное, съ выступающими скулами и складкой, спадающей на верхнюю губу; женщины окрашиваютъ сокомъ растенія koutsi-kf'-за полость рта, вокругъ котораго образуется широкая синяя полоса. Растительность волосъ на груди и спинѣ у Айно необычайная; они держатъ въ большомъ почетѣ собаку и почти боготворятъ ее (Hellwald, Naturgeschichte des Menschen, 52 Lief. p. 571—572). «Professor Rhys speaks of the Dog-men, sons and slaves of the Dog, an un-Aryan, un-Celtic, un-Teutonic nomenclature, peculiar to the prae-Celtic population of Great Britain, with whom the Northmen came into contact.... This phenomenon of nomenclature recalls at once the Hundings, Dogsons, of the Helgi Lays — Macbeaths and Maelbeaths, due, we have little doubt, to Livernian influence». Vigfusson and Powell, Corp. poet. boreale, I, стр. CXXII, прим. 1. Сл. родовыя названія: *Hundt* von Dorfheim, въ Pinzgau (Panzer, Bayerische Sagen und Bräuche I, 8), *Hund* von Wenkheim (Bechstein, Sagenschatz des Thüringerlandes, n. Aufl., IV, 199) и матеріалъ, собранный Либрехтомъ въ статьѣ: Romulus und die Welfen (Zur Volkskunde, стр. 17 слѣд.).

[1]) Сл. по этому поводу мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности, IV: Къ вопросу объ апологахъ Кирилла, стр. 49 и слѣд. (l. I, c. 9) и 53.

ἐστι συγγενείας γράμματα (l. c.), какъ съ другой стороны тою же связью съ Герміемъ-Тотомъ объясняется образъ кинокефала, управляющаго вѣсами въ изображеніяхъ посмертнаго суда надъ покойникомъ. Какъ Гермій-Тотъ изображался кинокефаломъ (Lucian. Dial. mar. 7, 2: Ἑρμῆς ἀντὶ νεανίου κυνοπρόσωπος γεγένηται), такъ въ греко-латинскую пору Anubis смѣнилъ свою шакалью голову — головой собаки (Strabo 812: ἑξῆς δ' ἐστὶν ὁ Κυνοπολίτης νομὸς καὶ Κυνῶν πόλις ἐν ᾗ ὁ Ἄνουβις τιμᾶται), являясь въ роли Гермія Психопомпа (Ἑρμάνουβις, Plutarchi De Is. et. Osir. c. 61) въ изображеніяхъ погребенія и посмертнаго суда: онъ ведетъ души умершихъ на тотъ свѣтъ; совершая погребальные обряды, какъ бы уготовляетъ людямъ загробные пути, почему его зовутъ открывающимъ, уготовляющимъ пути. Изображенія греческой эпохи представляютъ его кинокефаломъ, съ мѣсяцемъ, либо двумя звѣздами надъ головой, съ кадуцеемъ и talaria Гермія на ногахъ, съ пальмовой вѣтью въ рукахъ: символомъ смерти, который Египтяне носили провожая покойника; иногда стволъ пальмы виднѣется сзади или съ боку или спереди; въ рукѣ — глобусъ (земной шаръ) или палица. Обыкновенно онъ одѣтъ въ тунику съ короткими рукавами, не доходящую до колѣнъ, охваченную по тальѣ поясомъ; съ плечъ спускается плащъ, либо откинутый назадъ, либо покрывающій всю фигуру. Такъ онъ изображается на барельефахъ, геммахъ, монетахъ и фрескахъ, и въ колоссальной статуѣ, найденной въ Порто и нынѣ находящейся въ капитолійскомъ музеѣ.

Къ какому изъ указанныхъ двухъ преданій о кинокефалахъ, индійскому или египетскому, примыкаетъ легенда о кинокефалѣ Христофорѣ? На это отвѣтить, быть можетъ, коптскія и эѳіопскія отреченныя Дѣянія апостоловъ Андрея и Варѳоломея, вѣроятно, составленныя въ Египтѣ, такъ какъ распространеніе ихъ ограничилось коптскими и абиссинскими христіанами, и они не проникли ни къ сирійцамъ, ни къ грекамъ и латинянамъ [1]).

[1]) Сл. Lipsius, Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden (1884), II, стр. 85—86; сл. для слѣдующаго ibid. стр. 76 слѣд.

Въ коптскихъ актахъ апостолы Андрей и Варѳоломей, направляясь къ парѳамъ, проповѣдуютъ слово Божіе у кадареновъ = казареновъ или макedановъ, въ городѣ Jericho = Rochon; ихъ подвергаютъ мученіямъ, а Господь посылаетъ имъ на помощь человѣка изъ страны кинокефаловъ, по имени *Christianus*. Въ театрѣ, гдѣ собрался народъ, онъ пожираетъ двухъ львовъ и наводитъ такой ужасъ на житилей, что они бѣгутъ изъ города, который, по молитвѣ апостоловъ, окружила огненная стѣна, и народъ бросается къ ногамъ Андрея и Вароoломея. Они обращаютъ кинокефала въ скромнаго, тихаго мальчика; Варѳоломей даетъ ему новое имя Πιστός, обѣщая ему царствіе небесное и вѣчную славу за помощь, имъ оказанную въ обращеніи невѣрныхъ.

Арабскій Синаксарій переноситъ мѣсто дѣйствія нъ страну берберовъ [1]); эѳіопскіе акты ведутъ апостоловъ Андрея и Варѳоломея сначала въ Azrianos (= Jericho, Rochon), упоминаютъ городъ Macedonia, Mactran (македаны коптск. т.), но чудо съ кинокефаломъ совершается, вѣроятно, по ошибкѣ, не въ Jericho, а въ Barthos, то-есть, у парѳовъ, куда и въ коптскихъ текстахъ направляются апостолы. Господь посылаетъ имъ на помощь *изъ города*, откуда ихъ изгнали, кинокефала; ангелъ направляетъ его къ нимъ, наставляетъ въ истинной вѣрѣ. Въ доказательство истины его словъ, нисходитъ съ неба пламя, окружающее кинокефала, не причиняя ему вреда; тогда ангелъ дѣлаетъ надъ нимъ знаменіе креста: тотчасъ звѣриное естество его покинуло, и онъ становится покорнымъ какъ овечка. Онъ идетъ къ мѣсту, гдѣ скрывались апостолы и ихъ ученики, Руфъ и Александръ; видъ его былъ ужасенъ: росту онъ былъ четырехъ аршинъ, голова точно большаго пса, глаза огненные, клыки какъ у медвѣдя или льва, ногти у пальцевъ на ногахъ, словно кривые садовые ножи, ногти у пальцевъ на рукѣ, точно львиныя когти, а волосы и борода спускались какъ львиная грива. Апостолы бѣгутъ отъ страха, но кинокефалъ удержалъ за руку Александра и Руфа и

---

[1]) См. Lipsius, l. c. p. 78 и I p. 621 (городъ: Garanius).

объясняетъ, зачѣмъ онъ къ нимъ присланъ. Тогда возвращаются и апостолы, и св. Андрей даетъ ему, вмѣсто прежняго его имени — Порока — новое: Христіанинъ. Вмѣстѣ они идутъ въ городъ, кинокефалъ — съ покрытымъ лицомъ; жители напустили на апостоловъ львовъ, онъ сорвалъ съ себя покрывало, его звѣриная натура вернулась къ нему: онъ бросается въ народъ и убиваетъ 603 именитыхъ мужей города. Всѣ обращаются къ истинной вѣрѣ и обнаруживаютъ желаніе выслушать въ театрѣ слово проповѣди; апостолы ведутъ съ собою и кинокефала, который по ихъ молитвѣ принимаетъ человѣческій образъ и мирно, точно овечка, ложится у ногъ святыхъ.

Соединяя коптскій съ эѳіопскимъ пересказомъ Дѣяній и сравнивая тотъ и другой съ данными Христофоровой легенды, мы получаемъ такое уравненіе: тамъ и здѣсь — кинокефалъ страшнаго вида, «Порокъ» или Reprobus (отверженный) по имени, и вмѣстѣ съ тѣмъ — избранный стать орудіемъ Божественнаго слова, вѣрнымъ (Πιστός), *христіаниномъ* (Christianus) — или Христофоромъ. Къ послѣднему имени, понятому конкретно, могла примкнуть легенда о вещественномъ, не только нравственномъ, несеніи Христа [1]). — Тамъ и здѣсь крещеніе Кинокефала совершается при особыхъ, несомнѣнно сходныхъ обстоятельствахъ: въ Дѣяніяхъ кинокефала окружаетъ небесное пламя, какъ Христофора — облако. Можетъ быть, и къ разцвѣтшему и принесшему плоды жезлу Христофора позволено усмотрѣть параллель въ легендѣ коптскаго Синаксаря о проповѣди ап. Варѳоломея въ египетскихъ оазисахъ [2]): проданный одному купцу, какъ искусный

---

[1]) Извѣстно, что «несеніе» Христа въ легендѣ о Христофорѣ нерѣдко понималось въ отвлеченно-символическомъ значеніи — бремени вѣры. Мистическое видѣніе Аѳанасія Филипповича относитъ насъ къ такому именно пониманію. «Въ пустынной мѣстности встрѣтился мнѣ больной и слабый человѣкъ. Я взялъ его на свои плечи и несъ его не мало. Этотъ незнакомецъ раскрылъ мнѣ дивныя дѣла о тайнахъ божіихъ и наконецъ далъ знать, что ему было наисладчайшее имя Іисусъ Христосъ». Сл. Орестъ Левицкій, Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ Брестъ-литовскій. Кіевъ, 1878 (оттискъ изъ Кіевскихъ универс. извѣстій 1878 г.), стр. 4.

[2]) Lipsius, l. c. p. 86 слѣд.

виноградарь, Варѳоломей не занимается своей работой, а по ночамъ проповѣдуетъ въ городѣ; когда же хозяинъ потребовалъ отъ него отчета, онъ беретъ три лозы, прикрѣпляетъ ихъ крестообразно къ одному дереву, и онѣ тотчасъ покрываются ягодами.

Липсіусъ [1]) полагаетъ, что македановъ, казареновъ или кадереновъ и городъ Rochon, вѣроятно, искаженный въ Іерихонъ, слѣдуетъ искать въ Эѳіопіи. Если придержаться Іерихона, то можно бы сблизить македановъ съ *Makkeda*, казареновъ съ Gaser, или Gazara — столицами языческихъ *хананейскихъ* царьковъ, какою являлся и *Іерихонъ*; именно изъ Іерихона (если подподставить его вмѣсто Barthos эѳіопскаго текста) выходитъ на встрѣчу апостоламъ помощный имъ кинокефалъ. Онъ, стало быть, такой же хананей, какъ и св. Христофоръ, и Canineus было бы только переводомъ кинокефала, въ фонетическомъ приспособленіи къ Chananeus? Именно въ виду коптскаго апокрифа и его возможной *связи* съ легендой о св. Христофорѣ такое развитіе значеній представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположенное выше: отъ Canineus = кинокефалъ къ Cananaeus. Это не мѣшаетъ намъ въ самомъ *образѣ* кинокефала, какъ онъ выразился въ легендѣ и апокрифѣ, видѣть слѣды египетскихъ представленій; одно изъ языческихъ именъ Христофора: Онуфрій — египетское: Un-nefer означаетъ; благое существо, ἀγαθοδαίμων [2]); его предрасположеніе къ христіанству напоминаетъ общія мѣста скитскихъ житій: такъ св. Антонію, отправлявшемуся искать пустынножителя Павла, служатъ руководителями въ пустынѣ Кентавръ и Сатиръ, который проситъ его помолиться о немъ и затѣмъ изчезаетъ. Сатиръ, Панъ и др. были у древнихъ такимъ же двойственнымъ, какъ и кинокефалъ, обозначеніемъ для обезьянъ, либо дикихъ народовъ, населявшихъ Эѳіопію и Аравію.

---

[1]) L. c. 84—85; сл. Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums, ad v. Geser, Jericho, Makkeda.

[2]) См. Parthey, Personennamen bei den Klassikern, in Papyrusrollen, auf Inschriften. Berlin 1864 (Onnophris, Oenuphis); Goodwin, Coptic and Graeco-Egiptian Names (Zs. f. Aegypt. Sprache u. Alterthumskunde 1868, p. 64—9); Lepsius, Die Chronologie der Aegypter I (Berlin 1849), p. 43, прим. 6 (сообщ. г. Леммомъ).

Въ одной изъ пѣсенъ о рожденіи, анализованной В. Ѳ. Миллеромъ (стр. 117—121), у стараго короля Фюлюше нѣтъ дѣтей, и онъ скорбитъ о томъ. Отправляясь на войну противъ арабскаго краля, онъ говоритъ женѣ, что если вернувшись, онъ не найдетъ ее съ ребенкомъ на рукахъ, то снесетъ ей голову. Жена плачетъ и молится; и Господь услышалъ ее и посылаетъ ей во время сна маленькую Дэву, которая, разбудивъ царицу, говоритъ ей, что пришла къ ней съ вѣстью съ неба: она родитъ мальчика по сердцу, который будетъ чудомъ на землѣ, исходитъ весь свѣтъ, погубитъ всѣхъ царей и станетъ первымъ надъ всѣми; у него на ногахъ будутъ три крыла, коса золотая; онъ пойдетъ въ землю «Шереніе», гдѣ человѣкъ не ступалъ, птица не залетала. Дэва говоритъ царицѣ, что къ ней ночью явится молодой змѣйцаревичъ, служитель бога на небѣ: лицо его свѣтится какъ солнце, на ногахъ крылья; пусть сойдется съ нимъ, и у нея родится мальчикъ по сердцу, котораго она назоветъ «Лесандра войвода». Все случилось, какъ сказала Дэва: черезъ три мѣсяца родился чудесный ребенокъ, который никого не страшился, а черезъ годъ уже скакалъ на «вологлавомъ» конѣ, на которомъ и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу, недоумѣвающему, кто этотъ незнакомый юнакъ. Ему говорятъ, что это его сынъ, и онъ обнимаетъ его; тотъ говоритъ ему:

Йот' на' мен', тате, душмане на устави?
Чи язъ самъ юнакъ надъ сити юнаци!

(«Зачѣмъ, тятя, ты не оставилъ враговъ на мою долю? Вѣдь и я юнакъ надъ юнаками»). Отецъ успокоиваетъ сына и затѣмъ задаетъ пиръ, чтобъ отпраздновать его рожденіе. Семьдесять королей собралось, чтобы посмотрѣть на чудеснаго ребенка, поднести ему дары; но, Лесандру ихъ дары не нужны: онъ добирается до ихъ земель, обѣщаетъ завладѣть ими и стать первымъ царемъ на землѣ. Смутились короли этою отповѣдью, собираются во свояси, а арабскій царь приглашаетъ ихъ погостить у него, чтобы подумать, какъ имъ быть съ Лесандромъ. Они уже рѣ-

шили отправиться къ нему съ поклономъ; одинъ лишь Шеренина-крале не согласенъ на то, Лесандра онъ не боится: на его землю ни одинъ человѣкъ не ступалъ, ни одна птица туда не залетала; тогда короли обращаются къ вышнему богу съ молитвой, чтобъ онъ избавилъ ихъ отъ Лесандра. Явился молодой змѣй и говоритъ: пусть идутъ къ Лесандру съ дарами и мольбой, ибо когда онъ еще не родился, «ризницы» написали ему судьбу, что онъ исходитъ всю землю, погубитъ всѣхъ королей и будетъ первымъ царемъ на землѣ. — Семьдесятъ королей идутъ къ Лесандру, не явился къ нему лишь король земли Шереніе, противъ котораго онъ отправляется въ походъ и завоевываетъ его землю, равно какъ и земли семидесяти королей. Такъ сталъ онъ первымъ царемъ на землѣ (401 ст.).

Въ другой редакціи той же пѣсни («Борба Филиппова со Хиринска Крале»; сл. Dozon, l. c. стр. 42) вмѣсто Фюлюше является старый король Фелешина, у него жена Груздина. Завязка пѣсни та же: тотъ же наказъ мужа, отправляющагося въ походъ на Хиринскаго краля, то-же горе жены. И здѣсь небеснымъ посланникомъ является молодой Дэвъ, вѣщающій, между прочимъ, объ Илесандрѣ:

86 Ша си носи криле на мишници
Та ша фарка кату пиле на небе·ту,
Я коса та ша си му е злaтна на глава та.

Ночью является къ Груздинѣ молодой змѣй-королевичъ, съ золотыми волосами и золотыми крыльями на ногахъ. Рожденіе Илесандра; какъ увидѣла его мать, начинаетъ плакаться:

243 Ой Боже ле мили Боже!
Даде си ми Боже мажку дете,
Какъ ни ми бе далъ,
Пакъ да ми ни дадеше,
Чи е дете йогневиту пламениту.
Лу какъ ша гу види мое парве либе,
Глава ша ми земе, млада ша ма погуби
Чи са самъ сфодила съ млада змее.

Въ заключеніе — вопросъ. Если Гермій-Тотъ отразился въ Іереміи сербской Александріи, а древнее изображеніе Гора на крокодилѣ — въ иконографіи св. Мены, то почему бы не допустить въ легендѣ у Якова de Voragine о песиглавцѣ Христофорѣ, переносящемъ черезъ рѣку странниковъ, съ палицей въ рукѣ, разцвѣтающей впослѣдствіи, изнемогающемъ подъ бременемъ Христа, точно на его плечахъ покоился *цѣлый міръ*, — почему бы не предположить во всемъ этомъ отраженіе египетскаго представленія о песьеглавомъ Анубисѣ, переводящемъ души (черезъ рѣку, отдѣляющую насъ отъ міра?), съ палицею въ рукѣ (или пальмой; либо пальмовымъ деревомъ въ сторонѣ) и глобусомъ, символомъ *міровой «тяги»*? Я оставляю это — вопросомъ.

Другимъ отраженіемъ древняго представленія является роль песиглавцевъ въ нашихъ изображеніяхъ страшнаго суда. Въ гностической Pistis Sophia, переведенной съ коптскаго Шварцомъ [1]), Богородица спрашиваетъ Христа: mi domine, quonam τύπῳ est caligo externa? Aut quot loca κολάσεως sunt in ea? Іисусъ Христосъ отвѣчаетъ: Caligo externa magnus δράκων est, cujus cauda in suo ore, est extra κόσμον totum et circumdat κόσμον totum. Sunt multi τόποι κρίσεως in eo, habentes duodecim ταμεῖα κολάσεως dura. Est ἄρχων in quovis ταμείῳ; est facies ἀρχόντων varia inter se invicem. Primus δὲ ἄρχων existens in primo ταμείῳ est faciei crocodili, cujus cauda in ore suo... Et ἄρχων qui est in secundo ταμείῳ, facie felis est... et ἄρχων qui est in tertio ταμείῳ *facies canis est*. Своимъ ученикамъ Христосъ велитъ проповѣдывать: ἀποτάσσετε κόσμῳ toti et ὕλῃ toti quae in eo atque ejus curis omnibus atque ejus peccatis omnibus... et sitis digni μυστηρίοις luminis, ut servemini a κολάσεσιν omnibus, quae in κρίσεσιν,... ut servemini *ab ardore faciei caninae*; и далѣе: a *fluviis ardoris faciei caninae, a fluviis fumi faciei caninae*. — Кинокефалы древне-египетскаго загробнаго суда могли обратиться въ карающихъ демоновъ христіанства.

---

[1]) Pistis Sophia, vertit M. G. Schwartze, ed J. H. Petermann. Berolini, 1851, стр. 319 и слѣд., 254 и слѣд.

ЗАМѢТКА КЪ ГЛАВѢ VIII [1]).

БОЛГАРСКІЯ ПОБЫВАЛЬЩИНЫ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ.

Популярность Александріи на славянскомъ югѣ была обширная: она сказалась въ легендахъ, мѣстныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ. Пѣсни подобнаго рода были собраны во Ѳракіи и Македоніи г. Верковичемъ, и содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ было сообщено и объяснено Дозономъ въ его Rapport sur une mission littéraire en Macédoine (Paris 1873, стр. 38 слѣд.), В. Ѳ. Миллеромъ въ его замѣткахъ по поводу сборника г. Верковича (Ж. М. Нар. Просв. 1877 г., Октябрь, стр. 115 слѣд.) и, наконецъ, Гейтлеромъ (Poetické tradice Thráků i Bulharů. V Praze 1878). Въ самомъ сборникѣ, которымъ я могъ пользоваться въ рукописномъ экземплярѣ г. Сырку, нашлось нѣсколько любопытныхъ варіантовъ, которые и будутъ приняты во вниманіе. Говоря далѣе о пѣсняхъ, я удерживаю обозначеніе собирателя и его толкователей, хотя эти пѣсни не поются, а сказываются, какъ сказки (Dozon стр. 15, Geitler стр. 76), и ихъ метрика разрушена.

I.

Собственно говоря, только пѣсни о *рожденіи* Александра могутъ быть названы отраженіемъ книжной Александріи, въ другихъ же она сохранилась темными отзвуками, либо и однимъ именемъ героя, случайно попавшимъ въ пѣсню, не имѣющую ничего общаго съ преданіями о немъ.

---

[1]) Сл. стр. 367, прим. 2.

Еще одна пѣсня, не напечатанная въ нашемъ сборникѣ, но пересказанная Дозономъ (l. c. стр. 40—41), относится къ разбираемому циклу.

Царь Фелипе приводитъ вологлаваго коня, который не даетъ осѣдлать себя и проситъ держать его въ конюшнѣ, кормя хлѣбомъ и виномъ, пока не родится у Фелипе чудесный сынъ—его будущій всадникъ. Фелипе ищетъ себѣ невѣсты: служитель Бога judnina reje указываетъ ему на дочь царя янской земли (janska zeme), за которую онъ и сватается; но самъ judnina reje влюбился въ нее и даетъ ей испить зелья, вслѣдствіе чего она не будетъ матерью, пока не сойдется съ нимъ. — Слѣдуетъ отъѣздъ Фелипе на войну противъ царя Румина и его извѣстное обращеніе къ неплодной женѣ. Черезъ три года judnina reje получаетъ отъ Бога позволеніе сойти на землю и, явившись въ Златнина града, говоритъ царицѣ, что посланъ съ неба, чтобы сдѣлать ее плодною. Когда родится Александръ (съ крыльями за плечами), вологлавый конь ржетъ, срывается съ цѣпей и выбѣгаетъ изъ стойла; на немъ Александръ и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу. На слѣдующемъ затѣмъ пиру банъ Ибрагимъ даетъ ему имя «Олесандра войвода», ибо онъ будетъ юнакъ надъ юнаками, а мальчикъ разсказываетъ, что во снѣ ему явилась юда-самовила и по золотой книгѣ предсказала, что онъ покоритъ всю землю. Арабскій царь, оскорбленный этими словами, уходитъ съ пира; на пути ламія совѣтуетъ ему противостоять Александру, который, возмужавъ, строитъ при помощи самовилы Бѣлый городъ, Бела града [1]). Побѣдивъ затѣмъ арабскаго царя, онъ отказывается войдти въ его гаремъ, гдѣ находилась и его дочь, ибо боится быть побѣжденнымъ дѣвушкой и стать предметомъ насмѣшки. Предоставивъ покоренную страну своему байрактару, онъ возвращается въ Бела града, гдѣ живетъ жизнью отшель-

[1]) Въ одной пѣснѣ сборника Верковича, которою пользовался Гейтлеръ (76), Филиппъ строитъ Филиппополь при помощи змѣинаго бога, въ честь котораго и ставитъ храмъ.

ника, отказавшись отъ брака и проводя время въ молитвахъ и славословіи.

Коротенькая пѣсня, бывшая въ рукахъ у Дозона (стр. 39) но отсутствующая въ нашемъ спискѣ, также относится къ юности «Александра», хотя не къ его рожденію: его отцу подарили вологлаваго коня; много царей собралось въ Бела-градѣ, пытаются сѣсть на коня, но удается это лишь Александру; удивились этому всѣ и поняли, что ему суждено покорить свѣтъ. Когда онъ возмужалъ, началъ воевать, дошелъ до Хинска земе, царь который вышелъ противъ него съ большимъ войскомъ. Въ битвѣ, побѣдоносной для Алексендра, его конь, тяжело раненый, упалъ, но снова поднялся, чтобы вынести своего господина, и свалился лишь тогда, когда спасъ его.

Гейтлеръ (74) сообщилъ черту еще одной неизвѣстной мнѣ пѣсни изъ собранія г. Верковича: Фелеша видитъ сонъ, будто изъ лона его жены выросла лоза, осѣнившая всю землю.

Таковы пѣсни, открывающіяся эпизодомъ о «рожденіи и юности Александра» и въ дальнѣйшемъ развитіи часто не сохраняющія никакой почти связи съ Александровымъ «романомъ». Тѣмъ болѣе это можно сказать о цѣлой группѣ слѣдующихъ пѣсенъ, имѣющихъ для насъ значеніе лишь по отношенію къ вопросу о составѣ всего этого эпическаго цикла. Я ограничусь ихъ краткою характеристикой.

Въ пѣснѣ, озаглавленной: «Александрова борба съ седемдесе краля» (сл. Миллеръ l. c. стр. 122—123), разказывается, что юда, возлюбленная краля Лесандра, приняла образъ птицы и въ этомъ видѣ ранена кралемъ Белой; излеченная своими сестрами, она спѣшитъ къ Лесандру, и тотъ летитъ на своемъ конѣ на Косу-рѣку, гдѣ Бела въ числѣ другихъ семидесяти королей занятъ молодецкими играми: метаніемъ камней. Лесандръ побѣждаетъ ихъ въ этой игрѣ, вслѣдъ за которою завязывается шестилѣтній бой. И въ немъ Александръ остается побѣдителемъ и женится на возлюбленной Белы. Ея имя: Руже Кичена.

Двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна («Александровый войвода

Богое надвива Краля Дабеки») была вкратцѣ затронута В. Ѳ. Миллеромъ (l. c. стр. 123), другая пока не издана («Борба Александрова со Пиревита крале»), представляютъ одинъ и тотъ же сюжетъ съ разными именами и подробностями. Тамъ и здѣсь Александръ отходитъ на задній планъ: въ первой дѣйствуетъ его витязь Богое, вскормленный молокомъ юды-самовилы; только такой именно юнакъ могъ убить «Сура ламие», поглотившую Александра; онъ же убиваетъ огненною стрѣлой, которую даетъ ему юда, «Турска крале», завладѣвшаго «земе Шерение». Богое женится на его вдовѣ (Милпхина), и Александръ ставитъ его царемъ. «Звезда Фленесига», являющаяся въ пѣснѣ, печалующаяся и плачущая, очевидно тожественна съ юдой «Пленевитой» второй пѣсни, гдѣ Богою отвѣчаетъ Йованъ, которому юда даетъ чудесную стрѣлу; ею онъ убиваетъ «Пире та крале», потому что въ этомъ варіантѣ походъ направленъ въ «пуста земе Пиревита». По смерти «Пире та крале» Йованъ также женится на его вдовѣ, и Александръ также ставитъ его на царство. Эпизода о ламіи [illegible] уже встрѣтился намъ въ одной пѣснѣ, пересказанной [illegible] какъ встрѣчается и въ слѣдующей: о борьбѣ Александра [illegible] Турска крале». Заглавіе пѣсни не отвѣчаетъ ея содержанію: [illegible] любитъ Хенинку, а мать просватала ее за Римина краля, который является съ свадебнымъ поѣздомъ; во главѣ [illegible]

> 22 [illegible] има на мишници
> [illegible] фарка кагу пиле пу поле ту,
> [illegible] кагу риба пу море ту,
> [illegible] глава та [illegible] ноги те злату коси.

Поѣздъ остановленъ на рѣкѣ «Сурой ламіей», о девяти головахъ и опашахъ, которую убиваетъ Александръ. Позднѣе Турскій краль идетъ на «Рими-га градъ» и уводитъ въ плѣнъ Хенпнку, которую Александръ освобождаетъ и беретъ за себя.

Съ приведенною выше пѣсней о Богоѣ связывается общимъ именемъ героя другая: «Борьба Александрова со Енкула Рична крале». Богое ѣдетъ искать себѣ сверстницу-невѣсту; мать даетъ

ему огненную стрѣлу: она пригодится ему «на юдна земе», гдѣ на десятой планинѣ сидитъ юда-самовила у чешмы съ водой, ею заключенною. Богое убиваетъ ее и отправляется «на Енкулова земе». У Енкула семь братьевъ, семь сестеръ, младшая — красавица Красина; всѣхъ сватавшихся за нее Енкулъ сажалъ въ темницу. Богое увозитъ ее, но братья его преслѣдуютъ, онъ принужденъ поступиться своей добычей — и скачетъ одинъ въ Исандру, котораго подбиваетъ на походъ въ Енкулову землю. Бой на Косовомъ полѣ и пораженіе враговъ. Какъ увидѣлъ Александръ Красину, позарился на нее самъ, но Господь наказалъ его:

Ютъ небе сіи громъ падна
Та погуби Исандра.
И Богое си седна на стола
Та се либи мома Красина.

Изо всѣхъ пѣсенъ сборника г. Верковича, разобранныхъ выше, бо̀льшая часть относится, болѣе или менѣе близко, къ эпизоду о рожденіи Александра, три объединены именемъ Александрова витязя Богоя и тожественнаго съ нимъ Йована и съ Александровою сагой не имѣютъ ничего общаго. Можетъ быть, въ пѣснѣ о семидесяти краляхъ и метаніи ими камня въ запуски позволено видѣть, вмѣстѣ съ В. Ѳ. Миллеромъ (l. c. стр. 123), воспоминаніе объ олимпійскихъ играхъ Александра; только я указалъ бы по этому поводу не на Псевдокаллисѳена (I, c. 18), а на нашу Александрію, популярную на славянскомъ югѣ, гдѣ этотъ эпизодъ разработанъ по идеѣ дѣйствительнаго боя, какъ и въ пѣснѣ состязаніе переходитъ въ битву. Уже выше было замѣчено, что на сложеніе пѣсенъ о рожденіи Александра вліяніе книжной Александріи несомнѣнно; таково мнѣніе и г. Миллера. Рѣчь Филиппа, отъѣзжающаго на войну, къ бездѣтной женѣ совершенно воспроизводитъ такой же эпизодъ Псевдокаллисѳена и сербскаго романа; Нектенавъ послѣдняго, являющійся къ Олимпіадѣ въ образѣ бога Аммона, съ рогами василиска на головѣ,

[illegible] и крыльями грифа, отвѣчаетъ царевичу-змѣю [illegible] крыльями на ногахъ. Если и самъ Александръ представлялся крылатымъ, летающимъ по поднебесью (чи си фаркалу [illegible] на небе-гу), то это представленіе, вѣроятно, находится въ связи съ легендарнымъ испытаніемъ Александромъ небесной высоты и морской глубины; см. въ одной пѣснѣ: И си плива [illegible] море гу. — Воловлавый конь (= Вукефалъ) — подъ [illegible] ребенку, который ростетъ не по днямъ, а по [illegible], какъ герои ново-греческой и русской пѣсни, спрашиваетъ у матери, гдѣ его отецъ, какъ Армури средне-греческой [illegible] и сынъ Саула Іеваниловича въ былинѣ русской, и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу, возвращающемуся изъ похода, на своемъ [illegible].

[illegible] Александріи или, лучше сказать, ея начала. [illegible] которая привязала къ нему, какъ къ центру, [illegible] подробностей, отдаляющихъ насъ отъ пер[illegible] въ стилѣ народной пѣсни, извлекаю[illegible] характерныя черты и минующей [illegible] показалось бы болѣе существеннымъ. [illegible] забвеніе именъ, и измѣненіе, и [illegible] обстановки; насъ не поразятъ [illegible] какъ и отсутствіе такого имени, [illegible] отвѣчаетъ *Руже Кичена* (Миллеръ, [illegible] въ пѣснѣ о борьбѣ Александра къ Енку[illegible], подарившая Богою «злату руху». [illegible] осталась, чтобы объяснить намъ *Руже* [illegible] въ одной пѣснѣ — въ разъясненіи *Фю*[illegible] *Пире* та крале — для *Пиревита* [illegible]

[illegible] можетъ быть объяснено a priori большею [illegible] своимъ источникамъ и вообще [illegible] пѣсенъ, съ ихъ чередованіемъ литературныхъ и народныхъ формъ одного и того же имени. Источникомъ мы предположили Александрію, особливо ту ея редакцію, ко-

торая распространена и въ рукописяхъ и въ печатной народной книгѣ, греческой, сербской и болгарской. Именно такая широко распространенная повѣсть и могла вызвать народныя пѣсенныя обработки, и никакая другая. Какъ отнестись послѣ этого къ упоминанію въ пѣснѣ, удержавшей имя Филиппа, города *Бактрата*, «*Бактринева* крале» и «*Арбалува* крале»? Положимъ, что послѣдній локализованъ гдѣ-то на Дунаѣ, но имя несомнѣнно созвучно съ Арбелой, а Бактрата съ Бактрой — мѣстностями, хорошо извѣстными изъ исторіи Александра, только не его романической; онѣ не упоминаются ни въ Псевдокаллисѳенѣ, ни въ сербской Александріи, ни въ нар. книгѣ (греч., сербск., болг.). Въ Плутарховомъ жизнеописаніи Александра V, 2, не въ романѣ о послѣднемъ, читаются и извѣстныя слова Александра, съ которыми въ пѣснѣ онъ обращается къ отцу: ὦ παῖδες, πάντα προλήψεται ὁ πατήρ· ἐμοὶ δὲ οὐδὲν ἀπολείψει μεθ' ὑμῶν ἔργον ἀποδείξασθαι μέγα καὶ λαμπρόν. Замѣчу кстати, что если въ другой пѣснѣ Алесандръ мечетъ камнемъ въ запуски съ семидесятью *королями*, то идея вышла, быть можетъ, не изъ сербской Александріи, какъ мы предположили выше, и не изъ Псевдокаллисѳена, а изъ Плутарха l. c. IV, 3, гдѣ на вопросъ, обращенный къ Александру, желаетъ ли онъ участвовать въ Олимпійскихъ играхъ, онъ отвѣчаетъ: εἴ γε, ἔφη, βασιλεῖς ἔμελλον ἕξειν ἀνταγωνιστάς.

Нежеланіе Александра войдти въ гаремъ сраженнаго имъ царя, гдѣ находилась и его дочь, чтобъ не быть побѣжденнымъ женщиной, находитъ себѣ параллель не въ сходномъ изреченіи у Псевдокаллисѳена и въ сербской Александріи (тамъ и здѣсь по поводу Амазонокъ, сл. выше стр. 396—7), а въ томъ же Плутархѣ (XXI, 3) или, скорѣе, у кого-нибудь изъ позднѣйшихъ пересказчиковъ его апофтегмъ, напримѣръ, у св. Максима (сл. выше стр. 411).

Обратимъ вниманіе еще на одно сопоставленіе. У Псевдокаллисѳена ред. В Вукефалъ погибалъ въ битвѣ Александра съ Поромъ; въ сербской Александріи и ея источникѣ, наоборотъ, онъ умиралъ при смертномъ одрѣ Александра; наконецъ въ ре-

дакціи Псевдокаллисоена С обѣ данныя удержаны: Вукефалъ погибаетъ въ битвѣ; далѣе въ той же главѣ говорится, что онъ вынесъ изъ битвы Александра, а въ концѣ романа упоминается о его смерти въ пору Александровой кончины. Очевидно, здѣсь соединеніе двухъ различныхъ преданій, либо повѣстей о смерти Вукефала; одну изъ нихъ излюбила сербская Александрія, другую мы находимъ — въ пѣснѣ г. Верковича, гдѣ вологлавый конь также погибаетъ послѣ того, какъ вынесъ Александра изъ боя съ Хинскимъ царемъ.

Какъ объяснить себѣ эти параллели между пѣснями г. Верковича и письменными разказами объ Александрѣ? Къ этимъ параллелямъ Гейтлеръ (стр. 74) присоединилъ и еще одну: сближеніе Филиппова сна передъ рожденіемъ сына (лоза, выростающая изъ лопа жены) съ Herod. I, 108 (о рожденіи Кира), выражая (стр. 72) предположеніе, что романъ объ Александрѣ вышелъ изъ *народныхъ* повѣстей о немъ, и что именно остатки этихъ повѣстей и сохранились въ нашихъ македонскихъ пѣсняхъ. Иначе смотритъ на дѣло г. В. Миллеръ, признавая въ послѣднихъ *народную* переработку письменной Александріи. Къ тому и другому изслѣдователю можно обратиться съ такими вопросами и недоумѣніями: какъ объясняютъ они себѣ въ пѣсняхъ Арбелу и Бактру, которыхъ нѣтъ въ Александріи и не могло быть въ народномъ *македонскомъ* преданіи? считаютъ ли они возможнымъ, чтобы вычурные апофтегмы Александра (напримѣръ, боязнь быть побѣжденнымъ женщиной) удержались въ народной памяти (по гипотезѣ Гейтлера), либо попали въ пѣсню изъ какого-нибудь письменнаго источника помимо сербской Александріи (гипотеза г. В. Миллера)? Въ стилѣ ли народной поэзіи глосса въ родѣ слѣдующей: что мальчика называютъ Александромъ, *ибо* онъ будетъ юнакъ надъ юнаками? Сл. въ началѣ сербской Александріи: «нарече име кмоу Алеѯеньдрь, по грьчкомоу кзікоу зове се изьбраніи моужь».

Все это говоритъ не за исконное пѣсенное преданіе и не за народныхъ пѣвцовъ, опоэтизировавшихъ отрывки преданія ли-

тературнаго. Еслибъ и допустить послѣднее, то лишь при значительномъ воздѣйствіи ученыхъ или, скорѣе школьныхъ реминисценцій, и едва ли этому воздѣйствію не слѣдуетъ приписать рѣшающую роль въ происхожденіи всего этого пѣсеннаго цикла. Я не говорю здѣсь о поддѣлкѣ, а о взаимодѣйствіи школьнаго или домашняго чтенія (Александріи) и какихъ-нибудь мѣстныхъ памятей, которое необходимо имѣть въ виду при объясненіи генезиса того или другаго мѣстнаго преданія или легенды. Это взаимодѣйствіе ввело въ побывальщины Верковича городъ Белу, Белитъ = древнюю Пеллу. Въ редакціи A L Псевдокаллисѳена (I 3) Нектанебъ является εἰς Πέλλην τῆς Μακεδονίας; въ B и C: εἰς πόλιν; въ сербск. Александріи (Jagić. p. 322): къ Филипу и мацедониски *град*, который далѣе зовется *Филиппами*; греческіе, доступные намъ источники этого перевода разногласятъ: въ вѣнскомъ текстѣ стр. 3: εἰς τοὺς Φιλίππους εἰς τόπον τῆς Μακεδονίας; въ греч. народной книгѣ (стр. 10): εἰς τὴν χώραν τῶν Φιλίππων, ὀνομαζομένην εἰς τὸ παλαιὸν Πέλλα, которая находилась у нынѣшняго Alā-kilissi, а у Анны Комнены V, 5 зовется Ἄσπραι Ἐκκλησίαι = Бѣлая церковь (= Бела градъ), въ побережьи при устьяхъ Вардара [1]).

Гейтлеръ полагаетъ (стр. 76), что разсказъ одной пѣсни о созданіи Филиппомъ Филиппополя, гдѣ онъ строитъ *церковь* во имя помощнаго ему змѣинаго бога, перенесъ къ новому мѣсту, что другая пѣсня говорила о построеніи Белы = Пеллы. Такое смѣшеніе понятно въ народной поэзіи, говоритъ авторъ; но я обращаю вниманіе на народную греческую книгу, гдѣ подобное смѣшаніе (Филиппъ съ Пеллой) совершилось — подъ вліяніемъ ли народной пѣсни, или въ свою очередь опредѣляя ея колебаніе?

Отъ Пеллы сохранились, какъ оказывается, не только развалины, но и преданія съ именемъ Александра македонскаго. «У пуливаковцевъ существуетъ преданіе, что они чистые маке-

---

[1]) Geitler l. c. p. 76; Иречекъ, Ист. Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова' p. 276.

донцы и потомки Александра Великаго. Дольнополенцы, а особенно живущіе въ окрестностяхъ Пазара, гордятся древнею столицею, то-есть, городомъ Бѣлою (Бяла), отъ котораго уцѣлѣли только одна башня да стѣна вышиною въ 5 аршинъ. Горнополенцы, а особенно живущіе по правой сторонѣ города Водена, гордятся тѣмъ, что они македонскіе болѣри [1]); они вѣрятъ, что въ томъ городѣ находились лѣтніе дворцы македонскихъ царей, а также и ихъ столица до построенія города Бѣлы и называлась Ведица. Въ самомъ дѣлѣ и въ настоящее время находится тамъ небольшое село подъ именемъ Фетица на получасовомъ разстояніи отъ другаго села Царь Мириново, на мѣстѣ достойномъ для столичнаго или царскаго города, гдѣ искапывается довольно древностей [2]). Сл. недавнее сообщеніе Шапкарева, касающееся той же мѣстности [3]). «Три часа на истокъ отъ Вардарь-Енидже, на лѣво отъ пѫть-тъ къмъ Солунъ, има села Българское, наричано «Апостолъ»; а на самий пѫть, малу къмъ югъ отъ село-то, има изобилна студена вода, коя-то тече по водопроводи и чешми. Това мѣсто сега се нарича «баньи»... Тамъ въ вода-та често се намиратъ мѣдни и сребърни Александрови монети. Широко-то равнище, на кое-то е разположено днесь рѣчено-то село «Апостолъ», казватъ да е было мѣстоположение-то, на кое-то се гърдѣела [illegible] македонска столица Пела или Бела. Пърсть-та на това мѣсто е *бълиkава*». Въ разстояніи часа на юго-востокъ отъ [illegible], близъ села Гургошикъ, видны развалины Габрова. Тамъ, споредъ стари прѣдания, запазени у мѣстни-тѣ жители, [illegible] и се пазели съкровища-та на Александра Великий. И [illegible], и днесь още, кога-то пада силенъ дъждъ, и [illegible] порой, тамъ нахождатъ много ветхи пари, Александрови

---

1) [illegible], Болг. нар. п. стр. 527: въ Воденѣ погребались македонскіе [illegible]

2) [illegible], Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, стр. [illegible]

3) [illegible] и твърдѣ интересенъ блъгарскій обычай запазенъ [illegible] Македония. Нап. и изд. К. А. Шапкаревъ. Пловдивъ [illegible] Александровыхъ монетахъ с. выше стр 376.

и Филипови монети. Въ сѫще-то село има пословица, коя-то е въ употрѣбление у селяни-тѣ: «Кого ки сѫ найдѫть габровски-тѣ маази, тогай турчинъ-тъ ки си насите на пари».

Какъ опредѣлить въ этихъ повѣрьяхъ долю дыйствительно мѣстной, не литературной саги — я не знаю; для рѣшенія слишкомъ мало данныхъ. Въ другомъ случаѣ оно представляется возможнѣе. Когда Дозонъ (l. c. p. 38) посѣтилъ развалины Драмы, между Сересомъ и мѣстоположеніемъ древнихъ Филиппъ, его проводникъ указалъ ему въ полу-горѣ, на которой высилась древняя крѣпость, линію утесовъ, которые онъ назвалъ яслями Александрова коня. Проводникъ этотъ, человѣкъ не безъ нѣкотораго образованія, представлялъ себѣ Александра и Дарія мѣстными царями, какъ въ Демиръ-Гиссарѣ какой-то турокъ предложилъ Дозону купи́ть монету Александра, «краля Драмы». Едва ли нужно доказывать, что въ данномъ примѣрѣ мѣстную сагу создали грамотные или наслышанные люди. Въ сербской Александріи (Jagić, стр. 229—230) разсказывается о первомъ выѣздѣ Александра на Вукефалѣ; выведя его изъ *конюшни* (= ясли мѣстнаго преданія), онъ опережаетъ верхомъ на немъ всѣхъ другихъ витязей. Тамъ, гдѣ онъ остановилъ коня *на честихъ изворехь*, (я выбираю, исправляя, варіантъ, отвѣчающій греческому тексту), онъ построилъ городъ, который назвалъ «Драм, ере по србском езику потечишће», въ греческомъ текстѣ W, стр. 11: «ὅπου εἶναι βρύσαις ἡ πολλαῖς [1]), καὶ ἐκεῖ ὥρισεν καὶ ἐποίησαν κάστρο καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρο ἐκεῖνο Δρομὴ καλὴ = Драма; отсюда уже Александръ — краль Драмы.

---

[1]) Сл. Tomaschek, Ueber Brumalia u. Rosalia, въ Sitzungsber. d. philos. hist. Cl. d. kais. Ak. d. W. (Wien 1869, LX B. p. 381): Drama liegt $3^1/_2$ Stunden nordwestlich von Filibežik in einer quellreichen Gegend; Paul Lucas (a. 1705) bemerkt in seinem Reisebuch, c. XXVII; il passe dans cette ville plusieurs petits ruisseaux, dont l'eau est fort claire. Mitten am Wege an dem Gebirgsabhang liegt ein Weiler, Bunar-baši, d. i. «Quellkoppe», so genannt, weil daselbst zahlreiche Quellen entspringen. Hier oder dort mag wohl im Alterthum die Pflanzstadt der Thasier Κρηνίδες gelegen haben, deren Einwohner zur Gründung von Philippi gezogen worden waren.

II.

Устраняя изъ области собственно народной литературы сборникъ г. Верковича, я не отрицаю сказанное въ началѣ этой замѣтки — о возможности перехода книжной Александріи въ дѣйствительно народно-поэтическій капиталъ, въ преданія и пѣсни. Подобныя преданія могли сложиться даже довольно рано, хотя я не думаю, чтобы Ризопъ былъ правъ, открывая подобныя мѣстныя преданія у Aimé de Varennes [1]).

Aimé de Varennes былъ на востокѣ во второй половинѣ XII вѣка: видѣлъ Дамьетту, Ипсалу (Escople), Адріанополь, Филиппополь, Галлиполи, гдѣ жилъ нѣкоторое время; ему знакомъ путь въ Грецію изъ Египта и изъ Сиріи (bras St. Jorge); онъ называетъ Avedon = Абидосъ и Boscadave = Bouquedavie Вильгардуена, мысъ при устьѣ Дарданеллъ. Онъ научился по гречески, хотя, очевидно, плохо. Филиппополь оказывается на рѣкѣ

Qui est *Potamens* (ποταμός) appelés,
Ensi a-il nom en grijois,
Ne sai pas son nom en françois.

Французское ost авторъ переводитъ греческимъ словомъ sabato, означающимъ — говоритъ онъ — еще и людей близкихъ къ императору:

Proto dist en français *le premier*,
Sabbato c'est pour ostoier.

Разумѣется, очевидно, πρωτοσέβαστος, при чемъ σέβαστος повело автора, черезъ лат: augustus, къ старо-франц. aost, которое онъ и смѣшалъ съ ost. Кличка, которую дастъ себѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Flocart: Cacopédie — переводится

---

[1]) Объ Aimé de Varennes см. Rysop, Aimon de Varennes, въ Archiv für d. Studium der neuer. Sprachen, t. LXXIII, I. H. (1885) стр. 47 слѣд. Сл. P. Paris, Les Mss. franc. de la bibliothèque du roi, t. III, p. 9—53; Hist. litt. de la France, t. XV, p. 486—491 (Ginguené); t. XIX, p. 678—681 (A. Duval). О мѣстныхъ преданіяхъ у Aimé de Varennes сл. Rysop l. c. стр. 67 съ ссылкой на Rohde, Der griech. Roman p. 536 слѣд.; Ten-Brink, Engl. Lit. p. 212.

«mauvais garchon», что̀ понятнѣе заявленія, будто имя Florimont по гречески будетъ Elenéos. Встрѣчаются и цѣлые греческіе стихи:

Et en grijois escrient tuit:
O zeus ofemdam (αὐθέντης) *calo*,
Salva tuto vassilio.
C'est en françois: Diex bon signor,
Gardez hui nostre empereor.

Или:

Ils crient tuit: *Metha Zio!*
Calo tuto vassilio!
Ice velt dire en françois:
Si m'aïst Diex! bons est li rois.

Вернувшись во Францію, Aimes

porpensa soi d'une estoire
Que il avoit en sa mémoire.
Il l'avoit en Grèce veüe,
Mais n'estoit pas par tout séüe.
A Felipople la trova.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что

Traist de grec l'histoire latine
Et del latin fist le rouman.

Здѣсь разумѣется романъ о Florimont, написанный имъ въ 1188 году, по существу довольно скучный roman d'aventure, интересный намъ не по своему измышленному содержанію, а по указаніямъ на нѣкоторые источники Александровой саги, которые авторъ могъ въ самомъ дѣлѣ найдти или услышать въ Филиппополѣ.

Содержаніе его слѣдующее: У Мадіана, египетскаго эмира (amiral), отъ жены, принесшей ему въ приданое Грецію, родились сыновья: *Селокъ* (Селевкъ?) и *Филиппъ Macétus*. Первому онъ оставляетъ въ наслѣдство Вавилонъ, то-есть, *египетскій*, второму Грецію. Филиппъ убиваетъ страшнаго льва гдѣ-то за Болгаріей; на мѣстѣ его логовища построенъ городъ, которому царь далъ

свое имя: Philipople. Уступая желанію своихъ бароновъ, Филиппъ женится на дочери африканскаго и варварійскаго царя Менея, Мордаліи (Mordaille); у нихъ дочь красавица Романадапла; по имени (Romanadaple), прочтенному на изворотъ, можно угадать другое, болѣе знаменательное: Plena d'amor; ее обучаетъ всему, что слѣдуетъ знать дѣвушкѣ, учительница Ciprіane, съ острова Кипра. Она хорошѣетъ съ каждымъ днемъ и къ ней начинаютъ присватываться, между прочимъ Кандіобрасъ, страшный царь Болгаріи. Получивъ отказъ, онъ идетъ на Филиппа войною.

Рядомъ съ этою генеалогическою сказкой — другая: у албанскаго герцога Mataquas (у него городъ Duras = Durazzo) сынъ Florimont. Его первый подвигъ — бой съ страшнымъ чудовищемъ, пожиравшимъ ежедневно по меньшей мѣрѣ одного человѣка и одного быка. Флоримонъ его убиваетъ. На обратномъ пути онъ встрѣчается съ восхитительною дѣвушкой, властительницей Незримаго острова (Ile Celée); они полюбились другъ другу: она даритъ ему мечъ, обладатель котораго становился непобѣдимымъ, волшебный перстень, и совѣтуетъ извлечь изъ ранъ сраженнаго чудовища цѣлебную мазь, врачующую всякія раны. Оказывается, что чудовище гнѣздилось во владѣніяхъ нѣкоего Гарганея, властителя племени гигантовъ, пользовавшагося общественными бѣдствіями для введенія суровыхъ налоговъ, къ которымъ былъ обязанъ и отецъ Флоримона. Теперь, когда бѣды прекратились, а Гарганей по прежнему требуетъ дани, Флоримонъ убѣждаетъ отца отказать ему въ ней и принимаетъ вызовъ великана, отлично владѣвшаго палицей. Бой, побѣдоносный для Флоримона, происходитъ въ Капитанатѣ, у подошвы высокой горы, названной впослѣдствіи Monte Gargano.

Таинственная властительница Незримаго острова согласилась отдаться Флоримону лишь подъ условіемъ, чтобъ ихъ любовь была тайной, нарушеніе которой будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ ихъ взаимнаго счастія. Воспитатель Флоримона и его мать узнали о его страсти и нарушаютъ тайну. Влюбленные принуждены

разстаться; Флоримонъ опечаленъ, велитъ называть себя Pauvre perdu и ведетъ себя какъ рыцарь «печальнаго образа»; сѣтуетъ и дѣвушка, но по прошествіи трехъ лѣтъ выходитъ замужъ за племянника болгарскаго царя Кандіобраса. У нихъ сынъ — Нектанебъ:

Rois fu, tant fist d'enchantement:
La mer faisoit meller au vent
Qui en l'ile voloit entrer
Por mal faire ne por rober,
Les nés faisoit plungier sovent
En la mer par enchantement.

Между тѣмъ Кандіобрасъ все еще воюетъ съ Philippe Macémus, и ему пришлось бы плохо, если бы Risus, король Калабріи и Terre de Labour (старофр. Rise = Reggio; оттуда Risus) вмѣстѣ съ Флоримономъ не пришли къ нему на помощь. Кандіобрасъ разбитъ подъ Адріанополемъ; а тѣмъ временемъ Флоримонъ успѣлъ свидѣться и слюбиться съ Романадаплой, на которой и женится. Ихъ сынъ Филиппъ беретъ за себя дочь *карѳагенскаго* эмира Олимпіаду и заявляетъ притязаніе на Ile Celée, во владѣніе которымъ вступилъ Нектанебъ. Поводъ къ притязанію тотъ, что первымъ возлюбленнымъ властительницы Незримаго острова былъ отецъ Филиппа, Флоримонъ. Нектанебъ изгнанъ изъ своего наслѣдья и, пріютившись при дворѣ побѣдителя, воспитываетъ его сына Александра.

La gent en disoient folie
Que Olimpias fu sa mie,
Qu'Alexandres ses fius estoit.
Mais cil se ment qui ce disoit,
Grant mençoigne dist qui le dit,
Quar Alixandres puis l'ocist.

О Филиппѣ и Александрѣ разсказывалось еще слѣдующее:

Cest Philipes que je vos di
De l'eritaige moult perdi
Et moult en ot de grans enuis,
Mais Alexandre conquist puis...

Asses plus qu'il n'en ot perdu,
Puis quist li rois de Macedoine
Por heritaige Babiloine,
Et en Babiloine fu mors,
Mais en fu grans pechiés et tort:
Cil qui le devoient servir
Le firent à dolor morir.

Въ другомъ мѣстѣ говорится:

De Philipon de Macedoine
Qui fut norris en Babiloine.

Свѣдѣнія объ Александровомъ романѣ, сообщаемыя романомъ о Флоримонѣ, интересны при всей своей отрывочности. Aimes de Varennes, какъ оказывается, раздѣляетъ отрицательный взглядъ автора древнѣйшей романской Александріи, Альбериха Безансонскаго, и его переводчиковъ, на фабулу Псевдокаллисѳена и его отраженій: о Нектанебѣ, какъ отцѣ Александра. Сл. Albéric de Besançon:

Dicunt alquant estrobatour
quel reys fut filz d'encantatour.
mentent fellon losengetour и т. д. [1]).

Онъ — сынъ Филиппа и Олимпіады, которая названа *африканскою* (карѳагенскою) царевной. Откуда явилась у нашего автора эта особенность, неизвѣстная изъ другихъ Александрій, — я не знаю. Можно было бы предположить знакомство съ Откровеніями Меѳодія, гдѣ Олимпіада является *эѳіопскою* царевной, дочерью Фола, какъ другая подробность его романа могла бы

---

[1]) См. Ryвор, l. c. p. 54—55 прим. на стр. 54. Бастардомъ дѣлаетъ Александръ и Камоэнсъ въ отвергнутыхъ имъ самимъ строфахъ IV-й пѣсни Лузіадъ: незаконорожденныя дѣти были всегда талантливы, говоритъ онъ, — какъ Эдмундъ въ королѣ Лирѣ (1 дѣйствіе, 2 сцена) и Don John въ Донъ Карлосѣ Отвея; въ примѣръ приводятся, между прочимъ, Гомеръ и Орфей;

Pois se he certo o que a fama já escreveo,
Se muitos a Philippo nomearam
Por pae do Macedonico mancebo,
Outros lhe dao o manho Nectanebo.

быть истолкована изъ сербской Александріи. Я имѣю въ виду то указаніе, что Александръ *унаслѣдовалъ* Вавилонъ и тамъ же умеръ. Такъ какъ въ романѣ (судя по извлеченіямъ) упоминается лишь египетскій Вавилонъ, въ которомъ царили предки Александра по матери, то вопросъ о наслѣдствѣ объяснился бы самъ собою, а смерть въ египетскомъ Вавилонѣ нашла бы себѣ параллель въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ сербской Александріи, приурочивающей кончину Александра именно къ этому городу. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что авторъ въ послѣднемъ случаѣ имѣлъ въ виду Вавилонъ азіатскій и особую редакцію Александровой саги.

Это потребуетъ нѣкоторыхъ объясненій. У Юстина VIII, 6 и Орозія III, 11, Олимпіада — сестра Александра, царя Эпирскаго; такъ и у Alberic de Besançon: Et prist moylier... Sor Alexandre al rey d'Epir. Объ этомъ Александрѣ разсказываетъ Юстинъ XII, 2: Porro Alexander, rex Epiri, in Italiam a Tarentinis auxilia adversus Brutios deprecantibus, sollicitatus, ita cupide profectus fuerat, veluti in divisione orbis terrarum Alexandro, Olympiadis sororis suae filio, oriens, sibi occidens sorte contigisset; non minorem rerum materiam in Italia, Africa Siciliaque, quam ille in Asia et in Persis habiturus. Huc accedebat, quod, sicut Alexandro magno delphica oracula insidias in Macedonia, ita huic responsum Dodonaei Jovis circa urbem Pandosiam amnemque Acherusium praedixerat. Quae utraque cum in Epiro essent, ignarus eadem et in Italia esse, ad declinanda fatorum pericula peregrinam militiam cupidius elegerat... Здѣсь онъ бьется съ апулійцами, бруцціями и луканами, заключаетъ дружественные союзы съ метапонтинцами, педикулами и римлянами — и погибаетъ близъ Пандозіи и рѣки Ахеронта. Туріи выкупили его трупъ и похоронили.

Я позволилъ себѣ эту выписку, потому что италіанскія войны Александра Эпирскаго несомнѣнно отразились въ эпизодѣ объ италіанскомъ же походѣ его македонскаго соименника, и не только въ Псевдокаллисѳенѣ и его отраженіяхъ. Александръ

Эпирскій вызванъ въ Италію тарентинцами; Псевдокаллисѳенъ въ указанномъ эпизодѣ Тарента не упоминаетъ, но въ греческомъ оригиналѣ сербской Александріи Дарій пишетъ Александру: ἦλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Αγρίδαν καὶ εἰς τὰ Τάραντα (W, стр. 40), а въ житіи св. Панкратія, въ вводной повѣсти о Таврѣ и Меніи, тавромениты бьются съ македонянами ἐν Τερεντῷ.

Возвращаясь къ генеалогіи Олимпіады, замѣтимъ, что у Лампрехта въ его пересказѣ Альбериха Безансонскаго, Александръ названъ царемъ не Эпира, а *Персидскимъ*:

Ze Perse heter daz lant (Vor. Alex. 96)
Ze Persien het er daz lant (Strass. Alex. 114).

Кинцель (Lamprechts Alexander, стр. 399 прим. къ v. 112) предполагаетъ ошибку переводчика, прочитавшаго: deperse вм. depir; и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что далѣе эти персидскія родственныя отношенія Александра вовсе не разработаны. Между тѣмъ они дѣйствительно существовали въ преданіи, въ особой переработкѣ Псевдокаллисѳена. Я разумѣю Шах-намэ. По Фирдуси Darab (Дарій) женился на дочери побѣжденнаго имъ Филиппа (Filicus), по имени Nahib, но послѣ первой брачной ночи изгоняетъ ее и отсылаетъ къ отцу. Здѣсь по прошествіи девяти мѣсяцевъ она родитъ Скандера-Александра; а у Дараба отъ дочери китайскаго хана родится другой сынъ (Дарій), который и наслѣдуетъ отцу. Такимъ образомъ въ слѣдующей далѣе войнѣ съ Даріемъ Александръ дѣйствительно достаетъ отцовское наслѣдье, какъ и у Aimon de Varennes онъ ищетъ

Por heritaige Babiloine.

гдѣ, въ добавокъ родился и его отецъ, Филиппъ.

Предложенный разборъ (не изданнаго пока) Флоримона, на сколько можно судить о его содержаніи по пересказамъ и извлеченіямъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на качество тѣхъ преданій, которыя Aimes могъ услышать или и найти (въ видѣ книги: à Felipople la trova?) въ Филиппополѣ. Если это заявленіе касается

всего разказа о предкахъ Александра, то онъ можетъ быть названъ традиціоннымъ лишь по отношенію къ общимъ мѣстамъ западнаго *roman d'aventures*, которыя авторъ вдвинулъ въ новую, знакомую ему обстановку, какъ такія же общія мѣста *сказки* изобилуютъ въ пѣсняхъ г. Верковича. Что касается воспоминаній объ Александрѣ, то въ то время какъ пѣсни г. Верковича отражаютъ, вмѣстѣ съ чертами Плутарховой біографіи, эпизоды греко-сербской Александріи, дѣйствительно популярной въ Македоніи и Болгаріи, у Aimon de Varennes нѣтъ ничего подобнаго. Единственный мотивъ (Вавилонъ, какъ Александрово наслѣдье), который мы могли услѣдить—не по отношенію къ его источнику, а къ его параллели—указываетъ на востокъ и восточную рецензію Александровой саги; могъ ли авторъ услышать ее во второй половинѣ XII вѣка въ Филиппополѣ? Слѣдуетъ ли заключить изъ этого обстоятельства, что греко-сербская Александрія, съ ея національно-египетскими отношеніями, еще не была въ то время извѣстна на греко-славянскомъ югѣ, или что все сказанное авторомъ объ «исторіи», найденной имъ въ Филиппополѣ, принадлежитъ его вымыслу? Послѣднее всего вѣроятнѣе, хотя при недостаткѣ матеріаловъ точное рѣшеніе здѣсь не возможно.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 31. Къ *литературѣ Климентинъ* сл.: Hilgenfeld, Ueber die clementinischen Recognitionen und Homilien, 1848; его-же: Ueber den Ursprung der pseudoclementinischen Recognitionen und Homilien, въ Theol. Jahrb. 1854, IV, стр. 483 слѣд. и въ Zs. für wissenschaftliche Theologie, 1858, III, стр. 408 слѣд.; 1864, IV, стр. 357 слѣд.; 1869, IV, стр. 353 слѣд.

Къ стр. 46 прим. 2: сл. Eusebius, πέ, 1017.

Къ стр. 137 и прим. 1. Въ № 55—56 Romania'и, стр. 621—629 мы только что прочли заявленіе, что издатель Vieweg готовится выпустить въ свѣтъ изслѣдованіе P. Meyer'а по исторіи Александровой саги на западѣ. Одинъ томъ занятъ текстами; Romania предлагаетъ ихъ перечень и перепечатываетъ краткое предисловіе автора о задачахъ и ходѣ его, давно затѣяннаго труда.

Къ стр. 141 (Артаксерксъ въ эпизодѣ о Нектанебѣ): сл. Zingerle, Die Quellen zum Alexander des Rudolf von Ems, стр. 22 прим. (ссылка на Hist. Scolast. Lib. Esther c. II; Hieronym. Chron. и Beda, De sex aetatibus mundi; Chron. Paschale ed. Dindorf, I, 319).

Къ стр. 141—142. Съ [illegible] [illegible] Неставова (сл. Pseudocall. I. 1 сл.) [illegible] въ житіи св. Иларіона, Migne. Patrol. lat. t. LXXIII. прим. на стр. 197—8.

Стр. 305 слѣд.; 317 слѣд. (*Хожденіе трехъ иноковъ къ Макарію и эпизодъ о райскихъ птицахъ*). Интересную параллель къ легендамъ о Макаріи и Зосимѣ представляетъ «Сказаніе оца нашего Агапія», изданное Пыпинымъ Пам. Стар. русск. лит. III, стр. 134, по списку XIII в., и А. Поповымъ по сборнику библіотеки Московскаго Успенскаго собора, второй половины XII вѣка Чтен. Москов. Общ. Ист. и Древн. 1879, I. Библіографическіе матеріалы, стр. 41—47). Агапій, шестьнадцать лѣтъ прожившій въ монастырѣ, молитъ Господа открыть ему: «чьсо ради оставляють домы своя и роды и въслѣдъ тебе идоуть». Голосъ свыше говоритъ ему, что его молитва услышана, велитъ выйти изъ монастыря и слѣдовать путемъ, который укажетъ ему орелъ. Орелъ приводитъ его къ лукамъ морскимъ, и Агапій не знаетъ, какъ ему перейти черезъ «морьскоую глоубиноу, бѧше бо и звѣрь лютъ въ лоукахъ морьскыихъ, иже изѣдаше чл̃кы». Святой видитъ корабль, въ немъ два мужа великихъ и малый дѣтищъ, который вопрошаетъ его о пути; онъ отвѣчаетъ: «не вѣмь мѣста ни нарока, камо хощю ити, нъ г̃ь б̃ъ мои поуть есть». Его берутъ на корабль и во время сна переносятъ черезъ море; когда онъ проснулся, и корабль и дѣтищъ исчезли, а самъ онъ идетъ и пришелъ «вь мѣста нѣкая невѣдома, и обрѣте тоу дрѣва различьна и цвѣты цвѣтоуща различьны, и овоща различьны ихъ же не видѣ никътоже николиже. Сѣдахоу же пътицѣ на дрѣвѣхъ тѣхъ различьны имоуща одежда, овѣмъ бѧше яко злато перие, а дроугыимъ багъряно, инѣмъ чьрьвлено, а дроугыимъ сине и зелено и различьныими красотами и пьстротами оукрашены, дроугыя же бѣлы яко и снѣгъ; вьсѣхь бо гласи бѧхоу различьни, и щьбьтахоу сѣдаще дроуга къ дроузѣ и поѧхоу пѣсни различьны, ова великъмь гл̃мь, а дроугыя льгъкъмь гл̃мь, а дроугыя тънъкъмь гл̃мь и пѣ-

ниемь, ины же дивьнъмь гла̑мь, ꙗко бо каꙗжьдо по радоу ихъ и по подобию; пѣсни же ихъ и слава велика, ꙗко ꙗже никъто же слышалъ на семь свѣтѣ ни видѣти иматъ». Самъ Господь предсталъ передъ нимъ со своими апостолами и говоритъ: «мѣста же си раискаꙗ соуть, овоща же си пища ап҃льскаꙗ и правьдьныихъ дш҃ь ѥсть, пътица же ꙗже слышиши небесьныꙗ соуть, слава же ихъ и пѣниꙗ на нб҃са въсылаѥться сѣдащоумоу на прѣстолѣ хѣроувимьстѣ». Очевидно, это земной рай, въ которомъ Агапію не позволено однакожъ остаться: онъ долженъ идти далѣе, дабы узрѣть «славоу бж҃ьства», и Господь указываетъ ему на путь, по которому самъ пришелъ къ нему: «шьдъ приидеши къ стѣнамъ, ꙗже соуть ѿ землѣ до нб҃се, и обращеши стьжицю малоу и по стьжици тои идеши и обращеши окъньце мало въ стѣнѣ и тълъкнеши въ нѥ, и изидеть къ тобѣ человѣкъ старь и поимъ та въведеть въ стѣноу». Старецъ оказывается Ильей Ѳесвитяниномъ; перенесенный сюда Господомъ, онъ будетъ пребывать здѣсь до второго пришествія; онъ удивляется пришествію Агапія («чл҃вкъ сьде не приходилъ въ плъти сы ни прѣже тебе ни по тебѣ имать прити») и вводитъ его внутрь. Агапій пораженъ невиданнымъ свѣтомъ («седмерицею свѣтълѣи сего свѣта»), видитъ крестъ, высившійся до небесъ, блестящій паче солнца; онъ преклонился передъ нимъ и началъ выносить свѣтъ. Илья ведетъ его «идеже стоꙗше одръ ѥмоу и трьпеза оукрашена ѿ камениꙗ драгааго, и лежаше хлѣбъ на нѥи бѣлѣи снѣга... оу одра кладазь бѣлѣи млѣка и слажьи медоу, виногради же стоꙗхоу различьно имоуще грьздовиѥ, ово багърано, ово чьрьвлено, ово бѣло, и овоща имоуща различьны и цвѣтьци». — Тѣ гроздья — души человѣческія, поясняетъ Илья, они представились тебѣ гроздіемъ, «поне бо живъ чл҃вкъ не можеть видѣти дш҃ь чл҃вчьскъ. Сь же кладазь порода са наричеть и исходить въ дрѣва раискаꙗ, сь же свѣтъ ан҃гльскъ ѥсть и правьдьныихь дш҃ь, сь же одръ и трьпеза творениѥ роукоу гн҃ю, хлѣбъ же сь нб҃сьныи ѥсть и правьдьныихъ дш҃ь, источьникъ же сь ан҃гли пиють и правьдьнии чл҃вци». Видѣлъ тамъ Агапій и другія брашна несказанной сладости, «простаꙗ же

іадь яко и млѣко и медъ». Илья даетъ ему вкусить отъ источника, и его умъ просвѣтился; даетъ отъ непочатаго, цѣлаго хлѣба, который, очевидно, оттого не уменшается: когда на возвратномъ пути Агапій, принятый на судно корабельщиками, немощными отъ голода, преломляетъ на четыре части укрухъ, данный ему Ильей, всѣ ѣли и насытилися, а четвертая часть, оставшаяся у него, снова стала такою-же, какъ до преломленія. Ею онъ оживляетъ впослѣдствіи умершаго.

Въ этой легендѣ представленіе земнаго и горняго рая смѣшаны, но такъ, что преобладаютъ знакомые намъ черты перваго. Къ нимъ принадлежитъ образъ чудеснаго вертограда съ «небесными» птицами: это, очевидно, эдемъ макарьевскаго житія, сербской Александріи и т. д. (сл. выше стр. 270—1, 309, 317 слѣд.)[1]); сюда изъ горнихъ селеній приходитъ по «стежицѣ» самъ Господь, какъ въ коптскихъ отреченныхъ дѣяніяхъ ап. Матвѣя (сл. выше стр. 285) онъ спускается на свѣтломъ облакѣ въ страну блаженныхъ, гдѣ находятся отроки, избіенные Иродомъ.—Другія черты, обычныя въ изображеніи земнаго рая, присвоены раю небесному, гдѣ пребываетъ Господь: таковъ образъ стѣны, возвышающейся отъ земли до неба, съ малымъ оконцемъ въ ней (сл. сербск. Алекс. выше стр. 271, 272; Iter ad paradisum, выше стр. 278; стѣна облачная въ житіи Зосимы, выше стр. 297; мѣдная стѣна въ Хожденіи къ Макарію, выше стр. 312; стѣна до небесъ въ St. Brandan, выше стр. 319); Илья, пребывающій тамъ до конца дней (сл. выше, стр. 320 и 323: Baudouin de Sebourc и Ugo d'Alvernia). Чудесный млекообразный источникъ, сладчайшій меда отвѣчаетъ отчасти такому-же въ Хожденіи къ Макарію (сл. выше стр. 310; сл. 324), неубывающій хлѣбъ — райскому плоду, который выносятъ изъ эдема посѣтившіе его (сл. выше стр. 321 прим. 1): кресту Агапіевой

---

[1]) Черныя птицы—души чистилища встрѣчаются еще въ видѣніи одного инока изъ монастыря Wenlok, въ X-мъ письмѣ Бонифація (Bibl. rerum germanicarum. ed. Jaffe III).

легенды — извѣстный въ средневѣковыхъ разсказахъ о земномъ раѣ (сл. мои Разысканія IV, стр. 60 слѣд., и выше стр. 327 прим. 2) образъ крестнаго древа, восходящій къ ξύλον τῆς ζωῆς Апокалипсиса (гл. XXII, 2) — и символическій крестъ въ житіи Андрея Юродиваго, представляющемъ нѣкоторыя спеціальныя черты сходства съ разбираемымъ [1]). Первое видѣніе то-же: чудесныя деревья въ цвѣту и плодахъ и поющія птицы («да любо ли п'тици се бѣахоу, любо ли ангели, Господь единъ да ся печеть тѣмъ»); вокругъ райской рѣки и по всему саду простерся виноградъ, «златомъ лиственемъ украшенъ, его-же лозіе имать образъ камени драгаго лух'нита, пер'ваго камени, рек'шаго дѣля: азъ есмь виноградъ истин'ныи»; затѣмъ «крестъ великъ красенъ и страшенъ вз'оромъ», котораго лобзаетъ святой. — Далѣе руководитель его, свѣтлый юноша, беретъ его за руку и начинается ихъ восхожденіе: выше второй тверди, гдѣ онъ видитъ два креста, и выше третьяго неба, гдѣ три креста возвышаются передъ дверями: три крестныхъ, едемскимъ древа славянскихъ легендъ и Анастасія Синаита [2]). — Еще далѣе страшная запона «ıакоже илекторъ свѣт'ла и вел'ми честна»; её охраняютъ легіоны огненныхъ юношей, вооруженныхъ копьями: когда отнялась запона, Андрей узрѣлъ Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Отца. — Запона отвѣчаетъ стѣнѣ отъ земли до неба, отдѣляющей горній Іерусалимъ отъ земнаго эдема въ Агапіевой легендѣ, какъ съ другой стороны ея стежечка, соединяющая эдемъ съ горнимъ Іерусалимомъ, напоминаетъ тропинки отъ перваго до втораго и третьяго неба (сл. три неба и въ житіи Андрея) въ одномъ изъ видѣній, описанныхъ Бонифаціемъ (ер. 112).

Подобную-же двойственность райскихъ представленій мы встрѣчаемъ уже въ Апокалипсисѣ ап. Павла [3]), если только она—

---

[1]) Сл. Великія Минеи Четіи, Октября 1—3 (изд. археограф. коммиссіи), стр. 99 слѣд.

[2]) Сл. мои Разысканія X, стр. 416—417.

[3]) Сл. Tischendorf, Apocalypses apocryphae p. 34 слѣд.; Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 40 слѣд.

не кающаяся. Ангелъ ведетъ его къ «мѣсту праведныхъ» (слав. текстъ: «на третее нбо»?); оно представляется городомъ. Изъ золотыхъ воротъ выходитъ старецъ, привѣтствуя Павла: Энохъ (Исайя въ слав. т.). Ангелъ обѣщаетъ апостолу показать ему ту землю, καὶ ἔστησέν με ἐπάνω τοῦ ποταμοῦ, οὗ ἡ ἀρχὴ ἐστήρικτο εἰς τον κύκλον τοῦ οὐρανοῦ· ὁ δὲ ποταμός ἐστιν οὗτος ὁ κυκλῶν πᾶσαν τὴν γῆν = океанъ (въ слав. т., по смѣшенію съ слѣдующею далѣе подробностью: рѣка, текущая млекомъ и медомъ), на ней деревья, полныя чудесныхъ плодовъ. Что это? спрашиваетъ апостолъ. Καὶ λέγει μοι· αὕτη ἐστὶν ἡ ἀχέρουσα λίμνη (слав. т.: на езерѣ хѣрусипстѣмь; въ сир. переводѣ у Тишендорфа, l. c.: sea of Eucharista), καὶ ἔσωθεν αὐτῆς ἡ πόλις τοῦ θεοῦ, окруженный стѣнами, съ двѣнадцатью воротами, обтекаемый четырьмя рѣками, ῥέοντες μέλι καὶ γάλα καὶ ἔλαιον καὶ οἶνον; слав. текстъ толкуетъ: «има рѣцѣ текущии медомъ Фисьнии (Фисонъ), има рѣцѣ текущии виномъ Фипръ (тигръ), има рѣцѣ текущии олѣемъ Гионій (Гіонъ), има рѣцѣ текущии пшеномъ Ефратъ».—Передъ городскими воротами стоитъ безплодное дерево (далѣе: δένδρα) καὶ ὀλίγους ἄνδρας ὑποκάτω αὐτοῦ, καὶ ἔκλαιον σφόδρα, καὶ συνέκοπτουν αὐτοῖς τὰ δένδρα. Ангелъ поясняетъ: διὰ τοῦτο εἰσιν τὰ δένδρα μὴ καρποφοροῦντα, διὰ τὸ μὴ ἀποστῆναι αὐτοὺς (т. е. τοὺς ἄνδρας) ἐκ τῆς ὑπερηφανίας, тѣ-же люди пребываютъ внѣ города διὰ τὴν πολλὴν ἀγαθότητα τοῦ θεοῦ, ἐπειδὴ ἔνθεν μέλλει ἔρχεσθαι ὁ Χριστὸς εἰς τὴν πόλιν, καὶ ἵνα συνερχόμενοι πρεσβεύουσιν ὑπὲρ τούτων, καὶ εἰσαχθήσονται σὺν αὐτοῖς. — Далѣе апостолъ видитъ пророковъ, младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ, Авраама, Исаака и Іакова — и Давида; видѣнія расположены по четыремъ символическимъ рѣкамъ, но пріуроченіе въ текстахъ спутано: въ греч. текстѣ молочная рѣка протекаетъ къ сѣверу (въ сирійскомъ: къ югу) отъ города, на ней избіенные Иродомъ младенцы; въ слав. эта черта выпала — и далѣе переходъ къ описанію мукъ совершается непосредственно. Иначе въ греч. т.: ангелъ вывелъ Павла ἔξω τῆς πόλεως καὶ τῆς ἀχερούσης λίμνης καὶ τῆς γῆς τῆς ἀγαθῆς, καὶ ἔστησέν με ἐπάνω τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὠκεανοῦ τοῦ βασ-

τάζοντος τὸ στερέωμά τοῦ οὐρανοῦ.... καὶ ἦρεν με ἐκ δυσμῶν ἡλίου, καὶ ἦν ἡ ἀρχὴ τοῦ οὐρανοῦ τεθεμελιωμένη ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὠκεανοῦ. καὶ ἴδον ἐπέκεινα τοῦ ποταμοῦ, καὶ οὐκ ἦν ἐκεῖ φῶς, ἀλλὰ σκότος καὶ λύπη καὶ στεναγμός (сир. т.: he led me out without the city and brought me to the midst of those trees of the Eucharista.... There he lifted me up and carried me above the rivers of the sea and raised me above the sea of the ocean, which sustains the firmament of the lower heaven.... And he brought me towards the setting of the sun, and I saw there the end of heaven, made firm on a great river).

Слѣдуетъ видѣніе мученій, и ангелъ предлагаетъ апостолу повести его въ «раи едемьскꙑи, ѥгоже испаде Адамъ и жена его»; здѣсь онъ видитъ великое древо, на которомъ почиваетъ Духъ Святой, изъ корней котораго истекаютъ четыре райскихъ рѣки (Физонъ, Геонъ, Тигръ, Евфратъ; слав. текстъ здѣсь не называетъ ихъ по имени); древо познанія добра и зла и древо жизни, охраняемое херувимами. На встрѣчу ему выходитъ Богородица; затѣмъ *Авраамъ*, *Исаакъ и Іаковъ*, *пророки*, *Энохъ* (и Илья). Но онъ уже видѣлъ ихъ въ «мѣстѣ праведныхъ», съ его четырьмя символическими рѣками и такимъ-же деревомъ, напоминающимъ рѣки и священныя деревья эдема. «Мѣсто праведныхъ», можетъ быть, только дублетъ къ слѣдующему далѣе описанію эдема? По этому поводу замѣтимъ еще слѣдующее: не всякій можетъ войти въ «божій градъ», лежащій за «ἀχέρουσα λίμνη», говоритъ греч. текстъ, но лишь покаявшіеся передъ смертью и омытые арх. Михаиломъ въ водахъ того озера. Греч. апокалипсисъ Моисея[1]) говоритъ о томъ, что Адамъ похороненъ былъ εἰς τὰ μέρη τοῦ παραδείσου, т. е. близъ эдема, но передъ тѣмъ арх. Михаилъ омываетъ его тѣло «εἰς τὴν ἀχέρουσαν λίμνην», послѣ чего Господь говоритъ ему: «ἆρον αὐτὸν εἰς τὸν παράδεισον ἕως τρίτου οὐρανοῦ καὶ ἄφες κἀκεῖσε ἕως τῆς ἡμέρας ἐκείνης τῆς μεγάλης καὶ φοβερᾶς ἣν μέλλω οἰκονομῆσαι εἰς

---

[1]) Tischendorf, l. c. p. 20—1; сл. мои Разысканія, III, стр. 45, прим. 2.

1—2. Нов., стр. 130: Филиппъ говоритъ Алекли промысломь твоимь и врачевьскою хытростію на истькнеть се кола, кже соуть сьстави, тог'да дпѣю здрав'ствоукть». Рум. № 175, об. л. 89 «ωгнь топлѣе обѣ земли сусѣ, вьздухь хракотина ωгнь и вьздухь противное, ωгнь сьединение, и вьздухь и ωбѣ и студенѣ ωбѣ, а се четиремь сьставомь имиже стоитсе тѣло. Имѣеи умь да разумѣеть».

τὸν κόσμον». Слав. т. апокалипсиса ап. Павла помѣщаетъ, какъ мы видѣли, мѣсто праведныхъ и «херусійское блато» въ *третьемъ небѣ*, что согласно съ греч. апок. Моисея; и въ то-же время послѣдній памятникъ говоритъ о погребеніи Адама *у эдема*, какъ съ другой стороны греч. откровенія Павла пріурочиваютъ свое мѣсто праведныхъ и τὴν ἀχέρουσαν λίμνην не на небѣ, а на краю земли, тамъ гдѣ ἦν ἡ ἀρχὴ τοῦ οὐρανοῦ τεθεμελιωμένη ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὠκεανοῦ; согласно съ сирійскимъ текстомъ — гдѣ нибудь на крайнемъ востокѣ, ибо муки онъ помѣщаетъ на «заходъ солнца».

Къ стр. 331 прим. 1. Текстъ Паралипоменъ Іереміи = Повѣсть о плѣненіи Іерусалима въ сборн. конца XII в., принадлежащемъ библ. Московск. Успенск. собора, описанъ А. Поповымъ въ Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн. 1879 г., I: Библіографическіе матеріалы, стр. 9—12.

Къ стр. 346. О Танисѣ см. W. M. Flinders Petrie and T. Ll. Griffith въ Academy 1886 № 721 p. 154: we may safely write nome of Am Pehu = Tanite nome, and Am = Tell Neberheh or Tanis. M. Naville.... noticed that Horus was entitled «Lord of Am» (spelt with the two eyebrows). He suggested that this Am, capital of the XIX-th nome Am-Pehu, hitherto attributed to Buto, was at Tanis.... Now we hawe found in the temple here a piece of a limestone statuette mentioning «Hati lady of Am»; also a greater part of a fine statuette in green basalt, probably of Nektanebo by the style, naming «Horus lord of Am»; and thirdly in a tumb, a fine sarcophagus lid naming «Osiris Meriti Her Ab Am».

Къ стр. 374. О сициліанскихъ народныхъ повѣрьяхъ на 1-ое Мая (св. ап. Іакова и Филиппа) сл. еще Pitrè, Meteorologia popolare siciliana въ Archivio Pitrè, IV, fasc. 4, стр. 528—9.

Къ стр. 431—2. Нов., стр. 130: Филиппъ говоритъ Александру: «аште ли промысломь твоимь и врачевьскою хытростію пакы четири има истькнеть се кола, кже соуть сьстави, тог'да пакы тѣло съ дшею здрав'ствоукть». Рум. № 175, об. л. 89 добавляетъ: «ωгнь топлѣе обѣ земли сусѣ, вьздухь хракотина чрна желчь, ωгнь и вьздухь противное, ωгнь сьединение, и вьздухь земле мокрѣи ωбѣ и студенѣ ωбѣ, а се четиремь сьставомь имиже члвчское состоитсе тѣло. Имѣеи умь да разумѣеть».

ΔΙΗΓΗΣΙΣ

ΚΑΙ

ΓΕΝΝΗΣΙΣ ΚΑΙ Ἡ ΖΩΗ ΤΟΥ ἈΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

ПО СПИСКУ ВѢНСКОЙ БИБЛIОТЕКИ.

АЛЕКСАНДРІЯ

ПО РУКОПИСИ ВѢНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

(Lambecius, Cod. theol. CCXCVII = Nessel CCXLIV).

[26 r.] Διήγησις καὶ γέννησις καὶ ἡ ζωὴ τοῦ Ἀλεξάνδρου· τὸ πῶς ἐγεννήθη καὶ ἀνετράφην· καὶ περὶ τῆς ἀνδρείας αὐτοῦ καὶ τὴν μάθησιν καὶ τὴν χαράν του· ἦτον ἀπὸ τὸν θεὸν ὁρισμός· καὶ ἦτον φρόνιμος καὶ ἔμορφος, καὶ χαροποιὸς εἰς τοὺς αὐθεντάδες καὶ εἰς τὴν στρατίαν καὶ εἶχεν χέρι καλὸ νὰ φιλοδωρῇ καὶ νὰ στέκῃ εἰς τὸν λόγον του, νὰ μηδὲν σφάλῃ τοὺς ὅρκους του· καὶ μετὰ ταῦτα ἐβασίλευσεν ὅλον τὸν κόσμον.

Ἐπὶ ἔτους ͵ε ἐβασίλευσεν εἰς τὴν παλαιὰν Ῥώμην ὁ Ταρκιανὸς ὁ βασιλεύς, καὶ εἰς τὴν ἀνατολὴν ἐβασίλευσεν ὁ Δάρειος, ὁ υἱὸς τοῦ Κυρίσου καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου αὐτὸν ἐτέλοῦσαν λιζάτον· καὶ εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ ἦτον αὐθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἀρχιερεύς· καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον ἐβασίλευσεν ὁ πονηρὸς καὶ ἀστρονόμος Ἐκτέναβος, ὅλην τὴν Αἴγυπτον καὶ μὲ τὴν γῆν τῶν Ἀλατήνων· καὶ ὁ Φίλιππος ὁ Ἕλληνος ἐβασίλευσε τὴν Μακεδονίαν μὲ τοὺς Φιλίππους καὶ μὲ τὴν Φιλιππόπολιν. Τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ἐγεννήθη τέκνον ἄρρεν· καὶ οὐδὲν ἦτον σπόρος ἐδικός του, ἐπεὶ ἦτον σπόρος ξένος, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει· καὶ ἐπωνόμασαν τὸ ὄνομα τοῦ παιδίου εἰς ταῖς ἡμέραις Ἀλέξανδρον ῥωμαϊκά· καὶ εἶχεν ἀπὸ τῆς ἄνω προνοίας χάριν μεγάλην· λέγουν ὁ κόσμος ὅλος, ὅτι ἔναι υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ οὗτος ὁ λόγος ἔναι ψευδός, τὸ ἀληθὲς ἔναι τοῦτο· τοῦ βασιλέως τῆς Αἰγύπτου υἱὸς τοῦ Νεκτέναβου

τοῦ πονηροῦ καὶ ἀστρονόμου, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει τὴν διήγησίν του ὕστερα. Ὁ βασιλεὺς μὲ τὰ μαγικά του ἐκράτειεν τὸν τόπον τῆς Δαμασκοῦ, ὁποῦ ὀνομάζεται Αἴγυπτος.

Περὶ ὅταν ἐβαρέθηκεν ὁ κόσμος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του καὶ ἐποίησαν βουλὴν νὰ τὸν διώξουν.

Ἐβαρέστησεν ὁ κόσμος ὅλος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του· καὶ ἐποίησαν βουλὴν μὲ τὸν Δάρειον τῆς Περσίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Βερίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Λεντίας καὶ πολλοὶ ἕτεροι βασιλεῖς οὗτοι· «Ἄς[1]) ἐξέλθωμεν μὲ τὰ φουσάτα μας πρὸς τὸν μάγον νὰ τὸν διώξωμεν, τὸν μάγον καὶ Αἴγυπτον.» Καὶ ἐσύναξαν οἱ βασιλεῖς φουσάτα πάμπολλα ἀναρίθμητα· ἦτον δὲ εἰς τὸ σύνορον τῆς Περσίας ἕνα κάστρον καὶ εἶχαν αὐθέντην εἰς τὴν μέσην τους Αἴγυπτον, ὀνόματι Βερκαρίαν· ἰδόντας ὁ συνορίτης ὁ Βερβέρης φουσάτον πολλὸν μαζώμενον, ὁποῦ ἔρχονται καταπάνου τοῦ βασιλέως Αἰγύπτου τοῦ Νεκτέναβου, ἐπῆγεν εἰς αὐτὸν καὶ ὡμολόγησέ τον περὶ τὰ φουσάτα, τὸ πόσαις χιλιάδες ἔρχονται, καὶ εἶπεν τοῦ Νεκτέναβου· «ὅτι νὰ ἠξεύρῃς, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας, ὁ Δάρειος, ὁποῦ τὸν ἐμαυτόν του ὀνομάζει ἴσος μὲ τὸν θεὸν καὶ ἔφθασεν καὶ ἐσέβη εἰς τὸ σύνορόν σου μὲ τὰ φουσάτα του πολλὰ ἀναρίθμητα καὶ μὲ ἄλλους βασιλεῖς ἑτέρους ἔρχονται καταπάνου σου, ὥσπερ ὅταν ἀρχερίσουν τὰ κύματα τῆς θαλάσσης καὶ οὐδεὶς ἠμπορεῖ ἀριθμήσει αὐτά, εἰ μὴ εἷς θεός· τόσον φουσάτο ἔρχεται καταπάνω σου νὰ πολεμήσῃ». Ὁ βασιλεὺς ὁ Νεκτέναβος ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· «σῦρε ὀπίσω εἰς τὸ βασίλειόν σου καὶ κατανόει καλῶς καὶ πάλιν νὰ μοῦ ἀποστείλῃς λόγον ἐγλήγορα ἐπιστολὴν γραμμένην»· Καὶ ὁ βασιλεὺς ὥρισεν καὶ ἔγραψεν πιτάκια εἰς ὅλον τὸν τόπον [26 v.] τῆς Αἰγύπτου τὴν Δαμασκὸν καὶ ἀφὸν ἐπροβόδησεν ταῖς ἐπιστολαῖς εἰς ὅλον τὸν τόπον

Περὶ ὅταν ἐπίασεν τὸ χαρτὶν τῆς ἀστρονομίας καὶ τῆς λεκανομαντίας νὰ ἰδῇ τὸ πόσον φουσάτον ἔρχεται καταπάνω του.

Ὁ Νεκτέναβος ἠπῆρεν τὸ χαρτὶ τῆς ἀστρονομίας καὶ τῆς λεκανο-

[1]) рκп. ἀὶ.

μαντίας καὶ ἐσέβην εἰς τὸ παρακέλιν τὸ βασιλικὸν καὶ ἐγέμισεν τὸν ὀστράκινον πίνακαν νερὸν καὶ ἄνοιξεν τὸ βιβλίον του καὶ εἶδεν εἰς τὸ νερὸν δύο φουσάτα ὁποῦ ἔρχονται νὰ πολεμίσουν· καὶ εἶδεν τὸν θεὸν τῆς Αἰγύπτου τὸν Ἀπόλλωνα ὅτι ἐσέβη εἰς τὸ κάτεργον πρὸς τῆς μεριᾶς τοῦ φουσάτου τῆς Περσίας καὶ φέρνει τὸ φουσάτο τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως καταπάνου εἰς τὴν Αἴγυπτον. ἰδόντας οὖν ὁ Νεκτέναβος ὅτι νικᾶται ὑπὸ τοὺς Πέρσιδας, ἐζαλίσθην ζάλην μεγάλην καὶ ἐσηκώθη ἀπὸ τὴν τρομάραν του καὶ ἔκλαυσεν πικρὰ καὶ εἶπεν· ὦ κάστρον τῆς Αἰγύπτου Δαμασκὸν καὶ ὄμορφον μὲ τοὺς πρωτοκαβαλαραίους καὶ χρυσοπτερνιστηράτους καὶ ἀνδρειωμένους τῆς Αἰγύπτου τοὺς πρώτους καὶ τὰ πάντερπνά σας καλὰ καὶ ὁ πλοῦτός σας καὶ ἡ ὀμορφάδα σας, ἔχετε τόσους πολλοὺς χρόνους μετ' ἐμένα, καὶ τώρα χωρίζεσθε μὲ μεγάλην πικρίαν, ὥσπερ τίς τρώει τὸ φαρμάκι καὶ σύντομα ἀποθνήσκει, οὕτως καὶ ἐγὼ χωρίζομαι τὸ βασίλειόν μου. Ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου ὁ Νεκτέναβος οὐδὲν ἐδυνήθη νὰ πολεμίσῃ μὲ τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα τῆς Περσίας. ἀπὸ τὴν πολλήν του λύπην καὶ τὴν ἐντροπήν του ἐκούρεψεν τὰ γένειά του καὶ τὰ μαλία του καὶ ἐξέβην ἀπὸ τὸ κάστρον τῆς Αἰγύπτου καὶ ἔφυγεν εἰς ξένον τόπον, ὅπου οὐδὲν τὸν ἐγνώριζαν. καὶ ὑπῆγεν εἰς τοὺς Φιλίππους εἰς τὸν τόπον τῆς Μακεδονίας καὶ κανεὶς ἄνθρωπος δὲν τὸν ἐγνώρισεν καὶ ἔκαμεν τὸν ἐμαυτόν του μάγον, ἰατρὸν θαυμαστόν. εἴ τι ἄρα ἔλεγεν, ὅλα ἀληθίνευαν οἱ λόγοι του· ἡ στρατία καὶ τὰ φουσάτα, καὶ οἱ ἄρχοντες ἐσυνήχθησαν εἰς τὸ παλάτιν νὰ ποιήσουν βουλὴν μὲ τὸν βασιλέα τους, καθὼς εἶχαν συνήθειον. καὶ ἐγύρευσαν καὶ οὐδὲν τὸν ηὗραν· καὶ μόνον ηὗραν ἕνα πιτάκιν γραμμένον. καὶ ἔγραφεν οὕτως· ὅτι ἐγὼ οὐδὲν δύνομαι κατὰ πρόσωπα τὸν Δάρειον νὰ σταθῶ καὶ ὑπηγαίνω ἀπὸ ἐσᾶς γέροντας καὶ πάλιν θέλω ἔλθει πρὸς ἐσᾶς νέος χρονῶν λ' καὶ νὰ μοῦ ἱστορήσετε τὸ πρόσωπόν μου εἰς τὸν στύλον καὶ νὰ μοῦ βάλετε τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν τῆς ἱστορίας καὶ εἴ τις ἔλθῃ καὶ σταθῇ εἰς τὸν στύλον καὶ πέσῃ τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν του, αὐτὸν τὸν ἄνθρωπον νὰ τὸν προσκυνήσετε· ὅτι αὐτὸς ἐστὶν ὁ υἱός μου καὶ αὐτὸς σᾶς θέλει ἐλευθερώσει ἐκ χειρὸς τοῦ Δαρείου· καὶ ἔλαβον τὸ πιτάκιν τοῦ Νεκτενάβου μὲ τὸ στέμμαν του· καὶ ἔκαμαν στύλον εἰς τὴν μέσην τοῦ κάστρου καὶ ἔγραψαν τὸ πρόσω-

πον. τοῦ βασιλέως καὶ ἔβαλαν τὴν ἐπιστολὴν καὶ τὸ στέμμαν του στὸ πρόσωπον ἐκεῖνον ὁποῦ ἱστόρησαν καὶ ἔκλαψαν παρά. καὶ ὑπῆγαν εἰς τὴν ἐκκλησίαν τους εἰς τὸν θεόν τους τὸν Ἀπόλλωνα καὶ ἐπαρακάλεσαν αὐτόν, νὰ τοὺς ὁμολογήσῃ τὴν ἅπασαν ἀλήθειαν διὰ τὸν βασιλέα τους τὸν Ἐκτέναβον. ὅταν γοῦν διὰ νυκτὸς εἶδαν εἰς τὸν ὕπνον τους καὶ εἶπεν ὅτι πάλιν ὅταν πληρωθῶσιν χρόνοι λ΄, πάλιν θέλει γυρίσει πρὸς ἐσᾶς καὶ θέλει τζακίσει τὰ σπαθία τῆς δεξιᾶς χειρὸς τῆς Περσίας καὶ σᾶς θέλει ἐβγάλει καὶ θέλω σᾶς ἐλευθερώσει. Ὁ Νεκτέναβος εἰς τοὺς Φιλίππους ἔκαμεν λεκανομαντίαις μεγάλαις καὶ ὅλοι ἀληθίνευαν εἰς τὴν τέχνη του.

Περὶ τοῦ βασιλέως τοῦ Φιλίππου καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος τὴν ἀτεκνίαν καὶ τὸ τί εἶπεν ὁ Φίλιππος τῆς Ὀλυμπιάδος.

Ὁ βασιλευς τῶν Μακεδόνων ὁ Φίλιππος εἶχεν γυναῖκαν ὡραιαν. τὸ ὄνομα αὐτῆς Ὀλυμπιάδα. καὶ πολλὰ ἦτον στεῖρα. καὶ ὁ βασιλευς οὐδὲν εἶχεν καλλὴ καρδίαν [27 r.] ποτὲ πρὸς τὴν βασίλισσαν διὰ τὴν ἀτεκνίαν της, διότι εἶχεν πλοῦτον πολὺν ὁ βασιλεὺς μὲ τὸν ἐμαυτόν του, τὸ πῶς θέλει ἀπομείνῃ τὸ βασίλειόν του ἔρημον καὶ ὁ πλοῦτος του· ἦτον γοῦν ὡραία ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ἐκ τὴν ἐμορφια της οὐδὲν ἤθελεν νὰ τζακίσῃ τὴν καρδίαν της. ἦλθεν γοῦν ὁρισμος τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως νὰ ὑπηγαίνῃ ὁ Φίλιππος εἰς τὸ ταξεῖδι. καὶ εἶπεν τῆς γυναικός του τῆς Ὀλυμπιάδος· ὅτι μεγάλη κάκητα (κακότητα?) ἔχω ἀπὸ σέν, ὀμμάτια μου καὶ φῶς τῶν ὀφθαλμῶν μου, ψυχή μου, καρδία μου Ὀλυμπιάδα· ἐγὼ ὑπηγαίνω εἰς τὸ φουσάτο καὶ ἐὰν οὐδὲν εὕρω τέκνον ἀπὸ τὰ σπλάγχνα μου, ἀπὸ τὸν ἐμαυτον μου, νὰ ἠξεύρῃς ὅτι πλέον τοὺς ὀφθαλμούς (σ)ου οὐδὲν τὰ θέλω ἰδεῖ, ὁσὰν ἦσουν μαθημένη νὰ ἔλθῃς εἰς τὸν θρονον μου. λοιπὸν μὲ ὀνειδισμὸν ὑπῆγεν εἰς τὸ ταξεῖδιν ἐτοῦτο.

Περὶ τὸν λόγον ὁποῦ εἶπεν ὁ Φίλιππος τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ ἦτον πικραμένη· ἦλθεν μία ἀπὸ ταὶς βαγίαις καὶ εἶπεν της διὰ τὸν Νεκτέναβον.

Μίαν γοῦν τῶν ἡμερῶν ἀπὸ ταὶς βαγιτζαις της εἶδεν τὴν βασι-

λισσα πικραμένη καὶ εἶπεν της· μηδὲν πικραίνεσαι, ὦ βασίλισσα Ὀλυμπιάδα. ἐδῶ εἰς τὸ κάστρον ἐτοῦτο τῶν Φιλίππων ἔναι ἕνας ἄνθρωπος μάντις καὶ ἰατρὸς καὶ ἀστρονόμος· καὶ εἴ τι ἄρα λέγει ἀληθινεύουν. περὶ τὸ πῶς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βαγίτζας της, εἶπεν της· δράμε ἐγλήγορα καὶ φέρε τὸν ἄνθρωπον αὐτὸν εἰς ἐμένα, μὴ νὰ μὲ ποιήσῃ τίποτες εἰς τὴν τάλαιναν.

Περὶ ὅταν ἔβαλεν ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ἔκραξε τὸν Νεκτέναβον καὶ ἦλθεν εἰς τὴν βασίλισσα τὴν Ὀλυμπιάδαν.

Ὁ Νεκτέναβος ἦλθεν ἐγλήγορα εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα. Καὶ ἐσύντυχεν καὶ εἶπεν του· ἄνθρωπε τῆς Αἰγύπτου, ἀλήθεια ἔναι ὅπερ ἠκούσαμεν διὰ τ'ἐσένα [1]); ἠμπορεῖς νὰ ποιήσῃς τίποτες μὲ τὰ βοτανικά σου εἰς ἐμένα, μὴν νὰ ποιήσω παιδὶ ἀπὸ τὰ σπλάγχνα μου; καὶ ἂν ποιήσῃς καὶ κάμω παιδὶ τοῦ μεγάλου βασιλέως Φιλίππου, θέλεις θεραπεύσει τὴν καρδίαν του καὶ θέλω δυναμώσει καὶ τὴν ἐδικήν μου τὴν καρδίαν πρὸς αὐτόν. καὶ μέγας νὰ ὀνομασθῇς ἀπὸ τὸν βασιλέαν καὶ ἀπὸ τοὺς αὐθεντάδες τῆς Μακεδονίας· καὶ ποίησε τὴν ἰατρικήν σου τέχνην ἐγλήγορα.

Περὶ ὅταν ἐσύντυχεν ἡ Ὀλύμπιάδα τοῦ Νεκτενάβου.

Ὁ Νεκτέναβος ἰδόντας τὴν Ὀλυμπιάδα, τὴν ὡραιότητάν της καὶ τὴν λαμπηδόνα τοῦ προσώπου της καὶ τὰ καλά της κάλλη, ἐτήρα την εἰς τοὺς ὀφθαλμούς ὀρθὰ, καὶ ἐδιέβην ὁ νοῦς του καὶ ἐξέστην· ἐκείνη ἐδοκήθη καὶ ἐπῆρε κρυφὰ νὰ τοῦ ἐρωτᾷ καὶ λέγει του· ὦ ἄνθρωπε, τί με καὶ ἐσὺ πόνους γεμίζεις; ἐὰν ἔχεις ὄρεξιν, ποίησον τὴν τέχνην σου, καὶ μηδὲν ἀργῇς. Καὶ ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βασίλισσας, εἶπεν της καὶ ἐσίμωσεν σιμά της ὥστε ἐκόλλησεν [2]) τὸ πρόσωπόν του εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ ἐκάην καὶ ἐτόξευσεν εἰς τὴν καρδίαν του ἀπὸ τὸν ἔρωτάν της. καὶ εἶπεν της· ὅτι ἐγὼ ἐβλέπω, ὅτι ὁ θεὸς θέλει μείνει μετὰ σένα ἢ ὁ Ἀμὼν ἢ ὁ Φιλογένης ἢ ὁ Ἀρκούτζης, ὁ θεὸς ὁ μέγας. Καὶ ἐὰν ποιήσῃς ὡσὰν σοῦ θέλω εἰπεῖ,

---

[1]) рукоп. διά τε σένα.
[2]) рукоп. ἐκώλυσεν.

παιδὶν θέλεις ποιήσει καὶ ἐσὺ μητέρα θέλεις ὀνομασθῇ, βασίλισσα τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ· καὶ ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους του, ἐχάρη χαρὰν μεγάλη, διότι θέλει γενήσει παιδὶ ἀπὸ τὸν ἐμαυτόν της· καὶ εἶπέν του· ὡσὰν τριγόνα θλίβομαι, ὦ ἄνθρωπε· ἔλ' κοντὰ [1]) εἰς τὸ παλάτι τὸ βασιλικὸν νὰ σοῦ ποιήσω ἕνα σπιτόπουλον μικρόν· καὶ ὅταν ἔλθουν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων ὁποῦ θέλουν 'σεβῇ πρὸς αὐτήν, ὁποῦ ἤβλεπεν εἰς τὸ νερὸν τῆς λεκανομαντίας.

Περὶ ὅταν ἐσέβη εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα ὁ Νεκτέναβος.

[27 v.] Ὁ Νεκτέναβος ἔκαμεν τὸν ἐμαυτόν του μάγον μὲ τὰ μαγικά του καὶ ἐσέβη εἰς τὸ παλάτι τῆς βασίλισσας νὰ μείνῃ μὲ τὴν Ὀλυμπιάδα εἰς τὸ πρόσωπον τῶν θεῶν τῶν Ἑλλήνων, τὸν Ἀμών. τὸ κεφάλιν του ἔκαμεν ὡς ἀετοῦ καὶ εἰς τὴν κεφαλήν του κερατόπουλα χρυσὰ καὶ οὐρὰν ὥσπερ τοῦ βασιλίσκου, τὰ ποδάρια του ἐποίησεν καὶ τοὺς ἐλάταις (sic) ὡσὰν τοῦ γρύψου καὶ τὰ πτερά του χρυσὰ καὶ μαῦρα. καὶ ἐσέβην εἰς τὴν βασίλισσαν τὴν Ὀλυμπιάδα μὲ φόβον καὶ μὲ τρόμον μέγαν. καὶ ἔμειναν οἱ δύο καὶ πάλιν ἐξέβη ὀπίσω μὲ πολλὰ ποιήματα· καὶ θαυμαστὸς ἐφάνη εἰς τὸ ἔξέβαν του. καὶ ὑπῆγεν εἰς τὸ σπιτόπουλόν του καὶ ἐπὶ τὴν αὔριον ὑπῆγεν εἰς τὴν βασίλισσαν καὶ εἶπεν της· τώρα εἶσαι εὐχαριστημένη εἰς ὅλαις ταὶς γυναῖκες, Ὀλυμπιάδα· σήμερον τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ βασιλέα βαστάζεις παιδὶ ἄρρεν καὶ ὅταν θέλεις κάμῃ τὸ παιδί, νὰ στείλῃς διὰ τ' ἐμένα νὰ ἔλθω καὶ εἴ τι σου εἰπῶ οὕτως νὰ κάμῃς καὶ εἰς ποίαν ὥραν νὰ γεννήσῃς τὸ παιδί. ἐλθόντος γοῦν εἰς τὴν γέννησιν τοῦ παιδίου, ἔστειλεν καὶ ἔκραξεν τὸν Νεκτέναβον καὶ ἄνοιξε τὸ βιβλίον τῆς ἀστρονομίας, καὶ οὐδὲν ἦτον ὥρα καλὴ νὰ γεννήσῃ τὸ παιδί· καὶ εἶπεν ταὶς γυναίκαις καὶ ἐσήκωσαν τοὺς πόδας τῆς βασίλισσας νὰ μηδὲν πέσῃ τὸ παιδί· καὶ ὅταν εἶδεν ὅτι ἐπλάτυνεν ἡ νύκτα καὶ ἐδυνάμωσεν τὸ γύρισμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τὰ στοιχεῖα τῆς γῆς, καὶ εἶπεν καὶ ἄφηκαν τὴν βασίλισσαν, καὶ ἐγέννησεν τὸ παιδὶ τὸν Μάρτιον μῆναν ὥρας θ' τῆς νυκτός. καὶ ὅταν ἐγεννήθη τὸ παιδίον καὶ ἐξέβην εἰς τὸ φῶς τοῦ κόσμου καὶ ἔκλαυσεν καὶ εἶπεν· ὅταν σωθοῦν οἱ σαράντα χρόνοι

[1]) ркп. ἔλχοντα.

πάλιν θέλω γυρίση εἰς ἐσένα μητέρα ἐδική μου γῆς· καὶ εἶδεν πᾶς ἄνθρωπος καὶ ἐξενίσθη πῶς ἐσύντυχεν τὸ παιδάριον· ἡ Ὀλυμπιάδα παρευθὺς ἠπῆρεν τὸ παιδὶ καὶ ἐδιάβασέν το εἰς τὴν ἐκκλησίαν τὸν Δαφνιώνα τὸν Απόλλωνα. καὶ ἠπῆρεν εὐχὴ ἀπὸ τὸν ἱερέαν τους καὶ ἐπαρακάλεσέν τον νὰ ἀνοίξη τὸ χαρτὶ τῆς ἀστρονομιάς νὰ τῆς δείξη διὰ τὸ παιδὶ ποταπὸς θέλει γένη· καὶ ἐπαρακάλεσεν τὸν θεόν της τὸν Ἀπόλλωνα νὰ τῆς φανῆ κατ' ὄναρ. καὶ εἰς τὸν ὕπνον του τοῦ ἱερέως τῶν Ἑλλήνων ἐφάνη ὁ Ἀπόλλων καὶ εἶπεν περὶ τὸν Ἀλέξανδρον ὅτι θέλει γένη ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου βασιλέας καὶ θέλει γένη δόκιμος καὶ φρόνιμος πολλὰ καὶ νὰ δωρῆ τοὺς αὐθέντας καὶ ἀκόμη καὶ τὸν βασιλέα τὸν ἐδικόν του τὸν πατέρα θέλει σκοτώση. καὶ ὅταν θέλουν πληρώση μ' χρόνοι πάλιν θέλει γυρίση εἰς τὴν μάνα του τὴν γῆν ἔνθα ἐπλάστη.

Περὶ ὅταν ἐγύρισεν ὁ Φίλιππος ἀπὸ τὸ ταξεῖδι ὀπίσω.

Ὁ Φίλιππος ὅταν ἦτον εἰς τὸ φουσάτο τῆς Περσίας, ἠπῆρε συμπάθειον ἐκ τὸν Δάρειον καὶ ἐγύρισεν ὀπίσω. καὶ ὅταν ἐκατέλαβεν ἡ νὺξ εἶδεν εἰς τὸν ὕπνον του ὅτι τοῦ ἐφάνη ὁ θεὸς ὁ Ἀμὼν εἰς τὸ πρόσωπόν του ὡς λέοντας μὲ κερατόπουλα χρυσὰ εἰς τὸ κεφάλιν του. καὶ ἐκράτειεν τὸ παιδὶ τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὰς χεῖράς του καὶ εἶπεν τοῦ Φιλίππου· χαῖρε, βασιλέα τῆς Μακεδονίας, καὶ εὐφραίνου, ὅτι ἠπόκτησες υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον δόκιμον καὶ φρόνιμον καὶ ὡραιότατον. καὶ εἰς τὴν ἀνδρείαν ἀνδρειωμένος καὶ εὐτυχιάρης εἰς τὸ ριζικόν του· καὶ βασιλέας θέλει γένη τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ. καὶ ὁ Φίλιππος ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ στρῶμαν του καὶ ἐγείνη ἐξεστηκὼς ἀπὸ τὸ ὅραμα ὁποῦ εἶδεν εἰς τὸν ὕπνον του. καὶ ἐσέβην εἰς λογισμὸν μέγαν καὶ ἔκραξεν τὸν φιλόσοφον τὸν Ἀριστοτέλη καὶ ὡμολόγησέν του τὸ ἐνύπνιον ὅπερ εἶδε. καὶ εἰς αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθεν ἀετὸς μέγας ἀπανωθέον τὴν τέντα τοῦ βασιλέως καὶ ἀπόλυσεν αὐγὸν καὶ ἔπεσεν εἰς τὸν ὦμον [1]) τοῦ Φιλίππου. καὶ ἐξυπνήσθη ἀπὸ τὸν φόβον του καὶ ἀπήδησεν ἀπὸ τὴν κοίτην του, καὶ ἔπεσεν τὸ αὐγὸν εἰς τὴν γῆν καὶ ἐτζακίστη, καὶ ἐξέβην ὄφις [28 r.] μέγας καὶ ἐτριγύρισεν τὴν τέν-

---

[1]) ркп. νόμον.

ταν του ὀλόγυρα και πάλιν ἐσέβην ὀπίσω ὅπουθεν ἦτον· καὶ εἶπεν ὁ Ἀριστοτέλης ὁ φιλόσοφος τὸν Φίλιππον· ἀληθινὸν ἦτον τὸ ἐνύπνιόν σου, βασιλέα. καὶ εἰς αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθαν μαντατοφόροι ἀπὸ τὴν Ὀλυμπιάδα διὰ τὴν γέννησιν τοῦ παιδίου τοῦ Φιλίππου. ὁ Φίλιππος ὡς ἤκουσεν ὑπῆγεν ἐγρήγορα εἰς τὴν Μακεδονίαν εἰς τὸ κάστρο του καὶ ἐχάρην χαρὰν μεγάλη. καὶ ἔβγαλαν οἱ ἄρχοντες τὸ παιδίον εἰς συναπάντησιν τοῦ βασιλέως· καὶ ἐπῆρεν τὸ παιδὶν εἰς τὰς χεῖρας του καὶ κατεφίλησέ το καὶ ἐστάθην ἡ καρδία του εἰς τὸν τόπον καὶ εἶπεν· δόξα σοι ὁ θεὸς ὁποῦ εἶδα καὶ ἐγὼ παιδὶ ἀπὸ τὰ σπλάγχνα μου· διότι ἔναι ἔμορφον ὡσὰν τὸν Ἰωσὴφ τὸν πάγκαλον· καὶ ὁ βασιλεὺς ἔμασεν .υ΄. παιδία καὶ ἐπαρέδωκέ τα τοῦ Ἀλεξάνδρου διὰ νὰ μαθαίνουν τὴν τέχνην τοῦ πολέμου. καὶ τότε τὰ ὤρθωσεν ἔμορφα καὶ καλὰ ὁποῦ εἶδαν καὶ ἐθαύμασαν· καὶ ἀρχέρισαν τὸν πόλεμον· καὶ ὅποιο παιδὶ ἐξαιμάτωναν εἰς τὸν πόλεμον, ἐβγάναν το ὡσὰν νικημένον. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἀπ' ὅλα τὰ παιδία ἔφθανέν τους, καὶ ἐπαρέδιδέν τους εἰς τὸ 'δικόν του κέρδος. καὶ ἐκέρδησεν ὅλα τὰ παιδιὰ τὰ .υ΄. καὶ ἐπωνόμασαν τὸν Ἀλέξανδρον βασιλέα καὶ ἐφούμισάν τον ὅλοι· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως καὶ τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ. εἶδεν γοῦν ὁ διδάσκαλος τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ νῖκος τὸ πῶς ἐκέρδησεν τὸν πόλεμον, ἐθαύμασεν καὶ εἶπεν· τὸν ῥιζικάρη τὸν ἄνθρωπον οἱ θεοὶ καὶ οἱ διάβολοι τὸν βοηθοῦν, καὶ τοῦ κακορίζικου τοῦ ἀνθρώπου οὐδὲ θεὸς τὸν βοηθᾶ, οὐδὲ οἱ διάβολοι τὸν βοηθοῦν, μόνον καὶ οἱ ἀγαπημένοι του οἱ συντρόφοι ἀφίνουν τὸν καὶ φεύγουν. καὶ οὐδὲν δύνονται νὰ τὸν βοηθήσουν.

Περὶ ὅταν εὐφήμισεν ὁ Ἀριστοτέλης τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Ἀριστοτέλης ἐφήμισεν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν του· ὦ φανερὲ ἥλιε Ἀλέξανδρε, ἐὰν πάρῃς τὴν οἰκουμένην ὅλην καὶ ἐπονομασθῇς βασιλεύς, τὸ τί καλόν μοῦ θέλεις κάμῃ ἐμένα τοῦ διδασκάλου σου; ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀπεκρίθη: ὑψηλότατε καὶ ἐνδοξώτατε, οὐ πρέπει νὰ συντυχαίνω ἐγὼ ἔμπροσθεν τοῦ διδασκάλου μου, ἐὰν ἐγὼ ὑψωθῶ ἀπὸ θεοῦ θελήματος, καὶ ἐσὺ μέγας ἄνθρωπος μετ' ἐμένα καὶ ὑψηλότερος νὰ γένῃς· τὸ κλῆμα οὐδὲν πλέκεται εἰς ξύλον ὁποῦ ἔναι μακρυὰ ἀπ' αὐτό, μόνον εἰς ξύλον ὁποῦ ἔναι κοντά του· ἔτζι

καὶ ὁ βασιλεύς, ὁποῦ τὸν[1]) γυρεύει νὰ ἐπάρῃ πολὺν ὁρισμὸν καὶ κάστρον καὶ χώρας, τὸν ἐδικόν του καὶ ἠγαπημένον ἐνεμπιστεύεται εἰς τὰς βουλὰς καὶ εἰς τὰς χαράς του καὶ εἰς τὴν θλίψιν του· οὕτως καὶ ἐγὼ θέλω εἶσθαι, ὦ μεγαλειότατε τῶν φιλοσόφων Μακεδονίας διδάσκαλε. τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ζακόνι ἦτον ἀπὸ τὴν αὐγὴν ἕως τὸ γιῶμα, καὶ ἔμπροσθεν ἕως τὸ δειλινὸν ὑπήγαινεν εἰς τὸν Νεκτέναβον, εἰς τὸ πονηρὸν καὶ δόκιμον μάθημα. ἀπ' αὐτὸν ἔμαθεν τῶν τρεχομένων ζώδιων τοῦ οὐρανοῦ ἐπὶ τὰς ζώνας καὶ τὰς καμάρας καὶ τοὺς ἑπτὰ πλανήτας ἀρχή· Κρόνος, Ἄρης, Ἀφροδίτης, Ἕρμης, Ἥρα, Δίας, Ἥλιος· καὶ ἔγραψεν εἰς σκέδον[2]) καὶ ἤφερεν τὸ καθὲν κατὰ δρόμον αὐτοῦ γεγραμμένον.

Περὶ τὸν θάνατον τοῦ Νεκτενάβου ἐκ τὸν Ἀλέξανδρον τῆς Μακεδονίας.

Εἶδε γοῦν ὁ Ἀλέξανδρος τὸν σκέδον γραμμένον καὶ εἶπεν τοῦ διδασκάλου του· δίδαξόν με, διδάσκαλε, τὸ πῶς τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ τὸν χορὸν[3]) τοῦ οὐρανοῦ ἐποίησεν καὶ πῶς τὸν ἄνθρωπον τῆς γῆς ἐπιφαίνονται; αυτὸς τὸν ἀπεκρίθη· ὁ θεὸς ὁ μέγαλοδύναμος τῶν ἀνθρώπων, ὁποῦ δὲν γνώθουν καὶ ὁποῦ εἶναι ἐπίγειοι, ἔρχεται πνεῦσις θεϊκὴ καὶ φωτίζει τὸν ἄνθρωπον καὶ οὐχὶ [28 v.] ὡσὰν ἐμένα τὸν ἄνθρωπον, ἀμὴ ὅπου θέλει ὁ θεὸς νὰ δώσῃ δώρημα, αὐτὸς ἐκ τῆς ἄνω προνόιας φωτίζεται· καὶ ἡμεῖς ἀπὸ τοὺς πρώην διδασκάλους ἐμαθητεύθημεν καὶ ἠξεύρομεν καὶ ποιοῦμεν. ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· ὅλον τόσαν μὲ εἶπες, διδάσκαλε, ἤκουσα, ὦ Νεκτέναβε, ὅτι τὸν θάνατόν σου ἠξεύρεις τὸ πῶς σοῦ θέλει γένῃ. Ὁ Νεκτέναβος εἶπεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὡσὰν μὲ μαθαίνει ἡ ἀστρονομία ὁποῦ τρέχει, ἐγὼ ἀπὸ τὸν υἱόν μου θέλω ἐπάρῃ θάνατον καὶ θέλω σκοτωθῇ.

Περὶ τοῦ σκέδου γραμμένου.

Ὁ Ἀλέξανδρος οὐδὲν ἐπίστευσεν[4]) τοῦ λόγου του, ἔσπρωξέν τον[5])

---

[1]) Вѣроятно испорчено изъ ὁπόταν.
[2]) ркп. εἰς χέδον.
[3]) ркп. τὸν χωρῶν.
[4]) ркп. ἐπίστασεν.
[5]) ркп. ἔσπροσέν τον.

ἀπὸ τὸ σπήλαιον καὶ ἔπεσεν ἔμπροσθεν τὴν βασιλικὴν κρίσιν καὶ εἶπεν· ἀστόχησες, διδάσκαλε, τὴν τέχνην σου· αὐτὸς ἔπεσεν κάτω μὲ ὀλίγη ψυχὴν καὶ ἐλάλησεν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν· τρέχα, Ἀλέξανδρε, εἰς τὴν μητέρα σου τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ θέλει σου δείξη τὸ νὰ εἴπας[1]) τὴν ἀλήθειαν. ἐγώ, υἱέ μου Ἀλέξανδρε, εἰς τὸ σκότος ὑπηγαίνω εἰς τὸν ἅδην ὅπου εἶναι οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων δεμένοι καὶ τυραννίζουνται εἰς τὸ τύραγνον παραδομένοι ἀπὸ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς τὸν Σαβαώθ· καὶ αὐτὸ μόνον ἐσύντυχεν καὶ ἐξέψυξεν ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου ὁ Νεκτέναβος. Ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τὸν λόγον τοῦ Νεκτενάβου, ἔπεσεν εἰς λογισμὸν μέγαν καὶ ἐντροπὴν καὶ ὑπῆρεν τον εἰς τὸν ὦμον[2]) του καὶ ἤφερέ τον εἰς τὴν μητέρα του. καὶ εἶδεν ἡ μητέρα του καὶ ἐξενίσθη καὶ εἶπεν· τί ἔναι τοῦτο, Ἀλέξανδρε, υἱούτζικέ μου; ὁ Ἀλέξανδρος τῆς ὡμολόγησεν τὸ πᾶν πρᾶγμα καθῶς τοῦ εἶπεν ὁ Νεκτέναβος· καὶ εἶπεν τῆς μητρος αὐτῆς τῆς Ὀλυμπιάδος· ἐὰν ἔναι ἀληθῶς ὁ πατήρ μου, δεῖξέ μου· καὶ ἡ μητέρα τοῦ ὡμολόγησεν τὸ πῶς ἐγείνη ἀπὸ τῆς ἀρχῆς ὅλον καθέναν λόγον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἤκουσεν τὸν λόγον τῆς μητρὸς του καὶ ἔκλαψεν πικρά· καὶ ὁ Φίλιππος τίποτες οὐδὲν ἤξευρεν.

Περὶ ὅταν ἔδειξεν ὁ θεὸς τὸν Βουκέφαλον τὸ ἄλογον.

Εἰς τὸν Φίλιππον τὸν βασιλέα αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθε του μαντατοφόρος καὶ εἶπεν του· νὰ ἠξεύρης ἡ βασιλεία σου, ἐγενήθην ἕνα πουλάριν εἰς τὴν λακινίαν σου θαυμαστὸν καὶ ἔμορφον πολλά· ἔχει εἰς τὴν δεξίαν του μερίαν εἰς τὸ μερὶ βουκέφαλον μὲ κέρατα καὶ μὲ αὐτία ἕναν πῆχαν· ὥρισεν ὁ βασιλεὺς καὶ ἤφεράν του τὸ πουλάριν, καὶ εἶδεν το καὶ ἐθαύμασεν τὴν ἐμορφάδαν του καὶ τὸ σημεῖον εἰς τὸ μερί· καὶ ὥρισεν καὶ ἐποίησαν σπιτόπουλον, κουβοῦκλιν σιδερένιο, καὶ ἔβαλέν το ἀπ' ἔσω· καὶ ἔριχνάν του τὴν τροφὴν ἐκεῖ καὶ κανεὶς οὐδεν ἐκότα νὰ σταθῆ κοντά του. ὁ Ἀλέξανδρος καθ' ἣν ὥρα ὑπήγαινεν καὶ ἄπλωνεν ἀπὸ τὸ παραθύρι, καὶ ἐπίανέν το ἀπὸ τὸ ὠτίον· καὶ τὸ ἄλογον ἀγαλλίαζεν, ἐχλιμίτρα καὶ ἔγλειφεν τὸ χέριν τοῦ Ἀλεξάνδρου.

---

1) м. б. εἶπα σ' т. е. σου.

2) ркп. νόμον.

Περὶ ὅταν ἠθέλησεν διὰ νὰ καβαλικεύσῃ.

Ὁ Ἀλέξανδρος μία γοῦν τῶν ἡμερῶν ἐτζάκισεν τὴν κλειδονίαν τῆς θύρας καὶ ἐσέβην ἀπ' ἔσω εἰς τὸ κουβοῦκλι καὶ ἐπῆρε σέλα καὶ ἐσελογαλίνωσεν τὸ ἄλογον ὡσὰν νὰ ἦτον μαθημένον· καὶ ἐκαβαλίκευσεν καὶ ἐκίνησεν ὅπου οἱ καβαλαραῖοι οἱ χρυσοπτερνιστηράτοι. ὅπου ἔπαιζαν τὰ κοντάρια ὡσὰν εἶχαν ζακόνι, ἀπὸ τὸ γιῶμα καὶ ὀμπρὸς εἶχεν ζακόνι· καὶ ἐκάθετον εἰς τὸ παλάτιν τὸ βασιλικὸν καὶ ἔβλεπεν τὸ πῶς κροῦν ταῖς κονταρίαις. ὁ Ἀλέξανδρος ἐξέβην ἀπὸ τὸ κάστρον καβελάρης καὶ ἦσαν ὅλοι τῆς Μακεδονίας οἱ πρωτοκαβαλλαραῖοι. ἐπέζευσαν ὅλοι καὶ ἐπροσκύνησάν τον ὡσὰν τὸν βασιλέα τὸν Φίλιππον καὶ ἐθαύμασαν τὴν καβάλαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· εἰς τὸ Βουκέφαλον τὸ ἄλογον ὡσὰν πρωτοκαβαλάρης ἔμορφα ἀνδρειωμένα ἔτρεχεν παρὰ ὅλους, ἔδραξέν τον τὸ ἄλογον καὶ μετὰ βίας τὸ ἐκράτησαν [29 r.] ὅπου εἶναι ἡ βρύσαις ἡ πολλαίς, καὶ ἐκεῖ ὥρισεν καὶ ἐποίησαν κάστρο καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρο ἐκεῖνο· Δρομὴ Καλή· ὁ Φίλιππος ὁ βασιλεὺς ἐθαύμασεν διὰ τὴν μεγάλη ῥέντα τοῦ ἵππου. καὶ εἶπεν ὁ Φίλιππος. ὦ βουνοὶ καὶ κάμποι καὶ ὄρη· ὅτι τὸ σπαθὶν τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ τοὺς Μακεδόνας θέλει τζακίσῃ ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου τὰ σπαθία. καὶ ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· ἐγὼ τέτοιον ἔμορφον καβαλάρην ὡσὰν τὸν Ἀλέξανδρον, οὐκ εἶδα, μόνον τὸν Ἡράκλιον τὸν βασιλέα ἔμορφον εἰς τὴν καβάλαν του. ἐκ ταύτην τὴν ἡμέραν ὥρισεν ὁ Φίλιππος καὶ ἔμασεν συνομηλίκους τοῦ Ἀλεξάνδρου χιλίους καὶ ἔδωκέν τους τοῦ Ἀλεξάνδρου νὰ παραδιαβάζῃ μετ' αὐτοὺς καὶ νὰ δοξεύουν μετ' αὐτὸν καὶ νὰ μαθαίνουν τῆς στρατίας τὴν τέχνην καὶ νὰ κροῦν κονταρίαις καὶ νὰ κυνηγοῦν εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα. ἦτον μία τέχνη τῶν Ἑλλήνων, τροχοὶ καμωμένοι κοντὰ εἰς τὸν Δαφνιῶνα τὸν Ἀπόλλωνα. ἴσα τὸν τροχὸν ἀνέβαιναν ἀπὸ δ' καὶ ἀπὸ η' καὶ ἔκρουγαν μὲ τὰ χραμπιτζέλια ἕνας τὸν ἄλλον καὶ ἐγύρευεν ὁ κάθε εἰς τὴν τέχνην του καὶ τὴν τύχην του, τὸ πῶς θέλει γένη τῆς ἀνδρείας.

Περὶ ὅταν ἤθελεν ὁ Ἀλέξανδρος νὰ ὑπαγαίνῃ εἰς τὸ μέρος τῆς Ὀλυμπιάδος.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὀρθόνετον νὰ ὑπαγαίνῃ εἰς τὸ μέρος τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ ἔδειξε τοῦ Φιλίππου καὶ οὐδὲν τὸν ἄφινεν· ἀμὴ τὸν εἶπε· υἱέ

[illegible] παιγνίδια [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] να [illegible] τα [illegible] [illegible] [illegible] και [illegible] την [illegible] [illegible] ὁ Ἀλέξανδρος τον [illegible] [illegible] [illegible] εἰς τον [illegible] τῶν Ἑλλήνων τον Ἀπόλλωνα. διὰ να [illegible] και να [illegible] την [illegible] και τα [illegible] τῶν [illegible]. [illegible] [illegible] και [illegible] τα [illegible] τότε ὁ Ἀλέξανδρος ἐπῆρεν τοῦ [illegible] τον [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] γράμμα ἀπὸ τον βασιλέα τον Φίλιππον ἐπῆρεν και βασιλικὰ σημάδια. και ἐπῆγεν εἰς το [illegible] τῆς Ὀλυμπιάδος [illegible] ἐπῆρεν [illegible] δ' τῶν Ἑλλήνων. [illegible] [illegible] οἱ [illegible] το [illegible] [illegible] και [illegible] τους [illegible] εἰς την [illegible] την Π[illegible] τον Ἀπόλλωνα. ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν με δύο ἀλόγους ἀπὸ την [illegible]. πρωτοκαβαλλαραίους. τον Λαομέτρον και τον Καλλιστερώνην. και ἐπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος με τον [illegible] τον [illegible] του τον Πτολεμαῖον και ἀλόγους εἰς τους δύο τροχούς. [illegible] οἱ τέσσαροι πρωτοκαβαλλαραίοι ἐδιώχθησαν ἕνας τον ἄλλον. ὁ Ἀλέξανδρος τον Καλλιστερώνην ἐσκότωσε και ὁ Πτολεμαῖος τον Λαομέτροντα ἔρριξεν. οἱ ἄνθρωποι [illegible] τοῦ κάστρου ἔβλεπαν τα Ἀλεξάνδρου[1] και ἐθαύμασαν την ἐμορφάδαν του, ὅτι τόσον ἦτον ἔμορφος.[2] το ὄνομά του ἦτον οὐράνιον· και εἶπεν ὅτι ἡ φρόνησις και ἡ ἀνδρεία οὐδὲν εἶναι πολλῶν χρόνων [illegible] ἀπὸ την δύναμιν. εἷς φιλόσοφος ἐρώτησεν· ποῖος εἶναι τοῦτος και πόθεν εἶναι Ἀλέξανδρος· και εἶπαν του· υἱὸς εἶναι βασιλέως Μακεδόνων. ὁ φιλόσοφος εἶπεν· ἤκουσα ἀπὸ τον διδάσκαλόν μου, ὅπου ἐσυντυχεν και εἶπεν, ὅτι θέλει σηκωθῇ ἀπὸ τον βασιλέα Μακεδόνων βασιλεὺς ἀπὸ το κάστρον τοῦ Φιλίππου με σπαθὶ και θέλει σκοτώσῃ ἀφέντας και τῆς δύσης τα βασίλεια θέλει χαλάσῃ και τῆς ἀνατολῆς τα θέλει

---

[1] рки. τα Ἀλέξανδρον.

[2] Эпизодъ объ Олимпійскихъ играхъ разсказанъ въ греч. народной книгѣ съ нѣкоторыми отличіями отъ нашего текста, который въ свою очередь поддерживается и исправляется въ слѣдующемъ отрывкѣ (τὸ ὄνομά του ἦτον οὐράνιον) при помощи соотвѣтствующаго славянскаго перевода: «И тоу стое философь нѣкыи именемь Ouраниe рече: моудрость и храбрость и т. д. Выроси же философь» и т. д. (Новаковичъ, стр. 15—16). Указаніе на эту подробность встрѣчается въ греч. нар. кн. далѣе, стр. 41—2, въ разсказѣ объ Аѳинскомъ погромѣ (ὁ Οὐράνιος ὁ φιλόσοφος τῆς Ὀλυμπιάδος); такъ и въ нашемъ текстѣ (сл. далѣе, стр. 23).

ἐπάρη. καί ἐὰν εἶσαι ἐσύ, ἔλα καὶ 'σέβα εἰς τὸ κάστρον μας, υἱὲ τοῦ Φιλίππου. ὁ Ἀλέξανδρος ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· ὦ φιλόσοφε, οὐδὲν μου φαίνεται ὅτι ἐγὼ εἶμαι, ἀμὴ ἀπὸ τὸν θεὸν ἡ χάρις καὶ ἡ ἐλεημοσύνη νὰ γένη.

Περὶ ὅταν ἐγύρισεν Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισεν ὀπίσω καὶ εὗρε τὸν πατέρα του τὸν Φίλιππον ὁποῦ εἶχεν ἀφήκη [29 v.] τὴν μητέρα του τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ εἶχεν πάρη ἄλλη ἀντιτοπίαν αὐτῆς καὶ ἔκαμεν ὡσὰν γάμον· καὶ ἔρχεται ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ γιῶμα καὶ ἀνέβη εἰς τὸ παλάτιν καὶ ὁ πατέρας του μετὰ χαρᾶς τὸν ἐδέκτη καὶ ἔβαλέν τον εἰς τὴν τάβλαν τὴν ἐδικήν του ἀντάμα· καὶ ἐσέβην ὁ Φίλιππος εἰς λογισμὸν τὸ τί εποίησεν· τότες εἶδαν οἱ συμπέθεροι ὅπου εἶχαν ἔλθει καὶ ἔδειξάν του· ἡ Ὀλυμπιάδα ἔστειλεν κρασὶ εἰς ἕναν ποτῆρι τοῦ Φιλίππου καὶ εἶπεν τον· πίε, χαίρου καὶ εὐφραίνου, βασιλέα Φίλιππε, καλλίτερα ἀπὸ τὴν πρώτην ἠπῆρες γυναῖκα, ὅτι ἡ πρώτη σου ἡ γυναῖκα ἦτον πουτάνα [1]), ἀμὴ ἐτούτη ἔναι πολλὰ φρόνιμη· ἐτοῦτα τὰ λόγια ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐθλίβην καὶ ἐχολομάνησεν· καὶ ἡ μητέρα του ἡ Ὀλυμπιάδα εἶπεν· οὐδὲν εἶσαι ἐσὺ πατέρας τοῦ Ἀλεξάνδρου, Φίλιππε, ἐμένα ἐβλέποντάς με ζωντανὴ καὶ ἄφηκές με. ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βασίλισσας τῆς μητρός του, ὥσπερ λέων ἐβρυχήσθη καὶ ἀπήδησεν ἀπὸ τὴν τάβλα καὶ ἠπῆρεν ἕνα σκαμνόπουλον καὶ ἐσκότωσεν τρεῖς ἐξ αὐτουνοὺς ὁποῦ ἔκαμαν τὴν δουλεία. καὶ οἱ ἄλλοι ἀπήδησαν ἀπὸ τὸ βασιλικὸν παλάτι καὶ ἔφυγαν.

Περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Φίλιππος ὅτι ἦλθαν οἱ Κουμάνοι καὶ Ἀλαμίται.

Ὁ Φίλιππος ἔπεσεν εἰς ἀρωστίαν μεγάλην· ἤκουσαν τοῦ βορέως τὰ μέρη ὅτι ἀρώστησεν ὁ Φίλιππος, οἱ Κουμάνοι καὶ Ἀλαμίταις καὶ Σακουλάτοι ἐσυνάχθησαν φουσάτα νὰ ἐλθοῦν εἰς τὴν Μακεδονίαν ἕως ἑκατὸν πενῆντα ἁρματωμένοι ἤγουν χιλιάδες. καὶ ἐσέβησαν εἰς τὸ σύνορον τῆς Μακεδονίας καὶ ἦλθον οἱ ἄνθρωποι ἐγλήγορα καὶ εἶπαν

---

[1]) рки. ποντάνα.

τοῦ Φιλίππου καὶ ἐσέβη εἰς μεγάλην πικρίαν καὶ ἀδημόνησεν καὶ ἔκραξεν τὸν Ἀλέξανδρον κοντά του καὶ εἶπεν του· ὦ ἠγαπημένε μου υἱὲ Ἀλέξανδρε, ἦλθεν καιρὸς να ἐπάρουν τοῦ πατρος σου τὸν τοπον το γονικόν μας, ἀμη ἔπαρε το φουσάτο καὶ σύρε καταπάνου τῶν ἐχθρῶν μας καὶ ἡ βοήθεια τοῦ παντοκράτορος θεοῦ νὰ ἔναι εἰς ἐσένα·[1]) ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆρεν το φουσάτο τῆς Μακεδονιάς ἕως λ΄ χιλιάδες καὶ ὑπῆγεν εἰς συνάντησιν τοῦ ξένου φουσάτου.

Περὶ ὅταν ὑπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ ξένον φουσάτο.

Ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὸς ἐπέζευσεν καὶ ἐκαταπάτησεν τὸ φουσάτο. καὶ ὅλοι ἁρματωμένοι ἔστεκαν καὶ ὅταν ἐβράδυνεν, ὑπήγαινεν μὲ τὸ φουσάτο του κοντὰ εἰς τοὺς ξένους καὶ ἐπέζευσεν καὶ ὥρισεν καὶ ἄψασιν ἱστίαις πολλαις ὁλόγυρά τους. ὥρισεν καὶ ἐκτύπησαν ὄργανα τοῦ πολέμου, καὶ οἱ Κομάνοι ὡς εἶδαν ἐξαφνικὸν φουσάτο, ὅθεν οὐδὲν ἐπάντεχαν, ἐσκιάσθηκαν καὶ ἐσέβησαν εἰς λογισμὸν μέγαν, τὸ τί νὰ ποιήσουν. τὸ μεσάνυκτον ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς[2]) ὀπίσω ὅσον νὰ δώσει ὁ ἥλιος. ἐσμίχθη τὸ φουσάτον τους μὲ τῆς Μακεδονίας τὸ φουσάτον καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τοὺς Κομάνους καὶ Ἀλαμάνους χιλιάδες μ΄ καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τῆς Μακεδονίας χιλιάδες δύο καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τῆς Μακεδονίας ἀπὸ τὴν ἄλλη μερία ϡ΄ καὶ ἡ Μακεδονία τοὺς ἐδίωξαν τρεῖς ἡμέραις καὶ τρεῖς νύκταις. καὶ ἠπῆραν ἄλογα χίλια υ΄. καὶ πρὸς τὴν ἑσπέραν ἐγύρισεν ὁ Ἀλέξανδρος ὀπίσω πρὸς τὸν βασιλέα τὸν Φίλιππον καὶ ἔσυρνεν ζωντανοὺς χιλιάδες δέκα καὶ τοὺς φέρνει εἰς τὸν Φίλιππον τὸν βασιλέα.

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν τοῦ φουσάτου.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν καὶ ἦλθαν οἱ μεγιστάνοι του καὶ ὁ στρατός του καὶ εἶπεν πρὸς αὐτούς· ἴδετε, συντρόφοι ἐδικοί μου καὶ ἠγαπημένοι μου ἀδελφοί, τὴν δύναμιν τοῦ Θεοῦ, πῶς μας ἐβοήθησεν· καὶ ἐσεῖς, ἄρχοντες τῶν Κομάνων, τὸ πῶς σὰς ἐπαράδωκεν [30 r.] εἰς τὰς χεῖρας τῶν Μακεδόνων καὶ τὰ σπαθία τὰ ἐδικά σας ἐτζακίστη-

---

1) ркп. εἰς σεσένα.
2) ркп. φυγίου.

σαν καὶ τῶν Μακεδόνων ἀκονίσθησαν ἀπ' ἐσᾶς, καὶ τὸν βασιλέα τὸν ἐδικόν σας ἐσκότωσα καὶ ἐσᾶς τοὺς ἄρχοντας καὶ αὐθέντας ζωντανοὺς ἐπίασα· καὶ λέγω σᾶς ἂν θέλετε τὴν ζωήν σας, νὰ σμιχθῇ ὁ τόπος ὁ ἐδικός σας μὲ τὸν ἐδικόν μας τὴν Μακεδονίαν νὰ ἦσθεν ἐδικοί μου. ἐκεῖνοι ὡς ἤκουσαν τὸν ὁρισμὸν τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἀπεκρίθησαν καὶ εἶπαν· βασιλέα Ἀλέξανδρε, ἀφὸν ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς σὲ ἐβοήθησε καὶ ἐσκότωσες τὸν βασιλέαν μας τὸν Ἀπλαμήσην, καὶ ἐμεῖς ἐδικοί σου εἴμεσθεν·[1]) καὶ ὁ Ἀλέξανδρος λέγει τοῦ Φιλίππου· σηκώσου,

---

[1]) Пропуски, встрѣчающіеся въ вѣнскомъ спискѣ Александріи и, можетъ быть, находившіеся уже въ его подлинникѣ, отмѣчены въ моемъ изслѣдованіи. Образцикомъ такихъ пропусковъ можетъ служить выпаденіе цѣлаго эпизода между словами: καὶ ἐμεῖς ἐδικοί σου εἴμεσθεν — и непосредственно слѣдующими, вслѣдствіи чего Филиппъ убиваетъ не Анаксарха, — а Куманскаго царя. Сл. народн. греч. книгу, стр. 25—27: (καὶ ἡμεῖς ἐδικοί σου εἴμεθα). Πέμψαι μας αὐθέντην νὰ ἔχωμεν ἀπὸ τοὺς ἄρχοντάς σου, καὶ δῶσε μας συμπάθειον. Ἐπιστώθη ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς λόγους καὶ τοὺς ὅρκους τῶν Κουμάνων, καὶ ἔκαμε βασιλέα τὸν ἐξάδελφόν του, ὁποῦ ἦτον πρῶτος κυνηγός. Ἐφιλοδώρησέ τους ὡς ἔπρεπε, καὶ ἄφηκέν τους νὰ πηγένουν ὀπίσω, διὰ νὰ εἶναι δοῦλοι τοῦ Ἀλεξάνδρου. — Ἀνάξαρχος, ὁ βασιλεὺς τῆς Πελαγωνίας, ἀκούσας ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος λείπει μὲ τὰ φουσάτα εἰς τὴν Μακεδονίαν, ἔκαμε μίαν πονηρίαν. Ποτὲ καιρὸν ἤρχετο εἰς τὴν Περσίαν ὁ Ἀνάξαρχος ἀπὸ τὸ ταξείδιον καὶ διαβαίνωντας ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν, ἐφίλευσέ τον ὁ Φίλιππος, καὶ μὲ δῶρα τὸν ἀπέστειλεν. Ὁ Ἀνάξαρχος εἶδε τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ ἐτοξεύθη ἀπὸ τὸν ἔρωτα. Δὲν ἤκουσεν ὁ ἄθλιος τοῦ Σολομῶντος τοὺς λόγους, ὁποῦ λέγουν· ἄνθρωπε, ἂς εἶσαι εὐχαριστημένος καὶ ἀναπαυμένος εἰς τὴν ἀγάπην τῆς γυναικός σου καθὼς σοῦ ἔτυχε, καὶ μὴ εἰς ξένην γελασθῇς, ἵνα μὴ πάθῃς πλέον παρὰ ἐκεῖνα ὁποῦ πράξεις, χάνωντας τὴν ζωήν σου, ὁμοῦ μὲ τὸν πλοῦτόν σου. Λοιπὸν ὁ Ἀνάξαρχος ἐμάζωξε τὰ φουσάτα του χιλιάδες δώδεκα, καὶ ἐπῆγεν εἰς τὸ κάστρον τοῦ Φιλίππου, καὶ τοῦ εἶπεν· εἰς βοήθειάν σου ἦλθα βασιλεῦ· ἀλλ' ὁ σκοπός του ἦτον νὰ εὕρῃ ἄδειαν νὰ πάρῃ τὴν Ὀλυμπιάδα. — Ἦλθον μαντατοφόροι ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον, λέγοντες τοῦ Φιλίππου, πῶς ὁ Ἀλέξανδρος ἐσκότωσε τὸν βασιλέα τῶν Κουμάνων, ἐπῆρε τὸν τόπον του καὶ ἔρχεται νικητής, καθὼς θέλει ἰδῇ ἀτός του. Ἐξέβη ὁ Φίλιππος μὲ τὴν Ὀλυμπιάδα νὰ προϋπαντήσουν τὸν Ἀλέξανδρον. Εἶδεν ὁ Ἀνάξαρχος τὴν Ὀλυμπιάδα ἔξω ἀπὸ τὸ κάστρον, καὶ ἁρπάζωντάς την, ἔφυγεν. Ὁ Φίλιππος εἶχεν ὀλίγον φουσάτον, μὲ τὸ ὁποῖον δὲν ἠδύνατο νὰ τὸν πιάσῃ, καὶ μάλιστα ἐλαβώθη ἀπὸ τὸν Ἀνάξαρχον. — Παρευθὺς ἔφθασε καὶ ὁ Ἀλέξανδρος. Ηὗρε τὸν Φίλιππον τὸν πατέρα του ἀποδαρμένον ἀπὸ τὸ ἄλογον μὲ μίαν σπαθίαν εἰς τὸ κεφάλι. Προχωρῶντας ὀλίγον, ἐρωτᾷ διὰ τὴν μητέρα του. Ὡσὰν ἔμαθε τὴν πονηρίαν τοῦ Ἀναξάρχου, παρευθὺς ἐπῆρεν ὀκτακοσίους ἄνδρας διαλεκτούς, φθάνει τὸν Ἀνάξαρχον εἰς τὸν ποταμὸν τὸν λεγόμενον Μεστόν, καὶ τὸν πιάνει ζωντανόν. Φέρνωντάς τον σχεδὸν ἡμιθανῆ ἔμπροσθεν τοῦ Φιλίππου, εἶπε· σηκώσου, πάτησαι τὸν ἐχθρόν σου.

πατέρα Φίλιππε, καὶ πάτησε τὸν ἐχθρόν σου τὸν διάβολον καὶ σφάξε τον.

Περὶ ὅταν ἔσφαξεν ὁ Φίλιππος τὸν βασιλέα.

Ἀνέστη γὰρ ὁ Φίλιππος μὲ ὀλίγη ψυχὴ καὶ ἐπάτησέν τον εἰς τὸν σφόνδυλον καὶ ἔσυρε τὸ παραμάχαιρον καὶ ἔσφαξέ τον καὶ εἶπεν· ὅτι ἡ πικρία ἡ ἐδική μου ἐγύρισεν εἰς χαράν· καὶ εἶπεν· σύρε καὶ σύ, ψυχή, μετὰ τὸν ἀντίδικόν μου. καὶ εὐχήθη τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν τον· υἱέ μου, ἡ βοήθεια τοῦ ἀοράτου θεοῦ νὰ ἔναι βοηθός σου, τὰ κεφάλια τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ νὰ σὲ προσκυνήσουν, καὶ τὸ χέρι τὸ ἐδικό σου νὰ γένη ἀπανωθέον ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου. καὶ τόμου εἶπεν τὸν λόγον ἐξέψυξεν ὁ Φίλιππος εἰς τὴν Μακεδονίαν.

Περὶ ὅταν οἱ ἄρχοντες τῆς Μακεδονίας ἐτίμησαν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν βασιλέα.

Ὁ Φίλιππος ὁ βασιλεὺς ἀπέθανεν, οἱ αὐθεντάδες καὶ οἱ ἄρχοντες τῆς Μακεδονίας ἤστεκαν καὶ εἶπαν· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου. καὶ ἡ Ὀλυμπιάδα ἡ βασίλισσα τὰ μαλλία της ἀπόλυσεν ἕως τὴν γῆν καὶ τὸ πολυτίμητον φόρεμαν ἔσκισεν καὶ ἔκλαιεν τὸν Φίλιππον· καὶ χίλιες ἀρχόντισες ἦλθαν καὶ συναπάντησαν τὸν Φίλιππον μετὰ κλαθμὸν καὶ ὀδυρμόν, ἔβαλάν τον εἰς διάχρυσον ἀμάξι καὶ κρεββάτιν μὲ τὸ χρυσομάργαρον καὶ ἐδιάβασάν τον εἰς τὸ κάστρον μὲ θρῆνον καὶ μὲ κλαθμόν, ὁποῦ εἶδεν πᾶς ἄνθρωπος καὶ ἐξενίστην· ἔκλαυσαν τὸν βασιλέα πᾶσα ἄνθρωπος καὶ ὑπῆγεν εἰς τὴν μητέρα του τὴν γῆν ἔνθα ἐπλάστη.

Περὶ ὅταν ἐσύναξεν ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας τὸ φουσάτον του.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου αὐτοκράτωρ ἐπωνομάσθη. ὥρισεν καὶ ἔγραψαν πιτάκια καὶ ἀπέστειλεν εἰς τὰ κάστρη ὅλα, ὅλοι νὰ συναχθοῦν εἰς τοὺς Φιλίππους, τοὺς Μακεδόνους καὶ τοὺς Πελαγονίτας καὶ τοὺς Ἐλαδομίους μικρούς τε καὶ μεγάλους· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· ὦ ἀνδρειωμένοι μου ἀδελφοί, ὦ συντρόφοι μου ἐδικοί μου καὶ ἠγαπημένοι μου ἀδελφοί, παρ' ὅλους Μακεδόνας μεγιστάνους

ἐγὼ βασιλεὺς ἐδικός σας εἶμαι, νὰ τὸ ἠξεύρετε· ὁ πατέρας ὁ ᾿δικός μου ὁ Φίλιππος ἀπόθανεν καὶ εἰς τὰς ζῶντας του (sic) μὲ ἔστεψεν βασιλέα καὶ ἐπαρέδωκεν τὸ βασίλειόν του εἰς τὰς χεῖρας μου· τώρα τί λέγετε ἄρχοντες;

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν ὁ Φιλόνης.

Ἀρχὴ ἐσηκώθη ὁ πανφρόνιμος ὁ Φιλόνης καὶ εἶπεν· ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πᾶσα ἄνθρωπος πρέπει νέους τοῦ ταξειδίου εἰς τὸν βασιλέα κοντά του νὰ ἦναι καὶ οἱ γέροντες εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· οἱ γέροντες πολλὰ εἶναι τιμημένοι, ἀμὴ εἶναι ὀλι γόχρονοι. αὐτοῦ ἔστεκεν ὁ πρωτοστράτουρας ὁ Λευκούσης καὶ εἶπεν· Ἀλέξανδρε βασιλέα, τοῦ Σολωμοῦ τοῦ φρονιμωτάτου εἶπεν ἡ γραφή, ὅτι τὸ βασίλειον μὲ πολλοὺς ἀνθρώπους καὶ στρατία θέλει νὰ ἔναι· ὁ βασιλεὺς ὁποῦ οὐδὲν ἔχει [30 v.] βουλατόρους[1]) ἀξίους, πρέπει νὰ διδαχθῇ καὶ θέλεις καὶ ἐσὺ νὰ συμβουλευθῇς μετὰ τὸν κόσμον ὅλον καὶ αὐτοῦ στέκει. ὁ Ἀντίοχος ὁ μέγας πρωτοστράτορας εἶπεν· Ἀλέξανδρε, τοὺς γέροντες πρέπει παρὰ διαβασμοὺς μὲ τὸν βασιλέα νὰ στέκωνται καὶ νὰ μηδὲν λείπουν ἀπὸ τὸν βασιλέα, τὸ δὲ οἱ νέοι νὰ στρατεύουν εἰς τὸ ταξεῖδι ὅτι ἔχουν θάρρος εἰς τὴν νεότητάν τους καὶ ὅταν γεράσουν νὰ ἦναι ἀναπαμένοι. Αὐτοῦ στέκεται ὁ Ἀντιγὼν καὶ εἶπεν· ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πρέπει ἐμεῖς τοὺς βασιλεῖς τοὺς γειτόνους μας νὰ τοὺς κυνηγήσωμεν καταπάνου τους, ἔξαφνα, νὰ πιάσουν τὴν ἀνάγκην τὴν ἐδικήν τους καὶ νὰ ἀλησμονήσουν τὴν ἐδικήν μας, νὰ μὴν ποιήσουν δόλον πρὸς ἐμᾶς. ἐτοῦται ἡ τέσσαρες βουλαὶς ἐγίνησαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ ἠγαπημένος καὶ τὸ κοπέλι του ὁ Πτολομαῖος εἶπεν· κάλλιον ἔναι ἐμᾶς, βασιλέα Ἀλέξανδρε, τὸ φουσάτο ν᾿[2]) ἀλλάξωμεν εἰς ἅρματα λαμπρὰ καὶ εἰς τὰ σκουτάρια τους νὰ γράψουν σημάδι ἐδικόν σου, νὰ ἠξεύρῃς, τίνος ἔναι ἡ στρατία, νὰ ἠγνωρίζωνται, ποίου βασιλέως εἶναι καὶ νὰ μηδὲν καυχηθοῦν οἱ γειτόνοι μας, ὅτι ἐμεῖς ἀποθάναμεν μὲ τὸν βασιλέαν μας τὸν Φίλιππον. τούτη ἡ βουλὴ ἄρεσε τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ὥρισεν εἰς τὸ βασίλειόν του ὅλον, διὰ νὰ ἔλθουν οἱ χαλκιάδες εἰς τοὺς Φιλίππους καὶ

[1]) вѣроятно, συμβουλατόρους по ср. съ συμβουλευθῇς.

[2]) ркп. τὸ φουσάτον ἀλάξωμεν.

ὥρισεν σουσάνια καὶ μπαρμπούταις νὰ ποιήσουν· εἰς τὰ σκουτάρια ὥρισεν νὰ γράψουν κεφάλιν τοῦ λέοντος καὶ εἰς ταὶς μπαρμπούταις νὰ κάμουν τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα μὲ τῆς ἀσπίδας ταὶς ἐλάταις σμικτὰ νὰ ἦναι· καὶ ὥρισεν τοὺς μαστόρους τὴν καθὴν ἡμέραν νὰ ἀρματωθοῦν[1]) υ̅' ἀνθρώπους χωρὶς τοὺς χρυσοπτερνιστηράτους τῶν πρωτοκαβαλαραίων, ὥρισεν νὰ τοὺς κάμνουν ἀρματωσία τῶν ἀλόγων ἀπὸ τὸν κορκόνδειλον καὶ αὐτουνῶν σουσάνια λαμπρὰ περιχρυσωμένα· καὶ ἑτοιμάζεται νὰ κινήσῃ ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ ταξεῖδι.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάρειος ἐπιστολὴ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἤκουσεν ὅτι ἀπόθανεν ὁ βασιλεὺς ὁ Φίλιππος. ἀπόστειλεν εἰς τὴν Μακεδονίαν ἀποκρισιαραίους μὲ τὴν ἐπιστολήν, καὶ λέγει· ὁ Δάρειος ὁ βασιλεύς, ἴσος μὲ τοὺς ἐπιγείους θεούς, εἰς ὅλην τὴν οἰκουμένην βασιλεύς, ὁποῦ λάμπω ὥσπερ ἥλιος, τῶν αὐθεντάδων βασιλεὺς εἰς τοὺς εὑρισκομένους τῆς Μακεδονίας γράφω· ἤκουσεν ἡ βασιλεία μου ὅτι ὁ βασιλεὺς ὁ Φίλιππος ἀπόθανεν, καὶ παιδὶ μικρὸν ἄφηκεν εἰς ἐσᾶς νὰ βασιλεύῃ. καὶ ἐγὼ διὰ τὸν θάνατον τοῦ Φιλίππου ἐπικράθηκα πολλά, καὶ διὰ τὸ παιδί του ὁποῦ οὐδὲν ἔναι ἄξιον νὰ βασιλεύῃ· διὰ τοῦτο ἐγὼ ἐλεημονήθηκα καὶ ὥρισα νὰ ἔλθῃ εἰς τὴν βασιλείαν μου, νὰ τὸ ἰδοῦμεν τὸ τί νοῦν ἔχει· καὶ πάλιν νὰ τὸ προβοδήσω ὀπίσω εἰς τοῦ πατρός του τὸ βασίλειον· καὶ τόμου ἰδῆτε τὴν γραφήν μου, ἄλλην ἐγλήγορα νὰ μοῦ στείλετε. καὶ τὸν Καταρκούσῃ ἔστειλα εἰς ἐσᾶς ἐνεμπιστεμένον, καὶ νὰ σᾶς ὁρίζῃ τὸν τόπον τὸν ἐδικόν σας ὅλον καλά· καὶ τὸ φουσάτον σας ὅταν ἔλθῃ ὁ καιρὸς τοῦ ταξειδίου νὰ στείλετε καλὸν στρατόν· καὶ τὸ λιζάτον νὰ μου τὸ στείλετε, καὶ τὸ παιδὶν τοῦ Φιλίππου. ἀκόμη εἶναι καὶ ἀλλουνῶν βασιλέων παιδία εἰς ἐμένα ἕως μ̅', ὁποῦ δουλεύουν· καὶ ἂν τὸ[2]) ἰδῶ ὅτι ἔναι ἄξιον διὰ βασίλειον, ὀλίγον καιρὸν τὸ θέλω κρατήσῃ καὶ πάλιν τὸ θέλω στείλῃ εἰς ἐσᾶς βασιλέα. εἰ δὲ μή, θέλω στείλει ἄλλον εἰς ἐσᾶς βασιλέα.

---

[1]) Чит. ἀρματώσουν.

[2]) въ рукоп. αὐτόν.

Περὶ ὅταν ἤφεραν τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Καταρκούσης ἦλθεν εἰς [31 r.] τὴν Μακεδονίαν καὶ ἤφερεν τὸ χρυσόβουλλον χαρτὶ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ οἱ ἄρχοντες τῶν Μακεδόνων ἤφεράν το εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἔπειτα τὸ ἠπῆγαν[1]) οἱ ἄρχοντες εἰς τὸν βοηβόντα τὸν Πτολομαῖον.

Περὶ ὅταν ἦλθεν ἀποκρισιάρης τοῦ Δαρίου.

Ὁ Ἀντίοχος ὁ προτοστράτουρας ἐσυναπάντησέν τον μὲ τὴν μπαρμποῦταν τοῦ Ἀλεξάνδρου· εἰς τὸ κοντάρι τὴν ἔβαλεν καὶ φέρνει την ἔμπροσθέν του καὶ εἶπεν του· προσκύνησε τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ Καταρκούσης εἶπεν· ἐὰν ἐγὼ προσκυνήσω τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἐσεῖς ἀποκάτου τὸ χέρι τοῦ Ἀλεξάνδρου εἴσθεν, οὐδὲ ἐγὼ θέλω τολμήσει νὰ ἰδῶ τὰ μάτια τοῦ Δαρείου. ὁ Ἀντίοχος εἶπεν· ἐὰν οὐδὲν προσκυνήσης τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἐσὺ τώρα χάνεις τὴν ζωήν σου· καὶ ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους, ἐπροσκύνησεν τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ ἦλθεν καὶ εἶδε τον εἰ[ς] σελλὶν ὑψηλὸν τὸν Ἀλέξανδρον, ὅλον μὲ τὸ χρυσάφιν καὶ μὲ λιθαρόπουλα· καὶ ἐπροσκύνησέν τον ὁ ἀποκρισάρης καὶ ἔδωκέν του τὸ πιττάκιν καὶ αὐτοῦ ἤστεκεν καὶ ἐθαύμαζεν τὴν ἐμορφάδα τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ εἶχεν εἰς τὸ κεφάλιν του στέμμαν ἀπὸ λιθαρόπουλον ζαφεῖραν μὲ ῥεβιθάτον μαργαριτάρι [καὶ μὲ] τῆς μυρσύνης τὰ φύλλα πλεμένον· καὶ ἀπὸ τὴν δεξιάν του μερίαν ἔστεκαν πάμπολλοι πρωτοκαβαλεραῖοι ὅλοι μὲ τὰ στεφάνια τὰ χρυσὰ εἰς τὰ κεφάλια· ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου ἐθυμώθην πολλὰ καὶ μὲ ὀργὴν μεγάλην (εἶπεν) ἠπῆρε τὸ πιττάκι καὶ ἔκοψέ το, καὶ εἶπεν πρὸς αὐτὸν μὲ θυμὸν μέγαν· οὐδὲν ἔπρεπεν τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα, βλέποντας [μὲ] τὸ κεφάλι, νὰ βουλε[ύε]ται μὲ τὰ ποδάρια· οὐδὲν εἴμεθεν ἀπὸ κεφάλιν, ὡσὰν φαντάζεται ὁ Δάρειος. καὶ αὐτὴν τὴν ὥραν ὥρισεν καὶ ἔγραψαν ἄλλον χαρτὶν καὶ ἔστειλεν εἰς τὸν Δάρειον.

---

[1]) въ рукоп. ἠπῆραν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ἐπιστολήν.

Ἀλέξανδρος, ὁ χρυσοπτερνιστηράτος καὶ πρωτοκαβαλάρης, ὁ βασιλεὺς τῶν Μακεδόνων, ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος τῆς βασίλισσας· τὸ πιττάκι τὸ ἐδικό σου ἀναγνώσαμεν καὶ οἱ ἄνθρωποι οἱ ἐδικοί μας σὲ εὐχαρίστησαν ὅτι τοὺς ἐλεημονάσαι καὶ ἔστειλες καὶ διὰ τ' ἐμένα νὰ ἔλθω νὰ σὲ δουλεύω· καὶ νήπιον ὁποῦ νὰ θηλάζῃ τὴν μητέρα του οὐδὲν ἔναι ἄξιον διὰ νὰ δουλεύῃ τὴν βασιλείαν· ὥσπερ τὸ ἵππωρον τὸ ἄγουρον μουδιάζον τοῦ ἀνθρώπου τὰ δόντια, ἀμὴ καρτέρεσέ με ὀλίγους χρόνους, νὰ ἐξεβῶ μὲ τὸ βασίλειόν μου νὰ ἔλθω πρὸς τὴν βασιλείαν σου. καὶ ἀπέστειλεν τὸν Καταρκούσῃ ὀπίσω εἰς τὸν Δάρειον. εἶπεν του· ἐσὺ τὸν ἀπέστειλες ἐδῶ νὰ βασιλεύῃ, καὶ πλέον μὴ δοκιμάσῃς νὰ τὸν στειλῃς, ὅτι οὐδὲν τὸν θέλεις ἰδεῖ πλέον. ὅτι οὐδὲν εἴμεθεν ἀκέφαλοι ὡσὰν σοῦ φαίνεται. καὶ ἐδώρησέ τον ἄρματα καλὰ καὶ μπαρμποῦτα μὲ τὸ σημάδι τοῦ Ἀλεξάνδρου. καὶ εἶπεν του· ὅταν θέλουν μαζωχθῇ τῆς Μακεδονίας τὰ φουσάτα μὲ τῆς Περσίας τὰ φουσάτα, αὐτὰ τὰ ἄρματα νὰ βαστᾶς, νὰ σὲ γνωρίσουν νὰ μηδὲν σὲ σκοτώσουν· καὶ ὑπῆγεν ὀπίσω ὁ ἀποκρισιάρης εἰς τὸν Δάρειον καὶ ἔδωκέν του τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Ἀλεξάνδρου. καὶ ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσάν την καὶ ἐγέλασεν πολλά. ὁ Καταρκούσης εἶπεν τοῦ Δαρείου· οὐδὲν πρέπει τέτοιαν ἐπιστολὴν νὰ γελᾶς. ἀμὴ ἐγὼ τὸν εἶδα χρόνον ὀλίγον καὶ πολλαὶς ἐμορφάδες γεροντικαὶς τοῦ εἶδα. τὸ δόντι ὁποῦ πονεῖ τὸν ἄνθρωπον, ἐγλήγορα θέλει νὰ τὸ ἐξεβγάλῃ νὰ μηδὲν κακοπαθῇ ἐκ [31 v.] τὸν πόνον του. τὸ κυπαρίσσι ὅπου ἔναι μικρὸν θέλει νὰ ἐξωριζωθῇ νὰ μηδὲν δυναμώσῃ πολλά, καὶ τότε μονον πειράζεται ὁποῦ τὸ ἐβγάλῃ· καὶ οὐδὲν ἐπίστευσεν τοὺς λόγους τοῦ Καταρκούσῃ.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ἐπιστολή.

Ὁ Δάρειος ἀπέστειλεν ἕναν του ἠγαπημένον τὸν Κλητευούσῃ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον μὲ ἐπιστολὴ καὶ νὰ ἰδῇ καὶ τὴν φρόνεσίν του καὶ τὸ τί νοῦν ἔχει. ἔστειλέν του γουργουρίτζα ξύλινη καὶ βίτζανα, τὴν κρούῃ νὰ γυρίζῃ, παιδιακὸν παιγνίδιν, καὶ σεντούκια εὔκαιρα δύο καὶ συναπόσπορον δύο σακκία γεμάτα. καὶ ἡ ἐπιστολὴ ἔγραφεν οὕτως·

ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων ὁλουνῶν καὶ τῆς Περσίας θεὸς εἰς τὸ παιδί μου τὸν Ἀλέξανδρον χαιρετῶ σας. μηδὲν σοῦ φαίνεται οὕτως εἰς ἐμένα καὶ σοῦ ἐκακοφάνη εἰς τὴν ἐπιστολήν μου τὴν πρώτην, τὸ πῶς ἔγραφεν οὕτως. νὰ ἠγνωρήσῃς, ὅτι αὐτοῦ σου στέλνω παιδιακὸν παιγνίδι νὰ παίζῃς καὶ δύο σεντούκια εὔκαιρα καὶ δύο σακκία συναπόσπορον· τὰ β′ σεντούκια τὰ εὔκαιρα, νὰ τὰ γεμίσῃς τριῶν χρονῶν λιζάτον, καὶ τὰ σακκία τὸν συναπόσπορον, ἂν ἠμπορεῖς νὰ τὰ μετρήσῃς, νὰ τὸ ἠξεύρῃς, τόσον φουσάτον ἔχω ἀρίθμητον· καὶ τὸν λιζάτον ἐγλήγορα νὰ μοῦ τὸ στείλῃς καὶ τὸ φουσάτο νὰ ἔλθῃ νὰ δουλεύῃ ὡσὰν ἐδούλευεν καὶ ὁ πατέρας σου ἐμένα· εἰ δὲ μή, δεμένον σὲ θέλω φέρει ὀμπρός μου καὶ συμπάθειον οὐδὲν θέλεις ἔχει ἀπὸ ἐμένα. αὐτὴν τὴν ἐπιστολὴν ἤφερεν ὁ Κλητευούσης εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἔδωκέ του τὴν ἐπιστολὴν καὶ τὰ σεντούκια καὶ τὰ σακκία τὸν συναπόσπορον καὶ τὴν ξυλίνην γουργουρίτζα ἔβαλεν ὀμπρός του. καὶ εἶδεν τὸ παλάτιν ἐγκοσμισμένο καὶ θαυμαστὸν καὶ ἐπάρθην ὁ νοῦς του· ὁ Ἀλέξανδρος ἀνάγνωσεν τὴν ἐπιστολὴν καὶ ἔσεισεν τὸ κεφάλιν του καὶ εἶπεν του· ὦ παραθαρσιάρη [1]) καὶ ὑψηλότατε Δάρειε· ὡσὰν θεὸς γίνεσαι, καὶ ὡς ἄνθρωπος ἄτυχος θέλεις πέσει κάτω· ὡς τὸν οὐρανὸν ὑψώθης, καὶ ὡς τὸν ᾅδην θέλεις πέσει κάτω. τὸν συναπόσπορον ἔφθυσέν τον καὶ τὰ σεντούκια ἐτζάκισέ τα καὶ ὥρισεν καὶ ἔγραψεν ἐπιστολὴν εἰς τὸν Δάρειον.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴ εἰς τὸν Δάρειον καὶ ἔγραφεν οὕτως.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως στέλλω· ἐσὺ ἐμένα παιδιακὸν παιγνίδιν με ἔστειλες ὁποῦ παίζουν τὰ παιδία· καὶ ἐσὺ αὐτοκράτορα τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ ἔκαμες τέτοια σημάδια εἰς σ'ἐμένα· [2]) ὡσὰν τὸ γύρισμα τοῦ ξύλου ὁποῦ γυρίζει ἔμπροσθέν μου, οὕτως θέλω γυρίζει τὸν κόσμον ὅλον ἔμπροσθέν σου, καὶ εἰς σ'ἐσένα [3]) θέλω ἔλθη· καὶ τὸν συναπόσπορον ἐμάσησα καὶ ἔφθυσά τον, οὕτως καὶ τὸ φουσάτο σου μὲ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς θέλω τὸ

1) рκп. παραφαρσιάρη.
2) рκп. εἰςσεμένα.
3) рκп. εἰς σεσέ να.

τζακίσει· καὶ τὰ σεντούκια ὁποῦ μας ἔστειλες ἐδέχθηκα μὲ τὰ καλὰ ὡς μέγα δῶρον· καὶ ὅπως[1]) ἐτζάκισά τα, οὕτως θέλω παραλάβει τὰ κάστρα σου ὅλα καὶ θέλω τὰ χαλάσει. καὶ λέγω σου· σώνει σου ἡ ἀνατολὴ νὰ ὁρίζῃς μὲ τὰ φουσάτα σου τὰ σκιαστάρικα· τὸ δὲ ἐκ τὴν δύσιν ἄπεχε ἀπὸ τὴν σήμερον· τὸν Κλητευούσην ἔστειλεν ὀπίσω εἰς τὸν ἀφέντη του τὸν Δάρειον καὶ ἐδώρησέ του δωρήματα καὶ ὑπῆγεν· ἔδωκέ του καὶ ἕνα μόδι πιπέριν καὶ εἶπεν του· ἐγὼ ἐμάσησα τὸν συναπόσπορον ὁποῦ μου ἔστειλες ἔμπροσθεν τοῦ ἀποκρισιάρη σου καὶ ἔφθυσά τον· καὶ ἰδὲς καὶ ἐσὺ τὸ σὲ στέλνω· ἡ δύναμις ἡ ἐδική μου ἔναι ὥσπερ τὸ πιπέριν εἰς τὴν ἀνδρείαν· πόσα συναπίου θέλουν σεβεῖ εἰς ἕνα σπυρὶ πιπέρι, οὕτως ἔναι τὰ φουσάτα μου ἀνδρειωμένα.

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς Μακεδόνας.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν νὰ μαζωχθοῦν τὰ φουσάτα του ὅλα καὶ ἔγραψέν τα εἰς τὸν κάμπον τῶν Φιλίππων· καὶ ἐσυνάχθησαν καὶ ηὗρεν πεντακοσίαις χιλιάδες ἁρματωμένους· καὶ ἄφηκεν τριακοσίαις χιλιάδες ἁρματωμένους νὰ φυλάγουν τὸ κάστρον καὶ διακοσίαις χιλιάδες ἠπῆρεν μὲ τὸν [32 r.] ἐμαυτόν του· καὶ ἐκίνησεν[2]) εἰς τὸν βασιλέα Θεσσαλονίκης εἰς τὸν Ἀρχιδονούσην· καὶ ὡς ἤκουσεν ὅτι Ἀλέξανδρος ἔρχεται καταπάνου του ἐσκιάσθη· καὶ οὐδὲν ἠμπόρεσε νὰ τὸν ἀντισταθῇ εἰς πόλεμον· ἔστειλέ του ἀποκρισιαραίους μὲ χρυσάφιν πολὺ καὶ ἄλογα διαλεκτὰ ἕως ἑκατὸν καὶ ἁμάξιν χρυσὸν ἱστορισμένο καλὰ καὶ τὸν υἱόν του τὸν Πολυκρατούσην τὸν ἔστειλεν μὲ ἐπιστολὴ τοιάδε.

Περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος διὰ τὴν ἐπιστολὴν τῆς Θεσσαλονίκης.

Ἀρχιδονούσης ὁ βασιλεὺς Θεσσαλονίκης εἰς τὸν Ἀλέξανδρον τὸν βασιλέα τῆς Μακεδονίας τὸν ἐνδοξώτατον· χαρὰν μεγάλην καὶ δῶρα καὶ συναπάντησιν. μὲ πολὺν ῥιζικὸν στέλνω τὴν αὐθεντία σου λιζάτον καὶ φουσάτον· καὶ ἐσένα ὁ θεὸς σοῦ ἐδώρησε νὰ ἦσαι αὐτοκράτορας

[1]) ркп. ὀπίω.
[2]) ркп. ἐκαύησεν.

τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ· καὶ ἐγὼ σὲ προσκυνῶ μὲ τὸ βασίλειόν μου ὅλον καὶ εἶμαι ἀποκάτω τὸν ὁρισμόν σου, διότι ἐγὼ οὐδὲν ἠμπόρεσα νὰ σὲ ἀντισταθῶ· καὶ διὰ τὴν τιμήν σου ἀπέστειλα τὸν υἱόν μου τὸν Πολυκρατούσην, νὰ δουλεύῃ τὴν βασιλείαν σου μὲ πολυτίμητα δῶρα, ὅσα ηὑρίσκονται εἰς τὸ βασίλειόν μας. καὶ ἐμένα ἂν σὲ φανῇ, εἰς τὸ βασίλειόν μου ἄφης με. καὶ εἴ τι ὁρίσης φουσάτο καὶ λιζάτο νὰ στέλνωμεν τὴν βασιλείαν σου· καὶ ποίησαι εἰς ἐμᾶς ἐλεημοσύνη καὶ συμπάθειον καὶ ἄφες μας καλὰ ζακόνια, ἐὰν σου φανῇ, υἱὲ τοῦ Φιλίππου. ὅτι ἐστείλαμέν σου κανίσκιν ὀλίγον, δέξου τα εἰς πολὺν καὶ ἂν ὁρίσης νὰ ἔλθω ἐγὼ εἰς τὴν βασιλείαν σου, νὰ ἔλθω· ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολὴν ἐδέχθη καὶ ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσάν την καὶ ἐχάρην πολλά καὶ τὰ κανίσκια ἐδέχτη καὶ τὸν υἱόν του τὸν Πολυκρατούσην τὸν ἐφίλησεν ἐγκαρδιακὰ καὶ εἶπεν του· διὰ τὴν ἀγάπην τοῦ βασιλέως τοῦ πατρός σου νὰ ἦσαι ἀδελφός μου ἐγκαρδιακός. καὶ ὥρισεν καὶ ἔστειλεν ἐπιστολὴν πρὸς τὸν βασιλέα τῆς Θεσσαλονίκης.

Περὶ ὅταν ἐπερίλαβεν ὁ Ἀλέξανδρος τὴν Θεσσαλονίκην.

Ὁ Ἀλέξανδρος, τῶν Μακεδόνων βασιλεύς, εὐχαριστοῦμεν τὴν ἐπιστολήν σου ὅπερ [sic] μας ἔστειλες· οὐχὶ τόσα δῶρα ὁποῦ ἦλθαν μὲ τὸν υἱόν σου, ἀμὴ μὲ τὰ γλυκά σου λόγια καὶ μὲ τὴν 'πιδεξιοσύνη σου· καὶ κεφάλι ὁποῦ προσκυνᾶ σπαθὶ οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κόψη· ἀμὴ ὁ υἱός σου ἔναι μετὰ 'μένα καὶ ἐσὺ κάθου εἰς τὸ βασίλειόν σου καὶ βασίλευε καὶ ἐμένα φουσάτο μοῦ δὸς εἰς βοήθειαν, δώδεκα χιλιάδες.

Περὶ ὅταν ἠπῆρε τὴν Ἀθήνα.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ βασίλειον τῆς Σαλονίκης καὶ ἠπῆγεν εἰς τὴν Ἀθήνα· καὶ ἡ Ἀθήνα ἦτον κάστρον μέγα πολλά, μὲ πᾶσα πρᾶγμα ἦτον ἐγκοσμισμένο· τέτοιον οὐδὲν εὑρίσκετον· εἶχεν καὶ δώδεκα ῥήτορες ἀπέσω ὁποῦ τὸ ἐκρατοῦσαν· εἰς ὅλους τοὺς Ἕλληνας ἦτον διδασκαλεῖον· καὶ ἡ φρόνησις τῶν Ἑλλήνων ἦτον ὅλο μὲ τὸ δίκαιον. καὶ ἤκουσαν ὅτι ἔρχεται ὁ Ἀλέξανδρος καταπάνου τους, ὥρισαν καὶ ἐποίησαν σύναξιν, καὶ ἐποίησαν βουλήν· ὅτι τὸν Ἀλέξανδρον νὰ μηδὲν τὸν δεχτοῦμεν εἰς τὸ κάστρο μας· ὁ Σοφονίας

ὁ φιλόσοφος εἶπεν· οὐδὲν πρέπει ἐμᾶς νὰ πολεμήσωμεν τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος ἀρχὴ ἐσκότωσεν τοὺς Κομάνους καὶ Ἀλαμάνους καὶ τὸν βασιλέα τῆς Πελαγονίας, καὶ ὁ ἕτερος ὁ βασιλεὺς τῆς Θεσσαλονίκης ἐπροσκύνησέν τον καὶ αὐτὸς μὲ δῶρα πολλά, καὶ ἐποίησέν του ζακόνια καλά, καὶ ἄφηκέν τον εἰς τὸ βασίλειόν του. ὁ Ἀντιστένος ὁ φιλόσοφος εἶπεν· ἀφ' οὗ ἐκτίσθην ἡ Ἀθήνα ἄλλος αὐθέντης οὐδέν την ἠπῆρεν· Διονύσιος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθεν καὶ ἀπέκλεισέ την, καὶ τίποτες οὐδέν της ἔκαμεν. ὁ Ἐξερξὲν ὁ ἕτερος βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθεν καὶ ἀπέκλεισε τὴν Ἀθήνα μὲ τόσην δύναμιν καὶ φουσάτον πολλὸν καὶ ἐπολέμησέ την καὶ τίποτες οὐδέν της ἔκαμεν, ἀκόμη τζακισμένος ἠπῆγεν ἀπὸ ἐμᾶς καὶ εἰς ἕναν ποτάμιν τῆς Μακεδονίας ἐπνίγηκαν. καὶ οὐδὲν πρέπει ἐμᾶς μὲ τέτοιαν δύναμιν νὰ προσκυνήσωμεν τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου. Διογένης ὁ ὑψηλότατος ἐξ ὅλους τοὺς φιλοσόφους [32 v.] εἶπεν· ἐγὼ ὀμπροτήτερα χρόνους τρεῖς ἠπῆγα εἰς τὸ νησὶν τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ εἶδα τὸν Ἀλέξανδρον ὁποῦ ἦλθεν εἰς τὸ παιγνίδι τῶν Ἑλλήνων· καὶ ἔκρουεν κονταρίαις καὶ ἐγύρευεν τὸ ῥιζικόν του καὶ ἔρριξεν ἀτός του τεσσάρους πρωτοκαβαλαραίους αὐθεντόπουλα· καὶ ἐσήκωσαν οἱ αὐθεντάδες καὶ ἔκαμάν τον πρωτοκαβαλάρην χρυσοπτερνιστηράτον· καὶ Οὐράνιος ὁ φιλόσοφος τῆς Ὀλυμπιάδος εἶπεν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον τῶν ἀρχόντων· ὅτι ἐγὼ βλέπω μέγα σημεῖον εἰς τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου, ὅτι ὑψηλότατος καὶ μέγας αὐθέντης θέλει γένη· καὶ θέλει νὰ τὸν ὁμιλήσωμεν λόγους εὐγενεῖς· καὶ ἦλθεν κοντὰ 'στὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν τους· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγὼ βλέπω ὅτι θέλει γένη φοβερὸς βασιλεὺς εἰς τοὺς βασιλεῖς ὅλους καὶ θέλει ἐπάρη τὴν οἰκουμένην ὅλην· καὶ τοῦτο μοῦ φαίνεται ἐμένα καλὸν καὶ συμβουλεύομαί σας, ἄρχοντες τῆς Ἀθήνας, τὸν Ἀλέξανδρον νὰ μηδὲν τὸν ἀντισταθοῦμεν εἰς πόλεμον, ὅτι ἔναι πολλὰ δόκιμος καὶ φρόνιμος καὶ ἀνδρειωμένος. ἐὰν ἔναι καὶ νέος, ἠπῆρεν μέγα ὄνομαν εἰς τὸν κόσμον· ἔχει καὶ φουσάτο πολλὰ ἀνδρειωμένο. καὶ κάλλιον μοῦ φαίνεται μετ' ἐσᾶς ὅλους νὰ ἐβγοῦμεν εἰς συναπάντησίν του νὰ τὸν προσκυνήσωμεν μὲ τιμὴν ἀκόμη καὶ μὲ δῶρα· ἔναι καὶ καλορίζικος αὐθέντης ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ θεοῦ καὶ θέλει μας δεκτῆ καλὰ καὶ θέλει ἀφήκη καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τόπον μας, καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει ἠπαγαίνη εἰς τὴν Ῥώμην.

τῶν Ἀθηναίων οἱ λόγοι δὲν τοὺς ἄρεσαν τῶν φιλοσόφων, ἀμὴ ὠνείδισάν τον καὶ ὕβρισάν τον ἄτιμα τὸν φιλόσοφον καὶ εἶπάν του· εἰς πᾶσα ἄνθρωπον φρόνιμον ἔναι καὶ λουλία πολλή. ὁ φιλόσοφος ἐλυπήθη τὸ πῶς τὸν ἀτίμωσαν μέσον τοῦ πλήθους τοῦ λαοῦ. καὶ ἐξέβην τὴν αὐτὴν ὥρα ἀπὸ τὸ κάστρον καὶ ἐδιέβην εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἔδειξέν τον τοὺς λόγους· καὶ ἐβουλεύτηκαν οἱ δύο.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρην εἰς τὴν Ἀθήνα.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐθυμώθη πολλὰ καὶ ὥρισεν καὶ ἁρματώθη τὸ φουσάτο του δυνατά. καὶ ἐποίησεν σύναξες καὶ ἐκίνησεν εἰς τὸν πόλεμον τὸ φουσάτον εἰς τὸ κάστρον τῆς Ἀθήνας καὶ ἐτέντωσεν κοντὰ εἰς τὴν Ἀθήνα· καὶ ὤρθωσεν ἕναν ἄρχοντα μέγαν εὐγενικὸν ἀπὸ τοὺς Κομάνους καὶ Ἀλαμάνους, ὀνόματι Ἀρφάδαξον, νὰ 'σεβῇ εἰς τὴν Ἀθήνα ἀποκρισιάρης· καὶ γλῶσσαν ῥωμαϊκὴν οὐδὲν ἤξευρε νὰ συντυχαίνῃ· καὶ ἐγύρευσαν οἱ Ἀθηναῖοι νὰ εὑροῦν δραγουμάνον νὰ συντυχαίνῃ καὶ μετὰ βίας ηὗραν ἕναν ἄνθρωπον καὶ ἤφεράν τον· καὶ εἶπεν τοῦ ἀποκρισιάρῃ· λέγε τοὺς λόγους σου τὸ τί ὥρισεν ὁ βασιλεὺς ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ὁ ἀποκρισιάρης ἀπεκρίθη· ὁρισμὸς ἔναι τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως, ὅτι λιζάτο καὶ φουσάτο νὰ τοῦ δώσετε καὶ νὰ τὸν προσκυνήσετε καὶ νὰ ἔχετε εἰρήνην· εἰ δὲ τὸν ὁρισμόν του οὐδὲν ποιήσετε, ὁ τόπος ὁ ἐδικός[1]) σας θέλει πέσῃ κάτω· καὶ νὰ ἔχετε ἐσεῖς τὸ κρίμα. καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ ἄρχοντες τῆς Ἀθήνας τόσους χοντροὺς λόγους, ἐσύντυχαν τοῦ ἀποκρισιάρῃ καὶ ἐγέλασαν πολλὰ καὶ ἀπόστειλάν τον ὀπίσω εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐπαράγγειλάν τον τοιούτους λόγους πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον· ὅτι ἡ Ἀθήνα ἐσένα οὐδέν σε προσκυνᾶ νὰ γένῃς βασιλεὺς εἰς αὐτήν, ὅτι καὶ ἄλλοι βασιλεῖς καλλίτεροι ἦλθαν καταπάνου μας, καὶ οὐδὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν· ὅτι κάλλιον κάστρον καὶ δυναμώτερον φουσάτο οὐδὲν ηὑρίσκεται πούπετες· ἀμὴ ἐξέβα ἀπὸ τὸν τόπον μας καὶ βασίλευε τὴν Μακεδονίαν· εἰ δὲ δὲν θελήσῃς νὰ ἐξέβῃς μὲ τὴν τιμήν σου, θέλεις ἐξέβῃ ἀτίμητα. καὶ ἔκοψαν τὸ κεφάλι τοῦ δραγουμάνου ἔμπροσθεν τὸν ἀποκρισιάρην. καὶ ἦλθεν καὶ ὡμολόγησέν το τοῦ Ἀλεξάνδρου.

[1]) ркп. ἐδικόσας.

Περὶ ὅταν ἐδιάβηκεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ φουσάτο.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τοῦ δραγουμάνου, ἐθυμώθη μεγάλως· ὥρισεν καὶ ἀρματώθη τὸ φουσάτο καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ εἰς ταὶς τέσσαρες μεραὶς [33 r.] τοῦ κάστρου ἐδώκασιν τὸν πόλεμον· ἐποίησαν πόλεμον μέγαν. καὶ οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας ἐπολεμοῦσαν μὲ ταὶς σαγίταις, καὶ ἔπεφταν εἰς τὸ κάστρον ὥσπερ σύγνεφα ὁπόταν βρέχῃ· καὶ οὐκ ἠμποροῦσαν οἱ ἄνθρωποι τοῦ κάστρου ἔξωθεν νὰ ἐβλέπουν καὶ ἐβαρέθηκαν οἱ καστρινοὶ. τὸν πόλεμον καὶ ἄνοιξαν ταὶς πόρταις τοῦ κάστρου καὶ ἐξέβηκαν ἔξωθεν εἰς τὸν πόλεμον καὶ ἐσκότωσαν ἀπὸ τοὺς Κομάνους χιλιάδες δέκα καὶ ἀπὸ τοὺς Μακεδόνας ἀπὸ τὴν ἄλλην μερίαν πενταχοσίους ἀρματωμένους καὶ χίλιους πενταχοσίους στρατιώτας· καὶ ἐποίησαν καὶ τέχνην ἀπὸ τὸ κάστρον καὶ ἔρριξαν εἰς τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου ἰστία καὶ εἰς ὀλίγον ὅπου δὲν ἔκαιγαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τέτοιαν ἀνδραγαθίαν ἐποίησαν οἱ Ἀθηναῖοι τῷ καιρῷ ἐκείνῳ· καὶ ὅταν ἐκατέλαβεν ἡ νύξ, ὑπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ πέσιμόν του καὶ ὥρισεν καὶ ἦλθαν οἱ γέροντες καὶ οἱ ἄρχοντές καὶ ἐποίησαν βουλήν, τὸ τί νὰ κάμουν εἰς τοὺς Ἀγαρηνοὺς τοὺς πονηροὺς τοὺς Ἀθηναίους· ὅμως τὸν τόπον τους οὐδὲν ἐχαλάσαμεν, ἀμὴ ἤλθαμεν καὶ ἐπέσαμεν ἀποκάτου τὸ κάστρον τους καὶ ἀτιμώθημεν· τώρα γοῦν, ἄρχοντες, δότε με βουλὴν εἰς τοῦτο· ὁ φιλόσοφος ὁ Διογένης ἀπεκρίθη, ὁποῦ εἶχεν φύγῃ ἐκ τὴν Ἀθήνα καὶ ἦλθεν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· Ἀλέξανδρε βασιλέα, ἤξευρε ὅτι το κάστρον ἀπὸ σπαθὶ ουδὲν πέρνεται, ὅτι ἔναι λαὸς πολὺς καὶ ἀνδρειωμένος τοῦ πολέμου ἕως δέκα χιλιάδες· ἀμὴ ποίησε τίποτες σκευή, μὴ νὰ τοὺς πλανέσῃς νὰ ἐξεβοῦν ἔξω ἀπὸ τὸ κάστρον εἰς πόλεμον, καὶ ἐμεῖς νὰ δώσωμεν εἰς τροπήν, καὶ αὐτοὶ μᾶς θέλουν διώξῃ, καὶ ἀφοῦ ἀπομακρύνουν ἀπὸ τὸ κάστρον, τότες εἰς τὰ καλὰ φαρία νὰ γυρίσωμεν ἀπάνω τους καὶ θέλομεν τοὺς σκοτώσῃ, καὶ τότε θέλομεν ἐπάρῃ τὸ κάστρον. καὶ ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος τοῦ φιλοσόφου τοὺς λόγους, τοὺς ἐπίασεν καὶ ἐποίησαν τέτοιαν τέχνη, ὥσπερ ὀκάποτες οἱ Ἕλληνες εἰς τὴν Τρωάδα· καὶ ἐσηκώθη ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τὰ φουσάτα του καὶ ἔφυγεν ἀπὸ τὸ κάστρον, καὶ ἄφηκεν εἰς τὸ πέσιμόν του ἀγελάδια καὶ ταυρία παχεῖα ͞αφ¨ καὶ πρόβατα διαλεκτὰ

ὅ καὶ ἔγραψεν ἐπιστολὴν καὶ ἄφηκεν ὅπου ἦτον ἡ τέντα του· καὶ ἔγραψεν οὕτως· ἐσεῖς, ἄνδρες τῆς Ἀθήνας, ἐγὼ τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ σας οὐδὲν τὴν ἤξευρα, καὶ ἦλθα ἀπάνου σας μὲ τόσην δύναμιν ὁποῦ εἴδετε καὶ ἐσεῖς· καὶ ἐθυμώθην ὁ θεός σας ὁ Ἀπόλλων καὶ ἔδωκέν σας τὴν δύναμιν καὶ ἐσκοτώσετε πολλοὺς ἀπὸ τὸ φουσάτο μου, ὅτι πολλὰ πονεῖ διὰ τ' ἐσᾶς. καὶ ἔδε[1]) ὁποῦ ἐξεβαίνω ἀπὸ τὸν τόπον σας καὶ ἠπηγαίνω, καὶ ἄφηκα εἰς τὸ πέσιμόν μου ἀγελάδια, πρόβατα, καὶ ποιήσατε θυσίαν πρὸς τὸν θεόν σας, μὴ νὰ μὲ συμπαθήσῃ. καὶ ἐξέβην ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὸ κάστρον μίλια ιβ. καὶ ἐκρυβήθηκεν εἰς ἕναν λόγκον· καὶ τὸ πρωὶ ἐξέβηκαν ἀπὸ τὸ κάστρο ἔξω καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸ πέσιμον τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ηὗραν τὴν ἐπιστολήν του γραμμένην. καὶ ἀνάγνωσάν την καὶ εἶπαν· ἀπὸ τὸν φόβον του ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου ἔφυγεν. καὶ ἐξέβησαν μικροὶ μεγάλοι ἑκατὸν χιλιάδες καὶ ἀρχέρισαν νὰ τὸν διώχνουν κατόπισθεν· καὶ ὁκάποιοι ἄρχοντες πρωτοκαβαλαραῖοι Ἀθηνιόταις εἶπαν· στέκετε, μηδὲν διώχνετε τὸν Ἀλέξανδρον· ἐτούτην τὴν νύκτα βαρὺν ὄνειρον εἶδα, ὅτι τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ναὸς ἔπεσεν καὶ τοῦ κάστρου οἱ πύργοι ἐχάλασαν καὶ ἡ πόρταις ἡ μαρμαρένιαις τοῦ Δαρείου ἐχάλασαν, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ κάστρον καβελάρης, ἐπερπάτειεν ταὶς ρούγαις τοῦ κάστρου· καὶ εἶχεν ἐξεβῇ εἰς τὸ κάστρον μας σιτάρι οὔριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρατιώταις τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ἐθέριζαν. ἐτοῦτο [33 v.] εἶπεν ὁκάποιος ὁ Πρόμαχος· καὶ οὐδὲν τὸν ἤκουσαν, ἀμὴ ὑπῆγαν διώχνοντας τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἐκαρτέρεσεν εἰς τὸν λόγκον τῆς Μαστελείας καὶ ὤρθωσεν τὸ φουσάτο του ἀλάγια καὶ εἰς τὸν κάμπον τῆς Βηταλείας ἔσωσαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐκτύπησαν τὰ ὄργανα τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ ταὶς τρουμπέταις καὶ ἐξέβησαν τὰ φουσάτα ἐκ τοὺς λόγκους ὁποῦ ἦσαν κρυμμένοι. καὶ εἶδαν οἱ Ἀθηνιόταις τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ εἶπαν· τὸ τί μας ηὗρεν σήμερον, καὶ οὐδὲν θέλομεν ἐγλύσῃ. καὶ [μὲ] μέγαν φόβον ὑπῆγαν εἰς τὸν πόλεμον.

Περὶ ὅταν ἠπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὴν Ἀθήνα.

Ὦ μέγα θαῦμα καὶ παράδοξον ὁποῦ εἴδαμεν εἰς τὸ φουσάτο τῆς Ἀθήνας, καὶ πολλὴν θλίψιν καὶ κλαθμὸν ὁποῦ ἔγινεν· ἐκτύπησεν

[1]) ркп. ἔβι. Но на стр. 28, строкѣ 5 сверху: ἔδε; въ нар. ἰδού.

τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ φουσάτο τῆς Ἀθήνας καὶ ἐτζάκισάν τους καὶ ἔκοπτάν τους ὡσὰν καλλιεργάταις[1]) εἰς δασὺν χοράφιν· καὶ ἀλλουνοὺς ἐπατοῦσαν τὰ ἄλογα, ἀλλουνοὺς ἔσφαζαν· καὶ φεύγοντας ἐσμιγμένα τὰ δύο φου[σά]τα, ἐσέβην τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου εἰς τὸ κάστρον τῆς Ἀθήνας· ἔδε θλίψις καὶ κοπετὸς καὶ θρῆνος μέγας ὁποῦ ἐγείνη εἰς τὴν Ἀθήνα· ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἐξέβησαν νὰ συναπαντήσουν τοὺς ἄνδρες τους. καὶ ὁ σκοτωμὸς καὶ ἡ 'ματοχυσία ἀπὸ τοὺς ἄνδρες τῆς Ἀθήνας ἔτρεχεν ἐπὶ ταὶς ῥούγιαις, ὥσπερ ῥυάκια[2]) ὅταν βρέχει, καὶ ὁ θρῆνος καὶ ἡ φωναὶς τῶν γυναικῶν καὶ τῶν ἀνδρῶν ὑπήγαινεν ἕως τὸν οὐρανόν· ὁ Ἀλέξανδρος ἐκαβαλίκευσεν τὸ ἄλογό του τὸν Βουκέφαλον καὶ καβαλάρης ἐπὶ τὴν μέσην τοῦ κάστρου ἐπαρακάλειεν τὸ φουσάτο του νὰ σταματήσουν νὰ μηδὲν κόπτουν τοὺς ἀνθρώπους, καὶ οὐδὲν ἠμπόρειε νὰ τοὺς καταπραΰνῃ· ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἵσταντο καὶ ἐθρηνοῦσαν ὀμπρὸς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐπαρακαλοῦσαν μὲ θρῆνον μέγαν μὴ νὰ τοὺς ἐλεημονηθῇ, νὰ παύσῃ ἡ θραῦσις τοῦ κοπετοῦ· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος οὐδὲν ἠμπόρειεν νὰ τοὺς σταματήσῃ· ὥρισεν καὶ ἔβαλαν ἱστίαις, καὶ ἄψε τὸ κάστρον· ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἀνέβαινον ἀπὸ τοὺς πύργους μὴ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἄλλοι ἔδραμαν εἰς τὸν ναόν τους τὸν Ἀπόλλωνα διὰ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἀπὸ τὸν θυμὸν τῆς ἱστίας ἀπὸ τοὺς πύργους ἐγκρεμνίζονται· τότε καὶ ὁ ναὸς ὁ μέγας τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ὡραῖος ἐκεῖνος, ὅπου ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων, ἄψε καὶ ἐκάηκε μὲ ὅλους τοὺς θεούς· καὶ εἶπεν· ἐὰν ἦσαν ἀληθινοὶ οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων ἀπαντηθῆν ἤθελαν ἀπὸ τὴν ἱστίαν, ὅτι νὰ μηδὲν χαγοῦν· καὶ ἐσύντυχεν καὶ εἶπεν μετὰ χαρᾶς καὶ μὲ θλίψη· σήμερον τῶν Μακεδόνων τὰ ἅρματα ἐκοκκίνισαν ἀπὸ τῶν Ἀθηναίων τὸ αἷμα, καὶ οὐδὲν ἔναι ἀπὸ ἐμένα τὸ πταίσιμον, ἀμὴ ἀπὸ τὴν ἀναγνωσίαν τους τὸ ἔπαθαν· καὶ αὐτοῦ ὁ Διογένης ὁ φιλόσοφος (καὶ) εἶπεν· ἐὰν οὐδὲν πάθῃ ὁ ἄνθρωπος, οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ μάθῃ, ἀμὴ καλὰ λέγει ὁ λόγος· τζάκισε τοῦ ἀνθρώπου τὸ κεφάλι, καὶ τότε νὰ πείθεται· ὅμως καλὰ λέγει ὁ Σολωμών· δίδου σοφοῦ ἀφορμὴ, καὶ σοφώτερος ἔσται· τότε ἡ Ἀθήνα ἐτρόμαξεν, τότε ἡ Θήβα ἐθρήνησεν, τότε τὰ νησία ὅλα ἤκουσαν, καὶ ἐτρόμαξαν, καὶ τὰ βασί-

[1]) ркп. καλλὴ ἐργάταις.
[2]) ркп. οὐράκια.

λεια τῆς Δύσης ἐθρήνησαν, τῆς Σικελίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς λογισμόν, τὸ τί νὰ ποιήσουν· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· τὸ κεφάλιν ἂν οὐδὲν τὸ τζακίσης, τὸν ὀμυαλὸν οὐδὲν ἠμπορεῖς νὰ τὸν φάγης· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ὥρθωσεν νὰ ἠπάγη πρὸς τῆς Ῥώμης τὸ βασίλειον· καὶ ἐμέτρησεν τὸ φουσάτο του, καὶ εὗρεν τετρακόσιαις [1]) [χιλιάδες] ἁρματωμένους καὶ ἐκίνησεν πρὸς τὴν Ῥώμην· τότε τὸν ἀπάντησαν ὅλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ ἀφέντες τῆς Ταρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ὅλων) καὶ τῆς Πούλιας ὅλον τὸ ῥηγάτον καὶ οἱ Γότθοι ὅλοι· καὶ ἦλθαν καὶ ἐσυναπάντησαν τὸν Ἀλέξανδρον μὲ δῶρον πολητίμητον· ἤφεράν του καὶ στέμματα βασιλικὰ μὲ πολιτίμητα λιθαρόπουλα καὶ φουσάτο καὶ λιζάτον τριῶν χρονῶν· καὶ ὅσοι ἦλθαν εἰς προσκύνησιν, καὶ ἔκαμέν τους ζακόνια καλὰ καὶ [τοὺς] ἀνάπαυσεν.

Περὶ ὅταν ἐπερίλαβεν ὁ [34 г.] Ἀλέξανδρος τὴν Ῥώμην.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐσηκώθη καὶ ἠπῆγεν καὶ ἕως τὴν Ῥώμην πλησίον. καὶ ἤκουσαν οἱ ἄρχοντες τῆς Ῥώμης τὸ πῶς ἔρχεται ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐμαζώθησαν ὅλοι καὶ ἐποίησαν βουλήν, τὸ τί νὰ κάμουν. καὶ ἤκουσαν τὴν ἀνάλωσιν τῆς Ἀθήνας, καὶ ἔπεσαν εἰς λογισμὸν μέγαν, καὶ ἐποίησαν βουλήν, καὶ εἶπαν οἱ φιλόσοφοι, ὅτι τὸν Ἀλέξανδρον ἂς τὸν δεκτοῦμεν μὲ εἰρήνη καὶ ἀγάπη, νὰ ἔλθη εἰς τὸ κάστρον μας καὶ θέλει ποιήσει τὸ κάλλιον εἰς ἐμᾶς καὶ θέλει ἀφήκει καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τόπον μας καὶ εἰς τὰ κάστρη μας· καὶ ἂς τὸν προσκυνήσωμεν μὲ δῶρα πολυτίμητα βασιλικά, κατὰ τὸ πρεπούμενον· καὶ ἐμαζώθηκαν, καὶ ἐδιάβησαν εἰς τὸν θεόν τους τὸν Ἀπόλλωνα, διὰ νὰ τὸν παρακαλέσουν νὰ τοὺς ὁμολογήσει τὴν ἀλήθειαν τὸ τί νὰ κάμουν καὶ τὸ τί νὰ ποιήσουν· καὶ ἐφάνη τους ὁ θεὸς ὁ Ἀμὼν κατ' ὄναρ καὶ εἶπεν· νὰ ἠξεύρετε ἐσεῖς, ἄνδρες τῆς Ῥώμης, ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον μηδὲν φοβᾶστεν, ὅτι αὐτὸς ἔναι υἱός μου ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ κάμετε νὰ τὸν προσκυνήσετε καὶ νὰ τὸν δεχθῆτε μὲ μεγάλη τιμήν· ὀκάποτες εἶχα διαβῆ εἰς τὴν Μακεδονίαν καὶ ἐσμίχθηκα τὴν μάνα του, καὶ ἐγενήθη αὐτὸς ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ νὰ τὸν δώσετε δῶρα

---

[1]) ркп. τετρακοσίους

πολητίμητα, καὶ θέλει κάμη καλὰ ζακόνια εἰς ἐσᾶς, καὶ εἰς ὅλους (πρὸς) ἐσᾶς θέλει ποιήσει τὸ δίκαιον καὶ εἰς ὅλον τὸν τόπον σας. Ὁ Ἀλέξανδρος ἐζύγωσεν πλησίον τὸ κάστρο, καὶ ἐμαζώχθησαν οἱ ἄρχοντες ὅλοι καὶ ἐποίησαν σύναξιν νὰ δεχτοῦν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ νὰ τὸν προσκυνήσουν ἔμορφα καλά. οἱ ἄρχοντες τῆς Ῥώμης ὤρθωσαν τέσσαρες χιλιάδες ἀρχοντόπουλα μὲ χρυσὰ στεφάνια εἰς τὰ κεφάλια τους, ὅλα εἰς φαρία ἔμορφα; εἰς συνάντησι τοῦ Ἀλεξάνδρου, καὶ δύο χιλιάδες κορίτζια ἐκλεκτά, ὅλα μὲ στεφάνια χρυσὰ καὶ εἰς φαρία καλὰ καὶ τὰ ἄλογά τους σκεπασμένα μὲ ὁλόχρυσα[1]) σκεπάσματα ἔμορφα· καὶ ἄλλαις σαράντα χιλιάδες ἄνθρωποι ὅλοι με δάφνες εἰς τὰ χερία τους ἐβαστοῦσαν καβαλαραῖοι πλεμένα [sic] μὲ τὸ χρυσάφιν· καὶ τοῦ θεοῦ οἱ ἱερεῖς τῶν Ἑλλήνων μὲ δύο χιλιάδες γέροντες καὶ τόρτζαις ἀναμέναις ἐβαστοῦσαν εἰς τὰ χερία τους· καὶ ὅλοι ἐξῆλθαν εἰς συναπάντησιν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ἔβγαλαν καὶ τὸ μέγα ἀπανωφόρι τοῦ Σολωμῶντος, ὁποῦ εἶχεν πάρη ὁ βασιλεὺς ὁ Ναβουχοδονόσωρ ἐκ τὴν Ἱερουσαλήμ, καὶ δώδεκα σταγόνια πολυτίμητα λιθαρόπουλα, ὁποῦ τὰ εἶχεν βάλη ὁ Σολωμὼν εἰς τὴν ἁγίαν Σιὼν εἰς τὰ Ἅγια τῶν Ἁγίων, καὶ τὸ στέμα τοῦ Σολωμῶντος μὲ λιθάρια τρία, ὁποῦ ἔφεγκαν τὴν νύκταν, καὶ παρακάτου εἶχεν λιθαρόπουλα δώδεκα ὅπου ἦσαν οἱ μῆνες γραμένοι εἰς αὐτά, καὶ ἄλλα δώδεκα λιθαρόπουλα ἀπὸ ἀχαντήλη [sic] καὶ ἡ ἀντιγραφὴ εἰς τὰ λιθαρόπουλα· ἤφεραν καὶ τὸ στέμαν τῆς βασίλισσας τῆς Σοβιλίας ὅπου ἦτον τέτοιαν τέχνη ἁ [sic] ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν· ἤφεράν του καὶ γριβὶν φαρὶν ἔμορφον μὲ τοῦ χορκονδείλου τὸ σκέπασμα μὲ τὰ πολιτίμητα λιθαρόπουλα· ἤφεράν του καὶ τὰ ἅρματα τοῦ Πριάμου ὁποῦ ἦσαν βασιλικά, καὶ εἶχαν τα ἐπάρη εἰς τὴν Τρωάδα· ἠφέρασιν καὶ κοντάρια ἀλεφάντινα ἐγκοσμισμένα καὶ ἕτερα στέματα ἑπτά. ἤφεράν του σκουτάριν τοῦ Ταρκιανοῦ τοῦ βασιλέως ὁποῦ ἦτον τοῦ βασιλέως τῆς Ῥώμης· μὲ τέτοιαν συναπάντησιν ἐπροσκύνησαν τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος ὡσὰν τοὺς εἶδεν ἐχάρη χαρὰν μεγάλη καὶ ὥρισεν καὶ ὤρθωσεν τὰ ἐδικά του φουσάτα μὲ τιμὴν μεγάλην· τῆς Μακεδονίας τὸ φουσάτο σιμά του τὸ εἶχεν καὶ αὐτὸς καβελάρης εἰς τὸν Βουκέφαλον,

---

[1]) рки ὀξόχρυσα.

καὶ ἔβαλεν τὸ στέμα τῆς βασίλισσας τῆς Ἀιγύπτου τῆς Κλεοπάτρας εἰς τὸ κεφάλιν του, ὁποῦ εἶχεν δώδεκα πολυτίμητα λιθαρόπουλα.

Περὶ ὅταν τοὺς ἐλάλησεν ὁ Ἀλέξανδρος τὰ φαρία τους νὰ τὰ σύρνουν.

Ὥρισεν τὰ ἄλογα καὶ τὰ [34 v.] φαρία συρτὰ ἔμπροσθέν του νὰ τὰ σύρνουν, ἀνακαράδες καὶ τρουμπέταις ὥρισεν νὰ λαλοῦν ἐκ ταὶς δύο μεραὶς· καὶ ἐζύγωσαν οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Ῥώμης καὶ ἐπροσκύνησαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ εἶπαν ὅλοι [μὲ] μίαν φωνή· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ τοῦ υἱοῦ τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος τῆς βασίλισσας καὶ ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου βασιλέας· καὶ ἦλθαν πάλιν τὰ χορίτζια καὶ ἐπροσκύνησαν· καὶ οὕτως τὸν ἐφούμισαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐδιέβησαν παράμερα· καὶ μετὰ ταῦτα ἦλθαν οἱ ἱερεῖς μετὰ λαμπάδων καὶ θυμιάματος, καὶ ἐπροσκύνησάν τον καὶ ἐθυμίασάν τον μὲ πολλὰ μυριστικὰ καὶ εἶπαν· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου (καὶ) τῆς οἰκουμένης ὅλης· καὶ ἐσέβησαν ὁμοῦ εἰς τὸ κάστρον τῆς Ῥώμης· καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸν μέγαν ναόν τους τοῦ θεοῦ τους τὸν Ἀπόλλωνα καὶ ἐπροσκύνησαν ὁμοῦ καὶ ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ἐδώρησέ του ὁ ἱερέας τῶν Ἑλλήνων τοῦ θεοῦ τοῦ Ἀπόλλωνος σμύρνον καὶ λίβανον, ὅτι αὐτὰ εἶναι δῶρα βασιλικά, καὶ ἔβγαλεν ἕνα χάρτιν γραμένον, καὶ ἔδωκέν το εἰς τὰς χεῖρας τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ ἔγραφεν οὕτως· ἐπὶ ἔτους ε ἐξεβῇ θέλει τράγος μονοκέρατος καὶ θέλει διώξῃ τοὺς πάρδους τῆς δύσης ὅλης ὁποῦ μάχονται εἰς μὲ τὸν ἄλλον, ὁποῦ πολλὰ ὑψώνονται· καὶ πάλιν θέλειν γυρίσει πρὸς τὸν νότον καὶ θέλει πατάξῃ τοὺς λέοντας· ἔπειτα θέλει ὑπαγαίνῃ εἰς τὴν ἀνατολὴν καὶ θέλει εὕρῃ τὸν κριὸν τὸν θαυμαστόν, ὁποῦ ἔχει κέρατα μακρειά[1]), τὸ ἓν καθὲν κέρατον ἕως τὸν νότον ἀκουμπᾶ, καὶ τὸ ἕτερον κέρατον ἕως τὸν βορέαν· καὶ θέλει τὸν ἐκτυπήσῃ ἀπέσω εἰς τὴν καρδίαν μὲ τὸ κέρατον καὶ θέλει τὸν σφάξῃ· καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει τρομάξει ὁ λαὸς τῆς Φοινικίας καὶ τῆς ἀνατολῆς ὅλης οἱ βασιλεῖς καὶ ἡ γλώσσαις ὅλαις, καὶ θέλει τζακίσει τὰ σπαθία τῆς Περσίας ὅλης καὶ θέλει ἔλθει εἰς τὴν Ῥώμην τὴν μεγάλη

1) ркп. μαχρία.

και θέλει ὀνομαστῆ ἄξιος βασιλέας τῆς οἰκουμένης ὅλης· και ἔδωκεν ὁ Ἀλέξανδρος και ἀνάγνωσαν το βασιλογράφι οἱ φιλόσοφοι και εἶπαν την ἀνάλυσιν τοῦ χαρτίου· και εἶπαν· Ἀλέξανδρε βασιλέα. εἰς την ὅρασιν τοῦ προφήτου Δανιὴλ εἴδαμεν ὅτι τα βασίλεια τῆς δύσης ὀνομάζονται λέοντες, και τον κριὸν τον [δι]κέρατον οἱ βασιλεῖς τῆς ἀνατολῆς ὀνομάζονται και τῶν Μήδων και τῶν Φοινίκων. ὁ τράγος ὁ μονοκέρατος ὀνομάζεται το βασίλειον τῶν Μακεδόνων· και ὥσταν μᾶς φαίνεται ἀκονισμένα σπαθία και ἀνδρειωμένα ἦλθαν εἰς την Ῥώμην μη να εἶσαι ἐσυ, ὦ Ἀλέξανδρε:

Περι ὅταν ἐπροφήτευσαν οἱ προφῆτες.

Και ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐχάρη χαραν μεγάλην και εἶπεν· ὡς ἔχει ὁ θεὸς τὸ θέλημα, οὕτως να γένῃ. ὅτι οἱ δυνατοι ἔπεσαν κάτου, καὶ οἱ ἀδύνατοι ἐζώσθηκαν δύναμιν, και αὐτοῦ εἰς την Ῥώμη χαίρεται τῆς Μακεδονίας τὰ φουσάτα μὲ τοὺς ἄρχοντες τῆς Ῥώμης ὁμοῦ· καὶ ἦλθαν τὰ βασίλεια ὅλα τῆς δύσης καὶ ἐπροσκύνησάν τον μὲ δῶρα πολλὰ καὶ ἐπαρακαλοῦσάν τον, νὰ τοὺς ἀφήκῃ καλὰ ζακόνια· ὁ Ἀλέξανδρος, ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους, ἐλεημονήθη τους καὶ ὥρισεν νὰ τὸν τελοῦν ιβ' χρονῶν λιζάτον καὶ φουσάτο νὰ δίδουν· καὶ ὀκάποιον ἐδικόν του ἐνεμπιστευμένον ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν ἐποίησεν αὐθέντην εἰς τὴν Ῥώμην καὶ ὥρισεν τοὺς βασιλεῖς τῆς δύσης νὰ τὸν ἀκούουν· χρυσάφιν και φουσάτο ἐπῆρεν ὅσον ἠθέλησεν και ἐγύρισεν πρὸς τὰ ἀνωτερικά[1]) μέρη, και ἐπῆγεν καὶ στρατεύει, και ἐπῆρεν καὶ βασίλεια πολλὰ εἰς τὸν κόσμον ἐκεῖνον και δυνατά. ἐσκότωσεν, και ἐπῆρεν καὶ κόσμον πολυν [35 r.], ὥσθε κοντὰ εἰς τὸν Ὠκιανὸν ποταμόν ἔφθασεν, ὁποῦ τρέχει ὁλόγυρα ὅλην τὴν γῆν.

Περι ὅταν ἐσέβηκεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους.

Ἐκεῖ ἐσέβην εἰς τους ἐρήμους τόπους καὶ εὗρε ζῶα θαυμαστά. τὸ πρόσωπόν τους εἶχαν ἀνθρώπινον καὶ ἦσαν δικέφαλοι, εἶχαν καὶ

---

[1]) ркп. ἀνωτερικά. — Народн. греч кн., стр. 54: τοῦ νότου τὸ μέρος; изд. Новак. 35, пр. 3: т. юш'ке стране.

ποδάρια ὥσπερ τὸ φίδιν, καὶ ἐπολέμησεν μὲ τούτους, καὶ ἐνίκησέν τους. καὶ ἐκεῖνα τὰ ζῶα ἄρματα οὐκ εἶχαν καὶ ἐγλήγορα ἔπεσαν· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐπῆγαν εἰς βουνὸν πετρωτὸν, ὥσπερ σιδερέϊνον. καὶ ἐξέβησαν καταπάνου του τὸν Ἀλέξανδρον γυναῖκες καὶ ἐποίησαν πόλεμον μὲ τὸ φουσάτον καὶ ἐσκότωσαν αὐτὴν τὴν ὥραν ἐκ τὸ φουσάτο του στρατιῶτες ἑκατόν· ἡ γυναῖκες εἶχαν πτερὰ καὶ ἐλάταις καὶ εἶχαν ὀνύχια ὡσὰν δρεπάνια καὶ ἦσαν δυναταὶς πολλά. καὶ ἐπέτονταν ἄνωθεν τοῦ φουσάτου καὶ ἐτζουγγράνιζαν τὰ πρόσωπα τῶν ἀνθρώπον· καὶ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ τί πολεμοῦν· ἦτον ὁ τόπος ἐκεῖνος ὅλο[ς] καλαμωτός· καὶ ὥρισεν καὶ ἄψαν τὸ χορτοκάλαμον. καὶ ἀπανωθέον τὴν φλόγα ἀπετόν τῆς[1]), καὶ ἡ ἐλάταις τους ἐκαίονταν ἐκ τὴν φλόγα, καὶ ἔπιπτον εἰς τὴν γῆν, καὶ ἔσφαξέν ταις τὸ φουσάτο. καὶ ἐσκότωσαν πολλαὶς ἐξ αὐταὶς ἕως εἴκοσι χιλιάδες· καὶ ἦλθαν εἰς τὸν Ἠκιανὸν ποταμὸν καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐστράφησαν ὀπίσω εἰς τὸν κόσμον καὶ ἦλθαν εἰς τὸ κάστρον τῆς Ἐγκλιτέρας. καὶ ὥρισεν νὰ ἀναπαυτοῦν τὰ φουσάτα του· ἀτός του ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν τριγύρου τοὺς αὐθεντάδες, νὰ ποιήσουν χοντρὰ ξύλα, κόκες καὶ κάτεργα χοντρὰ δώδεκα χιλιάδες, καὶ κάθε κάτεργο νὰ ἐπέρνη χιλίους ἀνθρώπους ἁρματομένους καὶ μὲ τὴν δίκισίν[2]) τους, καὶ ὥρισεν τὰ φουσάτα, νὰ ἠπαγένη τὸ καβαλαρικὸν πρὸς τὴν Βαρβαρίαν ἐκ τὴν στερέαν, καὶ τὸν Φιλόνην καὶ τὸν Πτολομαῖον ἔμπροσθεν τοῦ φουσάτου· καὶ ἐτερμόνησέν τους (μετ' αὐτοὺς) νὰ ἀνταμωθοῦν μὲ τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὴν Αἴγυπτον· καὶ εἶπεν τους· ὁπόθεν διαβῆτε, κάστρη ἐπέρνετε καὶ νὰ σᾶς τελοῦν φουσάτον καὶ λιζάτον νὰ ἐπέρνετε.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς βοηβοντάδες εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους.

Ἀτός του ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὴν κόκα καὶ ἔρριξεν τὰ καράβια ὅλα εἰς τὴν θάλασσαν· καὶ ἀρχέρισεν ἄνεμος δυνατὸς καὶ ὄρθωσαν πρὸς τὴν ἀνατολήν· καὶ εἰς τρεῖς χιλιάδες καράβια ἔβαλεν τὸν

---

[1]) Нар. греч. книга, p. 55: αὐταῖς ὡσὰν ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τῆς φωτίας, ἐκαίονταν αἱ πτεροῦγές τους. M. 6. ἀπετῶνταν.

[2]) Нар. гр. кн. l. c.: μὲ τὴν τροφήν τους. — Новак. сь всакою потрѣбою.

Ἀντίοχον, καὶ εἰς ἄλλας τρεῖς χιλιάδες καράβια ἔβαλεν τὸν Βυζάντιον, καὶ εἰς ἄλλας γ̔ καράβια ἔβαλεν τὸν Σελεύκιον, καὶ εἰς ἄλλας γ̔ καράβια ἦτον ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ἡμοίρασεν εἰς τέσσαρα μέρη διὰ τὴν θάλασσαν διὰ νὰ ὑπαγαίνουν· καὶ ἔπλευσαν εἰς τὴν θάλασσαν ἡμέραις λ' καὶ νύκταις λ'. ὁ Ἀλέξανδρος ἔφθασεν εἰς τὴν Αἴγυπτον μὲ τὰ καράβια ὅλα, ὅπου ὁ χρυσοστρεφάμενος ποταμὸς τρέχει, καὶ αὐτοῦ ὥρισεν καὶ ἔκτισεν κάστρον, καὶ ἐπωνόμασέν του ὄνομα τοῦ κάστρου Ἀλεξανδρία· Σελεύκιος ὁ βοηβόντας μετὰ τῶν κατέργων αὐτοῦ ἦλθαν εἰς τὴν Κιλικίαν, καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπωνόμασεν τὸ κάστρο ἐκεῖνον Σελευκία· ὁ Ἀντίοχος καὶ μέγας βοηβόντας τοῦ Ἀλεξάνδρου ἦλθεν μετὰ τῶν κατέργων αὐτοῦ εἰς τὸ στένωμα τῆς Μαύρης θαλάσσης, τῆς Θαρκίας [1]), καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρον ἐκεῖνον εἰς τὸ ὄνομά του Ἀντιόχεια· ὁ Βυζάντιος καὶ μέγας καπετάνος ἦλθεν εἰς τῆς Θαρσίας [2]) τὸ στένωμα, κατωθίων τοῦ Ἱέρκου, καὶ ἔπεσεν εἰς τῆς Μαύρης θαλάσσης τὸν λαιμόν, τῆς (Σ)κουτάρης κοντὰ καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπονώμασέν το καὶ αὐτὸς εἰς τὸ ὄνομα τὸ ἐδικόν του Βυζάντια.

Περὶ ὅταν εἶχεν λογισμὸν μέγαν ὁ Ἀλέξανδρος διὰ τοὺς βοηβοντάδες.

Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦτον ὁ Ἀλέξανδρος πολλὰ πικραμένος διὰ τοὺς βοηβοντάδες, διὰ τὰ κάτεργά του τὸ πῶς ἄργησαν· καὶ εἶχεν λογισμὸν μέγαν τὸ τί τοὺς ὑπέπεσεν· καὶ ὅταν ἔφθασεν τὸ μεσημέριν, τὴν αὐτὴν ὥραν ἦλθεν ὁ Ἀντίοχος μὲ τὴν ἀρμάταν του ὅλη καὶ ἔδειξέν του τὸ [35 v.] πῶς ἔκτισεν κάστρον· τῇ αὐτῇ ὥρᾳ ἦλθεν καὶ ὁ Σελεύκιος καὶ ὡμολόγησέν του ὅτι ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον· τῇ αὐτῇ ὥρᾳ ἦλθεν καὶ ὁ καπετάνος ὁ Βυζάντιος μὲ τὴν ἀρμάταν του καὶ ὡμολόγησεν καὶ αὐτὸς ὅτι ἔκτισεν κάστρον εἰς ἔμνοστον τόπον τὴν Βυζάντια· καὶ ἀφόντις ἀνταμώθησαν ὅλοι ἐχάρησαν χαρὰν μεγάλην· καὶ εἰς τὴν σύνταξιν τοῦ τόπου ἐκείνου ἔκτισαν ἄλλον κάστρον καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρο ἐκεῖνο Μία Καρδία· καὶ εἰς τὸ κάστρον αὐτὸν ἐποίησαν μῆνες ἕξη ὥστε νὰ ἔλθη καὶ τὸ καβαλλαρικὸν τὸ

[1]) вмѣсто Θράκης.
[2]) вмѣсто Θράκης.

φουσάτον· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦλθαν μαντατοφόροι εἰς τὸν Ἀλέξανδρον ὅτι ἕως τὸ βραδὺ ἔρχεται ὁ Πτολομαῖος καὶ ἀνδρειωμένος ὁ Φιλόνης· καὶ ὅταν ἦλθεν ἡ ἑσπέρα, ἦλθεν ὁ Πτολομαῖος καὶ ὁ Φιλόνης· καὶ ὅταν ἦλθαν, ἐφίλησαν τὸ χέρι τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἀρχέρισαν νὰ τοῦ δείχνουν τὰ παθήματά τους, τὸ τί τοὺς εὗρεν ἐπὶ τὸν κόσμον ὁποῦθεν ἐδιάβησαν, καὶ εἰς τί κόσμον ἐδιάβησαν καὶ εἰς τί τόπον ἐπολέμησαν μὲ τοὺς βασιλεῖς μὲ τὰ φουσάτα τους ἐπὶ τῆς Βαρβαρίας τὰ μέρη καὶ ἐπὶ τῆς Θεσπίας τὰ βασίλεια καὶ τὸ πῶς τοὺς ἐνίκησαν καὶ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον τοὺς ἤφεραν. καὶ τόμου τοὺς εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὥρισεν καὶ ἔδωκέν τους ὅρκον φοβερὸν ἀόρατον· καὶ ἔμοσάν του καὶ ἐγίνηκαν ἐδικοί του ἐγκαρδιακοί, ὄντα τοὺς γυρεύσῃ, νὰ ἔλθουν μὲ τὰ φουσάτα τους· καὶ ὥρισεν καὶ ἀπόλυσέν τους, καὶ ἔδωκέν τους δῶρα πολλὰ καὶ φαρία σελοχαλινωμένα· καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸν τόπον τους· καὶ ὥρισεν νὰ δίδουν δώδεκα χρονῶν λιζάτον καὶ ὁ κάθε εἰς ἐξ αὐτουνοὺς νὰ δίδῃ δέκα χιλιάδες φουσάτον ἁρματωμένο· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος πρὸς τὴν Ἀσίαν μὲ τὰ φουσάτα του καὶ αὐτοῦ ἔκτισεν κάστρον, καὶ ἐπωνόμασε τὸ κάστρον ἐκεῖνο Τρίπολι Πενταπόλεον· καὶ ἦλθαν οἱ μεγιστάνοι τοῦ Ἀλεξάνδρου, νὰ ποιήσουν ἕτερον κάστρον, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπλήσθη θυμὸν μέγαν καὶ εἶπεν· ὦ πολυανδρειωμένοι μου Μακεδωνίταις, οὐδὲν πρέπει ἐμᾶς ἀπὸ τὴν σήμερον ἡμέραν νὰ κτίσωμεν κάστρη καὶ τὸ ταξεῖδι μας νὰ τὸ ἀφήκωμεν, ὅτι εἰς τὰ κάστρη τίποτες δύναμιν οὐδὲν ἔναι οὔτε παντοχή, ἀμὴ ὁποῦ εἶναι φουσάτα πλήθεια καὶ δυνατά, αὐτοῦ ἔναι ὁ θάρρος καὶ ἡ δύναμις καὶ ἡ καρδία· ὅτι ἐμεῖς πολλὰ κάστρη δυνατὰ ἐπήραμεν μὲ τὸ σπαθί μας καὶ ἐχαλάσαμέν τα. καὶ ἐπὶ τὴν αὔριον ἐκίνησεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ὑπῆγεν πρὸς τῆς Φραγγίας τὰ μέρη ἤγουν τῆς Τρωάδος· ἦλθεν εἰς τὸ κάστρο τὴν Τρωάδα καὶ ἐσέβην ὅπου τὸν κάποτε καιρὸν ἦλθαν οἱ Ἕλληνες καὶ τὴν εἶχαν πολεμίσει χρόνους ιβ' καὶ τὴν εἶχαν ἐπάρῃ. καὶ ἐχάλασαν τὴν περιφούμιστον Τρωάδα διὰ μίας γυναικὸς τὴν ὡραιότητα [1]), τὸ ὄνομα αὐτῆς Ἑλένη· ἦτον γοῦν γυνὴ βασιλέως ἐκ τὸν Μωρέαν ἐκ τὸν τόπον τῆς Λακεδαιμονίας, τοῦ Μενελάου τοῦ βασιλέως· ὁ βα-

[1]) ркп. ὡραιοτάτην.

πόλεως ὁ Πρίαμος ἦτον βασιλεὺς τῆς Φρυγίας καὶ εἶχεν υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν Πάριν· καὶ ἐπῆγεν εἰς τὸν θεὸν τους τὸν Ἀπόλλωνα εἰς τὴν Λακεδαιμονίαν νὰ προσκυνήσῃ· καὶ ὡς εἶδεν τὴν ὡραιοτάτην καὶ πανεύμορφον Ἑλένην, ἥρπαξέν την καὶ ἤφερέν την εἰς τὴν Τρωάδα καὶ εἶπε τὸν βασιλέα τὸν Πρίαμον. εἶπε τοὺς Τρωαδίτας ἐφάνη καλὸν διὰ τὴν ἁρπαγὴν τῆς Ἑλένης. καὶ ἀνεμποδίστως ἐδέχθησαν τὸν Πάριν· ὡς ἤκουσεν ὁ βασιλεὺς ὁ Μενέλαος τὴν ἁρπαγὴν τῆς συμβίου αὐτοῦ, ἐμάσεν τὸ φουσάτο του καὶ ἔστειλεν εἰς τοὺς βασιλεῖς ὅλους τῶν Ἑλλήνων τῆς Κύπριας καὶ τῆς Λακωνίας καὶ τῆς Ἀχαΐας καὶ ἐσύναξαν οἱ βασιλεῖς ὅλα τὰ φουσάτα τους καὶ ἦλθαν εἰς βοήθειάν του εἰς τὸν τόπον τῆς Φρυγίας καὶ ἐκούρσευσεν καὶ ἐχάλασεν τὸν τόπον τῆς Τρωάδος· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ οἱ πρωτοκαβαλλαραῖοι τῆς Τρωάδος ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τὸ χέρι τῶν Ἑλλήνων καὶ ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας διὰ μίαν γυναῖκα μαγαρισμένην. ὁ προπάτορας μας Ἀδὰμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου. ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐχάθη. ὁ Σολομὼν ὁ θαυμαστὸς καὶ παν — [36 r.] φρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάμην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσεν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἰς τὴν περιφήμιστον Τρωάδα οἱ ἀνδρειωμένοι ἔπεσαν διὰ μία γυναῖκα· καὶ τὸ ὕστερον ἐποίησαν σκευὴν δόλεραν καὶ ἐπῆραν τὸ κάστρον τὴν Τρωάδα. ὡς γράφει τὸ βιβλίον τοῦ Ὁμήρος[1] τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦλθαν οἱ Τρωαδίταις καὶ ἐπροσκύνησαν τὸν Ἀλέξανδρον μὲ τιμὴν μεγάλην καὶ μὲ δῶρα πολλά· ἤφεραν του καὶ τοῦ υἱοῦ τοῦ Ἀχιλλέως τὸ σκουτάρι· ἦτον πεζομένο μὲ τὸ πετζὶ τοῦ λέοντος καὶ ἦτον στορισμένον τὸ πρόσωπόν του. ὥσπερ τὸ φέγγος εἰς τὸν οὐρανόν, οὕτως ἔλαμπεν. καὶ ὥσπερ τοῦ παγονιοῦ τὰ πτερὰ ὁποῦ εἶναι χρυσᾶ καὶ πράσινα καὶ κόκκινα, οὕτως ἔλαμπεν πάμπολλα θαυμαστόν· καὶ ὡς τὸ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαύμασεν· ἤφεραν καὶ τῆς Βρυσηΐδος τὸ μαντῆλο ὅλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τετιμημένο ὁποῦ ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορφάδα ὁποῦ εἶχεν· ὁποῦ ἀγάπα ὁ Τρώϊλος τοῦ Καλχᾶ τῆς θυγατρός[2] καὶ ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ θαυμαστὸς ἐσκοτώθη

[1]) ркп. ὅμοιρος.

[2]) ркп. θεγατερος. При ἀγάπα слѣдовало бы τὴν θυγατέρα; въ раннемъ текстѣ можетъ-быть находилось не ἀγάπα, а ἠράσθη, требовавшее род. пад.

διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην εἰς τὸν ναόν τους, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου. καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα, αἰχμαλωτίσθην ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, καὶ ἔσφαξέ την ὁ υἱός του ὁ Πύρος ἀπάνου εἰς τὸν τάφον τοῦ πατρός του τοῦ Ἀχιλλέως, καὶ ἀπόθανεν. καὶ ἐπαίνεσέ την πολλὰ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν, καὶ ἐκαύχησε τὴν τιμήν της τῆς γυναικός ἐκείνης, ὅτι πῶς ἐκράτησεν τὴν τιμήν της, ὅπου ἄλλην γύναῖκα τέτοια δουλεῖα οὐδὲν ἐποίησε. καὶ ὅλοι τὴν ἐπαίνεσαν· ὁ Ἀλέξανδρος ηὗρεν τοὺς λόγους γραμμένους καὶ ἐξέστην ἀπὸ τὴν ἐμπιστοσύνη καὶ τὴν φρόνησιν τῆς Πολυξένης καὶ εἶπεν· ἀπὸ τὸν θεὸν ἔχει συμπάθειον καὶ ἀπὸ τὸν κόσμον ἔχει ἔπαινον ὁποῦ οὐκ ἠθέλησεν νὰ πάρῃ ἄνδρα, καὶ καλὸν ἐποίησεν, ὅτι ὁ θάνατος ὁ τιμημένος ἔχει τιμὴ μεγάλη περὶ τὴν ἄχρηστον ζωὴν καὶ τὴν ἀτιμωμένη· ἀκόμη ἔβγαλαν τῆς βασίλισσας ἐκείνης τὸ στεφάνι· καὶ ὅταν τὸ ἔβανεν εἰς τὸ κεφάλι του, τότε ἄφαντος ἐγίνετον ἀπὸ ὅλους τοὺς ἀνθρώπους· καὶ τὴν νύκταν ἔλαμπεν ὡς λαμπάδα. ἀκόμη τῆς ἔβαλαν ἀπανωκλίβανον, ὁποῦ τὸ ἔβανεν ἀπανωθέον τῶν ἁρμάτων, καὶ ἦτον ἐγκοσμισμένο μὲ πολιτίμητον λιθαρόπουλον καὶ μὲ χρυσομάργαρον, καὶ τὸ σκέπασμα ἦτον ἀπὸ τῆς ἀσπίδος τὸ πετζί· ἤφεράν του καὶ τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος ὁποῦ εἶχεν γράψῃ ἀπὸ τὴν ἀρχὴν τοὺς πολέμους καὶ τὸν χαλασμὸν τῆς Τρωάδος ἐκ τὴν ἀρχὴν ἕως τέλος· καὶ ἠπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ βιβλίον καὶ ἄρχισεν νὰ τὸ ἀναγνώθῃ· καὶ αὐτοῦ ηὗρεν τοὺς πολέμους γραμμένους τῶν καλῶν καὶ ἀνδρειωμένων καὶ θαυμαστῶν καὶ μεγάλων ἀπελάτων· καὶ ἐθλίβην πολλὰ καὶ ἀκόμη ἐχάρη περὶ τῆς γραφῆς τῶν ἀνδρειωμένων, ὁποῦ ηὗρεν· καὶ τότε ἐσύντυχεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ εἶπεν· ὦ πόσοι ἀνδρειωμένοι [1]) ὑψηλότατοι καὶ ἐκλαμπρότατοι ἀπελάταις ἔπεσαν διὰ μίαν γυναῖκα μαγαρισμένη. τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἐσέβην καὶ εἶπεν [2]) τῆς Τρωάδος· ποῦ εἶναι τῶν ἀνδρειωμένων ἀπελάτων τὰ ὀνόματα; καὶ ἠπῆγαν τον οἱ ἄρχοντες ἐκεῖ ὅπου ἦσαν θαμμένοι· καὶ ἠπῆρεν σμύρνον καὶ λίβανον καὶ ἐθυμιάτησε τὰ μνήματά τους καὶ ἐλυπήθη καὶ ἔκλαυσεν μετὰ πολλῶν δακρύων καὶ εἶπεν· ὦ ἀνδρειωμένοι μου διαλεκτοί, ὁποῦ εἴσθεν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ, Ἀχιλλέα καὶ Ἕκτορα, ἐὰν σᾶς ἤθελα εὕρῃ ζωντα-

---

[1]) ркп. πόσων ἀνδρειωμένων.

[2]) вѣроятно пропущено: τοὺς ἄρχοντες.

νούς, ἤθελα σᾶς τιμήσει μὲ δωρήματα πολλὰ καὶ ἤθελα σας ὑψώσει καὶ ἤθελα τιμηθῆ καὶ νὰ χαρῶ εἰς τὸν κόσμον μετ' ἐσᾶς· καὶ ἀφόντε[ς][1]) σᾶς ηὗρα ἀποθαμένους, τῶν ἀποθαμένων ἡ τιμή τους ἔναι λίβανον καὶ σμύρναν, καὶ σᾶς ἐθυμίασα, καὶ ὁ θεὸς συγχωρέσει σᾶς μὲ τέτοιαις ἀνδραγαθίαις ὁποῦ ἐκάμετε, ὡς γράφει Ὅμηρος· καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ φιλό [36 v.] σοφοι τὸν Ἀλέξανδρον, ὁ Μενέλαος καὶ ὁ Ἀριστοτέλης, εἶπαν τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ Ἀχιλλέας καὶ ἡ βασιλεῖα σου εἶστεν ἑνοῦ πατρὸς παιδία τῶν Ἑλλήνων, τὸν θεόν τους τὸν Ἀμὼν εἶσθεν υἱοί· καὶ ἐμεῖς οἱ δύο τιμητικώτερα θέλομεν γράψη τὰ ποιήματά σου παρὰ τὸν Ὅμηρον τῆς Φραγγίας. ὁ Ἀλέξανδρος πάλιν ἐστράφην εἰς τὴν Μακεδονίαν μὲ τὸ φουσάτο του ὅλο καὶ μὲ τοὺς βασιλεῖς ὅπου εἶχεν ἐπάρη ἀπὸ τὴν δύσιν μὲ τὸ σπαθί του. τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἶχαν διαβῆ χρόνοι γ' ὅπου ἦτον εἰς τὸ ταξεῖδι· καὶ ἐπαράλαβεν κάστρη μὲ τὸ σπαθί του· καὶ ὡς ἦλθαν οἱ μαντατοφόροι εἰς τὴν μητέρα του, ἐκαβαλίκευσεν ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ὁ διδάσκαλός του ὁ Ἀριστοτέλης καὶ μὲ ταὶς ἀρχόντισσαις καὶ μὲ λαὸν πολὺν καὶ μὲ τὰ παιδία τους, καὶ ἐσυναπάντησαν τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὸ ποτάμι τοῦ (Σ)καμάνδρας καὶ αὐτοῦ τὸν ἐπροσκύνησαν μὲ τιμὴν καὶ μὲ δῶρα πολλά· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐσηκώθησαν ὅλοι καὶ ἦλθαν εἰς τὸ κάστρον τους εἰς τοὺς Φιλίππους. καὶ αὐτοῦ ὁ Ἀλέξανδρος ἔκαμεν καταστολὴν τοῦ φουσάτου του· καὶ ὥρισέν τους νὰ ἀναπαυτοῦσιν μῆνες ϛ' καὶ νὰ θρέφετε τὰ ἄλογά σας καλὰ καὶ ἐκλαμπρύνετε τὰ ἅρματά σας καὶ ἂς ἦσθεν ἕτοιμοι, καὶ ὅταν ἔλθη ὁρισμός μου, νὰ κινήσετε εἰς τὸ ταξεῖδι· καὶ ὅταν ἦλθαν οἱ ἔξη μῆνες, ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του καὶ ἐποίησεν ἁρματωμένους ὅλους σιδερέϊνους νὰ στέκωνται κοντά του, ρ' ὅλους ἁρματωμένους σιδερέϊνους, ὅλους ἀθέρα διαλεκτούς· καὶ ἄφηκε τὴν μητέρα του καὶ τὸν διδάσκαλόν του εἰς τὸν τόπον του· καὶ ἐποίησαν τὴν φορεσίαν ὅλοι ὅμοια καὶ τὰ ἅρματά τους ὅμοια, μὲ τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα ἡ μπαρμπούταις ἐγκοσμισμέναις, καὶ εἰς τὰ σκουτάριά τους ἦσαν στορισμένοι λέοντες μὲ τὰ πτερὰ πλεμένα τῆς ἀσπίδας· καὶ τὰ ἄλογά τους ἦταν κουβερτιασμένα ὅλα ἀπὸ πετζὶ κορκονδείλου·

---

[1]) Въ ркп. ἀφόντη; сл. стр. 34 строка четвертая снизу: ἀφόντις.

καὶ ὥρισέν τους ὅτι μὲ ταῖς τένταις του νὰ πέφτουν τρυγύρου ταῖς τένταις τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ οὐδὲ κανεὶς ἐτόλμα εἰς τὴν τάξιν τῶν Μακεδόνων· ὥρισεν καὶ ἐδιάλεξαν ἔμορφαις γυναῖκες β. νὰ περπατοῦν μὲ τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἡ πᾶσα μία μὲ τὴν ὄρθωσιν τοῦ προσώπου της, καὶ ὀκάποιον 'ταιρεάρχην ἔβαλέν τον ἀπανωθέον ταῖς γυναῖκες νὰ ἦναι εἰς τὸν ὁρισμόν του· καὶ ὅταν εἶχεν ὁ στρατιώτης ζήτησιν γυναικός, ἐπήαινεν εἰς τὸν 'ταιρεάρχην καὶ ἔδωκεν ἕνα χρυσὸν φλορὶ καὶ ἔπαιρνεν γυναῖκα· καὶ ὅσαις νύκταις ἐκράτειεν τὴν γυναῖκα, τόσα φλορία ἔδιδεν τὸν 'ταιρεάρχην· καὶ πάντα οἱ ρ τῶν Μακεδόνων ἦσαν κοντά του, καὶ ὅλοι τὸ γιῶμα καὶ τὸν δεῖπνον εὑρίσκονταί τον εἰς τὴν τάβλα του· καὶ μὲ ταύτους ὡμίλειεν, καὶ ἀτός του ὁ Ἀλέξανδρος ἐγένετον μικρότερος ἀπὸ ὅλουνούς. καὶ μὲ ταύτην τὴν τάξιν ἠπαινοῦσαν τὸν Ἀλέξανδρον· βοηβόντας μέγας πρωτοστράτουρας ἦτον ὅλουνῶν ὁ Πτολομαῖος, ἄνθρωπος ὀρθὸς καὶ δίκαιος εἰς τὴν κρίσιν του, καὶ εἰς ὅλα τὰ ποιήματα τοῦ Ἀλεξάνδρου ἦτον δόκιμος. καὶ ὅταν ἐσκοτώνετον ἀπὸ τοὺς στρατιώτας τῶν Μακεδόνων, ὁ Ἀλέξανδρος ἐδιάλεγεν κάλλιον καὶ ἔβανέν τον πάλιν εἰς τὸν τόπον ἐκείνου, διότι πάντα νὰ ἦναι ἑκατὸν χιλιάδες ἀρματωμένοι· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐσηκώθην ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ὑπῆγεν πρὸς τὴν ἀνατολὴ μὲ τὰ φουσάτα του· καὶ κάστρη ὁποῦ ἐπροσκυνοῦσαν μὲ τὸ θέλημάν τους εἶχαν μεγάλη τιμὴν καὶ συμπάθειον ἀπὸ τὸν βασιλέα, καὶ ὅσοι τὸν ἀντίστεκαν ὀλίγο, τὸν τόπον τους καὶ τὰ κάστρη τους τὰ ἐχάλα καὶ τοὺς ἀποκεφάλιζεν· ἀπ' αὐτὸν τὸ ἔργον ἤκουσεν ὁ κόσμος ὅλος καὶ ἐτρόμαξεν· ὅλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ αὐθέντες τῆς Παλαιστήνης καὶ τῶν Ἰουδαίων τὸ βασίλειον ἦσαν ἀποκάτου τὸν βασιλέα τῆς Περσίας τὸν Δάρειον, καὶ πολλοὶ ἀπὸ τὴν Περσίαν καὶ ἀπὸ τὴν Αἴγυπτον ἔδραμαν καὶ ὡμολόγησαν τοῦ Δαρείου [37 r.] τοῦ βασιλέως τὸ πῶς ἦλθαν ἔξαφνα ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τὸ φουσάτο του· ὁ Δάρειος, τῆς Περσίας ὁ βασιλεύς, ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους, ὤρθωσεν ἕναν ἀποκρισιάρη καὶ ἀπέστειλέν τον μὲ τέτοιαν ἐπιστολήν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάρειος ἐπιστολὴν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς, τῶν βασιλέων ὅλουνῶν βασιλέας, ὁποῦ

εἶμαι τρανὸς πολλὰ καὶ ὑψηλότατος τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ **βασιλέας**, ὁποῦ εἶμαι μέγας καὶ ὑψηλότατος τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ **καὶ τιμημένος** ἀπὸ ὅλους τοὺς βασιλεῖς καὶ ἴσα μὲ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ **καὶ τῆς** γῆς εἶμαι, καὶ λάμπω ὡς ὁ ἥλιος, καὶ ὁρισμός μου ἔναι εἰς ὅλην τὴν οἰκουμένην, ὥσπερ τοῦ ἡλίου οἱ ἀκτῖνες λάμπουν εἰς τὸν κόσμον ὅλον ἀπὸ τὴν ἀνατολὴν ἕως τὴν δύσιν (καὶ ἀπὸ τὸν βορέαν ἕως τὴν δύσιν), καὶ ἀπὸ τὸν βορέαν ἕως τὴν μεσημβρίαν. οὕτως[1]) **ἔναι** ὁρισμὸς ὁ ἐδικός μου εἰς ὅλα τὰ μέρη· ὁκάποιος [2]) λόγος μοῦ ἐσέβη εἰς τὰ ὦτα καὶ ἤκουσα, ὦ υἱὲ τοῦ Φιλίππου, ὅτι ὅλην τὴν **Ἑλλάδαν** ἐπαρέλαβες καὶ ἕως τὴν μεγάλην Ῥώμην ἦλθες καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τῆς δύσης καὶ τοὺς ἀφεντάδες ἀνακάτωσες καὶ ἐχάλασές τους παντελῶς· ἀκόμη ἦλθες καὶ ἕως τὸν Οἰκιανὸν[3]) ποταμὸν καὶ οὐδέν σε ἔσωσεν τόσον ὁποῦ ἠπῆρες, ἀμὴ ἦλθες καὶ ἕως τὸν τόπον τοῦ νότου καὶ τῆς Βαρβαρίας τὰ μέρη ἀκόμη καὶ εἰς τὴν Θεοπίαν ἦλθες **καὶ** ἐπαράλαβες τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ τὰ βασίλεια, καὶ εἶναι εἰς ὁρισμόν σου ὁποῦ αὐτὰ μὲ τελοῦσαν λιζάτον, καὶ οὐδὲν ἐχόρτασες, ἀμὴ ἀποκότησες καὶ ἠπῆρές μου ὅλα τὰ λιζάτα καὶ ἦλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδαν καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες μὲ τοὺς ἀτιμωμένους τοὺς ῥυμπαραίους τοὺς Μακεδόνας, τοὺς δούλους καὶ τελητάδες τοὺς ἐδικούς μου. ὁποῦ μὲ ἐδούλευεν ὁ πατέρας σου ὁ Φίλιππος καὶ ἤφερνέ μου τὸ λιζάτον, κάθεν χρόνον, καὶ ἐσὺ ἦλθες εἰς τὸν τόπον τῆς Περσίας νὰ δουλεύῃς· θαρρῶ οὕτως νὰ γένῃ· καὶ λέγω σου· σώνει σου τὸ γονικόν σου, καὶ εἰς τὴν γενεάν σου νὰ ἀφεντεύῃς νὰ ἦσαι τιμημένος, ἀκόμη καὶ τὴν Ἑλλάδαν ἔχε την ἀποκάτω σου, καὶ τὰ ζακόνια καὶ τὸ λιζάτο, ὁποῦ ἤφερεν ὁ πατέρας σου ὁ Φίλιππος, συμπαθῶ σου τὸ νὰ τὸ ἔχῃς. καὶ ἐτούτην τὴν ἐλεημοσύνην σοῦ δίδω νὰ τὴν ἔχῃς καὶ διὰ τὴν παραφθαρσίαν καὶ λουλίαν ὁποῦ ἔχεις ἀτός σου καὶ μὲ τοὺς ῥυμπαραίους τοὺς Μακεδόνας, ὁποῦ εἶσαι καὶ ἐσὺ ὅμοιος αὐτονῶν, Ἀλέξανδρε· καὶ ἐὰν οὐδέν σου φανῇ καὶ στέρξῃς τοὺς λόγους μου, σηκωθῇ θέλω μὲ ὅλην μου τὴν δύναμιν τῆς Περσίας τὰ φουσάτα

[1]) ркп. οὗτος.

[2]) Возстановлено по греч. нар. книгѣ, стр. 63; въ текстѣ: ὁ χ

[3]) Сл. стр. 33 (четырнадцатая строка сверху): Ἠκιανόν.

καὶ οὐδέν σε θέλει χορέση πούπετες τόπος νὰ κρυβηθῆς ἀπὸ ἐμένα, καὶ ἀπὸ τὸ σπαθὶ τὸ ἐδικόν μου θέλεις παιδευτῆ ἀτός σου καὶ τὸ ῥυμπαρικόν σου.

Περὶ ὅταν ἐδέχτη ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐπῆρε τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου καὶ ἀνάγνωσέν την, καὶ τόμου τὴν ἀνάγνωσε ἔκοψέ την· ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν καὶ ἔστειλέν τους πρὸς τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα μὲ ἐπιστολὴν τοιαύτη γεγραμμένη οὕτως· Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων, τῆς γῆς βασιλεύς, πρὸς τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα τῆς Περσίας στέλλω· τὸ πιτάκι τὸ ἐδικό σου ὁποῦ μας ἔστειλες ἐδέχθημάν το καὶ ἀναγνώσαμέν το, καὶ εἰς τὴν γραφήν σου ὁποῦ μας ἔστειλες οὐδέν σε εὐχαριστοῦμεν, ὅτι οὐδὲν ἦτον βασιλικὴ τάξη·[1]) καὶ λέγεις πῶς ἐπῆρα τῆς δύσης τὰ βασίλεια καὶ ἐχάλασά τα· καὶ διὰ τοῦτο νὰ ἠξεύρῃ ἡ βασιλεία σου, ὅτι πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ χαμηλὰ θέλει νὰ ἀναβαίνῃ εἰς τὰ ὑψηλά· καὶ εἰς αὐτὸν τὸν λόγον νὰ ἠγνωρίσῃς, ὅτι ἀρχὴ τὴν δύσιν ἠπῆρα καὶ ἔρχομαι εἰς τὴν ἀνατολήν, καὶ ἐσὺ μᾶς φοβερίζεις, διότι ὅλη [ἡ]οἰκουμένη ἔμπροσθεν [37 v.] τοῦ προσώπου σου οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ σταθῇ· καὶ νὰ τὸ ἠξεύρῃ ἡ βασιλεία σου, ὅτι τὸ ὄνομα τὸ ἐδικόν μου ἐγέμωσεν ὅλος ὁ κόσμος· καὶ ἤξευρε, βασιλέα Δάρειε, ὅτι τῶν Μακεδόνων ἡ στρατεία καὶ ἡ ἀνδρεία, ὁποῦ τοὺς λέγεις ἐσὺ ῥυμπαραίους καὶ κλέφταις, καὶ ἀκόμη λέγεις ὅτι νὰ μᾶς πιάσῃς· καὶ ἐμεῖς ἐρχόμεθεν εἰς τὴν βασιλεία σου· ἐὰν ἐσὺ μικροὺς καὶ ἀχαμνοὺς μᾶς λέγεις, ἐμεῖς εἴμεθεν ὥσπερ τοῦ πιπερίου ὁ σπόρος, θέλομεν φανῆ εἰς ἐσένα καὶ εἰς τὰ φουσάτα σου· ὡσὰν θέτῃ εἰς τὴν γλῶσσαν τοῦ ἀνθρώπου καὶ ἀμπουκόνει περισσόν, οὕτως ἔρχομαι ἐγὼ καταπάνου σου· καὶ νὰ ἠξεύρῃς· ἐμεῖς εἴμεσθεν ὥσπερ τὸ λιθάρι τὸ ἀδαμάντινον τὸ ἀκονητόν, οὕτως θέλομεν φανῆ εἰς ἐσένα καὶ εἰς τὰ φουσάτα σου· καὶ οὕτως ἔρχομαι ἐγὼ καταπάνου σου καὶ νὰ ἐπονομασθῶ τῆς Περσίας καὶ Ἀσίας βασιλεύς. οὕτως θαρρῶ ἐγὼ εἰς τὸν μέγαν θεὸν νὰ γένῃ, ὅπου ἐσὺ γίνεσαι ὅμοιος τῶν θεῶν· καὶ

[1]) ркп. βασιληκῆ τάξει.

μηδὲν θαρρεῖς τὸν ἐμαυτόν σου εἰς τοὺς Πέρσας νὰ ἐξεβῇς ἔμπροσθέν μου εἰς τὸν πόλεμον· ὅτι οἱ Πέρσαι εἶναι ὥσπερ γυναῖκες στολισμέναις καὶ εἶναι σκιαστεραῖοι εἰς τὸν πόλεμον, ἀμὴ τὸ φουσάτο τῆς Μακεδονίας εἶναι λέοντες· ἀμὴ λέγω σου· ἔβλεπε νὰ μηδὲν χάσης τὴν ζωήν σου καὶ προσκύνησέ με καὶ ἔχε τὸν τόπον τῆς Περσίας.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴ εἰς τὸν Δάρειον.

Ὁ Δάρειος τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Ἀλεξάνδρου ἠπῆρε καὶ ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσάν την. καὶ ἐπλήσθη θυμοῦ μεγάλου καὶ πρὸς τοὺς ἀποκλισιαραίους εἶπεν ὁποῦ ἦσαν ἐκεῖ· δείξετέ μου πόσων χρονῶν ἔναι τῷ καιρῷ ἐτούτῳ ὁ Ἀλέξανδρος, καὶ πόσον φουσάτον ἔχει μὲ τὸν Φιλόνη, καὶ μὲ τὸν ἐμαυτόν του πῶς ἐγροικίσετε. καὶ αὐτοὶ τὸν ἀποκρίθησαν· εἴστεν θέλει λ' χρονῶν τὴν σήμερον ἡμέραν καὶ ἔναι ἔμορφος καὶ ἀνδρειωμένος πάμπολλα, καὶ ἔχει τὸ χέρι του νὰ δωρῇ τὴν ἅπασαν ἡμέρα, καὶ ὁ λόγος του ἔναι στερκτὸς καὶ ἀληθινός, καὶ μὲ τὴν φρόνησίν του βασιλεύει, καὶ ἔχει καὶ φουσάτο ἕως ͵φ'. τόσον ἐδυνήθημαν καὶ ἐγροικίσαμεν· ὁ Σολωμὼν ὁ φρόνιμος εἰς τὰ χαρτία του ἔλεγεν· τοῦ στόματος τὸ γέλασμα καὶ τὸ περπάτημά του ἔχει βασιλικὸν ὁ Ἀλέξανδρος· οὕτως ὁμολογοῦμεν τὴν βασιλείαν σου. ὁ Δάρειος ἔβαλεν κατὰ νοῦ του καὶ εἶπεν· ὅτι αὐτὰ τὰ σημάδια βασιλικὰ εἶναι, ἀμὴ φαίνεταί μου οὐδὲν ἔναι οὕτως [1]).

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάρειος τοὺς ἀποκρισιαραίους του.

Ὁ βασιλεὺς ὁ Δάρειος ὥρισεν καὶ ἔγραψαν χαρτία εἰς ὅλον τὸν τόπον εἰς τὰ μέρη του ὅλα, νὰ συναχθοῦν ὅλα του τὰ φουσάτα. ὁποῦ ὁκάποτε ἡ γλῶσσαις ἀρχέρισαν νὰ κτίζουν τὴν πυργοποιίαν· καὶ αὐτοῦ ὥρισεν ὁ μεγαλοδύναμος θεὸς καὶ ἐμοίρασεν ταὶς γλώσσαις ὅλαις καὶ ἐχωρίσθησαν ἐπὶ τὴν οἰκουμένην ὅλην· καὶ αὐτοῦ ἐσυνάχθησαν τὰ φουσάτα του Δαρείου· καὶ ἔγραφεν ἐπιστολὴν εἰς τὴν Ἰσραὴλ καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον καὶ ἀπόστειλέν τους καὶ εἶπεν τους· κρατείεσθεν δυνατά, νὰ μηδὲν παραδοθῆτε τοῦ Ἀλεξάνδρου,

---

1) ркп. οὗτος.

ὅτι ἐγὼ μὲ τὴν δύναμίν μου τὴν μεγάλην ἔρχομαι καταπάνου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐγλήγορα σᾶς θέλω ἐλευθερώσει ἀπὸ τὸ κακόν.

Περὶ ὅταν ἐπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους [1]).

Ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν καὶ ἐσέβη μὲ τὸ φουσάτο του εἰς τὸν Ἰουδαϊκὸν τόπον, τὸ σύνορον τῆς αὐθεντίας τῶν Ἑβραΐδων, τὴν φρόνιμην [2]) καὶ εὐγενάδαν καὶ ἔμνοστον Ἱερουσαλήμ· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἀφέντευεν ἀπέσω ὁ προφήτης Ἱερεμίας· καὶ ἐπαρακαλοῦσαν καὶ ὑμνοῦσαν τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, τὸν Σαβαώθ, ἐπροσκυνοῦσαν καὶ ἔψαλλον νυκτὸς καὶ ἡμέρας κατὰ τὴν συνήθειάν τους. τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρην [38 r.] ἔστειλεν εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ ἔγραφεν οὕτως εἰς τοὺς εὑρισκομένους Ἑβραίους τῆς Ἱερουσαλήμ· ὁποῦ ὁμολογεῖτε εἰς ἕνα θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πιστεύετε τὸν παντοκράτορα Σαβαώθ, ὁποῦ κατοικεῖται αὐτοῦ, Ἰσραηλίτας, χαιρετῶ σας· καὶ ὡς εἶδαν τὸ πιτάκιν οἱ Ἑβραῖοι, ἔστειλαν μὲ ἕναν Ἑβραῖον ἐπιστολὴ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπαν οὕτως· ἐμεῖς οἱ εὑρισκόμενοι Ἑβραῖοι τῆς Ἱερουσαλὴμ τὸν βασιλέα τὸν Ἀλέξανδρον προσκυνοῦμεν· ἐμεῖς ἀφὸν ἐδιέβημαν τὴν Ἐρυθρὰ θάλασσα οὐδενοῦ βασιλέως ἐγινήκαμεν δημεγέρταις, οὐδεμίαν φαλτζίαν ἐποιήσαμεν· τὸν παντοκράτορα Σαβαὼθ δουλεύομεν καὶ ὑμνοῦμεν καὶ ἐπταίσαμεν· καὶ ὀργίσθη μας ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, καὶ ἔστειλέν μας εἰς τὰ χερία τῆς Περσίας τοῦ βασιλέως τοῦ Ναβουχοδονόσωρ· καὶ πολλοὺς χρόνους ἤμεσθεν εἰς αἰχμαλωσίαν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦλθεν συμπάθειον ἐκ τὸν μέγαν θεὸν καὶ ἐγυρίσαμεν ὀπίσω εἰς τὸν τόπον μας καὶ ἤμεσθεν ἀποκάτου τὸν Δάρειον, ὁποῦ ὁ κόσμος ὅλος ἔναι ἀποκάτου του· καὶ ἂν σε παραδοθοῦμεν, Ἀλέξανδρε, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς ὁ Δάρειος καὶ μᾶς χαλᾷ ὅλον τὸν τόπον μας τὸν ἔμορφον

---

[1]) Надписаніе этой главы и слѣдующее далѣе пророчество Іереміи о подвигахъ и приключеніяхъ Александра указываютъ на размѣры пропусковъ, находившихся, вѣроятно, уже въ подлинникѣ Вѣнскаго списка: пропущенъ походъ въ Египетъ и посѣщеніе невѣдомыхъ странъ. Объ этомъ говорено подробно въ моемъ изслѣдованіи.

[2]) ркп. φρόνεσιν.

καὶ ἔμνοστον, τὴν Ἱερουσαλήμ. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολήν τους ἀνάγνωσεν, καὶ ἄλλην ὥρισεν καὶ ἔγραψεν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ.

Ὁ Ἀλέξανδρος τῶν βασιλέων βασιλεὺς εἰς ὅλους τοὺς εὑρισκομένους εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ στέλλω· ἐσεῖς γοῦν πολλὰ ὑψηλόφρονα μοῦ στέλνετε, καὶ εἶδα καὶ ἔμαθά το· καὶ οὐδὲν πρέπει ἐσᾶς, ὦ ἄνθρωποι, ὁποῦ εἶσθεν τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος δοῦλοι, καὶ ἔναι εἰς ἐσᾶς ὁ θεὸς ὁ ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, νὰ ἦσθεν δοῦλοι τῶν εἰδωλολατρῶν, νὰ τοὺς προσκυνήσετε, καὶ μηδὲν παντέχετε εἰς τὸν Δάρειον, νὰ τὸν πληρώσετε λιζάτον καὶ δόσιμον· ὅτι ἐγὼ ἂν οὐδὲν προσκυνήσω τὸν θεὸν εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ εἰς τὸν θεὸν εἰς τὴν ἁγίαν Σιών, οὐδὲν ἠπηγαίνω νὰ πολεμήσω.

Περὶ ὅταν ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἐποίησεν σύναξιν.

Ὁ προφήτης Ἱερεμίας εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ ἤκουσεν ὅτι ἔρχεται Ἀλέξανδρος καὶ ἔμασεν τοὺς ἀνθρώπους ὅλους τῆς Ἱερουσαλήμ· καὶ ἐποίησαν βουλὴν καὶ εἶπαν· καλὸν ἔνει ἡμᾶς, δοῦλοι τοῦ θεοῦ, νὰ δεχτοῦμεν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ νὰ σεβῇ εἰς τὸ κάστρον μας, ὅτι ἐγὼ εἶδα τον κατ' ὄναρ μου τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐσυντύχαινε μετ' ἐμένα καὶ εἶπεν μου, ὅτι αὐτὸς ὁποῦ ἔρχεται εἰς ἐσᾶς, ἐγὼ λέγω, αὐτὸς σᾶς θέλει ἐλευθερώσει ἐκ χειρὸς τοῦ Δαρείου, καὶ ὅσην πείραξιν σᾶς ἔκαμαν οἱ Πέρσιδες, θέλει τὸ πληρώσει Ἀλέξανδρος μὲ τὸ σπαθί του εἰς αὐτουνούς. οὗτος ὁ λόγος ἄρεσεν τῶν αρχόντων ἀπὸ τὸ κάστρον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὴν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον, καὶ ἐφάνηκέν του ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἐνδεδυμένος ἀρχιερατικὴν στολὴν καὶ εἶπεν του· ἔρχου, τέκνον μου Ἀλέξανδρε, καὶ σέβα εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ καὶ σέβα εἰς τὴν ἁγίαν Σιὼν καὶ προσκύνησε τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς. καὶ ἀφὸν προσκυνήσεις, σύρε εἰς τὸν Δάρειον καὶ θέλεις τὸν ἐτζακίσῃ μὲ τὰ φουσάτα του καὶ θέλεις τὸν πατάξῃ καὶ θέλεις γένη βασιλεὺς τῆς Περσίας· ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τοῦ ὕπνου ἀνέστη καὶ εἶπεν τῶν ἀρχόντων τὸ ὅραμα ὁποῦ εἶδεν· καὶ ὀρθὰ ἐκίνησεν εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ. καὶ ὥρισεν ὁ προφήτης Ἱερεμίας ὅτι ἔφθασεν, καὶ ἐσυν-

άχθη όλος ό λαός μικροί τε καί μεγάλοι. καί είπεν τους νά έξεβοῦν είς συναπάντησιν τοῦ Ἀλεξάνδρου, καί ἐδύθην στολήν τῶν ἱερέων ὁ προφήτης Ἱερεμίας καί ἄλλοι ἄνθρωποι ἑκατόν χιλιάδες ἐνδύθησαν στολήν τῶν ἱερέων, καί δέκα χιλιάδες ἄνθρωποι μέ κερία καί λαμπάδες [1]) καί κανδήλαις καί θυμιατούς ἐσυναπάντησαν τόν Ἀλέξανδρον καί ἐθυμίασάν τον· καί ὁ Ἀλέξανδρος ὡς εἶδεν τόν προφήτην Ἱερεμίαν εἶπεν τῶν ἀρχόντων του· ὅτι ἐτοῦτον τόν ἄνθρωπον εἶδα είς τόν ὕπνον μου μέ αὐτήν τήν φορεσίαν· καί εὐθύς ἐπέζευσεν καί ἐπροσκύνησέν τον ἕως ἐδάφου τῆς γῆς· καί ὁ προφήτης Ἱερεμίας τόν ἐθυμίασεν μέ σμύρνον καί λίβανον, ὡς ἄξιον βασιλέα, καί εὐλόγησέν τον, καί ἀπό τό χέρι τόν ἐπίασεν καί ἐσέβασέν τον είς τήν Ἱερουσαλήμ καί ἠπῆγε τον [38 v.] είς τήν ἁγίαν ἐκκλησίαν τήν μεγάλην, καί ἐπροσκύνησεν τά ἅγια τῶν ἁγίων καί ἔδειξέν του τό πῶς τήν ἔκτισεν ὁ Σολωμών ὁ βασιλεύς. ὁ Ἀλέξανδρος τόν ἐρώτησεν· δεῖξέ μου, ποίου θεοῦ εἶστεν ἐσεῖς; ὁ προφήτης τόν εἶπεν· ἐμεῖς ἕνα θεόν πιστεύομεν καί ὁμολογοῦμεν, ὁποῦ ἐποίησε τόν οὐρανόν καί τήν γῆν, καί ὅλους ὡρᾷ, καί αὐτόν ὀφθαλμός οὐδέν εἶδεν, οὐδέ ὠτίον τόν ἤκουσεν, καί είς καρδίαν ἀνθρώπου ἐσέβην· ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαύμασεν καί εἶπεν· ὅτι ἀληθῶς ἐσεῖς ὑψίστου θεοῦ αἰχμάλωτοι καί δοῦλοι, καί πιστεύω καί ἐγώ ἀπό τήν σήμερον ἡμέραν αὐτόν τόν θεόν, καί προσκυνῶ καί ὑμνῶ καί ὁμολογῶ καί χαρίζω τό δῶρον καί τό λιζάτο, ὁποῦ ἤθελα πάρη ἀπό ἐσᾶς, ὡσάν τό ὑπῆρα ἀπ' ὅλαις ταίς γλώσσαις, δίδω τόν θεόν σας νά ἔναι θεός μου νυκτός καί ἡμέρας είς βοήθειάν μου, καί ἡ ἀγάπη του καί ἡ ἐλεημοσύνη του νά ἦναι μεθ' ἡμῶν. καί ἐδώρησέν του χρυσάφιν, καί αὐτός οὐδέν τό ἐδέκτη, ἀμή εἶπεν· ἄς ἔναι δώρημα τοῦ θεοῦ. καί ἐξέβην ὁ Ἀλέξανδρος ἀπό τόν ναόν καί ἐσίμωσεν πρός τόν θεόν τῆς Αἰγύπτου· καί ὁ προφήτης Ἱερεμίας τόν ἐπροβόδισε ἕως τό μεσιμέρι καί ὅλον τόν δρόμον ἐσυντύχαινεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· καί εἶπεν ὁ προφήτης· λέγω, τέκνον, παρακάλειε τόν θεόν τοῦ οὐρανοῦ καί τῆς γῆς νυκτός καί ἡμέρας, ἔχε διά στόματός σου, καί αὐτός σοῦ θέλει γένη είς βοήθειαν, καί τήν δύναμιν ὅλην τῶν Περσῶν θέλεις τζακίση· καί

[1]) рκп. καιρία καί λαμπάδων.

ἐσύ, Ἀλέξανδρε, ὕπαγε εἰς τὴν Αἴγυπτον καὶ θέλεις τὴν ἐπάρῃ, καὶ τὸν Πῶρον τῆς Ἰντίας θέλεις σκοτώσει, καὶ τὸν Δάρειον τὸν θέλεις πάρῃ· καὶ λέγω σου, τέκνον, ὅτι ἐβλέπω, θέλεις εἶστεν ἀπανωθέον εἰς ὅλους τοὺς βασιλεῖς καὶ κοντὰ εἰς τὴν παράδεισον θέλεις ὑπαγένῃ καὶ ἐκεῖ θέλεις εὕρῃ ἄνδρες καὶ γυναῖκες εἰς ἕνα νησὶν φυλακωμένους, ὁποῦ εἶναι τὸ φαΐ τους καὶ ἡ ζωή τους ἀπὸ ὀπώρα [1]), οὐχὶ ἄλλον τίποτε, καὶ ἡ ἐνδυμασία τους ἔναι τὸ πετζί τους μὲ τὸ μαλλί τους σκεπασμένη· καὶ κοντὰ εἰς τοὺς ἀγγέλους μὲ ἀγάπην εὐφραίνονται· καὶ τὸ ὄνομά τους εἶναι Μάκαροι ἀπὸ τὸν θεόν· καὶ ὅλα αὐτὰ θέλεις ἰδῇ Ἀλέξανδρε, ἀκόμη σε θέλουν ὁμολογήσει ἐκεῖ διὰ τὴν ζωήν σου καὶ τὸν θάνατόν σου· ἀμὴ παρακαλῶ σε μηδὲν μᾶς ἀφίνῃς νὰ ἔχωμεν λύπη· ἔπαρ' τίποτε ἀπὸ ἐμᾶς, Ἀλέξανδρε. καὶ ὁ βασιλεὺς εἶπεν· ὡσὰν ὠρίζῃς, πατέρα, οὕτως νὰ ποιήσω· καὶ εἶπεν ὁ προφήτης, καὶ ἤφεραν λιθαρόπουλον λυχνιτάρι, καὶ εἰς αὐτὸ τὸ λυχνιτάρι ἦτον γραμμένο τὸ ὄνομα τοῦ Σαβαώθ, καὶ αὐτὸ τὸ λιθαρόπουλον ἐβάστα εἰς τὴν μπαρμποῦτα του ὁ υἱὸς τοῦ Ναυῆ ὅταν ὑπαγαίνε νὰ πολεμίσῃ μὲ ἀλλόφυλα ἔθνη· ἤφεράν του καὶ τὸ σπαθὶ τοῦ Γολιὰθ τοῦ Ἕλληνος ὁποῦ τὸν [2]) ἐτρόπωσεν ὁ Δαυὶδ τῶν Ἑβραίων. ἤφεράν του καὶ τὴν μπαρμποῦτα τὴν διχαλὴν τοῦ ἀνδρειωμένου τοῦ Σαμψὼν μὲ τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια κολλημένη· ἤφεράν του καὶ τὸ κοντάρι τοῦ Σαμψοῦ, ἀδαμάντινον τὸ ξίφος, ὁποῦ κανένα σίδερο οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κρατήσει· καὶ ἤφεράν του σκουτάρι σιδερένιον ἀπὸ ἄνικον [3]), ὁποῦ ἄλλον σίδερον οὐδὲν τὸ ἐπέρνα, ὁποῦ εἶχεν γένη τοῦ Υἰωπανθάνου [4]) τοῦ υἱοῦ τοῦ Σαοὺλ τοῦ βασιλέως· ἤφεράν του καὶ οἱ Ἑβραῖοι τοῦ κάστρου ἄλογα διαλεκτὰ ἑκατὸν, ὅλα μαγδάλια, καὶ ἐπροσκύνησάν τον· καὶ ἀπ' αὐτοῦ τὸν εὐλόγησεν ὁ προφήτης Ἱερεμίας καὶ εἶπεν, ὅτι οὐδένα κάστρο καὶ τόπος νὰ σταθῇ ἔμπροσθέν του, Ἀλέξανδρε· καὶ ἀπέχει τὸν ἐφίλησεν καὶ ἐγύρισεν [5]). τότε καὶ ὁ Δάρειος

---

[1]) ркп. ἤπορα. Нар. 71 πωρικά.

[2]) ркп. τό.

[3]) Новак. стр. 50: оть *акін'та* (вар. анита, анкинѳа) гвоз'діа. Въ греч. нар. кн., стр. 71—2, нѣть соотвѣтствія.

[4]) Новак. l. c. Анаѳана (вар. Иоаѳана).

[5]) Сл. греч. народную книгу (р. 72): τέλος τὸν εὐλόγησεν ὁ Προφήτης Ἱερεμίας καὶ ἄφηκέ τον νὰ ὑπάγῃ. Слѣдуеть далѣе походъ Александра въ Еги-

ἔπεμψεν καταπατητάδες εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἡ βίγλα τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐπίασέ τους· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐλεημονήθη τους καὶ ἀπόλυσέν τους· καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸν Δάρειον καὶ ὡμολόγησάν του ὅσον εἶδαν καὶ τὸν Ἀλέξανδρον ἐπαινοῦσαν πάμπολλα· ἐθυμώθη ὁ Δάρειος καὶ ὥρισεν καὶ ἔκοψεν ταῖς γλώσσαις τους, νὰ μηδὲν ἀκούση τὸ φουσάτο καὶ σκιασθῇ· καὶ ἐποίησαν βουλὴν καὶ ὥρθωσεν νὰ κινήσουν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ οἱ αὐθεντάδες τοῦ εἶπαν· βασιλέα Δάρειε, οὐδὲν πρέπει ἐσένα νὰ πολεμήσῃς μὲ τὸν Ἀλέ[39 r.]ξανδρον, ὅτι αὐτὸς ἔναι ῥυμπᾶς, ἀκόμη ἔναι καὶ μικρότερος καὶ ἀπὸ ὅλους τοὺς βασιλεῖς ὁποῦ ἔχεις ἀποκάτου σου. καὶ ἄρεσεν ὁ λόγος οὗτος τὸν Δάρειον· καὶ ὥρισεν καὶ ἔκραξαν τὸν μέγαν βοηβόντα τὸν πρωτοστράτουραν, ὁποῦ εἶχεν πρῶτον εἰς τὸ φουσάτον του ὅλον, ὀνόματι Μίμαντον, καὶ εἶπεν του· ἔπαρε φουσάτα ἀπὸ τοὺς Πέρσας χίλιαις χιλιάδες, ἔπαρε καὶ ἐκ τοὺς δήμους[1]) ͵τ' καὶ ἐκ τὴν Θεοπίαν ͵σ' ἔπαρε καὶ δοξιότες[2]) ρ', καὶ σύρε καὶ πέρασε τὸν Ἐφράτην ποταμόν, καὶ ὅπου εὕρῃς τὸν Ἀλέξανδρον, τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου, νὰ τὸν φέρῃς εἰς τὴν βασιλείαν μου δεμένον· εἰ δὲ μὴ καὶ κάμῃ νὰ φύγῃ, νὰ τὸν διώξῃς ἐπὶ τὸν κόσμον ὅλον, ὥστε νὰ τὸν πιάσῃς· καὶ σύρε, καὶ ἐγώ, ὁ θεὸς τῆς Περσίας, νὰ ἔναι βοηθός σου· ὁ Μίμαντος ὑπῆρε τὸ φουσάτο ὅσον ὥρισεν.

Περὶ ὅταν ἁρματώθη τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἐποίησεν σύναξιν.

Ὁ Δάρειος ἐπέρασεν τὸν Ἐφράτην ποταμὸν καὶ εἶδε τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ὥρθωσεν εἰς τὸν πόλεμον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶδε τὸ φουσάτο τοῦ Μίμαντος, ὥρισεν καὶ ἁρματώθη τὸ φουσάτο του· καὶ ἐκαβαλίκευσαν ὅλοι· καὶ ἐλάλησεν. ὁ Ἀλέξανδρος φωνῇ μεγάλῃ· ὦ θαυμαστοὶ καὶ φοβεροὶ ἀνδρειωμένοι μου Μακεδόνες καὶ Λακιδαιμονίτες, καὶ φῶς τῶν ὀφθαλμῶν μου, πρωτοκαβαλαραῖοι χρυσοπτερνιστηράτοι, ἠκούσατε· ὅτι ἡ σκέπη τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ

петь, пропущенный въ нашемъ текстѣ, послѣ чего оба совпадаютъ на стр. 76 греч. нар. кн.: ἔστειλε (sc. ὁ Δαρεῖος) καταπατητάδες и т. д.

[1]) ркп. δήμους; въ народ. греч. кн. 78 Μήδους, Новак. 54 Мидѣнь.

[2]) Народ. греч. кн. 78 τοξότας.

τῆς γῆς, ἡ χάρη του καὶ ἡ ἐλεημοσύνη του ἦλθεν πρὸς ἐμᾶς· ὁποῦ ἐσεῖς εἴδετε τὴν βοήθειάν του, τὸ πῶς τὴν Ρώμην ἠπήραμεν καὶ τὰ νησία ὅλα καὶ τὴν Ἱερουσαλήμ, καὶ αὐτοῦ τὸν θεὸν ἐπροσκυνήσαμεν, καὶ μὲ τὴν δύναμίν του ἠπήραμεν τὴν Αἴγυπτον καὶ ἕως τὸν Δάρειον ἤλθαμεν, καὶ ἐὰν αὐτὸν τζακίσωμεν, θέλομεν γένη αὐθέντες καὶ οἰκοκύροι· εἰ δὲ αὐτὸς τζακίσει ἐμᾶς, εἰς ὅλον τὸν κόσμον θέλει μᾶς διώξη· καὶ κάλλιον ἔναι ἐμᾶς τὴν σήμερον ἡμέραν εἰς τὸν πόλεμον ν' ἀποθάνωμεν ὅλοι, ἀμὴ νὰ τὸ ἠξεύρετε ὅτι ἐγλήγορα θέλουν ἐφύγη, καὶ θέλομεν τοὺς τζακίσει· ὅτι ὁ βασιλεύς του[1]) δὲν ἔναι ἀντάμα μὲ τὸ φουσάτο του· καὶ ἐκαβαλίκευσεν τὸ ἄλογόν του τὸν Βουκέφαλον καὶ ἔβαλεν τὴν μπαρμποῦτα εἰς τὸ κεφάλιν του καὶ ὤρθωσεν τὰ φουσάτα του εἰς τρία λάγια.[2]) καὶ αὐτὸς ἔρχετον ἐξοπίσω μὲ τὴν σύνταξίν του, καὶ ἀπόστειλεν τὸν Ἀντίοχον καὶ τὸν Πτολομαῖον εἰς δύο σύνταξες· καὶ οὕτως ἐπῆγαν ἐγλήγορα ἀπάνου τους καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια, καὶ ἐτζάκισαν τὰ κοντάρια, καὶ ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτυπήθησαν κατὰ πρόσωπα εἰς τὰ δόντια· οἱ Πέρσιδες οὐδὲν ἠμπόρεσαν νὰ βαστάξουν τὰ ἀκονιστὰ σπαθία τῆς Μακεδονίας καὶ οὕτως ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς[3]), καὶ ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τοὺς Πέρσας ἐσμίχθη καὶ ἦλθεν διώχνοντάς τους ἕως τὸ πέσιμον τοῦ Δαρείου· καὶ ὁ βασιλέας, ὡς εἶδεν τὸ φουσάτο του τζακισμένο, εἰς ἕνα ἐγλήγορον ἄλογον ἐκαβαλίκευσεν καὶ ἔφυγεν· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τους· εἰπὲ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως ὅτι ἐσκότωσα τὸν μέγαν τὸν βοηβόντα του τὸν Μίμαντον, καὶ δίδε φουσάτο καὶ λιζάτο καὶ ἔχε τὸν τόπον τῆς Περσίας.

Περὶ ὅταν ἠπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸν Δάρειον.

Εἰς αὐτὴν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον ὁ Ἀλέξανδρος τὸν προφήτην Ἱερεμίαν· καὶ εἶπεν· υἱέ μου Ἀλέξανδρε, σύρε καὶ μὴν ἔχης καμμίαν ἔγνοιαν ἀπὸ τὸν Δάρειον ἂν ἔφερνεν πλεώτερον φουσάτο καταπάνου σου· σύρε καὶ μὴ σκιαστῆς, ὅτι ἐσὺ ἔχεις βοηθὸν τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς Σαβαώθ· καὶ βάλε εἰς τὸ κεφάλιν σου λιθαρόπουλον,

---

[1]) ркп. του; вѣроятно τους.

[2]) въ народ. греч. кн. 79 μέρη.

[3]) ркп. φυγίου. Ср. стр. 14, пр. 2.

ὅταν 'σεβῇς εἰς τοὺς ἀλλοφύλους εἰς τὸν πόλεμον, ἐκεῖνο ὁποῦ σοῦ ἔδωκα εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ, καὶ πάντοτε ἔχε τὸν νοῦν σου καὶ παρακάλειε τὸν θεὸν μὲ τὸ στόμα σου καὶ λέγε· ἕνας ἅγιος, ἕνας θεός, ἕνας κύριος καὶ ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὁ ὑπὸ τῶν Σεραφὶμ ἀνυμνούμενος καὶ ἐπὶ τῶν Χερουβὶμ ἀναπαυόμενος Ἀδωναί, Σαβαώθ· καὶ ὅσο πλῆθος καὶ ἂν ἔρχεται καταπάνου σου, ἐσὺ τοὺς θέλεις τροπώσει, Ἀλέ[39 v.]ξανδρε. ὁ Ἀλέξανδρος ἀνέστη ἐκ τὸ ὅραμα ὁποῦ εἶδεν καὶ ἐχάρη χαρὰν μεγάλην· καὶ τόμου ἔδωκεν ἡ αὐγή, ἐκίνησεν σύντομα πολλὰ μὲ ὅλην του τὴν προθυμίαν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ ὥρισεν καὶ ἐλαλοῦσαν τὰ ὄργανα ἀπὸ ταὶς δύο μεραίς· καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια, καὶ ἦτον ὁ ἔκτυπος τῶν κονταρίων καὶ τῶν σπαθίων, ὁ κουδουνισμὸς καὶ ὁ χλημιτισμὸς τῶν φαρίων καὶ ἡ φωναὶς τῶν ἀνθρώπων ἠκούστη ἕως τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ· τόσο μέγα [1]) ἐγείνη αὐτὴν τὴν ἡμέραν καὶ τόσος σφαγμὸς ἐγείν' ἀπὸ τὰ δύο μέρη· οἱ Πέρσιδες οὐδὲν ἐδυνήθηκαν [2]) τὸν πόλεμον καὶ ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς [3]) ὀπίσω εἰς τὸν τόπον τους· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἐδίωχνεν τρεῖς ἡμέραις καὶ τρεῖς νύκταις· καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τοὺς Πέρσιδας. ͵ρδ΄. καὶ ἐκ τοῦ Ἀλεξάνδρου ͵κ., καὶ ἐπίασαν καὶ ζωντανοὺς ͵σ΄. καὶ ἤφεράν τους εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τοὺς πιασμένους· πλέον εἰς τὸν πόλεμον νὰ μηδὲν ἐλθῆτε· καὶ ἀπόλυσέν τους· καὶ ἐσᾶς ἐλεημονήθηκα καὶ ἐχάρησά σας τὴν ζωήν σας. ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς ἠπῆρεν ἑκατὸν καβαλαραίους ἐγλήγορους καὶ ἐγλύτωσεν, καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν μὲ τὰ φουσάτα του εἰς τὴν Βαβυλῶνα· καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ Βαβυλωνίταις, μικροί τε καὶ μεγάλοι, ἦλθαν καὶ τὸν ἐπροσκύνησαν καὶ οὕτως τὸν ἐφούμισαν τὸν Ἀλέξανδρον μεγάλη φωνῇ· βασιλέα τῶν βασιλέων καὶ τῆς οἰκουμένης ὅλης, πολλὰ τὰ ἔτη τὴν βασιλεία σου. καὶ ἤφεράν του προσκυνήματα, δῶρα πολλὰ πανθαύμαστα, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν καὶ οὖς οὐκ ἤκουσεν· ἐξέβαλάν του

---

[1]) Народ. греч. кн. 82 τόσον κόψιμον; это слово или подобное пропущено въ текстѣ.

[2]) Народ. греч. кн. 82 δὲν ἠμπόρεσαν νὰ βαστάξουν τὸν πόλεμον; послѣднимъ глаголомъ и должно дополнить недостающее.

[3]) ркп. φηγίου.

τῆς γῆς, ἡ χάρη του καὶ ἡ ἐλεημοσύνη του ἦλθεν πρὸς ἐμᾶς· ὁποῦ ἐσεῖς εἴδετε τὴν βοήθειάν του, τὸ πῶς τὴν Ῥώμην ἡπήραμεν καὶ τὰ νησία ὅλα καὶ τὴν Ἱερουσαλήμ, καὶ αὐτοῦ τὸν θεὸν ἐπροσκυνήσαμεν, καὶ μὲ τὴν δύναμίν του ἡπήραμεν τὴν Αἴγυπτον καὶ ἕως τὸν Δάρειον ἤλθαμεν, καὶ ἐὰν αὐτὸν τζακίσωμεν, θέλομεν γένη αὐθέντες καὶ οἰκοκύροι· εἰ δὲ αὐτὸς τζακίσει ἐμᾶς, εἰς ὅλον τὸν κόσμον θέλει μᾶς διώξῃ· καὶ κάλλιον ἔναι ἐμᾶς τὴν σήμερον ἡμέραν εἰς τὸν πόλεμον ν' ἀποθάνωμεν ὅλοι, ἀμὴ νὰ τὸ ἠξεύρετε ὅτι ἐγλήγορα θέλουν ἐφύγη, καὶ θέλομεν τοὺς τζακίσει· ὅτι ὁ βασιλεύς του[1]) δὲν ἔναι ἀντάμα μὲ τὸ φουσάτο του· καὶ ἐκαβαλίκευσεν τὸ ἄλογόν του τὸν Βουκέφαλον καὶ ἔβαλεν τὴν μπαρμποῦτα εἰς τὸ κεφάλιν του καὶ ὤρθωσεν τὰ φουσάτα του εἰς τρία λάγια.[2]) καὶ αὐτὸς ἔρχετον ἐξοπίσω μὲ τὴν σύνταξίν του, καὶ ἀπόστειλεν τὸν Ἀντίοχον καὶ τὸν Πτολομαῖον εἰς δύο σύνταξες· καὶ οὕτως ἐπῆγαν ἐγλήγορα ἀπάνου τους καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια, καὶ ἐτζάκισαν τὰ κοντάρια, καὶ ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτυπήθησαν κατὰ πρόσωπα εἰς τὰ δόντια· οἱ Πέρσιδες οὐδὲν ἠμπόρεσαν νὰ βαστάξουν τὰ ἀκονιστὰ σπαθία τῆς Μακεδονίας καὶ οὕτως ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς[3]), καὶ ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τοὺς Πέρσας ἐσμίχθη καὶ ἦλθεν διώχνοντάς τους ἕως τὸ πέσιμον τοῦ Δαρείου· καὶ ὁ βασιλέας, ὡς εἶδεν τὸ φουσάτο του τζακισμένο, εἰς ἕνα ἐγλήγορον ἄλογον ἐκαβαλίκευσεν καὶ ἔφυγεν· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τους· εἰπὲ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως ὅτι ἐσκότωσα τὸν μέγαν τὸν βοηβόντα του τὸν Μίμαντον, καὶ δίδε φουσάτο καὶ λιζάτο καὶ ἔχε τὸν τόπον τῆς Περσίας.

Περὶ ὅταν ἠπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸν Δάρειον.

Εἰς αὐτὴν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον ὁ Ἀλέξανδρος τὸν προφήτην Ἱερεμίαν· καὶ εἶπεν· υἱέ μου Ἀλέξανδρε, σύρε καὶ μὴν ἔχῃς καμμίαν ἔγνοιαν ἀπὸ τὸν Δάρειον ἂν ἔφερνεν πλεώτερον φουσάτο καταπάνου σου· σύρε καὶ μὴ σκιαστῇς, ὅτι ἐσὺ ἔχεις βοηθὸν τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς Σαβαώθ· καὶ βάλε εἰς τὸ κεφάλιν σου λιθαρόπουλον,

[1]) ркп. του; вѣроятно τους.
[2]) въ народ. греч. кн. 79 μέρη.
[3]) ркп. φυγίου. Ср. стр. 14, пр. 2.

ὅταν 'σεβῇς εἰς τοὺς ἀλλοφύλους εἰς τὸν πόλεμον, ἐκεῖνο ὁποῦ σοῦ ἔδωκα εἰς τὴν Ἱερουσαλὴμ, καὶ πάντοτε ἔχε τὸν νοῦν σου καὶ παρακάλειε τὸν θεὸν μὲ τὸ στόμα σου καὶ λέγε· ἕνας ἅγιος, ἕνας θεὸς, ἕνας κύριος καὶ ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὁ ὑπὸ τῶν Σεραφὶμ ἀνυμνούμενος καὶ ἐπὶ τῶν Χερουβὶμ ἀναπαυόμενος Ἀδωναί, Σαβαώθ· καὶ ὅσο πλῆθος καὶ ἂν ἔρχεται καταπάνου σου, ἐσὺ τοὺς θέλεις τροπώσει, Ἀλέ[39 v.]ξανδρε. ὁ Ἀλέξανδρος ἀνέστη ἐκ τὸ ὅραμα ὁποῦ εἶδεν καὶ ἐχάρη χαρὰν μεγάλην· καὶ τόμου ἔδωκεν ἡ αὐγή, ἐκίνησεν σύντομα πολλὰ μὲ ὅλην του τὴν προθυμίαν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ ὥρισεν καὶ ἐλαλοῦσαν τὰ ὄργανα ἀπὸ ταὶς δύο μεραίς· καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια, καὶ ἦτον ὁ ἔκτυπος τῶν κονταρίων καὶ τῶν σπαθίων, ὁ κουδουνισμὸς καὶ ὁ χλημιτισμὸς τῶν φαρίων καὶ ἡ φωναὶς τῶν ἀνθρώπων ἠκούστη ἕως τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ· τόσο μέγα[1]) ἐγείνη αὐτὴν τὴν ἡμέραν καὶ τόσος σφαγμὸς ἐγείν' ἀπὸ τὰ δύο μέρη· οἱ Πέρσιδες οὐδὲν ἐδυνήθηκαν [2]) τὸν πόλεμον καὶ ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς[3]) ὀπίσω εἰς τὸν τόπον τους· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἐδίωχνεν τρεῖς ἡμέραις καὶ τρεῖς νύκταις· καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τοὺς Πέρσιδας. ͵ρδ΄. καὶ ἐκ τοῦ Ἀλεξάνδρου .κ̄., καὶ ἐπίασαν καὶ ζωντανοὺς ͵σ΄. καὶ ἤφεράν τους εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τοὺς πιασμένους· πλέον εἰς τὸν πόλεμον νὰ μηδὲν ἔλθῆτε· καὶ ἀπόλυσέν τους· καὶ ἐσὰς ἐλεημονήθηκα καὶ ἐχάρησά σας τὴν ζωήν σας. ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς ἠπῆρεν ἑκατὸν καβαλαραίους ἐγλήγορους καὶ ἐγλύτωσεν, καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν μὲ τὰ φουσάτα του εἰς τὴν Βαβυλῶνα· καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ Βαβυλωνίταις, μικροί τε καὶ μεγάλοι, ἦλθαν καὶ τὸν ἐπροσκύνησαν καὶ οὕτως τὸν ἐφούμισαν τὸν Ἀλέξανδρον μεγάλη φωνῇ· βασιλέα τῶν βασιλέων καὶ τῆς οἰκουμένης ὅλης, πολλὰ τὰ ἔτη τὴν βασιλεία σου. καὶ ἤφεράν του προσκυνήματα, δῶρα πολλὰ πανθαύμαστα, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν καὶ οὖς οὐκ ἤκουσεν· ἐξέβαλάν του

---

[1]) Народ. греч. кн. 82 τόσον κόψιμον; это слово или подобное пропущено въ текстѣ.

[2]) Народ. греч. кн. 82 δὲν ἠμπόρεσαν νὰ βαστάξουν τὸν πόλεμον; послѣднимъ глаголомъ и должно дополнить недостающее.

[3]) ркп. φηγίου.

καὶ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως τὸ χρ[illegible] εἰ[illegible]
χιλιάδες τάλαντα καὶ ἄλογα χίλια, ἡ[illegible]
τοῦ Δαρείου ἑκατὸν (χιλιάδες), ὅλα [illegible]
του καὶ πάρδους τοῦ κυνηγίου [illegible]
πεντακόσια, ὁποῦ ἦσαν ἐγλήγ[illegible]
του σταγόνια χρυσὰ δύο γ[illegible]
λιαις, καὶ ἀλόγων ἀρμα[illegible]
ναις ἀπὸ ὀψάρια· αὐτὰ [illegible]
του καὶ τὸ ἀπανωφό[illegible] [illegible]ροσύνη.
τὸ εἶχεν ἐγκοσμι[illegible] [illegible]ν εἰς τὴν Μα[illegible]
λιθαρόπουλα· [illegible] γονικόν μου· καὶ ἐτ[illegible]
ἀπὸ τὴν ζασ[illegible] [illegible] ὀφθαλμός του ὁ ἀκοίμητος, ὅτ[illegible]
ἀπάνου τ[illegible] [illegible]ει τὸ ἄδικον καὶ τὸ δίκαιον καὶ τὰς καρδίας
Βαβυλ[illegible] [illegible]ων γινώσκει· καὶ ἡ δικαία κρίση εἰς τὰ χέρια του ἔναι
ὁ Ἀλ[illegible] [illegible] ἐσένα ἄρχοντα καὶ αὐθέντην ἐποίησε καὶ τὴν σήμερον ἡμέραν
κο[illegible] [illegible]ψωσέ με ἐμένα ἀπὸ κοπρίας γῆς καὶ ἐποίησέ με βασιλέα εἰς ὅλον τὸν κόσμον· καὶ ἡ βασιλεία σου ὥρισεν νὰ μὲ φέρουν νήπιον παιδὶ εἰς τὴν αὐλήν σου νὰ δουλεύω· καὶ ἐγὼ ἀτός μου ἦλθα ἄνδρας πρὸς ἐσένα· καὶ σὰν ἦσουν ἐσὺ τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ βασιλέας καὶ εἰς τὸ γονικόν μου ἀνελεήμονας ἤγουν τὸ ἐδικό μου, ἀμὴ ἤξευρε ὅτι ἐγὼ οὐδὲν εἶμαι ἀνελεήμονας. ἀμὴ γύρισε τὴν καρδίαν σου τὴν παραφθαρσίαν καὶ πέσε προσκύνησέ με καὶ δίδε μου δόσια καὶ λιζάτο καὶ αὐθέντευε εἰς τὸν τόπον τῆς Περσίας· καὶ ἂν οὐδὲν σὲ ἀρέση οὕτως, ἂς ἦσαι ἕτοιμος νὰ πολεμίσης ἀπάνου εἰς δεκαπέντε ἡμέραις εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρσενίας μὲ ὅλον μου τὸ φουσάτο· καὶ ὁ Δάρειος εἶπεν πρὸς τοὺς μεγιστάνους του· ἐπαντέτε ἐσεῖς τέτοιαν ὕψωσιν καὶ τόσην καύχησιν, νὰ ἐξεβῆ ἀπὸ τοὺς Μακεδόνας πρὸς ἐμᾶς; ὁ Ἀλέξανδρος ἔμπροσθέν του ἤστεκεν καὶ εἶπεν του· ὅτι ἐὰν οἱ Μακεδόνες ἀφεντέψουν τίποτες, θαυμαστὸν οὐδὲν ἔναι ὅτι αὐθεντέυουν. [40 v.] ὁ Δάρειος εἶπεν· διατί; καὶ αὐτὸς τοῦ ἀποκρίθη· διότι εἶναι ἐγκαρδιακοὶ καὶ φρόνιμοι πολλὰ καὶ ἀνδρειωμένοι ἕως τὸ ἄκρος· ἔχει καὶ φουσάτο πολὺ ὡς τὸ ἄκρος, καὶ ἔναι πολλοὶ[2]) ὡς τὸν ἄμμον τῆς

---

[1]) ρκπ. ἡμερός.
[2]) ρκπ. πολλά.

καὶ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως τὸ χρυσάφιν ὁποῦ ἦτον αὐτοῦ β' χιλιάδες τάλαντα καὶ ἄλογα χίλια, ἤφεράν του καὶ τοὺς λεοντάδες τοῦ Δαρείου ἑκατὸν (χιλιάδες), ὅλους εἰς χρυσοὺς ἅλυσους· ἤφεράν του καὶ πάρδους τοῦ κυνηγίου ά., ἤφεράν του καὶ φαρία ἀράπικα πεντακόσια, ὁποῦ ἦσαν ἐγλήγορα ἀπὸ τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ· ἤφεράν του σταγόνια χρυσὰ δύο χιλιάδες καὶ κούπαις ἐγκοσμισμέναις χίλιαις, καὶ ἀλόγων ἀρματοσίαις τρεῖς χιλιάδες ὁποῦ ἦσαν καμωμέναις ἀπὸ ὀψάρια· αὐτὰ τὰ πετζία σίδερον οὐδὲν τὰ ἐπέρνα· ἐξέβαλάν του καὶ τὸ ἀπανωφόρι τοῦ Ἐξερξένου τοῦ βασιλέως τῆς Περσίας ὁποῦ τὸ εἶχεν ἐγκοσμισμένο μὲ τοῦ ὀφιδίου τὰ ὀμμάτια καὶ μὲ πολύτιμα λιθαρόπουλα· ἤφεράν του καὶ τὴν τάβλα τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως ἀπὸ τὴν ζαφύραν μὲ τὰ πολυτίμητα λιθαρόπουλα· καὶ ὅταν ἦσθιεν ἀπάνου της ποτὲ κακὴν καρδίαν οὐδὲν εἶχεν· καὶ ἐποίησαν εἰς τὴν Βαβυλῶνα τριάντα ἡμέραις· ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς ὡς ἤκουσεν, ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος ἐπῆρε τὴν Βαβυλῶνα, ἐπικράθη καὶ ἀναστέναξεν βαρεῖα καὶ ἐθλίβην πολλὰ καὶ ἔλεγεν· εἴ τις ἄνθρωπος ὑψηλοφρονᾶ καὶ γίνεται ἐπίγειος θεός, καὶ οὐδὲν καταδέχεται πᾶσα ἄνθρωπον νὰ συντυχαίνῃ, γυρίζει τον ὁ θεὸς ὁ οὐράνιος καὶ ποιεῖ τον εἰς τὰ καταχθόνια τοῦ ᾅδου.

Περὶ ὅταν εἶδεν ὄνειρον ὁ Ἀλέξανδρος [1]).

Ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὴν τὴν ὥραν ἤγουν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον· ὅτι ἦλθεν ὁ προφήτης Ἱερεμίας, καὶ ἦτον ἐντυμένος ἀρχιερατικὴν στολὴν καὶ εἶπεν του ἐγλήγορα· τέκνον Ἀλέξανδρε, σύρε καὶ γένου ἀποκρισιάρης εἰς τὸν Δάρειον καὶ καταπάτησέ τον αὐτὸν καὶ τὰ φουσάτα του καὶ τῆς Ἰνδίας ὁποῦ φέρνει καταπάνου σου· καὶ ἐὰν σε ἐγνωρίσουν εἰς τὸν Δάρειον, ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς Σαβαὼθ σε θέλει φυλάξῃ καὶ θέλεις [2]) σωθῇ ἀβλαβὴς ἀπέκει· καὶ μὴ φοβηθῇς κανένα τίποτες· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐξύπνισεν καὶ ὥρισεν, καὶ ἦλθεν ὁ Πτολομαῖος καὶ ὁ Φιλόνης καὶ ὁ Ἀντίοχος, καὶ ἔδειξέν τους τὸ

---

[1]) **Между предъидущей и слѣдующей главой вѣнскій списокъ опустилъ: ободрительныя рѣчи Даріевыхъ вельможъ и эпизодъ объ Ависсѣ, Амвисѣ слав. перевода. Сл. греч. нар. кн. стр. 85—90.**

[2]) **ркп.** θέλει.

ὅραμα καὶ εἶπεν τους· ἐὰν μοῦ πέσῃ κίνδυνος καὶ ἀποθάνω ἐκεῖ, ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου νὰ τὰ ἡμοιράσετε τοὺς ἐμαυτοῦ σας, καὶ τὸ σκαμνὶ τῆς Μακεδονίας νὰ τὸ φυλάξετε καλά. καὶ αὐτοὶ οὐδὲν τὸν ἀφίνουν νὰ ὑπαγαίνῃ· καὶ ἐγείνῃ θρῆνος μέγας· καὶ αὐτὸς τοὺς ἀποκρίθη· ἐσεῖς οὐδὲν με ἀφίνετε νὰ ἠπηγαίνω· καὶ ἂν [40 r.] θέλῃ ὁ θεὸς ὅτι νὰ χαθῶ, ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου τὰ χέρια οὐδὲν δύνονται νὰ μὲ βοηθήσουν· εἰ δὲ ὁ θεὸς θέλει ὅτι νὰ μὲ φυλάξῃ, ὁλῃνῆς τῆς Περσίας τὰ χέρια οὐδὲν δύνονται νὰ μὲ σκοτώσουν. ὁ Ἀλέξανδρος ὡσὰν ἀποκρισιάρης ἐγείνῃ καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸν Δάρειον· καὶ ἠπῆρεν πιτάκι καὶ ἐδύθην φορεσίαν περσικὴν καὶ εἰς τὸ κεφάλι του εἶχεν χλαμοῦτζαν μὲ χρυσομάργαρον καὶ μὲ πολυτίμητα λιθαρόπουλα ἐγκοσμισμένῃ, καὶ ἀπάνου εἰς τὴν φορεσίαν του ἔβαλεν ταπάριν φοινικιότικον, καὶ ἦτον ἐγκοσμισμένο μὲ τῆς ἀσπίδας τὰ κερατόπουλα καὶ μὲ χρυσαὶς φόλαις μεγάλαις.

Περὶ ὅταν ἐγείνῃ ἀτός του ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρης.

Ὁ Δάρειος ἤκουσεν, ὅτι ἦλθεν ἀποκρισιάρης τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἐποίησεν σύναξιν μεγάλην καὶ φοβερὴ, διότι νὰ φανῇ τοῦ ἀποκρισιάρῃ ὑπερθαύμαστος φοβερός· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ παλάτιν τοῦ Δαρείου καὶ ἔδωκεν τὴν ἐπιστολὴν τοῦ βασιλέως καὶ τέτοια λόγια ἐσύντυχεν· ὁ ἀφέντης ὁ ἐδικός μου ὁ Ἀλέξανδρος, ὁ ὑψηλότατος βασιλεὺς ἐσένα πρὸς τὸν βασιλέα τῆς Περσίας πολλὰ χαιρετᾶ· καὶ εἶπεν μου νὰ κρίσῃς νὰ ἀναγνώσουν τὴν ἐπιστολήν του καὶ ἄλλην ἐγλήγορα νὰ μοῦ δώσῃς νὰ ἠπηγαίνω· ὁ Δάρειος ἐκάθετον εἰς ἕνα θρονὶν ὑψηλὸν πολλά, καὶ ὁλόγυρά του ἦσαν ὡσὰν πρόσωπα ἀγγελικὰ χαμωμένα, μὲ λαμπάδες ὡσὰν τῶν θεῶν [1]) στέκονται· ὅλον τὸ παλάτι ἀπέσω ἦτον ἁγνὸν χρυσάφιν ὅλον μὲ λιθαρόπουλα καὶ μαργαριτάριν ἐγκοσμισμένο· καὶ εἰς ταὶς τέσσαρες κώχαις ἔφεγγεν ὅλον τὸ παλάτιν ὡσὰν λαμπάδες· καὶ τοῦ Ἀλεξάνδρου τὴν ἐπιστολὴν ἐδέχτῃ ὁ Δάρειος καὶ ὥρισεν νὰ ἀναγνώσουν τὴν ἐπιστολήν του δυνατά· ἕνας ἀπὸ τοὺς Πέρσιδες ἤξευρε ῥωμαϊκὰ γράμματα καὶ ἀρχέρισεν νὰ τὴν ἀναγνώθῃ δυνατά. καὶ ἔγραφεν οὕτως·

---

1) ркп. τὸν θεῶν.

ὅτι πολλοὶ[1]) μοῦ δείχνουν ὅτι ὁμοιάζεις τὸν Ἀλέξανδρον, ὦ ἄνθρωπε· ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀποκρίθη· ὦ βασιλέα Δάρειε, ἐγὼ διατὶ μοῦ παρομοιάζει ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας μου[2]), εἶμαι εἰς ἀγάπην πολλὴν εἰς αὐτὸν καὶ τιμὴν ἔχω παρ' ὅλους, καὶ πολλοὶ αὐθεντάδες λαθόνονται καὶ ἔρχονται καὶ φιλοῦν τὸ χέρι μου, καὶ φαίνεταί τους, ὅτι ἐγὼ εἶμαι ὁ Ἀλέξανδρος. καὶ ὡς ἤκουσεν (ὁ Δάρειος) τοιούτους λόγους, ἔπεσεν εἰς λογισμὸν μέγαν, τὸ πῶς νὰ κάμῃ νὰ μηδὲν ἐντροπιασθῇ ὕστερα· καὶ ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ δεῖπνον καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸ σαράγιν του καὶ ἠπῆρεν φανάρια καὶ λαμπάδες μεγάλαις· καὶ ὑπῆγαν μὲ τὸν Δάρειον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπέμεινεν εἰς τὸ παλάτιν μὲ τοὺς ἄρχοντες· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐγδύθη τὴν φορεσίαν του καὶ τὴν μπερέτα του, ὁποῦ εἶχεν ὡσὰν προσκέφαλον τάχα ὅτι ἐκοιμάτον· καὶ παρευθὺς ἐξέβη ἔξω καὶ ἔδραμεν ὅσον ἐδυνήθη τὴν ροῦγαν εἰς τὴν πόρτα τοῦ κάστρου· καὶ εἶπεν τοῦ πορτάρῃ· κράτει αὐτὴν τὴν κοῦπαν τοῦ βασιλέως σημάδι ὁποῦ μὲ ἔδωκεν· ὅτι μὲ ἔστειλεν ὁ Δάρειος νὰ ὀρθώσω ταὶς βίγλαις τοῦ φουσάτου· καὶ παρευθὺς τὸν ἄνοιξεν· καὶ ἔδραμεν εἰς τὴν ἄλλην μερέαν ἤγουν εἰς τὴν πόρταν καὶ ἔδωκε τὴν κοῦπα τὴν δεύτερη καὶ εἶπεν αὐτουνοῦ τοῦ πορτάρῃ· ἔπαρε αὐτὸ τὸ βασιλικὸν σημάδιν τοῦ Δαρείου καὶ ἄνοιξε τὴν πόρταν ἐγλήγορα, ὅτι ἀπόστειλέν με ὁ βασιλεὺς νὰ κράξω τοὺς βοηβον [41 r.] τάδες εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως, νὰ δυναμώσουν ταὶς βίγλαις· καὶ ἄνοιξέν του καὶ αὐτὸς τὴν πόρταν· καὶ αὐτὸς ἔφευγεν ὅσον ἐδυνήθην καὶ ηὗρεν τὸ ποταμὸ τῆς Ἀρσενίας παγωμένο, καὶ ἐπέρασέν το, καὶ ηὗρε τὸν Ἀντίοχον καὶ τὸν Φιλόνην καὶ τὸν Πτολομαῖον καὶ τοὺς ἔδειξε τὸ πῶς τὸν ἐγνώρισαν· ὁ Δάρειος ἠπῆγεν εἰς τὸ σαράγιν του καὶ εἶπαν οἱ βασιλεῖς· ὁ αποκρισιάρης οὗτος ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος· ὁ Δάρειος ὥρισεν τὸν Καταρκούσῃ καὶ τὸν βασιλέα τὸν Κρίσῃ νὰ τὸν πιάσουν, καὶ οὐδὲν τὸν ηὗραν νὰ τὸν πιάσουν· καὶ ὡς εἶδαν τὴν πονηρίαν τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἠπῆραν μὲ τὸν ἐμαυτόν τους τρακοσίους καβαλαραίους

чтобъ воспользоваться имъ *позднѣе*, о чемъ забыли упомянуть греческіе тексты, но разсказываютъ славянскіе.

[1]) ркп. πολλά.

[2]) Ср. нар. греч. кн., стр. 95: ἐγὼ διότι παραμοιάζω τὸν αὐθέντην μου τὸν Ἀλέξανδρον, εἶμαι и т. д.

καὶ ἠπῆγαν εἰς ταὶς πόρταις· καὶ οἱ πορταραῖοι εἶπαν· ἐτούτην τὴν ὥραν ἦλθεν ἕνας ἄνθρωπος καὶ ἄφηκεν ταὶς δύο κούπαις ταὶς χρυσαὶς τοῦ βασιλέως, καὶ ἂς στέκωνται, ὅτι μὲ ἔστειλεν ὁ βασιλέας νὰ ὀρθώσω ταὶς βίγλαις, καὶ ἀνοίξετε ἐγλήγορα· καὶ ἔδραμαν κατόπισθέν του καὶ ἕως τὸ ἔβγα τοῦ ἡλίου ἦλθαν εἰς το ποτάμι καὶ εἶδαν τὸν Ἀλέξανδρον πέρα τὸ ποτάμι καὶ ἔπεσαν εἰς ἐντροπήν. Ὁ Ἀλέξανδρος ἐλάλησεν· τί γυρεύετε ἐσεῖς, ἄνθρωποι; ἐσεῖς ἄνεμον διώχνετε, καὶ τὸν ἄνεμον κανεῖς οὐδὲν τὸν φθάνει· καὶ ἐσεῖς μὲ τὰ ὀμμάτια σας ἐβλέπετε ὅτι τῶν Μακεδόνων τὰ ἄλογα οὐδὲ βουνά, οὐδὲ λαγκάδια, οὐδὲ ποτάμια τὰ κρατοῦν· καὶ εἰπέτε τοῦ βασιλέα σας· ἕως τὸ πουρνὸν νὰ μὲ εὑρῆτε μὲ ὅλον μου τὸ φουσάτο· καὶ ἠπῆγαν, καὶ ὅσα τοὺς ἐπαράγγειλεν, ὅλα τοῦτα ἔσωσαν· [1]) καὶ ἐσυνάχθη τὸ φουσάτο τῆς Περσίας, καὶ ἔγραψάν το, καὶ εὗρεν χίλιαις χιλιάδες· καὶ ὀρθώθην εἰς τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὸν πόλεμον· καὶ τόμου ἐμαζώχθησαν τὰ δύο φουσάτα· ὁ ἥλιος ἀπὸ τὸν κονιορτὸν ἐσκοτίσθη, φόβος μέγας ἐγείνη εἰς τὸ φουσάτο· καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια καὶ ἐτζάκισάν τα· ἡ βρονταὶς τῶν κονταρίων καὶ ἡ φωναὶς ἠκούονταν ἕως τὰ νέφη τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἕνας ἐκ τὸν ἄλλον οὐδὲν ἠγνωρίζεται· τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα ἔσυρεν ἄνεμος δυνατὸς καὶ ἐχάλασεν ὁ κονιορτός· τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα δύο ἠγαπημένοι του (sc. Δαρείου) μεγιστάνοι, ὁ Καταρκούσης καὶ ὁ Ἀρισβανούσης, πολλὰ ἐγκαρδιακοὶ τοῦ Δαρείου, ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτύπησάν τον, ἕνας ἐκ τὴν μίαν μερίαν, καὶ ὁ ἄλλος ἐκ τὴν ἄλλην· καὶ ἔσφαξάν τον καὶ ἀπόδειράν τον ἀπὸ τὸ φαρίν του καὶ ἔγδυσάν τον τὰ ἅρματά του καὶ ἠπῆραν τα· ὁ Δάρειος μὲ ὀλίγη ψυχὴ ἐκείτετον εἰς τῶν ἀλόγων [2]) τὰ ποδάρια· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἔρχετον μὲ τὴν σύνταξίν του τοὺς Μακεδόνας ἐπὶ τὸν κάμπον τῆς Περσίας· ἀκόμη εἰς τὸ κάστρον οὐδὲν ἔφθασεν, ηὗρεν τὸν Δάρειον εἰς τὴν γῆν ὁποῦ ἐκείτετον εἰς τῶν ἀλόγων τὰ ποδάρια εἰς τὸν κονιορτὸν μὲ

[1]) Слѣдуетъ въ новогреч. нар. книгѣ, стр. 98—100: сѣтованіе Дарія и его посланіе къ Пору о помощи. Совпаденіе начинается со словъ, стр. 100: ἐσύναξε καὶ ἐδικὰ τοῦ τὰ τῆς Περσίας; непосредственно за тѣмъ вѣнскій текстъ сокращаетъ изложеніе, противъ нар. книги и славянскаго перевода, быстро переходя отъ описанія битвы къ смерти Дарія.

[2]) ркп. τὸν ἄλογον, пониже τὸν ἀλόγον.

ὀλίγη ψυχή· καὶ ὁ Δάρειος ἐλάλησεν φωνῇ μεγάλῃ καὶ εἶπεν· Ἀλέξανδρε βασιλέα, πέζευσαι ἐγλήγορα καὶ ἔλα ν' ἀκούσῃς ἀπὸ τὸ στόμα μου λόγον· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισεν καὶ εἶπεν του· ποῖος εἶσαι ἐσύ, ἄνθρωπε, ὁποῦ κράζεις; ὁ Δάρειος τοῦ εἶπεν· ἐγὼ εἶμαι ὁ Δάρειος ὁ βασιλεύς, ὁποῦ μὲ ἐπροσκυνοῦσαν πολλαῖς χιλιάδες ἄνθρωποι· ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς [λόγους τοῦ] Δαρείου, ἐλυπήθη καὶ ἐδάκρυσεν καὶ παρευθὺς ἐπέζευσεν, καὶ ἔβγαλεν τὸ ἀπανωφόριν του καὶ ἐσκέπασέ τον· καὶ ὥρισεν τοὺς Μακεδόνας, νὰ φέρουν τὸ ἀργυροάμαξον. και ὥστε νὰ φέρουν τὸ ἀμάξι, ἔβαλάν τον εἰς ξύλα· καὶ ὑπῆρεν τὸ ξύλον ἀπὸ τὴν μίαν μερίαν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐβάσταξέν το εἰς τὸν ὦμον[1]) του πεζὸς ἕνα δοξόβολον· καὶ εἶπεν του· ἐγὼ βασιλικὴν τιμὴν σοῦ ἐποίησα, καὶ ἂν ζήσῃς, πολλὴν τιμὴν σοῦ θέλω δώσει· καὶ ἐσέβασάν τον εἰς τὸ κάστρον τὸ σαράγιν του· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκάθισεν εἰς τὸ σελλὶν τὸ ἀργυρὸν διάχρυσον ἐγκοσμισμένο τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως· ἦτον δ'. βήματα ὑ [41 v.] ψηλὸν ἀπὸ τὴν γῆν· καὶ ὁ Δάρειος εἶπεν, καὶ ἤφεραν τὴν θυγατέρα του τὴν Ῥοξάνδρα· καὶ ἐγέμωσαν οἱ ὀφθαλμοί του δάκρυα, καὶ ἐπεριλάμπωσέ την πανέμνοστα καὶ εἶπεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· δέξου, Ἀλέξανδρε, τὴν σπλαγχνικήν μου θυγατέρα, ὅτι εὐδόκιμη πάμπολλα ἔναι· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὸ χέρι τὴν ἐπῆρε καὶ ἐφίλησέ την πανέμνοστα καὶ ἔβαλεν τὸ στέμμα τὸ βασιλικὸν εἰς τὸ κεφάλιν της· καὶ ἡ Ῥοξάνδρα ἔβγαλεν τὸ δακτυλίδι ἀπὸ τὸ χέριν της καὶ ἔβαλέν το εἰς τὸ χέρι τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ εἶπεν ὁ Ἀλέξανδρος τοῦ Δαρείου· ἠβλέπεις, αὐθέντη βασιλέα, καὶ γύρισε τὴν πικραμένην τὴν καρδίαν εἰς χαράν, ὅτι μὲ μένα θέλει ἀφεντέψῃ τὴν γῆν ὅλην, μετ' ἐμένα, τὸν υἱόν σου τὸν Ἀλέξανδρον. καὶ ὁ Δάρειος εἶδεν καὶ ἐχάρη καὶ εἶπεν· γλυκυτάτη μου θυγατέρα, νὰ πέσουν οἱ ἐχθροί μας, νὰ προσκυνήσουν τὸν Ἀλέξανδρον, καὶ ἐσὺ νὰ βασιλεύῃς μὲ (τὸν Ἀλέξανδρον) τὸν ἀφέντη σου τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐξέψυξεν.

Περὶ ὅταν ἠπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὴν Περσίαν νὰ ἠπηγαίνῃ εἰς τῆς Ἰντίας τὰ φουσάτα.

Καὶ ὥρισεν καὶ ἔθαψάν τον καθὼς ἔπρεπεν· καὶ ὥρισεν καὶ

---

[1]) ркп. τὸν νόμον.

ἔκραξαν τοὺς φονιάδες ὁποῦ εἶχαν σφάξῃ τὸν Δάρειον, καὶ εἶπεν· διατί ἐσφάξετε τὸν βασιλέαν σας; καὶ αὐτοὶ τὸν ἀποκρίθησαν· ὁ θάνατος αὐτουνοῦ ἐσένα ὕψωσεν. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἀποκρίθη· ἀφὴν τὸν ἀφέντη σας ἐσκοτώσετε, ὁποῦ εἴχετε τόσην τιμήν, ἐμένα τὸν ξένον χειρότερα μοῦ θέλετε κάμη. καὶ ὥρισεν καὶ ἐκρεμάσαν τους· καὶ εἶπεν τους· πίετε καὶ ἐσεῖς ποτήριον τὸ ἐκεράσετε. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆγεν καὶ ἐστεφανώθη τὴν Ῥοξάνδρα· καὶ ἦτον ἀπὸ τοῦ κόσμου ταὶς γυναῖκες ὅλαις ἐμορφότερη, οὐχὶ μόνον μὲ τὰ κάλλη της, ἀμὴ ἦτον ἔμορφη καὶ πανφρόνιμη πολλὰ καὶ ψυχοδοτοῦσα ὅσον τὸ πρεπούμενον· καὶ ὅταν ἔσωσεν τὸν γάμον του ὁ Ἀλέξανδρος, ὥρισεν νὰ λογαριάσουν τὸ μάλαγμα τοῦ Δαρείου· ηὗρεν στέρναις γεμάταις ιβ' ὅλον χρυσάφιν ἀγνὸν καὶ εἴκοσι σπίτια ἀσήμι καὶ ιβ' πύργους χάραγμα φλορία, ὁποῦ οὐκ ἐμποροῦσαν νὰ ποιήσουν λογαριασμόν· εὗρεν καὶ ἑκατὸν χιλιάδες ἄλογα θρεμμένα τοῦ σταύλου· εὗρεν καὶ χίλιες χιλιάδες ἄλογα εἰς τὴν λακινίαν χωρὶς ταὶς φοράδες· εὗρεν πετρίταις καὶ γρύψους τοῦ κυνηγίου α ὁποῦ ἦσαν μαθημένοι, καὶ πάρδους τοῦ κυνηγίου αὐ̈, καὶ αὐτοῦ εἰς τὸν κάμπον τῆς Περσίας ὅλα τὰ ἐκαταστίχωσεν· ὥρισεν καὶ ἠμοίρασεν τὰ φουσάτα του ὅλα τὰ γεγραμμένα ὅσα ἦσαν, καὶ ὥρισεν καὶ ἔγραψαν τὰ φουσάτα του, καὶ εὗρεν δ' φοραὶς χίλιες χιλιάδες καβαλαραίους· καὶ οὕτως ὁ Ἀλέξανδρος ὤρθωσεν καὶ ἠπῆγεν εἰς τῆς Ἰνδίας τὰ φουσάτα ἤγουν εἰς τὸν βασιλέα [1]).

Περὶ ὅταν ὁ Πῶρος [2]) ἔστειλεν ἐπιστολὴ πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Πῶρος καὶ μέγας καὶ ὑψηλότατος βασιλέας τῆς Ἰνδίας ὅλης· τοιούτως λέγει ἡ γραφή· ὅτι κἄτι ἤκουσα, Ἀλέξανδρε, ὅτι τὸν Δάρειον ἐσκότωσες καὶ ὑψώθης πολλὰ καὶ ἀπὸ τὴν ἀναγνωσίαν σου τὴν πολλὴν ἦλθες εἰς τὸ σύνορόν μου νὰ χαθῇς· καὶ ἀφοῦτις θυμωθῶ, ἀποκάτου τοῦ οὐρανοῦ ὅσοι εἶναι οὐδὲν ἠμποροῦν νὰ ἀντισταθοῦν τὴν

---

1) Слѣдуетъ въ новогр. нар. книгѣ (стр. 107—126) и соотвѣтствующемъ славянскомъ переводѣ: побѣда надъ Кризомъ и хожденіе Александра въ невѣдомыя страны. Все это опущено въ нашемъ текстѣ, совпадающемъ съ другими начиная съ посланія къ Пору.

2) ркп. Πόρος.

πολλήν μου τὴν δύναμιν· καὶ λέγω ὅτι ἡ πελελία σου ἔναι ἀρίφνητη· καὶ στεῖλε παρεκάλεσέ μας, νὰ ἐπάρῃς συμπάθειον ἀπὸ ἐμένα

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολή.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆρεν τὸ πιτάκι καὶ ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσάν το· καὶ ἔγραφεν οὕτως· ὁ Ἀλέξανδρος, τῶν βασιλέων ὁλουνῶν βασιλεύς· οὐχὶ μὲ τὸ [42 r.] ἐδικόν μου τὸ θέλημα καὶ μὲ τὴν ἀνδρεία μου, ἀμὴ μὲ θέλημα καὶ ὁρισμὸν τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς μὲ ὕψωσεν ὁ θεὸς ὡς ἄξιον βασιλέα· ὦ τὸν Πῶρον τὸν οὐδετιποτέρνιον [1]) τὸν γάδαρον! ἐσὺ ἐμένα ἔστειλες, ὅτι τὸν Δάρειον ἐσκότωσα, καὶ ὁ σκοτωμός ὁ ἐδικός του μὲ ὕψωσεν βασιλέα πολλά· ἀμὴ νὰ ἠξεύρῃς, ὁ Δάρειος ἐθεοποιεῖτον, ὡσὰν καὶ ἐσὺ τὴν σήμερον ἡμέραν, καὶ ἐσκότωσα αὐτὸν καὶ τοὺς θεούς του, καὶ ἔρχομαι ἐγὼ ἀπάνω σου μὲ τὰ φουσάτα μου καὶ μὲ τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, Σαβαώθ· καὶ ἐσὺ λέγεις ὅτι εἶσαι [θεὸς] [2]), κυρτρέλη, γάϊδαρε, ψεύτη· ἔλα μὲ τὴν δυναμίν σου ὅλη, μὴ νὰ δώσῃ ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, νὰ σὲ τροπώσω εἰς τὸν πόλεμον. ὁ Πῶρος ὥρισεν καὶ ἀνάγνωσαν τὸ πιτάκι· καὶ ὥρισεν καὶ ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του ὅλα, ἀκόμη καὶ ἑτέρους βασιλεῖς μὲ τὰ φουσάτα τους [3]) ὅλα· καὶ ἔγραψέν τα, καὶ εὗρεν πενῆντα φοραῖς χίλιαις χιλιάδες καὶ λέοντας δέκα χιλιάδες, ὁποῦ ἦσαν μαθημένοι τοῦ πολέμου· καὶ ὡς εἶδαν τὸ φουσάτο τοῦ Πώρου, ἐδειλίασαν τοῦ Ἀλεξάνδρου τὰ φουσάτα [καὶ] ἐσκιάσθηκαν καὶ ἐποίησαν βουλὴν ὀκάποιαν πονηρίαν, νὰ παραδώσουν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὡς ἤκουσεν τὴν δουλίαν τὸ τί βουλεύουνται, ἦλθαν καὶ ὁμολόγησαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὥρισεν καὶ ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του ὅλα πρὸς τὸν Πῶρον· καὶ τόμου ἐμαζώχθησαν τὰ δύο φουσάτα, ὁ Πῶρος ἀπόλυσεν δέκα χιλιάδες λεοντάρια ἔμπροσθέν τους. ὁ Ἀλέξανδρος ἔστειλεν ὀμπρὸς τοὺς λέοντας τέσσαρες χιλιάδες ἀμάθητα βουβάλια καὶ ἀγελάδια· οἱ λέοντες ἐσμίχθησαν μὲ τὰ βουβαλόβοϊδα καὶ ἀρχέρισαν νὰ τὰ πνίγουν, καὶ ἐχόρτασαν καὶ

---

[1]) Народ. греч. кн., стр. 127: οὐτιδανός.

[2]) Народ. греч кн., стр. 127: λέγεις ὅτι εἶσαι ἀτός σου θεός, τρελὲ καὶ ἄγνωστε. Въ словѣ τρελὲ заключается, быть-можетъ, объясненіе слѣдующаго здѣсь темнаго слова κυρτρέλη (κὺρ τρελὲ?).

[3]) ркп. του.

ἐγύρισαν ὀπίσω·[1]) ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τοῦ **Φιλόνη**· σύρε μὲ ἐπιστολὴ καὶ καταπάτησε καὶ τὰ φουσάτα του.

Περὶ ὅταν ὁ Ἀλέξανδρος [ἔγραψε?] ἐπιστολὴ εἰς τὸν Πῶρον.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καὶ μέγας γογγίαρης τὸν Πῶρον τὸν βασιλέα γράφω καὶ χαιρετῶ· νὰ ἠγνωρίσης καλὰ ὅτι προσκυνημένο [κεφάλι][2]) σπαθὶ οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κόψῃ· καὶ ἂν ἀγαπᾶς καὶ θέλης, προσκύνησε καὶ δός μου δῶρα καὶ λιζάτο καὶ ἔχε τὸν τόπον σου καὶ τὸ βασίλειόν σου ὅλον. ταύτην τὴν ἐπιστολὴν ἠπῆρεν ὁ **Φιλόνης** καὶ ἠπῆγε την τοῦ Πώρου· ὁ Πῶρος ἐδέχθη τὴν ἐπιστολὴν καὶ ὥρισε καὶ ἀνάγνωσάν την δυνατά· καὶ ὁ **Φιλόνης** τοῦ εἶπεν· οὐδὲν πρέπει διὰ τὴν βασιλείαν σου καὶ διὰ τὸν Ἀλέξανδρον, νὰ ἐρημάξουν ὅλος ὁ κόσμος· ἀμὴ ὁ Ἀλέξανδρος σὲ καρτερεῖ νὰ πολεμήσετε οἱ δύο, καὶ τὰ φουσάτα σας ἂς στέκωνται παράμερα· καὶ ἐπαραπάρθη πολλὰ ὁ Πῶρος καὶ ἐχάρη πολλά. καὶ ὁ **Φιλόνης** ἠπῆγεν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· λοιπὸν εἰς τὸ μίσεμα εἶπεν τοῦ Πώρου· καβαλίκα, ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος σὲ καρτερεῖ. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐδιέβη εἰς τὴν τζούστραν καὶ ἠρῶτα τὸν **Φιλόνη**· τί ἄνδρας ἔναι ὁ Πῶρος, πῶς ἐγροίκησες τὴν καρδίαν του; ὁ **Φιλόνης** εἶπεν· τὸ κορμί του ἔναι μέγα πολλὰ καὶ ἔναι καὶ χοντρός, ἀμὴ ἔναι σάπια τὰ κριάτα του· καὶ σύρε, Ἀλέξανδρε, ὅτι τὸν θέλεις σκοτώσῃ· ὅτι τὸ ῥιζικόν σου ἔναι μέγα μὲ τὸν θεόν. καὶ οὕτως ἀρχέρισεν νὰ παρακαλῇ τὸν θεὸν Σαβαώθ· θεέ μου ὑψηλότατε ὁποῦ εἶσαι εἰς τοὺς οὐρανούς, καὶ σὲ ἐπροσκύνησα εἰς τὰ ἅγια τῶν ἁγίων· γένου βοηθός μου τὴν σήμερον ἡμέραν, στερέωσε τὴν καρδίαν μου καὶ τοὺς πόδας μου, ἵνα εὐχαριστήσω τὸ πανάγιον σου πνεῦμα. καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἠπῆρε τὸ κοντάρι του καὶ ὀμπρὸς τὸν Πῶρον ἐσέβην· ἰδόντας ἕνας τὸν ἄλλον ἔδραμαν τὰ ἄλογά τους οἱ δύο καὶ ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ τὰ ἀπελατίκια τους· καὶ

---

[1]) **Опущены въ нашемъ текстѣ, передъ битвой съ Поромъ, письмо Александра къ *отсутствовавшему* Филону; затѣмъ: прибытіе Филона, его битва съ Поромъ, посланіе послѣдняго къ царямъ сѣвера и помощь, ими оказанная. Сл. греч. нар. кн. стр. 130—136 и соотвѣтствующій славянскій переводъ.**

[2]) **Нар. греч. кн., стр. 136:** προσκυνημένον κεφάλι; **Новак. 103 преклон'ноу главоу.**

ἐκτύπησεν ἕνας ἐκ τὸν ἄλλον ἀπὸ .ιβʹ. φοραίς· καὶ ἐζύγωσεν ὁ Ἀλέξανδρος κοντὰ τοῦ Πώρου καὶ εἶπεν του· τέτοιαν ἐμπιστοσύνη ἔχεις, Πῶρε; τὸ φουσάτο σου ἔρχεται νὰ σὲ βοηθήσῃ· ὁ Πῶρος ἐγύρισε νὰ σταματήσῃ τάχατες τὸ φουσάτον του, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκτύπησεν τὸ ἄλογόν του δυνατὰ καὶ ἐπίδησεν πρὸς τὸν Πῶρον ἐγλήγορα, καὶ ἐκτύπησέ τον μὲ τὸν στόκον δεξιὰ μερία καὶ ἔσφαξέ τον· καὶ τὸ ἄλογόν του ὁ Βουκέφαλος ἐπίασεν τὸ ἄλογον τοῦ Πώρου εἰς τὸ ἀντικέφαλον καὶ ἔρρηξέν το κάτου εἰς τὴν γῆν· καὶ ἀποδάρθη ὁ Πῶρος ἀπὸ τὸ ἄλογόν του καὶ ἐξέψυξεν αὐτῇ τῇ ὥρα. καὶ τῆς Ἰνδίας τὰ φουσάτα ὡς εἶδαν, ἔδωκαν νὰ φύγουν· ὁ Ἀλέξανδρος κατόπισθεν τοὺς ἐδίωχνεν καὶ ἐσ [42 v.] κότωσεν ͵γʹ· καὶ τοῦ Πώρου τὸ λείψανον ἠπῆγαν το εἰς τὴν Ἡλιούπολιν καὶ μὲ τιμὴν μεγάλην τὸ ἔθαψαν· καὶ τόσον παράδοξον θαῦμα εἶδεν, ὁποῦ πούπετες ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν, οὐδὲ οὖς οὐκ ἤκουσεν ὅσα εἰς τὴν αὐλὴν τοῦ Πώρου εἶδεν· τὸ παλάτι ἦτον μακρὺν δοξόβολα τέσσαρα, ὁ τεῖχος ἦτον χρυσὸς, τὸ σκέπασμα τῆς αὐλῆς ἦτον χρυσὸν καὶ οἱ στύλοι ὅλοι χρυσοὶ, καὶ ἦσαν ἐγκοσμισμένοι μὲ τρανὸν μαργαριτάρι καὶ μὲ πολιτίμητα λιθαρόπουλα· καὶ εἶχεν ἱστορισμένον τὸ παλάτιν τοὺς βασιλεῖς καὶ τοὺς πολέμους καὶ τοὺς δώδεκα μῆνας εἰς πρόσωπα ἔμορφα ἀνθρώπινα, καὶ ταὶς ὥραις ὀρθωμέναις καθὼς τρέχει τοῦ καθενοῦ μηνὸς, καὶ μανάλια ἑκατὸν ὅλα χρυσά· καὶ ἤφεραν τοῦ Ἀλεξάνδρου ἑκατὸν χιλιάδες φαρία τοῦ σταύλου ὅλα ἁρματωμένα καὶ δέκα χιλιάδες λεοντάρια τοῦ κυνηγίου καὶ εἴκοσι χιλιάδες πάρδους καὶ χίλια ἅρματα περιχρυσωμένα καὶ τὸ στέμμαν τοῦ Πώρου τὸ πολυτίμητον καὶ σταγόνια ὁλόχρυσα ἑκατὸν χιλιάδες καὶ πεντήκοντα ποτήρια ἀπὸ κόκκαλα ἀλεφάντινα ἐγκοσμισμένα μὲ χρυσομάργαρον, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν· καὶ αὐτοῦ ἐποίησεν ὁ Ἀλέξανδρος χρόνον ά μὲ τὸ φουσάτον του καὶ ἦτον μὲ τοὺς βασιλεῖς του καὶ αὐθεντάδες· καὶ ἦλθαν οἱ αὐθεντάδες εἰς τὸν Ἀλέξανδρον μὲ πολιτίμητα δῶρα· ὁ Ἀλέξανδρος τὸν βοηβόντα τὸν Ἀντίοχον ἔκαμεν αὐθέντην τῆς Ἰνδίας [1]).

---

[1]) **Опущены въ нашемъ текстѣ эпизоды объ Амазонкахъ, Кандакѣ и Λόγοι Ἀλεξάνδρου. Сл. греч. нар. кн. стр. 140—175 и соотвѣтствующій эпизодъ славянскаго перевода.**

Περὶ
ξάνδρου.

Τῶ κο
στης, ἠγαπ
σιμὰ πάν
μου τὴν Μ
ὦ ἠγαπημ
νίας, καὶ τ
ὅλην καὶ
καὶ ὁ Βρυς
μέγαν εἰς
ὁ Ἀλέξανδ
σιλέας· και
καὶ ἐκέρασ
ὅλον του τ
ξανδρος, ὅ
ἰατρὲ Φιλι
χιν ἐγεύθη

Περὶ
Ἀλεξάνδρ

Ὁ Φίλ
καὶ ἔρριψέν
βοτάνι τῆς
Ἀλέξανδρον
ξανδρε, ὦ
καὶ ἡ θλίψι
μάκι ὅλον
ποιήσω νὰ
κόσμου ὅλο
κεφάλιν του
εἰς ὀλίγον
καὶ ῥοπὴν

κόσμον χαρά, ἄν οὐδὲν σμίξη καὶ θλίψη. ὁ Φίλιππος, ὁ ἰατρὸς τοῦ Ἀλεξάνδρου, μουλάριν ζωντανὸν ἔσχισεν καὶ ἐσέβασάν τον ἀπέσω· καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ τὰ ὥρθωσεν καὶ τοὺς ἄρχοντας τοῦ κόσμου ὁλουνοῦ. καὶ τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν μητέρα του καὶ τὴν Ῥοξάνδρα τὴν βασίλισσα ἐπίασεν ἀπὸ τὸ χέρι καὶ ἔκραξεν τὸν Πτολομαῖον καὶ τὸν Φιλόνην καὶ εἶπεν· ὦ ἠγαπημένη μου δόξα καὶ περιπόθητοί μου ἀδελφοί, Πτολομαῖε καὶ Φιλόνη, τὴν γυναῖκα μου καὶ τὴν μητέρα μου ἐσᾶς τῶν δύο ταὶς παραδίδω, διότι καὶ ἐμένα νὰ μὲ θυμᾶστεν· ὅτι ἐγὼ ἐγκαρδιακὴν ἀγάπην εἶχα πρὸς ἐσᾶς· καὶ ἂς ἔχω καὶ τιμὴ μεγάλη ἀπὸ ἐσᾶς ἕως τὸν θάνατόν τους. καὶ τὸ βασίλειον τῆς Μακεδονίας νὰ ὀρθώσετε καλά, καὶ τὸ λείψανόν μου νὰ τὸ ἠπηγαίνετε εἰς τὴν Ἀλεξανδρίαν νὰ τὸ θάψουν· καὶ πάλιν ἐμένα μὲ θέλετε ἰδῆ [43 r.] εἰς τὴν δευτέρα παρουσία ὅταν ἀναστηθοῦν ὅλοι οἱ νεκροί. καὶ ἄλλον νὰ ἠξεύρετε, ὅτι ὕστερα θέλουν ὁρίσει οἱ Πέρσιδες τὴν Μακεδονίαν, ὡσὰν καὶ ἐμεῖς τὴν Περσίαν ὡρίσαμεν. καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐπίασε τὴν Ῥοξάνδρα ἐκ τὸν σφόνδυλον καὶ νόστιμα τὴν καλολογὰ καὶ εἶπεν της οὕτως· ὦ θυγατέρα τοῦ Δαρείου καὶ ἐδική μου περιπόθητη γυνὴ Ῥοξάνδρα· καλὰ ἠξεύρης, ἀφὸν τὸ ῥίζικόν σου σὲ ἔπλεξεν μετ' ἐμένα, ἐγώ σε ἐξωμολογήθηκα τὰ κρύφια τῆς καρδίας μου, ὁποῦ πούποτες[1]) ἄνθρωπος οὐκ εἶπεν τῆς γυναικός του· οὕτως καὶ ἐσὺ ὁμολόγησε τὰ κρύφια τῆς καρδίας σου· ὅτι νὰ ἠξεύρης ὅτι τὴν σήμερον ἡμέρα ἡ ἀγάπη, ὁποῦ εἴχαμεν οἱ δύο, χωρίζεται· ἐγὼ ἠπηγαίνω εἰς τὸν ἅδην καὶ ἐσένα ἀφίνω μὲ τὸν θεόν, ὦ ἠγαπημένη μου ἀγάπη. καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐφίλησέ την καὶ ἄφηκέν την. καὶ πάλιν ἔκραξε τοὺς ἄρχοντές του καὶ ἀρχέρισεν νὰ τοὺς φιλῆ ἀράδα· καὶ ἀποχαιρέτησέ τους ὅλους καὶ εἶπεν τους· ὦ ἠγαπημένοι μου πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Μακεδονίας, ὅλοι μικροί τε καὶ μεγάλοι, ἄλλον Ἀλέξανδρον οὐδὲν θέλετε ἰδῆ. καὶ ὡς ἔσωσεν τοὺς λόγους, εἶπεν· φέρετέ μου τὸ ἄλογόν μου τὸ Βουκέφαλον· καὶ ἤφεράν το· καὶ ὁ Βουκέφαλος, ὡς τὸν εἶδεν ὅτι ἀποθνήσκει, ἀρχέρισε νὰ δέρνεται, ὡσὰν ἄνθρωποι, καὶ νὰ ἀναστενάζη καὶ συχνὰ χλημιτρίζη, καὶ ἀπὸ τοὺς ὀφθαλμούς του ἔτρεχαν

---

[1]) ркп. ὁπούπουτες.

δάκρυα, ὡσὰν ἀνθρώπου, καὶ μὲ τὸ ποδάρι του ἔσκαπτεν τὴν γῆν καὶ τὴν κλίνην τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐτριγύριζε καὶ τὸν ἐκαταφίλειε· καὶ οὐδὲν ἐτόλμα ἄνθρωπος νὰ τὸν πιάσῃ· ὁ Ἀλέξανδρος εἶδεν τὸν Βρυονούση καὶ εἶπεν οὕτως· οὐδὲν ἠξεύρης τὸ πόσον καλὸν σοῦ ἐποίησα καὶ ἀνάθρεψά σε. διατί καλὸν φαρμάκι μὲ ἐπότισες; ὦ νὰ ἦναι ἀφορισμένος ἐκεῖνος ὁποῦ πονηρεύεται τὸν αὐθέντη του εἰς κακόν, καὶ νὰ ἦναι καὶ ἀφορισμένος ἐκεῖνος ὁποῦ προδίδει κάστρον καὶ τὸν θρέφει· ἀμὴ σκότωσε τὸν [1]) κακὸν νὰ κοπῇ τὸ κακόν. καὶ αὐτοῦ τὸ ἄλογόν του τὸ Βουκέφαλον τὸν ἐπίασεν μὲ τὰ ποδάρια του τὸν Βρυονούση καὶ ἐξέσκλησέ τον ἕως τὴν γῆν καὶ ἔσφαξέ τον μὲ τὰ ποδάρια καὶ ἐσκότωσέ τον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· πῖε καὶ ἐσύ, ἀδελφέ, ποτήριον τὸ ἐκέρασες. ὁ Ἀλέξανδρος ὥρισεν καὶ ὁ Πτολομαῖος, καὶ ἔρρηξάν τον τῶν σκυλίων, καὶ ἔφαγάν τον· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισε πρὸς τοὺς ἄρχοντές του καὶ εἰς τοὺς αὐθεντάδες καὶ ἔσεισεν τὸ κεφάλιν του καὶ εἶπεν· ὦ ἠγαπημένοι μου καὶ περιπόθητοί μου ὁλουνοῦ τοῦ κόσμου αὐθεντάδες καὶ πρωτοκαβαλαραῖοι· τὸ πῶς ἠπήραμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην καὶ τὴν ἔρημον εἴδαμεν καὶ ἕως τὸν παράδεισον ἤλθαμεν, ὅπου εἶχεν ζήσει ὁ προπάπους μας Ἀδάμ, καὶ ἕως τὴν ἄκραν τῆς γῆς ὑπήγαμεν καὶ τὴν ὕψωσιν τοῦ οὐρανοῦ εἶδα καὶ εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης ἐσέβηκα καὶ ἔλεγα νὰ ἐγλυτώσω ἀπὸ τὸν θάνατον· ἀμὴ ὁ δρέπανος τοῦ θανάτου ἐξάφνισέ με ἀόρατα· καὶ αὐτοῦ ἐσεῖς βλέπετε, ἀποθνήσκω· ἀμὴ ἂς ἦσθεν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ θεοῦ καὶ παρακαλῶ σας ὅλους, ἕως τὴν θανήν σας, νὰ μὲ ἐνθυμᾶστε· καὶ πάλιν ὅταν ἀναστηθοῦν οἱ ἀπὸ τοῦ αἰῶνος οἱ νεκροί, θέλομεν ἰδεῖ ἕνας τὸν ἄλλον εἰς τὸ φοβερὸν κριτήριον. καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐξέψυξεν ὅπου ὀνομάζεται Γὲπ Σὲμ εἰς τὸν τόπον τῶν Χαλδαίων, κοντὰ εἰς τὴν Αἴγυπτον, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Συρίας ὁποῦ ὀνομάζεται χρυσὸς Νεῖλος, αὐτοῦ ὅπου εἶχεν ποιήσει ἀπὸ ὁρισμὸν τοῦ Φαραοὺ Ἰωσὴφ ὁ πάγκαλος ὡρία τοῦ Φαραὼ διὰ γένημα· καὶ τόσος θρῆνος ἐγείνη καὶ κλαθμός, ὁποῦ πούπετε [2]) εἰς τὸν κόσμον οὐδὲν ἐγείνη οὐδὲ θέλει γένη· καὶ οὕτως ἐσήκωσαν τὸ λείψανόν του μὲ τιμὴν μεγάλην οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ μεγιστάνοι ὅλοι ἀλλάζοντάς τους, καὶ ἤφεράν το εἰς τὴν Παλαιστίνην,

---

[1]) ркп. τό, что не даетъ смысла. Ср. Новак. нь зла оубіи, да се зло прекрати.

[2]) ркп. ὁπουπούπεται.

εἰς τὸ κάστρο τὴν Ἀλεξάνδριαν· καὶ ἔκλαψέ τον ἡ μητέρα του ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ἡ Ῥοξάνδρα καὶ οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ αὐθεντάδες, ὅσοι ἦσαν, τὸ ἀρχοντολόγι, καὶ ἡ γυναῖκες καὶ τα παιδία· καὶ ἰδὲς ἀπροσεξία ὁποῦ ἐγείνη ἀπὸ τὰ τετράποδα τὰ ζῶα, τοὺς ἀγροικίστους ἀνθρώπους, τὸ πῶς τοὺς ἐλάθωσεν ἡ Ῥοξάνδρα· ἡ Ῥοξάνδρα ἡ βασίλισσα τὸ ροῦχο της τὸ πολυτίμητον ἔσχισεν ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω καὶ ἀπόλυσεν τὰ μαλλία της τὰ χρυσὰ ἕως τὴν γῆν καὶ θλιβερὰ ἐλάλησεν τὸν Ἀλέξανδρον, ὡσὰν νὰ ἦτον ζωντανός· ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα καὶ ὑψηλότατε αὐθέντη! καὶ ἐχθρὸς ἐδικός μου ἤσουν, ὀμμάτια μου, καὶ πεισματάρη σὲ εἶχα ἐγώ, ἡ ταλαίπωρη ἡ ξένη, ὁποῦ μὲ ἤφερες εἰς ξένον τόπον καὶ ἄφηκές με ἐδῶ· καὶ ἐσὺ [43 v.] βασιλεύεις ὥσπερ ἥλιος ἐν τῷ οὐρανῷ. καὶ ἐσύ, ἥλιέ μου, αὐθέντη μου, ἐσέβης εἰς τὴν γῆν ἀποκάτου νὰ βασιλεύης· οἴμοι γῆς πικρή, ὄρη τε καὶ βουνοὶ καὶ σπήλαια καὶ κάμποι καὶ λαγκάδια, κόσμε, ἄρχοντες καὶ ἀρχοντόπουλα· τὴν σήμερον ἡμέραν κλαύσατέ με τὴν ἄθλιαν τὴν ξενούτζικην, νὰ μαζωθοῦν εἰς τὴν καρδίαν μου· ὥσπερ τὰ βουνὰ γέμουν ἀψιθία, οὕτως ἐγέμωσεν καὶ τὸ σκάφος μου πικρία ἀόρατη διὰ τὸν χρυσόν μου τὸν σταυραετόν μου τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους της, ἐπαρακάλεσεν καὶ εἶπεν τους, καὶ ἐξέβησαν καὶ ἄφηκάν την μοναχὴν κοντὰ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐκολάκευέ τον καὶ ἐσυντύχαινέ τον, ὡσὰν να ἦτον ζωντανός· Ἀλέξανδρε βασιλέα τῶν Μακεδόνων, ἥλιε! κάλλιον τὸ ἔχω τὴν σήμερον ἡμέραν μετὰ σένα νὰ ἀποθάνω, περὶ νὰ γενῶ γυνὴ ἀλλουνοῦ ἀνδρός· ἀμὴ οὐδὲν ἠμπορῶ ἀπὸ τὴν ἀγάπην σου νὰ χωριστῶ, αὐθέντη μου. τοιούτους λόγους εἶπεν, καὶ ἔσυρε τὸ παραμάχαιρον τοῦ Ἀλεξάνδρου, καὶ ἀκούμπησέ το εἰς τὴν καρδίαν της καὶ ἐσφάγην. καὶ ἐξέψυξεν αὐτὴν τὴν ὥρα ἀπάνου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὅταν ἐσέβηκαν, ηὗραν τὴν βασίλισσαν ἀποθαμμένη· ὁ Πτολομαῖος καὶ ὁ Φιλόνης ὥρισαν καὶ ἐποίησαν σεντούκια χρυσά, καὶ ἔβαλαν τὰ λείψανά τους· ἐκεῖ τοὺς ἐκήδευσαν, ὅπου εἶναι ἕως τὴν σήμερον ἡμέραν· οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ μεγιστάνοι ὑπῆγεν ὁ καθὲ εἰς εἰς τὸν τόπον του. ἡ Ἀλεξανδρία ἀπέμεινεν εἰς τοῦ Πτολομαίου τὴν αὐθεντία· (ἐσμίχθην) καὶ ἀφοῦ ἀπόθανεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐμοιράστηκαν τὰ βασίλεια τῆς γῆς ὅλης. ἐχωρήστηκαν εἰς σε ῡ˙ βασίλεια εἰς ὅλην τὴν γῆν. Τέλος· ὁ βίος τοῦ Ἀλεξάνδρου.

ЗАМѢТКИ КЪ ТЕКСТУ.

По соглашенію съ проф. Дестунисомъ, которому принадлежитъ главная роль въ установленіи напечатаннаго выше текста, написаніе подлинника было сохранено по возможности. Нормировано было, согласно съ принятымъ правописаніемъ, обычное въ позднихъ греческихъ рукописяхъ, смѣшеніе ε и αι; ει, οι, υ, η и ι, но и для послѣдней серіи сохранена двойственность подлинника, пишущаго въ сослагательномъ наклоненіи и въ будущемъ сложномъ то η, то ει; Κυρίσου возстановлено изъ Κηρίσου по указанію славянскаго Коуроус; λιζάτο, вм. ληζάτο, согласно съ среднелат. ligius. — Подписной йоты совсѣмъ не ставили, потому что ея нѣтъ и въ текстѣ, ни въ сослагательномъ наклоненіи, ни въ дательномъ падежѣ. — Придыханія удержаны обычныя; только въ ἰστία и ἄρματα употребили легкое придыханіе, въ первомъ случаѣ вмѣстѣ съ рукописью, противъ древнегреч. ἑστία (въ каппадокійскихъ народныхъ говорахъ: νησιά, νεσιά и ἠσιά), во второмъ, противъ рукописи и принятаго правописанія, согласно съ лат. arma. — Относительно удареній мы дозволили себѣ слѣдующія измѣненія: ставя удареніе тяжелое 1) въ χρυσὰ вм. χρυσᾶ, потому что въ ркп. употребительна форма χρυσός, а не χρυσοῦς; 2) въ род. пад. Φαραὼ, на основаніи перевода LXX; Φαραοὺ по аналогіи съ Φαραώ. Напротивъ: Σολωμοῦ, ибо это предполагаетъ имен. пад. Σολωμός; 3) въ βουλαὶς и т. п., въ томъ предположеніи, что эта форма произошла не отъ древняго дательнаго, а отъ именительнаго βουλαί. — Исправляя текстъ по требованію смысла, чтеніе рукописи ставили обыкновенно подъ строкой, за

немногими исключеніями, гдѣ измѣненія касались раздѣленія словъ, писанныхъ слитно,-напр. стр. 48, 3 строка снизу: ἂν ἔφερνεν (ркп. ἀνέφερνεν); 49, 6 строка сверху: ἂν ἔρχεται вм. ἀνέρχεται.— Форма ἐγκοσμισμένος, послѣдовательно проведенная черезъ всю рукопись, оставлена безъ измѣненія: она составлена по аналогіи къ στολίζω, либо предполагаетъ форму κοσμίζω. — Имена собственныя писали, какъ принято, кромѣ тѣхъ, которыя въ текстѣ имѣютъ новую форму; вмѣсто Δάριος, какъ всюду въ подлинникѣ, рѣшились писать Δάρειος, не держась правильнаго ударенія, но всетаки измѣнивъ ι въ ει. Если написаніе одного и того-же имени измѣнялось въ текстѣ, то удерживали эти измѣненія и въ печати (напр. Ἠκιανόν и Οἰκιανὸν ποταμόν).

[ ] означаютъ: включить; ( ): выключить.

Ссылки на народную греческую книгу объ Александрѣ сдѣланы по венеціанскому изданію 1852 года (см. введеніе).

Замѣчу въ заключеніи, что, какъ оказывается изъ переписки Добровскаго, недавно изданной проф. Ягичемъ, нашъ вѣнскій списокъ уже въ 1826 году обратилъ на себя вниманіе Копитара. Въ письмѣ № 189 Добровскій сообщилъ ему начало сербской Александріи (по Рудницкому списку), замѣчая по этому поводу, что уже Павелъ Іовій говорилъ о славянской Александріи со словъ русскихъ пословъ въ Римѣ. «Der Anfang ihrer Alexandreïs ist seltsam», отвѣчаетъ Копитаръ (№ 190). «Ist es auch wirklich der Anfang des Werks, oder nur jetzt das erste Blatt, initio mutilum?... Auch wir (т. е. Импер. Вѣнская библіотека) haben einen Alexander im MS., der aber von *Tarkanios* (Tarquinius) aufängt, *Graecobarbare*. Wollen sie oder Hanka ihn drucken lassen?». Сл. начало нашего текста: Ἐπὶ ἔτους ε ἐβασίλευσεν εἰς τὴν παλαιὰν Ῥώμην ὁ Ταρκιανὸς ὁ βασιλεύς (слав. царствоующтоу великаго Рима *Таркинию* царю).

ПОВѢСТЬ О ТАВРѢ И МЕНІИ

ВЪ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ И ПЕЧАТНЫХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИНЕЯХЪ.

I.

ЭПИЗОДЪ О ТАВРѢ И МЕНІИ

въ древнеславянскомъ житіи св. Панкратія по списку XIII—XIV в.

(л. 109 об.). Чедо, принеси ми житиѥ Таурово, ѥже почита намь многащии, ѥже имать ѡ Ремал'дѣ и Мении и ѡ [А]кулинѣ при Калавриисцѣмь и како градь бысть и како Тауръ и Мениꙗ сѣмо придоста и како дрьжаахоу прѣдѣль ихь, и повѣдѣ ти, чедо, ѡть почтениꙗ кыимь ѡбразомь ратьнікь зачело приѥмь хощеть приіти сѣмо вьноукь Акулиновь, вьзискати, рече, хоте прьвыѥ рати ѡтьмыщениꙗ. Скоро оубо пославь Вонифантии принесе кныгы и вьш'дьше вь молитвьникь блаженыи Панькратии и Вонифантии и азь с'ныма, повелѣше же ми почисти кныгы. Ставь оубо азь почтохь различ'ныиѥ рати и браны многы, словеса оубо кощоун'на [1]), рати же бесчисльныѥ. Глагола оубо ми блаженыи Панькратии: ѡ Таурѣ и ѡ Акулинѣ и ѡ велицѣи рати ихь почьти. Тогда придохь вь ѡглавлениѥ Тарменьское Акулина и Ремал'да, каꙗ мѣста прѣдрьжаахоу кьждо ихь и кыѥ браны дроугь на дроуга сьставлꙗхоу.

Ремал'дь и Акулинь бѣше ин'дикта вь на(л. 110 л.)чело лѣтноѥ тако прѣдрьжеща: ѡть примориꙗ исьходи тоу Ригиломь мѣстомь

---

[1]) Ркп. коущьн'на.

кроущдось тако нарицакмоу и Пелоура горѣ въсходеща из града Ветьхааго и Трафичьскык и Турьскык воды Юптаделфа Кара вышнѣише и доже и до того приморию Сал(л)иньскыихъ: вса таа прѣдрьжаше иже нѣколі Ремал'дь; бѣаше же родомь страны ксантовы высокыхъ зѣло и сил'нык. Акулинь же бѣ иже зѣло множьство мѣсть ии людиі дрьже и грады тврьды шть приморию же до Прициньскыхъ и шть Тырьска града [до] потока Когхоула. Ремал'дь же хоудь бѣ противоу Акулиноу ıако же и дани кмоу дааше; Акулинь же не прикмле дани Ремал'довы хотѣаше мѣста кмоу въсхытити и богатьство и моуже кго сь Менинкю великою и свѣтлою и моудрою. Бѣаше же и таа Македоныни гор'нааго промысла помагати себѣ просещи. Честѣише же браны творıахоу к себѣ въпльченик. Бѣаше же оубо и Таурово начело сице. Тауръ сь иже великь вь пльтнѣи силѣ бѣаше же Хананѣцсь иже и вь тѣхь прѣдѣлѣхь Хамовѣхь родисе, вьноукь Невродовь (л. 110 об.): шного Неврода рекоу, иже вь Родѣхь се пріноситъ, кгоже повѣсти пишоущихь повѣстише томоу быти .г҃.-томоу родоу Тауровоу. Идоше оубо нѣколи кдиного поплѣнити Сурию и шбьсѣдоше кдинь ть градь и шт'еше и плѣнише и и приведоше и все люді [вь] Сирию; сии оубо Тауръ вь плѣнныцѣхь бѣ сь матерню своекю .еі҃. лѣть. Тьгда оубо изиде плѣнь раздѣлити се подльгь кнезе, приде и Тауръ на срѣдоу; кдинодавць же равнаніа, видѣвь штроче сь материю кго, поимь штаи шт'да и своимь рабомь себѣ. Оувѣдѣв же арьхирь кнезь ıако штроче равнаки пок, бе-сласти имѣахоу, ıакоже вѣри не схран'ше. Бѣаше же гребьцемь старѣи вь Сурии шть великааго града Римьскааго творе свок шроудик. Глагола оубо старѣишина греб'чьска нѣкомоу шть кнезь дати цѣноу на Таурѣ и покти и к себѣ сь материю кго; и створивь старѣишина греб'чьскь свое на потрѣбоу коупль, изиде ис-Сирик, хоте прити вь Роумы; ıакоже дьх'ноу липсь, не можаше италъскыими пазоухами миноути и сниде вь Ригии, да стенопомь фараань прѣпловеть: двою бо поучиною (л. 111 л.) стѣш'ненік на томь мѣстѣ иже нарекоше землемѣр'ци стенопь; кгда бо вьздвигнеть моуть свои, кто сьтрьпить моуты

кго? Приставь оубо корабльникь на знаменитѣ мѣстѣ оузрѣн бы[сть] и ѡть тѣхь иже ѡ Ремал҆дѣ, и видѣвше ложе корабльноκ чюдишесе и поустив҆ше скоротечьца, кь Ремал҆доу приде. И приближивсе кь кораблю глаголаше: Радоуисе сьлоучею корабльныи, добро ти брѣме! Кораблыникь сь гребци: Радоуисе мѣстьныи кнеже, добрѣ иже ѡ тебѣ строкτсе, промисль божьскыи схрани те! Мѣстьны же кнезь Ремал҆дь к нимь: И что брѣме корабльноκ?— Ѥже аще хощеши все добро имамь.—Таурь оубо бѣаше вь корабли ходе. Ѩко же оузрѣ Ремал҆дь ѡтрока на помѣстѣ корабль(н)нѣмь, глагола кь кораблыникоу: Кто ксть ѡтрокь сь? Сь же рабь [1]) твои коупихь и.—Ремал҆дь же даа .ѯ҃. златикь, оугостив же гребце выномь и брашны, ѡт҆поусти к ѡт҆плоути кгда боуде строино плоутиκ многовльннааго стонопа: бѣаше бо пронириве с҆вещаваκсе. Бывшю же строиноу плути[ю] ѡт҆плоуше. Ремал҆дь же поκмь Таура с материю кго веде и вь ѡбласти Салиньскы [2]) (л. 111 об.) вь свои домь. Менија оубо ѩко оузрѣ ѡтрока ѡстромь оумомь, рече кь Ремал҆доу: Вѣсть горныи промисль ѩко добрь ѡтрокь господинь мои коупии. Бѣаше же Менија .і҃і. лѣть, зѣло же с҆мысломь дивна и моудра; ѩко оузрѣ матерь Тауровоу вьзревновавши ки, да не Ремал҆дь похоти нѣкоκ створи сь нею, оуськоривши дасть ки ѡтравоу и оумори ю. Видѣвь оубо Таурь смр҆ть матере своκк, ѡть кроучины выпаде вь кзоу, ѩкоже глаголати всѣмь ѩко ѡтрокь Хананѣинь оумираκть. И Ремал҆дь ѡпечалисе. Менија оубо вьз҆мьши ѡдрь и постелю мекькоу вьзнесе Таура на вышныцю нѣкотороую, имоущи ѡтроковици двѣ сь собою, и приκмьши главоу ѡтрокоу вь лонѣ глаголаше: Не толма ѡтроче пцисе, аще и мати ти оумрѣ, азь вь матере ти мѣсто боудоу: и азь юна и тыи ѡтрокь, и Ремал҆дь [прѣди] оуходи нась. Тако глаголавши Менија кь ѡтрокоу, вьзесе матерьнѩ паметь и-ср҆дца кго и прил҆пе Мении и вьспроси ѩсти и пити. Менија же ѡбѣдь оухыщрень зѣль добрь младомь козлищемь створи и пода кмоу, и вьзьмь ѩсть, и вьзможе и вьста

[1]) Ркп. рьбь.
[2]) Ркп. Салимьскы.

ѡть бо(л. 112 л.)лѣзни своќ. Ремал'дь оубо, видѣвь ѡтрока ѡбразы моужьскы ѡдѣна, ѡтьда и вь коньникы оучитисќ прѣтварꙗти седла конемь; и вь пети лѣтѣхь дроугыихь бысть Тауръ моужь высокь зѣло врьстою, зѣло же и нравы и дѣла творе вь ратнѣмь стрѣлꙗнии и пращьнѣмь метании, ꙗкоже глаголати Ремал'доу покои ѡбрѣтьшоу си ѡтрока сего паче ѡтрокь своихь всѣхь. Акулинь же, оувѣдѣвь моужьство ќго на ратехь, въпрашаше навыкнути хоте нѣ ѡть кыхь, ѡстрооумныи ѡт'коудоу ѡтрокь иже прѣдь Ремал'домь ходиі, акы щоудовинь лоукь ѡт'тезаќ. Сии же рекоше: ѡть Суриќ коупи и. Сии оубо Тауръ всѣмі чюдымь бѣаше многыќ ради крѣпости ќго; лоука бо ќго ѡт'тезаќи не ѡбрѣташесе, или носивь на рамоу тако роукама въздвигноути і. Не тьчию крѣпость имѣаше, нь и ʒѣло моудрь и побѣдникь бѣаше; многащии же сьбраасе множьство людиі на пири богь своихь и николи же равьна Тауроу при крѣпости или вь прічахь кощоунныхь не ѡбрѣщаахоу. Ꙗкоже ќдиною снитисе множьствоу (л. 112 об.) воловь на водѣ Сал[ин]ьстѣи, бѣахоу вь нихь юньци .ї. лѣть и двою зѣло боуи, к нимьже николи же приближитисе чловѣкь не вьзможе. Вьставь оубо прѣдь всѣми Тауръ ќ большааго и боуꙗишаго и акы агньца тако поврьже и, ꙗкоже быти и ѡть того имене Тауръ, ꙗкоже не бѣаше ѡбрѣсти дроугааго вь дьни тиі. То оубо послоутиќ моужьства Таурова. Николи же моутѣ се примѣси ни вьспроси ложа женьскааго; крѣпости бо своќ моудрыи ѡклеветаниќ похоть блоудноую вь писани ѡбрѣташе быти. Вь дьни же ѡны приде Акулинь, поплѣни [и]же ѡ Ремал'дѣ, и бѣаше великь страхь вь ныхь. И вьзьмьши моудраꙗ Мениꙗ своќ имѣніќ бѣжа вь мѣсто скровноќ, моужии иже ѡ Ремал'дѣ сь нимь изидоше на срѣщоу Акулиноу; бѣаше же и Тауръ сь Ремал'домь. Ќгда оубо сьвькоупишесе, ѡбратився Тауръ ѡть Ремал'да избавити и хоте рат'ника, ꙗзвлень бысть Ремал'дь и паде. Ѡбратився оубо Тауръ оузрѣ своќго господина ꙗзвена и поврьжена на земли и попрана, и прѣклонився вьзе прьстень ѡть роукы ќго и вьсѣдь на скорѣи конь бѣжа. И присташе (л. 113 л.) ќмь нѣции, и ѡбратився ꙗзвии ѡть нихь ко-

пикмь своимь до .ї., и оубоꙗвьшесе бѣжаше ѡть лица кго. Приде оубо Тауръ идѣже бѣ Мениꙗ криющисе и повѣда ки ꙗко Ремал'дь моужь, господинь мои, на рати паде; слышавши же Мениꙗ, ꙗко Ремал'дь моужь ке оумрѣ, раздра ризы свок ѡть горы до низоу и вьсіпа прьсть на главоу свою. Тауръ оубо кь госпожи своки: ѡ госпоже моꙗ моудраꙗ, почто тако болѣзнь те напльнї? Не твоꙗ ли молитва ѡть чисто кроучиньства ме избави и паметь матере моке сь мокго ср'дца стрѣби? Не ти ли ми рече: Азь юна ксмь, а тыи ѡтрокь? Сии же поменоувши глаголанок кь Тауроу прѣста ѡть ѡбдрьжимиихь болѣзнии. Тогда рече кь Тауроу: Тако ксть, ѡ отроче, ꙗко прѣди оушьль бѣаше нась. Тауръ оубо кь своки госпожи: Изнеси ми сьворитыи поꙗсь господина мокго и мьчь простии и щить кго вьльр'митыи и копик кго магеутьское. Сии же вьскорѣ изнесе то. И рече ки: Целоуи ме, госпожде моꙗ Меник, ꙗко крьви Ремал'дови излѣꙗнѣи на землю д'несь идоу ѡтьмьстити, и иже ѡ Акулинѣ (л. 113 об.) п'сѣ азь скроушоу и пращею. Мениꙗ оубо целовавши Таура рече кмоу: Иди, горьнии промысль помози ти, сь смотреникмь рать сьстави и да тебе не оубикть Акулинь. Тьгда оувѣдѣ Тауръ любьвь женьскоу, ꙗко тьчию кь оустомь приблїжисе. Покмь оубо ѡть остав'шихь моужь рати акы до .ѕ. тысоущь, глагола имь: Идѣмь на Акулина. Моужї же к немоу: Да что творимь? Тауръ же к нимь: Да се боремь. Моужи же к немоу: Да что створить .ѕ. тысоущь моужь противоу ѡсмидесеть тысоущь? Тауръ же к нимь: Сего и ѡни помышлꙗють ꙗко мало ксть людиї, паче же ꙗко оумрѣ Ремал'дь и бѣжаше людик, и не боудоуть на нась; и аще [1]) и ѡбрѣщемь к на кдиномь мѣстѣ вьзлегьше и створимь вь нихь кже аще хощемь. Сии же к немоу: Тако да боудеть, Тауре. Кто ни старѣишїна боуди и бран'на лоучꙗи начьть не? Тауръ же к нимь: Вси выи искоусь брани имате, аще хощете азь ви боудоу старѣи и лоучаи бран'н(л. 114 л.)ыи подамь. Моужи оубо к немоу: Ты, ѡ Тауре, аще и ѡ крѣпости тои прїлежишь, нь по-

[1]) Ркп. кще.

неже ѡтрокь ксы, искоуса рати и лоучаꙗ невѣдыи даті. Тауръ оубо к нимь: Искоусите ме и азь пооустьнь боудоу на брань, и ꙗко же раставлю, тако створите, а кже ѡбрѣщоу побѣдоу приносе. Тьгда изидоше моужи и придоше ꙗко на пьприщи кдиномь ѡть Акулина. И глагола моужемь: Разлоучите се трии тысоуще ѡ десно и триі тысоуще ѡ лѣво, и ѡвы подгорик дрьжите, ѡвы приморик; идоу же и смотроу, что творетъ Акулинови моужи с нимь. И абик Тауръ иде кдинь, и пришьдь близь кь мѣстоу оузрѣ источ'ныкь, и бѣахоу на немь. ѕ. моужь хранеще вьхьдь ратьныи. Таи нападе на не Тауръ, истрьгь мьчь свои оусѣкноу трьк, и дроугык триі приведе вь .ѕ. тысоущь моужь. Аще бо се не бы было, то не быше се повиноули Таyроу и воквали на Акулина. Тьгда трьк моужи всоу силу Акулиновоу повѣда[ше] (л. 114 об.) тѣм же ѡ Таурѣ, ꙗко мнозѣмь се виномь оупили соуть и инѣхь стражи не имоуть. Дрьзость же прикмьше оубо, вьпрегше колеснице свок, моуже оубо оусѣкноуше ꙗже бѣ Тауръ оуловиль. Ш'дь же оубо Тауръ кдинь срѣдныимь поутемь и моужи разлоучишесе на десно и на лѣво; ꙗко придоше на не, испоустии гласъ Тауръ, абик тьма бысть иже ѡ Акулинѣ. Бѣаше же гласъ Тауровъ акы львовь гласъ. Тьгда .ѕ. тысоущь моужь оубыше .н҃. тысоущь. Акулиноу не лоучисе пасти, нь з гонезьшими вьниде вь Мелонь градь. Тьгда моужи иже ѡ Таурѣ ѡбратишесе ѡть ратнааго сьвькоупленіꙗ, хвалеще Таоура, ꙗко же достоина власты имыи, и придоше радующесе кь Мении и глаголахоу: Госпож[д]е наша и моудра Меник, мыи вси рабы ксмы Таyроу кнезоу нашемоу иже намь дасть день великь ратьнии, ꙗко николиже наша ѡбласть имѣ. Дамь мыи вси любочьстиꙗ кго, вьсхощи же, госпож[д]е, сьвькоупитисе с нимь, да боудетъ с тобою Тауръ и тыи с нымь. И покм'ше Менію моу(л. 115 л.)жи и все кк кже имѣаше приношено на мѣсто скровно, придоше вь домь ке и вьсадивше ю на ѡдрь і кше Тауръ и сьвькоупише ꙗ. Тьгда оувѣдѣ зѣло любьвь женьскоу и тьчию ѡ Мении довольнь бывь, кь инои жени николи же примѣсисе сласти ради пльтьнык. Да оубо тако кстъ сьвькоупленік

Таура ии Мениѥ, и вь забытькь бысть Ремал'дь Роусьи. Акулинь же мышлꙗше, что створить ѡ Таурѣ; шьдь оубо и сьбравь ѡть всѣхь градь Калавриискыихь до .ѕ. сьть тысоущь приде на ѥдино мѣсто и поꙗсь изьмь вражаныи, и поꙗсь ѡбрѣте Таура ѡдолѣваѥи, и сьблюдаше день ѡбрѣсти ꙗкоже сь Тауромь братисе. Оублюдьше же иже ѡ Таурѣ [силы] Акулиновы и видѣвше множьства .рѕ҃. тысоущь и оужасошесе и рекоше кь Тауроу: Бѣжимь ѡть лица Акулинова, ꙗко не можемь противоу имь ничесоже створити понеже множьство много ѥсть. Таурь же оугодив'си сь с'вѣтомь моужі своихь вьзьмь нощию напльни корабле своѥ и все имѣниѥ своѥ и все моужи своѥ и прѣплоу вьскорѣ. Моудрии же Таурь шьдь противоу людемь Аку(л. 115 об.)линовомь вьзгнѣти множьство ѡгнꙗ велика, и тако вьзм'ше ѡт'идоше и идоуще слѣдь свои криахоу да не вьскорѣ оувѣсть Акулинь камо се дѣ Таурь. Тьгда приде Акулинь идѣже надѣашесе ѡбрѣсти Таура, и не ѡбрѣте. Прѣплоу же Таурь сь всѣмь своимь [воискомь] и гонезь приде идѣже градь сь нашь нынꙗ стоить, и приведь моуже оубо и расмотрявь мѣсто и ѡбрѣть тврьдь ѥго, створише ѡграждениѥ и водоважде и ꙗмы великы и оутвьрьдишесе. Слышавьше се ѡкроуг'нѥѥ ѡбласти помогоше Тауроу и помазаше и вь игемоньство ѥже власть имии. Тьгда все люди изьчьть ѡбрѣте до седьмидесеть тысоущь и вьзьмь имѣниꙗ[1]) дасть имь многа, и принесьше п'шеницю и вино и напльнише градь. Акулинь же приде вь Тауровы домы и не ѡбрѣте ничесоже, надѣаше же се ꙗко вь единои ѡть доубравьныхь горь ѥсть, и проиде вса мѣста Калавриискаꙗ ище Таура мѣсець ѥдинь ѡть приморꙗ Салиньскааго до [Кон]хоульскааго потока и Термона и до горь Туропольскыхь и доже и (л. 16 л.) до малааго и алименеутьскааго морꙗ. И не ѡбрѣть ѥго ѡбратисе троудивь, многы ѡть людии своихь погоубивь. Зѣло прѣмоудраꙗ Мениꙗ Македонины, приведьши вльхва своѥго, рече: Ѡ вльшве мои, како роудныи ѡбразь ѡбрѣщемь?

---

[1]) Ркп. имѣниѥ.

Шьдь же ѡбрѣте все ꙁже тои ꙁдинои показа. Призвавши же горнааго промісла бога створи злата чиста множьсьтво много и сребра до сытости и мѣдь и желѣзо, ѡлова же и коситерꙗ тьчию не ѡбрѣте створити. Тако оубо зѣло ѡбогатився, ꙗкоже и зачело вьльр'ма оуказа [1]) всѣмь. Ꙁгда же все ꙁже ѡ градѣ испльни се потрѣбь, слыша Акулинь ꙗко Тaурь прѣплоувь створи градь твр'дь и ꙁже на потрѣбоу все, и тоуже храбри приѡбрѣте помагати ꙁмоу, и богатство много, поспѣши Акулинь створити рать и варити градь и ꙁже погоубити Таура и ꙁже ѡкр'сть ꙁго храбры ꙗкоже ꙗзвы вьсе, ꙗкоже слыша радь быти на мѣстѣ ꙁго и ꙁти и и моудроую Мению. Вьѡроуживь сьборь ратьныи прѣплоу нощию и приде на поле и покри (л. 116 об.) всоу землю Тауровоу и вьскликноу гласомь крѣпкомь. Ꙗкоже оубо слышаше вьпль клицаниꙗ иже ѡ Таурѣ, раслабѣше и глаголахоу: Что ꙁсть кличь ть? Оувѣ[дѣ]в же Таурь ꙗко Акулинь прѣплоу, призвавь ѡ себѣ моуже рече: Моужаитесе, Акулиновь гласъ ꙁсть и моужь ꙁго. Слышавше же паче оубоꙗшесе. Таурь оубо к нимь: Азь ꙁдинь вьсклицю на высоцѣ мѣстѣ, вѣсть бо горьны промысль ꙗко не боудемь побѣждени(имь) ѡть ныхь. И выш'дь Таурь на высость, вьзви гласомь акы моужь много ꙁдинь: Здѣ ꙁсмь азь Таурь, здѣ ꙁсмь, и ѡть лица Акулинова не имамь бѣжати. За утра оубо пріде годь вьпльчениꙗ ратьнааго. Моужи оубо Таурови к немоу: Не вьпльчимсе противоу мыи, ѡ Тауре, Акулиноу, понеже множьство много ꙁсть. Хотѣахоу же погоубити Таура и плѣненіꙁ вьскровѣ ꙁго створити и кь Акулиноу прѣдатисе и вьдати моудроую Мению и все богатьство ꙁе, да боудеть ꙁдино цр҃тво Калавриꙁ и Сикилиꙁ. Оувѣдѣвь оубо Таурь сьвѣть моужь, ꙗромь ѡкомь вьзрѣвь на не рече: Ѡ моужи, что сьвѣть вашь? Како створимь брань нашоу на Акулина? Сице глаголавь прѣтвори с'вѣть моужь своихь. Сии же к немоу: Ꙗко сьвѣть твои имать ть? Тьгда глагола к нимь: Вьпрези кьждо вась

---

[1]) Ркп. оукажи.

колеснице своѥ браннык и снимь на поле, и аще моужьства да не покажоу на полоучаи рат'нѣмь, тьгда сьвѣтованиѥ вами да се сконьчакть. И годѣ бысть слово Таурово моужемь, и снидоше на поле и став'ше ѡбои противоу себѣ, поусти Тауръ кь Акулиноу: Ты ли ѥси Акулинь, иже моужьствомь великь, и азь Тауръ малыи и не искоуснѣи вь хоудожьствѣ рат'нѣмь, ѥго же ради и ѡтрокь се мню? Что приде ꙗко погоубити чловѣкь мысль имоуще работати? Да все моѥ твоѥ, и створи мирь и не погоуби града ми ни людии моихь погоуби копиѥмь своимь. Вьсхощи же мною малімь Тауромь тыи, прѣвысокыи Акулинь, моужьство своѥ показати: изидѣвѣ на поле азь же и тыи ѥдина и оубии ме и тако, Акулине, вьзмеши все Мениино добрѣ оухыщреноѥ ѥже на потрѣбоу ѡбрѣть. Акулинь же слышавь то вьзвѣсти Тауроу: Послоушаи, ѡ Тауре ѡтроче Ремал'до(л. 117 об.)вь, оу него же дани вьзимаахь акы силнь. Промысль великыхь богь ꙗкоже многы побѣды подаѥ намь — не кльноу ти се горьнымь промысломь, аки ѥпаидь и скврьнна Мениꙗ — ꙗко аще изидевѣ на поле и прѣможеши ме, Тауре, и вьзми и цр҃тво моѥ и все ѥже ѡ мнѣ. И годѣ бысть слово Акулиноу Таурово и Тауроу Акулиново. Доблии оубо Тауръ положивь все брѣме ѡроужьноѥ и вьзьмь вь пращи своѥи камикь литрь двоюдесетоу .д҃. и вьзврьтѣвь добрѣ намѣривь оудари Акулина вь прьси и скроуши всего. Видѣвше же иже ѡ Акулинѣ ꙗко паде, ѡслабѣше и бѣахоу трепещоуще ѡть лица Таоурова. Вьзоупи оубо Тауръ кь своимь моужемь гласомь крѣпькомь: Сѣцѣте моуже оубоице Акулиновы, днесь бо великааго горьнꙗаго промысла лоучаи ѡбрѣтохомь, ꙗко же все врагы наше гор'ньии промысль вь роукоу нашею слоучи. Низьшьдьше .ҁ. тысоущь Тауровыхь исѣкоше тысоущь .рн҃е., вь море бо вьпадающе коньчаахоу се и вь Ѥтничьскыѥ [1]) горы бѣжаахоу (л. 118 л.) ꙗко моужи Акулинови гоубителе и крьволѣице. Тьгда Тауръ ѡдрьже бысть ѡ всемь, и ѡдѣше и вь ѡкроиницю игемоньскоую [2])

[1]) Ркп. ѥтимичьскыѥ.

[2]) Ркп. игоуменьскоую.

и вь котыгоу упатьскоую и рекоше кмоу гласомь крѣпькомь: Живи Тауре строителю мѣстьныи, живи игѣмоне и моужьствомь упате! И ины хвалы множаише сихь глаголахоу кмоу. Тьгда прѣплоу Таурь и плѣнише моужи кго вьсь домь Акулиновь и грады исказише ꙗже прѣдръжааше. Бысть же кдинодрьжавьць и многь Таурь, ꙗко же по подобию Невродовоу и н'равомь и видомь страшьнь, без мѣры высостию, стьбло велико, моужьска стегда, мыш'цама же бѣжааше акы львь, лькькама же ногама акы срьна брьза. Тьгда имь се вьзгради вь Калаврии Тавриааны Малык и камениꙗ наложи вь корабле Акылиновы, везе к тамо ꙗко же привое (sic) рекохь. Ꙗко же приноситсе вь повѣстьныхь книгахь моудрыхь .і. родь постизакть Таурь Невродова. Лоукь же кго дрьжитьсе вь прѣтории, кгоже нѣци не могоше ѡтегноути николи же, и дрѣво копиинок ꙗко слѣме хлѣвиньнок и акы присѣстьвь тькоущаго. Бѣꙗше же щить кго акы кроугь сежаны .д҃., поꙗсь же кго кто вьзложи на рамо коли? Си бо (л. 118 об.) великыи Таурь бысть храбрь, кмоуже не ста противоу страна или црт҃во страньскок коли, много же богатства вьслѣдова вь градь. Моудрии оубо сьвькоупише двѣ имени, положише, прозваше грады. И вь Салинѣхь вьзгради Таурь по погоубленыи Акылиновѣ каменик кже прѣвезоше вь кораблихь Акилиновѣхь, нарече Тауриꙗнись. Створи же Таурь болꙗромь своимь домы красны и бане и воды приводьнык и створи прѣстоль ѡть злата чиста и камениꙗ. Все же ѡбласти приидоше и вдаꙗхоусе сами Таўроу и повиноваxоусе кмоу вси. Коньчасе ѡ Таурѣ слово до сихь имы оуставь [1]).

---

[1]) За пересмотръ текста приношу мою благодарность И. В. Ягичу.

II.

ЭПИЗОДЪ О ТАВРѢ И МЕНИИ ВЪ ПЕЧАТНЫХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИНЕЯХЪ

Панкратій провидитъ «ὅτι ὁ βασιλεὺς Ἀκυλῖνος ἐπῆρεν ἑξακοσίας χιλιάδας φουσάτο, νὰ πολεμήσῃ τὴν Ταυρομενίαν». **Объявивъ о томъ и успокоивъ всѣхъ обѣщаніемъ Божьей помощи, онъ проситъ Вонифатія** «νὰ φέρῃ ἐκεῖ ἕνα βιβλίον ὅπου ἦσαν γραμμέναις ἡ ἀνδραγαθίαις τοῦ Ταύρου. ὅστις ἔκαμε πολλοὺς πολέμους μὲ τὸν Ἀκυλῖνον τὸν βασιλέα Καλαβρίας, ὁποῦ ἔπασχε νὰ φονεύσῃ τὸν κύριον τοῦ Ταύρου ὀνόματι Ῥέβινθον, νὰ τοῦ πάρῃ τοὺς τόπους του ἄδικα. Ὁ ὁποῖος Ῥέβινθος εἶχε γυναῖκα σοφωτάτην καὶ εὔμορφον Μενίαν ὀνόματι. Καὶ φονεύωντας ὁ Ἀκυλῖνος τὸν Ῥέβινθον, ὥρμησεν ὁ Ταῦρος ὡς ἀνδρειωμένος ὁποῦ ἦτον μὲ ἕξῃ χιλιάδας λαὸν, καὶ ἐφόνευσεν ἀπὸ τὸ φουσάτον τοῦ Ἀκυλίνου χιλιάδας πεντήκοντα· καὶ διὰ τὴν ἀνδραγαθίαν του ταύτην τὸν ἐπῆρεν ἄνδρα ἡ Μενία. Ἥτις ἐπῆρεν ὅλον της τὸν πλοῦτον, καὶ ἔφυγαν ἀπὸ τὴν πόλιν τους καὶ ἔκτισαν ἄλλην, τὴν ὁποίαν ὠνόμασαν Ταυρομενίαν, εἰς τὴν ὁποίαν ἦτον Ἀρχιερεὺς ὁ Παγκράτιος καὶ Ἡγεμὼν ὁ Βονιφάτιος. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος ἐσύναξε πάλιν ἄλλον λαὸν εἰς τὴν Καλαβρίαν ἀμέτρητον, καὶ ἦλθεν εἰς τὴν Σικελίαν, ὅπου ἦτον ἡ Μενία μὲ τὸν Ταῦρον, τὸν ὁποῖον ἐβούλετο νὰ φονεύσῃ νὰ πάρῃ τὴν Μενίαν μὲ τὸν πλοῦτόν

της. Ὁ δὲ Ταῦρος ἐμονομάχησε μὲ τὸν Ἀχυλῖνον καὶ φονεύσας αὐτόν, ἔμεινε νικητής, καὶ ἐξουσίασε τὴν Καλαβρίαν καὶ Σικελίαν, κατοικῶν εἰς τὴν ἐπώνυμον αὐτοῦ πόλιν, ἤγουν τὴν Ταυρομενίαν.— Τοῦτο τὸ βιβλίον ἀναγνώσας ὁ Ἅγιος, εἶπε πρὸς τὸν Βονιφάτιον· Βλέπεις, τέκνον, τοῦτον τὸν παλαιὸν πόλεμον θέλει νὰ ἐκδικήσῃ οὗτος ὁ νέος Ἀχυλῖνος.

Stanford University Libraries
3 6105 010 107 477
STANFORD UNIVERSITY LIBI
CECIL H. GREEN LIBRAI
STANFORD, CALIFORNIA 943
(415) 723-1493
All books may be recalled afte
DATE DUE
F/S JUN 30 1996
AUG 08 1995

